

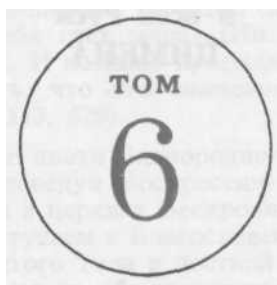
**НАСТОЛЬНАЯ КНИГА
СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ**

ТОМ 6

**ТЕМАТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ
ДЛЯ ПРОПОВЕДИ**

Евхаристия — Молитва

НАСТОЛЬНАЯ КНИГА СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ

По благословению
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси
ПИМЕНА

ЕВХАРИСТИЯ*

В Таинстве Евхаристии хлеб и вино предлагаются в истинные Тело и Кровь Христа

На Божественной Трапезе мы не должны просто видеть предложенный хлеб и чашу, но, возвышаясь умом, должны верою разумеать, что на Священной Трапезе лежит «Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Ин. 1, 29), приносимый в Жертву священниками. И истинно приемля честное Тело и Кровь Его, должны веровать, что это знамения нашего Воскресения (**І Вселенский Собор**) (113, 520).

Возвещая смерть по плоти Единородного Сына Божия, то есть Иисуса Христа, и исповедуя Воскресение Его и Вознесение на небеса, мы совершаем в церквах Бескровное Жертвоприношение. И таким образом приступаем к Благословенным Тайнам и освящаемся, причащаясь Святого Тела и честной Крови Спасителя всех нас, Христа, и принимая не обыкновенную плоть и не как плоть человека, освященного и соединившегося со Словом по единству достоинства, но как воистину Животворящее и собственное Тело Самого Слова. Ибо Он (Иисус Христос), как Бог, будучи Жизнью по естеству, когда стал едино с собственной Плотью, сделал ее Животворящей. И потому, хотя Он говорит нам: «истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его» (Ин. 6, 53), однако мы должны почитать ее не за плоть человека, во всем подобного нам (каким образом плоть человека по природе своей могла быть животворящей?), но воистину за собственную Плоть Того, Который ради нас сделался и назван Сыном Человеческим. **ІІІ Вселенский Собор** (113, 520).

Никто из вестников Духа, то есть святых апостолов и достославных отцов наших, Бескровную Жертву, совершающуюся в воспоминание страданий Бога нашего и всего Домостроительства Его, не называл «образом» Тела Его, ибо не так слышали они от Господа. Они слышали Его, благовествующего: «если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни (Ин. 6, 53)... Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин. 6, 53; 56); и еще: «приимите, ядите: сие есть Тело Мое» (Мф. 26, 26), но Он не сказал: «приимите, ядите образ Тела Моего» Итак, ясно, что ни Господь, ни апостолы, ни отцы никогда не называли

* См. также т. 1, с. 420—433; т. 2, 689—690; т. 4, с. 287—290 настоящего издания.

Бескровную Жертву, приносимую священниками, «образом», но самим Телом и самою Кровию. И хотя **прежде** чем совершится освящение, некоторым из святых отцов **казалось** благочестивым называть хлеб и вино «вместообразными», ибо по освящении они становятся Телом и Кровию Христа, и так мы веруем. Деяния VII Вселенского Собора (113, 521).

Мы приемлем Евхаристию не как простой хлеб и не как простое питье, но каким образом Иисус **Христос** — Спаситель наш, воплотившись Словом Божиим, имел **для** спасения **нашего** Плоть и Кровь, таким же образом и Пища эта, над которой произнесено благодарение молитвой Слова Его, по преложении питающая нашу кровь и плоть, есть **Плоть** и Кровь Того же воплотившегося Иисуса Христа. **Священномученик** Иустин Философ (113, 521).

Как земной хлеб, через призывание на него Бога, уже не есть обыкновенный хлеб, но Евхаристия, состоящая из земного и небесного, так и тела наши, приобщаясь Евхаристии, уже не тленны, но имеют надежду **Воскресения**. Святитель Ириней Лионский (113, 521).

Хлеб и Вино Евхаристии, прежде святого призывания поклоняемой Троицы, были простым хлебом и **вином**. По совершении же призывания хлеб становится Телом **Христовым**, а **вино** — **Кровию** Его. Святитель Кирилл Иерусалимский (113, 521).

Помни, что хлеб, который мы вкушаем в Таинстве, не есть образ Тела Господня, но есть самая **Плоть** Господа... Ибо хлеб таинственными словами, через таинственное благословение и наитие Святого Духа претворяется в **Плоть** Господа... Хлеб не есть образ Тела Господня, но прелгается в самое Тело Христово. Блаженный Феофилакт (113, 521).

Хлеб и вино — **не** образы Тела и **Крови** Христовой, но самое Обоженное Тело Господа, ибо Сам Господь сказал: «сие есть Тело Мое» (Мф. 26, 26), а не образ Тела; «сие есть Кровь Моя» (Мф. 26, 28), а не образ Крови... Если же некоторые и называли хлеб и вино «вместообразными» Тела и Крови Господней, как, например, богоносный Василий в литургии, то называли так **это** приношение не по освящении, но до **освящения**. Преподобный Иоанн Дамаскин (113, 522).

В Святых Тайнах Христос присутствует всецело

Веруем, что в каждой части до малейшей частицы преложеного хлеба и вина находится не какая-либо отдельная часть Тела и Крови Господней, но Тело Христово, всегда целое и во всех частях единое, и Господь Христос присутствует по Существо Своему, то есть с Душой и Божеством, как совершенный Бог и совершенный человек. Потому хотя в одно и то же время бывает много священнодействий во вселенной, но не много Тел Христовых, а один и тот же Христос присутствует истинно и действительно, одно Тело Его и одна Кровь во всех отдельных церквах

верных. И это не потому, что Тело Господа, находящееся на Небесах, нисходит на жертвенники, но потому, что хлеб предложения, приготовляемый порознь во всех церквах и по освящении претворяемый и прелагаемый, делается одним и тем же с Телом, сущим на Небесах. Ибо всегда у Господа одно Тело, а не многие во многих местах. Потому-то Таинство это, по общему мнению, есть самое чудесное, постигаемое одной верой, а не умствованиями человеческой мудрости, суетность и безумие изысканий которой о Божественном отвергает эта Святая и свыше определенная за нас Жертва. **Послание восточных патриархов (113, 523).**

Раздробляется и разделяется Агнец Божий, раздробляемый и неразделяемый, всегда ядомый и никогда же иждиваемый, но причащающихся освящай. Из Служебника (113, 526).

Солнце всецело отражается в каждой смиренной, но чистой капле росы, так и **Христос** — в каждой христианской Православной Церкви всецело присутствует и предлагается на Священной Трапезе. Он сообщает Свет и Жизнь Своим причастникам, которые, приобщившись Божественному Свету и Жизни, сами делаются светом и жизнью. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (108, 360).**

«Невозможное человекам возможно Богу»

(Лк. 18, 27)

Когда Сам Христос сказал о хлебе: «сие есть Тело Мое» (Мф. 26, 26), после этого кто уже осмелится не верить? И когда Сам уверил и сказал о чаше: «сие есть Кровь Моя» (Мф. 26, 28), кто тогда усомнится и скажет, что это не Кровь Его? Он в Кане Галилейской некогда претворил воду в вино (Ин. 2, 1—10), сходное с кровью, и не достоин ли веры, когда вино претворяет в Кровь? Если, званный на брак, Он совершил это славное чудо, не тем более ли, даровав сынам чертога брачного (Мф. 9, 15) Свое Тело и Кровь Свою во спасение, Он требует нашей веры? Поэтому с полной уверенностью примем это как Тело и Кровь Христову. Ибо в образе хлеба дается тебе Тело, а в образе вина дается тебе Кровь, чтобы, приобщившись Тела и Крови Христа, ты сделался Ему сотелесным и единокровным. Таким образом мы и становимся христоносцами, когда Тело и Кровь Его соединятся с нашим телом и кровью. Так, по словам блаженного Петра, мы становимся «причастниками Божеского естества» (2 Пет. 1, 4)... Итак, хлеб и вино (в Евхаристии) не считай простыми, ибо они есть Тело и Кровь Христовы, по изречению Владыки. **Святитель Кирилл Иерусалимский (113, 521).**

Благой и Всеблагой, и Преблагой Бог, Который **весь** — Благость, по причине преизбыточествующего богатства Своей Благости, не потерпел, чтобы одиноко существовало Благо, то есть Его Естество, в котором ничто не принимало бы участия. Но и ради этого, во-первых, сотворил постигаемые только умом Небесные Силы; **потом** — видимый и чувственный мир; **затем** — человека, состоящего из того, что постигается только умом, и из того, что постигается чувствами. Конечно, все, происшедшее от Него, поскольку оно существует, участвует в Его Благости. Ибо Он

Сам для **всего** — Бытие, так как в **Нем** — то, что существует, не только потому, что Он Сам привел это из небытия в бытие, но потому, что Сила Его охраняет и содержит то, что от Него произошло, а особенно живые существа. Ибо они имеют общение в Благе и поскольку они существуют, и поскольку участвуют в жизни. А разумные существа имеют общение в Благе и потому, о чем сказано выше, и потому, что наделены разумом. И эти существа имеют общение в Благе в большей степени, ибо они некоторым образом более родственны Ему, хотя, безусловно, Он несравненно выше всего.

Человек, произойдя разумным и свободным, конечно, получил возможность при содействии собственной воли непрестанно соединяться с Богом, если он пребудет в добре, то есть в повиновении Творцу. Поэтому так как он преступил заповеди Сотворившего его и подпал власти смерти и тления, то Создатель и Творец рода нашего по Своему милосердию уподобился нам, сделавшись человеком во всех отношениях, кроме греха, и соединился с нашим естеством. Ибо так как Он уделил нам Свой собственный образ и Свое собственное дыхание, а мы не сохранили, то Он Сам принимает участие в бедном и немощном естестве нашем, для того чтобы очистить нас и сделать нетленными и опять сделать участниками Его Божества.

Но надлежало, чтобы не только начатки нашего естества оказались в соучастии с лучшим, но чтобы и всякий желающий человек и родился вторым рождением, и был вскормлен новой и соответственной рождению пищей, и таким образом достиг меры совершенства. Поэтому через Свое Рождение или Воплощение, также и Крещение, и страдание, и Воскресение Он освободил естество от греха прародителя, от смерти и **тления**, и сделался Начатком Воскресения, и представил Себя путем и образом, и примером, для того чтобы и мы, пойдя по Его следам, сделались по усыновлению тем, что именно Он есть по естеству: сынами и наследниками Божиими и сонаследниками Его. Итак, Он дал нам, как я говорил, второе рождение, чтобы, подобно тому, как, родившись от Адама, мы уподобились ему, унаследовав проклятие и тление, так и родившись от Него, мы уподобились Ему и унаследовали как нетление, так и благословение и славу Его.

А так как этот **Адам** — духовен, то надлежало, чтобы и рождение было духовно, и пища. Но так как мы некоторым образом двойственны и сложны, то должно, чтобы и рождение было двояким, и **пища** — сложной. Поэтому нам дано рождение через воду и Духа, то есть через святое Крещение, а **пища** — Сам Хлеб Жизни, Господь наш Иисус Христос, «сшедший с небес» (Ин. 6, 48, 51). Ибо, намереваясь принять за нас добровольную смерть, в ту ночь, в которую предавал Себя, Он завещал Своим ученикам и апостолам **Новый Завет** и через **них** — всем, верующим в Него. Поэтому в горнице святого и славного Сиона, со Своими учениками съев ветхую "пасху" и исполнив Ветхий Завет, Он умывает ноги ученикам, показывая знамение Святого Крещения. Потом, преломив хлеб, Он передавал им, говоря: «примите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое» (1 Кор. 11, 24). Подобным же образом, взяв и чашу с вином и водой, Он передал им, говоря: «пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моего Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов»; «сие творите... в Мое воспоминание». «Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете» и исповедуете Воскресение Сына Человеческого, «доколе Он придет» (Мф. 26, 27—28; Лк. 22, 20; Мк. 14, 24; 1 Кор. 11, 25, 26).

Поэтому, если «слово Божие живо и действенно» (Евр. 4, 12), и «Господь творит все, что хочет» (Пс. 134, 6); если Он сказал: «да будет свет. И стал свет... да будет твердь... И стало так» (Быт. 1, 3, 6); если «словом Господа сотворены небеса, и духом уст **Его** — все воинство их» (Пс. 32, 6); если небо и земля, и вода, и огонь, и воздух, и «все воинство их» совершили словом Господним, также, конечно, и это славное живое **существо** — человек. Если Сам Бог Слово, восхотев, сделался человеком и из чистых и беспорочных кровей Святой Приснодевы бессеменно осуществил для Себя Плоть, то неужели Он не может сделать хлеб Своим Телом и вино и **воду** — Своею Кровию? Он сказал в начале: «да

произрастит земля зелень, траву» (Быт. 1, 11), и до сих пор всякий раз после дождя земля производит свои произрастания, побуждаемая и укрепляемая Божественным повелением. Бог сказал: «сие есть Тело Мое», и «сие есть Кровь Моя», и «сие творите... в Мое воспоминание» и, вследствие Его всемогущего повеления, это происходит, пока Он не придет, ибо так сказано в Писании: «доколе Он придет», и через призвание является дождь для этого нового **земледелия** — осеняющая сила Святого Духа. Ибо подобно тому, как все, что Бог сотворил, Он сотворил действием Святого Духа, так и теперь действие Духа совершает то, что превышает естество, чего ничто, кроме одной только веры, не может **вместить**. «Как будет это, — говорит Святая **Дева**, — когда Я мужа не знаю?» (Лк. 1, 34). Архангел Гавриил отвечает: «Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя» (Лк. 1, 35). И теперь ты спрашиваешь, каким образом хлеб делается Телом Христовым и вино и **вода** — Кровию Христовой! И я говорю тебе: Дух Святой приходит и делает то, что превосходит разум и мысль.

А хлеб и вино берутся потому, что Бог знает человеческую немощь, ибо в большинстве случаев она с досадой отвращается от того, что непривычно. Поэтому, проявляя Свое обычное снисхождение, Он через то, что близко естеству, совершает то, что выше естества. И подобно тому как в **Крещении** — потому что у людей есть обычай мыться водой и натирать тело **маслом** — Он сочетал с елеем и водой благодать Духа и сделал его (то есть Крещение) «банею пакибытия», так и потому, что люди обычно едят хлеб и пьют воду и вино, Он сочетал с ними Свое Божество и сделал их Своими Телом и Кровию, для того чтобы через то, что обычно и согласно с естеством, мы оказались среди того, что выше естества.

Тело поистине соединилось с Божеством, Тело, родившееся от Святой Девы, не потому, что вознесшееся Тело нисходит с Неба, но потому, что самый хлеб и вино изменяются в Тело и Кровь Бога. Если же ты отыскиваешь тот образ, как им это происходит, то тебе достаточно услышать, что с помощью Святого Духа, подобно тому как при содействии Святого Духа Господь для Себя и в Себе осуществил и Плоть от святой Богородицы; и больше мы ничего не знаем, за исключением того, что слово **Божие** — истинно, и действительно, и всемогуще, а образ (**претворения**) — неисследим. Но можно выразить это иначе: подобно тому как, согласно с законами природы, съеденный хлеб и выпитое вино и вода изменяются в тело и кровь того, кто ест и пьет, и не делаются другим телом по сравнению с прежним его телом, так и хлеб предложения, и вино, и вода, через призвание и пришествие Святого Духа, преестественно изменяются в Тело Христово и Кровь, и не другое, но единое и то же самое.

Поэтому для тех, которые с **верой**, — достойно причащаются, это бывает «во оставление грехов и в Жизнь Вечную», и в сохранение как души, так и тела; для тех же, которые причащаются с неверием, — недостойно, бывает в наказание и кару, подобно тому, как и смерть Господня для верующих сделалась жизнью и нетлением, ведущей к Вечному блаженству, а для неверующих и тех, которые убили Господа, ведущей к наказанию и вечной каре. **Преподобный Иоанн** Дамаскин. Точное изложение православной веры. СПб., 1894. Кн. 4, гл. 13, с 218—223.

О Таинстве Пресвятой Троицы, святейшей Евхаристии и о **прочих** — того, что не открыто в святом **Божием** слове и что открыто, но понять не **можешь**, любопытно не испытывай, чтобы не впасть в сеть **дьявольскую**, не запутаться в ней так, что вырваться из нее не сможешь, и не погибнуть. Ибо что требует одной веры и превосходит наш разум, то испытывать очень опасно. Берегись испытывать то, что выше тебя. Веруй во все так, как верует святая Церковь. Это путь безопасный. **Святитель Тихон Задонский (104, 2075).**

Если кто изъявляет сомнение и неверие в Божественное **Таинство** — **как** хлеб, находящийся на Трапезе, предлагается в Тело, а **вино** — в Кровь Иисуса Христа, Сына Божия, и становится в священном служении истинным Телом и Кровию Его, то всякий православный христианин

должен спросить его так: «Может ли Бог сделать больше человека и выше разума его?». И когда скажет: «Может», скажи ему: «Почему же Он не может дать нам Своей Плоти в пищу?» «Словом Господа сотворены небеса» (Пс. 32, 6), тем же словом Божиим предлагает Он хлеб и вино в Тело и Кровь Свою.

И если удивляешься тому, как тот же Христос — и на Трапезе, и на Небесах, то удивляйся и тому, как одно солнце, которое нас здесь освещает и согревает, в то же время светит и на небе, и на земле, и на востоке, и на западе, и во всех странах мира. Так и Христос — в то же время и на Небе, и на земле — в Пречистых Тайнах, как один Всемогуший и Всесильный; и на Небе истинно по естеству, и на земле властью Божества совершает великие и преславные дела, непостижимо и несказанно, превыше ума человеческого.

И опять, если удивляешься тому, как один Христос во многих частях подается верным равно целый, не меньший в одной части, и не больший в другой, удивляйся же и тому, как один мой голос у меня в устах и в ваших ушах есть один и тот же голос?

И если удивляешься, как Тело не сокрушается в раздроблении Тайн, когда раздробляется Агнец, и как во всякой части есть целый и совершенный Христос, удивляйся и тому, как это бывает, когда разбивается зеркало, отражение во всякой части остается целым, как и в полном зеркале?

Если удивляешься тому, как Христос, часто сменяемый, не умаляется, но цел пребывает вовеки, удивляйся и тому, как, зажигая от одной свечи другие свечи, ты не уменьшаешь этим яркости первой свечи?

И если спросишь о том, как Христос, войдя внутрь нашего естества, не оскверняется и не ограничивается, то и я спрошу: солнце, проходя над нечистыми местами, оскверняется этим или нет? Знаю, что мудрый и верный не осмелится сказать: да! Тем более не оскверняется Христос, Свет всякой чистоты, и не ограничивается Суший, Которого не могли удержать ни ад, ни печати гроба, ни двери при входе к ученикам, затворенные и запечатые.

И если удивляешься, как малая частица Тайн вмещает всего Христа, то удивляйся и тому, как в таком малом зрачке твоём вмещаются и им объёмлются такие великие города? Но, узнав это, ты не стремишься познать непознаваемое Таинство, а с несомненной верой и сердечной любовью воздавай благодарение Страшному и Сильному и Всемогущему Царю и Богу Вседержителю делами и умом — за неисповедимые дары Его.

И в рассуждении о Телесном Господнем — право веруй с Церковью о Страшных Тайнах. Хотя глазами ты видишь хлеб и вино, но крепко, без сомнения веруй тому, что существо их, наитием и действием Святого Духа и властью Всемогущего Слова Божия, предлагается в Тело и Кровь Христовы, так что ничего иного здесь не остается, а только самое истинное Тело и Кровь Господни под видами пшеничного, квасного, свежее испеченного мягкого хлеба и вина, выжатого из виноградных гроздей. Святитель Димитрий Ростовский (113, 526).

Когда Господь предложил учение о Таинстве Тела и Крови, полагая в нем необходимое условие общения с Собою и источник жизни истинной, «многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним» (Ин. 6, 66). Слишком чудесным показалось им такое дело беспредельной к нам милости Божией, и нерасположение к чудесному отторгало их от Господа. Господь видел это, и, однако, готовый быть распятым за спасение всякого, не находил возможным умалить или отменить чудесное. Так оно необходимо в иконах нашего спасения! Хотя, конечно, с сожалением, но оставил Он их идти от Себя во тьму неверия и пагубу, и не им только, но и избранным двенадцати сказал по этому случаю: «не хотите ли и вы отойти» (Ин. 6, 67), изъявляя готовность и их отпустить, если не склонятся перед чудесным. Отсюда выходит,

что избегать чудесного есть то же, что избегать Господа Спасителя, и отвращающийся от **чудесного**—то же, что и погибающий. Да внемлют этому те, которые приходят в ужас при одном напоминании о чудесном! Встретят и они чудо, которому не смогут уже перечить: это смерть и после смерти суд. Но послужит ли это неперечение им во спасение, один Бог знает. **Епископ Феофан Затворник (115, 805—806).**

Прибыв в **Селевкию**, близ Антиохии, мы встретились с епископом города, аввой Феодором. Он рассказал нам о следующем событии, происшедшем при его предшественнике на епископской **кафедре**— блаженном Дионисии. Жил там богатый купец, человек весьма богобоязненный. Он держался ереси Севера*, но у него был слуга, принадлежавший к Святой Кафолической и Апостольской Церкви. По обычаю страны, в Святой Четверг он принял Святые Дары, завернул их в чистое полотно и положил в свой шкаф. После Святой Пасхи купцу понадобилось по торговым делам послать слугу в Константинополь. Тот отправился, но, забыв про Святые Дары, оставил их в своем шкафу, а ключ вручил хозяину. Однажды хозяин, открыв шкаф, нашел полотно с находившимися там Святыми Дарами. Смутившись, он не знал, как поступить. Принять их он не решался, не принадлежа к Кафолической Церкви. Так на этот раз он и оставил их в шкафу, рассудив, что его слуга, возвратившись, примет их. Но прошел снова день Великого Четверга, а слуга еще не возвратился. Тогда хозяин решился предать огню Святые Дары, чтобы они не остались еще на год. Отворив шкаф, он увидел, что все Святые Частицы проросли в стебли и колосья... Страх и трепет объяли его при виде нового и необычайного чуда. Взяв Святые Дары, он, громко повторяя: «Господи, помилуй!», со всем домом поспешил в святой храм к епископу Дионисию. Это великое и страшное, превосходящее всякий ум и **понимание, чудо** видели не двое или трое, или немногие, но все собрание. Все благодарили Бога за неизреченное и непостижимое знамение. Многие, уверовав после чуда, присоединились к святой Кафолической и Апостольской Церкви. Луг духовный (75, 99—100).

Евхаристия в апостольские времена

Субботу перед Воскресением Господа нашего Иисуса Христа последователи Его соблюдали **по-ветхозаветному**—«в субботу остались в покое по заповеди» (Лк. 23, 56). Следующий же за этим первый день недели они считали будничным; только по прошествии субботы и по наступлении следующего дня жены-мироносицы сочли возможным идти ко гробу Иисуса. Но то, что они узнали здесь, сделало этот до тех пор будничный день бесконечно более светлым и радостным, более праздничным, чем предыдущая суббота: им явился Воскресший из мертвых Иисус и сказал: «радуйтесь!» (Мф. 28, 9)... В этот же день мы видим двух учеников, идущих в **Эммаус**—селение, отстоящее от Иерусалима на 60 стадий, то есть на расстояние, много превышающее субботний путь (5 или 6 стадий), и лица их были печальны (Лк. 24, 13—17). Но явившийся им Иисус преложил и их печаль в радость; и для них первый день недели стал праздником, но не ветхозаветной субботой, состоящей в покое, ибо они тотчас же пошли назад в Иерусалим (Лк. 24, 33), а новозаветным воскресением, состоящим в священной радости о Боге. Еще одну замечательную черту празднования этого торжественного первого воскресного дня можно усматривать в сказании евангелиста: когда Иисус возлежал с этими двумя учениками на вечери в Эммаусе, то «взяв хлеб, благословил, преломил и подал им» (Лк. 24, 30). Точно в таких же

* Севир (Север) Антиохийский, VI в.—монофизитский патриарх, один из иерархических родоначальников яковитской монофизитской церкви.

выражениях изображается первое совершение Евхаристии на Тайной вечери (Мф. 26, 26; Мк. 14, 22; подобно и у Лк. 22, 19 и 1 Кор. 11, 24).

Слово «преломление», употребленное в Деяниях (2, 42, 46 и других местах), считается всеми за свидетельство о совершении Таинства Евхаристии. Мы имеем ли основания мы поэтому и в данном месте разуметь совершение Таинства Евхаристии? Если да, то в таком случае и самое первое празднование воскресного дня* имело уже ту существенную черту, которая и теперь считается необходимой принадлежностью всякого празднования, — совершение Таинства Евхаристии. Ученики Иисуса Христа жили пока вместе и собирались на общей вечери; для такой вечери собрались они и в этот день (Мк. 16, 14). В страхе перед иудеями и в смущении возлежали они на вечери, заперев все двери (Ин. 20, 19). Весть, принесенная женщинами, казалась им пустыми словами (Лк. 24, 11), и они не верили ей (Лк. 24, 24). Луч надежды и сомнение, вера и неверие боролись в их сердцах (Лк. 24, 11; Ин. 20, 8). Но вот является вдруг им Иисус и возвещает «мир» их встревоженной душе. Ученики обрадовались, увидев Господа (Ин. 20, 19—20). Тогда-то действительно этот первый день недели сделался истинным праздником для учеников Иисуса, тогда-то положено было начало празднованию воскресного дня, но празднованию не ветхозаветному, а новозаветному, состоящему в священной радости о Боге, а не в мертвом покое, в Жертве Евхаристической, а не в жертве двух овнов и двух десятых частей ефы муки. Это не было перенесением субботы на другой день; это новое празднование явилось пока не в замену субботы, но стало рядом с нею, хотя и гораздо выше ее. (Поэтому совершенно справедливо в Катихизисе на вопрос: «С какого времени празднуется день воскресный?» дается ответ: «С самого времени Воскресения Христова».)

Апостолы получили повеление от Иисуса идти в Галилею. Они могли сделать это тотчас же, ибо путешествие и вообще труд запрещались лишь в первый и седьмой день Пасхи. Но мы видим их остающимися в Иерусалиме. По-видимому, они хотели провести в светлой радости не только первый день недели, но и остальные пасхальные дни, единодушно пребывая вместе, как еще при жизни Спасителя, и сходясь для общей вечери (Мк. 16, 14; Ин. 20, 26). Пасха кончилась в пятницу. В субботу Закон требовал покоя, и ученики, очевидно, соблюдая это требование, не пошли в Галилею. Но что им мешало исполнить повеление Господа в следующий за субботой день? И однако мы видим, что они продолжают оставаться в Иерусалиме, и мы видим их в этот день опять собранными в одном доме и Фому с ними (Ин. 20, 26). Не показывает ли это, что уже тогда этот день недели имел для учеников Иисуса Христа особенное значение, и они хотели провести его вместе, в единодушной молитве, беседе и воспоминании о случившемся в этот день? Явление Иисуса Христа, вновь повторившееся и в этот день, конечно, еще более утвердило их в этом выделении первого дня недели из ряда прочих.

Мы не видим, чтобы Иисус Христос дал прямое наставление праздновать этот день, но Он учил их самими фактами. В этот день Он воскрес и явился ученикам, сделав первое воскресенье днем особенной священной радости общения и беседы с Собою, днем совершения Таинства Евхаристии. Через неделю новым Своим явлением Он опять делает этот день днем радости для всех учеников и днем особенно тесного общения с Собою, когда Фома вложил персты свои в ребра Его (Ин. 20, 27).

Мы не знаем, как проведены были третье и следующие воскресенья в обществе учеников Христовых, но, по аналогии с первыми двумя, мы,

* Из контекста источника выше: В век апостольский христиане из иудеев и христиане из язычников различались между собой тем, что первые строго соблюдали обрядовый закон Моисеев, и субботу в частности, тогда как для вторых этот закон и, следовательно, суббота на соборе апостольском были объявлены необязательными. Среди каких из этих христиан началось празднование воскресного дня?.. Ясных и вполне определенных данных о времени установления празднования воскресного дня нет, но все-таки есть данные, которые могут пролить свет на этот вопрос. — *Примеч. ред.*

кажется, вправе заключить, что и они проводились в радостном воспоминании о совершившемся в этот день событии. Следующий воскресный день, о проведении которого апостолами мы имеем сведения, был день сошествия Святого Духа и вместе с тем еврейский праздник Пятидесятницы. В этот праздник закон запрещает работать, повелевает созывать народ на священное собрание (Лев. 23, 21; Чис. 28, 26) и приносить особенно многочисленных жертвы. Но апостолов в этот день мы видим собравшимися в своей Сионской горнице еще до третьего часа дня (по-нашему — девятого), когда именно и происходило священное собрание. Они, конечно, не перестали исполнять Закон Моисеев, но, по видимому, этот день решили посвятить своим собственным, новозаветным, воспоминаниям о совершившемся в этот день Воскресении Иисуса Христа и размышлению о его последствиях (ср.: Деян. 2, 24—26). И Господь еще раз отличил этот день от прочих дней недели, ниспослав на апостолов и бывших с ними Святого Духа. И на этот раз день стал днем светлого торжества и блаженства, особенно тесного общения с Богом и священной радости, днем сошествия на них Духа Святого, днем проповеди об Иисусе Христе, когда все заговорили на иных языках (Деян. 2, 4), когда Петр своей одухотворенной речью обратил около 3000 душ (Деян. 2, 14—41).

Свидетельства, относящиеся к 57 и 58 годам, говорят о праздновании воскресения как об утвердившемся обычае.

Когда апостол Павел в 58 г. после третьего своего миссионерского путешествия ехал в Иерусалим, где ему предстояли узы, по пути он остановился на неделю в Троаде и здесь «в первый же день недели, когда ученики собрались для Преломления Хлеба, Павел ... беседовал с ними и продолжил слово до полуночи» (Деян. 20, 7), и в горнице, где они собрались, было много светильников (Деян. 20, 8). Итак, торжественное и продолжительное общественное богослужение со множеством светильников, совершение Таинства Евхаристии (ибо в Священном Писании Нового Завета оно обычно подразумевается под термином «Преломление хлеба») и поучение слову **Божью** — вот способ празднования первенствующими христианами воскресного дня. Д. Смирнов. Труды Киевской Духовной Академии (114, 500—506).

«Каждый день единодушно пребывали в храме и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца, хваля Бога» (Деян. 2, 46—47).

... Для нас важно знать: в чем состояли эти христианские собрания («по домам»)? Несомненно, они имели богослужебный характер и соединяли в себе все составные части **богослужения** — поучение, общение, молитву и **пение**, — средоточием которого было Преломление Хлеба, или Евхаристия. Совершение Евхаристии по существу своему должно было составлять главный, средоточный акт собственно христианского **богослужения** — рассматривать ли Евхаристию со стороны ее Божественного установления и сакраментального достоинства или со стороны общественно-жизненного значения. В ней, как ни в чем другом, собственно христианский элемент находит непосредственное и совершенное выражение. Именно такое значение и придавали ей первые христиане, ибо не только все христианское общество участвовало в совершении Евхаристии, но частные ежедневные собрания специально и предназначались для этой цели.

Все другие **действия** — поучение, молитва, **пение** — лишь обставляли акт Преломления Хлеба, имели значение пригласительных, сопровождающих и заключительных действий. Это, между прочим, видно из Деяний (20, 7), где говорится о собрании в первый день недели для Преломления Хлеба, хотя в то же время упоминается о продолжительной беседе апостола Павла накануне его разлуки с верующими. Если поучение в этом случае заняло большую часть времени перед Преломлением и после Преломления Хлеба и продолжалось до полуночи, это объясняется особым обстоятельством (но поучение не может быть названо целью собрания, главным актом его), целью собрания было Преломление Хлеба.

Учение было связующим звеном (двух типов) **собраний** — общественного и частного; оно происходило как в храме, так и в домах верующих (Деян. 5, 42). Но в том и в другом случае учение имело

различное значение, различную цель, а потому и различную форму. В то время как при храмовых собраниях оно составляло главный предмет — в собраниях частных оно было хотя существенным, но подчиненным по отношению к Преломлению Хлеба, так сказать, вспомогательным элементом. (В Иерусалимском храме) оно является миссионерской проповедью для приготовления и обращения к Крещению (Деян. 5, 42; 4, 33; 2, 7—11). Для этой цели испрашивали себе у Бога смелость верующие (Деян. 4, 29); к этому побуждаемы были апостолы Ангелом Господним (Деян. 5, 19—20); к этому направлены и их речи (Деян. 2, 14; 5, 21). В домах назидались уже крещенные верующие, слушали предание очевидцев о речах и делах Господа, восходили от знания к знанию, утешались и вдохновлялись святейшими истинами и обетованиями их веры и таким образом, через свободный взаимный обмен мыслями, утверждались больше и прочнее в апостольском учении. Поэтому там апостольское слово имело вид священно-ораторской речи, а здесь оно является обыкновенной непринужденной домашней беседой; в одном случае проповедь составляла главную цель и средоточие собрания, в другом — сопровождала Преломление Хлеба (Деян. 5, 42; 4, 33; 2, 7, 11).

Таким образом, [именно] в частных собраниях мы должны видеть средоточие богослужбной жизни иерусалимского общества и историческое начало христианского богослужения вообще. Евхаристия в первоначальном христианском обществе составляла высший акт общения, внутреннее ядро, цель и вершину общественного богослужения, средоточие всех других актов.

Христианское богослужение есть воплощение, выражение христианства, заключающее в себе глубинное соединение Божественного и человеческого. Поэтому Евхаристия, согласно ее Божественному установлению, есть высший, завершительный акт этого соединения, высшее выражение общения верующих с Господом и между собой. Поэтому Евхаристия не могла существовать изолированно, вне связи с остальными актами богослужения. Напротив, если установление Евхаристии составляет заключительный акт новозаветных учреждений и предписаний, который, как в фокусе, сосредоточивает все Домостроительство спасения, то совершение Евхаристии должно составлять и составляло с самого начала средоточие общественной жизни. Достойное совершение и принятие (Евхаристии) в качестве необходимого условия предполагало веру, выраженную в воспоминании и познании, просвещенную через учение и пламенную молитву. Потому-то первое общество Христово не могло собираться около Трапезы Господней, не назидаясь пророческим и апостольским словом, не испрашивая благодатного общения с Богом Спасителем и не изъявляя своей искренней благодарности за Его благодеяния. Равно как, с другой стороны, оно не могло совершать все это, не совершая в то же время Евхаристии как единственного средства личного усвоения спасительных заслуг Христовых, как Святейшей Жертвы, которая одна угодна Богу и которая должна быть венцом и украшением всего христианского богослужения. **Епископ Христофор.** Труды Киевской Духовной Академии (114, 150—152).

ПРИЧАЩЕНИЕ

«Идущий Мою Плоть и **пьющий** Мою Кровь
имеет Жизнь Вечную, и Я воскрешу его
в последний день»
(Ив. 6, 54)

Это Таинство называется Причащением, потому что через него мы делаемся причастниками Божества Иисусова, через него соединяемся со Христом (113, 527).

Хлеб и вино не есть образ Тела и Крови Христа (да не будет!), но самое Тело Господа обожествленное, так как Сам Господь

сказал: «сие есть Тело Мое», не образ Тела, но «Тело»; и не образ Крови, но «Кровь». И прежде **этого—иудеям**, что «если не будете есть Плоти Сына Человеческого, и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни... Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье». И опять: «ядущий Меня жить будет Мною» (Ин. 6, 53, 55, 57).

Поэтому да приступим со всяким страхом и чистой совестью, и не подлежащей сомнению верой, и это для нас будет настолько полезно, насколько мы веруем не сомневаясь. Почтим же это Таинство всякой чистотой, как душевной, так и телесной, ибо **оно—двойко**. Да приступим к нему со жгучей любовью, и, сложив руки крестом, примем в себя Тело Распятого! И, устремив глаза, и уста, и чело, причастимся Божественного угля, чтобы жар нашей любви, воспламенившись от угля, сжег наши грехи и осветил наши сердца и чтобы, вследствие общения с божественным огнем, мы воспламенились и были обожествлены. **Исаия** увидел **уголь**; но **уголь—не** простое дерево, а соединенное с огнем; так и Хлеб **Общения—не** простой хлеб, но соединенный с Божеством, не одно естество, но одно, конечно, принадлежит Телу, другое **же—соединенному** с ним Божеству. Поэтому то и другое **вместе**—не одно естество, но два.

Мелхиседек, «священник Бога Всевышнего», хлебом и вином приветствовал Авраама, возвращавшегося после поражения иноплеменников (Быт. 14, 18). Та трапеза прообразовала эту таинственную Трапезу, как и тот священник был образом и подобием истинного **Первосвященника—Христа**. Ибо «Ты, говорит Писание, священник вовек по чину Мелхиседека» (**Пс.** 109, 4). Хлебы предложения изображали этот Хлеб. **Это—**«чистая жертва», без сомнения, и бескровная, которая, как сказал Господь через пророка, приносится Ему «от востока солнца до запада» (Мал. 1, 11).

Тело и Кровь Христа переходят в состав как нашей души, так и нашего тела, не истощаясь, ни уничтожаясь, они не выводятся из тела вместе с остатками неусвоенной пищи (да не будет!), но проникают в нашу сущность и становятся охраной, защитой от всякого вреда, очищением от всякой нечистоты; если они заметят неочищенное золото, то очищают через испытание огнем, чтобы в будущем веке мы не были осуждены вместе с миром. Ибо они очищают посредством болезней и всякого рода угрожающих происшествий, подобно тому, как говорит божественный апостол: «если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром» (1 Кор. 11, 31—32). И это означает, что он говорит: поэтому тот, кто причащается Тела и Крови Господа «недостойно, тот ест и пьет осуждение себе» (1 Кор. 11, 29). Очищаясь через это, мы соединяемся с Телом Господа и Духом Его и делаемся Телом Христовым.

Этот Хлеб—начаток будущего Хлеба, который есть **насуущный**. Ибо слово «насуущный» обозначает или будущий, то есть Хлеб будущего века, или Хлеб, принимаемый для сохранения нашего существа. Следовательно, так или иначе, Им надлежащим образом будет названо Тело Господне. Ибо Плоть Господня есть животворящий дух, потому что она зачата от животворящего Духа и «рожденное от Духа есть дух» (Ин. 3, 6). Говорю же это, не уничтожая естества Тела, но желая показать животворность и божественность его.

Если же некоторые и называли хлеб и вино образами Тела и Крови Господа, как богоносный Василий, то сказали (о хлебе и вине) не после их освящения, но прежде освящения, назвав так самое приношение.

Причащением же называется (Таинство) потому, что через него мы причащаемся Божества Иисуса. А общением и называется, и поистине

является вследствие того, что через него мы вступаем в общение со Христом и принимаем участие как в Его Плоти, так и в Его Божестве, и в то же время через него вступаем в общение и соединяемся друг с другом. Ибо так как мы причащаемся от единого Хлеба, то все делаемся единым Телом Христовым и единой Кровию, и членами друг друга, составляя одно Тело со Христом.

Поэтому да станем всей силой остерегаться, чтобы не принимать Причащения от еретиков, ни давать им. Ибо «не давайте святыни псам,—говорит Господь,—и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями» (Мф. 7, 6), чтобы нам не сделаться участниками их искаженного учения и осуждения их. Ибо если несомненно бывает соединение со Христом и друг с другом, то несомненно произволением соединяемся и со всеми теми, которые вместе с нами причащаются. Ибо соединение это происходит добровольно, не без нашего согласия. И все мы есть «одно тело», потому что «причащаемся от одного хлеба» (1 Кор. 10, 17), как говорит божественный апостол.

Образами же будущих (хлеб и вино) называются не потому, что они не суть поистине Тело и Кровь Христа, но потому, что теперь, конечно, через них мы делаемся участниками Божества Христова, а тогда духовным образом—через одно только лицезрение. Преподобный Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. СПб. 1894. Кн. 4, гл. 13, с. 223—226.

Как обыкновенный хлеб, который ежедневно едим, есть жизнь тела, так этот, сверхъестественный, есть жизнь души. Святитель Киприан Карфагенский (113, 527).

Возлюбивший прекрасное сам будет прекрасен, потому что благодать Пребывающего в нем претворяет в Себя принявшего ее. Потому-то всегда Суший предлагает нам Себя в снедь, чтобы мы, приняв Его в себя, сделались тем же, что Он. Ибо говорит: «Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье» (Ин. 6, 55). Потому кто любит эту Плоть, не бывает другом своей собственной плоти, и кто с любовью расположен к этой Крови, тот делается чистым по крови чувственной. Ибо Плоть Слова и Кровь, какая в этой Плоти, имеют в себе не один какой-либо благодатный дар—они сладостны для вкушающих, они утоляют жаждущих и любовь любящих. Святитель Григорий Нисский (18, 341).

Причащение—это такой дар, который соединяет нас с Богом, Преподобный авва **Исаия** (34, 58).

Ты беседуешь в молитве с Богом, вкушая Тело Единородного Сына Его и пия Кровь **Его,—веселись** же в **радовании**, что удостоился стать храмом Его (25, 501).

Будь простодушно верным, со всею верой причащайся Пречистого Тела Владыки в полном убеждении, что истинно вкушаешь Самого Агнца. Тайны **Христовы—бессмертный** огонь. Потому не будь пытливым, чтобы не опалиться тебе в Причащении **Таин** (27, 384).

Не знаю, что мне делать с моими грехами, не видит мой ум, чем мне омыть и очистить себя. Если бы я вздумал омыться водами, то малы для меня моря и реки, недостаточны, чтобы очистить меня. Но если омою себя Кровию и водою из ребр Сына Божия, то очистишь, и изольются на меня щедроты **Его** (28, 305).

Кто вкушает Хлеба Небесного, тот, без сомнения, делается небесным (29, 166).

Духовен Хлеб сей, как и Даятель его; духовных оживотворяет он духовно. **Преподобный Ефрем Сирин** (29, 166).

Плоть — достославная, достопоклоняемая — оживотворяет людей, омертвевших в грехопадениях. **Преподобный Нил Синайский** (49, 229).

Приобщением называется Причастие Божественных **Таин** потому, что оно дарует нам единение со Христом и делает нас соучастниками Царства Его. **Преподобный Исидор Пелусиот** (50, 142).

Христиане приемлют как пищу для себя небесный огонь; он для них упокоение, он очищает и омывает, и освящает сердце их, он содействует их возрастанию, он для них воздух и жизнь. **Преподобный Макарий Египетский** (33, 107).

Готовящихся отойти отсюда, если они причастятся **Таин** с чистой совестью, при последнем дыхании окружают Ангелы и препровождают их ради принятых ими **Таин** (35, 471).

Когда видишь, что священник преподает тебе Дары, знай, что... это Христос простирает к тебе руку (41, 521).

Если прикасающиеся к краю одежды Христа привлекали на себя чудодейственную силу, то не гораздо ли в большей мере привлекут ее приемлющие в себя всего Христа? Приступить же с **верою — значит** не только принять предложенное, но прикоснуться к нему с чистым сердцем, с таким расположением, как бы приступали к Самому Христу (41, 520).

Предлагаемое **здесь — это** спасительное исцеление наших ран, богатство неоскудевающее и доставляющее нам Царство Небесное (36, 403).

Причащаясь, мы не только делаемся участниками и сообщниками жизни во Христе, но соединяемся со Христом. Как Тело соединено со Христом, так и мы через этот Хлеб соединяемся с Ним (44, 236).

Чем делаются приобщающиеся? Телом **Христовым — не** многими телами, а одним Телом. Как хлеб, составляясь из многих зерен, делается единым, так что хотя в нем есть зерна, но их не видно и различие их незаметно по причине их соединения, так и мы соединяемся друг с другом и со Христом (44, 237).

Эта Трапеза есть сила для души нашей, крепость для сердца, основание упования, надежда, спасение, свет, жизнь. Отойдя туда с этой Жертвой, мы с великим дерзновением вступим в священные обители, как бы огражденные со всех сторон золотым оружием. Но что я говорю о будущем? Это Таинство и здесь делает для тебя землю Небом (44, 242).

Через него (Таинство Причащения) мы становимся одним Телом со Христом; соединяемся с Ним, как тело с головою; Кровь же **Его — избавление** наших душ: ею омывается душа, ею украшается, ею возжигается (113, 527).

И ныне присутствует Христос, украшая эту Трапезу. Украсивший ее на вечери, Тот и теперь украшает ее. Ибо не человек предлагает хлеб и вино в Тело и Кровь Христа, но Сам распятый за нас Христос. Во образе Христа стоит священник и приносит молитву, возвещая: «сие есть Тело Мое» (Мф. 26, 26). Совершает же все благодать и сила Божия (113, 524).

Приношение это, какой бы священник ни совершал **его** — Павел или Петр, есть то же самое, которое Христос преподавал ученикам и которое ныне священники совершают; и это ничем не меньше, чем прежде. Ибо и это освящают не люди, но Сам Тот, Кто освятил прежде. Как слова, которые Христос провозгласил, есть те же самые, которые и ныне священник произносит, так и приношение то же. **Святитель Иоанн Златоуст (113, 524).**

Бог Слово, свяшенно совершив в Самом Себе наше восстановление, Сам Себя потом принес за нас в Жертву через Крест и смерть. Он и всегда приносит в Жертву Пречистое Тело Свое и ежедневно предлагает его нам в питающую душу обильную Трапезу, чтобы, вкушая Тело Его и пия Пречистую Кровь Его, мы становились через Причастие лучше, чем были, соединяясь с ними, претворяясь из худшего в лучшее и соединяясь с сугубым Словом сугубо и телом и разумной душой, как с Воплощенным Богом и нам единосущным по плоти. Так что мы не свои, но соединены с Тем, Кто сделал нас причастными Себе через бессмертную **Трапезу** — сделал нас по Домостроительству тем, что есть Сам по естеству. Если, будучи испытаны в трудах добродетелей и предочищены слезами, приступая, вкушаем от этого Хлеба и **пьем** из этой Чаши, то сугубое Слово, соединяясь с двумя естествами нашими, в кротости нашей срастворяясь, всецело претворяет нас в Себя Самого, как Воплощенное и нам по человечеству единосущное. И всех боготворит и, как сообразных с Ним, Себе усвоет как Бог и единосущный Отцу. Если же приступаем, будучи срастворены с веществом страстей и осквернены скверной греховной, то Он, приближаясь к нам, естественным Ему сжигающим грехи огнем посылает нас и жизненность нашу, вынуждаемый к этому не благоволением Благодати Своей, а отвращением к нашему нечувствию. **Преподобный Никита Стифат (70, 151).**

Господь называет Себя **Хлебом** — по смыслу, открывающемуся **сразу**, — как сделавшийся для всех спасительной пищей. А в смысле **тайнственном** — как вложивший закуску в человеческое естество, очистивший и как бы испекший его на **огне** Божества Своего и сделавшийся единым Лицом с Ним и единой достопоклоняемой Ипостасью. **Преподобный Исидор Пелусиот (115, 794).**

Ту самую Пренепорочную Плоть, которую принял Господь от Пречистой Богородицы Марии и в которой от Нее родился, Он преподает нам в Таинстве (Причащения). И вкушая ее, мы имеем внутри **себя — разумеется**, только достойно **причащающиеся** — всего Воплощенного Бога и Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия и Сына Пренепорочной Девы Марии, сидящего одесную

Бога и Отца, по слову Его же Самого: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин. 6, 56). Вселяясь же в нас, Он не познается сущим в нас телесно... но бестелесно присутствует в нас и соединяется с существом и естеством нашим неизреченно и нас обоготворяет, так как мы становимся соестественными Ему, плотью от плоти Его и от костей Его. Преподобный Симеон Новый Богослов (60, 396).

Страстной Четверг. Приступили к Чаше Господней, были на вечери у Господа: слава Тебе, Боже! слава Тебе, Боже! слава Тебе, Боже! Великий ныне день у Господа! Преславное торжество на Небе! ... Сколько лиц, облеченных в белую одежду оправдания, вкусили жизни Божественной и преискренне соединились с Господом! Обновилось Тело Господне — Тело Церкви — и облеклось в свойственную ей славу, скрытую от очей человеческих, но видную для очей ангельских. Поклонились Ангелы Первородному, когда Он введен был во вселенную в Силе Своей, а ныне поклонились Ему потому, что вселенная возводится снова к Нему Самому. Поклонились и воспели: «Престол Твой, Боже, вовек; жезл правоты — жезл царства Твоего. Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие» (Пс. 44, 7—8). Епископ Феофан Затворник (107, 57—58).

Итак, достойно причащайся, держа в уме такое обращение к Богу: Недостоин я, Господи, не только причаститься Святых Твоих Таин, но даже взглянуть на предивную и преестественную Твою Трапезу. Однако я приступаю не с тем, чтобы прогнать Тебя, но дерзаю, уповая на неизреченную милость Твою, ибо я знаю, что Ты пришел не ради праведных, но ради грешников. Дерзаю причаститься, чтобы не лишиться Причастия Твоего и не быть съеденным мысленным волком. Дерзаю приступить к Причащению потому еще, что надеюсь на премилостивые слова Твои, Господи, которые Ты изрек Пречистыми Твоими устами: «хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет. Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек» (Ин. 6, 50—51). И еще: «Истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день» (Ин. 6, 53—54).

Надеясь и твердо уповая на эти слова Твои, Господи, я причащаюсь, будучи убежденным, что их изрек Ты не для святых и праведных, но для грешников. В главе из Евангелия, где говорится о Причащении, не сказано, что Господь говорил о нем ученикам Своим, которые были святыми и праведными, Он говорил с пришедшими к Нему иудеями, которые были грешниками, подобно мне. А поскольку для грешников Ты произнес эти слова, то и я, грешный, усердно внимаю им и, положившись на Твое превеликое милосердие, ем Тело Твое и пью Кровь Твою (103, 170).

Чаша Господня есть Царство Небесное, согласно слову Господа: «Я завещаю вам, как завещал Мне Отец Мой, Царство, да

ядите и пиете за трапезою Моею» (Лк. 22, 29—30), а того, кто не имеет Чаши Господней, постигнет геенна, поглощающая изгнанных из Царства.

Чаша **Господня**—это сообщество с Ангелами. Древняя манна была названа ангельским хлебом: «Хлеб ангельский ел человек» (Пс. 77, 25) не потому, конечно, что ее вкушали Ангелы, ибо они, как бесплотные, не нуждаются в пище, но потому, что была приготовлена и свыше ниспослана по повелению Божию служением Ангелов. Тем более тот Хлеб, о которой Господь говорит: «Я есмь хлеб, сшедший с небес» (Ин. 6, 41), эту манну, растворенную в Чаше Господней, подобает назвать ангельской пищей не потому, что Ангелы ее вкушают и пьют, но потому, что всегда они благоговейно ее окружают, достойно почитают и поклоняются ей. Потому и причащающийся ее общается со святыми Ангелами и делается для них милым и любезным. Итак, Чаша **Господня**—сообщество с Ангелами, а без Чаши Господней с кем будет сообщество, кроме бесов? Кого чуждаются Ангелы, того похищают бесы. Что, если бы спросить кого-либо так: чего ты больше **хочешь—иметь** ли Жизнь Вечную или смерть вечную? Получить Царство Небесное или геенну? Быть в обществе Ангелов или бесов? Не знаю, найдется ли такой, который сказал бы: «Мне лучше смерть, чем жизнь; лучше геенна, чем Царство; лучше бесы, чем Ангелы». Не всякий ли скажет так: «Лучше жизнь, чем смерть; лучше Царство, чем геенна; лучше Ангелы, чем бесы», ибо всякий человек естественно и разумно больше желает лучшего, а не худшего. Если же, о человек, ты желаешь лучшего, то почему пренебрегаешь Чашей Господней? Если ты боишься вечной смерти, то почему отвращаешься от Вечной Жизни, находящейся в Чаше Господней? Если геенны трепещешь, то почему не ухватишься за Царство, находящееся в Чаше Господней? Если избегаешь бесов, почему не приближаешься к Ангелам, благоговейно окружающим Чашу Господню?

В Чаше Господней и жизнь, и Царство, и дружба с Ангелами. О как велико приобретение Причащения от нее! Там же, где не вкушается Чаша Господня, там нет жизни, но смерть, нет Царства, но геенна; там далеко отстоят Ангелы, а бесы близко. О как велико лишение оттого, что не причащаются Чаши Господней! (103, 232—233).

Кто хочет получить оставление своих грехов? Кто хочет, чтобы все злое, сделанное от юности, все его дела, слова и помышления были прощены, оставлены и преданы вечному забвению? Я думаю, что всякий желает такого блага. Поэтому я и говорю: если ты, человек, **хочешь** оставления грехов, то почему убегаешь от Причащения Чаши Господней? Разве не слышишь, как Сам Господь говорит: «примите, ядите... пейте... во оставление грехов» (Мф. 26, 26—28)? Я знаю, кто-либо так скажет: я недостойн, я грешен, потому и не дерзаю приступить к Причащению Божественных **Таин**. Ты хорошо говоришь, называя себя грешником, недостойным и не дерзновенным, ибо кто может быть в совершенстве достоин? Никто из связавших себя плотскими **похотями** и сластями недостойн приходить и приближаться к Тебе, Царь Славы, как говорит об этом совершающий литургию. Но ты скверно делаешь, удаляясь и избегая Причащения, ибо в псалмах пишется так: «Удаляющие себя от Тебя гибнут» (Пс. 72, 27).

Это наше недостойнство бывает двоякого рода: недостойнство истинно кающихся и недостойнство тех, которые или не искренне каются, или вовсе не каются, или даже и совсем не хотят каяться.

Нестойнство истинно кающихся удостоивается Божественного Причащения во оставление грехов, ибо они просят, как недужные, врачевства согласно слову Христову: «не здоровые имеют нужду во враче, но больные» (Мф. 9, 12).

Нестойнство же кающихся ложно или же вовсе не кающихся не удостоивается Божественного Причащения, ибо написано: «Не давайте святыни псам» (Мф. 7, 6).

Кто же это кающийся истинно и кто кающийся ложно? Кающийся ложно есть тот, кто не искренне исповедует свои грехи перед Богом своему отцу духовному, но скрывает их. Если же и искренне исповедует, то не сожалеет о соделанном зле. Впрочем, такой иногда отчасти и жалеет, однако же он не имеет в сердце своем твердого намерения и не полагает в уме твердого обещания не возвращаться к прежним грехам, но по-прежнему имеет надежду и желание делать то же. Такой недостойн Божественного Причащения. Пусть он не дерзнет, ибо если он дерзнет приступить к Причащению, будет пить и есть во осуждение и, как в Иуду, войдет в него после Хлеба сатана.

Кающийся же истинно есть тот, который, исповедуя свои грехи и жалея о них, полагает, надеясь на помощь Божию, твердое намерение никогда не возвращаться к своим прежним делам и всячески хранить себя от них. Такой удостоивается как Божественного Причащения, так и милосердия Божия, хотя бы он был весьма и недостойным.

Примером такого сподобления при несовершенном достоинстве может быть преподобная Мария Египетская. О ней пишется, что она настолько была недостойна Божией милости из-за своей грешной жизни, что даже церковь не желала ее впустить внутрь себя, о чем она после сама рассказывала преподобному Зосиме на исповеди: «Когда моя грешная нога коснулась церковного порога, то церковь, принимавшая всех, не приняла меня, окайной, но появился как бы воинство для того, чтобы заградить вход, и возбранила мне войти какая-то сила Божия». Когда же эта грешница положила в сердце своем истинное покаяние, намерение и твердое обещание никогда не возвращаться к греху, то тотчас не только церковь ее впустила внутрь себя, но в тот же день она сподобилась Причащения Божественных **Таин**, Тела и Крови Христовых в церкви Иоанна Предтечи, что при Иордане, как об этом пространно пишется в житии этой святой. Она еще ни удовлетворения не сделала за грехи свои, ни коснулась скорбного пустынного жития и постнических подвигов; едва день один прошел после ее скверной жизни, но уже от нее, истинно кающейся, не отнимается Чаша Господня. **Святитель Димитрий Ростовский (103, 233—234).**

Господь, заменив для нас Собою нашего праотца Адама, от которого мы рождаемся в смерть, сделавшись нашим родоначальником, заменяет плоть и кровь, заимствованные от Адама, Свою **Плотию** и Кровию (111, 117).

В Крови **Христовой** — **Его Душа**. Ясно ощущается при Причащении **Святых Таин** прикосновение Души Христовой к душе причащающегося, соединение Души Христовой с душой причащающегося (111, 121).

Достойное Причащение **Святых Таин** возможно только при постоянном благочестивой жизни или после решительного раскаяния в жизни греховной и решительного оставления ее, засвидетельствованного и запечатленного принесением покаяния по наставлению Святой Церкви (111, 127).

По достоинству пищи, по тому действию, которое совершается от вкушения во вкушающих, Господь наименовал **Плоть** Свою

единой истинной Пищей, а Кровь **Свою** — единственным истинным Питием обновленного искуплением человека (111, 244).

Обыкновенная пища сынов Ветхого Завета, общая им с бессловесными животными, истребляемая пищеварением и не могущая устранять смерти... не достойна наименования пищи, когда явился Хлеб насущный, Хлеб Небесный, Хлеб, уничтожающий смерть, преподающий Вечную Жизнь! **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (111, 244—245).

Однажды, когда святой игумен Сергей совершал Божественную литургию, Симон видел, как небесный огонь сошел на Святые Тайны в минуту их освящения, как этот огонь ходил по Святому Престолу, озаряя весь алтарь, окружая Святую Трапезу и священнодействующего Сергия. А когда Преподобный хотел причаститься Святых **Тайн**, Божественный огонь свился «как бы некая чудная пелена» и вошел внутрь Святого Потира. Таким образом, угодник Божий причастился этого огня «неопально, как в древности неопально горела купина»... Ужаснулся Симон от такого видения и в трепете безмолвствовал. Но не укрылось от Преподобного, что ученик его сподобился видения. Причастившись Святых **Тайн** Христовых, он отошел от Святого Престола и спросил Симона: «Чего так устранился дух твой, чадо мое?» — «Я видел благодать Святого Духа, действующего с тобою, **отче!**» — отвечал тот. «Смотри же, никому не говори о том, что ты видел, пока Господь не позовет меня из этой жизни» — **заповедал** ему смиренный авва (90, 8—9).

В Кириллову обитель принесли человека, одержимого тяжелой болезнью, который только просил, чтобы **его** постригли перед смертью. Преподобный облек его в иноческий образ с именем Далмата. Через несколько дней стал он умирать и просил приобщения Святых **Тайн**, но священник задержался с совершением литургии и, когда принес Святые Дары в келлию, больной уже скончался. Смущенный иерей поспешил сказать об этом преподобному. Святой Кирилл Белозерский очень огорчился. Он затворил оконце в своей келлии и стал на молитву. Немного спустя пришел келейник, служивший Далмату, и, постучав в оконце, сказал блаженному, что Далмат еще жив и просит причаститься. Немедленно послал Кирилл за священником, чтобы приобщить брата. Хотя тот был уверен, что Далмат уже умер, однако пошел. Но сколь велико было его удивление, когда увидел Далмату, сидящего на постели! Как только Далмат приобщился Святых **Тайн**, он стал прощаться со всею братией и тихо отошел к Господу. Троицкий Патерик (90, 306—307).

О приготовлении к Причащению

В час приношения Бескровной Жертвы обуздывая свои помышления и чувства. Стой в страхе Божием, чтобы причаститься Святых **Тайн** достойно и получить исцеление авва Господа. **Преподобный авва Исаия** (82, 165).

Для достижения цели, с которой приступаем к Божественному Таинству Евхаристии, надлежит нам иметь некие особые расположения, совершать некие особые дела и употреблять некие особые меры прежде Причащения, во время Причащения и после Причащения. Прежде Причащения надлежит через Таинство Покаяния и исповеди очистить себя от всякой скверны грехов, как смертных, так и не смертных, и исполнить то, что на исповеди наложит духовный отец, соединяя с этим твердую решимость от всего сердца, всею душою, всею силою и всем помышлением служить единому Господу Иисусу Христу и делать только угодное Ему. В этом Таинстве Он дает нам Свое Тело и Свою Кровь, с Душою и Божеством, и всею силою Воплощенного Домостроительства. Помышляя же о том, как ничтожно то, что даем мы Ему, по сравнению с тем, что Он дает нам, положим в сердце, по крайней мере, усердно делать

все для нас возможное во славу Его. И если бы мы владели самым высшим даром, какой когда-либо приносили Ему земные и небесные разумные твари, изъявив готовность принести это без размышления Его Божественному величию.

Пожелав принять это Таинство, чтобы силою его победить и поразить врагов своих и Господних, с вечера еще или даже раньше того начинай помышлять, как сильно Спаситель наш, Сын Божий, жалеет, чтобы ты с принятием этого Таинства дал Ему место в сердце своем, чтобы, соединившись с тобою, помочь тебе изгнать оттуда все твои страсти и победить всех врагов твоих. Это желание Господа нашего столь велико и пламенно, что этого никакой тварный ум не может вместить в совершенстве.

Ты, впрочем, чтобы хоть сколько-нибудь подойти к этому, потрудись поглубже запечатлеть в уме своем следующие два помышления. **Первое** — как неизречно радостно Всеблагову Богу пребывать в преискреннем общении с нами, что удостоверяет сама священная Премудрость: «радость моя была с сынами человеческими» (Притч. 8, 31). И **второе** — как сильно ненавидит Бог **грех** — и потому, что грех препятствует соединению Его с нами, столь для Него желательному, и потому, что грех прямо противоположен Божественным Его совершенствам. Будучи по естеству беспредельно благим и чистым Светом, неизреченной красотой, не может Он не гнушаться безмерно грехом, который не что иное есть, как крайнее зло, мрак, растление, мерзость и стыд в душах наших. И это Божие нетерпение греха столь велико, что с самого его начала к истреблению его и изглажению следов его были направлены все промыслительные о нас Божеские действия и установления Ветхого и Нового Завета, особенно же предивное страдание Спасителя нашего Иисуса Христа, Сына Божия...

... Уразумев из таких помышлений и созерцаний, сколь великое желание имеет Бог войти в сердце твое, чтобы окончательно победить там твоих врагов, которые есть и Его враги, ты не сможешь не ощущать в себе живого желания принять Его, да совершит Он в тебе такое действие. Воодушевившись же, таким образом, полным мужеством и, восприняв дерзновение от верной надежды, что в тебя может прийти небесный Архистратиг твой Иисус, вызывай почаще на брань ту страсть, которая беспокоит тебя и которую желаешь преодолеть. И поражай ее ненавистью, презрением и отвращением, восстанавливая в то же время в себе молитвенное желание противоположной ей добродетели с готовностью и на соответственные тому дела... Вот что следует тебе делать перед Причастием. Утром же, прежде Святого Причастия, пройди одним взором ума все увлечения, неправды и прегрешения, сделанные тобою со времени предшествовавшего Причащения и до сих пор, помянув притом, с каким бесстрашием и ослеплением все это делалось, как будто не было у тебя **Бога — Судии** и Воздаятеля, видевшего это, и чтобы избавить тебя от таких дел, поднявшего страшные страдания и позорную смерть на Кресте, которые ты попирал, когда, склоняясь на грех, постыдные похоти свои ставил выше воли Бога, Спасителя твоего. Да покроется стыдом лицо души твоей при сознании такой неблагодарности и такого бесстрашия. Однако не попусти себе быть потопленным этим смущением и всякую безнадежность далеко отбрось от себя. Вот долготерпеливый Господь, преклоняясь на милость раскаянием твоим и изъявленной тобою готовностью служить теперь Ему одному, грядет к тебе и в тебя, чтобы безмерной бездной Благости Своей потопить и поглотить бездну

твоей неблагодарности, твоего бесстрашия и маловерия. Приступи же к Нему со смиренным чувством недостойнства, но и с полной благой надеждой, любовью и преданностью, уготовляя Ему в сердце своем пространную скинию, чтобы Он весь вселился в тебя. Как и каким образом? Изгнанием из сердца всякого помышления о чем-либо тварном, а не только пристрастия и сочувствия к тому, и заключением двери его, да не войдет в него ничто и никто, кроме Господа (64, 213).

Вот чего требует Бог от приступающих к Святым Тайнам: 1. Чтобы ты страдал сердцем об оскорблении Его. 2. Чтобы ты более всего возненавидел всякий **грех** — и большой и малый. 3. Чтобы ты всецело всего себя предал Ему и со всем расположением и сердечною любовью имел одно **попечение** — всегда и во всем, во всяком деле быть в воле Его и в полной покорности Ему Единому. 4. Чтобы ты имел крепкую веру в Него и твердо уповал, что Он помилует тебя, очистит тебя от всех грехов твоих и охранит от всех врагов твоих, видимых и невидимых (64, 223).

Попекись затем день ото дня все более и более возрастать верою в силу этого Пресвятого Таинства Евхаристии и не переставай удивляться этому дивному Таинству, помышляя, как Бог под видом хлеба и вина являет тебе Себя и существенно бывает в тебе, чтобы сделать тебя наиболее святым, преподобным и блаженным, ибо «блаженны невидевшие и уверовавшие» (Ин. 20, 29). И не желай в этой жизни, чтобы Бог явил Себя тебе под другим видом, кроме этого Таинства. Каждодневно преуспевай в ревностной готовности творить одну **только волю Божию** и в духовной мудрости, сделав ее царицей и правительницей всех **дел** — и душевных, и телесных. Всякий раз, когда причащаешься этой Бескровной Жертвы, и себя самого принеси в жертву Богу, то есть изъявляй полную готовность по любви к Господу, за нас пожертвовавшему Собой, терпеть всякую напасть, всякую скорбь и напраслину, какие могут встретиться в течение твоей добродетельной жизни. **Преподобный Никодим** Святогорец (64, 225).

Время приступить к Страшной Трапезе. Приступим же все с достойной мудростью и вниманием. Пусть никто не будет Иудой, пусть никто не будет злым, пусть никто не скрывает в себе яда, нося одно на устах, а другое в уме. Предстоит Христос; Кто утвердил ту Трапезу, Тот же теперь совершает и эту. Ибо не человек претворяет предложенное в Тело и Кровь Христову, но Сам распятый за нас Христос, Священник стоит, нося Его образ, и произносит слова, а действует сила и благодать Божия: «сие есть Тело Мое» (Мф. 26, 26), — сказал Он. Итак, пусть никто не будет коварным, пусть никто не питает злобы, пусть никто не имеет яда в душе, чтобы не причащаться «во осуждение». И тогда, после принятия предложенного, в Иуду вошел диавол, презрев не Тело Господне, но презрев Иуду за его бесстыдство, дабы ты знал, что на тех, которые недостойно причащаются Божественных **Таин**, особенно нападает и часто вселяется в них диавол, как и тогда в Иуду. Ибо почести приносят пользу достойным, а недостойно пользующихся ими подвергают большому наказанию. Говорю это не для того, чтобы утратить, но чтобы предостеречь... Если ты имеешь что-нибудь против врага,

то оставь гнев; исцели рану, прекрати вражду, чтобы тебе получить пользу от этой Трапезы, ибо ты приступаешь к Страшной и Святой Жертве. Постыдись Того, Кто приносится: предлежит закланный Христос.

Почему Он заклан и для чего? Для того, чтобы умиротворить небесное и земное, чтобы сделать тебя другом Ангелов, чтобы примирить тебя с Богом, чтобы из врага и противника сделать тебя другом. Он отдал душу Свою за ненавидящих Его, а ты остаешься враждующим против подобного тебе? Как же ты можешь приступить к Трапезе Мира? Он не отказался даже умереть за тебя, а ты не хочешь для себя самого оставить гнев на подобного тебе? Как это можно простить?

Он обидел меня, скажешь, и весьма много отнял у меня. Что же? Ущерб только в деньгах; он еще не уязвил тебя так, как Иуда Христа. Однако Христос самую Кровь Свою, которая пролита, отдал для спасения проливших ее.

Что можешь ты сказать подобного этому? Если ты не прощаешь врага, то не ему наносишь вред, а самому себе. Ему ты часто можешь вредить в настоящей жизни, а себя самого делаешь безответным в будущий день. Ибо ни от чего так не отвращается Бог, как от человека злопамятного, сердца надменного и души раздражительной. Послушай же, что говорит Он: «если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Мф. 5, 23—24).

Что ты говоришь: «Разве я могу простить?» **«Да,—** говорит Он.—**Для мира с братом твоим принесена эта Жертва».** Поэтому если эта Жертва принесена для мира твоего с братом, а ты не заключаешь мира, то напрасно участвуешь в этой Жертве; бесполезным для тебя становится это дело. Сделай же сначала то, для чего принесена эта Жертва, тогда и будешь с пользой причащаться ее. Для того сошел Сын Божий, чтобы примирить род наш с Господом; и не только для этого пришел Он, но и для того, чтобы и нас, совершающих это, сделать причастниками имени Его.

«Блаженны,— говорит Он,—**миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими»** (Мф. 5, 9). Что сделал Единородный Сын Божий, то же сделай и ты, по своим силам человеческим став носителем мира и для себя, и для других. Потому тебя, миротворца, Он и называет сыном Божиим; потому и во время установления этой Жертвы Он не упомянул ни о какой другой заповеди, кроме примирения с братом, тем выражая, что это важнее всего... Итак, зная это, прекратим всякий гнев и, очистив совесть свою, со всем смирением и кротостью приступим к Трапезе Христа. **Святитель Иоанн Златоуст (113, 536).**

В час приношения (Бескровной Жертвы) сопротивляйся помыслам и чувствам твоим, чтобы стоять со страхом Божиим и достойно причаститься Святых **Таин** и этим получить от Господа исцеление (34, 18).

Если хочешь причаститься Тела Христова, то храни себя, чтобы не было в сердце твоём гнева или ненависти. **Преподобный авва Исаия (34, 205).**

Кровь Агнца спасительна для тебя, если ты приступаешь к ней с верою, если чувства свои и помышления, через которые входит смерть вслед за грехом, помазуешь верою, как бы кровью, как Израиль мазал двери кровью. Ведь если страсть не войдет в тебя через глаза, слух, обоняние, вкус и осязание, а затем и через рассудок, тогда и смерть не овладеет тобою. Тогда ты, нося в теле умерщвление Иисуса Христа, будешь иметь и являющуюся в твоём теле Жизнь (42, 940).

Скорее душу свою положу, чем позволю причаститься Крови Владычной недостойно, и скорее пролью собственную кровь, чем позволю причаститься столь Страшной Крови недостойным образом. **Святитель Иоанн Златоуст (46, 547).**

С каким намерением должно вкушать Тело и пить Кровь Господню? В воспоминание Господня послушания даже до смерти, чтобы жить уже не для себя, но для Умершего за нас и Воскресшего. **Святитель Василий Великий (6, 332).**

Надо чистой душой принимать в себя сходящую свыше Пищу... которая есть несеянный Хлеб, сходящий свыше, обретаемый на земле. **Святитель Григорий Нисский (17, 305).**

Уверься и утвердись в вере, что в Святейшей Евхаристии истинно подается нам Тело Христово и Кровь Его, и это научит тебя, с каким страхом, почитанием и благоговением нужно приступать к этому великому Таинству. К царской трапезе приступают люди со страхом и приуготовлением, и благоговением, к этой ли Божественной Трапезе приступая, не затрепещешь? Тогда будешь не много говорить в молитве, но одно повторять: «Помилуй, Господи! Очисти, Господи, не опали огнем, как траву сухую». Святая святым подаются, как возглашает на литургии иерей. И тут будешь удивляться Благодати Божией, что Тело Христово и Его Пресвятая Кровь нам, бrenным и недостойным, подают в духовную пищу. И от сердца будешь благословлять и благодарить Его за это великое Таинство. И, помня это, будешь исправнее вести себя в жизни, не захочешь осквернить совесть и душу грехами, но всячески будешь стараться жить достойно христианина. Одно это будет отвращать тебя от всякого греха и подвигнет к добру (104, 1663—1664).

Грешникам нужно себя исправить, чтобы причащаться не в суд. Блудникам, прелюбодеям и осквернителям нужно переменить свое сердце и возлюбить чистоту, когда приступают к Пречистому Агнцу Христу. Гордым и высокоумным отложить бесовскую гордость и возлюбить смирение, когда приступают к Смиренному Христу. Злобным и дышащим огнем отмщения нужно оставить злобу и возлюбить кротость и незлобие, когда приближаются к Кроткому и Незлобивому Агнцу Божию... Клеветникам, злоречивым, хульникам исправить свой язык, ибо устами восприимлют

Пречистое Тело Христово. Сребролюбцам нужно оставить маммону и возлюбить Бога, когда приступают к Сыну Божию, Который есть Любовь. Жестокосердным и немилостивым следует перемени свой жестокий нрав и стараться быть милостивыми, когда приходят к Милостивому и Милосердному Господу... Пьяницам следует оставить пьянство и начать трезвую жизнь, если приобщаются Распятому и Умершему Христу. Словом, всякому должно исправить, очистить и обновить себя, чтобы неосужденно приступить. **«Должно,— говорит Василий Великий,— приступающему к Телу и Крови Господним очистить себя от всякой скверны плоти и духа, чтобы не в суд есть и пить»,** и в воспоминание о том, Который за нас умер и воскрес, умереть для греха и мира, и самого себя, ножить во Христе Иисусе (104, 1665—1666).

Как христиане должны приступать к Причащению Тела и Крови Христовой? Апостол говорит: «да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей. Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем» (1 Кор. 11, 28—29). Многие читают много молитв, псалмов и акафистов, но этого приготовления недостаточно. Ибо молитву от неисправного и неочищенного сердца не приемлет Бог. Страшно приступать неочитившемуся истинным покаянием; страшно и приступившему, причастившемуся снова оскверняться мирскими похотями: и то и другое страшно. **Святитель Тихон Задонский (104, 1666—1667).**

Прежде дерзновенного пришествия на брак к Сыну Божию да позаботится (человек) о своей душевной ризе: она омывается, очищается от греховных пятен, каковы бы эти пятна ни были, неизреченной милостью Господа при нашем покаянии (111, 129).

Величие Таинства возлагает на нас соответствующие обязанности. Мы должны не только души, но и тела наши представить в жертву живую, святую, благоугодную Богу (111, 132).

Служитель Божий хотя еще борется со страстями, но уже достойно причащается Тела и Крови Христовых, когда причащается в сокрушении духа и в полном сознании своего недостойства. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (111, 133).**

Как часто можно причащаться?

Кого нам одобрить? Тех ли, которые причащаются однажды, или тех, которые часто, или тех, которые редко? Ни тех, ни других, ни третьих, но причащающихся с чистой совестью, с чистым сердцем, с безукоризненной жизнью (46, 153).

Время приобщения определяется не праздником и торжеством, но чистой совестью и безукоризненной жизнью (35, 554).

Не в том состоит дерзость, что часто приступают, но в том, **что** (приступают) недостойно, хотя бы даже кто-либо один раз во всю жизнь сделал это. **Святитель Иоанн Златоуст (45, 656).**

Хорошо и полезно каждый день приобщаться и принимать Святые Тело и Кровь. Христос ясно говорит: «ядущий Мою

Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную» (Ин. 6, 54)... Ибо кто сомневается, что быть непрестанно причастником жизни значит не что иное, как жить многообразно? Впрочем, мы приобщаемся четыре раза каждую седмицу: в день Господень, в среду, пяток и субботу, также и в иные дни, если бывает память какого-либо святого. **Святитель Василий Великий (113, 533).**

Многие, вижу, не часто причащаются: это дело диавола, он мешает частому принятию Тела Христова. И очевидно, что тот, кто не часто причащается, дает большую власть над собой диаволу, и диавол волю над ним принимает и ведет его на все злое. **Святитель Иоанн Златоуст (113, 533).**

Причащаться Господа в Таинстве Тела и Крови можно только в определенное время, по возможности и усердию, но не чаще, однако, одного раза в день. Внутренне же, в духе, причащения Ему мы можем удостаиваться каждый час и каждое мгновение, то есть пребывать по благодати Его в непрестанном общении с Ним и, когда благоволит Он, сердцем ощущать это общение. Причастившись Тела и Крови Господа, по обетованию Его мы приемлем Его Самого. И Он вселяется в нас со всей Своей благодатью, давая и сердцу, готовому к тому, ощущать это. Истинные причастники всегда бывают после причастия в осязательно-благодатном состоянии: сердце вкушает тогда Господа духовно. Но так как мы и телом стеснены, и внешними делами, и отношениями связаны, в которых обязаны принимать участие, то духовное вкушение Господа, по раздвоению нашего внимания и чувства, день ото дня ослабевает, заслоняется и скрывается. Скрывается ощущение вкушения Господа, но общение с Господом не прекращается, если, к несчастью, не произойдет какой грех, расстраивающий благодатное состояние. Со сладостью вкушения Господа ничто сравниться не может, поэтому ревнители, ощутив оскудение ее, спешат восстановить его в силе и, когда восстановят, чувствуют, что как бы снова вкушают Господа,— это и есть духовное Причащение Господа. Оно имеет, таким образом, место между одним и другим Причащением Его в Святах Тайнах. Но оно может быть и непрерывно в том, кто всегда хранит сердце свое чистым и имеет непрерывное внимание и чувство к Господу. При всем том, однако, оно есть дар благодати, даруемой труженикам на пути Господнем, усердным и безжалостным к себе. Но если кто и по временам вкушает Господа в духе — это дар благодати. Нам принадлежит только жажда этого дара и алкание, и усердное взыскание. Есть, впрочем, дела, открывающие ему путь и содействующие принятию его, хотя он всегда приходит как бы нечаянно. Дела эти — чистая молитва с детским плачем из сердца и особые акты самоотвержения. В ряду добродетелей, когда нет на душе греха, когда нетерпимы бывают греховные мысли и чувства, то есть когда душа чиста и вызывает к Богу, что может воспрепятствовать Господу, присущему, дать душе вкусить Себя, а душе ощутить это вкушение? Так и бывает, если только Господь не видит, что для блага души нужно несколько продлить эту алчбу и жажду неудовлетворенной.

Между актами самоотвержения наиболее сильно в этом отношении: смиренное послушание и повержение себя под ноги всех, освобождение себя от стяжания, благодушное перенесение **напраслин — все** в духе полного предания себя в волю Божию. Такие деяния наиболее уподобляют человека Господу, и Господь присущий дает вкусить Себя душе его. И усердное и чистое исполнение всех заповедей Божиих имеет своим плодом вселение Господа в сердце с Отцом и Святым Духом (Ин. 14, 23). Духовное вкушение Господа не должно смешивать с мысленным воспоминанием о Причащении Его в Таинствах Тела и Крови, хотя бы это сопровождалось сильными духовными ощущениями и жаждающими порывами к действительному Причастию Его в Святах Тайнах. Не должно также с этим смешивать и того, что дается христианам в храме при совершении Таинства Евхаристии. Они устаиваются освящения Божия и Божия благоволения как участвующие в принесении Бескровной Жертвы верою, готовностью жертвовать собой во славу Божию, сокрушением и по мере этих состояний, но это не то, что Причастие, хотя оно тут же может совершиться. Преподобный Никодим **Святогорец** (64, 226).

Мы должны считать себя недостойными Причащения Святого Тела Христова. Во-первых, потому, что величие этой небесной манны таково, что никто, обложенный бременной плотью, не принимает эту Святую Пищу по своей заслуге, а по незаслуженной милости Господней. Во-вторых, потому, что никто в брани с этим миром не может быть так осмотрителен, чтобы не уязвляли его хоть редкие и легкие стрелы грехов, ибо невозможно, чтобы человек не согрешил или по неведению, или по нерадению, или по легкомыслию, или по увлечению, или по рассеянности помыслов, или по какой-либо нужде, или по забвению (53, 574).

Мы не должны устраниваться от Причащения Господня из-за того, что сознаем себя грешниками. Но с еще большей и большей жаждой надо спешить к нему для исцеления души и очищения духа. Однако причащаться надо с таким смирением духа и верой, чтобы, считая себя недостойными принятия такой благодати, мы еще более желали излечения наших ран. А иначе и раз в год нельзя достойно принимать Причастие. Так некоторые и делают: живя в монастырях, они так высоко оценивают достоинство, освящение и благотворность небесных Таинств, что думают, что принимать их должны только святые, непорочные. А лучше бы думать, что эти Таинства сообщением благодати делают нас чистыми и святыми. Они подлинно больше проявляют гордости, чем смирения, как им кажется, потому что когда все-таки принимают их раз в год, то считают себя достойными принятия. А гораздо правильнее было бы, чтобы мы с тем смирением сердца, по которому веруем и исповедуем, что мы никогда не можем достойно прикасаться Святым **Таин**, в каждый день Господень* принимали их для уврачевания наших недугов, чем, превознес-

* Господень **день** — в греческом и латинском языках название воскресного дня.

шись суетным убеждением сердца, верить, что мы после годичного срока бываем достойны их. **Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (авва Феона 53, 605).**

«Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни» (Ин. 6, 53). Христианин! Вот жертвенник открыт перед тобой, бессмертная пища на нем предложена, как порфирой, обогрется он священной Кровию, слава небесная его осияла. Из этого святилища сладчайший глас взывает к тебе: «Со страхом Божиим и верою приступи... Приди, приблизься, отверзи уста, насладись Божественной Пищей, вкуси от Чаши жизни: ее подает тебе благодетельная десница Небесного Отца».

...Но что видим? С ужасом видим... что некоторые или ожесточенные, или ослепленные, или расслабленные, или не знаю, как их и назвать, при всем том не только часто, но и однажды в год не приступают. О греховность наша, о несчастье Церкви!

Где благодарные Христовы дети? Где общая Трапеза? Где Хлеб, съедаемый вместе, где Чаша, выпитая совместно? Где апостольское единомыслие в Преломлении Хлеба? Здесь я вижу столько неисправности, как нигде больше. Смерть Христову немногие поминуют; некоторые и не знают, зачем это Таинство установлено. Таким образом, первый признак христианства уничтожается; так в забвение приходит у нас Христос: едва-едва единожды в год соберемся вспомнить Его, да и то не знаю как. Вижу горячность, удивляюсь благочестию, да видишь и ты, Христе! Проливалась некогда Твоя Кровь, но и ныне едва не презирается нами. Христос в глубоком молчании у нас сокрыт: Трапеза, им установленная, за одни обряды считается у нас; смотрим на нее, но не вкушаем. Почему же не приступаем? «Вкусите, и увидите, как благ Господь!» (Пс. 33, 9). Или недостойны вы? Но для того тем более и должно приступать: раз **недостойны — чтобы** сделаться достойными и, своих дел не имея, прибегнуть к заслугам Христовым. Тот человек ест и пьет в осуждение, который не рассуждает о себе. Я рассуждаю о себе, и когда нахожу себя недостойным, грешным и осужденным, тем более прихожу к Тому, Который грешников принимает и, призывая, успокаивает обремененных грехами.

Бог преклонил Небеса, чтобы меня, падшего, восстановить. Он унизил Свое величие до принятия образа раба, чтобы меня вознести. Он претерпел мучительные страдания, чтобы меня исцелить. Он принял позорную смерть, чтобы меня оживить. Это доказательство Его любви ко мне, какой под солнцем никогда не бывало. Пойду в святилище Твое вместе с учениками Твоими, с братией моей. Исчислю с ними все Твои благодеяния; воспоминанием о них утешу и освящу себя; воспою Тебе песнь благодарности; буду наслаждаться Твоим бесценным, при смерти Твоей оставленным мне наследием. Приму Священный Хлеб, как самое Пречистое Тело Твое... Приму Божественную Кровь... Этим великим действием я одновременно и благодеяния Твои воспоминаю, и изъявляю мою возможную благодарность, и неизреченно

исцеляю себя во оставление моих грехов и в Жизнь Вечную. Платон, митрополит Московский (106, 87—93).

Бог тебе не враг, а **врач** — исцелить тебя, а не погубить хочет. Зачем же избегаешь Его Божественной Чаши? Лучше тебе, приняв духовное лечение, исцелиться, чем, избегая лечения, в большие греховные болезни впасть и погибнуть. Святитель Димитрий Ростовский (113, 534).

Приобщаться Святым Христовым Животворящим **Таин** заповедую... во все четыре поста и двенадцатые праздники, даже велю и в большие праздничные дни; чем чаще, тем и лучше... Потому что благодать, даруемая нам Приобщением, так велика, что как бы ни был недостоин и грешен человек, но лишь только в смиренном сознании всегреховности своей приступит к Господу, искупляющему всех нас, хотя бы от головы до ног покрытых язвами **грехов**, — и будет очищаться благодатью Христовой, все более и более светлеть, совсем просветлеет и спасется! Преподобный Серафим Саровский. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря. СПб., 1903, с. 463.

Благодарение по причащении

Ты ради меня явился на земле
от Девы,
Прежде всех веков пребывающий
невидимым,
И соделался плотию и человеком
показался,
Неприступным светом одетый,
И всеми считался ограниченным,
Ты, совершенно неместимый,
Которого никакое слово
не в состоянии выразить.
Ум же, напрягаясь,
схватывает Тебя через любовь
И не может удержать, поражаемый
страхом,
И снова ищет, палимый внутри.
Вообразив же Тебя на мгновение
в сиянии Твоем,
Он с трепетом убегает и радуется
радостью.
Ибо не может человеческая
природа выносить того,
Чтобы ясно созерцать всего
Тебя — Христа моего,
Хотя и веруем мы, что всего Тебя
воспринимаем
Через Духа, которого подаешь Ты,
Боже мой,
И Пречистую Кровь и Плоть
Твою,
Приобщаясь которых мы
исповедуем, что держим
И вкушаем Тебя, Боже,
нераздельно

И неслиянно; ибо Ты не причастен
Глению или скверне, но и мне
сообщаешь
Нетленную чистоту Твою, Слове,
И отмываешь скверну пороков
моих,
И прогоняешь мрак беззаконий
моих,
И очищаешь позор сердца моего,
И утончаешь грубость злобы моей,
И светом творишь меня, прежде
омраченного,
Соделывая меня обоюдно *
прекрасным
И озаряя меня светом бессмертия.
И я изумляюсь и возгораюсь
внутри,
Желая Тебе Самому поклониться.
Когда же я, несчастный,
помышляю об этом,
То, о чудо! нахожу Тебя в себе
Пребывающим, движущимся,
говорящим
И делающим меня тогда
безгласным
От изумления перед неприступною
славою.
Итак, меня обнимает ужас и
недоумение,
Так как содержащего все дланию
Я вижу в сердце своем
содержимым.
Но, о чудная милость Твоя,
Христе мой!»

*То есть по душе и по телу, вне и внутри. — Примеч. пер.

Сколь безмерно снисхождение
 Твое, Слове!
 Зачем пришел Ты к нищему моему?
 И как вошел в оскверненную
 храмину
 Ты, во свете неприступном
 обитающий, Боже мой?
 Как Ты сохраняешь ее
 неопалимую,
 Будучи огнем нестерпимым
 для смертной природы?
 Что же сотворю я достойное
 Твоей славы
 И что найду для столь великой
 любви?
 Что принесу Тебе, таковою славою
 И честию прославившему меня,
 недостойного?
 Ибо меня, на которого люди
 не считают достойным смотреть,
 А тем более ни говорить,
 ни разделять трапезу
 Совершенно не хотят со мною,
 несчастнейшим,
 Ты, питающий всякое дыхание
 и естество,
 Неприступный для Серафимов,
 Создатель, Творец и Владыка всех,
 Не только зришь, и говоришь
 со мною и питаешь меня,
 Но и Плоть Твою существенным
 образом
 Сподобил меня и держать,
 и вкушать,
 И пить Кровь Твою всесвятую,
 Которую ради меня излил Ты,
 закланный,
 Поставив меня служителем
 и литургом, и тайником
 Этих Таин, меня, которого Ты
 знаешь,
 Всеведущий, прежде нежели веки
 сотворил
 И прежде чем произвел что-либо
 из невидимого,
 Ибо видимое Ты составил
 впоследствии,
 Знаешь как грешника, блудника,
 мытаря,
 Разбойника, сделавшегося
 самоубийцей *,
 Презревшего добро, делателя
 беззакония
 И преступника всех Твоих
 заповедей,
 Итак, Ты знаешь, что это истинно.
 Как явлюсь я пред Тобою,
 Христе мой?

Как приближусь к Трапезе Твоей?
 Как буду держать Пречистое Тело
 Твое,
 Имея руки совершенно
 оскверненные?
 Как воспою Тебя? Как буду
 ходатаем за других,
 Не имея ни добрых дел от веры,
 Ни любви к Тебе, ни дерзновения,
 Но будучи сам должником,
 как Ты знаешь,
 Многими талантами, многими
 беззакониями.
 Недоумеваешь ум, бессилен язык,
 И никакого слова не нахожу я,
 Спаситель,
 Чтобы поведать о делах Твоей
 благодати,
 Которые Ты сотворил на мне,
 рабе Твоем.
 Ибо внутри меня горит как бы
 огонь,
 И я не могу молчать, не вынося
 Великого бремени даров Твоих.
 Ты, сотворивший птиц, щебечущих
 разными голосами,
 Даруй и мне, недостойному,
 слово,
 Дабы всем письменно
 и неписьменно
 Поведал я о том, что Ты соделал
 на мне
 По беспредельной милости,
 Боже мой,
 И по одному человеколюбию
 Твоему,
 Ибо превыше ума, страшно
 и велико то,
 Что подал Ты мне, страннику,
 Неученому, нищему,
 лишенному дерзновения
 И всяким человеком
 отверженному,
 Родители мои не питали ко мне
 естественной любви.
 Братья и друзья мои все
 насмехались надо мною;
 Утверждая, что люблю меня,
 они говорили совершенно ложно.
 Сродники, посторонние и мирские
 начальники
 Тем более отвращались от меня,
 не желая меня видеть,
 Чем более хотели погубить меня
 со своими беззакониями,
 Часто желал я безгрешной славы,
 Но не нашел еще ее в настоящей
 жизни,

* Здесь преподобный Симеон сам себя разоблачает, ибо те грехи, которые в других словах (гимнах) он приписывает себе, как будто совершенные им телесно, он понимает, очевидно, мысленно (в духовном смысле) по чрезвычайно смирению.— Примеч. пер.

Ибо мирская слава, как я
 убедился,
 Без всякого другого деяния есть
 уже грех.
 Сколько раз я хотел быть
 любимым **людьми**
 И стать к ним близким и
 откровенным,
 Но из благомыслящих никто не
 терпел меня.
 Другие же, напротив,
 желали видеть и знать меня,
 Но я убежал от них
 как от делателей **зла**.
 Итак, все это, Владыко, и иное,
 большее того,
 Чего не могу я ни рассказать,
 ни припомнить,
 Ты, промышляя, **соделал** на мне,
 блудном,
 Чтобы извлечь меня из пропасти
 и мирской **тьмы**
 И страшной прелести наслаждений
этой жизни.
 Добрые люди бегали от меня из-за
 моего внешнего вида,
 А от злых я убежал по своему
 произволению,
 Ибо они любили, как сказано,
 мирскую славу и богатство,
 Великолепные одежды
 и изнеженные нравы.
 О себе же я не знаю и не ведаю,
 что мне изречь и сказать
 Тебе.
 Ибо боюсь и говорить, и писать
об этом,
 Чтобы не впасть в противоречие
 словам своим и не согрешить,
 И будет тогда неизгладимым
 ложно написанное.
 Когда призывал меня кто-либо
 к делам безумия
 И грехам поистине преступного
 мира сего,
 Сердце мое все сжималось внутри
 И как бы скрывалось, стыдясь
 себя самого.
 Будучи твердо сдерживаемо
 Твоею Божественною рукою.
 Любил и я все прочее житейское,
 Что увеселяет зрение и услаждает
 гортань,
 И украшает это тленное тело;
 Но мерзостные деяния
 и сладострастные желания
 Ты изгладил из сердца моего,
 Боже мой,
 И ненависть к ним вложил
 в мою душу.
 Хотя произволением своим я и
 прилежал к ним,
 Но Ты делал так, что или желания
 мои были неисполними,

Или, напротив, действия мои
нежеланными,
 Что, конечно, было величайшим
худом.
 По Божественному смотрению
 Своему
 Ты отделил меня от всех:
 От царей, князей и богатых мира
 сего.
 Много, много раз, когда я
 Склонялся уже волею к этим
 вещам,
 Сам Ты не попускал состояться
 Соизволению моему на что-либо
из этого.
 Иных, говоривших мне
 О прославлении и обогащении
 в **жизни**,
 Я ненавистью, Владыко,
 возненавидел от сердца,
 Так что даже в беседу никогда
 не вступал с **ними**;
 И тогда они, напротив,
 взбесившись, сильно били меня
 палками,
 Другие же укоряли и злословили
 меня пред всеми,
 Называя меня делателем всякого
 беззакония
 И желая отвратить меня от правого
 пути,
 Ибо я избегал этих деяний, чтобы
 не быть злословимым,
 А они злословили меня, чтобы
 я пришел к таковым деяниям.
 Обещающим же дать мне славу
 мира сего
 Ты дал мне, Спаситель мой,
 отвечать таким образом:
 Если бы ты обладал всею
 славою мира
 И на главе твоей был бы царский
 венец,
 А на ногах твоих пурпуровая
 обувь
 И над всем этим ты внезапно
 сделал бы меня господином,
 Сам же стал простецом, желая
 быть рабом моим,
 То к лукавому мудрованию твоему
 Я отнюдь не приобщился бы и
 не снизошел в этой жизни.
 Но какая хартия вместила бы
 Твои благодеяния
 И великие Твои блага, которые
 Ты соделал на мне?
 Ибо если бы мне даны были тьмы
 языков и рук,
 То и тогда я не мог бы изречь или
 описать все,
 Потому что их бездна, конечно,
 по бесчисленному множеству,
 И они **недомысленны** по величию
 славы;

И я изнемогаю мыслию и
 надрываюсь сердцем своим,
 Что не могу поведать о Тебе,
 Боже мой.
 Ибо когда помыслию я, несчастный,
 что сделал я,
 И сколько раз Ты помогал мне,
 от чего избавлял меня
 И от сколь великих бед,
 Спаситель мой, человеколюбиво
 спасал,
 Не вспоминая зол, которые я
 соделал,
 Но, как бы сотворившего много
 и великого добра
 И чистого от святой **матери** —
 купели,
 Так воспринял меня, так почтил,
 Так украсил меня царскою
 одеждою;
 То весь объят бываю трепетом
 И прихожу в иступление от
 радости,
 Становлюсь безгласным и сильно
 расслабеваю,
 Так как **Бог** — Творец мира
 дан мне,
 Человеку мерзкому и
 отвратительному для всех
 Людей и бесов, как **соделавшемуся**
 уже
 И превзошедшему совершением
 непристойнейших дел
 И этих последних.
 Увы мне,
 постыдному и скверному,
 И как я буду говорить еще?
 По безмерному благоутробию
 Ты соединился со мною,
Човеколюбче,
 Великий в непорочности, еще
 больший **святостию**,
 Несравненный в могуществе
 и неизобразимый в славе,
 И снизошел свыше от безмерной
высоты
 До последних врат ада грехов
моих,
 До мрака нищеты моей
 И разрушенной моей храмины,
 От многих беззаконий
 И величайшего нерадения
 Совершенно запущенной
 и оскверненной,
 Ты, Который сперва воскресил
 меня, долу лежащего,
 И поставил на камне
 Божественных заповедей Твоих
 И, **омыв, очистил от тины пороков**
моих,
 И облек в хитон светлее снега,
 И вывел загрязненную храмину,
 И, войдя в нее, стал обитать,
 о Христе, Боже мой!

Потом Ты соделал **меня** престолом
 Божества Твоего,
 Жилищем неприступной Твоей
 славы И царства,
 Светильником, имеющим внутри
 Неугасимый и Божественный свет,
 Сосудом поистине прекрасного
 жемчуга,
 Полем, на котором скрыто
 сокровище мира,
 Источником, пьющие из которого
 никогда не жаждут
 И который десятикратно источает
 весьма обильную воду
 И с верою пьющих ее соделывает
бессмертными,
 Раем, имеющим посреди древо
жизни,
 И землю, объемлющую Тебя, для
 всех неместимого,
 Которого я взывал некогда от
 всего сердца своего,
 Желая всегда слушать Твое слово.
 Ибо если и прежде ум мой не мог
 вообразить
 Тебя чисто, будучи совершенно
 осквернен,
 Ни глаза мои не могли увидеть,
 ни **слух** — услышать,
 Ни сердце мое воспринять
 Божественных восхождений,
 Но от одного слуха душа моя
 вся приходила в изумление,
 Поражаясь страхом и трепетом,
 То и теперь она изумляется,
 видя Тебя внутри себя
 И созерцая Тебя, как бы в зеркале,
 поскольку даешь Ты ей видеть
 Всего Себя во всей вселенной
 и всего вне ее,
 И, напротив, внутри себя всего
 Тебя усматривая,
 Всего непостижимого в
 Божественном Божестве Твоем,
 Для всех невидимого и
 сокровенного.
 Тебя, неприступного и доступного,
 для кого Ты **изволил**,
 Подобно тому, как Сам Ты
 восхотел
 Человеколюбиво явиться на земле,
 Тебя, для Херувимов и Серафимов
 и всех Ангелов
 Неприступного и страшного
 сиянием Божественного естества,
 Среди людей видя доступным,
 Она вся совершенно приходит
 в иступление.
 Но еще более она изумляется
 Твоей благодати и человеколюбия,
 Так как Ты очищаешь нечистые
 души, и ум просвещаешь,
 И обнимаешь земную и
 вещественную сущность,

И возжигаешь великое пламя
 Божественной любви,
 И, как бы огонь, ввергаешь в меня
 Божественное желание любви,
 И уготовляешь меня достигать
 до третьего неба,
 И делаешь, Спаситель, способным
 восхищаться в рай,
 В котором я слышу неизреченные
 и страшные глаголы,
 Которых невозможно пересказать
 смертным

Или поведать словесно.
 Тебе же, Христе, подобает честь,
 слава и величие,
 И вечная держава, как Владыке
 всего мира,
 Со Отцом и **Духом** — по естеству
 Пресвятым,
 Ныне и присно и во веки веков.
 Аминь.

Преподобный Симеон Новый Бого-
 слов (59, 169—177)*

Причащение недостойное

Те, которые причащаются Божественных **Таин** недостойно, пусть не думают, что через них так просто соединяются с Богом, потому что этого не бывает с ними и быть не может никогда, пока они таковы. Одни те, которые через Причащение Божественной Плоти Господней удостаиваются зреть умным оком, осознать умным осознанием, вкусить умными устами невидимое, неосязаемое и невкусимое **Божество,—только** они знают, как благ Господь. Они не только хлеб и вино вкушают, но в то же самое время мысленно вкушают и пьют Бога двоякими **чувствами** — души и тела: вкушают чувственно Плоть, духовно **же** — Бога и соединяются таким образом телесно и духовно со Христом, Который двойствен по естествам как Бог и Человек, и становятся сотелесными с Ним и сообщниками Славы Его и Божества. Этим-то образом соединяются с Богом причащающиеся **достойно — вкушающие** от Хлеба и пьющие от Чаши с сознанием и созерцанием силы Таинства и с чувством душевным. А те, которые причащаются недостойно, бывают пусты от благодати Святого Духа и питают только тело свое, а не души (60, 341).

Хлеб этот для тех, которые не возвысились над чувственным, является простым хлебом, хотя таинственно он есть свет невместимый и непрístupный. И вино таинственно есть свет, жизнь, огонь, вода живая. Итак, когда вкушаешь ты этот Божественный Хлеб и пьешь это Вино Радования, а между тем не ощущаешь, что зажил жизнью бессмертной, восприняв в себя светоносную и огненную силу, как пророк **Исаия** принял в уста уголь горящий, если не ощущаешь в себе, что испил Кровь Господню, как воду живую, то как можешь думать, что приобщился Жизни Вечной, приступил к непрístupному Свету Божества, стал причастником вечного Света? Нет, брат мой, нет; ничего такого не совершается с тобою, так как ты не чувствуешь в себе ничего подобного. Но Свет этот светит на тебя, а ты слеп и не просвещаешься. И огонь излучает на тебя тепло, а ты остаешься холодным. И жизнь вошла в тебя, а ты не чувствуешь и пребываешь мертвым. И вода живая протекла по душе твоей, как по желобу, но не осталась в тебе, потому что не нашла в тебе достойного себе вместилища,

чтобы вселиться внутрь тебя. Поэтому если ты причащаешься Пречистых **Таин**, но не ощущаешь какой-либо благодати в своей душе, то причащаешься только по видимости, а в себя самого ничего не принимаешь. Ибо те, которые достойно приступают к этим Таинствам и должным образом приготавливаются к принятию в них Сына **Божия** — этого Хлеба Жизни, сходящего с Неба, к тем Он прикасается ощутимо и с теми соединяется, давая осязательно испытывать Свое благодатное присутствие. Преподобный Симеон **Новый Богослов** (60, 342).

Этот дар сочетает и соединяет нас с Богом. Если так, то где же у нас это соединение? Побеждаясь страстями, гневом, завистью, человекоугодием, тщеславием, ненавистью, мы далеко отстоим от Бога (82, 136).

Горе мне! Горе мне! Не прекращая увлекаться в общение с врагами Божиими, как я могу иметь общение с Богом? Из этого следует, что я причащаюсь в суд и в обличение себе. Перед преподанием Даров возглашаются слова: «Святая святым!» (то значит: приглашаются к Святым Тайнам святые люди. Если я свят, то кто же приводит во мне грех в действие? Преподобный авва **Исаия** (82, 148—149).

Падающие и не осмеливающиеся приступить к Священным **Тайнам** — сознательны и скоро могут достигнуть того, чтобы не грешить. А согрешающие и осмеливающиеся «нечистыми руками» прикасаться Пречистых **Таин**... достойны бесчисленных наказаний. Ибо, по неложному слову Павлову, делают они себя виновными против Тела и Крови Господней (1 Кор. 11, 27). Поэтому к первым не с такой силой приступает диавол, зная, что хотя они и падают, но, сознавая это, хранят уважение к Божественному. А на последних, которые грешат и не сознают того или, хотя и сознают, но пренебрегают тем и осмеливаются касаться Священных **Таин**, диавол нападает всеми силами, справедливо считая это признаком совершенного бесчувствия и развращения. Так поступил он и с предателем. Ибо вошел в него не потому, что пренебрег... Кровию Владыки, но потому, что из лукавства Иуды заключил о его уже неисцелимой болезни. Поскольку Иуда замышляет предать, но не отказывается от Приобщения, то диавол увлекает **его**. А если бы увидел его сохраняющим благоговение к Божественному Таинству и воздержавшимся от него, то, может быть, миновал бы Иуду как еще трезвенного. Но поскольку увидел, что он омрачен корыстью, что уже нет в нем правого помысла, но выходит он из себя от ненасытности, а сверх того осмелился коснуться того, чего в таком состоянии и касаться не надлежало, то, познав это бесчувство, всецело вошел в него. Преподобный Исидор Пелусиот (51, 359).

Некогда Иуда-предатель, недостойно приняв Хлеб от Христа, съел его как часть обыкновенного хлеба. И потому сатана вошел в него тотчас и сделал его бесстыдным предателем **Христа** — учителя (своего), воспользовавшись им, как слугою и рабом, и

исполнителем своей воли. Так случается по неведению с теми, которые недостойно, дерзко и самонадеянно прикасаются к Божественным Тайнам (59, 230).

Если же прежде... чем покажешь должное покаяние, дерзнешь ты причаститься Тела и Крови Христовых, то демоны, видя, как ты презрел Бога и причастился недостойно, все устремятся на тебя и, схватив тебя, немилостиво и бесчеловечно низринут тебя опять в ров прежнего непотребства. Тогда вместо христианина сделаешься ты **христоубийцей** и будешь осужден вместе с теми, которые распяли Христа (60, 278).

Горе (недостойно) причащающемуся, потому что, причащаясь после срамных дел, не очищенных покаянием и епитимией, он все больше и больше поддает власти диавола, а наконец и совсем ему подчиняется; и Бог совершенно оставляет такого за его недостойнство и нечистоту, и особенно за его бесстыдство и дерзость...

... Горе священнику, причащающему его, что удостаивает Причастия недостойного и преподаает Пречистое Тело и Честную Кровь Христа Спасителя тому, кто недостойно даже переступить порог храма Божия, с кем запрещено вместе вкушать и простую пищу всякому христианину... Преподающий такому Тайны праведно подлежит осуждению и за то, что этим он человека, грешащего по уклонению от правого помысла и по легкомысленной небрежности, делает совершенным врагом Богу. Священник или духовный отец не должен преподавать такому Тайны. Он должен подвигнуть его на покаяние словами кроткими и пробуждающими совесть, помянув ему о тех страшных муках адских, которые непременно будут испытывать грешники. Должен вразумить его и вести, как слепого, и позаботиться о нем, как о вышедшем из ума и страждущем от искушения и дьявольского насилия, и помолиться Господу, чтобы отверз слух души его и помог ему хоть немного прийти в чувство и познать нечестие свое и опять, через покаяние, возвратиться в среду верных, потому что такой есть неверный нечестивец (60, 280).

Следовало бы послушаться того, кто возбраняет им недостойное Причащение, и благодарить его, потому что он избавляет их от величайшей беды, больше которой нет и никогда не было, так как недостойно причащающиеся повинны бывают Крови Христа Господа, то есть будут осуждены вместе с Иудой и распинателями Господа (60, 282).

Если любящий грех и недостойно причащающийся Пречистых **Тайн** Тела и Крови Спасителя не подвергается тотчас вразумительным мучениям, то никак не избежит вечных мучений, где червь неусыпающий и огонь неугасающий. Итак, если он не боится вечного огня и нестерпимых мук вместе с диаволом на веки веков, то пусть бесстрашно причащается. Если же боится, то лучше для него, воздержавшись некоторое время от Причащения Пречистых **Тайн**, покаявшись, поплакать перед Богом, потрудиться по **силе** своей над изменением состояния своего и пресечь свой злой греховный навик, и тогда уже причаститься без опасности Для своей души. Тогда освободит его сатана, который, живя в **нем**, насильственно подвигал его на развращение и всякую нечистоту (60, 283).

Кто верует, тот не причащается недостойно Пречистых **Тайн**, но очищает себя от всякой скверны, от чревоугодия, от злопамятства, от злых дел и постыдных слов, от бесчинного смеха, от скверных помыслов, от всякой нечистоты и от всякого греховного

внутреннего движения и таким образом приемлет Царя Славы. Напротив, в тех, которые недостойно причащаются Пречистых **Таин**, стремительно врывается диавол и входит в сердце их, как случилось с Иудой, когда он причастился вечери Господней... (60, 440).

Если, по Божественному слову, вкушающие Плоть Господа и пьющие Кровь Его имеют Жизнь Вечную, а мы, когда причащаемся, не чувствуем, чтобы при этом было в **нас** что-либо сверх того, что бывает от обыкновенной пищи, и не сознаем, что получаем иную жизнь, то очевидно, что мы причащаемся только хлеба, а не Бога. Ибо если Христос есть Бог и Человек, то и Святая Плоть Его не есть только плоть, но Плоть и Бог нераздельно и неслиянно. И поскольку Плоть, то есть поскольку она явлена под видом хлеба, мы видим ее глазами, а Божество мы не видим, но созерцаем духовным взором (61, 55).

Подобает нам знать, что есть пять классов людей, которым Святые Отцы воспрещают приступать к Святому Причастию. **Первый** — оглашенные, как еще не крещенные. **Второй** — крещенные, но возлюбившие постыдные и неправедные дела, как отступники от святой жизни, для которой крещены: блудники, убийцы, лихоимцы, хищники, обидчики, гордецы, завистники, злопамятные, которые, будучи таковыми, не чувствуют, что являются врагами Богу и находятся в бедственном положении, а потому не сокрушаются, не плачут о грехах своих и не каются. **Третий** — бесноватые, если они хулят и поносят это Божественное Таинство. **Четвертый** — те, которые пришли в чувство и раскаялись, прекратили греховные дела свои и исповедались, но несут наложенную на них епитимию, стоят вне церкви определенное время. И **пятый** — те, у которых не созрел еще плод покаяния, то есть которые не дошли еще до решимости посвятить Богу всю свою жизнь и жить в дальнейшем **во** Христе жизнью чистой и безукоризненной. Эти пять классов, очевидно, недостойны Святого Причастия. Достоин же Причастия Святых **Таин**, кто чист и не причастен грехам, о которых мы сказали. Но когда кто-либо из таковых достойных осквернится каким-либо осквернением, как это может случиться с человеком, тогда, конечно, и он недостойно причастится, если не отмоет покаянием того, чем осквернился. **Преподобный Симеон Новый Богослов (60, 284).**

Духовная немощь и духовная смерть происходят от (недостойного) Причащения. Ибо многие, которые недостойно причащаются, становятся немощными верой, слабыми духом, то есть подвергаются недугам страстей, засыпают сном греха и от этого смертоносного усыпления никак не пробуждаются для спасительных дел (53, 570).

Если бы мы считали себя недостойными принятия Таинств всякий раз, как подвергаемся ране греховной, то прилагали бы старание исправиться через покаяние, чтобы достойно приступить к ним. Тогда мы не наказывались бы Господом как недостойные — жестокими бичами немощей, чтобы, сокрушенные таким образом, стремились излечить наши раны, чтобы иначе, будучи признаны недостойными краткого вразумления в этом веке, мы не были осуждены в будущем вместе с грешниками этого мира. Преподобный Иоанн **Кассиан** Римлянин (53, 570).

Как многие говорят теперь: «Желал бы я видеть лицо Христа, Его образ, Его одежду». Но ты видишь Его (в Евхаристии),

прикасаешься к Нему, вкушаешь Его. Ты желаешь видеть одежды Его, а Он дает тебе не только видеть Себя, но и касаться, и вкушать, и принимать внутрь. Итак, никто не должен приступать с пренебрежением, никто с малодушием, но все с пламенной любовью, все с горячим усердием и бодростью... Потому должно всегда бодрствовать, ибо не малое предлежит наказание тем, которые недостойно приобщаются. Вспомни, как ты негодуешь на предателя и на тех, кто распял Христа. Берегись, чтобы и тебе не сделаться виновным против Тела и Крови Христовой. Они умертвили Всесвятое Тело, а ты принимаешь его нечистой душой после стольких благодеяний. Ибо недостаточно было для Него того, что Он сделался человеком, что Его били и распяли, но Он еще отдаст Себя нам, и не только верою, но и действительно делает нас Своим Телом; как же чист должен быть тот, кто наслаждается этой Жертвой! Насколько чище всех солнечных лучей должна быть рука, раздробляющая эту Плоть, уста, наполняемые духовным огнем, язык, обгаряемый Страшной Кровию! Помысли, какой чести ты удостоен, какой наслаждаешься Трапезой! На что с трепетом взирают Ангелы и не смеют воззреть без страха из-за сияния, отсюда исходящего, тем мы питаемся, с тем сообщаемся и делаемся одним Телом и одной **Плотью** со Христом. «Кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его?» (Пс. 105, 2). Какой пастырь питает овец собственным телом? Но что я **говорю** — **пастырь**! Часто матери отдают новорожденных младенцев кормилицам, но Христос не потерпел этого: Он питает нас собственной Кровию и через нее соединяет нас с Собою (113, 523).

Не столь опасно приступать к этому Таинству бесноватым, сколько тем, которые, как говорит апостол Павел, попирают Христа, Кровь Завета не почитают за Святыню, а ругаются над благодатью Духа. Приступающий во грехах хуже бесноватого. Последний не наказывается, потому что он беснуется, а приступающий недостойно предается вечному мучению (41, 828).

Повинны мы в нечестии против Господа, когда без достаточной подготовки тела приступаем к соединению с Его Телом, которое Он дал нам для того, чтобы мы, соединившись с Ним, могли соединиться с духом Святым. **Святитель Иоанн Златоуст** (42, 932).

«Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями» (Мф. 7, 6), — говорит Христос. Ибо и в этом нужен правый суд. Господь не сказал неопределенно или без различия: давайте святое и жемчуг всем, но говорит: «Не давайте свиньями псам», то есть творящим **зло**. Так говорит и апостол: «Берегитесь псов, берегитесь злых делателей» (Флп. 3, 2). ... Внемли же и ты, иерей, не давай недостойным Пречистого Тела, чтобы не подпасть тебе **ответственности** — не по закону гражданским, но по слову Владыки. Итак, не давайте святыни псам, не бросайте бисера вашего перед свиньями, чтобы они не попирали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас, произведя расколы и ереси. Святитель Афанасий Александрийский (115, 644).

Так как священники не знают всех грешников и людей, недостойно причащающихся Святых **Таин**, то Бог часто ...

предает их сатане. Когда случаются болезни, когда наветы, когда скорби и несчастья, когда постигают тому подобные бедствия,— это происходит по такой причине. **Святитель Иоанн Златоуст (45, 656).**

«Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они... обратившись, не растерзали вас» (Мф. 7, 6). Эти слова имеют такой смысл. Божие слово свято и является самым драгоценным жемчугом. Псы же и **свиньи** — согрешающие не только в догматах, но и в жизни. **Поправление** — раздор и споры о них покушающихся извратить правоту догматов и оскорбляющих достойную жизнь. А **растерзание** — пренебрежение и поругание неправедно живущими носителей слова Божиего, подающих добрые советы. Господь поэтому и сказал: не бросайте слова, подобно чему-либо малочемному и легко приобретаемому, чтобы и Господа не оскорбить, и самим не подвергнуться осмеянию тех, которые не говорят и не живут в истине. Иные же, тоже близкие к правде, толкуют эти слова так, что Господь повелел не давать и священства недостойным и нечистым, чтобы не осквернили его. ...Если же скажут, что и согрешающим мирянам Господь повелевает не преподавать Божественных **Таин**, — не противоречь этому. **Преподобный Исидор Пелусиот (115, 643—644).**

Когда священник священнодействует, совершив смертный грех, бывает ли действительным Таинство? Бывает, так как Таинство свое начало имеет от Христа, но только в этом случае самому священнику, как находящемуся во грехе, оно не сообщает никакой благодати: «Ибо, кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле **Господнем**», — говорит апостол (1 Кор. 11, 29). **Святитель Димитрий Ростовский (103, 86).**

Христианина без веры быть не может, веры же — без любви, а **любви** — без добрых дел (1 Кор. 13, 1—8, 13). Иначе христианин остается ничем иным, как язычником, хотя исповедует имя Божие и Христово. Как же страшно такому приступать к Святой **Тайне** — **всякий** видит. От этого бывает, что многие христиане, причащающиеся Святой Тайны, изменяются не к лучшему, а к худшему, ослепляются еще больше; не просвещаются, а ожесточаются; не исправляются, а из греха в грех впадают, но греха своего не познают, и греха за грех не считают, и делают то, чего язычники не делают. Причина этому в том, что презируют Божию благодать, а потому и сами лишаются Божией благодати, и предает их Бог «превратному **уму** — делать непотребства» (Рим. 1, 28). **Святитель Тихон Задонский (104, 1668).**

Святой Макарий Александрийский рассказывал о бывшем ему страшном видении. Братия приступили к принятию Святых **Таин**. Как только некоторые простирали руки, бесы, как бы предупредив священника, клали им на руки уголья, между тем как Тело Христово, преподаваемое священником, возносилось обратно к алтарю. Напротив, когда более достойные из причастников простирали руки к алтарю, злые духи отступали от них и с ужасом далеко убегали. Видел он также, что Ангел Господень предстоял алтарю и вместе с рукою священника простирает свою руку к алтарю и участвовал в преподании Святых **Таин**. И с того времени почил на нем благодать Божия, открывавшая ему, как во время бдений, при чтении псалмов и молитв кто-нибудь из братии, по внушению злых духов, предавался помышлениям. И не укрывались от него ни недостатки, ни достоинства **братий**, приступающих к алтарю. **Жизнь пустынных отцов (77, 105).**

Ныне, о Владыко, среди живых я пребываю, как мертвый, и среди мертвых, как живой, я — несчастный более всех людей, на земле живущих, которых создал Ты, Боже мой. Ведь быть мертвым среди живущих по Тебе хуже, чем не получить бытия. Ибо жить неразумной и скотоподобной жизнью не ведущих Бога подобно тому, что жить среди мертвых. В самом деле, как не подобно? и как не то же? хотя мне и кажется, что я знаю Тебя, и верую в Тебя, и воспеваю и призываю Тебя. Ибо только уста мои, Слове, говорят то, чему научен я, равно и гимны и молитвы я воспеваю те, которые давно уже написаны принявшими Духа Твоего Святого. Между тем, говоря это и думая, что я сделал нечто великое, я не чувствую и не понимаю того, что как дети, учась, часто не сознают силы речений, так и я, проводя время в молитвах, чтении псалмов и составлении гимнов и воспевая Тебя, единого благоутробного Владыку, не воспринимаю чувством Твоей славы и света. И подобно тому как еретики, многому научившись, мнят, что познали и знают Тебя, мнят, несчастнейшие, что и видят Тебя, Боже мой, так и я, произнося много молитв и псалмопений одним языком своим, положим же, что и сердцем, на основании этого полагаю, что обладаю высшей степенью веры, думаю, что воспринял всякое познание истины и ни в чем более не нуждаюсь. На основании того же я заключаю, что вижу Тебя, Свет мира, Спаситель, и говорю, что имею Тебя, и Ты сопребываешь со мною. Воображая, что приобщаюсь Твоей Божественной природе, я против себя же подыскиваю выдержки и речения. Так, отыскав из Писания, я привожу следующее свидетельство: Господь сказал, что ядущие Его Плоть и пьющие Его Кровь в Нем пребывают, равно и Он Сам, Владыка, в них обитает (Ин. 6, 56). Итак, говоря это, я утверждаю, что в удержимом виде тела Неуловимый пребывает, как уловимый и совершенно Невидимый, как видимый и держимый. Но я, несчастный, не понимаю того, что только в тех, в которых Ты изволишь, в чувственном, держимом и видимом Ты, Создатель, пребываешь, как чувственный, держимый и видимый. В нечистых же, каков я, или, лучше сказать, недостойных, Ты, обоготворяя чувственное Твое Тело и Кровь* и делая его совершенно недержимым и неуловимым, неизменно изменяешь его, вернее же, поистине претворяешь в духовное и невидимое, как некогда Ты вошел и вышел сквозь затворенные двери (Ин. 20, 19—26) и в другой раз сделался невидим на глазах учеников во время преломления хлеба (Лк. 24, 30—31). Так и ныне (в Таинстве Евхаристии) хлеб Ты соделываешь Телом Твоим духовным. А я думаю, что, делаясь причастником Твоей Плоти и приобщаясь Тебя, я всегда удерживаю Тебя, хотел ли бы Ты или не хотел, и воображаю, Христе мой, что бываю как бы святым наследником Божиим и Твоим сонаследником и братом, и причастником вечной славы. Итак, не ясно ли отсюда, что я являюсь совершенно бесчувственным и не понимаю, очевидно, того, о чем пою и что **воспеваю**, что говорю и о чем всегда размышляю. Ибо если бы

То есть обоготворяя только евхаристический хлеб и вино, а не причащающихся их. — *Примеч. пер.*

вполне разумел, то знал бы, конечно, и то, что Ты, Боже мой, для того непреложно сделался человеком, чтобы, восприняв меня, всего обоготворить, а не для того, чтобы Ты, как человек, пребывал в тучной плоти и чтобы, будучи, как Бог, по природе совершенно **недержимым**, нетленным и неуловимым, Ты держим был в тлении. Если бы я знал, что Тело Твое Божественное неуловимо, и верил, что Кровь Твоя святая для меня, недостойного, поистине является огнем неприступным, то я приобщился бы их со страхом и трепетом, очищая себя слезами и воздыханиями. Но я сижу ныне во тьме, обольщенный неведением и будучи одержим, несчастный, совершенным бесчувствием.

Однако я прошу и умоляю Тебя, припадая к Тебе и ища Твоей милости: воззри на меня, Властитель мой, и ныне, как некогда, покажи благоутробие и сострадание Твое, яви непамятозлбие на **мне** — мытаре, или **лучше** — **всеблудном**, согрешившем пред Тобою сверх всякой природы разумных и бессловесных существ. Ибо хотя и все беззакония соделал я в жизни, но Тебя, Бога (Отца), исповедую Творцом всего, Тебя, Сына Божия, почитаю единосущным (Отцу), рожденным от Него прежде всех веков, в последние же **времена** — от Святой Девы Богородицы Марии рожденным, как младенца, и соделавшимся человеком, ради меня пострадавшим, распятым и погребению преданным, в третий день воскресшим из мертвых и восшедшим во плоти туда, откуда Ты не отлучался. Итак, за то, что я таким образом верую и поклоняюсь Тебе, и уповаю, что Ты, Христе, паки приидешь судить всех и воздать каждому по достоинству, пусть вера вместо дел вменится мне, Боже мой; не взыщи с меня дел, совершенно оправдывающих меня, но вместо всего пусть эта вера будет достаточной для меня. Пусть она защитит, пусть она оправдывает меня и покажет причастником вечной Твоей славы*. Ибо верующий в Меня, сказал Ты, о Христе мой, жив будет и не увидит смерти вовеки (Ин. 11, **25—26**). Итак, если вера в Тебя спасает отчаянных, то вот я **верую**, — **спаси меня****, озарив Твоим Божественным светом: явившись, Ты просветишь, **Владыко**, во тьме и сени смертной держимую душу мою. Даруй мне умиление, как питье Твое живительное, питье, увеселяющее душевные и телесные чувства мои, питье, всегда меня радующее и подающее мне жизнь, которой не лиши меня, Христе, смиренного странника, все упования на Тебя возложившего. Преподобный Симеон Новый Богослов (59, 59—62)***.

* Вышеприведенные слова, начиная отсюда: «Пусть вера вместо дел вменится мне» и пр. дословно читаются в восьмой утренней молитве (Многомилостиве и всемилостиве Боже мой...) с соблюдением замечательной точности славянского перевода. — *Примеч. пер.*

** И эти дальнейшие слова мы буквально читаем в той же молитве; только они поставлены там выше предыдущих. На основании этих буквальных выдержек следует заключить, что автором названной прекрасной молитвы является или непосредственно сам преп. Симеон Новый Богослов, или она составлена кем-либо из 9-го **гимна**. — *Примеч. пер.*

*** Гимн 9. Кто живет, не ведая еще Бога, тот есть мертвый среди живущих в познании Бога; И кто недостойно причащается Святых **Таин**, для того неуловимо бывает Божественное Тело и Кровь Христова.

Причащение не должно быть бесплодным

Страшному осуждению подлежит не только тот, кто недостойно, при нечистоте плоти и духа, причащается Тела и Крови Господа, но и тот справедливо осуждается и наказывается, кто причащается без плода и пользы. По двум причинам осуждается таковой за свое бесплодие. **Первая—та**, что это Таинство, столь спасительное и благотворное, он делает бесплодным и бесполезным в себе самом, не делая ничего доброго (будто в укор Таинству). **Вторая—та**, что причащается неблагодарно, так как потом не проявляет никакого благодарения Богу, через исполнение заповедей Его. Если Христос Господь не оставил ненаказанными тех, которые произносят праздное слово, не тем ли более осудит Он того, кто столь великое Таинство делает бесплодным (праздным) в себе самом? Кто причащается Тела и Крови Христовых в воспоминание Христа Господа, что Он умер и воскрес нашего ради спасения, тому надлежит не только быть чистым от всякой скверны плоти и духа, чтобы не вкушать Тела и не пить Крови Господа во осуждение себе, но должно еще делом показать, что действительно воспоминает Христа Господа, умершего и воскресшего за нас,—именно тем, чтобы явить себя мертвым греху, миру и себе и живым Богу во Христе Иисусе, Господе нашем. Преподобный Симеон Новый Богослов (60, 422).

По причащении же Святых **Таин** Христовых войди тотчас в сокровенности сердца своего и, поклонившись там Господу с благоговейным смирением, обратись к Нему мысленно с такими словами: «Ты видишь, Мой Всеблагий Господь, как легко впадаю я в грехи на гибель себе, какую силу имеет надо мной борющаяся меня страсть и как сам я бессилен освободиться от нее. Помогни мне и усили бессильные усилия мои или лучше Сам восприими оружие мое вместо меня, порази вконец этого неистового врага моего». После этого обратись к Небесному Отцу Господа нашего Иисуса Христа и нашему, в Тайнах этих вместе с Ним благоволением Своим в тебя нисшедшего, и к Духу Святому, благодатию Своею тебя побудившему и приготовившему к принятию Тела и Крови Господних и по принятии их теперь обильно тебя осеняющему. Поклонись этому Богу Единому, во Святой Троице славимому и нам благодеющему, и, воздав благоговейное Ему благодарение... как некий дар, предложи непреклонное решение, готовность и порывы к борьбе со своим грехом в надежде преодолеть его силою Единого Триипостасного Бога... Придет, несомненно придет помощь и, сделав твои бессильные усилия **всесильными**, подаст тебе победу над тем, с чем борешься. Преподобный Никодим Святогорец (64, 213).

Христос дал нам в пищу Свою Святую Плоть, Самого Себя предложил в Жертву; какое же мы будем иметь оправдание, **когда**, принимая такую пищу, грешим; вкушая Агнца, делаемся волками? (41, 521).

Пусть язык, приобщившись Тела Господня, не произносит неприятного. **Святитель Иоанн** Златоуст (46, 660).

Поэтому нужно и хотящему приступить ко Святому Причастию рассудить, кто и к чему приступает, и **причастившемуся — чего** причастился. И прежде Причащения нужно рассуждение о себе самом и великом Даре, и после Причащения нужно рассуждение и память о Небесном Даре. Прежде Причащения нужно сердечное покаяние, смирение, отложение злобы, гнева, прихотей плотских, примирение с ближним, твердое предложение и изволение нового и благочестивого жития во Христе Иисусе. После Причащения нужно исправление, свидетельство о любви к Богу и ближнему, благодарение, усердное стремление к новому, святому и непорочному житию. Словом, прежде Причащения нужны истинное покаяние и сердечное сокрушение; после покаяния нужны плоды покаяния, добрые дела, без которых истинного покаяния не может быть. Следовательно, христианам необходимо жизнь свою исправить и начать новую, богоугодную, чтобы не в суд и во осуждение было им Причащение. **Святитель Тихон Задонский (104, 1667—1668).**

Кого не было при сретении Господа, когда Он торжественно, как Царь, входил в Иерусалим, и кто не взывал тогда: «осанна Сыну Давидову!» (Мф. 21, 9). Но прошло только четыре дня, и тот же народ тем же языком кричал: «распни, распни Его!» (Лк. 23, 21). Дивное превращение! Но что дивиться? Не то же ли самое делаем и мы, когда, по принятии Святых **Таин Тела и Крови Господних**, чуть только выходим из **церкви — забываем** все: и свое благоговение, и Божию к нам милость, и предаемся по-прежнему делам самоугодия, сначала маленьким, а потом и большим, и, может быть, еще прежде четырех дней, хоть и не кричим другому: «Распни!», сами распинаем в себе Господа. И все это видит и терпит Господь! Слава долготерпению Твоему, Господи! **Епископ Феофан Затворник (107, 92—93).**

По **принятии** Святых **Таин** поймите славу вашу, вникните в настоящее достоинство ваше: каждый из **вас** —сосуд Божественного Таинства, каждый из **вас** —храм, в котором Сын Божий с Предвечным Отцом Своим и поклоняемым Духом таинственно и вместе существенно обитает. Уже теперь вы не свои, вы **Божии**. Вы куплены Богом ценою Крови Сына Его **(111, 77).**

Ты усыновлен Богу Таинством Святого Крещения, ты вступил в теснейшее единение с Богом в Таинстве святого **Причащения** — поддерживай усыновление, поддерживай единение. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (108, 104).**

ЕЛЕОСВЯЩЕНИЕ*

«Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восставит **его** Господь; и если он соделал грехи, простятся ему» (Иак. 5, 14—15).

Помазую тебя святым елеем во имя Отца и Сына и Святого Духа, да не скрывается в тебе дух нечистый... но да обитает сила Христа Бога и Святого Духа, чтобы ты через совершение этого таинства, через помазание святым елеем и нашу молитву, силою Святой Троицы уврачеванный, удостоился получить прежнее и совершенное здравие. **Святитель Григорий Двоеслов, из молитвы (113, 622).**

Когда ты заболеешь и если ты веришь в эти слова: «Господь Сил» и другие, усвояемые Божественным Писанием Богу как свойственные Его природе, тогда произноси эти слова, воссылая за себя молитвы. Ты поступишь гораздо лучше, нежели они (то есть обращающиеся к волхвованию), ибо будешь воздавать славу не духам нечистым, но Богу. При этом я напому тебе еще слова Божественного Писания: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне». **Святитель Кирилл Александрийский (113, 622).**

Плоды искренней молитвы: простота, любовь, смиренномудрие, терпение, незлобие и подобное тому. Все это и прежде вечных плодов произращает здесь плод в жизни подвижащегося. **Святитель Григорий Нисский (23, 281).**

Слезы же надо проливать о грехе, **это — душевный** недуг, **это — смерть** души бессмертной. **Святитель Василий Великий (7, 73).**

Всеми возможными способами Бог показывает, что Он милостивый Податель благ. Он одаривает нас Своей любовью и являет нам милосердие Свое. Поэтому и не отвечает ни на одну неправильную молитву, исполнение которой принесло бы нам **смерть** и гибель. Однако и в этом случае, отказывая в просимом **(например,** в неприменном исцелении от телесных болезней через

Таинство Елеосвящения), не оставляет нас без весьма полезного дара (через болезнь и Таинство сугубо очищающую душу человека). И тем самым, что устраняет от нас вредное, уже отвергает нам дверь щедрот Своих. Податель **благ** не находит Себе места в неразумии просящего. Немудрому, который по простоте своей и неведению, вопреки разуму, просит себе вредного, Бог подает премудро. Всякий другой образ действия был бы неразумен для всеведения Подателя. Потому будь уверен, что всякое прошение, которое не бывает исполнено, несомненно, вредно, а то прошение, которое услышано, полезно. Бог праведен и благ, и не оставит твоих прошений неисполненными, потому что в благодати его нет злобы и в правде Его нет зависти. Если же Податель медлит с исполнением, то не потому, что раскаивается в обетовании; напротив того, Он хочет видеть терпение твое... Если ты просишь неотступно, стучишь в дверь Подателя, то пока и ничего не дал Он тебе, уже подает терпение, а оно выше всего просимого тобою. О чудный Податель, когда и отказывает во вредной просьбе, и тогда дает такой дар, который дороже всего желаемого. **Преподобный Ефрем Сирин (28, 226).**

(В таинстве Елеосвящения) огонь благодати прогоняет бесов, истребляет (забытые) грехи, этот огонь есть сила Воскресения, действенность бессмертия (33, 190).

Кто создал душу, Тот сотворил и тело, и Кто исцеляет бессмертную душу, Тот может излечить и тело от временных страданий и болезней (33, 308).

Благодать требует, чтобы причащающаяся ее душа была благоговейна, благомысленна, чтит благодать и являла в себе достойные плоды. **Преподобный Макарий Египетский (33, 456).**

Для того предстоят здесь священники, чтобы слабые молитвы людей соединились с их сильными молитвами и вместе восходили на небо (35, 521).

Удивительно ли, что молитва может прекращать человеческие горести, если она легко погашает и истребляет сами грехи? (35, 546).

Но Бог часто попускает тебе впасть в болезни не потому, что Он оставил тебя, но чтобы более прославить тебя (и очистить) (35, 660).

Ибо какой вред от болезни тела, когда душа здорова? (35, 855).

Молитва — причина спасения, виновница бессмертия души, несокрушимая стена Церкви, непоколебимая охрана; она страшна для демонов, для нас же, благочестивых, спасительна (36, 243).

Но молящемуся надо прежде всего иметь твердую веру, и тогда просимое непременно будет получено (39, 11).

Испорченность души есть причина болезней телесных (41, 145).

Имея какую-нибудь телесную болезнь, мы всеми силами стараемся освободиться от нее, а тяжко страдая от болезней душевных, мы медлим... Потому мы не избавляемся и от телесных болезней, что необходимое для нас считаем маловажным, а **маловажное — необходимым** и, оставив самый источник

зол (грехи и страсти), хотим очистить потоки (болезни телесные). **Святитель Иоанн Златоуст (41, 145).**

Вот почему в болезнях телесных, прежде врачей и лекарств, пользуйтесь молитвой (48, 236).

Нет такой немощи, которую не в силах исцелить человеколюбивый Христос. **Преподобный Нил Синайский (49, 390).**

Недуги Бог посылает для здоровья души. **Преподобный Иоанн Лествичник (57, 296).**

Победа же над собственной греховностью (с помощью благодати) есть вместе и победа над вечной смертью (111, 158).

Духовный разум научает, что недуги, которые Бог посылает человеку, посылаются по особенному Божию милосердию, как горькие целительные врачевания больным душою; они содействуют нашему спасению, нашему вечному благополучию гораздо вернее, чем чудесные исцеления (111, 317).

Одр болезни часто бывает местом богопознания. Страдания тела часто бывают причиной духовных наслаждений... **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (111, 506).**

ЖИЗНЬ ЗЕМНАЯ

Земная **жизнь — борьба** между жизнью и смертью

Земная жизнь есть не собственно жизнь, но непрестанная борьба между жизнью и смертью: попеременно мы уклоняемся то к той, то к другой, колеблемся между ними, оспариваемся ими. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (110, 171).**

Жизнь **человеческая** — непостоянное море, зыбкий воздух, неуловимое сновидение, утекающий поток, исчезающий дым, бегущая тень, воды, колеблемые волнами. И хотя буря страшна, плавание опасно, однако же мы, пловцы, беспечно спим. Страшно и свирепо море жизни, суетны надежды, надмевающие, подобно бурям. Скорби вздымаются, как волны, злоумышления скрываются, как подводные камни; враги лают, как псы; похитители окружают, как морские разбойники; приходит старость, как зима; наступает смерть, как кораблекрушение. Видишь **бурю** — правь искуснее, смотри, как плывешь, не затопи лады своей, перегрузив ее или богатством, приобретаемым неправдою, или бременем страстей. Святитель Василий Великий (7, 344).

Не море ли жизнь наша и дела человеческие? И в ней много соленого и непостоянного. А **ветры** — это не постигающие ли нас искушения и всякие неожиданности? Об этом, кажется мне, досточудный Давид говорит: «Спаси меня, Боже, ибо воды дошли до души моей... вошел во глубину вод, и быстрое течение их увлекает меня» (**Пс. 68, 2—3**). Что же касается искушаемых, то одни, рассуждая я, как самые легкие бездушные тела, увлекаются и нимало не противостоят напастям, потому что не имеют в себе твердости и веса, доставляемых разумом целомудренным и готовым бороться с встретившимися обстоятельствами; а другие, как камень, достойны того Камня, на Котором мы утверждены и Которому служим. Таковы все, которые, руководясь мудростью и стоя выше людей бездуховных, все переносят твердо и непоколебимо и посмеиваются над колеблющимися или жалеют о **них**, — посмеиваются по любомудрию, жалеют по человеколюбию. Сами же для себя вменяют в стыд будущие бедствия не считать бедствиями, но уступать победу над собою настоящим, как будто они постоянны, мудрствовать безвременно, а в случае нужды оказываться немудрыми. Это подобно тому как если бы стал считать себя отличным борцом тот, кто никогда не выходил на поприще, или искусным кормчим, кто высоко думает о своем искусстве в тихую погоду, а в бурю бросает из рук кормило (12, 300).

Много путей многобедственной жизни и на каждом встречаются свои скорби. Нет добра для людей, к которому бы не примешивалось зло. И хорошо еще, если бы горести не составляли большей меры. **Богатство** — не верно; **престол** — кичение сновидца; быть в подчинении тягостно; **бедность** — узы; **красота** — кратковременный блеск молнии; **молодость** — временное кипение; **седина** — скорбный закат жизни; **слова** — летучи; **слава** — воздух; **благородство** — старая кровь; **сила** — достояние и дикого вепря; **пресыщение** — нагло; **супружество** — иго; **многогачдие** — необходимая забота; **бесчадие** — болезнь; **народные собрания** — училища пороков; **бездеятельность** — расслабляет; **художества** — **приличны** пресмыкающимся по земле; чужой **хлеб** — горек; возделывать **землю** —

трудно... Смертным все трудно; все **здешнее** — смех, пух, тень, призрак, роса, дуновение, летящее перо, пар, круг, вечно кружащийся, повторяющий все, подобное прежнему, и неподвижный, и вертящийся; и разрушающийся, и **неизменный** — во временах года, днях, ночах, трудах, смертях, заботах, забавах, болезнях, падениях, успехах. И это дело Твоей премудрости, Родитель и Слово, что все непостоянно, чтобы мы сохраняли в себе любовь к постоянному! Все обтек я на крыльях **ума** — и древнее и новое, и ничего нет немощнее смертных. Одно только прекрасно и прочно для человека: взяв крест, переселиться отсюда. Прекрасны слезы и воздыхания; ум, питающийся Божественными надеждами и озарениями Пренебесной Троицы, вступающей в общение с очищенными. Прекрасны отрешение от неразумной персти, нерастление образа, принятого нами от Бога. Прекрасно жить жизнью, чуждой жизни, и, променяв один мир на другой, терпеливо переносить все горести (14, 271).

Если бы не Твой был я, Христе, мне стало бы это обидой. Мы родимся на свет, утомляемся, насыщаемся, спим, бодрствуем, ходим, бываем больны и здоровы, есть у нас удовольствия и труды. Но временами года и солнцем наслаждается и все, что есть на земле! А умирают и согнивают телом и скоты, которые, правда, презренны, но не подлежат ответственности. В чем же мое преимущество? Ни в чем, кроме Бога, и если бы не Твой был я, Христе, мне стало бы это обидой. **Святитель Григорий Богослов (15, 13).**

Время жития нашего беспрестанно уходит. Прошедшего времени возратить невозможно. Прошедшее и будущее не наше, но только то, которое теперь имеем. Кончина наша нам неизвестна. Следовательно, всегда, во всякий час, мы должны быть готовы к исходу, если хотим блаженно умереть. Отсюда заключается, что христианин должен находиться в непрестанном покаянии, подвиге веры и благочестия. Каким он хочет быть при исходе, таким должен стараться быть и во всякое время жития своего, ибо не знает с **утра — дождется ли вечера**, и с **вечера — дождется ли утра**. **Святитель Тихон Задонский (104, 718—719).**

Я — странник на земле: странствование начинаю с колыбели, **оканчиваю — гробом (108, 93).**

Земля — юдоль изгнания, юдоль непрерывающегося беспорядка и смятения, юдоль ограниченного временем страдальческого пребывания существ, утративших свое первоначальное достоинство и жилище, утративших здравый смысл (109, 98).

Изгнанники рая, не для увеселений, не для торжества, не для играний мы находимся на земле, но для того, чтобы верою, покаянием и крестом убить убившую нас смерть и возратить себе **утраченный рай (110, 183).**

Положим твердое намерение провести благоразумно и богоугодно наше краткое земное странствие. Проведем его в приготовлении себя к вечности, в приготовлении к Суду Божию (111, 133).

Продолжительность земной жизни и благополучие ее проистекают не от многого имущества, они проистекают от благоволения **Боžia (111, 263).**

Земная жизнь христианина растворена утешениями и искуше-

ниями. Так устроил Промысл Божий! Утешение поддерживает на пути Божиим, а искушение преумудряет (111, 454).

Темная **страна — земля!** Она — страна изгнания преступников, осквернивших рай грехом, виновных в преслушании Богу, презревших общение с Ним, променявших это общение на общение с диаволом (111, 492).

На земле все враждебно человеку, и сам **он — в** непрестанной борьбе с собою (111, 492).

Господь предвозвестил ученикам и последователям Своим, что они в мире, то есть во время совершения поприща земной жизни, будут скорбны... (112, 124).

Земная жизнь... дана человеку милосердием Творца для того, чтобы человек употребил ее на свое спасение (112, 125).

Все христианское житие на земле есть не что иное, как покаяние, выражаемое деятельностью, свойственной покаянию (112, 126).

Настоящее есть грань, передвигающаяся безостановочно... грань между будущим и прошедшим (112, 448).

Существованию моему на земле предшествовало небытие, и конец моего существования на земле имеет образ уничтожения конечного (112, 449).

Что значит земная жизнь человека? Она — **тень** жизни, ступень к жизни, преддверие к Жизни Вечной... **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 449).

В земной жизни мы решаем нашу вечную участь

Время нашей земной жизни бесценно: в это время мы решаем нашу вечную участь. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (111, 38).

Настоящая жизнь вся предоставлена трудам и подвигам, а **будущая — венцам** и наградам. **Святитель Василий Великий** (8, 380).

Здесь ты странник и пришелец на чужой земле. Отсюда возвратит тебя Бог в твое Отечество. Подвиги твои не долговременны, а **награда — выше** труда (15, 84).

Единственная польза от здешней жизни в том, что само смятение видимого и подверженного бурям заставляет нас искать постоянного и незыблемого. **Святитель Григорий Богослов** (11, 261).

Если настоящая жизнь так вожделенна, то что сказать о той, где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания? Там уже не надо ни бояться смерти, ни опасаться потери благ (42, 262).

Если нет Жизни Будущей, то мы гораздо ничтожнее того, что создано для нас. Ведь небо и земля, море, реки и даже некоторые животные долговечнее нас. Так, вороны, слоны и многие другие животные дольше нас пользуются настоящей жизнью. Наша жизнь коротка и многотрудна, а **их — продолжительна** и более свободна от забот и скорбей. Что же, скажи мне, неужели Бог сотворил рабов лучше их владык? Нет, не думай так, не скудоумничай и не сомневайся в могуществе Бога, Твоего

Владыки. Бог благоволил сотворить тебя вначале бессмертным, но ты не захотел быть таким. **Святитель Иоанн Златоуст (44, 167).**

Всякая долговременность настоящей жизни кажется ничтожной перед продолжительностью будущей славы, и все скорби исчезнут от созерцания безмерного блаженства, истают, как дым, никогда не явятся, как угасшая искра. **Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (53, 149).**

Сердце у человека одно: когда он ищет временного, тогда забывает о вечном, когда же обращается к вечному и углубляется в него, тогда забывает о временном и нерадит о нем. Двойких **попечений** — о временном и вечном, двойкой **любви** — к временному и вечному, в сердце быть не может. Непременно преобладает одно из двух: или временное, или вечное (82, 364).

Ради того и в мир сей рождаемся, чтобы перейти в Вечную Жизнь. Не к временной, но к Вечной Жизни создал нас Бог. Временная жизнь не что иное есть и должна быть, как путь к Вечной, и этим путем мы должны идти с немалой осторожностью, ибо много врагов окружают его. Ради того Сын Божий в этот мир пришел, чтобы нам к Вечной Жизни отворить двери, которые мы грехами нашими затворили, и к Нему показать путь, который мы потеряли (104, 711—712).

У земледельцев есть время сеяния и жатвы, и у христиан есть такое время... «Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения» (2 Кор. 6, 2). Земледельцы разумные и мудрые не пропускают времени, в которое должно сеять, но тогда трудятся и сеют; так разумные и мудрые христиане не пропускают времени настоящей жизни, но трудятся и бросают семена свои, каются, творят дела покаяния, творят дела милости и прочее. Ибо только нынешнее время есть время сеяния, а в Будущем Веке его не будет. Ныне время благоприятное каяться и плакать о грехах, молиться, творить добро всем; но в Будущем Веке все это прекратится. Земледельцы трудятся и сеют с надеждой плода, который родится от семени; так и христиане трудятся и сеют с надеждой духовного плода, милостивого воздаяния от Бога. Земледельцы спелые плоды своих трудов пожинают во время жатвы; так и христиане плоды своих трудов и семян пожнут при кончине века и в воскресении из мертвых (104, 713).

Если так опасно и бедно в этом мире житие наше, христианин, зачем нам желать долгой жизни? В этом мире **жить** — всегда бедствовать и желать долго жить в этом **мире** — желать долго бедствовать. Лучше день блаженной смерти, нежели рождения. Рождаемся на беды, но блаженная смерть полагает конец всем бедам. Желай же, христианин, не долгого **жития**, как сыны века сего, но желай блаженной кончины. Святитель Тихон Задонский (104, 728).

Надо и долгой жизни желать, но в каком смысле? Да будет нам примером святой Павел, который пишет, что он весьма бы рад был отрешиться от бремени телесного и быть с Богом, если бы смотрел только на свою пользу. Но, рассуждая о том, что другие от продолжения **жизни** его могут получать пользу, он не отказывается желать себе долгой **жизни**. О высокая и достойная апостола мысль! Желает долгой жизни, чтобы прибавление лет к его житию было причиной прибавления и большего успеха в добродетели для других. Это рассуждение, кроме

того, что истинно, весьма полезно для нашей жизни. Ибо положив, что жизнь наша есть благодеяние и благословение Создателя, пробудимся этим к благодарности и любви к Нему. Станем щадить время дней наших, сознавая, что праздность некоторым образом ввергает нас в прежнее состояние небытия. Ибо кто ничего не делает, того, можно считать, как бы и не существует. Будем благодушны во всяком случае, то есть трудном, скучном и счастливом, зная, что всем случившимся свято управляет Промысл Божий. Течение этой жизни будем проходить радостно; и спокойно окончим последние часы наших дней, оставаясь в уверенности, что этот предел свят и справедлив. **Платон, митрополит Московский (105, 246—247).**

Видимый мир — только подготовительное преддверие обители, несравненно более великолепной и пространной. Здесь, как в преддверии, образ Божий должен украситься окончательными чертами и красками, чтобы получить совершенное сходство со своим Всевытейшим, Всесовершеннейшим Подлинником, чтобы... войти в тот чертог, в котором Подлинник присутствует непостижимо... (109, 129).

Для благополучного вступления в мир духов необходимо благовременное образование себя законом Божиим ... для этого образования и предоставлено... время, определяемое каждому человеку Богом для странствования по земле (110, 13).

Земля — страна плача, **Небо** — страна веселия. Небесное веселие вырастает от семян, посеянных на земле. Эти **семена** — молитва и слезы (111, 457).

Земля — **изгнание** наше, потому-то Искупитель возводит принявших Его искупление с земли на Небо. Епископ Игнатий (**Брянчанинов**) (111, 492).

Мы ходим среди сетей и соблазнов

Мы ходим среди сетей и соблазнов, возлюбленные, и должны молиться, чтобы не впасть в них. Сети смертные исполнены сладости. Да не обольстит нас своею приятностью сладость сетей **смертных**: попечение о земных вещах, об имении, о лукавых помыслах и делах. Не услаждайся, брат, сетью смертной, не расслабевай и не истаивай, занимаясь лукавыми помыслами (27, 373).

Не возлюби века сего, потому что уловляет он любящих его и на час услаждает, чтобы в иной век отпустить обнаженным... Преподобный Ефрем Сирий (25, 59).

Беги от волн вожделений, уклонись от житейских бурь, возвышаясь над страстями, как бы над волнами; плыви по житейскому морю, вверив душевную ладью спасительному древу. Мачтой пусть будет тебе Крест, **якорем** — вера, **канатом** — надежда, **веслом** — молитва, **кормилом** — правые помыслы, **парусом** — Христос, попутным **ветром** — Дух Святой, **Кормчим** — Отец всяческих. Если будешь плыть таким образом, для тебя не будет неизвестным конец жизни. Святитель Иоанн Златоуст (43, 913).

Любящий земное более Небесного лишится и Небесного и земного. Ищущий же **Небесного** — **господин** всему миру. Авва Евпрений (82, 122).

Великая буря свирепствует на житейском море. Сбросим с себя все принадлежащее суетному миру и будем взывать молитвой к Богу, чтобы не потонуть в яростных волнах этой бури. Если человек не обнажится от мирских привязанностей извне и от страстей, которыми отягощена душа его внутри, он не может спастись от гибели в волнуемом море (82, 239).

Ничтожно время земной жизни, но мы обольщаемся и тратим его на пустые дела. Между тем подходит неприметно последний час, и мы подвергаемся вечному плачу. Не пренебрежем хранением нашего сердца! Будем постоянно наблюдать за ним, прилагая все попечение о своем спасении и непрестанно молясь Благодати Божией, чтобы она помогла нам. Преподобный авва **Исаия** (82, 215).

Тот, кто ныне обольщает нас и мирскими приманками всемерно старается произвести в нас забвение о Благодетеле, к погибели душ наших, ругается и посмеивается над нами, тогда пренебрежение наше обратит в укоризну Господу и будет хвалиться нашей непокорностью и нашим отступничеством, тем, что он не сотворил нас и не умер за нас, однако мы следовали за ним в непокорности и нерадении о заповедях Божиих. Эта похвала врага и эта укоризна Господу для меня кажутся тяжелее адских мучений: послужить предметом похвальбы и поводом превозношения врагу Христову пред Тем, Кто за нас умер и воскрес... **Святитель Василий Великий (8, 87).**

Душа, взирай горе, а земное все забудь, чтобы тело не покорило тебя греху! Коротка эта жизнь, счастливец наслаждается как бы во сне. Всякому выпадает разная судьба. Одна чистая жизнь всегда постоянна и многолетна, всего лучше жить такую жизнью. Иные любят золото, или серебро, или продолжительную **трапезу** — эти детские забавы настоящей жизни, а **другие** — дорогие или прекрасные шелковые ткани, или поля, засеянные пшеницею, или стада четвероногих. Но для меня великое **богатство** — Христос. О, если бы мне когда-нибудь увидеть Его чистым неприкровенным умом! Прочим же пусть владеет мир (15, 19).

Беги от моего сердца, злокозненный! беги скорее, беги от моих членов, беги от моей жизни, тать, змей, огонь, грех, смерть, пучина, дракон, зверь, мрак, засада, бешенство, смещение, завистник, человекоубийца. Ты и прародителям моим на пагубу послал вкушение греха и смерти. **Христос** — Царь поведает тебе бежать в широту морскую или на утесы, или в стадо свиней, как прежде негодному легиону. Удались же, или низложу тебя Крестом, пред которым все трепещут. Я ношу Крест в моих членах. Крест в моем шествии, Крест в моем сердце, **Крест** — моя слава. Неужели не перестанешь, злоторный, строить мне козни? Не оскверняй же меня ты, нечистота, чтобы мне, чистому, встретить чистым небесным светом, когда озарения их падут на мою жизнь. К вам простираю руки, примите меня! Прощай, мир, прощай, многотрудный, и пощади тех, которые будут после меня. **Святитель Григорий Богослов (15, 27).**

Мир, искушая подвижника, доставляет ему опытное познание, как земная жизнь превратна и обманчива... от этих опытных познаний подвижник стяжывает холодность к земной жизни (112, **145).**

Когда человек утратит сочувствие к земле — земля утрачивает влияние на человека. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 428).

Нет другого времени для обретения блаженной вечности

Если время, данное на покаяние и приобретение блаженной вечности, будет истрачено на временные занятия и приобретения, то в другой раз оно не дается... Потеря его будет оплакиваться вечными и бесплодными слезами во аде... **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 329).

Горе тебе, душа, что пребываешь **бесчувственной** в настоящей жизни, каждый день предаваясь роскоши, смеху, рассеянности и живя **распутно**,—в Будущем Веке будешь плакать, подобно богачу, мучимая в вечном пламени (26, 597).

Когда грешник будет изгнан от лица Божия, тогда вопля его и плача не вынесут основания вселенной (27, 412).

Злые посмотрят на добрых и усугубится горе их, когда они увидят великую славу совершенных, какую приобрели они себе в наследие кратковременной борьбой, тогда как злые, гоняясь за ничтожным, унаследовали мучения (28, 241).

Вечная Жизнь ожидает только тех, которые приняли залог, и при конце, в день явления Великого Царя, выйдут навстречу Ему; таковым возведены нескончаемые блаженства. **Преподобный Ефрем Сирин** (28, 511).

Настоящее время есть время скорби, слез и рыданий. Мы много грешим и словами, и делами, а таких грешников ожидает геенна и река, кипящая огненными волнами и, что хуже всего,—лишение Царствия. **Святитель Иоанн Златоуст** (42, 398).

Берегитесь, чтобы не отняты были у вас срок и поприще, данные для покаяния, прежде чем вы успеете достичь покоя Сына Божия. **Преподобный авва Исаия** (82, 218).

Как воскресение христианской души из греховной смерти совершается во время ее земного странствования, точно так же таинственно совершается здесь, на земле, ее истязание воздушными властями, пленение ими или освобождение от них. При шествии через воздух эти свобода и плен только обнаруживаются. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (110, 159).

Не будем терять драгоценного времени на тленное,
чтобы не утратить Христа

Не будем терять драгоценного времени на тленное, чтобы не утратить единственное наше **сокровище — Христа!** **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (109, 145).

Если мы желаем безопасно пройти подлежащий путь жизни, представить Христу и душу, и тело, свободное от постыдных язв, и получить победные венцы, мы должны все обозревать ясным душевным взором, на все приятное смотреть с сомнением, без замедления пробегать мимо и ни к чему не прилепляться мыслью,

хотя бы казалось, что золото рассыпано кучами и нужно только поднять его... хотя бы земля произрастала наслаждениями всякого рода и предлагала многоценные **кровы**. **Святитель Василий Великий** (7, 277).

Устремляйся вслед за добром, чтобы жизнь твоя, хотя и течет, как вода, собралась опять в Боге. К Богу направляй малый поток своей жизни, чтобы, когда иссякнет здесь, там сделалась она морем жизни. Не велик у тебя ручей жизни в этом преходящем **мире — направь** ее к Богу, чтобы она сделалась бездонной. День за днем струится и утекает твоя **жизнь — излей** ее в **Бога**, чтобы обрести ее для себя в том мире (28, 363).

Предусматривай будущее как человек разумный, наблюдай настоящее как человек смертный (26, 630).

Приготовь дела свои к исшествию, приведи все в порядок на поле своем, а поле есть жизнь эта. Возьми заступ **добрый** — Новый Завет, огради владение свое **терниями** — постом, молитвой и учением. Если такая будет у тебя ограда, то не взойдет зверь, то есть диавол. **Преподобный Ефрем Сирий** (27, 90).

Человек желает царствовать **со** Христом бесконечные веки; неужели не решится он с усердием в продолжение этой жизни до самой смерти терпеть борения, труды и искушения? **Преподобный Макарий Египетский** (33, 45).

Все мирские веселости смешаны со скукой, все радости растворены слезами. В этой жизни нельзя найти совершенного покоя, ибо человек своим Творцом создан более достойным и возвышенным, нежели чтобы эти видимые текущие вещи могли его удовлетворить...

Итак, надлежит этот мир презреть, то есть жить в мире, а думать про себя, что он мне не принадлежит, и я принадлежу Небу. Трудная это вещь! Разве не трудно иметь глаза, а мирской красотой не прельщаться; уши иметь, а лестью мирской не уловляться; сердце иметь, а сладостей мирских не пожелать. Но эту трудность мы победили бы, если бы имели такой образ, который бы все это точно на себе показал. Но не дала ли нам Божия Благодать совершенный образец, следуя которому мы можем научиться дерзновенно проходить всякие искушения, считать за ничто всякие препятствия? Ибо что есть Христос и что есть сама Его жизнь, как не совершенный образец добродетельного жития, как не чистейшее зеркало, в котором мы усматриваем свои недостатки, и, усмотрев, исправляем, исправив, совершенствуемся? Христос есть путь, идя по которому мы дойдем до желанного Отечества. **Платон, митрополит Московский** (105, 409—413).

Усоимся Богу в течение земной жизни. Он предоставил нам теснейшее соединение с Собою и дал на совершение этого величайшего дела **срок — земную** жизнь. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (108, 94).

БЛАГА ЗЕМНЫЕ

«Бог силен обогатить вас всякою благодатью...»

Тот, Кто обещал в будущем неизреченные блага людям, проводящим здешнюю жизнь в добродетели, Тот не дарует ли тем более благ временных, особенно если мы, стремясь к первым, будем менее желать последних? (38, 510).

Человеколюбивый Владыка, когда увидит, что мы не заботимся о настоящих благах, и дарует их нам со щедростью, и предуготовляет наслаждение будущими благами. **Святитель Иоанн Златоуст (38, 377).**

Взойди на высоту и увидишь, что все земное низко и ничтожно, а если сойдешь с высоты, то подивишься и малому выбеленному дому. **Преподобный Ефрем Сирин (26, 112).**

Ничто не изъято из действия Божией силы!.. Богатство, золото и **серебро** — не достояние диавола, как думают некоторые, ибо «у верного целый мир богатства, а у **неверного** — **ни** обола*» (Притч. 17, 6), а диавол не вернее всех. И Бог ясно говорит через пророка: «Мое серебро и Мое золото» (Агг. 2, 8), кому хочу, даю это. Только пользуйся им **хорошо** — **серебро** не предосудительно. Когда же и хорошим пользуешься худо, тогда, не желая слышать укоризны своему распоряжению, нечестиво возводишь укоризну на Создателя. Человек и с помощью имения может приобретать себе оправдание: «алкал Я, и вы дали Мне есть» (без сомнения, из своего имущества), «был наг, и вы одели Меня» (Мф. 25, 35—36), — **тоже** из своего имения. И хочешь ли знать, что имущество может стать дверью в Небесное Царство? Сказано: «продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах» (Мф. 19, 21).

Сказано же это мною из-за еретиков, которые предают проклацию обладание собственностью... Хочу не того, чтобы ты был рабом своего имущества, и также не того, чтобы взирал ты, как на врагов, на данное тебе в услужение Богом. Поэтому не говори, что имущество есть достояние диавола... **Святитель Кирилл Иерусалимский (8-е Огласительное слово, 5—7).**

«Бог же силен обогатить вас всякою благодатью, чтобы вы, всегда и во всем имея всякое довольство, были богаты на всякое доброе дело» (2 Кор. 9, 8). Богатство само по себе есть вещь нейтральная, но в зависимости от употребления может стать добром или злом. Дает Бог его добрым, и потому нельзя назвать его злом; но имеют же его и плохие люди, и потому нельзя его считать истинным плодом добродетели. Честь или бесчестие богатого зависит от доброго или дурного употребления богатства...

Невиновно богатство, да и обогатиться не грех, но во всем должна быть мера. При собрании богатства, во-первых, надо соблюдать честность, то есть не думать, что всякий способ обогащения позволителен; во-вторых, не следует отдавать богатству всего сердца, зная, что не тот богат, кто много имеет, но кто доволен малым. Тот богат, кто и с нищетою дружно живет. Когда нищета соединена с безопасностью и

* Обол (**овол**) — шестая часть основной др.-греч. денежной **единицы** — драхмы (Лк. 15, 8), равной римскому динарию.

спокойствием, то она должна быть почитаема выше богатства, смущаемо-го беспокойством и ежечасным страхом...

Приобретение богатства стоит великих трудов; сбережение стоит великого страха; порядочное употребление требует подвига благоразумия. Не имея его, беспокоимся; получив его, страшимся, чтобы из-за какого-нибудь случая его не потерять. Не употребляя его, должны обременить свой дух тягостью сребролюбия; употребляя же, должны бояться, чтобы недостойным употреблением не расслабить тела и духа...

Но таково несчастье человеческого рода, что мы редко можем сохранить меру. Справедливое попечение о своих нуждах часто обращается в постыдный порок корыстолюбия, непомерной заботливости, скупости и роскоши. Бесчисленные ненасытные люди достойны сожаления, что столь много, а напрасно себя беспокоят; но притом и порицания, потому что, изобилуя всяким излишеством, попускают другим иставать от скудости; а иногда и всякого проклятия достойны, когда обогащают себя, разоряя других, и на развалинах убогих расширяют свои здания.

Часто, думая о прибыли, человек забывает то, в чем больше необходимости и пользы, забывает обогащать свою душу благочестием и добродетелью. Неразумный человек! оставляешь большее, а ищешь меньшего; проходишь вечное, а бегаешь за временным. Думаешь о деньгах, а теряешь сокровище неокрадаемое, каким является свет разума и непорочные нравы. Не больше ли *душа*—пищи и *тело*—одежды? (Мф. 6, 25). **Платон, митрополит Московский (105, 41—43).**

Продолжительность земной жизни и ее благополучие проистекают не от многого имущества; они проистекают от благословения Божия. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (111, 263).**

«Проходит образ мира сего...»

Все удовольствия этой жизни подвержены превратностям и только приготавливают вещество вечному огню. **Святитель Василий Великий (9, 58).**

В делах человеческих, по естественному порядку, нет ничего твердого, равного, держащегося своими силами и пребывающего в одинаковом положении. Участь наша вращается, подобно колесу, изменяясь в разные времена, часто в один день, а иногда и в один час. Так что скорее можно положиться на постоянство ветров, никогда не останавливающихся, или следов плывущего по морю корабля, или на обманчивые ночные сновидения, доставляющие минутное удовольствие, или на твердость тех начертаний, какие дети, играя, делают на песке, нежели на благоденствие человеческое. Итак, благоразумны те, кто, не веря благам настоящим, собирают себе сокровище в будущем и, видя непостоянство и переменчивость человеческого благополучия, любят добродетель, которая никогда не изменит (12, 20).

Видимые блага подвергаются и подвергают нас то тем, то другим превратностям: то возносят, то низвергают и кружат, как в вихре, и прежде нежели овладеем ими, убегают и удаляются от нас, и таким образом играют нами и обманывают нас. Направлено это к тому, чтобы мы, усмотрев их непостоянство и переменчивость, скорее устремились к пристанищу будущей жизни. В самом *деле*, что было бы с нами, если бы наше земное счастье было постоянно, когда и при непостоянстве его мы столь к нему привязаны? Когда обманчивая приятность и прелесть его держит нас, как рабов, в таких узах, что мы ничего и представить себе не

можем лучше и выше настоящего? И это несмотря на то, что мы слышим и верим, что сотворены по образу Бога, Который, пребывая на Небе, и нас влечет к Себе (12, 22).

Для людей одно только благо, и благо **прочное**, — это небесные надежды... к прочим благам я чувствую отвращение. Готов предоставить существам однодневным все то, что принадлежит земле... Близким, чужим, благочестивым, порочным, откровенным, скрытым, смотрящим независтливым оком, снедаемым изнутри самоубийственным **грехом** — **другим** уступаю удовольствия жизни, а сам охотно их избегну (14, 268).

Собирай сокровища для нескончаемого века, а настоящий век оскудевает даже прежде своего конца. **Святитель Григорий Богослов** (14, 367).

Будем же, братия, стремиться со всем усердием к достижению нетленного и всегда пребывающего блага, презрев блага мира сего, которые тленны, проходят, как сон, и не имеют в себе ничего постоянного и твердого. Солнце и звезды, небо и земля пройдут для тебя, и останешься ты, человек, один с делами своими. Что из видимого в этом мире может принести нам пользу в час смертного страдания, когда мы отходим отсюда и переходим в иную жизнь, оставляя здесь мир и все мирское, которое и само в скором времени пройдет?.. Пусть оно не тотчас еще пройдет, но что пользы от того для нас, когда, переселяясь в иной мир, мы оставляем все это здесь? Тело наше остается мертвым на земле, и душа, выйдя из тела, не может уже без него смотреть на здешнее, ни сама быть видима. Там ум ее обращается только на то, что невидимо, никакого более попечения не имея о том, что в этом мире. Она вся бывает тогда в другой **жизни** — или для Царства Небесного и Славы его, или для муки и огня гееннского. Одно что-либо приемлет она от Бога в вечное наследие, соответственно делам, какие сотворила в этом мире. **Преподобный Симеон Новый Богослов** (60, 42).

Ученики указывали Господу на красоту храма и утвари его, а Он сказал: «не останется здесь камня на камне; все будет разрушено» (Мф. 24, 2). Это приговор всему прекрасному мира сего. На вид кажется прочно и вековечно, но день-другой, **смотришь** — как ничего не бывало: и красота увядает, и силы истощаются, и слава меркнет, и умы изживаются, и одежда изнашивается. Все в себе самом носит силу разрушительную, которая не лежит, как семя неразвитое, а непрестанно действует, и все течет к своему концу. «Проходит образ мира сего» (1 Кор. 7, 31). «Подлинно, человек ходит подобно призраку; напрасно он суетится, собирает и не знает, кому достанется» (**Пс.** 38, 7). А мы все суетимся, все хлопочем и хлопочем, и хлопотам нашим конца нет. Встречаем кругом себя постоянные уроки, а все **свое** — словно слепы и ничего не видим. Да и правду сказать, слепы или ослеплены: и себе, и ничему окружающему нас, и владениям нашим конца не чаем. И что еще? Встав, как нам представляется, хорошо, уверены, что стоим твердо, как на утесе, тогда как положение наше скорее похоже на то, как если бы мы стояли на

трясине: вот-вот провалимся. Но не чувствуем этого и предаемся беспечному наслаждению текущим, будто вечным. Помолимся же, да откроет Господь умные очи наши, и да узрим все, не как оно кажется, а как оно есть. Епископ Феофан Затворник (116, 421).

Некий купец, имевший много жемчужин для продажи, сел на корабль, чтобы плыть в далекие страны. Узнав же, что корабельщики тайно согласились между собой бросить его в море, чтобы завладеть его богатством, он развязал перед всеми свои мешки и, показав жемчужины, сказал: «Разве в них жизнь моя? Разве ради них я переплываю море и из-за них ли потеряю жизнь? Ведь я ничего не возьму с собой из мира сего». И с этими словами купец высыпал все жемчужины в море и таким образом избавил себя от смерти, а **корабельщиков** — от греха и лихоимства. Святитель Димитрий Ростовский (103, 834).

Живущие духовно невысоко ценят земные блага, потому что извели небесную красоту

Живущие духовно невысоко ценят земные блага, потому что опытно извели иную, небесную и неплотскую славу, уязвлены иной, неизреченной красотой, имеют часть в ином богатстве, живут по внутреннему человеку, причастны иного Духа (33, 43).

Горе нам, что мы не умеем предпочитать нетленное тленному и презираем Божественную и страшную правду. Преподобный Макарий Египетский (33, 188).

Невежественные и любящие мир люди, не зная природы самого добра, часто называют счастьем то, что не имеет никакой цены: богатство, здоровье, блистательную жизнь, что по природе своей не есть добро, потому что не только легко изменяется в противоположное, но и обладателей своих не может сделать добрыми. Ибо кого сделало справедливым богатство или целомудренным — здоровье? Напротив, каждый из этих даров часто ведет ко греху злоупотребляющих ими. Святитель Василий Великий (4, 159).

Душа, живущая для Бога, не будет увлекаться ни одним из благ, которые представляются ей в обольстительном виде. Если же она через какую-нибудь страсть допустит в сердце нечистоту, то сама нарушит права духовного брака. Святитель Григорий Нисский (23, 358).

Кто действительно желает бессмертной жизни и жаждет Небесного Царствия, тому надо стать выше и больше всего, что есть в этом веке, простираться далее всех пределов, полагаемых миром, и выше всякой земной славы, расторгнуть все узы вещества; возлюбить небесную славу Христову и к этой любви не примешивать ничего иного, и ничего не любить в этом веке или в этой жизни (27, 36).

Господь наш учит в Евангелии оставить мир и возлюбить Его. Поэтому праведные страдали за Него и, как умершие в уповании на него, наследуют Жизнь и Царство, в Едеме прославятся за свои труды. Преподобный Ефрем Сирий (28, 475).

Тому же, кто привязан к настоящему, невозможно питать в себе любовь к неизреченным будущим благам; пристрастие к настоящему омрачает разум, как нечистота засоряет глаза... (38, 385).

Роскошь тела обнаруживает голод души, богатство одежд выставляет на вид ее наготу (38, 409).

Особенно те бывают рабами всего, кто окружен большими благами; они и теней боятся. Отсюда — коварство, клевета, сильная зависть и тысячи других зол (38, 547).

Не станем удивляться благам настоящим, чтобы удивляться — будущим; или лучше — станем удивляться благам будущим, чтобы не удивляться настоящим (39, 162).

Если ты хочешь достичь высших селений, то избегай удовольствий, попирай гордость житейскую, презирай богатство, славу, власть; избери бедность, сокрушение духа, покаяние, источники слез и стремись ко всему, чем можно приобрести спасение. Избравший это и сам находится вне опасности, и молитвы его делаются возвышенными (39, 366).

Беззаконный человек своим нерадением губит душу. Из-за любви к суетному, земному и временному он лишается наслаждения небесными благами; поставленный от Творца и Бога царем и господином всего, он делается рабом греха из-за мирских страстей (42, 665).

Мы стремимся к земным благам и не помышляем о кознях диавола, который за малое отнимает у нас большее, дает нам грязь, чтобы похитить золото, правильное сказать — Небо; показывает тень, чтобы отогнать от истины, и обольщает сновидениями, чтобы при наступлении того великого дня мы оказались беднее всех. Святитель Иоанн Златоуст (43, 675).

Не будем любить прелестей этого мира, которые, становясь как бы тяжелым бременем для корабля души, потопляют его (43, 910).

Ты владеец одной только собственности — благочестия; его не отнимет у тебя наступившая смерть; всего прочего ты лишишься, хотя бы и не хотел (46, 980).

Или перестань вести жизнь мятежную, или знай, что и здесь подлежишь Божиим казням, и там не избавишься от наказания. Преподобный Исидор Пелусиот (50, 111).

Если подвергнешься убытку или лишишься каким-либо образом принадлежащих тебе вещей и опечалишься этим, то нет в тебе страха Божия. Преподобный авва Исаия (82, 221).

Убегающий от вещества приближается к невещественному, собирающий же вещи отлучает себя от невещественного. Авва Ор (82, 315).

Кто не возненавидит своего имени, тот не сможет возненавидеть и свою душу. Изречения безымянных старцев (82, 386).

Какая польза тебе, если ты все богатство, всю славу и все утехы мира сего будешь иметь, но вечное спасение потеряешь?

Нет никакой пользы там, где душа погибает. Не только Вечная, но и временная жизнь человеку дороже всего мира. Кто бы не назвал безумным того, кто захотел бы временную и краткую жизнь потерять, чтобы приобрести мир? Зачем тогда ему мир, когда сам погибает? За славным слава, за богатым богатство и за роскошествующим роскошь не войдет вслед, но все от всякого отпадает и отлучается при кончине. Если временной жизни никто не хочет погубить ради приобретения всего мира, то тем более не должны мы, христиане, терять Вечную Жизнь, которая несравненно лучше, блаженней и вожделенней временной, и есть единое на потребу (Лк. 10, 42). **Святитель Тихон Задонский (104, 32).**

ЗАБОТЫ

Мы извратили порядок...

Оттого многое в общественных и частных делах идет у нас не по нашему желанию, что мы заботимся не о духовном прежде всего, а потом о житейском, но извратили порядок (37, 170).

Насколько Бог выше мира, настолько забота о Нем лучше мирской (35, 363).

Не жизнь для пищи, но пища для жизни дарована отначала, а мы как будто для ядения пришли в мир, так все проживаем на это. **Святитель Иоанн Златоуст (35, 791).**

Не должно служить телу, кроме крайней нужды. А душе надобно доставлять все лучшее любовью к мудрости, освобождая ее, как из темницы, от общения с телесными страстями, а вместе делая и тело неодолимым для страстей (7, 307).

Кто желает и заботится, чтобы одежда или обувь шла ему, с целью понравиться людям, тот, очевидно, страдает человекоугодием, удаляется от Бога и в самых малоценных вещах выказывает недуг суетности (8, 202).

Люди, сильно предавшиеся житейским попечениям, подобны откормленным птицам: напрасно имея крылья, они не могут оторваться от земли. **Святитель Василий Великий (10, 254).**

Занятия заботами о телесном и земном не дают душе досуга на попечение о важнейшем и небесном (17, 382).

Иметь попечение о видимом свойственно не представляющим для себя никакой надежды в будущем веке, ни страха Суда, ни угрозы гееннской, ни ожидания благ, ни чего-либо уповаемого по воскресении; свойственно людям, которые, наподобие животных, видят только настоящую жизнь, признают за благо одно то, что может дать удовлетворение гортани, чрева и прочих сладострастных требований. **Святитель Григорий Нисский (17, 399).**

Пренебрежем всем житейским, отвлекающим ум от Бога, ибо за силой и красотой следует старость и немощь, славу и богатство рассеивает смерть и тление, а правда пребывает вовек. **Преподобный Ефрем Сирин (26, 154).**

Заботящиеся только об украшении своего дома, богатые только внешними благами не радят о внутренних благах и не обращают внимания на то, что душа их пуста, нечиста и покрыта паутиной. Но если, презрев внешнее, они всю свою заботливость обратят на свою душу и будут украшать ее, она сделается жилищем Христовым. **Святитель Иоанн Златоуст (36, 36).**

Заботящийся же о том, что впереди, показывает тем, что не верит Божией милости, как будто она не всегда источает людям неистощимые дары. **Преподобный Нил Синайский (48, 79).**

Увлечение **попечениями — падение** души. Исправляется она безмолвием в разуме. **Преподобный авва Исаия (82, 201).**

Мы не должны иметь никаких помышлений, кроме помышлений страха Божия. Если кто будет принужден позаботиться о потребностях тела, то никак не должен попустить себе размышления об этом прежде времени. **Изречения безымянных старцев (82, 400).**

Если бы мы имели попечение о небесном, то не заботились бы **столь** о земном. Если бы мы помышляли о нетленном, то не были бы столь привязаны к тленному. Если бы мы возжелали вечного, то не любили бы так временного. **Преподобный Симеон Новый Богослов (61, 233).**

«Подлинно, человек ходит подобно призраку; напрасно он **суетится**», — говорит пророк (**Пс. 38, 7**). Воистину все мятется всякий человек живущий, ища покоя в вещах земных и тленных; никогда он не найдет его. Поэтому Господь, милуя и щадя Свое создание, **предузрев** лучшее о нас, умышленно сократил эту жизнь нашу, чтобы не долго мы все трудились и бессмысленно заботились о мимотекущих вещах; как и Сам Господь сказал Марфе, много пекущейся: «Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же (немногозаботливая) избрала благую часть (Господа), которая не отнимется у нее» (Лк. 10, **41—42**). Показывает Господь, что поскольку все мятется человек, он собирает сокровища, но не знает кому. Итак, нет ничего в этом мире постоянного, ни в единой вещи нет покоя и тишины, только непрестанный мятеж и великое томление для души. Только в Боге едином и в благодати Духа **Пресвятого** — мир, тишина и вечный покой... **Святитель Димитрий Ростовский (103, 1054—1055).**

Авва Дула, ученик аввы Виссариона, рассказывал: «Однажды мы шли по морскому берегу. Я почувствовал большую жажду и сказал об этом авве Виссариону. Старец, помолившись, сказал мне: «Напейся из моря». Морская вода сделалась пресной, и я утолил ею жажду. Напившись, я налил воды в запас. Старец спросил: «Зачем ты сделал это?». Я ответил: «Прости меня, я сделал это на случай, если опять захочется пить». Старец сказал: «Как **здесь** — Бог, так и **везде** — Бог». Отечник (82, 78—79).

Положим, что имеешь ты у себя то, чем обладал осыпанный золотом Гигес¹, и, безмолвно властвуя, одним обращением перстня приводишь все

¹ Гигес, или Гуггу (VII в. до Р. Х.) — лидийский царь, родоначальник династии Мермнадов. Из истории Геродота (V в. до Р. Х.) известно, что Гигес **завладел**

в движение; что рекою потечет к тебе золото, что загордишься ты, как лидийский царь, и что сам персидский **Кир**¹, величающийся могуществом престолов, сядет ниже тебя. Положим, что ополчения возьмешь ты Троя², что народы и города изваяют твой лик из меди, что одним мановением будешь приводить в движение народные собрания, что речи твои устоятся венцов, что покажешь в судах Демосфенов³ дух, что Ликург⁴ и **Солон**⁵ уступят тебе в законодательстве. Пусть в груди твоей живет Гомерова⁶ муза, пусть у тебя Платонов⁷ язык... Положим, что ты опутываешь всех сильными возражениями, как неизбежными и хитро закинутыми сетями. Положим, что ты поставишь все вверх дном с **Аристотелем**⁸ или с какими-нибудь новыми Пирронами⁹, сплетая понятия в безвыходные лабиринты. Положим, что тебя, окрыленного, понесут вверх эти баснословные (что бы они ни значили) **Пегас**¹⁰ или стрела Скифа **Авариса**¹¹. Все это, о чем я сказал, а также блистательное супружество, **сибаритский**¹² стол и все прочее, чем превозносится наша

престолом, убив лидийского царя Кандавла и получив освящение своей власти у Дельфийского оракула. Согласно более легендарной версии Платона, Гигес был пастухом и нашел волшебное кольцо, доставившее ему престол Лидии. Он расширил пределы своего царства до Пропонтиды и Геллеспонта.

¹**Кир** II Великий (558—530 гг. до Р. X.)—основатель древнеперсидского царства, покоритель Вавилона. Царство Кира простиралось от Персии до Индии, включая среднеазиатские царства Хоросан (Хиву), Согдиану (Бухару) и др.

²**Троя**—древний город на побережье Малой Азии. Памятники древнегреческой поэзии «Илиада», «Одиссея» повествуют о разрушении Трои ахейцами, предводительствуемыми микенским царем Агамемноном; археологическая наука датирует падение Трои XIII веком до Р. X.

³Демосфен (384—322 гг. до Р. X.)—один из знаменитейших ораторов и политических деятелей древних Афин. Отстаивая свободу Афин от захватнической политики Филиппа Македонского (359—336 гг. до Р. X.), произносил перед афинским народом разоблачительные речи—«**Филиппики**». Патристическая деятельность Демосфена отсрочила поражение Афин до 338 г. до Р. X.

⁴**Ликург** (IX—VIII вв. до Р. X.)—преобразователь государственного строя и законодательства Спарты; установил жесткий регламент жизни спартанцев и меры против роскоши. Его законы распространялись в устной форме.

⁵**Солон** (VII—VI вв. до Р. X.)—афинский реформатор и законодатель, один из «семи мудрецов» Древней Греции, элегический поэт. Установил законы, ограничивающие крупное землевладение, и отменил личную зависимость должника от кредитора.

⁶**Гомер** (ок. IX в. до Р. X.)—автор древнегреческого эпоса «Илиада» и «Одиссея».

⁷Платон (V—IV вв. до Р. X.)—знаменитый афинский философ-идеалист, ученик Сократа, один из основоположников диалектики. «Диалоги» Платона—блестящий образец античной философии и литературного стиля.

⁸**Аристотель** (384—322 гг. до Р. X.)—один из величайших философов Греции, систематизировавший современные ему знания. Опровергал неверные научные представления.

⁹**Пиррон** (IV—III вв. до Р. X.)—греческий философ, жрец и живописец. Утверждал поверхностность и противоречивость человеческого знания, впервые возвел сомнение в методический принцип, учил, что человек руководствуется не истиной, а лишь привычкой.

¹⁰**Пегас**—в греческой мифологии крылатый конь, высекавший ударом копыта источник, вода которого приносит поэтам вдохновение.

¹¹Скиф Аварис (**Абарис**)—в древнегреческой мифологии один из трех мудрецов, выходцев из «крайнего севера», служителей Аполлона, обучавших греков музыке, философии, поэзии, строительству. Эти мудрецы владели древними языческими символами божества: стрелой, вороном и лавром Аполлона.

¹²**Сибарит** (**Сибарис**)—древняя греческая колония на побережье Терентского залива (Южная Италия) основана ахейцами и трезенцами около 720 г. до Р. X. Богатство могущественного торгового города приучило жителей Сибарита к изнеженности и роскоши. Слово *сибарит* получило нарицательный смысл. В 510 г. до Р. X. Сибарит был разрушен до основания, а жители его рассеялись.

мысль, — доставит ли тебе столько выгоды, сколь полезно поставить все это ниже себя, но иметь в душе высокое достоинство **знания** — откуда она произошла, к Кому и куда должна возвратиться и какое стремление сообразно в ней с разумом? **Святитель Григорий Богослов (115, 122).**

«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6, 33)

Убедив от Содомы (греха), спасшись от пепла этой жизни и от страшных угроз Божия огня, не озирайся на Содом, иначе обратишься вдруг в камень и останешься памятником греха в ужасной смерти. Ноги твои уже не на содомской земле, не медли же и на соседних равнинах, близких к огню, но как можно скорее спасайся в гору, чтобы не настиг тебя огненный дождь. **Святитель Григорий Богослов (115, 80).**

Лучше носить ветхое и заботиться о душе в страхе Божиим, чем одеваться пышно и жить неблагочинно. **Преподобный Ефрем Сирин (25, 177).**

Что может быть безопаснее и выше, чем иметь лишь одну заботу о том, как угождать Богу? (1 Фес. 4, 1) (35, 42).

Господь, когда видит благомыслящую душу, не много заботящуюся о настоящем, являет о ней великое промысление (38, **581**).

Если мы сами заботимся об имуществе, Бог удаляется от промысления о нем, а если все возложим на **Его** попечение, Он и наше имение устроит во всякой безопасности... (43, **564**).

Оставим большую заботу о житейском, облегчим душу от земного бремени, обратимся мыслями к будущему. Сохраним под драгоценным покровом добродетели достоинство царского образа; поставленные господствовать над житейскими вещами, не обратим царской власти в рабство (46, **994**).

Не будем нерадеть о душах своих, потому что душе нет цены. Охотно претерпим искушения, всякую скорбь и тесноту; будем укрощать тело, порабощая его душе строгим постом, всенощными бдениями, возлежаниями на голой земле, трудами и вообще суровой жизнью, чтобы душа наша со дня на день обновлялась. **Святитель Иоанн Златоуст (37, 283).**

Заботиться о том, что бессмертно, о том же, чего вскоре не будет, не прилагай попечения. Здешнее, добро ли оно или худо, имеет конец, и притом весьма скорый, а тамошнее и предела не знает, и конец ему неизвестен. **Преподобный Исидор Пелусиот (52, 205).**

В какой мере ум оставляет попечение об этом видимом и уповает на будущее, в такой же степени он утончается и просветляется в молитве. **Преподобный Исаак Сирин (55, 170).**

Невозможно возложить на себя подвига, которым отсекаются страсти, если не оставишь суетные попечения мира. Двух родов плотское мудрование держит душу в плену. Одно из них действует на душу извне, связывая ее заботами о преуспевании в мире и по началам мира; **другое — внутри** души, состоит из действия

страстей и препятствует действию добродетелей. Душа не может увидеть действия страстей внутри себя, если предварительно не отложит деятельности посреди мира и по его началам. По этой причине и определил Господь, что никто не может быть учеником Его, не отвергшись вполне воли падшего естества. Телесная, наружная деятельность по указанию плотского мудрования зависит от произвола, а внутренняя деятельность зависит от внешней. Научая нас, что воля падшего естества владевает над тою и другою деятельностью, Господь наш Иисус Христос повелел отсекаать волю. Ум умерщвляется в отношении к Вечной Жизни, пока душа предается попечениям и делам мира; в это время страсти, сокровенно обитающие в душе, свободно развиваются и усиливаются. Если душа окажет повиновение учению Господа Иисуса, повелевающего отсечь все греховные и плотские хотения, то она возненавидит все дела по началам мира. Тогда ум восстает от земли и сна, пребывает в состоянии бодрствования и крепости, освободившись от всех страстей, неотступно внимая душе и охраняя ее, чтобы она не возвращалась вспять, в объятия врагов своих. Преподобный авва **Исаия** (82, 226).

Поистине были достойны милосердия Христова те народы, которые искали Его с великим усердием, которые, выйдя пешком из своих городов, последовали за Ним в пустыню. Кто ищет Христа, тот и находит Его. Кто идет за Христом, тот устает и милосердия Его. Кто держится около Христа, тот насыщается в избытке и благами Его, как хлебом.

Многие из нас тоже хотят найти Христа, но искать Его ленятся. Хотим мы сподобиться Его милосердия, но даром и без трудов хотим получить Его блага: ленимся, хотим быть прославленными; не трудясь, хотим обогатиться; лежа в лени, хотим достигнуть Неба; согрешая, хотим быть праведниками; совершая незаконное, желаем быть упокоенными со святыми; упиваясь временной сладостью греха, ожидаем получить вечное наслаждение на Небе. О тщетные надежды! Тщетное ожидание! Не так получается желанное, не так!.. Прекрасно говорится: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6, 33). Только работай с усердием Христу, и ты не будешь беден и голоден, «потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом» (Мф. 6, 32). Святитель Димитрий **Ростовский** (103, 413).

Господь повелевает не заботиться о том, что есть или что пить, или во что одеться (Мф. 6, 25). Как далеко простирается эта заповедь или как в точности выполняется? Заповедь эта, как и всякая другая, простирается даже до смерти: ибо Сам Господь был «послушным даже до смерти» (Флп. 2, 8). Выполняется же она при уповании на Бога. Ибо Господь, запретив заботиться, дал обетование: «Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом, прежде чем попросите у него» (Мф. 6, 32). Таков был апостол, который говорит: «сами в себе имели приговор к смерти, для того, чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых» (2 Кор. 1, 9), то есть по душевной решимости и готовности ежедневно умирал я, но был храним Божиим благоволением. Потому с дерзновением говорил: «нас почитают умершими, но вот, мы живы» (2 Кор. 6, 9). Такой решимости способствует пламенное рвение и ненасытимое желание исполнить заповеди Господни; обладаемый этим желанием не имеет и досуга рассеиваться попечением о потребностях телесных (115, 635—636).

Есть Господня заповедь: «не заботьтесь о завтрашнем дне» (Мф. 6, 34). Как здраво понимать эту заповедь, ибо видим, что много у нас попечения о необходимом, даже запасаем и то, чего достаточно было бы

и на более долгое время? Кто принял учение Господа, сказавшего: ищите **же** прежде Царства Божия и правды Его», и не сомневается в истине **обетований** Того, Кто присовокупил: «и это все приложится вам» (Мф. 6, 33), тот не приводит в бездействие душу житейскими заботами, которые подавляют слово и делают его бесплодным (Мф. 13, 22). Но, подвизаясь добрым подвигом благоугождения Богу, он верует Господу, сказавшему: «трудящийся достоин пропитания» (Мф. 10, 10), и нимало не беспокоится о пище. Работает же и заботится он не ради самого себя, но ради Христовой заповеди, как показал и научил апостол: «во всем показал я вам, что, так трудясь, надобно поддерживать слабых» (Деян. 20, 35). Ибо заботиться ради самого **себя** — значит обличать себя в самолюбии, а заботиться и работать ради **заповеди** — значит приобретать похвалу за христолюбивое расположение. **Святитель Василий Великий (115, 636).**

ЗАВИСТЬ*

Зависть — это порча жизни

Зависть — это порча жизни, поругание природы, вражда против того, что дано нам от Бога, противление Богу (7, 157).

Другой страсти, более пагубной, чем зависть, и не зарождается в душах человеческих (7, 155).

Как ржавчина изъедает железо, так **зависть — душу**, в которой она живет (7, 155).

Зависть есть самый непреодолимый род вражды (7, 157).

Других недоброжелателей более кроткими делают благотворения. Завистливого же и злонравного еще более раздражает сделанное ему добро (7, 159).

Этим оружием от сложения мира и до скончания века всех уязвляет и желает низложить истребитель нашей **жизни — диавол** (7, 160).

Из зависти, как из источника, истекает для нас смерть, лишение благ, отчуждение от Бога (7, 165).

Диавол радуется нашей гибели; сам пал от зависти и нас низлагает с собою той же страстью (7, 160).

Будем остерегаться зависти, чтобы не стать сообщниками **противника — диавола** и впоследствии не подвергнуться одному с ним осуждению. Святитель Василий Великий (7, **155**).

ЕСЛИ борет тебя **зависть — вспоминай**, что все мы члены Христовы, и как честь, так и бесчестие ближнего у нас с ним **общие — и** успокойся (34, 97).

Горе завистникам, ибо они делают себя чуждыми Благодати Божией. Преподобный авва **Исаия** (34, 195).

Как червь, зарождающийся в дереве, прежде всего поедает самое дерево, так и зависть прежде всего сокрушает душу, породившую ее. А тому, кому завидует, делает не то, чего желала бы, а совсем противоположное... Ибо злоба завидующих доставляет только большую славу тем, которые подвергаются зависти (за добродетель), потому что страдающие от зависти преклоняют Бога себе на помощь и пользуются содействием свыше, а завидующий благодати Божией легко впадает в руки всех (38, 516).

Тем, которые не освободились от этой болезни, невозможно совсем избежать гееннского огня, уготованного диаволу. А освободиться от болезни мы станем тогда, когда помыслим, как возлюбил нас Христос и как повелел нам любить друг друга (43, **561**).

Будем избегать этой пагубной страсти и всеми силами исторгать ее из своей души. **Это — гибельнейшая** из всех страстей и вредит самому спасению нашему; это изобретение самого дьявола (38, 517).

Когда зависть овладеет душою, то не прежде оставляет ее, как доведет уже до последней степени безрассудства (38, 650).

Хотя бы подавал милостыню, хотя бы вел трезвенную жизнь, хотя бы постился, но ты преступнее всех, если завидуешь брату твоему (42, 240).

Завистливый живет в непрестанной смерти, всех считает своими врагами, даже тех, которые ничем его не обидели. Он скорбит о том, что воздается честь Богу; радуется тому, чему радуется дьявол (42, 384).

Зависть — страшное зло и полна лицемерия. Она наполнила вселенную бесчисленными бедствиями... От нее страсть к славе и стяжанию; от нее властолюбие и гордость (42, 435).

Какое ни увидишь зло, знай, что оно от зависти. Она вторглась и в церкви. Она издавна была причиной множества зол. Она породила сребролюбие. Эта болезнь извратила все и растлила правду (42, 435).

Плачь и стеной, рыдай и моли Бога; научись относиться к зависти, как к тяжкому греху, и каяться в нем. Если так постыпишь, то вскоре исцелишься от этого недуга (41, 432).

Ныне зависть не считается и пороком, почему и не заботятся об избавлении от нее. Святитель Иоанн Златоуст (41, 432).

Корень **зависти** — гордость

Корень и начало зависти есть гордость. Гордый, поскольку хочет вознестись выше прочих, не может терпеть, чтобы кто-нибудь был ему равен, а особенно выше его, был в благополучии, потому и негодует о возвышении его. Смиранный завидовать не может, ибо видит и признает свое недостойнство, прочих же считает более достойными, поэтому и о дарованиях их негодования не имеет. Страсть эта есть в тех, которые мнят о себе, что они есть нечто в мире, и так высоко о себе мечтая, прочих считают за ничто. Так негодует гордый Саул на кроткого и смиренного Давида, что ликующие жены приписали ему более похвалы, как сам Саул и говорит: «Давиду дали десятки тысяч, а мне тысячи» (1 Цар. 18, 8). Поэтому и начал гнать невинного (104, 773).

Цель зависти в том, чтобы того, кому завидует, видеть в неблагополучии. Она рождается, когда начинается благополучие другого; перестает, когда прекращается его благополучие и начинается злополучие. Так, завистью низринуты наши праотцы из высокого блаженства в бедственное состояние. Зависть научила Каина восстать на брата своего Авеля и убить его. Дело зависти, что Иосиф продан в Египет. Зависти должно приписать, что иудеи вознесли на Крест Христа, Господа и Благодетеля своего. Так от гордости начинается зависть, от зависти ненависть, от ненависти злоба; злоба приводит к самому неблагополучному

концу. Поэтому святой Златоуст говорит: «Корень **убийства** — зависть». Святитель Тихон Задонский (104, 768).

Зависть гибельнее и труднее для излечения, чем все пороки, ибо она еще более воспаляется теми лекарствами, от которых страсти прекращаются. Например, кто скорбит о причиняемом ему вреде, тот исцеляется щедрым вознаграждением; кто негодует о нанесенной обиде, тот умиротворяется смиренным извинением. А что сделаешь тому, кто еще более оскорбляется тем, что видит тебя более смиренным и более приветливым, которого воспаляет гневом не корыстолюбие... но раздражает чужое счастье. Кто же для удовлетворения завистливого захочет лишиться благ, потерять счастье, подвергнуться какому-либо бедствию? Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (авва Пиаммон 53, 513).

Зависть — причина всякого зла, всему же доброму враг. По зависти Каин убил Авеля. Исав преследовал Иакова, Саул гнал Давида, и бесчисленное множество зол по зависти творится в мире. Зависть и ненависть затворяют Небо, ослепляют разум, помрачают душу, отягчают совесть, опечаливают Бога, веселят бесов. Тот, «кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет» (1 Ин. 2, 11), — **говорил апостол**. Зависть не может предпочитать полезное: «где зависть и **сварливость**, — **говорит апостол**, — там неустройство» (Иак. 3, 16). Итак, будь благодарен за свое положение, дарованное тебе от Бога; держись того, что дал тебе Бог, и не завидуй тем, кто больше тебя благополучием и честью; к чему ты призван, в чем устроен, в том и пребывай, о большем же завистливо не ревнуй. Облеченных честью от Бога и от людей и ты почитай и, отвечая им, будь любезен и смирен. Не отнимай завистью у того, кому Бог что-либо даровал, и не восхищай с гордостью себе, ибо никто не может ничего достать себе сам, если не даст ему Бог, ибо всякая власть и честь от Бога... Святитель Димитрий Ростовский (103, 1059—1060).

Жители Назарета дивились слову Господа, а все же не веровали: помешала зависть, как открыл Сам Господь. И всякая страсть противна истине и добру, зависть же больше всех, ибо сущность ее составляет ложь и злоба. Эта страсть самая несправедливая и самая ядовитая и для носящего ее, и для того, на кого она обращена. В малых размерах она бывает у всякого, если равный, а тем более худший берет верх. Эгоизм раздражается, и зависть начинает точить сердце. Это еще не так бывает мучительно, когда и самому открыта дорога; но когда она заграждается тем, к кому уже зачалась зависть, тогда стремление **ее** нет удержу, тут мир невозможен. Зависть требует **свержения** с горы своего противника, и не успокоится, пока как-нибудь **не** достигнет этого или не погубит самого завидующего. Доброжелатели, у которых симпатии преобладают над эгоистическими чувствами, не страдают от зависти. Это и указывает путь к погашению зависти всякому, мучимому ею. Надо спешить возбудить **доброжелательство**, особенно к тому, которому завидуешь, и

обнаружить это **делом — тотчас** зависть и стихнет. Несколько повторений в том же **роде — и**, с Божией помощью, она совсем уляжется. Но так оставить **ее — измучит**, иссушит и вгонит в гроб, если не одолеешь себя и не прекратишь делать зло тому, кому завидуешь. Епископ Феофан Затворник (115, 452).

Зависть — вражда против Бога

Зависть равносильна убийству: это причина первого человекоубийства, а потом и богоубийства. Святитель Григорий **Палама** (70, 269).

...Зависть, как яд, излитый **василиском-диаволом**, убивает самую жизнь веры, прежде нежели почувствуется рана. Ибо не против человека, а явно против Бога возносится хулитель, который, ничего другого в брате не похищая, кроме заслуги, порицает не вину человека, а только суды **Божии**. Зависть есть тот «горький корень» (Евр. 12, 15), который, поднимаясь в высоту, устремляется к поношению Самого Источника **благ** — Бога. Преподобный Иоанн **Кассиан** Римлянин (авва Ииаммон 53, 513).

О, **зависть — корабль** осмоленный, адский, гибельный! Твой **владелец — диавол**, **кормчий — змий**, **Каин — главный** гребец. Диавол дал тебе в залог бедствия; змий, будучи кормчим, привел Адама к смертному кораблекрушению; **Каин — старший** гребец, потому что из-за тебя, зависть, он первый совершил убийство. У тебя от начала мачтою служит райское древо преслушания, **снастями — ветви** грехов, **матросами** — завистники, корабельщиками — демоны, **веслами** — хитрости, **рулем — лицемерие**. О, **корабль — носитель** бесчисленных зол! ... Там живет вражда, ссора, обман, сварливость, ругань, злословие, хула и все, что только мы ни назовем и чего ни опустим **злого, — все** это носит адский корабль зависти. Потоп не в силах был поглотить этот корабль, но Иисус **потопил** его силою Духа, источником Крещения. В этом корабле были и якоря, но они переплавлены в гвозди для Христа; в этом корабле была и мачта, но диавол вырубил из нее Крест; в этом корабле были и снасти, но ими удавился Иуда. В этом корабле иудеи наткнулись на скалу, потерпели крушение в вере и потому доныне плавают в глубине неведения. Впрочем, те из них, которые в силах ухватиться за Христово судно, спасаются; остальные погибают горькою смертью неведения. Святитель Иоанн Златоуст (44, 855).

«Старший же сын его был на поле» (Лк. 15, 25). До сих пор в притче шло рассуждение о младшем сыне, под которым должно подразумевать мытарей и грешников, призываемых Господом к покаянию; в таинственном же смысле здесь пророчествуется о будущем призывании язычников. Теперь речь переходит к сыну старшему. Многие относят ее к лицу вообще всякого святого, другие собственно к иудеям. В отношении к святым истолкование не трудно, если принять во внимание слова: «никогда не преступал приказания твоего» (15, 29), но не согласно со свойствами святого, что он завидует обращению брата. А что же касается иудеев, то хотя зависть о спасении брата совершенно в их духе, но не приложимо к ним то, что сказано о всегдашнем соблюдении отчей заповеди.

«Старший же сын его был на поле», потя от труда в земных заботах, удаленный от благодати Святого Духа и Отчего Совета. Это тот, который говорит: «я купил землю и мне нужно пойти посмотреть ее; прошу тебя, извини меня» (Лк. 14, 18). Это тот, который купил пять пар волов, и под тяжестью закона наслаждается чувственными удовольствиями. Это тот, который, взяв жену, не может прийти на брак, и, став плотью, никак не может соединиться с Духом. Старшему сыну в другой притче соответствуют работники, посылаемые в виноградник в первый, третий, шестой, девятый часы, то есть в разное время, и негодующие на то, что с ними уравнины в плате работники одиннадцатого часа.

«И возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование; и, призвав одного из слуг, спросил: что это такое?» (Лк. 15, 25). И ныне Израиль спрашивает, почему радуется Бог при принятии язычников, но, отягченный завистью, не может узнать Отеческой воли.

«Он сказал ему: брат твой пришел, и отец твой заколол откормленного теленка, потому что принял его здоровым» (Лк. 15, 27). Причиной радости служит провозглашаемое во славу Божию на этой земле спасение язычников, спасение грешников: радуются Ангелы, готова к радости и вся тварь; об одном только Израиле говорится: «он сердился и не хотел войти» (Лк. 15, 28). Гневается, что в его отсутствие был принят брат; гневается, что жив тот, кого он считал погибшим. И теперь стоит за дверями Израиль, и теперь, когда ученики слушают Евангелие в церкви, мать его и братья стоят за дверями, ища его (Мф. 12, 46—50).

«Отец же его, выйдя, звал его» (Лк. 15, 28). Как благой и милостивый, отец просит сына принять участие в домашней радости; просит Отец через апостолов, просит через проповедников Евангелия. Павел говорит об этом: «от имени Христова просим: примиритесь с Богом» (2 Кор. 5, 20). И в другом месте: «вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам» (Деян. 13, 46).

«Но он сказал в ответ отцу: вот, я столько лет служу тебе» (Лк. 15, 29). Отец милостиво просит о согласии, а он, следуя правде законной, не покоряется правде Божией. Но какая же правда более той правды Божией, которая прощает кающихся, принимает возвратившегося сына? «Вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего», — как будто не было преступлением заповеди то самое, что он заповидал спасению другого, что хвалится правдою перед Богом, когда никто перед Ним не чист. Ибо кто может самодовольно признать себя обладателем чистого сердца, хотя бы и один день прожил на земле? Давид исповедует: «я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя» (Пс. 50, 7). И в другом месте: «если Ты, Господи, будешь замечать беззакония, — Господи! кто устоит?» (Пс. 129, 3). А упоминаемый в притче старший сын говорит, что никогда не преступал заповеди, тогда как столько раз предаваем был пленению за идолослужение! «Вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего». Относительно этого говорит апостол Павел: «Что же скажем? Язычники, не искавшие праведности, получили праведность, праведность от веры. А Израиль, искавший закона праведности, не достиг до закона праведности. Почему? потому что искали не в вере, а в делах закона» (Рим. 9, 30—32). Таким образом, и о старшем сыне можно сказать, что он, по выражению апостола, без преткновения в области правды, которая от закона: хотя мне кажется, что иудей больше тщеславится, чем говорит истину, подобно тому фарисею, который говорил: «Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь» (Лк. 18, 11).

Спрашиваю тебя: не видишь ли ты, что то же самое, что фарисей сказал о мытаре, старший брат говорил о младшем: «этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами» (Лк. 15, 30)? На слова сына: «Никогда не преступал приказания твоего», отец ничего не отвечает; не утверждает, истинно ли сказанное сыном, но укрощает гнев его другим пособом: «Сын мой! ты всегда со мною» (Лк. 15, 31). Он не сказал: ты оворишь правду, ты делал все, что Я повелевал, но говорит: «Ты всегда со мною» — со Мною посредством закона, которому ты подчинен; со

Мною, когда познаешь Меня в пленениях; со Мною не потому, что соблюдаешь Мои заповеди, но потому, что Я не позволил тебе отойти в далекую сторону. Со Мною, наконец, потому, что Я сказал Давиду: «Если сыновья его оставят закон Мой и не будут ходить по заповедям Моим; если нарушат уставы Мои и повелений Моих не сохранят: посещу жезлом беззаконие их, и ударами — неправду их; милости же Моей не отниму от него» (Пс. 88, 31—34). По этому свидетельству оказывается ложным то, чем хвалятся старший сын, поскольку в судьбах Божиих он не ходил и заповедей Его не исполнял. Каким же образом, не соблюдая заповеди, он, по словам притчи, всегда был с отцом? Потому, что после грехов он был посещаем жезлом, а посещенному не отказывалось в милосердии. Не должно также удивляться, что осмелился стать перед отцом тот, который мог завидовать брату; в день Суда некоторые солгут еще бесстыднее, сказав: «не от Твоего ли имени мы пророчествовали... и не Твоим ли именем многие чудеса творили» (Мф. 7, 22).

«Но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться...» Сколько, говорит Израиль, пролито крови, столько тысяч людей убито, и никто из них не стал искипнителем ради нашего спасения. Сам Иосия, угодивший пред лицом Твоим (4 Цар. 23), и в недавнее время Маккавеи, сражавшиеся за Твое наследие, нечестиво были умерщвлены мечами врагов, и ничья кровь не возвратила нам свободы... Ни пророк, ни священник, ни какой-либо праведник не приносился в жертву за нас. А за блудного сына, то есть за язычников, за грешников, пролита Кровь, более славная, чем все сотворенное. И тогда как заслужившим Ты не дал и малого, не заслужившим дал гораздо больше. «Никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими» (Лк. 15, 29). Напрасно говоришь так, Израиль, скажи лучше: чтобы я повеселился с Тобою. Разве для тебя может быть какое-нибудь иное удовольствие, если Отец не празднует с тобою на пиру? Научись, по крайней мере, из настоящего примера. Когда возвратился младший сын, радуются и отец, и слуги. «Станем есть, — говорит отец, — и веселиться» (Лк. 15, 23), а не ешьте и веселитесь. Но ты, по той склонности душевной, по которой завидуешь брату, по которой удаляешься от лицемерия Отца и всегда пребываешь на поле, ты и теперь хочешь пировать без Него. «Никогда не дал мне и козленка...» Никогда Отец не даст в дар худшего: заколот теленок, войди, ешь с братом. Зачем просишь козленка ты, для которого готов Агнец? И чтобы ты не притворялся, будто не знаешь, что Агнец готов, Иоанн указал тебе его в пустыне: «вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Ин. 1, 29). И Отец, как милостивый и принимающий раскаяние, просит тебя есть телца, не закалявая козла, который стоит по левую сторону. Но в конце века ты сам заколешь для себя козла, антихриста, и с друзьями своими, нечистыми духами, питаешься его плотью, во исполнение пророчества: «Ты сокрушил голову левиафана, отдал его в пищу людям пустыни» (Пс. 73, 14).

«Когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка» (Лк. 15, 30). Сознает и теперь Израиль, что был заклан телец: знают, что пришел Христос, но мучаются завистью и не хотят спасения без погибели брата.

«Он же сказал ему: сын мой! ты всегда со мною, и все мое твое» (Лк. 15, 31). Называется сыном, хотя тот и не хочет войти. Но каким образом все Божие принадлежит иудеям? Неужели и Ангелы, Престолы, Господства и прочие Силы? Очевидно, что под всем должно разуметь закон, пророков, божественные речи. Все это Бог дал иудеям, чтобы они поучались в законе Его день и ночь...

«А о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк. 15, 32). Итак, будем надеяться, что и мы, сделавшись мертвыми через прегрешения, можем ожить в покаянии. В настоящей притче возвращается сам сын, подобно тому, как в прежних притчах приносится назад заблудшая овца и обретается потерянная драхма. Все три притчи заключаются одинаково: «пропадал и нашелся», чтобы посредством различных уподоблений мы уразумели одну и ту же мысль о принятии грешников. Блаженный Иероним (116, 193—196).

ЗАПОВЕДИ

Вопрошавшему о том, как спастись, Господь, со Своей стороны, задал вопрос: «в законе что написано? как читаешь?» (Лк. 10, 26). Этим Он показал, что за решением всех недоразумений надо обращаться к слову Божию. А чтобы и самых недоразумений не было, лучше всего читать Божественное Писание, читать со вниманием, рассуждением, сочувственно, с приложением к своей жизни и исполнением того, что касается **мыслей**, — в мыслях, что касается **чувств** — в чувствах и расположении, что касается **дел** — в делах. Внимающий слову Божию собирает светлые понятия обо всем, что в нем и что около, и что выше его; выясняет свои обязательные отношения ко всем случаям жизни и святые правила, как драгоценные жемчужины, нанизывает на нить совести, которая потом точно и определенно указывает, как когда поступить в угодность Господу; укрощает страсти, на которые чтение слова Божия действует всегда успокоительно. Какая бы ни волновала тебя **страсть**, — **начни** читать слово Божие, и страсть будет становиться все тише и тише, а наконец и совсем уgomонится. Обогащенный ведением слова Божия имеет над собою столп облачный, который вел израильтян в пустыне. Епископ Феофан Затворник (107, 388—389).

Учители церковные различают два вида спасительного учения: догматы и заповеди. Догмат есть Богом открытая истина, которой мы должны веровать для нашего спасения. Заповедь есть Богом данное повеление или правило, которое мы должны исполнять для нашего спасения. Этот самый состав учения представляет и небесная Фаворская проповедь. «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое **благоволение**» — вот догмат! «Его слушай-**те**» — **вот** заповедь! (Мф. 17, 5). Филарет, митрополит Московский (ИЗ, 1).

Каждая **заповедь** — **священная** тайна
единения человека и Бога

Заповеди **Божии** есть Жизнь Вечная. Преподобный авва **Исаия** (34, 186).

Заповеди **Божии** выше всех сокровищ мира. Преподобный Исаак Сирин (55, 291).

Каждая заповедь **Божия** есть священная тайна: открывается она исполнением ее и по мере исполнения ее (108, 510).

В заповедях — не одно делание: в них сокровен и при посредстве их бывает явлен духовный разум. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (109, 6).

Те заповеди особенно делают людей подобными **Богу** — насколько людям возможно быть подобными **Богу**, — которые служат к общей пользе (37, 282).

Если бы Бог не уготовлял нам Царства, а **дьявол — геенны**, не довольно ли было бы самого свойства (заповедей) для того, чтобы побудить нас быть в союзе с Богом? Святитель Иоанн Златоуст (43, 66).

Наперсник закона Божия во всех упражнениях, во всех делах своих имеет целью **богоугождение**. Мир обращается для него в книгу заповедей Господних. Прочитывает он эту книгу делами, поведением, жизнью. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (109, 6).

Все они [заповеди] по истинно понимаемому намерению Писания, состоят в такой связи, что нарушением одной необходимо нарушаются все прочие (8, 75).

Надо остерегаться, чтобы под предлогом исполнения одной заповеди не оказаться нарушителями другой (9, 104).

Заповеди **Божии** надо исполнять так, как повелел Господь. Ибо кто погрешает в образе действия, тот хотя внешне и исполняет заповедь, однако не имеет похвалы от Бога (6, 325).

Заповедь Божию нужно исполнять не из угождения людям и не по какой-нибудь другой страсти, но имея во всем целью угодить Богу и прославить Бога (6, 325).

Проявляющий тщательность в менее важном не должен пренебрегать важнейшим, но исполняя преимущественно важнейшие заповеди, он обязан успевать и в менее важном. Святитель Василий Великий (6, 351).

Для духовного разумения закона и более ясного познания заповедей вовсе не достаточно того, что вложено природой, если не придет Божественное просвещение и не осветит внутренних чувств. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (53, 218).

Любящим Бога удобен и приятен труд исполнения заповедей, потому что любовь Божия делает подвиг легким и вожделенным. Преподобный **Макарий** Египетский (33, 335).

Все мы обязаны исполнять (заповеди) по нашей силе: **мало-сильные** — сообразно немощи своей; **сильные** — соответственно силе своей. Преподобный авва **Исаия** (34, 53).

Если любящий чистоту и духовную **мудрость — прилепись** к Владычным заповедям из любви к Давшему их, а не из страха и не ради воздаяния (55, 246).

Жаждущим совершенства надлежит сохранять все заповеди, потому что сокровенное делание врачует душевную силу (55, 259).

Кто жаждет исполнения воли Божией, тот будет иметь

путеводителями небесных Ангелов. Преподобный Исаак Сирин (55, 291).

Каждый из нас может исполнять трудное в заповедях, когда жизнь свою, как перед зрителем, открывает перед Богом всяческих. Святитель Василий Великий (4, 339).

Где заповедь Божия, там, конечно, и искушения, и вражеские козни. Святитель Иоанн Златоуст (49, 107).

Заповедь дана не только для дел и слов, но преимущественно для их начал, для помышлений, и брань врага направлена преимущественно против ума (110, 160).

Исполнение заповедей в обществе человеческого доставляет исполнителю опытное, самое ясное и самое подробное познание падшего естества человеческого и падших духов. Епископ Игнатий **(Брянчанинов)** (112, 43).

Кто соблюдает закон, чтит частицу Божества, какую имеет в себе, кто во всяком деле, слове, движении ума, насколько возможно, чист от всего попираемого и не оскверняется ничем преходящим, а напротив, самую плоть влечет с собою к Небу, тот в награду за труды (подлинно самое великое и премудрое таинство!) станет богом по усыновлению, исполненным высшего света, начатки которого принял он в некоторой мере еще здесь (8, 125).

Бог и близок к каждому из нас, когда добрые дела делают нас своими Ему, и далек от нас, когда, приближаясь к гибели, мы сами удаляемся от Него (5, 314).

Близость с Господом познается не по плотскому сродству, а по тщательности в исполнении воли **Божией**. Святитель Василий Великий (6, 333).

Кто поистине соблюдает их, тот переходит от смерти в жизнь (25, 131).

Кто соблюдает заповеди, тот любит себя, а кто пренебрегает ими, **тот** вредит своей душе. Преподобный Ефрем Сирин (25, 177).

Кто стяжал заповеди, тот внутри себя обретает Бога (55, 291).

Заповеди Господа нашего имеют воздаяние бесконечное и вечное, так как в тех, кто исполняет их, они вселяют Жизнь Бессмертную и подают великие блага: «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку...» (1 Кор. 2, 9) (55, 441).

За сохранение заповедей ум удостаивается благодати таинственного созерцания и откровений духовного ведения (55, 265).

Кто хочет, чтобы в него вселился Господь, пусть принуждает свое тело служить Господу и подвизаться в заповедях Духа. Преподобный Исаак Сирин (55, 177).

Сохранением заповедей очищается душа... Преподобный авва **Дорофей** (58, 27).

Исполнение Евангельских **заповедей** — деятельная вера христианина

Всякое действие и всякое слово Спасителя нашего Иисуса **Христа — есть** правило благочестия и добродетели. **Святитель Василий Великий (8, 318).**

Христос требует не исполнения заповедей, но исправления души, для чего узаконил заповеди. **Преподобный Исаак Сирин (55, 155).**

Христос... Сам первый на деле показал ученикам возможность исполнить то, что заповедал. **Преподобный Нил Синайский (48, 195).**

Те, которые не считают себя должниками всякой Христовой заповеди, читают закон Божий только поверхностно. **Преподобный Марк Подвижник (54, 11).**

Веруй святым животворящим Евангельским заповедям... исполнение которых составляет так называемую святыми отцами деятельную веру христианина **(108, 499—500).**

Заповеди Моисеева Десятисловия... не допускали падшего человека впасть в состояние решительно противоестественное, но и не могли возвести к тому состоянию непорочности, в которой человек был сотворен **(108, 507).**

Заповеди Десятисловия сохраняли в человеке способность к принятию заповедей Евангелия. Заповеди Евангелия возводят в непорочность, превышающую той, в которой мы сотворены: они претворяют христианина в храм Божий **(108, 507).**

Пространные врата и широкий **путь — это** деятельность по воле и разуму падшего естества. Узкие **врата — деятельность** по Евангельским заповедям **(108, 516).**

Узкие **врата — тщательное**, основательное изучение закона Божия и -в Писании, и жизнью; тесный **путь — деятельность**, всецело направленная по Евангельским заповедям **(111, 345).**

Для освобождения от порабощения падшему естеству Господь заповедует распятие естества, то есть отвержение его разума и его воли, пригвождение действий ума и влечений сердца к заповедям Евангелия **(111, 177).**

Между Евангельскими заповедями и **крестом — чудное** средство! Делание заповедей привлекает на плечи делателя крест, а крест совершенствует, утончает нашу деятельность по закону Христову. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 134).**

Служит Христу тот, кто, отвергнув тяжкое сатанинское иго грехов, носит благое иго Христово, по слову Его: «Возьмите иго Мое на себя» (Мф. 11, 29). Благое иго Христово означает заповеди Его, святые и легкие, ибо «заповеди Его нетяжки» (1 Ин. 5, 3). Что легче, чем любить, как сказано выше? Он заповедует нам любить друг друга: «Сие заповедаю вам, да любите друг друга» (Ин. 15, 17). А от любви все добрые дела проистекут, как ручьи от источника, ибо любовь есть корень

добрых дел (1 Кор. 13, 1—8 и 13). И кто имеет истинную христианскую любовь, тот носит иго Христово и заповеди Его исполняет и так Ему служит (**104, 787**).

Не только тот противится Христу, кто учения Его не приемлет и не признает Его за Христа, Спасителя мира, но и тот, кто Его воли и Его заповедей не исполняет и противно Его святому учению живет, не делая того, что Христос повелевает. Всякий **такой — противник** Христу, хотя и имя Его исповедует, и говорит Ему: «Господи. Господи!». Таким Он и отвечает: «что вы зовете Меня: Господи! **Господи!** — и не делаете того, что Я говорю?» (Лк. 6, 46)... Кто против Христа? Тот, кто против Его воли, мысли и желания поступает. Всякий беззаконный христианин, прилепившийся миру сему и полагающий в нем все свое утешение, есть противник Христу, ибо Христос отводит нас как от грехов, так и от любви к миру сему Своим учением и делом. **Святитель Тихон Задонский (104, 793)**.

Правильная любовь к себе заключается в исполнении животворящих Христовых заповедей: «Любовь же состоит в том, чтобы мы поступали по заповедям Его» (2 Ин. 1, 6), — сказал **Иоанн Богослов (111, 260)**.

Исполнение заповедей, предшествующее соединению ума с сердцем, отличается от исполнения заповедей, последующего соединению (**112, 117**).

Всеоружие **Божие** — все Евангельские заповеди. Поправший одну из них, пограл все собрание их, весь закон. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (110, 162)**.

Мы становимся сынами Света

При исполнении Божиих заповедей созревает внутри нас, как некий многочастный плод, любовь, милосердие, благодать, кротость, смирение, терпение искушений, непорочность и чистота сердца, при которой мы устаиваемся видеть Бога. И чистое сердце озаряется благодатью и просвещением Святого Духа, Который возрождает нас, делает сынами Бога, облакает во Христа, возжигает свечильник в душе нашей, делает нас чадами Света, освобождает души от тьмы и еще здесь, в этой жизни, делает причастными Вечной Жизни, **хотя** мы этого и не знаем (61, 15).

Где со тщанием исполняются заповеди **Божии**, там бывает и явление Спасителя нашего Иисуса Христа. После этого явления Спасителя приходит и совершенная любовь (61, 112).

Чем более христианин преуспевает в делании заповедей Божиих, тем более душа его очищается, озаряется и просвещается, и **устаивается** видеть откровения великих **таин**, **глубины** которых никогда не видел и совершенно не способен видеть никто из тех, кто не достиг такой чистоты (61, 133).

Постараемся же сохранить Божественные заповеди и очистить сердца свои слезами и покаянием, да узрим Христа, этот Свет

Божественный, и да стяжем Его еще здесь, в настоящей жизни, обитающим в нас, да оживотворит Он души наши благодатью Всесвятого Духа и да питает их сладостью ожидаемых благ Царствия Своего (60, 180).

Бог есть Свет, и Он сообщает светлости Своей тем, с которыми соединяется, по мере очищения их. И тогда погасшая лампада души, то есть омраченный ум, познает, что зажглась и засветилась, потому что объял ее божественный огонь. О чудо! Человек соединяется с Богом духовно и телесно, потому что ни душа его при этом не отделяется от ума, ни тело от души. Так как Бог вступает в единение со всем человеком, с его душою и телом, то и он становится тройственным по благодати, состоящим из тела, души и Божественного Духа, от Которого принял благодать (60, 228).

Когда мы веруем от всей души, сокрушенно каемся, мы начинаем в сердцах Своих Бога Слово, как Дева, имея души свои девственными и чистыми. И как Пресвятую Деву не опалил огонь Божества, ибо Она была пренепорочна, так и нас Он не опалает, когда сердца наши чисты и непорочны, но бывает в нас небесной росой, источником воды живой, потоком Жизни Вечной (60, 395).

Покорные Богу и неуклонно соблюдающие заповеди Его в меру и с воздержанием причащаются и временных благ, возводя к Невидимым и Вечным за то, что повиновались Царю всех Богу и соблюдали повеления Его. Те же, которые поступают против заповедей Божиих, находятся на противной Богу стороне, вместе с диаволом, поскольку сделались врагами Бога (61, 376).

Как изумительна сила заповедей Божиих и в какое дивное состояние приводят они тех, которые творят и исполняют их... **Преподобный Симеон Новый Богослов (61, 503).**

Исполнение Евангельских заповедей настраивает ум и сердце к чистой и исполненной умиления молитве, а истинная молитва направляет мысль, чувства, действия по заповедям Евангелия (108, 145—146).

Желающий приобрести смирение должен с тщательностью исполнять все заповедания Господа нашего Иисуса Христа. Делатель Евангельских заповедей может прийти к познанию своей собственной греховности и греховности всего человечества (108, 307).

Чтобы помнить о смерти, надо вести жизнь сообразно заповедям Христовым. Заповеди Христовы очищают ум и сердце, умерщвляют их для мира, оживляют для Христа. Ум, отрешенный от земных пристрастий, начинает часто обращать взоры к своему таинственному переходу в вечность (108, 382).

Исполнением животворящих Евангельских заповедей поддерживается соединение христианина со Христом. Иначе не может член Христов пребывать в единении со Христом, как действуя из Его воли, из Его разума. И воля и разум Христовы изображены в Евангельских заповедях (108, 500—501).

Навык к исполнению Евангельских заповедей соделывает

кротость и смирение свойствами души. Тогда божественная благодать вводит в душу духовную кротость и духовное смирение (108, 518).

Кто углубляется постоянно в Писание, изучает его в смирении духа, испрашивая у Бога разумение молитвою, кто направляет по Евангельским заповедям все сокровенные движения души, тот непременно становится причастником живущего в них Святого Духа (109, 8).

Чтобы увидеть Бога в Промысле Его, нужна чистота ума, и сердца, и тела. Для стяжания чистоты нужна жизнь по заповедям Евангелия (109, 79).

Красота подобия восстанавливается Духом, как и образ при Крещении. Она развивается, совершенствуется исполнением Евангельских заповедей (109, 134).

Жительство по Евангельским заповедям есть единый и истинный источник духовного преуспевания, доступный для каждого, искренне желающего преуспеть, в какое бы наружное положение он ни был поставлен неведомым Промыслом Божиим (109, 309).

Исполнение Евангельских заповедей вводит человека в истинное богопознание и самопознание, в истинную любовь к себе, к ближнему, к Богу, в общение с Богом, которое развивается тем обильнее, чем усерднее и точнее исполняются Евангельские заповеди (109, 360).

Жизнь по Евангельским заповедям, созерцание своего падшего естества, созерцание бесконечного величия и бесконечных совершенств Божиих, сличение **НИЧТОЖНОГО — по ограниченности своей — человеческого** естества с неограниченным естеством Божиим, созерцание последствий грехопадения прародителей и последствий своей собственной греховности, плач о бедствии собственном и всего человечества, терпение всех скорбных **случаев** — развивает в православном христианине благодать Крещения до необъятных размеров, непостижимых и невероятных для ума человеческого в падшем его состоянии (109, 404).

Жизнь по Евангельским заповедям, молитва в сокрушении духа вводят в соединение с Господом; завершается это соединение божественной благодатью и причащением Всесвятых Божественных Тела и Крови Христовых. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (111, 134).

Облекаться во образ Небесного **Человека — облекаться** в Господа Иисуса Христа, всегда носить в теле мертвость Господа Иисуса **Христа — значит** не что иное, как постоянно умерщвлять в себе плотское состояние постоянным пребыванием в Евангельских заповедях (109, 383).

Пока действует вера, пока человек руководствуется Евангельскими заповедями, до тех пор сияет в нем духовный разум (111, 192).

Если христианин будет стараться жить по заповедям и ежедневно проверять себя, то мало-помалу стяжает сокрушение Духа, которое еще далеко отстоит от **покаяния — видения** (111, 453).

Тогда открывается нам, насколько мы слабы, насколько повреждены падением, когда начнем принуждать себя к исполнению Евангельских заповедей (111, 505).

Господь приходит в сердце исполнителя заповедей, делает сердце храмом и жилищем Божиим (112, 33).

При возделывании сердца заповедями извлекаются из него наружу самые основные помышления и ощущения, от которых произрастает всякого рода грех, и таким образом при постоянном и постепенном обнаружении они истребляются мало-помалу (112, 148—149).

Если хочешь быть верным, ревностным сыном Православной Церкви, то достигай этого исполнением Евангельских заповедей относительно ближнего. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 277).

Кто не собирает со мною, тот расточает

Кто ревнует об исполнении заповеди, но делает не то, к чему она призывает, но чего сам хочет, какую тот получит награду? Какая следует за угождение себе. Святитель Василий Великий (8, 229).

Иной, внешне исполняя заповеди, раболепствует страсти и злыми помыслами истребляет доброе дело. Преподобный Марк Подвижник (54, 23).

«Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 12, 30). Выходит, что можно целый век трудиться и думать, что собрано много всякого добра, а все ни к чему, коль скоро собираемо было не с Господом. Что же **значит — собирать с Господом?** Трудиться и действовать по вере в Господа, по заповедям Его, с помощью благодати Его, воодушевляясь обетованиями **Его**, — **жить** так, чтобы духом жизни был дух Христов. **Есть** в мире две **области — добра** и зла, истины и лжи. Только добро и истина составляют настоящее имение, прочное и ценное, но добро и истина только от Господа и приобретаются лишь с помощью Его. Понятно, что кто не с Господом собирает, тот не соберет истины и добра, не соберет того, что можно назвать настоящим имением, прочным и ценным. Если же кроме этого ничего нельзя назвать прочным и ценным, то что ни собирал бы кто, все не впрок, все напрасный труд, напрасная трата сил и времени...

Кто с Господом? Живет и действует в духе Его тот, кто не позволяет себе ни мыслей, ни чувств, ни желаний, ни намерений, ни слов, ни дел, которые были бы неуютны Господу и противны Его явным заповедям и определениям. Кто живет и действует иначе, тот не с Господом, следовательно, не собирает, а расточает. Что же расточает? Не только силы и время, но и то, что собирает. Богатство, например, не с Господом собирает тот, кто только копит его, не делясь с другими и себя лишая даже нужного, или кто, собирая его, частью тратит на пышное содержание себя, частью расходует на тщеславные жертвы,

частью оставляет наследникам. На тот свет явится он ни с ~~чем~~—и будет там беднейшим из беднейших. Напротив, с Господом собирает тот, кто через руки бедных и нуждающихся препровождает собранное в вечные сокровищницы. Когда умрет такой человек, на том свете все найдет сохраненным, нерасточенным, хотя бы он всю жизнь свою расточал. То же самое приложимо и к собиранию знаний. Тут расточение еще очевиднее, потому что еще здесь становится явным, как мудрствующий не о Господе собирает будто горы знаний, а между тем все **они**—хлам, призрак истины, а не истина. У таких не только не бывает знания, но и смысл человеческий теряется (115, 726).

Слушающий слова Господни и исполняющий их подобен строящему дом на камне, а слушающий и не исполняющий подобен строящему дом на песке (Мф. 7, 24—27). Заучи это всякий и почаще повторяй; истина же, здесь содержащаяся, всякому понятна и ясна наглядно. И множество собственных опытов имеет всякий под руками в этом роде. Мысли, например, пока еще думаешь о чем-нибудь, бывают неустойчивы и мнутся; когда же изложишь их на бумаге, они получают твердость и неподвижность. Предприятие какое-нибудь все еще бывает неверно и меняется в частностях, пока не начато, а когдапустишь его в ход, всем исполнительным соображениям конец. Так и нравственные **правила—пока** не исполнены, они как будто чужие, они вне нас и непрочны, а когда исполняешь их, они входят внутрь, оседают в сердце и полагают там основу характеру, доброму или злomu. **Епископ Феофан Затворник (115, 652).**

Душа праведного, говорит Спаситель, ничем не побеждается потому, что она основана на камне. Камнем же Он называет твердость Своего учения. Ибо поистине, заповеди Его гораздо тверже камня. С их помощью человек становится выше всех волн человеческих. Ибо кто тщательно соблюдает их, тот побеждает не только гонение людей, но и козни диавольские.

Человека же, который слушает слова Христовы и не творит их, Спаситель справедливо назвал безрассудным. Ибо кто может быть безрассуднее того, кто строит дом на песке, подымлет труд, но плода и спокойствия не получает, а вместо этого несет наказание? А что и преданные пороку **трудятся**—это всякому известно, ибо и похититель, и прелободей, и клеветник переносят много трудов и беспокойств, чтобы свое нечестие привести в исполнение, но от этих трудов не только никакой не получают пользы, но еще терпят великий вред. Поэтому и [апостол] Павел намекает на то же самое, говорит: «сеюший в плоть свою от плоти пожнет тление» (Гал. 6, 8). Такому сеятелю подобны и те, которые на песке строят, на блуде, на роскоши, на пьянстве, на гнев и на всем прочем. Порок делает своих последователей безрассудными, и дом, построенный на песке, распадается не просто, а с великим бедствием. Ибо Спаситель сказал: «и было падение его великое» (Мф. 7, 20). И в самом деле, опасность угрожает не маловажным вешам, а душе, и притом лишением Неба и вечных благ. Но и прежде этого порочный будет проводить жизнь самую несчастную, сопряженную с непрерывными печальми, страхом, заботами и сильными беспокойствами, на что указывая, премудрый Соломон говорит: «нечестивый бежит, когда никто не гонится за ним» (Притч. 28, 1). Поскольку такие люди трепещут теней, подозревают друзей, врагов, знакомых и незнакомых и таким образом прежде вечных мучений еще здесь терпят жесточайшее мучение. Все это

показывая, Христос сказал, «И было падение его великое». Таким образом, убеждая самых упорных неверных избегать порока, Он сделал достояние заключение Своим благим заповедям. **Святитель Иоанн Златоуст (115, 651—652).**

Никто не удостоится принять небесные дары Святого Духа, если не будет предварительно упражняться в изучении святых заповедей. Преподобный Нил Синайский (48, 245).

Душа не в состоянии сделаться чистой, если не хранит заповеди (55, **245**).

Если зрение ума не будет очищено деланием заповедей... не приобретет в совершенстве света любви, не преуспеет возрастом в обновлении Христовом. Преподобный Исаак Сирин (55, **268**).

Те, которые небрегут об упражнении в слове Божием, об исполнении святых Божиих заповедей, пребывают в горестном омрачении греховном, в плену у греха... в бесплодии, даже если живут в глубокой пустыне (**109, 48**).

Угроза пренебрегающему исполнением заповедей заключается в предсказании ему бесплодия, отчуждения от Бога, гибели. Епископ Игнатий (**Брянчанинов**) (112, 33).

«Иди... нимало не сомневаясь...»

«Встань, сойди и иди с ними, нимало не сомневаясь; ибо Я послал их» (Деян. 10, 20). Хотя одно из лучших правил **жизни** — прежде начала дела обсудить его со всех сторон, как и Премудрый заповедует: «Без рассуждения не делай ничего» (Сир. 32, 21), однако есть случаи, когда нет нужды предварительно взвешивать то, к чему приступаем, и даже совершенство дела требует, чтобы оно было исполнено без всякого недоумения и размышления. Таковы дела, предписываемые нам нашим Верховным Законодателем.

Между тем у нас бывает не так. К исполнению собственных желаний и намерений мы чаще всего приступаем без предварительного размышления и здравого обсуждения дела, но когда касается исполнения определенных, безусловных заповедей Божиих, тогда является у нас неуместная рассудительность: можно ли сделать то или другое при нашем положении, состоянии и отношении к другим? В таком случае вся сила рассудительности нашей обращается, конечно, на тот пункт, нельзя ли совсем уволить себя от обязанности, возлагаемой на нас Богом, так, однако же, чтобы мы являлись в этом случае совершенно правыми перед совестью и перед Самим Господом. Например, бедный просит посильной помощи... Закон Божий говорит прямо: «просящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся» (Мф. 5, 42). Но нам, прежде исполнения заповеди Христовой, приходит на мысль многое, что, по-видимому, может сделать самое безусловное повеление Христово не обязательным для нас. «Могу ли я для других жертвовать тем, что самому мне стоит таких трудов и попечений, да и достоин ли помощи

просящий, не употребит ли он во зло самого благодеяния, не располагают ли его подаяния к жизни праздной за счет ближних своих?» и прочее. Другой пример: мы обижены и потерпели нечто от ближнего... Закон Божий говорит: «любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас» (Мф. 5, 44). Но мы, не отвергая высоты Евангельской заповеди, стараемся так обсудить наше положение, чтобы именно к нам одним не имела она безусловного приложения; если стерплю обиду, говорим, то признаю себя как бы достойным ее, а мои отношения к другим таковы, что показаться достойно униженным — значит отвратить от себя всех и ввести других в заблуждение о моей чести, а себя самого поставить в положение самое трудное и невыносимое в обществе...

Каковы бы ни были эти и подобные суждения (впрочем, никакого сомнения нет, что они ложны, как произведения нашего своекорыстия и самолюбия), но не дерзко ли судить то, что, так сказать, обсуждено уже Самим Богом? «Если ты судишь закон, то ты не исполнитель закона, но судья. Един Законодатель и Судия, могущий спасти и погубить, а ты кто, который судишь другого?» (Иак. 4, 11—12).

Вникнем в положение святого апостола Петра, которому были сказаны эти слова: «Встань, сойди и иди с ними, нимало не сомневаясь». Ему повелевается идти к язычнику и вступить с ним в общение. Но «иудею возбранено сообщаться или сближаться с иноплемennemиком» (Деян. 10, 28). Поэтому какую основательную причину мог бы представить апостол Петр для того, чтобы не исполнить данного ему повеления... Но так как ему было сказано: «иди с ними... ибо я послал их», то он не проявил ни тени сомнения или нерешительности в исполнении повеления Господня.

И перед каждой евангельской заповедью есть слово Самого Господа Законодателя: «Я говорю вам» (Мф. 5, 22, 28, 32, 34, 39, 44). Зачем же лукавые помышления входят в сердца ваши, когда предстоит нам исполнение этих заповедей? Для чего дерзаем казаться предусмотрительнее Самого Господа, подвергая сомнению то, что Он повелевает нам делать, не сомневаясь? Некоторые из подвижников до того усовершенствовались в послушании воле других, более опытных, подвижников, что не позволяли себе ни малейшего сомнения или колебания в исполнении всякого указания их, и потому, где можно было, по-видимому, опасаться за их неразборчивость, там они совершали чудеса... А мы не хотим безусловно покориться воле Божией! Господи! «Открой очи мои, и увижу чудеса закона Твоего» (Пс. 118, 18)! Воскресное чтение (114, 340—341).

Покаяние составляется из исполнения всех Евангельских заповедей. Евангельские заповеди возможно исполнять точно и богоугодно только из сердца сокрушенного и смиренного. Дух жителства по Евангельским заповедям — покаяние (82, 413).

Может ли находящийся в самообольщении, в области лжи и обмана, быть исполнителем заповедей Христовых, которые истина от Истины — Христа? (108, 106).

Условие пребывания в любви Божией и в соединении с Богом заключается в соблюдении Евангельских заповедей (108, 519).

Кто увидел Бога в Его управлении миром, кто испытал благоговение перед этим управлением... только тот может... распять греховные волю и мудрость на кресте Евангельских заповедей (109, 79).

Желающий быть чистым исполнителем заповедей Христовых должен крайне храниться от пристрастий. Когда сердце заражено пристрастием, оно не может исполнить чистой и святой воли Христовой с подобающей святостью и чистотой (109, 144).

Все мы рождаемся в первородном грехе и со всеми немощами, усвоившимися нашему естеству вследствие падения, которые открылись в Адаме по его падению; да облечемся и в образ Небесного посредством Крещения, дарующего нам этот образ, и тщательного соблюдения Евангельских заповедей, которые сохраняют в нас образ целым в его совершенстве (109, 383).

Монашеская жизнь есть жизнь по Евангельским заповедям (112, 37).

Молитва есть по преимуществу исполнение первой и главнейшей заповеди (112, 93).

Молитва, будучи дочерью исполнения Евангельских заповедей, есть вместе и мать всех добродетелей. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 93—94).

Вступивший в послушание Евангелию должен прежде всего очистить себя от всякой скверны плоти и духа, чтобы через это сделаться благоприятным Богу в делах святости. **Святитель Василий Великий** (6, 308).

Не пренебрегай заповедью Божией, хотя и нет обличителей,— ничто не укроется от Бога (25, 400).

Человек, ты сын плоти! Смотри же, чему научил тебя Господь твой, не пренебрегай словом Господним, чтобы и Господь не отвергся от тебя... **Преподобный Ефрем Сирин** (28, 111).

Послушай Бога в заповедях, чтобы и Он услышал тебя в молитвах. **Святитель Иоанн Златоуст** (36, 179).

ЗАПОВЕДИ БЛАЖЕНСТВА*

«Блаженны нищие духом...»

Что значит обнищать духом, чем приобретается право стать обладателем Небесного Царствия? Из Писания познали мы два рода богатства: одно вожделенное и другое осужденное. Желанным является богатство добродетелей, осуждается же вещественное и земное, потому что первое делается достоянием души, а последнее может только послужить к обольщению чувств, потому Господь запрещает собирать его, как готовимое на съедение червям и на козни подкапывающим стены, повелевает же прилагать старание о сокровищах возвышенных, к которым не прикасается сила тления (Мф. 6, 19—21). Сказав же о черве и о воровстве, Господь указал на опустошителя сокровищ духовных. Поэтому если нищета противоплагается богатству, то, конечно, по соответствию должно принять, что нищета бывает двоякая: одна отвергаемая, а другая ублажаемая. Потому кто обнищал целомудрием или другим достоянием — справедливостью, или мудростью, или благоразумием, или оказывается и нищим, и нестяжателем, и убогим по другой какой многостоящей драгоценности, тот бедствует от нищеты и жалок, ибо не стяжал того, что для человека дорого. Но кто добровольно обнищал от всего, представляемого порочным, и не отлагает в свои тайники ни одной диавольской драгоценности, но горит духом и этим собирает себе в сокровище нищету худых дел, тот, по указанию Слова, — в ублажаемой нищете, плодом которой является Небесное Царство. Святитель Григорий Нисский (18, 364).

Не те нищие духом, которые отреклись от мира и терпят только внешнюю нищету, но те, которые оставили всякое зло и непрестанно алчут и жаждут памятования о Боге. Преподобный авва Исаия (34, 84).

Возлюби нищету Христову в этом мире, чтобы в том обогатиться тебе Христовым Божеством. Преподобный Ефрем Сирий (27, 16).

Что славнее нищенствования духом, доставляющего человеку Царствие Небесное, равноценного которому ничего нет и быть не может ни в настоящей, ни в будущей жизни? Если кто не имеет

* См. также т. 4, с. 680 настоящего издания. Заповеди блаженства — традиционное название Мф. 5, 3—12 — правильнее называть Евангельскими блаженствами.

больше томящей заботы о земном и временном, какое, думаешь ты, это приносит ему ангельское состояние и какие уготовляет вечные блага? Если кто презирает все временное и тленное, да и почти все необходимое для тела своего, так что никогда не заводит споров и ссор из-за этого, но хранит мир и любовь в душе своей, какого он не достоин воздаяния, каких венцов и дарований? Поистине выше естества эта заповедь и исполнение ее выше слова и разума, потому что Христос бывает для человека такого всем и вместо всего того, что он презирает. И не на одно только слово «Христос» обращай здесь внимание и не смотри на краткость произносимого, но помышляй о Славе Его Божества, превосходящего всякий ум и всякое слово, помышляй о Его неизреченной красоте, о безмерной милости, о непостижимом богатстве, которое Он щедро подает таким людям, и ты поймешь, что Его одного достаточно для них, так как они приемлют в себя Самого Бога, Источника и Подателя всякого блага. Потому-то никто из сподобившихся иметь Христа не желает уже ничего другого и никто из насытившихся любовью Божией не имеет позыша любить что-либо другое здесь, на земле. Преподобный Симеон Новый Богослов (60, 177).

Мы созданы по образу Создателя нашего и по Его подобию, и созданы для вечных благ, но сатана лукавством своим лишил нас всего этого и сделал нас нищими; и хотя многие и избилуют видимым богатством мира сего, однако же все перед **Богом** — нищие, ибо грешники. Грех ведет к истинному духовному обнищанию. В эту нищету лукавый ввергнул нашего праотца Адама и нас, его потомство. Богач, который много золота, серебра и прочего тленного богатства имеет, но живет в грехах, нищ, ибо не имеет надежды на небесные блага. Видишь нищету, в которой все мы, бедные, находимся? (104, 1242—1243).

Когда человек посмотрит внутрь своего сердца и рассудит о внутреннем состоянии своем, то увидит духовную нищету, более горькую, чем телесная. Ибо ничего он в себе, кроме бедности, окаянства, греха и тьмы, не имеет. Не имеет истинной и живой веры, истинной и сердечной молитвы, истинного и сердечного благодарения, своей правды, любви, чистоты, благодати, милосердия, кротости, терпения, покоя, тишины, мира и прочих душевных благ. Так нищ и убог человек! Но кто имеет некое сокровище, от Бога его получает, а не от себя имеет; и благодати Божией, а не своей силе должен приписывать его (104, 1243).

Через нищету Христову человек обогащается. Христос Господь пришел к нам и, будучи богат, обнищал, чтобы нас обогатить. На земле странствовал, чтобы нам возратить Небесное Отечество. Воспринял образ раба, будучи Господином, чтобы в нас возобновить образ Божий. Не имел где головы приклонить, чтобы нам открыть дом Своего Небесного Отца. Нищ был на земле, чтобы открыть нам небесные сокровища. Грехи наши взял на Себя, чтобы подать нам Свою правду. Так Он избавляет нас от нищеты нашей и подает богатство Свое. Постараемся, возлюбленные, это богатство от Него принять, перестанем искать земное и

поищем богатства Небесного. Земное на земле останется, и мы скоро потеряем его, но небесное вовеки неотлучно пребывает с нами. **Святитель Тихон Задонский (104, 1243—1244).**

Причина **слез** — **видение** и сознание своей греховности... причина на **слез** — нищета духа, будучи сама собою блаженством, она рождает другое **блаженство** — **плач**, питает, поддерживает, усиливает его **(108, 194—195).**

Нищета **духа** — **блаженство**, первое в Евангельском порядке, первое в порядке духовного преуспеяния, первое состояние духовное **(108, 520).**

Нищета **духа** — **соль** для всех духовных жертв и **всесождений**. Если они не осолены этой **солью** — **Бог** отвергает их **(108, 520).**

На познании и сознании немощи зиждется все здание спасения **(108, 532).**

Для христианина евангельская нищета вожденнее всех сокровищ мира **(109, 146).**

От непрестанной молитвы подвижник приходит в нищету духовную: приучаясь непрестанно просить Божией помощи, он постепенно теряет упование на себя **(109, 194).**

Постоянное стремление к исполнению воли Божией малопомалу истребит в нас удовлетворение собою и облетит нас в блаженную нищету духа **(111, 28).**

Бог внимлет молитвам одних вдовиц, то есть одних нищих духом, преисполненных сознания своей греховности, своей немощи, своего падения, чуждых самомнения, которое состоит в признании за собою достоинств, добродетелей, праведности **(111, 348).**

Видя постоянно возникающие в себе страсти, видя постоянное преобладание над собою греховных помыслов и мечтаний, приносимых духами, подвижник стяжевает нищету духа, заповеданную Евангелием, умерщвляется для мира, становится истинной вдовицей в духовном отношении и от сильнейшего ощущения вдовства, сиротства, одиночества, бесплодности с особенной неотвязчивостью начинает молитвой, соединенной с плачем... утомлять Неутомимого **(111, 350).**

Видение себя является в нищете духа, а не в самодовольстве и самонадеянности **(111, 456).**

Нищета духа является от видения и сознания грехов и греховности своей. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 452).**

«Блаженны плачущие...»

Плач есть некое скорбное ощущение утраты того, что радует. Если же нами понят плач человеческий, то пусть очевидное послужит некоторым указателем пути к неизвестному и сделается явным, что **такой** плач ублажаем, за которым следует утешение. Ибо если здесь плач происходит от лишения благ, какие у кого есть, и никто не станет оплакивать того, кто желает утратить, то надо узнать, что такое самое благо, а потом составить понятие о человеческом естестве, ибо им достигается и преуспеяние в ублажаемом плаче. Например, если один из двоих, живущих во

тьме, родился слепым, а другой привык наслаждаться светом, но насильно заключен в темницу, они не одинаково воспринимают свою беду. Ибо один, зная чего лишился, тяжелой для себя считает утрату света, а другой, совсем не знавший такой благодати и выросший во мраке, может даже считать, что не лишен никаких благ. А потому желание насладиться светом поведет одного ко всякому усилию и стремлению снова увидеть то, чего он лишен насильно, а другой может состариться в темноте, потому что не знал лучшего, признавая для себя благом настоящее. Так и тот, кто смог усмотреть истинное благо и потом познал нищету человеческого естества, конечно, сочтет душу бедствующей, оплакивая то, что настоящая жизнь далека от истинного блага. Потому, мне кажется, Слово убажает не печаль, но познание блага, при котором человек страдает оттого, что этого блага не имеет. **Святитель Григорий Нисский (18, 392).**

Если верный человек, всегда внимающий заповедям Божиим, творя все, что они требуют, помыслит об их высоте, то есть о том непорочном житии и чистоте (какие они изображают), он, исследуя свою меру, найдет себя крайне немощным и бессильным достигнуть этой высоты заповедей, найдет, что он совсем нищ и недостойн принять Бога или возблагодарить Его и прославить (упокоив в себе), так как не стяжал еще в себе никакого блага. Но такой человек, помышляя обо всем этом, без всякого сомнения, с чувством душевным заплачет тем плачем, который есть воистину наибогаженнейший плач, приемлющий и утешение и делающий душу кроткою. **Преподобный Симеон Новый Богослов (60, 34).**

Поведали о авве Диоскоре следующее. Он, безмолвствуя в келлии, оплакивал себя. Ученик его жил в другой келлии. Когда ученик приходил к старцу и заставлял его плачущим, то спрашивал: «Отец! о чем ты плачешь?» Старец отвечал: «Плачу о грехах моих». Ученик возражал: «Ты не имеешь грехов». Старец отвечал: «Будь уверен, сын мой: если бы я видел все грехи мои, то мой собственный плач оказался бы недостаточным; я нуждался бы во многих помощниках, чтобы оплакивать их, как должно» (82, 106).

Отцы Нитрийской горы послали к великому отцу Макарию в Скит (пустыня Скит была по соседству с пустынной горой Нитрийской) со следующим приглашением: «Вместо того, чтобы подыматься к тебе всему иноческому населению горы, умоляем тебя прийти к нам, чтобы мы увидели тебя прежде, нежели ты отойдешь ко Господу». Когда Макарий пришел в гору, стеклось к нему все многочисленное братство. Старцы просили его, чтобы он сказал назидательное слово братии. Он, прослезившись, сказал им: «Братия! очи ваши да испустят слезы прежде отшествия вашего туда, где слезы наши будут жечь наши тела». Все заплакали и, пав ниц, сказали: «Отец, молись за нас» (82, 310).

Сказывал авва Исаак: «Однажды я сидел у аввы Пимена и увидел, что он пришел в исступление. Я поклонился ему до земли, прося сказать мне, где он был. Принужденный объявить тайну свою, он сказал: «Мой ум был при Кресте Спасителя в те минуты, когда при Кресте стояла Богоматерь Мария и плакала; мне бы хотелось так плакать всегда». Отечяик (82, 329—330).

Возлюблен был плач преподобному Пимену! Сперва плач очищает от грехов, потом начинает по временам восхищать очищенного в духовные видения, изменяя ум, изменяя чувства душевные и телесные благодатным изменением, необъяснимым в

среде плотского мудрования, превысшим всех состояний, **свои-**ственных естеству падшему. Слезы кающегося, приносящего покаяние от сознания грехов, сопряжены с горечью сердца, с болезненным действием на тело; слезы очищенного и приносящего покаяния от обилия **смирения** — сладостны для души, сообщают питание самому телу. Святой Исаак Сирин называет помышления и ощущения, от которых изливаются эти слезы и которыми они **сопутствуются**, страной радости. Они изменяют самый наружный вид лица человеческого. Входит подвижник в слезы утешения, в **слезы** — свидетели милости **Божией** — слезами горькими раскаяния во грехах, слезами **болезнования** о греховности своей, о своем падении, о порабощении духам отверженным и общении с ними, **об** отчуждении от Бога, об усвоении вражды к Богу (82, 330).

Однажды авва Пимен шел с аввою Анувом в окрестностях города Диолка. Увидев там женщину, терзающуюся и горько плачущую над могилой, они остановились послушать ее. Потом, несколько отойдя, встретили прохожего, и спросил его святой Пимен: «...**Что** случилось с **этой** женщиной? отчего она так горько плачет?». Прохожий отвечал: «У нее умерли муж, сын и брат». Тогда авва Пимен, обратясь к авве Ануву, сказал: «Говорю тебе: если человек не умертвит всех плотских пожеланий своих и не стяжет такого плача, то он не может быть монахом. Все житие монаха — плач». **Отечник (82, 437—438)**. Это значит: не стяжав плача, невозможно стяжать истинного сердечного безмолвия, освобождающего от всех страстей. Слово «монах» значит уединенный, и тот только истинно уединен, кто уединен сам в себе. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (82, 437—438)**.

Некоторый подвижник совершал молитвенное правило вместе с другим братом и, побеждаемый слезами, оставлял стихословие псалмов, предавался плачу. Однажды второй брат спросил первого: «По причине какого помышления, приходящего тебе на правило, ты плачешь так горько?». Первый отвечал: «Прости меня, брат! Когда встану на правило, всегда стою как бы перед Судией моим, а себя вижу обвиненным и истязуемым Судией, который говорит: «Зачем ты согрешил?». Я не нахожу слов для ответа, заграждаются уста мои, я оставляю стихословие и предаюсь плачу. Прости меня! Я смущаю тебя, и если хочешь, будем совершать правило порознь». Второй брат отвечал: «Нет, отец! Если я и не плачу, то, смотря на тебя, вспоминаю о своих грехах». Бог, видя смирение второго брата, даровал и ему плач. **Отечник (82, 437—438)**.

«Блаженны кроткие...»

Кротость есть величайшая из добродетелей и потому причислена к блаженствам... ибо кроткие «наследуют землю» (Мф. 5, 5). Эта **земля** — Небесный Иерусалим, она не бывает добычей состоящих, но предоставлена в наследие долготерпеливым и кротким (4, 249).

Укротившие свои нравы, освободившиеся от всякой страсти, в чьих душах нет никакого мятежа — называются кроткими (4, 250).

Подвижник должен как можно более быть исполненным кротости, потому что или приобщился, или желает приобщиться духа кротости, а приемлющий в себе этого духа должен уподобляться Приемлемому. Святитель Василий Великий (8, 353).

Что кротость достойна убажания, каждый может видеть в страсти раздражения. Ибо как только слово или дело, или

предположение какой-либо неприятности возбудит такую болезнь, кровь в сердце закипает, и душа готова к мщению... Тогда человек от раздражения делается внезапно вепрем или псом, или барсом, или другим подобным зверем: у него налившиеся кровью глаза, ставшие дыбом и ошетилившиеся волосы, голос злой, речь колкая... Если таков раздраженный, а другой, стремящийся к блаженству, при помощи рассудка укрощает его болезнь, выражает это и спокойным взглядом, и тихим голосом, подобно врачу, который своим искусством исцеляет беснующихся, то не скажешь ли и сам, сравнив одного с другим, что жалок и мерзок этот зверь, но достоин убажения кроткий, кого и злоба ближнего не заставила утратить свое благообразие? Святитель Григорий Нисский (18, 384).

Приобретите кротость, потому что кроткий украшен всяким добрым делом. Кроткий если и обижен — радуется, если и скорбит — благодарит, и гневных укрощает любовью (25, 16).

Кроткий, принимая на себя удары, остается твердым; во время ссоры спокоен, в подчинении веселится, не уязвляется гордыней, в унижениях радуется, заслугами не превозносится, не кичится, со всеми живет в мире. Преподобный Ефрем Сирий (25, 17).

Подлинно нет ничего сильнее кротости, нет ничего могущественнее. Она вводит в нашу душу постоянный мир, заставляет ее стремиться к нему, как бы в пристань, и таким образом служит для нас источником всякого успокоения (38, 363).

Тогда особенно и нужно показывать кротость, когда мы имеем дело со злобными и враждебными; тогда и открывается ее сила, тогда и сияют ее действенность, достоинство и польза (39, 370).

Кроток тот, кто может переносить нанесенные ему самому оскорбления, но защищает несправедливо обижаемых и сильно восстает против обижающих (39, 420).

Кротость есть признак великой силы; для того чтобы быть кротким, нужно иметь благородную, мужественную и весьма высокую душу (43, 418).

Великое нужно старание, чтобы познать, в чем состоит кротость, ибо с кротостью смешивается малодушие. Каждый должен следить, чтобы, предаваясь пороку, не приписывать себе добродетели (43, 418).

Кротостью называется не только то, когда кто-нибудь переносит обиды от сильных людей, но когда уступает, будучи оскорбляем и людьми, которые считаются низшими (40, 531).

Каким образом мы можем стяжать кротость? Если будем постоянно размышлять о своих грехах, скорбеть и плакать о них. Святитель Иоанн Златоуст (42, 398).

Кротость есть недвижимое устройство души, пребывающее одинаковым в бесчестии и в чести (57, 88).

Душа кротких исполнится разума, а гневливый ум — сожигатель тьмы (57, 158).

Кротость есть подательница радости, подражание Христу, свойство ангельское, узы на бесов и щит против огорчения (57, 158).

Кротость — ходатаица отпущения грехов, дерзновение на молитве, вместилище Духа Святого. Преподобный Иоанн **Лествичник** (57, 158).

Истинно кроткий не может перенести ни в каком человеке только преступления заповедей Божиих, но и при этом он плачет о преступающих эти заповеди и грешащих, и так же искренне, как если бы сам грешил. Преподобный Симеон Новый Богослов (61, 205).

«Блаженны алчущие и жаждущие правды...»

Боговдохновенное слово под какую-либо частностью объемлет многое. Поэтому и здесь слово «правда» означает всякий вид добродетели, так что равно достоин убажания алчущий и благоразумия, и мужества, и целомудрия или чего-либо другого, что только заключается в том же понятии добродетели. Ибо невозможно одному какому-либо виду добродетели, в отдельности от прочих, самому по себе быть совершенной добродетелью. В чем не усматривается чего-либо **доброего** — противоположно добру: целомудрию противоположно распутство, **благоразумию** — безумие, да и всему хорошему, без сомнения, есть нечто противоположное. Потому если в правде не усматривается вместе и все истинное, то невозможно остальному быть добром. Никто не скажет, что правда может быть неразумна или дерзка, или распутна, или имеет что-либо иное, усматриваемое в пороке. Если же понятие правды несоединимо со всем дурным, то, конечно, объемлет в себе всякое добро; добро же есть все, считающееся добродетелью. Поэтому именем правды, алчущих и жаждущих которой убажает Слово, обещая им исполнение желаемого, обозначается здесь всякая добродетель. Святитель Григорий Нисский (18, 412).

Если возлюбишь путь правды, обрешь Вечную Жизнь. Преподобный Ефрем Сирий (25, **160**).

Плод **правды — совершенство** добродетели, из него вырастает древо жизни. Святитель Иоанн Златоуст (46, 1106).

«Блаженны милостивые...»

Милостивый весьма блажен, потому что плод милости делается собственным достоянием милующего... Ибо одинаково доброе дело есть то и **другое — и** себя самого миловать, и сострадать беде ближнего (18, 431).

Как жестокий и злобный недоступен для проходящих, так сострадательный и милостивый страдает нуждающимся... милость есть исполненное любви расположение к скорбящим и претерпевающим бедствие. Святитель Григорий Нисский (18, 422).

В собственном смысле милостив тот, кто оказывает благодеяние, но не разглашает о бедствиях страждущих. Преподобный Исидор Пелусиот (51, 428).

Человек **милостивый — врач** своей души, потому что как бы сильным ветром изгоняет он из нее омрачение страстей (55, 178).

Как тень следует за телом, так и милость за смирennemудрием (55, 220).

Тот милостив, кто в мысли своей не отличает одного от другого, но милует всех (55, 306).

Немилостивый **подвижник — бесплодное** дерево. **Преподобный Исаак Сирин** (55, 414).

Кто такие милостивые? Те ли, которые раздают бедным деньги и кормят их? Нет, не это одно делает милостивым: надо, чтобы при этом была милость сердечная. И те милостивы, которые общались из любви ко Христу, общавшему ради нас, и **не** имеют, что дать бедным, но, вспоминая о бедных, вдовах, сиротах и больных, нередко и видя их, снедаются жалостью о них и плачут, уподобляясь Иову, который говорит о себе: «Не плакал ли я о том, что был в горе?» (Иов 30, 25). Если они имеют что-нибудь, то с искренним радушием помогают нуждающимся, а если не **имеют** — дают им наставления о том, что способствует спасению души, повинувшись слову того, кто сказал: «Без хитрости я научился, и без зависти преподаю» (Прем. 7, 13). Таковы истинно милостивые, убажваемые Господом Иисусом Христом. Они такую милостью, как лестницей, восходят к совершенной душевной чистоте. Преподобный Симеон Новый Богослов (61, 205).

Ссудив чем-либо по возможности твоей бедного **брата —** деньгами или **одеждой — и** видя, что он не в состоянии отдать, не огорчай его, не требуй настоятельно возвращения данной вещи (82, 169).

Если брат сварит пищу, и сварит ее не очень хорошо, то не скажи, что он сварил плохо. Таким отзывом нанесешь вред душе своей. Подумай, как тяжело было бы тебе выслушать подобный отзыв от другого, и успокойся (82, 177).

Путешествуя вместе, обращайтесь внимание на того, кто немощнее других; оказывайте ему снисхождение, когда ему нужно будет посидеть немного или вкусить пищи прежде назначенного часа (82, 178).

Не уязвляй совести ближнего и стяжаешь смирennemудрие (82, 202).

Милость сердца обнаруживается прощением обид и оскорблений. **Преподобный авва Исаия** (82, 217).

Покрой согрешающего, если это не приносит тебе вреда; этим ты ободрить его к покаянию и исправлению, а тебя будет поддерживать милость твоего Владыки. Немощных и опечаленных сердцем утверди словом и всеми средствами, находящимися в твоей власти, и та Десница, которая носит все, будет поддерживать тебя (82, 280).

На всех изливай милость твою, и от всех будь далек по телу. **Преподобный Исаак Сирин** (82, 280).

Сколько имеешь силы, потрудись избавить ближнего от греха его, не укоряя его за грех; и Бог не отвращается от обратившихся к Нему... **Авва Иперхий (82, 283).**

Просил авва Феодор Фермейский наставление у аввы Памво. После продолжительного молчания Памво сказал **Феодору**: «Феодор! Иди, стяжи милость и получишь дерзновение пред Богом». **Авва Памво (82, 347).**

Один великий старец, если приходили к нему за назиданием, говорил с дерзновением: «Вот я принимаю на себя лицо Бога и сажусь на престол Суда. Чего желаешь ты? Скажешь: «Помилуй меня». Отвечает тебе Бог: «Если ты хочешь, чтобы Я помиловал **тебя**,—помилуй сам братьев твоих, и Я помилю тебя. Если ты хочешь, чтобы Я простил **тебя**,—**ты** прости ближнему твоему». За Богом ли дело? Нет, за нами; мы должны пожелать спасения» **(82, 501—502).**

Однажды авва Аммон пришел к инокам, чтобы разделить с ними трапезу. Одного из **братий** этого места посещала женщина. Это стало известно прочим братьям; они смутились и, собравшись на совещание, решили изгнать брата. Узнав, что епископ Аммон находится тут, они пришли к нему и просили его, чтобы и он пошел с ними для осмотра келлии брата. Узнал об этом брат тот и скрыл женщину под большим деревянным сосудом, обратив сосуд дном вверх. Авва Аммон понял это и ради Бога покрыл согрешение брата. Придя со множеством **братий** в келлию, он сел на деревянном сосуде и приказал обыскать келлию. Женщину не нашли. Авва Аммон сказал братиям: «Бог да простит вам согрешение ваше». После этого он помолился и велел всем выйти. За **братиею** пошел и сам. Выходя, он милосердно взял за руку обвиненного брата и сказал ему с любовью: «Брат! внимай себе» **(82, 64—65).**

Был в Антиохии патриарх Александр, особенно милостивый и сострадательный ко всем. Один из письмоводителей его украл у него несколько златниц и бежал в Египетскую Фиваиду. Там, в пустом **месте**, **варвары** схватили письмоводителя и завели в глубину своей страны. Блаженный Александр узнал об этом и выкупил пленника, дав за него восемьдесят пять златниц. Когда пленник возвратился, патриарх оказал ему столько благодеяний, что некоторые из граждан говорили: «Благодать Александра не может быть побеждена никаким согрешением» **(82, 72—73).**

Поведали братия об авве Геласии: у него была книга в **пергаментном** переплете, в которой был написан весь Новый и Ветхий Завет, стоившая восемнадцать златниц. Книга лежала в церкви, чтобы все братия, кто бы ни пожелал, могли читать ее. Пришел некий странник посетить старца и, увидев книгу, прельстился и украл ее. Старец, хотя и узнал о случившемся, не пошел вслед за ним, чтобы остановить его и взять у него похищенное. Брат пришел в город и искал, кому продать книгу. Найдя покупателя, он назначил ей цену в шестнадцать златниц. Покупатель, желая удостовериться в верности цены, сказал ему: «Сперва дай мне книгу; я покажу ее кому-либо из знающих и тогда отдам тебе деньги». Брат отдал книгу. Покупатель, взяв ее, отнес к авве Геласию, чтобы он рассмотрел, хороша ли книга и стоит ли назначенной цены. **Старец** отвечал: «Купи ее: книга хороша и стоит таких денег». **Покупатель**, возвратясь к продавцу, иначе передал ему эти слова: «Я показывал книгу авве Геласию, и он сказал мне, что книга не стоит назначенной тобой цены». Услышав это, брат спросил: «Не сказал ли тебе старец еще чего-либо?». «Ничего»,—отвечал покупатель. Тогда брат сказал ему: «Я уже не хочу продавать эту книгу». Умилившись сердцем, он пришел к старцу и просил его взять книгу обратно, рассказавшись в своем поступке и прося прощения. Но старец не хотел принять книгу. Тогда брат сказал ему: «Если ты не примешь книгу, мне не обрести спокойствия совести **во**

всю мою жизнь». На это старец отвечал: «Если ты не сможешь успокоиться иначе, то я беру ее». Брат, пораженный милосердием старца, пребыл при нем до своей кончины (82, 85—86).

Был некий игумен, отец общежительного монастыря, святой по жизни, украшенный всеми добродетелями, милостивый к нищим. Он так молился Богу: «Господи! знаю, что я грешен, но, надеясь на Твою Благодать, уповаю спастись ею. Умоляю эту Благодать Твою, Владыко, не разлучи меня с духовной семьей моею и в Будущем Веке, но сподоби моих чад со мною Вечной Жизни!». Часто повторял святой эту молитву, и Господь ответил на нее следующим образом. В другом монастыре, находившемся недалеко от их монастыря, был праздник. Приглашен был на праздник игумен с его монахами. Он не хотел идти, но пошел, услышав во сне глас: «Пойди на праздник; только пошли учеников твоих впереди себя, а сам иди один за ними». Когда настало время, монахи его пошли на обед. На дороге они увидели лежащего нищего, расслабленного и в ранах. Он со слезами рассказал им: «Я был болен, а здесь напал на меня зверь, изранил, изломал меня, и некому взять меня и отнести в село». Они сказали: «мы пеши и не можем взять тебя, потому что при нас нет осла». Так они оставили его и ушли. По прошествии короткого времени пришел игумен, увидел нищего, который лежал и стонал. Узнав о его беде, он спросил: «Не проходили ли здесь монахи незадолго передо мною и не видели ли тебя?». Нищий отвечал: «И расспросили о случившемся со мною, и ушли». Игумен сказал: «Если можешь, пойдем потихоньку вместе». Нищий отвечал: «Не могу идти». Игумен сказал: «В таком случае я возьму тебя на плечи и с Божией помощью донесу до селения». Нищий начал отговаривать его: «Отец! как тебе одному нести меня? путь далекий, но поди туда и пошли за мною». Игумен отвечал: «Жив Господь, Бог мой! Не оставлю тебя!». С этими словами он возложил нищего на плечи и понес. Сперва он чувствовал тяжесть ноши по обыкновенному весу человека; потом тяжесть уменьшилась, а потом и еще уменьшилась, сделалась почти нечувствительной. Игумен недоумевал, почему это так, и вдруг тот, кого он нес, сделался невидим. И последовал глас к игумену: «Ты постоянно молишься об учениках твоих, чтобы они сподобились Жизни Вечной, но дела у тебя одни, а у **них**—другие. Если хочешь, чтобы прошение твое было исполнено, уеди их поступать так, как поступаешь ты. **Я**—Судия Праведный: воздаю каждому по делам его» (82, 417—418).

Один старец жил с другим братом на правах общежития. Старец был очень милосерд. Случился голод, и начали приходить к ним для получения милостыни. Старец давал хлеб всем. Брат, увидев это, сказал старцу: «Дай мне мою часть хлебов и делай со своей, что хочешь». Старец разделил хлебы и по обычаю своему продолжал подавать милостыню из своей части, а к нему приходили многие, услышав, что он подает всем. Бог, видя расположение воли его, благословил хлебы. У брата, взявшего свою часть и не дававшего никому ничего, кончились хлебы, доставшиеся на его долю. И он сказал старцу: «Так как у тебя осталось очень мало хлебов, прими меня снова в общежитие с тобою». Старец отвечал: «Как хочешь, пожалуй». И снова начали жить они по общежительному уставу. Опять наступило время скудости в жизненных припасах, и опять нуждающиеся стали приходить к старцу за милостыней. У них самих оказался недостаток в хлебе, брат заметил это. И вот пришел бедный просить подаяния. Старец сказал брату: «Дай ему хлеб». Брат отвечал: «Авва! у нас же нет хлебов». Старец сказал на это: «Пойди поищи». Брат пошел, отворил дверь в чулан, в котором они обыкновенно хранили хлеб, и увидел, что чулан наполнен хлебами. Он испугался и подал хлеб нищему; таким образом, узнав веру и добродетель старца, он прославил Бога. Отечник (82, 509).

Одного брата обличили в том, что он не подал милостыни. Он смело и решительно отвечал: «Монахи не должны подавать милостыни». Обличивший сказал ему на это: «Явно и очевидно, какой монах не подлежит обязанности подавать милостыню: тот, кто может открыто сказать Христу: «вот, мы оставили все и последовали за Тобою» (Мф. 19, 27). Тот, кто не имеет ничего на земле, не предается попечениям о теле, не занимает ума ничем видимым, не желает стяжать что-либо, но если

кто и даст ему что-нибудь, берет только необходимое, не стремясь ни к чему **излишнему**, — кто живет, как птица. На таком не лежит обязанность подавать милостыню, ибо как он будет подавать то, чего у него нет? Напротив, заботящийся о житейском, занимающийся рукоделием, принимающий от других должен и сам подавать милостыню. Нерадение о ней есть немилосердие, противное заповеди Господа. Если же кто не приближается к Богу тайным подвигом, не служит Ему духом, но при этом не заботится и о явно возможных для него добрых делах, для такого какая может быть надежда на Жизнь Вечную?». **Преподобный Исаак Сирия (82, 280—281).**

«Блаженны чистые сердцем...»

С мужеством исправляй то, что требует исправления. Только из чистоты может приноситься истинная молитва к Богу (82, 143).

Чистота сердца доказывается нерассеянной молитвой (82, 216).

Чистота сердечная, побеждая сердечные брани, приуготовляет сердце в место покоя **Сына Божия** (82, 219).

Невозможно, чтобы Христос пребывал в человеке вместе с грехом. Если вселился в тебя Христос, то умер в тебе грех. **Преподобный авва Исаия (82, 227).**

Небо находится внутри тебя: если ты чист, в самом себе ты увидишь Ангелов и свет их, а с ними и в них и Владыку их. **Преподобный Исаак Сирия (82, 252).**

Блажен, кто, просветив сердечные очи, всегда, как в зеркале, видит в себе Господа; такой человек получит облегчение от страстей и от лукавых помыслов. **Преподобный Ефрем Сирия (28, 528).**

Достигнуть чистоты сердца можно только через единого Иисуса (33, 417).

Нелегкое **дело** — приобрести чистое сердце, много нужно человеку борения и труда, чтобы иметь чистыми совесть и сердце и совсем искоренить в себе зло (33, 205).

В одном сердце есть два рода **жизни** — жизнь света и жизнь тьмы (33, 150).

Сердце подвижника представляет из себя поле битвы: там лукавые духи борются с душою, а Бог и Ангелы взирают на подвиги. **Преподобный Макарий Египетский (33, 270).**

Не в том только беда, что мы не имеем чистого сердца, а в том, что не стремимся к тому, что может сделать его чистым. **Святитель Иоанн Златоуст (46, 526).**

Мы должны сохранять сердце наше непорочным во всякой святыне, если желаем, чтобы Бог обитал в нем. **Преподобный авва Исаия (34, 68).**

Сердце называется сокровенной клетью души, в нем бывает много таких беззаконий, которые видит одно Недреmlющее Око. **Преподобный Нил Синайский (49, 246).**

Надо со всей осторожностью охранять свое сердце и чувства, потому что в этой жизни мы ведем великую брань, и враг наш **неистов** (25, 403).

Сердце **твое** — святой жертвенник; может ли водворяться в тебе нечистая похоть? (28, 350).

Пока сердце пребывает в добре, до тех пор и Бог в нем пребывает, до тех пор оно служит источником жизни, потому что от него исходит доброе. Но когда оно уклоняется от Бога и делает беззакония, оно становится источником смерти, потому что из него исходит зло. **Сердце** — Божия обитель, потому имеет нужду в охранении, чтобы не вошло в него зло и не удалился из него Бог (28, 349).

Дивно это, братья мои, весьма чудесно... непостижимо для горних и неизреченно для дольних. Недоступный для всякого ума входит в сердце и обитает в нем, Сокровенный и Огненный пребывает в сердце. Земля не выносит прикосновений стопы Его, а чистое сердце носит Его в себе. **Небо** — мало для Него, а **сердце** — обитель Его. Он объемлет небо десницей Своею, а малое пространство, **сердце** — жилище Его. Если **распрострется** — **вся** тварь не заключит Его в пределы свои, но если взыщет сердце, то **и** малое сердце взыщет Его. Малое место избирает Он в человеке для жилища Своего, и делается человек храмом Божиим, в котором обитает и пребывает Бог. **Душа** — храм Его, а **сердце** — святой жертвенник, на котором приносится хвала, славословие и жертвы. Иереем же бывает Дух, Который стоит и священнодействует там. Преподобный Ефрем Сирин (28, 350).

«Блаженны миротворцы...»

Ничто так не свойственно христианину, как быть миротворцем; за это и Господь обещал нам Свою величайшую награду. Святитель Василий Великий (9, 218).

Если ты предотвратил бедствие войны, одним даром для тебя служит награда, **другим — сам** подвиг, потому что если бы за это и не ожидалось воздаяния, мир сам по себе, для имеющих ум, дороже всякой о нем заботы. Поэтому избыток Божия человеколюбия можно познать в том, что Он награждает не за труды и пот, но, можно сказать, за удовольствия и радости; ибо из всего, что радует, главное есть мир, который каждому желательно иметь в такой мере, чтобы не только самому пользоваться им, но, по великому обилию его, уделять и неимеющим. Ибо сказано: «блаженны миротворцы» (Мф. 5, 9), а миротворец тот, кто дает мир другим. Но никто не сообщит другому того, чего не имеет сам. Поэтому желательно, чтобы прежде ты сам исполнился благами мира, а потом уже снабдил ими имеющих в них нужду (18, 457).

«Блаженны **миротворцы**» — **Писание** в кратком выражении предлагает в дар исцеление от многих недугов... Сперва выясним: что такое мир? Не что иное, как исполненное любви расположение к соплеменнику. Что же подразумевается под **противоположностью** любви? Ненависть, гнев, раздражение, зависть, злопамятство, лицемерие, бедствие войны. Видишь ли, от скольких и каких недугов предохраняет одно изречение? Ибо мир противится **всем**

перечисленному и уничтожает зло... Рассуди сам, какова жизнь взаимно друг друга подозревающих и ненавидящих? Встречи их неприятны, все одному в другом отвратительно, уста безмолвны, взоры обращены в разные стороны, слух загражден... Но как аромат наполняет воздух, так Господу угодно приумножить для тебя благодать мира, чтобы жизнь была исцелением чужой болезни (18, 458).

«Блаженны миротворцы...» Кто же именно? Подражатели Божию человекулюбию, проявляющие в жизни своей то, что свойственно Божией деятельности. Податель благ и Господь совершенно истребляет и обращает в ничто все, что не родственно добру и чуждо ему и тебе, и узаконивает этот образ действия: изгонять ненависть, прекращать войну, уничтожать зависть, не допускать битв, истреблять лицемерие, угашать в сердце сжигающее внутренности злопамятство... Как с удалением тьмы наступает свет, так вместо перечисленного появляются плоды духа: «любовь, радость, мир, долготерпение, благость...» и все названные апостолом блага (Гал. 5, 22). Потому как же не блажен раздаятель Божественных Даров, уподобляющийся Богу дарованиями, свои благотворения уподобляющий Божией великой щедрости? Но, может быть, ублажение имеет в виду не только благо, доставляемое другим? Но, как думаю, в собственном смысле миротворцем называется тот, кто мятежи плоти и духа и междоусобную брань естества в себе самом приводит в мирное согласие, когда приводит в бездействие закон телесный, «противоборствующий закону ума» (Рим. 7, 23), и подчинившись лучшему Царству, делается служителем Божественных заповедей... Итак, поскольку веруем, что Божество просто, несложно и неопишимо, то, когда и умиротворенное человеческое естество утрачивает сложность двойственности и все претворяется во благо, становясь простым, неопишемым и как бы в подлинном смысле единым, так что ему возвращается единство видимого с тайным, сокровенного с видимым, тогда, действительно, подтверждается ублажение, и такие люди в подлинном смысле называются сынами Божиими, сделавшись блаженными по обетованию Господа нашего Иисуса Христа. **Святитель Григорий Нисский (18, 465).**

«Блаженны изгнанные за правду...»

«Блаженны изгнанные за правду» (Мф. 5, 10). Откуда и кем «изгнанные»? Ближайшее понимание слова указывает на поприще мучеников, подразумевает путь веры... Ибо действительно блаженно быть гонимым ради Господа. Почему? Потому, что изгнание злом делается причиной пребывания в добре. Отчуждение от лукавого служит поводом к сближению с добром. А добро и то, что выше всякого добра, есть Сам Господь, к Которому спешит гонимый. Потому истинно блажен, кто на благо себе пользуется содействием врага. Поскольку жизнь человеческая заключается в междоцарствии добра и зла, то как отпавший от благой и высокой надежды впадает в пропасть, так разлучившийся с грехом и избавившийся от растления, приближается к правде

и нетлению. И хотя гонение мучительно, но венец мученичества превышает всякое блаженство... И Господь, видя немощность естества, заранее возвещает об этом увенчании подвига, чтобы с надеждой на Царство претерпевали они временное страдание. Потому-то великий Стефан, побиваемый камнями, радуется, как бы приятную росу с готовностью принимает на себя летящие камни и награждает убийц благословением, молясь, чтобы оставлен был им этот грех. Ибо и обетование он слышал и видел, что обещанное явлено ему... Когда он спешит совершить исповедание, исполняется **обетование — отвергается** небо, из премирного жребия нисходит на подвижника и Божия Слава, и Сам Тот, о Ком свидетельствует подвижник... Из этого познаем, что Один и Тот же и распоряжается подвигами и со Своими подвижниками противостоит их врагам. Потому кто блаженнее гонимого ради Господа, если ему предоставлено иметь сподвижником Самого Подвигоположника? Нелегкое, а может быть, и невозможное **дело — видимым** земным удовольствиям предпочесть невидимое благо и быть изгнанным из своего дома, разлученным с супругой и детьми, с братьями и родителями... если Сам Господь не содействует ко благу сделавшегося по предведению «званным» ... пригвожденная к житейским сладостям душа слишком привязана к телу, к которому прилепилась, она влачит на себе бремя жизни подобно черепахам и улиткам, будто связанная раковиной, и становится неповоротливой. В таком состоянии она легко уловляется гонителями при угрозе потери имущества или утраты чего-либо иного, вожделенного в этой жизни, без сопротивления отдаваясь во власть гонителей и делаясь подругой преследующих. Но когда «слово Божие живо и действительно и острее всякого меча обоюдо-острого» (Евр. 4, 12) проникает в истинно принявшего веру и рассекает сросшееся, и расторгает связи привычки, тогда верующий сбрасывает с плеч мирские удовольствия, как бремя, и подобно скороходу, легко и быстро проходит поприще подвигов, пользуясь в движении своем превосходством Подвигоположника. Ибо взирает не на то, от чего стремится, не на сладости, которые позади, обращает око, но жаждет подлежащего ему блага; не скорбит об утрате земного, но восхищается приобретением Небесного. А потому с готовностью приемлет он всякий вид мучения, как повод и содействие к предстоящей радости, с готовностью приемлет огонь, как очищение, меч, как расторжение связей ума с вещественным и плотским... Гонимый врагом и прибегающий к Богу приемлет скорби, как **угашение** сластолюбия, потому что невозможно чувствовать наслаждения тому, кто в скорби. Поскольку грех вошел через удовольствие, то скорбями он, без сомнения, будет изгнан... «Блаженны изгнанные» ради Господа... Будем внимать этим словам, как если бы сама Жизнь возвещала нам это блаженство. Блаженны гонимые смертью ради меня, или как бы Свет сказал: блаженны изгнанные из тьмы ради Меня. Представьте себе, что Господь, Который есть Правда и Святость, Нетление и Благодать... скажет тебе, что блажен всякий удаляемый от всего, противоположного Ему: от тления, тьмы, греха, неправды, корысти и от **чего** бы то ни было, что на деле и по

смыслу несогласно с добродетелью... Итак, не скорбите, братия, изгоняемые от земного: переселяемый отсюда водворяется в Царских небесных чертогах. **Святитель Григорий Нисский (18, 470).**

«Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать...»

Высшая радость — быть ненавидимыми ради Христа, изгоняемыми за веру в Бога, терпеть всякое оскорбление и позор. **Преподобный Макарий Египетский (33, 342).**

Прежде пригвождения ко Кресту Иисус предан был на биение. Это служит нам наставлением, что мы должны равнодушно переносить от людей всякое оскорбление и обиду (34, 73).

Кто повергает душу свою пред Богом, тот без смущения переносит оскорбления от людей (34, 95).

Христос подвергся за нас позорнейшей смерти. Потому и мы ради Его заповедей и за свои грехи должны терпеливо и равнодушно переносить справедливые и несправедливые оскорбления и бесчестия. **Преподобный авва Исаия (34, 183).**

Бог попускает многим оскорблять праведника, доставляя ему случай к приобретению вечной и нескончаемой славы, воздаваемой за перенесение чрезмерных скорбей. **Преподобный Нил Синайский (49, 241).**

Оскорбил тебя кто — перенеси благодушно, а перенесешь благодушно, если будешь думать не об обиде только, но и о достоинстве Повелевшего переносить ее, и переносить с кротостью (36, 179).

Вас оскорбляют? Бывает оскорбляем и Бог. Вас поносят? Бывает поносим и Бог. Вас подвергают оплеванию? То же [терпел] и Господь наш. В этом Он имеет общение с нами... следовательно, мы [оскорбляемые] имеем общение с Ним... Переносить оскорбления свойственно Богу, а оскорблять напрасно — диаволу. Вот две противоположные стороны (43, 348).

Оскорбили тебя и укорили? Помолись Богу, чтобы Он скорее умилился над оскорбившим, он брат твой... но он очень часто нападает на меня, говоришь ты. Значит, тебе высшая и большая награда, и в этом случае тебе особенно справедливо отложить свой гнев, так как он уже получил смертельный удар — его поразил диавол. **Святитель Иоанн Златоуст (43, 581).**

Как воду жизни, пей поругание от всякого человека, желающего напоить тебя этим лекарством... тогда глубокая чистота воссияет в душе твоей и Свет Божий не оскудеет в сердце твоём. **Преподобный Иоанн Лествичник (57, 47).**

Господь сделался ради нас человеком, претерпел заушения, **оплевания** и Крест, и этими страданиями, какие Он, бесстрастный по Божеству, претерпел, учит нас и говорит каждому: если хочешь ты, человек, обрести Жизнь Вечную и быть вместе со мною, смирись и ты ради Меня, как Я смирился ради тебя и,

отложив гордое и диавольское свое мудрование, прими ударения по ланитам, оплевания и заушения и не стыдись претерпеть все это до смерти. Если же постыдишься пострадать ради Меня и ради Моих заповедей, как Я пострадал ради тебя, то и Я постыжусь тебя во Второе Пришествие Мое, когда приду со славою мною. Тогда Я скажу Ангелам Моим: этот постыдился смирения Моего и не захотел оставить славы человеческой, чтобы уподобиться Мне. Теперь же, когда он потерял тленную славу, а Я прославился безмерною Славою Отца моего, стыжусь и Я даже смотреть на него, изгоните его вон. Да **возьмется** нечестивый и да не видит он Славы Господней. Вот что услышат те, которые по видимости исполняют заповеди Христовы, но ради стыда человеческого не терпят поруганий, бесчестий, заушений и ран... Ужаснитесь и вострепещите, люди, слышащие это, и с радостью претерпевайте то, что претерпел Христос для спасения нашего. Бог заушается от какого-нибудь раба, чтобы дать тебе пример победы, а ты не хочешь принять заушения от подобного тебе человека. Стыдишься перед человеком подражать Богу? Как же тебе соарцтовать и прославляться вместе с Ним в Царствии Небесном, если не потерпишь того же? Преподобный Симеон Новый Богослов (60, 457).

Понудь себя и постарайся радоваться, когда кто скажет тебе оскорбительное слово или осудит тебя, или проявит презрение к тебе. Потому что под таким поношением и бесчестием скрыто великое сокровище, и если ты охотно примешь их, то очень скоро окажешься богатым духовно, о чем не будет знать даже тот, кто совершит для тебя такое благодеяние, то есть тот, кто нанесет тебе бесчестие. Никогда не стремись, чтобы кто-нибудь любил тебя в этой жизни и почитал тебя, чтобы тебе свободнее было сострадать Христу распятому, ни от кого и ни от чего не встречая в этом препятствия (62, **261**).

При напраслинах, оскорблениях и нападках не обращай внимания на то, насколько неправы причинившие их тебе. Остановись вниманием только на том, что Бог для твоего блага попустил тебе это встретить и что ты этого блага себя лишишь, если допустишь нетерпимость, раздражение и немирность. Не допытывайся и того, почему именно тебе попустил это Бог. Веришь, что Бог всегда праведен и милостив? Веруй, что и в настоящем случае Он проявляет правду и милость, хотя и не понимаешь, как. Преподобный Петр **Дамаскин** (62, 261).

Кто ненавидит огорчающих, тот ненавидит кротость, и кто бежит от оскорбляющих, тот избегает покоя о Христе. Преподобный авва Дорофей (58, 210).

Огорчаться или не огорчаться **оскорблениями** — это зависит не от тех, которые причиняют их, но от тех, которые им подвергаются. Да и из-за чего тебе огорчаться? Если тебя оскорбили несправедливо, в таком случае приличнее всего не негодовать, а жалеть оскорбителя, если же справедливо, то тем более надо быть спокойным. Но если совесть укоряет тебя в том, что

сказано, в таком случае не огорчайся его словами, но исправься в своих делах (42, **564**).

Не будем искать воздаяния здесь, но особенно тогда и будем радоваться, когда мы, делая добро, терпим зло, потому что там Бог готовит нам награду не только за добрые дела, но и за терпение искушений. **Святитель Иоанн** Златоуст (44, **443**).

Если бы теперь, без замедления и тотчас, вознаграждал Господь за добрые дела, то это было бы более куплей, чем благочестием. Преподобный Нил Синайский (49, 360).

Если мы желаем, чтобы нас провозгласили победителями и увенчали, то принесем в жертву самих себя. Тогда никакая смертная и житейская страсть да не найдет в нас места, но, расставшись со всем, мы будем говорить и делать только достойное Неба. Преподобный Исидор Пелусиот (52, 94).

ЗЛО

Зло не особая сущность, но состояние души

Зло не живая и одушевленная сущность, но состояние души, противоположное добродетели, происходящее в беспечных вследствие отпадения от добра. Поэтому не доискивайся зла вовне, не представляй себе, что есть какая-то первородная злая природа, но каждый да признает себя самого виновником собственного злонаравия. **Святитель Василий Великий (4, 29).**

Зло не от Бога и не в Боге, его не было в начале и нет у него какой-либо сущности, но люди сами, с утратою представления о добре, по своему произволу стали примышлять и воображать не сущее. **Святитель Афанасий Великий (2, 133).**

Веруй, что зло не имеет ни особой сущности, ни царства, что оно не безначально, не самобытно, не сотворено Богом, но есть наше дело, и дело лукавое, и произошло в нас от нашего нерадения, а не от Творца. Есть зло по отношению к нашему восприятию и по самой природе. Зло по природе зависит от нас самих: несправедливость, невежество, лень, зависть, убийства, отравы, обманы и тому подобные пороки, которые оскверняют душу, сотворенную по образу Создавшего ее, помрачают ее красоту. Злом называем мы и то, что для нас тягостно и неприятно, как, например, болезнь и язвы телесные, недостаток в необходимом, бесславие, потерю имени, лишение родных, что благой Господь посылает для нашей пользы. Богатство отнимает Он у тех, кто плохо им пользуется, подвергаясь другим порокам. Болезни посылает тем, для кого полезнее иметь узы, чем беспрепятственно стремиться к греху. Смерть приходит, когда кончится срок жизни, от начала назначенный каждому по праведному суду Бога, Который предвидит, что для каждого полезно. Голод, засуха и чрезмерные дожди—это общие бедствия для городов и народов, наказывающие за чрезмерное развращение. Как врач благодетельствует несмотря на то, что причиняет боль телу, потому что борется с болезнью, а не с больным, так и Бог благ, когда частными наказаниями устраивает спасение в целом. **Святитель Григорий Богослов (113, 112).**

Многие, по своим ошибочным мнениям, считают вредом (и злом) для нашего достоинства разное: одни—бедность, другие—болезнь, или потерю имени, или злословие, или смерть, и непрестанно об этом сокрушаются и плачут. Но никто не плачет о

живущих нечестиво и, что всего хуже, часто даже называют их счастливыми, а это бывает причиной всех зол. **Святитель Иоанн Златоуст (37, 476).**

«Не будь побежден злом, но побеждай зло добром» (Рим. 12, 21). Нет ни одного зла существенного: всякое существо само по себе есть добро, и зла как **такового** — если определить, в ком бы оно могло быть вмещено, — нет на свете. Оно всегда есть в вещи доброй, как грех в человеке, и всегда в вещи доброй происходит не по естеству вещи, но по случаю, по отклонению от существа, от настоящего **порядка** — такие заблуждения и есть зло...

Добро и зло нельзя определить чувствами. Не можем мы их ни увидеть, ни услышать, ни обонять, ни вкусить, ни осязать. Ибо добро и зло не есть вещи телесные и видимые. Добро есть действие, сходное с истиной закона, а **зло** — противоположное ему. Их можно понять одной только мыслью, одним разумом. Чем мысль просвещеннее, чем разум основательнее, тем понятие о добре и зле менее **погрешительно**. И следовать чувствам в этом **случае** — значит просвещенную мысль приводить в замешательство и разум сводить с настоящего его пути.

Отчего же в мире многое кажется вредным, например змеи, ядовитые травы, болезни, или непостоянным, когда обогащаются грешники, нищенствуют и страдают праведники, счастье переходит от одного к другому, приходят безвременные непогоды; много как будто случайного, когда, например, человек случайно убивает человека или и самого себя, когда внезапно бессильный совершает большое дело или, напротив, храбрый нечаянно **ослабевает**, — откуда все это?

Искать оправдания на все эти случаи есть ничто иное, как хотеть точно узнать тайную Божию волю, по которой Он все совершает, однако можно подыскать несколько достоверных ответов. Во-первых, при всяком событии, которое нам кажется противным порядку и вредным, или и при всякой такой же вещи нужно без сомнения помнить, что это сделалось не случайно, не безрассудно, но по великой надобности и по правде, хотя мы ее не знаем, но Бог знает и по своей мудрости все устраивает. Например, то, что был продан Иосиф, кажется нам незаконным, но если смотреть со стороны Божией, оно очень обусловлено, как то показало самое событие. То же самое казалось и при распятии Сына Божия. И такие видимые беспорядки Бог попускает потому, что и те, которые совершили беззакония, заслужили эти своими грехами, и чтобы это же их злое дело обратило в добро. Во-вторых, Он попускает, к примеру, многим праведникам быть в бесчестии, в нищете и скорбях, а вместо того дает им спокойную совесть, терпеливый дух, надежное сердце, богатство благодати, а грешникам попускает быть в благоденствии и почете, не давая, напротив, никакого внутреннего утешения. В-третьих, Бог насыляет болезни, непогоды, бесплодия с двояким намерением: или чтобы нас такими несчастьями смирил и возвратил к Своему дому, или чтобы праведно наказать нас за грехи. В-четвертых, то, что звери и змеи вредят человеку, можно считать виной греха, по которому отнята почти вся власть, которая прежде была дана человеку над землей, да еще и то сказать можно, что человеку дан разум, с помощью которого он может без вреда миновать всякого зверя. Так, например, есть многие животные, которые без всякого разума узнают, **что** им полезно есть и что вредно; как же можно жаловаться человеку, если он, имея разум, от своего безумия повредится? А к тому же почти все вредные вещи другим вещам полезны и содействуют благоустройству мира. В-пятых, наконец, поистине можно заключить, что все вещи и все дела совершаются Богом весьма закономерно, полезно и с надлежащей целью, хотя нам иногда кажется иначе. Поистине мы не можем понять всех Божиих тайн, да и не нужно любопытствовать о них; довольно знать, что все делается праведно. Платон, митрополит Московский (105, 223—226).

«Изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимства, зло-

ба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство» (Мк. 7, 21—22). Тут перечислены ходячие грехи, но и все другие, большие и малые, исходят из сердца, и вид, в каком они исходят, есть помышление злое. Первое семя **зла — приходит** на мысль сделать то и то. Отчего и как приходит? Часть этих помыслов можно объяснить известными законами сочетаний и сцеплений идей и образов, но только часть. Другая значительнейшая часть происходит от произвольного раздражения страстей. Когда страсть живет в сердце, то не может не потребовать удовлетворения. Это требование обнаруживается позывом на то и другое; с позывом же соединен предмет тот или другой. Отсюда мысль: «а, вот что надо сделать!» Тут происходит то же, что, например, при голоде: почувствовавший голод чувствует позыв на пищу; с позывом приходит на мысль и самая пища; отсюда **решение — достать** то или это и съесть. Третья, может быть, еще большая часть исходит от нечистых сил. Ими переполнен воздух, и они стаями шныряют около людей, и всякий по роду своему рассеивает вокруг себя воздействие на людей, с которыми соприкасается. Злое летит от них, как искры от раскаленного железа. Где готовность принять ее, там искра внедряется, а с нею и мысль о злом деле. Этим, а не чем-либо другим можно объяснить неизвестно почему зарождающиеся злые помышления среди занятий, решительно не сродных с ними. Но эта разность причин не делает различия в том, как поступать со злыми помышлениями. Закон один: пришло злое помышление — отбрось, и делу конец. Не отбросишь в первую минуту, во вторую труднее будет, в третью еще труднее; а тут и не заметишь, как родится сочувствие, желание, и решение, и средства явятся... Вот грех и под руками. Первое противление злым **помышлениям — трезвение** и бодрствование с молитвою. **Епископ Феофан Затворник (107, 291—293).**

Зло, будучи недостатком добра, может относиться только к ограниченному разумным тварям, в которых добро ограничено... **Бог** — бесконечен, и добро Его бесконечно. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (109, 82).**

«Побеждай зло добром»

(Рим. 12, 21)

Зло не уничтожает зла. Но если кто делает тебе зло, тому ты делай добро, чтобы добрым делом уничтожить злобу. **Преподобный Пимен Великий (82, 345).**

Если кто-нибудь станет тебе строить козни и делать зло, будь выше этих стрел, потому что не переносить зло, а делать **зло — вот** что действительно значит страдать от зла (37, 740).

Божие Домостроительство таково, что чем нам вредят, то самое служит к нашей пользе (43, 420).

Ты потерпел какое-нибудь зло? Но если захочешь, оно вовсе не будет злом. Возблагодари Бога, и зло обратится в добро. **Святитель Иоанн Златоуст (45, 555).**

Бесы боятся, если увидят, что кто-нибудь, будучи подвергаем оскорблению, бесчестию, ущербам, всяким другим неприятностям, скорбит не о том, что подвергся этому, но о том, что не перенес этого мужественно, ибо понимают, что он вступил на истинный путь и имеет твердое желание ходить по заповедям Божиим. Авва Зосима (68, 106).

Будь мудр: молчанием загради уста клеветующих на тебя. Не оскорбись, если кто будет говорить худо о тебе—это действие нечистых духов, старающихся устраивать препятствия человеку к получению духовного разума. Преподобный Антоний Великий (82, 28).

Ум, если не стяжает здравие и не сделается чуждым злобы, не может сделаться зрителем Божественного Света. Зло, подобно стене, стоит перед умом и делает душу бесплодной (82, 212).

Кто страшится геенны, тот да извергает из сердца все виды злобы, чтобы не пало на него от Господа грозное определение отвержения! Брат! Внимай сердцу твоему, бодрствуй над ним, потому что неимоверная злоба врагов соединена с неимоверным коварством... Преподобный авва **Исаия** (82, 233—234).

Законодатель обоих заветов один. Но Закон иудеям, как необузданным, запрещал только дела. А Евангелие, преподавая нам учение, как умудренным, преграждает и самые мысли, от которых рождаются действия, как источник зла, не только наказывая строго грехи совершенные, но и полагая надежные преграды их свершению... Господь говорит: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому» (Мф. 5, 38—40). Закон мерою наказания полагает равенство страдания, позволив обиженным делать столько же зла, сколько сами потерпели, чтобы предотвратить злое дело опасением потерпеть то же самое... А Евангелие кротостью страждущего препятствует пороку простирается далее... (Отмщение) было не прекращением прежних дурных дел, но вызовом новых, более ужасных, когда один раздражался и делал зло вновь, а другой усиливался отомстить за старое и не знал никакого предела во зле. Отмщение служило не концом, но началом больших бед, когда обидчик и мститель впадали в непримиримый раздор, и что было премудрого в законе, что законодатель установил к предотвращению грехопадения, то принуждали сделаться поводом ко греху. Столько породилось зла, что Евангелие, угадая его, как огонь, в начале, остановило это нарастание зла. Преподобный Исидор **Пелусиот** (115, 589).

«А Я говорю вам: не противься злому» (Мф. 5, 39), **иначе**—отдай себя в жертву своенравию и злобе людской. Но так и жить нельзя? Не беспокойся. Кто эту заповедь дал, Тот же есть и Промыслитель и Попечитель наш. Когда с полной верой, от всей души пожелаешь так жить, чтобы не противиться никакому злу, то Господь сам устроит для тебя образ жизни, не только сносный, но и счастливый. К тому же на деле бывает так, что противление больше раздражает противника и побуждает его изобретать новые неприятности, а уступка обезоруживает его и смиряет. От того бывает, что претерпи только первые натиски **злобы—люди** сжалеются и оставят тебя в покое. А противление и месть разжигают злобу, которая от одного лица переходит на семью, а **потом** из поколения в поколение. Епископ Феофан Затворник (107, 161).

Истинный враг **наш**—**диавол**, который и людей учит, чтобы нас гнали. И потому по большей части он является причиной озлобления нашего, а не люди. Он нас через людей гонит и озлобляет, и его надо ненавидеть, а людям соболезновать, что его слушают (104, 384).

Разбойникам, убийцам, блудникам, мытарям и всяким грешникам кающимся отворяются двери Божия милосердия, а **злым**—закрываются, ибо нет в них истинного покаяния, без которого нет доступа к престолу благодати. Злоба есть великий грех, который ими обладает и недействительным делает их покаяние. Ибо покаяние не истинное, но притворное, ложное, и не иное что, как прельщение или умягчение грызущей совести, если кающийся от греха чистосердечно отстать не хочет (104, 798).

Ты своей гибелью гибели ближнего ищешь и потому не со Христом, но против Христа, Который и тебе и ближнему твоему так желает спасения, что и Кровь Свою за это пролил. И тем самым ты показываешь, что являешься единомышленником с тем злобным духом, который тебя и твоего ближнего, и всех людей всяким образом хочет привлечь к гибели. И, как кажется, горше делаешь, чем демон. Ибо демон на демона не восстает, но все они только на человека вооружаются и хотят его погубить, а ты на подобного себе человека восстаешь и брата твоего погубить хочешь, который того же Творца и Господа признает, как и ты; того же отца по плоти Адама имеет и того же естества, как и ты; тем же Христом искуплен от диавола и ада, как и ты; тою же банею Крещения омыт, как и ты; к той же Вечной Жизни призван, как и ты. Однако в огне гнева твоего кричишь: «Я сам погибну, а его допеку!» (104, 801).

Злоба такова, что если кто ее в самом начале не пресечет, то она безмерно усиливается, как огонь, нашедший сухие материалы, говорит Златоуст (104, 801—802).

Мерзкий и достойный смеха грех есть злоба. Прочие грехи или некую корысть, или сладость согрешающему доставляют. Вор крадет, чтобы душу насытить, блудник **блудодействует**, чтобы плоти угодить; злобный без этого всего злобится. Он грешит и мучится, беззаконнует и терзается, мстит и отмщение терпит. Так злобному самая злоба его есть наказание и бич. Если бы можно было посмотреть в сердце злобного человека, то не иное что явилось бы там, как адское мучение. Потому бывает, что злобные люди темнеют и иссыхают: злоба, как яд, съедает плоть их (104, 804).

Сделанного оскорбления не возвратить, а месть немалого труда требует, да и то, может быть, не удастся. Ибо часто бывает, что хотящие мстить не только желаемого не получают, но и в большие беды впадают, и нечаянно падают в яму, которую роют для ближнего. Так, Аман сам погиб на том дереве, которое было приготовлено неповинному Мардохею (Есф. 7, 10). Святитель Тихон Задонский (104, 805).

Господь воспретил мщение, которое было установлено Моисеевым Законом и которым за зло воздавалось равным злом.

Оружие, данное Господом против зла,—**смирение**. Епископ **Игнатий** (Брянчанинов) (108, 511).

ДИАВОЛ. ДЕМОНЫ*

О падении Денницы, источнике и силах зла

Глава и князь царства тьмы, составленного из падших духов,— падший херувим, **он**—начало, источник, полнота зла. Епископ **Игнатий** (Брянчанинов) (112, 320).

Диавол пал по собственному своему произволению, потому что он имел свободную жизнь и ему дана была власть или пребывать с Богом, или удаляться от Благого. **Гавриил—Ангел** и всегда предстоит Богу. **Сатана—ангел** и совершенно ниспал из собственного своего чина. И первого сохранило в горних произволение, и последнего низринула свобода воли. И первый мог стать отступником, и последний мог не отпасть. Но одного спасла ненасыщаемая любовь к Богу, а другого сделало отверженным удаление от Бога. И это отчуждение от Бога есть зло. **Святитель Василий Великий** (113, 139).

Из ангельских сил начальник надземного мира, которому Бог поручил хранение земли, не был создан злым по естеству, но был благ и создан для блага и не имел в себе от Создателя ни малейшего следа зла. Но он не вынес озарения и чести, которую даровал ему Создатель, а по свободному произволению обратился от естественного к противоестественному и вознесся против Бога, Творца своего, пожелал восстать против Него и первым, отступив от блага, впал во зло. Творец создал его светом и благом, но он по свободной воле сделался тьмою. Им отторгнуто, ему последовало и с ним ниспало бесчисленное множество подчиненных ему ангелов. Таким образом, они, имея одинаковое с Ангелами естество, сделались злыми по произволению, самовольно уклонившись от блага к злу. **Преподобный Иоанн Дамаскин** (113, 139).

Разумному естеству была дарована свобода и соединена с силой, изобретающей вожденное, чтобы имела место произвольность. Добро не было чем-то вынужденным, но вменялось в заслугу свободной воле. И поскольку это свободное движение позволяет осуществлять свою волю, нашелся некто (**Денница—высший ангел**), во зло употребивший свободу и, по выражению апостола, сделавшийся «изобретательным на зло» (Рим. 1, 30). Он-то, поскольку и сам сотворен Богом, нам брат, а поскольку самовластно отказался от причастности к добру, открыл вход злу и, став отцом лжи, поставил себя в ряду наших врагов во всем, в чем только наша свобода желает добра. Поэтому и для прочих возник повод к утрате благ, что и случилось потом с природой человеческой. **Святитель Григорий Нисский** (19, 48).

Самый первый светносец, превознесшись **высоко,—когда,** отличенный преимущественной славой, возмечтал о **царственной**

* См. также т. 4, с. 219 настоящего издания.

чести великого **Бога**, — погубил свою светозарность, с бесчестием ниспал сюда и, захотев быть богом, весь стал тьмою. Так он за превозношение низринут со своего небесного круга (113, 140).

Бог Слово не истребил диавола единым движением воли, которым создал целый мир и которым мог бы погубить и его, если бы захотел, ибо трудно укрыться от разгневанного Бога. Однако оставил врага моего и попустил ему быть среди добрых и злых, и воздвиг между ними жестокую брань, чтобы как враг подвергался и здесь ужасному позору, сражаясь с теми, которые неможнее его, так и подвизающиеся в добродетели всегда прославлялись, очищаясь в жизни, как золото в горниле. Впоследствии, может быть и скоро, когда вещество сгорит и наступит огненное воздаяние, понесет наказание этот неукротимый, уже во многом заранее смиренный в мучимых служителях своих. Ибо такова казнь породившему зло. Святитель Григорий Богослов (14, 238).

Если же кто скажет: почему Бог не уничтожил древнего искусства, то (ответим, что) и здесь Он поступил так, заботясь о нас... Если бы лукавый овладевал нами насильно, то этот вопрос имел бы некоторую основательность. Но так как он не имеет такой силы, а только старается склонить нас (между тем как мы можем и не склоняться), то зачем устранять повод к заслугам и отвергать средство к достижению венцов? Бог для того оставил диавола, чтобы те, которые были им уже побеждены, низложили его самого. Святитель Иоанн Златоуст (35, 174).

Демоны тоже не в таком состоянии созданы, из-за которого называются демонами. Ибо Бог не сотворил ничего злого. Добрыми созданы и они, но, ниспав от небесной мудрости и обитая около земли, прельстили язычников привидениями; нам же, христианам, завидуя, препятствуют нашему восхождению на Небеса, чтобы мы не взошли туда, откуда они ниспали. Поэтому нужно и молиться много, и подвизаться, чтобы, приняв от Духа дар «различения духов» (1 Кор. 12, 10), можно было узнать... как каждого из них можно низлагать и изгонять. Преподобный Антоний Великий (66, 19).

Такое множество злых духов наполняет этот воздух, который разливается между небом и землей и в котором они летают в беспокойстве и неспрадно, что Провидение Божие для пользы скрыло и удалило их от взоров человеческих. Иначе от боязни нападения или страха перед личинами, в которые они по своей воле, когда захотят, преобразуются и превращаются, люди поражались бы невыносимым ужасом до изнеможения, будучи не в состоянии видеть их телесными очами, и ежедневно становились бы злее, развращаемые их постоянными примерами и подражанием. Между людьми и нечистыми воздушными властями существовало бы некоторое вредное взаимодействие и губительный союз. Те преступления, которые совершаются ныне между людьми, скрываются или ограждаются стеной, или расстоянием, или стыдливостью. А если бы люди постоянно видели их, то возбуждались бы к большему безрассудству, неистовству страстей, потому что не

было бы промежутка времени, в который видели бы их удерживающимися от этих злодеяний, поскольку ни усталость, ни занятия домашними делами, ни забота о ежедневном пропитании не удерживают их, как иногда заставляют нас даже невольно удерживаться от дурных намерений. Преподобный Иоанн **Кассиан** Римлянин (53, 313).

Прежде видимой и разумной твари, то есть человека, Бог сотворил невидимую тварь духов, которые называются Ангелами. Один из этих светлых духов, с некоторыми подчиненными ему духами, имел дерзость выйти из послушания всеблагой воле Бога, Творца своего, и так лишился дарованного ему света и блаженства, и сделался злым духом (113, 235).

Они настолько укоренились во зле, что стали совершенно неспособны полюбить добро и раскаяться в грехе (113, 235).

Знания естественного диавол может иметь не меньше и даже, может быть, больше, чем человек, поскольку, по тонкости своего существа, видит в природе многое, чего дух человека, заключенный в теле, не видит. Филарет, митрополит Московский (113, 235).

Отвергающие бытие падших духов непременно вместе с этим отвергают и христианство... Если нет падших духов, то вочеловечение Бога не имеет ни причины, ни цели (110, 4).

Слово Божие и содействующий Слову Дух открывают нам при посредстве избранных сосудов своих, что пространство между небом и землей, воздух, поднебесная служит жилищем для падших ангелов, низвергнутых с Неба (110, 132).

Вступая подвижничеством в мир духов для приобретения свободы, мы встречаемся, во-первых, с духами падшими, хотя втайне руководит нас... и борется за нас божественная благодать, данная нам при святом Крещении, без которой борьба с духами и освобождение из плена их невозможны. Однако сначала мы бываем окружены ими и, находясь по причине падения в общении с ними, должны насильственно для себя и для них исторгнуться из этого общения (110, 52).

Падшие духи так ненавидят род человеческий, что если бы им было попущено невидимо удерживающей их десницей Божией, то они истребили бы нас мгновенно (110, 46).

Если бы мы находились в чувственном общении с демонами, то они в короткое время окончательно развратили бы людей, непрестанно внушая зло, явно и непрестанно содействуя злу, заражая примерами своей постоянно преступной и враждебной Богу деятельности, тем удобнее они могли бы совершить это... что падший человек естественно влечется к злу (110, 12).

Телесные чувства служат как бы дверями и вратами во внутреннюю клеть, где пребывает душа... Эти врата отворяются и затворяются по мановению Бога. Премудро и милосердно пребывают эти врата постоянно закрытыми в падших людях, чтобы заклятые враги наши, падшие духи, не вторглись к нам и не губили нас. Эта мера тем необходимее, что мы, по падении, находимся в области падших духов, окружены ими, поработены ими (110, 14).

Повреждение людей заключается в смешении в них добра со злом; повреждение падших духов заключается в полном преобладании зла, при совершенном отсутствии добра. Способности падших духов... превосходнее способности падших людей, которые связаны в своих начинаниях... тяжестью и плотностью своего тела (110, 23).

Демонам... предоставлено пребывать на земле со времени их... падения до кончины мира; всякий легко может представить себе, какую опытность в творении зла стяжали они... при их способности и при постоянной злонамеренности, нисколько не растворенной никаким благим стремлением или увлечением (110, 24).

Общение со святыми Ангелами несвойственно нам по причине (падения)... Нам свойственно по той же причине... общение с духами отверженными, к разряду которых мы принадлежим душой... Духи, чувственно являющиеся людям, пребывающим в греховности и падении...—**демоны**, а никак не святые Ангелы... (ПО, 9).

Общее правило для всех людей заключается в том, чтобы никак не вверяться духам, когда они явятся чувственным образом, не входить в беседу с ними, не обращать на них никакого внимания, признавать явление их величайшим и опаснейшим искушением (110, 11).

Одно средство спасения от духов заключается в том, чтобы решительно отказываться от видения их и от общения с ними, признавая себя неспособными к такому видению и общению (110, 46).

Учение об... осторожности и о спасительной недоверчивости к явлениям духов принято всей Церковью; оно есть одно из ее нравственных преданий, которое все чада должны хранить тщательно и неупустительно (110, 46—47).

Ясные признаки пришествия к нам и действия на нас падшего духа суть внезапно являющиеся греховные и суетные помыслы и мечтания, греховные ощущения, тяжесть тела и усиленные скотские требования его... пришествие к нам падшего духа всегда сопряжено с ощущением нами смущения, омрачения, недоумения (112, 334—335).

Для того чтобы противостоять духам злобы и победить их благодатию Божией, надо знать с точностью, кто они, надо знать с точностью образ борьбы с ними, знать условия победы и поражения (112, 319).

Бог, предоставляя на произвол падшим ангелам вожделенное им пребывание во зле... не перестает пребывать их верховным, полновластным Владыкой... они могут совершать только то, что Богом попущено будет совершать им. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 320).

Однажды братия пришли в монастырь аввы Антония, чтобы посоветоваться с ним о привидениях, которые являлись им, и спросить его, с правой ли стороны эти видения или от диавола. Братия, отправляясь в путь, взяли с собой осла, который по дороге умер. Когда они пришли к старцу, то прежде чем успели что-нибудь сказать ему, он спросил: «Отчего осел ваш умер на дороге?». Братия отвечали: «Откуда ты знаешь это, отец?». Старец сказал: «Демоны поведали мне». «А мы и пришли,—

сказали **братия**,—посоветоваться с тобою о подобном. Нам являются привидения, которые иногда говорят, по-видимому, правду, но мы боимся быть обманутыми». Тогда старец сделал им увещание, чтобы они нисколько не вникали этим привидениям, потому что **они**—от дьявола. **Отечник (82, 36).**

Общее правило для **всех**—**никак** не увлекаться явлением из мира духов, признавать всякое такое явление тяжким искушением для себя. Ангелы являются одним святым, и одни святые, просвещаемые божественной благодатью, свободно различают святых Ангелов и демонов. Демоны, являясь людям, часто принимают образ святых Ангелов, окружают себя всевозможною благовидностью, чтобы тем удобнее обольстить, обмануть и погубить неопытных, самонадеянных, глупо-любопытных. Великое **бедствие**—**вступить** в общение с демонами, принять на себя впечатление от них, даже подчиниться одному влиянию, которое, если привлечено собственным произволением человека, имеет особенное действие. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (82, 36).**

Невидимая брань

Дьявол, ниспавший из своего небесного чина за гордость, непрестанно старается увлечь в падение и всех тех, кто от всего сердца желает приступить к Господу, тем же самым путем, каким и сам ниспал, то есть гордостью и любовью к суетной славе. Этим-то борют нас демоны, этим-то и другим подобным думают они отдалить нас от Бога. Сверх того, зная, что любящий брата своего любит и Бога, они влагают в сердца наши ненависть друг к **другу**—до того, что иной видеть не может брата своего или сказать ему слово. Многие совершали истинно великие подвиги добродетели, но по неразумию своему погубили себя. Может случиться и с вами, если, например, охладев к деланию, вы будете думать, что обладаете добродетелями. Ибо вот вы уже и ниспали в эту болезнь дьявольскую, думая, что близки к Богу и пребываете в свете, тогда как на самом деле находитесь во тьме (66, 31).

Да откроет Господь очи сердец ваших, чтобы вы видели, как многочисленны козни демонов и как много зла причиняют они нам каждый день. И да дарует вам сердце бодренное и дух рассуждения, чтобы вы могли принести себя Богу в жертву живую и непорочную, остерегаясь зависти демонов, их скрытых козней и их злых советов во всякое время и прикровенной злобы, лжи, хульных помышлений, которые влагают они каждый день в сердце: гнева и клеветы, на которые подучают они нас, чтобы мы друг на друга клеветали, только самих себя оправдывая, других же осуждая; чтобы злословили друг друга или, говоря сладким языком, скрывали в сердцах наших горечь; чтобы осуждали внешность ближнего, сами изнутри уподобившись хищникам; чтобы спорили между собою и шли наперекор друг другу в желании поставить на своем и показаться более достойным. Всякий человек, который услаждается греховными помыслами, падает произвольно, когда радуется тому, что посылается от

врагов, и когда думает оправдать себя только видимыми делами, будучи внутри жилищем злого духа, который научает **его** всякому злу. Тело такого человека наполнится постыдной нечистотой, ибо им овладевают демонские страсти, которые он не отгоняет от себя. **Демоны — не** видимые тела, но мы бываем для них телами, когда души наши принимают от них темные помышления, ибо, приняв эти помышления, мы принимаем самих демонов и делаем их явными в теле (66, 29).

Не переставайте противиться злему духу, ибо когда человек приступает к добрым делам и к прекрасному подвигу, приближается и этот дух, чтобы войти с нами в часть или чтобы совсем отклонить нас от добрых начинаний. Он не терпит, чтобы человек поступал праведно, и противится всем, которые желают быть верными Господу. Многих он совсем не допускает к добродетели, в дела других вмешивается и губит плоды их, научая совершать добродетели и творить дела милосердия, примешивая к ним тщеславие. О таких люди думают, что они обогащены плодами, тогда как они совсем их не имеют, а похожи на ту смоковницу, о которой думали, что на ней много сладких плодов, когда смотрели на нее издали, подошли же ближе, ничего не нашли на ней. Бог иссушает их за то, что не находит на них никакого доброго плода, а не только лишает несравненной сладости Своего Божества. Преподобный Антоний Великий (66, 35).

Во всем, чем мы стараемся угодить Богу, бесы выкапывают нам три ямы. Во-первых, борются, чтобы воспрепятствовать нашему доброму делу... Этому искушению сопротивляются тщание и память о смерти. Во-вторых, если они в этом побеждены, стараются, чтобы сделанное было не по воле Божией... Этому искушению сопротивляются повиновение и послушание... А если бесы и в этом не получают успеха, тогда, тихо приступив к душе нашей, убажжают нас, как живущих во всем богоугодно... Этому сопротивляется постоянное укорение самого себя (57, 176).

Иногда бесы отступают и сами собой, чтобы ввергнуть нас в беспечность. Потом внезапно нападают на бедную душу, расхищают ее и до такой степени приучают к порокам, что она... уже сама себя обманывает и себе противоборствует (57, 186).

Бесы часто возбуждают нас делать легчайшее и полезное, а между тем побуждают предпринимать труднейшее (57, 206).

Ничто столько не доказывает победы над бесами, как лютые брани, которые они против нас воздвигают. Преподобный Иоанн **Лествичник** (57, 226).

Диавол как раб и тварь Владыки не сколько ему угодно искушает и не в той мере, в какой сам хочет, наводит скорби, но сколько попускает ему Владыка (33, 386).

Сатана немилосерд и **человеконенавистен**, поэтому не ленится нападать на всякого человека, но, по-видимому, не на всякого человека наступает он с одинаковым усилием (33, 118).

Сатана весьма желает покоя и простора в душе и скорбит, когда душа не слушается (33, 136).

Если бы дозволено сатане было нападать, сколько хочет, то истребил бы всех. Преподобный Макарий Египетский (33, 193).

В какой мере приближаемся мы к Богу, в такой все более и более озлобляются на нас демоны (49, 36).

Враги, зная, что Господь обещал нам великие блага, весьма гnevаются на нас из зависти, ополчаются срамными и подлыми страстями и стараются до крайности расслабить людей, стремящихся к добродетели (49, 215).

У диавола, этого виновника и вместе живописателя порока, та цель, чтобы каждого человека ввергнуть в тяжкую и безутешную печаль, сделать его далеким от веры, от надежды, от любви Божией (49, 222).

Очень завидуют демоны человеку молящемуся и употребляют всякие хитрости, чтобы расстроить такое намерение его. Поэтому не перестают возбуждать посредством памяти помыслы о разных вещах и посредством плоти приводить в движение все страсти, чтобы только помешать прекрасному течению молитвы... **Преподобный Нил Синайский (67, 228).**

В том и состоит вся брань души, чтобы не удалить ум от Бога, не останавливаться и не соглашаться с нечистыми помыслами и не обращать внимания на то, что изображает в сердце этот достойный всякого порицания древний живописец (смертоносец)—диавол (43, 964).

Конечно, не следует уклоняться от борьбы, но не следует и напрашиваться на нее. Тогда и для нас победа будет славнее, и для диавола поражение унижительнее (46, 774).

Хотя страждущие от злоумышленников и делаются славнее, но это зависит не от намерения злоумышляющих, а от мужества подвергающихся злу. Поэтому последним определяются и готовятся награды, а **первым—наказание** за злобу (38, 479).

Не только делающие зло, но и одобряющие их подвергаются одинаковому с ними или даже более тяжкому наказанию... (38, 845).

Демоны, раз овладев душою, обращаются с нею так гнусно и оскорбительно, как свойственно лукавым, страстно желающим нашего позора и гибели. Сняв с нее все одежды добродетели, одев ее в рубище порочных страстей... и наполнив ее всякой свойственной им нечистотой, они непрестанно хвастаются наносимыми поруганиями. И не знают никакой сытости в этом гнусном и непотребном обращении с нею, но как пьяницы, чем сильнее напиваются, тем более разгорячаются... так и они тогда особенно неистовствуют и сильнее, и свирепее нападают на душу, когда наиболее повредят ей, поражая и уязвляя ее со всех сторон и вливая в нее свой яд. И не отстанут прежде чем приведут ее в одинаковое с собою состояние или увидят, что она уже отрешилась от тела. Кто так жесток и суров, кто так слабоумен и бесчеловечен, что не захочет душу, терпящую столько позора и вреда, освободить по мере сил от этого греховного неистовства и насилия, но оставит ее страдать без внимания? (35, 55).

Всегда нужно помнить о Суде **Божием** — и все зло угаснет (44, 519).

Когда истребится зло, тем более прекратится смерть, потому что не может сохраниться река, если иссякнет ее источник, или созреть плод, если засохнет корень. Святитель Иоанн Златоуст (44, 408).

Брань с теми, которые предали себя миру, враг **презирает** — отчасти потому, что весьма многие из них произвольно стремятся к поражению, уловляемые в грех удовольствиями, и доставляют противнику нетрудную победу над собой. Отчасти же потому, что внешне несколько противящиеся греху, легко отвлекаются от борьбы и, постоянно поражаемые, несут на себе позорные знаки одержанной над ними победы. Святитель Василий Великий (8, 344).

Мы должны знать, что не все демоны возбуждают все страсти в людях. Но ко всякому пороку подстрекают известные духи. Иные подстрекают услаждаться нечистотой и скверной похоти, иные располагают к богохульству, иные к гневу и ярости, иные располагают к печали, иные внушают утешаться тщеславием и гордостью. И всякий всевает в сердце человеческое ту страсть, какою сам преимущественно недугует. Но не все вместе внушают свои пороки, а попеременно, смотря по тому, как будет благоприятствовать время или место, или восприимчивость человека. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (53, 291).

У всегда воюющих против нас бесов есть обычай: посильным для нас и исполнимым добродетелям полагать преграды, а к непосильным и безвременным... влагать сильное стремление... Но мы да разумеем, что хорошо все, совершаемое в свое время и в своей мере, все же безмерное и **безвременное** — вредно. Святитель Феодор **Едесский** (68, 322).

Когда демоны влагают гордый помысел, чтобы увлечь человека в возношение, тогда он должен приводить себе на память прежде сказанное ими скверное и низлагать гордый помысел, и приходить к смирению. И наоборот: когда влагают что-нибудь скверное, подвизающийся вспоминает прежний гордый помысел и низлагает этот; и так, содействием благодати, делает то, что они низлагают друг друга воспоминанием, чтобы никогда не прийти в отчаяние от скверного, ни в безумие от самомнения. Но когда враги возвышают его **ум** — **прибегает** к смирению, а когда смиряют **его** — **возносится** к Богу надеждой, чтобы никогда не пасть, сделавшись дерзновенным, и, наоборот, убоявшись, не отчаяться до последнего издыхания. Преподобный Петр **Дамаскин** (62, 171).

Памятуй о смерти и не возносись, ибо еще **немного** — и сойдешь во гроб. Какую пользу принесут тебе злые дела? Преподобный Ефрем Сирин (25, 195).

Если ты борешься и побеждаешь, то не тщеславься и не надейся на себя, но будь осторожен, ибо враг готовит для тебя брань гораздо более опасную. Преподобный авва **Исаия** (34, 208).

Одна из козней **сатаны** — в иные времена добровольно уступать место и прекращать обычные свои действия с тою целью, чтобы возбудить сомнение в подвижниках. **Преподобный Макарий Египетский (33, 440).**

Демоны, борющиеся при недостатке добродетели, научают блуду и пьянству, сребролюбию и зависти, борющиеся при добродетелях — **научают** сомнению, тщеславию и гордости... (68, 280).

Когда же демоны увидят, что мы презираем вещи мира сего, не желая за них ненавидеть людей и отпасть от любви, тогда воздвигают на нас клевету, чтобы мы, не перенеся огорчения, возненавидели клеветников (68, 226).

На высоких молитвенников нападают демоны, ввергая в их ум простые помышления о вещах чувственных и тем отвлекая их от молитвы; на прилежных к **познаниям** — на более долгое время задерживая в них страстные помыслы; на подвижающихся в деятельной **жизни** — **склоняя** их грешить делом. Всяким способом со всеми борются, окаянные, чтобы отдалить людей от Бога. Преподобный Максим Исповедник (68, 194).

Диавол с большей яростью нападает на учителей, потому что если они погибнут, то и все стадо рассеется. Когда он убивает овец, он только уменьшает стадо, а если поражает пастыря, то наносит вред всей пастве, достигая, таким образом, с меньшим трудом большего и в одной душе губя все. **Святитель Иоанн Златоуст (42, 621).**

Преследуй сам себя (свое самолюбие и всякую самость ради исполнения воли Божией), и враг твой изгнан будет приближением твоим (56, 17).

Человек да не прекращает брани до самой смерти; пока есть в нем дыхание, да не предаст души своей **поражению** — **даже** во время самого поражения (56, 42).

Не ослабевайте и не трепещите от вражеских ополчений, не впадайте в безнадежность, если и случится вам на время поскользнуться и согрешить (56, 43).

Лучше быть нам осужденными за некоторые дела, а не за оставление брани. **Преподобный Исаак Сирин (56, 42).**

Как демоны признают весьма важным для себя скрыть себя от человека, так для человека очень важно понять, что **они** — начальные делатели греха, источник наших искушений, а не ближние наши, не мы, когда проводим жизнь в служении Богу, не какой-нибудь случай (108, 159).

Искушая нас извне, демоны злодействуют и внутрь **нас**. Когда удалимся в уединение, начнем заниматься молитвой, они возбуждают в нас разнообразные греховные пожелания... Делают они это с той целью, чтобы мы, приведенные в недоумение и уныние, как не видящие никакой пользы от молитвенного подвига и уединения, оставили их (108, 159).

Князь тьмы... приставляет к человеку одного из лукавых **духов**, который, повсюду следуя за человеком, старается вовлечь его во всякий вид греха (112, 322).

Падший ангел, присужденный пресмыкаться по земле, употребляет все усилия, чтобы и человек постоянно пресмыкался по ней **(112, 323)**.

Падение человека совершилось при посредстве деятельного, опытного познания зла; падение человека заключается в деятельном, опытном познании зла, в усвоении себе зла **(109, 363)**.

Смущение, недоумение суть верные признаки помыслов, ощущений и явлений бесовских. Но и по этим признакам может познать искusstителя только **обучившийся... различению** добра и зла **(110, 49)**.

Человек участвует в падении отверженных ангелов и если последует злым внушениям, приносимым ими и возникающим из падшего естества, то делается подобным демону **(110, 50)**.

Вращающееся пламенное оружие (Быт. 3, 24) в руках воздушного князя... есть власть демонов вращать умом и сердцем человека, колебля и разжигая их различными страстями **(110, 160)**.

Люди имеют возможность переходить от плотского мудрования к духовному, падшие духи лишены этой возможности **(111, 80)**.

Не имея возможности совершать плотские грехи телесно, (падшие духи) совершают их в мечтании и ощущении, они усвоили бесплотному естеству пороки, свойственные плоти... **(111, 81)**.

Разнообразные воспаления крови от действия различных помыслов и мечтаний демонских и являются тем пламенным оружием, которое дано при падении нашем падшему херувиму (Быт. 3, 24), которое он вращает внутри нас, возбравая нам вход в таинственный Божий рай духовных помышлений и ощущений **(109, 214)**.

Демоны, имея доступ к нашим душам во время нашего бодрствования, имеют его и во время сна. И во время сна они искушают нас грехом, примешивая к нашему мечтанию свое мечтание **(112, 347)**.

С иноками, твердо противостоящими отверженным духам и брани, не видимой чувственными очами, в свое время, не иначе как по попущению... Бога, вступают духи в борьбу открытую **(112, 335)**.

Преуспевшим в самомнении демоны начинают являться в виде ангелов Света... мучеников... в виде Божией Матери и Самого Христа... Обещают им венцы небесные, этим возводят на высоту самомнения и гордыни **(112, 347)**.

Власть демонов и страстей над человеком усиливается унынием. Епископ **Игнатий (Брянчанинов)** **(112, 406)**.

Зло является в личине добра

Враг наш очень искусен, он не связывает нас теми узами, которые нам не угодны, а, напротив, налагает всегда такие узы и сети, которые мы принимаем с великим удовольствием, ибо знает, что изволение наше сильнее нас **(25, 287)**.

Нечистый дух изворотлив и многообразен... Мудрого уловляет мудростью, **крепкого — крепостью, богатого — богатством, благообразного — красотой, красноречивого — красноречием** (25, 43).

О как коварен умысел лукавого и князя мира сего! Он останавливает всех на временном и тленном и заставляет забыть о вечных благах, но никто этого не замечает. Преподобный Ефрем Сирий (27, 19).

Христианин должен знать: искушение диавола бывает двух родов. Птицу, свободно летающую, чтобы найти пищу, обманывает птицелов, расстелив на земле сети и положив поверх них приманку. Птица слетает вниз, чтобы поклевать, запутывается в сетях и попадает в плен. Приходит птицелов, берет ее в руки и делает с нею что хочет. Так и диавол: зная, что ум человеческий находится в непрестанном движении, невидимо подкрадывается к человеку, кладет перед помыслом его какую-нибудь сласть, как приманку, а под сластью простирает, как сеть, грех, который есть вместе и рука диавола, невидимая и скрытая (потому что без греха нельзя диаволу схватить душу человека). Когда же успеет он приманить душу приманкой сласти, тогда опутывает ее сетями и схватывает. Первым делом его бывает завязать ей глаза, то есть омрачить ум, чтобы она не увидела света и пути и не убежала. Это со всем тщанием делает он до тех пор, пока она привычкой к сласти и долговременным пребыванием во грехе совсем не предастся в волю его и не сделается во всем ему подручной и возлюбленной рабой. После этого она и сама не захочет уже убежать от господина своего, к которому привыкла и который утешает ее и насыщает всякими сластями, пока совсем не растлит ее нечистыми и зловонными яствами. Когда же увидит, что она совсем растлилась, тогда направляет ее на всякого рода непотребства, грехи и злодеяния. Но птицелов не может стянуть птицу с воздуха на свою приманку, а диавол, если найдет душу обнаженную от благодати Божией, может подвигнуть стремления и пожелания души на сласть и склонить ее на свою волю. Поэтому и сказал я, что искушения диавола бывают двух видов: **первое** — приманка сластью, какую кладет он перед помыслом, а **другое** — раздражение похотей, которым понуждает он душу пожелать сластей и склоняет ее на свою волю. **Преподобный Симеон Новый Богослов (60, 136).**

Противьтесь диаволу и старайтесь распознать его козни. Горечь свою он обычно скрывает под видом сладости, чтобы не быть узнанным, и обольщает разными мнимостями... чтобы прельстить сердца ваши хитрым подражанием истине... К этому направлено все его искусство, чтобы всеми силами противиться всякой душе, служащей Богу. Многие и разные влагает он страсти в душу для погашения божественного огня, в котором вся сила. Особенно же борет тела покоем и тем, что с этим соединено. Когда же увидит наконец, что всего подобного остерегаются и ничего не принимают от него и никакой не подают надежды когда-нибудь послушать его, со стыдом отступает от них. Вселяется в них Дух Божий. Когда же вселится в них Дух Божий, то даст им быть покойными или вкушать покой во всех делах их и сладким делает для них несение ига Божия. Преподобный Антоний Великий (66, 44).

О, как хитер опутывающий нас своими узами! Мы и не чувствуем, как опутаны ими. О, как искусен налагающий на нас оковы! Мы и не замечаем их. Приятны нам стрелы его, когда умерщвляет ими душу; связанный и окованный грешник безмолвствует и остается спокойным. Какое тонкое лукавство у нашего

противника, налагающего на нас узы! Мы и связаны, и свободны. Вдали от истины удерживается узами дух наш, но, будто ничем не связанный, свободно стремится к пороку. Связан он для любви, но не связан для ненависти. Связан и встречает препятствия для добра, но беспрепятственно делает зло. Эти узы, какие носим на себе, так же хитры и лукавы, как и наложивший их на нас: дают нам свободу идти ко лжи, но мешают приближаться к истине (29, 332).

Если враг свяжет кого-нибудь насильственными узами, ум тотчас разорвет их и избавится от них. Поэтому враг связывает каждого тем, чем тот услаждается и прохлаждается, ибо во власти нашего ума снять с себя эти узы. А теперь мы, связанные, радуемся этому и, уловленные, кичимся, потому что связанный завистью, если не связан прелюбодеянием, считает себя ничем не связанным; и связанный ябедничеством, если не связан воровством, считает себя свободным. Каждый не знает своих уз и не ведает сетей, разложенных ему (26, 347).

Все усилия противника состоят в том, чтобы суметь отвлечь ум от памяти о Боге, от страха и любви к Господу, употребив для этого земные приманки или какими-нибудь благовидными мыслями отвлечь ум к мнимым благам от блага истинного, то есть от любви к Богу. **Преподобный Ефрем Сирин (27, 339).**

Диавол не допускает, чтобы зло стало явным, но множеством злых (людей) прикрывает гнусность зла; иначе, если бы злему пришлось жить между многими добродетелями, он лучше увидел бы свою наготу (41, 816).

Таковы ухищрения врага: он возводит лестью на большую высоту, чтобы низвергнуть потом в бездну (38, 131).

Таковы козни диавола: когда он найдет послушных себе, то, обольстив их кратковременными удовольствиями, низвергнув в самую глубину зла и покрыв стыдом и бесчестьем, оставляет их в этом низком положении на жалкий позор (38, 156).

Диавол **имеет** обыкновение вовлекать неосторожных в обман даже и при посредстве того, что часто приносит пользу, если это полезное получает не должное применение (37, 575).

Враг доставляет то простор, то скорби: он испытывает, к чему склонен человек, туда и сам вторгается. **Святитель Иоанн Златоуст (46, 447).**

В средство погубления человеческого рода употреблена была падшим ангелом ложь. По этой причине Господь назвал диавола ложью, отцом лжи и человекоубийцей от начала (Ин. 8, 44) (108, 231).

Диавол любит злодействовать тайно, любит быть непримеченным, непонятым... будучи обличен и объявлен, оставляет добычу свою, уходит (112, 150).

Духи злобы с такой хитростью ведут брань против человека, что приносимые ими помыслы и мечтания душе представляются как бы рождающимися в ней самой, а не от чуждого ей злого духа, действующего и вместе старающегося укрыться (110, 7.)

Падший ангел старается обмануть и вовлечь в погибель

инок, предлагая им не только грех в разных видах его, но и предлагая несвойственные им возвышеннейшие добродетели (112, 54).

Демоны, принося мнимодуховные и высокие разумения, отвлекают ими от молитвы, производят тщеславную радость, услаждение, самодовольство, как бы от открытия таинственнейшего христианского учения (108, 213).

Мнение составляет из ложных понятий и ложных ощущений; по этому свойству своему оно вполне принадлежит к области отца и представителя **лжи — диавола. Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (108, 247—248).

Наша воля свободна в выборе добра и зла

Наклонность к худому происходит не извне, по какой-либо понуждающей необходимости, но вместе с соизволением на зло является самое зло. Оно тогда приходит в бытие, когда избираем его. Само же по себе, самостоятельно, вне произвола, зло нигде не находится. Этим раскрывается самостоятельная и свободная сила, какую Господь даровал естеству человеческому для того, чтобы от нашего произволения зависело все доброе и злое. **Святитель Григорий Нисский** (18, 426).

Диавол никого не может ниспровергнуть. Такой власти он не имеет, потому что Господь пришел, восприняв на Себя человечество, и стер в прах могущество его. Но человек сам, своим похотением и сладострастием, сокрушает себя и падает. **Преподобный Антоний Великий** (82, 13).

Против воли человека Божия демоны пытаются посеять в нем греховные семена, но не могут привести намерения своего в исполнение. Они делают все, что могут, но человек Божий не оказывает им повиновения, потому что сердце его, пребывающее в воле Божией, не принимает воли демонов (82, 177).

Бесы наводят уныние на душу в предположении, не истощится ли ее терпение в продолжительном ожидании милости Божией, не оставит ли она самого жительства по Богу, признав его невыносимо трудным. Но полагаю, что если будут в нас любовь, терпение и воздержание, то демоны не успеют ни в каком намерении своем. **Преподобный авва Исаия** (82, 194).

Бог, Всесильный и Непобедимый, помогает тем, которые произволением своим хотят противоборствовать диаволу, и делает их победителями зла. А тех, которые не хотят противоборствовать диаволу и бороться с ним, Бог не принуждает, чтобы не разрушить свободной воли разумного естества нашего, которое Он создал по образу Своему, и не низвести нас в чин бессловесных животных. **Преподобный Симеон Новый Богослов** (60, 236).

Мы побеждаем или бываем побеждены не вследствие силы **противников** — демонов или слабости **помощников — Ангелов**, а по нашей воле. Когда те и другие склоняют нас на свою сторону: святые Ангелы к добру, а преступные демоны к злу, наша воля,

наделенная свободой, избирает то, чего хочет, потому что ни Бог, почтивший нас свободой, не принуждает, ни диавол не имеет над нами принудительной власти. По своему решению мы или поступаем хорошо, или грешим... (46, 1015).

Успех брани с диаволом и властями тьмы зависит не от нашего естества, а от произволения души (41, 87).

Если человек не хочет зла, то душа свободна. А если он не делает зла, то и тело свободно; все зависит только от одной злой воли. Святитель **Иоанн** Златоуст (43, 639).

Испытавшие борьбу по внутреннему человеку не могут сомневаться, что враги непрестанно нападают на нас. Но они так противоборствуют нашим успехам, что только подстрекают, а не принуждают к злу. Впрочем, никакой человек не мог бы совершенно избежать греха, какой бы они ни захотели запечатлеть в наших сердцах, если бы им дана была власть насильно внушать и понуждать. Потому, как им дана власть подстрекать, так и нам дана сила отвергать или свобода соглашаться. Если же мы боимся их могущества и нападения, то должны просить покровительства и помощи Божией против них, о чем говорит апостол: «Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире» (1 Ин. 4, 4). Помощь Божия гораздо сильнее, чем нападки множества врагов. Ибо Бог есть не только Внушитель добрых мыслей, но и Покровитель и Помощник, так что иногда невольно, без ведома нашего, привлекает нас ко спасению. Итак, верно, что никто не может быть обольщен диаволом, если не захочет дать ему согласие своей воли... Итак... очевидно, что всякий согрешает оттого, что при нападении худых помыслов не отвергает их тотчас же. Ибо сказано: «противостаньте диаволу, и убежит от вас» (Иак. 4, 7). Преподобный **Иоанн** Кассиан Римлянин (**авва** Серен 53, 287).

Горе тому, кто, зная доброе, дает руку лукавому, потому что в день исхода примут его злые ангелы (26, 535).

Обратите внимание, возлюбленные, как усиливается все лукавое и порочное, как зло ежедневно преуспевает. Все это предвещает будущие смятения и великую скорбь, какая придет на все земные пределы. По причине грехов успевает лукавое, успевает по причине нашего нерадения. Будем же каждый день бодрственными, боголюбивые воители, победим врага (рода человеческого — **диавола**), христолюбцы. Изучим законы этой брани, она происходит невидимо. А закон этой брани — **постоянное** совлечение с себя земных хлопот. Если ежедневно имеешь перед глазами смерть, то не согрешишь. Если откажешься от суетных хлопот, то не обратишься в бегство на брани. Если возненавидишь земное и тленное, пренебрегая временным, то в состоянии будешь, как доблестный воин, получить победную награду. Ибо земное влечет к **себе — вниз**, и страсти во время брани помрачают сердечные очи, и потому лукавый воюет с нами и побеждает нас, исполненных земного и порабощенных пристрастием к земным заботам (27, 374).

Всякое зло дерзко входит в род человеческий через господство страстей (32, 224).

Как Бог всеми возможными средствами ведет нас к жизни, так сатана употребляет все способы умертвить нас (29, 335).

Но нет у диавола ничего столь вредного, от чего не нашлось бы у нас противодействующего средства. Нет такой тайной сети, о которой не имели бы мы сведения (29, 356).

Если же говоришь, что противная сила крепче и вполне обладает человеком, то в несправедливости обвиняешь Бога, Который осуждает человека за то, что он послушался сатаны. Преподобный Ефрем Сирин (30, 453).

Когда в дружине есть целомудрие, послушание, порядок и воинская доблесть, она делается страшной для противников... То же самое должно быть у нас в брани с демонами, однако же не бывает, потому что ополчаемся мы не против них друг с другом, но друг против друга с ними. Удивляться должно не тому, что нас побеждают, но еще больше тому, что, ничего не делая для победы, желаем победить. Преподобный Исидор Пелусиот (52, 403).

Но никто не думай о диаволе, будто он так силен, что может заградить путь к добродетели. Он прельщает и соблазняет нерадивых, но не препятствует и не принуждает (38, 223).

Пока диавол нападает извне, мы в состоянии противиться. Когда же откроем ему двери души и примем врага внутрь, то уже не сможем противиться ему. Он помрачит нашу память, как дымящийся светильник, и только уста будут произносить пустые слова (37, 369).

Демоны имеют себе помощников в самих людях, которым они строят козни, так что если бы последние не содействовали им, то большая часть их козней не имела бы никакого успеха. Святитель Иоанн Златоуст (46, 597).

Все время, когда мы подчиняемся и служим лукавому посредством злых дел, благой Бог не имеет части в нас, и мы не достойны (посещения Его) и Царствия Его. Так что мы ложно называем Его Богом и Отцом нашим, когда имеем диавола властителем над собою и богом своим, когда уподобляемся ему в злых делах наших (60, 251).

Нашими злыми делами питаются демоны и получают силу воевать против нас, а при нашем удалении от зла они истощаются от голода и бессилеют... Преподобный Симеон Новый Богослов (60, 186).

«Когда сильный с оружием охраняет свой дом, тогда в безопасности его имение; когда же сильнейший его нападет на него и победит его, тогда возьмет все оружие его, на которое он надеялся, и разделит похищенное у него» (Лк. 11, 21—22). Это иносказание объясняет, как Господом разоряется власть бесовская над душами. Пока душа в грехе, ею владеет свой злой дух, хоть не всегда явно показывает это. Он сильнее души, потому и не боится восстания с ее стороны, властвует и тиранствует над нею без сопротивления. Но когда Господь приходит в душу,

привлеченный верой и покаянием, тогда разрывает все узы сатанинские, изгоняет беса и лишает его всякой власти над душой. И пока работает душа та Господу, бесы не могут обладать над нею, ибо она сильна Господом, сильнее их. Когда же душа отшатнется от Господа, бес опять нападает и одолевает, и бывает ей, бедной, хуже, чем прежде. Это всеобщий невидимый порядок явлений в духовном мире. Если бы у нас открылись умные очи, мы увидели бы всемирную брань духов с душами: побеждает то одна, то другая сторона, смотря по тому, общаются ли души с Господом верою, покаянием и ревнованием о добрых делах или отстают от Него нерадением, беспечною и охлаждением к добру (107, 362—363).

Во всяком человеке, нераскаянно живущем во грехе, живет бес, как в доме, и всем у него распоряжается. Когда, по благодати Божией, такой грешник приходит в сокрушение о грехах своих, кается и перестает грешить, бес из него изгоняется. Сначала он не беспокоит покаявшегося, потому что в нем на первых порах много ревности, которая, как огонь, жжет бесов и, как стрела, отражает их. Но потом, когда ревность начинает охладевать, подступает и бес издали со своими предложениями, забрасывает воспоминание о прежних удовольствиях и вызывает к ним. Не поостерегись только **покаявшийся** — от сочувствия скоро перейдет к желанию; если и здесь не опомнится и не возвратит себя в состояние прежней трезвенности, то падение недалеко. Из желания рождается склонение на грех и решимость: внутренний грех готов, для внешнего ожидает только удобства. Представься **оно** — и грех будет сделан. С этим вместе бес опять входит и начинает гнать человека от греха к греху еще быстрее, чем прежде. Это изобразил Господь притчей о вторичном возвращении беса в дом очищенный, подметенный (Мф. 12, 43—45) (107, 192—193).

Диавол приступает с искушением к Богочеловеку (Мф. 22, 35—46) — кто же из людей бывает от того свободен? Тот, кто ходит по воле лукавого; он не испытывает нападений, а только направляем бьется все на большее и большее зло. Коль же скоро кто начинает приходить в себя и задумывает начать новую жизнь по воле Божией, тотчас приходит в движение вся область сатанинская: кто с чем спешит, чтобы рассеять добрые мысли и начинания кающегося. Не успеют **отклонить** — стараются помешать доброму покаянию и исповеди; здесь не **успеют** — ухитряются посеять плевелы среди плодов покаяния и трудов по очищению сердца; не успевают духа **внушить** — покушаются добро покривить; внутренне бывают **отражаемы** — внешне нападают, и так до конца жизни. Даже умереть спокойно не дают; и по смерти гонятся за душою, пока не минует она воздушные пространства, где они витают и держат притоны. Как же ведь это безотрадно и страшно! Для верующего ничего тут нет страшного, потому что бесы только хлопочут около богобоязливого, а силы никакой не имеют. Трезвенный молитвенник стрелы из себя на них пускает, и они далеко держатся от него, не смея подступить и боясь испытанного поражения. Если же успевают в чем, то по

нашей оплошности. Ослабеем вниманием или позволим себе увлечься призраками **их — они** тут как тут и начнут тревожить смелее. Не опомнись **вовремя — закружат**, а опомнится **душа —** опять отскочат, и издали подсматривают, нельзя ли опять как-нибудь подойти. Итак, трезвьись, бодрствуй, **молись — и** враги ничего тебе не сделают. Епископ Феофан Затворник (107, **310 — 312**).

Чувственно пребывает сатана в человеке, когда существом своим вселится в тело его и мучит душу и тело... Нравственно пребывает сатана в человеке, когда человек делается исполнителем воли диавола (**109, 245**).

Диавол, будучи творением и рабом Божиим, не столько искушает, сколько ему рассудится, не в такой степени озлобляет, сколько бы ему хотелось, но сколько дозволит и попустит ему мановение Божие (**109, 373**).

Если человек сам собой не дает повода сатане подчинить его своему влиянию, то сатана никак не может возобладать им насильно. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 59).

Побеждать в себе зло в самом начале

Обедаем ли мы, ходим ли, молимся ли, враг всегда стоит подле нас. Он не знает отдыха, даже во время нашего сна часто нападает, влагая нечистые помыслы и возбуждая наши страсти сновидениями. А мы, считая маловажным то, из-за чего он нападает, не бодрствуем, не трезвимся, не взираем на множество вражеских сил, не думаем, что это самое и есть величайшее бедствие, но среди стольких браней предаемся неге, как будто среди мира и тишины (**43, 284**).

Везде (диаволу) нужно только начало, это для него самое трудное. Когда же начало сделано, тогда он уже сам собою все подвигает вперед (**45, 124**).

Надо отражать (в себе) зло вначале; даже в том случае, если первые преступления (нравственного закона) не влекут за собою дальнейших, и тогда нельзя пренебрегать ими; если душа вознерадит, они доходят до большого (**41, 856**).

Зло, которое считают ничтожным, легко оставляют в пренебрежении, а оставленное в пренебрежении, оно усиливается, усилившись же, становится неизлечимым. Святитель Иоанн Златоуст (**45, 127**).

Диавол, когда ухватит кого отчасти, не довольствуется тем, но все простирается на худшее, пока не причинит греховной смерти. Преподобный Феодор Студит (**69, 414**).

При многом попечении и самого себя человек не может видеть, тем более не может видеть подготовленные сети врагов. Ибо враг, по своему обычаю, не всегда ведет с нами явную брань. Если бы так было, то нелегко многие из нас попадали бы в его сети... Но когда враг хочет ввергнуть кого-либо в большие грехи, то сперва побуждает его пренебрегать малым и тайным: прежде прелюбоде-

яния — допускать частые и сладострастные взгляды; прежде убийства — малый гнев; прежде помрачения мысли — малое развлечение и еще прежде этого представляет потребность тела как бы необходимою. Поэтому-то Господь, как все предвещающий, как Премудрость Отчая, предупреждая коварства диавола, повелевает людям прежде времени отсекать поводы ко греху, чтобы, считая малое легко простительным, мы бедственно не впадали в страшные и великие согрешения. **Преподобный Петр Дамаскин** (62, 135).

Если враг будет внушать тебе такую мысль: есть покаяние, поэтому воспользуйся своей волей, то скажи ему: «Зачем разрушать построенный дом и снова строить его?». **Преподобный Ефрем Сирин** (26, 270).

Бес славил Спасителя, а Спаситель сказал ему: «замолчи и выйди» (Мк. 1, 25). Бесы никогда ничего не говорят и не делают с доброй целью, всегда у них что-нибудь злое в виду. Так было и здесь. Господь, не обличая козней их, одним словом решил: «замолчи и выйди». Не хотел Он долго вести речи с лукавым духом. Тут нам урок. Как только что хорошенькое удастся кому сделать, тотчас подсекает бес и начинает трубить в уши: ты такой и такой. Не слушай и не входи в разговор с этим льстецом, а сразу, наотрез, скажи: «замолчи и выйди»; и след его провей воздыханием и самоукорением, и место его окажи сокрушенной молитвой. Он хочет породить сомнение и самодовольство и из них потом раздуть самовосхваление и **тщеславие** — все такие помыслы и чувства, которые в духовной жизни суть то же, что воров в житейском быту. Как эти, забравшись в дом, обирают добро хозяйское, так и те своим укорением в душе все доброе в ней уничтожают и вон извергают, так что ничего уже не остается, за что потом похвалил бы Господь (107, 253—254).

Вошел сатана в Иуду и научил его, как предать Господа; тот согласился и предал (Лк. 22, 3—4). Вошел сатана потому, что была отворена для него дверь. Внутреннее наше всегда заключено; Сам Господь стоит вне и стучит, чтобы отворили. Чем же оно отворяется? Сочувствием, предрасположением, согласием. У кого все это клонится на сторону сатаны, в того он и входит; у кого, напротив, все это клонится на сторону Господа, в того входит Господь. Что входит сатана, а не Господь — в этом виноват сам человек. Не допускай угодных сатане мыслей, не сочувствуй им, не располагайся по внушению их и не соглашайся на них — сатана походит-походит около, да и отойдет: ему ведь ни над кем не дано власти. Если же завладевает он кем, то потому, что тот сам себя отдает ему в рабство. Начало всему этому **злу** — мысли. Не допускай худых мыслей и навсегда заключишь тем дверь души твоей для сатаны. А что мысли приходят **недобрые** — что же делать, без них никого нет на свете, и греха тут никакого нет. Прогони их — и всему конец; опять придут — опять прогони, и так всю жизнь. Когда же примешь мысли и станешь ими заниматься, то не дивно, что и сочувствие к ним явится, тогда они станут еще неотвязнее. За сочувствием пойдут худые намерения то на те, то на другие недобрые дела. Неопределенные намерения определяются потом расположением к одному какому-либо; начинается выбор, согласие и **решимость** — вот и грех внутри! Дверь сердца отворена настежь. Как только согласие **образуется** — **вскакивает** внутрь сатана и начинает тиранить. Тогда бедная душа, как невольник

или как вьючное животное, бывает гонима и истомлена непотребными делами. Не допусти она худых **мыслей**—ничего бы такого не было. **Епископ Феофан Затворник (107, 423—425).**

Благодать Божия избавляет от власти зла

Душа может противиться греху, но не может **без Бога** победить или искоренить зло. **Преподобный Макарий Великий (66, 188).**

Только тогда мы можем победить диавола, если добродетельною жизнью приобретем содействие свыше (38, 649).

Каким же образом мы победим (демонов)? Если постараемся быть по произволению тем, что они есть по природе, то есть постараемся стать выше плоти и крови... (45, 198).

Мы имеем непобедимого **Союзника—благодать Духа—и** учаемся бороться не с людьми, но с демонами. **Святитель Иоанн Златоуст (45, 198).**

Не сможешь ты наступить «на аспида и василиска» (**Пс.** 90, 13), если, долгим молением упросив Бога, не получишь в помощь себе Ангелов, чтобы они, подняв тебя на руках, сделали тебя выше всякого земного мудрования. **Преподобный Иоанн Карпафский (68, 83).**

Желающий устоять против обходов диавола и сделать их безуспешными, сделаться причастным Божественной Славы должен со слезами и воздыханиями, с ненасытимым желанием и пламенной душою, ночь и день искать Божией помощи и Божественного заступления. Желающий же получить это должен очистить душу свою от всякого мирского сладострастия, от всех страстей и похотей. **Святитель Феодор Эдесский (68, 335).**

Душа, которая подчинилась диаволу, не может ничего более сделать, как только, познав, в какую ниспала глубину зол и как воля ее связана чужими узами, возопит, как из чрева адова, и призывать Бога, сходявшего в преисподнюю, прийти к ней и освободить ее. Это одно может она делать, но разрешить себя от уз и бежать не может, как не может убежать тот, кто закован в железные кандалы и содержится в темнице под крепкими запорами. Может она призывать имя Иисуса Христа, да пошлет Он ей помощь; и когда укрепитя таким образом, через призвание Иисуса Христа (ибо Он есть единственный Освободитель душ наших), и почувствует, что получила помощь от Бога, тогда может и убежать из-под ига диавола и уз греха. Но, убегая от диавола, ей следует прибегнуть к домостроителю благодати, то есть к духовному отцу, чтобы лукавый не нашел ее опять не охраняемою и не похитил. Отец духовный научит, о чем ей нужно заботиться, чтобы стать способною носить всеоружие **Божие**, то есть божественную благодать, и с нею противостоять всем козням **диавола**, всем этим началам, властям, миродержителям тьмы века сего, духам злобы. Ибо душа, соединенная с плотью, не может

одна, голая, противоборствовать таким сильным и столь многим врагам, если не будет облечена во всеоружие Божие, как и воин, даже самый мужественный, не может без оружия противостоять врагам, нападающим с копьями, мечами и щитами, и если выступит против них, тотчас будет поражен насмерть (60, 137).

Брань с демонами непрерывна, и воинам Христовым необходимо всегда носить оружие. Нет возможности иметь покой от этой брани ни днем, ни ночью, ни на одну минуту, но и когда едим, и когда пьем, и когда спим, или другое что делаем, можем находиться в самом жару брани. Враги наши бесплотны и всегда стоят против нас, хотя мы их и не видим; стоят и со всею зоркостью присматриваются, не окажется ли какой-либо член наш обнаженным, чтобы вонзить в него стрелы и умертвить нас. Тут невозможно укрыться в крепости и башне или спрятаться где-нибудь и отдохнуть немного. Нельзя ни убежать, чтобы избавиться от брани, ни взять на себя борьбу за другого. Каждому человеку самому необходимо вести эту брань и — или победить и жить, или быть побежденным и умереть. Рана же смертоносная есть грех, не оплаканный в покаянии и не исповеданный, а особенно отчаяние, если кто впадает в него, что, однако, состоит в нашей власти. Ибо если мы не ввергнем себя в глубину нерадения и безнадежности, то демоны совсем не могут сделать нам никакого зла. Но и когда раны приемлем от них, можем, если захотим, сделаться еще более мужественными и опытными в брани посредством искреннего покаяния. Быть пораженным и умереть, а потом опять восстать и вступить в брань — дело людей великой души и мужественных; и оно дивно и достойно великой награды. Ибо сохраниться от поражений — не в нашей власти, а восстать и с помощью Божией вновь вступить в борьбу со злом — в нашей власти, потому что если не откаемся, то не пребудем в смерти, и смерть не победит нас. Мы всегда можем воскреснуть, прибегнув с покаянием ко Всемогушему и Человеколюбивому Богу. Преподобный Симеон Новый Богослов (61, 238).

Пришел ты, злодей (диавол), знаю твои замыслы: пришел ты, завистливый, лишить меня вождельного и вечного света. Как же, будучи тьмою, явился ты мне светом? Не обманешь этой лживостью. И за что ты всегда воздвигаешь на меня такую жестокую брань и явно, и тайно? В чем завидуешь благочестивым после того, как изверг ты из рая первого Адама — Божию тварь; грехом перехитрил мудрую заповедь и сладостной жизни предложил горькую снедь? Как мне убежать от тебя? Какое средство изобрести против страданий своих? Сперва неважными грехами, как ручей, впадаешь ты в сердце, потом открываешь себе широкую дорогу, а там уже входишь большою и мутною рекою, пока не поглотит меня твоя пасть, или бездна. Но отступи от меня дальше и налагай свои руки на те народы и города, которые не уразумели Бога, а я — Христово достояние, я стал храмом и жертвой, потом буду богом, когда душа вступит в соединение с Божеством (15, 26).

Если бы не связал я молчанием говорливого языка и уст,

когда собирал воедино ум для общения с Богом, чтобы самыми чистыми помышлениями почтить чистого Царя (ибо одна умная жертва прекрасна), то никак не постиг бы ухищрений пресмыкающегося зверя или, конечно, не назвал и не признал бы их ухищрениями. Часто и прежде приходил он ко мне, то уподобляясь ночи, то опять под обманчивой личиной света. Ибо чем ни захочет, всем делается измыслитель смерти, этот, в похищении чужих образов, настоящий Протей*, только бы тайно или явно осилить человека, потому что грехопадения людей для него наслаждение. Но до сих пор никогда еще не видел я его таким, каким пришел он ко мне ныне, во время моих подвигов. Видя больше благоговения в душе моей, он вспылал сильнейшим пламенем гнева. Как тайная болезнь, скрывающаяся внутри неисклещенной плоти, оставленная на время недостаточным лечением и питаемая в невидимых полостях тела, не прекратившись еще в одном месте, прорывается в другом и снова угрожает больному опасностью; или как поток, преграждаемый твердыми плотинами, напирает и вдруг прорывается в другом **месте** — так жестока и брань противника. Если не страдал у меня от него язык, то вред приливал к чему-нибудь другому. Однако не овладел он мною, потому что пришел **Христос — моя** Помощь, Который спасал учеников от бури, Который освобождал многих от страстей и демонских уз, даровав благодать их воле. Между тем искушал меня завистник, как и прежде **человекоубийственной** хитростью уловил родоначальника нашего. Но Ты, Блаженный, удержи брань и повели мне, по утешении бури, всегда приносить Тебе Бескровные Жертвы. **Святитель Григорий Богослов (15, 30).**

Духовные оружия в невидимой брани

Так как у нас борьба не с людьми, а со злыми духами, то и упражнение наше и воздержание должны быть духовные, потому что и оружия наши, в которые облек нас **Христос, — духовны (37, 826).**

Для диавола и для помыслов, от него влагаемых, ничто так не страшно, как мысль, занятая божественными предметами, душа, постоянно прилежащая к этому Источнику. Святитель Иоанн Златоуст (42, 23).

Ничто так не одолевает и не низлагает демонов, как покорность, послушание, смиренномудрие и искренняя любовь. Эти **добродетели — стрелы** в сердце врагу (27, 292).

Возьмите оружие постов, молитв и бдений, чтобы могли вы устоять и противостоять врагам... в тот день, когда восстанет на нас какая-либо из похотей, которую мы побеждаем этим оружием (31, 198).

Поскольку враг ни днем, ни ночью не прекращает брани, то да не застигнет он ума твоего не упражняющимся в изучении

* **Протей** — в древнегреческой **мифологии** — морское божество, принимающее разные образы, этим ускользая от ожидающих его пророчеств.

заповедей **Божиих**, да не посеет плевел своих. **Преподобный Ефрем Сирин (25, 376).**

Уму, научившемуся разумно избегать невидимых схваток или столкновений (с невидимыми **врагами — демонами**), не следует ни приступать к естественному рассуждению, ни что-либо другое делать во время нападения злых сил, но только молиться, утомлять трудами тело, тщательно пресекать вещественное мудрование и блюсти стены града, разумю: сторожевые душевные добродетели или способы хранения добродетелей, то есть воздержание и терпение (68, 269).

Против всех демонов должны мы выступать, со всеми воевать и всех поражать именем Господа нашего Иисуса Христа (69, 175).

Демонов сокрушает смиренномудрие, **побивает** — послушание, обращает в **бегство** — молитва, морит **голодом** — пост, **низлагает** — братолюбие и все прочее добродетелание (69, 203).

Никто не избавится от сетей диавола иначе как через исповедание помыслов и желаний, с верой к руководителю своему, сопровождаемой смирением и послушанием. **Преподобный Феодор Студит (69, 282).**

Если желаем совершенно попрасть демонов, то будем проявлять во всем смиренномудрие, отринув свою волю. **Преподобный Нил Синайский (48, 390).**

Святой Антоний увидел расprostертыми все сети диавола. Вздохнув, он спросил Бога: «Кто же избегнет их?». Бог отвечал ему: «**Смирение** избегает их», а что еще более удивительно, добавил: «Они даже и не прикасаются к нему!» **Преподобный авва Дорофей (58, 41).**

Брат спросил: «Авва! отчего демоны так сильно боятся тебя?». Старец **отвечал**: «С того времени, как я стал монахом, я не допускаю гневу подняться до гортани моей». **Исидор, авва скитский (82, 243).**

Подвиг молитвы труднее всех прочих подвигов. Когда человек захочет излить перед Богом молитву свою, тогда враги, демоны, спешат воспрепятствовать молитве, зная, что никакой подвиг столь не опасен для них, как молитва, принесенная Богу от всей души... Во всяком другом подвиге, который возложит на себя монах, хотя бы он нес этот подвиг настойчиво и постоянно, он имеет некоторое упокоение, но молитва до последнего издыхания сопряжена с тяжелой борьбой. **Авва Агафон (82, 60).**

Если впадешь в **малодушие — молись**. Молись же со страхом и трепетом. Молись усердно, бодренно и трезвенно. Так подобает молиться тем более, что невидимые враги наши лукавы и неусыпны в коварстве: они особенно стараются помешать такому совершению молитвы. **Авва Евагрий (82, 113).**

Душа, от Духа Святого исполненная дерзновения и мужества, животворящим изображением креста и призыванием Иисуса Бога

разрушает бесовские призраки и самих бесов обращает в бегство. Преподобный Никита Стифат (70, 109).

Демоны изнемогают, когда при исполнении заповедей уменьшаются в душе страсти; погибают, когда, в силу бесстрастия души, совершенно исчезают из нее, больше не находя того, чем держались в ней и чем воевали против нее. Преподобный Максим Исповедник (68, 181).

Если не будет испытывать отвращения человек к своему телу, как к врагу и супостату, чтобы ни в чем не угождать ему, то он не может освободиться от сетей вражых. Дьявол употребляет плоть, как сеть, для иноков, особенно юных. Изречения безымянных старцев (82, 373).

Без сокрушения сердца невозможно совершенно избавиться от зла. Преподобный Марк Подвижник (54, 52).

Может ли этот ангел тьмы покаяться потому, что Бог «долготерпелив и многомилостив: не до конца прогневается, ниже вовек враждует» (Пс. 102, 8, 9). Благодать Божия никогда вовеки не враждует, если увидит кого кающимся; но так как эта благодать покаяния была дарована только человеку, ради Христа воплотившегося, ангелу же тьмы дарована не была, то, при отсутствии благодати, он каяться не может. Святитель Димитрий Ростовский (113, 70).

«Сей же род изгоняется только молитвою и постом» (Мф. 17, 21). Если сей род изгоняется молитвою и постом другого лица, то тем более войти не может в того, у кого есть собственный пост и молитва. Вот ограда! Хоть бесов бездна, и весь воздух набит ими, но ничего не смогут они сделать тому, кто огражден молитвою и постом. **Пост — всестороннее** воздержание, **молитва —** всестороннее богообщение; тот извне защищает, а эта изнутри устремляет на врагов огненное всеоружие. Постника и молитвенника издали чувт бесы и бегут от него далеко, чтобы не получить болезненного удара. Можно ли думать, что где нет поста и молитвы, там уже и бес? Можно. Бесы, вселяясь в человека, не всегда обнаруживают свое вселение, а притаиваются, исподтишка научая своего хозяина всякому злу и отклоняя от всякого добра, так что тот уверен, что все делает сам, а между тем только исполняет волю своего врага. Возьмись только за молитву и **пост — и** враг тотчас уйдет, и на стороне будет выжидать случая, как бы опять вернуться, и действительно возвращается, коль скоро оставлены бывают молитва и пост (107, 241—242).

«Легион имя мне, потому что нас много» (Мк. 5, 9). Духи не телесны, потому места собою не наполняют и не занимают, подобно телам. Этим объясняется физическая возможность пребывания многих духов в одном человеке. Возможность нравственная со стороны духов понятна из их безнравственности, или отсутствия всяких нравственных начал, а со стороны **человека —** из многостороннего соприкосновения его душевного строя с мрачной областью нечистых сил. Но этим объясняется только

возможность; действительность же вселения бесов подлежит условиям, определить которые не имеем возможности. Можем только сказать, что вселение духов не всегда бывает видимым, не всегда обнаруживается известными действиями бесноватых. Есть вселение духов необнаруживаемое, скрытое. Есть также власть духов над умами людей, помимо тела, когда они водят их, как хотят, через страсти, в них действующие, люди же думают, что они действуют сами, будучи посмешищем нечистых сил. Как же быть? Будь настоящим христианином, и никакая вражеская сила не одолеет тебя. **Епископ Феофан Затворник (107, 272—273).**

«Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1 Пет. 5, 8). Этому супостату ничем более противиться не можете, как непрестанной молитвой. Молитесь всегда и будете ему противиться. Делайте руками и молитесь; так ум и сердце ваше занято будет, и не будет квартиры или места диаволу, и убежит диавол. Пребывайте умом и сердцем вашим на Небе и в вечности и не будете уловлены диаволом. Птица чем выше летает, тем безопаснее бывает, а когда вниз, на землю спустится, то или поймана, или подстрелена бывает. Так и человек. **Святитель Тихон Задонский (104, 409).**

Смертный грех решительно порабощает человека диаволу и решительно расторгает общение человека с Богом, пока человек не врачуется себя покаянием (112, 352).

Чувство покаяния хранит молящегося человека от всех козней диавола: бежит диавол от подвижников, издающих из себя благоухание смирения, которое рождается в сердце кающихся (109, 163).

Падшие духи с ожесточением противодействуют всем Евангельским заповедям, в особенности же — молитве как матери добродетели (112, 354).

Враг... старается поколебать самое основание молитвенного подвига — незлобие и кротость (112, 356).

Правильности молитвы и преуспеянию в ней противодействуют наше поврежденное естество и падшие ангелы (112, 94).

Падшие духи, зная силу молитвы и ее благотворное действие, стараются всячески отвлечь от нее подвижника... (112, 99).

При усиленном нападении вражеском, когда ощущается ослабление воли и омрачение ума, необходима гласная молитва (109, 271).

Смирненная преданность воле Божией, сознание и готовность потерпеть все страдания, какие попущены Богом, совершенное невнимание и неверие ко всем словам, действиям и явлениям падших духов уничтожают все значение их попыток; попытки их (смутить человека) получают величайшее значение при внимании к ним и при доверии к бесам (112, 335).

Только исполняющий все без исключения заповеди Божии может устоять против врага. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (111, 81).**

Авва **Маркелл** рассказал братии следующее. Однажды, когда встал он ночью на молитву, вдруг услышал трубный звук и шум, как бы от воинской брани. Старец пришел в смятение и недоумевал: откуда несется этот трубный звук и какая брань может быть в пустыне? Когда он так размышлял, вдруг предстал перед ним бес и закричал: «Что задумался? Здесь и есть брань. Но если не хочешь, чтобы мы с тобой воевали, ступай и спи. С ленивыми мы не воюем, а только с постниками и бдящими в молитвах». Пролог в поучениях (81, 496—497).

Авва Ираклий поведал, что некий старец жил в идольском капище. Пришли к нему демоны и говорят: «Уйди из нашего места». Старец отвечал: «У вас нет места». Демоны начали разбрасывать его вещи, старец терпеливо собирал их. Тогда демон, схватив его за руку, потащил из капища. Когда он доташил старца до дверей, старец другой рукой уперся в дверь и воскликнул: «Иисусе! Помоги мне!». Демон тотчас убежал, а старец начал плакать. Господь спросил его: «О чем ты плачешь?». Старец отвечал: «О том, что демоны нападают на человека и так поступают с ним». Господь сказал ему: «Ты был нерадив. Когда же ты взыскал **Меня**,— видишь, как скоро Я предстал тебе». Отечник (82, 246).

Побеждающий становится совершенным

Воин, если не будет обучен прежде долговременным упражнениям и испытан в трудах и битвах, доказав на опыте, что одерживает победы над **врагами**,— не прославляется. Тем более у Небесного Истинного Царя никто не удостоится принять небесные дары Святого Духа, если не будет предварительно упражняться в изучении святых заповедей и таким образом не примет небесного оружия благодати и не вступит в борьбу с духами злобы (67, 295).

Не приходи в малодушие, но мужайся, храня твердость мыслей, ибо мужественный, даже если он ранен, несомненно, победит. Преподобный Нил Синайский (48, 333).

Где не прекращается брань, там всегда есть опасность поражения. Как бы искусен кто ни был в брани, как бы мужественно ни сражался, как часто ни наносил бы противникам смертельные удары, если он находится среди битвы, то неизбежно иногда терпит и удары вражеского меча. Преподобный Иоанн **Кассиан** Римлянин (авва Херемон (53, 374).

Князь века сего... уготовляет великую славу и большую честь скорбями и искушениями, потому что вследствие их люди делаются совершеннейшими, себе же готовит большее и тягчайшее наказание. Преподобный Макарий Египетский (33, 386).

Диавол зол для себя, а не для нас; мы же, если захотим, можем приобрести через него много добра, конечно, против его воли и желания. В этом и открывается особое чудо и превосходство человеколюбия Божия (35, 175).

Когда лукавый устрашает и смущает нас, тогда мы вразумляемся, тогда познаем самих себя, тогда с великим усердием прибегаем к Богу (35, 176).

Как и в настоящей жизни не там, где находится солома, сено или **песок**, но там, где находится золото и жемчуг, собираются разбойники... так и **дьявол**— **именно** там строит козни, где видит

богатства, скопленные душою, и умножающиеся сокровища благочестия (37, 547).

Если те, которые подвергаются козням диавола, будут бодрствовать, то не только ничего не потеряют, но получают еще большее богатство добродетели. Святитель Иоанн Златоуст (37, 547).

Злые духи связываются в своих действиях по отношению к подвижнику Христову властью и мудростью руководящего им Бога... они не могут причинить ему того зла, какое бы желали. Наносимые ими напасти содействуют его преуспеянию (110, 25).

Зло, в неведении своем содействуя по мановению Божию добру, не перестает пребывать для себя и для совершающих его тем, что оно *есть*, — злом (112, 147).

Не вступив в брань с духами и не выдержав ее, как должно, подвижник не может вполне расторгнуть общение с ними и потому не может достигнуть полной свободы от порабощения ими (112, 146).

Бог так чудно устроил дело спасения нашего, что зло, имея дурную цель и действуя с намерением повредить рабу Божию во времени и в вечности, способствует этим его спасению. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 144).

ЗНАМЕНИЕ

При содействии дивных знамений апостолы быстро распространили христианство по вселенной... когда же вера была насаждена повсеместно, насаждено было слово, тогда отняты знамения как окончившие свое служение (111, 309—310).

Знамения давались не верующим, но неверующим, чтобы они становились верующими (111, 311).

Желающие совершать знамения желают этого по плотскому разгорячению, по увлечению непонимаемыми ими страстями... в таком же состоянии самообольщения и разгорячения находятся и те, которые хотят видеть знамения (111, 313).

Знамения, совершив свое служение, оставили поприще служения, предоставив действовать подлинному Творцу — Слову, Которое пребывает и пребудет делателем до кончины мира, как Оно Само возвестило о Себе: «се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28, 20) (111, 323).

Живая вера — духовный разум. Не нуждается она уже в знамениях, будучи совершенно удовлетворена знамениями Христовыми и величайшим из Его знамений, венцом знамений — Его словом (111, 234).

Богочеловек ублажал не видевших знамений и веровавших. Он выражал соболезнования тем, которые, не удовлетворяясь словом, нуждаются в чудесах (111, 305—306).

Светом духовного разума должно быть озарено воззрение душевного ока на знамения и чудеса, чтобы избежать тех бедствий, в которые может вовлечь воззрение на них плотского мудрования. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (111, 323).

Святой Иоанн Предтеча посылает учеников своих спросить Господа: «Ты ли Тот, Который должен прийти, или ожидать нам другого?» (Лк. 7, 19). Не для себя он так спрашивал, ибо знал точно, Кто есть Иисус Христос, будучи извещен об этом с Неба, но для учеников. И ученики искали решения этого вопроса не для того, чтобы состязаться в прениях, а из искреннего желания знать истину. Таковым нет нужды много говорить; Господь и не говорит, а только указывает на то, что было в ту пору Им совершено. Божественные дела свидетельствовали о Божестве Его. Это было так очевидно, что вопрошавшие не стали уже больше вопрошать. Так и всегда. Сила Божия живет в Церкви; искренний искатель истины тотчас осязает ее и удостоверяется в истине. Это опытное удостоверение полагает конец всем вопросам и совершенно успокаивает. Кто же не хочет верить и, потеряв веру, начинает искать в Церкви и христианстве не основания веры, а поводов как бы оправдать

свое неверие, тому никакие указания не кажутся удовлетворительными. Неверие же свое он считает основательным, хоть основания его мелочны и ничтожны. Того хочет его сердце, потому все и сносно (107, 331—332).

Фарисеи и саддукеи просили Господа показать им знамение, а того и не видели, что знамение было у них перед глазами. Господь Сам был знамением; Его учение и дела ясно показывали, Кто Он; другого свидетельства не нужно было. «Дела, которые творю Я во имя Отца Моего, они свидетельствуют о Мне» (Ин. 10, 25), — говорил Он иудеям. «Различать лице неба, — обличал их Господь, — вы умеете, а знамений времен не можете» (Мф. 16, 3). Отчего так сделалось с ними? Оттого, что они жили внешней жизнью, а внутрь себя не входили. Без собранности же, без внимания и самоуглубления дел Божиих ни заметить, ни уразуметь нельзя.

То же продолжается и до сих пор. Христианство у всех перед глазами как истинное знамение **Божие**, а смотрящие на него не видят того, колеблются в вере и отступают. Очи их теряют способность видеть на нем печать Божественности, и они готовы просить особенных знамений с неба, подобно иудеям. Но знамение не дается, потому что ищут его только **«искушающе»**, а не затем, чтобы идти путем Христовым. Ты только вступи на этот путь и с первого же шага увидишь, что он божествен, ведет к Богу, и Бог к тебе приближается. Епископ Феофан Затворник (116, 17).

В последнее время... те, которые по истине будут работать Богу, благоразумно скроют себя от людей и не будут совершать посреди них знамений и чудес, как в настоящее время. Они пойдут путем делания, растворенного смирением, и в Царствии Небесном окажутся большими отцов, прославившихся знамениями. Преподобный Нифонт (82, 548).

ЧУДО

Чудеса и таинства **Божии** — благодатные явления вечного во времени

Чудеса Господа имели святой смысл, святую цель. Хотя они и сами по себе были великими благодеяниями, но в целях Божественного Смотрения служили только свидетельством и доказательством благодеяния несравненно высшего (111, 302).

В помощь слову Божию даны **Божии** чудеса. Чтобы люди поняли и приняли духовный дар, усматриваемый одними душевными очами, Господь присоединил к духовному вечному дару подобный ему дар временный, **телесный — исцеление** телесных болезней человеческих. Епископ Игнатий (**Брянчанинов**) (111, 302).

Когда Господь предложил учение о Таинстве Тела и Крови, полагая в нем необходимое условие общения с Собою и источник жизни истинной, тогда «многие из учеников Его отошли от Него и уже не ходили с Ним» (Ин. 6, 66). Слишком чудесным показалось им такое дело беспредельной милости Божией к нам, и нерасполо-

жение к чудесному отделило их от Господа. Господь видел это и, однако, готовый быть распятым за спасение каждого, не находил возможным умалить или отменить чудесное. Так оно необходимо в Домостроительстве нашего спасения! Хотя, конечно, с сожалением, но оставил Он их идти от Себя во тьму неверия и пагубу и не им только, но и избранным двенадцати сказал по этому случаю: «не хотите ли и вы отойти?» (Ин. 6, 67), изъясняя готовность и их отпустить, если не склонятся перед чудесным. Отсюда выходит, что избегать чудесного есть то же, что избегать Господа Спасителя, и отвращающийся от чудесного есть то же, что погибающий. Да внемлют этому те, которые приходят в ужас при одном напоминании о чудесном! Встретят и они чудо, которому не смогут уже **перечить**, — это смерть и по **смерти** — Суд. Но послужит ли эта невозможность перечить им во спасение один Бог знает. **Епископ Феофан Затворник (107, 126—127).**

Искупитель предвидел, что души учеников возмутятся от страданий Его, и заранее предсказывал им как страдание Свое, так и славу Воскресения Своего, чтобы они, увидев Его умирающим, не сомневались и в Его воскресении. Но так как ученики, еще живущие по плоти, не могли понять слов тайны, Он совершает чудо. У них на глазах получает прозрение слепец, чтобы небесные дела укрепили в вере тех, кто не понимал слов о небесной тайне.

Но чудеса Господа и Спасителя нашего надо понимать так, чтобы веровать и в истинность событий, и, сверх того, постичь их глубинный смысл. Ибо могущество дел Его указывает на одно, а таинственность их говорит о другом.

Так, по самой притче (Мк. 10, 46—52) мы не знаем, кого таинственно представляет прозревший. А этот слепец прообразует род человеческий. Изгнанный в лице прародителя из рая, не имеющий понятия о вышнем свете, он страдает во тьме своего осуждения. Но явлением Искупителя просвещается и начинает видеть и желать радости внутреннего света, и обращается к добродетели на пути к жизни.

Замечательно, что слепец получил прозрение, когда Иисус приблизился к Иерихону. Ибо слово «иерихон» означает «луна», а луна на священном языке служит образом немощи плоти, и когда она убывает в своем месячном течении, то служит образом нашей смерти. Итак, когда Спаситель наш приблизился к Иерихону, слепец получает прозрение. Это значит, что когда Божество приемлет на Себя немощь нашей плоти, род человеческий обретает потерянный им свет. Ибо поскольку Бог претерпевает человеческое, постольку же человек получает силы к Божественному.

Этот слепец, по Писанию, сидел именно при пути и просил милостию. А Сама Истина говорит: «Я есмь путь» (Ин. 14, 6). **Слепец** — тот, кто не имеет понятия о ясности вечного света. Но если он уже верует в Искупителя, то сидит при пути. Если же верует, но не хочет просить о даровании ему вечного света и не молится, то он остается слепцом, хотя и сидящим при пути, но не просящим о милости. А если кто и уверовал, и познал слепоту души своей, и молится о даровании ему света истины, то **он** — слепец, сидящий при пути и просящий о милости прозрения. Итак, кто сознает мрак слепоты своей, кто имеет понятие о свете вечности, которого не видит, тот вопиет из глубины сердца и умиленно зывает: «Иисус, Сын Давидов! помилуй меня». Но послушаем, что следует за воплями слепца: «Многие заставляли его молчать».

Что же означают эти «многие», если не шум плотских пожеланий и мятеж пороков, которые, до приближения к нашей душе Иисуса,

рассеивают наш ум искушениями и на молитве останавливают сердечный плач? Ибо часто когда мы после содеянных грехов желаем обратиться к Господу, когда пытаемся вымолить у Него прощение за них, тогда приближаемся к душе образы этих содеянных грехов, притупляют остроту ума, приводят дух в сомнение и не дают простора нашей молитве.

Итак «многие заставляли его молчать», потому что прежде чем Иисус приблизится к душе, преступления, сотворенные нами, запечатлеваются в памяти, смущают нас во время самой молитвы.

Что же сделал наперекор этому слепец, который желал прозрения? «Он еще более стал кричать: Сын Давидов! помилуй меня». Вот более и более вопиет тот, кого толпа заставляет молчать; так, чем более стесняет нас тягостный шум плотских помыслов, тем пламеннее и настойчивее должны мы молиться. Этот шум мешает молитве, так как и в это время мы больше всего страдаем от воображения грехов наших. Но тем более и надо возвышать голос сердца, чем сильнее препятствия, тогда он превысит шум нетерпимых помыслов и своим напряжением и неотступностью достигнет святого слуха Господня.

Но когда мы усиливаем молитву, мы запечатлеваем в уме образ проходящего Иисуса. Поэтому в Евангелии далее сказано: «Иисус остановился и велел его позвать». Останавливается Тот, Кто прежде проходил мимо; так, когда мы во время молитвы еще слышим шум помыслов, тогда чувствуем, что Иисус как бы проходит мимо. Когда же мы делаем особенное усилие в молитве, Иисус останавливается, чтобы вернуть нам свет. Бог водворяется в сердце, и потерянный свет возвращается.

Впрочем, в этом событии Господь внушает нам и еще нечто, помогающее нам различить человеческое и Божественное в Нем. Вопль слепца услышал Иисус проходящий, а чудо прозрения совершил остановившийся. Проходит свойственно человеку и **стоять** — Божеству. По человечеству Он родился, возрастал, умер, воскрес, переходил из места в место. И так как в Божестве нет изменчивости, а «проходить» значит то же, что изменяться, то это «прохождение» было именно по плоти, а не по Божеству. Но по Божеству Ему свойственно всегда стоять, потому что Он Вездесущ. Итак, вопиющего слепца слышит Иисус «проходящий», а прозрение дарует «стоящий»: как человек, Он, сочувствуя, жалился над слепотой нашей, но свет благодати проливает силою Божества Своего.

И замечательно, что Он говорит подошедшему слепцу: «чего ты хочешь от Меня?». Неужели Тот, Кто даровать мог прозрение, не знал, чего хотел **слепец**? Но Он хочет, чтобы мы просили, хотя Сам знает, чего мы будем просить и что даровать нам по нашим просьбам. Он заповедует непрестанно молиться и, несмотря на то, говорит: «знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него» (Мф. 6, 8). Но мы должны просить Его, чтобы возбудить сердце к молитве. Поэтому и слепец тотчас ответил: «Учитель! чтобы мне прозреть». Слепец просит у Господа не золота, но прозрения, потому что он, хотя и может иметь что-нибудь, но без прозрения не может видеть того, что имеет.

Итак, будем просить света, который можем видеть вместе с одними Ангелами, который не имеет ни начала, ни конца. К этому свету ведет вера. Поэтому и слепцу, при даровании прозрения, Христос отвечает: «или, вера твоя спасла тебя».

Но наш плотский помысел возражает на это: каким образом могу я просить духовного света, которого не могу видеть? Как я узнаю, что есть такой свет, который глаза не видят? Такому помыслу каждый может ответить кратко: что человек чувствует, он чувствует не телом, а душой. Никто не видит души своей, и, однако, никто не сомневается, что имеет душу, которой не видит. Ибо душа невидимо **управляет** видимым телом. Если же это невидимое отделяется, то умирает и видимое. Если в этой видимой жизни всякое существо оживляется невидимым, есть ли место сомнению в бытии невидимой жизни?

Но послушаем, что сделано для вопиющего слепца или кто сделал он **сам**. Сказано далее: «И он тотчас прозрел и пошел за Иисусом по дороге». Видит и последует тот, кто делает добро, но не остается в

нерадении. Итак, если мы уже сознаем свою слепоту и, веруя в таинство **Искупителя**, сидим при пути, если, ежедневно молясь, просим у нашего Создателя света, если, видя разумом этот самый свет, мы после слепоты **прозрели**,—последуем делами за Иисусом, которого видим умом. **Святитель Григорий Двоеслов (116, 310—311).**

Апостолы, как ученики премудрости и любители истины, видя, что Спаситель внимательно смотрит на слепого, как бы вызывая их на вопрос, предлагают Ему два общеизвестных учения, над исследованием которых трудились люди. Поскольку эллины утверждали, что согрешила душа и в наказание за это послана в тело, а иудеи признавали, что грехи предков переходят на потомков: «ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, за вину отцов наказывающий детей до третьего и четвертого рода» (Втор. 5, 9), то ученики, как ведущему все прежде рождения, сказали Господу: «кто согрешил: он (как говорят эллины) или родители его (как говорят иудеи), что родился слепым?» (Ин. 9, 2). Истина же не темный, не уклончивый, не загадочный дала ответ, но прямой, превосходящий всякую ясность, потому что отвергла и то и другое: «не согрешил ни он (ибо мог ли согрешить до рождения), ни родители его» (очевидно, в том, «что родился слепым», так как ответ дан на вопрос). Хотя вероятно, что они согрешили и действительно были грешны, но при этом не они виновны в несчастье. Почему же слепым родился? «Это для того, чтобы на нем явились дела **Божии**» (Ин. 9, 3), то есть природа допустила недостаток, чтобы проповедан был Художник. Преподобный **Исидор Пелусиот (116, 113—114).**

«Почему теперь не бывает чудес?»

«Но **почему**,— говорят **некоторые**,— **теперь** не бывает чудес? Почему тогда все **крещаемые** говорили разными языками, а ныне уже не так?» По какой, в самом деле, причине теперь пресекалась и отнята у людей эта благодать? Не потому, что Бог захотел лишить нас этой чести, но потому, что Он благоволил нас еще более почтить. Каким образом? Те люди были очень неразумны, ибо недавно освободились от идольского служения; мысль их была так груба и нечувствительна, что они были совершенно привязаны к одним плотским предметам и, желая вещественного, ничего не понимали о дарах духовных, ничего не знали о благодати духовной, благодати, созерцаемой единой верой. Потому и бывали тогда чудеса... А ныне я не имею нужды в знамениях. Почему? Потому что и без чудес научился веровать Господу. Залога требует тот, кто не верит, а я, как верующий, **не** требую ни залога, ни чудес. Положим, я не говорю разными языками, но я знаю, что я очищен от грехов. Они тогда не веровали этому без чудес, затем и явлены были чудеса, как залог веры, ими приемлемой. Потому им давались знамения, не как верным, но как неверным, чтобы они уверовали. Таким образом, **и** святой Павел говорит: «Итак языки суть знамение не для верующих, а для неверующих» (1 Кор. 14, 22). Видите, что не для бесчестия нашего, но для большей почести Господь сократил явление своих чудес. Он творит так, желая открыть нашу веру, чтобы мы веровали Ему без залогов и без всяких чудес. Те люди, не получив предварительно видимых знаков и залога, не поверили бы Ему в предметах невидимых, а я без этого показываю ему всю **веру**. Вот причина, почему теперь не бывает чудес. **Святитель Иоанн Златоуст (114, 105—106).**

«Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если что смертоносное **выпьют**, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы» (Мк. 16, 17—18). Если вы, братья, не творите тех знамений, которые были необходимы при начале Церкви Христовой, то по одному этому не исключайте себя из числа верующих. Чудеса нужны были только для распространения веры. Так и мы, насаждая деревья, до тех пор только поливаем их водой, пока они **не укоренятся**, а когда они вырастут и пустят корни глубоко в землю, то перестаем их поливать. Поэтому апостол Павел говорит: «Итак языки суть знамение не для верующих, а для неверующих» (I Кор. 14, 22). Впрочем, и мы обладаем этими знамениями и чудесами, только в духовном смысле, ибо Святая Церковь не перестает и ныне духовным образом творить то же, что делали апостолы видимым образом. Так, когда священники, при заклинании нечистых духов, возлагают руки на верующих, то они благодатью Христовой, подобно апостолам, изгоняют бесов. Равным образом, когда верующий, оставляя мирские разговоры, беседует о духовном, говорит о Таинствах Церкви, воспевает хвалебные гимны во славу Творца, то разве он не говорит новыми языками? Кто благими советами искореняет злобу в сердце брата своего, берет змея. Кто, слыша дурные советы, не следует им, тот испивает смертное, но оно не вредит ему. Кто всеми мерами содействует ближнему своему, еще не утвержденному в благочестивой жизни, и собственным примером добродетельной жизни утверждает его в благочестии, тот как бы на больных возлагает руки, чтобы они исцелились. Польза, которая происходит от таких духовных чудес, так же велика, и эти чудеса еще спасительнее, потому что врачуют не тела, а души. **Святитель Григорий Двоеслов (116, 687—688).**

Жизнь во Христе и есть чудо

«Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Ин. 14, 12). Чудеса есть дела, которые, кажется, превышают порядок естественный и своей необычностью всех приводят в удивление. Например, воскресить мертвого и одним словом исцелить безнадежно больного или остановить течение **воды — такие** дела подлинно превосходят силы человеческие и свойственны только Тому, Кто сотворил союз всех вещей и им управляет, и изменяет его по своему изволению, или, как говорит апостол, Который держит все «словом силы Своей» (Евр. 1, 3). Но такие чудесные дела открывают только власть и славу всемогущего Правителя тварей, а орудия, через которые они совершаются, остаются только орудиями, и чудеса не всегда являются доказательством их святости. Мы с удивлением читаем в Евангелии, что некоторые, творившие чудеса, в последний день Суда скажут Разбирающему человеческие дела: «Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоня-

ли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?» (Мф. 7, 22). Однако при всем том им будет сказано: «Я никогда не знал вас» (Мф. 7, 23).

Сотворил Я, говорит Бог, землю и Небо; даю и тебе силу **созидания — сотвори** землю Небом, ибо можешь. Бог все творит и изменяет, но эту власть дал и людям. Так, любящий отец, рисуя сам, хочет и дитя свое научить этому. Сотворил Я, говорит Бог, прекрасное тело, даю тебе силу к лучшему **созидаанию — сотвори** ты прекрасную душу. Повелел Я, чтобы земля проросстила траву и всякое плодovitое **дерево — скажи** и ты: да прорастит земля тела твоего свой плод и изведет действие по твоему изволению. Творю Я зной и мглу, утверждаю гром и созидаю ветер; создал змия «ругатися ему» (Пс. 103, 26) (**насмехаться. — Ред.**), то есть диавола, — и тебе без зависти дарую эту власть. И тобою может быть поруган диавол, если хочешь, ибо можешь, как птицу, связать его. Повелеваю Я солнцу сиять злым и **добрым — подражай** и ты, подай от своего имени и благим и злым. Я терплю обиды и благодетельствую **обижающим — подражай** и ты, ибо можешь. Благо творю же не для **воздаяния — подражай** и ты и твори благо не ради воздаяния и не для взаимной платы. Зажег Я светила на **небе — зажги** и ты светлее их, просвети пребывающих во тьме, ибо узнать Бога есть большее благодеяние, чем увидеть солнце. Не можешь ты сотворить человека, но можешь сотворить праведного и благоугодного Богу. Я существо **сотворил — ты** укрась его волю. Обладаю Я, говорит Бог, Ангелами, а **ты — Христом**.

Эти свойственные человеку чудеса есть дела, которыми он возносится выше прочих подобных ему людей или возносится и выше себя самого. Хочешь ли, человек, творить чудеса? Преодолей склонности, которые других порабощают себе, и яви торжество своей победы над ними. Гнев воспаляет тебя против того, кто причиняет тебе обиду, и, воспаленный яростью, хочешь ты отомстить **ему** — вспомни слово Господне: «У Меня отмщение и воздаяние» (Втор. 32, 35). Великодушно перенеси этот удар и, подражая твоему Господу, прости обиду, как и Он простил распинателям своим. Такое богоугодное расположение достойно быть причислено к **чудесам — и** будешь чудотворцем. Плотская страсть помрачает твой разум и склоняет или отягощает совесть, или нарушить обеты, данные **Богу, —** собери в себе столько сил, чтобы мужественно стать против этого искушения и не уступить плоти. Такая победа подобна величию **чудес — и** будешь чудотворцем... Несчастия сокрушают тебя и приводят дух твой в уныние, а иногда и в **отчаяние — поставь** против них благоразумие и, утвердив себя упованием на благой Промысл Божий, возьми в пример Иова, претерпевшего все виды несчастий, и сделай бессильными их нападения. Такое мужество, необычное для слабых смертных, явится чудесным перед очами нашими и **ангельскими — и** будешь чудотворцем. **Платон, митрополит Московский (106, 323—328).**

Название книги «Деяния апостолов» не кажется ли ясным, известным и очевидным для всех? Но вникните хорошенько в слова, и вы увидите,

какая глубина в нем. Ибо почему не сказано: «Чудеса апостолов»? Почему не названа книга «Знамения апостолов» или «Силы и чудотворения апостолов», но «Деяния апостолов»? Ибо не одно и то же — деяния и знамения, не одно и то же — деяния и чудеса; между теми и другими большая разница. Деяния есть дело собственного усердия, а чудо есть дар божественной благодати. Видишь ли, какое расстояние между деяниями и чудесами? Деяние есть плод собственных трудов, а чудо есть явление Божественной щедрости. Деяние получает начало от нашего намерения, чудо своим источником имеет благодать Божию; последнее есть дело небесной помощи, а **первое — человеческого** произволения. Деяние слагается из того и **другого** — из нашего тщания и из божественной благодати, а чудо являет одну только Небесную благодать и нисколько не нуждается в наших трудах. К деяниям относится: быть кротким, целомудренным, умеренным, обуздывать гнев, побеждать похоть, подавать милостыню, являть человеколюбие, подвизаться во всякой добродетели. Вот в чем состоит деяние и труд, и пот наш. А чудо состоит в том, чтобы прогонять бесов, отверзать очи слепым, очищать тела прокаженных, исцелять расслабленных, воскрешать мертвых и другое подобное этому совершать сверхъестественно. Видишь ли, какое расстояние между деяниями и чудесами, жизнью и знамениями, нашим усердием и Божией благодатью!

Доброе поведение само по себе может спасти тех, кто имеет его. По этой-то причине блаженный, доблестный и чудный Лука назвал свою книгу «Деяния апостолов», а не «Чудеса апостолов». Хотя апостолы и чудеса творили, но чудеса имели свое время и прекратились; деяния же во всякое время должны являть в себе все, желающие получить спасение. Итак, нашему подражанию предлагаются не чудеса, а деяния апостолов... Чобы не сказали: «Не можем, нет у нас сил таких, апостолы мертвых воскрешали, прокаженных очищали»; пресекая такое бесстыдное оправдание, святой Лука говорит: не чудеса, а добрая жизнь вводит в Царствие Небесное. Итак, поревную жизни апостолов и ты будешь иметь нисколько не менее апостолов, ибо не чудеса сделали их апостолами, но чистая жизнь. **Святитель Иоанн Златоуст (114, 15—16).**

Дело это, то есть распространение христианской веры, подлинно великое и чудное, непрестанно во всех концах земли, на востоке и на западе, на севере и юге, всем безгласно провозглашает: есть Бог, Который все может; есть Бог, Который из тьмы творит свет; есть Бог, «Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2, 4); есть Бог, Который послал Христа Своего в мир обратить заблудших и привести к Себе удалившихся. Это великое и чудное дело, как перстом, указывает на Бога Всесильного, Преблагого, Премудрого. Ибо, во-первых, кто были те, кто обратились к вере во Христа? Язычники, прельщенные хитростью, мечтаниями и привидениями диавольскими, закосневшие и утвержденные в нечестии идолопоклонством. Должен быть здесь вышеестественный свет, который просветил бы их душевные очи и показал тьму и прелесть. Во-вторых, к кому обратились язычники от своей прелесть? Ко Христу, о Котором никогда не слыхали, отверженному иудеями, распятому на Кресте, повешенному между двумя разбойниками и умершему. Признали единого истинного и Триипостасного Бога те, которые в многобожии закоснели и состарились; поверили небесным и вышеестественным тайнам, оставили плотоугодную и беззаконную жизнь, суету и роскошь мира сего и возлюбили смиренную и добродетельную жизнь Христову. В-третьих, кем эти народы, подобные диким зверям, обращены в христианскую веру? Двенадцатью апостолами. Чем обращены? Не оружием, но

словом. Кто они были? Люди препростые и необразованные. Уму человеческому это непонятно. В-четвертых, сколько препятствий ставил враг растущей вере Христовой, каких не изобретал мучений для ее благовестников и для верующих! Но ничего не успел он: рассыпался весь злой совет... То было Божие дело; сила Божия так действовала!.. Этими мыслями воспользуйся при размышлении об истине и Небесном происхождении христианского учения. **Святитель Тихон Задонский (113, 68).**

Чудеса **лжехристов** — призрачные явления злой силы

Магия служила для Симона-волхва средством к достижению **цели** — сделаться «всемирным мессией». Он знал слабую сторону современного человечества. Суеверное, потерявшее религию и философию общество легко принимало богохульные и дерзкие фокусы подобных шарлатанов. Симон уверял, что он может делаться невидимым в случае опасности и снова являться в видимом образе; может проходить сквозь горы и скалы, бросаться с высоты и удерживаться на воздухе небесными силами; чудесно освобождаться из уз, из заключения в темнице; может бездушные истуканы превращать в живых людей; вызывать чародейством из земли цветущие деревья и кустарники; проходить сквозь огонь, совершенно изменять лицо, становиться двуликим, даже превращаться в овцу, в козла, летать по воздуху, делать золото и прочее. Совершал ли Симон что-нибудь подобное? Отцы **Церкви** — святой Ипполит, Иустин-мученик, святой Ириней Лионский, а также Ориген, Тертуллиан, блаженный Иероним и другие не сомневаются в том, что он совершал много чудесного, но совершал нечистой силой... Нельзя отрицать возможность совершения чудесных действий волхвов, судя с богословской точки зрения и по свидетельствам о таких действиях в истории. Спаситель предостерегал, что явятся многие лжехристы, которые совершат великие знамения. Почему же Симон не мог быть одним из таких лжехристов, избранным сосудом диавола, по выражению апостола Петра? **Труды Киевской Духовной Академии (114, 253).**

Не странно, что чудеса антихриста будут приняты беспрекословно и с восторгом отступниками от христианства, врагами Бога... Достоинно глубокого внимания и плача то, что чудеса и деяния антихриста приведут в затруднение самих избранников Божиих. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (111, 296).**

Откровение в красках

...Изобразительность неразлучна с евангельским повествованием и, наоборот, евангельское повествование с изобразительностью... Что слово сообщает через слух, то живопись показывает молча, через изображение. Деяния VII Вселенского Собора (Деяние 6-е).

Господь, убажая Своих учеников, сказал: «Многие пророки и праведники желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали», «ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат» (Мф. 13, 17, 16). Итак, апостолы телесным образом видели Христа и Его страдания, и чудеса, и слышали Его слова. Сильно желаем и мы видеть и слышать Спасителя, чтобы быть блаженными, подобно апостолам. Те видели «лицем к лицу» (1 Кор. 13, 12), так как Он телесно присутствовал. Мы же, потому что Он не присутствует телесно, как бы через посредство книг слушаем Его слова и освящаем свой слух и через него душу, и считаем себя блаженными, и благоговейно почитаем книги, из которых слышим Его слова. Так и созерцая на иконах Его изображение и чудеса, и страдания Его, мы освящаемся и утверждаемся в вере, и исполняемся радости, делаемся блаженными и благоговейно почитаем и поклоняемся Его телесному образу. А созерцая Его образ, мы представляем себе, насколько возможно, также и славу Его Божества. Так как мы состоим из двух частей, из души и тела, и душа наша не обнажена, но покрывается телом, как бы завесой, то нам невозможно, помимо телесного, прийти к духовному. Следовательно, подобно тому как через слова, которые мы слышим ушами, мы также понимаем и духовное, так и через телесное созерцание приходим к созерцанию духовному. Поэтому Христос воспринял тело и душу, так как тело и душу имеет и человек. Поэтому из двух частей состоят и **Крещение** — из воды и Духа, и Святая Трапеза, то есть Причащение Тела и Крови Христовых, и молитва, и **псалмопение** — все двояко: телесно и духовно... Преподобный Иоанн **Дамаскин** (3, 1, ХП)**

* **Икона** — греч. образ. См. т. 4, с. 158—204 настоящего издания.

** Здесь и далее в теме «Иконопочитание» под такими цифровыми обозначениями цитируется издание: Св. Иоанн Дамаскин. Три защитительных слова против порицающих святые иконы или изображения. Перевод проф. Санкт-Петербургской Духовной Академии А. Бронзова. СПб., 1893. Первая цифра (1, 2 или 3) обозначает Слово; вторая (1 или 2) — **часть** Слова; на третьем месте римскими цифрами указаны разделы Слова

Богоустановленность иконопочитания

Кто первый сделал изображение?

Сам Бог первый родил Единородного Сына и Слово Свое, Свое живое изображение, естественное, во всем сходный образ Своей вечности; и сотворил человека по образу Своему и по подобию (Быт. 1, 26, 27). И Адам увидел Бога и услышал голос Его, «ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся» (Быт. 3, 8). И Иаков увидел и боролся с Богом (Быт. 32, 24). Ясно же, что Бог явился ему, как человек. И Моисей увидел как бы человека сзади (Исх. 33, 23); также и **Исаия** увидел как бы человека, сидящего на престоле (**Ис.** 6, 1). Увидел и Даниил подобие человека: «как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями» (Дан. 7, 13). И никто не увидел естества Бога, но только образ и подобие Того, Кто намеревался в будущем явиться. Ибо Сын и невидимое Слово Божие намеревалось поистине стать человеком, чтобы соединиться с нашим естеством и быть видимым на земле. Итак, все, увидев образ и подобие будущего, поклонились, подобно тому как апостол Павел говорит в послании к Евреям: «Все сии умерли в вере, не получив **обетований**, а только издали видели оные, и радовались» (Евр. 11, 13). Итак, неужели я не стану делать изображения Того, Кто ради меня явился с плотским естеством? И неужели не стану поклоняться и почитать Его посредством чествования и поклонения, которые воздаю Его изображению? Авраам увидел, но не естество Божие (Быт. 17, 1), ибо «Бога не видел никто никогда» (Ин. 1, 18), а образ Бога и, пав, поклонился. Иисус, сын Навина, увидел (Нав. 5, **13—15**), но не естество Ангела, а образ, ибо природа Ангела не созерцается телесными глазами, и, пав, поклонился. Подобным образом поступил и Даниил. Ангел же не Бог, но творение и раб Божий, и помощник, поэтому тот поклонился ему не как Богу, но как помощнику Бога и служителю. Неужели и я не стану делать изображения друзей Христа? И неужели не стану поклоняться не как Богам, но как изображениям друзей Бога? (3, 1, XXVI).

Не поклоняюсь «твари вместо Творца» (Рим. 1, 25), но поклоняюсь Создателю, подобно мне, сделавшемуся сотворенным, и, не уничивив Своего достоинства и не испытав какого-либо разделения, снисшедшему в тварь, чтобы прославить мое естество и сделать участником в Божественном естестве. Вместе с Царем и Богом поклоняюсь и багрянице тела не как одеянию и не как четвертому Лицу, нет, но как ставшей причастною тому же Божеству и, не испытав изменения, сделавшейся тем, что есть, и освятившей ее. Ибо не природа плоти сделалась Божеством, но как Слово, оставшись тем, чем Оно было, не испытав изменения, сделалось **Плотию**, так и Плоть сделалась Словом, не потеряв того, что она есть, лучше же сказать, будучи единой со Словом по Ипостаси. Поэтому смело изображаю Бога невидимого не как невидимого, но как сделавшегося ради нас видимым через участие и в Плоти, и в Крови. Не невидимое Божество изображаю, но посредством образа выражаю Плоть Божию, которая была видима (1, 1, ГУ).

Ибо если бы мы делали изображение невидимого Бога, то действительно погрешали бы, потому что невозможно, чтобы было изображено бестелесное и невидимое, и неопишемое, и не имеющее формы. И опять: если бы мы делали изображения людей и их считали богами и служили им как богам, то действительно поступали бы нечестиво. Но мы не делаем ничего из этого. Ибо после того, как Бог, по неизреченной Своей благодати, воплотившись, «явился на земле и обращался между людьми» (Вар. 3, 38), и воспринял природу и величину, и образ, и цвет плоти, мы, делая Его изображение, не погрешаем (2, 1, V).

Рассказывается же и такая история: когда царствовавший в Эдесском городе Авгарь послал живописца, чтобы он нарисовал похожий образ Господа, и когда живописец был не в состоянии сделать это из-за сияния Его Лица, то Господь Сам, приложив кусок материи к Своему Божественному и Животворящему Лицу, напечатлел на куске материи Свой образ и послал его сильно желавшему этого Авгарю.

А о том, что и апостолы весьма многое передали, не записав этого, пишет апостол язычников Павел: «Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим» (2 Фес. 2, 15). Преподобный Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры (СПб., 1894. Кн. 4, гл. 16, с. 237—238).

Священные изображения в Ветхом Завете

Но те, которые не исследуют смысла Писания, говорят, что Бог сказал через законодателя Моисея: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу» (Исх. 20, 4), и через пророка Давида: «Да постыдятся все служащие истуканам, хвелящиеся идолами» (Пс. 96, 7), и многое другое такое же*. Ибо то, что представили они как из Божественного Писания, так и из святых отцов, следует понимать должным образом. ...Находившимся еще в детском возрасте и изнемогавшим от болезни идолослужения, и считавшим идолов богами, и поклонявшимся им, как богам, и отвергавшим поклонение Богу, и воздавшим славу Его твари Врач душ запретил делать это. Ибо невозможно делать изображение Бога бестелесного, и невидимого, и невещественного, и не имеющего ни внешнего вида, ни очертания, и непостижимого. Ибо как будет изображено то, что недоступно зрению? «Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1, 18). «Человек не может увидеть Меня и остаться в живых», — говорил Бог (Исх. 33, 20).

А о том, что идолам поклонялись, как богам, послушай, что говорит Писание в Исходе сынов Израиля, когда Моисей взшел на гору Синай, и на долгое время остался там с Богом, и получил Закон. А неблагодарный народ восстал на Аарона, слугу Божия, говоря: «сделай нам бога,

* «Три защитительных слова...» написаны преподобным Иоанном Дамаскиным в конце 20-х — начале 30-х годов VIII в. в связи с иконоборческим движением, получившим широкое распространение в Византии как государственная политика императора Льва III Исавра (717—741) и продолжившимся до торжественного восстановления иконопочитания в 842 году (празднуется в неделю Православия) праведной императрицей Феодорой (т. ок. 867).

который бы шел перед нами, ибо с этим человеком, с Моисеем... не знаем, что сделалось»; потом сняли с женщин украшения и слили из металла тельца, и ели, и пили, и упились как вином, так и заблуждением, и начали играть, говоря в безумии: «вот бог твой, Израиль» (Исх. 32, 1—9). Видишь, что богами они считали идолов, которые были жилищами демонов? И служили твари вместо Творца, подобно тому, как говорит божественный апостол: «и славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся... и поклонялись, и служили твари вместо Творца» (Рим. 1, 23, 25). Поэтому Бог запретил делать всякое подобие, как Моисей говорит во Второзаконии: «И говорил Господь к вам на горе из среды огня; глас слов Его вы слышали, но образа не видели, а только глас». И после немногих слов: «Твердо держите в душах ваших, что вы не видели никакого образа в тот день, когда говорил к вам Господь на горе Хориве из среды огня, дабы вы не развратились и не сделали себе изваяний, изображений какого-либо кумира, представляющих мужчину или женщину, изображения какого-либо скота, который на земле, изображения какой-либо птицы крылатой...» И так далее. И после небольшого промежутка: «И дабы ты, взглянув на небо и увидев солнце, луну и звезды и все воинство небесное, не прельстился и не поклонился им и не служил им» (Втор. 4, 12; 15—17; 19). Замечай, что одна цель: чтобы не послужили твари вместо Творца и не воздавали служебного поклонения никому, кроме одного Творца. Поэтому с поклонением повсюду в Писании соединяется служение. И после немногих слов: «Да не будет у тебя других богов пред лицем Моим. Не делай себе кумира и никакого изображения» (Втор. 5, 7—8) и опять: «Не делай себе богов литых» (Исх. 34, 17). Видишь, что из-за идолослужения Писание запрещает изображения и что невозможно, чтобы Бог—бестелесный и невидимый, и неописуемый—был изображаем. Ибо «образа не видели» Его, говорит Писание (Втор. 4, 12), как говорит и [апостол] Павел, стоя посреди Ареопага: «Итак мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого» (Деян. 17, 29).

И что это так, слушай: «Не делай себе кумира,— говорит Писание,— и никакого изображения» (Исх. 20, 4). Когда Бог повелел это: сделай,— говорит оно [Писание],— завесу дверям скинии свидения из голубой, пурпуровой и червленой шерсти, и херувимов сделай на них искусною работою» (Исх. 26, 1) «И сделал крышку из чистого золота... и сделал двух херувимов» (Исх. 37, 6—7). Что ты делаешь, о Моисей? Ты говоришь: «Не делай себе кумира и никакого изображения» и ты же устриваешь завесу с херувимами и двух херувимов из чистого золота? Но слушай, что отвечает тебе слуга Божий Моисей. О, слепые и безумные... я не сказал: не делай изображения херувимов, как рабов, предстоящих очистилищу, но: «Не делай себе богов литых», и: «не делай... никакого изображения», как бога, и не послужи «твари вместо Творца» (Рим. 1, 25). Итак, подобия Бога я не сделал, не сделал, конечно, и подобия кого-либо другого, как Бога, и не послужил «твари вместо Творца».

...Таким образом, и в деле, касающемся изображений, должно отыскивать как истину, так и цель тех, кто их создает. И если она истинна и права и если изображения делаются для славы Божией и Его святых, и для соревнования добродетели, и избежания порока, и спасения душ, то должно принимать их с радостью и почитать, как образы и подражания, и подобия, и книги для неграмотных, и поклоняться, и целовать, и приветствовать глазами и устами, и сердцем, как подобие Воплотившегося Бога и его

Матери, или святых, соучастников страданий и славы Христа, и победителей, и истребителей диавола и демонов, и заблуждения их (2, 1, VII—X).

Вместо древних прообразов — изображаем Агнца, взявшего грех мира, по человеческому образу

На некоторых изображениях честных икон начертывается указываемый пальцем Предтечи Агнец, который принят во образ благодати, представляя предуказанного нам Законом истинного Агнца, Христа Бога нашего. Итак, с любовью принимая образы и теки, как символы и предначертания истины, преданные Церкви, мы предпочитаем благодать и истину, принимая ее как исполнение Закона. Итак, чтобы хотя бы посредством изображения представить совершенное глазам всех, мы определяем запечатлеть отныне на иконах вместо древнего агнца — по человеческому образу Агнца, взявшего грех мира, Христа Бога нашего, чтобы через уничтожение Бога Слова усмотреть высоту Его смирения и руководиться к воспоминанию Его жизни во плоти, страдания и спасительной смерти и происшедшего отсюда искупления мира. **82-е правило VI Вселенского собора (Трульского).**

Изображения — ступени Откровения Бога

Всякое изображение делает ясными скрытые вещи и показывает их. Я хочу представить некоторый пример: человек, потому что душа его облечена телом, как ограничиваемый местом и временем, не обладает неприкровенным знанием ни невидимого, ни того, что будет после него, ни того, что отделено местом и находится на далеком расстоянии, поэтому для указания знанию пути и объяснения и обнаружения скрытого придумано изображение; вообще же — для пользы и благодеяния, и спасения, чтобы при помощи делаемых известными и торжественно открываемых (через посредство икон) предметов мы распознали то, что скрыто, и возлюбили прекрасное и соревновали ему, от противоположного же, то есть зла, отвратились и возненавидели его.

...Поэтому первый — естественный и во всем сходный образ невидимого Бога — Сын Отца, являющийся в Себе Отца. Ибо «Бога не видел никто никогда» (Ин. 1, 18). И опять: «Это не то, чтобы кто видел Отца (Ин. 6, 46). А что Сын — образ Отца, говорит апостол: «Который есть образ Бога невидимого» (Кол. 1, 15), и в Послании к Евреям: «Сей, будучи сияние славы и образ Ипостаси Его» (Евр. 1, 3). И что Он показывает в Себе Отца, об этом говорит Господь: «столько времени Я с вами, и ты не знаешь Меня, Филипп? Видевший Меня видел Отца» (Ин. 14, 9), говорит именно после того, как Филипп сказал: «покажи нам Отца, и довольно для нас» (Ин. 14, 8). Сын — естественный образ Отца, совершенно равный, во всех отношениях подобный Отцу, кроме того, что не нерожден и не Отец...

Второй род изображения — находящееся в Боге представление о том, что от Него имеет быть, то есть Его Предвечный Совет, всегда остающийся неизменным. Ибо Божество — неизменно, и безначален Его Совет, вследствие чего то, что Им постановлено, происходит в предпопре-

деленное Им время так, как Оно предвечно определило. Ибо изображения и образцы того, что имеет от Него быть, суть представление о каждом из этих предметов, и они у святого Дионисия называются предопределениями. Ибо на Совете Его то, что Им предопределено, и то, что должно в будущем ненарушимо случиться, было прежде своего бытия наделяемо признаками и образами.

Третий род изображения есть происшедший от Бога через подражание, то есть человек. Ибо тот, кто сотворен, не может быть одной и той же природы с Несозданным, но есть образ через подражание и подобие. Ибо как Отец, Который есть Ум, и Сын, Который есть Слово, и Святой Дух суть Один Бог, так и ум, и слово, и дух суть один человек. Подобие проявляется также и в том, что человек одарен свободной волей и владеет способностью управлять. Ибо Бог сказал: «сотворим человека по образу Нашему и по подобию»; и тотчас присоединил: «и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными» (Быт. 1, 26). И опять: «и владычествуйте над рыбами морскими... и над птицами небесными... и над всею землею» (Быт. 1, 28).

Четвертый род **изображения**—тот, когда Писание создает образы и виды, и очертания невидимых и бестелесных предметов, изображаемых телесно для того, чтобы дать по крайней мере некоторое представление как о Боге, так и об Ангелах, ибо мы не в состоянии созерцать бестелесное без соответствующих нам красок или форм, как говорит весьма сведущий в области божественного Дионисий Ареопагит. Естественно приданы образу лишнему образов и формы не имеющему **форм**—и этому можно указать только одну причину: уместную в отношении к нам аналогию, ибо мы не в состоянии подниматься до созерцания духовных предметов без какого-либо посредства и, чтобы возвыситься, имеем нужду в родственном нам и близком. Божественное Слово, предусматривая нашу способность восприятия, отовсюду доставляя нам то, что способно возвысить ум, облакает некоторыми образами как предметы простые, так и не имеющие образов. Почему же не изображать того, что по собственной природе имеет образы, чего мы желаем страстно, но что отсутствует и потому видимым быть не может? Действительно, и [святитель] Григорий Богослов говорит, что ум, сильно стараясь выйти за пределы телесного, всюду оказывается бессильным. Но и «невидимое Его ... от создания мира через рассматривание творений» видимо (Рим. 1, 20). В творениях же мы замечаем образы, прикровенно показывающие нам божественные отражения, так что когда говорим о Святой Троице, высшей всякого начала, то изображаем Ее себе посредством солнца, света и луча; **или**—бьющего ключом источника, вытекающей воды и течения; **или**—ума, слова и находящегося в нас дыхания; **или**—ствола розы, цветка и благоволия.

Пятым родом изображения называется тот, который предызображает и предначертывает будущее, как купина (Исх. 3, 2) и шедшая на руно роса (Суд. 6, 40)—Деву и Богородицу, и также **—жезл** (Чис. 17) и стамна (Исх. 16, 33; Числ. 11, 9). И как змий (Чис. 21, 8)—Того, Кто через Крест уничтожил действие яда виновника всех зол змия; и как **море**—воду Крещения, и **облако**—Его же Дух (Исх. 14).

Шестой род **изображения**—образ, установленный для воспоминания о прошедшем: или чуде, или добродетели, для славы и чести, и, так сказать, памятной надписи на столбе имен тех, которые заявили себя благородством действий и блистали добродетелью; **или**—пороке, для торжества над порочнейшими людьми и посрамления их, для пользы тех, кто впоследствии рассматривает это, чтобы нам таким образом избегать пороков и соревновать добродетелям. Это же **изображение**—двойко: как через вписываемое в книги слово, ибо письмом выражает слово посредством образа, подобно тому, как Бог начертал на скрижалях Закон и повелел, чтобы была записана жизнь боголюбезных мужей, так и через чувственное созерцание, подобно тому, как Он повелел, чтобы в вечное воспоминание были положены в Кивоте Завета стамна и жезл (Исх. 34, 28; 16, 33—34; Евр. 9, 4—5) (3, 1, XVII—XXIII).

Что изображаемо и что неизобразимо?

Тела, как имеющие и формы, и очертания, и цвет, конечно, естественно выражаются посредством образов. Ангел же и душа, и демон, хотя им и чужда телесность и величина, однако изображаются и начертываются соответственно своей природе. Ибо, будучи духовными, они, как относительно их верят, пребывают и действуют духовным образом в духовных местах. Итак, хотя они и изображаются телесно, подобно тому как Моисей изобразил херувима, и как они являлись достойным людям, однако изображаются так, что телесный образ являет некоторое зрелище бестелесное и постигаемое только умом. Божественная же **природа** — одна только она неописуема и совершенно лишена вида, и не имеет формы, и непостижима. Хотя Божественное Писание и облекает Бога формами, как кажется, телесными, так что могут быть видимы и фигуры, однако сами по себе формы бестелесны. Ибо пророки и те, кому они **открывались**, — **ведь** видимы были они не **всем** — **созерцали** их не телесными глазами, но духовными. Просто же сказать, мы можем делать изображения всех фигур, которые видим, но те представляем мысленно, смотря по тому, как они были явлены. Ибо хотя мы иногда представляем себе фигуры вещей при посредстве размышлений, однако и к этому их пониманию приходим на основании того, что видели. Так бывает и в каждом в отдельности чувстве: на основании того, что мы обоняли и вкусили или осязали, при посредстве размышлений приходим к представлению и этого.

... Итак, мы знаем, что невозможно увидеть глазами природу как Бога, так души, так и демона, но что они созерцаются, когда Божественный Промысл облекает образами и формами то, что бестелесно и лишено образов, и не имеет телесной фигуры, для руководства нами и для доставления нам, по крайней мере, поверхностного и частичного знания их, чтобы мы не находились в совершенном неведении Бога и бестелесных созданий. Ибо Бог, конечно, по природе совершенно бестелесен. Ангел же и душа, и демон, по сравнению с Богом, Который, впрочем, только один выше сравнения, суть тела. По сравнению же с материальными телами они бестелесны. Итак, Бог, не желая, чтобы мы совершенно не знали того, что бестелесно, облек его формами и фигурами, и образами применительно к нашей природе; фигурами телесными, созерцаемыми при помощи невещественного зрения ума. И этому мы даем формы, и это изображаем... (3, 1, XXIV).

Икона почитается наравне с Крестом и Евангелием

Вот, подлинно, чувствуется и вещество, почитаемое вами презренным. Ибо что ничтожнее козьей шерсти и красок? Разве не краски червленица и багряница, и синета*? Вот, подлинно, и

* Червленица, **багряница** — **ткань**, окрашенная в багряную краску: червленец (червец, багрец), изготавливающую из насекомого кошениль; **синета** — **синяя** пряжа и синяя краска для пряжи.

дела рук человеческих, и изображение херувимов; также и вся эта скиния была образом. Ибо «**смотри**,— говорит Бог Моисею,— сделай их по тому образцу, какой показан тебе на горе» (Исх. 25, 40). И, однако, весь Израиль, стоя вокруг скинии, поклонялся перед ней. А, кроме того, херувимы, разве не находились они перед глазами народа? И Кивот Завета, и светильник, и трапеза, и золотая стамна, и жезл, взирая на которые народ поклонялся? Я не поклоняюсь веществу, поклоняюсь же Творцу вещества, ради меня сделавшемуся веществом и в веществе положившему Свое жилище и через посредство вещества совершившему мое спасение. Ибо «Слово стало **плотью**, и обитало с нами» (Ин. 1, 14), а всем ясно, что **плоть—вещество** и творение. Итак, почитаю вещество, через которое совершилось мое спасение, и благоговею перед ним, и поклоняюсь ему. Но почитаю не как Бога, а как исполненное божественного действия и благодати. Разве не **вещество—древо** Креста, трижды счастливое и преблаженное? Разве не **вещество—гора**, почитаемая и святая, Краниево место? Разве не **вещество—живоносная** скала, святой гроб, источник нашего воскресения? Разве не **вещество—чернила**, кожи, на которых написаны книги Евангелий? Разве не **вещество—Животворящая Трапеза**, доставляющая нам Хлеб Жизни? Разве не **вещество—и золото, и серебро**, из которых сделаны и кресты, и святые диски, и потиры? Разве не вещество, предпочтительно перед всем этим, Тело и Кровь моего Господа? Или устани почитание всего этого и поклонение, или позволяй, по церковному преданию, и поклонение иконам, освящаемым именем Бога и друзей Божиих и по этой причине освящаемым благодатию Божественного Духа (2, 1, XIV).

В иконописи Церковь исповедует истину Преображения

Как святые отцы ниспровергли святилища и храмы демонов и на их местах воздвигли храмы во имя святых, и эти храмы мы почитаем, так истребили они и изображения демонов и вместо тех создали изображения Христа, Богородицы и святых. И во время Ветхого Завета, конечно, ни храмов во имя людей не воздвигал Израиль, ни память человека не праздновалась. Ибо природа людей была еще под проклятием, и смерть была приговором (то есть наказанием), почему и была оплакиваема; и тело умершего считалось нечистым, также и касавшийся его. Теперь же, с тех пор как Божество, как некоторое животворящее и спасительное средство, соединилось с нашим естеством, наше естество прославлено и превращено в нетленное. Поэтому и смерть святых празднуется, и храмы им воздвигаются, и изображения начертываются. Итак, да знает всякий человек, что пытающийся уничтожать изображение, возникшее вследствие божественной любви и ревности для славы и воспоминания о Христе или Матери **Его**—Святой Богородице, или о ком-либо из святых, и для

* См. Мф. 27, 33. церковнославянский текст.

посрамления диавола и поражения его и демонов его, и не поклоняющийся, и не почитающий, и не приветствующий его, как драгоценное изображение и как **Бога,—враг** Христа и Святой Богородицы, и святых и мститель за диавола и его демонов, делом обнаруживающий свою печаль из-за того, что Бог и святые Его чествуются и прославляются, диавол же посрамляется. Ибо изображение есть своего рода триумф и прославление, и надпись на столбе в воспоминание о победе тех, которые поступили неустрашимо и отличились, и о посрамлении побежденных и низложенных демонов (2, 1, XI).

Изображаем (красками) **Христа—Царя** и Господа, не лишая Его воинства. Ибо воинство **Господне—святые**. Пусть лишит себя своего собственного войска земной царь, и тогда пусть лишает воинства своего Царя и Господа...

Храм, который создал Соломон, был освящен кровью бессловесных и был украшен изображениями бессловесных львов и волов, и пальм, и гранатовых яблок. Теперь же Церковь освящается Кровию Христа и святых Его и украшается изображением Христа и святых Его (2, 1, XV).

Иконописное предание сохраняет подлинные черты святых

... На третью ночь, когда тело мое было уже изнурено постом, ко мне, не спавшему, но пребывающему в состоянии восхищения ума, явился некто с лицом, похожим на апостола Павла, именно как его изображают на иконах... Святитель Амвросий **Медиоланский** (2, 2, XIV).

Честь, воздаваемая изображению, переходит на Первообраз

Так как некоторые порицают нас, и поклоняющихся, и почитающих как изображение Спасителя и Госпожи нашей, так и сверх того остальных святых и **слуг** Христовых, то да слышат, что Бог искони сотворил человека по **образу** Своему (Быт. 1, 26—27). Итак, из-за чего мы кланяемся друг другу, если не потому, что мы сотворены по образу Божию? Ибо, как говорит богоглаголивый и сильный в толковании божественных предметов [святитель] Василий [Великий], «честь, воздаваемая изображению, переходит на Первообраз». А первообраз есть то, чей образ отпечатлевается, то, с чего получается снимок*. Для чего Моисеев народ со всех сторон поклонялся скинии, имевшей образ и вид небесных вещей, преимущественнее **же**—всего творения? Действительно, Бог говорит Моисею: «смотри, сделай их по тому образцу, какой показан тебе на горе» (Исх. 25, 40; Евр. 8, 4—5). А также и херувимы, осенявшие очистилище, разве не были делами человеческих рук? А иерусалимский храм? Не рукотворенный ли он и не был ли сооружен искусством людей?

Божественное же Писание порицает тех, которые поклоняются вырезанным из металла или камня предметам, а также и тех, которые приносят жертвы бесам. Приносили, конечно, жертвы эллины, а также совершали жертвоприношения иудеи, но эллины — демонам, а иудеи — Богу. И жертвоприношение эллинов было, конечно, отвергнуто и осуждено, жертва же праведных была совершенно угодна Богу. Ибо Ной принес жертву, «и обонял Господь приятное благоухание» (Быт. 8, 21), одобряя благоухание доброй воли и расположения к Нему.

... А сверх этого, кто может сотворить подобие невидимого и бестелесного, и неопишемого, и не имеющего формы Бога? Поэтому изображать Божество — дело крайнего безумия и нечестия. Поэтому в Ветхом Завете иконы не были в употреблении. А так как Бог, вследствие Своего милосердия, поистине сделался человеком ради нашего спасения, не только явился в виде человеческого, как являлся Аврааму и пророкам, но существенно и истинно стал человеком, жил на земле и вступил в единение с людьми, творил чудеса, пострадал, был распят, воскрес, вознесся на Небо; и все это происходило поистине и было видимо людьми, было записано для напоминания нам и наставления тех, которых тогда не было, чтобы мы, не увидев, а услышав и уверовав, достигли блаженства Господня; но так как не все знают грамоту и не все имеют свободное время для чтения, то Отцы усмотрели, чтобы это, как и некоторые подвиги, изображать на иконах для краткого напоминания. Без всякого сомнения, часто случается, что мы и не думаем о страданиях Господа, но, увидев изображение распятия Христова, вспоминаем это спасительное страдание, и припадаем, и поклоняемся, не веществу, но Тому, Кто изображен, подобно тому как поклоняемся не веществу, из которого сделаны Евангелие или крест, но тому, что ими изображается. Ибо иначе — чем отличается крест, не имеющий изображения Господня, от имеющего? Таким же образом должно думать и о Богоматери. Ибо честь, воздаваемая Ей, возводится на Того, Кто от Нее воплотился. Подобным же образом и доблестные подвиги святых мужей возбуждают нас к мужеству, к ревности, к подражанию их добродетели и прославлению Бога. Ибо, как мы говорили, честь, воздаваемая наиболее усердным нашим сослужителям, является доказательством любви к общему Господу, и честь, воздаваемая изображению, переходит на первообраз. Это же предание — из числа не записанных в Священном Писании, как и то, что касается поклонения на восток и поклонения Кресту, и многого другого, подобного этому. **Преподобный Иоанн Дамаскин.** Точное изложение православной веры. (СПб., 1894. Кн. 4, гл. 16, с. 235—237).

... Конечно, высшие Сущности и Чины ... бестелесны, и относящаяся к ним иерархия как духовна, так и **премирна**. Иерархия же, имеющая место в отношении к нам, как мы видим, изобилует в соответствии с нашей способностью понимания, разнообразием чувственных знаков, которыми мы иерархически возводимся к единообразному соединению с Богом в соответствующей нам мере, и к Богу, и божественной добродетели. Первые

(то есть высшие Чины и Сущности), как умы, насколько им позволено, понимают, мы же при посредстве изображений, насколько возможно, возводимся к божественным созерцаниям... **«Ареопагитики»**. О церковной иерархии (2, 2, III).

... Поэтому если, соразмерно с нашей способностью понимания, мы возводимся к божественному и невещественному созерцанию при посредстве изображений, и Божественный Промысл человеколюбиво облакает образами и формами то, что лишено форм и образов, чтобы вести нас как бы рукою, то почему неприлично изображать, в соответствии с нашей способностью понимания, Того, Кто ради нас человеколюбиво подчинился внешнему виду и образу? Преподобный Иоанн Дамаскин (2, 2, III).

Мы неприкосновенно сохраняем все церковные предания, утвержденные письменно или неписьменно. Одно из них заповедует делать живописные иконные изображения, так как это согласно с историей евангельской проповеди, служит подтверждением того, что Бог Слово истинно, а не призрачно вочеловечился, и служит на пользу нам, потому что такие вещи, которые взаимно друг друга объясняют, без сомнения, и доказывают взаимно друг друга. На таком основании мы, шествующие царским путем и следующие божественному учению святых отцов наших и преданию Кафолической Церкви,—ибо знаем, что в ней обитает Дух Святой,—со всяким тщанием и осмотрительностью определяем, чтобы святые и честные иконы предлагались для поклонения точно так же, как и изображения Честного и Животворящего Креста, будут ли они сделаны красками, или из мозаичных плиточек, или из какого-либо другого вещества, только бы сделаны были достойным образом, и будут ли находиться во святых церквях Божиих, на священных сосудах и одеждах, на стенах или на досечках, или в домах и при дорогах, а равно, будут ли это иконы Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, или Непорочной Владычицы нашей Святой Богородицы, или честных Ангелов и всех святых и праведных мужей. Чем чаще благодаря иконам они делаются предметом нашего созерцания, тем более взирающие на эти иконы побуждаются к воспоминанию о самих первообразах, приобретают более любви к ним и получают более побуждений воздавать им лобызание, почитание и поклонение, но никак не то истинное служение, которое, по вере нашей, причисляется одному только Божественному естеству. Созерцающие иконы побуждаются приносить фимиам в их честь и освещать их, подобно тому, как делают это и в честь изображения Честного и Животворящего Креста, святых Ангелов и других священных приношений и как, по благочестивому внушению, делалось это обыкновенно и в древности. Потому что честь, воздаваемая иконе, относится к ее первообразу, и поклоняющиеся иконе поклоняются Ипостаси изображенного на ней. Такое учение содержится у святых отцов наших, то есть в предании Кафолической Церкви, в которой Евангелие преемственно переходило от одного отца к другому. Определения VII Вселенского Собора. Деяния Вселенских Соборов, Т. VII, Казань, 1873, с. 592—594.

... Еще от апостольских времен святые иконы употреблялись в храмах, и верующие поклонялись им. Об этом повествуют весьма многие. Вместе с ними и Седьмой Вселенский Собор постыжает всякое еретическое кощунство. Этот собор ясенейшим образом разъясняет, как должно поклоняться святым иконам, и предаёт проклятию и отлучению и тех, которые воздают иконам поклонение как Богу, и тех, кто называет православных, поклоняющихся иконам, **идолослужителями**. Вместе с ним и мы предаём анафеме тех, которые или святому, или иконе, или Кресту, или мощам святых, или священным сосудам, или Евангелию, или чему бы то ни было другому на небе, на земле или в море воздают такую честь, какая прилична только Единому в Троице Богу. Равно **анафематствуем** и тех, которые поклонение иконам называют идолослужением и потому не поклоняются им, не чтут Креста или святых, как заповедала Церковь. Послание восточных патриархов. М., 1846, с. 40—42.

Великая божественная сила дается почитающим святые иконы

Великая крепость и божественная сила дается тем, кто с верой и чистой совестью приступает к иконам святых! Поэтому, братья, станем на скале веры и на Предании Церкви, не сокрушая пределы, поставленные святыми отцами нашими, не давая места тем, которые желают вводить новое и разрушать здание Святой Соборной и Апостольской Церкви Божией. Ибо если будет дана свобода всякому желающему, то мало-помалу будет погублено все Тело Церкви. Нет, братья, нет, христолобивые чада Церкви, не бесчестите матери нашей! Не совлекайте украшения ее! Примите ее, которая через меня ведет с вами переговоры! Уразумейте, что о ней говорит Бог: «Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!» (Песн. 4, 7).

... Братия! Христианин оценивается по силе его веры. Поэтому приходящий с верою получит обильную пользу; «сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой» (Иак. 1, 6),— он не получит ничего. Ибо все святые **благоугодили** Богу посредством веры. Итак, да примем предание Церкви правым сердцем и без многих размышлений! Ибо «Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы» (Еккл. 7, 29). Да не одобрим изучения новой веры, так как в этом случае подвергается нареканию предание святых отцов! Ибо божественный апостол говорит: «кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема» (Гал. 1, 9). Преподобный Иоанн **Дамаскин** (3, 1, XLI).

Стой перед иконой Спасителя, как перед Самим Господом Иисусом Христом, невидимо вездесущим и иконою Своею присутствующим в том месте, где она находится. Стой перед иконой Божией Матери, как перед Самой Пресвятой Девой, но ум твой храни безвидным. Величайшая разница быть в присутствии Господа и предстоять Господу или воображать Господа. Ощуще-

ние присутствия Господня наводит на душу спасительный страх, вводит в нее спасительное чувство благоговения, а воображение Господа и святых Его сообщает уму как бы вещественность, приводит его к ложному, гордому мнению о себе, душу приводит в ложное **состояние**—состояние самообольщения. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (108, 59).**

В годовую память святого Симеона Мироточивого, во время великой вечерни, вошел в храм один брат из обители Дионисия на Олимпе, желая приложиться к лику святого, но, заметив, что икона слишком мала, счел ее недостойной поклонения. Когда этот инок удалился из храма и заснул в келлии, он увидел, как будто открылся верх келлии и страшный змий, дыша пламенем и испуская дым и смрад, разинул пасть, чтобы проглотить его. «Тебе не нравится малый образ **святого**,—сказал **змий**,—и ты с негодованием вышел из храма, не дождавшись конца службы, так знай: ты мой, и я поглощу **тебя**»—и с ужасным шумом бросился на инок. Несчастный в ужасе возопил: «Преподобный Симеоне, помоги мне!» В то же мгновение пробудившись, инок с трепетом направился в храм и, пав на колени перед образом преподобного, с любовью лобызал его. Тогда же он рассказал всем, как за свое невежество пострадал от сатаны. «Малый образ, брат **мой**,—заметил один из **старцев**,—при теплоте веры и благоговении, при чистоте ума и непорочности тела, ничем не отличается от большого, потому будь внимателен, воздавай достойную честь святым и их священным ликам, малые они или большие». Афонский Патерик (84, 305).

Одна христоролюбивая женщина копала колодезь. Много она издержала денег и докопала до большой глубины, но воды не нашла. На нее напало уныние: жаль было трудов и средств. Однажды подошел незнакомец и сказал ей: «Попроси принести изображение аввы Феодосия из монастыря в Скопеле, и Бог по его молитве даст тебе воду». Женщина немедленно отрядила двоих и, приняв из их рук образ святого, опустила его в колодезь. Тотчас показалась вода, наполнившая колодезь до половины, и все единодушно прославили Бога. Луг духовный (75, 102—103).

Недалеко от Дамаска есть храм святого Феодора. Сарацины поселились в этом храме с женщинами, детьми и животными, наполнив его всякой грязью и нечистотой. Когда однажды они сидели и беседовали, один из них бросил стрелу в икону святого Феодора и ранил правое его плечо, из которого тотчас потекла кровь. Все сарацины смотрели на это знамение, на вонзенную в плечо стрелу и на текшую кровь, но не образумились, бросивший стрелу не раскаялся. Ни один из них не смутился, они не удалились из храма, не перестали осквернять его. И понесли величайшее наказание: все они в продолжение немногих дней погибли жестокой смертью, между тем как в той же самой местности в эти дни никто более не умер. Святитель Афанасий Синайский (3, 2, **XLIV**).

ИСТИНА

«Я есмь путь и истина и жизнь»

(Ин. 14, 6)

Истина есть Господь наш Иисус Христос, как Он засвидетельствовал о Себе: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6). Истина есть Слово Божие: «слово Твое есть истина» (Ин. 17, 17) (111, 165).

Истина есть слово **Божие**—Евангелие, Истина есть Христос. Познание Истины вводит в душу божественную правду, изгнав из души падшую и оскверненную грехом правду человеческую: вхождение свое в душу божественная правда свидетельствует Христовым миром (109, **223—224**).

Истина есть Господь наш Иисус Христос. **Усвоимся** этой истине верою в Нее, возопием молитвой к этой **Истине**—и Она извлечет нас из пропасти самообольщения и обольщения демонами (108, 230).

Истина имеет свойственный Себе Дух. Этот Дух именуется Духом Истины. **Он—Дух**, от Отца исходящий. **Он—Дух** Святой Божий. **Он—Дух** Сына, как неотступно соприисутствующий Сыну, как составляющий с Отцом и Сыном единое нераздельное и неслитое Божеское Существо (111, 166).

Принятие Истины есть вместе принятие Святого Духа... Равным образом: где действует Святой Дух, там бывает обильнейшее явление Истины (111, 166).

Истинные служители Истинного Бога поклоняются Ему Духом и Истиною... Бог ищет, то есть желает иметь таких поклонников (111, 165).

Познавшие и принявшие Святую Истину вступили под влияние, водительство Святого Духа, **они—часть** Господня, жребий Его (111, 462).

Человек, исповадая себя рабом и созданием Божиим... немедленно вступает всем существом своим в область святой истины... Взошедший в область Истины, подчинившийся Истине получает нравственную и духовную свободу, получает нравственное и духовное счастье (109, 96).

Надо, чтобы наш образ мыслей был проникнут Истиной. Кроме Христа, не понимаю и не знаю другой Истины. И не слепцы ли те, кто бы они ни были, которые в то время, когда предстоит им Христос в страшном величии смирения, вопрошают: «Что есть Истина?» (111, 508—509).

Падшее человечество приступает к святой истине верою, Другого пути к ней нет (108, 119).

Научись читать Евангелие: от него услышишь Истину, в нем увидишь Истину. Истина откроет тебе падение твое и узы лжи, узы самообольщения, которыми невидимо связана душа всякого человека, не обновленного Святым Духом (108, 119).

Тебе стыдно сознаться, падший горделивец, гордый в самом падении своем, что ты должен искать истины вне себя, что вход для нее в твою **душу** — через слух и другие телесные чувства. Но **это** — неоспоримая правда... (108, 119).

Истина есть источник и причина спасения, по определению Самого Господа (111, 208).

Хранится богодарованная, богооткрытая людям святая истина в Священном и Святом Писании. Здание добродетелей, если зиждется не на этом основании, совсем непрочно, непотребно. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (111, 455—456).

Нужно совершенно освободиться от внешних волнений, обрести полное безмолвие в потаенной хранилище сердца и потом приступить к созерцанию Истины (4, 250).

Плотский человек, ум которого не упражнялся в созерцании, — лучше же сказать, весь, как в тину, погребен в плотское **мудрование**, — не может воззреть на духовный свет Истины (6, 266).

Домостроитель нашего спасения вводит нас, как людей, выросших во тьме, в великий свет истины, к нему приучая постепенно, щадя нашу немощь. В глубине Своей Премудрости и в неисследованных судах разума предначертал Он для нас это легкое и к нам применимое руководство, приучая видеть сперва тени предметов и в воде смотреть на солнце, чтобы, увидев сразу яркий свет, мы не ослепли. На этом-то основаны и закон, имеющий «тьму будущих благ» (Евр. 10, 1), и видения **пророков** — это прообразы Истины, для обучения очей сердечных, чтобы удобным для нас сделался переход от них к Премудрости, в тайне сокровенной. Святитель Василий Великий (113, 23).

Истина **есть** несомненное понятие о сущем.

Кто не озарил ума своего Божественным учением, тот далек умом от истины. Преподобный Ефрем Сирин (27, 41).

Свойство истины таково, что она возвышается и в то время, когда многие восстают против нее (36, 538).

Во всем нужна благоумеренность души. Если истина касается такой души, то удобно овладевает ею. А если не овладевает, это происходит не от слабости истины, а от неразумия души (42, 225).

Таково свойство истины: от того, чем люди думают подорвать ее, она становится сильнее и сияет благодаря тому, чем хотят ее затмить (42, 377).

Кто ищет истины, в том должны соединиться все добродетели (44, 77).

Препоясанный истиною никогда не почувствует изнеможения, а если и утомится, получит подкрепление в той же истине (45, 204).

Хочешь увидеть луч света? Сделай глаза твои чистыми, здоровыми и зоркими. Господь показал тебе Свет истинный, но

если ты, избегая света, устремляешься во **Тьму**, — какое ты найдешь оправдание, какое прощение? (45, 18).

Нет ничего светлее и сильнее Истины... Истина открыто предлагает себя всем, желающим видеть ее красоту. Она не любит скрываться, не боится опасности и клеветы, не домогается народной славы, не подвержена ничему другому человеческому. Она стоит выше всего, подвергаясь, конечно, тысячам наветов, но оставаясь необоримой. Прибегающих к ней она охраняет, как крепкой стеной, величием своей силы. **Святитель Иоанн Златоуст (42, 184).**

Отец Истины не сотворил Истины, не существовавшей прежде, но, будучи Источником Света и всего благого, воссиял из Себя Единородный Свет Истины, через который всегда отображается слава Его Ипостаси. **Святитель Григорий Нисский (22, 168).**

СВИДЕТЕЛЬСТВО ИСТИНЫ*

Истина засвидетельствована на земле Духом Святым

Истина засвидетельствована на земле Духом Святым... Где нет свидетельства от Духа, там нет доказательств Истины **(111, 509).**

Истине соприсутствует Дух Святой. Он — Дух Истины. Лжи соприсутствует и содействует дух диавола, **который — ложь** и отец лжи **(108, 115).**

Если ум твой и сердце ничем не **исписаны** — пусть Истина и Дух напишут на них заповеди **Божии** и Его духовное учение **(108, 115).**

Может вещать Истина и внутри человека. Но когда? Когда, по слову Спасителя, человек облечется силою свыше: «Когда же придет Он, Дух Истины, то наставит вас на всякую истину» (Ин. 16, 13). **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (108, 120).**

Петр говорит: «Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный» (Лк. 5, 8). Петр исповедует себя грешником и осуждает себя как недостойного лицезреть Христа. Он будто заточает и изгоняет самого себя от лица Христова, как бы говоря: стыжусь грехов моих и боюсь лица Твоего. О Правосудный, видящий сокровенное! Я не смею смотреть на Тебя, недостойн быть пред лицом Твоим, но могу только стоять далеко от Тебя, как осужденный и изгнанный. Но «куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу?» (Пс. 138, 7). Ты Сам уйдешь на время от меня, как заходит солнце, а потом снова сияет. Уйди от меня, Свет мой, со страхом правосудия Твоего, которого я ужасаюсь, пока я не спрошу совесть мою, не исследую подробно грехи мои и не произнесу суда над самим собою. Тогда снова воссияй мне, Солнце мое, озаряя меня лучами благодати Твоей.

Таково-то значение слов Петровых, таков смысл, такова тайна. О добрый образ спасения грешников! О доброе наставление всем! Хочешь ли, грешник, быть неосужденным на Страшном суде Божиим? Осуди самого себя, предупреждая Суд Божий твоим самоосуждением. Не напрасно говорит апостол: «Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы» (1 Кор. 11, 31). Если каждый из нас научится знать и судить свои грехи, то избавится от вечного осуждения.

... Господь наш, сидя со Своими любимыми учениками на Тайной вечери (там же был и Иуда), начал говорить им о Своем предателе: «истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня» (Мф. 26, 21). Ужаснулись этому ученики Господни, и каждый из них, тотчас посмотрев в совесть свою и не найдя в себе никакой вины по отношению к Господу, отозвался: «не я ли, Господи?». Сказал это Петр, сказал Андрей, сказал Иаков, и каждый из них говорил одно и то же: «не я ли, Господи?» (Мф. 26, 22). Потом подошла очередь Иуды, и говорит он: «не я ли, Равви?» (Мф. 26, 25).

О окаянный Иуда! Ты следуешь за Христом, а с последователями Христовыми не соглашаешься; все Господа своего называют Господом, ты же один называешь Его только учителем, а не Господом: «не я ли, Равви?». Ну, Иуда, скажи, как и прочие апостолы: «не я ли, Господи?». Но не может Иуда произнести одного этого слова: «Господи», не может Господа назвать своим Господом, но только тем словом, которым намеревался предать Его, сказав: «радуйся, Равви!» (Мф. 26, 49). Прежде чем сказал это, лъстиво целуя Его, он уже на Тайной вечери проявил то, что держал в уме, говоря: «не я ли, Равви?» В обоих лукавых Иудиных фразах одно обращение: «радуйся, Равви!» и «не я ли, Равви?»

Почему же Иуда не мог произнести слова «Господь» и исповедать Господа своего именно Господом? Причину этого впоследствии объяснил апостол Павел, сказав: «никто не может назвать Иисуса Господом, как только Духом Святым» (1 Кор. 12, 3). Это слово «Господи», не иначе кто-либо может произнести, как только действием Святого Духа. Поскольку же Иуда не был сосудом Духа Святого, но сосудом диавола, то и слово «Господи» произнести не мог: он уже был не из числа рабов Господних, но из числа рабов сатанинских.

... Итак, когда святой Петр сказал Господу: «выйди от меня, Господи!», то в последнем слове «Господи» он проявил ту внутреннюю тайну своего сердца, что он есть раб Господень истинный, а не лицемерный, никогда не хотевший оставить Его, но готовый идти с Ним даже и на смерть. Проявилось же и то, что он уже начинал становиться сосудом Духа Святого и Духом Святым назвал Иисуса Господом.

Мы же из этого примера позаимствуем таинственное учение о том, чтобы поистине работать одному Господу нашему Иисусу Христу, а не маммоне, чтобы неосужденно и дерзновенно говорить Господу: «Господи». Если же мы будем работать иному, то есть миру, плоти и диаволу, а Господа нашего только напрасно будем называть Господом, то окажемся бесстыдными, дерзкими и лицемерными фарисеями. Святитель Димитрий Ростовский (103, 477 — 481).

Неслыханное и умом непостижимое дело: поверить небесным тайнам о Едином Боге, но троичном в Лицах, и о Божественных Его свойствах, о создании мира из ничего, но единым глаголом Божиим, о воплощении Сына Божия и рождении от Девы без семени, но без нарушения девства Ее, о вольном Его страдании и распятии на Кресте между злодеями, но за наши грехи, о Воскресении Его из мертвых, об оправдании верой в Него и вечном спасении единым именем Его, об Общем Воскресении мертвых в последний день, и восстании тел, рассыпавшихся в прах, и приведении их в гораздо лучшее состояние, и соединении с ним душ, о Вечной Жизни и будущих **благах**, — поверить всем этим и прочим таинствам и утвердиться в них **верой** — это дело невозможное для плотского ума человеческого, помраченного идолопоклонническим суевением. Но апостолы сделали это возможным и словом Божиим насадили в сердцах идолопоклонников, обветшалых и застарелых, святую веру и утвердили ее. И сердца их, напоенные любовью к миру и обычаям предков, как деревья водою, воспламенили к любви **Божией**, и желанию, и исканию вечных благ, которых не видел глаз, не слышало ухо, которые не приходили на сердце человеку (1 Кор. 2, 9). Воистину, через них говорил Сам Бог, ими проповедуемый, и слову Своему силу и действенность подавал, как написано: «Он дает гласу Своему глас силы» (Пс. 67, 34). Святитель Тихон Задонский (104, **855 — 856**).

«Я ... на то пришел в мир,
чтобы свидетельствовать о истине»

«Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего» (Ин. 18, 37).

Когда открылась Истина Небесная, когда Посланник Божий в нашей плоти явился на земле, тогда весь греховный мрак исчез: пали идолы, постыдилось язычество, скрылось суевение, вострепетала совесть, повинная греху, возрадовалась склонная к добродетели душа, узрев прямой путь спасения; нравы преобразились, святыня воцарилась, восторжествовала правда, Дух Святой покрыл всех своим осенением... Действие Истины через апостольскую ревность разогнало ложные и ввело прямые понятия о спасительных вещах.

Мир думал, что довольно заботиться об одной здешней жизни, а далее не простирает размышления своего. Дух Истины научил, что эта жизнь есть путь к будущей, и тогда она счастлива, когда ведет к Вечной. Мир думал, что счастье состоит в одних телесных увеселениях и в чувственных удовольствиях. А Дух Истины научил, что прямое удовольствие состоит в непорочной совести и что его не нарушают ни слезы, исторгаемые терпением за правду, ни гонения, которые еще более укрепляют в твердости добродетельного подвига, ни страдания, которыми тем более обновляется дух, чем более разрушается тело. Мир думал, что для богопочитания довольно соблюдать одни внешние обряды, и тем мнил удовлетворить Божеству. Дух Истины научил, что угодная Богу жертва есть сердце сокрушенное и смиренное и что истинное благочестие требует добродетельной жизни. Мир думал, что все подвержено случаю, хитростям и проискам человеческим. Но Дух Истины научил, что всем управляет Отеческий Божий Промысл и что все тщетно, если не подкрепляет Его рука. Мир думал, что довольно для оправдания перед Богом своих так называемых добрых дел. Дух Истины научил, что и все наши добрые дела недостаточны и смешаны со страстями, что они тогда действительны, когда им содействует Евангельская благодать. Мир думал, что божеством могут быть вещественные, суею человеческою изобретенные идолы, но Дух Истины научил, что «Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине» (Ин. 4, 24). Так мир думал. И может ли быть прощательным теперь, при познании Духа Истины, после **осияния** нас евангельским светом, если мы будем замечены в подобных мнениях?..

Истина, если она только произносится устами или только выражена словами, еще не есть то, что она в себе имеет наилучшего и величайшего; мало, чтобы она сияла только снаружи. Ее престол есть сердце, сердце как источник чувств, начало склонностей, основание действий. Нельзя, чтобы она обитала на устах, когда ее нет в сердце; так же, как если она скрыта в сердце, но не появляется на устах или и появляется, но бледно и робко, она теряет достоинство свое. Если бы человек

для одного себя стяжал эту добродетель, подлинно она была бы для него наилучшим украшением; была бы украшением, но не была бы необходима и полезна. Дар слова мы имеем не для себя, но и для других. Если бы человек был только один на свете, для кого бы он выражал свои мысли? Кого бы он мог осиять светом своей Истины? Истина нужна нам и другим, полезна нам и другим. Она есть священный союз, который связывает общество с нами и нас связывает с обществом. По замечанию Псалмопевца, «приступит человек, и сердце глубоко» (Пс.63, 7), и необходимо для счастья рода человеческого, чтобы мы были искренни, чтобы Истина предшествовала и последовала всем действиям нашим.

... Но хитрые действия духа лукавого многообразны: некоторым он связывает язык, чтобы не говорили правды. Ибо, по Евангелию, он есть «отец лжи» (Ин. 8, 44). Прельщает различными образами: говорить-де **правду**—потерять дружбу; говорить **правду**—потерять прибыль; говорить **правду**—пробудить к себе ненависть; говорить **правду**—иногда самого себя обвинить. Ну так пусть же сердце твое противоречит устам! Береги дружбу, храни прибыль, скрывай виновность свою: в этом будет наибольшая удача для духа немого. Но какое твое, несчастный, в том приобретение? Истина во устах Божиих, ты ли ею гнушаешься? Правда престолы утверждает, ты ли сомневаешься утвердить на ней счастье твое? Прямое и открытое сердце есть жилище Святого Духа: зачем же ложью Его выгоняешь? «Да наполнятся уста мои хвалою» (Пс. 70, 8); «хвала Ему непрестанно в устах моих» (Пс. 33, 2)... Если и немому нам быть, то полезнее немотою связать язык свой на клевету, на осуждения, на срамословие, на хулу. Такая немота духу немому противна, а Святому Духу приятна и радостна. Да и помнится, мы в Крещении отрекались от духа лжи, когда облакались в новую ризу святости и истины. Платон, митрополит Московский (105, **300—305**).

Святой Иоанн свидетельствовал о Христе Иисусе, что Он есть воистину «Агнец Божий, который берет на Себя грех мира» (Ин. 1, 29), что **Он**—обетованный Избавитель, ожидаемый всеми. Слышали это бывшие при нем и уверовали. От них прошло это свидетельство в народ, и все стали думать, что засвидетельствованный **Иоанном**—не простой человек. Спаситель указал на это, когда в последние дни предложил в храме первосвященникам вопрос: «Крещение Иоанново с небес было, или от человеков?» (Мк. 11, 30). Те устранились от ответа, потому что им нельзя было не видеть, что Иоанн не сам от себя пришел, крестя водою. Но скажи они это, тотчас должны были бы признать и свидетельство его, что перед ними Обетованный, и вследствие того покориться Его учению. А этого они не хотели не по каким-либо основательным причинам, а по одному предубеждению. Но их упорство нисколько не умаляет силы свидетельства святого Иоанна. Оно и до сих пор столь же удостоверительно, как было, когда исходило из уст его. И мы слышим Иоанна, указующего нам истинного Избавителя, и тем оживляем свою веру, как веру, имеющую осязаемые доказательства. **Епископ Феофан Затворник** (107, 13—14).

Что значит жить в истине?

Что значит «ходить в истине» (Пс. 85, 11)? Значит, приняв истину в сердце, так держать себя в мыслях и чувствах, как требуется истиной. Бог есть везде и все **видит—это** истина; кто

примет эту истину сердцем и станет держать себя и внутренне, и внешне так, как бы перед ним был Сам Бог и все в нем видел, тот будет и ходить в этой истине. Бог все содержит, и без Него мы ничего не можем успешно **делать — это** истина; кто примет ее сердцем и станет во всем, что бы ни делал, обращаться в молитве за помощью к Богу и принимать все, что бы с ним ни случилось, как от руки Господней, тот будет ходить в этой истине. Смерть каждый час может нас похитить, а по смерти тотчас и **Суд — это** истина; кто примет эту истину сердцем и станет так жить, как бы должен был сию же минуту умереть и предстать на Суд Божий, тот будет ходить в этой истине. Так и относительно всякой другой истины (107, 46—47).

Истину Воскресения разум может доказывать своими соображениями, на основании Писания. И силу его доводов не может не признать неверующий, если не заглушено еще в нем чувство истины. Верующий же не требует доказательств, потому что Церковь Божия преисполнена светом Воскресения. Верны и убедительны оба эти указателя истины. Но против соображений разума могут рождаться и встречаться противоположные соображения. И вера может вызывать возражения и колебаться недоумениями и сомнениями, приходящими извне и возникающими внутри. Нет ли непреступной ограды для истины Воскресения? Есть. Когда сила Воскресения, воспринятая человеком еще в Крещении, начнет действительно обнаруживаться в прекращении растления души и тела, в водворении в них начал новой жизни, такой человек будет ходить в свете Воскресения. И ему безумным покажется всякий возражающий против истины Воскресения, как тому, кто ходит во дне, говорящий, будто теперь ночь (107, 102—103).

Что подвигло сирофиникиянку прийти к Господу и быть **столь** неотступной в прощении? (Мк. 7, 24—30). Сложившийся образ убеждений: она была убеждена, что Спаситель силен исцелить ее дочь, и пришла к Нему; была убеждена, что Он не оставит без удовлетворения прощения ее и не переставала просить. Убеждения — итог всей жизни, воспитания, ходячих мыслей, впечатлений от окружающего, от встречаемых учений и разнообразных случаев и занятий в жизни. Под действием всего этого работает мысль и доходит до известных убеждений. При этом надо иметь во внимании, что всюду есть и отовсюду теснится в душу человека Истина Божия. Истина лежит в сердце человека; истина Божия отпечатлена на всех тварях: есть истина Божия в обычаях и нравах человека; есть она и в **учениях** — больше или меньше. Но всюду же есть и ложь. Кто от Истины, тот собирает истину и полон убеждений истинных, спасительных. А кто не от Истины, тот собирает ложь и полон убеждений ложных, заблуждений пагубных. От человека ли зависит жить в Истине или вне **Истины** — всякий разбери сам; а между тем Суд Божий всех ожидает. Епископ Феофан Затворник (107, 293—294).

Исповедничество

«**Всякого**, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф. 10, 32).

Дерзновенное открытое исповедание **Христа** и предпочтение

этого исповедания всему другому так велико и дивно, что Сын Божий... исповедует такого человека перед Отцом Своим, хотя это воздаяние и несоразмерно (42, 109).

Исповедовать (Господа) только на словах, а в делах показывать противное не только бесполезно, но и вредно для нас (42, 135).

Те, которые за истину и исповедание Христа подвергаются каким-либо бедствиям и терпят поношение, удостоиваются за это и особенных почестей. Святитель Иоанн Златоуст (42, 385).

«Горе же беременным и питающим сосцами в те дни!» (Мф. 24, 19),— сказано душам, которые чреваты Божественной любовью, но не осмеливаются свободно изречь и исповедать веру в Бога и твердо стоять за нее, а приобрели только детское и несовершенно понятие о Божием долготерпении и не имеют твердого упования, но угрозами или нападениями приведены в расслабление и лишили себя будущего. Преподобный Исидор Пелусиот (116, 412).

Сердце имеет нужду в устах, ибо что пользы веровать в душе и не исповедовать перед людьми? Хотя вера оправдывает в уме, но совершенное спасение зависит от исповедания, ибо тогда вера сияет для многих. Но и уста имеют нужду в сердце. Многие исповедуют Христа лицемерно, а сердце их далеко отстоит от Него. Блаженный Феофилакт Боморский (113, 90).

Таким верным и всякого приятия достойным считали свое учение святые мужи и посланники **Божии**, что не поколебались истину Его кровью своей запечатлеть и отвержением жизни **своей** утвердить. Кто за прелесть и ложь захочет умереть? Прелесть непостоянна и **боязлива — истина** тверда и непоколебима; прелесть появится и как дым исчезает, но «истина Господня пребывает вовек» (Пс. 116, 2).

Так своим примером учат нас святые **Божии** люди, что и мы должны до крови стоять и умереть за истину святого учения. Святитель Тихон Задонский (104, 857—858).

«Всякого, кто исповедает меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф. 10, 32). Трудно ли исповедать Господа? Никакого нет труда. Какой труд сказать, когда требуется, что Господь наш Иисус Христос есть Единородный Сын Божий и Бог, Который ради нас пришел на землю, воплотился от Духа Святого и Марии Девы и вочеловечился, был распят, пострадал, погребен, воскрес в третий день, восшел на Небеса, и сидит одесную Бога Отца, и опять придет судить живых и мертвых; что Он послал Духа Святого на святых апостолов, силою Его устроивших на земле Святую Церковь, которая, научая истине и освящая Таинствами, правильным путем ведет всех верных чад своих в Царство Небесное? Все это мы повторяем всякий раз, когда слышим и читаем Символ веры. Так возьми эти истины, запечатлей их в сердце своем и будь готов, не боясь никакого человеческого лица, заявить, что так, а не иначе нужно веровать, чтобы спастись, готовясь вместе потерпеть и то,

что за это в ином случае достанется тебе. Заграждай уста учителей лжи и хулителей христианства словом **ИСТИНЫ**—и получишь то, что обетовано Господом. Ты исповедуешь Его Богом и Спасителем перед людьми, а Он перед Богом Отцом исповедует, что ты верный Его последователь и исповедник (107, 176—178).

«Кто примет Меня, тот принимает Пославшего Меня»,—сказал Господь (Лк. 9, 48), а пославший Его есть Бог, следовательно, кто исповедует Господа, тот Бога исповедует, а кто не исповедует Его, тот и Бога не исповедует. Скажешь: «я исповедую Христа великим, премудрым, всемирным учителем». Нет, исповедуй Его так, как Он Сам говорит о Себе; а Он говорит о Себе, что Он и **Отец—одно**, Лица единого Божеского естества, раздельные, но единосущные и сопрестольные. Кто не исповедует так, тот, как бы ни величал Господа, все равно что не исповедует Бога. Потому каким почитателем Бога ни называй себя, ты не почитатель Его, если не исповедуешь Господа Иисуса Христа Сыном Божиим Единородным, воплотившимся ради нас и спасшим нас Своею крестной смертью. Не все равно, какого Бога исповедуешь, лишь бы исповедать: поклонявшиеся солнцу и звездам или вымышленным существам не называются почитателями Бога, потому что не то считали Богом, что есть Бог, Так и тот, кто не исповедует Господа, не есть почитатель Бога, потому что не того Бога исповедует, который есть Истинный Бог. Истинного Бога нет без совечного и собезначального Сына. Потому если не исповедуешь Сына, не исповедуешь и Бога Истинного. Какая цена твоему **исповеданию**—**один** Бог рассудит; но так как нам Бог открыт Богом Истинным, то помимо этого откровения нельзя иметь Бога Истинного. **Епископ Феофан Затворник** (107, 350—351).

Собрался **синедрион**—то самое судилище, которое несколько недель назад осудило Иисуса Христа на смерть. Председательствовал тот же первосвященник **Каиафа**, в собрании находился и тесть его, прежний первосвященник Анна. Эти и другие важнейшие в народе лица, происходившие из рода первосвященнического, собрались, чтобы общими силами положить конец столь ненавистному для них делу. Приводят апостолов и исцеленного и спрашивают апостолов: «Какою силою или каким именем вы сделали это?» (Деян. 4, 7). Апостолы теперь находились в том самом положении, которое Иисус Христос давно уже предсказал им (Мф. 10, 17—18). Петр и Иоанн, два галилейских рыбака, могли ли без содействия Духа Истины, без вдохновения свыше дать достойный ответ? И Петр отвечает: «начальники народа и старейшины Израильские! Если от нас сегодня требуют ответа в благоденствии человеку немощному, как он исцелен, то да будет известно всем вам и всему народу Израильскому, что именем Иисуса Христа Назорея, Которого вы распяли, Которого Бог воскресил из мертвых, Им поставлен он перед вами здрав. Он есть камень, пренебреженный вами жиждущими, но сделавшийся главою угла, и нет ни в ком ином спасения, ибо нет другого имени под небом, данного человеку, которым надлежало бы нам спастись» (Деян. 4, 8—12). Так говорит теперь перед Верховным Судилищем тот, который несколько недель назад, при вопросе ничтожной рабыни, троекратно и с клятвою **отвергся** Господа своего. Ответ апостола не мог не казаться слишком смелым, тем более, что слышали его из уст человека необразованного, не учившегося у знаменитых раввинов... но отвергать подлинность чуда **было** невозможно. И люди, имеющие власть, решают: «чтобы более не Разгласилось это в народе, с угрозою запретим им, чтобы не говорили об имени сем никому из людей» (Деян. 4, 17). Но апостолы ответили то, что

и должен ответить каждый свидетель Истины: «судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога» (Деян. 4, 19). **Христианское чтение (114, 189—190).**

Не словом **только**,— замечает святитель Иоанн **Златоуст**,— но и силою апостолы засвидетельствовали Воскресение. Так и Павел говорит: «И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы» (1 Кор. 2, 4). И действительно, об этой великой силе свидетельствует вся Книга Деяний апостольских, свидетельствуют и все послания их. Тотчас по сошествии Святого Духа, когда все ужасались и недоумевали, Петр безбоязненно засвидетельствовал, что Бог воскресил Иисуса Назорея, и сила свидетельства была так велика, что к верующим «присоединилось в тот день душ около трех тысяч» (Деян. 2, 41). В другой раз, после исцеления хромого, апостолы исповедали имя Божие перед синедрיוном.

Настало время свидетельствовать о Воскресении Господа Иисуса не только словом, но и делом; и свидетельствуют о нем апостолы «с великою силою» (Деян. 4, 33). Их заточали в темницу, их били, запрещая говорить об имени Иисусовом, а они продолжали свое святое дело, «радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие. И всякий день в храме и по домам не переставали учить и благовествовать об Иисусе Христе» (Деян. 5, 41—42).

И когда настало время засвидетельствовать о Воскресении Господа Иисуса перед народами и царями, они пребывают за это «в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями» (2 Кор. 11, 26), терпят «голод и жажду, и наготу и побои» и скитаются, становятся как бы отребьем для мира (1 Кор. 4, 10—12), вменяя все это в ничто ради Господа Иисуса Христа. И это продолжалось всю их земную жизнь, пока почти все они не запечатлели этого свидетельства мученическою смертью.

Простирается ли и на нас обязанность с великой силой свидетельствовать о Воскресении Господа Иисуса или это было делом только апостолов и первых благовестников?

Евангелист Лука, повествуя о свидетельстве апостолов, дает понять, что и все верующие служили видимым удостоверением в истине Воскресения Христа. Их чистая и богобоязненная жизнь невольно располагала к ним сердца всех и служила самым лучшим удостоверением в истине Воскресения (Деян. 2, 44—47; 4, 32—33), потому что в них жил и действовал Дух Господа Иисуса. Такое свидетельство о Воскресении Христа и является обязанностью всех христиан, когда бы и где бы они ни жили. Мы не только веруем во Христа Иисуса, распятого за нас и воскресшего ради нас, но и таинственно сораспинаемся и спогребаемся Ему и совоскресаем с Ним. «Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? И так мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной

жизни... Ибо что Он умер, то умер однажды для греха, а что живет, то живет для Бога. Так и вы почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 6, 3—11). Вот самое лучшее и непререкаемое свидетельство Воскресения Иисуса Христа. Все другие свидетельства, без него, не могут вполне уверить неверующего, потому что в ином случае собственная жизнь наша будет противоречить нашим уверениям и опровергать их собою. Только при таком свидетельстве о Воскресении Иисуса Христа мы можем надеяться стать сонаследниками Христа, «чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8, 17). **Воскресное чтение (114, 194—196).**

Богом установленное богоугодное исповедание человеком Бога есть знамение избрания Богом этого человека (111, 176).

Исповедание слабое, двусмысленное не принимается, отвергается как непотребное, как недостойное Бога. Недостаточно исповедание в тайне души, необходимо исповедание устами и словами. Недостаточно исповедание словом, необходимо исповедание делами и жизнью. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (111, 176).**

Мученичество

Смерть **мучеников** — начало лучшей жизни, вступление в жизнь духовную (36, 569).

Мученики, подвергаясь страданиям, не только не малодушествовали, не только не скорбели, но радовались, торжествовали и ликовали (35, 638).

Мучеником делает не только смерть, но душевное расположение; не за конец дела, но и за намерение часто сплетаются венцы мученичества (36, 645).

Смерть мучеников есть поощрение верных, дерзновение Церкви, утверждение христианства, разрушение смерти, доказательство Воскресения, осмеяние бесов, осуждение диавола, учение духовной мудрости, презрение к благам настоящего, побуждение к терпению, руководство к мужеству, корень, источник и мать всех благ. **Святитель Иоанн Златоуст (36, 732).**

За раны на теле в Воскресение процветет на мучениках светлое одеяние, за бесчестие получают они венцы, за **темницу** — рай, за осуждения и **злодеяния** — **пребывание** с Ангелами. **Святитель Василий Великий (7, 274).**

Конечно, всех мучеников должно чествовать, а все прочее почитать ниже их подвига. Многие служат для нас руководством к лучшей жизни и многое назидает в **добродетели** — **разум**, закон, пророки, апостолы, страдания Христа. Он стал первым Мучеником, Который взошел на Крест и меня воздвиг с Собою, чтобы пригвоздить мой грех, восторжествовать над змием, освятить **древо**, победить сластолюбие, спасти Адама и восстановить падший образ. Однако при столь многих и столь превосходных наставниках не менее поучительны для нас и **мученики** — Духовные всесождения, совершенные жертвы, приятные **прино-**

шения, проповедание Истины, обличение, исполнение духовно постигаемого закона, разрушение заблуждения, гонение порока, потопление греха, очищение мира (12, 248).

Закон мученичества: щадя гонителей и немощных, не выходить на подвиг самовольно, но **выйдя** — не отступать, потому что **первое — дерзость, а последнее — малодушие. Святитель Григорий Богослов (14, 57).**

Насколько высока честь **мученичества** — это измерил Сам Сын Божий распростертыми на кресте руками. Он **нашел** эту честь выше всяких почестей, которые получают чины всех святых. Ибо Господь наш, приняв на Себя человеческое естество и желая плотию достигнуть Своей славы, которую Он имел у Отца «прежде бытия мира» (Ин. 17, 5), прошел чины всех святых. И нигде не воспринял Он эту славу, как только в мученическом чине: начав входить в него, Он тотчас воскликнул: «Ныне прославился Сын Человеческий» (Ин. 13, 31).

Был Он пророком, ибо пророчествовал о пленении Иерусалима и предсказал Страшный Судный день, но прославился не в пророческом чине. Был Он и апостолом: будучи послан Отцом благовестить миру Евангелие царствия, Он проходил по городам и селениям, проповедая и благовествуя Царствие **Божие** (Лк. 8, 1), но не прославился Он и в апостольском чине. Он был пустынный: «Поведен был духом в пустыню» (Лк. 4, 1); был постником: сорок дней постился, но ни в пустынноическом и ни в постническом чине Он не прославился. Был Он преподобным, как говорит о Нем апостол: «Святой, непричастный злу, непорочный» (Евр. 7, 26), но и не в этом чине Он прославился. Он был чудотворец, изгонявший бесов, исцелявший слепых, хромых, расслабленных и воскрешавший мертвых, однако не говорит Он, что был прославлен в этом чине. Когда же после Тайной вечери Он готовится к мученичеству и выходит на этот путь, тогда Он и говорит ученикам: «Ныне прославился Сын Человеческий». После же крестных страданий, явившись по Воскресении Луке и Клеопе, Он сказал: «Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?» (Лк. 24, 26). Смотри, как высоко было величие мученической чести, что даже Самому Христу через мученичество подобало войти в славу Свою.

Святой Златоуст, рассуждая об этом величии мученической чести, пишет об узничестве Павла: «большая честь и слава быть узником Христовым, нежели апостолом, нежели учителем, нежели **благовестником**». Этот учитель считает мучеников даже выше Ангелов. Беседуя о Петре, посаженном в темницу за Христа, он говорит: «Если бы мне кто сказал: кем хочешь быть: Ангелом или Петром в узах, то я захотел бы лучше быть Петром, связанным за Христа двумя железными узами». Но что еще удивительнее, так это следующие его слова: «Мне желательнее жестоко страдать за Христа, нежели почитаться от Христа; это есть великая честь, это есть слава, превосходящая все». **Святитель Димитрий Ростовский (103, 510—511).**

Святитель Амвросий рассказывает, что Петр, выходя из Рима, увидел Господа, идущего навстречу, и спросил: «Куда Ты, Господи, идешь?» «Иду в Рим на **страдания**», — ответил Господь, объявляя тем волю Свою пострадать в Своих учениках. Петр понял эту волю Господа и возвратился в Рим. В это-то время писал он к малоазийским христианам второе послание, в котором как бы намекает на то, что рассказанный случай: «скоро должен оставить хramину мою, как и Господь наш Иисус Христос открыл мне» (2 Пет. 1, 14). В этом **послании** — последнем апостольском завещании святого Петра **верным** — он увещевает христиан преуспевать в познании веры, умоляет остерегаться лжеучителей, учит, как нужно вести себя в ожидании пришествия Христова. По свидетель-

ствам древних, когда святой Петр узнал, что его осудили на крестную смерть, просил своих мучителей, чтобы его распяли головой вниз, потому что считал себя недостойным страдать и умереть так же, как Богочеловек. Воскресное чтение (114, 407).

Однажды братия сидели у аввы Моисея и он сказал: «Сегодня придут варвары в **скит**—вставайте и бегите». Братия спросили: «А ты, авва, почему не бежишь?». Он ответил: «Я уже столько лет жду этого дня, чтобы исполнились слова Господа: «все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26, 52). Братия сказали: «Так и мы не побегим, но умрем с тобой». «Это ваше **дело**,—отвечал им авва **Моисей**,—пусть каждый решит за себя». С ним было семеро **братий**. Варвары пришли и убили их. Только один из них, испугавшись, спрятался за корзинами. Он видел, что семь венцов сошли с неба и увенчали праведников. Лавсаик (74, **132—133**).

Подвиг бескровного мученичества во имя Истины

А как можно теперь подражать мученикам? Теперь не время гонений? Знаю и я, что не время гонений, но время мученичества, не время таких подвигов, но время венцов; не преследуют **люди**—преследуют бесы; не гонит **мучитель**—гонит диавол. Ты не видишь перед собой углей, но видишь разжженный пламень похоти. Мученики попирали угли, а ты попирай огонь естества, они боролись со зверями, а ты обуздывай гнев, этого дикого зверя. Святитель Иоанн Златоуст (36, 724).

Хотя не время теперь мученичеству, сделаемся мучениками в совести, восстанем против диавольских умыслов смиренномудрим, терпением, любовью к **Богу** и к ближнему, угождением друг другу ради **Бога** во исполнение заповедей Спасителя. Преподобный Ефрем Сирин (27, 279).

Не только те мученики, которые приняли смерть за Христа, но и те, которые умирают за соблюдение заповедей Христовых. Вы сами, если захотите, можете ежедневно проходить подвиг мученичества, можете, подобно мученикам, и теперь страдать за **Христа**—**каждый** день, каждую ночь и каждый час. Как же это может быть? Если и вы установите брань с мысленными врагами **нашими**—**демонами** и будете всегда противостоять греху и своей страстной воле; те противостояли мучителям, а вы противьтесь демонам и пагубным плотским страстям, которые тиранически устремляются на душу нашу каждый день, каждую ночь и каждый час и понуждают нас делать то, что не сообразно богопочитанию и чем прогневляется Бог, Итак, если и мы противостанем всему такому, не послушаемся советов лукавых демонов и не станем творить волю плоти и помышлений и питать ее удовлетворением ее бесчинных похотей, то по всей справедливости будем и мы мучениками, воюющими против греха. Преподобный Симеон Новый Богослов (61, 49).

Подвиг бескровного, духовного **мученичества**—сугубый, ибо и природные, естественные страсти в человеке бывают двойные. Человек, одаренный от Бога разумной душой, имеет от природы в естестве своем Две стороны: **похотную** и яростную. Обе эти страсти вместе с человеком Родятся, живут и умирают: как похотное, начиная от юности и до самой старости, до гроба, не оставляет человека, так и яростное держится в нем

от начала жизни и до самой его кончины. Похотное живет и господствует в теле человека, а яростное в душе его. Поэтому желающий претерпеть духовное мученичество ради любви ко Христу должен совершить двоякий подвиг борьбы с этими сугубыми страстями: плотской и душевной, с похотной, повторяю, и с яростной страстью, то есть победить как природные плотские вожделения, так и страсти душевные; ибо **одно** — страсти плотские, **другое** — страсти душевные, точно так же, как похотное и **яростное** — не одно и то же. Плотские страсти содержатся в видимых плотских чувствах, каковы: сластолюбие, похотение, плотоугодие и прочее, услаждающее чувства. Душевные же страсти заключаются в невидимом и неведомом сердце, каковы: гнев, ярость, злоба, злопамятство, ненависть и тому подобные страсти, содержащиеся как злые помыслы в сердце и в свое время проявляющиеся в деле.

Об этих плотских и душевных страстях упоминает святой апостол Павел, говоря колоссянам: «умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть» (Кол. 3, 5). **Это** — о плотских страстях. О душевных же он говорит следующее: «отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, скверну уст ваших; не говорите лжи друг другу» и прочее (Кол. 3, 8—9). Из этих апостольских слов ясно видно, что существуют двоякие страсти: плотские и душевные, требующие и двоякого подвига от желающего исполнить мученичество бескровное или духовное. Святитель Димитрий Ростовский (103, 695—696).

Противление истине

«Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое.
...Но я избрал вас от мира» (Ин. 15, 19).

Где Дух Святой, там, как тень, следуют гонения и брань. Видишь, как пророки... были всегда гонимы... как были гонимы Господь и апостолы. **Преподобный Макарий Египетский (33, 115).**

Гонения укрепляют душу в благочестии; в опасностях душа закаляется, как раскаленное железо в воде (11, 119).

Гонения делали Церковь еще более славною через страдания. **Святитель Григорий Богослов (12, 276).**

Бог допустил немедленно быть гонениям (на первых христиан), чтобы кто-нибудь не сказал, что проповедь Христа утвердилась случайно **или** через обман, чтобы обнаружился огонь их веры и явлено было, что не человеческое убеждение, но сила Божия дала такую крепость душам верующих, что они готовы были перенести даже тысячу смертей... (45, 478).

Ни гнев царя, ни коварство воинов, ни зависть врагов, ни плен, ни пустыня, ни огонь, ни печь, ни тысячи **бедствий** — **ничто не** может победить или утратить праведника (36, 65).

Думаешь, не великое **гонение** — быть в безопасности? Это есть тягчайшее из всех гонений, (для души) это хуже самого гонения. **Святитель Иоанн Златоуст (436, 230).**

«И будете ненавидимы всеми за имя Мое» (Лк. 21, 17).

Мир, враждебный Богу, враждебен и слугам Его, ибо ненавидящий господина ненавидит и раба его. Будете ненавидимы всеми, говорит Господь, ибо и Я ненавижу всеми, любящими мир сей. И не удивляйтесь тому, что вас, верных рабов Моих, не любит мир, ибо сначала Меня не захотел он любить. «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел» (Ин. 15, 18).

Но какова причина ненависти мира?.. «Будете,— говорит,— ненавидимы». Причина та, что рабы Христовы, уйдя от мира и последовав за Христом, стали лучшими, сделались чуждыми миру и своими Богу. Поэтому Христос говорит: «Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Ин. 15, 19). Все, что Христово, ненавистно миру. Мир любит свое, и как только сделаешься Христовым, тотчас же возненавидит тебя мир. Желющие жить благочестиво и угождать Христу будут гонимы миром. Почему же? Потому, что они добродетельны. Зло, естественно, не любит добра, тьма ненавидит свет, и мир, лежащий во зле, не любит добрых и сияющих добрыми делами гонит, сам будучи исполнен тьмы и мрака.

Удивляемся святому Иосифу, неповинно вверженному в темницу в Египте, вверженному той женой, которая исполнилась к нему в сердце своем пламенной любовной страстью. И как могла эта любовь превратиться в ненависть и злейшую вражду?.. Она тогда восстает на Иосифа, когда он проявляет себя лучшим и светлейшим в добродетели, когда он выказывает презрение к греховным вожделениям, когда отвергает женские неистовые любовные стремления, когда вырывается из рук бесстыдницы и убегает от нее; только тогда его ввергают в темницу и надевают ему железные оковы. «Стеснили оковами ноги его; в железо вошла душа его» (Пс. 104, 18). Хорошо говорит об этом святой Амвросий: какая причина, спрашивает он, этого мучительства? Причина только в том, что жена видела юношу противящимся ее страсти и отвергавшим ее вожделения. Смотри, из-за чего отвергается темница, чтобы принять в себя неповинного, освобождаются злодеи от уз, чтобы возложить их на добродетельных, выпускаются прелюбодеи, а целомудренный заключается!

Поруганию, тягчайшим мукам и смерти предавал мир святых мучеников, ибо они были неугодны ему. Неугодны же потому, что были добры, кротки и богоугодны, удалялись от **всякой** мирской нечистоты и обличали заблуждения и падения нечестивых. За это они, подобно целомудренному Иосифу, страдали в темницах, и каждый из них, как Авель, принял смерть из-за угождения Богу. Но чего достиг мир, ненавидя и убивая святых? Он погибает сам, а они живут вовеки, и награда им — от Господа. Святитель Димитрий Ростовский (103, 612—614).

КРЕСТ *

Тайна Креста Господня — тайна спасения мира

Кто может достаточно изъяснить тайну Креста, послужившего орудием страданий Спасителя? В самом деле, сколько было других способов, посредством которых Он мог исполнить совет Свой относительно страдания за нас! И однако из всех Он пожелал и избрал один этот, как Сам предрек о Себе: «Сыну Человеческому должно много пострадать»... (Лк. 9, 22). Заметь, как говорит Он здесь: не просто только и в общих чертах предсказывает Свои страдания, как сделал бы кто другой, но, по некой таинственной необходимости, обозначает и как бы узаконивает для Себя один род смерти: «Сыну Человеческому надлежит быть предану в руки человеков грешников, и быть распяту, и в третий день воскреснуть» (Лк. 24, 7).

Вникни в значение этого «надлежит», и ты увидишь, что в нем заключается именно нечто такое, что не допускает другого рода смерти, кроме Креста. В чем же причина этого? Один Павел, восхищенный в притворы рая и слышавший в них неизреченные глаголы, может изъяснить ее... может истолковать эту тайну Креста, как отчасти и сделал это в послании к Ефессянам: «чтобы Вы... могли постигнуть со всеми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота, и уразуметь превосходящую разумение любовь Христову, дабы вам исполниться всею полнотою Божию» (Еф. 3, 18—19). Не произвольно, конечно, божественный взор апостола созерцает и начертывает здесь образ Креста, но уже это показывает, что чудесно очищенный от тьмы неведения взор его ясно прозрел в самую суть. Ибо в очертании, состоящем из четырех противоположных перекадин, выходящих из общего средоточия, он усматривает всеобъемлющее могущество и дивное промысление Того, Который благоволил явиться в нем миру. Потому-то апостол каждой из частей этого очертания усваивает особое наименование, а именно: ту, которая нисходит из середины, называет глубиной, идущую **вверх** — высотой, обе же **поперечные** — **широтой** и **долготой**. Этим он, как мне кажется, ясно хочет выразить, что все, что ни есть во вселенной, превыше ли небес, в преисподних ли, или на земле от одного края ее до **другого**, — **все** это живет и пребывает по Божественной **Воле** — под осенением крестным.

* См. также т. 1, с. 542; т. 2, с. 72—74; т. 3, с. 664—665; т. 4, с. 725—726 настоящего издания.

Можешь еще созерцать божественное и в представлениях души твоей: воззри на небо и умом обними преисподнюю, простри мысленный взор твой от одного края земли до другого, помысли при этом и о том могучем средоточии, которое все это связывает и содержит, и тогда в душе твоей само собою вообразится очертание Креста, простирающего свои концы сверху вниз и от одного края земли до другого. Это очертание представлял и великий Давид, когда говорил о себе: «Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу? Взойду ли на небо (это **высота**) — Ты там; сойду ли в преисподнюю (это **глубина**) — и там Ты. Возьму ли крылья зари (то есть с востока **солнца** — это широта) и переселюсь на край моря (а морем у Иудеев назывался **запад** — это **долгота**), — и там рука Твоя поведет меня» (Пс. 138, 7—10). Видишь ли, как Давид изображает здесь начертание Креста? «Ты, — говорит он **Богу**, — повсюду существуешь, все Собою связуешь и все в Себе содержишь, Ты вверху и Ты внизу, рука Твоя одесную и рука Твоя ошуюю». По той же причине и божественный апостол говорит, что в это время, когда все будет преисполнено веры и ведения, Сущий превыше всякого имени будет призываем и поклоняем о имени Иисуса Христа от небесных, земных и преисподних (Еф. 1, 21; Флп. 2, 10).

По моему мнению, тайна Креста скрыта также и в иной «йоте» (если рассматривать ее с верхней поперечной чертой), которая крепче небес и тверже земли и прочнее всех вещей и о которой говорит Спаситель: «доколе не пройдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не пройдет из закона» (Мф. 5, 18). Мне кажется, что эти божественные слова имеют в виду таинственно и гадательно (1 Кор. 13, 12) показать, что образом Креста все содержится в мире и что он вековечнее всего содержимого им.

По этим-то причинам Господь не просто сказал: «Сыну Человеческому надлежит умереть», но «быть распяту», для того, то есть, чтобы созерцательнейшим из богословов показать, что в образе Креста сокрыта всемогущая сила Того, который почил на нем и **благоизволил**, чтобы Крест стал всем во всем! Святитель Григорий Нисский (116, 598—599).

Если смерть Господа нашего Иисуса Христа есть искупление всех, если смертью Его разрушается средостение преграды и совершается призвание народов, то как бы Он призвал нас, если бы не был распят? Ибо на одном Кресте претерпевается смерть с распростертыми руками. И потому Господу нужно было претерпеть смерть такого рода, распростереть руки Свои, чтобы одной рукой привлечь древний народ, а **другой — язычников**, и обоих собрать воедино. Ибо Сам Он, показывая, какой смертью искупит всех, предсказал: «И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе» (Ин. 12, 32) (116, 596).

Иисус Христос не претерпел ни смерти **Иоанна — отсечением** головы, ни смерти **Исаии — перепиливанием** пилой, чтобы и в смерти Тело его сохранилось не рассеянным, чтобы этим отнять **повод** у тех, которые бы дерзнули разделять на части Его Церковь. Святитель Афанасий Великий (116, 596).

Как четыре конца Креста связываются и соединяются в центре, так Божией силой содержатся и высота, и глубина, и долготы, и широта, то есть вся видимая и невидимая тварь. Преподобный Иоанн Дамаскин (116, 596).

Крест четверочастен ради пригвожденного на нем Христа, Сына Божия, сотворившего и содержащего горнее и долнее, и все существующее, соединившего горнее с тем, что на земле, свыше нисшедшего, чтобы возвысить нас, воздвигшего из ада и из земных сделавшего нас небесными, **соединившего** все в Себе Самом и создавшего концы мира к поклонению Истинному и Живому Богу, все усвоившего Себе, воссоздавшего нас высотой славы и глубиной нищеты и смирения, и широтой милости и любви. Святитель Симеон Солунский (113, 283).

Все части мира были приведены к спасению частями Креста. Святитель Василий Великий (113, 283).

Кто не умилился, взирая на Странника, так бедно возвращающегося в Свой дом! Был Он у нас в гостях; мы дали Ему первый ночлег в стойле между животными, потом выпроводили Его в Египет к народу идолопоклонническому. У нас Он не имел где приклонить голову, «пришел к своим, и свои Его не приняли» (Ин. 1, 11). Теперь же отправили Его в дорогу с тяжелым Крестом: возложили на рамена Его тяжкое бремя грехов наших. «И, неся Крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное» (Ин. 19, 17), держащий «все словом силы Своей» (Евр. 1, 3). Несет Крест истинный **Исаак — древо**, на котором должен быть принесен в жертву. Тяжкий Крест! Под тяжестью Креста падает на дороге крепкий в бранях, «сотворивший державу мышцею Своею» (Лк. 1, 51). Многие плакали, но Христос говорит: «не плачьте обо Мне» (Лк. 23, 28); этот Крест на плечах есть власть, есть тот ключ, которым Я отопру и изведу из заключенных дверей адских Адама, «не плачьте». «Иссахар осел крепкий, лежащий между протоками вод; и увидел он, что покой хорош, и что земля приятна; и преклонил плечи свои для ношения бремени» (Быт. 49, 14—15). «Выходит человек на дело свое» (Пс. 103, 23). Несет престол Свой Архиерей, чтобы благословить с него простертыми руками все части света. Выходит на поле Исаав, взяв лук и стрелы, чтобы достать и принести дичи, «уловить лов» отцу своему (Быт. 27, 5). Выходит Христос Спаситель, взяв Крест вместо лука, чтобы «уловить тов», чтобы привлечь всех нас к Себе. «И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе» (Ин. 12, 32). Выходит мысленный Моисей, берет жезл, Крест Свой, простирает руки, разделяет Чермное море страстей, переводит нас от смерти к жизни, и диавола, как фараона, потопляет в бездне адской. **Святитель Димитрий Ростовский (103, 907).**

Крест — знамение истины

Крест есть знамение мудрости духовной, христианской, крепкой и сильной, как оружие крепкое, ибо премудрость духовная, крепкая, есть оружие против противящихся церкви, как говорит апостол: «Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, **спасаемых**, — сила Божия. Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну», и далее: «Еллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого... Божию силу и Божию премудрость» (1 Кор. 1, 18—19; 22—24).

В поднебесной живет двоякая мудрость у людей: мудрость мира сего, которая была, например, у эллинских философов, не знающих Бога, и мудрость духовная, какова она у христиан.

Мирская премудрость есть безумие перед Богом: «Не обратил ли Бог мудрость мира сего в **безумие**?» —говорит апостол (1 Кор. 1, 20); духовная же премудрость почитается безумием у мира: «для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие» (1 Кор. 1, 23). Мирская **мудрость** — **слабое** оружие, бессильное воинствование, немощная храбрость. Но какое оружие премудрость духовная, это видно из слов апостола: оружия воинствования нашего... сильные Богом на разрушение твердынь» (2 Кор. 10, 4); и еще «слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого» (Евр. 4, 12).

Образом и знамением мирской эллинской мудрости являются содомогоморские яблоки, о которых повествуется, что извне они прекрасны, внутри же их прах смрадный. Образом же и знамением христианской духовной мудрости служит Крест, ибо им явлены и как бы ключом открыты нам сокровища премудрости и разума Божия. Мудрость **мирская** — прах, а словом крестным мы получили все блага: «се бо прииде Крестом радость всему миру»... Святитель Димитрий Ростовский (103, 846).

Крест через неученых убедил и обратил целую вселенную, убедил не в предметах маловажных, но в учении о Боге, истинном благочестии, евангельской жизни и будущем Суде; он сделал философами всех... (44, 34).

Благодаря Кресту мы уже не блуждаем в пустынях, потому что познали истинный путь, уже не обитаем вне Царства, потому что нашли дверь (36, 443).

Крест обратил вселенную, изгнал заблуждение, явил Истину, землю сделал Небом, людей превратил в Ангелов. Святитель Иоанн Златоуст (46, 822).

Крест **Христов** —учение Христово. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (108, 355).

Крест — знамение будущего бессмертия

Крест — **знамение** будущего бессмертия. Преподобный авва **Исаия** (66, 338).

Видишь ли, чем диавол победил, тем и сам побежден; он через древо одолел Адама, и Христос древом же победил его. То древо низвело нас в ад, а это и низверженных в ад извело оттуда. То древо скрыло нагого пленника, а это обнаженного на высоком месте явило победителем. Та смерть пала и на потомков, а эта воскресила и бывших прежде Христа. Кто возвестит силы Господни? Из мертвых мы сделались бессмертными. Таковы **действия** Креста. Святитель Иоанн Златоуст (116, 597).

Все, что совершилось на древе крестном, было врачеванием нашей немощи, возвращающим ветхого Адама туда, откуда он ниспал, и приводящим к древу жизни, от которого удалил нас **плод** древа познания, безвременно и неблагоприятно вкусно. Поэтому древо за древо и руки за руку, руки, мужественно Распростерты, — за руку, невоздержанно протянутую, руки приг-
вожденные — за руку, извергнувшую Адама. Поэтому вознесение

на **Крест** — за падение, **желчь** — за вкушение, терновый **венеч** — за худое владычество, **смерть** — за смерть, **тьма** — за погребение и возвращение в землю для света. **Святитель Григорий Богослов (113, 282).**

Как грех вошел в мир посредством древесного плода, так и **спасение — посредством** древа крестного. **Святитель Афанасий Великий (113, 282).**

Иисус Христос, истребляя то непослушание Адама, которое вначале совершилось через древо, был «послушным даже до смерти, и смерти крестной» (**Флп.** 2, 8). Или иначе: то преслушание, которое совершено через древо, исцелил послушанием, совершенным на древе. **Святитель Ириней Лионский (116, 597).**

Если Иисус Христос пришел для того, чтобы понести на Себе наши смертные грехи и наше проклятие, то каким другим образом **мог бы Он** принять на Себя проклятие или удовлетворить Бога за наши смертные грехи, если бы не претерпел смерти, предназначенной проклятым? А это и есть Крест, ибо написано: «проклят пред Богом всякий повешенный на дереве» (**Втор.** 21, 22). **Святитель Афанасий Великий (116, 597).**

Крест Христов для **нас** — победный **венеч**. **Преподобный Ефрем Сирин (29, 230).**

Крест Иисусов есть укрощение всех страстей до совершенного их истребления. **Преподобный авва Исаия (34, 10).**

Имеешь у себя честное **древо** — **Крест** Господень, которым, если пожелаешь, можно усладить горькую воду твоего нрава. **Преподобный Нил Синайский (48, 313).**

Крест — **трофей** против бесов, оружие против греха, меч, которым Христос пронзил змия (36, 441).

Как светильник содержит свет на своей вершине, так и Крест на своей вершине имел сияющее Солнце правды (36, 441).

Благодаря Кресту мы не трепещем перед **тираном-диаволом**, потому что находимся около Царя (36, 444).

Крест — это грань Божественного попечения о нашем спасении, **это** — великая победа, **это** — **трофей**, воздвигнутый страданиями, **это** — **венеч** праздников. **Святитель Иоанн Златоуст (45, 953).**

«А я не желаю хвалиться, разве только Крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, а я для мира» (**Гал.** 6, 14). Когда Сын Божий явился на земле и когда развращенный мир не мог вынести Его безгрешности, беспримерной добродетели и обличительной свободы и, осудив это святейшее Лицо на позорную смерть, пригвоздил ко Кресту, тогда Крест стал новым знамением. Он стал жертвенником, ибо на нем принесена великая Жертва нашего избавления. Он стал божественным алтарем, ибо окропился бесценной Кровию непорочного Агнца. Стал престолом, ибо на нем опочил от всех своих дел великий Посланный Божий. Стал пресветлым знамением Господа **сил**, ибо «воззрят на Того, Которого пронзили» (**Ин** 19, 37). И эти

пронзившие не по чему иному Его узнают, как только увидев это знамение Сына Человеческого.

В этом значении мы с почтением должны взирать не только на то самое древо, которое прикосновением Пречистого Тела освятилось, но и на всякое другое, являющее нам тот же образ, не привязывая нашего почтения к веществу дерева или золота и серебра, но относя его к Самому Спасителю, на нем совершившему наше спасение.

И этот Крест не столько был тягостен для Него, сколько облегчителен и спасителен для нас. **Его бремя** — наше успокоение; Его **подвиги** — наша награда; Его **пот** — наше облегчение; Его **слезы** — наше очищение; Его **раны** — наше исцеление; Его **страдания** — наше утешение; Его **Кровь** — наше искупление; Его **Крест** — наш вход в рай; Его **смерть** — наша жизнь. **Платон, митрополит Московский (105, 335—341).**

Нет другого ключа, который бы отверзал врата в Царство Божие, кроме Креста Христова (112, 291).

Вне Креста Христова нет христианского преуспевания (112, 357).

Увы, Господь мой! Ты на **Кресте** — я утопаю в наслаждениях и неге. Ты подвизаешься за меня на Кресте... я лежу в лени, в расслаблении, ищу повсюду и во всем спокойствия (112, 452—435).

Господь мой! Господь мой! Даруй мне уразуметь значение Креста Твоего, привлеки меня к Кресту Твоему судьбами Твоими... **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 454).**

О поклонении Кресту

...«Слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, **спасаемых**, — сила **Божия**» (1 Кор. 1, 18). Ибо «духовный судит о всем, а душевный человек не принимает того, что от Духа Божия» (1 Кор. 2, 15, 14). Ибо это есть безумие для тех, которые не принимают с верой и не помышляют о Благости и Всемогушестве Бога, но божественные дела исследуют посредством человеческих и естественных рассуждений, ибо все, что принадлежит Богу, выше естества и разума, и мысли. И если кто-либо станет взвешивать: каким образом Бог вывел все из небытия в бытие и ради чего, и если бы он захотел постигнуть это посредством естественных рассуждений, то он не постигнет. Ибо это **знание** — **душевное** и бесовское. Если же кто, руководствуясь верой, примет во внимание, что **Божество** — **благое** и всемогущее, и истинное, и мудрое, и праведное, то он найдет все гладким и ровным и **путь** — **прямым**. Ибо вне веры спастись невозможно, потому что все, как человеческое, так и духовное, основано на вере. Ибо без веры ни земледелец не разрезает борозды земли, ни купец на малом древе не вверяет своей души беснующейся бездне **морей**; не происходят ни браки, ни что-либо иное в жизни. Верую Уразумевает, что все приведено из небытия в бытие могуществом **Божия**; верую правильно совершаем все **дела** — как божеские,

так и человеческие. Вера, далее, есть нелюбопытствующее одобрение.

Всякое, конечно, деяние и чудотворение **Христово** — весьма велико и божественно, и удивительно, но удивительнее **всего** — Честной Его Крест. Ибо смерть ниспровергнута, прародительский грех уничтожен, ад ограблен, даровано Воскресение, дана нам сила презирать настоящее и даже самую смерть, возвращено первоначальное блаженство, открыты врата рая, наше естество село одесную Бога, мы сделались чадами Божиими и наследниками не через другое что, а через Крест Господа нашего Иисуса Христа. Ибо все это устроено через Крест: «все мы, крестившиеся во Христа **Иисуса**, — говорит **апостол**, — в смерть Его крестились» (Рим. 6, 3). «Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись» (Гал. 3, 27). И далее: Христос есть Божия сила и Божия премудрость (1 Кор. 1, 24). Вот смерть Христа, или Крест, одел нас в ипостасную Божию Мудрость и Силу. Сила же Божия есть слово крестное или потому, что через него открылось нам могущество Божие, то есть победа над смертью, или потому, что, подобно тому как четыре конца Креста, соединяясь в центре, твердо держатся и крепко связываются, так и через посредство силы Божией содержатся и высота, и глубина, и длина, и широта, то есть вся видимая и невидимая тварь.

Крест дан нам в качестве знамения на челе, как **Израилю** — обрезание. Ибо через него мы, верные, различаемся от неверных и узнаемся. **Он** — **щит** и оружие, и памятник победы над **диаволом**. **Он** — **печать**, для того чтобы не коснулся нас Истребляющий, как говорит Писание (Исх. 12, 12, 29). **Он** — **лежащих** восстание, стоящих опора, немощных посох, пасомых жезл, возвращающихся руководство, преуспевающих путь к совершенству, души и тела спасение, отклонение от всяких зол, всяких благ виновник, греха истребление, росток воскресения, древо Жизни Вечной.

Итак, самому древу, драгоценному по истине и досточтимому, на котором Христос принес Самого Себя в жертву за нас, как освященному прикосновением и Святого Тела, и Святой Крови, естественно должно поклоняться; подобным **образом** — и гвоздям, копью, одеждам и святым Его **жилищам** — **яслям**, вертепу, Голгофе, спасительному животворящему гробу, **Сиону** — **главе** Церквей, и подобному, как говорит **богоотец** Давид: «Пойдем к жилищу Его, поклонимся подножию ног Его». А что он разумеет Крест, показывает то, что сказано: «Стань, Господи, на место покоя Твоего» (**Пс.** 131, 7—8). Ибо за Крестом следует Воскресение. Ибо если вожделенны дом, и ложе, и одежда тех, которых мы любим, то насколько **более** — **то**, что принадлежит Богу и Спасителю, через посредство чего мы и спасены!

Поклоняемся же мы и образу Честного и Животворящего Креста, хотя бы он был сделан из иного вещества; поклоняемся, почитая не вещество (да не будет!), но образ, как символ Христа. Ибо Он, делая завещание Своим ученикам, говорил: «тогда явится знамение Сына Человеческого на небе» (Мф. 24, 30), разумея Крест. Поэтому и Ангел воскресения говорил женам:

«Иисуса ищите Назарянина, распятого» (Мк. 16, 6). И апостол: «мы проповедуем Христа распятого» (1 Кор. 1, 23). Хотя много христов и иисусов, но **один** — Распятый. Он не сказал: «пронзенного копьем», но: «распятого». Поэтому должно поклоняться знамени Х Христа. Ибо где будет знамение, там будет и Сам Он. Веществу же, из которого состоит образ Креста, хотя бы это было золото или драгоценные камни, после разрушения образа, если бы такое случилось, не должно поклоняться. Итак, всему тому, что посвящено Богу, мы поклоняемся, относя почтение к Нему Самому.

Древо **жизни**, насажденное Богом в раю, предызобразило этот Честной Крест. Ибо так как смерть вошла через средство древа, то надлежало, чтобы через древо же были дарованы Жизнь и Воскресение. Первый Иаков, поклонившись на конец **жезла** Иосифа, посредством образа обозначил Крест, и, благословив своих сыновей перемененными руками (Быт. 48, 14), он весьма ясно начертал знамение Креста. То же обозначали жезл Моисеев, крестообразно поразивший море и спасший Израиля, а фараона потопивший; руки, крестовидно простираемые и обращающие в бегство Амалика; горькая вода, услаждаемая деревом, и скала, разрываема и изливающая источники; жезл, приобретающий Аарону достоинство священноначалия; змий на древе, вознесенный в виде трофея, как будто бы он был умерщвлен, когда древо исцеляло тех, которые с верой смотрели на мертвого врага, подобно тому как и Христос **Плотью**, не знавшей греха, был пригвожден за грех. Великий Моисей говорит: увидите, что жизнь ваша будет висеть на древе пред вами (Втор. 28, 66). **Исаия**: «всякий день простираю Я руки Мои к народу непокорному, ходившему путем недобрым, по своим помышлениям» (**Ис.** 65, 2). О, если бы мы, поклоняющиеся ему (то есть Кресту), получили удел во Христе, Который был распят! Преподобный **Иоанн Дамаскин**. Точное изложение православной веры. СПб., 1894. Кн. 4, гл. II, с. 213—216.

«Сим побеждай!»

Для того Церковь возносит и воздвигает Крест Христов, чтобы, воинствуя с этим знаменем, ты побеждал врагов своих. Ибо и воины царя земного, когда держатся около военного знамени, лучше ополчаются против врагов; и тот воин, который удаляется от него, скорее погибает. Константину Великому, когда он не мог победить Максентия (Максентия), явилось на небе знамение Креста и слышен был глас: «Сим знамением побеждай!». И когда он приказал изобразить крестное знамение на всех оружиях, тотчас же победил врагов.

Нам ныне также является на Небе церковном Крест Христов, чтобы и мы этим знаменем побеждали врагов и держались около него. Возносится и воздвигается Крест Христов, чтобы мы побеждали и поражали бесов, а мы сами, падшие, восстали и исправились, по словам Господним: «И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе» (Ин. 12, 32). Воздвигается и

возносится Крест Христов, чтобы мы, взирая на него, исцелялись, если уязвлены жалом змея. И Моисей повелел ужаленным в пустыне змеями и умиравшим взирать на медного змея, сделанного им по повелению Божию; и те, которые смотрели на него, исцелялись, а не желавшие смотреть умирали. Этот змей был прообразом ныне воздвигаемого Креста Христова, и те, которые будут взирать на него, также исцеляются, а не желающие взирать погибнут.

Возносится и воздвигается Крест Христов, чтобы мы, взирая на него, вспоминали и созерцали страдания Христовы, ибо ради спасения нашего Он принял их на Себя, и чтобы мы благодарили Его за безмерное к нам благоутробие. Воздвигается и возносится Крест Христов, чтобы мы поклонялись ему и знали, чем получили спасение (103, 728).

Пусть превозносится этот суетный мир в своей гордыне, пусть тщеславится счастьем своим, пусть услаждается временной сладостью греховной; нам же единая слава и **услаждение** — Крест Господень: «А **я**, — **говорит апостол**, — **не желаю хвалиться**, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа» (Гал. 6, 14).

И Самому Господу нашему Иисусу Христу Крест есть и похвала, и слава, ибо не столько прославился Он, творя многие чудеса, просвещая слепых, исцеляя хромых, очищая прокаженных, поднимая с одров расслабленных и воскрешая мертвых, сколько прославился, претерпевая Крест. Не напрасно Златоуст называет святой Крест славою Сына Божия: «**Крест — слава Сыну**, как и **Отцу — слава Сын**; славится Отец в Сыне Своем, славится Сын через Крест Свой». Мы же рассмотрим отчасти, какая похвала апостолу и каждому христианину в Кресте Христовом. И это сделаем на пользу нашу, с Божией помощью.

Поистине, подобает нам «хвалиться разве только крестом Господа» (Гал. 6, 14), так как в Кресте Господнем мы находим воздаяние за наши кресты, по словам Писания: «если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8, 17). Ибо как мы являемся общниками с Главой нашим Христом, будучи Его членами, по слову апостола: «**вы — тело Христово**, а **порознь — члены**» (1 Кор. 12, 27), так и кресты наши имеют общее с Крестом Господним, и то, что уготовал нам Крест Христов, то и получают в нем кресты наши.

Не подумай, что Крест Господень, которым хвалится апостол, есть только крест вещественный, сделанный из дерева, но разумея в нем более всего страдание Господа, приняв которое Он оставил и нам образ, чтобы следовать по стопам Его. И когда я, грешный, говорю о наших крестах, не думай, что они деревянные или серебряные, или человеческим художеством сделаны из какого-либо иного вещества: **это — случающиеся** с нами по попущению Божию скорби, беды, печали, болезни и всякие другие страдания, которыми Господь искушает нас в этой жизни, как золото в горниле. Ибо «**плавильня — для серебра**, и **горнило — для золота**, а сердца испытывает **Господь**», — **говорит Писание** (Притч. 17, 3). И в другом месте: «Он испытал их как золото в горниле и принял их как жертву всесовершенную» (Прем. 3, 6). Вот наши

кресты! И мы должны нести их, благодаря Бога и приобщаясь к страданиям Христовым (103, 733).

Господь наш прославился не в то время, когда преславным рождением Своим ужаснул Ирода, призвал звездою волхвов с востока и сотряс идолов египетских. Не в то время, когда претворил воду в вино в Кане Галилейской, когда наполнил сети рыбаков многими рыбами, когда насытил пятью хлебами пять тысяч народа. Не в то время, когда, идя по морю, как по суше, запретил ветрам и утишил волнующееся море или когда преобразился на Фаворе, когда воскресил из мертвых сына вдовицы и дочь Иаинову, когда воззвал из гроба четверодневного Лазаря. Не тогда сказал Он: «Ныне прославился Сын Человеческий» (Ин. 13, 31). Когда же? Когда уже приближался ко Кресту, когда готов был взойти на него; будучи у врат страдания, Он изрек: «ныне прославился Сын Человеческий». Может быть, кто-нибудь сказал бы Ему в то время: Господи! Ты идешь на бесчестие, на страдание, на поругание, на заплевывание, на ударение по ланитам, на уязвление, на вкушение уксуса и желчи, на самую горькую смерть — как же Ты называешь Себя прославленным? Однако Господь говорит: «ныне прославился Сын Человеческий», ибо, говорит, Я иду на страдания, на Крест и потому прославлюсь. Само это страдание есть Моя слава, ибо когда «вознесен буду от земли, всех привлеку в Себе» (Ин. 12, 32). Когда Я умру, наполню ужасом вселенную, угашу светила небесные, потрясу землю, отверзу гробы, изведу мертвых живыми. И не признающие ныне Меня Сыном Божиим тогда скажут: «воистину, Он был Сын Божий» (Мф. 27, 54). Когда же пригвожден буду на Кресте, тогда сяду одесную Бога Отца; когда **пострадаю** — войду в славу Мою, ибо «Сыну Человеческому много должно пострадать... и в третий день воскреснуть» (Мк. 8, 31).

Здесь же вспомним и крест апостола Павла, которым он хвалится: «в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти» (2 Кор. 11, 23). Не есть ли это крест Павла? Избиваем был палками и камнями, пребывал день и ночь в глубине, когда опрокинулся корабль (2 Кор. 11, 25), — **все** это не крест ли Павла? Послушаем же, как он хвалится им: «гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами» (2 Кор. 12, 9), то есть в трудах и страданиях, которые он принял до изнеможения тела. **«Благодушествую, — говорит он, — в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа»** (12, 10). И после всего того говорит: «Знаю человека во Христе, который... восхищен был до третьего неба» (2 Кор. 12, 2). Вот что делает крест страдания! Возносит он на Небо еще находящегося в теле, услаждая его слушанием ангельских сладких песен (103, 735—736).

В то время, когда Пилат, бив Иисуса и увенчав Его терновым венцом, извел Его из **претории** к народу и сказал: «Царя ли вашего распну?», все как один закричали: «нет у нас царя, кроме кесаря» (Ин. 19, 15). Они не хотели и слышать, чтобы кто-нибудь называл Христа Царем. Когда же Господь наш восшел на Крест, они уже не словом, а и самым делом титуловали Его Царем, сделав на Кресте надпись: «Иисус Назорей, Царь Иудейский». И

хотя некоторые из них возражали Пилату: «Не пиши: Царь Иудейский», но когда Пилат сказал: «что я написал, то написал», тотчас же согласились с ним, замолкли и уже без ропота и негодования смотрели на этот титул и, читая надпись, именовали Христа Царем, ибо в Евангелии говорится: «Эту надпись читали многие из Иудеев, потому что место, где был распят Иисус, было недалеко от города» (Ин. 19, 19—22). Весь Иерусалим читал эту надпись, называя Христа Царем. Что же так изменило сердца злобных людей, что они, не желая сначала и слышать, чтобы Его именовали Царем, потом и письменное титулование Его Царем терпели снисходительно? Воистину, это сделало Крестное таинство: Господь наш хотел показать в этом царском титуле честь Креста и воздаяние за страдания в Небесном Царствии.

Честь Креста такова, что после времени страданий Господа крест уже водружается наверху освященных глав и венцов царских, почему и назвал его святой Кирилл Иерусалимский венцом, сказав: «Крест есть венец, а не бесчестие». Издревле он был бесчестием, так как служил для казни злодеев, но он сделался венцом честным после того, как на нем пострадал добровольно Царь Славы. **Святитель Димитрий Ростовский (103, 736—737).**

Те, кто с верой и любовью поклоняются Кресту, знают присущую ему силу и пользуются ею для победы над диаволом. **Святитель Иоанн Златоуст (45, 957).**

Слово святителя Григория Паламы О Честном и Животворящем Кресте

С древних времен Крест Христов был предвозвещен и представлен в виде образов, и если бы не было силы Креста, никто никогда не смог бы примириться с Богом. Потому что после прародительского преступления через древо в раю Божиим грех ожил, мы же умерли, и прежде смерти тела подверглись смерти души, которая заключается в удалении души от Бога. Та **жизнь**, которой мы жили после преступления, была жизнью в грехе и жизнью по плоти; грех же не покоряется закону Божию, да и не может покориться; так и живущие по плоти не могут угодить Богу. И поскольку, как и апостол говорит: «плоть желает противного духу, а **дух** — противного плоти» (Гал. 5, 17)*, Бог же есть Дух и сама Доброта и Добродетель, и наш дух создан был по образу и подобию Его, но вследствие и по причине греха пришел в негодность, то до тех пор, пока грех не будет упразднен и жизнь по плоти сведена на нет, каким образом **мог** бы кто обновиться во всем и стать угодным Богу? Крест Христов именно и есть упразднение греха. Поэтому и некто из наших богоносных отцов, будучи спрошен одним из неверных: неужели он верит в **Распятого?** — ответил: «Да, в Распявшего грех». Многие же еще и прежде явления Креста Христова, бывшие до Закона и после Закона**, были засвидетельствованы Самим Богом как друзья **Божии**, и царь и пророк Давид, как, конечно, и сам тогда бывший в числе друзей Божиих, говорит: «Как возвышенны для меня помышления Твои, Боже» (Пс. 138,

* Преподобный **Феодор** Студит дает такое толкование этих слов апостола Павла: «Усиление плоти ослабляет дух, а усиление духа ослабляет плоть. Будем же осмотрительны и в употреблении пищи, питья, сна и всего другого, станем держать строгую меру, чтобы иначе тело не взяло верха над душой, а, напротив, чтобы душа одерживала победу над телом» (69, 416). — *Примеч. пер.*

** То есть прежде и после **Законодательства Моисея**. — *Примеч. пер.*

17). Но как же прежде Креста они провозглашены друзьями Божиими? Я вам объясню это, если вы будете внимательны.

Например, еще прежде пришествия «человека греха, сына погибели» (2 Фес. 2, 3) (антихриста), возлюбленный Христу Богослов говорит: «Теперь появилось много антихристов, то мы и познаем из того, что последнее время» (1 Ин. 2, 18). Так и Крест был у праотцев и раньше того времени, как пришел в исполнение. И великий Павел, еще яснее уча нас, что и раньше того времени, как придет антихрист, он уже среди нас, говорит, что «тайна беззакония уже в действии» (2 Фес. 2, 7). Так и Крест Христов, еще не явившись, уже был среди праотцев, ибо тайна его совершилась среди них. Я не буду ныне говорить об Авеле, Сифе, Еносе, Енохе, Ное, и о тех, которые прежде Ноя угодили Богу и которые вообще принадлежат к тому периоду, чтобы нам начать от Авраама, который был назван «Отцом многих народов»: **иудеев** — по плоти, нас же — по вере. Итак, я начну с этого по духу Отца нашего и от самого начала свойственной ему доблести, и от первого призвания его Богом. Какие первые слова сказал ему Бог? «Пойди из земли твоей, и от родства твоего в землю, которую Я укажу тебе» (Быт. 12, 1). Таким образом, в самих этих словах заключалась тайна Креста, ибо именно об этом говорит Павел, хвалясь Крестом: «для меня мир распят» (Гал. 6, 14). Ибо для бегущего без оглядки из отечества или от мира земное отечество и мир умерли и забыты, а это и есть Крест.

Но еще прежде чем он бежал от сожительства с нечестивыми, Бог говорит Аврааму: «пойди из земли твоей... в землю (не которую Я дам тебе, но) которую Я укажу тебе», этими словами как бы указывая на иную, духовную землю. Какие же были первые слова Бога Моисею после того, как он бежал из Египта и восшел на гору? «Сними обувь твою с ног твоих» (Исх. 3, 5). Здесь открывается иная тайна Креста, естественным образом вытекающая из первой. Ибо хотя ты, говорит, убежал из Египта, и отверг служение фараону, и презрел возможность называться сыном дочери фараона и, насколько от тебя зависело, упразднил и покончил с миром злого рабства, но тебе должно к этому прибавить и самого себя. Что же означает это: «сними обувь твою с ног твоих?» Это значит: сбрось кожаные одежды, в которые ты оделся и в которых грех действует и отстраняет тебя от святой земли. Итак, слова: «Сними обувь твою с ног» означают: не живи более по плоти и в грехе, но да будет упразднена и умерщвлена противная Богу жизнь и рассуждение плоти, и закон в членах, противящийся закону духа и пленяющийся законом греха; пусть он более не побеждает и не действует, умерщвленный силой боговидения. Разве это не **Крест**? Ибо Крест, опять же согласно божественному Павлу, означает: распять «плоть со страстями и похотями» (Гал. 5, 24). Итак, «сними обувь твою с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая» (Исх. 3, 5). Эти же слова показали ему будущее освящение, которое должно было наступить на земле благодаря Кресту, после явления Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Ибо тогда, взирая на величие **зрелища** — купину, орошаемую в **огне**, — он предупредил будущее пришествие Христова, потому что созерцание в Боге * есть тайна Креста, и оно-то проистекает из второй

* «Созерцание» иногда переводится менее сильными терминами: «богомыслие» или «медитация», является в своем первичном значении результатом высокой степени подвижничества. Находящимся в миру и житейской суете оно почти и недоступно. Преподобный Макарий Великий так передает это состояние: «Всякий **должен** знать, что есть очи, которые внутреннее этих очей, и есть слух, который внутреннее этого слуха. И как эти очи чувственно видят и распознают лицо друга или любимого, так очи души достойной и верной, просвещенной божественным светом, духовно видят и распознают истинного Друга, сладчайшего и многовожделенного **Жениха** — Господа, если душа озарена достопоклоняемым Духом. И таким образом душа, мысленно созерцая вожденную и единую неизглаголанную красоту, узвывается божественной любовью, настраивается ко всем духовным **добродетелям** и вследствие этого приобретает беспредельную и неистощимую любовь вожденному для нее Господу» (66, 266). Относительно «созерцания» у преподобного Феодора Студита читаем: «Монах есть тот, кто взирает на единого

тайны (то есть из распятия себя миру), которая больше первой (то есть самого удаления от мира). Что то и другое неразрывно связано, явили и великий Павел, и божественные отцы наши: первый, сказав не только: «Для меня распят», но и добавляя: «И я для мира», а **они** — предписывая нам не спешить восходить на крест прежде креста, ибо, конечно, и то и другое являются выражениями и тайнами Креста. Итак, первая тайна Креста заключается в удалении от мира и близких по плоти, если они препятствуют благочестию и отвечающему ему образу жизни, и в телесном аскетизме, что само по себе мало полезно, как говорит [апостол] Павел (1 Тим. 4, 8). Таким образом, согласно этой первой тайне Креста, для нас мир и грех распяты, когда мы бежим от них. Вторая же тайна Креста заключается в распятии себя для **мира** и страстей, когда они бегут от нас. Но не могут, конечно, они убежать от нас, ни мы не сможем разумно действовать, если только не будем в созерцании Бога. Ибо когда упражнением в добродетели мы взойдем к созерцанию и когда украсим и очистим нашего внутреннего человека, изыскивая скрытое в нас самих божественное сокровище и вновь рассматривая находящееся внутри нас Царство Божие, тогда мы распинаем себя миру и страстям. Ибо некая теплота приходит на сердце от таких мыслей, которая, как мух, изгоняет злые помыслы, и производит духовное умиротворение и утешение в душе, и подает освящение телу, как говорит Псалмопевец: «Воспламенилось сердце мое во мне: в мыслях моих возгорелся огонь» (Пс. 38, 4). И это есть именно то, чему и один из богоносных отцов наших поучал нас: «Приложи всякое старание, чтобы внутренняя твоя деятельность была в Боге, и тогда ты победишь внешние страсти». На это же обращает наше внимание и великий Павел: «Поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти» (Гал. 5, 16). Поэтому и в ином месте он пишет нам в увещание: «Станьте, препоясав чресла ваши истиною» (Еф. 6, 14), ибо созерцание укрепляет и делает добрые устремления, и подавляет плотские вожделения. И великий Петр еще более наглядно явил нам, что такое чресла и что истина. «Препоясав,— говорит,— чресла ума вашего, бодрствуя, совершенно уповайте на подаваемую вам благодать в явлении Иисуса Христа» (1 Пет. 1, 13).

Итак, поскольку ни дурные страсти и мир греха не могут быть совершенно далекими от нас, ни разумное действие совершаться в наших душах, если только мы не будем в созерцании Бога, то и это созерцание, распинающее миру удостоенных его, также является тайной Креста. Так и при Моисее это созерцание горячей купины являло тайну Креста, большую и более совершенную, чем та, которая была в призвании Авраама. Значит ли из этого, что Моисей был более совершенно посвящен в тайну Креста, чем Авраам? Да и каким доводом мог бы кто подкрепить такое утверждение? Ибо когда Авраам был призван, самим призыванием он еще не был посвящен в эту третью тайну Креста, то есть созерцание, но это имело место позднее, после призвания, не раз и не два, но часто, хотя у нас и нет возможности поведать обо всем. Напомню же вам только то наиболее чудесное созерцание, когда он явно узрел Единого Триипостасного Бога, Который еще не был возведен в Троице. Ибо говорится: «Явился ему Господь у дубравы Мамре... Он возвел очи свои и взглянул, и вот, стоят против него. Увидев, он побежал навстречу им». Явившегося Единого Бога он видел в Трех Лицах. Поэтому говорится: «Явился ему Господь... и вот, три мужа». Но, подбежав навстречу Им, он беседует как бы с Одним: «Владыка! Если я обрел благоволение пред очами Твоими, не пройди мимо раба Твоего». И они, Трое, сущие как Один, беседуют с ним. Ибо говорится: «сказали ему: где Сарра, жена твоя? ... Я опять буду у тебя в это же время... и будет сын у

Бога, Бога единого желает, Богу единому прилежит, Богу единому старается угодить, мир имеет к Богу и становится виновником мира между другими. Тогда душа пребывает в покое от пагубных страстей, что значит иметь мир к Богу через Господа нашего Иисуса Христа, в котором, установившись, душа радуется радостью великой и услаждается сладостью ненасытимой, любя входить в помышления о Боге и углубляясь в созерцание Его неизреченных до забвения себя самой» (69, 485, 501).— *Примеч. пер.*

Сарры, жены твоей». Когда же Сарра, услышав, засмеялась, «сказал Господь Аврааму: отчего это... рассмеялась Сарра?» (Быт. 18, 1—13). Вот, Единый **Бог**—и Три Ипостаси, Три **Ипостаси**—и Единый Бог, ибо говорится: «сказал Господь».

И таким образом на Аврааме совершилась тайна Креста. Исаак же сам был образом Пригвожденного, будучи послушен своему отцу даже до смерти, как и Христос (Богу Отцу). И данный вместо него овен предзнаменовал Агнца Божиего, данного ради нас на заклание. И чаша, в которой овен запутался рогами, была тайной образа Креста, почему и называется «чашей Савек», то есть «чашей Оставления»*, как и Крест именуется спасительным деревом.

И на Иакове, сыне Исаака, совершилась тайна и образ Креста, ибо посредством дерева и воды умножилось ему стадо. Ибо то дерево прообразовало крестное дерево, а та **вода**—божественное Крещение, которое в себе заключает тайну Креста: «в смерть Его крестились» (Рим. 6, 3), говорит апостол. И Христос Древом и Водой, то есть Крестом и Крещением, умножил Себе на земле словесную паству. Но и еще отчетливее Иаков явил образ Креста: когда поклонился краю жезла и когда благословлял внуков, положив руки крест-накрест. К тому же, будучи от начала до конца послушен родителям и потому возлюблен и благословен, и вследствие этого ненавистен для Исава, он таким образом доблестно переносил всякое искушение, и во всей его жизни совершалась тайна Креста. Поэтому Бог и сказал: «Я возлюбил Иакова, а Исава возненавидел» (Мал. 1, 2—3).

Нечто подобное совершается и с нами, братия. Ибо подчиняющий себя духовным отцам по апостольской заповеди: «Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе» (Еф. 6, 1), по послушанию подобный возлюбленному Сыну Божию и сам бывает возлюблен Богом, непослушный же, как чуждый подобия возлюбленному Сыну, и Богом бывает ненавидим. И как о сбывающемся не только в отношении Иакова и Исава, но всегда и среди всех, премудрый Соломон говорит: «Мудрый сын слушает наставление отца, а буйный не слушает обличения» (Притч. 13, 1). Но разве сын послушания Иаков к тому же не в большую был посвящен тайну Креста, **именно**—в созерцание, благодаря чему человек более совершенно распадается и умирает для греха и живет для добродетели? Да! Ибо сам он свидетельствует о себе и о богосозерцании и спасении: «Я видел Бога лицом к лицу, и сохранилась душа моя» (Быт. 32, 30).

Где те из нашей среды, которые обнаруживают пустой и неправославный образ мыслей? Пусть они выслушают, что Иаков видел лицо Божие, и не только не лишился от этого жизни, но, как сам он говорит, еще и «сохранилась душа» его, хотя Сам Бог говорит: «Человек не может увидеть Меня и остаться в живых» (Исх. 33, 20). Так что же, быть может, есть два бога: **один**—имеющий лицо, подлежащее **видению** святых, другой **же**—имеющий лицо, превосходящее всякую возможность видения? Прочь такой абсурд! Но (это надо понимать в том смысле, что) зримое лицо Божие есть не иное что, как божественная благодать и действие, являемое на достойных. А под лицом, которое человек не может увидеть, подразумевается превосходящее всякое описание и видение естество Божие, потому что никто, как написано, Бога в лицо и в естестве не видел и не возвестил.

Итак, созерцание в Боге и божественная тайна Креста не только отгоняет от души дурные страсти и производящих их демонов, но и опровергает ложные мнения и их носителей и изгоняет их из оград Священной Христовой Церкви, в недрах которой находясь нам отродно праздновать и развяснять божественную благодать и действие Креста, совершаемые на праотцах еще до явления Креста в мир.

Итак, как на Аврааме совершалась тайна Креста, сын же его сам стал прообразом Того, Который был впоследствии распят, так и тайна Креста совершалась во всей жизни Иакова. Иосиф же, сын Иакова, сам был прообразом и тайной впоследствии распятого Богочеловека Слова,

ибо и он (Иосиф), по зависти был веден на заклание и тоже сродниками по плоти, ради которых он был послан к ним отцом, как затем и Христос. Если же Иосиф не оказался убитым, но был продан, то тут нет ничего удивительного, ибо и Исаак не оказался закланным, ибо не сами по себе они являли действительность, но были лишь образами грядущей действительности. Но, быть может, долженствует и на них видеть сугубую тайну двух природ Иисуса: то, что они были ведомы на убиение, этим они **предызобразили** страсти по плоти Богочеловека, а то, что они не пострадали, этим предызобразили бесстрастие Божества. Это же самое можно обнаружить и в отношении Иакова и Авраама: хотя они и перетерпели искушения, но победили, что было ясно написано и в отношении ко Христу.

Итак, из тех четверых, кто прославился в добродетели и благочестии прежде Закона, **двое** — Авраам и **Иаков** — изведали тайну Креста в делах, имеющих отношение к их жизни, а **двое других** — Исаак и **Иосиф** — сами собою чудесным образом предызобразили тайну Креста. Не древом ли и водой еще до Закона был спасен потом и Моисей, первый принявший от Бога Закон и передавший его другим, когда его положили в корзинку и отдали струям Нила, а затем он и сам древом и водою спас Израильский народ: древом предызобразив Крест, водою **же** — божественное Крещение? Как и Павел, ведатель **таин**, еще яснее возвещает, что «все крестились в Моисея в облаке и в море» (1 Кор. 10, 2). И прежде моря и жезла (рассекшего море), он (апостол Павел) свидетельствует о Моисее, что тот добровольно воспринял Крест Христов: «поношение Христово почел большим для себя богатством, нежели Египетские сокровища» (Евр. 11, 26). Поношение же Христово со стороны неразумных есть Крест, как опять же сам Павел говорит о Христе, что Он «претерпел крест, пренебрегши посрамление» (Евр. 12, 2). Предшествуя **же** Христу, Моисей и сам весьма ясно предызобразил Его и образ Креста, и спасение благодаря этому образу: прямо поставив жезл, он простер на нем руки, и так по образу Креста представив себя на жезле, обратил в бегство Амалика. Также и выставив поперек знамени медного змея и таким способом всенародно воздвигнув образ Креста, он велел ужаленным среди иудеев взирать на него, как бы на Самого Спасителя, и так излечивал от укусов змей.

Не хватит времени поведать об Иисусе (Навине) и бывших после него судиях и пророках, о Давиде и бывших после него, которые действием тайны Креста сдерживали реки, останавливали солнце, разоряли нечестивые города, одерживали победы в войне, прогоняли полки чужих, избегали меча, угашали силу огня, заграждали уста львов, побеждали царей, испедали пятидесятиначальников, **воскрешали** мертвых, словом затворяли небеса и снова разрешали их, так что облака на небе не рождали дождя и затем снова плодотворили, ибо если Павел и говорит, что все это совершила вера, однако вера во спасение, потому и все возможно верующих. Вот этим-то, конечно, и является Крест Христов для верующих. «Слово о **кресте**, — можно снова сказать устами Павла, — для погибающих юродство есть, а для нас, **спасаемых**, — сила Божия» (1 Кор. 1, 18).

Но чтобы мы включили в число спасаемых крестной силой и всех тех, которые были в ветхозаветное время прежде Закона и под Законом, не Сам ли Христос, через Которого и в Котором все, сказал прежде наступления Креста: «Кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф. 10, 38)? Видите, что и до того, как Кресту было суждено водрузиться, Крест уже был спасающим? Также и когда Господь открыто предрек ученикам Свое страдание и смерть через Крест, Петр же, слушая, не сдержался, но, зная, что это в Его власти, взмолился: «Будь **милостив** к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою!» (Мф. 16, 22), Господь запретил ему, как думающему относительно Него «не о том, что Божие, но что человеческое». Призвав же народ вместе с учениками Своими, Он сказал им: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее» (Мк. 8, 34—35). Поэтому Он призывает вместе с учениками и народ и тогда свидетельствует и возвещает великие

и превосходящие естество и воистину не человеческие, но Божеские мысли, чтобы явить, что это требуется не только от избранных учеников Его, но и от всякого верующего в Него. Следовать же Христу означает жить по Евангелию Его, проявляя всякую добродетель и благочестие. Желаящий же следовать Ему должен отвергнуть себя и взять крест свой, и уже более не шадить себя, если призовет время, но быть готовым и на позорную смерть ради добродетели и истинны божественных догматов. Отвергнуть себя и предать на крайнее бесчестие и **смерть**—это велико и выше естества, однако не несправедливо: и земные цари удостоивают следовать за собой, и особенно когда идут на войну, только тех, кто готов умереть за них. Так что же удивительного, если и Царь Небесный, согласно обетованию обитавший на земле ради борьбы против общего врага человеческого рода, ищет, чтобы именно такие люди следовали за Ним. Но земные цари не могут вернуть жизнь убитым на войне, ни **даже** приблизительно равнозначно наградить тех, кто положил за них свою жизнь. Ибо что получит от них тот, кого уже нет в жизни? Но и для них, если они положили жизнь за благочестивых (царей), есть упование о Господе. Тем же, кто, следуя за Ним, подверг свою жизнь опасности, Господь воздает Жизнью Вечной.

И вот земные цари ищут, чтобы их окружение было готово на смерть ради них, а Господь Сам Себя предал на смерть за нас. Нас же, не ради Себя, но ради нас самих, увещевает быть готовыми на смерть. И показывая, что это именно ради нас самих, он присоединяет: «Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее». Что же означают эти слова: «Ибо кто хочет сберечь... потеряет, а кто потеряет... сбережёт»? Человек двояк: **внешний**—его тело и **внутренний**—его душа. Поэтому когда внешний наш человек предаст себя на смерть, этим он губит свою душу, обитающую в нем. Когда же за Христа и за Евангелие он таким образом погубит ее, тогда-то, воистину, спасет и приобретет ее, доставив ей Небесную и Вечную Жизнь. И во всеобщем Воскресении благодаря такой душе и по плоти он станет таким же небесным и вечным. Любящий же свою душу, но из-за любви ко временному и к тем вещам, которые принадлежат этому веку, не готовый таким образом (то есть за Христа и Евангелие) погубить ее, нанесет ущерб своей душе, лишив ее истинной жизни, и сам вместе с ней подвергнется каре, предав ее, увя, на вечное мучение. И как бы оплакивая такого человека и показывая весь ужас положения, Всемилостивый Владыка говорит: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а **душе** своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мф. 16, 26). Ибо не сойдет с ним в гроб слава его и ничто иное из почестей и услаждений этого века, которые он предпочел спасительной для его души смерти за Христа и Евангелие. Что нашел бы он среди вещей века сего для выкупа за разумную душу, которой и весь мир не равноценен?

Итак, если бы некто мог приобрести весь мир, братия, то никакой от этого ему не было бы пользы, если бы при этом он нанес ущерб своей душе. Насколько же ужаснее, когда приобретающий какую-нибудь ничтожную малую часть этого мира из-за пристрастия к этому малейшему нанесет ущерб своей душе вместо того, чтобы отдать предпочтение принятию креста (и в образе, и в понятии) и следованию за Дарующим Жизнью?! Ибо и сам Крест достойно почитаем, и смысл этого образа. Но уже была речь о понятии и тайне этого образа, и мы растолковали это, лучше же сказать, раньше нас растолковал это Павел, который, хвалясь Крестом, рассудил быть не знающим ничего, кроме Господа Иисуса Распятого. Что **же** он говорит? Крест есть распятие плоти «со страстями и похотями» (Гал. 5, 24). Думаете ли, что только относительно услаждений и нечистых плотских страстей он говорит это? Но почему же тогда он пишет к Коринфянам: «Если между вами зависть, споры и разногласия, то не плотские ли вы?» (1 Кор. 3, 3)? Таким образом, и любящий славу или просто желающий настоять на своей воле и тем самым одержать верх в соперничестве является плотским и по плоти ходит. Ибо по этой-то причине и бывают раздоры, как и Иаков, брат Божий, говорит: «Откуда у вас вражды и распри? не отсюда ли, от вожделений ваших, воюющих в членах ваших? **Желаете**—и не имеете; убиваете и

завидуете — и не можете достигнуть; препираетесь и враждуете» (Иак. 4, 1—2). Итак, распять плоть со страстями и похотями означает стать бездейственным для всего не угодного Богу. Если же тело тянет вниз и настаивает на своем, то каждый должен стараться поднять его на высоту креста. Что я имею в виду? Будучи на земле, Господь прожил жизнью бедняка, и не только жил так, но и проповедовал это: «кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 33).

Но никто да не сетует, братия, молю, слыша нас, без обиняков возвещающих благу и приятную, и совершенную волю Божию, и да не мятется, полагая, что эти заповеди невыполнимы, но пусть прежде всего осознает, что Царство Небесное берется усилием и именно употребляющие усилие завладевают им, и пусть выслушает Петра, корифея апостолов Христовых, говорящего, что «Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его» (1 Пет. 2, 21). Затем пусть справедливо взвесит, что хотя ученик воистину пребывает должником учителя до тех пор, пока не воздаст все, однако если скромно предложит то, что в силах его, и отдаст это, а относительно остающегося невыплаченным смирится перед ним, то таким смирением привлечет его сострадание к себе и этим восполнит недостающее. Потому если кто видит, что его мысль устремлена к богатству и многому обладанию, то да познает он, что образ его **мышления** — плотский, и пусть это будет поводом для пробуждения. Ибо пригвожденный кресту не может иметь побуждений такого рода. Итак, необходимо ему взойти на высоту креста, чтобы не отпасть от распятого на нем Христа.

Но как начать ему восходить на высоту креста? Имея надежду на Христа, Промыслителя и Кормильца каждого, пусть он откажется от всякого дохода, неправедно приходящего, а те средства, которые приобретаются праведным способом, будучи и к ним не слишком привержен, пусть употребляет благородно, по возможности уделая от них нуждающимся. Ибо хотя заповедь и предписывает отречься от тела и воспринять крест свой, однако те, которые **Божии** и по Богу живут, имеют в своем обладании имущество: не слишком прилепляясь к нему, они пользуются им по потребности, как бы сотрудником, готовые, если бы призвало время, и отвергнуть его. Итак, тот, кто поступает таким образом в отношении материальных приобретений и нужд, когда не имеет сил на что-нибудь большее, все-таки живет благочестиво и богоугодно.

Затем, видит ли кто в себе жестоко борющийся блудный помысел, да познает он, что он еще не распял себя. Как же ему распять? Пусть избегает любопытных взглядов на женщин и неподобающей близости с ними, а также и неуместных бесед, пусть убавит материал, питающий вождление, пусть не допускает чрезмерного употребления вина, опьянения, многоядения, многоспания; и к этому удалению от зла пусть присоединит и смиренномудрие, в сокрушении сердца призывая Бога в помощь против страстей. Тогда-то и сам он скажет: «Видел я нечестивца грозного, расширявшегося, подобно укоренившемуся многоветвистому дереву, но он прошел, и вот нет его; ищущего его (в молитве и смирении) и не нахожу» (в себе) (Пс. 36, 35—36)*. Затем, беспокоит ли тщеславный помысел? А ты наедине и перед судом своей совести приведи себе на память совет Господа об **этом** в Евангелии: не старайся показать себя выше других; добродетели совершай втайне, только ради Бога и будучи видим только Им одним, и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

Если же и после того, как ты нанес решительный удар возбудителям каждой из страстей, тебя снова беспокоит внутренний помысел, не **бойся** — пусть он будет для тебя поводом для получения венцов, ибо он уже не склоняет и не оказывает действия, но является лишь бессильным движением, как побежденный в твоей борьбе по Богу.

Вот это и есть «слово Крестное», которое не только у пророков прежде своего совершения, но и ныне, после совершения, воистину

* То есть страсти возвышались и были мощны, как кедры ливанские, но вот Бог уничтожил их и не осталось ни следа; в молитве, в смиренном сокрушении духа я исследовал мою душу и — не нашел в ней ни следа прежних страстей.—
Примеч. пер.

является великой и божественной тайной. По внешности представляется, что тот, кто невысоко себя ставит и смиряется во всем, сам себя бесчестит; и тот, кто бежит от плотских наслаждений, причиняет себе тяготу и боль; и тот, кто раздает свое имущество, сам себя обрекает на бедность. Но силою Божией эта бедность, и боль, и бесчестие производят вечную славу и несказанное наслаждение, и неиссякаемое богатство в течение настоящего века и будущего. И не верующих этому и не проявляющих веру делами Павел причисляет к погибшим, и даже к эллинам (то есть язычникам): «Мы проповедем Христа распятого, для Иудеев соблазн (по причине их неверия в спасительную страсть), а для **Еллинов** безумие (как ничего не ставящих выше временных вещей по полному неверию в божественные обетования), для самих же призванных... Христа, Божию силу и Божию премудрость» (1 Кор. 1, 23—24).

Итак, в этом сказывается Божия премудрость и сила: победить через немощь, возвыситься через смирение, разбогатеть через бедность. Но не только понятие Креста... тайна его, но и самое знамение его божественно и **достопоклоняемо**, будучи священной и честной Печатью, освящающей и совершающей данные Богом человеческому роду вышеестественные и неизреченные блага, отъемлющей проклятие и осуждение, уничтожающей тление и смерть, доставляющей Вечную Жизнь и благословение. **Крест**—спасительное древо, царский скипетр, божественный трофей над врагами видимыми и невидимыми, хотя неразумным еретикам в их безумии и не нравится такое почитание Креста Господня. Ибо они не постигли значения апостольской молитвы (Еф. 3, 14—19), чтобы познать со всеми святыми, что есть широта и долгота, глубина и высота, так как Крест Господень возвещает все Домостроительство Его Пришествия во плоти, и заключает в себе всю эту тайну, и простирается во все концы, и все объемлет: то, что вверху, то, что внизу, то, что вокруг, то, что между. Они выставляют некий предлог, из-за которого, напротив, и им бы следовало, если бы они имели ум, вместе с нами поклоняться **Кресту**—они отворачиваются от символа Царя Славы, который Сам Господь, восходя на него, явно называет Своим возвышением и Своей славой. Когда же придет время Его будущего Пришествия и Явления, Его предвозвестит с силой и славой многой это знамение Сына Человеческого. На нем, говорят эти еретики, умер распятый Христос и поэтому мы не выносим ни Креста, ни древа Его смерти. Но на чем было пригвождено рукописание грехопадения нашего, случившегося потому, что к древу простерлась рука Праотца? И благодаря чему оно было изглажено, и мы снова вошли в благословение Божие? Из-за древа преслушания возымели власть над нашим естественным началом и власти лукавых **духов**—не древом ли Креста Христос низверг и совершенно отогнал их и, восторжествовав, посрамил, и мы восприняли свободу? На чем было разрушено средостение преграды, и наша вражда к Богу была упразднена и сведена на нет? И через что мы примирились с Богом и для мира с Ним восприняли благовестив? Разве не на Кресте и не через Крест? Пусть они выслушают слова апостола, пишущего к Ефесянам: Христос «есть мир наш... разрушивший стоявшую посреди преграду... дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устроив мир, и в одном теле примирить обоих с Богом посредством Креста, убив вражду на нем» (Еф. 2, 14—16). Колоссянам же он пишет: «и вас, которые были мертвы во грехах и в необрезании плоти вашей, оживил вместе с Ним, пролив нам все грехи, истребив учением бывшее о нас рукописание, которое было против нас, и Он взял его от среды и пригвоздил ко кресту; отняв силы у начальств и властей, властно подверг их позору, восторжествовав над ними Собою» (Кол. 2, 13—15). Итак, как нам не почитать и не пользоваться этим Божественным победительным знаменем общего освобождения людского рода, и самый вид которого приводит в бегство злобного змия, и побеждает, и посрамляет его, возвещает поражение и сокрушение его, прославляет же и величает Христа, являя миру победу Его?! И если действительно Кресту не **должно** оказывать уважения по той причине, что на нем Христос принял смерть, и признать, что смерть эта не была Священной и спасительной, то почему же, как говорит апостол, в смерть Его мы крестились? Каким **же** образом мы будем участниками и Воскресения Его, если не станем

сродни Ему и в подобии смерти Его? Кроме того, если бы кто поклонялся знамению креста, не имеющему надписания имени Христова, то такой, быть может, справедливо был бы порицаем, как делающий нечто сверх должного, но когда перед именем Иисуса Христа преклоняется всякое колено небесных, земных и преисподних, а Крест носит на себе это покланяемое имя, то какое безумие не преклонить колена перед Крестом Христовым?!

Но мы, вместе с коленами склоняя и сердце, придем и поклонимся вместе с псалмопевцем и пророком Давидом месту, где стояли ноги Его, и где простерлись всеобъемлющие руки, и где ради нас было мучительно распостерто Живоначалное Тело. И, поклонившись с верой и поцеловав, почерпнем и сохраним обильное освящение," чтобы в преславном будущем Пришествии Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, видя его (**Крест—знамение Сына Человеческого**) предшествующим во славе, возрадоваться и возвеселиться непрестанной радостью, и встать одесную, и слышать слова, и улучшить благословение обетованного блаженства во славу распятого ради нас по плоти Сына Божиего. Ибо Ему подобает слава со Безначальным Его Отцом и Пресвятым и Благим и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь. Святитель Григорий Палама (65, **105—120**).

КРЕСТНОЕ ЗНАМЕНИЕ*

Не только Крест Господень, но и самое крестное знамение дано нам, как израильтянам обрезание; этим знаменiem верные отличаются от неверных. Преподобный Иоанн **Дамаскин** (113, 323).

Должно изображать крест правой рукой. Полагая на чело три большие перста, говори: «во имя Отца», потом, опустив руку в том же виде на грудь, говори: «и Сына», переноси руку на правое плечо, затем на левое, говори: «и Святого Духа». Сделав на себе это святое знамение креста, заключи словом «аминь». Или, когда изображаешь крест, можешь говорить: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного. Аминь». Православное исповедание (113, 322).

Всякий раз, как ограждаешь себя... (крестным) знаменiem, преисполнись великим дерзновением и всего себя предоставь в благоугодную жертву Богу (37, **913**).

Крест—символ Божественного дара, знамение духовного благородства, сокровище, которое невозможно похитить, дар, который невозможно отнять, основание святости (37, **915**).

Когда ты запечатлеваешь себя крестным знаменiem, представляй в мыслях все значение креста, и ты угасишь гнев и все остальные страсти (37, **912**).

С большою ревностью мы начерчиваем крест на жилище, на стенах, на окнах, на челе и в уме. Это знамение нашего спасения, всеобщей свободы и милосердия Господня. Святитель Иоанн Златоуст (37, **912**).

Поскольку Крест сделался как бы жертвенником Страшной Жертвы, ибо на Кресте умер Сын Божий за падение людей, то справедливо мы и чтим Крест, и поклоняемся ему, и изображаем его, как знамение общего спасения всех людей, чтобы поклоняющиеся древу Креста освобождались от клятвы Адамовой и получали благословение и благодать Божию на исполнение всякой добродетели. Для христиан **Крест—величайшая** слава и сила, ибо вся наша **сила—в** силе распятого на Кресте Христа, и все возвеличение наше и вся слава **наша—в** смирении Бога, Который до того смирил Себя, что благоволил даже умереть между злодеями и разбойниками. По этой причине христиане, верующие во Христа, знаменуют себя крестом не просто, не как попало, не с

* См. также т. 4, с. **729—730** настоящего издания.

небрежением, но со всем вниманием, со страхом, с трепетом и с крайним благоговением. Ибо образ Креста показывает примирение и содружество, в какое вступил человек с Богом. Поэтому и демоны боятся образа Креста и не терпят видеть знамение креста изображаемым даже и на воздухе, но бегут от него тотчас, зная, что Крест есть знамение содружества людей с Богом и что они, демоны, как отступники и враги Богу, удаленные от Его Божественного лица, не имеют более свободы приближаться к тем, кто примирился с Богом и соединился с Ним... Если же и кажется, что они искушают некоторых христиан, пусть знает всякий, что они борют тех, которые не познали как следует высокое таинство Креста. Те же, которые уразумели это таинство и на самом деле опытно познали власть и силу, какую имеет Крест на демонов, познали также, что Крест дает душе крепость, силу, смысл и божественную мудрость,—эти с великою радостью восклицают: «А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира (Гал. 6, 14). Преподобный Симеон Новый Богослов (60, 26).

Если ты будешь всегда употреблять святой Крест в помощь себе, то «не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему» (Пс. 90, 10) (113, 326).

Всегда запечатлевай себя Крестом, и зло не прикоснется к духу твоему (27, 298).

Назначаему Животворящий Крест и на дверях, и на челе, и на всем теле своем и вооружимся этим непобедимым христианским оружием, победителем смерти, надеждой верных, светом для концов земли, этим оружием, отверзающим рай, низлагающим ереси, утверждением веры, великим хранилищем и спасительной похвалой православных (26, 357).

Вместо щита ограждай себя честным Крестом, запечатлевай им свои члены и сердце. И не рукою только полагай на себя крестное знамение, но и в мыслях запечатлевай им всякое свое занятие, и вход свой, и исхождение свое во всякое время, и сидение свое, и восстание, и постель свою, и любое служение... Ибо весьма крепко это оружие, и никто не может никогда сделать тебе вреда, если ты им защищен. Преподобный Ефрем Сирий (27, 298).

Когда авва Иулиан удалился из обители и сделался епископом в Бостре, некоторые из жителей города, ненавистники Христа, задумали отравить его. Епископ принял чашу с отравленным вином и по вдохновению свыше узнал о злом умысле и о том, кто это подстроил. «Если вы хотите отравить смиренного Иулиана, я выпью это вино»,—сказал он и трижды крестообразно осенил чашу: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Выпив отраву при всех, он остался невредим. Увидев это, злоумышленники пали перед ним и просили у него прощения. Луг духовный (75, 115—116)

«Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя,
и возьми крест свой, и следуй за Мною»

(Мк. 8, 34)

У каждого из нас есть свой крест. Он складывается из всего, что беспокоит и тяготит наш дух, что терзает сердце на правом пути ко Господу во все дни нашей жизни.

Первый конец этого креста составляют немощи нашего естества и дурное направление сил его, как-то: недалекость ума и незрелость соображений, отсутствие энергии в воле и неподвижность ее на дела долга, вялость чувств и падкость их на недолжное, особенно же исчадия нашей **самости** — полчище страстей и всякого рода похоти плоти. Пробудившийся дух видит все это в себе, тяготится им и несет это на себе, как преступник, которому в наказание привязан на плечи тлеющий труп. Это крест падшего человечества.

Второй конец нашего креста составляют все труды и неприятности житейские. Мы ищем довольства, добрых отношений со всеми и благоприятного течения наших дел; но во всех этих сторонах нашей жизни почти поминутно происходит расстройство скорбное, а иногда и бедственное. Желая избавиться от неприятностей, мы боремся с препятствиями и тянем жизнь свою похоже на то, как будто кто идет среди терна и шиповника: то и **дело** — зацепки и царапины. Это крест житейский.

Третий род креста складывается из трудов по исполнению обязанностей. Каждый из нас обложен своими обязанностями; каждая обязанность имеет свой круг занятий; каждое дело требует труда и терпения, чтобы довести его от начала до конца в том духе, порядке и полноте, какие составляют его существо, с преодолением всех неизбежных препятствий. Стало быть, всякое обязательное для нас дело есть ноша, а все они, в совокупности, составляют нелегкое иго долга, которое мы несем и должны нести до гроба. Это крест служебный Господу, обществу и нашим ближним.

Нет никого на свете, кто не был бы обложен этими крестами или своим трехсоставным крестом. Но одни несут этот крест во спасение, другие на пагубу себе. Господь, возлагая на нас крест, хочет, чтобы мы творили им спасение свое. Если же кто, пытаясь сбросить с себя этот крест, уязвляется им насмерть, то виноват

* См. также т. 2, с. 682—686 настоящего издания.

сам неразумием своим и невниманием к попечительным указаниям спасающей нас благодати Божией. Господь хочет, чтобы, борясь с собою, мы приобретали опытность в различении добра и зла и очищались; чтобы, терпеливо неся тяготу житейскую, смиренном преклоняли Бога на милость; чтобы, исполняя свой долг с преодолением всех трудностей, достойно стяжали венец правды! Таким образом, когда, входя в эти благие намерения **Божии**, мы держим себя именно в таких отношениях к своему кресту, мы несем его спасительно. В противном же случае крест наш не во спасение нам, а в пагубу (**116, 31—32**).

«Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мк. 8, 34). За Господом, пронесшим Крест на Голгофу, нельзя идти без креста, и все идущие за Ним непременно идут с крестом. Что же такое этот крест? Всякого рода неудобства, тяготы и скорби, налагающие и извне, и изнутри на пути добросовестного исполнения заповедей Господних в жизни по духу Его предписаний и требований. Такой крест так сросся с христианином, что где христианин, там и этот крест, а где нет этого креста, там нет и христианина. Всесторонняя льготность и жизнь в утехах не к лицу истинному христианину. Задача **его** — **очистить** себя и исправить. Он как больной, которому нужны то прижигания, то отрезания, а как это может быть без боли? Он хочет вырваться из плена сильного врага, а как это может быть без борьбы и ран? Радуйся же, чувствуя на себе крест, ибо это знак, что ты идешь вслед Господа, путем спасения, в рай. Потерпи немного. Вот-вот конец и венец! (**107, 75—76**).

Среди Великого поста предлагается поклонению Честной Кресте, чтобы воодушевить постных тружеников к терпеливому несению поднятого ими ига до конца. А в сентябре* для чего это делается? Так случилось? Но у промыслительной Премудрости, все устрояющей, нет случаев. Вот это для чего: в сентябре убирают с поля, по крайней мере у нас. И так, чтобы одни из христиан, в чувстве довольства, не сказали: «Душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись» (Лк. 12, 19), а другие, от скудости, не пали духом, представляется очам всех воздвигаемый Крест. Он напоминает первым, что опора благобытия не имение, а христианское, внутреннее крестоношение, когда внешнее, по благодати Божией, слагается. Он внушает вторым в терпении стяжевать души свои, воодушевляясь на то уверенностью, что с креста идут прямо в рай. Потому одни да терпят, надеясь, что идут прямым путем в Царство Небесное, а другие да вкушают внешних утешений со страхом, как бы не заключить себе вход на Небо. **Епископ Феофан Затворник (107, 309—310)**.

Чтобы вера наша была действительна, Спаситель требует чтобы мы несли свой крест.

Этот крест двоякий: внутренний и внешний. Внутренний **крест—есть** сражение плоти и духа, сражение, которое мы находим в самих себе, когда склонности чувств противятся

* 14/27 сентября — Воздвижение Животворящего Креста Господня.

разуму; когда видим лучшее и хвалим, а худшему следуем; когда и то и другое оставить не хотим, а и то и другое вместе прлучить не можем. Крест тем тягостнее, что он пронзает наше сердце и отнимает покой нашей совести. Другой крест есть внешний, которым нас со стороны обременяют, ибо, отрехшись от себя и следуя добродетели, надо на себя поднять целый полк поработенных страстью людей. Никто не любит противоположного себе. Твое, христианин, благочестие вооружает против тебя нечестивого; твоя справедливость не мила взяточнику; твоя прозорливость досадна хитрому лъстецу; твое воздержание беспокоит любящего роскошь; твоя тщательность приводит в **гнев** ленивого; твое постоянство мучит человека распущенного. «Если бы вы были от **мира**,— говорит Спаситель своим **ученикам**,— то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Ин. 15, 19).

Неси крест этот великодушно, иди на Голгофу за твоим Подвигоположником и в терпении твоём полагай спокойствие духа твоего; докажи миру, что сильнее твое терпение, чем его гонение.

Внутренний **крест**—**победить** внутри нас воюющие с разумом страсти, то есть гнев, зависть, леность, сребролюбие, славолубие, похоть, невоздержание и прочее, а вместо того укрепить себя терпением, великодушием, кротостью, воздержанием, трудолюбием, молитвой. О как трудна эта внутренняя война! В обыкновенной войне есть известное время, известное место, есть отдых. Когда нельзя силой отразить неприятеля, так можно иногда от него спастись бегством. Но здесь нет времени, всегда предстоит сопротивление; нет отдыха, нет места, куда можно убежать, ибо плоть и страсти, с нами борющиеся, мы носим в самих себе всегда. И пока отягощены этим телом, воздыхаем; сойти с поля сражения не можем без опасности или гибели своей. Поэтому-то многие свирепых неприятелей победили, неприступные города взяли, но страстей своих победить не могли. Крест, подлинно, тяжкий, однако когда его освятил терпением Начальник веры нашей, то уже не можем сказать, чтобы он был непереносим. Чем более страстям дать воли, тем они наглее свирепствуют, но когда добрая душа привыкла находить удовольствие в истине и честно-сти, она презирует прелести страстей.

Другой крест, внешний, который на нас со стороны возлагает,— не расслабеть от бедности, от зависти других, от клеветы, от гонения, от тягости обязанностей, а во всем том показать себя мужественным. Благодушное ношение этого креста зависит от того, каким образом кто несет внутренний крест. Тот, кто обуздывает стремление страстей, великодушно снесет праведно ниспосланную милосердным Отцом скудость; тот зависть других и клевету или не заслужит, или презрит; тот в гонении духом не поколеблется; тот обязанностей своей леностью и нерадением не **постыдит**.

Это твой крест, подвижник евангельский! Слава или бесчестие в этом сражении зависит от твоего мужества. Храбрый воин, воюя против неприятеля, твердо знает, что должен или победить, или умереть. Чистая вера, доброе сердце, теплая молитва дадут

торжество твоей добродетели, но расслабление, развращенная совесть, нерадение и распущенность предадут тебя в плен пороку. Тягостен, скажешь ты, этот крест, страшно такое сражение. Подлинно, нельзя до какой-либо славы дойти без труда и подвига. Но чем большее окажешь мужество, тем славнее победа... **Платон, митрополит Московский (105, 335—341).**

Ум, прежде нежели воспрянет от сна лени, находится с демонами. Когда же Господь Иисус Христос пробудит его от лени и сделает способным видеть и рассуждать, тогда он получает возможность взойти на крест. При этом диавол начинает хулить и произносить непотребные слова в надежде, не ослабеет ли ум, не оставит ли подвига, не обратится ли к прежней лени и бездействию. Образом этого были два разбойника, которых разлучил друг от друга Господь Иисус Христос, распявшись между ними. Один из них хулил Господа, а другой молился Ему и услышал: «Ныне же будешь со Мною в раю» (**Лк. 23, 43**) (82, 136).

Если хочешь последовать Господу нашему Иисусу Христу, то соблюдай заповедания Его. Если хочешь распять с Ним ветхого твоего человека, то устрани от себя тех, кто сводит тебя с креста, и приготовь сердце твое переносить благодушно уничижение, любить оскорбляющих тебя, смиряться перед всеми, обуздывать свои пожелания. Молчи языком и устами, не осуждай никого в сердце твоём (82, 144).

Иоанн Креститель имел одежду из верблюжьего волоса, был опоясан кожаным поясом по чреслам и жил в пустыне. Это служит знамением умерщвления плоти подвигами и образом покаяния. Подвиги покаяния совершают предварительное очищение человека и делают его способным взойти на крест. Крест есть знамение духовного бессмертия (82, 190).

Восхождение на крест совершается после того, как заградятся уста фарисеям и саддукеям. Саддукеи служат образом неверия и безнадёжия, фарисеи же — образом лукавства, лицемерия и тщеславия (82, 190).

Ум, желая взойти на крест, должен пролить много молитв и много слез, должен повергаться ежечасно перед Богом, предаваясь воле Его и прося помощи от Благости **Его**, чтобы она укрепляла, сохраняла его и воздвигала в святое обновление, уже не подвергающееся поражениям (82, 190).

Господь заповедал нам нести крест... Значение (этой заповеди) заключается в том, чтобы ум непрестанно бодрствовал и пребывал в добродетели. Восшедший на такой крест да не сходит с него, да пребывает в постоянном воздержании от страстей. Постоянно воздерживающийся от страстей умерщвляет их вовремя. Тогда ум воскресает в состояние непобедимости (82, 212).

Пока имеем возможность прибегать к милосердию Божию и пользоваться богатством щедрот Божиих, пока находимся в теле, раскаемся от всего сердца в грехах наших! Кратко поприще земной жизни. Если возложим на себя подвиг, соответствующий нашим силам, то наследуем вечную и неизглаголанную радость. Если же обратимся вспять, то уподобимся тому юноше, который

воспросил Господа, что ему делать, чтобы спастись, но ушел от Господа, опечаленный Его ответом. Господь сказал ему: «Все, что имеешь, продай и раздай нищим... и приходи, последуй за Мною, взяв крест» (Мк. 10, 21). Этими словами Господь учит нас, что наше спасение состоит в отсечении воли падшего естества. Юноше представилось тягостным отдать все имущество нищим, но еще более тягостным нести крест. Раздавание имущества нищим есть частная добродетель. Она **делает** человека способным нести крест. Несение же креста заключается в отречении от всех видов греха и рождает любовь, без которой не может состояться несение креста. **Преподобный авва Исаия (82, 213).**

Крест наш состоит в страхе Господнем. Поэтому как распятый не может двигаться, как бы ему хотелось, так и мы свою волю и желания должны направлять не к тому, что нам приятно и что льстит нашим похотям, но по закону Господа, с Которым мы сораспялись. И как пригвожденный ко кресту не думает о настоящем и предметах своей страсти, не заботится о завтрашнем дне, не желает владений, не гордится, не спорит, не ревнует, не скорбит о настоящем, не помнит прошедших обид, но считает себя умершим для всего вещественного, думает только о том, куда он пойдет через несколько минут, так и мы, пригвоздившись к страху Господню, должны умереть для всего, то есть не только для плотских пороков, но и для всего мирского, и обратить все внимание туда, куда можем в каждую минуту переселиться, ибо таким образом мы можем умертвить все наши похоти и плотские страсти. **Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (авва Пинуфий 53, 44).**

Нести **крест** — значит быть готовым к опасностям... и ежедневной смерти, и все делать так, как если бы мы уже не надеялись, что наша жизнь не угаснет до наступления вечера (37, 911).

Отречение от себя состоит в совершенном забвении прошедшего и отказе от своих желаний. Святитель **Иоанн Златоуст (43, 967).**

Желай, чтобы дела твои устраивались не как тебе представляется, но как угодно Богу... **Преподобный Нил Синайский (47, 189).**

Взирать на **крест** — значит всю свою жизнь сделать как бы мертвой и распятой для мира, пребывать неподвижным на всякий грех. Святитель **Григорий Нисский (17, 360).**

Ношение креста есть упразднение всякого греха; от этого рождается любовь, без которой не может быть ношения креста. **Преподобный авва Исаия (34, 127).**

Есть два способа взойти на крест: **один** — распятие тела, а **другой** — восхождение в созерцание. Первый бывает следствием освобождения от страстей, а **второй** — следствием действительности дел духа. **Преподобный Исаак Сирин (55, 366).**

Нашедшее от диавола на святого Иова искушение, великодушно им перенесенное, показало, что он был истинный богопочтитель. И диавол, который прежде клеветал и говорил: «разве даром

богобоязнен Иов?» (Иов. 1, 9), не нашел более, чем его оклеветать. И так, терпением его побежденный и посрамленный, умолк. И это значит взять свой крест (Мф. 16, 24), то есть быть готовым к терпению всего, что ни случится, даже и до самой смерти, если это нужно будет ради Бога. Что значит нести крест свой? Терпеть безропотно и великодушно все, что ни случится (104, 879).

«Враги креста Христова» (Флп. 3, 18) те, кто противится Кресту Христову. Как? Крест Христов учит идти тесным путем — они идут просторным. Крест учит смиряться — они гордятся. Крест учит отсекаать свои прихоти — они совершают. Крест учит терпеть — они гневаются и злобствуют. Крест учит распинать плоть со страстями и похотями (Гал. 5, 24) — они мудрствуют по плоти. Крест учит умирать для греха, а жить для Бога — они живут для себя и греха. Крест учит Небесного искать — они мудрствуют о земном. Святитель Тихон Задонский (104, 881).

Вне креста нет живого познания Христа (108, 357).

Каждый человек, истративший свою жизнь неправильно, в противоположность назначению Божию, во вред своему спасению.... есть по отношению к самому себе и вор, и разбойник, и убийца. Этому злодею посылается крест как последнее средство к спасению, чтобы злодей, исповедав свои преступления и признав себя достойным казни, удержал за собой спасение, дарованное Богом (108, 330—331).

Для облегчения страданий и доставления утешений духовных при распятии и пребывании на кресте распят и повешен на Древе Крестном вочеловечившийся Бог близ распятого человека (108, 331).

Смирение возвело Господа на Крест и учеников Христовых смирение возводит на крест, который есть святое терпение, непостижимое для плотских умов (108, 332).

Суетен и бесплоден крест свой, как бы он ни был тяжек, если через последование Христу он не преобразится в Крест Христов (108, 355).

Крест свой делается для ученика Христова Крестом Христовым, потому что истинный ученик Христов почитает исполнение заповедей Христовых единственной целью своей жизни. Эти все святые заповеди становятся для него крестом, на котором он постоянно распинает своего ветхого человека со страстями и похотями (Гал. 5, 24) его (108, 355—356).

Ропот и негодование при скорбях и напастьях есть отречение от креста (108, 87).

Терпеливое несение креста своего есть истинное зрение и сознание своего греха. В этом сознании нет никакого самообольщения. Но признающий себя грешником, и вместе с тем ропшущий и вопиющий с креста своего, доказывает тем, что он поверхностным сознанием греха лишь льстит себе, обманывает себя (108, 356—357).

Ученик Христов тогда несет правильно свой крест, когда признает, что именно ниспосланные ему скорби, а не другие необходимы для его образования во Христе и спасении (108, 356).

С креста твоего славословь Господа, отвергая от себя всякий помысел жалобы и ропот, отвергая его, как преступление и богохульство (108, 357).

Крест — терпение в Господе всех огорчений и напастей, которые будут попущены Промыслом **Божиим** (109, 106).

Для достижения совершенства, вслед за истощанием имени на нищих, необходимо взять крест свой. За оставлением имени должно последовать отвержение от самого себя, в чем и заключается принятие креста (109, 347).

Для составления видимого креста необходимы два бруса в поперечном соединении между собою, и для составления невидимого креста необходимы и скорби **произвольные — подвиги**, содержащие тело в распятии, и скорби извне, обуздывающие и смиряющие дух человека (109, 353).

Взять крест **свой** — значит с покорностью и смирением подчиниться тем временным скорбям и бедствиям, которые благоугодно Божественному Промыслу попустить нам в очищение наших согрешений. Тогда крест служит для человека лестницею от земли к Небу (111, 98).

Взять крест **свой** — значит добровольно и с усердием подчиниться лишениям и подвигам, которыми обуздываются бессловесные стремления нашей плоти (111, 93).

Сознанием своей греховности, благодарением Богу, покорностью воле Божией сделаем крест **свой — орудие** казни и знамя **бесчестия — орудием** победы и знаменiem славы, подобно Кресту Господню (111, 95).

Кто принял крест свой, отвергшись себя, тот примирился с самим **собою** — обстоятельствами своими, с положением своим, внешним и внутренним, тот только может разумно и правильно последовать Христу (111, 95).

Не позволим себе зловредного ропота, в особенности не позволим себе душепагубной хулы, которые часто слышатся из уст ослепленного, ожесточенного грешника, терзающегося и бьющегося на кресте своем, тщетно порывающегося избавиться от креста. При ропоте и хуле крест делается невыносимой тяжестью, увлекающею в ад распятого на нем (111, 95—96).

Взятие креста своего, то есть благодушное терпение скорбей, основано на самоотвержении. Без самоотвержения оно невозможно... Самоотвержение основано на вере во Христа. Этот закон **духовный** предьявлен Христом (112, 151).

Разданием имени предваряется взятие креста. При сохранении имени невозможно принятие и ношение креста (112, 279).

Последование Христу не может состояться без принятия креста и признания в нем Новозаветной правды и Оправдания Божиих (112, 280).

С креста мы способны исповедовать и славословить Бога, в благополучии мы способны к отвержению Его (111, 292).

Не ищи... совершенства христианского в добродетелях человека! **Ческих — тут** нет его; оно таинственно хранится в Кресте Христовом! (111, 477—478).

Крест — знак избрания Божия, печать Христова. Этой печатью

запечатлевает Христос Своих! Этот знак изображают на возлюбленных Божиих Ангелы Бога Вседержителя (111, 477).

Таково божественное назначение для человека во время земной жизни его! Он должен уверовать в Исповителя, исповедовать Его сердцем и устами, исповедовать своею деятельностью, приняв с покорностью тот крест, который **благоугодно** будет Иисусу возложить на ученика Своего. Не принявший креста не может быть учеником Иисусовым. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 129).

«С Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться»

(Рим. 8, 17)

Мы должны понять, что Господь не принуждает нас к ношению Его Креста, то есть к претерпеванию того страдания, какое Он принял ради нас. Он не говорит: если кто хочет идти за Мною... возьми крест Мой, но: возьми каждый крест свой (Мф. 16, 24). Ибо Господь наш знает, что мы не сможем нести Крест Его; свои же кресты по силе нашей и с Его помощью нести можем.

Каждый человек имеет свой крест, какое-нибудь свое бедствие: или греховные вожделения собственного естества и борения плоти против духа, или искушения врага невидимого, или гонения, оскорбления, обиды, злословие и осуждение врага видимого, или лишение возлюбленного друга, детей и имений, или что-либо иное скорбное, или телесные недуги и какие-либо страдания. Все **это** — наши кресты, и когда человек ради любви Божией терпеливо несет их, то он приобщается к страданию Господню, бывает сообразен Кресту Его. Страдания же наши Господь наш считает как бы Своими страданиями. И как делающим добрые дела сказал об этих делах: «так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25, 40), так и об обидах, наносимых нам, говорит обижающим нас: «Так как вы сделали им, сделали Мне». Ибо Господь страдает в нас, как бы в Своих собственных членах; мы же, страдающие, как бы собирая куски, оставшиеся от трапезы, собираем некие остатки от страданий Господних, согласно словам апостола: «восполняя недостаток в плоти моей скорбей Христовых» (Кол. 1, 24), то есть я продолжаю терпеть в теле моем то, чего Он не дотерпел.

И когда апостол хвалится Крестом Господним, он хвалится вместе и своим; хвалящийся же своим крестом хвалится вместе и Крестом Христовым. Христос начал страдания, а мы доканчиваем и доверяем им, восполняем недостаток скорбей Христовых в плоти нашей. И как Крест Господень, то есть страдание Господне, соделал великое и преславное, подобным образом и наши кресты, то есть наши страдания, соделывают по благодати и с помощью пострадавшего за нас Христа великое и преславное, как это мы сейчас увидим.

После преступления Адамова закрыт был рай роду человеческому, и никто в течение пяти тысяч пятисот с лишком лет не мог

открыть его. Все, даже святые угодники **Божии**, по окончании сей временной жизни шли не в рай, а в ад, как засвидетельствовал это святой Иаков, сетуя о сыне своем Иосифе: «С печалью сойду к сыну моему в преисподнюю» (Быт. 37, 35). Кто же потом отверз дверь райскую? Христос, новый Адам. Каким ключом? Крестом, ибо Крест есть ключ к замку райскому, как говорит святой Златоуст: «Крест есть ключ рая, Крест Христов отверз рай». Посмотрим, как вошел в рай разбойник. Не страданием ли крестным? Ибо хотя распят был и за злые дела свои, но сердцем начал сострадать Христу, говоря: «Достойное по делам нашим приняли, а Он ничего худого не сделал». И он тотчас же услышал от Господа: «истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23, 41, 43) и в тот же час пошел с креста в рай. Рассуждая об этом, святой Златоуст говорит: «Ничто не посредствует между крестом и раем: **крест—и** тотчас же за ним рай», то есть посередине между крестом страдания христианского и раем нет никаких преград, препятствий и неудобств, ибо не преграждены они ни великой стеной, ни высокими непроходимыми горами, ни глубокими рвами, ни быстротекущими реками, но тут же при кресте и рай. Мы не сомневаемся, что претерпевающий что-либо во имя любви Божией с благодарностью стоит уже при дверях райских: **крест—и** тотчас рай. Итак, то, что соделал Крест Христов, получил и крест разбойника: страдание Христово отверзло рай, а страдание разбойника привело его в рай. Действие обоих велико и преславно (103, **733—735**).

Апостол говорит: «Для меня мир распят» (Гал. 6, 14). Если распят мир, то значит он имеет и свой особый крест. Воистину, и миролюбцы, поработившие себя суеде мира сего и возлюбившие временную жизнь более вечной, несут кресты свои, **то** есть претерпевают свои страдания, свои подвиги, хотя бы и бесполезные, коими иногда хвалятся, как говорит Писание: «нечестивый хватится похотью души своей» (Пс. 9, 24).

Разве не **подвиг—поработить** себя какой-либо греховной страсти и служить ей? Разве не **подвиг**—идти ночью на воровство или на злодеяние, всю ночь не дать сна очам своим? Разве не **подвиг**—идти на разбой, испытывать голод и жажду, терпеть перемены **погоды**—зиму, зной, мороз и дождь? Разве гнев, ярость и искание мести ближнему своему не есть внутреннее страдание сердца? А угождение плоти, чревоугодие и безмерное пресыщение даже до повреждения **здоровья—разве** все это не крест? Как много людей впало в тяжкие болезни от пресыщения чрева! Разве не **крест**—упиваться до самозабвения, а потом страдать с похмелья и стонать, обвязав голову? Разве это не страдание? Как много людей лишились и жизни от пьянства!

Но какая польза от этих суетных мирских крестов, от таких подвигов и страданий? Послушаем, что говорит апостол: «Многие, о которых я часто говорил вам, а теперь даже со слезами говорю, поступают как враги креста Христова. Их **конец—погибель**, их **бог—чрево**, и слава **их—в сраме**, они мыслят о земном» (Флп. 3, **18—19**). Вот какова польза мирских **крестов—их конец—погибель... и слава их—в сраме**!

«А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа» (Гал. 6, 14), Ему же слава со Отцем и со Святым Духом веки. Святитель Димитрий Ростовский (103, 739).

«Иго Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11, 30). Все избранники **Божии** как единым Духом Божиим ведутся, так и мудрствуют едино. Апостол Павел говорит: «Благодарение Богу, что... освободившись же от греха, вы стали рабами праведности» (Рим. 6, 17, 18). Почему же Христово господство такого желания и радости достойно, если находящемуся и под Христовым властительством надо нести бремя и поднимать иго? Но какое бремя и какое иго! Иго Христово «благо», то есть желанно, и бремя Его «легко». Такое иго не обременяет, такое бремя не отягчает. И для таких-то людей нет закона. Как не быть и для них закону? Но они такой закон исполняют, будто играя; они такое бремя хотя и несут, только оно им почти и нечувствительно, и оттого-то приходят в такое совершенство, словно для них нет закона. На тех только закон, которые насилу и тогда принимаются за добро, когда закон им грозит гееннским огнем, а которые охотно подставляют свои плечи под бремя Христово, для них нет закона.

Но, скажут, и быть в постоянном подвиге, боязни и **осторожности** — тяжело и мучительно. Подлинно так, если бы тот подвиг ничего не заключал в себе утешительного и утешительного. Но подвиг добродетели сам благ и сладок. Он самым утруждением и, если можно так сказать, изнурением нас укрепляет состав наш, предупреждает болезненные следствия и наполняет дух спокойствием, которое более облегчает добродетельного подвижника, чем отягощает его предпринятый труд. Почему мы величайшие труды, предпринятые ради корысти, не считаем тягостными, только бы наверняка корысть до наших рук доходила? Мы не можем сказать, что назначено нам великое упражнение, но не дано ни достаточных сил, ни пригодных орудий, ни соразмерной награды. Видели ли вы послушного и почтительного к отцу сына, который и то делает, что отец его еще собирается приказать? Так и святые мужи, которые хотят лучше тысячу раз умереть, нежели однажды прогневать Бога. Определен малому подвигу твоему славный конец и временным трудам бесконечная награда.

Могут ли теперь опочившие в недрах Божиих сожалеть о тех трудах и подвигах, которые они несли на земле? Чувствуя неизреченное удовольствие от благ, на которые мы уповаем, но которых не постигаем, без сомнения они признают с апостолом, что все их «временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой» (Рим. 8, 18), которую почтены они от щедрости Божией; и для этой награды в тысячу раз больше страданий не отказались бы перенести.

Но что мешаet и нам откинуть сон, протрезвиться, руки с мольбой вознести к Небу, просить Небеса о прощении, просить, чтобы была дана благодать, которая бы нас, подняв со одра, повела бы куда хотела, и мы были бы рады за нею **идти** — известно, что она поведет нас на путь истинный, наставит нас на землю праву. Что мешаet и нам, подражая тем богомудрым мужам, охотно взять иго Христово и бремя Его? Или у нас не тот же Бог, или не та Благость? Или Бог наш руку свою сократит, или щедрый Отец затворит свои отеческие недра? Нет, «приходящего ко Мне не изгоню вон» (Ин. 6, 37), — говорит Он... О Боже наш! управи намерение наше и помоги совершить подвиг. **Платон, митрополит Московский** (106, 253—257).

СКОРБИ *

«Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие **Божие**»

(Деян. 14, 22)

Не здесь обещал нам Бог даровать покой и Царство Свое, ибо век сей назначил быть для нас училищем, местом искуса и подвига. Поэтому не будем унывать, когда случаются с нами огорчения и скорби, а, напротив, станем более радоваться, что идем путем святых. Ибо Господь наш Иисус Христос, податель жизни нашей, все Домостроительство Свое во плоти совершил страданиями (27, 278).

Если будут окружать тебя скорби, то знай, что они отверзнут тебе райскую дверь (29, 298).

Для того Господь скорби и страдания всех святых, а также и собственные Свои страдания Воплощения, какие претерпел Он за нас, грешных, передал нам письменно, чтобы научить нас, что желающему спастись невозможно прожить... без искушений и скорбей (27, 262).

Скорби и искушения полезны человеку: делают душу благо-искусной и твердой, если она мужественно, охотно, с упованием на Бога переносит все случаемое, с несомненной верой ожидая избавления от Господа и милости Его (26, 527).

Вспротивимся всякому восстанию дьявола, с вождением имея всегда перед очами смерть за Господа, и, как сказал Господь, ежедневно подъемля на себя крест, то есть готовность к смерти, будем следовать за Ним и с легкостью переносить всякую скорбь, как тайную, так и явную. Ибо если ожидаем претерпеть смерть за Господа и с желанием имеем ее всегда перед очами, то тем более с легкостью, охотно и радостно претерпим скорби, как бы тяжки они ни были. Ибо если нетерпеливо считаем скорби тяжкими и обременительными, то это потому, что не имеем перед очами смерти для Господа, и мысль не всегда устремлена к Нему с любовью (26, 531).

Горе тебе, душа, если не выносишь никакой скорби, причиняемой тебе братом, ни даже жестокого слова, но тотчас вступаешь в противоречие и сопротивление; за это теряешь венец терпения и кротости и будешь навеки осуждена со злопамятными. **Преподобный Ефрем Сирин (26, 597).**

Хотя бы кто отнял у нас имущество, хотя бы изрезал наше **тело,— все** это для нас ничто, если душа у нас остается здоровой (35, 384).

Ничто случившееся с нами не в состоянии будет опечалить нас, если будем возносить молитву напряженную и усердную; посредством ее мы избавимся от всего, что бы нас ни постигло (35, 546).

Если наши добродетели велики и многочисленны, а грехи малочисленны и незначительны, между тем мы потерпим какие-

* См. также т. 2, с. 683—684 настоящего издания.

либо бедствия, то, сложив с себя и эти немногие грехи, мы в будущей жизни получим чистое и совершенное воздаяние за добрые дела (35, 816).

Будем смотреть не на скорбь и печаль настоящую, а на пользу, которая из нее происходит, на плод, который она рождает (36, 59).

Покой и веселье обыкновенно ведут к беспечности, тогда как скорбь приводит к заботливости и заставляет душу, рассеянную вовне и развлеченную многими предметами, обращаться к самой себе (36, 59).

Для того и болезни тела, для того и скудость плодов, для того... и всякие скорби, чтобы мы из-за этих бедствий всегда прилеплялись к Богу и таким образом, через временные скорби, сделали наследниками Вечной Жизни (36, 340).

Для верующего во Христа неизбежно терпеть скорби, потому что «все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим. 3, 12) (37, 301).

Ибо ничто так не располагает душу к мудрости, как бедствия, искушения и угрожающая скорбь. Святитель Иоанн Златоуст (42, 403).

Скорби для хорошо приготовленных есть как бы укрепляющая пища и упражнение в борьбе, приближающие подвижника к Отеческой Славе... (4, 247).

Скорби, претерпеваемые здесь за Божий закон, будут семенем грядущих благ (5, 251).

Если не терпишь скорбей, то не ожидай и венцов там, как не выходивший здесь на подвиги и труды, какие назначены для получения венцов (6, 380).

Как врач, хотя причиняет телу страдания, однако же благодетелен, потому что борется с болезнью, а не с больным, так благ и Бог, Который частными наказаниями содействует спасению целого (7, 126).

Приемля удары от Бога, Который с благостью и премудростью устраивает жизнь нашу, будем просить у Него сперва познания тех причин, по которым Он поражает нас, а потом избавления от скорби (8, 172).

Если кто не падает под скорбью, но в надежде на Бога несет бремя печали, то за терпение готова ему великая награда от Бога. Святитель Василий Великий (10, 267).

Бог, зная твою немощь, по смотрению Своему посылает тебе скорби, чтобы стал ты смиреннее и ревностнее взыскал Бога. Преподобный Макарий Египетский (33, 211).

Пусть всякая невольная скорбь научает тебя помнить о Боге, и ты не будешь иметь недостатка в побуждениях к покаянию (54, 13).

Кто противится постигающим его скорбям, тот, сам того не зная, противится повелению Божию (54, 50).

Познавший истину не противится скорбным обстоятельствам, ибо знает, что они приводят человека к страху Божию. Преподобный Марк Подвижник (54, 44).

Скорби служат нам пособием к сохранению заповедей Божиих (34, 182).

Всегда ожидай каких-либо великих и страшных скорбей, бедствий и смерти, чтобы они не постигли тебя не готовым. Преподобный авва **Исаия** (34, 285).

С усердием должны мы прибегать к Богу без всяких жалоб или ропота, но во всякой скорби ограждаясь благою надеждой. Преподобный Нил Синайский (49, 301).

Другому, Царь, дай славу без трудов, а для меня вожделенно приобрести Тебя страданиями и скорбями. Святитель Григорий Богослов (12, 113).

Скорбью, как бы в каком священном месте, душа научается ничтожеству человеческой природы, кратковременности настоящей жизни, тленности и непостоянству житейского (35, 148).

Ничто так не отгоняет беспечность и рассеянность, как скорбь и печаль; они сосредоточивают душу и обращают ее к самой себе (35, 543).

Скорби помогают святым быть кроткими и смиренными, а не **надмеваться** от знамений и заслуг (36, 14).

Когда же увидишь порочного в **несчастии**, утешайся не потому только, что он становится лучше, но и потому, что изглаживаются здесь многие из грехов его (35, 853).

От скорби мы получаем немало пользы еще прежде воскресения тем, что душа наша становится испытаннее, мудрее, разумнее и избавляется от всякой робости (36, 472).

Скорбь приносит двоякую пользу: во-первых, делает нас более ревностными и внимательными; во-вторых, дает нам немалое право на то, чтобы быть услышанными (в молитвах) (36, 494).

Как землю нужно пахать и копать, так и для души, вместо заступа, нужны искушения и скорби, чтобы она не заросла сорной травой; чтобы стала менее жестокой, чтобы не возгордилась (39, 395).

Через скорби Бог упражняет душу в добродетели, ибо когда душа избирает добродетель, несмотря на трудность и еще не получая награды, то оказывает расположение и великое усердие к ней. ... Скорбь особенно располагает нас к мудрости и делает крепкими... Великое благо скорбь, но мы не должны сами навлекать ее на себя (113, 322).

Ничто так не содействует любви и общению, как скорбь; ничто так не соединяет и не связывает души верующих (43, 373).

У нас бесчисленное множество поводов к скорбям. Один только есть путь, избавляющий от этой **несообразности**, — путь **добродетели**. И он, конечно, не чужд горестей, но горестей не напрасных, а приносящих благо и пользу. Святитель Иоанн Златоуст (45, 762).

Авву Аммона спросили: какой **путь—путь** тесный и прискорбный? Он отвечал: путь тесный и прискорбный есть обуздание своих помыслов и отсечение собственных пожеланий для исполне-

ния воли Божией. Это и значит: «вот, мы оставили все и последовали за Тобою» (Мф. 19, 27). **Авва Аммон (82, 62).**

О, как труден путь Божий! Сам Господь сказал: «тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7, 14). А мы, ленивые, праздные, преданные плотским наслаждениям, полагаем свое спокойствие и благополучие в отвержении ига Христова. **Авва Исаия (82, 224).**

Постарайтесь войти тесными вратами. Как деревья не могут принести плода, если не переживут зимы и снега, так и для нас эта **жизнь — зима** и снег, и если не подвергнемся многим скорбям и напастьям, то не сможем наследовать Царство Небесное. **Амма Феодора (82, 369).**

По премудрому Божественному Совету бывает, что во время земного странствия жизнь избранников Божиих возмущают скорби. Жизнь временная есть путь к Отечеству Небесному, и по Божиим неисповедимым судьбам люди подвергаются ежедневным скорбям, чтобы не возлюбили самого пути вместо Отечества... Если бы Господь утешал нас ежедневно настоящими благами, подавая нам все в изобилии, то мы сочли бы совершеннейшими благами те, которые Господь здесь подает Своим рабам, и больших от Него не желали бы... И потому мнимую сладость этой жизни Он растворяет желчью скорбей, чтобы мы стремились к блаженству истинному и спасительному. О, горе роду человеческого! Горек мир, а его любят; как же бы он привязывал всех, если бы исполнен был наслаждений! Волнуется мир, а вожделен для всех; что было бы, если бы не было в нем треволнений? Если так прилепляются к миру нечистому, как пленял бы чистый! Как собирали бы цветы мира, когда не оторвут рук и от терний его? **Блаженный Августин (113, 317).**

Ужас и скорбь если не совсем устранены с пути Христова, то много уменьшены тем самым, что Он уже совершил этот путь и проложил его **для** нас. Поэтому и апостолы не всегда, как вначале, боялись идти за Христом; но пришло время после, когда они тем же страшным и скорбным путем проходили с радостью. Повествователь их деяний пишет: «пошли из синедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие» (Деян. 5, 41). Как могло случиться, что те же люди, на том же пути, сперва боялись, а потом радовались? Боялись, когда Иисус Христос еще не совершил этого пути и не привел его в безопасность; радовались, когда Он прошел путем этим и на Себе унес трудности его. Боялись, когда взирали только на трудности, не проникая далее, но возрадовались, когда ясно усмотрели конец пути Христова. Ибо куда, наконец, приводит путь этот? Он приводит на Небеса, к Самому Богу Отцу, как Сам Иисус Христос, изображая весь путь Свой, от начала до конца, скажет: «Я исшел от Отца и пришел в мир; и опять оставляю мир и иду к Отцу» (Ин. 16, 28). Этот путь вводит в Божественную славу: «надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою» (Лк. 24, 26). Но если Господь наш идет к Богу Отцу Своему, то приведет к Нему с Собою и нас. Если Христос входит в Свою Божественную славу, то введет с собою и христиан и сделает, как пишет апостол, «причастниками Божеского естества» (2 Пет. 1, 4) (114, 216).

«Они обратно проходили Листру, Иконию и Антиохию, утверждая души учеников, увещевая пребывать в вере и поучая, что многими скорбями надлежит нам войти в Царствие **Божие**» (Деян. 14, 21—22)... Это сказание святого евангелиста Луки о проповеди святых апостолов

Павла и Варнавы представляет способ наставления довольно необыкновенный. Цель наставления, как вы видите из сказанного, была та, чтобы утвердить души учеников в вере. Какое же средство употребляют для этого богомудрые наставники? Они предсказывают верующим скорби, и скорби необходимые, потому что через них надо достигать Царствия Божия. «Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие». Не надлежит ли опасаться, что эта истина грозная поколеблет веру, а не утвердит? Не лучше ли было бы скрыть предусмотрение опасностей? Но нет! апостолы не скрывают учения о скорбях, предстоящих на пути к Царствию Божию: видно, нужно это учение. Они предлагают это учение, желая утвердить души учеников в вере: видно, есть в этом учении сила для утверждения веры.

«Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие». Апостолы не говорят: многими познаниями надлежит войти в Царствие Божие, хотя это, по-видимому, было бы сообразно с премудростью и разумом (Кол. 2, 2—3), сокровенными во Христе. Видно, многие познания полезны, но не совсем необходимы для достижения Царствия Божия. В самом деле, мытарь достиг оправдания не многими познаниями, не многим смирением, не высокими созерцаниями, но очень простой молитвой: «Боже! будь милостив ко мне грешнику!» (Лк. 18, 13).

Не говорят: многим временем подобает войти в Царствие Божие, хотя и на земле многое достигается нескоро, а Небо, кажется, далее земли. Видно, продолжительность времени не есть строгое условие приближения к Царствию Небесному. В самом деле, разбойник на кресте в несколько часов, и даже, может быть, в несколько минут, совершил путь от врат адовых до дверей рая.

Не говорят: многими трудами и подвигами подобает войти в Царствие Божие, хотя это правда, по слову Самого Иисуса Христа, что «Царство Небесное силою берется» (Мф. 11, 12). Видно, успех усилий, которыми достигают Царствие Небесное, не всегда определяется тягостью трудов и числом подвигов. Перстень сына царствия дан блудному сыну скорее, нежели он окончил труд договорить покаянную речь оскорбленному отцу. Он едва успел изобразить свое недостойнство: «отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим» (Лк. 15, 21), а не успел еще принести просьбы, как ему даровано больше, нежели он смел желать и надеяться.

Не многими познаниями, не многим временем, не многими трудами, но, говорят апостолы, «многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие». Видно, скорби более других средств и пособий нужны и полезны для достижения Царствия Божия.

Разум, не совсем покоренный вере, не совсем ею просвещенный, не сразу может усмотреть подлинно ли и почему путь к Царствию Божию должен лежать непременно через скорби. Что, кажется, за необходимость заставлять человека страдать, чтобы потом сделать его блаженным? Отсюда может родиться догадка, не относится ли учение о скорбях ради Царствия Божия только к первым христианам, которым надлежало вытерпеть гонения от иудеев и язычников до утверждения христианства во вселенной. Этим христианам, действительно, и в этих обстоятельствах апостолы Павел и Варнава говорили о многих скорбях ради Царствия Божия, и притом вскоре после того, как Павел перед их глазами, в Листре, едва не до смерти был побит камнями за проповедь христианства. Но что учение о скорбях ради Царствия Небесного есть не временное только и частное, а постоянное и всеобщее в христианстве, в этом нетрудно удостовериться из наставлений Самого Иисуса Христа, не случайных и примененных к особенным обстоятельствам, но коренных и всеобщих. Филарет, митрополит Московский (114, 367—380).

Различные искушения бывают причиной различного добра. Ведь что может быть лучше благ Небесного Царствия: «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку» (1 Кор. 2, 9). И каким образом человеку можно их получить? Ничем иным, как только искушениями и терпеливым перенесением скорбей. «Многими,— сказано,— скорбями надлежит нам вой-

ти в Царствие Божие» (Деян. 14, 22). Кому даруются небесные венцы, как не страждущему в искушениях? «Блажен человек, который переносит **искушение**,— говорит [апостол] Иаков,— потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его» (Иак. 1, 12). И Товит также свидетельствует: «Блаженны скорбевшие о всех бедствиях твоих, ибо они возрадуются о тебе» (Тов. 13, 14). Кто удостоивается вечной славы? Не тот ли, который в печалих бедствует, согласно словам апостола: «Кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную **славу**» (2 Кор. 4, 17). Это значит, что какая-либо печаль, внезапно находящаяся на нас, хотя бы и легкая, но переносимая нами с благодарностью, ходатайствует нам великое множество вечной славы, и даже больше того: принятие печали с благодарностью делает нас сынами Божиими, как об этом говорит и Писание: «Если вы терпите **наказание**—под наказанием здесь апостол разумеет всякую печаль и скорбь, случающуюся по Божию **попущению**,—то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны» (Евр. 12, 7—8). Смотри, по чему узнается, кто является приобщенным сыном Богу и кто нет. А по тому, терпит ли он наказание, ибо не терпящий есть сын незаконный, терпящий же есть сын, приятный Богу. Святитель Димитрий Ростовский (103, 108—109).

Помни, что скорбью истинные христиане уподобляются образу страдания Христова, чтобы и в славе стать подобными Ему: «с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8, 17). Он «уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его» (Флп. 3, 21). «Возлюбленные! мы теперь дети **Божии**; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему» (1 Ин. 3, 2). Воскрес Христос, пострадавший и умерший, воскреснут и христиане, члены Его, с Ним страждущие. Вознесся на Небо **Христос**—вознесутся и рабы Его. Прославился **Христос**—воцарятся с Ним и терпеливые рабы Его. «Если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем» (2 Тим. 2, 11—12). Последний ныне Христу, да и там с Ним будешь. Не стыдись ныне, «нося Его поругание» (Евр. 13, 13), и с Ним прославишься. Пей ныне уксус, смешанный с желчью, вместе со Христом (Мф. 27, 34), и сподобишься пить вино Вечной радости за Трапезою Его в Царстве Его (Лк. 22, 30) (104, 1727—1728).

Без всякого сомнения известно, что истинным христианам без скорби в этом мире быть невозможно. Так свидетельствует Божие слово: «Много скорбей у праведного» (**Пс.** 33, 20); «в мире будете иметь скорбь» (Ин. 16, 33); «все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим. 3, 12). Ибо «узок путь», который их вводит в жизнь (Мф. 7, 14). Что же, ты ли один хочешь без скорби пробить и с тесного пути на просторный, ведущий в погибель (Мф. 7, 13), перейти и тем из числа истинных христиан себя исключить? Прочитай священную историю от

начала **мира** —и увидишь, что все святые чашу крестной горести пили, и ныне странствующие в мире пьют, и до конца мира будут пить. Довольно тебе для утешения того, что ты их «соучастник в скорби» (Апок. 1, 9), что «вы участвуете в Христовых страданиях» (1 Пет. 4, 13). Святитель Тихон Задонский (104, 1714—1715).

Богочеловек провел земную жизнь свою в лишениях и скорбях. Этим он освятил лишения и скорби истинно верующих в Него, возвысил земные лишения и скорби превыше земного благоденствия (111, 287).

Духовный разум научает, что недуги и другие скорби, которые Бог посылает людям, посылаются по особенному Божию милосердию, как горькие целительные врачевания больным. Они содействуют нашему спасению, нашему вечному благополучию гораздо вернее, нежели чудесные исцеления (111, 317).

Скорбное положение во время земной жизни есть установление Самого Господа для истинных рабов и слуг Господа (112, 124).

Господь предвозвестил ученикам и последователям Своим, что они в мире, то есть во время свершения поприща земной жизни, будут скорбны (112, 124).

Скорби, посылаемые человеку Промыслом Божиим,—верный признак избрания человека Богом (112, 129).

Скорби — по преимуществу удел современного монашества, удел, назначенный нам Самим Богом (112, 137).

В последние времена тесный путь оставят почти все, почти все пойдут по широкому. Из этого не следует, что широкий потеряет свойство вводить в пагубу, что тесный сделается излишним, ненужным для спасения. Желаящий спастись непременно должен держаться тесного пути... завещанного Спасителем (108, 211).

Тесен и прискорбен путь, ведущий в Жизнь Вечную, мало ходящих по нему, но он — неотъемлемое и неизбежное достояние всех спасающихся (108, 352).

Пространные врата и широкий путь — это деятельность по воле и разуму падшего естества. Узкие врата — деятельность по Евангельским заповедям (108, 516).

Узкие врата — тщательное, основательное изучение Закона Божия и в Писании, и жизнью; тесный путь — деятельность, всецело направленная по Евангельским заповедям (111, 343).

Путь спасения, вводящий в Жизнь Вечную, тесный и прискорбный, установлен Господом, установлен и всесвятым примером Господа, и всесвятым учением Господа (112, 124—135).

Путь тесный поднимает с земли, выводит из омрачения суетой, возводит на Небо, возводит в рай, возводит к Богу, ставит перед Лицом Его в незаходимый свет для вечного блаженства. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 111).

Временное наказание избавляет от вечной смерти

Если Бог хочет помиловать душу, а она упорствует и не повинуется, но поступает по своей поврежденной воле, то Бог попускает ей скорби, которые она не желала бы иметь, чтобы

таким образом эта душа взыскала Бога. Преподобный авва **Исаия** (82, 152—153).

Горестное посылается от Бога достойным того, каждый же сам для себя бывает виновником этих бичей, собственным своим произволом уготовляя себе ожидающие его скорби. Святитель Григорий Нисский (17, 286).

Скорби находят и за прежде бывшие грехи, принося с собой то, что соответствует каждому прегрешению. Преподобный Марк Подвижник (54, 45).

Истина есть то, что часто Бог, временно казня грехи наши, наводит на нас бедствия и печали; так, например, и три отрока в Вавилоне говорили Господу: «по истине и по суду навел Ты все это на нас за грехи наши» (Дан. 3, 28). Однако нельзя сказать, что благая воля благого Бога хочет нам зла, когда и за грехи наказывает нас. Посмотри на врача: что делает он больному? Иногда он дает ему горчайшие питья, иногда же и режет, и жжет, и большие страдания причиняет своим врачеванием, потому что невозможно без боли излечить рану. Но делая все это, он не болезни, но здоровья, не смерти, но жизни желает тому, **кого** лечит. Так и Бог, Врач душ наших, видя гниющие наши духовные раны, прилагает подобающее им врачевание. Он жжет напастями, режет нечаянно находящими печальями и поит горестями плачевными. Делает же все это не для **того**, чтобы погубить нас, но исцелить, не убить, но оживить, не умертвить, но восстановить нас. Поэтому и Давид говорит так: «Строго наказал меня Господь, но смерти не предал меня» (**Пс.** 117, 18). Даже в самое время наказания Бог более благ, нежели зол, более милосерд, нежели гневен, более сострадателен, нежели мстителен. Если и возливает Он на наши раны вино жестокой скорби, то не без елєя; если и бьет, то не без пощады; если и опечаливает, то не без помилования; если и огорчает, то не без утешения. Ибо говорит Псалмопевец: «При умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои улаждают душу мою» (**Пс.** 93, 19). Наказаниям быть необходимо, ибо иначе нельзя исцелить наши душевные раны. Как больному требуется лечение, так и нам **грешным** — наказание. «Почтите **Сына**, — сказано, — чтобы Он не прогневался» (**Пс.** 2, 12). Наказание же Господне мы должны принимать с благодарностью, а не со скорбью, с терпением, а не с ропотом, с великодушием, а не с изнеможением, согласно слову апостольскому: «Нас огорчают, а мы всегда радуемся» (2 Кор. 6, 10). Святитель Димитрий Ростовский (103, **104—105**).

Двояко наказание **Божие** — вечное и временное. Вечное наказание готовится людям нечестивым, беззаконным и нераскаянным грешникам. Этого они никак не избегнут, как себе ни льстят. «Дождем прольет Он на нечестивых горящие угли, огонь и серу; и палящий **ветер** — их доля из чаши» (**Пс.** 10, 6). Временное наказание претерпевают благочестивые люди, боящиеся Бога и старающиеся сохранять заповеди **Божии**; и это наказание **Божие** — отеческое, милостивое и происходящее от любви. Так и написано:

«Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает» (Евр. 12, 6). Так человеколюбивый Господь человеколюбиво наказывает здесь верных Своих рабов, чтобы там их помиловать, по слову апостольскому: «Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром» (1 Кор. 11, 32). Бьет, как отец, чад Своих и исправляет, да подаст им наследие Вечной Жизни, ибо и самые благочестивые люди не без греха (104, 1712—1713).

Всякая скорбь не случайна, но посылается нам от Бога и есть Его отеческое наказание, которым наказывает нас не от гнева, но от любви, как учит апостол: «Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает» (Евр. 12, 6). Как на нечестивых изливает Свой праведный гнев, и чашу гнева Его и ярости вовеки будут пить, так благочестивых не яростью обличает, не гневом наказывает, но отечески бьет, во гневѣ о милости вспоминает, наказывает, но смерти не предаѣт... Люди, наученные диаволом, наводят нам беды и скорби, но попусщением Божиим, ибо ни люди, ни диавол ничего не могут нам сделать, если им Бог не попустит. Попускает же им для нашего наказания, и сколько им попускает Бог, столько они нам и досаждают и причиняют зла (104, 1719—1720).

Кто безгрешен и кто оправдывается перед Ним? Часто бывает, что перед человеком, который гонит нас, мы не согрѣшили, но согрѣшили перед Богом; и часто в том, в чем поносят нас, не виноваты, но виноваты в другом, и так во всем вина наша. Если бы грехов не было, не было бы и бед, ибо все беды произошли от грехов. Поэтому в бедствиях нужно признавать правду Божию, а нашу виновность и благодарно терпеть наносимое бедствие (104, 1720—1721).

Всякая скорбь и беда бывает от греха; и если бы греха не было, не было бы и скорби. Поэтому посылается скорбь, чтобы грех очистился; и когда очистится грех, который стал причиной скорби, отнимется и самая скорбь. И должно покаянием, исповѣданием перед Богом, молитвой и верой очищать грехи; и скорбь, и печаль благодатию Божиею отнимется, и придет утѣшение, как солнце после мрачных дней, приятнее и радостней пища после поста. **Святитель Тихон Задонский** (104, 1721).

Грех — причина всех скорбей человека и во времени, и в вечности. Скорби составляют как бы естественное послѣдствие, естественную принадлежность греха, подобно тому как страдания, производимые телесными недугами, составляют неизбежную принадлежность этих недугов, свойственное им действие (111, 157).

Бесчестие и другие скорби... обнаруживают таящийся грех в глубине души. Скорбь по той причине и называется искушением, что она открывает сокровенное состояние сердца (109, 370).

Поврежденная природа наша постоянно нуждается, как в противоядii, в скорбях: ими погашается в ней сочувствие к греховному яду страстей, в особенности к гордости... ими выводится слугитель Божий из напыщенного неправильного мненiя о себе в смиренномудрии и духовный разум (109, 107).

Грешников намеренных и произвольных, в которых нет залога к исправлению и покаянию, Господь не признает достойными скорбей как не принявших учения Христова (112, 130).

Скорби и искушения действуют гибелью на сынов погибели, зло низлагает их, они не умеют победить его и прежние свои законопреступления завершают новыми законопреступлениями (112, 146).

Скорби нам необходимы для того, чтобы мы имели случай прощать ближних и тем получить отпущение собственных своих согрешений (112, 298).

Блажен не только тот, кто безвинно подвергается искушениям, блажен и тот, кого Господь наказывает за грехи и вытесняет скорбями с широкого пути на путь заповедей Божиих. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 442).

«Но печаль ваша в радость **будет**»

(Ин. 16, 20)

Не думай, что всякая скорбь находит на людей за грехи, ибо некоторые угодяющие Богу бывают искушаемы. Преподобный Марк Подвижник (54, 24).

Большая часть божественных дарований зарождается в душе после затруднения и скорби (49, 307).

Чем более разнообразные скорби и наказания посылает на тебя Господь, тем больше искренней любви Он простирает к тебе. Преподобный Нил Синайский (49, 366).

... Ты должен хорошо знать, что не всегда только за грехи попускаются скорби, печали и злключения, но иногда человеколюбивый Бог, любя раба Своего, нарочно повергает его в различные бедствия, как золотую руду в огонь, чтобы искусить его, как золото в горниле, и сделать его достойным Себя. «Плавильня—для серебра, и горнило—для золота,—говорит Соломон,—а сердца испытывает Господь» (Притч. 17, 3). Посмотри на Иова и Товию, праведных и любезных Богу людей, сколь многими и не малое время они, как золото, были искушаемы скорбями и печалью, а потом какими радостями и веселиями они были утешены. Они претерпели много зла, и не за грехи свои, но для того, чтобы проявилась еще большая их вера и любовь к Богу. Так и Моисей говорил Израилю: «искушает вас Господь, Бог ваш, чтобы узнать, любите ли вы Господа, Бога вашего, от всего сердца вашего и от всей души вашей» (Втор. 13, 3)... Бог попускает любимым рабам своим скорби по силам их, Бог подает и терпение в скорбях уповающим на Него. Поэтому, любящий Бога, «возложи на Господа заботы твои» (Пс. 54, 23), ибо Он печется о тебе, Он промышляет о тебе. Уповай на Бога, и Он «сохранит тебя от всякого зла; сохранит душу твою Господь» (Пс. 120, 7). Ибо пишется: «хранит Господь всех любящих Его» (Пс. 144, 20). Если любишь Господа, не печалься о нашедших на тебя скорбях: Он избавит тебя от них, ибо говорит: «С ним Я в

скорби; избавлю его и прославлю его» (Пс. 90, 15). Если любишь Бога, не скорби об окруживших тебя бедствиях, ибо «любящим Бога... все содействует ко благу» (Рим. 8, 28); все, что считается бедствием в этом мире, как-то: гонения, озлобления, досады, унижения и многое **другое**,— все это любящим Бога обыкновенно принесит не гибель, но спасение. Силен Бог рыдание и плач вскоре преложить на веселие и утешение (103, 105—106).

Господь наш Иисус Христос, уходя от мира сего, завещал любящим Его, как бы в виде некоего особого дара, гонения в мире, слезы, рыдания и скорби, ибо Он говорит: «Изгонят вас из синагог», и еще: «вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете» (Ин. 16, 2, 20). Однако Он оставил все это любящим Его не для того, чтобы озлобить их, стереть и славу их повергнуть в прах, но чтобы тем больше их потом утешить, возвеличить и прославить. Как «надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою» (Лк. 24, 26), так будет и с нами: «печаль **ваша**,—говорит Он,—в радость будет» (Ин. 16, 20). И еще: «и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас» (Ин. 16, 22). Он оставил любящим Его скорби для того, чтобы ими, как бы путем, усталым терниями, тесным и скорбным, они достигли неотъемлемой радости. Ибо как радующиеся и веселящиеся ныне всякий день наследуют плач, согласно написанному: «Горе вам, смеющиеся ныне! ибо восплачете и возрыдаете» (Лк. 6, 25), и еще: «концом радости бывает печаль» (Притч. 14, 13), так и плачущие ныне наследуют радость и веселие: «Блаженны **плачущие**,—сказал Господь,—ибо они утешатся» (Мф. 5, 4). ... «Господь неба и земли даст тебе радость вместо печали твоей» (Тов. 7, 17). **Святитель Димитрий Ростовский (103, 107).**

Если и посылает Бог рабам Своим скорби, то не оставляет их в скорбях, но с ними пребывает в скорбях их, как говорит: «С ним Я в скорби» (Пс. 90, 15). Так читаем о святом Иосифе, сыне патриарха Иакова, что «Бог был с ним» (Деян. 7, 9). Хотя в рабы был продан Иосиф «стеснили оковами ноги его; в железо вошла душа его» (Пс. 104, 18), однако же Бог был с ним. Был и со святыми патриархами Авраамом, Исааком и Иаковом, хотя и многие беды окружали их. Поэтому пишется, что «никому не позволял обижать их и возбранял о них царям: «Не прикасайтесь к помазанному Моим, и пророкам Моим не делайте зла» (Пс. 104, 14—15) ... Был с мучениками посреди печи скорбей, мучений и страданий, был и с прочими святыми. Он ныне неотступно с рабами Своими, чтущими Его, и будет до скончания века: «се, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28, 20) (104, 1737).

Когда слышишь, возлюбленный христианин, что Бог с верными рабами Своими в скорбях, не просто подразумевай это Божие бытие: Он с ними и сохраняет их, помогает им, утешает их, растворяет крестную горечь любви Своей, подавая ко вкушению Свою **благодать**,—как мать по-разному утешает свое скорбящее и плачущее малое дитя,—и так или облегчает тяжесть скорбей, или, когда нужно, совсем освобождает их от печи скорбей. Эта благодать и человеколюбие Божие удивительно изображается в Святом Писании. Уподобляется орлу, покрывающему гнездо свое и согревающему птенцов, как в песне Моисеевой; уподобляется «сени крыл» и прочему (Пс. 16, 8; Пс. 30, 21; Пс. 35, 8; Пс. 60, 5; **Пс.** 62, 8; Пс. 90, 1), и перьям осеняющим, как сказано: «перьями

Своими осенит тебя» (Пс. 90, 4). Видишь, как бывает Бог с рабами Своими в их скорбях! **Святитель Тихон Задонский (104, 1738).**

Когда святые апостолы исповедали Спасителя Сыном Божиим. Он сказал: «должно... пострадать... и быть убиту» (Мф. 16, 21). Дело созрело, оставалось только завершить его крестной смертью. То же бывает и в ходе нравственного преуспеяния христианина. Пока он в борьбе со страстями, враг еще надеется как-нибудь искутить его, но когда страсти улягутся и у врага недостает уже силы возбуждать их, тогда он воздвигает внешние искушения, всякого рода напраслины, и притом самые чувствительные. Он метит заронить мысль: «Ну из-за чего трудился и боролся? Никакого нет тебе от этого проку». Но когда он заготовляет таким образом войну извне, Господь труженику своему ниспосылает дух терпения, и прежде чем враг успеет поднять какую-либо беду, пробуждает в сердце его воодушевленную готовность на всякого рода страдания и неприязни, и козни врага не удаются. Как Господь сказал о Себе: «должно... пострадать», так и они испытывают некоторую жажду скорбей. И когда они наступают, то с радостью встречают их, пьют их, как жаждущий пьет прохладную воду. Епископ Феофан Затворник (107, **218—219**).

Невинный и Всесвятой Господь, пострадав принятым Им человечеством за виновное и зараженное грехом человечество, предоставил страдания в путь спасения для всех Своих последователей, для всего Своего духовного племени и родства... Вместе с тем Он изливает в страдания рабов Своих из Своих страданий неизреченное духовное утешение как деятельное доказательство верности спасения и верности страдальческого пути, ведущего к спасению (112, 127).

Тем, которым попускаются скорби, невозможно было бы устоять в них, если бы не поддерживала их тайно помощь и благодать Божия... Без скорби человек не способен к тому таинственному, вместе существенному утешению, которое дается ему соразмерно его скорби (108, 317).

Священное Писание свидетельствует, что рабам Божиим, шествующим путем заповедей Божиих, посылаются особенные скорби в помощь их деятельности... Эти очистительные скорби именуются попусками, или судьбами Божиими (108, 326).

Скорби были от начала века знамением избрания Божия. Они были знамением, богоугодием для патриархов, пророков, апостолов, мучеников, преподобных. Все святые прошли тесным путем искушений и скорбей, терпением их принесли себя в благоприятную жертву Богу (108, 350).

Убегает от исполнения закона Христова безумно ищущий места бесскорбного... Место и жизнь бесскорбные, когда сердце обрящет смирение и смирением войдет в терпение (109, 50).

Время скорби есть то блаженное время, в которое Бог созиждет душу возлюбленного избранника Своего из среды людей (109, 106).

Дару внимательной молитвы обыкновенно предшествуют особенные скорби и потрясения душевные, низводящие дух наш в глубину сознания нищеты и ничтожности своей (109, 284).

Одр. болезни бывает часто местом богопознания и самопознания. Страдания тела бывают часто причиной духовных наслажде-

ний, и одр болезни орошается слезами покаяния и слезами радости о Боге (111, 506).

Никакой произвольный подвиг, никакое произвольное лишение и злострадание не могут принести той пользы душе, какую приносят посылаемые ей Богом невольные скорби. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (111, 371).**

О терпении и благодарении в скорбях

С радостью взираю на Господа, даже когда Он посылает мне скорби: радуюсь, что печалью Он делает меня легче, как золото, которое было смешано с прахом и потом очищено. **Святитель Григорий Богослов (15, 72).**

С благодарностью терпи скорби, чтобы ими загладились все твои грехопадения. **Преподобный Нил Синайский (49, 388).**

Когда постигнет тебя скорбное искушение, то не изыскивай, для чего и от чего оно пришло, но старайся перенести его с благодарностью, без печали и злопамятства. **Преподобный Марк Подвижник (54, 50).**

Радуйся в скорбях, потому что венцы сплетаются из различных цветов; и праведники многими скорбями входят в радость Господа. **Преподобный Ефрем Сирин (25, 504).**

Мы (христиане) не падаем духом, испытывая скорби и бедствия, но как бы более и более преуспевая в чести и славе, особенно хвалимся среди приключившихся бедствий. **Святитель Иоанн Златоуст (37, 156).**

Если случится тебе скорбь на том месте, где ты живешь, то не оставляй места во время скорби. Если же поступишь иначе, то куда ни пойдешь, везде найдешь то, от чего бежишь. Претерпи, пока не пройдет скорбь, тогда иди, куда хочешь, чтобы уход твой не причинил соблазна другим и не произвел смущения в живущих в том месте, откуда ты уходишь. **Изречения безымянных старцев (82, 387).**

«Великое благо есть скорбь», — говорит Иоанн Златоуст. Великое благо, ибо смиряет нас, ибо пресекает путь к плотоугодию и гибели, ибо исправляет нас, ведет к покаянию и обращает к Богу и так отводит от гибели и наставляет на путь к Вечной Жизни. Великую милость делает с нами Отец Небесный, когда посылает нам скорби и напасти. О скорбь! — жезл Божиего наказания, горькое, но здоровое наше лекарство, училище смирения, терпения и кротости, знамя Христовых воинов, путь к Вечной Жизни! **Святитель Тихон Задонский (104, 1726).**

Хотя ты и не за Христа терпишь гонение, однако если терпишь неповинно и благодаришь Бога, то и это вменится тебе, как бы терпящему за Христа. Вспомни страстотерпцев российских Бориса и Глеба — за Христа ли они пострадали? Поистине, нет, но по зависти брата, однако это вменилось им, как будто они претерпели за Христа.

Еще и то знай, возлюбленный, что во всех бедах, скорбях, печалях и искушениях не малая отрада бывает от того, чтобы во всем положиться на волю Господню, естественно благую, хотящую нам всегда добра и все устраивающую в пользу нашу, ибо все, что Он устраивает с нами, хотя и кажется нам неприятным, однако все к лучшему. Вот и садовник, очищая сад, хотя режет ветки, однако не повреждает этим деревья или виноград, но даже делает их еще более плодоносными: «всякую (сказано) ветвь... приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода» (Ин. 15, 2). Так и Бог попускает на нас беды не во вред нам, но чтобы обогатить нас духовными плодами; и когда Он видит, что мы терпим и повинемся Его изволению, тогда Он бедствие превращает в благополучие и **скорбь** — в радование. Поэтому возложим все на Его святую волю, говоря: устрой со мной все, как хочешь, да совершится на мне Твоя святая воля. Вот, например, праведный Иов всегда соединял с волей Господней все тяжкие случаи, ибо говорил: «Господь дал, Господь и взял; как угодно было Господу, так и сделалось; да будет имя Господне благословенно!» (Иов 1, 21). И посмотри, как после того блага превзошли все бедствия Иова, бывшие по воле Господней (103, **111—112**).

Господь, отвлекая и очищая ум наш от всякого неразумного земного пристрастия, как истинный врач, врачаю душу нашу, часто пресекает наши желания и хотения; много раз претворяет их в скорбь и горесть, чтобы мы в Господе Боге искали вечного утешения, которое не отнимется от нас вовеки. Ибо все земное существует лишь на малый час, на малое время, небесные же радости не имеют конца и пребывают во веки вечные. Какое будет тебе приобретение, если и все желания твои сбудутся, ты же останешься чужд Господней благодати? Никакого.

Потому чем больше с благодарностью претерпишь от Господа скорби вопреки своим мыслям и желаниям, тем большее потом примешь от Него утешение: «При **умножении,—сказано,—** скорбей моих в сердце моем, утешения Твои услаждают душу мою» (**Пс.** 93, 19). Не унывай вследствие скорби и препятствий, попускаемых Божиим Смотрением ради грехов твоих, но с благодарностью принимай их как некое великое врачевание для души. Ибо лучше здесь претерпеть временную скорбь, нежели потом скорбеть вечно; лучше здесь, а не там. Ибо весьма несчастен тот, кто, много согрешив, не претерпевает здесь с благодарностью скорбей и препятствий, но всегда хочет, чтобы все делалось по воле сердца его. Знай, что таковой будет скорбеть в грядущей жизни. Святитель Димитрий Ростовский (103, 1064).

Терпение скорбей с благодарением Бога, с признанием себя достойным скорби, с признанием попущенной скорби именно тем спасительным врачевством, в котором нуждаемся для исцеления, есть знамение истинного покаяния (109, 398).

Благодушное терпение посылаемых Богом скорбей есть распятие на кресте своем. Исповедник своей греховности делается исповедником Искупителя и с креста своего восходит в рай для вечного наслаждения небесными радостями, верными залогами которых служат земные скорби (111, 372).

Ропот на посланную скорбь, ропот на Бога, пославшего скорбь, уничтожает божественную цель скорби: лишает спасения, подвергает вечной муке (111, 234).

Благодушное терпение скорбей есть деятельное, живое созна-

ние своей греховности. Благодушное терпение скорбей есть деятельное, живое познание и исповедание Исккупителя. Благодушное терпение скорбей есть последование Господу нашему Иисусу Христу (111, 371).

Таково достоинство скорбей земных: когда они переносятся с благодушием, **они — дар Божий. Они — знамение усыновления Богу. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (111, 371).**

Один из иноков вошел в церковь в Александрии помолиться. И увидел одну почтенную женщину, которая в слезах стояла на коленях перед иконой Спасителя и повторяла: «Оставил меня, Господи!». «Кто тебя **обижает?**» — спросил он. Женщина ответила: «Никто меня ничем не обидел. Но о том я и плачу, что за мое небрежение Бог оставил меня и уже три года не посетил никакой скорбью» (81, 595—596).

Амма Феодора поведала, что некий инок, одолеваемый множеством скорбей, сказал себе: «Уйду отсюда». С этими словами он начал обувать сандалии. И внезапно увидел в углу келлии другого человека, который также обувался и который сказал ему: «Из-за меня ли ты выходишь отсюда? Во всяком месте, куда бы ты ни пошел, я уже буду прежде тебя». **Пролог в поучениях (81, 370).**

Молитва и покаяние в скорби

От любой скорби ничем иным, как молитвой и исповеданием наших грехов перед Богом, избавиться не можем. Даже тот, кто своему верному другу сообщает свою скорбь, получает некую отраду и утешение, тем более когда говорит о ней Богу. Он милосерден по естеству и близок призывающим Его во истине, и когда мы сообщаем Ему скорби сердца нашего и, исповедуя наши грехи, смиряемся, падаем перед величием Его, мы получаем или облегчение, когда воле Его угодно и нам полезно, или непременно облегчение и утешение: «призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя» (Пс. 49, 15) (104, 1740).

Скорбь — истинное училище молитвы. Святитель Тихон Задонский (104, 1732).

Во времена скорбей и опасностей, видимых и невидимых, особенно нужна молитва: она, будучи выражением отвержения самонадеянности, выражением надежды на Бога, привлекает к нам помощь Божию. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (111, 326).**

СТРАДАНИЯ

Для христиан приятнее страдать за благочестие, оставаясь в неизвестности, чем для других прославляться и быть нечестивыми (11, 120).

Достоинно не ослабевать и не изнемогать в страдании, но презреть плоть и предоставить телу терпеть, что свойственно ему по закону **естества, — теперь** или впоследствии оно разрушится, умрет, изнуренное или болезнью, или **временем, — а самому** возвышаться душою, возноситься к Богу... **Святитель Григорий Богослов (16, 273).**

Возжелавший быть Христовым человеком и надеющийся стяжать вечные блага должен труды и скорби считать богатством,

страдание вменять себе в упокоение, суровую жизнь в наслаждение, **укоры**—в честь, **оскорбление**—в славу, потому что **это**—слава рабов Божиих, последующих своему Господу и покорных словам Его. Подвижник и воин Христов не только должен переносить укоры, но если встретится богатство, ему следует вменять его в прах, а если слава и начальство, то не превозноситься и не надмеваться; если похвалы и почести от людей, считать их незаслуженными; лучше же сказать, скорбеть о том, что считается славным, а бесчестью в **мире**—радоваться и им увеселяться... Как наковальня не уступает ударам и не отпечатывается на ней впадин, но всегда остается сама себе равной, так же и желающий быть христианином в различных скорбях и искушениях (как при внешних, причиняемых людьми обидах, или гонениях, или ущербах, или подобном тому, так и при внутренних нападениях духов злобы) да будет сам себе равен, мужественно перенося все, что ни случится. Имея всегда Господа твердыней, ограждением и столпом крепости от лица вражия, к Нему да прибегает во время брани... Так сможет он преодолеть все встречающиеся искушения... **Преподобный Ефрем Сирин (30, 458).**

Ветхозаконый Иосиф, возведенный из темничных уз на царский престол в Египте, когда пришли к нему братья и не узнали его, любя единокровного брата своего Вениамина более всех, как говорится в Писании: «И поднял глаза свои Иосиф, и увидел Вениамина, брата своего, сына матери своей... воскипела любовь к брату его, и он готов был заплакать, и вошел он во внутреннюю комнату и плакал там» (Быт. 43, 29—30),—любя его столь великой любовью, он повелел, чтобы в мешок его была положена чаша, которою он приветствовал братьев своих: **чашу**,—сказал он,—серебряную «положи в отверстие мешка к младшему» (Быт. 44, 2). Для чего же? Для того, чтобы временно опечалить его, исполнить скорби и рыдания и возратить к себе с пути, как пленника. Домоправитель Иосифа говорит: «у кого найдется чаша, тот будет мне рабом» (44, 10). Какая же нужда и приобретение для Иосифа в том, чтобы повергнуть отрока Вениамина в такую печаль и заставить его проливать слезы? Та нужда, то приобретение, чтобы еще более утешиться о нем, возвратив к себе, открыть ему, что он единокровный брат его, исполнить еще большего радования и веселия и, сделав участником в своих благах, на деле показать ему, как он его любит. Рассуждая об этом, святой Григорий Богослов говорит: «Тайно влагается чаша в мешок младшего брата и ставится вопрос о краже... возвращается Вениамин, как уличенный вор, печальные братья следуют за ним. О мучительство милосердное! О оскорбление любовное! Мучает потому, что милосердствует! Оскорбляет потому, что любит!».

Подобное этому делает Господь наш с возлюбленными рабами Своими: во временную их жизнь на земле влагает Он ту чашу, о которой некогда говорил ученикам Своим Иакову и Иоанну: «Можете ли пить чашу, которую Я буду пить» (Мф. 20, 22), то есть чашу бед, печалей, чашу страданий.

И это делает для того, чтобы пленить их в любовь Свою и поработить Себе в сладкую работу; чтобы после всех этих горестных бед, печалей и страданий еще более обрадовать их, явив им любовь Свою, превеликую и неизреченную, и утешить бесконечным радованием, сделав их сонаследниками Своими в Своем Вечном Царстве. **Святитель Димитрий Ростовский (103, 775—776).**

Авва Петр посетил авву **Исаию** в болезни и нашел его весьма страждущим. Но авва **Исаия**, видя печаль аввы Петра о нем, сказал: «Разве это страдание, когда есть надежда упокоения! Страшно, если я буду отвержен от лица Божия, и никто уже не явится мне на помощь, и надежды на упокоение не будет». **Древний Патерик (72, 41).**

БОЛЕЗНИ *

Поражается плоть, чтобы исцелилась душа

Поражается плоть, чтобы исцелилась душа, умерщвляется грех, чтобы жила правда (7, 129).

Не малая опасность впасть умом в ложную мысль, будто бы всякая болезнь требует врачебных пособий, потому что не все недуги происходят естественно и случаются с нами или от неправильного образа жизни, или от других каких-либо вещественных начал, в каких случаях, как видим, иногда бывает полезно врачебное искусство, но часто болезни являются наказанием за грехи, налагаемым на нас, чтобы побудить к обращению (8, 172).

Как не должно вовсе избегать врачебного искусства, так несообразно полагать в нем всю свою надежду. Но как пользуемся искусством земледелия, а плодов просим у Господа... так, вводя к себе врача, когда позволяет это разум, не отступаемся от упования на **Богa** (8, 174).

Те, которые дурным образом жизни сами приобрели болезнь, должны... пользоваться телесными врачеваниями как примером для попечения о душе. **Святитель Василий Великий (8, 174).**

Если случится тебе впасть в болезнь... не прибегай к мертвой помощи и человеческому покровительству, но лучше научись терпению, ожидая милости от Бога, чтобы Он управил нас во всем, ибо бывает время, когда и плоть нуждается во вразумлении. Во всем же будем благоугождать Господу, «ибо Он печется о нас» (1 Пет. 5, 7) (25, 573).

Когда человек болен, тогда и душа его начинает искать Господа. Потому вразумление хорошо, если только вразумленный благодарит (25, 574).

Причина **болезни — грех**, своя собственная воля, а не какая-либо необходимость. **Преподобный Ефрем Сирин (29, 76).**

Стражду от болезни и изнемогаю телом. Иные высокомерные, может быть, смеются над моими страданиями. Расслабили мои члены, и ноги ходят нетвердо. Не знаю, следствие ли это воздержания, или следствие грехов, или какая-нибудь борьба. Впрочем, благодарение моему Правителю! Это может быть для меня же лучше. Но запрети болезни, запрети словом Своим, Твое слово для меня спасение! А если не запретишь, дай мне терпение все переносить. Пусть тленное будет предано тлению; сохрани образ, тогда будешь иметь во мне и совершенного раба (15, 6).

* См. также т. 4, с. 312—313, 258—260 настоящего издания.

Болезни и для духовной моей части служат некоторым очищением, а в очищении всякий имеет нужду, как бы ни был он крепок (15, 38).

Страдаю от болезни и **радуюсь**—не тому, что страдаю, но тому, что могу быть учителем в терпении для других. Ибо когда не могу не страдать, приобретаю страданием то, что переносу его и благодарю как в радостях, так и в скорбях, будучи уверен, что все случающееся с нами у Слова не без разумной причины, хотя нам и кажется, что причины нет. **Святитель Григорий Богослов** (16, 278).

Кто создал душу, Тот сотворил и тело, и Кто исцеляет бессмертную душу, Тот может излечить и тело от временных страданий и болезней. **Преподобный Макарий Египетский** (33, 308).

Если почувствуешь, что смущается болезнью душа, то скажи ей: разве эта болезнь не легче геенны, в которую впадешь, если не будешь тверд и постоянен в терпении? **Преподобный авва Исаия** (34, 25).

В болезнях прежде врачей и лекарств пользуйся молитвой. **Преподобный Нил Синайский** (48, 236).

Бог часто попускает тебе впасть в болезни не потому, что Он оставил тебя, но чтобы более тебя прославить. Итак, будь терпелив (35, 660).

Испорченность души есть причина болезней телесных (41, 145). Имея какую-нибудь телесную болезнь, мы всеми силами стараемся освободиться от нее, а тяжко страдая от болезней душевных, медлим и отказываемся от лечения. Потому-то мы не избавляемся и от телесных болезней, что необходимое для нас считаем маловажным, а **маловажное**—необходимым и, оставив самый источник зол, хотим очистить потоки (41, 145).

Не одно расслабление телесное есть болезнь, но и грех, и последний еще более, так как душа лучше тела (41, 146).

Бог часто наказывает тело за грехи души, чтобы от наказания низшей части и высшая получила бы какое-нибудь лечение (41, 241).

Неужели все болезни от грехов? Не все, но большая часть. Некоторые бывают и от беспечности. Чревоугодие, пьянство и бездельствие также производят болезни (41, 242).

Случаются болезни и для нашего испытания в добре (42, 242).

Если мы во время телесного недуга не воспользуемся помощью поста, а покажем еще большую беспечность, то причиним себе величайший вред (46, 506).

Когда ты подвергнешься тяжелой болезни и многие будут понуждать тебя облегчить страдание: **одни**—**заклинаниями**, **другие**—**амулетами**, **третьи**—**какими-либо** другими чародейными средствами... а ты ради страха Божия мужественно и твердо перенесешь тяжесть болезни и предпочтешь лучше все потерпеть, нежели решиться сделать что-нибудь **подобное**,—это доставит тебе венец мученичества. **Святитель Иоанн Златоуст** (46, 575).

Видел тяжко страждущих, которые телесным недугом, как бы некоторой епитимией, избавились от страсти душевной (57, 179).

Болезни посылаются для очищения согрешений, а иногда для того, чтобы смирить возношение. **Преподобный Иоанн Лествичник (57, 185).**

Болезнь хотя и расслабляет тело, но укрепляет душу; тело умерщвляет, но душу животворит; внешнего человека ослабляет, но внутреннего обновляет. «Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор. 4, 16). Как обновляется? Научается смирению, терпению, памяти смертной и от нее усердному покаянию, молитве, презрению мира и мирской суеты. Кто захочет в болезни гордиться? Кто, видя приближающуюся из-за недуга кончину, пожелает чести, славы, богатства? Кто бесстрашно дерзнет грешить, видя наступающий страх Суда Божия? Когда усерднее человек молится, чем в болезни? О, болезнь, горькое, но целебное средство! Как соль предотвращает гниение мяса и рыбы... так всякая болезнь сохраняет дух наш от гнилости и тления греховного, и не позволяет страстям... зарождаться в нас (104, 217—218).

Различным болезням или недугам врачи находят различные причины... Но и болезнь не без Божия Промысла бывает, и есть отеческое наказание Божие, которым Он смиряет нас. Этим утешайся, что болезнь твоя есть тебе отеческое Божие наказание, которым Он тело твое бьет, чтобы душа твоя выздоровела и спаслась. Для тебя болезнь твоя, а не против тебя, хотя плоти твоей и горестна: и всякое наказание горестно, но душе полезно. Если с благодарением терпишь болезнь твою, обратится она тебе во благо (104, 218—219).

Болезнь усиливается от нетерпения (104, 220).

Прими в рассуждение время и вечность, временное и вечное страдание и вечное утешение и вечное страдание, временное страдание и вечное утешение — и облегчится болезнь твоя. Ничто так не облегчает скорби, как надежда избавления от скорби и получения вечного утешения. Вот скоро будет конец всему: будет конец и утешению временному, и временному страданию, и настанет или утешение, или страдание вечное. Смерть для каждого есть дверь к Вечности, или блаженной, или неблагоприятной, и уже ближе тебе она сегодня, нежели была вчера и третьего дня. А как придет, то и положит конец страданию твоему, и от временного страдания перейдешь к вечной радости. **Святитель Тихон Задонский (104, 219—220).**

Один старец часто болел. Случилось ему в течение одного года не болеть; старец очень скорбел об этом и плакал, говоря: оставил меня Господь мой и не посетил меня. Отечник (82, 42).

Один поселянин просил Кирилла Белоезерского помолиться о его больном друге. Но старец, милостивый ко всем, на этот раз даже не позволил больному лежать за оградой: «Эта болезнь послана ему в наказание за прелюбодеяние; если обещает исправиться, верую, что Господь его исцелит, если же нет, то еще горше пострадает». Когда переданы были эти слова больному, он устранился обличения, от чистого сердца исповедал все свои согрешения святому, обещал исправиться и по его молитве исцелился не только телесно, но и душевно, приняв епитимию для очищения грехов. Троицкий Патерик (90, 306).

КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДНЕ

Господь пришел на Иордан и крестился от Иоанна не потому, что имел нужду в этом омовении, но для того, чтобы исполнить до конца все, что свойственно воспринятому Им человеческому естеству, и показать, что Он носил истинную плоть и есть истинный человек. Он не хотел преступить законы должного и отвечал Иоанну: «так надлежит нам исполнить всякую правду» (Мф. 3, 15). По этой причине Он сошел в воды Крещения, но так, что этим даровал им несравненно больше, чем мог воспринять, не имея ни в чем нужды. Ибо самые воды Он озарил Своим светом и сообщил им некую особенную силу, по которой верующие в Него, приступая к водам Крещения, облакаются этой сообщенной Его нишествием силой и озаряются светом Его. **Святитель Епифаний Кипрский (113, 486).**

Никогда воды Крещения не способны были бы очищать грехи человеческие, если бы они не были освящены прикосновением к телу Спасителя. Погрузившись в воду, Спаситель освятил воды, бездны и ключи всех источников. **Святитель Амвросий Медиоланский (113, 486).**

Господь Иисус Христос установил новое общество, вступать в которое можно только после Крещения, поэтому Он, чтобы во всем быть подобным братьям Своим, Сам первый благоволил подчиниться этому закону. Господь Иисус Христос добровольно пришел ко крещению Иоаннову и преклонил голову под руку его для того, чтобы показать, что Он всегда добровольно исполнял Закон Моисеев (даже, например, обрезание), а не по какому-либо внешнему побуждению (например, по воле родителей). Апостол Павел учит, что Иисус Христос призван был к великому первосвященническому служению по повелению Божию, как Аарон. Первый из первосвященников мог приступить к исполнению обязанностей своего сана только после очищения водой и облачения во все знаки своего достоинства, но это очищение, произведенное над Аароном, было только прообразом Крещения, которое должен быть принять Иисус Христос от Иоанна, и обязанности еврейского первосвященника были только тенью **тайн** царственно-

* См. также т. 1, с. 526—529; т. 2, с. 465—471; т. 4, с. 730—732; т. 5, с. 466—470 настоящего издания.

го священства Христова, которое по своей святости и высоте несравненно. Блаженный Иероним (115, 304).

Христос к Крещению приступил для того, чтобы засвидетельствовать истинность своего человечества, преимущественно же для того, чтобы Крещением Своим положить конец крещению Иоанна, так как Он снова крестил тех, кто крещен был Иоанном. Этим показал и сделал ясным, что Иоанн только до Его прихода совершал крещение, ибо истинное Крещение открыто Господом нашим, Который сделал его свободным от наказаний закона. Преподобный Ефрем Сирий (32, 57).

Сошел Владыка Ангелов в струи Иордана и, освятив естество вод, врачевал всю вселенную (37, 825).

С тех пор как Спаситель соблаговолил принять наше естество, Он исполняется Святого Духа не потому, что Он был ниже Святого Духа, а потому, что плоть должна была в человеческом образе воспринять сошествие Духа (37, 885).

Спаситель пожелал отдать в собственность Святому Духу то тело, которое Он, Господь, воспринял, отдать для того, чтобы все, что совершит Христос по плоти, приписывалось Святому Духу, жившему в Нем (37, 885).

Дух нисходит (на Спасителя) не потому, что недостаточно было Божества Сына, но для того, чтобы таким путем обнаружилось совершенное познание Троицы (37, 885).

Только подчинившись крещению Иоанна, Сын Человеческий должен был принять свидетельство Святого Духа, нисшедшего на Него, и в то же время быть провозглашенным Сыном Вышнего от гласа, сошедшего с Небес. Приемля крещение от Иоанна, Иисус Христос убеждал всех людей в необходимости принимать установленное Им Крещение, действенность которого Он благоволил указать в нисшествии Святого Духа. Так как Иисус Христос благоволил принять на Себя все наши грехи и принести удовлетворение за весь мир, Он должен был принять и образ кающегося грешника, чтобы получить от Иоанна крещение покаяния во оставление грехов. Святитель Иоанн Златоуст (115, 304).

Иоанн крестит. Приходит Иисус, освящающий, может быть, самого Крестителя, несомненно же—**всего** ветхого Адама... Восходит Иисус от воды, ибо возносит с Собою весь мир, и **ВИДИТ** разводящиеся **Небеса**—Небеса, которые Адам для себя и для потомков своих заключил так же, как и рай, пламенным оружием (Быт. 3, 24). Святитель Григорий Богослов (115, 304).

Христос крестился не так, как мы крещаемся. Мы Крещением омываемся от скверн и освящаемся. Христос греха не имел и потому не было Ему нужды омываться от греха, но Своим Крещением освятил и установил наше Крещение. Святитель Тихон Задонский (104, 883).

КРЕЩЕНИЕ*

«Если кто не родится от воды и Духа,
не может войти в Царство Божие»

(Ин. 3, 5).

«Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф. 28, 19).

Тайна Крещения есть дверь Божией благодати. Если не крестимся, даже Кровь Сына Божия не спасет нас. Если же крестимся, получаем оставление грехов, становимся сообщниками заслуг Христа, Сына Божия, призванными ко всему закону христианскому, а особенно же к благоговейному Причащению Тела и Крови Христовых под видом хлеба и вина. **Святитель Димитрий Ростовский (113, 84).**

Во-первых, это Таинство уничтожает все грехи: в младенцах первородный, во взрослых и первородный, и произвольный; во-вторых, воссозидает человека и возвращает ему ту праведность, которую он имел в состоянии невинности и безгрешности. **Православное исповедание (113, 487).**

Если кто и добр по делам, но не получил запечатления водою, не войдет в Царство Небесное. **Святитель Кирилл Иерусалимский (113, 488).**

Никто не входит в Царство Небесное иначе, как только через Таинство Крещения. **Святитель Амвросий Медиоланский (113, 488).**

Вы должны познать, каким путем можно достичь отпущения грехов и получить надежду наследия благ обетованных. Другого пути к этому нет, кроме того, чтобы, познав Христа и омывшись Крещением во оставление грехов, начать потом жить безгрешно. **Иустин Философ (113, 492).**

Через Крещение ... образуется и совершается человек Христов, земное прелагается в дух и воссозидается (12, 112).

Итак, будем креститься, чтобы победить; приобщимся очистительных вод, которые омывают лучше иссопа, очищают лучше законной крови, священнее, чем «пепел телицы», который «через окропление освящает оскверненных» (Евр. 9, 13), имевший силу только на время очищать тело, а не истреблять совершенно грех. **Святитель Григорий Богослов (113, 492).**

* См. также т. 4, с. 208—236 настоящего издания.

Пришел Господь и ту славу и свет, какие погубил Адам преступлением заповеди, возвратил ему Крещением. **Преподобный Ефрем Сирин (28, 476).**

Великая вещь — Крещение: оно есть пленных искупление, грехов отпущение, смерть греха, возрождение души, одежда светлая, святая, нерушимая печать, колесница на Небо, утешение райское, ходатайство Царствия, дар усыновления (113, 492).

Так как человек состоит из души и тела, то и очищение двоякое: бестелесное для бестелесного, а телесное для тела, — вода очищает тело, а Дух запечатлевает душу, чтобы нам приступить к Богу с сердцем окропленным и телом, омытым чистою водою. **Святитель Кирилл Иерусалимский (113, 490).**

При совершении Крещения предстоят и Ангелы, но объяснить способ этого дивного рождения не может ни один из них (42, 164).

Крещение не просто отпускает нам грехи, не просто очищает нас от беззаконий, но так, как бы мы вновь родились, ибо оно вновь творит нас и образует. **Святитель Иоанн Златоуст (113, 492).**

Действия Крещения вкратце суть следующие: во-первых, через него даруется отпущение в прародительском грехе и во всех других грехах, сотворенных крещаемым. Во-вторых, крещающийся освобождается от вечного наказания, которому подлежит каждый как за прирожденный грех, так и за собственные смертные грехи. В-третьих, Крещение дарует блаженное бессмертие, ибо, освобождая людей от прежде бывших грехов, делает их храмами Божиими. **Послание восточных патриархов (113, 492).**

«Покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святого Духа» (Деян. 2, 38). Слова эти не противоречат словам: «крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (Мф. 28, 19), потому что Церковь мыслит Святую Троицу нераздельно, так что, вследствие единства трех Ипостасей по существу, крещаемый во имя Христа крещается в Троицу. **Блаженный Феофилакт (113, 488).**

Невозможно вступить в естественное существование, не родившись по закону естества; невозможно вступить в общение с Богом, в чем заключается истинная наша жизнь... не вступив в христианство посредством Святого Крещения. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (109, 336).**

«Не прикасайся ко Мне, ибо Я еще не восшел к Отцу Моему» (Ин. 20, 17). Изречение это имеет сокровенный смысл и заключает в себе таинство. Женщина пришла к Господу и спешила коснуться Его; это, однако, воспрещается ей по той причине, что, как говорит Господь, Он еще не восшел к Отцу Своему. Почему из этого следует, чтобы любящие Его не прикасались к Нему?

Между многими и различными причинами пришествия Спасителя была особенно та, которую Сам Он объясняет в словах Своих: «Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф. 9, 13). Поэтому прежде страдания и Воскресения Своего Он общался и с праведными, и неправедными, так что и всякий мытарь и грешник мог свободно приступить к Нему; так поступал Он, чтобы всех осытять и привести к познанию истины. Прежде Креста и Воскресения Своего позволял всем, даже грешникам, прикасаться к Нему и получать от Него

благословение; но когда уже совершилось искупление, после Креста и Воскресения Своего, не тотчас позволял это каждому, преподавая нам то правило, которое и Закон Моисеев означал в жертве агнца, о которой, как прообразе Христа, написано: «никакой необрезанный не должен есть ее» (Исх. 12, 48). Необрезанным же называет всякого нечистого, а таково по естеству есть человечество. Поэтому не необрезанным, но чистым и духовно обрезанным людям надлежит прикасаться к Святейшему Телу Господа. Обрезание же сердца совершается Духом, по словам Павла, и его нельзя иметь человеку, если Дух Святой не вселится в нем верою и Крещением. Ибо хотя Христос воскрес из мертвых, но дух Святой еще не был послан Им от Отца к людям, а послан уже **тогда**, когда восшел Он (Иисус Христос) к Отцу. Потому и сказал Он: «лучше для вас, чтобы Я пошел; ибо, если Я не пойду, Утешитель не придет к вам; а если пойду, то пошлю Его к вам» (Ин. 16, 7). Итак, поскольку Он еще не послал Духа, то и возбранял Марии прикасаться к Себе...

Отсюда Церковь приняла правило, по которому мы возбраняем оглашенным участвовать в Святой Трапезе, хотя они уже познали истину и исповедали веру, возбраняем, как еще не исполненным Святого Духа, Который обитает только в совершенных Крещением. Но когда примут Крещение, которым вселяется в них Дух Святой, тогда уже не возбраняется им прикасаться к Спасительному Телу Христову. Потому и служители Таинства возглашают для приступающих к таинственному благословию: «Святая святых!», означая тем, что одни освященные Духом имеют право причащаться Святого. **Святитель Кирилл Александрийский (116, 683—684).**

Познав волю Господню о язычниках, апостол Петр преподает Крещение Корнилию и всем присутствующим сообщникам его веры.

При этом заметим: 1. Необходимость святого Крещения. Апостол преподает Крещение водою и после того, как сошел на собрание верующих Святой Дух, то есть совершилось Крещение Духом (Деян. 11, 16). Поэтому нет сомнения, что заповедь Иисуса Христа о Крещении не терпит исключения: «если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин. 3, 5). И чудесное действие Божие не исключает в Таинствах узаконенного действия священнослужителей Церкви. 2. Неизменность богоучрежденного порядка Таинств. Чрезвычайный случай в доме Корнилия не изменил того порядка в Церкви, по которому Крещение всегда есть Таинство первое и дверь, вводящая всякого верующего в Царство Христово. Во всей церковной истории мы не видим, чтобы такой случай повторялся. Здесь дарование Святого Духа прежде Крещения было единственным исключением из правила и не могло быть обращено в правило для Церкви.

Что касается выражения «креститься во имя Иисуса Христа», то само собою разумеется, что оно не исключает, а только предполагает, как весьма известную, формулу Крещения: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (Мф. 28, 19)—о ней, как единственной, говорят древнейшие отцы (например, священномученик Иустин во 2-й апологии). Выражения: креститься «во имя Иисуса Христа» (Деян. 2, 38), также: «во имя Господа Иисуса» (Деян. 8, 16) или короче: «во Христа Иисуса» (Рим. 6, 3) отличаются Крещение Христово от Крещения Иоаннова и показывают, что вся сила Крещения зависит от искупительной смерти Господа Иисуса Христа. **Воскресное чтение (115, 338—339).**

Во образ смерти и Воскресения Христа

Что для Христа Господа были Крест и гроб, то для крещаемых есть Крещение; и как Христос умер Плотию и воскрес, так и мы умираем греху и воскресаем для добродетели силою Божией. Преподобный Симеон Новый Богослов (60, 421).

Поскольку в Крещении предположены две **цели — истребить** тело греховное, чтобы оно не приносило уже плодов смерти,

оживить же Духом и иметь плод во святине, то вода изображает собою смерть, принимая тело как бы во гроб, а Дух сообщает животворящую силу, обновляя души наши из греховной мертвенности в первоначальную жизнь (6, 240).

Домостроитель нашей жизни Господь положил с нами Завет Крещения, имеющий в себе образ смерти и жизни; изображением смерти служит вода, а залог жизни подается Духом (6, 240).

Каковы цель и сила Крещения? Через него крещаемый изменяется в уме, слове и деле и по данной ему силе делается тем же, что и Родивший его (6, 330).

Великое Таинство Крещения совершается тремя погружениями и тремя призываниями, чтобы и образ смерти отпечатлелся в нас, и просветились души крещаемых через предание им боговедения. **Святитель Василий Великий (113, 491).**

В плотском рождении мы одеваемся в ветхого Адама; в духовном одеваемся в **нового — Христа** (1 Кор. 15, 49); по Писанию: «во Христа крестившиеся, во Христа облечись» (Гал. 3, 27). В плотском рождении рождаемся в грехах, как говорит пророк: «я в беззаконии зачат, и во грехе родила меня мать моя» (Пс. 50, 7); в **духовном** — омываемся, очищаемся, освящаемся и оправдываемся от скверн греховных, и делаемся праведными благодатью Христовой... В плотском рождаемся детьми тьмы, во области сатанинской; в духовном рождаемся чадами света и от тьмы приводимся в чудный Божественный свет, и от области **сатанинской — в Царство Христа, Сына Божия** (1 Пет. 2, 9; Деян. 26, 18; Еф. 5, 8). В плотском рождаемся «по природе чадами гнева» (Еф. 2, 3), в **духовном — чадами благодати, чадами благословения Божия**. В плотском рождаемся к временной жизни, в **духовном — к Жизни Вечной** (1 Тим. 6, 12) (104, 883—884).

Крещением сообразуемся смерти и Воскресению Христову. Ибо как Христос умер за грехи наши и восстал **Плотию**, так мы в Крещении умираем греху, которым духовно умерщвлены были, и восстаем духовно, и начинаем жить для Бога. Умер **Христос** — умерщвился и грех наш. Погребен **Христос** — погребен и грех наш. Восстал Христос от **мертвых — умерщвилась** и смерть наша, как поет Церковь в день святой Пасхи: «Смерти празднуем умерщвление» (Песнь 7-я), и даровано нам «ныне духовное» восстание от смерти греховной, которое совершается верою в воскресшего Христа и Крещением. **Святитель Тихон Задонский (104, 886).**

Крещение, не уничтожая естества, уничтожает его состояние падения; не делая естества иным, изменяет его состояние, приобщив человеческое естество естеству Божию (109, 376).

Искушением обновлено человеческое естество. Богочеловек обновил его Собой и в Себе. Такое обновленное Господом естество человеческое прививается, так сказать, к естеству падшему посредством Крещения (109, 376).

При Крещении все люди получают равенство, потому что достоинство каждого христианина одно и то же. Оно — **Христос** (109, 377).

Христиане, родившись от Адама в смерть, рождаются Крещением в жизнь, рождаются от Бога, рождаются уже чадами Божиими. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (111, 119).

Отречение от сатаны

Не презирай врачевства заклинания (перед Крещением); не ропщи на его продолжительность, и это есть испытание искренности, с какой приступаешь к Крещению. **Святитель Григорий Богослов** (13, 300).

«Отрекаюсь сатаны и всех дел его» ... Каких дел? — Блуда, прелюбодеяния, нечистоты, лжи, воровства, зависти, гадания, ворожбы, раздражительности, гнева, хулы, вражды, ссоры, ревности. Отрекаюсь пьянства, празднословия, гордыни, празднolibия. Отрекаюсь глумления, бесовских песен, вызывания духов... Нет и времени перечислить все. Отрекаемся всего, именуемого худым, что ненавидит Бог. **Преподобный Ефрем Сирин** (26, 328).

При Крещении человеку даруется духовная свобода: он уже не насилуется грехом, но по произволу может избрать добро или зло (109, 377).

Святым Крещением изглаживается первородный грех и грехи, сделанные до Крещения, отнимается у греха насильственная власть над нами. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 369).

В Крещении подаются многие дарования Святого Духа, превосходящие естество наше

Иные, довольствуясь неполным пониманием дела, говорят, что младенцы омываются при Крещении от скверны, сообщенной естеству человеческому преступлением Адама. А я верую, что не это только одно совершается (ибо одно было бы еще не так важно), но что подаются при этом и иные многие дарования, далеко превосходящие естество наше. Ибо в Крещении естество не только приняло все то, что было нужно к исцелению от греха, но еще и украсилось Божественными дарами. Не только избавлено от наказания и совлеклось всякого лукавства, но и возрождено свыше Божественным, превышающим разум... пакибытием; куплено, освящено, удостоено усыновления, оправдано, сделано наследником Единородного Сына Божия и сотелесником Его Причастием Священных Таинств, стало Телом Его, соединилось с Ним, как тело с головою. **Преподобный Исидор Пелусиот** (51, 229).

Божественный и утешительный Дух, данный апостолам и через них переданный единой и истинной Церкви Божией, с минуты Крещения, по мере веры, различно и многообразно пребывает в каждом, приступившем ко Крещению с чистой верой. И каждый получает этот талант для преумножения, воздeльвания и приращения, как сказано в Евангелии. **Преподобный Ефрем Сирин** (27, 320).

Дух Святой бывает как бы божественной и световидной купелью — найдя достойных, Он всецело объемлет их и заключает внутри (59, 151).

Любящий Бога и соблюдающий заповеди Его облачается сходящей (свыше) силой Святого Духа, Который... бывает зрим умно, как умный Свет, и приходит с тихостью, принося обрадование, и это ответ вечного Света и отблеск непрестанного блаженства. Как только воссияет этот Свет в душе, тотчас исчезает всякий нечистый помысел, изгоняется всякая душевная страсть и всякая телесная немощь получает исцеление. Тогда очищаются очи сердца, ум и мысль и зрят Бога, как написано в Евангелии о блаженствах. Тогда душа, как в зеркале, видит все даже и малейшие свои прегрешения и приходит в величайшее смирение. Помышляя же о величии этой Славы, она исполняется всякой радостью и веселием и, дивясь неожиданно увиденному чуду, проливает обильные слезы. Так, наконец, совершенно изменяется весь человек и познает Бога, будучи сам прежде познан Богом. Одна эта благодать Всесвятого Духа делает то, что человек начинает презирать все земное и небесное, настоящее и будущее, радостное и скорбное. Она делает его другом и сыном Божиим и богом, насколько это вместиимо для человека. О, сколь величественны дарования Божии! Преподобный Симеон Новый Богослов (60, 174).

Когда мы крещаемся, душа наша, очищенная Духом, делается светлее солнца, и мы не только бываем способны смотреть на Славу Божию, но еще и сами получаем от нее некоторое сияние. Как чистое серебро, лежащее под солнечными лучами... так и душа, очищенная Духом Божиим... принимает лучи от Славы Духа и отражает их в себе. Святитель Иоанн Златоуст (44, 539).

Когда я находился во мраке ночи, когда плавал по морю жизни, туда и сюда, без надежды и опоры, не зная пути, лишенный всякой истины и всякого света, тогда я считал чрезвычайно трудным и несбыточным обетование Божественного милосердия, что можно снова родиться и, получив в святой купели новую душу и жизнь, оставить все прежнее и, еще живя в этом теле, сделаться новым человеком по духу и по сердцу. «Как возможно, — говорил я, — чтобы человек так скоро и вполне оставил то, с чем он родился и что от долговременной привычки стало его второй природой». ...Так думал я про себя, потому что тогда сам был пленен заблуждениями прежней жизни, от которых не видел возможности освободиться, — был предан порокам и, отчаявшись, считал свою гибель естественной и необходимой. Но после того, как я омылся в бане возрождения от нечистого прошедшего и в очищенную душу излился новый чистый свет, — после того, как я воспринял свыше Духа и стал новым человеком, непостижимым образом сомнительное стало для меня верным, закрытое — открытым, темное — ясным, я получил силу к тому, что прежде считал трудным и неисполнимым. Святитель Киприан Карфагенский (113, 493).

Когда я был молод, рассказывал авва Андрей, я вел себя беспорядочно. Началась брань и беспорядки — и вот я вместе с девятью другими бежал в Палестину. В пустыне один из наших спутников, еврей, ослабел до полного изнеможения и все мы пали духом, не зная, как с ним быть. Однако мы не бросили его, но каждый по мере сил нес его на себе. Мы хотели донести его до города или до пристани, чтобы не дать ему умереть в пустыне. Но юноша от голода и палящей жажды, от сильнейшей лихорадки и страшного утомления близок был к смерти... У него не было сил даже на то, чтобы его несли другие... Тогда, пролив над ним слезы, мы решились оставить его в пустыне... Страх напал на нас, как бы и самим не умереть от жажды. Увидев, что мы собираемся уйти, он начал заклинять нас: «Во имя Божие, не дайте мне умереть иудеем... Окрестите меня, чтобы мне христианином окончить жизнь и отойти к Господу»... «Брат, — сказали мы, — увы, нам этого сделать нельзя: мы — миряне, а это — дело епископов и священников. Да и воды здесь негде взять»... Но он неотступно со слезами заклинал нас крестить его перед смертью. Мы были в величайшем затруднении. Тогда один из нас, как бы вдохновленный свыше, сказал: «Поднимите его и разденьте!». С большим трудом поставив его на ноги, мы сняли с него одежду. Наполнив руки песком, наш друг три раза посыпал его евреею на голову со словами: «Крещается раб Божий Феодор во Имя Отца и Сына и Святого Духа», а мы на каждое призывание Святой Троицы возглашали: «Аминь». И клянусь, братие: Христос, Сын Бога Живого, исцелил и так укрепил немощного, что в нем не осталось ни малейшего признака слабости; воспрянув духом и исполненный сил, он бодро пошел впереди нас по пустыне. Придя в Аскалон, мы рассказали все, что произошло с братом на пути, епископу города, блаженному Дионисию. Святой муж, выслушав рассказ, был поражен необыкновенным знамением. Луг духовный (75, 206—208).

Крещение —

завет с Богом о жизни по воле Его

Хотя крещение и... умертвило для греха **крещаемого**, но далее он должен постоянно и со всем прилежанием совершенствоваться, так чтобы не слушаться греха, что бы он ни приказал нам, и оставаться неподвижным (на зло), подобно мертвецу (43, 599).

Крещаемый получает благодать Божию и становится причастником Духа не для того, чтобы творить чудеса, но поскольку это нужно для правильной и благоустроенной жизни (35, 146).

Христос есть одежда спасения. (Крещаемый) облекся в ризу не затем, чтобы покрыть наготу телесную, но затем, чтобы быть неприкосновенным для насилия. Святитель Иоанн Златоуст (40, 368).

Апостол Павел в послании к Тимофею, сыну своему, говорит: «если мы с Ним (Господом Иисусом) умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем; если отречемся, и Он отречется от нас» (2 Тим. 2, 11—12). Кто же эти отрекающиеся от Него, как не те, которые последуют плотской греховной воле падшего естества? Именем Господа Иисуса в святом Крещении даровано нам отпущение грехов, но враг наш, по зависти и ненависти к Нему, опять связал нас грехом. Господь же наш Иисус Христос, зная злобу демонов, которою они заразились против человека с самого сотворения его, приложил к дару Крещения дар Покаяния, действующий до последнего издыхания нашего. Если бы не было Покаяния, не было бы спасающихся. Преподобный авва **Исаия** (82, 207).

Непозволительно крещеному жить потом безразлично, но должны быть назначены законы и правила, чтобы делать все тщательно и обнаруживать великую осмотрительность даже и в отношении к тому, что считается безразличным (27, 826).

Кто по принятии благодати Крещения делает лукавые дела, тот отпал от благодати, и Христос нисколько не поможет ему, пребывающему в грехе. **Преподобный Ефрем Сирийский** (26, 329).

Принявшие Крещение в младенчестве и недостойно прожившие всю жизнь будут иметь большее осуждение, чем не крещеные, как поругавшие... святую одежду Христову (59, 36).

Если возрождаемые святым Крещением, освободившись от рабства и сделавшись свободными, не послушают по своей воле врага нашего, дьявола, то этот лукавый никаким способом не может поселить в них какое-либо зло. **Преподобный Симеон Новый Богослов** (61, 153).

От каждого человека, получившего Крещение, Бог требует трех добродетелей: правой веры от всей души и от всей крепости, воздержания языка и чистоты тела (82, 85).

Благодать и сила Крещения... очищает грех в каждом человеке и совершенно смывает всякую нечистоту и скверну, принесенную повреждением (первородным грехом). Поскольку же мы состоим из двух естеств, то есть из души и **тела**, — из естества видимого и невидимого, то и очищение двоякое: водою и Духом, и одно приемлется видимо и телесно, а другое в то же время совершается нетелесно и невидимо. **Одно — образное, а другое — истинное**, очищающее самые глубины. Это, восполняя первое рождение, из ветхих делает нас новыми, из плотских, каковы мы ныне, — богоподобными, переживая без огня и воссозидая без разрушения. Ибо ... под силой Крещения нужно понимать завет с Богом о вступлении в другую жизнь и о соблюдении большей чистоты. И, конечно, каждый из нас более всего должен страшиться и больше всего хранимого хранить (Притч. 4, 23) свою душу, чтобы не оказаться нам солгавшими этому исповеданию. Ибо если Бог, принятый в Посредники при договорах человеческих, утверждает их, то сколь опасно сделаться нарушителем заветов, которые заключены нами с Самим Богом, и быть виновными перед Истиной не только в других грехах, но и в самой лжи. Притом нет другого такого ни возрождения, ни воссоединения, ни восстановления... Хотя, насколько возможно, мы стремимся потом к очищению (в Покаянии) со многими воздыханиями и слезами и таким образом с трудом излечиваем раны, но лучше не иметь нужды во втором очищении, а устоять в первом... Ибо страшно вместо нетрудного излечения употреблять труднейшее, отвергнув благодать милосердия, сделаться подлежащими наказанию... Да и сколько нужно пролить слез, чтобы они сравнялись с источником Крещения? И кто поручится, что смерть ждет нашего исцеления? **Святитель Григорий Богослов** (13, 277).

Крещение на нашем языке созвучно с крестом. Счастливое созвучие! Ибо хотя видимое действие Крещения есть погружение, но существо его есть сораспятие Христу на внутреннем, духовном

кресте. Апостол Павел говорит: «ветхий наш человек распят с Ним» (Рим. 6, 6) в Крещении. Это не какое-либо механическое действие, а нравственное изменение, или переворот мыслей, целей, желаний, сочувствий. Прежде все это было запачкано самоугодием, теперь же все самоотверженно посвящается Богу, во Христе Иисусе, благодатью Духа Святого. Скажешь: я не понимал этого, когда был крещен. Теперь понимаешь и должен по совести выполнить назначение Крещения, ибо оно неизгладимо. Даже на Суде печать его будет видна или за тебя, или против тебя. Епископ Феофан Затворник (107, 78).

Христианин, помни обеты, данные не человеку, но Богу при святом Крещении. Страшно солгать Богу! Бог поруган не бывает. Взыщет Он с тебя обеты твои, когда позовет тебя к Себе на Суд. Там ты увидишь, кому ты солгал, не сохранив обетов своих. Вспомни их ныне, и покайся, и твори дела, достойные твоих обетов, чтобы не с ложью явиться на Суд и не разделить участь со лживыми (104, 897—898).

Должен христианин, как обновившийся Божией благодатью, к лучшему стремиться, расти во Христе и приходить в «мужа совершенного» (Еф. 4, 13). Но он в худшее впадает и делается злее язычника и идолопоклонника. Такому Крещение будет во обличение в день Суда Христова, если не покается, и не исправится, и не омоет скверн своих сокрушением сердца и слезами. Святитель Тихон Задонский (104, 900).

Ты усыновлен Богу Таинством святого Крещения, ты вступил в теснейшее единение с Богом Таинством святого Причащения; поддерживай усыновление, поддерживай единение (108, 104).

Крещенный во Христа уже не живет как самобытное существо, но как заимствующее всю полноту жизни от другого **существа — от Христа** (108, 500).

Красота подобию восстанавливается Духом, как и образ при Крещении. Она развивается, совершенствуется исполнением Евангельских заповедей (109, 134).

Имея свободу избрания, крещенный приглашается Святым Духом к поддержанию единения с Икупителем, к поддержанию в себе естества обновленного, к поддержанию состояния духовного (109, 383).

Крещенный никак не должен допускать в себе действие падшего естества, должен немедленно отвергать всякое его влечение и побуждение, хотя бы они и казались по наружности добрыми. Он должен исполнять единственно заповеди Евангельские (109, 380—381).

Покаяние должно сопутствовать вере во Христа, предшествовать Крещению во Христа, а после Крещения оно исправляет нарушение обязанностей уверовавшего во Христа и крестившегося во Христа (108, 101).

При Крещении мы рождаемся водою и Духом; при Покаянии возрождаемся слезами и Духом (109, 395).

Я усвоился Богу святым Крещением, на Таинстве Крещения зиждется Таинство Покаяния, Покаянием возвращается усвоение

Богу... утрачиваемое... жизнью в области естества падшего. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 429).

Крещение младенцев

Кто отвергает необходимость Крещения новорожденных детей или говорит, что хотя они крещаются во отпущение грехов, но от прародительского Адамова греха не заимствуют ничего, что надлежало бы омыть банею пакибытия (из чего следовало бы, что образ Крещения во отпущение грехов употребляется над ними не в истинном, но в ложном значении), тот да будет анафема. Сказанное апостолом: «одним человеком грех вошел в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили» (Рим. 5, 12) подобает понимать не иначе чем всегда понимала Кафолическая Церковь, повсюду распространенная, ибо, по этому правилу веры, и младенцы, которые сами еще не могли сотворить никаких грехов, крещаются истинно во отпущение грехов, чтобы через второе рождение очистилось в них то, что они приняли от ветхого рождения. Правило 124 Карфагенского собора (113, 489).

У тебя есть младенец? Не давай времени усилиться повреждению; пусть освящен будет во младенчестве и с малых ногтей посвящен Духу. Ты боишься печати, по немощи естества, как малодушная и маловерная мать? Но Анна и до рождения обещала Самуила Богу, и по рождении вскоре посвятила, и воспитала для освященной ризы, не боясь человеческой немощи, но веруя в Бога. Святитель Григорий Богослов (113, 489).

Не станем... называть детей именами случайными... но именами мужей святых, просиявших добродетелью. Но только на эти имена пусть не надеются ни родители, ни дети, потому что имя без добродетели не приносит никакой пользы. Святитель Иоанн Златоуст (38, 192).

Искушения после Крещения

Уверовавшие в Бога и крестившиеся должны тотчас быть готовыми терпеть искушения и от своих домашних. Ибо кто не готов к этому, тот, при постигшей внезапно опасности, легко приходит в колебание. Святитель Василий Великий (6, 370).

Искушения ни на кого так не восстают, как на тех, которые получили Духа Святого. И Господь наш, когда по Крещении сошел на Него Дух Святой в виде голубя, изведен был Духом в пустыню, и был искушаем диаволом, который испытал Его всеми своими искушениями, но ни в чем не успел против Него... Так и всех, приемлющих Духа, борющихся и побеждающих, Дух Святой укрепляет и подает им силу побеждать всякое искушение. Преподобный Антоний Великий (66, 49).

Ложь — источник и причина вечной смерти

Авва Анув сказал: «С того времени, как я принял Крещение и наречен христианином, ложь не исходит из уст моих». **Авва Анув (82, 67).**

От любви к славе человеческой рождается ложь (82, **184**).

Ложь да не исходит из ваших уст (34, 8).

Обучим язык наш славословию Божию, молитве и правде, чтобы избавиться от лжи, когда она выйдет нам навстречу (34, 91).

Храни себя от лжи, ибо она изгоняет страх Господень. **Преподобный авва Исаия (34, 199).**

Надобно ли лгать, имея в виду что-нибудь полезное? Этого не позволяет сказанное Господом, Который решительно говорит, что ложь от диавола (Ин. 8, 44), не указывая никаких различий во лжи. **Святитель Василий Великий (8, 213).**

У лживого дерзкое сердце... он охотно выслушивает тайны и легко открывает их; он умеет низлагать языком своим и тех, которые твердо стоят в добре (25, 20).

Злополучен и жалок тот, кто коснеет во лжи, потому что диавол «лжец и отец лжи» (Ин. 8, 44). Кто коснеет во лжи, тот не имеет дерзновения, потому что ненавистен и Богу, и людям (25, 20).

Лживый человек ни в каком деле не заслуживает одобрения и во всяком ответе подозрителен (25, 20).

Нет язвы глубже этой, нет позора выше этого. Лжец для всех гнусен и всем смешон. Поэтому будьте внимательны и не коснейте во лжи (25, 20).

Диавол вовлекает нас в хитрословие, чтобы человек оправдал себя, когда виновен, извинял себя в грехе и беззаконии, а извинением и виновностью усугублял свое бедствие (29, **306**).

Диавол учит нас изворотливости в слове, чтобы, когда спрашивают, не высказывать нам вины своей и чтобы, сделав грех, извернуться и оправдать себя. **Преподобный Ефрем Сирин (29, 307).**

Ложь — гнусное бесчестие человека. Избежим обвинения, вызываемого ложью. Не делай себя в глазах друга не заслужива-

* См. также т. 4, с. 277 настоящего издания.

ющим доверия, чтобы не встретить к себе недоверия даже и тогда, когда говоришь истину. Тот, кто оказался лжецом в одном, уже не стоит того, чтобы ему верили даже и в том случае, если он говорит правду (36, 925).

Как горячее вещество от дома, удаляй ложь от уст твоих (39, 610).

Нет ничего бессильнее лжи, хотя бы она прикрывалась бесчисленными покровами (42, 184).

Ложь всегда изобличает сама себя тем, чем думает повредить истине, а между тем истину обнаруживает яснее (42, 378).

Ложь есть разрушение любви. Святитель Иоанн Златоуст (46, 965).

Сплетающий ложь извиняется благими намерениями, и то, что на самом деле является гибелью души, он считает правым делом (57, 102).

Кто стяжал страх Божий, тот устранился от лжи, имея в себе неподкупного **судию — свою совесть** (57, 102).

Когда мы будем совершенно чисты от лжи, тогда уже, если случится и нужда потребует, и то не без страха, можем употребить ее. Преподобный Иоанн Лествичник (57, 102).

Нужно большое внимание, чтобы нам не быть окраденными ложью; ибо лжец не имеет общения с Богом. Ложь отчуждает от Бога (58, 106).

Мысленно лжет тот, кто принимает за истину свои предположения, то есть пустые подозрения на ближнего (58, 106).

Как всякий грех происходит или от сластолюбия, или от сребролюбия, или от славолубия, так и ложь бывает от этих трех причин. Человек лжет или для того, чтобы не укорить себя и не смириться, или для того, чтобы исполнить свое желание, или ради приобретения и не перестает изворачиваться и ухищряться в словах до тех пор, пока не исполнит своего желания. Такому человеку никогда не верят, хотя бы он и сказал правду, никто не доверяет ему, и самая правда его кажется невероятной (58, 111).

Иногда случается такое дело, что бывает крайняя нужда скрыть малое; и если кто не скроет малое, то дело приносит большое смущение и скорбь. Когда встретится такая крайность и видит кто-либо себя в такой нужде, то может поэтому изломить слово для того, чтобы не вышло большего смущения и скорби или обиды. Но когда случится такая великая необходимость уклониться от слова правды, то и тогда человек не должен оставаться беспечальным, а каяться и плакать перед Богом, и считать такой случай временем искушения. И на такое уклонение нужно решаться не часто, а разве однажды из многих случаев (58, 112).

Жизнью своей лжет тот, кто, будучи блудником, притворяется воздержанным, или, будучи корыстолюбивым, говорит о милостыне и хвалит милосердие, или, будучи надменен, дивится смиренномудрию. И не потому удивляется добродетели, что желает похвалить ее, ибо если бы он говорил с этой мыслью, то он сперва со смирением сознался бы в своей немощи, говоря: «Горе мне, окаянному, я сделался чуждым всякого блага», и

тогда уже, при сознании своей немощи, стал бы он хвалить добродетель и удивляться ей. И опять он не с той целью хвалит добродетель, чтобы не соблазнять другого, ибо он должен был бы (в таком случае) думать так: «Поистине я окаяннен и страстен, но зачем мне соблазнять других? Зачем наносить вред душе другого и налагать на себя иную тяжесть?». И тогда, хотя бы он в том и согрешил, однако коснулся бы и добра, ибо осуждать себя есть дело смирения, а щадить ближнего есть дело милосердия. Но лжец не по какой-либо из упомянутых причин удивляется добродетели, но похищает имя добродетели или для того, чтобы покрыть свой стыд и говорить о ней, как будто и сам он совершенно таков, или часто для того, чтобы повредить кому-нибудь и обольстить его (58, 112).

Будем избегать лжи, чтобы избавиться от участи лукавого, и постараемся усвоить себе истину, чтобы иметь единение с Богом, сказавшим: «Я есмь путь и истина» (Ин. 14, 6). Преподобный авва Дорофей (58, 114).

Тогда иудеи покушались затмить Воскресение Христово легким туманом лжи: «ученики украли». Эту ничтожность легко было преодолеть, и истина восторжествовала. Но и до сих пор враг не перестает чаждать перед солнцем Воскресения, желая затмить его. Никто да не смущается! От отца лжи чего ожидать, кроме лжи? Он многих из своих клеветников научил целые книги писать против Воскресения. Этот книжный туман книгами и рассеян. Не бери худой *книги* — и не затуманишься, а случится нечаянно напасть на *такую* — возьми в противоядие книгу добрую и освежишь голову и грудь. Бывает другой туман от *врага* — в помыслах. Но и этот тотчас рассеется, как дым от ветра, от здравого христианского рассуждения. Пройди рассуждением все совершившееся и увидишь ясно, как день, что всему этому нельзя было совершиться иначе как силою Воскресения Христова. Это убеждение будет для тебя потом твердыней, установившись на которой легко станешь отражать и поражать врагов истины. **Епископ** Феофан Затворник (107, 101 — 102).

Да удалится от нас помысел неверности клятве! Но чтобы он вернее был удален, поражайте его, как стрелою, грозным словом Божиим: «Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно» (Исх. 20, 7). Если не оставит Господь без наказания произносящего имя Его напрасно, легкомысленно, без нужды, то его должен ожидать тот, кто, давая клятву перед Богом, употребил бы имя Божие неблагонамеренно, святотатственно, чтобы Его святостью покрыть нечистоту своей неверности? «Ты погубишь говорящих ложь» (**Пс.** 5, 7), но не прежде ли прочих погубишь, Господи, говорящих ложь перед именем Твоим и лгущих перед лицом Твоим, как Анания и Сапфира, не людям, но Тебе, Богу? Апостол Петр обличил Ананию именно этими словами: «Ты солгал не человеку, а Богу», «услышав сии слова, Анания пал бездыханен». А потом и Сапфира, после подобного обличения, вдруг «упала у ног его и испустила дух» (Деян. 5, 4—5; 10). Этот пример и многие примеры вне священной истории показывают, что ложь перед именем Божиим и пред лицом **Божием** — ложь клятвопреступная, как бы в нетерпении приводит небесное Правосудие и привлекает грозные и внезапные удары судьбы. Филарет, митрополит московский (114, 207 — 208).

Видим, что разная ложь бывает в мире. Лжет купец, когда говорит, что товар его такой-то цены стоит, а это не так. Лжет свидетель на суде, когда говорит то, чего не видел и не слышал, или не говорит того, что видел и слышал, и черное называет белым, и **горькое** — сладким... Лжет работник, который, взяв достойную цену, обещал работать усердно нанявшему его, но работает лениво или совсем не работает. Лжет должник, который занимает деньги и обещает отдать, но не отдает... Лжет пастырь, который обещает и присягает пасти стадо овец Христовых, но не пасет или нерадиво пасет их. Так, лжет христианин, который в Крещении святом обещает работать Христу Господу, но не работает. Таков всякий, кто по святом Крещении **беззаконнует** и прилепляется к суете мира сего. Святитель Тихон Задонский (104,

Наши праотцы прельстились, то есть признали **истиной** ложь, и, приняв ложь под личиной истины, неисцелимо повредили себя смертельным грехом ... (108, 231).

Прелесть есть усвоение человеком лжи, принятой им за истину (108, 231).

Мнение составляется из ложных понятий и ложных ощущений, по этому свойству своему оно вполне принадлежит к области отца и представителя **лжи — диавола** (108, 247—248).

В ложной мысли ума уже существует все здание прелести, как в зерне существует то растение, которое должно прорасти, если посадить его в землю (109, 203).

Ложь есть источник и причина вечной смерти. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (111, 208).

КЛЕВЕТА

Об отсутствующем брате нельзя говорить ничего с намерением очернить **его — это** есть клевета, хотя бы сказанное было и справедливо (9, 54).

... Но есть два случая, в которых позволительно говорить о ком-нибудь дурное (но правду): когда необходимо посоветоваться с другими, опытными в этом, как исправить согрешившего, и когда нужно предостеречь других (не многословя), которые, по неведению, могут быть нередки в сообществе с плохим человеком, считая его добрым... Кто без такой необходимости говорит что-нибудь о другом с намерением очернить его, **тот — клеветник**, хотя бы и говорил правду. Святитель Василий Великий (10, 192).

ЕСЛИ жалоба несправедлива, то делается клеветой... Святитель Григорий Богослов (15, 333). -

Если же подвергнешься клевете и после откроется чистота совести твоей, не гордись, но со смирением служи Господу, избавившему тебя от клеветы человеческой (25, 194).

Не огорчай брата клеветой на брата его, ибо не дело **любви — возбуждать** ближнего на погибель души (25, 197).

Не должно и доверять говорящему дурное, потому что клевета часто бывает от зависти... (25, 208).

Если враг располагает к **клевете** — оградим себя молчанием (25, 233).

Как моль портит одежду, так **клевета** — **душу** христианина. Преподобный Ефрем Сирийский (26, 586).

Если ты оклеветал кого-либо, если сделался врагом кому-либо, примиришься до Суда. Все окончи здесь, чтобы тебе без забот увидеть Суд (35, 802).

Для многих невыносимее всех смертей кажется то, когда враги распространяют о них худые слухи и навлекают на них подозрения... Если это **правда** — **исправься**; если **ложь** — **посмейся** над этим. Если сознаешь за собою то, о чем **сказано**, — **вразумись**; если не **сознаешь** — **оставь** без внимания, лучше же сказать: веселись и радуйся, по слову Господа (Мф. 5, 11) (38, 860).

Помни, что тот, кто слышит о себе клевету, не только не терпит вреда, но еще получит величайшую награду (39, 269).

Прогоним клеветника, чтобы, принимая участие в чужом зле, не причинить гибели себе самим (39, 723).

Не допускающий клеветника к себе и самого себя избавляет от этого напрасного греха, и согрешающего удерживает от несправедливости обвинения против ближнего, наконец, и оклеветанного спасает от обвинения; таким образом, гнушаясь услугами клеветника, он делается устройтелем мира и учителем дружбы (39, 723).

Никогда не принимай клеветы на ближнего своего, но останавливай клеветника такими словами: «Оставь, брат, я каждый день грешу еще более тяжкими грехами, как же нам осуждать других?». Святитель Иоанн Златоуст (45, 965).

Если кто наговорит перед тобою на брата своего, уничтожит его и проявит злобу, не склоняйся против **него**, чтобы не постигло тебя то, чего не желаешь (66, 317).

Позаботимся о чести ближнего, кто бы он ни был, не позволяя ему умалиться в нашем мнении, когда его **поносят**, — это сохранит нас от оклеветания. Преподобный авва **Исаия** (66, 347).

Всякий несчастный достоин милости, когда оплакивает свои бедствия. Но если он станет клеветать на других и вредить им, то пропадет жалость к его бедствиям; признается уже он достойным не сожаления, а ненависти, как употребивший во зло свое бедствие вмешательством в чужие дела. Итак, семена этой страсти надо истреблять в начале, пока не проросли, и не сделались неистребимыми, и не породили опасности для того, кто принесен в жертву этой страсти (50, 300).

Владыка Христос ублажил тех, которые ради Него терпели обличения в делах явных и тайных, если обличающие окажутся лжецами. Поэтому надо знать, что для желающего войти на высшую степень блаженства, должно быть и другое: чтобы и разглашаемое о нем было ложно. Одно из этих двух без другого не так полезно... Если, страдая ради Христа, услышим о себе правду, то необходимо краснеть, потому что, заслуживая одобрения с одной стороны, обличаемся с другой. И если страдаем, но не ради Христа, то получаем награду за терпение, но не улучим

высшего блаженства, какое улучили бы, если бы соединилось и то, и другое (и страдание за Христа, и клевета на нас). **Преподобный Исидор Пелусиот (52, 223).**

Любящий ближнего никогда не может терпеть клеветников, но убегает от них, как от огня. **Преподобный Иоанн Лествичник (57, 249).**

По мере того, как будешь молиться за оклеветавшего, Бог будет открывать соблазнившимся истину о тебе. **Преподобный Максим Исповедник (68, 243).**

Душа клеветника имеет язык с тремя жалами, ибо уязвляет и себя, и слышащего, и оклеветанного. **Авва Фалассий (68, 329).**

Оклеветали вас... хотя вы невиновны? Надо благодушно терпеть. И это пойдет вместо **епитимии** за то, в чем сами себя считаете виновными. Поэтому клевета для **вас** — милость Божия. Надо непременно примириться с оклеветавшими, как это ни трудно. **Епископ Феофан Затворник (Собр. писем, вып. 3, 251).**

Путем поношения и уничижения предшествовал нам Сам Христос, никакого греха не сотворивший. Сколько и как жестоко хулили Его фарисейские уста и какие поношения бросали в Него, как ядовитые **стрелы**, — об этом свидетельствует святое Евангелие. Мало им было говорить, что Он любит есть и пить вино, что Он друг мытарей и грешников, самарян, что Он беса имеет и **исступлен**, — Тот, Который всяким образом искал погибших, но называли Его и лжецом, развращающим народ: «мы нашли, что Он развращает народ наш и запрещает давать подать кесарю» (Лк. 23, 2), Того, Который учил их: «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мк. 12, 17), Который силою Божества Своего запрещал и изгонял демонов. Никто от них клеветы и поношения не избежал. Отыскали дети мира сего, что хулить и в непорочном житии, выдумал лживый язык, чем и беспорочных порочить. Пророк Моисей, законодатель, вождь Израилев, друг и собеседник Божий, от сонмища Кореева и Авиронова претерпел укоренив (**Чис.** 16) и от прочих своих людей. Сколько на Давида, святого царя Израилева и пророка Божия, бросали враги ядовитых стрел, видно из псалма: «Всякий день поносят меня враги мои, и злобствующие на меня клянут мною» (**Пс.** 101, 9 и далее). Лживый язык ввергнул в ров ко львам, как в гроб, пророка Даниила (**Дан.** 6, 16). Как пострадали апостолы от всего мира, которому милость Божию проповедовали! Обольстителями, развратителями и возмутителями вселенной называли тех, которые обращали от прелести к истине, и от тьмы к свету, и от царства диавольского к Царствию Божию. То же познали на себе и преемники **их** — святители, мученики и прочие святые. Читай церковную историю и увидишь, как никто от них не ушел от клеветы. То же и теперь святые, живущие в мире, от злого мира терпят. Ибо мир во злобе своей постоянен: не любит истины, которую и словом, и житием являют святые, и всегда держится лжи и неправды, которою они гнушаются. Не ты первый терпишь поношение и бесчестие. Видишь, что святые терпели и ныне терпят (**Ин.** 9, 10—34).

Всему будет конец. Злоречие и терпение кончится, хулящие и терпящие хулы каждый свое воспримут от правды Божией. Хула обратится в вечное поношение и срамоту хулящим, а поношение **терпящим** — в вечную славу, когда люди дадут ответ не только за хулу, но и за всякое праздное слово. «Ибо праведно пред **Богом** — оскорбляющим вас воздать скорбью, а вам, оскорбляемым, отрадою вместе с нами, в явление Господа Иисуса с **неба**», — пишет апостол (2 **Фес.** 1, 6—7). Больше себе вредят злоречивые и клеветники, чем тому, кого хулят, ибо имя и славу того временно помрачают, свои же души губят. Чем по долгу христианскому нужно им отвечать? Христос говорит: «благословляйте проклинающих вас... и молитесь за обижающих вас»

(Мф. 5, 44). Когда клевета, поношения и укорения падают на тебя и изнеможешь от злоречивых языков, как загнанный псами **олень**,— беги к живому источнику Святого Писания и ищи у него прохлады. Бог не тех ублажает, которых все хвалят, наоборот, говорит им: «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо!» (Лк. 6, 26). Но ублажает тех, которые терпят поношение от злых: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» (Мф. 5, 11—12). Кто не утешится, гонимый необузданными языками, когда только подумает о великой награде на небесах? Кто не утешится, слыша такое обещание, не согласится терпеть всякое временное бесчестие и поругание? «Добрая надежда умягчит всякую скорбь, тем более надежда на Вечную Жизнь, славу и веселие. Всякой скорби и бесчестию нынешнему, даже если они и продлятся всю жизнь, смерть положит конец, но нет конца будущему веселию и славе. Тогда забудет человек все беды и напасти: одно утешение, радость и непрестанное веселие будет иметь без конца. «Как утешает кого-либо мать его, так утешу Я вас, и вы будете утешены в Иерусалиме. И увидите это, и возрадуется сердце ваше» (Ис. 66, 13—14). Но ты скажешь: это воздаяние обещано терпящим ради Христа; правда, но кто из нас страдает не как убийца, или вор, или злодей, но как христианин, «не стыдись, но прославляй Бога за такую участь» (1 Пет. 4, 15—16). Ибо и утешения этого приобщится со святыми как «соучастник в скорби и в царствии и в терпении Иисуса Христа» (Апок. 1, 9). «Любящим Бога... все содействует ко благу»,— говорит апостол (Рим. 8, 28). Им клевета и поношение обращаются на пользу милостью Божиею (Лк. 18, 14). Сего ради, уязвляемая клеветою и злоречием незаконных людей душа «надейся на Господа, мужайся, и да укрепляется сердце твоё, и надейся на Господа» (Пс. 26, 14). «Уповай на Него, и Он совершит, и выведет, как свет, правду твою и справедливость твою, как полдень» (Пс. 36, 5—6). Молчи, как немой, как Давид делал: «а я, как глухой, не слышу, и как немой, который не открывает уст своих; и стал я, как человек, который не слышит и не имеет в устах своих ответа, ибо на Тебя, Господи, уповаю я; Ты услышишь, Господи, Боже мой» (Пс. 37, 14—16). Делай и ты так же, и Бог заговорит вместо тебя. Как отец по плоти, когда видит безобразника, ругающего и обижающего детей, в молчании на отца смотрящих, вместо них сам отвечает и защищает их, так и Бог, Отец Небесный, поступает с нами и обижающими нас. Ибо всякая обида и поношение, нам наносимые, совершаются перед Богом, как Вездущим и Всевидящим. Когда Он видит, что мы, обижаемые и поносимые, терпим, молчим и на Него одногозираем, и предаем это дело Его праведному Суду, говоря с пророком: «Ты услышишь, Господи, Боже мой» (Пс. 37, 16), тогда Он вместо нас заговорит, заступится и защитит нас, и смирит восстающих на нас. Так делал святой Давид, который во всяких напастях к единому Богу прибегал, и на Него взирал, и помощи и защиты искал от Него, как из псалмов его можешь видеть. Последуй и ты этому пророку и, затворив уста, молчи, пусть Бог Сам вместо тебя заговорит. Когда так пребудешь постоянно в молчании, то поношение и унижение, не что иное, как похвалу и славу, у Бога исходатайствуют тебе. Весь **свет**—ничто перед Богом, потому и унижение всего света, не только некоторых злоречивых, ничто перед славой, которую Бог подает своему верному рабу. Не тот блажен, кого люди, неправедные судии, хвалят, но тот, кого хвалит Святой и Праведный Бог; и окаянен не тот, кого люди унижают, но кого унижает Бог (115, 535—537).

«Любящим Бога... все содействует ко благу»,— говорит апостол (Рим. 8, 28). Им клевета и поношение обращаются на пользу милостью Божией. Целомудренного Иосифа ввергла в темницу женская клевета, но так он был вознесен на высокую честь и всю страну спас от голода (Быт. 39 и 41). Моисей от злоречивых уст бежал из Египта и был пришельцем в земле Мадянской (Исх. 2, 15—22). Но там сподобился видеть купину, чудесно горящую в пустыне, и слышать Бога, из купины беседующего с ним (Исх. 3, 2—7). Святому Давиду много наветов делал злоречивый язык, но так он к молитве побуждался и много богодухновенных псалмов сочинил на пользу Святой Церкви. Даниила клевета ввергла в ров на

съедение львам, но неповинность заградила уста зверей и прославила его больше прежнего (Дан. 6, 16—28). Израильянина Мардохея Аманов язык умыслил убить, но Божиим промыслом совершилось противоположное: Мардохей прославился, Аман повешен на дереве, которое уготовил к гибели Мардохею, и так сам упал в яму, которую вырыл для неповинного (Есф. 7). Те же суды **Божии** и ныне совершаются (104, 860—861).

Злоречием и клеветой смиряемся, и сомнение наше уничтожается. Так дается нам злоречивый язык, как «ангел сатаны», чтобы мы не превозносились (104, 865).

Многие **не** убивают руками человека и не уязвляют, но уязвляют и убивают языком, как орудием, по написанному о «сынах человеческих», «у которых **зубы—копья** и стрелы, и у которых **язык—острый меч**» (Пс. 56, 5). Многие не едят рыбы, мяса, молока, чего Бог не запретил, а даже благословил верным и познавшим истину принимать с благодарением (1 Тим. 4, 4—5), но пожирают живых людей. Многие не подают делами своими **соблазна—это хорошо и похвально**,—но языком разносят соблазны, и от места на место переносят зло, как больной заразу и как ветер пожар, от чего бывает много бед и напастей (104, 867—868).

Клеветник вредит тому, на кого клеветает, ибо языком своим уязвляет его, как мечом, и славу его, как пес зубами одежду, терзает: он-де то и то делает. Вредит себе, ибо тяжко грешит. Вредит тем, которые слушают его, ибо дает им повод к клевете и осуждению, и так их к тому же беззаконному делу, в котором сам находится, приводит. И так же, как от одного зараженного человека многие люди телом заражаются и погибают, так от одного клеветника, источника клеветы, многие христианские души заражаются и погибают (104, 868).

Поношение и оклеветание бывают или правдивые, или ложные. **Правдивое**—если мы подлинно виноваты в том, за что нас поносят, и потому приемлем достойное; тогда нужно исправляться, чтобы поношение упразднилось и стало ложным. **Ложное поношение**—когда мы не виноваты в том, за что нас поносят; и это поношение нужно терпеть с радостью и утешаться надеждой на вечные **Божии** милости. К тому же, хотя в том не виноваты, за что поносят нас, но в другом согрешили, и потому нужно терпеть. **Святитель Тихон Задонский (104, 871).**

Некто из зависти к добродетельному диакону Пафнутию оклеветал его в воровстве, подбросив книгу ему в келлию. Книгу нашли, и на диакона наложили епитимию. Не оправдываясь, Пафнутий три недели исполнял ее. Но вот на клеветника напал бес. После его признания только молитва Пафнутия исцелила несчастного. **Древний Патерик (72, 368).**

ЛУКАВСТВО

Лукавый человек, во-первых, обманывает собственную душу: лукавство его обращается на главу его, как написано в псалмах: «злота его обратится на его голову, и злодейство его упадет на его темя» (Пс. 7, 17). Не своди знакомства с человеком лукавым. Дружба с **лукавым — дружба** с дьяволом (82, 21).

Отвергни око лукавое, стяжи око простое. Преподобный Антоний Великий (82, 24).

Лукавство есть изобретательность на злые умыслы, когда человек, прикрывшись чем-то добрым, приводит в исполнение свой умысел (8, 214).

Не могу умолчать о лукавстве полипа, всякий раз принимающего цвет камня, к которому легко пристает. Поэтому многие рыбы, плавая без опасения, приближаются к полипу, как будто к камню, и делаются его добычей. Таковы нравом те, которые угождают всякой преобладающей власти, каждый раз сообразуются с обстоятельствами, не держатся постоянно одного и того же намерения, легко приспосабливаются к тем и другим: с целомудренными уважают целомудрие, с **невоздержанными** — невоздержны, в угоду всякому переменяют расположение. От таких людей не легко уклониться и спастись от наносимого ими вреда, потому что задуманное ими лукавство глубоко прикрыто личиной дружбы. Людей такого нрава Господь называет волками хищными, которые являются в одеждах овчих (Мф. 7, 15). Избегай изворотливого и многоликого нрава, стремись к истине, искренности и простоте. Святитель Василий Великий (4, 112).

У лукавого нрава есть особые признаки; кто имеет их, тому невозможно быть сыном Божиим, нося в себе образ противоположного естества. Угодно ли знать отличительные свойства лукавого нрава? Это зависть, ненависть, клевета, кичливость, корысть, страстное пожелание, недуг славолубия. Этими и подобными этому чертами отличается образ противника. Поэтому если очернивший себя подобными сквернами будет призывать Отца, то какой отец услышит его? Очевидно, состоящий в родстве с призывающим, а это отец не Небесный, но преисподний. Святитель Григорий Нисский (17, 412).

Лукавый никогда не бывает в мире, но всегда в смятении, всегда исполнен раздражительности, коварства и гнева, всегда

подсматривает за ближним, всегда наушничает... вразумления ставит ни во что, **братий** развращает, простодушных притесняет, кротких отдаляет от себя, великодушных осмеивает, перед посторонними лицемерит (25, 18).

Лукавый одному на другого клеветает, всякому идет наперекор, принимает участие в ссорах, доводит человека до раздражения, помогает в мщении, готов на злоречие, с приятностью говорит о других худо.

Лукавый скор на оскорбления, в многословии силен, усерден в нанесении другим ударов, первый содействует раздорам.

Лукавый издевается над тем, кто любит; кто заслуживает одобрения, теми гнушается; кто показывает успехи, теми недоволен.

Лукавый всегда завидует, всегда соперничает, всегда ожесточается; получив приказ, противоречит ему; выслушав повеление, извращает его; после доброго совета поступает плохо.

Лукавый в псалмопении немощен, в посте расслаблен, для всякого доброго дела не имеет ни сил, ни понятливости, к духовным беседам не способен, потому что «всякое нечестие заграждает уста свои» (**Пс.** 106, 42). Преподобный Ефрем Сирин (25, 18).

Кто желает, чтобы его труды не погибли, тот должен сразу же отражать от себя лукавство и злобу (34, 49).

Кто обращается с братом своим лукаво, не избежит печали сердечной. Преподобный авва **Исаия** (34, 49).

Лукавый человек, конечно, опаснее зверя. Зверь, не имея разума, не имеет зла против человека... а лукавый человек, владея разумом, пользуется им в своих целях и, когда хочет, при его помощи изобретает ловушки (39, 829).

Как от горького корня и ветки, и листья, и цветок, и **плоды — все** горькое, так и у лукавого человека и походка, и взгляд, и вид, и действия лукавы (39, 830).

Лукавый человек наносит удар прежде всего себе и больше никому. Таким образом, он враг самому себе. Душа его всегда полна печали, мысли всегда угрюмы. Святитель Иоанн Златоуст (43, 75).

Лукавые помыслы отлучают человека от Господа (49, 355).

Кто поступает лукаво, прогневая Господа, пусть не ожидает, что будет прощен. Преподобный Нил Синайский (49, 355).

Насколько просто искренним людям измениться в лукавых, настолько же трудно лукавым переродиться в чистосердечных (57, 160).

Лукавство происходит от возношения и от гнева (57, 184).

Лукавый **человек** — соименник и сообщник диаволу, потому что и Господь научил нас называть диавола лукавым (57, 159).

Лукавство есть извращение простоты, обольщенный разум, лживое оправдание себя благими намерениями... Скрытность сердца, бездна лести, навек лгать, превратившееся в природу самомнение, противник смирения, личина покаяния, удаление

плача... упорство в своем мнении, причина падений, препятствие восстанию от падений... коварная улыбка при обличениях, безрассудное сетование, притворное **благоговение** — словом, оно есть бесовское житие (57, 159).

Лукавство есть... бесовское безобразие, которое потеряло истину и думает утаить это от многих. Преподобный Иоанн **Лествичник** (57, 159).

Когда усилия диавола совмещаются с нашим самооправданием, тогда диавол становится более крепким, более вредит, более действует. Ибо когда мы держимся своей воли и следуем оправданиям нашим, тогда, делая по видимости добро, мы сами себе расставляем сети и даже не знаем, как погибаем. Ибо как можем мы постичь волю Божию или взыскать ее, если верим себе и держимся своей лукавой воли? (58, 71).

Когда оправдание соединяется с **волей** — это есть совершенная смерть, великая опасность, великий страх; тогда окончательно падает несчастный. Ибо кто заставит такого верить, что другой человек лучше знает, что ему полезно? Тогда он совершенно предается своей воле, своему помыслу, и наконец враг как хочет устраивает его падение. Преподобный авва Дорофей (58, 72).

Лукавое **сердце** — **корень** и источник греха. Преподобный Симеон Новый Богослов (59, 25).

Велика Благость Божия и человеческая жестокость. Кто испросил себе отсрочку и получил прощение долга, тот, когда у него попросили отсрочки, не только не дал, но и заключил в тюрьму своего должника, не столько ему задолжавшего, сколько должен был сам: сам был должен десять тысяч талантов, а тот пятьдесят динариев. Потому евангельское слово, сравнивая человеческую доброту с Божией Благостию, справедливо назвало ее злом: «если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим...». Не всю природу обвиняет оно во зле (да не будет этого!), ибо написано: «Благотвори, Господи, добрым» (**Пс.** 124, 4), и еще: «Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе» (Мф. 12, 35), но только сравнивая благость человеческую с Божией, назвало ее злом. Ибо далее сказано: «... тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него» (Мф. 7, 11). Преподобный Исидор Пелусиот (115, 645).

ДВОЕДУШИЕ

Скрытое лукавство вредоноснее явного. Потому что, если бы знали клеветников, легче избежали бы их несдержанных языков и недобрых расположений. Святитель Василий Великий (6, 9).

Никто пусть не будет лукавым и двоедушным, чтобы не постиг его грозный приговор: «Истребит Господь все уста лъстивые, язык велеречивый» (**Пс.** 11, 4). Преподобный Феодор Студит (69, 63).

Анания, оскорбивший Духа Святого двоедушием и лицемерием, не остался без наказания (Деян. 5, 1—6). Наказание, какому подвергся он, без сомнения, чрезвычайное, и в обычной жизни не случается видеть примеры подобного наказания за двоедушие. Но это бывает не потому, чтобы нынешние лицемеры были виновны менее Анании, а только по милосердию Божию, ожидающему от них исправления и покаяния. И горе им, если не воспользуются этим милосердием! Наступит время воздаяния, когда Господь «осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения» (1 Кор. 4, 5), когда за всякое праздное слово, тем более за слово и дело лицемерное, люди подпадут строжайшей ответственности перед Богом. Поэтому пусть каждый ограждает себя страхом Суда Божия, чтобы хранить себя и в слове, и в деле от лицемерия и двоедушия. Пусть, по крайней мере, страх удерживает нас от греха, от которого бессильны удержать нас другие, более сильные побуждения. Виссарион, епископ Костромской (114, 209—211).

ЛИЦЕМЕРИЕ

Многие, как на позорище, лицедействуют в собственной жизни, одно нося в сердце, а иное выставя напоказ... (7, 6).

Тот лицемер, кто напоказ принимает чужое лицо; будучи рабом греха, надевает маску свободного (7, 6).

Не видишь ли, какое зло — лицемерие? Оно — плод зависти, потому что двоедушие бывает в людях по большей части от зависти. Скрывая в глубине ненависть, завистники притворяются любящими и подобны подводным скалам, прикрытым водой и причиняющим неосторожным непредвиденное зло. Святитель Василий Великий (7, 165).

Не смешон ли стал бы для тебя ворон... если бы он, окрасившись белым, стал представлять из себя лебедя?.. И если человек низких нравов величается благородством, заслужит ли он уважение? Святитель Григорий Богослов (15, 212).

Авва Аполлос не одобрял носивших вериги и принимавших вид особенного внешнего благоговения. Такие люди, говорил он, делают это напоказ и впадают в лицемерие. Лучше постом утомить тело, а добродетели творить втайне. Если же у нас нет подвигов, то, по крайней мере, сохранимся от лицемерия. Авва Аполлос (82, 69).

... В России многие святые носили вериги. При особенной простоте и преобладании телесного подвига в русском монашестве, ношение вериг не имело того значения, которое оно должно было иметь в древнем монашестве. Это монашество подвизалось по преимуществу подвигом душевным, и были наиболее опасны (ему)... душевные страсти, особенно высокоумие... Епископ Игнатий (Брянчанинов) (82, 69).

Всеми силами старайся не произносить устами одного, имея другое в сердце (82, 144).

Тяжко состояние, когда на устах святость, а в сердце беззаконие и злоба (82, 144).

Кто имеет одно в сердце, а другое на языке по лукавству, того

молитва и подвиги суетны. С такими не своди знакомства, чтобы не заразиться их ядом и скверною. Другьями твоими да будут незлобивые и сделаешься участником их чистоты и славы (82, 185).

Восхождение на крест совершается после того, как заградятся уста фарисеям и саддукеям. Саддукеи служат образом неверия и безнадёжия, фарисеи **же** — образом лукавства, лицемерия и тщеславия. Преподобный авва **Исаия** (82, 190).

Только если почитатели Бога проводят добродетельную жизнь, прославляют Его словами и делами, Он возвеличивается. Конечно, это не значит, что возрастает Его собственное величие. Но через почитающих Его и через Его великие и разнообразные дела в творении и промышленности о мире величие Его открывается и неверующим в Него (39, 740).

«Господь сказал ему в ответ: лицемер! не отвязывает ли каждый из вас вола своего или осла от яслей в субботу и не ведет ли поить?» (Лк. 13, 15). Справедливо называет начальника синагоги лицемером, ибо он показывал себя хранителем Закона, а внутренне был хитрецом и завистником: не потому негодует, что нарушается суббота, а потому, что прославляется Христос. Святитель Иоанн Златоуст (116, 157).

Все обращают внимание не на то, что мы говорим, а на то, что делаем, и по делам произносят приговор, если не явно, то в сердце. Поэтому надо иметь и жизнь, соответствующую слову, и правила жизни, согласные с учением, чтобы, побеждая на словах, не быть побежденными в делах (50, 98).

Не словами... надо очаровывать слушателей, но деятельностью вести за собой видящих жизнь твою. Преподобный Исидор Пелусиот (52, 278).

Что такое лицемерие? По слову Христову, лицемеры уподобляются «окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты» (Мф. 23, 27). **Лицемеры** — «оцеживающие комара, а верблюда поглощающие» (Мф. 23, 24), то есть малые грехи замечающие, а великие ставящие ни во что. Лицемер тот, кто собственный прибыток считает выше закона совести; лицемер тот, кто иное содержит в сердце, иное на языке, кто имеет наружность святую, а внутренность беззаконную. Лицемер тот, чья сущность разодрана надвое, тот, кто сам с собою не согласен. **Лицемер** — выродок, имеющий образ человеческий, а мысли бесовские... Он закрывает от нас истину или, еще хуже, выдает ложь за истину, обман за мудрость, хитрость за благоразумие, обиду другого за правосудие, развращенность за похвальную благопристойность, а тем смешивает Небо с землей и все дела человеческие заполняет мраком и извращением. Платон, митрополит Московский (105, **356—357**).

Называешь Бога Отцом, Господом, Царем, Защитником и Помощником, как в молитве Господней, псалмах и прочих песнях верные Ему молятся и поют; хорошо, это признак веры. Верным **Он** — Отец, Господь, Царь, Защитник и Помощник. Но смотри,

стараешься ли Ему, как Отцу, проявлять послушание и подобный Ему нрав иметь? Сын подобен Отцу. Работаешь ли Ему, как Господу своему? Не работаешь ли маммоне (Мф. 6, 24) и прочим идолам? Не царствует ли над тобою грех, когда Царем своим Его называешь? Не ищешь ли защиты и помощи у сынов человеческих и прочего создания? Слышишь, что Бог об устном исповедании, но не исходящем от сердца, с которым сердце не согласуется, говорит через пророка: «приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня» (Мф. 15, 8; Ис. 29, 13).—Говоришь: «Верую... во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия»,—хорошо. Но приемлешь ли сердцем Его святое Евангелие? Следуешь ли Его учению, написанному в Евангелии? Не стыдишься ли смирения, нищеты, терпения Его? Несешь ли крест свой, который всем верным предлагает Он: «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16, 24). **Святитель Тихон Задонский (104, 909—910).**

«Берегитесь закваски фарисейской, которая есть лицемерие» (Лк. 12, 1). Отличительная черта **лицемерия — делать** все напоказ. Действовать на глазах других не есть еще лицемерие, потому что большая часть обязательных для нас дел и должны быть совершаемы для людей, следовательно, среди них и на виду у них. Хоть и лучше поступают те, которые ухищряются все делать тайно, но не всегда это возможно. Потому-то действующих на виду нельзя тотчас укорять в желании быть только замеченными или действовать напоказ. У них может быть искреннее желание делать добро, а то, что это видно **другим, —** необходимое следствие дел, совершаемых внешне. Лицемерие начинается с того момента, когда является намерение не добро делать, а только показать себя делающим добро. И это опять не всегда бывает преступно, потому что может быть минутным набегом помыслов, которые тотчас замечаются и прогоняются. Но когда имеется в **виду** —установить за собою репутацию делающего добро, то тут уже лицемерие, которое глубоко входит в сердце. Когда же ко всему этому присоединится еще скрытая цель пользоваться и выгодами подобной репутации, тут уж лицемерие во всей своей силе. Смотри же всякий, чего требует Господь, когда заповедует беречься «от закваски фарисейской». Делай добро по желанию добра другим, по сознанию на то воли Божией, во славу Божию, а о том, как взглянут на то люди, не заботься —и избежишь лицемерия. **Епископ Феофан Затворник (107, 371—372).**

Из лицемерного поведения возникают образ мыслей и учение фарисейские; учение и образ мыслей фарисейские воспитывают лицемера (108, 420).

Главный отличительный признак лицемера, первая стрела, пускаемая им на ближнего, есть соблазн и истекающее из соблазна осуждение ближнего (108, 422).

Как червь, зародившийся внутри плода, истребляет всю внутренность плода, оставляя только его оболочку, так и лицемерие истребляет всю сущность добродетели (111, 68).

Лицемер, страдая не очень заметными для людей страстями... прикрывает их лицемерием и притворством, неспособен признать себя грешником, как неспособен к этому сатана (111, 277).

Лицемер, стараясь удовлетворить своим страстям, всецело работая греху, желает сохранить перед очами людей личину добродетели (111, 275).

Осуждение **блжженного** — признак лицемерия, по всесвятому указанию Евангелия (111, 278).

Мы **все** — грешники. Всякое выставление себя праведником, и прямое и косвенное, есть лицемерие. Епископ **Игнатий** (Брянчанинов) (111, 278).

Когда мы (монахи Нитрийской пустыни) пришли, блаженный Иоанн Ликопольский приветствовал нас, обращаясь к каждому с веселым лицом, а мы прежде всего попросили его помолиться о нас. Потом он спросил, нет ли с нами кого-нибудь из клириков? Мы отвечали, что нет. Но он, осмотрев всех, узнал, что между нами есть диакон. Диакон скрывал свой сан по смирению, считая себя, в сравнении с такими святыми, едва достойным имени христианина, не только этого сана. Указав на него рукой, преподобный сказал: «Вот диакон». Когда же он продолжал отказываться, святой, взяв его за руку, облобызал его и, вразумляя, сказал: «Чадло! не отвергай благодати Божией и не лги, отрицая дар Христов. Ложь чужда Христу и христианину, будь она сказана по малому или по важному поводу. Если даже для доброй цели говорят ложь, и это не похвально, ибо ложь, по слову Спасителя, от диавола (Ин. 8, 44)». Диакон принял кроткое обличение старца. Лавсаик (74, 132—133).

ЧЕЛОВЕКОУГОДИЕ

Как же избежать страсти человекоугодия и слабости к похвалам человеческим? Несомненной уверенностью в присутствии Божиим, постоянной заботой об угождении Богу и пламенным желанием блаженств, обетованных Господом. Ибо никто перед очами Владыки не старается об угождении подобному себе рабу к бесчестию Владыки и своему осуждению (8, 195).

Какая это «клеть», в которую Господь повелевает войти молящемуся? Клетью обычно называется пустая и отдельная комната, в которую кладем, что хотим сохранить, или в которой можно скрыться, по сказанному у пророка: «Пойди, народ мой, войди в покои твои... укройся» (Ис. 26, 20). А смысл заповеди выявляет самый предмет разговора, потому что она обращена к страждущим от недуга человекоугодия. Поэтому, если кого беспокоит этот недуг, он прекрасно делает, устраняясь и уединяясь в молитве, пока не будет в состоянии приобрести навык не обращать внимания на похвалы людские, а взирать только на Бога, по примеру сказавшего: «как очи рабов обращены на руку господ их, как очи **рабы** — на руку госпожи ее, так очи **наши** — к Господу, Богу нашему» (Пс. 122, 2). Но если кто по благодати Божией чист от этого недуга, то ему нет необходимости скрывать прекрасное. Научая этому, сам Господь говорит: «Не может укрыться город, стоящий наверху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5, 14—16). Тот же смысл заповеди о милосердии и о посте (Мф. 6, 1—18), и вообще о всяком деле благочестия (115, 634).

Чем обличается человекоугодник? По отношению к хвалящим его он проявляет усердие, а для порицающих не хочет ничего сделать. Святитель Василий Великий (18, 195).

Христос принял оплевание ради нас, чтобы мы презирали **человекоугодие** и славу мира сего (34, 73).

Горе тому, кто старается и словом, и делом снискать благо-склонность людей, а нерадит о правде и справедливости (34, 191).

Горе **человекоугодникам**, ибо они не могут угодить Богу (34, 195).

Забиться о том, чтобы ради человекоугодия не погубить награды за труды твои, ибо делающий что-либо напоказ лишается воздаяния. **Преподобный авва Исаия (34, 216).**

О как вкрадчива и как незаметна страсть человекоугодия; она обладает и мудрыми! Ибо действия прочих страстей сразу видны и приводят к плачу и смиренномудрию. А человекоугодие прикрывается словами и образами благочестия, так что людям, которых оно обольщает, трудно рассмотреть его обличья... Какие обличья человекоугодия? Мать этих проявлений и первое из них есть неверие, а за ним, как порождение его, следует: зависть, ненависть, лесть, ревность, ссоры, лицемерие, лицепрятие, служение лишь на виду, оклеветание, ложь, ложное благоговение и подобные этим и не легко различимые и темные страсти. Но хуже всего то, что некоторые восхваляют все это искусными словами как добро, и вред, заключающийся в этом, прикрывают. Если хочешь, то я обнажу отчасти и коварство их: коварный человекоугодник, советуя одному, строит козни другому; хваля одного, порицает другого; уча ближнего, хвалит себя; принимает участие в суде не для того, чтобы судить по справедливости, но чтобы отомстить врагу; обличает с ласкательством, пока, укоряя врага своего, не будет принят им; клеветает, не называя имени, чтобы прикрыть свою клевету; убеждает нестяжательных, чтобы они сказали, в чем имеют нужду, как бы желая даровать им это, а когда они скажут, говорит о них, как о просящих; перед неопытными хвалится, а перед опытными смиреннословит, уловляя похвалу от тех и от других; когда хвалят добродетельных, негодует и, начиная другой рассказ, устраняет похвалу; осуждает правителей, когда они отсутствуют, а когда присутствуют, хвалит их в глаза; издевается над смиренномудрыми и подсматривает за учителями, чтобы укорить их; уничижает простоту, чтобы выказать себя премудрым; добродетели ближних оставляет без внимания, а проступки их сохраняет в памяти. Коротко говоря, всячески уловляет удобный случай и раболепствует лицам, обнаруживая многообразную страсть человекоугодия; покушается скрыть свои злые дела интересом к чужим. Истинные же христиане не так поступают, но, напротив, по чувству милосердия оставляют без внимания чужие злые дела, а свои явно открывают перед Богом. Потому и осуждают их люди, не знающие их намерения; ибо они не столько стараются угождать людям, сколько Богу. (Служа людям, по заповеди, не раболепствуют из-за похвал). Итак, благоугождай Богу, они уничижают **себя**—за то и за другое ожидают их награды от Господа, Который сказал: «Гордость человека унижает его, а смиренный духом приобретает честь» (Притч. 29, 23). Преподобный Марк Подвижник (66, 527).

Человекоугодник заботится о том, чтобы внешне вести себя хорошо и заслужить доброе слово льстеца, подкупая зрение и слух тех, которые услаживаются или удивляются только видимым и слышимым и добродетель определяют только тем, что чувствуют. Человекоугодие есть проявление добрых нравов напоказ перед людьми и для людей. **Преподобный Максим Исповедник (68, 279).**

Человекоугодием уничтожается не только любовь к Богу, но и самое памятование о Боге. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (111, 257).**

ЛЮБОВЬ

«Бог есть любовь»

(1 Ин. 4, 8)

Как, будучи сокрытым, Ты видишь и сохраняешь все? Как, нами не видимый, Ты видишь нас всех? Но познаешь Ты, Боже мой, не всех, кого видишь, но, любя, познаешь только тех, которые Тебя любят, и исключительно им одним Самого Себя являешь. Будучи Солнцем, сокрытым для всякой смертной природы, Ты восходишь в Твоих рабах, видим бывая ими, и они восстают в Тебе, бывшие прежде омраченными: блудниками, прелюбодеями, распутниками, грешниками, мытарями. Через покаяние они делаются сынами Твоего Божественного Света. Ведь Свет, конечно, рождает свет, поэтому и они делаются светом, чадами Божиими, как написано (Пс. 81, 6), и богами по благодати—те, которые отрекутся от суетного и обманчивого мира, без ненависти возненавидят родителей и братьев, считая себя странниками и пришельцами в жизни; те, которые лишат себя богатств и имуществ, совершенно отвергнув пристрастие к ним; те, которые ради славы небесной от души возгнушаются пустой славой и похвалами людскими; те, которые отсекли свою волю и стали для пастырей как бы беззловными овцами; те, которые стали мертвы телом ко всякому худому деянию, до пота трудясь над возделыванием добродетелей и руководясь в жизни одной только волей кормчего, через послушание умирая и опять оживая; те, которые, благодаря страху Божию и памяти смертной, во все дни и ночи проливают слезы и умно припадают к стопам Владыки, испрашивая милости и оставления грехов. Такие через всякое делание добра приходят в доброе состояние и, как повседневно плачущие и усердно стучащие, привлекают к себе милость. Частыми молитвами, неизглаголанными вздыханиями и потоками слез они очищают душу и, видя ее очищение, воспринимают огонь любви и огонь желания—увидеть ее совершенно очищенной. Но так как им невозможно найти конец Света, то очищение у них бывает бесконечным.

Ибо сколько бы ни очистился и ни просветился я, жалкий, сколько бы ни увидел очищающего меня Святого Духа, мне всегда будет казаться, что это только начало очищения и видения, потому что в беспредельной глубине и в безмерной высоте кто может найти середину или конец? Я знаю, что Света много, но сколько—не знаю. Сильно желая все большего, я постоянно вздыхаю о том, что мне дано немногое (хотя оно и кажется мне

многим) в сравнении с тем, что, как я догадываюсь, далеко отстоит от меня, чего я жажду, видя, и думаю, что ничего не имею, так как совершенно не ощущая данного мне богатства, хотя и вижу Солнце, однако не считаю его таковым.

Каким же это **образом?** —слушай и веруй. То, что я вижу, есть Солнце, Которое невыразимо приятно для чувства; Оно влечет душу к неизреченной и божественной Любви. Душа же, видя Его, воспламеняется и горит любовью, желая всецело иметь внутри себя то, что является ей, но не может и поэтому печалится и уже не считает за благо видеть и ощущать Его. Когда же Видимый мною и никем не востисмый, как поистине неприступный, изволит помиловать сокрушенную и смиренную душу мою, тогда каким Он видится мне, сияя перед лицом моим, таким же блистающим становится Он видим во мне, весь исполняя меня, смиренного, всякой радости, всякого желанья и божественной сладости. **Это** —внезапное превращение и чудная перемена, и невыразимо словами то, что во мне совершается. Ведь если бы кто увидел, что это видимое всеми солнце сошло внутрь его сердца и все вселилось в него, и так же светило бы, то не помертвел ли бы он от чуда и не сделался ли бы безгласным, и не изумились ли бы все, видевшие это? Если же кто увидит Творца солнца, наподобие светила светящим внутри себя, действующим и говорящим, то как не изумится и не содрогнется он от такого видения? Как не возлюбит своего Жизнеподателя? Люди любят подобных себе людей, когда они кажутся им несколько лучшими других; Творца же всех, единого бессмертного и всемогущего, кто, увидев Его, не возлюбит? Если многие, поверив от слуха, возлюбили Его, а святые даже и умерли за Него, и тем не менее они живы, то приобщившиеся видения Его и Света, Им познанные и Его познавшие, как они не возлюбят Его? Скажи, как ради Него не будут непрестанно плакать? Как не станут презирать мира и того, что в мире? Как не отрекутся от всякой чести и славы те, которые, став выше всякой славы и земной чести и возлюбив Владыку, нашли Того, Кто пребывает вне земли и всего видимого, Того, Кто сотворил все видимое и невидимое, и получили бессмертную Славу, имея в Нем без недостатка всякое благо? Также и всякое опущение грехов и всякое желание вечных благ и вещей божественных, как богатство некое, они почерпнули из того же вечно живого источника, обильно насытиться которого дай и нам, Владыко, и всем ищущим и горячо любящим Тебя, дабы и мы также со святыми Твоими наслаждались вечными благами во веки веков. Аминь (59, 41—43)*.

Кто сможет, Владыко, поведать
о Тебе?
Заблуждаются неведущие Тебя,
ничего совершенно не зная;
Познавшие же верою Божество
Твое

Бывают одержимы великим
страхом и ужасаются от трепета,
Не зная, что сказать им о Тебе,
ибо Ты —превыше ума,
И все у Тебя неисчерпаемо
мыслью и непостижимо:

* Гимн 4. Кому Бог является и кто через делание заповедей приходит в доброе состояние.

Дела и Слава Твоя, и познание Твое.
 Мы знаем, что Ты Бог, и Свет Твой видим,
 Но каков Ты и какого рода — этого никто решительно не знает.
 Однако мы имеем надежду, обладаем верою
 И знаем ту Любовь, Которую Ты даровал нам,
 Беспредельную, неизреченную, никоим образом неместимую,
 Которая есть Свет, Свет неприступный и все совершающий.
 Он называется то рукою Твоею, то оком,
 То пресвятыми устами, то Силою, то Славою,
 То познается, как прекраснейшее лицо.
Он — солнце незаходимое для высоких в познании Божественного,
Он — звезда, вечно сияющая для тех,
 Которые не вмещают ничего более.
 Он противоположен печали, прогоняет неприязнь
 И совершенно истребляет сатанинскую зависть.
 В начале Он умягчает и, очищая, утончает,
 Прогоняет помыслы и сокращает движения.
 Он **сокровенно** научает смиряться И не позволяет рассеиваться и шататься.
 С другой стороны, **Он явно** отделяет от мира
 И заставляет забыть все скорбное в жизни.
 Он и многообразно питает и утоляет жажду,
 И дарует силу хорошо **труждающимся**.
 Он погашает раздражение и печаль сердечную,
 Совершенно не позволяя гневаться или возмущаться.
 Когда Он убегает, уязвленные Им гонятся за Ним
 И с великою любовью от сердца ищут Его.
 Когда же Он возвратится, явится, и человеколюбиво воссияет,

То внушает гонящимся уклоняться от Него и смиряться,
 И, будучи многократно взыскуем, побуждает удаляться от страха
 Как недостойным такого блага, превосходящего всякую тварь.
 О неизреченный и непостижимый дар!
 Ибо чего только не делает Он и чем не бывает!
Он — наслаждение и радость, кротость и мир,
 Милосердие беспредельное, бездна благоутробия.
 Он видится невидимо, вмещается неместимо
 И содержится в уме моем неприкосновенно и неосяземо.
 Имея Его, я не созерцаю, созерцая же, пока Он не ушел,
 Стремлюсь быстро схватить Его, но Он весь улетает.
 Недоумевая и воспламеняясь, я научаюсь просить
 И искать Его с плачем и великим смирением
 И не думать, что сверхъестественное возможно
 Для моей силы или старания человеческого,
Но — для благоутробия Божия и беспредельной милости.
 Являясь на краткое время и скрываясь, Он
 Одну за одной изгоняет страсти из сердца.
 Ибо человек не может победить страсти,
 Если Он не придет на помощь; И опять же не все сразу изгоняет,
 Ибо невозможно сразу воспринять всего Духа
 Человеку душевному и сделаться бесстрастным.
 Но когда он совершит все, что может:
 Нестяжание, беспристрастие, удаление от своих,
 Отсечение воли и отречение от мира,
 Терпение искушений, молитву и плач,
 Нищету и смирение, насколько есть силы у него,
 Тогда на краткое время как бы тонкий и наималейший Свет,
 Внезапно окружив ум его, восхитит в иступление,

Но, чтобы не умер он, скоро
оставит его
С такою великою быстротою, что
ни помыслить,
Ни вспомнить о красоте Света
невозможно увидевшему,
Дабы, будучи младенцем,
не вкусил он пищи мужей
совершенных
И тотчас не расторгся или не
получил вреда, изблевав ее.
Итак, с тех пор
Свет руководствует,
укрепляет и наставляет;
Когда мы нуждаемся в Нем,
Он показывается и убегает;
Не тогда, когда мы желаем, ибо
это дело совершенных,
Но, когда мы находимся
в затруднении и совершенно
бессилеем,
Он приходит на помощь, восходя
издали,
И дает мне почувствовать Себя
в моем сердце,
Пораженный, задыхаясь, я хочу
удержать Его.
Но вокруг все —ночь. С пустыми
и жалкими руками,
Забывая все, я сижу и плачу,
Не надеясь в другой раз таким же
образом увидеть Его.
Когда, вдоволь наплакавшись,
я хочу перестать,
Тогда Он, придя, таинственно
касается моего темени,
Я заливаюсь слезами, не зная,
Кто это;
И тогда Он озаряет мой ум
сладчайшим Светом.
Когда же узнаю я, Кто это, Он
тотчас улетает,
Оставляя во мне огонь
божественной любви к Себе,
Который не позволяет ни
гмеемся, ни смотреть на людей,
Ни принимать желания чего-либо
из видимого.
Мало-помалу через терпение он
разгорается и раздувается,
Делаясь великим пламенем,
достигающим Небес.
Его угашает расслабление и
развлечение домашними
заботами,
Ибо вначале присутствует и забота
о житейском;
Возвращает же молчание

и ненависть ко всякой славе
Скитание по земле и поправление
себя подобно навозу,
Ибо этим Он усаждается и тогда
благоволит соприсутствовать,
Научая этим всемогущему
смирению.
Итак, когда я стяжеваю это и
делаюсь смиренным,
Тогда Он бывает неразлучен
со мною:
Беседует со мною, просвещает
меня,
Взирает на меня, и я на Него
взираю.
Он и в сердце моем находится, и на
Небе пребывает.
Он изъясняет мне Писания
и умножает во мне знание,
Он научает меня таинствам,
которых я не могу изречь.
Он показывает, как Он восхитил
меня от мира,
И повелевает мне быть
милосердным ко всем,
находящимся в мире.
Итак, меня содержат стены
и удерживает тело,
Но я поистине, не сомневаясь,
нахожусь вне их.
Я не ощущаю звуков и не слышу
голосов.
Я не боюсь смерти,
ибо я превзошел и ее.
Я не знаю, что такое скорбь, хотя
все опечаливают меня.
Удовольствия горьки для меня, все
страсти бегут от меня
И я постоянно ночью и днем
вижу Свет,
День для меня является ночью
и ночь есть день.
Я и спать не хочу, ибо это потеря
для меня.
Когда же меня окружают всякие
беды
И, казалось бы, низвергнут
и преодолеют меня;
Тогда я, внезапно оказываясь
со Светом вне всего
Радостного и печального,
и мирских наслаждений,
Наслаждаюсь неизреченной и
Божественной радостью,
Увеселяюсь красотой Его, часто
обнимаю Его,
Целую и поклоняюсь, питаю
великую благодарность

К тем, кто дал мне возможность
видеть то, чего я желал,
И причаститься неизреченного
Света и сделаться светом,
И дара его приобщиться отселе,
И стяжать Подателя всех благ,
И оказаться не лишенным
и дарований душевных.
Кто привлек и направил меня
к этим благам?
Кто возвел меня из глубины
мировой прелести?
Кто отделил меня от отца
и братьев, друзей
И сродников, наслаждений
и радостей мира?
Кто показал мне путь покаяния
и плача,
По которому я нашел день,
не имеющий конца?
То был ангел, а не человек*,
Однако такой человек,
Который посмеивается над миром
и попирает дракона,
Присутствия которого трепещут
демоны.
Как я поведаю тебе, брат, о том,
что я видел в Египте,
О совершенных им чудесах и
знамениях?
Расскажу тебе пока одно,
ибо всего поведать
я не в силах.
Он сошел и нашел меня рабом
и пришельцем в Египте.
Иди сюда, чадо мое, сказал он,
я поведу тебя к Богу.
Я же от великого неверия ответил
ему:
Какое знамение ты мне покажешь,
чтобы уверить меня,
Что ты сам можешь освободить
меня из Египта
И исхитить из рук лстивого
фараона,
Чтобы, последовав за тобою,
я не подвергся еще больше
опасности?
Разожги, сказал он, великий огонь,
чтобы я мог войти
в середину,
И если я не останусь неопаленным,
то не последуй мне.

Слова эти поразили меня. Я сделал
приказанное.
Разожжено было пламя, и он сам
стал посередине.
Целый и невредимый, он и меня
приглашал.
Боюсь, владыко, сказал я,
ибо я грешник.
Выйдя из огня, он подошел ко мне
и поцеловал меня.
Отчего ты боишься, сказал он мне,
отчего робеешь
и трепещешь?
Велико и страшно это чудо? —
большее сего узришь.
Я в ужасе, господин, сказал я,
и не смею приблизиться
к тебе,
Не желая оказаться дерзким более
огня,
Ибо я вижу, что ты человек,
превосходящий человека,
И не дерзаю смотреть на тебя,
которого огонь устыдился.
Он привлек меня ближе
и заключил в объятия
И снова облобызал меня лобзанием
святых,
Сам благоухая весь благоуханием
бессмертия.
После этого я поверил и с
любовью последовал за ним,
Пожелав сделаться рабом его
одного.
Фараон держал меня в своей
власти,
и страшные приставники его
Принуждали меня заботиться
о кирпичах и соломе,
Я один не мог убежать, так как
не имел и оружия.
Моисей** молил Бога оказать
помощь,
Христос поражает Египет
десятеричными язвами,
Но не покорился фараон и
не освободил меня.
Молится отец, и Бог внемлет ему
И говорит рабу Своему, чтобы
он взял меня за руку,
Обещая Сам идти вместе с нами,
Чтобы избавить меня от фараона
и от бедствий египетских.

* Здесь преподобный Симеон говорит о своем духовном отце — Симеоне Студите, или Благоговейном. — Примеч. пер.

** То есть духовный отец преподобного Симеона, о котором выше шла речь. — Примеч. пер.

Он вложил дерзновение в сердце
 И дал мне смелость не бояться ^{мое}
^{фараона.}
 Так и сделал раб Божий:
 Держа меня за руку, он пошел
 И таким образом мы начали ^{впереди меня,}
^{совершать путь.}
 Дай мне, Господи, по молитвам
^{отца моего, понимание}
 И слово, чтобы поведать о дивных
^{делах руки Твоей,}
 Которые Ты соделал ради меня,
^{заблудшего и блудного,}
 Рукою раба Твоего изводя меня
^{из Египта.}
 Узнав о моем уходе, царь
^{египетский}
 Пренебрег мною, как одним, и сам
^{не вышел.}
 Но послал подвластных ему рабов.
 Побежали они и настигли меня
^{в пределах египетских,}
 Но все возвратились ни с чем и
^{разбитыми:}
 Мечи свои изломали, стрелы
^{повытрясли,}
 Руки их ослабели, действуя против
^{нас,}
 И мы остались совсем
^{невредимыми.}
 Пред нами горел столп огненный,
^{и над нами было облако;}
 И мы одни проходили в чужой
^{стране}
 Среди разбойников, среди великих
^{народов и царей.}
 Когда узнал и царь о поражении
^{людей своих,}
 То пришел в бешенство, считая
^{великим бесчестьем}
 Быть поруганным и побежденным
^{одним человеком.}
 Запряг он свои колесницы, поднял
^{народ}
 И погнался сам с большим
^{хвастовством.}
 Придя, он нашел меня одного
^{лежащим от усталости;}
 Моисей же бодрствовал
^{и беседовал с Богом.}
 Приказал он связать меня
 Преподобный Симеон Новый Богослов (59, 157—164)*.

по рукам и ногам,
 И, удерживая меня через мнение,
^{они покушались вязать;}
 Я же, лежа, смеялся и,
^{вооружившись молитвою}
 И крестным знамением, всех их
^{отражал.}
 Не смея прикоснуться или
^{приблизиться ко мне,}
 Они, стоя кое-где поодаль,
^{думали устроить меня:}
 Держа в руках огонь, они
^{грозили сжечь меня,}
 Поднимали громкий крик и
^{производили шум.}
 Чтобы не хвастались они, что
^{сделали нечто великое,}
 Увидели они, что и я сделался
^{светом, по молитвам отца моего,}
 И посрамленные, внезапно все
^{вместе удалились.}
 Вышел от Бога Моисей и, найдя
^{меня дерзновенным,}
 Обрадованным и трепещущим от
^{этого чудотворения,}
 Спросил: что случилось?
 Я возвестил ему все это:
 Что был фараон, царь египетский;
 Придя ныне с бесчисленным
^{народом,}
 Он не мог связать меня; хотел
^{он сжечь меня,}
 И все пришедшие с ним сделали
^{пламеinem,}
 Испуская против меня огонь
^{из уст своих;}
 Но так как они увидели, что
 я сделался светом, по молитвам
^{твоим,}
 То превратились все в тьму,
^{и вот теперь я один.}
 Смотри, ответил мне Моисей,
^{не будь самонадеянным,}
 Не смотри на явное, тем более
^{бойся тайного.}
 Скорей! воспользуемся бегством,
^{так Бог повелевает;}
 И Христос вместо нас будет
^{побеждать египтян.}
 Пойдем, господин, сказал я,
^{я не разлучусь с тобою.}
 Не преступлю твоих заповедей,
^{но все сохраняю. Аминь.}

* Гимн 37. Учение с богословием о действиях Святой Любви, то есть Самого Света Духа Святого.

ЛЮБОВЬ К БОГУ

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим
и всюю **душею** твоею и всем разумением твоим»

(Мф. 22, 37)

Любовь к Богу необходима нам, оскудение ее в душе есть самое непереносимое из всех зол (8, 84).

Получив заповедь любить Бога, мы получили также и силу любить, вложенную в нас при творении. **Святитель Василий Великий (8, 83).**

Укажу вам дело, которое только и делает человека твердым в добре и хранит его таким от начала до конца: любите Бога всей душой вашей, всем сердцем вашим и Ему единому работайте. Тогда Бог даст вам великую силу и радость, и все дела **Божии** станут для вас сладкими, как мед; все телесные труды, умственные занятия, бдения и все вообще иго Божие будет для вас легко и сладко. По любви, впрочем, Своей к людям Господь посылает иногда на них противности, чтобы не величались, но пребывали в подвиге, и они испытывают вместо **мужества** —отяжеление и расслабление, вместо **радости** —печаль, вместо покоя и **тишины** — волнение, вместо **сладости** —горечь, многое и другое подобное бывает с любящими Господа. Но, борясь с этим и побеждая, они более и более крепнут. Когда же наконец все это совсем преодолеют они, тогда во всем начнет быть с ними Дух Святой, тогда не станут они более бояться ничего плохого. **Преподобный Антоний Великий (66, 48).**

По любви Божией душа стала невестой Бессмертного Жениха, чтобы, как в зеркале, отражать в себе Его красоту (26, 94).

Премилосердный требует любви от того, кто хочет прийти к Нему. И если приносит он любовь и слезы, приемлет и дар (28, 156).

Тебя, Господи, мы ищем в молитве, потому что в Тебе заключено все. Тобою да обогатимся, потому что **Ты** — Богатство, не изменяющееся от перемены времен (28, 337).

Тебя, Господи, должны мы искать вместо всего иного и кроме Тебя не искать ничего. Ибо кто ищет Тебя, тот все находит в Тебе. В Тебе, Господи, богатство для нуждающихся, сердечная радость для скорбящих, исцеление для раненых, утешение для всех сетующих. **Ты** —мир на пределах царств и спокойствие внутри их. **Ты** —полная благословений нива; кто обладает Тобою, тот не страдает от голода. **Преподобный Ефрем Сирин (28, 337).**

Удостоиться любить (Господа) искренне и как **должно** —это Царство Небесное, **это** —**вкусение** блаженства, в **этом** —**блага** неисчислимые (38, 591).

Ради пролития за нас Крови мы получаем Духа Святого. Если же соединяются Кровь и **Дух** —**это** для того, чтобы мы могли принять через однородную с нашей кровью не однородного с нами Духа Святого и этим преградить доступ к нам смерти (42, 930).

Любить **Христа**—это значит не быть наемником, не смотреть на благочестивую жизнь, как на промысел и торговлю, а быть истинно добродетельным и делать все из одной любви к Богу (43, 65).

Если бы кто стал угрожать мне будущей нескончаемой смертью, чтобы отлучить меня от Христа, или обещал мне бесконечную жизнь, я бы не согласился. **Святитель Иоанн Златоуст (43, 685).**

Никакое слово не достаточно для того, чтобы по достоинству изобразить любовь, так как она неземного, но небесного происхождения... Даже язык Ангелов не в состоянии в совершенстве исследовать ее, так как она непрерывно исходит от Великого Бога (43, 995).

Любовь, не вмещающаяся в мире, обитает в смиренном сердце (43, 996).

Нельзя найти ничего драгоценнее, ничего выше и ничего... долговечнее любви. Ибо «любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор. 13, 8). Без любви не только все превосходнейшие роды дарований, но и слава самого **мученичества**—ничто. **Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (авва Херемон, 53, 379).**

Для верующего любовь к **Богу**—достаточное утешение даже и при гибели его души (55, 178).

Чудная любовь Божия к человеку познается, когда бывает он в безнадежных обстоятельствах. Здесь Бог являет Свою силу в спасении его. Ибо никогда человек не познает силы Божией в покое и свободе. И нигде Бог так ощутимо не являл могущества Своего, как в стране безмолвия и в пустыне, в местах, свободных от сборищ и молвы, свойственной обитанию среди людей. **Преподобный Исаак Сирин (55, 222).**

Любовь... к **Спасителю**—это действие Духа, или существенное Его присутствие, ипостасно видимое внутри меня, (как) свет. Свет же этот ни с чем не сравним и весь невыразим. **Преподобный Симеон Новый Богослов (59, 220).**

Люди ищут легкой, а не тяжелой работы. Иисусу работать легко. Не велит Он камни носить, не велит горы разрывать и прочее, этому подобное, делать рабам Своим. Нет, ничего такого не слышим от Него, но **что?**—«любите друг друга» (Ин. 13, 34; 15, 12, 17). Что легче, чем любить? Тяжко ненавидеть, ибо ненависть мучит; но любить сладко, ибо любовь радует. Сам Он об этом свидетельствует: **«...иго** Мое благо, и бремя Мое легко» (Мф. 11, 30). Возьмем, возлюбленный христианин, на себя благое иго Христово, понесем Его легкое бремя и последуем Ему. **Святитель Тихон Задонский (104, 929).**

Любовь к Богу есть то расположение духа, в котором христианин, услаждаясь Богом как высочайшим благом и совершенством, стремится уподобиться Ему через исполнение святой воли Его и достигнуть блаженного соединения с Ним. В Слове

Божием заповедуется человеку любить Бога всем сердцем, всею душою, всею мыслию, и заповедь о любви к Богу поставляется первую и большею (Мф. 22, 37—38). Епископ Феофан Затворник. Богоугодная жизнь вообще. Изд. 2-е, М., 1899, с. 23.

Любовь к Богу или жажда пребывания в общении с Богом как верховным благом и успокоение в Нем, или сознание блаженства в Его общении изливается в сердце обратившегося к Богу и устремляет к Нему все существо его. Эта любовь есть действительное вкушение блаженства, а не мысленное и воображаемое. Он же. Начертание христианского нравоучения. М., 1891, с. 287.

... Любовь есть рай, но рай потерянный. Входишь внутрь себя и не находишь его там; видишь, что на поле сердца не растет это древо жизни. Отчего же? Оттого, что сердце все заросло злыми древами страстей, заглушающих любовь. Где страсть, там нет места любви. Искорените прежде эти злые древа **страстей**—и на месте их произрастет одно многоветвистое древо, дающее цвет и плод любви. Он же. **Любовь**—венец жизни христианской. «Домашняя беседа», 1872, август, вып. 32, с. 740—741.

Любовь к Богу есть дар Божий в человеке, приготовившем себя для принятия этого дара чистотой сердца, ума и тела (**108, 130**).

Нужно достигнуть совершенства во всех добродетелях, чтобы вступить в совершенство всех совершенств, в слияние **ИХ**—в любовь (**109, 55**).

Телам нашим свойственна божественная любовь. Освободившись от недуга греховности, им неестественного и враждебного, они еще во время земного странствования влекутся постоянно к Богу, сообразно естеству своему и действию Святого Духа. Епископ Игнатий (**Брянчанинов**) (**111, 154**).

«Друг» по своему смыслу означает «другой я», то есть означает такого человека, который мыслями и желаниями со мною сходен, душа которого связана со мною и на которого я так, как на себя, могу положиться во всех случаях. И потому не без оснований некто сказал, что друзья есть одна душа, в двух телах живущая. Так, уже из этого видно, что друг Божий тот, воля которого сообразна с пресвятою волей Божией, который своими желаниями единственно к Нему стремится, дух которого любовью соединен с Духом Божиим и который, по такой любви, столь уверен в Божией к себе благодати, что не сомневается в получении от Него всех благ, служащих к пользе его. По таким свойствам праведный весь вселяется в Бога и **Бог**—весь в него, становится как нечто единое с Богом и утопает в бездне Божественных совершенств. Этот тесный союз праведного с Богом утверждается на той любви, которую горит к Нему душа праведного, следовательно, которого любит и сам Бог. Ибо Он любит любящих Его, и эта взаимная любовь дает право добродетельному именоваться другом Божиим.

Если же он есть друг Божий, то и участник сокровеннейших Его **таин** и советов. Поскольку обычно мы истинным друзьям своим открываем свои мысли, объясняем намерения, объявляем решения и самые скрытые помышления нашего сердца сообщаем им, или короче говоря, вручаем им свое сердце и в этом вручении свое особенное находим удовольствие. Ибо и несчастье облегчается, если о нем расскажем другу, и счастье бывает для нас не столь радостно, если о нем не сообщим своему верному другу. **Платон**, митрополит Московский (105, 200).

Спросил Господь апостолов, как они **Его** понимают? В лице святого апостола Петра они отвечали: «Ты Христос» (Мк. 8, 29). Не вдруг созрело это исповедание, но, созрев, осело в глубь сердца и стало **источным** его направителем. Оно омрачилось смертью Господа, но не поколебалось. И будучи воскрешено еще в большей силе Воскресением, стремилло апостолов во всю их жизнь на проповедь всему миру. Есть момент и у каждого верующего, когда он всеми силами своими изрекает: «**Ты—Христос, Господь Мой и Спаситель. Ты спасение мое, свет мой, сила моя, утешение мое, надежда моя и Жизнь Вечная.**». Тогда он готов сказать с апостолом: «Кто отлучит нас от любви **Божией?**» (Рим. 8, 35)—подобно ему начинает гнаться за всем угодным Христу Господу, пока придет «в меру полного возраста Христова» (Еф. 4, 13). **Епископ Феофан Затворник (107, 85—86).**

Если мы не отзовемся на любовь Господа к нам любовью к Нему, то не напрасно ли пролита кровь Богочеловека за нас?... Не напрасно ли возложена на Крестный Жертвенник и закляние Великая Жертва? Всесильно Ее ходатайство за нас во спасение, всесильны и жалобы Ее на тех, которые пренебрегают Ею. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (111, 139).**

Истинные признаки любви к Богу

Посмотрим, какие признаки любви к Богу, чтобы не иметь вместо любви ложное мечтание о ней. Ибо ни в чем так не обманывается человек, как в любви.

Признаки этой любви таковы: 1. Сам Господь указывает: «Кто имеет заповеди Мои и соблюдает их, тот любит Меня» (Ин. 14, 21). Ибо истинно любящий **Бог**—всего, что противно Богу, бережется, и все, что Ему угодно, старается исполнять; почему и святые заповеди Его соблюдает. А отсюда следует, что те христиане не имеют любви Божией, которые о заповедях Его не радят... 2) Явный признак любви Божией есть сердечная радость о Боге. Ибо что любим, о том и радуемся. Так и Божия любовь не может быть без радости. 3) Истинно любящий Бога презирает мир и все, что в мире, и к единому любимому своему Богу стремится. Честь, славу, богатство и все утехы мира сего, которых ищут сыновья века сего, считает за ничто. Ему достаточно одного Бога, несозданного и возлюбленного блага. В Нем едином он находит совершенную честь, славу, богатство и утешение. Ему один **Бог**—многоценный жемчуг, перед Которым все прочее ничтожно. Такой ничего ни на Небе, ни на земле, кроме Бога, не желает... 4) Истинно любящий Бога в незабвенной памяти имеет Бога, Его любовь к нам и благодеяния Его. Это видим и в любви человеческой. Ибо кого любим, того часто и поминаем. Так, кто Бога любит, часто о Нем поминает, размышляет, Им утешается и к Нему восхищается: «...**ибо** где сокроище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6, 21). 5) Любящий с любимым желает быть неразлучным. Многие христиане желают быть прославленными со Христом Господом, но в бесчестии и поношении быть с Ним и крест нести не хотят. Просят Его быть с Ним во Царствии Его, но страдать с Ним в мире не хотят и тем показывают, что сердце их неправо, и истинно не любят Христа, и, по правде сказать, больше себя любят, чем Христа. Поэтому говорит Господь: «кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф. 10, 38). 6) Еще один признак любви к Богу есть любовь к ближнему. Кто истинно любит Бога, тот любит и ближнего. Кто любящего любит, тот любит и любимого им. Источник любви к ближнему есть любовь к Богу, но познается любовь Божия от любви к ближнему. А отсюда ясно, что тот и Бога не любит, кто не

любит ближнего, как учит апостол: «Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец» (1 Ин. 4, 20). **Святитель Тихон Задонский (104, 967—969).**

Какова мера любви к Богу? Та, чтобы душа непрестанно через силу напрягалась исполнять волю **Божью** с целью и желанием славы Божией. Святитель Василий Великий (8, 266).

Боголюбивой душе свойственно подчинять Божеству все человеческое (12, 109).

Если дашь мне кучи золота и янтаря," зеленеющие поля, тучные стада, великолепный дом и Алкиноеву* трапезу, если вместо настоящей жизни дашь другую, нестареющую, и тогда не согласишься жить гнусно и лишиться Христа. Святитель Григорий Богослов (15, 83).

Истинно любящий **Бога**, расторгнув, преодолев и миновав все, что считается препятствием в мире, объемлется единой Божественной любовью. Преподобный Макарий Египетский (33, 457).

Мысль человека, искренне любящего Бога, никогда не бывает на земле, но постоянно на Небе, где Тот, Кого он возлюбил (26, 93).

Действительно любящий Бога, как мечом обоюдоострым, отсекает всякую иную любовь мира сего и расторгает всякие вещественные узы. Преподобный Ефрем Сирин (27, 37).

Кто уязвлен этой любовью и стремится сердцем к Богу, тот уже не обращает внимания на видимое, но постоянно созерцает предмет своих стремлений (38, 217).

Возлюбим Господа по мере сил своих... отдадим все из любви к Нему: и душу, и имущество, и славу, и все прочее с радостью, с готовностью, с усердием, не считая это полезным для Него, но для нас самих. Таков закон любви: любящие считают счастьем страдания за любимых (45, 899).

Если бы мы любили Христа, как следует любить, то знали бы, насколько страшнее геенны оскорбление Любимого. А так как мало любим, то и не знаем силы этого наказания. Святитель Иоанн Златоуст (46, 701).

Сердце, ощутившее любовь к Богу, не может вмещать и выносить ее, но по мере усиления этой любви испытывает необычайное изменение. Преподобный Исаак Сирин (55, 363).

Видел я некоего, который все печалился и плакал, что не любит Бога, как бы желал, тогда как так любил Его, что непрестанно носил в душе своей пламенное желание, чтобы один Бог славился в нем, сам же он был как ничто. Такой не ведает, что такое он есть, и самыми похвалами, ему изрекаемыми, не усаждается. Ибо в великом вожделении смирения он не понимает

* **Алкиной** — персонаж др.-греч. мифологии, царь феаков, гостеприимных обитателей сказочного острова **Схерия**; устроил пир в честь Одиссея, заброшенного бурей на этот остров.

своего достоинства. Но, служа Богу, как закон повелевает иереям, в некоем сильном расположении к боголюбию теряет память о своем достоинстве, где-то в глубине любви к Богу теряя присущее довольство собой в духе смирения, и в помышлении своем он всегда кажется себе неключимым рабом, совершенно не имеющим требуемого от него достоинства. Так действуя, и нам надлежит избегать всякой чести и славы ради преизобильного богатства любви к Господу, столь нас возлюбившему... Ибо как себялюбивый естественно ищет своей славы, так боголюбивый естественно ищет и любит славу Создателя своего. Душе боголюбивой, исполненной чувства Божия, свойственно в исполнении всех заповедей искать единой славы Божией, относительно же **себя — улаживаться** смирением. Ибо Богу, ради величия Его, подобает слава, а **человеку — смирение**, чтобы через него сделаться нам своими Богу. Блаженный **Диадок** (68, 13).

Видя крест в девических руках святой Екатерины, мы уже знаем и истинную любовь ее ко Христу Богу, Спасителю нашему, ради которой она мученически пострадала за Него, сказав: «Тебя, Жених мой, люблю и, ища Тебя, страдаю и сораспинаюсь». Не истинна любовь без креста, без страдания за любимого. И как о нетвердо верующих говорится: «временем веруют, а во время искушения отпадают» (Лк. 8, 13), так и о неистинно любящих можно сказать: временем любят, а во время искушения отпадают. Святой Петр вначале, когда еще не утвердился крепко в вере и любви, считал себя истинно любящим Господа и говорил: «с Тобою я готов и в темницу и на смерть идти» (Лк. 22, 33); когда же наступило время напасти, время креста, страдания, мученичества, он тотчас же отпал: «отрекся с клятвою, что не знает Сего Человека» (Мф. 26, 72). Истинна та любовь, которая не бежит от креста, не боится страданий, готова на раны и на смерть ради любимого, которая во время искушения не отпадает, а дерзает. **Святитель Димитрий Ростовский** (103, 848).

Видишь, что огонь всегда кверху идет, и что бы ни мешало ему, он не изменяет действия своего, но всегда в высоту **стремится — такова** его природа. И истинная любовь к Богу имеет такое же действие. Возгоревшееся ею сердце всегда стремится к центру своему, к Любимому, и что бы ни мешало ей, удержать не может: ни красота, ни сласть, ни слава, ни страх, ни меч, ни смерть не сильны ей препятствовать. Познал на себе силу ее избранный сосуд Христов, Павел, который уверенно сказал: «ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8, **38—39**). Для такой любви горькая сладость мира сего, тленна красота, ничтожна слава, **царство — неволя** и плен. Такой человек пребывает на земле ногами, а на Небе сердцем; на земли телом, а на Небеси духом; с людьми живет, но духом предстоит любимому Богу и поклоняется Ему. Он в вере, как в зеркале, видит Бога; телом ест и пьет, но духом непрестанно алчет иной пищи, с Давидом говоря: «Как лань жаждет к потокам воды, так жаждет душа моя к Тебе, Боже!» (**Пс.** 41, 2). Это рассуждение учит тебя стараться вкусить и увидеть, как благ Господь, и молить Его, чтобы Он Сам возжег искру любви Своей в твоём сердце. **Святитель Тихон Задонский** (104, **941—942**).

Преуспевание в любви к Богу — **бесконечно**, потому что любовь есть бесконечный Бог (108, 128).

Степень нашей любви к Богу мы усматриваем с особенной ясностью при молитве, которая служит выражением этой любви и очень правильно названа в отеческих писаниях зеркалом духовного преуспевания. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (111, 257).

... Любовь к Богу должна быть деятельной, то есть подтверждать внутренние расположения сердца соответствующими делами. Она должна выражаться стремлением ко всему доброму и богоугодному и отвращением от всего богопротивного, также через деятельную любовь к нашим ближним. Епископ Феофан Затворник. Богоугодная жизнь вообще. Изд. 2-е, М., 1899, с. 25.

В храме Божиим, в ветхозаветной скинии, устроенной Моисеем, было два огня. Один из них был внутри на алтаре. Это был тот огонь, который раньше сошел с Неба для сожжения жертв, принесенных Аароном. За этим огнем по повелению Божию следили очень внимательно, чтобы он не угасал никогда, но непрестанно светил бы и днем и ночью. Забота о нем лежала на приставленных к нему священниках, которые называли его огнем божественным и употребляли его только для одних жертв и **всесожжений**, на другие же потребности употреблять его было запрещено под угрозой.

Другой огонь находился перед дверьми храма свидения. Этот огонь был не сшедший с Неба, но земной, обыкновенный, и назывался он огнем чуждым. Его не позволялось употреблять для жертв, приносимых Богу, а также нельзя было вносить его и внутрь храма. Когда же два сына Аароновы, Надав и Авииуд, взяв чуждого огня, обыкновенного, и вложив его в свои кадилальники, отважились внести внутрь храма, то за это появился огонь от Господа и сжег их в пепел.

Огонь любви нашей к Богу также должен всегда гореть в сердце, подогреваемый и поддерживаемый богомыслием: «В мыслях моих возгорелся огонь» (Пс. 38, 4). Чуждый огонь, то есть мирской, греховный, не должен вноситься внутрь сердца под угрозой, то есть под страхом вечной смерти, чтобы огонь гееннский не сжег нас навеки. Святитель Димитрий Ростовский (103, 349—350).

(Но есть плотская, нечистая) **любовь** — это ненавистная страсть души... От нее не бывает никакой пользы (для души), но вред и... неразумные издержки, извращение жизни и общее растроятельство домов. От духовной же **любви** — **великое** богатство добрых дел, великое изобилие добродетелей. Святитель Иоанн Златоуст (37, 310).

Не имеет цены перед Евангелием любовь от движения крови и плотских чувствований (108, 123).

Любовь, возжженная и питаемая Святым **Духом**, — огонь. Этим огнем погашается огонь любви естественной, плотской, поврежденной грехопадением (108, 124).

Естественная любовь доставляет своему любимому одно земное, о небесном она не думает. Она враждует против Неба и Святого Духа потому, что Дух требует распятия плоти. Она враждует против Неба и Святого Духа потому, что находится под управлением духа лукавого (108, 124).

Ощутивший любовь духовную будет с омерзением взирать на любовь плотскую, как на уродливое искажение любви (108, 126).

Делай что можешь полезного и что позволяет закон твоим любимым, но всегда поручай их Богу, и слепая, плотская, безотчетная твоя любовь обратится мало-помалу в духовную, разумную, святую (108, 127).

Отвергнув вражду, отвергнув пристрастия, отрехшись от плотской любви, стяжи любовь духовную, уклонись от зла и сотвори благо (108, 127).

Слыша от Писания, что Бог **наш** — Огонь, что любовь есть огонь, и ощущая в себе огонь любви естественной, не подумай, что этот **огонь** — один и тот же. Нет! Эти огни враждебны между собою и погашаются один другим. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (108, 131).

Пророк **Исаия** некогда видел ангелов из двух ликом: **люцифера**, то есть светноосца, и **другого** — огнепламенного Серафима, будто один из них падает, а другой стоит неподвижно; падает люцифер светноносный: «Как упал ты с неба, денница, сын зари!» (Ис. 14, 12), Серафим же стоит непоколебимо: «Вокруг Него стояли Серафимы» (Ис. 6, 2). Почему светноносный ангел, имевший просвещенный ум и херувимскую мудрость и знавший Бога совершенно, не долго постоял на Небе, но скоро ниспал? Потому, что не любил Бога тепло, не горел пламенем серафимской любви к Богу. Серафим же, имея такой же пресветлый, светноносный ум, при своем просвещении горел еще и теплой любовью к Богу и потому не пал. Один из толковников, рассуждая об этом, говорит: «Светноносный упал с неба, как молния; Серафимы же стояли на нем, Серафимы поистине стоят, ибо никогда не теряли любви». Мы же внемлем этому. Не достаточно быть светлым, премудрым и разумным ангелом, но необходимо быть и огненным Серафимом. Не достаточно иметь просвещенный ум, но необходимо быть и огненным. Не достаточно мудро знать Бога, но необходимо и тепло любить Его. Только та, а не иная какая-либо любовь может быть постоянной, устойчивой и никогда не отпадающей, которая любит тепло, пламенно, серафимски.

О огонь небесный, Дух Святой, сошедший некогда в огне на любивших Христа! Дух Святой, Ты брось в наши сердца хоть одну искру огня божественной любви и сотвори жар, попадающий тернии и хворост наших грехов! О ветер тихий и пресладкий, Дух Святой! Ты повеи дыханием благодати Твоей, раздуй в нас тот огонь, огонь небесный, огонь Божий, огонь любви к Богу, любви же серафимской, постоянной, устойчивой и никогда не отпадающей! Святитель Димитрий Ростовский (103, 472).

Как возгревается любовь к Богу

Как возгревается любовь к Богу? Если добросовестно и признательно расположим себя к Божиим благодеяниям. Святитель Василий Великий (8, 266).

Любовь есть плод молитвы; и от созерцания своего возводит ум к ненасытимому ее желанию, когда ум пребывает в ней без уныния, и человек умом только в молчаливых помышлениях разумения молится пламенно и с горячностью. Молитва есть умерщвление понятий, свойственных воле плотской жизни. Ибо молящийся прилежно есть то же, что умерший для мира, и терпеливо пребывать в молитве — значит отречься от себя самого. В самоотвержении души обретается наконец любовь Божия. Преподобный Исаак Сирий (55, 187—188).

Часто случается, что, желая или не желая чего-либо для себя, в свою угод, мы думаем, что желаем или не желаем того единственно для угождения Богу. Исключительное средство для того, чтобы избежать такого **самооправдания**, — чистота сердца, которая состоит в совлечении ветхого человека и облечении в нового. К этому направляется вся невидимая брань. Желает ли научиться искусству, как это делать, послушай. В начале всякого дела надлежит тебе, насколько возможно, совлечься всякого собственного хотения и не желать ни делать, ни отклоняться от дела, если прежде не почувствуешь, что тебя к нему подвигает и устремляет единственно соизволение на то Божией воли. Если во всех своих внешних делах, наипаче же **внутренних — душевных**, не можешь ты всегда чувствовать эту волю Бога, то удовольствуйся возможностью ее в тебе, то есть всегда имей такое искреннее настроение, чтобы во всяком деле ничего не иметь в виду, кроме одного угождения Богу. Почувствовать волю Бога бывает дано или через божественное просвещение, или мысленное озарение, в которых чистым сердцем созерцательно открывается воля Божия, или через внутреннее вдохновение Божие, неким внутренним словом, или через другие действия благодати Божией, действующей в чистом сердце: живительную теплоту, неизреченную радость, духовный подъем, умиление, сердечные слезы, божественную любовь и другие боголюбивые и блаженные чувства, возникающие не по нашей воле, но от Бога, не самодеятельно, а страдательно. Всеми такими чувствами удостоверяемся: то, что собираемся **сделать**, — по воле Божией. Прежде же всего надо нам воссылать к Богу теплейшую и чистейшую молитву, всеусердно моля Его... просветить нашу тьму и вразумить нас. Трижды помолись, говорят старцы Варсонофий и Иоанн, и потом, куда склонится сердце твое, то и делай. Не следует забывать при этом, что при всех исключительных внутренних духовных движениях решение ты должен почитать советом и рассуждением более опытных. В отношении же к делам, совершение которых должно длиться или всегда, или более или менее долгое время, не только в их начале надо иметь в сердце искреннее решение трудиться только для угождения Богу, но и после, до самого конца, надо часто обновлять такое благое настроение. Ибо если ты не будешь так поступать, то будешь находиться в опасности быть опять оплетенным узами единственной любви к самому себе, которая, более склоняясь к самоугождению, чем к богоугождению, со временем нередко успевает незаметно уклонить нас от первоначального доброго благого настроения и доводит до изменения первых добрых намерений и целей... Кто не внимает этому, тот, после того как начнет что-нибудь делать с единственной целью благоугодить Богу, потом мало-помалу незаметно вводит в это дело самоугождение, находя в нем удовлетворение своим пожеланиям, и это в такой степени, что уже совсем забывает о воле Божией. И связывается он удовольствием от того дела так сильно, что, лишенный возможности заниматься им вследствие болезни или искушения от людей и бесов, или другим каким-нибудь образом, он возмущает-

ся против этого весь и нередко осуждает то одного, то другого, что послужили ему препеной в любимом течении дел. Иной же ропщет на Самого Бога. Все это служит явным признаком, что их сердечное **настроение** — не Божие, а родилось от поврежденного корня самолюбия. Преподобный **Никодим** Святгорец (64, 38).

Предложил Господь заповедь о любви к Богу и ближним и тотчас дополнил ее учением о Своем сыновстве Богу и Божестве (Мф. 22, 35—46). Почему это? Потому, что истинная любовь к Богу и людям возможна не иначе как под действием веры в Божество Христа Спасителя, в то, что Он есть воплотившийся Сын Божий. Такая вера возбуждает любовь к Богу, ибо как не любить столь возлюбившего нас Бога, Который и Сына Своего Единородного не пощадил, но предал Его за нас? Она же доводит эту любовь до полноты совершения, или до того, чего она ищет; а любовь ищет живого союза. Чтобы достигнуть этого союза, надо победить чувство правды Божией, карающей грех; без этого страшно приступить к Богу. Чувство же это побеждается убеждением, что правда Божия удовлетворена крестной смертью Сына Божия. Убеждение такое от веры; следовательно, вера открывает путь любви к Богу. Это первое. Второе: вера в Божество Сына Божия, ради нас воплотившегося, страдавшего и погребенного, дает образец любви к ближним, ибо то и любовь, когда любящий полагает душу свою за любимых. Она же дает и силы к проявлению такой любви. Чтобы иметь такую любовь, надо стать новым человеком, вместо **эгоистического** — самоотверженным. Только во Христе человек становится новым творением; во Христе же бывает тот, кто верой и благодатным возрождением через Святые Таинства, с верой принимаемые, соединяется со Христом. Отсюда выходит, что желающие без веры сохранить у себя, по крайней мере, нравственный порядок, напрасно ожидают этого. Все **вместе — человека** разделить нельзя. Надо всего его удовлетворять. Епископ Феофан Затворник (107, 285—287).

Почему Господь не говорит: первая заповедь знать Бога, а потом любить?

Пойду я для научения об этом к великому учителю церковному, святителю Иоанну Златоусту. Он учит так: «Не сказал Христос: познай Бога твоего, но «возлюби Его», ибо всякий любящий Бога от всего своего сердца не может не прийти к познанию Сына Его. Самая божественная любовь, живущая в нем, просвещает его». За это учение благодарим тебя, святой учитель Златоуст. Теперь мы знаем, почему первой заповедью является заповедь о любви, почему любовь сравнительно с познанием является первейшей и совершеннейшей для спасения. Причина в том, что скорее за любовью следует познание Бога, чем за познанием любовь. Знало еврейство Бога: «Ведом в Иудее Бог; у Израиля велико имя Его» (Пс. 75, 2), но они не любили Его и потому как бы не знали: «Израиль не знает Меня, народ Мой не разумет» (Ис. 1, 3).

Здесь я вспомню еще и Давида. Сей боголюбец, желая некогда дать людям познание Бога и привлечь их к Нему Его особенными

совершенствами, говорит: «Вкусите, и увидите, как благ Господь!» (Пс. 33, 9). Отведайте, говорит он, и тогда узнаете, как благ Господь. По-видимому, можно было бы поспорить с Давидом, предостерегая его, что он говорит неправильно. Он не говорит: сперва увидите, а потом вкусите, но: «вкусите и увидите». Но здесь за него заступает один из великих церковных учителей, говоря: «Перестань укорять Давида за эти слова; он хорошо говорит: пристойнее сказать сначала «вкусите», а потом и «увидите» — **вкусите** любовью и увидите познанием. Если прежде не вкусите Его любовью, то не можете прийти к познанию Его, ибо никто не познавал Бога, пока не вкусит Его».

Истинным признаком истинной любви Божией является еще и то, что Бога следует любить только ради Самого Бога, а не ради себя, то есть не ради своей личности, своей прибыли, и не ради того воздаяния, о котором писал апостол: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2, 9). Я не порицаю и той любви, когда кто любит Бога ради вечного воздаяния, однако я не могу назвать ее истинной и совершенной. Ведь и наемник не служил бы господину, если бы не надеялся получить от него плату. Подобно этому и человек такой не любил бы Бога, если бы не ожидал воздаяния. Истинная любовь та, которая, по апостолу, «не ищет своего» (1 Кор. 13, 5), не заботится ни о какой награде и желает только того, чтобы усладиться в божественной любви.

Что же Он предназначил любящим Его? Ничего иного, как только то, что «Отец Мой возлюбит его, и Мы придем к нему и обитель у него сотворим» (Ин. 14, 23). Не говорит: дам любящим Меня Царство, посажу их на престоле, дам в руки их скипетр, возложу на голову корону, приготовлю для них пир небесный; ничего такого Он не предлагает любящему Его. Но что же? Только то и обещает, что «придем к нему и обитель у него сотворим». Этим Он показывает нам, чтобы мы знали, что кто имеет истинную любовь к Богу, тот, кроме Самого Бога, не желает ничего: ни Неба, ни венцов небесных, ни сладостей райских. Но только одного Бога и желает, причем желает больше Неба и больше всех райских сокровищ.

Итак, пусть каждый ищет у Бога, чего хочет; любовь же ищет только Самого Бога, ищет больше всех, хотя бы и вечных, благ и больше всякого создания: «А мне благо приближаться к **Богу!**» (Пс. 72, 28). Святитель Димитрий Ростовский (103, 320—324).

Истинная любовь ко Христу происходит от истинной веры во Христа и от Духа Святого. Ибо вера удостоверяет верного, что Христос есть истинная жизнь, истинное блаженство, истинная и вечная радость и сладость, и без Него истинного блаженства не может быть. И так просвещенное верою сердце через благодать Святого Духа разжигается к любви высочайшего добра, которое есть Иисус Христос, Сын Божий, с Отцом и Святым Духом. И чем более познается Христос, ощущается благодать Его в сердце верного, тем более разгорается любовь к Нему; чем более познается добро, тем больше нравится. Ибо любить добро без

познания его не можем, как не можем познать сладости меда, не вкусив его. Поэтому и написано: «Вкусите, и увидите, как благ **Господь**» (Пс. 33, 9). Святитель Тихон Задонский (104, 958).

Любовь к Богу приобретается любовью к образу **Божиию** — человеку (111, 256).

Старайся раскрыть в себе духовную любовь к ближним: войдя в нее, войдешь в любовь к Богу, во врата Воскресения, во врата Царства Небесного (108, 128).

Постоянным уклонением от зла и исполнением евангельских добродетелей, в чем заключается все евангельское нравоучение, достигаем любви Божией. Этим же самым средством пребываем в любви к Богу (108, 130).

По некотором преуспеянии (в **молитве**. — *Ред.*) приходит ощущение тишины, смирения, любви к Богу и ближним без различия добрых от злых, терпения скорбей как попущений и врачеваний Божиих. Любовь к Богу и ближним, являющаяся постепенно из страха Божия, вполне духовна... бесконечно отличается от любви человеческой в обыкновенном состоянии ее (108, 293).

Не столько мы ищем (любовь), сколько Бог ищет, чтобы мы сделались способными принять ее и приняли ее. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (109, 57).

Страх Божий рождает любовь,
но совершенная любовь изгоняет страх
(1 Ин. 4, 18)

Как воспою я, как прославлю, как достойно восхваляю Бога моего, препобедившего множество грехов моих? Как вообще я воззрю на высоту? Как возведу очи, как открою уста, Отче? Как двингу губами своими, как протяну руки свои к высоте небесной? Какие слова я найду, какие изречения употреблю? Как дерзну говорить я? Как стану просить отпущения безмерных падений и многих прегрешений моих? Поистине я совершил дела, превышающие всякое прощение. Ты знаешь, Спаситель, о чем говорю я. Противоестественными делами я превзошел всякое естество и стал хуже бессловесных, всех животных морских и всяких скотов земных. Преступив Твои заповеди, я поистине сделался хуже гадов и зверей. Итак, осквернив свое тело и душу, как явлюсь я к Тебе? Как воззрю на Тебя? Как вообще посмею, несчастный, стать пред лицом Твоим? Как не убегу от Славы Твоей и блистающего Света Твоего Святого Духа? Как не пойду один я во тьму, совершив дела тьмы и будучи отлучен от сонма святых? Как я, несущий уже отсюда осуждение по делам своим, стерплю тогда глас Твой, отсылающий меня во тьму? Весь дрожа и трепеща, одержимый страхом и ужасом, я **взываю** к Тебе: знаю, Спаситель, что никто другой не согрешил пред Тобою, как я, ни деяний таких не сотворил, какие именно я, несчастный, **соделал**, будучи виновником гибели для других. Но, с другой стороны, я знаю и уверен в том, Боже мой, что ни великость преступлений, ни множество грехов, ни постыдность деяний никогда не **превзой-**

дут безмерного человеколюбия Твоего и превышающего ум и слово милосердия Твоего, которое Ты обильно изливаешь на горячо кающихся грешников, очищая и просвещая их, без зависти содейывая причастниками Света и общниками Божества Своего и (что чудно для Ангелов и для человеческих мыслей) часто беседуешь с ними, как с истинными друзьями Твоими.

О Благодать беспредельная, о Любовь неизреченная! Поэтому я и припадаю к Тебе, горячо взывая: как принял Ты блудного сына и блудницу, пришедших к Тебе, так прими, Милостивый, и меня, от души кающегося... Вменив, Христе мой, капли слез моих как бы в источники, всегда текущие, омой ими душу мою, омой и скверны тела моего, **которые** — от страстей. Очисти и сердце мое от всякого лукавства, потому что оно есть корень и источник греха. Лукавство есть семя лукавого сеятеля; а где оно есть, там и произрастает, и поднимается вверх, и производит весьма много ветвей лукавства и злобы. Его-то корни из глубины исторгнув, Христе мой, и очистив ниву души и сердца моего, всади в них страх Твой, Милостивый. Дай ему укорениться и хорошо взойти, чтобы он высоко возрос на страже заповедей Твоих, ежечасно возвращаемый умножением слез и слезных потоков, орошаемый которыми он все более растет и поднимается. Соразмерно страху и вместе с ним возрастает и смирение, от смирения же исчезают все страсти, а с ними прогоняется и полчище демонов. Все же прочие добродетели вокруг этой царицы добродетелей являются как бы стражами, подругами и служанками, сопровождающими госпожу. Когда они бывают собраны вместе и соединены друг с другом, тогда среди них, «как дерево, посаженное при потоках вод» (Пс. 1, 3), произрастает страх, насажденный Тобою, и мало-помалу необычайно расцветает. Необычайно, сказал я, потому что всякая порода рождает по роду своему и семя каждого дерева бывает по роду его. Страх же Твой прорастает и цветком необычайной породы и приносит плод тоже необычайный и непохожий на него, так как страх, естественно, полон уныния и стяжавших его беспрестанно печалит, делая их как бы рабами, заслуживающими многих ударов, которые с часу на час ожидают посещения смерти, видя косу ее и не зная только последнего момента. Не имея ни надежды, ни полной уверенности в совершенном помиловании, они трепещут и боятся конца, томясь неопределенностью и постоянно ожидая окончательного судебного приговора. Итак, тот цвет, который приносит страх, неизъясним по виду и еще более неизъясним по образу, потому что, расцветая, он бывает видим, но тотчас же исчезает, что не естественно и не последовательно, но вопреки естеству превосходит всякую природу. Между тем цвет кажется столь прекрасным, что превосходит всякое слово и увлекает весь ум мой к созерцанию себя, не позволяя ему помнить ничего внушаемого страхом, но заставляет меня тогда забыть все и вскоре... улетает. Дерево же страха снова бывает без цветка; когда же я, отдавшись печали, въздыхаю и горячо взываю к Тебе, снова вижу цветок на ветвях дерева. Устремив взор, о Христе мой, на один цветок, я не вижу тогда дерева, но все более и более распускающийся цветок,

который, привлекая всего меня к себе любовью, переходит в плод любви и исчезает. Плод же этот не терпит, чтобы его носило дерево страха, но когда вполне созреет, тогда кажется одним без дерева, потому что в любви совершенно нет страха, однако без страха этот плод не может родиться в душе.

Поистине это чудо, превосходящее слово и всякую мысль, что дерево, возделываемое с помощью труда, дает цвет и приносит плод, плод же его, искореняя все дерево, остается один сам по себе. Каким образом плод бывает без **дерева**—я совершенно не могу изъяснить. Между тем любовь остается и пребывает без страха, который породил ее; поэтому она подлинно есть всякая радость, и того, кто приобрел ее, исполняет радости и веселья, изводя его чувством вне мира, чего совершенно не в состоянии произвести страх, потому что, пребывая среди видимых и чувственных вещей, как он может удалить от них того, кто имеет его, и чувством сочетать всего его с невидимым? Цвет же и плод, рождаемый страхом, пребывая вне мира, способен и ум восхищать, и душу с ним поднимать и уносить вне мира. Но ты говоришь: «Мне хотелось бы точно знать, как любовь уносит их вне мира». Ясно выразить это, как я говорил уже, невозможно; однако внимай, и я скажу тебе.

Любовь эта есть Божественный Дух. Об этом говорили ученики, когда Владыка стал для них невидим. Она есть тот всесовершенствующий и просвещающий Свет, который был в них*. Однако же этот Свет не от мира, ни вообще что-либо из мира и не сотворен, так как Он несозданный и пребывает вне всех тварей, как нетварный среди тварных вещей. Разумей, что я говорю тебе, чадо. Ибо Он отделен от них. Несозданный же никоим образом не может сделаться тварью. Но если бы пожелал, то и это Ему возможно сделать, потому что Слово содействием Духа и благоволением Отца действительно сделалось неизменно совершенным человеком. Будучи по природе Богом несозданным, Оно неизреченным образом сделалось сотворенным и, оживив воспринятое, в двух действиях и двух волях показало мне двоякое чудо: видимого и невидимого, держимого и недержимого, явившегося как творение среди всех творений, а не случайно и призрачно ставшего творением, как думали некоторые. Оно совершенно не было призрачным, но, находясь среди чувственных творений, Слово было видимо соединенным с воспринятым, как творение. Восприняв же сотворенное и скрывая или возводя его на высоту в Славу **Свою—это** жилище Его, Славу, превосходящую наше понимание, Оно тогда внезапно сокрылось**. Ибо Творец всего, будучи невместим для всех тварей, как Бог, все наполняющий, как иначе мог бы сокрыться? Или ты станешь переставлять Владыку с одного места на другое и будешь утверждать, что Он таким образом скрылся от взоров святых апостолов***. Прочь, чтобы по неведению не впасть тебе в богохульство.

* Имеются в виду ученики Лука и **Клеопа** (Лк. 24, 31—32).— *Ред.*

** Имеется в виду Вознесение **Христово**.— *Ред.*

*** Вознесение Христово должно быть понимаемо сообразно с Его Божественной природой; это ясно из предшествующих слов: «Ибо Творец всего, будучи

Если же угодно, то слушай о действиях **Любви**—и ты узнаешь, каким образом она является выше всего. Чего именно всего? Но разве ты не слыхал слов апостола (1 Кор. 13, 1—3), что иметь Любовь выше, нежели говорить языками ангельскими и всеми человеческими, иметь всю веру, так чтобы и горы переставлять, обладать всяким ведением и знать глубину тайнств, расточить все богатство и самому сделаться нищим и даже тело предать за Христа на сожжение? Любовь настолько выше всего этого, что без нее ни одна из этих добродетелей, ни все они вместе совершенно не принесут никакой пользы стяжавшему их. Поэтому кто лишен и Любви, и всех названных добродетелей, то где он, скажи мне, окажется? Что будет делать? Как дерзнет вопрошающим его назвать себя верным?

Итак, внимай словам моим о Любви. Сiju ли я в келлии ночью или днем, Любовь невидимо и неведомо соприсутствует мне. Будучи вне всех тварей, но в то же время и со всеми. Она есть Огонь и Свет, Она бывает облаком Света и делается Солнцем. Итак, как Огонь, Она согревает душу мою и воспламеняет сердце, возбуждая в них желание и любовь к Творцу. Когда же я воспламеняюсь душою и делаюсь подобным огню, Она, как светоносное сияние, вся летает вокруг меня, пронизывая душу мою сверкающими лучами и просвещая ум мой и делая его зрячим, делает его способным к высоте созерцания. Это именно и есть то, что я назвал раньше цветком страха. Видя этот Свет и исполнившись несказанной радости, я недолго, однако, радовался тому, что видел, так как, принеся мне божественную радость, Он удалился, совосхитив с Собою ум мой, и чувство, и всякое мирское желание. Последовав за Ним, ум мой хотел уловить явившийся мне Свет, но не нашел Его тварным и сам не мог оказаться совершенно вне тварей, чтобы уловить этот несозданный и неуловимый Свет. Однако ум мой все обошел, пытаясь увидеть Его: обыскал воздух, обернулся по небу, исходил, кажется, в поисках все бездны и концы мира, но ничего во всем этом не нашел, так как все **это — тварное**. Поэтому я плакал, печалился и сгорал внутренне и, будучи в исступлении как бы бесчувственным, проводил так жизнь. После же Он пришел, когда захотел, и, спустившись в виде светлого облака на мою голову, весь, казалось, окутал меня и заставлял меня, бывшего в исступлении, кричать. Однако, опять улетев, Он оставил меня одного; когда же я тщательно начал искать Его, то снова всего Его внезапно нашел в себе и узнал, увидев внутри своего сердца, поистине как светило или как диск солнца. Явившись таким образом и будучи ясно узнан мною, Он обратил в бегство толпу

невместим для всех тварей, как Бог все наполняющий, как иначе мог бы сокрыться?» Следовательно, когда Христос исчезал от взоров присутствовавших, как Бог, Он не двигался в пространстве, хотя, как человек, двигался в пространстве; о чем и преподобный Симеон свидетельствует, когда о Вознесении Христовом пишет таким образом: «Восприняв же тварь (то есть свое человечество) и скрывая или возводя ее на высоту в Славу Свою (вот пространственное движение Христа как человека), Оно (Слово) тогда внезапно сокрылось».—

Примеч. пер.

демонов, прогнал робость, внушил мне мужество и, обнажив ум мой от мирского чувства, облек меня в одежду умного чувства. Отлучив же меня от видимого и сочетав с невидимым, Он дал мне видеть Несотворенного и радоваться тому, что я отделился от вещей тварных, видимых и скорогибнущих и соединился с Несотворенным, Нетленным, Безначальным и для всех Невидимым. Ибо это есть Любовь.

Поспешим же, верные, ревностно на труд, поспешим, нерадивые, пробудимся, ленивые, чтобы, обладая Любовью, нам еще в большей степени сделаться Ее причастниками, и, перейдя таким образом отсюда и будучи с Нею и вне видимых вещей, с Нею же предстать Творцу и Владыке. Чтобы в противном случае, оказавшись без Нее, то есть без Любви, среди видимых вещей и среди тварей, мы не были оставлены, как твари, в огне и тартаре и страшных мучениях. Если бы можно было спастись без Нее, о Христе мой, то каким образом? Нет, нет, это никоим образом невозможно. Если мы отделимся от Света, то как избежим тьмы? Если лишимся радости, то как освободимся от печали? Оказавшись вне брачного чертога, как мы будем внутри его радоваться с находящимися там? Будучи извержены из Царствия, от Твоего, говорю, Спасителя, взора, какое иное мы сможем найти спасение, какое утешение или в каком ином месте? Поистине и совершенно невозможно найти такого места, хотя бы некоторым неразумно и представлялось оно. Ибо неразумен тот, кто говорит о нем.

Но, быть может, кто-либо, возражая, скажет неразумно: как вне Царства Небесного, вне чертога и сонма праведников не будет иного места спасения или упокоения? Неразумный, говорит Любовь, не слыхал ли ты, что праотец твой Адам, преступив одну заповедь в рай, обнажился от божественной Славы и вместе с Евой был немедленно изгнан из рая, получив вместо наслаждения жизнь, исполненную потов, и праведный приговор от Бога жить и умирать. Так, полагай, будет и во время Суда с тем, кто действительно окажется обнаженным от божественной Славы, как и Адам. Первой же из всех добродетелей, царицей и госпожой поистине является Любовь. Она всем им глава, одежда и слава. Без главы же тело мертво и бездушно. Равно и тело без одежды не будет ли нагим? Так и добродетели без Любви тщетны и бесполезны; так обнажен от божественной Славы и тот, кто не имеет Любви, и хотя бы он имел все добродетели, предстанет обнаженным и, не снося наготы своей, пожелает лучше скрыться, так как вместе со стыдом он будет иметь и осуждение и услышит от Судии всех: не знаю тебя. Придя на землю, Творец воспринял душу и плоть, нам же дал Божественного Духа, Который есть Любовь. Итак, если хочешь и желаешь получить Божественного Духа, совершенно веруй в Бога, отрекись также от себя самого, без колебания возьми крест на плечи и умри, чадо, произволением, чтобы сделаться тебе причастником Жизни бессмертной. Да не обольстят тебя обманщики своими лживыми речами о том, что (не отныне еще, а только) по смерти умирающие получают Жизнь, чтобы, поверив, ты не вознерадел и не лишился причастия Жизни.

Внимай словам Божиим, внимай апостолам и учителям Церкви.

О чем Христос ежечасно взывает? Реки божественного источника вечно живой воды истекут из чрева верующих в Меня (Ин. 7, 38). Говоря так, что Он называет водою, как не благодать Духа? Он же ублажает чистых сердцем (Мф. 5, 8), говоря, что они здесь узрят Бога. И все апостолы и учителя утверждают, что отсюда еще должно воспринять как Духа Святого, так и самого Христа, если только мы желаем спастись. Послушай голоса Владыки, послушай слова Слова, как изъясняет Он Царство Небесное, которое еще отсюда должны воспринять люди, говоря, что оно подобно многоценной жемчужине (Мф. 13, 45). Слыша о жемчужине, что ты подразумеваешь? Скажешь ли, что это камень или вообще нечто весомое и сколько-нибудь видимое? Прочь от богохульства, ибо **это — мысленная** жемчужина. А тот купец, который нашел ее, скажи теперь, как он нашел ее? Если она невесома и невидима, то где он нашел ее, как **увидел,** — научи меня? Как, все продав, купил то, чего не мог ни видеть, ни в руках держать, ни вложить в недра? Одною верой, конечно, и надеждой он так был настроен, как если бы имел ее, ответишь ты. Но не сказал Владыка, как ты полагаешь, что он в надежде нашел ее, в надежде воспринял и продал имущество. Зачем тебе заблуждаться, зачем опираться на пустые надежды? Ты изобличаешь себя самого, что не желаешь искать, не желаешь найти, не желаешь продать своего имущества и взять Царство Небесное, которое находится внутри тебя, если ты пожелаешь, как сказал Владыка.

Но, быть может, **ты — нищий** и не имеешь ни золота, ни имений, ни богатства и, услышав, что эта бесценная жемчужина покупается продажей всего имущества, скажешь: каким образом я, неимущий, буду иметь возможность приобрести эту божественную и прекрасную жемчужину? Поэтому прошу тебя благоразумно послушать. Если бы ты обладал всем миром и тем, что в мире, и, расточив, все это раздал бы сиротам и вдовицам и нуждающимся нищим, и сам бы сделался нищим, и помыслил бы, что ты уплатил совершенно равную цену, говоря: дайте мне жемчужину, потому что я все свое отдал, то тотчас бы услышал в ответ от Владыки: что ты называешь своим? Нагим ты вышел из чрева матери твоей и нагим, конечно, опять пойдешь в могилу; что же, неразумный, ты называешь своим? Ты совершенно бесчувствен, не воспринял ты Царствия и не получишь жемчужины. Если бы ты совершенно расточил все имущество твое, если бы весьма обнищал и приступил, говоря: воззри, Спаситель, на сердце и душу сокрушенную, ужасно мучимую и сильно палимую; воззри, Владыко, на меня обнаженного, недоумевающего, чуждого всякой добродетели и не имущего, что дать в выкуп за Тебя, Слове, и помилуй меня, единый незлобивый Боже мой! Ибо что достойное найду я в мире, о Боже мой, что мог бы я дать в цену за Тебя, сотворившего все? Ибо что дала Тебе блудница, что предложил разбойник? Или какое богатство блудный сын принесет Тебе, Христе мой? Если скажешь это, то услышишь: да, они принесли Мне дары, подлинно принесли Мне богатство: отдав, что имели, они получили жемчужину более ценную, чем весь мир. Если

угодно, это и ты принеси Мне, и, конечно, получишь. Приступи с этим ко Мне, и Я тотчас покажу тебе ту жемчужину, которую получили они. Если ты отдашь и самую душу, не думай и не считай, что ты уплатил нечто совершенно достойное. Ибо Я имею, конечно, власть, имею и жемчужины, которые если бы весь мир воспринял и с этим миром мириады иных миров, то из Моих сокровищ не убудет ни одной жемчужины; и если ты приступишь ко Мне, как приступила блудница, то Я и тебе дам дар, как ей даровал. Так тебе скажет Бог и научит, как приступили к Нему разбойник и блудница, прославляемые в мире, и как был принят блудный сын, лишь только обратился. Разбойник же верою спасся, хотя он и много зла сделал. И праведно, потому что в то время, когда все от Меня отреклось, все соблазнялись, когда Я висел на древе, он один исповедал Меня Богом и Царем и от всего сердца воззвал ко Мне, как к бессмертному. Потому он прежде всех и получил Царствие. А любовь блудницы? Какие слова выразят ее? Нося ее в сердце, она приступила ко Мне, как к Богу и Владыке всего видимого и невидимого, и принесла ее так щедро, как никто до тех пор. Видя эту блудницу, Я принял ее и не взял от нее ту любовь; но, дав ей жемчужину, оставил ей также и любовь, лучше же — еще более возжег, превратив ее в великий пламень, и отпустил ее, как чистейшую деву. Ибо вдруг весь Закон, как стену, прейдя, или, как лестницу, превзойдя все добродетели, она достигла конца Закона, который есть Любовь, и ушла от Меня, невреждено храня ее до смерти. Подобным же образом и блудный сын, обратившись от всего сердца, нелицемерно раскаялся, и, хотя был прежде сыном Моим, пришел ко Мне не как сын, но просил Меня сделаться как бы одним от наемников Моих. И не устами только говорил он, но и душою, и делами показывал то, что говорил на словах. Смирение его подвигло Меня к состраданию: тотчас же обогатив его, Я немедленно прославил его, так как видел его от всей души пришедшим ко Мне, видел, что в сердце он совсем вспять не отвращался, как это делают многие. Итак, кто бы ни приступил ко Мне таким образом, нелицемерно повергшись предо мною (да слышит всякое создание), Я тотчас же приму его. Но если бы кто захотел хитростью получить Мою благодать и пришел бы лицемерно, имея внутри злобу или полагаясь на свои дела, будучи одержим надменностью или завистью, тот совершенно не будет иметь части со Мною. Это тебе и всем Бог через нас ежечасно возвещает.

Если угодно, я и другими доводами ясно докажу тебе, что здесь еще должно тебе воспринять все Царство Небесное, если ты желаешь войти в него после смерти. Послушай Бога, опять говорящего тебе в притчах. Чему уподоблю Царство Небесное? Внимай: оно подобно зерну горчичному, которое человек некий взял и посеял на поле своем; и оно взросло и сделалось поистине великим деревом (Мф. 13, 31). Итак, скажи, слушатель, что такое это зерно? Что ты думаешь о нем? Скажи откровенно; в противном случае я скажу и возвещу истину. Зерном, конечно, Он назвал для тебя Царство Небесное. Зерно же это есть благодать

Божественного Духа. А **поле** — сердце каждого из людей, куда воспринявший Духа ввергает его, скрывая во внутреннейших частях, чтобы никто не видел его, и хранит его со всякой тщательностью, чтобы оно выросло и, сделавшись деревом, поднялось к Небу. Итак, если ты говоришь, что не здесь, но после смерти получишь Царство Небесное все, горячо желающие его, то ты извращаешь слова Спасителя и Бога нашего. Ибо если ты не воспримешь зерна горчичного, о котором сказал Он, если не посеешь его на поле своем, то останешься вовсе без семени. Если же ты и воспринял семя, но **заглушишь** его терниями, или отдашь зерно на расхищение птицам, или оставишь свое поле по нерадению без орошения и семя твое не взойдет, не вырастет и не принесет плода, то, скажи мне, какая тебе будет польза от этого семени? Когда же в иное время, если не теперь, ты получишь это семя? После смерти, говоришь. Но ты уклоняешься от естественного порядка: на каком поле, спрошу я тебя, ты скроешь тогда зерно это? Какими трудами будешь возделывать его, чтобы оно выросло? Поистине, брат, ты полон заблуждения и совершенно оболещен. Ибо это время есть время трудов, а **будущее** — время венцов. Здесь ты должен получить себе залог, сказал Владыка; здесь должен воспринять печать. Если ты благоразумен, то здесь зажги свительник души твоей, прежде чем наступит тьма и затворены будут врата делания. Здесь Я бываю для тебя жемчужиной, которую можно купить. Здесь Я являюсь для тебя пшеницей и как бы зерном горчичным. Здесь бываю для тебя закваской и заквашиваю смешение твое. Здесь Я являюсь для тебя водою и огнем улаждающим. Здесь бываю для тебя и одеждой, и пищей, и всяким напитком, если ты желаешь. Так говорит Владыка. Итак, если от здешних вещей ты познаешь Меня таковым и таким образом, то и там также будешь иметь Меня, и Я неизреченным образом сделаюсь для тебя всем. Если же отойдешь отсюда, не ведая действий Моей благодати, то и там найдешь во Мне только безжалостного Судию. О Христе мой и Боже мой, не осуди меня тогда и не подвергни наказанию много согрешившего пред Тобою, но прими меня, как одного из последних наемников Твоих, и сподоби отныне послужить Тебе, Спаситель мой, и получить Божественного Твоего **Духа — залог** Царствия, и там насладиться славою чертога Твоего, созерцая Тебя, Боже мой, во веки вечные. Аминь. **Преподобный Симеон Новый Богослов (59, 24—36)*.**

Как невозможно переплыть море без корабля и ладьи, так никто не может без страха достигнуть любви. Смрадное море между нами и мысленным раем можем перейти только на ладье покаяния, на которой есть гребцы страха. Но если сии гребцы страха не правят кораблем покаяния, на котором по морю мира сего преходим к Богу, то утопаем в этом смрадном море. Покаяние есть корабль, а **страх — его** кормчий, любовь **же** — божественная пристань. Поэтому страх вводит нас на корабль

* Гимн. 2. О том, что страх рождает любовь; Любовь же, будучи Божественным и Святым Духом, искореняет из души страх и остается в ней Одна.

покаяния, перевозит по смраднему морю жизни и путеводствует к божественной пристани, которая есть любовь. К сей пристани приходят все труждающиеся и обремененные покаянием. И когда достигнем любви, тогда достигли мы Бога, и путь наш свершен, и пришли мы к острову тамошнего мира, где Отец, Сын и Дух Святой. **Преподобный Исаак Сирин (55, 391—392).**

Условия пребывания в любви к Богу

Условие пребывания в любви Божией и в соединении с Богом заключается в соблюдении Евангельских заповедей. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (108, 519).**

Не соблюдать заповедей Христовых — значит не любить Бога и Христа Его. А признак **любви — соблюдение** заповедей в терпении страданий Христовых даже до смерти. **Святитель Василий Великий (6, 309).**

Кто те, которые говорят: «Мы ели и пили пред Тобою...» и слышат в ответ: «Не знаю вас» (Лк. 13, 26—27)? Может быть, те, о которых писал апостол: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими... и имею всякое познание и всю веру... и если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (1 Кор. 13, 1—3). Научен же этому апостол Господом, который сказал о творящих добрые дела «пред людьми с тем, чтобы они видели» их, что они «уже получают награду свою» (Мф. 6, 1—2). Ибо делаемое не из любви к Богу, но ради похвалы от людей, каково бы оно ни было, находит себе не похвалу за почитание Бога, но осуждение за человекоугодие, или за самоугодие, или за упорство, или зависть, или за какую-нибудь подобную вину. Поэтому Господь все подобное называет делом неправды, когда сказавшим: «Мы ели и пили пред Тобою» отвечает: «Отойдите от Меня, все делатели неправды» (Лк. 13, 27). И как же не «делатели неправды» те, которые злоупотребляют дарами Божиими для снискания собственных удовольствий? Таковы, например, были те, которым противопоставляет апостол верных: «Мы не повреждаем слова Божия, как многие» (2 Кор. 2, 17); и те, «которые думают, будто благочестие служит для прибытка» (1 Тим. 6, 5), и многие подобные. От всего этого чистым показал себя тот же апостол: «Угождая не человекам, но Богу, испытующему сердца наши. Ибо никогда не было у нас пред вами ни слов ласкательства, как вы знаете, ни видов корысти: Бог свидетель! Не ищем славы человеческой ни от вас, ни от других» (1 Фес. 2, 4—6). **Святитель Василий Великий (116, 167).**

Кто любит деньги, воспаляется тленной телесной красотой, предпочитает настоящую славу, тот, истощив силу любви на что не следовало, делается слепым к созерцанию истинно прекрасного. **Святитель Василий Великий (4, 274).**

Время для любви к **Богу — вся жизнь**, и время для отчуждения от **противника — вся жизнь** (18, 344).

Для любящих Бога труд исполнения заповедей удобен и приятен, поскольку любовь к Нему делает подвиг нетрудным и радостным. Поэтому и лукавый всеми способами усиливается изгнать из наших душ страх Господень и преступными удовольствиями разрушить любовь к Нему. Ибо он обладает большим искусством, если найдет стражей беспечными, улучшить время и вторгнуться в труды добродетели и посеять среди пшеницы свои плевелы: злословие, гордость, тщеславие, желание почестей и прочие произведения зла (23, 227).

Тому, кто разумом обратился к этому миру и занимает душу свою тем, чтобы угодить людям, невозможно быть исполнителем первой и великой заповеди Господней, которая повелевает любить **Бога** всем сердцем и всею силою. Ибо как может любить Бога всем сердцем и силою тот, кто разделил свое сердце между Богом и миром и, похищая любовь, принадлежащую одному Богу, растрчивает ее на человеческие страсти? (23, 330).

Предавший все свое сердце и душу и помышление Богу и не привязанный ни к чему иному, что составляет предмет попечений в этой жизни, находится в высшей степени любви. Святитель Григорий Нисский (24, 306).

Если кто вознерадит о первой и великой **заповеди — о любви к Богу**, которая при содействии Божиим образуется в нас из внутреннего расположения, доброй совести и здравых мыслей о Боге, и начнет заботиться о втором, только внешнем служении, тот не сможет исполнять это служение чисто и здраво (27, 337).

Кто любит смирение, тому легко любить и Бога, а кто любит гордыню, тот ненавидит Бога. Преподобный Ефрем Сирин (28, 117).

Стремящиеся к истинно возлюбленному нашему Владыке Христу должны презреть все прочее. Преподобный Макарий Египетский (33, 119).

И духовное действие может причинить великий вред, когда совершается не для Бога; напротив, и житейское дело может принести великую пользу тому, кто совершает его из любви к Богу (35, 777).

Кто пламенеет божественной любовью и через соблюдение заповедей приобретает мир с Богом, те, хотя бы все ополчились на них, проводят блаженную жизнь (39, 826).

Кто говорит, что любит Бога, а предается хотя бы и легкому пороку или любит что-нибудь житейское, тот обманывает себя, потому что, как говорит Иаков, «дружба с миром есть вражда против Бога» (Иак. 4, 4) (39, 933).

Любить **Бога — значит** любить ближнего, а любовь к ближнему имеет своим **плодом — хранение** заповедей (41, 719).

Любовь же заключается не в пустых словах... но в делах: например, в том, чтобы избавлять людей от бедности, помогать больным, освобождать от опасностей, покровительствовать находящимся в затруднениях, плакать с плачущими и радоваться с радующимися (43, 557).

Как для любящих Бога и то, что по видимости вредно, обращается в пользу, так не любящим Его вредит и полезное (43, 679).

Подобно тому, как душа без тела или, наоборот, тело без души не носят названия человека, также и любовь к Богу, если она не сопровождается любовью к ближнему, не есть любовь и, наоборот, любовь к ближнему, раз она не соединяется с любовью к Богу, не называется любовью (43, 995).

Истинной любовью обладают те, которые православно мыслят об Отце, Сыне и Святом Духе и питают взаимную любовь друг к другу (43, 996).

Как любовь (ко Христу), когда она сильна, изгоняет и истребляет все виды грехов, так точно, когда она слаба, позволяет произрастать им (44, 449).

Недостаточно свидетельствовать любовь к Нему только на словах, нужно показать ее и делами, так как и Он Сам явил Свою любовь к нам не только словами, но и делами. Святитель Иоанн Златоуст (44, 727).

Любовь порождается смиренномудрием и благоговением. Преподобный Нил Синайский (48, 330).

Невозможно человеку с приверженностью к миру приобрести любовь к Богу... Преподобный Исаак Сирин (55, 156).

Нет в мире ничего такого, что могло бы отлучить от любви Божией сердце, в которое она вселилась. Преподобный авва **Исаия** (82, 194).

Если мы не презрим совершенно самой жизни своей и тела своего, с готовностью на самое мученичество... и всякую смерть, совсем изгнав из памяти все, что служит к поддержанию жизни тела сего, мы не сможем стать друзьями Христа и братьями Его, ни сопричастниками Его, ни сонаследниками Его и не придем никогда в созерцание и опытное познание таинств Божиих (61, 60).

Кто не возлюбит **Бога** от всей души и не проявит этой любви отвержением себя и всего мира, тот не сподобится таинственно увидеть Его через откровение Духа Святого, не будет иметь Его и главою своею, **но** останется телом, мертвым и неподвижным на духовные дела, лишенным жизни **всех — Христа**. Преподобный Симеон Новый Богослов (61, 416).

Любовь к Богу должна основываться на живом познании высочайших совершенств Божиих и благодеяний, ниспосылаемых нам от Бога.

...Необходимым свойством нашей любви к Богу должно быть то, чтобы мы любили Бога более **всего — любовью** полной и постоянной, от всего сердца и от всей души. Такой любовь наша бывает тогда, когда мы ни на небе, ни на земле не находим никого и ничего выше Бога и для Него бываем готовы жертвовать **всем** — и самой жизнью. Епископ Феофан Затворник. Краткое учение о богочитании. М., 1908, с. 23, 24.

Существо христианства в сочетании с **Господом**—существенном, но кто состоит в этом сочетании, может ли не любить Господа? Если кто не любит **Господа**—это прямой знак, что он не состоит в союзе с Ним; а если не состоит с Ним в союзе, то чужд христианства, чужд Тела Церкви, отлучил себя от нее, хотя и носит имя христианина. Он же. Толкование первого Послания святого апостола Павла к Коринфянам. М., 1893, с. 627.

Кто любит Бога, тот о Нем только охотно и беседует и к Нему поспешно склоняет всякий разговор свой и, когда начнет говорить о Нем, наговориться не может; ему там только и приятно быть, где ведутся речи о Боге и делах Его.

...Кто любит Господа, тот охотно спешит в храм Божий, где Господь являет особенное Свое присутствие, где верующие вступают в ближайшее общение со святыми **Божиими**, в образах представляемыми очам их, и слышат слово о Нем.

...Кто любит Господа, тот не отступает от помышления о Нем и, когда только улучает свободу, мысленно обращается к Нему и тепло, из сердца беседует с Ним.

...Кто любит Господа, тот всячески старается угодить Ему исполнением Его святой воли. **Епископ Феофан Затворник**. Богоугодная жизнь вообще. М., 1899, с. 23, 25, **50—52**.

Люби Бога так, как Он заповедал любить Его, а не так, как думают любить Его самообольщенные мечтатели. Не сочиняй себе восторгов, не приводи в движение своих нервов, не разгорячай себя... пламенем крови твоей (**108, 129**).

Чтобы возлюбить Бога и в **Богe**—ближнего, необходимо очиститься от скотоподобного вожделения (**108, 256**).

Человек делается способным к любви **Божией** от исполнения любви к ближнему; в состоянии же стремления всем существом к Богу возводится молитвой (**108, 518**).

Бога невозможно любить иначе как сердцем, очищенным и освященным Божественной благодатью. Любовь к Богу есть дар Божий: она изливается в души истинных рабов Божиих действием Святого Духа (**109, 52**).

Преждевременное стремление к развитию в себе чувства любви к Богу уже есть самообольщение. Оно немедленно устраняет от правильного служения Богу, оканчивается повреждением и гибелью души (**109, 53**).

Исполнение заповедей **Спасителя**—единственный признак любви к Богу, принимаемый Спасителем (**109, 67—68**).

Если желаем стяжать любовь к **Богу**—возлюбим Евангельские заповеди; продадим наши похотения и пристрастия, купим ценою отречения от себя **село—сердце** наше... возделаем его заповедями и найдем сокровенное на нем небесное **сокровище**—любовь. Что же ожидает нас на этом селе? Нас ожидают труды и болезни; нас ожидает супостат, который не легко уступит нам победу над собой; нас ожидает для противодействия нам живущий в нас грех (**109, 68**).

Кто исполняет волю Божию из-за страха мук, тот еще новоначальный... Другой же исполняет волю Божию из-за самой

любви к Богу... Эта любовь приводит **его** в совершенный страх, потому что такой стремится и соблюдает верность воле Божией не для того, чтобы избежать (вечной) муки, но потому, что, вкусив самой сладости пребывания в Боге, боится отпасть, боится лишиться ее (109, 66—67).

Любовь рождается от чистоты сердца, непорочной совести и нелицемерной веры (109, 137).

Правильная любовь к себе заключается в исполнении животворящих Христовых Заповедей: «Это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его» (1 Ин. 5, 3),—сказал Иоанн Богослов. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (111, 260).

«Вкусите, и увидите, как благ Господь!»

(Пс. 33, 9)

Имеющий **любовь**—имеет в себе Бога (8, 68).

Кто не имеет в себе любви, тот лишается божественной благодати (8, 391).

Мужайся и крепись, старайся непрестанно питать и умножать в себе любовь к Богу, чтобы возрастало и обилие подаваемых тебе от Него Благ. Святитель Василий Великий (9, 208).

Любовь к Богу становится крепостью любящего (18, 343).

Любовь—глава добродетелей; от нее всякая вера и всякая надежда; от нее терпение и непоколебимость во всем благом; от нее преумножение всякого духовного дарования (24, 306).

Все совершенства, которые заключаются в понятии добродетели... произрастают от корня любви, так что имеющий ее и в прочих добродетелях не имеет недостатка. Святитель Григорий Нисский (24, 308).

Блажен, кто приобрел любовь и с нею переселился к Богу, потому что Бог знает Своих и примет его на лоно Свое (25, 8).

Бог—прибежище от всех зол; Он исцеляет раны и дарует жизнь в изобилии (25, 296).

Имеющий любовь будет сожителем Ангелов и со Христом воцарится (25, 8).

Любовь—столп всех добродетелей, в ней нет печали смертной; она учит правде и мужеству, терпению и миру; она—дом Божий (25, 594).

Храни любовь как зеницу ока—в ней свет и жизнь. Она—радость всех, приверженных к ней; она—Божеское стяжание, она—Ангельское достоинство (25, 594).

Возлюби Бога всей своей душою, как Он возлюбил тебя, сделайся храмом Божиим, и вселится в тебя Всевышний Бог (26, 92).

В том познаются любящие Христа, что всякую скорбь, постигающую их, переносят мужественно и с готовностью по упованию на Христа (26, 523).

Все лукавое приводится в бездействие приобретением совершенной любви к Богу (26, 174).

В какой мере чувствуешь Бога здесь, в такую степень и Он возведет тебя, насколько здесь служишь Ему, настолько и Он почитит тебя там. Ибо написано: «Я прославлю прославляющих Меня, а бесславящие Меня будут посрамлены» (1 Цар. 2, 30) (26, 259).

О безмерная сила любви! Ни на небе, ни на земле нет ничего драгоценнее любви. Она — глава добродетелей. Любовь — причина всех благ, любовь — соль добродетелей, любовь — конец Закона. Она низвела к нам с Небес Сына Божия. Любовью явлены нам все блага: разрушена смерть, пленен ад, воззван Адам. Любовью составлена из Ангелов и людей единая паства. Любовью открыты врата рая, обещано нам Небесное Царство. Она умудряла рыба-рей, она укрепляла мучеников. Она преобразовала пустыни в обожения, наполнила горы и пещеры псалмопениями, научила мужей и жен идти узким путем. О блаженная любовь, подательница всех благ! (26, 354).

Блажен человек, который всем пренебрег и приобрел любовь. Мзда его возрастает с каждым днем: ему уготован венец, все Ангелы убаживают его. Владыка никогда не отлучается от Него (26, 355).

Кто приобрел любовь, тот не подлежит уже страстям злобы и лукавства, но, живя чисто и непорочно, получит Небесное Царство (27, 290).

Никто из демонов не смеет и приближаться к облекшимся в нелицемерную любовь, потому что видит в них Человеколюбца Бога, Виночника и Подателя любви. Преподобный Ефрем Сирий (27, 242).

Если ум занят любовью к Богу и памятью о Нем, это смерть и поражение лукавому. Отсюда происходит и чистая любовь к брату, истинная простота и кротость, смирение, искренность и доброта, молитва и совершенное последование святым заповедям; через единственную и первую заповедь о любви к Богу поистине получают полноту добродетелей. Преподобный Ефрем Сирий (27, 338).

Пусть постарается человек стать приятным и угодным Богу — и на самом опыте ощутит небесные блага, невыразимое наслаждение, беспредельное богатство Божества (33, 29).

Если душа возлюбила Господа, она освобождается из сетей (порока) собственной своей верой... а с помощью свыше удостоивается Вечного Царства (33, 49).

Любящему Бога и Бог дарует Свою любовь. Преподобный Макарий Египетский (33, 120).

Пока человек не возлюбит Бога от всей крепости своей, пока не прилепится к Богу всем сердцем своим, до тех пор не даруется ему покой от Бога (82, 141).

Любовью к Богу изгоняется лень; рождается она там, где отсутствует страх Божий (82, 202).

Боголюбивое сердце чуждо мстительности (82, 216).

Совершенная любовь к Богу противостоит внутренним браням, побеждая их волей Божией и покаясь ей (82, 219).

Бог всемогущ: любящих Его Он спасает от искушений, а лукавых предаёт погибели. Вера праведника в Бога превращает зверей в агнцев (82, 235).

Совершенная любовь к Богу противостоит всем мысленным нападениям врагов. Преподобный авва **Исаия** (34, **138**).

Любовь есть глава, корень, источник и мать всех благ... Без нее все прочее не принесет нам никакой пользы. Она есть знак учеников Господа, отличительное свойство рабов Божиих (35, 494).

Если эта любовь войдет в душу и зажжет в ней яркий огонь, то, хотя бы она нашла в наших мыслях что-нибудь жесткое, каменистое, сухое и бесчувственное, она одно уничтожает, а другое размягчает и делает душу просторной и плодородной пашней, способной к принятию божественных семян (37, 310).

Кто любит (Господа) так, как должно любить, тот старается и заповеди Его соблюдать, потому что искренне расположенный к кому-либо старается все делать, чем может привлечь к себе его любовь (38, 591).

Кто любит Бога, тот не будет презирать брата своего, не будет предпочитать богатства своему ближнему, но будет делать ему всякое добро, вспоминая о Том, Кто сказал: «так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (**Мф.** 25, 40) (38, 591).

Горящий любовью к Богу уже не хочет более смотреть на внешние предметы, но, прозрев другими очами, то есть очами веры, постоянно устремляет ум свой к Небу, его созерцает и, ходя по земле, делает все так, как будто живет на Небе, не встречая ни в чем человеческого препятствия к подвигам добродетели (38, 294).

От чистой любви к Богу мы становимся святыми, и Бог хранит величайшее наше **сокровище — душу**, так что мы не можем впасть в руки врага. А если и впадем, Бог не оставляет нас, но освобождает, связывая истинного грешника, корень **греха —** диавола, и дает нам руку, чтобы мы убежали от незаконно напавшего на нас (39, 933).

Любовь соединяет многих в одно тело и делает души их жилищами Святого Духа, потому что не в разделенных друг от друга, но соединенных по душе может обитать Дух Мира (40, 578).

Любовь, имеющая основанием Христа, тверда, постоянна, непобедима; расторгнуть ее не может **ничто** — ни клевета, ни опасность, ни смерть, ни что-либо другое (41, 622).

Великое **благо — любовь**. Она сильнее огня, восходит к самому Небу, и нет препятствия, которое могло бы удержать ее сильное стремление (42, 486).

Поистине, любовь есть крепкая стена, непреодолимая не только для (злых) людей, но и для диавола (43, 356).

Возлюбим Христа, как должно **любить, — в** этом великая награда, в этом Царство и радость, наслаждение и слава, неисчислимое блаженство, которого нельзя ни выразить словом, ни постигнуть умом (43, 536).

Если у людей взаимная любовь ценится выше всякого удовольствия, то какое слово, какая мысль может изобразить блаженство души, которая любит Бога и Ему любезна? (43, 592).

Любовь, угодная Богу, есть сильнейшее оружие против диавола (43, 817).

Любовь к Богу возвышает нас над житейскими заботами (45, 965).

Любовь исключает страх и вселяет в сердце дерзновение к Богу (43, 996).

Любовь воспитывает тело, воспаляет Дух, очищает душу; любовь делает достойными уважения труды подвижников и отвергает им блаженное лоно Сына Божия. Святитель Иоанн Златоуст (43, 997).

Любовь никаким временем не будет прервана, ибо не только в настоящем мире с пользою действует в нас, но и когда душа освободится от тела, любовь станет гораздо действеннее, превосходнее, не будет ослабляема никаким недостатком, но при постоянной чистоте пламеннее и искреннее будет прилепляться к Богу. Преподобный Иоанн **Кассиан** Римлянин (53, 175).

Душа, которая любит **Бога,—в** Боге, и в Нем едином приобретает себе упокоение (55, 276).

Кто достиг любви **Божией**, тот не желает уже снова пребывать здесь, потому что любовь уничтожает страх. И я, возлюбленные, поскольку вдался в юродство, не могу сохранить тайну в молчании, но делаюсь неразумным для пользы братии, потому что такова истинная любовь: она не может содержать что-либо втайне от возлюбленных своих. Когда писал я это, персты мои неоднократно не успевали записать мысль на бумаге, и не мог я сохранять терпения от удовольствия, вторгавшегося в сердце мое и заставлявшего умолкнуть чувства. Впрочем, блажен, у кого помышление всегда о Боге, кто удержался от всего мирского и с Ним одним пребывал в беседе ведения своего. И если достанет у него терпения, **то недолго** ему ожидать плода (55, 165).

Рай есть любовь Божия, в которой наслаждение всеми блаженствами, где блаженный Павел напитался преестественной пищей и, как скоро вкусил там от плода с древа жизни, воскликнул: «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2, 9). Плоды этого древа стали запретными для Адама по диавольскому умышлению. Древо жизни есть любовь Божия, от которой отпал Адам, и с тех пор не встречала уже его радость, но работал и трудился он на земле терний. Лишенные любви Божией, если и по правоте **ходят,—**едят тот хлеб пота в делах своих, какой повелено есть первозданному человеку после падения его. Пока не приобретаем любви, делание наше на земле терний. И хотя сеяние наше бывает сеянием **правды—и** сеем, и пожинаем мы среди терний, и ежечасно уязвляемся ими, и что ни делали бы к своему оправданию, живем в поте лица. А когда обретаем любовь, тогда станем питаться Небесным Хлебом и укрепляться в силах без работы и труда. Небесный Хлеб есть

Христос, «сшедший с небес» (Ин. 6, 58) и дающий Жизнь миру. Это пища ангельская.

Кто обрел любовь, тот каждый день и час вкушает Христа и потому делается бессмертным. Ибо сказано: «Ядущий хлеб сей... который Я дам» не узрит смерти во веки (Ин. 6, 51). Блажен, кто вкушает от хлеба любви, который есть Иисус. И что вкушающий любви вкушает Христа, сущего над всеми Бога, об этом свидетельствует Иоанн: «Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 8). Наконец, живущий в любви приносит плод жизни от Бога и еще в этом мире, в ощущаемом здесь обоняет воздух Воскресения. Этим воздухом наслаждаются праведные по Воскресении. Любовь есть Царство; о ней Господь дал таинственное обетование апостолам, что вкусят ее в Царстве Его. Ибо сказанное: «Да ядите и пиете за трапезою Моею в Царстве Моем» (Лк. 22, 30)—что иное означает, как не любовь? Любви достаточно, чтобы напитать человека вместо пищи и питья. Вот вино, веселящее сердце человека (Пс. 103, 15). Блажен, кто вкусит этого вина! Испили его **невоздержанные**—и устыдились; испили **грешники**—и забыли пути преткновений; испили **пьяницы**—и стали постниками; испили **богатые**—и возжелали нищеты; испили **убogie**—и обогатились надеждой; испили **больные**—и стали сильны; испили **невежды**—и умудрились (55, 391—392).

Любовь к Богу побуждает человека к добродетели, а ею он увлекается в благотворения. Преподобный Исаак Сирин (56, 33).

Влечение и любовь к Богу есть свет. Поэтому, воссияв в боголюбивых душах, любовь тотчас прогоняет тьму страстей и (чувственных) наслаждений и водворяет день бесстрастия (59, 68).

Насколько Ты, Спасе, превосходишь все видимое, настолько сильнее и любовь к Тебе, которая заслоняет всякую человеческую любовь, отвращает от склонности к плотским наслаждениям и скоро прогоняет все похоти (59, 68).

Блага мира сего обыкновенно сопровождаются печалью и мучительными и болезненными трудами, а та жизнь, которой человек живет в Боге, беседуя с Ним и созерцая неизреченные блага, превосходит всякое блаженство и выше всякой славы, счастья, радости и утешения. Преподобный Симеон Новый Богослов (61, 65).

Ум, прилепляющийся к Богу и пребывающий в Нем молитвой и любовью, бывает мудр, благ, силен, человеколюбив, милостив, великодушен, и просто сказать, носит в себе почти все Божественные свойства. Преподобный Максим Исповедник (68, 187).

Он воссел одесную Отца. Он—Новый Адам, Родоначалник святого племени избранных. Вера в Него вписывает в число избранных; избрание приемлется святым смирением, запечатлевается святой любовью (108, 543).

Узнав волю Божию, мы должны исполнить ее, потому что этого требует любовь. Она не довольствуется изучением воли любимых, она жаждет исполнить ее (111, 252).

Первое духовное проявление любви к Богу открывается в

ощущении страха Божия, который, по свидетельству Священного Писания, есть начало Премудрости. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (111, 257—258).

Любовь возжигает любовь. Восчувствовав, как любит вас Господь, не можете оставаться холодною к Нему: сердце само к Нему повлечется благодарением и любовью. Держите сердце под влиянием такого убеждения любви к вам Господа, и теплота сердечная скоро возрастет в пламень любви к Господу. Когда это совершится, вам не нужны будут никакие напоминания о Боге и никакие наставления, как в этом успеть. Любовь не даст на минуту забыть любимого Господа. **Епископ Феофан Затворник**. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? М., 1914, с. 183—184.

Возлюбите Его и, сочетавшись с Ним этой любовью, чаще помышляйте о Нем, нежели сколько дышите. Тогда и Господь вас возлюбит, или лучше, возблаговолит явить к вам любовь Свою. Он же. Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни. М., 1892, с. 90.

Приобщившийся Божественной любви стал богом по благодати

О что это за вещь, сокрытая для всякой тварной природы? Что это за свет мысленный, ни для кого не видимый? Что это за великое богатство, которого никто в мире вполне не мог найти или овладеть им всецело? Ибо оно неуловимо для всех и неместимо для мира; оно вожделеннее всей вселенной и настолько желаннее вещей видимых, насколько Бог, создавший их, превосходнее их. Поэтому я уязвлен любовью к Нему, и, пока не вижу Его, истаиваю внутри, и, горя умом и сердцем, со вздохом хожу туда и сюда, и, палимый, ищу здесь и там, нигде не находя Возлюбленного души моей, и часто озираюсь в надежде, не увижу ли моего Желанного. А Он, как невидимый, совершенно не показывается мне. Когда же я, отчаявшись, начинаю плакать, тогда Он является мне, и на меня взирает Тот, Кто все видит. Изумляясь необыкновенной красоте (Его), я дивлюсь тому, как Творец, отвергши Небеса, приклоняется и показывает мне неизреченную и необычайную славу. Когда же я размышляю о том, может ли кто стать еще ближе к Нему и каким образом можно было бы подняться на неизмеримую высоту, Он Сам внутри меня является, блистая в убогом сердце моем, отовсюду озаряя меня бессмертным светом и все члены мои освещаая лучами. Весь обнимая меня, Он всего меня покрывает лобзанием и всего Себя мне, недостойному, дарует. И я насыщаюсь Его любовью и красотой исполняюсь божественного наслаждения и сладости. Я делаюсь причастником света и славы: лицо мое, как и Возлюбленного моего, сияет, и все члены мои делаются светоносными. Тогда я становлюсь красивее красивых, богаче богатых, бываю сильнее всех сильных, более великим, чем цари, и гораздо более достой-

ным не только в сравнении с землею и всем, что на земле, но и с Небом и всем, что на Небе, имея (в себе) Создателя всего, Которому подобает слава и честь ныне и вовеки. Аминь (59, 47—48)*.

Красота Твоя, Владыко Христе, неизъяснима, образ несравним, великолепие неизреченно и слава превышает ум и слово. Твой нрав, Твоя благодать и кротость превосходят помышления всех земнородных. Поэтому и желание и любовь к Тебе превосходят всякую любовь и желание смертных. Ибо насколько Ты, Спасе, превосходишь все видимое, настолько сильнее и любовь к Тебе, которая затемняет всякую человеческую любовь, отвращает от любви к плотским наслаждениям и скоро прогоняет все похоти. Ибо похоть страстей поистине есть тьма, и совершение постыдных **грехов** — глубокая ночь; влечение же и любовь к Тебе, Спасе, есть свет. Поэтому, воссияв в боголюбивых душах, она тотчас прогоняет тьму страстей и чувственных наслаждений и водворяет день бесстрастия. О дивное и неожиданное дело Всевышнего Бога! О сила тайнств, сокровенно совершающихся! Ты даруешь нам и преходящее, и вечное, Ты даешь земное с небесным и настоящее с будущим, как Создатель всего, имеющий власть над земным и небесным. Итак, зачем же мы, несчастные, любим людей более, чем Тебя, и жалким образом служим им более, чтобы получить от них ничтожную и непрочную награду? Мы предаем им наши души и тела, чтобы они пользовались ими, как ничтожными и отвергнутыми сосудами, и хотя мы Твои **члены** — **Владыки** всего, повторяю, святые члены святого Господа, Который ни от кого независим в Своей власти, не страшимся добровольно предлагать их скверным демонам для постыднейшего греха. Итак, кто из верных рабов Твоих удержится от слез? Кто не оплатит также нашей своенравной дерзости? Кто не испытает благоговения перед таким долготерпением Твоим, Боже? Кто не ощутит трепета перед воздаянием на Божественном Суде, то есть перед нестерпимым и вовеки неугасимым гееннским огнем, где плач и скрежет зубов, и скорбь неутешная, и невыразимая мука?

Но, о Солнце, Создатель этого видимого нами солнца, и луны, и звезд, и света, и всей природы, сокрой меня от них во свете Твоем, чтобы я, созерца в нем одного Тебя, Слово, не видел мира и того, что в мире, но и видя, был как бы невидящим, и слыша, как бы не слышал. И как бывает с сидящими во тьме житейских удовольствий и тьме славолюбия: видя, они не видят Твоей Божественной славы, и слыша, совершенно не понимают Твоих заповедей и повелений; так будет и со мною во свете Твоем, когда я и видя не буду видеть мира и **того**, что в мире. Ибо кто, видя Тебя и чувствуя себя озаренным Твоею славою и Божественным Твоим светом, не изменился умом, душою и сердцем и не удостоился всевластно, Спаситель, видеть иначе и слышать таким же образом? Ибо ум, погружаясь в Твой свет,

* Гимн 7. Согласно с природою одно только Божество должно быть предметом любви и вождления; кто приобщился Его, тот сделался причастным всех благ.

просветляется и делается светом, подобным славе Твоей, и называется Твоим умом; так как удостоившийся сделаться таковым — **удостаивается** тогда и ум Твой иметь и делается с Тобою безраздельно единым. И как не будет он все видеть и слышать бесстрастно, как Ты? Сделавшись богом (по благодати), как пожелает он вообще чего-либо чувственного, какой-либо скоропроходящей и тленной вещи, либо иной, суетной **славы** — **тот**, кто стал превыше всего этого и выше всякой видимой славы? Ибо как тот, кто стал превыше всего видимого и приблизился к Богу, лучше же, кто сам наименовался богом, захотел бы искать славы или роскоши от поверженных на землю? Ибо они поистине для **него** — **позор** и поношение, унижение и бесчестие. Слава же для него, и утеха, и **богатство** — **Бог** Троица и все Божие и Божественное, Коему подобает всякая слава, честь и держава всегда, ныне и во все веки. Аминь (59, **68—69**)*.

Благословен Ты, Господи, благословен Ты, единый, благословен благоутробный, преблагословенный, давший в сердце моем свет заповедей Твоих и насадивший во мне древо жизни Твоей. Ты явил меня другим раем в видимом; в **чувственном — духовным**, духовным же в чувствовании, ибо Ты соединил с духом моим иного Духа Твоего Божественного, Которого и вселил в утробе моей. Это древо жизни поистине одно. Ту землю, на которой оно будет насаждено, ту душу, в сердце которой оно укоренится, оно скоро преобразует в рай, чудесно украшенный различными прекрасными растениями, деревьями и плодами, пестрящий цветами и благоухающими лилиями. Это — **смирение**, радость, мир, кротость, сострадание, плач, дожди слез и необычайное услаждение в них, свет благодати Твоей, сияющий всем пребывающим в раю. Ты — **чаша**, изливающая мне токи жизни Твоей и обильно подающая глаголы Божественного ведения. Если же Ты не пожелаешь, но, напротив, отнимешь это, то я становлюсь безумным и, как камень, бесчувственным. Труба никогда не издаст звука без вдыхания, и я без Тебя — **как** бездушный. Тело без души совершенно бездейственно; и душа без Духа Твоего не может ни двигаться, ни соблюдать заповеди Твои, Спаситель; ни видеть Тебя не может, ни предстоять тебе, ни разумно воспевать славу Твою, о Боже мой! Поэтому я и вопию, поэтому и зываю к Тебе, Которыйверху находишься с Отцом и внизу с нами, не одним действом, как рассуждают некоторые, и не одною волею или силою только Твоею, как думают многие, но даже и сущностью, если только позволительно говорить или мыслить о сущности в Тебе, единый бессмертный и пресущественный. Ибо если Ты поистине совершенно неизъясним, невидим, неприступен, недомыслен, неприкосновен, неосязаем и весь непостижим, Спаситель, то как мы наимуем Тебя? как посмеем назвать Тебя сущностью и какого рода и какую? Ибо поистине Ты, о Боже мой, непричастен всему существующему в природе, но все дела

* Гимн 12. О том, что желание и любовь к Богу превосходят всякую любовь и всякое желание человеческое; ум же очищающихся, погружаясь в Свет Божий, весь обожается и потому называется умом Божиим.

Твои произведены из ничего, один только Ты несотворен, один безначален, **Спаситель — Троица** Святая и честная, Бог всяческих. И Ты показал нам свет Твоей непорочной славы, который и ныне непрерывно подавай мне, Спаситель. Дай мне всегда через него, как в зеркале, видеть и созерцать Тебя, Слово, и хорошо увидеть и постичь неизъяснимую красоту Твою. Эта красота, совершенно непостижимая мыслью, более чем поражает ум мой, приводит в иступление мысли и возжигает в сердце моем огонь любви к Тебе; он же, становясь пламенем Божественного желания, яснее показывает мне славу Твою, Боже мой. Поклоняясь ей, молю Тебя, Сыне Божий, дай мне и ныне, и в будущем веке непрестанно иметь ее и через нее вечно созерцать **Тебя — Бога**. Не дай мне, Владыко, суетной славы мира сего, ни богатства гниущего, ни талантов золота, ни высокого престола, ни власти над тленными; соедини меня со смиренными, нищими и кроткими, чтобы и я также сделался смиренным и кротким. И если это служение мое я прохожу не к пользе Своей, не к благоугождению Твоему и почитанию, то благоволи мне сподобиться его и только оплакивать грехи свои, и иметь попечение об одном праведном Суде Твоем и о том, как я буду отвечать Тебе, много раз Тебя **прогневавший**.

О сострадательный Пастырь, добрый и кроткий, хотящий всем верующим в Тебя спастись, помилуй и услыши эту мольбу мою: не прогневайся и не отврати лица Твоего от меня, но научи меня исполнять Твою волю. Ибо я не ищу, чтобы была моя воля, но Твоя, дабы и я послужил Тебе, Милостивый. Заклинаю Тебя, помилуй меня, по естеству милостивый (**Пс.** 85, 15), и сотвори полезное жалкой душе моей, ибо **Ты — Бог** человеколюбивый, один несозданный, бесконечный, поистине всемогущий, **Ты — жизнь** всех и свет всех возлюбивших Тебя и Тобою, Человеколюбец, всяма возлюбленных. О если бы и меня к ним сопричет Ты, Владыко, и соделал общником и сонаследником Твоей Божественной славы! Ибо Тебе подобает слава, Отцу с безначальным Сыном и Божественным Духом во веки веков. Преподобный Симеон Новый Богослов (59, 241—243)*.

ЛЮБОВЬ К БЛИЖНЕМУ

«Возлюби ближнего твоего, как самого себя»

(Мф. 22, 39)

Нет иной стези к духовной любви, которою начертывается в нас невидимый образ Божий, если прежде всего человек не станет милосердным по подобию Небесного Отца, явившего нам Свое совершенство в милости. Господь заповедал повинующимся Ему полагать милость в основание богоугодной жизни (82, 280).

Не променяй любви к брату твоему на любовь к какой-нибудь вещи, потому что любовью к брату ты стяжал внутри себя Того, Кто драгоценнее всего в мире. Преподобный Исаак Сирий (82, 280).

Авва Иоанн Колов говорил: невозможно выстроить здание, начиная с крыши, нужно строить от основания вверх. Его спросили: что должно разуть здесь под основанием? Он отвечал: **основание** — ближний, когда помогаем ему и приобретаем его, потому что на нем основаны все заповеди Христовы. Авва Иоанн Колов (82, 288—289).

Авва Агафон говорил: «Если бы я мог взять тело прокаженно-го и отдать ему мое, сделать это было бы для меня наслаждением». Такова совершенная любовь (82, 56).

Авва Агафон говорил: «Насколько это зависело от меня, я никогда не засыпал со скорбью в сердце на кого-либо и никому не позволил заснуть с какой-либо скорбью на меня» (82, 57).

Брат сказал авве Агафону: «Мне дана заповедь, но исполнение заповеди сопряжено со скорбью; и хочется исполнить заповедь, и опасаться скорби». Старец отвечал: «Если бы ты имел любовь, то исполнил бы заповедь и победил бы скорбь». Авва Агафон (82, 61).

Повергающий себя перед Богом в разуме и повинующийся заповедям в смиренномудрии, достигает любви. Любовь вводит в бесстрашие (82, 144).

Не делайте того, чем, по соображению вашему, оскорбится брат ваш (82, 179).

Если ум укрепится и решится последовать любви, то погашаются все страсти плоти и духа. «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится» (1 Кор. 13, 4), делает естественным для сердца постоянство и не попускает ничему противоестественному насильственно поработать ум... Преподобный авва **Исаия** (82, 197).

Некто спросил старца: «Почему нынешние подвижники не получают благодатных даров, как древние?» Старец ответил: «Потому что тогда была любовь, и каждый поднимал ближнего вверх; ныне любовь охладела, и каждый влечет ближнего вниз. По этой причине мы не удостоиваемся получить благодать» (82, 398).

Старец сказал: «Я никогда не желал дела, полезного мне и бесполезного брату моему, веруя, что приобретение брата есть мое приобретение» (82, 399).

Согрешивший должен отлучить себя от всякой любви человеческой, пока не убедится, что Бог принял его покаяние: любовь мира сего отлучает от любви Божией. Изречения безымянных старцев (82, 405).

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13). Если кто услышит огорчительное слово и, будучи в состоянии отвечать таким же словом, преодолет себя и не скажет или, если кто, будучи обманут, перенесет это и не станет мстить обманщику, тот полагает душу свою за ближнего. Преподобный Пимен Великий (82, **345—346**).

Сближайся с **праведными** — и через них приблизишься к Богу. Общайся с имеющими **смирение** — и научишься их нравам. Ибо если смотреть на них полезно, то тем более учиться у них.

Возлюби нищих, чтобы через них и тебе улучшить милость. Не сближайся с любящими спорить, чтобы не быть тебе принужденным утратить тишину свою. Без отвращения переноси телесные недостатки больных и особенно убогих, потому что и ты обложен телом. Не упрекай скорбящих сердцем, чтобы тебя не поразил жезл их, и тогда будешь искать утешителей и не найдешь. Не уничай увечных, потому что в ад пойдем все в равном виде. Люби грешников, но ненавидь дела их и не пренебрегай грешными за недостатки их, чтобы самому не быть искушенным в том же, в чем искусились они. Помни, что и ты причастен земному естеству, и делай добро всем. Не укоряй требующих молитвы твоей и не лишай их добрых слов утешения, чтобы они не погибли и с тебя не были взысканы души их. Напротив, помни, что врачи при воспалениях снижают жар, а при противоположных состояниях употребляют согревающие средства.

Когда встретишься с ближним своим, принуждай себя оказывать ему честь выше меры его. Приветствуй его лобзаниями с великой честью... и хвали его даже за то, чего он не имеет. А когда разлучишься с ним, говори о нем все хорошее и самое достойное. Ибо этим и подобным этому привлечешь его к добру, заставишь его стыдиться того приветствия, которым ты приветствовал **его**, и посеешь в нем семена добродетели. От такой приобретенной тобою привычки отпечатлеется в тебе добрый образ, ты приобретешь высокое смирение и без труда преуспеешь в великом. А сверх этого, если чувствуемый тобою и имеет какой недостаток, он легко примет от тебя врачевание, устыдившись той чести, какую ты оказал ему. Пусть всегда будет у тебя этот **нрав**—со всеми быть приветливым и почтительным. Никого не огорчай, никому не **завидуй**—ни силе веры, ни, наоборот, плохим делам его. Но берегись кого-либо и в чем-либо порицать или обличать, потому что есть у нас нелицеприятный Судия на Небесах. Если же хочешь обратить кого-либо к истине, то скорби о нем и со слезами и с любовью скажи ему слово или два, а не воспаляйся на него гневом, и да не увидит он в тебе признака вражды. Ибо любовь не умеет раздражаться или огорчаться на кого-нибудь, или укорять кого-нибудь с досадой. Указанием истинной любви и понимания служит смирение, которое рождается от доброй совести о Христе Иисусе, Господе нашем. Преподобный Исаак Сирий (55, 303—304).

Что свойственно любви к ближнему? Искать не своих выгод, но душевной и телесной пользы любимого (6, 417).

Кто любит ближнего, как самого себя, у того нет ничего излишнего перед ближним (7, 90).

Как Бог дает всем возможность равно приобщиться света, так и подражатели **Божии** да изливают на всех общий и одинаково сильный свет любви (8, 68).

Кто любит ближнего, тот исполняет свою любовь к Богу, потому что Бог его милосердие переносит на Самого **Себя**. Святитель Василий Великий (8, 89).

Что может сравниться с любовью? Ничто. **Это** — корень, источник и мать всех благ. **Это** — добродетель, сопряженная с удовольствием и приносящая одну непрерывную радость искренне усвоившим ее (37, 796).

Все мы имеем нужду в милости, но не все достойны милости, потому что она, хотя и милость, но ищет достойного (39, 50).

Как огонь сжигает терние, так и человеколюбие раздражает людей бесчеловечных и жестоких, потому что оно служит обличением их нечестия. Святитель Иоанн Златоуст (39, 320).

Блажен человек, который всякого человека почитает как бы богом после Бога. Преподобный Нил Синайский (47, 195).

Не могут приобрести любви к людям те, которые любят мир. Преподобный Исаак Сирин (56, 211).

Спаситель говорит: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 39). Не обращай внимания на то, как далеко ты отстоишь от этой добродетели, чтобы не начать ужасаться и говорить: «Как можно возлюбить ближнего, как самого себя? Могу ли я заботиться о его скорбях, как о своих собственных, и особенно о скрытых в его сердце, которых не вижу и не знаю, как свои?» Не увлекайся такими размышлениями и не думай, чтобы добродетель превышала твои силы и была неисполнима. Но положи начало с верою в Бога, покажи Ему твое произволение и **старание** — тогда увидишь помощь, которую Он подаст тебе для совершения добродетели. Представь себе две лестницы: одна возводит вверх на Небо, другая низводит в ад, а ты стоишь на земле между ними. Не думай и не говори: «Как я могу взлететь от земли и очутиться вдруг на Небе?»... Это, конечно, невозможно, да и Бог не требует этого от тебя, но берегись, чтобы не сойти вниз. Не делай зла ближнему, не огорчай его, не клеветни, не злословь, не уничижай, не укоряй. А позже начнешь мало-помалу и добро делать брату своему, утешая его словами, сострадая ему или давая ему то, в чем он нуждается. И так, поднимаясь с одной ступени на другую, достигнешь с помощью Божией и верха лестницы. Ибо мало-помалу, помогая ближнему, ты дойдешь до того, что станешь желать и пользы его, как своей собственной, и его успеха, как своего собственного. Это значит возлюбить «ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22, 39). Преподобный авва Дорофей (58, 162).

Човеколюбие есть подобие Богу, так как оно благотворит всем людям, и благочестивым и нечестивым, как и Сам Бог благотворит. Преподобный Симеон Новый Богослов (60, 32).

Любовь к Богу не имеет меры, как любимый **Бог** — предела и ограничения. Но любовь к ближним имеет предел и ограничение. Если ты не будешь держать ее в подобающих пределах, она может отдалить тебя от любви к Богу, причинить большой вред, даже погубить тебя. Воистину ты должен любить ближнего, но так, чтобы этим не причинить вреда своей душе. Делай все просто и свято, не имей в виду ничего, кроме угождения Богу. И это

охранит тебя в делах любви к ближним от всяких неверных шагов. **Преподобный Никодим Святогорец (64, 265).**

«Не любящий брата пребывает в **смерти**», — пишет апостол (1 Ин. 3, 14). Такой хотя телом и живет, но душою мертв. Ибо как тело душою, так душа Духом Христовым оживляется. А где нет христианской братской любви, там нет Духа Христова. «Всякий, не делающий правды, не есть от Бога, равно и не любящий брата своего» (1 Ин. 3, 10). Но там, вместо того, дух неприязни: ибо душа или находится в благодати Божией и благодатью оживляется, или не имеет благодати и лишается жизни духовной. Одно из этих двух непременно следует: где нет жизни духовной, там смерть духовная, так же как где нет жизни телесной, там телесная смерть. За смертью духовной следует смерть вечная, если душа не воскреснет истинным покаянием. **Святитель Тихон Задонский (104, 992—993).**

Любовь к ближнему есть стезя, ведущая в любовь к Богу, потому что Христос благоволил таинственно облечься в каждого нашего ближнего, а во **Христе — Бог (108, 123).**

Воздавай почтение ближнему, как образу Божию, почтение в душе твоей, невидимое для других, явное лишь для совести твоей **(108, 127).**

Воздавай почтение ближнему, не различая возраста, пола, **сословия — и** постепенно начнет являться в сердце твоём святая любовь **(108, 127).**

И слепому, и прокаженному, и поврежденному рассудком, и грудному младенцу, и уголовному преступнику, и язычнику окажи почтение, как образу **Божью, — что** тебе до их немощей и недостатков! Наблюдай за собою, чтобы тебе не иметь недостатков любви **(108, 127—128).**

Если ты думаешь, что любишь Бога, а в сердце твоём живет неприятное расположение хотя бы к одному человеку, то **ты — в** горестном самообольщении **(108, 128).**

Явление духовной любви к **ближнему —**признак обновления души Святым Духом **(108, 128).**

Совершенство **христианина — в** совершенной любви к ближнему **(108, 128).**

Когда сердце твоё осенится святым, благодатным миром ко всему человечеству, тогда ты при самых дверях любви **(108, 130).**

Милосердие к ближним и смирение перед ними в соединении с чистотою сердца... составляет основание и силу молитвы **(108, 146).**

С членами **Христовыми — христианами —**нужно обходиться очень осторожно и благоразумно: нужно сострадать им в их недугах и отсекаать только те, которые, не подавая никакой надежды на выздоровление, лишь заражают своим недугом других **(108, 339).**

Храни совесть по отношению к ближнему: не довольствуйся одной благовидностью твоего поведения **(108, 371).**

Всякий православный христианин, если захочет перейти от нерадивой жизни к жизни внимательной, если захочет заняться

своим спасением, должен, во-первых, обратить внимание на отношения свои к ближним (109, 340).

Чтобы возлюбить ближнего, как самого себя, предварительно нужно правильно полюбить себя (111, 259).

Любовь к Богу заключается в любви к ближнему, и тот, кто возделал в себе любовь к ближнему, вместе с нею стяжает в сердце своем неоценимое духовное **сокровище — любовь** к Богу (111, 330).

Сердце ваше да принадлежит единому Господу, а в Господе и ближнему (111, 518).

Любовь, отдающая должное людям по мере их благочестия, вместе с этим равна ко всем, потому что она во Христе и любит во всех Христа (111, 522).

Хотя заповедь о любви к Богу настолько возвышенной заповеди о любви к образу **Божью — человеку**, насколько Бог возвышеннее Своего образа, однако заповедь о любви к ближнему служит основанием заповеди о любви к Богу (112, 87—89).

Обрати все внимание на стяжание любви к ближнему твоему, как на основание твоего жительства и монашеского подвига (112, 88).

Причина... любви (к ближним) **одна — Христос**, почитаемый и любимый в каждом ближнем (112, 90).

Любви к ближнему предшествует и сопутствует смирение перед ним (112, 91—92).

Достигший любви к врагам достиг совершенства в любви к ближнему, и ему сами собой отворились врата любви к Богу (112, 145).

Если хочешь быть верным, ревностным сыном Православной Церкви, то достигай этого исполнением Евангельских заповедей относительно ближнего (112, 277).

Не ищите и не ожидайте любви от людей; всеми силами ищите и требуйте от себя любви и сострадания к людям. **Епископ Игнатий** (Брянчанинов) (112, 303).

Любовь к ближнему не должна быть больше любви к Богу

Прекрасна и похвальна любовь к ближним, если только заботы ее не отвлекают нас от любви Божией. **Преподобный Исаак Сирин** (55, 402).

«Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 26). Есть ли противоречие в том, что заповедуется ненависть к родителям и близким родственникам нам, которым дана заповедь любить даже врагов?! И действительно, Истина говорит о жене: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19, 6). И [апостол] Павел говорит: «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь» (Еф. 5, 25). Вот ученик повелевает любить жену, тогда как Учитель говорит: «Кто... не возненавидит

жены... не может быть Моим учеником». Неужели одно возвещает Судия, а о другом вещает проповедник? Или мы можем вместе и ненавидеть, и любить? Но если мы внимем в силу заповеди, то можем делать то и другое через разделение, так что будем любить тех, которые близки к нам, и ненавидеть и избегать враждебных нам на пути Божиим. Как бы через ненависть к ним любить Того, Кого не слушают мудрствующие по плоти, когда внушают нам нечестие. Но, чтобы показать, что Господь производит эту ненависть к ближним не от расположения душевного, а от любви, Он тотчас добавил: «И самой жизни своей». Итак, нам заповедуются ненависть к ближним и к душе своей. Следовательно, тот, любя, должен ненавидеть ближнего, кто ненавидит его так, как самого себя. Ибо мы ненавидим душу свою, когда не следуем ее пожеланиям, когда боремся с ее наслаждениями. Итак, она как бы через ненависть бывает любима, когда, будучи презрена, направляется к лучшему. Именно так мы должны выражать свою ненависть к ближним, чтобы и любить в них — их суть, и ненавидеть то, чем они препятствуют нам на пути Божиим.

Известно, что когда [апостол] Павел шел в Иерусалим, пророк Агав взял его пояс, связал им себе руки и ноги и сказал: «Мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме» (Деян. 21, 10, 11). Что же говорил тот, кто совершенно ненавидел душу свою? «Я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса» (Деян. 21, 13) «и не дорожу своею жизнью» (Деян. 20, 24). Вот как апостол, любя, ненавидел, и ненавидя, **любил** свою душу, которую желал предать смерти за Иисуса, чтобы воскресить ее к жизни от смерти греха.

Итак, это понятие о ненависти к себе самим перенесем на ненависть к ближнему. Надо любить каждого в этом мире, не исключая и врага, но на пути Божиим не надо любить врага, хотя бы он был и родственник. Ибо, кто сильно желает вечного, тот должен быть на том пути Божиим, на который вступает без отца, без матери, без жены, без детей, без родных, без себя самого, чтобы тем вернее знать Бога, чем менее помнить о ком-либо в деле благоугождения Ему. Ибо много значит, когда плотские страсти рассеивают внимание ума и затмевают Его пронизательность; но мы не терпим от них вреда, если держим их в стесненном положении. Итак, надо любить ближних, любовь должна быть простираема на всех ближних и дальних, однако ради этой любви не должно уклоняться от любви к Богу.

Но как нужно выражать эту самую ненависть души, Истина объясняет далее: «И кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 27). Потому что крест называется так от «крестования», распятия на кресте. И мы носим крест Господень двумя способами: или умерщвляя плоть воздержанием, или считая беду ближнего своею собственной, по сочувствию. Ибо тот, кто выражает скорбь о чужой беде, тот носит крест в душе. Но надо знать, что есть люди, которые употребляют воздержание плоти не ради Бога, а ради тщеславия. И есть много таких, которые выражают сочувствие к ближнему не по духу, а по плоти, для того чтобы содействовать ему не в **добродетели**, но как бы в виновности. Эти люди, хотя и кажутся несущими крест, однако не следуют за Господом. Поэтому та же самая Истина справедливо говорит: «И кто не несет креста своего и идет за Мною, не может быть Моим учеником». Ибо нести крест и идти вслед за Господом значит или умерщвлять плоть воздержанием, или проявлять

сочувствие к ближнему, по желанию вечной цели. Но кто делает это ради временной цели, тот хотя и носит крест, но отказывается идти вслед за Господом. Святитель Григорий Двоеслов (116, 179—180).

Почему ты любишь дитя больше своего Владыки? Не Он ли даровал тебе дитя? Почему же ты так неблагодарен, что дар любишь более, чем Даровавшего? **Святитель Иоанн Златоуст (45, 429).**

Всякого человека, **кто и** каков бы он ни был, например, **родителям — детей и детям — родителей, мужу — жену и жене — мужа, и прочее,** до тех пор должно любить, пока эта любовь согласна с любовью Божией. А в противном случае любовь к человеку должна уступить любви Божией. Особенно же любовь к собственной жизни нельзя предпочитать любви Божией: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10, 37). Потому что Бога должно любить больше всякого создания, больше всякого человека и больше себя самого. **Святитель Тихон Задонский (104, 983).**

Нет ничего дороже и желаннее, чем человек, который твоему счастью радуется, как своему собственному, и в **несчастьи** принимает участие, как если бы он сам страдал. Но надо, чтобы дружба была основана на добродетели. Ибо основанная на страсти и начатая с дурным намерением дружба не есть дружба, но соединение злости и заговора. Так, например, Пилат и Ирод были во всегдашней ссоре, но, согласившись убить неповинного Иисуса, они примирились. Чтобы был тверд честный мир дружбы, необходимо равенство в имени и чести, то есть надо столько же, по крайней мере, иметь пощения о пользе и о чести своего друга, как и о собственных, а если этого не будет, то дружба скоро разрушится, и будет только лицемерной. И потому надо иметь осторожность, чтобы под видом дружбы наше добросердечие хитрые люди не обратили себе на пользу, а нам во вред. Ибо, по апостольскому слову, бывают и беды «между лжебратиями» (2 Кор. 11, 26). И между апостолами был Иуда-предатель. Если искренне брат брату помогают, будут стоять твердо. Не в еде и питии состоит дружба, такую имеют и разбойники, л человекоубийцы. Но если мы действительно друзья, если поистине друг о друге печемся, во всем друг другу да помогаем, это дружба во благо, она помогает нам не отойти в геенну. **Платон, митрополит Московский (105, 200—203).**

Когда близкие нам по плоти вознамерятся отвлечь нас от следования воле Божией, проявим к ним святую ненависть... Святая ненависть к ближнему заключается в сохранении верности к Богу, в неприятии порочной воли людей **(108, 92).**

Естественная любовь наша повреждена падением, ее нужно умертвить... и почерпнуть из Евангелия святую любовь к ближнему, любовь во Христе **(108, 123).**

Учение Евангелия выражает любовь к ближнему исполнением относительно него всесвятых заповедей Господа; удовлетворение пожеланиям и прихоти человеческой они признают душепагубным человекоугодием и страшатся его так же, как страшатся и избегают самолюбия. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (111, 271).**

«Как хотите, чтобы с вами поступали люди,
так и вы поступайте с ними»

(Лк. 6, 31)

Коренная, **источная** заповедь: любви. Малое слово, а выражает всеобъемлющее дело. Легко **сказать** — **люби**, но не легко достигнуть должной меры любви. Не совсем ясно и то, как ее достигнуть; потому-то Спаситель обставляет эту заповедь другими пояснительными правилами: любви, «как самого себя» (Мф. 22, 39), «как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лк. 6, 31). Тут указывается мера любви, можно сказать, безмерная; ибо есть ли мера любви к самому себе и есть ли добро, которого не пожелал бы себе кто от других? Между тем, однако, это предписание не неисполнимо. Все дело стоит за тем, чтобы войти в совершенное сочувствие с другими, так чтобы их чувства вполне переносить в себя, чувствовать так, как они чувствуют. Когда это будет, нечего и указывать, что в таком случае надо сделать для других: само сердце укажет. Ты только позаботься поддерживать сочувствие, иначе тотчас подойдет эгоизм и возвратит тебя к себе и заключит в себя. Тогда и пальцем не пошевелишь для другого, и смотреть на него не станешь, хоть умри он. Когда Господь сказал: люби «ближнего твоего, как самого себя», Он хотел, чтобы вместо нас, стал в нас, то есть в сердце нашем, ближний. Если же там, по-старому, будет стоять наше «я», то не жди добра. Епископ Феофан Затворник (107, **326—327**).

Не делай того, что печалит ближнего, но будь вежлив в обращении со всяким (25, 212).

Ничто так не приводит душу к спасению и не побуждает ее к трудам, как если найдется среди нас учитель, делами проповедующий добродетель (25, 506).

Нам должно утешать и увещевать друг друга, особенно во время искушений, чтобы действительно избавиться от горького рабства греху и от мучительства диавола (27, 49).

Если заповедано нам полагать душу друг за друга, тем более обязаны мы оказывать друг другу послушание и покорность, чтобы подражать Господу. Преподобный Ефрем Сирин (27, 279).

Совести и закону Божию отвечает правило: чего не хочешь себе, того не твори ближнему. Этого правила держись, христианин, и не погрешай в обхождении с ближним. Что возбраняет оно, то возбраняет совесть и закон Божий. Не хочешь, чтобы кто-нибудь тебя обидел, здоровье и жизнь у тебя отнял, что-нибудь твое у тебя похитил и украл; не хочешь, чтобы тебя обманули в чем-нибудь; не хочешь, чтобы плохую вещь за хорошую, одну за другую, гнилую за здоровую, дешевую за дорогую продали; не хочешь, чтобы кто-нибудь тебя оклеветал, осудил, обругал, обесчестил и **прочее**, — и сам не твори того ближнему. Ты не хочешь всего того для **себя** — не хочет и он. Зло для тебя есть все **это** — зло и для ближнего твоего. Когда ближний твой делает тебе, чего ты себе не хочешь, зло тебе делает, но когда и ты ближнему твоему **делаешь** то, чего он себе не хочет, зло ему делаешь. Если грешаешь против этого правила: чего не хочешь себе и **прочее** — грешаешь и против совести и закона Божия, и так обличаешься совестью и законом Божиим как законопреступник. **Святитель Тихон Задонский (104, 109).**

«Не судите, да не судимы будете»

(Мф. 7, 1)

Умереть для **ближнего** — значит ощущать грехи свои и не помышлять ни о ком другом, хорош ли он или худ. Не делай никому зла и ни о ком не мысли зла в сердце твоём. Не презирай того, кто поступает худо. Не входи в общество с человеком, вредящим своему ближнему, и не радуйся с тем, который делает зло другому. Не укоряй никого, но говори: Бог знает каждого. Не соглашайся с клеветником, не забавляйся его злоречием, но и не питай ненависти к тому, кто поносит ближнего своего. Вот что значит не осуждать, по Писанию: «Не судите, да не судимы будете» (Мф. 7, 1). Не имей вражды ни с кем и не питай вражды в сердце твоём, не ненавидь и того, кто враждует с ближним твоим. В этом-то и состоит мир. Утешай себя тем, что **труд** — кратковремен, а упокоение за него вечно, по благодати Бога Слова. Авва Моисей (82, 314).

Ненависть к лукавству состоит в том, чтобы возненавидеть свой грех и оправдать брата (82, 334).

Когда человек рассматривает, осуждает и укоряет себя, тогда возвышается перед ним достоинство брата его, когда же человек признал достоинства в себе, тогда брат его представляется ему недостойным. Преподобный Пимен Великий (82, 334).

Если ты призываешь правосудие Божие на ближнего, тем самым ты увеличиваешь тяжесть своих грехов. «Если ты **желаешь,—скажет Бог,—**чтобы Я был строгим Судией проступков, сделанных против тебя, то как ты просишь о снисхождении к тому, в чем ты согрешил против Меня?» (45, 661).

Если ты отпустишь ближнему согрешения, то все твои грехи, которые должны будут открыться на Суде, будут истреблены уже здесь, и ты отойдешь отсюда, не неся на себе бремени своих грехов (46,- 616).

Прощая ближним, не будем думать, что мы благодетельствуем им или что проявляем к ним большую милость: мы оказываем благодеяния себе и извлекаем большую пользу. Если же мы не прощаем их, мы не причиняем им особенного вреда, но себе готовим страшное наказание в геенне. Святитель Иоанн Златоуст (46, 977).

Тогда всякий из нас познает, что в нем есть братолюбие и истинная любовь к ближнему, когда увидит, что плачет о согрешениях брата и радуется о его преуспеваниях и дарованиях. Преподобный Иоанн Лествичник (57, 40).

Увидя недостаток ближнего, умилосердись над ближним твоим: это член твой! Нemoщь, которую ты видишь сегодня в нем, завтра может сделаться твоею немощью (108, 412).

Самонадеянность и самомнение всегда соединены с тонким, часто не замечаемым презрением ближних (112, 433).

Если... Господь сподобит положить тебе в основание молитвенного подвига незлобие, любовь, неосуждение ближних, миро-

стивое извинение их, тогда с особенной легкостью и скоростью победишь противников твоих, достигнешь чистой молитвы. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (109, 212).

Об отношении к согрешающему ближнему

Брат спросил авву Пимена: «Если я увижу согрешения брата моего, полезно ли скрыть это согрешение?» Старец сказал ему: «Когда мы прикрываем согрешения **братий**, Бог покрывает наши согрешения, когда же мы обнаружим согрешения брата, тогда и Бог откроет согрешения наши». Преподобный Пимен Великий (82, 337).

Не приклони слуха, чтобы услышать зло о ближнем; будь другом **людей**—и стяжаешь жизнь (82, 25).

Чада мои, нет нечестия, которое было бы выше того нечестия, когда человек наносит скорбь ближнему и возносится над ближним (82, 26).

Если брат придет к тебе и откроет тебе свои помышления, то остерегись, не перескажи кому-либо, но помолись за брата и за себя, чтобы вы оба освободились от влияния греховного. Преподобный Антоний Великий (82, **29—30**).

Избавь брата своего от греха, и тебя избавит Господь в День Гнева. Преподобный Ефрем Сирий (25, 205).

Когда ты увидишь, что брат твой гибнет, не переставай увещевать его. И хотя бы он поносил тебя, хотя бы оскорблял, хотя бы грозил стать врагом твоим или угрожал чем бы то ни было другим, все перенеси мужественно, чтобы достигнуть его спасения. Если он станет врагом тебе, то Бог будет тебе другом и вознаградит в день Последнего Суда великими благами. Великое **добро**—сострадать бедным, но нет другого такого, как освободить от заблуждения, потому что нет ничего равноценного душе, даже мир весь не стоит ее (46, 25).

Когда нужно исправить брата, не отказывайся, хотя бы пришлось пожертвовать жизнью. Владыка наш умер за нас, а ты не хочешь и слова произнести во спасение брата? Какое ты будешь иметь прощение, какое представишь извинение? Как ты дерзнешь предстать перед судилищем Христовым, если равнодушно взирал на гибель души... если видел брата своего, влекомого... диаволом к гибели, и не желал подать даже совета, чтобы отнять его у этого жестокого зверя? (46, 522).

Постараемся иметь попечение о своей душе и любовь друг к Другу. Не будем отторгать от себя свои больные **члены—это** свойственно беснующимся и умалишенным, но чем в худшем найдем их положении, тем большую проявим о них заботу. Хотя бы они страдали неисцелимыми болезнями (души), будем неотступно заботиться об их исцелении и носить тяготы **друг** друга, чтобы исполнить закон Христов и достичь обетованных благ. Святитель Иоанн Златоуст (42, 458).

Пришли некоторые старцы к авве Пимену и сказали ему: «Если мы увидим брата дремлющим в церкви, то велишь ли разбудить его, чтобы он не дремал на бдении?» Он сказал им: «Что касается меня, то я, если увижу брата дремлющим, положу голову его на колени мои и успокою его». **Преподобный Пимен Великий (82, 333).**

Один брат впал в тяжкий грех. Он пришел к авве **Аммоу** и сказал ему: «Я впал в такое-то согрешение и не имею сил для покаяния; оставляю монастырь и иду в мир». Старец **уговорил** брата своего остаться в монастыре, в монашестве, обещая принять на себя труд покаяния в грехе его перед Богом. Взяв на себя грех брата, старец начал приносить покаяние в этом грехе. Только один день он пребывал в покаянии, как последовало откровение от Бога, что грех прощен брату ради любви старца (82, 65).

Два брата, монахи, пришли в соседний город, чтобы продать работу свою за целый год, и остановились в гостинице. После продажи рукоделия один пошел закупить нужное для них, а другой остался в гостинице и по наущению диавола впал в любодеяние. Возвратился брат и сказал: «Мы запаслись всем нужным, можем идти в келлию». Оставшийся брат отвечал ему: «Я не могу возвратиться». Когда же брат стал упрашивать его, тот исповедал ему свой грех. Брат, желая приобрести и спасти душу брата, сказал ему с клятвой: «И я, отлучившись от тебя, подобным образом впал в любодеяние, однако воротимся в келлию и принесем покаяние. Богу все возможно: Он может даровать нам прощение за покаяние и избавить от муки в огне вечном, где уже не будет места покаянию». Они возвратились в келлию свою. Потом пошли к святым отцам, пали к стопам их и, проливая обильные слезы, исповедали им падение, которому подверглись. Святые старцы наставили их на делание покаяния и дали заповеди, которые они исполняли тщательно. Не погрешивший брат приносил покаяние за согрешившего, по великой любви, которую имел к нему. Господь призрел на подвиг любви: открыл святым отцам тайну и возвестил, что за любовь того, кто не согрешил, а поверг себя труду покаяния для спасения брата, даровано прощение и согрешившему. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (82, 446—447).

Одно дело не печалиться и не гневаться при бесчестиях, поношениях, искушениях и **другое** — желать их и благодарить, когда они **случаются**. Одно **дело** — молить Бога о тех, кто причиняет это, **другое** — прощать и **третье** — запечатлеть в уме лицо каждого из них и целовать их бесстрастно, как искренних друзей своих, со слезами чистой любви, так, чтобы на душе не было совершенно никакого знака оскорбления или страсти. Еще больше всего сказанного, когда кто в самое время искушения такое же имеет расположение и к тем, которые поносят его в лицо или клеветают на него, и ко всем другим, кто или осуждает его, или презирает, ставит ни во что, или плюет в лицо, еще и к тем, кто притворяются друзьями, а тайно действуют против него, и это не утаивается от него, но он это знает. Из этого опять высшее и совершеннейшее без сравнения есть, мне кажется, то, если человек совсем забывает искушение, которое претерпел, и никогда не вспоминает тех, кто его опечалил... но относится к ним, как к своим друзьям, без всякого различия... Все это дела и совершенства мужей, ходящих во свете. Те же, кто чувствует, что они далеки от таких порядков и правил жизни, пусть **не** обольщаются и не обманывают себя, но знают достоверно, что они ходят во тьме. **Преподобный Симеон** Новый Богослов (61, 400).

Чтобы кто-либо из вас не подумал, братия, что нам, людям, не по силам подражать Господу в любви к **врагам**—хотя Он «пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его» (1 Пет. 2, 21),— посмотрим на Стефана, сослужителя нашего. Он был подобный нам человек, в беззакониях зачатый и во грехах рожденный, как и мы, тою же ценой крови Спасителя искупленный. Был диаконом, читал святое Евангелие и заповеди о любви к врагам не только познал, но и исполнил. Когда иудеи побивали его камнями, он, «преклонив колена, воскликнул громким голосом: Господи! не вмени им греха сего». Они побивали его камнями, а он молился; они с неистовством преследовали его, а он с кротостью подражал Христу; они ослеплялись злобою, а он созерцал «небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога» (Деян. 7, 55—60).

А чтобы видеть, как действенна молитва святого мученика Стефана, обратимся мыслью к тому юноше, названному Савлом, у ног которого убийцы сложили свои одежды, когда побивали камнями Стефана. Стерегуший одежды убивающих Стефана и одобрявший убийство его, он как бы руками всех убийц побивал мученика. И после этот юноша, «дыша угрозами и убийством на учеников Господа», испросил себе у старейшин иудейских послания, чтобы всех, кого найдет, мужчин и женщин, связанными привести в Иерусалим на истязания и мучения. «Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же сказал: Я Иисус, Которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна» (Деян. 9, 1—5). Давно следовало бы истребить тебя с земли, но Стефан молился за тебя. Тогда павший с злобой встал с верою; пал, как волк, а встал, как агнец; пал гонитель Церкви **Божией**—встал проповедник ее. Скажу яснее: пал сын **погибели**—встал сосуд избранный; пал **Савл**—встал Павел. И если бы святой Стефан не молился таким образом, то Церковь, быть может, не имела бы ныне Павла. Потому Павел встал от земли, что Стефан, преклонявший на земле колена, был услышан. Блаженный **Августин (114, 237)**.

Любовь всех любит, добрых и злых не исключает из своего благоволения и благотворения, в чем она подражает Небесному Отцу, «ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5, 45). Он уподобляется солнцу, которое и освещает, и согревает хулящих и хвалящих его; уподобляется плодовитому дереву, которое и своего хозяина, и чужого питает своими плодами; уподобляется источнику, который и засоряющих, и очищающих его напояет; уподобляется коню, который возит и кормящих его, и бьющих; уподобляется земле, которая и возделывающим ее, и плюющим на нее подает свои плоды. Таков нрав любви. Она не смотрит на лица, не разбирает чина и родства, близости и дальности, приязни и неприязни; не спрашивает, кто этот человек, нуждающийся в плоде его **любви**,— брат или не брат, родственник или не родственник, единоплемянник или иноземец, приятель или неприятель, добрый или злой. Каждому дарует она теплоту свою, кто хочет и требует этого; тот ей и родной, кто беден; там она близко подходит, где нужда. Бедствие и нужда человеческая, как родство ей, и ее к себе привлекает (104, 1009).

Недостойно христианина любить только любящих его; так поступают и язычники, которые не знают Истинного Бога и не приемлют Христа, как говорит Господь: «если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного

делаете? Не так же ли поступают и язычники?» (Мф. 5, 46—47). Христиане должны превосходить в любви язычников и проявлять совершенство. Поскольку христиане возрождены святым Крещением и обновлены к Вечной и новой святой Жизни, не только друзей, но и врагов своих должны любить. В этом познается истинная христианская душа (104, 1011—1012).

«Невозможно мне любить врагов и творить им добро». Неправда. Возможно было Давиду, который плакал о погибших врагах своих Сауле и Авессаломе. Плач о гибели врагов есть явный признак любви к врагам (2 Цар. 1; и 18, 19, 1—4). Возможно было святому Стефану, который за врагов своих, побивающих его камнями, молился: «Господи! не вмени им греха сего» (Деян. 7, 60). Возможно было и всем святым, значит, возможно и тебе. Ты человек, и они были люди, ты немощен, и они такую же немощь имели (104, 1015).

Вражда и злоба во враге твоём достойна ненависти, как диавольское дело, а сам он, поскольку человек и создание Божие, как и ты, сам того же рода, естества, достоин любви. Устремляйся же на ненависть его, а не на него самого; и гони злобу его, которая, как холод огнем, любовью и благосклонностью изгоняется, и так — или его лучшим сделаешь, или, если и нет, сам будешь лучше (104, 1017—1018).

Кто любит не только друзей, но и врагов, тем показывает, что они есть «чада возлюбленные» Бога (Еф. 5, 1). **Святитель Тихон Задонский (104, 1020).**

«Любите врагов ваших» (Мф. 5, 44). Не думай, слушатель мой, чтобы я повторил слова эти о тех врагах, которые воюют с нашим христианским отечеством и враждуют против нашей благочестивой веры. Говорю я о тех врагах, которых как богопротивных подобает ненавидеть, согласно слову Давида: «Мне ли не возненавидеть ненавидящих Тебя, Господи, и не возгнущаться восстающими на Тебя? Полною ненавистью ненавижу их: враги они мне» (Пс. 138, 21—22). Тех не только нельзя любить, но даже необходимо выступать войной против них, полагая душу свою за христианское царство и за целость Церкви. В одно время вопрос об этом нечестивые предложили святому христианскому философу Константину, нареченному Кириллом. Сарацины сказали: «Если Христос — Бог ваш, то почему вы не делаете так, как Он велит вам? Ведь Он повелевает вам молиться за врагов, делать добро ненавидящим вас, подставлять щеку бьющему; вы же поступаете не так, но делаете совершенно противоположное. Вы острие оружие на тех, которые с вами так поступают, выходите на борьбу и убиваете». Блаженный Константин отвечал: «Если в каком-либо законе будут написаны две заповеди и даны будут для исполнения людям, то какой человек будет истинным законохранителем: тот ли, который совершит одну заповедь, или тот, который обе?» Ему сказали: «Тот лучше, который исполнит обе заповеди». Тогда философ ответил: «Христос Бог наш, повелевший нам молиться за обидящих и благотворить им, сказал нам и следующее: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13). В каждом отдельном случае мы терпим причиняемые нам обиды; вообще же защищаем друг друга, полагая души свои для того, чтобы вы, пленив братьев наших, не пленили бы с телами и души их, склонив их к своим богопротивным делам» (103, 482—483).

Итак, человеку, как уже сказано, свойственно и естественно то, чтобы он не любил своих врагов и стремился к отмщению им.

Поскольку же человеку свойственно не любить врагов, то и любовь к ним будет уже явлением вышеестественным, а все **вышеестественное** — чудесно. Вполне последовательно, что всякий любящий врага **своего** — **чудотворец**, ибо он, побеждая и превосходя свое природное естество, достигает вышеестественной добродетели.

Какие же чудеса совершает такой чудотворец? Посмотрим. Любящий врага своего и творящий ему добро просвещает слепого, слепого не телом, а умом. Слепотой же ума является безумие, подобно тому как слепотой тела является помрачение очей. Ничто так не помрачает наши умные очи безумием, как гнев и ярость. Недаром Екклесиаст увещевает: «Не будь духом твоим поспешен на гнев, потому что гнев гнездится в сердце глупых» (Еккл. 7, 9). Он этим сказал как бы следующее: где видишь гневную ярость, там находится дом безумия. Рассуждая об этом, святой Кассиан говорит: «Муж гневливый делает без разума, ибо свет разума помрачается, если ум смущен гневом». Также и святой Григорий вешает: «Когда гнев наводит на ум тьму смущения, Бог отнимает луч Своего знания, и как ослепший не знает, куда идет, так и имеющий потемненные гневным смущением духовные очи, подобно безумному, не знает, что делает».

Гневливый, видя, что тот, на которого он гневается, не только не гневается взаимно, но даже проявляет особенную любовь и побеждает зло добром, перестает гневаться и стыдится самого себя, познавая свой грех и неповинность другого. Так было между гневливым Саулом и незлобивым Давидом. Желаящий может прочесть об этом в Первой книге Царств, я же приступлю к чуду добродетели.

Если кто имеет какого-либо недруга, гневающегося и напрасно ярящегося на него, он же, любя своего врага и благодетельствуя ему, превращает **его** из недруга в друга и из гневного в любящего, такой просвещает слепого. Он отнимает от умных очей того безумное помрачение и делает его видящим и познающим свой грех, познающим то, что он гневается на неповинного. Итак, любящий врага своего есть чудотворец, просвещающий слепого (103, 484—485).

Любящий врага своего претворяет в тишину волнующееся море, ибо муж гневливый назван [святителем Иоанном] Златоустом морем, возмущенным ветрами. Как волнующееся море выбрасывает на сушу все трупы, находящиеся в нем, так и гневливый в своей ярости выводит наружу, подобно трупам, все тайны друга своего, мечет их перед очами, обличает и бесчестит. Кто утишит такое море? Только тот, кто уничтожит причину волнения. Море не волнуется, если не поднимутся ветры и буря. Утихнет бурный **ветер** — исчезнет и волнение моря. Если гневливый муж, по Златоусту, есть море, возмущаемое ветрами, то этими ветрами, возмущающими море, являются пререкания, ссоры и противления. Прекрати пререкания и ссоры, отстань от противления, отними причину **волнения** — и ты увидишь море, волнение которого утихло. Поскольку же любящий врага своего не прекословит, не ссорится, не противится и этим уничтожает причину волнения таинственного моря своего недуга, то, следовательно, любящий врага своего есть чудотворец, превращающий море в тишину (103, 485—486).

Кроткий и тихий муж, не подающий повода для гнева, не только не зажигает огня вражды, но и зажженный погасит, согласно словам Златоуста: «Нет ничего сильнее кротости». Как вода погашает загоревшийся огонь, так и слово, сказанное с кротостью, погашает душу, горящую гневом, сильное огненной печи. Снисходить же к гневающемуся и ярящемуся и удаляться от очей **его** — это значит как бы разбрасывать горящие дрова далеко одно от другого, чтобы каждое в отдельности **полено** скорее погасло. Поэтому-то апостол и поучает: «Дайте место гневу» (Рим. 12, 19), то есть снисходите, уступите, удалитесь немного от

разгневанного лица. Святой же Василий Великий, спрашивая, что значит: «Дайте место гневу», отвечает: «Не противьтесь злему, или же так: когда преследуют вас в этом городе, бегите в другой».

Также и святой Григорий говорит: «Гневных мы лучше всего исправляем тем, что в момент возмущения их гневом уклоняемся от них». Святой же Амвросий говорит: «Оружие праведного заключается в том, чтобы победить, уступая, подобно тому как искусные в стрельбе имеют обыкновение, убегая, сильнее ранить преследующих их». Поскольку же любящий врага своего гасит яростный огонь его гнева молчаливой кротостью, как водою, и снисходительностью, как разбрасыванием горящего вещества, то, значит, он есть чудотворец, погашающий силу огненную (103, 486).

Любящий врага своего изгоняет беса из человека, ибо всякий гневающийся, враждующий против своего брата и мстительно ярящийся подобен бесноватому и поистине бывает бесноватым. Святой Златоуст вспоминает то, что сам видел своими очами: некто, разгневавшись, чрезмерно разъярился и от той чрезмерной ярости стал бесноватым. Также и древний врач Гален вспоминает, как он своими очами видел еще во время своего детства, что некий человек старался поскорее открыть ключом двери комнаты, но от большой поспешности не мог сделать этого. Долго вертя ключом туда и сюда и не будучи в состоянии открыть, он так распалился гневом, что начал зубами кусать ключ и сильно толкать двери ногами, а потом в бешенстве упал, начал цепенеть и истекать пеной. Видя это, отрок Гален положил себе законом никогда не гневаться и не яриться. Подобное этому вспоминает венгерский летописец в 1690 году. Князь венгерский, по имени Матфей Корвий, в праздник Входа Господа в Иерусалим повелел принести на трапезу ему свежих фиников, доставленных из Италии. Когда же их не оказалось, ибо домашние слуги тайком съели их, то он распалился такой яростью, что тотчас постигла его апоплексия; он упал на землю, как бесноватый, и умер, издавая страшные крики. Слышите ли, до чего доводит человека гневная ярость? До смертельного беснования. Прекрасно сказал Елифаз, друг Иова: «глуша убивает гневливость» (Иов 5, 2). Поистине, гневный человек подобен бесноватому: он бывает страшен взором, изменяется очами, опускает лицом, кричит ужасным голосом, сам кусает свои губы или пальцы, скрежещет зубами; все домашние боятся его, как бесноватого, убегают от него и скрываются. Кто и чем может изгнать этого беса гнева?

Поскольку же любящий врага своего подчиняется ему незлобием и смиренной кротостью и, соглашаясь с ним, как струна, настраивающаяся под другую струну, издает сладкую музыку смиренных слов, считая себя таким же грешником, каким считает его и недруг, он таким смирением разрушает гнев врага, говоря: «Я виноват», и таким образом отгоняет от него гневную ярость. А это и значит, что любящий врага своего есть чудотворец, изгоняющий из человека беса злобы (103, 488—489).

Спросим еще святого апостола Павла, каким ему кажется тот каменный хлеб, любовь к врагам? В своей апостольской книге он говорит о себе так: «От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали» (2 Кор. 11, 24—25). Поистине, жесток этот хлеб, неприятны палки и камни. Что же ты, святой Павел, говоришь под теми палками, под теми камнями? — «Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом (не боюсь, святой апостол! Мы поверим тебе и без божбы), что великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему...» Как же не скорбеть? Ведь бьют палками, побивают камнями. — Нет, говорит, не о том скорблю и страдаю, что я побиваем камнями. — Так о чем же? — О тех самых, которые бьют меня. Я скорблю о том, что они лишаются своего спасения, что они идут в ад, а я хотел бы сам за них пойти в ад, лишь бы только они спаслись: «Я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти, то есть Израильтян» (Рим. 9, 1—4). Внемлем словам Павловым, внемлем его высшей любви к своим врагам: он не ужасается быть отлученным от Христа и пойти в ад, лишь бы преследующие и бьющие его израильтяне не погибли!

Немного возвысил свой голос на святого апостола Павла за эти слова святой Иоанн Златоуст: «О Павел! Неужели ты молишься о том, чтобы быть отлученным от Христа любимого, с которым не разлучили тебя ни царство, ни геенна, ни видимое, ни умопостигаемое, ни иное что-либо такое? Что с тобой случилось? Не пал ли ты? Не погубил ли прежнюю **любовь?**»—И снова Златоуст от лица Павла отвечает себе: «Нет, говорит, не бойся: я не только не погубил моей прежней любви ко Христу, но еще сильнее проявил ее» (103, 493—494).

Когда Давид уходил от Авессалома, то некий простой мужик из Иерусалима, по имени Семей, нарочно зашел вперед и начал в лицо бранить его досадными словами: «Уходи, уходи, убийца и беззаконник!» и кроме того, еще и камни бросал в него. Не малая горечь и в том, чтобы царю израильскому терпеть такие оскорбления от простого мужика, но Давид говорит: **это**—чаша спасения, если я выпью ее, то спасусь: приму же ее и выпью. Пьет Давид, смотрит на дно чаши, на последние времена, и видит духом грядущее, как настоящее: видит Христа, Спасителя нашего, пригвожденного ко Кресту: **напоемого** уксусом и желчью, проходящие же злословят его, насмеваются над Ним: «Разрушающий храм и в три дня Созидающий! спаси себя Самого» (Мф. 27, 40). Видя это, Давид говорит: **это**—Господь мой, которому предстоит пострадать за спасение всего мира; выпью же и я во имя Его чашу страданий моих: «Чашу спасения приму и имя Господне призову» (Пс. 115, 4).

Некто из слуг Давидовых, видя такое бесчестие, творимое Семеем царю, сказал: «зачем злословит этот мертвый пес господина моего царя? пойду я и сниму с него голову». Но Давид запретил: «оставьте его, пусть он злословит» (2 Цар. 16, 5—13), выражая этим как бы следующее: не мешай мне испить чашу спасения; как я начал ее, так пусть и кончу, опустошу ее во имя Господне до дна.

Мы же обратим внимание на то, что Давид, будучи мирянином, а не иноком, царем, а не простолюдином, испивал чашу терпения, чашу досад, чашу поруганий, чашу гонений, чашу бедствий и скорбей, чашу, поистине приносящую спасение, как свидетельствует и Евангелие: «претерпевший же до конца спасется» (Мф. 24, 13) (103, 497).

Некогда пророк **Исаия** увидел «Господа, сидящего на Престоле высоком и превознесенном», и Серафимов вокруг Него и услышал, как Он говорил: «кого Мне послать? и кто пойдет для Нас?» (к израильянам). Дерзнул святой **Исаия** и сказал: «вот я, пошли меня. И сказал Он: пойдй и скажи этому народу: слухом **услышите**—и не узрете» и прочее (Ис. 6, 1, 8—9). Пошел святой **Исаия**, посланный Богом к людям израильским. Смотрю на него и вижу, что он в руке своей несет чашу с каким-то питьем. Мне кажется, что это Бог пожаловал людям израильским и послал им от трапезы Своей чашу прекрасного питья в знак милости Своей. Пришел **Исаия** с той чашей сначала в страну Завулонскую и Неффалимскую (Ис. 9, 1) и воззвал: «...**прежде** испей, страна Завулонская и Неффалимская».

Но вот я вижу самую ужасную полынную горечь, ибо пишется так: «И **вот**—горе и мрак, густая тьма» (Ис. 8, 22). Это прежде скоро испей, страна Завулонская и земля Неффалимская! Благодарю тебя, святой пророк, за то, что ты жалуешь; ты велишь пить «горе и мрак, густую тьму». Какова же сила этого питья? В чем тайна этих слов? Посмотрим на дно и внемлем тому, что после этого говорит пророк: «Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий; на живущих в стране тени смертной свет воссияет. Ты умножишь народ, увеличишь радость его. Он будет веселиться пред Тобою, как веселятся во время жатвы, как радуются при разделе добычи» (Ис. 9, 2—3). Посмотрим на силу горького полынного **питья**. Будете пить, говорит, тьму, а увидите свет; будете пить печаль, а найдете веселие; будете пить беду, а получите радость; будете пить тесноту, а окажетесь в просторе; будете пить горечь, а наполнитесь сладостью; со слезами посете, но с радостью пожнете плоды рук своих.

Нет времени истолковать исторически эти пророческие слова, духовно же они вкратце изъясняются так: чаша бедствий и скорбей, которую **Божийм** попущением наполняют нам недруги наши и велят ее пить, горька, но если мы выпьем ее ради любви к Богу, терпеливо и любя врагов наших, то она превратится для нас в вечную сладость и принесет

душам нашим вечное здравие. Итак, будем любить врагов наших и терпеть от них. **Святитель Димитрий Ростовский (103, 497—498).**

«Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5, 44). Без любви никого нет на свете: любят родителей и родных, любят благодетелей и покровителей. Но чувство любви к родителям, родным, покровителям и благодетелям естественно и строится само собою в сердце, оттого и цены ей не дает Господь. Настоящая же христианская любовь проверяется отношением к недругам. Не только какая-нибудь легкая и случайная неприятность не должна погашать нашей любви к другим, но даже напасть и гонение, бедствия и лишения, причиняемые намеренной враждебностью. Мы должны не только благословлять этих людей, но еще благотворить им и молиться за них. Присмотрись, есть ли в тебе такое расположение к недругам твоим, и по тому суди, есть ли в тебе христианская любовь, без которой нет спасения? **Епископ Феофан Затворник (107, 162).**

Служение ближнему

Если затрудняется делом брат ваш, разделите с ним труд, чтобы сподобиться вам в день Суда услышать от Господа: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25, 40) **(25, 153).**

Служащий (ближнему) должен служить как Господу, от Которого получит награду **(25, 210).**

Крепкий пусть помогает немощному, **усердный** — утешает малодушного, **трезвенный** — пробуждает объятаго сном, **постоянный** — подает совет непостоянному, **воздержанный** — вразумляет беспечного **(25, 123).**

Изреки слово утешения душе нерадивой, и Господь подкрепит сердце твое **(25, 183).**

Оказывай честь брату перед знакомыми его, и будешь почтен перед Господом. **Преподобный Ефрем Сирий (25, 179).**

Ты, обогащенный Божеством, не отталкивай от себя нуждающихся **(14, 147).**

Приходил нуждающийся и ушел, ничего не получив. Боюсь, Христос, чтобы и мне, нуждающемуся в Твоей помощи, по моим же законам не отойти от Тебя, ничего не получив. Ибо кто не дал, тот и получить не надейся **(15, 205).**

Любить человека — значит воздавать честь Создателю; служить нищему — значит воздавать честь Обнищавшему ради нас. **Святитель Григорий Богослов (15, 342).**

Бог создал человека не для того, чтобы он приносил пользу только себе, но и многим другим **(35, 81).**

Кто оказывает милость ближнему, тот найдет милость у Господа, но «суд без милости не оказавшему милости» (Иак. 2, 13) **(35, 213).**

Не верю я, что может спастись тот, кто ничего не делает для спасения ближнего **(35, 447).**

Нет такого другого свидетельства и признака веры и любви ко Христу, как попечение о братьях и забота об их спасении (35, 551).

Если кто желает угодить Богу, пусть... ищет общей пользы, пусть заботится о своих братьях. Нет подвига драгоценнее этого перед Богом (35, 550).

Если мы не только о себе будем заботиться, но станем приносить пользу ближнему и направлять его на путь истины, это послужит нашему спасению (38, 19).

Если ты не хочешь быть оставленным без внимания при падении, то и сам не пренебрегай, но оказывай всякую любовь и почитай за величайшее благо возможность спасти брата (38, 482).

Поспеш на добрые **дела — ведь** иначе и спастись невозможно (38, 525).

Кто показал начало доброго пути (ближнему), тот становится виновником и того, что делают другие, и потому получает двойную награду: и за то, что сам делает, и за то, что других привел к лучшему образу мыслей (38, 597).

Мы должны заботиться не только о своем спасении, но и о спасении ближних, иначе и сами не спасемся. Воин, который во время сражения старается только спасти самого себя бегством, вместе с собою губит и других; напротив, мужественный, сражаясь для защиты других, вместе с другими спасает и себя самого. А так как наша жизнь (христианская) есть тоже (духовная) война, и притом жесточайшая из всех войн... то будем вступать в сражение так, как повелел Царь наш Иисус Христос, с готовностью поражать, убивать и проливать кровь (невидимых) врагов наших, заботясь о спасении всех, укрепляя стоящих и поднимая падших. Многие из наших **братий** ранены в этом сражении, истекают кровью, и нет человека, который бы помог им: ни народ, ни священники, ни покровитель, ни друг, ни брат не заботятся о них, но каждый печется о самом себе. Этим мы и унижаем достоинство своих подвигов, потому что величайшее дерзновение перед Богом и похвала принадлежит только тому, кто (подобно Богу) печется не о своей пользе. Оттого-то мы бываем слабы, и нас легко побеждают как люди, так и диавол, что ищем только своего и не укрепляем, не ограждаем друг друга любовью о Боге (41, 613).

Человеколюбие укрепляет душу и делает ее непобедимой и неуловимой для диавола (41, 658).

Как многие из предстоящих здесь, в храме, желали бы жить в то время, когда Христос во плоти пребывал на земле, чтобы быть под одним с Ним кровом и разделять с Ним трапезу. И теперь это возможно, мы можем приглашать Его и вечерять с Ним, даже с большей пользой. Оденем нагого, примем странника, накормим алчущего, напоим жаждающего, посетим больного (42, 383).

Не проходи мимо бедняка с протянутой рукой, хотя бы во имя того, что эту руку протягивает в его лице Сам Господь (42, 898).

Ты принял Меня, говорит Он, в жилище свое, Я приму тебя в Царство Отца Моего. Ты избавил Меня от голода, Я избавлю тебя от грехов. Ты воззрел на Меня, связанного, Я развяжу тебя. Ты

приютил Меня, странника, Я сделаю тебя гражданином Неба. Ты подал Мне хлеба, Я дам тебе все Царство в наследие и обладание. Ты сделал для Меня тайно, Я воздам явно. Сделанное тобою Я считаю милостью, а **Мое — долгом**. Ты воззрел на Меня, связанного, и сам не увидишь огня **гееннского**. Ты посетил Меня, больного, и сам не испытаешь мытарств и наказаний». О, поистине благословенны руки, совершающие такие благодеяния, удостоившиеся послужить Христу. Легко пройдут через огонь ноги, ходившие в темницы ради Христа, • и не испытывают тяжести уз греха. Ты был с Ним в темнице и будешь с Ним царствовать (43, 396).

Бог предал за тебя Сына, а ты не даешь и хлеба Ему, за тебя преданному, за тебя убиенному (43, 687).

Все, что бы ты ни делал для брата, восходит к Владыке Твоему, и Он, как бы Сам получив от тебя благодеяния, вознаграждает тебя за это (43, 762).

Ничем ты не можешь столь подражать Христу, как попечением о ближних. Постишься ли ты, спишь ли на голой земле, изнуряешь ли **себя**, — если ты не печешься о ближних, то не делаешь ничего важного и еще далеко отстоишь от Образа (44, 247).

Если не имеешь ревностного попечения о брате, то вспомни, что иначе ты спастись не можешь, и позаботься о нем и о делах его, по крайней мере, для себя (44, 249).

Невозможно тебе спастись, если ты упражняешься в высшем любомудрии, но не заботишься о других, погибающих; ты не будешь иметь никакого дерзновения перед Богом (44, 250).

(Но) долг человеколюбия требует не во всем угождать больным и не потворствовать неразумным их желаниям (44, 603).

Кто любит, как должно, ближнего, тот не откажется служить ему покорнее всякого раба (44, 802).

Милостью мы избавимся от огня гееннского. В противном случае, за нто умиласердится и помилует нас Бог? (45, 227).

Как для нас пострадал Бог, так и мы должны страдать для людей (45, 789).

То, что мы хотим получить от Бога, мы должны прежде дать ближнему. А если мы лишаем этого ближнего, то как хотим получить то же от Бога? (45, 902).

Уподобиться Богу мы можем, если будем любить всех, даже врагов, а не тем, что будем совершать знамения (46, 37).

Если будешь любить подобного себе, то приобретешь много, потому что сделаешься подобным Богу. Видишь, не ему ты благодетельствуешь, а самому себе. Награда уготована не ему, а тебе. Но что если он порочен? Тем большая готовится тебе награда ...и самый этот повод к нелюбви, его порочность, должны быть побуждением к любви (46, 167).

Мы должны так заботиться друг о друге, как заботимся о себе самих, и щадить ближних так же, как и нас Бог (46, 622).

Хотя бы нуждающийся был человек и ничтожный, презренный, отверженный, Христос вменяет тебе твой дар так, как будто Сам получил дар через него (46, 670).

О, если бы мне возможно было подвизаться за вас, а вам получать награды за **подвиги**,— никогда бы я на это не обижался! **Святитель Иоанн Златоуст (46, 716).**

«Больший из вас да будет вам слуга» (Мф. 23, 11). Большинство измеряется, по слову Господа, не родом, не властью, не мерою способностей, а умением делать добро другим. Кто неутомимее и обширнее действует на благо людям, тот и больший. В семье старший принимает на себя заботу обо всем семействе и в том видит свои честь и преимущество, чтобы всех успокоить, сделать так, чтобы всем было хорошо. Так и в христианском **обществе—желающий** быть наибольшим должен принять на себя полное попечение о христианском удобстве всех в том круге, в котором находится, и в том роде деятельности, какую он себе избрал. Лучше же брось всякую мысль о большинстве, а прими сердечную заботу о том, чтобы насколько возможно более послужить благу окружающих тебя, и будешь большим перед очами Божиими, а может быть, и в сознании людей. Когда бы все наибольшие сделали этот закон Христов законом своей совести, какое бы тотчас настало благоденствие и довольство среди нас! Но в **тсм** и горе, что старшинство у нас скоро обращается в служение себе и своим интересам и почти всегда сопровождается требованием услуг себе, вместо служения другим; совесть же успокаивается исправностью официальных дел. Оттого много наибольших, а благо не возрастает среди нас, и все добрые начинания не приносят того добра, какое от них ожидается (**116, 67—68**).

Господь взирал не на собственную высоту, но на пользу людей и, уничив Себя, соблаговолил принять образ раба. Так и каждому из нас Он повелел взирать не на собственную выгоду, но иметь в виду пользу ближних... это снисхождение возводит на высоту почести (**51, 386**).

Того преимущественно считай ближним, кто нуждается в тебе, и без зова, сам иди к нему на помощь. **Преподобный Исидор Пелусиот (52, 29).**

Кто простирает руку на помощь ближнему, тот в помощь себе приемлет Божию мышцу (**55, 396**).

Кто защищает ближнего, тот поборником себе обретает Бога. **Преподобный Исаак Сирин (55, 396).**

Христос по Воскресении Своем вопрошал апостола Петра: «Симон **Ионин!** любишь ли ты **Меня?**»—и святой Петр отвечал: «Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя». Тогда Христос сказал ему: «Паси овец Моих» (Ин. 21, 16). Будто бы так сказал Господь: «Симон! если любишь Меня, паси овец Моих». От этого видно, как высоко ценит наше спасение Господь Иисус. А тем учит, что кто хочет любить Его, тот должен заботиться не только о своем, но и о спасении ближнего. Потому апостол с сожалением говорит: «Все ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу» (Флп. 2, 21). Из этого можно заключить, как тяжело согрешают против Христа пастыри, которые не овец Христовых, но только

себя пасут, за что подлежат Страшному Суду Божию, как говорит Господь: «Вот, **Я** —на пастырей, и взыщу овец Моих от руки их» (Иез. 34, 10) (104, 980).

Видишь, что все созданное всем равно служит. Солнце, луна, звезды всех равно освещают; воздух всем равно сохраняет жизнь; земля всех равно содержит и питает; вода всех равно содержит и **наполяет** —всех, повторяю, равно, то есть богатого и нищего, славного и неславного, господина и раба. Это учит нас, что и блага наши, данные нам от Бога, должны стать общими для нас и ближних наших. Хлеб наш, одежда наша, разум наш, дома **наши** —должны стать общими для ближних наших.

Видишь еще, что каждое создание другому, высшие стихии низшим помогают. Солнце воздух и землю освещает и согревает; облака воздух и землю орошают; воздух для дыхания животных служит; земля подают пищу нам и скотам нашим. Все это учит нас, что тем более мы, как разумное творение, должны друг другу помогать: **богатый** —нищему; **разумный** —неразумному; **здоровый** —немошному; **свободный** —заключенному; **сильный** —обижаемому; **властный** —беззащитному и прочее. Поэтому такие слова: «Что мне за дело до него?» —из пределов христианских должны быть изгнаны (104, 107—108).

Такова истинная **любовь** —любить без всякой корысти и делать добро без надежды на воздаяние. **Святитель Тихон Задонский** (104, 988).

«Кто затыкает ухо свое от вопля бедного, тот и сам будет **вопить** —и не будет услышан» (Притч. 21, 13). А мы часто дивимся, отчего Бог не слушает молитв наших? Вот и причина! Оттого, что бывали, верно, случаи, когда мы затыкали уши свои от слов, которыми умоляли нас нуждающиеся, вот и нас не слышит Господь. Но это еще не велико горе, если не слышится молитва о чем-либо временном, а вот горе, если не станет Господь слушать нас, когда начнем молиться Ему об отпущении грехов наших. А не станет, если вопль к Нему тех, которые презрены нами, сильнее молитв наших. Надо поспешить отвратить эту крайнюю беду, по примеру Закхея, которому за его мудрое решение сказал Господь: «Ныне пришло спасение дому сему» (Лк. 19, 9). **Епископ Феофан Затворник** (107, 88—89).

Если будешь сострадать ближним, то получишь помощь, если же удержишь себя от сострадания, желая взойти в то, что выше твоей меры, то знай, что потеряешь и то, что имеешь. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 67—68).

Авва Агафон шел в город для продажи скромного рукоделия и на дороге увидел лежащего прокаженного. Прокаженный спросил его: «Куда идешь?» «Иду в город, —отвечал авва Агафон, —продать мое рукоделие». Прокаженный сказал: «Окажи любовь, снеси и меня туда». Старец поднял его и на плечах отнес в город. Прокаженный сказал ему: «Положи меня там, где будешь продавать рукоделие». Старец сделал так. Когда он продал одну вещь из рукоделия, прокаженный спросил его: «За сколько ты продал это?» «За **столько-то**, —отвечал старец. Прокаженный попросил: «Купи мне хлеба». Когда старец продал другую вещь, прокаженный спросил его: «А это за сколько продал?» «За столько-то, —отвечал старец. «Купи мне еще хлеба», сказал прокаженный. Старец купил. Когда авва распродал все рукоделие и хотел уйти, прокаженный сказал ему: «Окажи любовь, отнеси меня туда, где взял». Старец исполнил это. Тогда прокаженный сказал: «Благословен ты, Агафон, от Господа на Небеси и на земли». Авва оглянулся на **прокаженного** —и не увидел никого: это был Ангел Господень, пришедший испытать старца (82, 57).

Один из старцев Скита послал ученика своего в Египет привести верблюда, чтобы отвезти в Египет сделанные им корзины. Когда ученик вел верблюда, другой старец, встретившись с ним, сказал: «Если бы я знал, брат, что ты идешь в Египет, я попросил бы тебя привести и для меня другого верблюда». Брат передал это своему старцу. Тот, движимый великой любовью, сказал ученику: «Пойди, сын мой, отведи верблюда к нему и скажи: «Мы еще не готовы, исполни нужду твою». Ты же пойди с этим верблюдом в Египет и снова приведи к нам его, чтобы отвезти и наши корзины». Брат поступил так, как было приказано ему: пошел к другому старцу и сказал: «Отец мой говорит: так как мы еще не готовы, возьми верблюда и исполни твою нужду». Старец навьючил верблюда и пошел в Египет. Там, когда он снял с верблюда поклажу, брат взял верблюда, чтобы опять отвести его в Скит. Отправляясь в путь, он сказал старцу: «Молись обо мне». Старец спросил его, куда идет он? «Иду в Скит», — отвечал брат, — чтобы привести сюда и наши корзины». Старец, услышав это, пришел в умиление, пожалел о случившемся и сказал со слезами: «Простите меня, дорогие! любовь ваша похитила плод у меня» (82, 468).

Брат спросил старца: «Если брат должен мне немного денег, то позволишь ли мне попросить их у него?» Старец ответил: «Скажи ему однажды со смирением». — «Если я скажу ему однажды и он ничего не даст мне, тогда что мне делать?» — «Более одного раза не проси». — «А что же мне делать, если я не могу победить помышлений моих, понуждающих беспокоить брата о возвращении денег?» — «Представь помышления твоим досаждать тебе, но ты никак не опечаль брата твоего, потому что ты — монах» (82, 470).

Брат посетил старца и, уходя от него, сказал ему: «Авва! прости меня: я помешал тебе совершать правило». Старец отвечал: «Мое правило — принять тебя по заповеди странноприимства и отпустить с миром» (82, 506).

Однажды два брата пришли к старцу. Старец этот не имел обычая употреблять пищу ежедневно. Увидев братьев, он принял их с радостью и сказал себе: «Пост имеет свою награду. Но употребляющий пищу ради любви совершает две добродетели: отсекает свою волю и исполняет заповедь странноприимства» (82, 506).

Был в Египте старец, живший в пустынном месте. Вдали от него жил другой старец — манихей, которого принадлежавшие к его секте называли пресвитером. Манихей отправился к другому манихею, но его застала ночь в том месте, где жил православный и святой муж. Манихей хотел постучаться в дверь его кельи и попроситься на ночлег, но боялся, что старец его не примет, потому что знает о ереси его. Но нужда заставила постучаться. Старец отворил дверь, узнал его, принял радостно, угостил и уложил спать. Манихей, улегшись, размышлял о приеме и удивлялся, говоря самому себе: «Поистине, он раб Божий». Он остался жить при старце и вскоре стал православным (82, 506—508).

Однажды братия в присутствии аввы Иосифа начали разговор о любви. Старец сказал: «Мы не знаем, что такое любовь. Вот образец любви: у аввы Агафона был нож, необходимый ему для рукоделия. Пришел к нему брат и, увидев нож, похвалил его. Авва Агафон немедленно начал упрашивать брата, чтобы он принял нож в подарок, и не дал брату выйти из кельи, пока не уговорил его» (82, 56).

Поведали об авве Агафоне, что он, отправляясь однажды в город для продажи своего рукоделия, нашел там больного странника, лежащего на улице. Старец остался при нем. На деньги, полученные за рукоделие, он нанял хижину, оставшиеся деньги употреблял на нужды больного. Так он провел четыре месяца до выздоровления странника и только тогда возвратился в свое место. Отечник (82, 56).

Авва Петр рассказывал о святом Макарии. Пришел он некогда к одному отшельнику и нашел его больным. Макарий спросил, не хочет ли он съест чего-нибудь, хотя в кельи у больного ничего не было. Больной ответил: «Хочу пастилы». Старец не поленился сходить в Александрию за пастилой для больного. Об этом его чудном подвиге никто не знал (79, 144).

Авва Кассиан рассказывал: «Некогда пришли мы, я и святой Герман, в Египет к одному старцу; и когда он принял нас с любовью, мы спросили его: «Почему вы, принимая чужестранных **братий**, нарушаете правило поста, соблюдаемое у нас в Палестине?» Старец отвечал: «Пост всегда со мною, а с вами я не могу быть всегда. Пост хотя и полезен и необходим, однако он в нашей воле. А исполнение дел любви необходимо требуется законом Божиим. В лице вашем принимая Самого Христа, я должен служить вам со всем усердием. А упущение против правила поста могу возместить, когда отпущу вас. Ибо не могут «печалиться сыны чертога брачного, пока с ними **жених**. Но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься» (Мф. 9, 15). **Достопамятные сказания** (79, 23).

Преподобному Григорию Синаиту было назначено служение в поварне. Более трех лет нес он это тяжелое послушание: кто может достойно восхвалить его чрезвычайное смирение? Он всегда думал, что служит не людям, а Ангелам, и место службы своей считал Божиим святилищем и алтарем. **Афонский Патерик** (84, 385).

МИЛОСЕРДИЕ

«Милости хочу, а не жертвы»

(Ос. 6, 6; Мф. 9, 13)

Почему ты удивляешься, что милосердие служит отличительным признаком человечности? Оно есть признак Божества! (41, 542).

Великую и мудрую душу ничто столь не поощряет к добрым делам, как сознание, что этим она уподобляется Богу. Святитель Иоанн Златоуст (45, 264).

Человеческой милостью почти всегда нарушается правосудие, а правосудием устраняется милость. Напротив того, в Божественном законе суд и милость являются в чудном союзе (111, 189).

Чудный союз милости с правдой видим в образе действий Богочеловека; этот образ действия отражается в поведении истинных учеников Христовых (111, 191).

Не может быть милости там, где нет суда и правосудия. Епископ Игнатий (**Брянчанинов**) (111, 193).

Милостыня есть искусство, училище которого находится на Небесах, а **учитель** — Сам Бог (41, 539).

Ничто не может сравниться с этим благом, ничто так не выражает наших человеческих свойств, как милосердие (43, 381).

Милосердие в том, что милует не праведных, а согрешивших (46, 101).

Милостыня есть мать любви, любви, отличающей христиан, превосходящей все знамения, служащей признаком учеников Христовых (45, 88).

Бог не имеет ни в чем нужды и ничего не требует от нас; но, снисходя к нам по Своему неизреченному человеколюбию, позволяет принесение Ему жертв, состоящих особенно в милости ради нашего спасения, чтобы познание Господа служило для человеческой природы училищем благочестия (38, 162).

Милостыня предназначена только для тех, которые не имеют

сил трудами рук своих удовлетворять свои нужды, или для наставников, всецело посвятивших себя делу учения. **Святитель Иоанн Златоуст (45, 763).**

Милосердие проявляется в делах любви

Плод милостыни произрастает обильно. Сей, раздавай и исполни дом добрыми приобретениями. Но ты скажешь: «Я беден». Пусть так, давай, что имеешь: Бог не требует больше возможного. Ты дашь хлеб, другой чашу, иной одежду и таким образом уничтожится несчастье одного. **Святитель Григорий Нисский (23, 401).**

Если ты хочешь почитать Жертву, то принеси (в жертву) душу свою, за которую принесена Жертва: душу свою сделай золотой. Если же она хуже свинца и глины, а ты приносишь золотой сосуд, какая из того польза? Мы требуем в дар Богу ваши души, **ведь** ради душ принимает Бог и прочие дары... Хочешь почитать Тело **Христово** — не испытывай презрения, когда видишь Христа нагим... Сперва напитай Его, алчущего (в лице нуждающегося), и тогда уже употреби остальное на украшение трапезы Его (храма)... Итак, украшая дом Божий, не презирай скорбящего брата: этот храм превосходнее первого. Те украшения могут похитить... а что сделаешь для брата, алчущего, бездомного и нагого, того и сам диавол не может похитить: оно сберегается в **неприступном** хранилище (41, 522).

Укрась и язык кротостью и смирением, сделай его достойным призываемого тобою Бога, наполни благословением и многою **милостью** — **можно** ведь и словами творить милостыню. **Святитель Иоанн Златоуст (41, 532).**

Милостивый не только дает людям из своего собственного, но и с радостью терпит от других неправду и милует их. **Преподобный Исаак Сирин (55, 278).**

Никто не может сказать: «Я неимущий, мне не из чего подавать милостыню». Ибо если ты не **можешь** давать столько, как богачи, влагавшие дары свои в сокровищницу, то дай две лепты, подобно убогой вдовице, и Бог примет это от тебя лучше, чем дары богатых (Мк. 12, 42; Лк. 21, 2). Если и того не **имеешь** — имеешь силу и можешь служением оказать милость немощному брату. Не можешь и того? Можешь словом утешить брата своего. Итак, окажи ему милосердие словом и услышишь: «Не выше ли доброго деяния слово?» (Сир. 18, 17). Если же и словом не можешь помочь ему, то можешь, когда огорчится на тебя брат твой, оказать ему милость и потерпеть во время его смущения, видя его искушенным от общего врага, и вместо того, чтобы сказать ему слово и тем более смутить его, ты можешь промолчать, этим окажешь ему милость, избавляя его душу от врага. Можешь также, когда согрешит перед тобою брат твой, помиловать его и простить его грех, чтобы и тебе получить прощение от Бога, ибо сказано: «Прощайте, и прощены будете» (Лк. 6, 37). И так ты окажешь душе брата милость, прощая его грех против тебя, ибо Бог дал нам власть прощать друг другу согрешения, случающиеся между нами, если захотим; и, таким образом, не имея, чем оказать милосердие телу, ты помилуешь его душу. А какая милость более той, чтобы помиловать душу? Как душа драгоценнее тела, так милость, оказанная душе, больше милости, оказанной телу. Преподобный авва Дорофей (58, 168).

Проявим дело любви к нашим братьям во Христе (принесем эту превосходную **жертву — милость**, которой жаждет от нас Господь), оказывая ее нуждающимся, обращая на правый путь заблуждающихся, какое бы ни было это заблуждение, какая бы это ни была нужда, заступаясь за обиженных, поддерживая лежащих в немощи, будь то страдающие по причине видимых врагов или болезней или по причине злых духов и страстей бесчестия, посещая заключенных в темнице, а также перенося поступающих против нас и угождая друг другу (в страхе Божиим), хотя бы кто и имел на кого неудовольствия, потому что и Христос угождал нам всеми способами: делами и словами. Всем, чем обладаем, явим любовь друг к другу, чтобы и от Бога получить нам любовь и быть благословенными Им и наследовать обетованное нам от сложения **мира — уготованное** Небесное Вечное Царство. Святитель Григорий **Палама** (65, 55).

Кто такие милостивые? Те ли, которые раздают бедным деньги и кормят их? Нет, не это одно делает милостивым, надо, чтобы при этом было сердечное милосердие. И те милостивы, которые обнищали из любви ко Христу, ради нас обнищавшему, но, вспоминая о бедных, вдовах, сиротах и больных и не имея, что им дать, страдают жалостью о них и плачут, уподобляясь Иову, который говорит о себе: «Не плакал ли я о том, кто был в горе?» (Иов 30, 25). Они, когда что имеют, с искренним радушием помогают нуждающимся, а когда не имеют, дают им убедительные наставления о том, что способствует спасению души, повинуюсь слову того, кто сказал: даром получил, без зависти отдаю (Прем. 7, 13). Таковы истинно милостивые, ублажаемые Господом Иисусом Христом. Такой милостью они, как лестницей, восходят к совершенной душевной чистоте. Преподобный Симеон Новый Богослов (61, 205).

Когда отец твой, или мать, или жена, или сын, или брат по плоти болен, ты ищешь такого человека, кто бы им помог в болезни, так поступай с твоим духовным братом, который немощствует душою. Поищи такого, который бы ему помог, объяви ему болезнь брата твоего. Болезнь объяви, но не клевети на него, с сожалением и любовью к нему, а не с ненавистью и злобой, как многие привыкли делать, чтобы он, узнав немощь его, нашел для этой немощи лекарство. Так приобретешь брата твоего, а если не приобретешь, сам благодатью Божией лучше будешь. **Бог** милостиво приемлет и венчает как дело, так и доброе намерение и усилие. Святитель Тихон Задонский (104, 1034).

Сострадание и любовь к **добру** — истинные побуждения к милости

Иной подает милостыню для того, чтобы благословилося поле его, и Бог благословляет его поле, и он достигает своей цели... Другой подает милостыню за детей своих, и Бог спасает и хранит детей его. Иной подает ее для того, чтобы прославиться, и **Бог** прославляет его. Ибо Бог не отвергает никого, но каждому подает

то, **чего** он желает, если только это не вредит его душе. Но все эти уже получили награду свою, и Бог ничего не должен им, потому что они ничего полезного своей душе не искали у Него и цель, которая была у них в виду, не имела отношения к духовной пользе... Иной же подает милостыню для того, чтобы избавиться от будущего мучения, этот подает ее для пользы души своей... однако и он не таков, как хочет Бог, ибо он еще находится в состоянии раба, а раб не добровольно исполняет волю господина своего, но боясь наказания; также и этот подает милостыню для того, чтобы избавиться от мучений, и Бог избавляет его. Другой подает милостыню для того, чтобы получить награду, этот выше первого, но и он не таков, как хочет Бог, ибо он еще не находится в состоянии сына, но как наемник исполняет волю господина своего, чтобы получить от него плату и прибыль. Также и он подает милостыню для того, чтобы получить и приобрести награду от Бога... Мы же должны подавать милостыню ради самого добра, сострадая друг другу, как своим членам, и так угождать другим, как бы мы сами принимали от них услуги, давать так, как будто мы сами получаем. Вот это и есть разумная милостыня: так мы усыновляемся Богу. Преподобный авва Дорофей (58, 166).

В собственном смысле милостив тот, кто оказывает благодеяние, но не разглашает о бедствиях страждущих. Делаящий добро ради самого добра заслуживает большую награду, чем делаящий это ради награды. А если человек делает это ради награды от Бога, будет поставлен во втором ряду. И если делает ради похвалы, и получит то, ради чего сделал. Но кто не делает должного ни ради самого добра, ни ради Божией награды, ни ради человеческой похвалы, тот, по моему мнению, даже и не человек, а злой демон. Итак, по какой же причине, выслушав божественный глагол, повелевающий: «Не творите милостыни вашей перед людьми» (Мф. 6, 1), ты, не делая ничего сам, обвиняешь делающих из честолюбия? Насколько сохраняющий целомудрие ради славы человеческой выше того, кто не сохраняет его **даже** и ради славы, настолько же делающий по словолюбию лучше вовсе не делающего, потому что первый стыдится людей, а последний не стыдится ни людей, ни Бога. **Преподобный Исаидор Пелусиот (115, 632—633).**

Христос повелел нам давать нуждающимся для того, чтобы нас, живых, сделать мудрыми, чтобы убедить презирать деньги, чтобы научить не уважать земного. Святитель Иоанн Златоуст (45, 152).

Не думай, брат мой, что Бог беден и имеет нужду в нашем достоянии, чтобы питать бедных, и потому повелевает нам быть к ним милостивыми и, сколько есть сил, исполнять эту заповедь. Не так, брат мой, не так. Но человеколюбивый Господь то, что внесено в жизнь нашу диаволом через корысть, на погибель нашу, это самое желает посредством милостыни обратить во спасение нам. Диавол посоветовал нам усвоить себе, считать своей собственностью и для себя хранить то, что Бог создал для общего употребления, чтобы через такую любовь к имению привить нам два греха и сделать нас повинными вечному мучению: первый **грех**—бессердечие и немилосердие, второй **грех**—упование на имущество, а не на Христа. (Во избежание этого)... с радостью мы должны опустошать свои сокровищницы, с таким тщанием набиваемые и с такими опасениями хранимые, в надежде получить истинное упование Христово, в котором Он обещовал воздать за все сторицей. Бог знает, что нами совсем завладела похоть стяжания, и мы одержимы манией богатства. Расстаться с ним и отцепиться от него нам

крайне трудно, поэтому, если случится кому-нибудь потерять его по каким-либо причинам, он не рад бывает и самой жизни. Зная это, Господь и потребовал лечения, соответствующего нашей немощи. Он обещал воздать нам за то, что раздадим бедным, сторицей, чтобы только расположить нас к такому раздаянию и тем прежде всего избавить нас от осуждения за страсть к стяжанию, а потом отучить возлагать надежду на богатство и освободить наши души от его тяжких уз. По освобождении же от них дать нам простор беспрепятственно исполнять заповеди Христовы и служить Ему со страхом и трепетом, не с тем, чтобы сделать Богу какое-либо одолжение, но с тем, чтобы самим от Него получить эту самую милость и **благодарить** — быть Его рабами и **истинно** служить Ему. Преподобный Симеон Новый Богослов (60, 191).

Для **Бога** приятнее видеть, когда ты один динарий даешь бедному только с той целью, чтобы угодить Его Божественному величию, чем когда ты раздал все имущество с другой целью, даже с той, чтобы получить небесные блага, хотя такая цель и добра, и желательна. Преподобный Петр **Дамаскин** (62, 11).

Если ты творишь дело милосердия и перед людьми, но не с тем, чтобы на тебя смотрели, ты не будешь осужден и не потеряешь воздаяния. Но если делаешь это из тщеславия, то потеряешь награду и будешь осужден, хотя бы ты делал то и в клети своей: Бог карает или увенчивает намерение. Блаженный Феофилакт, архиепископ Болгарский (115, 595).

Бог требует не изобилия приношений, но душевного расположения, которое выражается не мерой подаваемого, но усердием подающих (35, 572).

Мы не должны говорить, что Царство Небесное покупается за деньги (милостыню); не за деньги, но за свободное решение, обнаруживающееся через деньги. Деньги, однако, нужны, ты скажешь? Не деньги нужны, а решение (и сострадание). Имея это, ты можешь и за две лепты купить Небо, а без него и за тысячи золотых талантов не купить того, что можешь купить за две лепты (45, 348).

Если же ты раздашь хоть тысячи талантов с гордостью, надменностью, тщеславием, то погубишь **все** — подобно тому, как фарисей, который отдавал десятую часть из своего имущества, но превозносился и надмевался этим, вышел из храма, погубив все (37, 259).

Когда рука подает милостыню бедным, пусть молчат уста, чтобы мы не упускали плода и сладкое не превращали в горькое (40, 356).

Жертвы эти (милостыня) важнее и молитв, и постов, и многих других дел, только были бы приносимы от прибýtка праведного и таких же трудов и чисты от всякого любостыжания, хищения и насилия (42, 89).

Милостыня, зараженная болезнью тщеславия, уже перестает быть милостыней и является хвастовством и жестокосердием (44, 596).

Милостыня состоит не в том только, чтобы давать деньги, но чтобы давать с чувством милосердия. И на зрелищах дают деньги блудницам, но это дело не человеколюбия, а пьяного бесчинства.

Им-то и подобен тот, что подает милостыню из тщеславия. Святитель Иоанн Златоуст (44, 596).

Но слеп милостивый, если не справедлив, то есть он должен давать другому из добытого собственными трудами, а не из добытого ложью, неправдой, ухищрением (55, 278).

Тот милостив, кто в мысли своей не отличается одного от другого, но милует всех. Преподобный Исаак Сирин (55, 306).

Святое слово Божие хвалит и ублажает милостивых и щедрых к убогим: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5, 7). «Блажен, кто помышляет о бедном» (Пс. 40, 1). Дела милости перед всем миром превозносятся праведным Судией Христом и в прочих местах святого Писания (Мф. 25, 33—41). Христианин! если хочешь быть участником этого блаженства, будь милостив и щедр к убогим. Много **имеешь** — много и давай; мало **имеешь** — мало и давай, но давай от усердия. Милостыня судится не по количеству, но по усердию дающего: «доброхотно дающего любит Бог» (2 Кор. 9, 7). Даешь ныне в руки нищих и убогих, но от рук Христовых примешь сторицей. Давай, не бойся: не погибнет данное, ибо верен Обещавший. Святитель Тихон Задонский (104, 1027).

Милостивый, если он истинно милостив, должен прежде помиловать самого себя и приобрести чистоту тела, без которой никто не узрит Бога (110, 165).

Все желающие приступить к подвигу поста и молитвы, все желающие пожать обильные плоды от своего покаяния, услышите слово Божие, услышите завет **Божий** — и отпустите, простите ближним согрешения их перед вами (111, 44—45).

Милость, исходящая из поврежденного человеческого естества, противна правде; милость, изливающаяся из заповедей Евангелия... находится в неразрывном союзе с правдой Божией, служит выражением ее. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (111, 109).

«Кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка, и кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника» (Мф. 10, 41). Этим разрешаются все недоразумения при подаании милостыни. Доброжелательство в отношении к бедным почти всегда если не пресекается, то значительно сокращается вопросами: кто просит и куда пойдет поданное? Господь говорит таковым: в каком смысле примешь ты просящего и поможешь ему, в том и награда тебе будет. Не на просящего смотри, а на свои при этом помышления. Каковы будут эти последние, такова будет и цена твоего дела. Какие же мысли иметь о **бедном** — это определяется словами о том, что милующий нищего взаймы дает Богу, и что сотворили вы одному из них, то сотворили Господу. Итак, принимай всякого нуждающегося, как Господа, и делай для Него, что можешь сделать, с той мыслью, что делаешь для Бога, и получишь воздаяние не только пророка и праведника, но Господа. Епископ Феофан Затворник (107, 213—214).

«Как вы сделали это одному из сих братьев
Моих меньших, то сделали Мне»

(Мф. 25, 40)

Пришел просящий? Вспомни, как ты был убог и как обогатился! Он просит у тебя хлеба, или питья, или, может быть, другой Лазарь лежит у твоих ворот? Устыдись Таинственной Трапезы, к которой ты приступал, Хлеба, которого вкушал, Чаши, которой приобщался, освященной Христовыми страданиями. Припал к тебе странник, не имеющий дома, пришедший издалека? Прими в его лице сделавшегося странником, даже странником между своими, водворившегося в тебе благодатью и привлекшего тебя к горнему жилищу. Будь Закхеем, который вчера был мытарем, а сегодня стал щедрым; все принеси в дар Христову Пришествию, чтобы и тебе оказаться великим, хорошо увидеть Христа, хотя ты мал ростом. Лежит больной и раненый? Устыдись своего здоровья и ран, от которых избавил тебя Христос. Если видишь нагого, одень его из уважения к твоей ризе нетления, то есть ко Христу, потому что «во Христа крестившиеся, во Христа облеклись» (Гал. 3, 27). Если встретишь должника, просящего о снисхождении, раздери всякое рукописание, праведное и неправедное (Ис. 58, 6). Вспомни тысячи талантов, которые простил тебе Христос. Не будь лютым истязателем за меньший долг, и притом для кого?.. Бойся, чтобы не понести тебе наказания за Его человеколюбие, которое дано тебе в образец и которому ты не подражал. **Святитель Григорий Богослов (13, 304).**

Без девства можно видеть Царствие Небесное, а без милостыни нет никакой к этому возможности (41, **494**).

Хоть бы ты был непорочен, хотя бы ты соблюдал девственность, но если не творишь милостыню, будешь вне брачного чертога (41, **783**).

Как дети знатных людей носят на шее украшения и никогда не снимают их в знак благородства, так и нам всегда должно возлагать на себя милостыню, чтоб показать, что мы дети Милосердного. **Святитель Иоанн Златоуст (45, 222).**

В стране Саворской жил некий инок. Христоролюбивый, нишелюбивый и милостивый; молодой по возрасту и зрелый по разуму. Этот инок носил имя Мартирия и проводил святую жизнь. Он имел обычай ходить из своего монастыря в соседний к духовному отцу, чтобы вместе с ним изливать молитвы пред Господом. И вот, когда однажды, по обычаю, Мартирий шел к своему духовнику, он встретил лежащего на пути больного нищего. Нищий намеревался идти туда же, куда шел и Мартирий, но у него не было сил. Мартирий сжалился над ним, разложил на земле свою мантию, положил на нее нищего и понес на плечах. Когда он со своей ношей пришел к монастырю, где жил его духовник, тот встретил **его** и как прозорливец, исполненный Духа Святого, громко воскликнул к бывшим с ним монахам: «Спешите скорее, отворите монастырские ворота! Грядет Мартирий, неся на плечах своих Бога!..» Мартирий же, подойдя к воротам, снял свою ношу и хотел поднять нищего с земли, но оказалось, что на мантии никого нет. И он только увидел образ Господа нашего Иисуса Христа, на его глазах возносившийся на небо. И услышал голос: «Мартирий, ты не презрел Меня на земле, а Я не презрю тебя на Небе! Ныне ты воззрел на меня милостиво, Я тебя помилую навеки!» Когда после этого Мартирий вошел в монастырь, отец

духовный спросил его: «Брат Мартирий, где же тот, которого ты нес на плечах?» Мартирий ответил: «Если бы я знал, отче, кто Он, я бы простерся у ног Его». Весть о чудном видении тотчас же разнеслась по монастырю. Духовник же еще спросил Мартирия: «Тяжело ли тебе было, чадо, нести нищего?» **«Нет»,—** отвечал **Мартирий,—** когда я нес Его, никакой тяжести я не чувствовал, ибо нес Носящего меня и весь мир, Того, Который все содержит словом Своим» (81, 386—387).

Один человек, живший в Царьграде, был чрезвычайно милостив к нищим. Когда он ходил по городским улицам, за ним следовало множество нищих и каждому из них он подавал. Ближайший из друзей этого человека однажды спросил его, почему он так поступает. Тот рассказал: «Когда мне было десять лет, однажды я вошел в церковь. Старец, поучавший народ, говорил, что кто подает нищему, тот влагает в руки Самого Христа свое подаяние. Я не поверил и подумал: «Христос на Небе, одесную Отца, как может Он принимать то, что дают нищим?» Возвратился я домой с такими мыслями и вдруг увидел нищего, над которым был Господь Иисус Христос. Я ужаснулся. И что же затем увидел? Когда один из прохожих подал нищему хлеб, то этот хлеб принял Сам Христос и, взамен его, благословил подавшего. Увидев такое чудо, я уже не сомневался, что дающий нищему дает Самому Христу. И с тех пор раздаю милостыню сколько могу» (81, 66).

Один монах имел две одежды: одну новую, а другую ветхую. Раз пришел к нему нищий и просил у него хоть какое-нибудь рубище. Монах скинул ветхую одежду и отдал ее нищему, а на себя надел новую. Но потом он задумался: «А ведь я не сотворил совершенной любви, отдав нищему ветхую одежду, а себе оставив новую. Не ради ли Христа он просил у меня? Зачем же я Христу дал худшее? Он воротил нищего и, взяв у него старую, отдал новую одежду. Нищий продал одежду в городе, и она, переходя из рук в руки, была куплена наконец одной женщиной. Прошло довольно времени, и вот инок, придя в город, чтобы продать свое рукоделие, увидел, что в его новую ризу одета женщина. Он весьма опечалился от этого и, возвратившись домой, стал плакать: «Недоброе сделал я, отдав ризу; лучше было бы не отдавать ее». Когда, печальный, он заснул, то увидел во сне Иисуса Христа, облеченного в эту ризу. Свет разлился по келлии, Господь коснулся его и сказал: «Узнаешь ли эту одежду?» Он отвечал: «Да, Господи, это моя». И сказал Иисус Христос: «Не печалься и не скорби: ты отдал ее нищему, но принял ее **Я**. Пролог в поучениях (81, 867—868).

Один благочестивый мирянин пришел к авве Пимену. У старца случились и другие братья, желавшие послушать его беседы. Но старец сказал благочестивому мирянину: «Скажи братьям что-нибудь в наставление». Мирянин отказывался... Но старец принудил его, и он начал говорить: «Не умею говорить от Писания, скажу вам притчу. Один человек сказал своему другу: «Я желаю видеть царя, пойдем со мной». Друг отвечал: «Пройду с тобой половину дороги». Сказал он и другому своему другу: «Проводи меня к царю». Он отвечал: «Доведу тебя до царского дворца». Он сказал и третьему другу: «Пойдем со мной к **царю**». — **«Пойдем»,—** отвечал третий друг, — я введу тебя во дворец и представлю тебя царю». Первый друг — это подвижничество, которое наставляет на истинный путь; второй друг — чистота, которая достигает Небес; третий друг — милосердие, которое с дерзновением приводит к самому **Царю** — Богу». Достопамятные **сказания** (79, 211—212).

В Иерусалиме жил человек по имени Созомен. Проходя однажды по городу, он встретил нищего и, сжалившись над ним, снял с него рубище и отдал ему свою одежду. Вскоре после этого, во время жатвы, однажды вечером Созомен задремал и увидел себя в чудном доме, в котором был великий свет. Вокруг дома были сады, наполненные благоуханными растениями, ветви их склонялись до земли, и пели птицы. Подошел к Созомену некто и сказал: «Следуй за мной». Они пришли к прекрасным Палатам, украшенным драгоценными камнями. И вот из этих палат вышли четыре Ангела, блиставшие, как солнце, и каждый из них держал по ковчегу. Ангелы подошли к Созомену и поставили перед ним эти Ковчеги. И муж прекрасный вышел из палат и сказал Ангелам:

«Покажите этому человеку, что принесла ему одежда, которую он отдал нищему». И Ангелы открыли один из золотых ковчегов, разложили драгоценные одежды и спросили: «Господин Созомен, вранятся ли тебе эти одежды?» Он отвечал: «Я не достоин взглянуть и на тень их». И показали ему еще множество разнообразных и драгоценных одежд. И сказали: «Давший нищему сторицей примет и наследует Жизнь Вечную». И сказал ему Повелевавший Ангелами: «Вот что, Созомен, Я приготовил тебе за одну одежду, которой ты одел Меня, увидев нагим! И еще говорю тебе: никогда не жалеи о розданной милостыне и не укоряй нищего, чтобы не лишиться награды». В следующую ночь видение повторилось. И после него Созомен раздал свое имение нищим и, оставив мир, «стал, сказано, черноризцем чудным». Пролог в поучениях (81, 940—941).

Старайся не пристраститься к земному богатству душой, но извлекай из него пользу, не люби его чрезмерно и, как одному из благ, не дивись ему, но употребляй его в служение, как орудие. **Святитель Василий Великий (4, 336).**

Кто не ожидает ничего после настоящей жизни, тот заботится о здешних благах, хотя неразумно, но, по крайней мере, из-за того, что не ожидает ничего лучшего. А ты, христианин, знающий о жизни будущей, о неизреченных благах, какое можешь получить прощение, какое можешь иметь оправдание? Какому не подвергнешься ты справедливому наказанию, если врасплох расточаешь здесь на прах и пепел? (39, 242).

Пошли наперед (на Небо через милостыню) свое имущество и тогда отправляйся сам. Не береги золота, не сохранишь его. **Святитель Иоанн Златоуст (46, 970).**

Земное богатство может быть украдено и отнято сильнейшими, а душевная **добродетель** — стяжание безопасное и неокрадываемое, спасающее и после смерти. Тех, кто так рассуждает, не увлекает призрачный блеск богатства и других утех. **Преподобный Антоний Великий (66, 68).**

Бог твой и Господь любит тебя и всех и милует всех, хочет и от тебя того; и тебе, по примеру Его, должно всех любить, по увещанию апостола: «если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга» (1 Ин. 4, 11) и плод **любви — милость** проявлять ко всем, требующим милости. Бог и Господь твой щедр, подает тебе и всем блага Свои, хочет, чтобы и ты Ему в том подражал: от благ Его, данных тебе Им, уделял требующим, питал алчущих, напоял жаждущих, одевал нагих, странников вводил в дом свой. Твой Бог и Господь твоего и всех спасения хочет и ищет, «хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины» (1 Тим. 2, 4), прояви и ты такой человеколюбивый нрав: последуй благой воле и человеколюбивому желанию Небесного Отца, позаботься о своем и ближнего твоего спасении (104, 1027—1028).

Видишь, христианин, как по благотворению познается христианин — **истинный** и живой член духовного тела Христова, так по неблаготворению, и еще более по совершению зла, узнается лицемерный, гнилой и мертвый или отсеченный член. Члены единого тела чувствуют болезнь и нужду друг друга и потому друг другу помогают. А когда христианин другому не **помогает** —

это знамение того, что он не чувствует его болезни, как не соединенного с собой члена, и потому, не чувствуя, не соболезнует и не помогает ему. Иначе бы не оставил его без помощи в нужде его. Святитель Тихон Задонский (104, 1032—1033).

«Если бы вы знали, что значит: милости хочу, а не жертвы, то не осудили бы невинных» (Мф. 12, 7). Итак, чтобы избавиться от греха осуждения, надо иметь милостивое сердце. Милостивое сердце не осудит не только кающегося нарушения закона, но и очевидного для всех. Вместо суда оно воспримет сожаление и скорее будет готово плакать, нежели укорять. Действительно, грех осуждения есть плод немилостивого сердца, злорадного, находящего утешение в унижении ближнего, в очернении его имени, в поспраии его чести. Дело **это**—дело человекоубийственное, и творится по духу того, кто есть человекоубийца искони. Бывает много и клеветничества, которое из того же источника, ибо диавол потому и диавол, что клеветает и всюду распространяет склонность к клевете. Поспешите возбудить в себе жалость всякий раз, как придет злой позыв к осуждению. С жалостливым же сердцем обратись потом с молитвою к Господу, чтобы Он всех нас помиловал, не того только, кого хотелось осудить, но и нас, и, может быть, больше нас, чем **того**,—и замрет злой позыв. Епископ Феофан Затворник (107, 185—186).

Увидя недостаток ближнего, умилось над ближним твоим: это уд твой! Нemoшь, которую ты видишь сегодня на нем, завтра может сделаться твоею немощью (108, 412).

Кто засмотрится в сердце свое, тот забудет, что на земле находятся грешники, кроме него одного... Глядя в себя... он убеждается, что для спасения его единое **средство**—**милость** Божия, что он раб неключимый... Нуждаясь сам в милости, он обильно изливает ее на ближних, имеет для них одну милость (108, 412).

Божественная правда явилась человечеству в Божественном милосердии и повелела нам уподобиться Богу совершенным милосердием, а не какой другой добродетелью (108, 522).

Господь заповедует превратить земное имение в **Небесное**—милостыней, чтобы сокровище человека находилось на Небе и влекло его к Небу (110, 172).

Оставление ближним согрешений их перед нами, их долгов есть собственная наша нужда: не исполнив этого, мы никогда не стяжем состояния, способного принять Искупление (111, 246).

Вера заключается в том, чтобы пребывать в смирении и творить милость. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 277).

Милосердного любит Бог

Милосердного и человеколюбивого Бог принимает и любит, и если это будет **праведник**—**сплетает** ему светлейшие венцы, а если **грешник**—**прощает** ему грехи в награду за сострадание к подобному себе рабу. Святитель Иоанн Златоуст (37, 408).

Бог близок к каждому из нас, когда добрые дела приближают нас к Нему, и далек от нас, когда, приближаясь к гибели, мы сами **удаляем** себя от Него (5, 314).

Господь сказал: «Подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда все будет у вас чисто» (Лк. 11, 41). Неужели сколько бы кто ни грешил, все очищается милостыней? Сама

связь с предыдущими словами объясняет сказанное. Прежде Он сказал: «Внешность чаши и блюда очищаете, а внутренность ваша исполнена хищения и лукавства» (Лк. II, 39) и потом добавил: «Поддавайте лучше милостыню... тогда все будет у вас чисто», то есть все то, в чем грешим и лукавим, грабя и лихоимствуя. Это же выражает и Закхей словами: «Половину имущества моего я отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо» (Лк. 19, 8). Потому все подобные грехи, которые могут быть заглажены и за которые можно воздать чем-либо в несколько раз большим, очищаются этим способом. Этот способ не сам по себе достаточен к очищению, но предварительно имеет нужду в Божием милосердии и в Крови Христовой, которою «имеем искупление» (Еф. 1, 7) и от всех других грехов, творя за всякий грех «достойные плоды покаяния» (Лк. 3, 8). **Святитель Василий Великий (116, 136).**

Очистив себя милосердием, отрем этим прекрасным платом нечистоту душевную и **убелимся**—одни, как волна, другие, как снег (Ис. 1, 18), по мере нашего добросердечия. **Святитель Григорий Богослов (12, 43).**

Если нам надлежит взойти в горнее, то обнищаем... Способ указывает псалом: «Он расточил, роздал нищим; правда его пребывает во веки» (Пс. 111, 9). Кто вступил в общение с нищим, тот уподобил себя Обнищавшему ради нас. Господь обнищал, чтобы и ты не убоялся нищеты, но Обнищавший ради нас царствует над всею тварью. Поэтому если и ты обнищаешь (благодетельствуя нуждающимся) с Обнищавшим, то будешь и царствовать вместе с Царствующим (18, 374).

Не все для плоти, поживем несколько и для Бога. Ибо ощущение и услаждение от пищи получает малая часть **плоти**—гортань, а пища, перегнив в желудке, наконец извергается. Милосердие же и **благодетельность**—дела, любезные Богу, и если обитают в человеке, то обожествляют его и уподобляют Всеблагому, чтобы он стал образом Первого и Чистого и всякий ум превосходящего Существа. Какой же конец обещан такой ревности? **Здесь—добрая** надежда и радостное ожидание, а потом, когда, оставив скоропреходящую плоть, облачимся в **нетление**,—блаженная жизнь, не прекращающаяся и не гибнущая, где уготованы некие дивные и ныне не известные наслаждения. **Святитель Григорий Нисский (23, 406).**

Кто собирает в свою сокровищницу молитвы и дела милосердия, тот богатеет в Бога. **Преподобный Ефрем Сирий (25, 161).**

Все, что сделаешь ради Бога, будет сопутствовать и помогать во время нужды. **Преподобный авва Исаия (34, 91).**

Милостыня—это царица добродетелей, весьма скоро возводящая людей к небесным сводам, наилучшая защитница (36, 326).

Великое **дело**—милостыня, возлюби ее: ничего нет равного ей, она может и грехи загладить, и избавить от Суда (36, 328).

Сам Бог повелел подавать милостыню не для того, чтобы только насыщать бедных, но чтобы и подающие получили благодеяние, и даже больше, чем первые (37, 270).

(Истинна) милостыня, когда даешь ее с радостью и думаешь, что сам больше получаешь, чем даешь (37, 271).

Оставив неуместную пытливость, подавайте милостыню всем нуждающимся и делайте это с великой щедростью, чтобы и нам самим удостоиться в день будущего Суда великой милостыни и снисхождения от Бога (37, 276).

Желая избавиться милостыней от болезни душевной и от многих греховных ран, ты должен оказывать ее со всем усердием (37, 284).

В милостыне... ты бросаешь серебро, а получаешь прощение грехов, даешь деньги, а собираешь дерзновение к Богу, доставляешь хлеб и одежду и за это тебе приготовляется Царство Небесное и бесчисленные блага (37, 293).

Подавать деньги могут многие, а чтобы самому служить нуждающемуся и делать это с готовностью, любовью и братской **расположенностью**,— для этого нужна душа высокая, великая и мудрая (37, 346).

Смотри не на достоинство нуждающегося в помощи, а только на нужду, хотя бы он был ничтожен, низок и презрен; Христос вменяет тебе это в награду так, как бы Он Сам через нуждающегося получил благодеяние (37, 347).

Подающий щедрую милостыню и здесь живет с доброй совестью, и когда переселится отсюда, найдет великую милость у Судии и услышит блаженные слова: «Приидите, благословенные Отца Моего» (Мф. 25, 34) (38, 33).

Ничто другое не может так избавить нас от огня гееннского, как щедрая милостыня (38, 336).

Милостыня так плодотворна, что не только очищает грехи, но отгоняет и самую смерть (38, 592).

Нет ничего хуже нечестия, нет ничего несчастнее беззакония против Бога, нет ничего нечестивее хулы на Бога. Но и такое беззаконие может загладить милостыня, если грешник не продолжает своей хулы, но исправляет грех покаянием (39, 711).

Будем же воспламенять в себе любовь к будущим благам, потому что великая слава ожидает праведников, какой невозможно изобразить словом: они, восприняв нетленные тела по Воскресении, прославятся и будут царствовать вместе со Христом (40, **584**).

Если хочешь сделаться равным **апостолам**— **ничто** не препятствует: довольно для тебя истинно исполнить одну **добродетель** — милостыню, чтобы ни в чем не быть скуднее апостолов (41, 487).

Милостыня еще яснее открывается по окончании мира, по смерти человека, сиеят и обнаруживает свои действия... Она делает тебя сильнее мудрецов и ораторов. Люди, знаменитые по своей мудрости и ораторству, имеют у себя много завистников, а за тех, которые прославили себя милосердием, бесчисленное множество людей приносят молитвы (41, 541).

Нуждающиеся— **врачи** наших душ, благодетели и предстатели, потому что ты не столько даешь им, сколько получаешь: даешь серебро, а получаешь Царство Небесное; облегчаешь бедность и примиряешь себя с Богом (42, 779).

Многие получили помощь от милостыни, совершаемой за них другими. Если они **и не** совершенно помилованы, то, по крайней мере, получили некоторое утешение (43, 206).

Не напрасны бывают приношения за умерших, не напрасны молитвы, не напрасны милостыни. Все это установил Дух, желая, чтобы мы помогали друг другу (43, 207).

Милостыня — пища души. И как вино и хлеб служат на пищу и веселие тела, так и милостыня с молитвой является исцелением и радостью для души (43, 960).

Милостыня есть благо и Божий дар, **и** подаяние милостыни уподобляет нас, по возможности, Самому Богу (44, 619).

Милостыня — это великая красота и драгоценность, великий дар и великое благо... Смотри, сколько добра происходит отсюда: подающий милостыню как должно научается презирать деньги, научившийся этому исторг корень зла. Потому-то он делает добро не столько другим, сколько себе, и не только потому, что милостыне принадлежит воздаяние и награда, но потому, что душа делается мудрой и высокой. Приучившись к этому, дающий сделал великий шаг к Небу и уничтожил великие поводы к вражде, зависти, ссоре и печали (45, 222).

Когда ты видишь человека, который творит милостыню и совершает тысячу добрых дел, и таким образом сокрушает силу дьявола, подвергается же затем искушениям и опасностям, не смущайся этим: потому он и подвергается искушениям, что слишком сильный удар наносит дьяволу. **Свяитель Иоанн Златоуст** (46, 640).

Блажен, кто многим делает добро, он на Суде найдет многих защитников. **Преподобный Нил Синайский** (48, 255).

Богатство часто может служить ко благу, по слову апостола, который в настоящем веке заповедует быть щедрыми, общительными, собирающими себе сокровище, которое должно стать добрым основанием для будущего, чтобы достичь истинной жизни (1 Тим. 6, 17—19). И, по Евангелию, оно полезно тем, которые приобретают себе друзей богатством неправедным (то есть вещественным) (Лк. 16, 9). Но то же самое богатство обращается и во зло, если собирается ради него самого или для роскоши, а не употребляется в пользу нуждающимся. **Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (авва Феодор 53, 263).**

Когда внутри **тебя — милость**, тогда изображается в тебе святая красота, которую ты уподобляешься Богу (55, 14).

Ничто не может так приблизить сердце к Богу, как милостыня (55, 286).

Кто милует ближнего, тот Попечителем о себе имеет Бога (55, 295).

Хочешь ли умом своим быть в общении с Богом, приняв в себя ощущение одного наслаждения, не поработленного **чувством?** — Послужи милостыне. **Преподобный Исаак Сирин** (56, 14).

Тело и душу нужно умывать слезами, они тогда появятся на глазах молящегося и постящегося, когда сердце его преисполнит-

ся милости к ближним, сострадания ко всему человечеству без исключения (108, 160).

Милосердие никого не осуждает, любит врагов, полагает душу за друзей, делает человека богоподобным (108, 522).

На Суде Христовом потребуется в оправдание милость, как деятельное выражение любви, и заслужит помилования одна **милость**, как опытное доказательство любви (111, 42).

Покаяние для ожесточенного сердца невозможно; надо, чтобы сердце смягчилось, исполнилось соболезнования и милости к своему бедственному состоянию греховности. Когда объемлется и преисполняется сердце милостью, тогда только оно способно к покаянию... (111, 43).

Свойственно милости рождать веру и **вере** — милость (111, 236).

Таинство Искупления основано на милости. Оно есть явление милости Божией к падшему человечеству и может быть принято единственно расположением души, всецело настроенной милостью к падшему человечеству (111, 245).

Оставление нами согрешений ближним нашим есть признак, что Дух Божий вселился в нас, царствует в нас, управляет, руководит нашей волей. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (111, 246).

Господь Сам сказал: «блаженнее давать, нежели принимать» (Деян. 20, 35). Когда томимому голодом дают пищу или дрожащему от холода теплую одежду, не чувствует ли он себя в то время счастливым? Но Господь уверяет нас, что в то же время блаженнее тот, кто дает. Где можно найти это блаженство? В боголюбивом и человеколюбивом сердце. В чем состоит это блаженство? В чувстве делаемого и сделанного добра, в свидетельстве совести об исполнении в нас воли Божией, в радости о ближнем, нами обрадованном. Человек, сохраняя в **себе** —хоть не в **совершенстве**—образ Всеблагого Бога, по которому сотворен, радуется обо всем добром даже когда только слышит о нем, поэтому естественно блаженствовать ему, когда сам делает добро. Сверх этого внутреннего блаженства слово Божие обещает человеку благотворительному еще и благополучие по особенному провидению Божию: «В день бедствия избавит его Господь. Господь сохранит его» (Пс. 40, 2—3). Мы не можем ясно видеть, какими средствами достигает этого Провидение, потому что не можем проследить все пути Его, но что верно и чудесно **достигает**,—это видим на примерах, особенно ясных в Священной истории.

Авраам сражается за бедствующих, бескорыстно избавляет пленников, человеколюбиво принимает странников; и Провидение всегда хранит его богатым и сильным, всегда избавляет от опасностей; и он, без сомнения, удостоивается блаженного Божия посещения, по замечанию апостола, именно за свое страннолюбие (Евр. 13, 2). Иов, по благотворительности, был оком для слепых, ногой для хромых, **отцом для немощных** (Иов 29, 15—16). И хотя на него самого, после богатства и славы, попущен был лютый день нищеты, лишения детей, болезни, оскорбления, унижения, но Господь, избавив его, благословил «последние дни Иова более, нежели прежние» (Иов 42, 12), «и дал Господь Иову вдвое больше того, что он имел прежде» (Иов 42, 10).

Товит «делал много благодеяний братьям» (Тов. 1, 3)—дает хлеба алчущим и одяние нагим, погребает бедственно умерших (Тов. 1, 17)—и за это от врагов своего народа подвергается разграблению имущества и опасности для жизни. Освободившись от опасности, дерзает на прежний подвиг и, по нечаянному случаю, бывшему следствием этого подвига, лишается зрения и попадает в нищету. Где же обещанное благотворящему словом Божиим избавление в день бедствия? Оно несколько медлит для того, чтобы явиться тем более чудным. Ангел Рафаил ведет сына Товитова, доставляет ему счастливое супружество, богатство, средство

для возвращения отцу зрения и событиями больше, нежели словами, учит Товита, Едну, **Товию** — и нас, какое благо молитва с постом, милостыней и правдой, что лучше творить милостыню, чем собирать золото. Филарет, митрополит Московский (114, **521** — 522).

Святой Вонифатий, епископ Ферийский, был чрезвычайно милостив к бедным. Будучи еще юношей и живя с матерью, он нередко возвращался домой без верхней, а то и без нижней одежды, потому что отдавал ее нищим. Мать за это часто бранила его: «Безрассудно поступаешь, сын мой. Ведь ты сам нищий, где же тебе и других нищих одевать?» Но все это было еще только началом скорбей матери от сына. Однажды он тайно вошел в житницу, где были запасы хлеба йа целый год, и весь хлеб роздал нищим. Мать пришла в отчаяние. Она сначала горько плакала, потом начала биться головой о стену и кричать: «Горе мне! где теперь я добуду хлеба на целый год?» Вонифатий подошел к матери и стал умолять ее, чтобы она оставила житницу. Потом пал на колени и стал пламенно молиться, чтобы Господь услышал его и утешил его мать. Молитва юноши была услышана, и что же? Житница оказалась переполненной пшеницей. Радости матери не было границ. Увидев великое чудо Божие и то, как щедро вознагражден был сын ее, она с тех пор не возбраняла ему раздавать милостыню, кому и сколько *хочет*, — и прославила Господа. Не лишним считаем добавить, что в свое время Вонифатий за свою святую жизнь сподобился и святительского сана. Пролог в поучениях (81, **289** — 290).

В праздник Святой Троицы собралось много богомольцев в Махришскую обитель. Игумен Варлаам заботился, чтобы не был нарушен устав гостеприимства преподобного Стефана, и после службы пошел помолиться на гроб его, с верой к нему взывая: «Знаю, о преподобный, что если только хочешь, ты можешь нам помочь своими молитвами и малыми хлебами насытить множество народа». Сказав это, он велел трапезному брату Симону положить весь хлеб на трапезу, хотя и в малых ломтях. Народу было так много, что не могла вместить ни трапезная, ни даже келлии, и некоторые расположились на монастырском дворе. Трапезник роптал на игумена, говоря сам в себе: «Можно ли таким малым количеством хлеба насытить такое множество? А на утро нам самим не останется ни крохи». Но Господь, насытивший некогда в пустыне пятью хлебами пять тысяч народа, явил и здесь Свое знамение. Игумен, по обычаю, сотворил молитву перед началом трапезы и благословил народ. И что же? Не только насытились все участники дивной трапезы, но и с избытком осталось множество хлеба и питья в сосудах не только на один день, но больше чем на три месяца вперед. Братия прославили Господа, дивного во святых Своих, и его угодника Стефана. Троицкий Патерик (90, 339 — 340).

Авраамий, будущий святой Афанасий Афонский, был необыкновенно милостив и сострадателен к нищим своим братьям и все, что получал от родных и друзей, передавал в руки нищих и бедных. Если же не имел ничего, что мог бы дать им, то снимал с себя нижнее платье и отдавал его, а сам оставался в одном верхнем одеянии, лишь бы только прикрыть свое тело. Слуги, видя это, докладывали богатой родственнице святого Афанасия, и она присылала ему новую одежду, но и с этой он поступал так же... Афонский Патерик (84, 77).

«Суд без милости не оказавшему **МИЛОСТИ**»

(Иак. 2, 13).

Мы потому забываем о добрых делах, что и благополучием пользуемся неумеренно и, называя себя грешниками, говорим это неискренне. Святитель Иоанн Златоуст (35, **162**).

Немилостивый подвижник — бесплодное дерево. Преподобный Исаак Сирин (55, 414).

Без любви и милости всякое дело нечисто. Если кто хранит девство, если постится или пребывает в бдении, если молится и принимает бедных, если строит церкви или делает что-либо иное, большее, без любви, все это вменится ни во что перед Богом, потому что не угодно Ему. Итак, ничего не предпринимай без любви. **Преподобный Ефрем Сирин (26, 352).**

Без милостыни и молитва бесплодна, без нее все нечисто, все бесполезно, без нее теряется большая часть добродетели (14, **763**).

Приходил (нуждающийся) и ушел, ничего не получив. Боюсь, Христос, чтобы и мне, имеющему нужду в Твоей помощи, не отойти от Тебя, ничего не получив... Ибо кто не дал, тот пусть не надеется и получить. **Святитель Григорий Богослов (15, 205).**

Вы, сотворенные разумными и имеющими ум, который служит истолкователем и учителем Божественных повелений, не обольщайтесь преходящим. Приобретите то, что никогда вас не оставит, определите меру полезного для жизни. Не все, но часть вашего имущества пусть принадлежит (нуждающимся), любезным Богу. Ибо все принадлежит Богу, общему Отцу. Мы же, как бы родные братья; братьям же всего лучше и справедливее разделить наследство поровну...

Если же кто захотел бы стать господином всего вообще, лишая братьев части... тот злой тиран, дикарь, злобный зверь, радостно отверзающий пасть только на пищу; такой даже более жесток, чем **звери**. Ибо и волк допускает волка к еде, и собаки вместе терзают труп; он же, ненасытный, никого из одиноутробных не допускает к участию в богатстве. Тебе достаточно умеренного стола; не погружайся в это море необузданного пиршества. Ибо тебе угрожает жестокое кораблекрушение, сокрушающее не о подводные камни, но ввергающее в глубочайшую тьму, откуда никогда не выходят. **Святитель Григорий Нисский (23, 406).**

Не уделять из своего **имущества** — такое же похищение. Если мы не подаем милостыни, будем наказаны наравне с похитителями (35, **805**).

Если ты богат, подумай, что дашь отчет: на блудниц ты истратил деньги или на бедных; на тунеядцев и лстыцов или на нуждающихся; на распутство или на человеколюбие; на удовольствия, лакомства и пьянство или на помощь несчастным? (37, 7).

Разве человеколюбивый Господь для того дал тебе много, чтобы ты употребил это только в свою пользу? Нет, не для этого, но для того, чтобы, по апостольскому (и евангельскому) увещанию, твой избыток восполнил недостаток других (38, **186**).

Человек, который умер, не употребив богатства своего (как Должно), нисколько не отличается от бессловесного животного; он не познал чести, данной ему от Бога, и уподобился скотам, для которых смерть есть конец жизни (39, **252**).

Мы всеми силами стараемся приобрести землю и за несколько Десятин земли и домов не только не жалеем денег, но даже проливаем кровь; для приобретения же Неба не хотим пожертво-

вать и избытками, между тем как могли бы купить его за малую цену и купив, обладать им вечно. Потому-то мы и подвергнемся крайнему наказанию, если придем туда нагими и нищими, и не за свою только бедность (в милостыне) будем **терпеть** несносные мучения, но и за то особенно, что и других вовлекаем в подобное состояние. В самом деле, если язычники увидят, что и мы (христиане), сподобившись великих таинств, привязаны к земному, то тем более сами будут прилепляться к нему. Этим мы собираем сильнейший огонь на свою голову. Нам надлежало бы учить их презирать все, а мы, вместо того, больше всех возбуждаем в них пристрастие к богатству. Как же мы можем спастись, когда должны будем подвергнуться истязанию за гибель других? (41, 129).

Не закапывай в землю (или в свое чрево и плоть) ни золота, ни чего-либо другого подобного, потому что сокровище ты собираешь для червя, тли и для воров. Хотя бы ты и сберег его от истребления ими, но не сохранишь своего сердца от порабощения и прилепления ко всему земному, потому что где будет сокровище твое, там будет и сердце твое (41, 236).

Если уничтожится милосердие на земле, то все погибнет и истребится (41, 541).

Кто не имеет милосердия, тот перестает быть человеком (41, 542).

Горе тебе, немилосердие, и ученикам твоим. Горе тебе, жестокость, и тем, кем ты владеешь! Какая польза для тебя в том, что ты удаляешь от Бога такое множество людей? Послушай же, что отвечает немилосердие: дело **мое** — **выкапывать** пропасти, запирать двери, осквернять одежды, затворять сердце, чтобы оно не знало милосердия. Прибыль для **меня** — приобретать множество друзей и предавать их гибели. Радость для **меня** — привлекать возможно большее число учеников, чтобы ниспослать их в ад. Когда те, кто находился по левую сторону, предстали посрамленными и подверглись поношению и обвинению, я торжествовало. Когда их ниспослали в огонь вечный, который я уготовало им, я возвеселилось. Когда они, низвергаемые демонами, рыдая, удалились, и я вместе толкало их и радовалось... **Мое дело** — **затворять** двери перед людьми и не позволять им достичь Вечной Жизни. **Святитель Иоанн Златоуст** (43, 876).

Кто пренебрегает нуждающимися, тот не узрит света. **Преподобный Исаак Сириин** (55, 253).

Большого плача достойны те, которые имеют и удерживают сокровища, превышающие ежедневные потребности, или еще стараются их увеличить, те, которым заповедано любить ближних, как самого себя, но они даже и за прах земной его не признают! Не означает ли это, что серебро и золото мы возлюбили больше, чем братьев? Но обратимся и покаемся, и, помогая нуждам бедствующей в нашей среде братии, сделаем их участниками того имущества, которым обладаем. И если мы не решимся боголюбиво израсходовать **все** наше имущество, то хотя **бы** немилосердно не задержим все при себе. Но смирим себя пред

Богом и получим от Него прощение, ибо Его человеколюбие восполняет наш недостаток. Но только поступим так, чтобы не пришлось... услышать страшные слова: «идите от Меня, проклятые» (Мф. 25, 41). О, как много это включает в себе: удалитесь от жизни, будьте исключены от наслаждения и лишены света (65, 52).

Сотворим себе милость тем, что окажем милость братьям; через сострадание приобретем сострадание; сделаем добро, дабы нам было благо. Воздаяние будет соответствовать нашим делам, но только наши добродетели: человеколюбие, любовь, милосердие и сострадание ни по достоинству, ни по мере не равняются награде. Ибо ты даешь из того, чем обладает человек, и, насколько человек в силах, делаешь добро. Воспринимаешь же сторицею из неиссякаемых Божественных сокровищ и Вечную Жизнь. Ты будешь благодетельствован из того и насколько может благодетельствовать Бог: «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку» (1 Кор. 2, 9). Итак, проявим усердие, дабы получить богатство милости, немногими деньгами купим вечное наследие. **Святитель Григорий Палама (65, 54).**

Милость — великая добродетель, которой человек уподобляется милостивому Богу. «Милостивые... помилованы будут» (Мф. 5, 7). За милость обещается Царство Небесное (Мф. 25, 34). Кто милует нищего, взаймы дает Богу, от Которого в будущем веке воспримет непременно воздаяние. Чем больше милость, тем большая награда будет за нее: «Кто сеет скуп, тот скуп и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет» (2 Кор. 9, 6). «Суд без милости не оказавшему милости» (Иак. 2, 13). И Христос немилостивых отсылает в огонь вечный. Если Христос отсылает в огонь вечный немилостивых, которые не дают от своего, что будет тем, которые чужое добро грабят? **(104, 1039—1040).**

Когда земледелец сеет и мечет семена свои в землю, тогда глупый человек, не знающий какой плод прорастает из семени, смеется над этим, думая, что земледелец напрасно губит семена, бросая их в землю. Но земледелец, имея надежду, что семя его, брошенное в землю, принесет ему больший плод, чем посеяно, не перестает сеять. Так и несмысленные, глупые люди, видя, что христианин расточает имение и дает убогим, смеются, думая, что он губит свое имение. Люди думают, что только то имение не погибает, которое истрачено на видимое, то есть на суету и прихоти мира сего. Потому они и сами не на милостыню, но на плотские похоти тратят имения свои, а над теми, которые расточают и дают убогим, смеются. Смейся, человек, смейся, но после горько восплачешь и возрыдаешь **(104, 1042 — 1043).**

Внимай, что из того следует, когда в нужде отказываешь ближнему? Тебе до него нужды нет, другой, подобный тебе, то же скажет, третий также отречется, а он в том бедствии **погибнет**. Что же потом? Берегись, чтобы его гибель не зачтена была праведным Судом Божиим тебе и другим, отречшимся от

него. О, сколько на свете убийц, которые не руками, но своим немилосердием и бесчеловечным отказом убивают людей, но думают о себе, что они чисты. Ибо не только тот убийца судится, кто убивает ближнего, но и тот, кто не избавляет бедствующего от смерти, а может избавить: если бы он подал руку помощи бедствующему, не постигла бы его смерть. **Святитель Тихон Задонский (104, 1217).**

СОСТРАДАНИЕ

Многими скорбями и болезнями исполнено наше тело. Потому, зная немощь своего естества, не будем гордыми и несострадательными, но взаимным состраданием умиловивим Создателя, Который посылает болезни и исцеляет, низводит в ад и возводит из ада (26, 514).

Прекрасная помощь тебе в день Суда, если ты оказывал здесь сострадание людям. **Преподобный Ефрем Сирин (27, 246).**

Покажи, что ты по великой доброте души желаешь собственное благо сделать общим: закинь приятную уду сострадания и таким образом извлеки из бездны погибели погрязшего в ней умом (35, 764).

Смотри, как велика милостыня: Бог сравнивает сострадательного человека с Самим Собою (Лк. 6, 36) (36, 909).

Чтобы не подпасть совершенному осуждению, будем сострадательны к людям. Так мы сделаемся достойными **благ** на земле и на Небе (41, 480).

✓ Будем иметь душу сострадательную, будем иметь сердце, способное сочувствовать страждущим; не будем жестокими и бесчеловечными. {Даже если ты не можешь оказать никакой **помощи** — плачь, скорби, сетуй о случившемся, и это не останется бесполезным для тебя. Мы должны сострадать тем, которые праведно наказываются Богом, и еще более тем, которые несправедливо терпят от людей (43, 38).

Бог наказывает, а я должен сострадать? Да, этого желает Наказывающий. Он Сам не радуется, когда наказывает, но тоже весьма скорбит. Если же и Сам Наказывающий не радуется, не радуйся и ты. Но, скажешь, когда наказывает справедливо, то, конечно, не надо скорбеть? Надо скорбеть о том, что они сделались достойными наказания (43, 381).

Не чуждайся сострадания потому, что сам далек от несчастья. Когда твой ближний терпит зло, ты должен его несчастье считать общим. Разделяй с ближним слезы, чтобы облегчить печаль его; разделяй радость, чтобы упрочить веселие, укрепить любовь и самому раньше его получить **пользу**, — плач делает милостивым, а радость очищает от зависти и недоброжелательства (43, 768).

Кто не хочет сострадать другим, пострадает сам (45, 810).

Будем сострадательны, будем милосердны, чтобы таким образом угодить Богу и достичь благ, обещанных любящим Его (46, 852).

Жалей ближнего и сжалится над тобой Бог (46, 851).

Если ты упражняешься даже в высшей мудрости, а о других погибающих нерадишь, то не будешь иметь никакого дерзновения перед Богом. Святитель **Иоанн** Златоуст (46, 472).

Да не будет речи о том, трудно ли дело, которое нужно совершить (для человека), но о том, полезно ли оно для совершающих. И если польза велика, не нужно обращать внимания на трудность... ибо даже в самой жизни сочувствие к несчастным полезно для здоровых. Ибо для всех благоразумных милосердие есть прекрасный залог, который мы вверяем другим при их несчастьях. Поскольку одна природа управляет всем человечеством и никто не имеет прочного ручательства в постоянстве своего благополучия, должно постоянно помнить евангельское увещание: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними» (Мф. 7, 12). Итак, пока благополучно плаваешь, простирай руку потерпевшему крушение. Одно для всех море, одни мятущиеся волны, подводные камни, утесы, скалы и прочие опасности житейского мореплавания одинаково страшат пловцов. Пока ты не страдаешь, пока безопасно переплывать море жизни, не проходи немилосердно мимо потерпевшего крушение. Кто порукою тебе в постоянстве благополучного плавания? Ты не достиг еще пристани упокоения. Твоя жизнь еще не дошла до берега, ты еще носишься по морю жизни. Каким проявишь себя к потерпевшему несчастью, такими будут и спутники твоего плавания. Да устремимся все вместе к пристани упокоения, благополучно направляемые в предстоящем житейском плавании Духом Святым! Да пребудет с нами исполнение заповедей и кормило любви, верно направляемое, тогда мы достигнем земли обетованной, где находится великий град, Художник и Зиждитель которого есть Бог наш. Святитель Григорий Нисский (23, 432).

« Сострадай неудачливым, ибо это ведет к мудрости (48, 246).

Воздохни о согрешающем ближнем, чтобы вместе с тем воздохнуть и о себе, ибо все мы повинны во грехах и подлежим наказанию (48, 253).

Не будь жесток, чтобы не испытать на себе гнева Божия, хотя и представляется тебе, что ты пламенеешь ревностью благочестия (49, 104).

Смотри, чтобы за несострадательность не быть тебе преданным... какому-либо неожиданному и непереносимому искушению. Преподобный Нил Синайский (49, 104).

Не нужно провожать слезами доблестного воина, идущего на брань (где он может претерпеть раны и смерть), потому что он возвратится победителем... Надо плакать о тех, которые выходят на разбой и человекоубийство, особенно когда совершают злодеяние и потом, когда бывают наказаны. Вот почему Христос, когда шел на Крест как победитель, не только не одобрил плачущих **жен**, но и запретил им плакать. Известно, что сострадание **доставляет** утешение страдающему невольно, а страдающему по своей воле оно обидно... Христос добровольно шел на страдание,

чтобы уничтожить смерть и низложить диавола, а женщины плакали о том, Кого справедливо было прославлять и сопровождать рукоплесканиями... Непозволительно было оплакивать победителя греха, спешившего не только умертвить и связать диавола, но и освободить плененных им. **Преподобный Исидор Пелусиот (116, 603).**

В скиту один из **братий** впал в согрешение и был отлучен от Церкви иеромонахом-настоятелем. Когда брат выходил из церкви, авва Виссарион встал и пошел с ним, сказав: «**И я**—грешник». **Авва Виссарион (82, 79).**

МИР (1)*

«Царствие **Божие...** мир и радость во **Святом Духе»**

(Рим. 14, 17)

Мир превосходит всякое чувство и охраняет сердца и ум святых. Это ясность и спокойствие мирной души, удаляющие ее от всех тревог и смятений. К такой ясности ведут любовь с верой, которую также подают Бог Отец и Сын, чтобы мы от всего сердца любили Бога и ближних, как самих себя, и молились за врагов своих. Такой мир и такую любовь, которые апостол молитвенно посылает верующим, имеют только те, кто вправе называться братьями: «Мир братиям и любовь с верою» (Еф. 6, 23). Блаженный Иероним. Творения, ч. 17, Киев, 1903, с. 388—389.

Мир Божий есть и начало, и непосредственное следствие смирения, **он — действие** смирения и причина этого действия (108, 306).

Мир Христов есть некий тонкий духовный **хлад** — когда он разольется в душе, она пребывает в высоком молчании, в священной мертвости (111, 520).

Мир Божий есть духовное место Божие, духовное Небо. Восшедшие в это Небо люди становятся равноангельными. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (108, 275).**

«И да владычествует в сердцах ваших мир Божий» (Кол. 3, 15).

Мир вам! О слово сладчайшее! О слово приятнейшее! О драгоценный союз рода человеческого и основания благополучия его! Без него никакое добро ни быть, ни утвердиться не может. Где нет мира, там нет ничего доброго, там замешательство. И потому Церковь при всех своих молениях и действиях считает его необходимым.

Во-первых, этот мир бывает, когда люди друг с другом живут в любви, и такое любовное обхождение между людьми называется дружбой. **Друг — это** как бы «другой я», и **друзья — это** две Души, живущие в единстве. И о таких-то друзьях сказал Христос:

* Слово «мир» имеет три основных значения: 1) **мир — согласие**, покой (греч. — ирийни); 2) **мир** — совокупность творения Божия (греч. — космос); 3) аскетическое понятие того же греческого слова «космос». В теме «Мир (1)» слово «мир» **рассматривается** в значении согласия, покоя, благого духовно-нравственного состояния. — *Ред.*

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13).

Во-вторых, мир означает совместную жизнь в любви родных, например мужа и жены. Нет ничего святее и нужнее для благополучия человеческого, чем этот союз, и потому он строго обязывает супругов хранить между собою согласие и верность. От этого зависит благоразумное управление домом, хорошее воспитание детей, порядок в отношениях с домочадцами, это радует и облегчает житейские заботы. А без этого все разворачивается и колеблется основания благословенной обители.

В-третьих, это мирная жизнь людей какого-нибудь одного места, селения или города, или целой области, состоящей под одним управлением. И это называется мирным сожительством и общим покоем. Этот мир состоит особенно в том, чтобы стремиться к общей пользе, как к своей собственной. Где такого мира нет, там богатые села приходят в оскудение, купечества разоряются, лучшие города падают, да и целые государства разрушаются. Где же есть согласие и мир, там всё процветает.

В-четвертых, есть мир нужнейший и драгоценнейший, который может считаться источником и основанием названных нами проявлений мира. Этот мир есть мир совести, когда ей не в чем себя упрекнуть, когда страсти усмирены и не воюют. Апостол это состояние называет миром Божиим, «который превыше всякого ума» (Флп. 4, 7). Называет «миром», ибо такой человек спокоен и радостен; «миром Божиим», ибо никакие мирские выгоды и увеселения не могут доставить такого спокойствия духу, а только один Бог; миром «превыше всякого ума», ибо человек может чувствовать сладость этого Божественного мира в сердце, но разумом своим совершенно объять, и тем более выразить словом, не может. Этого-то мира испрашивает у Бога Давид: «Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня» (Пс. 50, 12). Кто стяжал это внутреннее сокровище, тот всегда благодушен и радостен. В счастье не надмевается, в несчастье не ослабевает, смерти не боится, ибо он примирен с Богом. Суда Его ожидает без страха, ибо чувствует в себе благоволение Божие. Такое сладчайшее состояние души единого свойства и существа с райскими небесными утешениями, ибо является их началом и предвкушением. И потому-то Павел называет этот мир — миром «превыше всякого ума»: сколько бы о нем ни говорили, никто его разумом понять не может, его можно только ощущать и чувствовать в себе.

Этого-то мира всем усердно желая, охотно и радостно восклицаю: мир вам, мир вам! Мир родителям с детьми и домочадцами; мир супругам; мир властелинам и подчиненным; мир старцам и младенцам; мир мужчинам и женщинам; мир всякому возрасту, чину и состоянию. Да соединимся друг с другом свяшенным союзом мира, возненавидим всякое несогласие, раздор и ненависть как исходящие не от Бога, но от врага рода человеческого. Сохраним между собою драгоценный мир, чтобы иметь возможность приносить в мире святое возношение. И Бог мира будет с нами (Флп. 4, 9). Платон, митрополит Московский (105, 400—404),

Бог — источник мира

Единомыслие ведет начало от Троицы, так как Ей и по естеству свойственно единство и внутренний мир. Оно усвоено ангельскими и божественными Силами, пребывающими в мире с Богом и между собою. Оно простирается на всю тварь, ибо ей служит украшением безмятежность. Оно удобно поселяется и в нас — как по душе, когда в ней добродетели переходят одна в другую и одна с другой сообщаются, так и по телу, когда в нем и члены, и стихии имеют взаимное согласие, отчего в первом случае происходит то, что является и именуется красотой, а во **втором** — здоровьем. Святитель Григорий Богослов (12, 243).

Бог в вышних, сущий в лоне Отчем, по благоволению к людям вступает в общение с плотью и кровью, чтобы произошел на земле мир. Святитель Григорий Нисский (19, 384).

Мир есть Сын Божий, пришедший на землю и вочеловечившийся. Через Него пришло и благоволение, или присутствие Бога в людях, потому что Бог Отец через воплощение Сына удовлетворился и опочил в людях, и благоволил через Сына Своего опять примириться с человеком, ставшим было врагом Богу через грех, и опять наполнить его божественной жизнью, которой он лишился через преступление, как говорит и апостол: «Оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа» (Рим. 5, 1). «Ибо Он есть мир наш» (Еф. 2, 14). «И вы, бывших некогда отчужденными и врагами, по расположению к злым делам, ныне примирил в теле Плоти Его, смертью Его, чтобы представить вас святыми и непорочными и неповинными пред Собою, если только пребываете тверды и непоколебимы в вере и не отпадаете от надежды благовествования, которое вы слышали, которое возведено всей твари поднебесной, которого я, Павел, сделался служителем» (Кол. 1, 21—23). Преподобный Симеон Новый Богослов (60, 254).

... Простите друг друга, если кто на кого имеет огорчение, как и Христос простил вас, дабы вам стать сынами мира, а **это — то же, что сказать — сынами** Божиими. Ибо «Он есть мир наш, **сделавший** из обоих одно и разрушивший стоявшую посреди преграду» (Еф. 2, 14) на Своем Кресте. Он Сам сказал Своим ученикам и через них нам, чтобы мы, войдя в какой-нибудь город или дом, возвещали им мир. И примирение является всем делом Его пришествия, и именно ради этого, преклонив Небеса, Он сошел на землю, почему и Давид предрек о Нем. «Во дни его процветет праведник, и будет обилие мира» (Пс. 71, 7), и в другом псалме опять же так о Нем говорит: «Он скажет мир народу Своему и избранным Своим» (Пс. 84, 9). И хвала Ангелов во время Рождества Его показывает, что ради того, чтобы доставить мир, Он сошел к нам с Небес: «слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение» (Лк. 2, 14). И уже совершив спасительное Домостроительство, Он оставил мир как наследие Для преданных Ему. «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам» (Ин. 14, 27). И еще: «Мир имейте между собою» (Мк. 9, 50), и «По

тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13, 35). И последняя молитва (благословение), которую Он дал нам, восходя к Своему Отцу, утверждает любовь друг к другу: «Да будут все едино» (Ин. 17, 21). Святитель Григорий Палама (65, 19).

Без Крови Господа Иисуса никто не приблизится к Богу, ибо Он Сам есть Мир наш, как говорит: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам» (Ин. 14, 27). Ибо как премудрость творит мудрецов, праведность — праведников, **освящение — святых**, а **жизнь — живых**, так и сам мир делает нас примиренными... А если Христос есть мир верующих, то, следовательно, кто живет без мира, тот не имеет Христа. Блаженный **Иероним**. Творения, кн. 17, Киев, 1903, с. 263.

Страдания Христа были пред очами вашими. Таким образом всем был дарован глубокий и прекрасный мир и ненасытимое стремление делать добро, и на всех было полное излияние Святого Духа. Святитель Климент Римский (1, 74).

Истинные Христовы делатели верою и трудами в добродетели с несказанным удовольствием пожинают как плод от благодати Духа преестественные для них блага, без труда совершенствуют в себе неложную и неизменную веру и непоколебимый мир, истинную благодать и все прочее, вследствие чего душа, став лучше себя самой и сильнее злобы врага, уготовляет из себя чистую обитель достопоклоняемому и Святому Духу, приняв от Которого бессмертный мир Христов, сочетается им с Господом и прилепляется к Нему. Преподобный Макарий Великий (33, **341—342**).

Мир Христов сеется в душе Словом Божиим, зарождается от возделывания сердечной нивы заповедями **Христовыми — питается** этим невидимым, но не беструдным подвигом, возрастает от него. Епископ Игнатий (**Брянчанинов**) (111, 5).

Раздаватель мира — Церковь

Старайтесь чаще собираться для Евхаристии и славословия **Бога**. Ибо если вы часто собираетесь вместе, низлагаются силы сатаны и единомыслием вашей веры разрушаются гибельные дела. Нет ничего лучше мира, ибо им уничтожается всякая брань небесных и земных духов. Святитель Игнатий Богоносец (1, 275).

Обличайте друг друга, но не во гневе, а в мире, как учит Евангелие, и со всяким, поступающим оскорбительно по отношению к другому, пусть никто не говорит и никто у вас не слушает его, пока не покается. Дидахи (Цит. по ЖМП, 1975, № И, с. 72).

Господь говорит: «Мир оставляю вам» (Ин. 14, 27), говоря как бы так: какой вам вред от смятений мира, пока вы в мире со Мною? Ибо Мой мир не таков, каков бывает у мира. Этот мир часто бывает вреден или бесполезен, но Я даю такой мир, который соединит вас в одно тело. А это делает вас сильнее

всех. Хотя многие восстанут на вас, но вы при единомудии и взаимном мире нисколько не пострадаете. **Блаженный Теофилакт Болгарский**. Благовестник, или толкование на Святое Евангелие. Изд. 2-е, Казань, 1875, с. 368.

В учении о Божестве мы так же единомысленны и согласны, как и Божество Само с Собою. **Святитель Григорий Богослов (12, 216)**.

Если царь заботится о церковном мире... то пусть... составится церковный собор вдали от дворца, где не присутствовал бы царь, не появлялся комит*, не угрожал судья, но было бы достаточно только страха **Божия** и апостольских постановлений, чтобы таким образом лучше всего была сохранена вера Церкви. **Святитель Ливерий, папа Римский (3, 133)**.

Обратитесь на путь Евангелия Христова и крепко держитесь его, чтобы ваше взаимное единомудие вечно процветало и было постоянным, и вновь обратит к вам лицо Свое Господь, и вместе с миром снизойдет на вас благодать Божиего Духа. **Святитель Григорий Палама (65, 18)**.

Если будем творить **добро — водворится** в нас мир

«Плод же духа: любовь, радость, мир...» (Гал. 5, 22).

Поэтому если мы, оставив образы, воспримем истину и дух Писания, тотчас же откроется нам прежде всего любовь и, переходя от нее к радости, мы обретем мир...

...Не будем думать, что мир состоит только в том, чтобы не ссориться с другим человеком: мир Христов, то есть наследие наше, бывает с нами, когда спокойная мысль не возмущается никакими страстями. **Блаженный Иероним**. Творения, кн. 17, Киев, 1903, с. 163, 182—183.

Если человек не положит в сердце своем, что кроме его одного и Бога никого другого нет в мире, то не сможет обрести спокойствия в душе своей. **Преподобный Антоний Великий (82, 68)**.

Пока человек не возлюбит Бога от всей крепости своей, пока не прилепится к Богу всем сердцем своим, до тех пор не даруется ему покой от Бога (82, 141).

Мир души — от повиновения ее сил уму. **Преподобный авва Исаия (82, 216)**.

Отрекись от своей воли, отвергни все, что приводит к заботам мира сего и к рассеянности, и найдешь спокойствие. **Преподобный Сисой Великий (82, 350)**.

Будем исполнять волю Отца, призвавшего нас к жизни, будем более стремиться к добродетели, оставив дурные склонности, предшествующие грехам, избежим нечестия, чтобы не постигло нас зло. Ибо если мы будем стараться делать добро, то

Комит — должностное лицо, советник византийского императора.

водворится в нас мир. По этой-то причине не найти его тем, которые приносят страх человеческий, предпочитая здешнее наслаждение будущему обетованию. Святитель Климент Римский (1, 124—125).

Отвергни оправдания и будешь спокоен в краткие дни земного странствия твоего (82, 335).

Если будем искать покоя, то он будет убегать от нас; если же будем убегать от покоя, то он погонится за нами. Преподобный Пимен Великий (82, 334—335).

В молитвенном делании рабов нет мира мысли; нет в свободе чад мятежного смущения. Преподобный Исаак Сирин (82, 268).

Кто, имея страх Божий, совершенно обуздает страсти, задушит различных **зверей** — **порочные** помыслы и не дозволит им скрываться внутри, тот будет наслаждаться чистейшим и глубочайшим миром. Этот мир даровал нам Христос (Ин. 14, 27), этого мира и апостол Павел желал верующим, повторяя в каждом послании: «Благодать вам и мир от Бога Отца нашего» (1 Кор. 1, 3; Гал. 1, 3 и др.). Кто имеет этот мир, тот бывает благодуще всех людей, не обременяется бедностью, не изнуряется недугами и болезнями и не смущается никакими другими неожиданными бедствиями, потому что он имеет душу, способную перенести все это мужественно и весьма легко, душу крепкую и здравую (39, 33).

Смотря по расположению принимающих, мир может и приходить к ним, и опять удаляться. Святитель Иоанн Златоуст (41, 357).

Сердце только тогда может наслаждаться блаженным миром, когда оно пребывает в евангельских заповедях, когда пребывает в них с самоотвержением (111, 504).

С благоговейной покорностью воздай славословие суду Божию и **оправдай** орудия, избранные Богом для твоего наказания. Мир Христов низойдет в твое сердце (108, 176).

От живой веры в Бога рождается полная покорность Богу, а от покорности **Богу — мир** помыслов и спокойствие сердца (111, 533).

Тогда только можно найти священный покой, когда мысль и сердце погрузятся в смирение Христово и Его **кротость, научившись** им из Евангелия (111, 505).

Смирение рождается от послушания и поддерживается послушанием. Смирением вводится в душу мир Божий. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (108, 275).

Действие Христова мира

Мир бывает следствием доброго порядка, а от мира рождается в душе свет, от света и мира проясняется ум. По мере же того, как сердце по устранении от мира сего приближается к духовной мудрости, оно приемлет радость от Бога и чувствует различие мудрости духовной и мудрости мирской, потому что в мудрости

духовной овладевает душой молчание, а в мудрости **мирской** — источник парения мыслей. Преподобный Исаак Сирин (55, 401).

В мире Христовом сокровенно живет такая духовная сила, что он попирает ею всякую земную скорбь и напасть (109, 221).

Святой мир входит в сердце... за словами смирения! Он... приносит чашу духовного утешения и к одру больного, и в темницу... к гонимому людьми... и бесами (108, 540).

Святой мир при своем обильном действии наводит на ум молчание и к блаженному вкушению себя влечет и душу, и тело. Тогда прекращается всякое движение крови, всякое ее влияние на состояние **души** — бывает великая тишина (109, 221—222).

Мир Христов есть источник непрестанной умной, сердечной, душевной, духовной молитвы, молитвы, приносимой из всего существа человеческого, действием Святого Духа; мир Христов есть постоянный источник благодатного... смирения Христова (109, 226).

Смирение есть непостижимое действие... мира Божия, непостижимо постигаемое одним блаженным опытом (109, 226—227).

Посредством святого мира христианин, совершив поприще покаяния, примиряется с Богом, со всеми обстоятельствами, со всеми ближними, с самим собой; он становится сыном Божиим по благодати (108, 522).

Когда сердце твое осенится святым, благодатным миром ко всему человечеству, тогда ты при самых дверях любви. Епископ Игнатий (**Брянчанинов**) (108, 130).

Мир истинный и мир **ложный**

Да не думают некоторые, будто бы я утверждаю, что надо дорожить всяким миром. Ибо знаю, что есть прекрасное разногласие и самое пагубное единомыслие. Но должно любить добрый мир, имеющий добрую цель и соединяющий с Богом. Коротко говоря, нехорошо быть и слишком вялым, и чрезмерно горячим, так чтобы или по мягкости нрава со всеми соглашаться, или из упорства со всеми разногласить. Как вялость бездеятельна, так и готовность со всеми соглашаться бесполезна. Но когда идет речь о явном нечестии, лучше идти на огонь и меч, не смотреть на требования времени и властителей и вообще ни на что, чем приобщаться закуске лукавства и присоединяться к зараженным ложью. Всего страшнее бояться чего-либо более, нежели Бога, и по этой боязни служителю истины стать предателем учения веры и истины. Но если огорчаемся подозрением и боимся, не исследовав дела, тогда терпение предпочтительнее поспешности и снисходительность лучше настойчивости. Гораздо лучше и полезнее, не отделяясь от общего тела, как члены общего тела, исправлять друг друга и самим исправляться, нежели, преждевременно осудив своим отлучением и тем разрушив доверенность, потом повелительно требовать исправления, как свойственно властелинам, а не братьям. Святитель Григорий Богослов (11, 237—238).

Было бы смешно благо мира заключать в одном именовании мира... Если же согласие с людьми вредными заставляет вступающих в него под видом мира поступать враждебно, то... не принадлежат ли они к числу не имеющих со мною [церковного] общения? (10, 182).

Миротворец, убажамый Господом (Мф. 5, 9) — споспешник Господу, по слову апостола: **«Мы — посланники** от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает через нас; от имени Христова просим: «Примиритесь с Богом» (2 Кор. 5, 20); и еще: «Оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом» (Рим. 5, 1). Ибо иного свойства мир отринут Господом, сказавшим: «Мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю» (Ин. 14, 27). Святитель Василий Великий (8, 267).

Сам Господь повелел нам искать мира, чтобы стяжать его. Тщательно познаем значение мира Божия и устремимся к нему, как и Господь сказал: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам» (Ин. 14, 27), чтобы никто не мог укорить нас, что мир **наш** — мир грешников. Преподобный Антоний Великий (82, 18).

Мир, срастворенный с **правдой**, — божественное дело. Если же одно будет без другого, это повредит добродетели, потому что и у разбойников, и у волков есть между собой мир, у **одних — ко** вреду для людей, у **других — на** гибель овцам. Но такого мира, не украшенного правдой, не назову миром; только если он сходится с правдой, он в подлинном смысле будет называться миром. Почему и Христос сказал: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10, 34). А что запрещает не всякий мир, но сопряженный с пороком, об этом говорит в другом месте: «Мир Мой даю вам» (Ин. 14, 27). Ибо в подлинном смысле мир есть тот, который украшен правдой и благочестием (**51**, 272).

Есть святая брань, и есть мир хуже всякой непримиримой брани, по сказанному: «Я позавидовал безумным, видя благоденствие нечестивых» (**Пс.** 72, 3). Ибо и разбойники заключают между собою договоры, вооружаясь на тех, кто не причинил им никакого вреда, и волки собираются в стаю, когда жаждут крови, и прелюбодей с прелюбодейцей, и блудник с блудницей живут в мире. Поэтому не полагай, что мир везде есть благо; нередко бывает он хуже всякой войны. Когда мирится кто-нибудь со злословящими Промысл и заключает договоры с людьми недостойной жизни, которые строят козни и наносят вред общему житию, тогда обитает он где-то вне и вдали от пределов мира. Поэтому [апостол] Павел и сказал: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми» (Рим. 12, 18), ибо ясно знал, что иногда это и невозможно (**51**, 424).

Единомыслие есть начало и основание всех благ для человека, и никто не должен подавать повода к брани и ссоре. Но если увидишь, что нанесен вред благочестию или обижены немощные, не предпочитай мира истине; напротив, стань мужественно и сражайся до крови, «подвизаясь против греха» (Евр. 12, 4). Поэтому-то и сказано апостолом: «Если возможно с вашей

стороны, будьте в мире со всеми людьми» (Рим. 12, 18). Ибо иногда это бывает и невозможно, когда, как сказано выше, речь идет о благочестии или когда надо стоять за обиженных. И что удивительного, если это не всегда возможно по отношению к другим людям, когда апостол позволяет даже разорвать необходимую связь между мужем и женой, составляющими одну плоть, сказав: «Если же неверующий хочет развестись, пусть разводится» (1 Кор. 7, 15)? Преподобный Исидор Пелусиот (51, 304).

«Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10, 34). Как же Сам Он заповедал им, входя в каждый дом, приветствовать миром? И почему Ангелы воспевали: «Слава в вышних Богу, и на земле мир» (Лк. 2, 14)? Почему все пророки благовествовали о том же? Потому что тогда особенно и водворяется мир, когда отсекается то, что заражено, когда враждебное отделяется. Только таким образом возможно Небу соединиться с землей. Ведь и врач тогда спасает тело, когда отсекает неизлечимый член, и военачальник восстанавливает спокойствие, когда разрушает согласие между заговорщиками. Так было и при столпотворении. Худой мир разрушен добрым **несогласием** — и водворен мир. Так и [апостол] Павел поселил раздор между согласившимися против него (Деян. 23, 6). А согласие против Навуфея было хуже всякой войны (3 Цар. гл. 21). Единомыслие не всегда бывает хорошо: и разбойники бывают согласны. Итак, брань была следствием не Христова определения, а делом воли самих людей. Сам Христос хотел, чтобы все были единомысленны в деле благочестия, но люди разделились между собой и произошла брань. Впрочем, Он не так сказал. А что же говорит? «Не мир пришел Я принести», чем и утешает их. Не думайте, говорит, что вы виноваты в этом; Я это делаю потому, что люди имеют такие расположения. Итак, не смущайтесь, как будто эта брань возникла неожиданно. Для того Я и пришел, чтобы произвести брань; такова именно Моя воля. Итак, не смущайтесь тем, что на земле будут брани и злоумышления. Когда худшее будет отсечено, тогда с лучшим соединится Небо. Так Христос говорит для того, чтобы укрепить учеников против дурного мнения о них в народе. Притом не сказал «брань», но, что гораздо **ужаснее**, — «меч». Если сказанное слишком тяжело и грозно, не удивляйтесь. Он хотел приучить к жестоким словам слух людей, чтобы они в трудных обстоятельствах не колебались...

Если же некоторые сочтут это тягостным, то пусть припомнят **древнюю** историю. И в древние времена было то же **самое** — **этим** и показывается особенно как единство Ветхого Завета с Новым, так и то, что здесь говорит Тот же, Кто тогда давал заповеди. И у **иудеев** именно когда слили тельца и когда приобщились Ваал-**Фегору** (Исх. 32, 8; **Чис.** 25, 2), как только каждый умертвил ближнего своего, Бог прекратил гнев на них. Итак, где же утверждающие, что тот Бог был зол, а этот благ? Вот и этот Бог наполнил вселенную кровью родственников. Впрочем, мы говорим, что и это есть дело великого милосердия. Потому, показы-

вая, что Сам же Он одобрял и бывшее в Ветхом Завете, Он вспоминает и пророчество, произнесенное хотя и не по этому случаю, однако объясняющее то же самое. Какое же это пророчество? «Враги **человеку — домашние** его» (Мф. 10, 36). И у иудеев случилось нечто подобное. И у них были пророки и лжепророки; бывали также в народе разногласия, и дома разделялись. Одни верили тем, **другие — другим**. Поэтому пророк увещевает: «Не верьте другу, не полагайтесь на приятеля; от лежащей на лоне твоём стереги двери уст твоих... враги **человеку — домашние** его» (Мих. 7, 5—6). А говорил это для того, чтобы тех, которые примут учение, поставить выше всего. Не смерть ведь зло, а худая **смерть — зло**. Потому и сказал: «Огонь пришел Я низвести на землю» (Лк. 12, 49). Говоря это, Он показывал силу и горячность той любви, какой требовал. Так как Сам Он много нас возлюбил, то хочет, чтобы и мы любили Его столь же сильно. А такие слова и апостолов укрепляли, и возвышали дух. Если и ученики ваши, говорил Он, будут оставлять сродников, детей и родителей, то каковы, подумай, должны быть вы, учителя! Бедствия эти не кончатся на вас, но перейдут и на других. Так как Я пришел даровать великие блага, то и требую великого послушания и усердия. «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня, и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф. 10, 37—38).

Что же? Не противоречит ли это древнему закону? Нет, напротив, весьма с ним согласно. И там Бог повелевает не только ненавидеть **идолослужителей**, но и побивать их камнями, а во Второзаконии хвалит такого ревнителя, «который говорит об отце своем и матери своей: «Я на них не смотрю», и братьев своих не признает, и сыновей своих не знает» (Втор. 33, 9), храня слова **Божии**. Если же [апостол] Павел многое заповедует о родителях и велит во всем им **повиноваться — не удивляйся**. Он велит повиноваться им только в том, что не противно благочестию. Святое **дело — воздавать** им всякое иное почтение. Когда же они потребуют более надлежащего, не должно им повиноваться. Потому и у евангелиста Луки говорится: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14, 26). Повелевает не просто возненавидеть, потому что это совершенно противозаконно, но: если кто из них захочет, чтобы ты любил его более, нежели Меня, в таком случае возненавидь его за это, ибо такая любовь губит и любимого, и любящего...

«Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее» (Мф. 10, 39). Видишь ли, как вредно любить душу более надлежащего и как полезно ненавидеть ее? Так как требования Христа были тяжки, поскольку Он повелевал им восставать и против родителей и детей, против природы и родства, против вселенной и даже против собственной души, то Он обещает за это и самую великую награду. Святитель Иоанн Златоуст (41, 384—387).

ПРИМИРЕНИЕ

Стяжи мир в **себе** — и будут иметь мир с тобою небо и земля. Преподобный Исаак Сирин (82, 280).

Если брат твой гневается на тебя, то гневается на тебя Господь. А если примирился ты с братом своим на земле, то примирился и с Господом твоим на Небе. Если восприемлешь брата твоего, то восприемлешь и Господа твоего. Итак, примиришься с Ним в лице оскорбленных, возвесели Его в лице алчущих. В лице утомленного путника уготовь Ему мягкое ложе, омой ноги Его, посади на первом месте за трапезой, преломи хлеб свой и удели Ему, подай Ему и чашу свою. Он оказал тебе гораздо большую любовь: почерпнул воду, освятил ее и омыл ею неправду твою, раздробил для тебя Свое Тело и дал тебе в питье Кровь Свою. Преподобный Ефрем Сирин (28, 212).

К словам «если... вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя» (Мф. 5, 23) Спаситель не прибавил ничего, то есть справедливо или не справедливо имеет он, — примиришься. При этом не сказано: если ты имеешь что-либо против, но: если он «имеет что-нибудь против тебя», постарайся примирить его с собою. «Оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься...» (Мф. 5, 24). Бог отказывается и от собственной чести, лишь бы мы хранили любовь... А дар повелевает оставить для того, чтобы поставить тебя перед необходимостью примирения, ибо если все-таки пожелаешь принести твой дар, то должен будешь примириться. Но с этим вместе Он показывает, что любовь и есть истинная жертва. Блаженный **Феофилакт** (115, 553).

Господь повелевает, чтобы поклонение Ему было оставлено ради любви к ближнему (Мф. 5, 23—24). ...Пусть, говорит Он, прервется служение Мне, только бы сохранилась твоя любовь, потому что и это жертва, когда кто примирится с братом. Потому-то Он не говорит: примиришься по принесении или прежде принесения дара, но посылает примириться с братом, когда дар лежит пред алтарем и жертвоприношение уже начато. Не велит взять с собою принесенный дар, не говорит: примиришься прежде нежели принесешь его, но повелевает бежать к брату, оставив дар пред алтарем (41, 184).

Если ты принесешь молитву с неприязненным расположением, то лучше тебе оставить ее и пойти примириться с братом и тогда уже совершить жертву (Мф. 5, 23—24). Для того ведь все и устроено было, для того и Бог стал человеком и совершил все Дело искупления, чтобы нас собрать воедино. Здесь Христос посылает обидевшего к обиженному, а научая молитве, ведет обиженного к обидевшему и примиряет их; здесь говорит: если «брат твой имеет что-нибудь против тебя» (Мф. 5, 23), иди к нему, **■** там говорит: прощайте «людям согрешения их» (Мф. 6, 14). Впрочем, и здесь, мне кажется, Он посылает обиженного, потому что не говорит: попроси брата твоего, чтобы он примирился с тобой, но просто: «примиришься» (Мф. 5, 24). И хотя речь здесь, **по-видимому**, обращена к оскорбившему, но все относится к

оскорбленному. Если ты, говорит Он, примиришься с ним из любви к нему, то и Я буду к тебе милостив, и ты можешь приносить жертву с полным дерзновением. Если же гнев еще пылает в тебе, то представь, что Я Сам охотно соглашаюсь на то, чтобы ты оставил на время жертву, только бы вам сделаться друзьями. Пусть же это укротит гнев твой. Притом Он не сказал: примиришься, когда ты сильно обижен, но: сделай это и тогда, когда оскорбление будет **маловажно**, — если «имеет что-нибудь против тебя». И не сказал также: когда ты гневаешься справедливо или несправедливо, но просто: если «имеет что-нибудь против тебя», — хотя бы даже гнев твой был справедлив, и тогда не должно питать вражды. Так и Христос, невзирая на то, что гнев Его против нас был праведен, предал Себя Самого за нас на заклание, не вменяя нам грехов наших (41, **184—185**).

Сколько зла происходит от раздражения и гнева! И что особенно тяжело: когда мы находимся во вражде, то не хотим сами положить начало примирению, но ожидаем других; каждый стыдится прийти к другому и примириться. Смотри: разойтись и разделиться не стыдится, но сам полагает начало этому злу, а прийти и соединить разделившееся стыдится... Не сам ли ты нанес великую обиду и был причиной вражды? Справедливость требует, чтобы ты сам первый пришел и примирился как бывший причиной вражды. Но если другой обидел... в этом случае следует начать примирение тебе, чтобы тебе больше удивлялись, чтобы тебе иметь первенство как в одном, так и в другом: как не был ты причиной вражды, так не тебе быть и причиной ее продолжения; может быть, и тот, осознав свою вину, устыдится и вразумится. Но он высокомерен? Тем более не медли прийти к нему. Он страдает двумя болезнями: гордостью и гневом... Ты здоров, ты можешь видеть, а он во **тьме** — таковы именно гнев и гордость. Ты свободен от них и здоров; приди же к нему, как врач к больному... не тяжелее ли всякой болезни гордость и гнев? Не подобен ли гнев сильной горячке, а **гордость** — развившейся опухолью? Иди же, угаси его огонь, ты можешь сделать это при помощи Божией. Останови его опухоль как бы примочкой. Но что, скажешь, если он от этого еще более возгордится? Тебе нет до этого нужды; ты сделаешь свое дело, а он пусть отвечает за себя сам. Только бы нас не упрекала совесть, что это произошло от упущения с нашей стороны чего-нибудь должного... Писание повелевает идти примириться и благодетельствовать врагу не с тем, чтобы собрать на него горящие уголья, но чтобы он, зная это, исправился, чтобы трепетал и боялся этих благодетельствований больше, чем обид. Для враждующего не так опасен враг, причинивший ему зло, как благодетель, делающий ему добро, потому что злопамятный вредит и себе и ему, а делающий благо собирает огненные уголья на его голову. Поэтому, скажешь, и не должно делать ему добра, чтобы не собирать на него уголья? Но разве ты хочешь собирать их на собственную голову?... А что, если я еще более усилию вражду? Нет, в этом виновен будешь не ты, а он, если он подобен зверю; если и когда ты благоворишь и оказываешь ему честь и желание примириться, он упорно будет продолжать

вражду, то он сам на себя собирает огонь, сам сжигает свою голову, а ты нисколько не виновен (43, 435).

«Солнце да не зайдет во гневѣ вашем» (Еф. 4, 26). В продолжение дня многие могут и отвлекать, и отторгать нас от гнева, а ночью, когда человек остается один и предается своим мыслям, волны вздымаются сильнее и буря свирепствует с большей яростью. Предупреждая это, Павел и хочет, чтобы мы встречали ночь примирившись, чтобы диавол не воспользовался нашим уединением и не разжег сильнее печь гнева (41, 185).

Не говори: что же мне делать, если меня обижают, если отнимают у меня имущество и влекут меня на суд? Христос и в таком случае запрещает питать вражду, отнимая всякий к тому повод и предлог. Так как это повеление было особенно важно, то Господь убеждает к исполнению его указанием не на будущие блага, а на настоящие выгоды, которые скорее могут обуздывать грубых людей, чем обещания будущего. Ты говоришь: он сильнее меня и причиняет мне обиду? Но не причинит ли он тебе еще больше вреда, если ты не примирись с ним?.. Если ты избежишь этой распри, то приобретешь двоякую пользу: во-первых, ты не потерпишь никакой неприятности, во-вторых, это будет уже твоя добродетель, а не следствие принуждения (41, 186).

Если мы искренне хотим примириться, то не отступим (от враждующего), пока не победим его своими усиленными просьбами, пока не привлечем к себе и не заставим прекратить вражду против нас. Разве мы ему оказываем этим милость? Нет, на нас самих переходят плоды доброго дела; мы этим привлекаем на себя благоволение Божие, приобретаем себе прощение грехов, получаем великое дерзновение перед Господом (38, 283).

Чем более кто согрешил против нас, тем более должны мы спешить к примирению с ним, потому что за это нам простится больше грехов. **Святитель Иоанн Златоуст (36, 239).**

Если брат в первый раз **воспротивился** — **великодушно** потерпи, если во **второй** — не теряя надежды, еще есть время к исцелению, если и в третий **раз** — будь человеколюбивым земледельцем, еще упроси господина не вырубать и не подвергать гневу бесплодную и бесполезную смоковницу, но позаботиться о ней и удобрить вокруг нее почву (Лк. 13, 8), то есть исцелить брата исповедью его постыдных дел и опозоренной жизни. Кто знает, не принесет ли эта смоковница плоды и не напитает ли Иисуса, возвращающегося из Вифании? Потерпи действительный или кажущийся тебе дурной запах поступков брата своего, ты, который помазан духовным миром, составленным по искусству мироварения, чтобы передать брату свое благоухание. Грех не такой яд ехидны, от которого тотчас постигает мучительная боль или смерть, так что тебе было бы извинительно бежать от змеи или убить ее. Напротив, если можешь, уврачуй брата, а если нет, по крайней мере, сам не подвергнешься опасности какого-нибудь **Участия** в его порочности (116, 155).

Для прочного мира недостаточно одной поспешности **примире-**ния, если оно не будет подкреплено разумом и разуму не буд

содействовать Сам Бог, от Которого всякое добро получает начало и приходит в совершенство, поэтому молитвой и размышлением постараемся утвердить в силе наше примирение. Святитель Григорий Богослов (11, 229).

И мы, как исполнители их [апостолов] учения, только что пришли к вам, возвещая мир, и вместе с Павлом говорим вам: «Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа» (Евр. 12, 14). Если же без наличия мира со всеми никто не увидит Бога, то разве увидит Бога в Будущем Веке тот, который даже со своими согражданами не живет в мире? Напротив, разве не услышит он тогда: «Если нечестивый будет помилован, то не научится он правде» (Ис. 26, 10)?! Святитель Григорий Палама (65,20).

И с неприятелями, когда просят мира, надо примириться. Ибо кто не примиряется, но мучает, не обуздав гнева милосердием, даже тех, которые просят о примирении... тот утратит преимущества победы, от всех потерпит укоризны, как уподобившийся зверю, и не избежит наказания от Бога (50, 320).

Нельзя быть непримиримым с примиряющимся, но даже, насколько от нас зависит, нужно примириться и с непримиримыми, если только не терпит вреда благочестие. Преподобный Исидор Пелусиот (51, 425.)

Один брат был в скорби на другого брата, который, узнав об этом, пришел для примирения. Первый не отворил ему дверей. Второй пошел к старцу и рассказал ему об этом. Старец отвечал: «Посмотри, нет ли причины в сердце твоём? Не признаешь ли ты себя правым? Не имеешь ли намерения обвинить брата, а себя оправдать? По этой причине Бог не коснулся сердца его и он не отворил тебе дверей. Но то, что скажу тебе, верно: хотя бы он был виноват перед тобой, положи в сердце своем, что ты виноват перед ним, и оправдай брата своего, тогда Бог вложит в сердце его желание примириться с тобой». Он поступил по слову старца и снова пошел к брату. Тот сразу же отворил дверь и, прежде чем пришедший попросил прощения, обнял его от души, и между ними водворился величайший мир. Отечник (82, 517—518).

Был в Александрии вельможа, который, несмотря на все увещания святителя Иоанна Милостивого, не хотел и слышать о примирении со своим врагом. Раз святитель пригласил его в свою домовую церковь на Божественную литургию. Вельможа пришел. В церкви никого не было из богомольцев; сам патриарх служил, а на клиросе был только один певец, которому вельможа и стал помогать в пении. Когда они начали петь молитву Господню, запел ее и святитель, но на словах: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь» святитель Иоанн вдруг замолчал сам и остановил певца, так что вельможа один пропел слова молитвы: «И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим». Тут святитель сказал ему: «Смотри, сын мой, в какой страшный час и что говоришь ты Богу: остави мне, как и я оставляю! Правду ли

ты говоришь? Оставляешь ли?» Эти слова так поразили вельможу, что он, весь в слезах, бросился к ногам архипастыря и воскликнул: «Все, что ни повелишь, владыко, исполнит раб твой». И исполнил: он в тот же день помирился со своим врагом и от всего сердца простил ему все обиды. **Пролог в поучениях (81, 588—589).**

МИРОТВОРЧЕСТВО

Будь миротворцем, чтобы достойно называться сыном Божиим. **Преподобный Ефрем Сирин (25, 197).**

Спаситель ублажал миротворцев и возвестил, что сделаются сынами Божиими, во-первых, пребывающие в мире с собою и не воздвигающие мятежа, но прекращающие внутреннюю брань тем, что тело покоряют духу, водворяя мир и в других, живущих в раздоре и с собою, и друг с другом.

Никто не вправе указывать другому того, чего не имеет сам. Поэтому удивляюсь ни *с чем не сравнимой щедрости **Божия** человеколюбия. Господь обещает благие воздаяния не только за труды и пролитие пота, но и за некоторый род наслаждения, так как выше всего, радующего нас, есть мир, а без него (когда он нарушен войной) ничто не приносит радости.

Прекрасно сказано: миротворцы «будут наречены сынами Божиими» (Мф. 5, 9).

Поскольку Сам Он, как истинный Сын, умиротворил всё, сделав людей орудием добродетели, небесное соединил с земным, справедливо сказал, что делающие, по возможности, то же самое будут удостоены того же наименования и возведены в достоинство сыноположения, которое и есть самый высший предел блаженства. **Преподобный Исидор Пелусиот (52, 86).**

Почтим дар **Примирителя**—мир, дар, который, уходя от земли, Он оставил нам (Ин. 14, 27) как некий прощальный залог. Будем знать одну только **брань—брань** с сопротивной силой. ...Уступим в иной малости, чтобы получить взамен важнейшее, то есть единомыслие. Предоставим над собой победу, чтобы и нам победить. Посмотрите на уставы состязаний и на подвиги борцов: у них часто лежащий внизу одерживает победу над теми, которые были наверху. И мы будем подражать им... **Святитель Григорий Богослов (18, 244).**

(Апостол) Павел говорит: «Делая добро, да не унываем» (Гал. 6, 9). Так мы поступаем и в домашних делах: когда двое ссорятся между собою, отведя каждого в сторону, даем им противоположные советы. Так поступил и Бог, так поступил и Моисей, который говорил Богу: «Прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей» (Исх. 32, 32). А израильтянам повелел убивать друг друга, не щадя даже и родственников. Хотя эти действия одно другому противоположны, однако то и другое клонилось к одной цели. **Святитель Иоанн Златоуст (41, 391).**

«И обув ноги в готовность благовествовать мир» (Еф. 6, 15). Обратите внимание на то, что так именовал он некоторую силу

души, потому что ногами мы выходим к Тому, Который говорит: «Я есмь путь» (Ин. 14, 6), и их мы должны обути в готовность благовествовать мир. **Блаженный Иероним**. Творения, кн. 17, Киев, 1903, с. 383.

Поведали нам святые старцы такой случай. Один монах пришел из Скита посетить своих отцов, живших в месте, называемом Келлии, где множество монахов пребывало в отдельных келлиях. Так как в то время не нашлось свободной келлии, в которой он мог бы побыть, один из старцев, у которого была другая келлия, незанятая, предоставил ее гостю. К скитянину начали ходить многие из **братий**, потому что он имел духовную благодать преподавать слово Божие. Увидел это старец, предоставивший ему келлию, и уязвился завистью. Он стал негодовать и говорить: «Столько времени я живу в этом месте, а ко мне не приходят братия, разве очень редко, и то в праздничные дни, а к этому льстецу почти ежедневно приходит множество **братий**». Затем он отдал такое приказание своему ученику: «Пойди скажи ему, чтобы он уходил из келлии, потому что она мне нужна». Ученик, придя к скитянину, сказал ему: «Отец мой послал меня к твоей святыне: он слышал, что ты болен». Тот поблагодарил и попросил старца молить Бога о нем, потому что очень страдал от боли в желудке. Ученик, возвратясь к старцу, сказал: «Он просит твою святыню, чтобы ты потерпел его два дня, в которые бы он мог приискать себе келлию». По прошествии трех дней старец опять послал ученика к скитянину: «Пойди скажи ему, чтобы он уходил из моей келлии. Если он и еще отсрочит свой уход, я приду сам и жезлом выгоню его». Ученик пошел к скитянину и сказал: «Отец мой очень озабочен, услышав о твоей болезни; он послал меня узнать, чувствуешь ли себя лучше?» Тот просил передать: «Благодарю, владыко святой, любовь твою! Ты так заботился обо мне! По твоим молитвам чувствую себя лучше». Ученик, возвратясь, сказал своему старцу: «И теперь он просит твою святыню, чтобы ты подождал до воскресного дня; тогда он немедленно уйдет». Наступил воскресный **день — скитянин** спокойно оставался в келлии. Старец, воспламененный завистью и гневом, схватил жезл, пошел, чтобы побоями выгнать скитянина из келлии. Видя это, ученик подошел к старцу и говорит ему: «Если повелишь, я пойду вперед и посмотрю: может быть, пришли к нему братия, которые, увидев тебя, могут соблазниться». Получив позволение, ученик пошел вперед и, войдя к скитянину, сказал ему: «Вот, отец мой идет, чтобы посетить тебя. Поспеши ему навстречу и поблаговари его, потому что он делает это по побуждению великой сердечной благодати и любви к тебе». Скитянин немедленно встал и в веселии духа пошел навстречу. Увидев старца, прежде нежели тот приблизился, он пал перед ним на землю, воздавая поклонение и благодарение: «Да воздаст тебе Господь, возлюбленный отец, вечными благами за келлию твою, которую ты мне предоставил ради имени **Его!** Да приуготовит тебе Христос Господь в небесном Иерусалиме между святыми Своими славную и светлую обитель!»

Старец, услышав это, умилился сердцем и, кинув жезл, устремился в объятия скитянина. Они дали друг другу целование о Господе, и старец пригласил гостя в свою келлию, чтобы вместе вкусить пищу при благодарении Бога. Наедине старец спросил ученика своего: «Скажи мне, сын мой, передавал ли ты брату те слова, которые я приказывал передать ему?» Тогда ученик признался: «Скажу тебе, владыко, правду: по преданности моей к тебе, отцу и владыке, я не осмелился сказать ему того, что ты приказывал, и ни одного из слов твоих не передал». Старец, услышав это, пал к ногам ученика и сказал: «С этого дня **ты**—мой отец, а **я**—**твой** ученик, потому что Христос избавил и мою душу и душу брата от греховной сети при посредстве твоего благоразумия и действий, исполненных страха Божия и любви». Господь даровал благодать Свою, и все они пребывали в мире Христовом, доставленном верою, святыми попечениями и благонамеренностью ученика. Любя старца своего совершенною любовью во Христе, он очень боялся, чтобы духовный отец его, увлеченный страстью зависти и гнева, не впал в проступок, который уничтожил бы все труды его, принятые на себя с юности в служении Христу ради Вечной Жизни. **Отечник (82, 430—432).**

МИР (2)

Божественный порядок и красота **мира** — откровение о Творце

Подлинно суетны по природе все люди, у которых не было ведения о Боге, которые из видимых совершенств не могли познать Сущего и, взирая на дела, не познали Виновника, а почитали за богов, правящих миром, или огонь, или ветер, или движущийся воздух, или звездный круг, или бурную **воду**, или небесные светила. Если, пленяясь их красотой, они почитали их за богов, то должны были бы познать, сколько лучше их Господь, ибо Он, Виновник красоты, создал их. А если удивлялись силе и действию их, то должны были бы узнать из них, сколько могущественнее тот, Кто сотворил их; ибо от величия красоты созданий сравнительно познается Виновник бытия их» (Прем. 13, 1—5).

Небо, земля, **море** — словом, весь мир, эта великая и преславная книга Божия, в которой открывается самим безмолвием проповедуемый Бог, пока этот мир стоит твердо и в мире с самим собою, не выступая из пределов своей природы, пока в нем ни одно существо не восстает против другого и не разрывает тех уз любви, которыми все связал **Художник — Творческое Слово**, до тех пор он соответствует своему названию и подлинно есть мир (космос)** и красота несравненная, до тех пор ничего нельзя представить себе славнее и величественнее его. Но с прекращением мира (ирини) и мир (космос) перестает быть миром (космос)... Но когда в мире вещество возмутится само против себя и, готовя разрушение своим смятением, станет неукротимым или когда Бог, в страх и наказание грешникам, несколько нарушит стройный порядок или наводнением моря, или землетрясением, или необыкновенными дождями, или помрачением солнца, или продолжительностью какого-нибудь времени года, или извержением огня, тогда нестроение и страх разливаются на все, и среди смятения открывается, сколь благодетелен мир (ирини). **Святитель Григорий Богослов (11, 231—233).**

Небеса, движущиеся по Его распоряжению, в мире повинуются Ему; день и ночь совершают определенное им течение, не препятствуя друг другу. Солнце и лики звезд, по Его велению, согласно, без малейшего уклонения проникают на назначенные им

* В теме «Мир (2)» слово «мир» рассматривается в значении совокупности творения **Божия**. — *Ред.*

** Слово «космос» образовано от глагола **«космѣо»** — украшать.

пути. Плодоносящая земля, по Его воле, в определенные времена производит изобильную пищу людям, зверям и всем находящимся на ней животным, не замедляя и не изменяя ничего из предписанного им. Неисследимые и непостижимые области бездны и преисподней держатся теми же веляниями. Беспредельное море, по Его устройению соединенное в большие водные массы, не выступает за положенные ему преграды, но делает так, как Он повелел. Ибо Он сказал: «Доселе дойдешь... и здесь предел надменным волнам твоим» (Иов. 38, 11). Непроходимый для людей океан и миры, за ним находящиеся, управляются теми же повелениями Господа. Времена **года — весна**, лето, осень и зима мирно сменяются одно другим. Определенные ветры, каждый в свое время, беспрепятственно совершают каждый свое служение. Неиссякающие источники, созданные для наслаждения и здоровья, непрестанно доставляют людям свою влагу, необходимую для их жизни. Наконец, малейшие животные мирно и согласно составляют сожительство между собою.

Всему этому повелел быть в мире великий Создатель и Владыка всего, Который благоволит всем, а преимущественно нам, которые прибегли к милосердию Его через Господа нашего Иисуса Христа, Кому слава и величие во веки веков. **Святитель Климент Римский (1, 86—87).**

Как побуждается все к миру, когда многое удовлетворяется несогласием и разделением?.. В несогласии и разделении (заключается) своеобразие всего существующего. Но ни одно из существующих своеобразных (явлений природы) не стремится уничтожить другое... И этот мир, в совершенстве сохраняющийся по отношению к каждому отдельному своеобразному (явлению природы), мы называем равновесием. **Ареопagitики**. Об именах Божиих. Migne, PG 3, 952 В, С.

Должен быть велик Тот, Кто из ничего сотворил такую великую машину, должен быть премудр Тот, Кто все сотворил так премудро. Должен быть добр Тот, Кто все доброе сотворил. Кто подал свет солнцу, луне и звездам, Тот Сам в Себе непременно есть еще лучший Свет. Кто дал разум человеку, Тот непременно имеет еще лучший разум... Как из книги познается разум сочинителя, из **здания — мудрость** архитектора, как отражается в зеркале чистый образ смотрящегося в него, так и из созданий и совершенства каждого из них познается Создатель (113, 158).

Как сочинитель книги из разума своего выносит слова и пишет их на бумаге, и так сочиняет книгу, и как бы из ничего делает нечто, так Премудрый и Всемогущий Создатель сотворил все, что писал в Своем Божественном разуме, чего пожелал, и как бы книгу, состоящую из двух листов, то есть неба и земли, сочинил. В этой книге видим Божие Всемогущество, Премудрость и Благость. Всемогущество, ибо Он сотворил все из ничего Своим пожеланием и Словом. Премудрость, ибо все сотворил премудро: «Все соделал Ты премудро» (Пс. 103, 24). Благость, ибо все не **ради** Себя, но ради нас сотворил. Добро щедро отдает само себя. Ибо Бог Сам ради Себя ничего не требует. Как прежде начала

веков, так и ныне, и во веки веков, Он пребывает во всесовершенном блаженстве (104, 1049—1050).

Мир сотворен ради человека, но все вещи в **мире** — это следы **Божии**, они свидетельствуют о Боге; они, как ручьи, ведут человека к Жизни, Источнику Жизни, и показывают Его, и учат из Него черпать и освежать свои души; кто бы захотел пить из ручьев, видя самый Источник Жизни? Хороши создания, и очень хороши, но несравненно лучше Создатель, Который их сотворил хорошими. Созданное показывает **Благодать и Любовь** Божию к нам и учит нас любить Бога, хвалить и благодарить Его как Создателя и Благодетеля своего. Они не требуют любви к самим себе, но как бы так говорят нам: мы сотворены Создателем для вашей пользы и вашего употребления, любите Того, Кто нас сотворил ради вас, а не нас самих, ибо мы сами любить вас не можем, и, употребляя нас ради своей пользы, благодарите Того, Кто дал нас вам (104, 1051).

Из этого ты узнаешь, христианин, что есть **Бог — Творец**, о Котором свидетельствуют создания, как мастерство о мастере. Все имеет от Него свое начало и бытие. Все повелением Божиим служит человеку. Человек, пользуясь Божиим созданием, непременно должен благодарить Бога, славить имя **Его** и усердно служить Ему. Заблуждаются, как слепые, те, которые этого долга не исполняют, и обличаются своей совестью как неблагодарные. Это им будет обличением на Суде Христовом, что пользовались Божиим добром, живя в мире, но Бога, Подателя добра, благодарить не хотели и не хотели служить Ему. Из этого можешь и себя рассмотреть, стараешься ли ты этот долг исполнять, чтобы не явиться неблагодарным Создателю твоему и не быть осужденным вместе с неблагодарными рабами в день Суда Христова. Святитель Тихон Задонский (104, **1054—1055**).

ТВОРЕНИЕ МИРА

Бог — Творец мира невидимого и видимого

Если мир имеет начало и сотворен, то спросим себя: Кто дал ему начало и Кто **его** Творец? Но чтобы ты, доискиваясь этого посредством человеческих умствований, не уклонился как-нибудь от истины, Моисей предварил тебя своим учением, вместо печати и ограждения нашим душам, наложив досточтимое имя Божие, когда сказал: «В начале сотворил Бог...» (Быт. 1, 1). Это блаженное Естество, эта неоскудевающая Благодать, эта Красота возлюбленная и многовожделенная для всякого одаренного разумом существа, эта неприступная **Мудрость — вот Кто сотворил** в начале небо и землю! Святитель Василий Великий (4, 6).

Как только Благой и Преблагой Бог не удовольствовался созерцанием Себя Самого, но по избытку Благодати восхотел, чтобы произошло нечто, что в будущем пользовалось бы Его благодеяниями и было причастно Его Благодати, Он приводит из

небытия в бытие и творит все без **изъятия — как** невидимое, так и видимое, также и человека, составленного из видимого и невидимого. Творит же Он, мысля, и мысль эта, дополняемая Словом и завершаемая Духом, становится делом. Преподобный Иоанн Дамаскин. «Точное изложение православной веры». СПб, 1894, с. 44.

Высочайший **Художник — Бог — во** всем, что должно было делать, пользуясь Своею всемогущей силой, то есть Сыном, ибо «все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть» (Ин. 1, 3), в начале и прежде всего другого сотворил небо и землю и призвал к бытию, хотя они никогда не существовали. Если же, быть может, кто-либо спросит, каким образом и откуда, то он услышит от нас следующее мудрое и поистине превосходное слово: «Кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?» (Рим. 11, 34).

...В каждом из сотворенных дел Зиждителем было Слово, и одно только мановение Его давало бытие всему. Святитель Кирилл Александрийский. Творения, ч. 4, М., 1886, с. **9—11**.

Прежде всего веруй, что **один** Бог, все сотворивший, приведший все из ничего в бытие. Он все объемлет, Сам будучи необъятен, и не может быть ни словом определен, ни умом постигнут. Пастырь Ерма. Памятники древней христианской письменности в русском переводе, т. 1, М., 1860, с. 254.

...Создатель сотворил один всецелый мир, чтобы устройство многих миров не привело к мысли о многих Создателях. Поскольку же творение одно, то веруем, что и Творец его один. Святитель Афанасий Великий. Творения, ч. 1, М., 1851, с. 65.

Поскольку египтяне обоготворили видимую тварь и израильтяне, прожив с ними долгое время, стали причастны этому же нечестию, то Моисей, по необходимости, предлагает им учение о твари и ясно учит, что тварь имеет начало бытия и что Творец есть Бог всяческих. Блаженный Феодорит Кирский. Творения, ч. 1, М., 1855, с. 7.

...Если Бог не один вечен и все прочее не от Него произошло, в таком случае Он и не Бог. И если мир совечен Богу, следовательно, равен Ему по бытию, то он равен Богу и по неизменяемости, и по бесконечности, и по всему, и значит, есть другой Бог. Но два вечные и совместные начала не могут быть допущены по представлениям здравого разума. Тертуллиан. Епископ Макарий (Булгаков). Православно-догматическое богословие, т. 2, СПб., **1851**, с. 10—11)*.

Бог создал невидимый и видимый мир; и душу и тело также сотворил **Он**.

...Некоторые говорят, что твари от вечности сосуществовали с Богом; но это невозможно. Ибо как могут от вечности **сопребывать** с Бесконечным во **всем — существа** по всему конечные и как они являются собственно тварями, если совечны Творцу? Но так

* Далее это издание цитируется без указания тома, места и года.

говорят эллины, которые вводят Бога как Творца не естества, а только качеств. Мы же, признавая Бога всемогущим, говорим, что Он Творец не только качеств, но и естеств, наделенных качествами. Если же так, то твари от вечности не существовали с Богом.

...Вседостаточный Бог произвел твари из небытия в бытие не потому, чтобы в чем-либо имел нужду, но чтобы они, по мере своей способности воспринять, причащаясь Его блаженства, наслаждались и чтобы Сам Он радовался делам Своим, видя их радующимися и всегда ненасытимо насыщающимися ненасытимым. Преподобный Максим Исповедник (68, 151, 155, 148).

... Самое творение указывает на Сотворившего его, самое дело объявляет о Том, Кто его произвел, и мир проповедует Устроившего его. Вся же Церковь по всему миру получила это предание от апостолов.

Творец же мира есть Слово Божие, и это Господь наш, Который в последние времена сделался человеком и существовал в этом мире, невидимо содержит все сотворенное и внедрен во всем создании, потому что Слово Божие всем управляет и располагает; и для того Он видимо пришел к своим, и стал плотию, и простерся на древе, чтобы все восстановить в Себе. Святитель Ириней Лионский. Сочинения. СПб., 1900, с. 130—131, 485—486.

Прежде чем возник мир, был только Живой и Беспредельный Бог. Когда мир из небытия был вызван к бытию, Бог, конечно, не сделался ограниченным, вся полнота жизни и беспредельности осталась при Нем. Но эта полнота жизни и беспредельности выразилась и в тварях, живых и ограниченных, которых безмерно много и все одарены жизнью. Протоиерей Иоанн Сергиев, т. 1, М., 1894, с. 282—283.

Действием воли Божией сотворены миры, видимый и невидимый, **сотворен** и искуплен человек, совершены и совершаются все события, общественные и частные, из которых светит, как солнце с неба, Божия Благодать, Божие Всемогущество, Божия Премудрость. Епископ **Игнатий** (Брянчанинов) (109, 80).

Бог сотворил мир из ничего

Люди могут делать что-либо не из ничего, а при посредстве материи. Но Бог, собственно, и превосходит людей тем, что Он Сам призвал к бытию материю Своего создания, которая прежде не существовала. Святитель Ириней Лионский (113, 149).

Как горшечник, с одинаковым искусством сделавший тысячи сосудов, тем не истощил ни искусства, ни силы, так и Создатель этой вселенной, имея творческую силу, не только достаточную для одного мира, но бесконечно ее превосходящую, привел в бытие все величие видимого одним мановением воли (4, 6).

Не из Себя творит Бог Свои создания, а Своей деятельностью

приводит их в бытие, подобно тому как человек, обделывающий что-нибудь руками, не из себя производит свое дело. **Святитель Василий Великий (113, 150).**

Представлять, что Бог сформировал мир из готового вещества, — это значило бы приравнивать его творчество к человеческому искусству, которое всегда нуждается в каком-либо веществе (как, например, гончар нуждается в глине, **строитель** — в кирпиче и камне, плотник и **кораблестроитель** — в дереве, **ткач** — в шерсти, кожевник в коже, **живописец** — в краске и т. п.), и не понимать разницы между человеком и Богом, не понимать того, что невозможно образу иметь все то, что имеет Первообраз. **Блаженный Феофилакт (113, 149).**

Нужно представлять себе в Боге все в совокупности: волю, премудрость, могущество и сущность вещей. Если же это действительно так, то пусть никто не затрудняет себя, доискиваясь и спрашивая о веществе, как и откуда оно, подобно тем, которые говорят: если Бог невеществен, то откуда вещество? Как произошло количественное от неколичественного, зримое от незримого?.. На все подобные вопросы о веществе у нас один ответ: не надо предполагать, будто бы Премудрость Божия не всемогуща и Его Всемогущество не премудро. Напротив, должно держаться той мысли, что одно с другим неразрывно, что то и другое оказывается одним и тем же, так что вместе с одним усматривается и другое. Если же в одном и том же Бог есть премудрость и могущество, то Он не мог не знать, как найти вещество к созданию существ, и не мог не иметь нужного могущества, чтобы осуществить мысль. **Святитель Григорий Нисский (113, 149).**

Что было бы великого, если бы Бог создал мир из готовой материи? И у нас художник, получив от кого-либо вещество, формирует из него что угодно. Но могущество Бога в том и проявляется, что Он из ничего произвел все, что только пожелал.

... Бог привел все из небытия в бытие, чтобы из творений было познаваемо Его величие. **Святитель Феофил Антиохийский (епископ Макарий (Булгаков), с. 14, 32).**

Моисей, совершая на горе сорокадневный пост, видит Бога в ведении, как написано, а не в гадании, и беседует с Ним, и говорит как кто говорит со своим другом. Он научен Богом, и сам учит о Нем, учит, что Бог присносущен и ни от чего не зависит, но и не существующее признает как сущее, и из небытия приводит все в бытие, и не допускает, чтобы оно возвратилось в **небытие**, — Он, Который в начале мановением и единым желанием произвел из ничего все видимое творение. **Святитель Григорий Палама (65, 69).**

Если бы все произошло само собой без Промысла, как утверждают эпикурейцы, то надлежало бы всему произойти однообразно и быть одним и тем же, а не различным; во вселенной, как в едином теле, всему надлежало бы быть солнцем или луной, а у людей целому телу надлежало бы быть или рукой,

или глазом, или ногой. Но ничего этого теперь нет; мы видим, что **одно** — солнце, **другое** — луна, а **иное** — земля; и в человеческих телах также **одно** — нога, **другое** — рука, **иное** — голова. А такой распорядок дает знать, что все это произошло не само собой, и даже показывает, что всему предшествовала причина, из которой можно познать и приведшего в порядок, и сотворившего вселенную Бога.

Если Бог не **Сам — первопричина** вещества, а всякое существо творит из вещества готового, то явно, что Он бессилен, потому что ничего действительного не в состоянии произвести без вещества, подобно тому, как и резчик по дереву, без сомнения, не может сделать никакой вещи без дерева. Святитель Афанасий Великий (113, 149).

Вселенная сотворена, а непородил ее Бог из Самого Себя, чтобы быть ей тем же, чем является Он Сам. Напротив, Он создал ее из ничего, чтобы не было равного ни Тому, Кем она создана, ни Сыну Его, через Которого создана... Из ничего Бог сотворил все, а из Самого Себя Он не сотворил, но родил равного Себе, Которого мы именуем Сыном Божиим. Блаженный Августин (113, 150).

Не из сущности Божией произошел тварный мир, а волей и силой Божией приведен из небытия в бытие... Рождение состоит в том, что из сущности рождающего происходит рождаемое, равное ему по сущности. Творение же и создание состоит в том, что творимое и созидаемое происходит извне, а не из сущности творящего или созидающего, и, без всякого сомнения, не подобно ему по сущности. Преподобный Иоанн **Дамаскин** (113, 150).

Из ничего создал (Бог мир) для прославления Своего величия. Тертуллиан (епископ Макарий (Булгаков), с. 32).

Итак, пусть никто не спрашивает, из какого вещества Бог произвел столь великие и удивительные создания; Он произвел все из **ничего**. **Лактанций**, епископ Макарий (Булгаков), с. 14.

По свидетельству Писания, небо, земля, огонь, воздух и воды сотворены из ничего. Свет же, сотворенный в первый день, и все прочее, что сотворено после него, сотворено уже из того, что было прежде. Ибо когда Моисей говорит о сотворенном из ничего, он употребляет слово **«сотворил»**: «сотворил Бог **небо** и **землю**» (Быт. 1, 1). Преподобный Ефрем Сирин. Творения, ч. 8, М., 1853, с. 259.

...В первый день Бог, по Своему всемогущему слову, сотворил все из небытия, а в остальные дни уже творит все из существовавшего (созданного в первый день). Святитель Иоанн Златоуст (40, 755).

Продолжительность дней творения

Никто из людей не может ни объяснить надлежащим образом этого семидневного творения, ни изобразить всего Домостроительства его, хотя бы имел тысячу уст и тысячу языков; даже если бы кто жил тысячу лет на этом свете, и тогда не будет он в

состоянии об этом сказать что-нибудь достойным образом по причине превосходящего величия и по богатству премудрости Божией, явленной в этом семидневном творении. Святитель Феофил Антиохийский. Сочинения древних христианских апологетов. М., 1867, с. 198—199.

Моисей... пишет, что мир и земля получили бытие и образовались в продолжение шести дней не по силам и законам, ныне действующим в природе, а по непосредственному слову Божию. Но Всемогуший, без всякого сомнения, мог в самое короткое **время** — или даже **мгновенно** — **произвести** то, что по силам и законам природы образовалось бы только в течение столетий или тысячелетий. Эти силы и законы начали действовать в природе только с тех пор, как сама она, вместе с бытием, получила полное образование от Бога, а распространять действие их на предшествовавшее время, подчинять им всемогущество Самого Творца при первоначальном устройении неба и **земли** — **неправомерно**. Епископ Макарий (Булгаков), с. **100—101**.

«И был вечер, и было утро: день один» (Быт. 1, 5). Почему назван не первым, но одним? Хотя намеревающемуся говорить о втором и третьем, и четвертом днях было бы естественнее назвать первым тот день, с которого начинаются последующие, однако он назвал одним. Или он определяет этим меру дня и ночи, соединяя их в одни сутки... И Моисей как бы так сказал: мера двадцати четырех часов есть продолжение одного дня, или возвращение неба от одного знака к тому же знаку совершается в один день. ...Или главное этому основание скрывается в таинственном знаменовании, именно, что Бог, устроив природу времени, мерою и знаменаниями его положил продолжение дней, и, измеряя время недель, повелевает, чтобы неделя, исчисляющая движение времени, всегда возвращалась сама на себя, а также и седмицу наполнял один день, семикратно сам на себя возвращающийся. А образ круга таков, что сам он с себя начинается и сам в себе оканчивается. Конечно, и век имеет то отличительное свойство, что сам на себя возвращается и нигде не оканчивается.

Потому Моисей главу времени назвал не первым, но одним днем, чтобы этот день по самому наименованию имел сродство с веком. Святитель Василий Великий (4, **33—34**).

Сам сотворил **века** — **бывший** прежде веков, Которому божественный Давид говорит: «От века и до века **Ты — Бог**» (Пс. 89, **2—3**) и божественный апостол: «Чрез Которого и веки сотворил» (Евр. 1, 2).

Однако должно знать, что слово «век» обозначает весьма многое. Веком называется и жизнь каждого из людей. Веком называется и тысяча лет. Называется веком вся настоящая жизнь, **веком** — и Будущая, бесконечная после Воскресения (Мф. 12, 32; Лк. 20, 35). Веком называется не время и не какая-либо часть времени, измеряемая движением и бегом солнца, то есть составляемая днями и ночами, но как бы некоторое временное движение и расстояние, которое тянется подле и вместе с тем, что вечно. Ибо что именно есть время для того, что

находится в зависимости от времени, этим для вечного служит век.

Так говорят о семи веках этого мира, то есть от сотворения неба и земли до общего конца бытия людей и Воскресения. Ибо есть, с одной стороны, частный **конец — смерть** каждого, с другой стороны, есть и общий и совершенный конец, когда будет Общее Воскресение людей. Восьмой же **век — Век Будущий**.

Прежде же устроения мира, когда не было и солнца, отделяющего день от ночи, не было века, который можно было измерять, но было как бы некоторое временное движение и расстояние, которое тянулось подле и вместе с тем, чтоечно, и в этом, конечно, смысле век один, поскольку и Бог называется Вечным. Но Он называется и Предвечным, ибо Он сотворил и самый век, потому что Бог, один только Безначальный, Сам есть Творец **всего — как** веков, так и всего сущего. Ясно, что, говоря о Боге, подразумеваю Отца и Единородного Сына Его, Господа нашего Иисуса Христа, и Всесвятого Духа Его, Единого Бога нашего.

Говорят же и о веках веков, поскольку и семь веков настоящего мира обнимают много веков, то есть человеческих жизней, и о веке одном, который вмещает в себе все века. И веком века называется нынешний век и Будущий. А Вечная Жизнь и вечное наказание указывают на бесконечность Будущего Века. Ибо и время после Воскресения не будет исчисляться днями и ночами. Напротив, будет один невечерний день, так как Солнце Правды будет светло сиять праведным; для грешников же будет глубокая и бесконечная ночь. ...Итак, Бог, Который и все без изытия сотворил и существует прежде веков, есть один Творец всех веков. Преподобный Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры, СПб., 1894, с. 43—44.

Никто не должен думать, что слова о шестидневном творении есть иносказание. Непозволительно также говорить, будто бы всё, что, по описанию, сотворено в продолжение шести дней, сотворено в одно мгновение или что в этом описании представлены лишь условные наименования, или ничего не означающие, или означающие нечто иное. Напротив, должно знать, что как небо и земля, сотворенные в начале, есть действительно небо и земля, а не что-либо иное подразумевается под этими словами, так и сказанное обо всем прочем, что сотворено и приведено в устройство после сотворения неба и земли, заключает в себе не пустые наименования, но силе этих наименований соответствует самая сущность сотворенных естеств. Преподобный Ефрем Сирин. Творения, ч. 8, М., 1853, с. 250.

...Мы должны думать так, что настоящие семь дней, составляя по примеру тех дней (дней творения) неделю, из повторения которой слагаются времена и каждый день которой продолжается от восхода до захода солнца, представляют собой некую смену творческих дней, но так, что не подобны им, а несомненно во многом от них отличны. Блаженный Августин, Творения, ч. 7, Киев, 1912, с. 268.

Общий порядок творения

Бог сотворил все, видимое нами, в течение шести дней. Но первый день резко отличается от других, следующих за ним, а именно: в первый день Бог сотворил все из несуществующего, а начиная со второго дня Бог ничего уже не созидает из несуществующего, изменяет только, как благоугодно Его всемогущей воле, то, что было сотворено в первый день. Святитель Иоанн Златоуст (40, 737).

В первый день сотворено девять духовных природ в молчании (Ангельский мир) и одна природа словом; **это — свет**. Во второй день сотворена твердь. В третий день Бог произвел собрания вод и злаки, в **четвертый — отделение света**, в **пятый — птиц**, пресмыкающихся и рыб, в **шестой — животных** и человека. Преподобный Исаак Сирий (55, 78).

Вся природа сотворена в шесть дней: в первый день Бог создал свет; во **второй — твердь**; в третий, собрав воедино воды, образовал сушу; в **четвертый — сотворил** солнце, луну и звезды; в **пятый — произвел животных**, обитающих в воде и летающих по воздуху; в **шестой — четвероногих** на земле и **наконец — человека**. Святитель Афанасий Великий. Епископ Макарий (Булгаков) с. 92—93.

Владыка Бог творит из не сущего и созидает из сущего: первое небо создал из не сущего, а второе сотворил из вод. Так привел в бытие и землю несуществовавшую, а ей повелел произрастать деревья и семена. Он создал свет, как пожелал. Но как твердью разделил водное естество, часть поместив над твердью, а часть оставив под твердью, так по воле Своей разделил и свет, создав великие и малые светила. Блаженный Феодорит **Кирский**. Творения, ч. 1, М., 1855, с. 20.

«В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1, 1) — **не** пустую, конечно, и не совершенно лишенную всякой влаги, ибо земля была смешана с водой, и та и другая были тяжелее воздуха и всякого вида живого существа и растений; небо же — **из** различных светов и огней, из которых все оно состоит. Святитель Григорий Палама (65, 69).

В первый день Он сотворил высшие небеса, землю, воды. Из этих стихий образуются: лед, град, иней и роса. Затем из служебных духов пред лицом Его следуют: Ангелы, предстоящие лицу Его, Ангелы Славы, ангелы ветров, ангелы облаков и мрака, снега, града и мороза; ангелы шума, громов, молний, холода, жара, зимы, осени, весны, лета и все духи, присущие творениям Его, находящимся на Небесах и на земле. **Далее** — бездны: бездна подземная и бездна хаоса и мрак. Потом следуют: вечер и ночь, свет дня и утра. Эти семь величайших дел сотворил Бог в первый День.

Во второй же день (Бог сотворил) твердь посреди вод и Разделение между водами, которые над твердью, и водами,

которые под твердью на поверхности всей земли. Лишь это одно сотворил Бог во второй день.

В третий **день — моря**, реки, источники и озера, семена посева, растения, деревья плодовые и бесплодные, леса. Эти четыре величайших дела сотворил Бог в третий день.

В четвертый **день — солнце**, луну и звезды. Эти три великих дела сотворил Бог в четвертый день.

В пятый **день — китов** великих, рыб и пресмыкающихся в водах, птиц крылатых. Эти три великих **дела** сотворил Бог в пятый день.

В шестой **день — зверей**, скот, пресмыкающихся по земле и человека. Эти четыре великих дела сотворил Бог в шестой день.

И было всех дел, сотворенных Богом в шесть дней, двадцать два. И окончил Бог в шестой день все, что было на небесах и на земле, в морях и безднах, во свете и во мраке и во всем прочем. **Святитель** Епифаний Кипрский. Творения, ч. 6, М., 1884, с. 252—253.

В начале Бог создал небо и землю, и темную водную бездну или, как говорят эллины, хаос, который есть смешение стихий, в нем же земля была безвидна и пуста, покрыта бездонными водами и тьмою, как говорит Писание: «И тьма над бездною» (Быт. 1, 2). Создал же их Всесильный Господь из ничего, и из небытия привел в бытие, а от тех потом произвел и прочие создания, всё горнее и долнее, творя шесть дней...

...Созданная Богом первоматерия стала начатком прочего творения. Первоначальной материей небес была вода, а **земли** — стеснившаяся тяжелая масса. Потом повелением Божиим вода была отделена от толщи, **небо — от земли**, явился посреди воздух и просиял огонь. И прочие творения произошли по своему чину и времени. **Святитель** Димитрий Ростовский. Летопись, М., 1784, о. 1—2.

«В начале сотворил Бог небо...»

(Быт. 1, 1)

Небо есть то, что облекает как видимые, так и невидимые творения. Ибо внутри его заключаются и ограничиваются и постигаемые только умом силы Ангелов, и все то, что подлежит чувствам. Неописуемо же одно только Божество, Которое все наполняет и все обнимает, и все ограничивает, так как **Оно** — выше всего и все сотворило.

...Конечно, что рождается, подлежит и уничтожению, в соответствии с последовательностью, принадлежащей природе, также и небеса, но благодатью Божией они и содержатся, и сохраняются. Одно только Божество по Своей **природе —** и безначально, и бесконечно, поэтому и сказано: «они погибнут, а Ты пребудешь» (Пс. 101, 27). Однако небеса будут уничтожены не до конца, ибо «все они, как риза, обветшают, и, как одежду, Ты переменишь их, и изменятся» (Пс. 101, 27), и будет новое небо и новая земля (Откр. 21, 1).

...Сам **Он** — Создатель и Творец Ангелов, приведший их в

бытие из небытия, создавший их по образу Своему бестелесной природой, как бы некоторым духом и невещественным огнем, как говорит блаженный Давид: «Ты творишь ангелами Твоими духов, служителями **Твоими** — огонь пылающий» (Пс. 103, 4), описывая их легкость и пламенность, и пылкость, и весьма большую проницательность, и стремительность, с какой они и желают Бога, и служат Ему, их направленность ввысь и свободу от всякого вещественного помышления.

Итак, Ангел есть сущность, одаренная умом, всегда движущаяся, обладающая свободной волей, бестелесная, служащая Богу, по благодати получившая для своей природы бессмертие: вид и определение этой сущности знает один только Создатель. Бестелесной же она называется и невещественной по сравнению с нами, ибо все, сопоставляемое с Богом, Который один только несравним ни с чем, оказывается и грубым, и вещественным, потому что одно только Божество поистине невещественно и бестелесно.

Итак, Ангел есть природа разумная и одаренная умом, и обладающая свободной волей, изменчивая по желанию, то есть способная к изменению по доброй воле. Ибо все, что создано, изменчиво, неизменно же только то, что не сотворено. Ибо все разумное одарено свободной волей. Итак, Ангел, как природа, одаренная разумом и умная, обладает свободной волей, а как созданная — изменчива, имея власть и оставаться, и преуспевать в добре, и изменяться в худшую сторону.

Он не способен к раскаянию, потому что бестелесен. Ибо человек получил раскаяние по причине немощи тела.

Он — бессмертен, не по природе, но по благодати. Ибо все, что началось, также и имеет конец по своей природе. Но один только Бог есть вечно суший, вернее же, Он даже выше, чем вечность. Ибо Творец времен не находится в зависимости от времени, но **Он — выше** времени.

Ангелы — вторые, постигаемые только умом свет, имеющие свет от первого и безначального Света, не имеющие нужды в языке и слухе, но без произносимых слов сообщающие друг **другу** собственные мысли и решения.

Далее, все Ангелы сотворены через Слово и достигли полноты при содействии Святого Духа через освящение, соответственно своему достоинству и чину, имея участие в свете и благодати.

Они — описуемые, ибо когда они находятся на Небе, их нет на земле, и посылаемые Богом на **землю** — **они** не остаются на Небе, но они не ограничиваются стенами и дверями, и дверными запорами, и печатями, ибо **они — неограниченны**. Неограниченными же называются потому, что они являются людям достойным, которым Бог пожелает, чтобы они являлись, не такими, какие **они есть**, но в измененном виде, смотря по тому, как могут воспринять ^{ал} видящие. Ибо по природе и в собственном смысле неограниченно только то, что не создано. Ибо всякое создание ограничивается создавшим его Богом.

Освящение они имеют извне, а не от своего существа: от Духа; пророчествуют они при содействии божественной благодати; не имеют нужды в браке, так как они не являются смертными.

А так как они умны, то находятся в местах, постигаемых только умом, описуемые не телесным **образом**—ибо что касается их природы, то они не принимают такого вида, как тела, и не имеют троякого **измерения**,—но тем, что духовно присутствуют и действуют, где бы ни было им приказано, и не могут в одно и то же время находиться здесь и там и действовать.

Равны ли они по существу или различаются друг от друга—**не** знаем. Это знает один только сотворивший их Бог, Который знает и все. Различаются же они друг от друга светом и **положением**—или соответственно свету имеют положение, или соответственно положению участвуют в свете; и освящают друг друга по причине превосходства чина или природы. Но ясно, что те Ангелы, которые стоят выше, сообщают стоящим ниже и свет, и знание.

Они—сильны и готовы к исполнению Божественной воли, и вследствие быстроты, присущей их природе, тотчас повсюду оказываются, где бы ни повелело божественное мановение, и оберегают области земли, и управляют народами и странами, смотря по тому, как повелено им Творцом, и распоряжаются нашими делами, и помогают нам. Вообще же и по Божественной воле, и по Божественному повелению **они—выше** нас и всегда находятся около Бога.

Они—трудно склоняемы к злу, хотя не непоколебимы, но теперь даже и непоколебимы, не по природе, а по благодати и привязанности к одному только благу.

Они видят Бога, насколько для них возможно, и это является их пищей.

Будучи выше нас как бестелесные и свободные от всякой телесной страсти, они, однако, не бесстрастны, ибо бесстрастно одно Божество.

Преображаются же они во что бы только ни повелел Господь Бог и таким образом являются людям и открывают им Божественные тайны.

Они пребывают на Небе и имеют одно занятие: воспевать хвалы Богу и служить Его Божественной воле.

А как говорит святейший и священнейший, и превосходнейший в богословии Дионисий Ареопагит, все богословие, то есть Божественное Писание, назвало девять небесных сущностей; божественный священнонаставник разграничивает их на три тройственных класса. И он говорит, что первый **класс—тот**, который всегда находится около Бога и которому позволено быть соединенным с Ним ближайшим образом и непосредственно: класс шестокрылых Серафимов, многоочитых Херувимов и святейших Престолов. Второй же—**класс** Господств, Сил и Властей, а третий, и **последний**,—**класс** Начал, Архангелов и Ангелов.

Некоторые, конечно, говорят, что Ангелы произошли прежде всякой твари, подобно тому как говорит [святитель] Григорий Богослов: Прежде всего Он вымышляет ангельские и небесные Силы, и мысль эта стала делом. Другие же говорят, что они произошли после возникновения первого неба. А что они произошли прежде образования человека, все согласны. Я же

соглашаюсь с Богословом. Ибо надлежало, чтобы прежде всего была создана постигаемая только умом сущность и при таких **обстоятельствах**—сущность, воспринимаемая чувством, и тогда уже человек, состоящий из той и другой.

Те же, которые говорят, что **Ангелы**—**творцы** какой бы то ни было сущности, эти суть уста отца **их**—**диавола**. Ибо, будучи творениями, Ангелы не есть творцы. Создатель же всего и Промыслитель, и Сохранитель есть Бог, Который один только... несотворен, и воспеваем, и прославляем в Отце и Сыне и Святом **Духе**.

...Из этих ангельских сил тот ангел, **которые** стоял во главе земного чина и которому Бог вверил охрану **земли**,—не родившись злым по природе, но будучи добрым и произойдя для благой цели, и совершенно не восприняв в себя самого со стороны Творца и следа **порочности**,—не перенесся как света, так и чести, которую ему даровал Творец, по своей воле изменился из того, что согласно с природой, в то, что против природы. Он возгордился против сотворившего его Бога, пожелав воспротивиться Ему, и, первым отпав от блага, оказался во зле. Ибо зло и не есть что-либо другое, кроме лишения блага, подобно тому как и **тьма**—**лишение** света. Ибо благо есть свет духовный, а духовная **тьма**—**зло**. Итак, свет, созданный Творцом и происшедший хорошим, ибо «увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт. 1, 31), по самовластному желанию сделался тьмою. Но вместе с ним было увлечено и последовало за ним, и пало бесконечное множество стоявших под его властью ангелов. Итак, будучи одной и той же природы с Ангелами, они сделались злыми, добровольно отклонив расположение сердца от блага к злу.

Далее, они не имеют ни власти, ни силы в отношении к кому-либо, если не получают позволения от Бога для осуществления целей Его Домостроительства, подобно тому как это случилось с Иовом (Иов. 1, 12), или таким образом, как написано в Евангелии о свиньях (Мк. 5, 13). При позволении же со стороны Бога они и имеют силу, и изменяются, и преобразуются в тот вид, в какой хотят, в соответствии со своим воображением.

И будущего, конечно, не знают ни Ангелы **Божии**, ни демоны.

Однако они предсказывают: Ангелы, когда Бог открывает им и повелевает предсказать, и поэтому то, что они говорят, сбывается; предсказывают же и демоны: иногда потому, что видят то, что происходит вдали, иногда же потому, что догадываются; поэтому они часто и лгут, и им не нужно верить, даже если они и много раз говорят истину таким способом, о каком мы Сказали. Знают же они и Писания.

Итак, всякий порок придуман ими, также и нечистые страсти, и хотя им позволено нападать на человека, но поступать насильственно с кем-либо они не имеют власти, ибо от нас зависит выдержать нападение или не выдержать; поэтому диаволу и его Демонам, также и последователям его уготован огонь неугасимый **■ вечное** наказание.

Должно же знать, что чем именно служит для людей смерть,

этим для ангелов служит падение. Ибо после падения для них невозможно покаяние, подобно тому как и для людей оно невозможно после смерти. **Преподобный Иоанн Дамаскин**. Точное изложение православной веры. СПб., 1894, с. 49—55.

Сотворение материи

Моисей различает два главных вида творения, следовавшие одно за другим. Первое творение в собственном смысле, бывшее в самом начале, когда Творец произвел все из ничего: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1, 1), произвел самое вещество мира, заключавшее в себе начала или зародыши для всех его существ. В этом-то смысле сказал и премудрый сын Сирахов: «Все вообще создал Живущий во веки» (Сир. 18, 1). ...А другое **творение — творение** уже из готового первоначального и еще неустроенного вещества, совершившееся в продолжение шести дней. Это творение, конечно, имел в виду Соломон, когда писал, что всемогущая рука Божия создала мир из не имеющего образа вещества (Прем. 11, 18). И святой мученик Иустин повторил слова Соломона: Мы приняли, что Бог в начале сотворил все из вещества, не имеющего образа. **Епископ Макарий (Булгаков)**, с. 93—94.

Ясно, что устройство мира и все творение произошло из вещества, самое же вещество сотворено Богом; вещество было грубо и бесформенно, прежде чем разделились элементы, а по разделении их сделалось украшенным и благоустроенным. Итак, небо и звезды на нем состоят из вещества, и земля со всеми предметами, находящимися на ней, имеет такой же состав, так что все имеет одинаковое происхождение.

...Материя не безначальна, как Бог, и не имеет власти равной с Богом, как безначальная, но она получила начало, и не от кого-нибудь другого произошла, а произведена от одного Творцом всего. **Татиан** (Сочинения древних христианских апологетов, М., 1867, с. 252, 17).

Материя, из которой Бог сотворил и устроил мир, получила начало от Бога. **Святитель Феофил** Антиохийский (Сочинения древних христианских апологетов, с. 196).

Известно, что все изменяемое образуется из чего-либо бесформенного. Вместе с тем и кафолическая вера внушает, да и здравый разум говорит, что материи ни для одной из природ не могло быть иначе как только от Бога, виновника и Творца всех... **Блаженный Августин**. Творения, ч. 7, Киев, 1912, с. 160.

Итак, в первый день Бог созидает вещество творений, в последующие же дни дает форму Своим творениям и приводит все сотворенное в порядок (40, 737).

Когда Бог производит Своим всемогуществом материю, то в книге Бытия употребляется термин «сотворил». Когда же Бог начинает устройство мира, а началом этого устройства был свет, это и выражается соответствующим понятием. **Святитель Иоанн Златоуст** (40, 740).

Бог, прежде нежели существовало что-нибудь из видимого ныне, положив в уме и подвигшись привести в бытие **несуществовавшее**, помыслил и о том, каким должен быть мир, и произвел материю, соответственную форме мира. **Святитель Василий Великий (4, 11).**

Итак... Бог сотворил в начале небо и землю, сотворил как некую материю, всеобъемлющую и потенциально все несущую, и этим явно отвергается ошибочное мнение, что материя произошла сама по себе. **Святитель Григорий Палама (65, 69).**

Сначала создано вещество смешанное и неустроенное, из которого произошло все, что явилось потом разделенным и устроенным. То вещество, думаю, греки называют хаосом, как и в другом месте читаем: Ты сотворил мир «из **необразного** вещества» (Прем. 11, 18), или, по иным текстам: из вещества невидимого. Это не имеющее образа вещество, которое Бог сотворил из ничего, названо небом и землей. И сказано: «В начале сотворил Бог небо и землю» (Быт. 1, 1) не потому, что они тогда же и произошли, но потому, что могли **произойти — точно** так, как если бы мы, глядя на семья дерева, сказали, что тут и корни, и сила, и ствол, и плоды, и листья, то сказали бы не потому, конечно, что все это уже есть, но потому, что все это должно произойти. Блаженный **Августин** (епископ Макарий (Булгаков), с. 94).

Известно, что вся машина мира и все, находящееся в ней, образовано из материи, но сама материя сотворена Богом. **Татиан** (епископ Макарий (Булгаков), с. 94).

В первый день Бог творил из ничего, а в другие дни уже не из ничего творил, а устраивал из того, что создал в день первый. **Священномученик Ипполит Римский** (епископ Макарий (Булгаков), с. 94).

...Бог произвел из ничего материю и, придав ей форму, создал этот воспринимаемый чувствами и видимый мир... Митрофан **Криптул** (Исповедание Кафолической и Апостольской Церкви восточной. «Христианское чтение», ч. 2, 1846, СПб., с. 347).

Создание света и происхождение тьмы

Создатель, начиная совершенствовать и украшать первое творение, невидимое и неукрашенное, прежде всего повелел воссиять из тьмы свету. Как художник, вставший в полночь, чтобы сделать то, что хочет, сначала зажигает свечу, чтобы видеть все в своем Доме, так и премудрый Создатель **Бог — хотя Он и всевидящ и видит сущее в темной бездне, словно при свете, — прежде всего, как** свечу в доме, явил свет дня, сказав: «да будет свет. И стал свет» (Быт. 1, 3). **Святитель Димитрий Ростовский.** Летопись. М., 1784, с. 2.

Начало творения есть свет, потому что свет делает видимым **то**, что создается. Поэтому и говорится: «И сказал Бог: да будет

свет. И стал свет. И увидел Бог, что свет хорош», разумеется для человека. Святитель **Феофил Антиохийский** (Сочинения древних христианских апологетов. М., 1867, с. 196).

«И сказал Бог: да будет свет» (Быт. 1, 3). Первое Божие Слово создало природу света, разогнало тьму, рассеяло уныние, наполнило радостью мир, всему придало вдруг привлекательный и приятный вид. Святитель Василий Великий (4, 30).

Когда по единому мановению Божией воли вдруг нераздельно быша сотворена вселенная и все стихии были еще смешаны одна с другой, тогда рассеянный повсюду огонь был затемнен преизбытком вещества. Но поскольку в нем есть некая всепроницающая и подвижная сила, то вместе с тем как естеству существ было дано Богом повеление привести в бытие мир, и огонь прошел сквозь всякое тяжелое естество и вдруг озарил все светом. Святитель Григорий Нисский (17, 14).

Тьма необходима. А что она не какая-либо сущность, но нечто случайное, нетрудно понять потому, что она есть тень, отбрасываемая небом и землей и исчезающая при появлении света. Свет же есть сущность, и он самостоятелен, он заходит и снова появляется и, удалившись, возвращается. Как наше тело есть некая сущность, а производимая им **тьма—нечто** случайное, а не сущность, так небо и земля, эти величайшие из тел, суть различные сущности, производимая же ими тень, пока нет света, называется тьмою. Но свет уничтожает тьму. Блаженный Феодорит Кирский. Творения, ч. 1, М., 1855, с. 15.

Тьма не есть что-либо вечное, она даже не творение, потому что тьма, как показывает Писание, есть тень. Она не прежде неба и не после облаков сотворена, но вместе с облаками и ими порождена. Бытие ее зависит от иного, потому что нет у нее собственной сущности; и когда перестает быть то, от чего она зависит, **тогда** вместе с этим и подобно этому перестает быть и тьма. Но что прекращается вместе с другим, перестающим быть, то близко к несуществующему, потому что иное служит причиной его бытия. Поэтому тьма, которая была при облаках и тверди и которой не стало при первоначальном свете и при солнце, могла ли быть самостоятельной, когда одно своим распространением породило ее, а другое своим явлением рассеяло ее? Преподобный Ефрем Сирин. Творения, ч. 8, 1853, с. 260—261.

Огонь есть одна из четырех **стихий—и** легкая, и более остальных устремленная вверх, и жгучая, и освещающая, созданная Творцом в первый день. Ибо Божественное Писание говорит: «И сказал **Бог**: да будет свет. И стал свет» (Быт. 1, 3). Как некоторые говорят, огонь не есть что-либо другое, кроме света. Другие же **утверждают**, что этот мировой огонь, который они называют эфиром, находится выше воздуха. Итак, в начале, то есть в первый день, Бог сотворил **свет—убранство** и украшение всей видимой твари. Ибо отними **свет—и** все останется во тьме нераспознаваемым и не сможет явить собственную красоту.

«Назвал Бог свет днем, а тьму ночью» (Быт. 1, 5). Тьма же есть не какая-либо сущность, но случайность, ибо она — лишение света, потому что воздух не имеет в своей сущности света. Итак, Бог назвал тьмой самое лишение света, что именно скорее указывает на его случайность, нежели на сущность. И не ночь была названа первой, а день, так что **день — первый**, а **ночь — последняя**. Таким образом, ночь следует за днем; и от начала дня до начала другого дня — **одни** сутки, ибо Писание говорит: «И был вечер, и было утро: день один» (Быт. 1, 5).

В три первых дня и день, и ночь произошли, конечно, вследствие того, что свет, по Божественному повелению, распространялся и сокращался. В четвертый же день Бог сотворил светило великое, то есть солнце, в начало и власть дня, ибо при посредстве его происходит день, так как день бывает в то время, когда солнце видимо над землей; и мерой дня служит бег солнца над землей от восхода его до захождения. В этот же день Бог сотворил и светило меньшее, то есть луну, и звезды, в начало и власть ночи, чтобы освещать ее. ...В эти светила Творец вложил первозданный **свет — не** потому, что Он имел недостаток в ином свете, но чтобы тот свет не оставался праздным. Ибо светило есть не самый свет, но вместилище света. **Преподобный Иоанн Дамаскин**. Точное изложение православной веры. СПб., 1894, с. 54—60.

Создание земли и небесных тел

...Написано: «Земля же была безвидна и пуста» (Быт. 1, 2), а из этого явствует, что все уже было в возможности при первом устремлении Божиим к творению, как бы от вложенной некоей силы, осеменяющей бытие вселенной, но в действительности не было еще ничего в отдельности. Ибо сказано: «Земля была безвидна и пуста», а это значит то же, что сказать: земля и была, и не была, потому что не сошлись еще к ней качества. Доказательством этой мысли служит то, что, по Писанию, была она безвидна. Ибо невидимое не имеет различимой окраски, а она производится как бы неким истечением образа на поверхность, образ же невозможен без тела. Поэтому если земля была «безвидна», то, конечно, и бесцветна, а значит, не имела и тела. Следовательно, при первоначальном основании мира земля, как и все прочее, была в числе существ, но еще ожидала того, что дается устройством качеств, что и **значит — прийти** в бытие. Писание, сказав, что земля была «безвидна и пуста», показывает этим, что никакого видимого ее качества еще не было, а назвав ее «пустой», дает понять, что она не была еще облечена телесными свойствами. **Святитель Григорий Нисский (17, 21)**.

Когда таким образом вода покрывала землю, особенно ее углубленные места, Бог через Свое Слово повелел собраться воде в одно место и появиться земле, которая прежде была невидима. **Земля** сделалась видимой, но была еще неустроенна. **Святитель еофил Антиохийский** (Сочинения древних христианских **апологетов**. М., 1867, с. 201).

...Вода есть одна из четырех стихий, прекраснейшее творение Божие. **Вода—стихия:** и влажная, и холодная, и тяжелая, и стремящаяся вниз, легко разливаемая. О ней упоминает и Божественное Писание: «и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою» (Быт. 1, 2). Ибо **бездна—ничто** другое, кроме большого изобилия воды, предел которой непостижим для людей. В начале вода, конечно, находилась на поверхности всей земли. И прежде всего Бог сотворил твердь, разделяющую воду, «которая под твердью, от воды, которая над твердью» (Быт. 1, 7; 6). Ибо она, по Господнему повелению, была укреплена посреди бездны воды. Поэтому и сказал Бог, чтобы произошла твердь, и она произошла. Но для чего Бог поместил воду над твердью? По причине сильнейшего воспламеняющего свойства солнца и эфира. Ибо прямо под твердью был распростерт эфир, а также и солнце с луной, и звездами находятся на тверди. И если бы не была помещена сверху вода, то твердь сгорела бы.

Потом Бог повелел, чтобы воды собрались «в одно место» (Быт. 1, 9). То же обстоятельство, что Писание говорит об одном месте, не указывает на то, что они собрались в одном месте, ибо после этого **оно—смотри!**—говорит: «а собрание вод назвал морями» (Быт. 1, 10); но это слово Писания показало, что воды вместе, в тот же момент, были особо отделены от земли. Итак, воды собрались в одно место и явилась суша (Быт. 1, 9).

...Есть же и океан, как бы некая река, окружающая всю землю, о котором, мне кажется, Божественное Писание сказало, что река исходит из Едема (Быт. 2, 10), имеющая годную для питья и сладкую воду. Он доставляет морям воду, которая, долго оставаясь в морях и будучи неподвижной, делается горькой, так как солнце и смерчи постоянно увлекают вверх тончайшую ее часть, отчего образуются облака и идут **дожди—от** испарения сладкой воды.

Есть и... реки... весьма многочисленные и весьма великие, из которых одни изливаются в море, другие же исчезают в земле. Поэтому вся земля просверлена и изрыта, как будто имеет некие жилы, через которые принимает из моря воды и изливает их источниками. Поэтому, согласно со **свойством** земли, бывает и вода источников различной. Ибо морская вода просачивается и процеживается через землю и таким образом делается сладкой. Если же место, откуда источник вытекает, окажется горьким или соленым, то такая же поднимается вверх и вода. Часто же, сжатая и прорываясь силой, вода согревается, тогда вверх поднимаются горячие от природы воды.

Так, по Божественному повелению, произошли в земле пусты, и, таким образом, воды собрались «в одно место» (Быт. 1, 9), вследствие чего произошли и горы. Затем первоначальной воде Бог повелел произвести живую душу (Быт. 1, 24), так как Он намеревался через воду и носившегося в начале над водами Святого Духа (Быт. 1, 2) обновлять человека... Она же произвела живые существа, и малые и великие: китов, драконов, рыб, плавающих в водах, и крылатых птиц. Следовательно, через птиц соединяются и вода, и земля, и воздух, ибо они произошли из

воды, а живут на земле и в воздухе летают. С другой стороны, **вода — прекраснейшая** стихия, и очень полезная, и очищающая от **нечистоты — не** только телесной, но и душевной, если кто-либо, сверх того, еще получит благодать Духа. Преподобный Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. СПб., 1894, с. 67—70.

Когда Бог благоволил сотворить землю, ни впадин, ни гор еще не существовало. Но когда Богу было угодно сказать: «да соберется вода» (Быт. 1, 9), одновременно разошлась и земля и образовались в ней впадины. Святитель Иоанн Златоуст (40, 754).

...Первоначально вся светоносная сила, собранная в себе самой, была единым светом. Поскольку же в природе вселенной было явлено великое разнообразие творений по их большей или меньшей тонкости и изменяемости, то достаточно было трехдневного срока, чтобы каждое творение в мире отделилось одно от другого. Самое тонкое и легкое, чисто невещественное, в огненной сущности заняло самый крайний предел видимого творения. За ним последовало умопостигаемое и бесплотное естество. А все менее деятельное и более косное сформировалось внутри пространства, окружаемого тем тонким и легким естеством. Да и оно само, по разнообразию свойств, разделилось семикратно, по взаимному родству между собой и соответствию близких частей света и по отделении тех, в которых есть нечто инородное. Так после взаимного стечения всех этих частиц, сколько их было в светоносной сущности солнечного естества, произошло одно великое светило. Так же и на луне, и на каждой из прочих движущихся и неподвижных звезд соединение однородных частиц произвело одно из видимых светил. Таким образом все пришло в бытие. Великому же Моисею достаточно было назвать только более известные из них: «светило большее... и светило меньшее» (Быт. 1, 16), а все прочее назвать родовым именем «звезды». Святитель Григорий Нисский (17, 64—65).

...Первоначальный свет, по сотворении названный добрым, своим восхождением производил три дня. Он, как говорят, содействовал зачатию и порождению всего, что земля должна была произвести в третий день. Солнцу же, утвержденному на тверди, надлежало привести к созреванию то, что произошло уже при содействии первоначального света. Говорят же, что из этого рассеянного всюду света и из огня, сотворенных в первый день, устроено солнце, которое на тверди, и что луна и **звезды — из** того же первоначального света. Солнце, владеющее днями, освещая землю, вместе с тем приводит к созреванию ее произрастания. И луна, владеющая ночами, не только светом своим **ночью** умеряет жар, но и содействует тому, что порождает свойственные ей по первоначальной природе плоды и произрастания. Преподобный Ефрем Сирин. Творения, ч. 8, М., 1853, с. 255—256.

Из чего же сотворено солнце? Из того света, который был создан в первый день. Творец изменил свет так, как Его

Всемогушеству и Благости было угодно, и превратил его в разные небесные светила. В первый день он создает вещество света, а **теперь — солнце**, луну, звезды и остальные светлые небесные тела. Святитель Иоанн Златоуст (40, **755—756**).

«И создал Бог два светила великие» (Быт. 1, 16)... Эти светила названы великими не потому, что они больше других звезд, но потому, что имеют объем достаточный для того, чтобы своими лучами озарять небо и воздух и одновременно проливать свет на землю и море... Святитель Василий Великий (4, 98).

Семь из этих светил... есть планеты. ...Бег же они совершают непрерывный, какой назначил им Творец и как основал их, подобно тому как говорит божественный Давид: «взираю я... на луну и звезды, которые Ты поставил» (Пс. 8, 4). Ибо выражением «Ты поставил» он обозначил твердость и неизменимость данных им Богом и порядка, и непрерывного движения. Ибо Он поставил их «для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов» (Быт. 1, 14). Ибо при посредстве солнца происходят четыре изменения времен года, и **первое — весеннее**, ибо в это время Бог сотворил все без изъятия; и на это указывает то обстоятельство, что и доныне всё расцветает весной.

...Эллины, конечно, говорят, что через восхождение и захождение, и сближение этих звезд и солнца, и луны устраиваются все наши дела, ибо астрологи занимаются этим. Однако мы утверждаем, что хотя от них и получаются предзнаменования дождя и бездождия, холода или жары, влажности или сухости, ветров и тому подобного, но никоим образом не предзнаменования наших дел. Ибо мы произошли от Творца одаренными свободной волей и являемся властителями и господами наших дел. Ибо если бы мы все делали вследствие течения звезд, то по необходимости совершали бы то, что делаем, а то, что происходит по необходимости, не является ни добродетелью, ни пороком. Если же мы не имеем ни добродетели, ни порока, то недостойны ни похвал, ни наказаний. А также и Бог оказался бы несправедливым, доставляя одним блага, а другим бедствия. При таком условии, если бы все управлялось и увлекалось необходимостью, Бог даже не управлял бы Своими творениями и не промышлял бы о них. Сверх того, и разум оказался бы в нас излишним, ибо мы, не будучи господами никакого дела, напрасно осмыслили бы себя. Но разум дан нам именно для обсуждения, почему все разумное также одарено и свободной волей.

...Часто же показываются и **кометы — некоторые** знамения, объявляющие о смерти царей. Они не принадлежат к числу звезд, происшедших искони, но, по Божественному повелению, в самое надлежавшее время образуются и опять уничтожаются. Ибо и звезда, явившаяся волхвам во время человеколюбивого и спасительного ради нас рождения Господа во плоти, не была из числа звезд, которые произошли в начале. И это ясно из того обстоятельства, что она совершала свой бег то с востока на запад, то с севера на юг и что она то скрывалась, то показывалась, что несвойственно порядку или природе звезд.

...Ясно же, что и солнце, и луна, и **звезды — сложные** и по своей природе подлежат разрушению. Но природы их мы не знаем. Некоторые, конечно, говорят, что огонь вне какого-либо вещества не виден, почему он угасает и исчезает. Другие же утверждают, что он, угасая, изменяется в воздух. **Преподобный Иоанн Дамаскин.** Точное изложение православной веры. СПб., 1894, с. 60—64.

Творение жизни

Бог сказал: «да произрастит земля зелень, траву... и дерево плодovitое, приносящее по роду своему плод» (Быт. 1, 11). Затем Бог сказал: «да произведет земля душу живую... скотов... и зверей» (Быт. 1, 24). Отчего в Писании сказано: «да произрастит», а в другом месте: «да произведет»?

...Деревья, растения и плоды ежегодно произрастают, и вследствие того, что семена их каждый год должны оставаться в земле и происходить непременно из нее, и сказано: «да произрастит земля». А что касается животных и зверей, то они только однажды по слову Всемогущего Бога были порождены землей и вновь рождаются уже не из земли, а по естественному преемству друг от друга. Вот почему относительно животных и сказано Создателем: «да произведет земля», то есть раз и навсегда да породит земля животных. «И стало так» (Быт. 1, 24), — говорится в Писании. Слово Всемогущего Бога осуществилось: земля украсилась растениями и животными (40, 755).

...Всемогущему Богу угодно было даровать земле растения, водам же Он даровал рыб и птиц. ...Потому что Он впервые даровал вселенной жизнь через воды, то и повелевает прежде всего водам же и произвести живую природу с той очевидной целью, чтобы ты, возлюбленный, знал, откуда происходит корень жизни. **Святитель Иоанн Златоуст (40, 767).**

Поскольку же Создатель мира по Своей природе есть Жизнь, то и самую природу вод Он сделал матерью плавающих в них и летающих по воздуху. Земле же повелел произвести многообразную природу животных и бесчисленные виды диких зверей. И несомненно, Он произвел все, что Ему было угодно, и превыше всякого умопостижения. **Святитель Кирилл Александрийский.** Творения, ч. 4, М., 1886, с. 10—11.

Когда сказал Бог: «да произведет земля» (Быт. 1, 24), это не значит, что земля производит уже находившееся в ней, но Давший повеление даровал земле и силу произвести (113, 157).

«Да произрастит земля зелень» (Быт. 1, 11). И земля, соблюдая законы Создателя, начав с ростка, в краткое мгновение времени осуществила все виды возрастания и тотчас довела их до совершенства (4, 73).

Как шар, брошенный по наклонной поверхности, катится вниз и не останавливается до тех пор, пока не окажется на плоскости, так и живая природа, подвигнутая одним повелением, совершает равномерные переходы существ от рождения к разрушению, сохраняя единообразную последовательность видов, пока не до-

стигнет конца. От лошади рождается лошадь, от **льва — лев**, от **орла — орел**, и каждое животное, сохраняемое из рода в род, продолжается до скончания вселенной. Никакое время не повреждает и не истребляет свойств животных. Напротив, природа их, как недавно созданная, существует вместе со временем. Святитель Василий Великий (4, 137).

Земля все произвела из себя при содействии света и вод. Хотя Бог и без них мог произвести все из земли, однако такова была воля Его и тем хотел Он показать, что все, сотворенное на земле, сотворено на пользу человеку и на служение ему.

...Бог... повелевает земле произвести злаки, и траву, и различные плодоносные деревья. Злаки возникли в одно мгновение, но сразу стали такими, как будто росли месяцами. Также и деревья во время своего сотворения возникли в один день, но по совершенству и по плодам на ветвях казались порождениями многих лет.

...После собирания вод во второй день появились реки, источники, озера и болота, и тогда воды, рассеянные по всей вселенной, по слову Божию, породили из себя пресмыкающихся и рыб; в безднах сотворены киты и из воды в то же время взлетели в воздух птицы. Преподобный Ефрем **Сирин**. Творения, ч. 8, М., 1853, с. 256, 264, 267.

Сам Бог наш, прославляемый в Троице и Единице, сотворил небо и землю, и все, что в них, приведя из небытия в бытие все без изъятия: **одно — из** вещества, которого прежде не существовало, как, например, небо, землю, воздух, огонь, воду; другое **же — из** этих происшедших от Него (элементов), как, например, животных, растения, семена. Ибо это по повелению Творца произошло из земли и воды, и воздуха, и огня.

...Итак, в начале, как говорит Божественное Писание (Быт. 1, 2), земля покрывалась водами и была «безвидна», то есть лишена украшения. Когда же Бог повелел, произошли вместилища вод и возникли горы, и земля, по Божественному повелению, приняла свое **украшение — всякие** злаки и растения, в которые Божественное повеление вложило и силу, способствующую возрастианию, и силу питающую и заключающую в себе семя, то есть способную к рождению подобного каждому из них. По повелению же Творца земля произвела и разнообразные роды **животных — как** пресмыкающихся, так и зверей и домашнего скота. **Всех — ради** благовременного пользования со стороны человека, но **одних — в** пищу ему, как, например, оленей, мелкий скот, серн и другое подобное, других **же — для** служения ему, как, например, верблюдов, волов, лошадей, ослов и другое подобное, иных **же — для** увеселения, как, например, обезьян, и из птиц: как сорок, так и попугаев, и другое подобное. А также и из растений и трав: одни земля произвела приносящими плоды, **другие — съедобными**, **иные** — благоухающими и цветущими, дарованными нам для наслаждения, как, например, розу и другое подобное, **иные — для** излечения болезней. Ибо нет ни живого существа, ни растения, в которое не вложил бы Творец какой-либо силы, годной для человеческого

употребления. Ибо «Знающий все прежде бытия его» (Дан. 13, 42), зная, что человек самовольно нарушит Божественную заповедь и предастся гибели, создал все: и то, что на тверди, и что на земле, и что на водах, чтобы он благовременно пользовался **ЭТИМ**.

Прежде нарушения Божественной заповеди, конечно, все было послушно человеку. Ибо Бог поставил его начальником над всем, что на земле и в водах. А также и змий был дружелюбен к человеку больше остальных живых существ, приходя к нему и своими приятными движениями беседуя с ним. Поэтому виновник **зла — диавол — через** него предложил прародителям самый злой совет (Быт. 3, 1—5). А с другой стороны, земля сама собою приносила плоды, чтобы ими пользовались подчиненные человеку живые существа; и не было на земле ни дождя, ни зимы. После же преступления, когда человек уподобился «животным, которые погибают» (Пс. 48, 13), как только неразумная похоть стала управлять одаренной разумом душой, когда он преступил заповедь Господа, подчиненная тварь восстала против избранного Творцом начальника, и ему было назначено в поте возделывать землю, из которой он был взят.

...Сверх того, после преступления произошло из земли **терние** — согласно с изречением Господним, по которому даже прекрасная роза имеет шипы, — приводящее нас к воспоминанию о преступлении, из-за которого земля была осуждена прорасти для нас терниями и волчцами.

Что это так, должно верить потому, что слова Господа: «плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю» (Быт. 1, 28) поддерживают непрестанное существование всего того до настоящего времени.

Однако и земля прейдет и изменится. Блажен же наследующий землю кротких (Мф. 5, 5). Ибо земля, которая примет к себе святых, бессмертна. Следовательно, кто мог бы достойно выразить удивление беспредельной и непостижимой мудрости Творца? Или кто мог бы воздать соответствующую благодарность Подателю столь великих **благ? Преподобный Иоанн Дамаскин**. Точное изложение православной веры. СПб., 1894, с. 43—74.

Сотворение человека

Божественная Благодать не довольствовалась созерцанием Себя Самой; надлежало, чтобы благо разливалось, шло далее и далее. Бог измышляет, во-первых, ангельские и небесные силы. И мысль стала делом, которое исполнено Словом и совершено духом. Так произошли вторые светлости, служители первой светлости. Поскольку же первые твари были Ему угодны, то измышляет другой **мир — вещественный** и видимый; и это есть стройный состав неба и земли, и того, что между ними, удивительный по прекрасным качествам каждой вещи, а еще более, достойный удивления по гармонии целого.

Пожелав показать **все** богатство Благодати, художническое Слово созидает живое существо, в котором приведены в единство

невидимое и видимая природа, то есть созидает человека, и, взяв тело из уже сотворенного вещества, а ет Себя вложив жизнь (что в слове Божиим известно под именем разумной души и образа Божия), творит как бы второй мир, в **малом — великий**; поставляет на земле иного ангела, созерцателя видимой природы, таинника умосозерцаемой твари. Святитель Григорий Богослов (113, 148).

Душа же произошла не из земли и не из воздуха, не из воды, не из огня, не из света, не от солнца, не из облака и не из другой какой-нибудь субстанции или тварной сущности, видимой или умопостигаемой. Из самой пречистой, вечной, непостижимой, неизъяснимой, невидимой, безобразной, бессмертной, нетленной, неосязаемой, непреходящей и бестелесной природы Бога, через божественное вдуновение получила творение и происхождение наша **богообразная**, богодарованная, богоподобная и богосозданная душа, произойдя как бы из некоего источника жизни живой и животворящей, будучи сотворена светом, как бы из сокровищницы света, выйдя из уст Божих и родившись как бы из некоего океана вечного аромата, как веяние благоухания, и вселившись в Адаме. Преподобный Анастасий Синаит. Слово 3-е, Сергиев Посад, 1915, с. 15.

Таким, следовательно, образом Бог сотворил духовные сущности: я говорю об Ангелах и всех находящихся на Небе чинах. Ибо они, совершенно очевидно, имеют духовную и бестелесную природу; бестелесной, однако, называю ее по сравнению с грубостью вещества, ибо одно только Божество поистине невестественно и бестелесно. Еще же сотворил Бог и чувственную природу: небо и землю, и то, что лежит между ними. Итак, одну природу Он сотворил родственной Себе (ибо родственна Богу разумная природа и постижимая для одного только ума), другую **же** — отстоящей от Него во всех отношениях весьма далеко, так как она, естественно, доступна чувству. Надлежало же, как говорит повествующий о Боге [святитель] Григорий [Богослов], чтобы произошло и смешение их **обеих — образец** высшей мудрости и великолепия по отношению к обеим природам, как бы некая связь видимой и невидимой природы. Говорю же «надлежало», обозначая волю Творца, ибо **она — закон** и постановление наиболее пристойное; и никто не скажет Творцу: зачем Ты сотворил меня таким образом? Ибо горшечник имеет власть готовить из своей глины различные сосуды для доказательства своей мудрости.

...Бог Своими руками творит человека и из видимой, и из невидимой природы как по Своему образу, так и подобию: тело образовав из земли, душу же, одаренную разумом и умом, дав ему посредством Своего «вдуновения» то, что мы и называем божественным образом, ибо выражение «по образу» означает разумное и одаренное свободной волей, выражение же «по подобию» означает подобие через добродетель, насколько это возможно для человека.

Далее, тело и душа сотворены в одно время, а не так, как пустословил Ориген, что одна прежде, а другое после.

Итак, Бог сотворил человека непричастным злу, прямым, нравственно добрым, беспечальным, свободным от забот, весьма украшенным всякой добродетелью, цветущим всякими **благами** — как бы некий второй мир, малый в **великом**, — **другого** ангела, смешанного из двух природ, почитателя, зрителя видимого творения, посвященного в таинства этого творения, которое воспринимается умом, царя над тем, что находится на земле, подчиненного горнему Царю, земного и небесного, преходящего и бессмертного, видимого и постигаемого умом, среднего между величием и ничтожностью, в одно и то же **время** — духа и плоть: **духа** — по благодати, **плоть** — по причине гордости; **одного** — для того, чтобы он оставался в живых и прославлял Благодетеля, **другую** — чтобы он страдал и, страдая, вразумлялся, и, гордясь величием, был наказываем; живое существо здесь, то есть в настоящей жизни, руководствуемое известным образом и переходящее в другое место, то есть в Век Будущий; **и** — **высшая** степень **таинства!** — **вследствие** своего тяготения к Богу делающееся богом; однако делающееся богом в смысле участия в Божественном Свете, а не потому, что оно переходит в Божественную Сущность.

Сотворил же Бог его по **природе** — безгрешным и по **воле** — независимым. Но безгрешным называю не потому, что он не был восприимчив ко греху, ибо одно только Божество не допускает греха, а потому, что совершение греха обуславливалось не природой его, но, скорее, свободной волей, то есть он имел возможность преуспевать в добре, получая содействие со стороны Божественной благодати, равно как и отвращаться от прекрасного и очутиться во зле по причине обладания свободной волей, при позволении со стороны Бога. Ибо добродетель не совершается по принуждению.

Итак, душа есть сущность живая, простая и бестелесная, по своей природе невидимая для телесных глаз, бессмертная, одаренная разумом и умом, не имеющая формы, пользующаяся снабженным органами телом и доставляющая ему жизнь и возрастание, и чувства, и производительную силу, имеющая ум, не иной по сравнению с ней самой, но чистейшую часть ее, ибо как глаз в теле, так ум в **душе** — одно и то же; независимая и одаренная способностью желания, также и способностью действовать, изменчивая, то есть обладающая слишком изменчивой волей, потому что она и сотворена, получившая все это естественно от благодати Сотворившего ее, от которой она получила и то, что существовала, и то, что была такой по природе.

...Должно знать, что человек имеет общее с неодушевленными предметами, и участвует в жизни бессловесных существ, и получил мышление существ, одаренных разумом. Ибо с неодушевленными предметами он имеет общее по своему телу и потому, что он соединен из четырех стихий, а с растениями как в этом отношении, так и со стороны силы питающей и произрастающей, и заключающей в себе семя или способной рождать; с бессловесными же существами имеет общее и в этом, а сверх того

и желания, то есть гнев и похоть, и способность чувствовать, и движения, соответствующие побуждению.

...Через посредство разума человек соединяется с бестелесными и постигаемыми только умом природами, мысля и обдумывая, и произнося приговор относительно всего порознь, и следуя за добродетелями, и любя **благочестие** — вершину добродетелей, — поэтому человек и есть малый мир.

Должно же знать, что расчлененность и течение, и изменение свойственны одному только телу. Изменение подразумеваю качественное: согревание и охлаждение и тому подобное. Течение же то, которое происходит вследствие опоражнивания, ибо опоражниваются: и сухое, и влажное, и дух и имеют нужду в наполнении. Поэтому и голод, и жажда согласны с законами природы. Расчлененность есть разобщение **влаг** — одной от другой и разделение на форму и материю.

Душе же свойственны благочестие и мышление. Но добродетели общи душе и телу, и именно потому, что они имеют отношение к душе, так как душа пользуется телом.

Должно знать, что разум по природе властвует над неразумной частью. Ибо силы души разделяются на разумную и неразумную. Но есть две части неразумной стороны души: одна непослушна разуму, то есть разуму не повинует, другая послушна и повинует разуму. Непослушная и не повинующаяся разуму часть есть, конечно, жизненная сила, которая называется и пульсовой, также сила, заключающая в себе семя, то есть способная рождать, также и сила растительная, которая называется и питающей, а этой принадлежит и сила, способствующая росту, которая и образует тела. Ибо они управляются не разумом, но природой. Послушная же и повинующаяся разуму часть разделяется на гнев и похоть. А вообще неразумной частью души называется способная к чувствам и возбуждающая желания. Должно же знать, что и движение, соответствующее побуждению, принадлежит к той части, которая послушна разуму.

А **сила** питающая и рождающая, и приводящая в движение кровь принадлежит той части, которая не повинует разуму. Растительной же силой называется та, которая способствует росту, и сила питающая, и сила рождающая; жизненной же та, которая приводит в движение кровь.

...Должно знать, что из тех сил, которые находятся в живом существе, **одни — душевные, другие — растительные, третьи — жизненные**. И душевные, конечно, те, которые исходят из свободной воли, то есть движение, соответствующее побуждению, и чувства. Движению же соответственно побуждению принадлежит и способность переходить с места на место, и способность к приведению в движение всего тела, и способность к издаванию звука, и способность дышать, ибо от нас зависит совершение и несовершение этого. Растительные же и жизненные суть те, которые не зависят от свободной воли. И растительные, конечно, это сила питающая и способствующая росту, и заключающая в себе семя, жизненная же есть та, которая приводит в движение кровь. Ибо эти силы действуют и тогда, когда мы желаем и когда

не желаем. **Преподобный Иоанн Дамаскин.** Точное изложение православной веры. СПб., 1894, с. 78—85.

Бог всяческих, сотворив чувственную и разумную тварь, напоследок создал человека, поставив его как некий Свой образ среди неодушевленных и одушевленных, чувственных и разумных тварей, чтобы неодушевленные и одушевленные твари как некую дань приносили ему пользу, а природы разумные **попечительно**-стью о человеке доказывали приверженность к Сотворившему.

...Когда мы в Моисеевой истории слышим, что Бог взял от земли персть и образовал человека (Быт. 2, 7), и отыскиваем смысл этого изречения, мы находим в этом особенное благорасположение Божие к роду человеческому. Ибо, описывая творение, великий пророк замечает, что другие твари Бог всяческих создал словом, а человека образовал Своими руками. Но как там под словом мы разумеем не повеление, но одну волю, так и здесь: при образовании тела не действие рук, но величайшую внимательность к этому делу. Ибо каким образом ныне по Его воле зарождается плод в утробе матери и природа следует законам, которые Он с самого начала предписал ей, так и тогда человеческое тело по Его же воле составилось из земли и персть стала плотью...

...Божественный Моисей говорит, что сначала образовано было тело Адама, а потом от Бога вдунута была душа: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2, 7). Это не значит, что была «вдунута» какая-либо часть Божественного существа... но этим словом обозначается свойство души, как существа разумного. **Блаженный Феодорит** Кирский. Творения, ч. I, М., с. 28—29, 108—109.

Явив сначала в подобающем украшении землю и небо и все, что на них, Бог приступает к сотворению человека, бытие которого Он имел в мысли раньше того. И всякое другое создание Он творил сразу повелением Своим и приводил в бытие словом Своим, как Бог. Поскольку же человек есть существо поистине благообразное и богоподобное, то, чтобы не показалось, что **он — подобие** высочайшей **славы — сотворен** одинаково с тем, что не таково же, как он, Бог удостаивает [процесс] Его создания предварительного совета и личного участия. Образовав тело его из земли, Он сделал его разумным животным; чтобы он выделялся из всех разумностью своей природы, тотчас же ознаменовал его нетленным и животворящим духом: «и вдунул в лице **его** дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2, 7). **Святитель Кирилл Александрийский.** Творения, ч. 4, М., 1886, с. 11—12.

Могущество же Бога обнаруживается в том, что Он из ничего творит, что хочет, равно как дать душу и движение не свойственно никому другому, кроме Бога. **Святитель Феофил** Антиохийский. (Сочинения древних христианских апологетов. М., 1867, с. 187).

«И вдунул в лице его дыхание жизни» (Быт. 2, 7)...

Словом «вдунул» божественный Моисей указывает на простоту души, на ее **несоставность**. Святитель Иоанн Златоуст (40, **789—790**).

К одному только устройению человека Творец вселенной приступает как бы с рассмотнительностью, чтобы и вещество приготовить для его состава, и образ его уподобить некоей первообразной красоте, и определить цель, для которой он будет существовать, и создать естество, соответствующее его деятельности, пригодное для предположенной цели. Святитель Григорий Нисский (17, 87).

После всего быш создан человек, который удостоился большей чести и большего провидения и до сотворения, и после сотворения; и этот чувственный мир был создан раньше его и ради него, а затем и Царство Небесное, также уготованное ради него прежде создания мира, **было** до него создано. И особая воля была проявлена относительно его. И рукою Божией и по образу Божию он был создан так, чтобы не все он имел от этой материи и согласно чувственному миру, как все иные живые существа, но таким было бы только его тело, а душу он имел бы от надмирного, лучше сказать, от Самого Бога через неизреченное **вдуновение**, — как нечто великое и чудесное, и все превосходящее, и все созерцающее, и над всем начальствующее, и знающее Бога, и являющее **Его** — как совершенное дело превосходящей все премудрости Художника. Святитель Григорий Палама (65, 70).

Происхождение человека превосходит происхождение всего: Бог взял персть от земли и создал человека (Быт. 2, 7). Он созидает наше тело собственной рукой. Не Ангел быш послан для создания. Не земля произвела нас сама собою, как кузнечиков. Не служебным Силам повелел Он сделать то или другое, но, взяв персть от **земли**, созидает собственной рукой. Святитель Василий Великий (епископ Макарий (Булгаков), с. 107).

Животные, скоты и птицы при самом сотворении получали вместе тела и души. Человека же Бог многим почтил, и, прежде всего, тем, что создал его, как сказано, Своею рукою, вдунул в него душу, дал ему власть над раем и над всем, что вне рая, облек его славой и дал ему дар слова, разум и ведение Божества.

...Словами же: «мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1, 27) Моисей дает знать, что Ева была уже в Адаме, в той кости, которая взята от Адама. Хотя Ева была в нем не по уму, но по телу, однако и не по телу только, но и по душе, и по духу. Потому что Бог ничего не присоединил к взятой от Адама кости, кроме красоты внешнего образа. Преподобный Ефрем Сирин. Творения, ч.8, М., 1853, с. 273, 268.

В Библии говорится: «вдунул в лице его дыхание жизни» (Быт. 2, 7), в Адама, первозданного и созданного Им из праха земного. Многие толкуют, что это значит, что в Адаме до этого не было души и духа человеческого, а была только плоть,

созданная из праха. Неверно это толкование, ибо Господь создал Адама из персти земной в том составе, о котором говорит святой апостол Павел: «и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа» (1 Фес. 5, 23). Все эти три части нашего естества были созданы от персти земной. И Адам не мертвым был создан, но действующим живым существом, подобно другим живущим на земле одушевленным Божиим существам. Но вот в чем сила: если бы Господь не вдунул потом в лицо его дыхание жизни, то есть благодати Духа Святого, от Отца исходящего, и в Сыне почивающего, и ради Сына в мир посылаемого, то Адам, как ни был он превосходно создан по сравнению с прочими Божиими созданиями как венец творения на земле, все-таки остался бы не имеющим внутри себя Духа Святого, возводящего его в богоподобное достоинство. Он был бы подобен всем прочим созданиям, хотя и имеющим плоть и душу, и дух, принадлежащие каждому по роду их, но не имеющим внутри себя Святого Духа. Когда же вдунул Господь в лицо Адама дыхание жизни, тогда-то, по выражению Моисея, «стал человек душею живую», то есть совершенно во всем подобной Богу и такой, как Он, бессмертной на веки веков. Преподобный Серафим Саровский (С. **Нилус**. Великое в малом. Сергиев Посад, 1911, с. 189—190).

Одно только счел Бог достойным собственных рук: сотворение человека... Жену для Адама Бог сотворил из ребра его. Святитель Феофил Антиохийский (епископ Макарий (Булгаков), т. 2, с. 107).

Не напрасно жена создана не из той же персти, из которой образован Адам, но из ребра самого Адама: да знаем, что в муже и жене одна телесная природа, что один источник человеческого рода, и потому не двое от начала **сотворены** — муж и жена, и не две жены, но прежде муж, а потом от него жена. Святитель Амвросий Медиоланский (епископ Макарий (Булгаков), т. 2, с. 207).

Ибо в начале Адам, будучи создан из земли и приняв дыхание, оживотворен в шестой день (а не в пятый, как думают некоторые, начато его сотворение, в шестой же приведено к окончанию, ибо мнение утверждающих это ошибочно). Святитель Епифаний Кипрский. Творения, ч. 1, М., 1863, с. 25.

Поведано Божественным откровением, что первый человек создан Богом из ничего, создан в красоте духовного изящества, создан бессмертным, чуждым зла. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (109, 98).

Целесообразность творения

Если бы все произошло случайно, без разумной причины, то все и образовалось бы как **попало** — без плана, без порядка. Но на Деле мы видим иное: все в мире удивительно упорядочено и **Устроено**. А это неизбежно заставляет предположить, что мир Устроен Существом, обладающим высочайшим разумом, то есть

Богом. **Святитель Афанасий Великий** (епископ Макарий (Булгаков), с. 11).

Мир, как произведение Живого, Премудрого Бога, полон жизни: везде и во всем жизнь и премудрость, во всем видим выражение **мысли — как** в целом, так и во всех частях. **Это —** настоящая книга, из которой можно, хотя и не так ясно, как из Откровения, учиться богопознанию. **Протоиерей Иоанн Сергиев**, т. 1, М., 1894, с. 282.

...Сколько чудодейственного и изумительного заключает каждый предмет, сотворенный Богом! Как из ничего простерто небо, поднятое на высоте? Как воссияло солнце и созданы луна и звезды? Из какого первообразного вещества взята земля, созданная из ничего? Из каких пород иссечены горы? Откуда состав всего мира, произведенный Богом из ничего? **Святитель Елифаний Кипрский**. Творения, ч. 3, М., 1872, с. 201.

...Ничто не сотворено напрасно и без пользы. Ибо оно или служит пищей какому-либо животному, или с помощью врачебной науки оказывается целебным для нас самих... (4, 71).

...Если станешь рассматривать и самые члены животных, найдешь, что Творец не прибавил ни одного лишнего и не отнял необходимого. **Святитель Василий Великий** (4, 143).

Для чего Бог повелел произрастать травам, негодным в пищу? Много видов бессловесных **животных — зверей**, скотов, пресмыкающихся и птиц. Всем им уготовил Бог пищу, а их сотворил на пользу людям, почему и говорится, что они питаются ради нас. Ибо сказано: «Ты произращаешь траву для скота, и зелень на пользу человека» (**Пс.** 103, 14). Поэтому бесполезное **одному** — полезно другому, и ненужное **людям — пригодно** для сотворенных ради человека. Кроме того, Господь, провидя, что людей, подвергшихся за грех смертному приговору, постигнут болезни, повелел земле произращать травы, не только годные в пищу, но и целебные.

...Никто да не укоряет Творца за зверей, принимая **во** внимание только то, что есть звери сами по себе, но пусть размышлет, какая от них польза. И в теле человеческого есть красота, стройность, взаимное соответствие частей, но есть и выделения организма. Впрочем, никто из здравомыслящих не унижает за это живое существо, потому что без этого и жить невозможно... Так, если кто отрежет один сустав пальца, то найдет его совершенно бесполезным, но сустав этот, пока он не отрезан, доставляет великую пользу. Поэтому и нам надлежит поступать таким образом: каждую часть творения рассматривать не в отдельности, какова она сама по себе, но доискиваться, полезна ли она для целой вселенной. **Блаженный Феодорит Кипрский**. Творения, ч. 1, М., 1856, с. 19—20, 23—24.

Весь мир свидетельствует о Боге, Создателе своем, и безмолвно о Нем говорит нам, разумной твари: Он меня создал. Великое

и чудное здание являет великого и чудного Создателя. **Святитель Тихон Задонский**. Сочинения, т. 13, М., 1837, с. 1.

Много я Тебе, Господи Боже, должен. Не было **меня** — и вот я есть и живу. Ты, Господи, благоволил мне быть и числиться между делами рук Твоих... Сотворил Ты меня не бездушной тварью, не скотом, не птицей, не иным бессловесным животным — сотворил разумным существом... Не могу я без света жить и действовать — **светила** Твои, солнце, луна и звезды, светят мне. Не **могу** я без огня **жить** — **огонь** Твой согревает меня и варит мне пищу. Не могу я жить без **воздуха** — **воздух** Твой оживляет меня и сохраняет жизнь мою. Не могу я без пищи и питья **быть** — **Твоя** щедрая рука, Господи, подает мне пищу. Благодать Твоя произвела ради меня источники, реки, которыми прохлаждаются и омываются люди... О, что воздам Тебе, Господи, за все, что Ты даровал мне? **Святитель Тихон Задонский (113, 158).**

МИР (3)

«Кто хочет быть другом миру,
тот становится врагом Богу»

(Иак. 4, 4)

Слово «мир» имеет два значения в Священном Писании.**

1. Словом «мир» обозначается все человечество в следующих и подобных им выражениях Писания: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него» (Ин. 3, 16—17). «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира» (Ин. 1, 29).

2. Словом «мир» обозначаются те люди, которые ведут греховную жизнь, противную Божией воле, живут для времени, а не для вечности. Так надо понимать слово «мир» в следующих и подобных им выражениях: «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Ин. 15, 18—19). «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек» (1 Ин. 2, 15—17). «Прелюбодеи и прелюбодейцы! не знаете ли, что дружба с миром есть **вражда** против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу» (Иак. 4, 4). Блаженный Феофилакт Болгарский определяет мир так: Писание обычно называет миром житие грешных и пребывающих в грехе людей плотского мудрования, поэтому и Христос сказал ученикам Своим: «вы не от мира» (Ин. 15, 19). Они составляли часть живущих в мире людей, но, не пребывая в грехе, не были от мира (Толкование на Мф. 18 гл.). Большинство людей проводило и проводит жизнь греховную, мерзостную пред Богом, враждебную Богу; по этой причине и потому, что большинство врагов Божиих несоразмерно велико в сравнении с числом верных служителей Бога, **большин-**

* В теме «Мир (3)» слово «мир» рассматривается преимущественно в аскетическом значении как совокупность зла и **страстей**.— *Ред.*

** Епископ Игнатий (Брянчанинов) называет два значения слова «мир», имея в виду только «мир» в значении «космос». В церковнославянском языке (как и в русской гражданской орфографии до реформы 1917—1918 годов) это слово пишется через «и» десятиричное (Мір), в отличие от слова «мир» (ирини), где «и» восьмеричное. Например: «мир **мірови** Твоему даруй...» (из молитвы заамвонной).— *Ред.*

ство называется в Писании миром; относящееся к большинству приписывается всему человечеству. Так надо понимать слова евангелистов: «Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир. В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал. Пришел к своим, и свои Его не приняли» (Ин. 1, 9—11). «Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы» (Ин. 3, 19). «Блаженны вы, когда возненавидят вас люди и когда отлучат вас, и будут поносить, и пронесут имя ваше, как бесчестное, за Сына Человеческого... Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо! ибо так поступали с лжепророками отцы их» (Лк. 6, 22, 26).

Не познало Спасителя большинство людей. Ненавидит и преследует злословиями и гонениями истинных слуг Божиих большинство людей. И так велико это большинство, что Слово Божие признало правильным приписать отвержение Богочеловека и гонение служителей Его всему человечеству. Что очень мало людей, живущих богоугодно, и очень много угождающих греховным и плотским похотениям своим, засвидетельствовал Господь: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7, 13—14; сравн.: Лк. 13, 23—24). «Оправдана премудрость» Божия весьма немногими «чадами ее» (Мф. 11, 19); немногие избранные познали ее, немногие отдали ей должную справедливость.

Истинные служители Истинного Бога! Изучите и узнайте установленное для вас Промыслом Божиим положение на время вашего земного странствования. Не попустите падшим духам оболстить и обмануть вас, когда они будут в приманчивой ложной картине представлять вам земное благосостояние и внушать желание его, стремление к нему, чтобы таким образом украть и похитить у вас вечное сокровище ваше. Не ожидайте и не ищите похвал и одобрения от общества человеческого! Не ищите известности и славы! Не ожидайте и не ищите жизни бесскорбной, пространной, вполне удобной! Это — не ваш удел. Не ищите и не ожидайте любви от людей! Ищите всеми силами и требуйте от себя любви и соболезнования к людям. Довольствуйтесь тем, что немногие истинные служители Божий, с которыми по временам вы будете встречаться на жизненном пути, полюбят вас, с любовью и участием одобряют ваше поведение, прославят за вас Бога. Такие встречи не были часты и в цветущие времена христианства; в последнее время они сделались крайне редки. «Спаси, Господи, ибо не стало праведного, ибо нет верных между сынами человеческими. Ложь говорит каждый своему ближнему» (Пс. 11, 2—3).

Преподобный авва Дорофей превосходно объясняет слова святого апостола Павла: «для меня мир распят, и я для мира» (Гал. 6, 14). Монашествующим насущно необходимо знать это объяснение. Вот оно: Апостол говорит: «для меня мир распят, и я для мира». Какое между этим различие? Как мир распинается для

человека и человек для мира? Когда человек отрекается от мира и делается иноком, оставляет родителей, имения, приобретения, торговлю, даяния другим и прития от них, тогда распинается ему мир, ибо он оставил его. Это и значат слова апостола: «для меня мир распят». Потом он прибавляет: «и я для мира». Как же человек распинается для мира? Когда, освободившись от внешних вещей, он подвизается и против самих услаждений или против самого вождения вещей, против своих пожеланий и умертвит свои страсти, тогда и сам он распинается миру и может сказать с апостолом: «для меня мир распят, и я для мира». Отцы наши, как мы сказали, распяв для себя мир, предались подвигам и распяли себя миру. А мы думаем, что распяли для себя мир, потому что оставили его и пришли в монастырь, себя же не хотим распять для мира, ибо любим еще наслаждения его, имеем еще пристрастия его, сочувствуем славе его, имеем пристрастия к яствам, к одеждам; если у нас есть какие-нибудь хорошие рабочие орудия, то мы пристрастны к ним и позволяем какому-нибудь ничтожному орудию производить в нас мирское пристрастие, как сказал авва Зосима. Мы думаем, что, выйдя из мира и придя в монастырь, оставили все мирское, но и здесь, ради ничтожных вещей, исполняем пристрастия мирские. Это происходит с нами от большого нашего неразумия: оставив великие и многоценные вещи, мы посредством каких-нибудь ничтожных удовлетворяем наши страсти. Каждый из нас оставил, что имел: имевший **великое** — оставил великое и имевший **что-нибудь** — и тот оставил, что имел, каждый по силе своей. И мы, приходя в монастырь, как я сказал, маловажными и ничтожными вещами питаем пристрастие наше. Однако мы не должны так делать, но как мы отрелись от мира и вещей его, так должны отречься и от самого пристрастия к вещам (Поучение первое). После этого объяснения понятна причина, на основании которой святой Исаак Сирин, писавший свои наставления инокам самой возвышенной жизни, то есть безмолвникам, затворникам и отшельникам, определяет мир так: мир есть общее имя для всех страстей. Если человек не узнает прежде, что есть мир, то он не сможет узнать и то, сколькими членами он удаляется от мира и сколькими привязан к нему. Находится много таких, которые двумя или тремя членами отрешившись от мира и в них отказавшись от общения с ним, возомнили о себе, что они чужды мира по всей своей жизни. Это случилось с ними оттого, что они не поняли и не увидели премудро, что они умерли для мира только двумя членами, а прочие члены их живут внутри плотского мудрования, принадлежащего миру. Впрочем, они не смогли даже ощутить страстей своих, не ощутив их, не могли позаботиться об исцелении себя от них. По исследованию (духовного) разума, для составления общего имени, объемлющего отдельные страсти, употребляется слово «мир». Когда хотим назвать страсти общим именем, именуем их миром, когда же намереваемся распределить их по частным названиям их, тогда именуем их страстями. Каждая страсть есть частное действие по началам мира (Кол. 2, 8). Где перестают действовать страсти, там остаются без действия начала

мира. Страсти есть такие: вождение богатства, стремление к собиранию разных вещей, телесное наслаждение, от которого блудная страсть; вождение чести, от которого происходит зависть; желание начальствовать, кичение властью; украшение себя пышными одеждами и никчемными мелочами; человеческая слава, служащая причиной памятозлобия, страх телесный. Где эти страсти перестают действовать, там мир умер. И насколько некоторые из этих частей оставлены, настолько подвижник пребывает вне мира, который настолько же уничтожается, будучи лишен составных частей своих. Некто сказал о святых, что они при жизни были мертвы, ибо, живя во плоти, жили не для плоти. И ты всмотришься в себя, для каких из названных страстей ты жив? Тогда познаешь, насколько ты жив для мира и насколько умер для него. Когда поймешь, что значит «мир», тогда познаешь из вышеприведенных частных указаний, в чем ты связан с миром и в чем отрешился от него. Короче сказать: мир есть жизнь плотская и плотское мудрование (Святой Исаак Сирин, Слово 2). Мир есть блудница, привлекающая к своей любви тех, которые устремляют взоры к ней с вождением ее красоты. Тот, кто хотя бы отчасти увлечен любовью к миру и опутан им, не может избавиться от рук его, пока мир не лишит его Жизни Вечной. Когда мир вполне обнажит человека и вынесут его из дома его в день его смерти, тогда познает человек, что **мир — лстец** и обманщик. Подвизающийся выйти из тьмы мира, пока находится еще среди него, не может видеть оплетений его. Мир держит в оковах не только учеников, чад и пленников **своих — он** и нестяжателей, и подвижников, и возвысившихся над ним начал уловлять на дела свои различным образом, попирает их и повергает себе под ноги» (Слово 21).

Основываясь на этих понятиях о мире, преподаваемых нам Священным Писанием и святыми отцами, мы повергаем перед возлюбленными братьями нашими, иноками, совет и убедительнейшее моление: убоимся служения миру! Этому служению могут подпасть даже подвижники, не внимающие себе строго. Это служение может совершаться при посредстве ничтожных пристрастий к ничтожным предметам. Примем все меры, все предосторожности к предохранению себя от любви к миру! Не сочтем маловредным никакого, будто бы ничего не значащего пристрастия! Не сочтем маловажным никакого, даже малейшего уклонения от Евангельских заповедей. Не предадим забвению грозного изречения, которым возгремел святой апостол Иаков: «Прелюбодеи и прелюбодейцы! не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто восхочет быть другом миру, тот становится врагом Богу» (Иак. 4, 4). Всякое пристрастие есть в Духовном смысле прелюбодеяние для инока, который должен любовь свою всецело устремлять к Богу, как и псалмопевец говорит: «Любите Господа, все праведные Его» (Пс. 30, 24). «Удаляющие себя от Тебя гибнут; Ты истребляешь всякого отступающего от Тебя» (Пс. 72, 27). При служении миру невозможно служение Богу, его и нет, хотя бы болезненному взору Рабов мира оно и казалось существующим. Его нет! а то, что

представляется, есть не что иное, как лицемерие, притворство, обман себя и других. Друг мира становится непременно, может быть незаметно для себя, злейшим врагом Бога и своего спасения. Любовь к миру вкрадывается в душу как вор. пользующийся мраком **ночи** — нерадением и невниманием к себе.

Любовь к миру способна совершать величайшие беззакония, величайшие злодеяния. Ужасный пример этого видим в иудейском духовенстве, современном земной жизни Богочеловека. Оно впало в любовь к миру: заразилось расположением к почестям, к славе, к похвалам человеческим; оно пристрастилось к сребролюбию и любви к имению; оно впало в сластолюбие и разврат; оно предалось грабительствам и всякого рода неправдам, а для того чтобы сохранить свое положение в народе, оно облеклось в личину строжайшего богоугождения, самого мелочного исполнения обрядовых постановлений и преданий старцев. Что было следствием любви к миру? Решительное отчуждение от Бога, перешедшее в ослепленную и иступленную ненависть к Богу. Иудейское духовенство противостояло с ожесточением Богочеловеку, когда Он явил Себя миру; оно противостояло Ему, имея полное убеждение в Его Божественности, как это засвидетельствовал Никодим, один из членов верховного иудейского **собора** — Синедриона (Ин. 3, 2). Иудейское духовенство решилось на богоубийство и совершило его, зная точно, что оно действует против Мессии, и в омрачении своем высказывая это сознание в тех насмешках, которыми оно осыпало спасительную для мира Жертву на её **Жертовнике** — Кресте. «Других спасал, а Себя Самого не может спасти» (Мф. 27, 42), — говорили архиереи, книжники, старцы и фарисеи, не замечая того, что они произносят осуждение самих себя: они сознаются, что предали на распятие Того и поносят Того, Кто чудесным образом, Божественной силой и властью спасал других. (Что иудейский Синедрион совершил богоубийство при совершенном понимании дела, это засвидетельствовал и обратившийся в христианство иудейский **священник** Аффоний, современный Христу и Богоматери. Четии-Минеи. 15 августа, повествование об Успении Пресвятой Богородицы). Иудейское духовенство едва услышало весть о рождении Богочеловека, как возненавидело Его, приняло меры, чтобы избавиться от Него. Это ясно видно из Евангелия. Когда волхвы принесли в Иерусалим весть о рождении Царя **Иудейского** — Христа, тогда смутился иудейский царь Ирод, смутилась вместе с ним и вся иудейская столица (Мф. 2, 3). Естественно было смутиться, замечает блаженный Феофилакт Болгарский, иудейскому государю вестью о рождении нового Царя Иудейского, который, следовательно, должен был завладеть его престолом и лишить власти или его, или его потомство. Но от чего было смущаться Иерусалиму при вести о рождении Мессии, — Иерусалиму, который в течение многих веков ожидал обетованного Мессию, своего Избавителя, свою Славу, Иерусалиму, вся религия которого состояла в вере в грядущего Мессию и в приготовлениях к принятию Его? Иерусалим смутился от того, что нравственность иерусалимлян была растленной. Столица

поняла тонким чутьем, что новый Царь, Царь Правды, потребует отвержения безнравственности, потребует истинной добродетели, не обольстясь и не удовлетворяясь добродетелью притворной, лицемерием. По причине любви к миру жителей Иерусалима, для них приятнее было вынести чудовище Ирода, чем Царя-Бога. Угадывая с верностью душевное отношение тирана, лицемера и лицедея, какими были и члены Синедриона, они при первом вопросе о месте рождения Мессии, решительно, не остановившись и не задумавшись, с точностью указывают Ироду место рождения Мессии, предают Мессию в руки убийцы. Христос рождается в Вифлееме Иудейском, говорят они и, чтобы усилить отзыв, добавляют: «ибо так написано через пророка», и объявляют поразительной точности пророчество (Мф. 2, 5—6). Противное этому расположение заставило бы их дать ответ уклончивый, скрыть место (о враждебном, убийственном расположении иудейского духовенства к новорожденному Младенцу-Господу смотри Четии-Минеи 29 декабря, в описании избияния вифлеемских младенцев).

Евангелие приписывает любящим мир все злодеяния, совершенные людьми, начиная от убийства Каином Авеля (Мф. 23, 35). Миротлюбцы, во время земной жизни Богочеловека, завершили свои злодеяния отвержением Христа и богоубийством (Мф. 23, 32), а в последние времена мира завершат принятием антихриста и воздаянием ему божеской почести (Ин. 5, 43). Страшна любовь к миру! Она входит в человека неприметным образом и постепенно, а войдя, делается его жестоким и неограниченным владыкой. Постепенно приготовились люди и стяжали душевное настроение, способное к богоубийству; постепенно они готовятся, стяжают настроение и характер, способные к принятию антихриста (2 Сол. 2, 7—12).

Превосходно изложил суетность любви к миру и его пагубные последствия святой мученик **Севастиан** в словах к тем мученикам, которые любовью к родственникам и семейству поколебались в подвиге. Святой Севастиан говорил им: «О крепкие воины Христовы! Вот, великодушием вашим вы уже мужественно приблизились к торжеству, а ныне хотите уничтожить вечный венец ради убажания ваших родственников! ...Те, которых вы видите плачущими, радовались бы ныне, если бы знали то, что знаете вы. Но они полагают, что только и есть та жизнь, которая в этом мире, и что после окончания ее смертью тела нет жизни Для души. Если бы знали, что существует другая жизнь, бессмертная и безболезненная, в которой царствует непрестанная радость, то поистине они постарались бы с вами перейти к ней и, вменив ни во что временную жизнь, возжелали бы Вечной. Эта настоящая жизнь скоротечна и столь непостоянна и неверна, что никогда не могла сохранить верности даже своим поклонникам. Всех, надеявшихся на нее от начала мира, она погубила; всех Желавших ее, обольстила; надо всеми гордящимися ею надругалась; всем солгала; никого не оставила не обманутым в надежде своей и не посрамленным в уповании, но вполне явила себя ложной. О, если бы она только обманывала, а и не вводила в

лютые заблуждения! Горестнее всего то, что она приводит поклонников своих ко всем беззакониям. Она обольщает чревоугодников объядением и пьянством, сластолюбивых побуждает к прелюбодеянию и всякого рода осквернениям. Она учит вора красть, **гневливого — приходить** в ярость, **лжеца — обманывать**. Она разлучает мужа с женой, сеет вражду между друзьями, ссоры между кроткими, неправды посреди праведных, соблазны посреди **братий**. Она отнимает правосудие у судей, чистоту у целомудренных, разум у разумных, благонравие у нравственных. Вспомним и самые страшные злодеяния, к которым она приводит своих поклонников. Если брат убил брата, **сын — отца**, друг умертвил друга, то по чьему наущению совершились такие беззакония? по чьему мановению? при каких нужде и уповании? Не ради ли настоящей жизни, слишком любя которую люди ненавидят друг друга и причиняют друг другу зло, ища каждый для себя наибольшего благополучия? По какой причине разбойник убивает путешественника, богатый притесняет убогого, гордый обижает смиренного и всякий, повинный злу, гонит неповинного? Поистине, все это злое делают служащие этой жизни и желающие долгое время пребывать в ее любви и наслаждении ее любовью. Она, советуя все злое своим приверженцам и служителям, предаст их своей дщери, от нее рожденной, вечной смерти, в которую низверглись первые люди по той причине, что, будучи созданы для Вечной Жизни, предались любви к временной, поработились чревоугодию, сластолюбием и похотением очей, а оттуда ниспали в ад, не взяв с собой ничего из земных благ. ...Действительно, безрассуден тот, кто боится потерять скоропреходящую жизнь для приятия другой, Вечной, в которой наслаждения, богатство, радости так начинаются, что никогда не оканчиваются, но пребывают бесконечными вовеки. Кто не любит этой присносущной жизни, тот напрасно губит и временную жизнь, впадает в вечную смерть, остается связанным во аде, где неугасимый огонь, постоянная скорбь, непрестанные муки, где живут злые духи... О, если бы можно было умереть среди этих страшилищ и мук! Но, что всего страшнее, там не перестают жить, чтобы умирать непрестанно; не уничтожаются до конца, чтобы без конца мучиться...» (Четии-Минеи, 18 декабря).

Правильная земная жизнь состоит в приготовлении себя во время ее к Жизни Вечной.

Братия! Совершим наше кратковременное земное странствие, занимаясь единственно богослужением, заимствуя от мира только необходимое. Апостол сказал: «Великое **приобретение — быть** благочестивым и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу» (1 Тим. 6, 6—9). К такому же нравственному бедствию, к какому приводит человека сребролюбие, приводят славолубие и сластолюбие; из этих трех главных страстей состоит любовь к миру. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 301—312).**

МИРОПОМАЗАНИЕ *

«Дух Господа Бога на Мне,
ибо Господь помазал Меня...»

(Ис. 61, 1)

Просвещаемым по Крещении подобает быть помазуемым Помазанием небесным и стать причастниками Царствия Божия. **48-е правило Лаодикийского собора (113, 505).**

Выходя из купели, мы **помазуемся** благословенным елеем; зримо изливается елей, но производит духовное действие, как в Крещении. **Тертуллиан (113, 503).**

Через помазание Святым Миром запечатлеваются и утверждаются на крестившемся дары Святого Духа, которые он получает в укреплении своей христианской веры **(113, 506).**

Святой Дух освящает все наше существо: через помазание чела освящает наш ум и мысли, чтобы мы думали о том, «что только истинно, что честно, что справедливо, что чисто, что любезно, что достославно, что только добродетель и похвала» (Флп. 4, 8). Через помазание груди освящает наши чувства и желания, чтобы мы любили не мир и то, что в мире, а Бога и Божие. Через помазание органов чувств освящает все наши чувства, слово и язык, чтобы мы воспринимали, чувствовали только доброе. Через помазание рук и ног освящает все дела, все поведение **человека — одним** словом, через помазание изливаются на человека все дары Святого Духа: «Дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия» (Ис. 11, 2) и дух страха Божия, из которых три относятся преимущественно к просвещению разума, а **последние** — к наставлению и утверждению воли в добре. **Православное исповедание (113, 507).**

Что сделано [апостолами] Иоанном и Петром над самарянами, то у нас совершается донныне: принявшие Крещение представляются начальникам церкви и посредством наших молитв и возложения рук приемлют Святого Духа и совершаются запечатлением Господним **(113, 503).**

Крестившемуся необходимо еще быть помазанным, чтобы, приняв хрисму (греч. «помазание»), он мог быть помазанником Божиим и иметь в себе благодать Христову **(113, 505).**

Крещение и **Миропомазание** — два отдельные акта Крещения, хотя и соединенные самой тесной внутренней связью так, что образуют одно целое, неразрывное в отношении к их совершению. Святитель **Киприан Карфагенский (113, 510).**

* См. также т. 4, с. 237—241 настоящего издания.

Если оградишь себя печатью, обезопасишь свою будущность лучшим и самым действенным способом, ознаменовав душу и тело Миропомазанием и Духом, как древний Израиль ночной и охраняющей кровью первенцев и помазанием (Исх. 12, 13), тогда что может с тобой случиться? **Святитель Григорий Богослов (113, 505).**

Во Христа крестившись и во Христа облекшись (Гал. 3, 27), вы «стали подобными образу» Сына Божия (Рим. 8, 29), потому что Бог, предопределивший «усыновить нас Себе» (Еф. 1, 5), сделал сообразными телу славы Христовой (**Флп.** 3, 21). Потому, став причастниками Христовыми (Евр. 3, 14), вы справедливо называетесь помазанными и о вас сказал Бог: «не прикасайтесь к помазанным Моим» (**Пс.** 104, 15). Помазанными же сделались вы, приняв изображающее Святого Духа. И все над вами совершено в образе, потому что вы образ Христов. Как Христос, омывшись в Иордане и сообщив водам благоухание Божества, вышел из вод, и было на Него существенное наитие Духа Святого, потому что подобное почивает на подобном, так и вам, исшедшим из купели священных вод, дано Миропомазание, изображающее собою то самое, чем помазан Христос. А это есть Дух Святой, о Котором и блаженный **Исаия** сказал в пророчестве от лица Господа: «Дух Господа Бога на Мне, ибо Господь помазал Меня благовествовать нищим» (**Ис.** 61, 1).

Ибо Христос был помазан не человеком и не елеем или миром, но Отец помазал Его Духом Святым, предопределив Ему быть Спасителем целого мира, как говорит Петр: «Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета» (Деян. 10, 38). И пророк Давид говорил: «Престол Твой, Боже, вовек; жезл **правоты** — жезл царства Твоего. Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости более соучастников Твоих» (**Пс.** 44, 7—8). И как Христос действительно был распят и погребен, и воскрес, а вы сподобились в Крещении уподобительно быть с Ним распятыми и погребенными и воскреснуть, так нужно понимать и о Миропомазании. Он помазан духовным елеем радости, то есть Духом Святым, Который именуется елеем радости, потому что Он есть источник духовного радования, а вы, приобщившись Христу и став Его причастниками, помазаны миром.

Но смотри, не подумай, что это простое миро. Как хлеб Евхаристии, по призыванию Святого Духа, есть уже не простой Хлеб, но Тело Христово, так и это святое миро, по призывании, не простое уже, не обыкновенное миро, но дарование Христа и Духа Святого, ставшее действенным от присутствия Божества Его. Им в ознаменование помазывается чело и другие орудия чувств. И когда тело помазывается видимым миром, душа освящается Святым и Животворящим Духом.

Сперва миропомазано у вас чело, чтобы вам освободиться от того стыда, какой всюду носил с собой первый человек, преступивший закон, и чтобы «открытым лицом» взирать вам на славу Господню (2 Кор. 3, 18). Потом миропомазаны уши, чтобы они обрели способность внимать Божественным тайнам, о чем сказал

Исаия: «Господь... пробуждает ухо Мое, чтобы Я слушал» (Ис. 50, 4), и Господь Иисус говорил в Евангелии: «Кто имеет уши слышать, да слышит!» (Мф. 11, 15). Потом миропомазаны ноздри, чтобы, приняв на себя Божественное миро, вы могли сказать: «Мы Христово благоухание Богу в спасаемых» (2 Кор. 2, 15). После этого миропомазана грудь, чтобы, «облекшись в броню праведности», «вам можно было стать против козней **диавольских**» (Еф. 6, 14, 11). Ибо как Христос после Крещения и наития Святого Духа поборол диавола, так и вы, после священного Крещения и таинственного Помазания, облекшись во всеоружие Святого Духа, противостаньте силе противника и побеждайте ее, говоря: «Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе» (**Флп.** 4, 14).

Сподобившись этого святого Миропомазания, вы именуетесь христианами, оправдывая это имя возрождением. Ибо прежде чем сподобились этой благодати, вы не были в подлинном смысле достойными и этого именованья, но только приближались к тому, чтобы стать христианами.

Необходимо знать, что в Ветхом Завете есть предзнаменование этого Миропомазания. Моисей, сообщив брату Божие повеление и поставляя его первосвященником, омыл его водой и возлил на него «елей помазания» (Лев. 8, 6—12). Именно от этого преобразовательного помазания первосвященник именовался помазанником. Так и возводя Соломона на царство, первосвященник помазал его, сначала омыв в Гионе (3 Цар. 1, 38, 39). Но над ними это совершалось **прообразовательно**, а над вами совершается не **прообразовательно**, но в самой действительности, потому что вы действительно помазаны Святым Духом. Начало вашего спасения — Христос, потому что Он в действительности начаток, а вы приращение. Но если начаток свят, то святость придет и на целое (**Рим.** 11, 16).

Храните это Помазание неоскверненным, ибо оно, если пребудет в вас, научит всему, как сказано блаженным Иоанном, который много рассуждает об этом помазании. Оно свято и есть **духовное** охранение тела и спасение души. Пророчествуя о нем, с древних времен блаженный **Исаия** говорил: «И сделает Господь Саваоф на горе сей для всех народов трапезу... трапезу из чистых вин» (**Ис.** 25, 6), и испиют народы вино, испиют радость, помажутся миром. Горою же здесь и в других местах он именует Церковь, как, например, когда говорит, что будет в последние дни явлена гора Господня (Ис. 2, 2). И слушай, что для удостоверения твоего говорит он об этом мире, как о таинственном: «И уничтожит на горе сей покрывало, покрывающее все народы» (Ис. 25, 7). Поэтому, помазанные этим святым миром, храните его в себе неоскверненным и непорочным, преуспевая в добрых делах и благоугождая Начальнику спасения вашего Иисусу Христу. Святитель Кирилл Иерусалимский. Творения. Тайноводственное слово. Сергиев Посад, 1893, с. 289—292.

МОЛИТВА*

Молитва — причина спасения и бессмертия души (36, 843).

Молитва есть умерщвление мысли о похотениях плотского жития. Прилежно молящийся равен умерщвляющемуся для мира. Ибо отречься от **себя — значит** терпеливо пребывать в молитве. Из этого следует, что любовь Божия обретается в отречении от души своей. Преподобный Исаак Сирин (82, 279).

Следствие молитвы то, что мы бываем с Богом. А кто с Богом, тот далек от Его противника. Святитель Григорий Нисский (17, 384).

Думай и постоянно держи в памяти, что Бог есть твой Бог, Творец, Господь, Царь и Промыслитель; хотя и всех Он есть Бог и хотя всем равно повелевает уклониться от зла и творить благое, но принимай это повеление, как бы касающееся одного тебя. Тогда с помощью Его породится в тебе новое движение и новый дух; и чем чаще будешь поучаться в этом размышлении и поучении, тем день ото дня большее усердие почувствуешь внутри себя к богочитанию и благочестию. Но везде нужна молитва: мы без Бога размышлять о Боге по-надлежащему не можем. Святитель Тихон Задонский (82, 363).

При господстве Ветхого Завета человек обращался к Богу, Которого он еще не знал определенно. При наступлении господства иного в Новом Завете человеку, в преизобильное дополнение к прежнему обращению, предоставляется обращаться к Богочеловеку, как Ходатаю между Богом и людьми... в Котором соединено Божество с человечеством (111, 30—31).

Не Богу нужны наши молитвы! Он знает и прежде прошения нашего, в чем мы нуждаемся... молитва необходима нам: она усваивает человека Богу (108, 141).

Перед начинанием всякого дела принося молитву Богу, ею привлекай благословение Божие на дела твои и ею суди дела твои: помышления о молитве останавливают от дел, противных заповедям Божиим. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (108, 150).

Сила молитвы

«Молитва своей силой побеждает **естество**», — говорит [святитель] Иоанн Златоуст. Молитва без оружия побеждает врагов

* См. также т. 2, с. 688—689 настоящего издания.

видимых и невидимых. Молитва удерживает руку даже Самого Всесильного, заносающего ее на отмщение грешникам.

Молитва сняла железные узы с ног и рук святого апостола Петра, раскрыла темничные врата и безопасно провела его через все стражи воинов, как повествует об этом святой Лука. По молитве святого Павла ослабли колодки на его ногах и раскрылись внутренняя темница: «Около полуночи Павел и Сила, молясь, воспевали Бога... Вдруг сделалось великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы; тотчас отворились все двери, и у всех узы ослабели» (Деян. 16, 25, 26). Молитвою Иисус Навин удержал солнце в его движении, пока люди израилены не победили врагов своих с помощью Бога, услышавшего голос человека. Молитвою Езекия, царь израильский, повернул назад солнце на десять ступеней. Молитвою Илия заключил небо и отверз его, когда захотел; он же молитвою низвел с неба огонь на жертву. Молитвою три отрока посреди огня остались неопаленными. А чем израильтяне победили своих многих и сильных врагов: хананеев, хеттеев, иевусеев, аморреев, гергесеев, мадианитян, ассириян? Ведь не столько оружием, которого по выходе из Египта у них даже и не было, сколько молитвою: «И когда Моисей поднимал руки свои, одолевал Израиль» (Исх. 17, 11). Чем победил Давид гордого и сильного Голиафа и прочих врагов? «Молитвою, а не иным каким оружием», — говорит святой Златоуст. Чем разрушены стены иерихонские во время Иисуса Навина? Молитвою, ибо Божественное Писание говорит: «И затрубили трубами. Как скоро услышал народ голос трубы, воскликнул народ [весь вместе] громким [и сильным] голосом, и обрушилась [вся] стена [города] до своего основания, и [весь] народ пошел в город, каждый с своей стороны, и взяли город» (Нав. 6, 19).

Молитва есть щит и оружие в брани на врагов. Она не только слабым мужей вооружает на крепких, но и немощные сосуды ополчает на самых храбрых мужей, что особенно ясно показал Бог на Иудифи, которая без оружия вошла в полки ассирийские и через три дня, укрепившись молитвою, отсекала голову Олоферну его же мечом. Девора победила хананеев. Иаиль убила вождя Сисару (Суд. 4, 6—22). Да и кто перечислит силу и действие святой молитвы, явленную и являемую на видимых врагов? Для одного этого не хватит и целого дня. Невидимые враги, нападающие на душу нашу, гораздо сильнее, но и они побеждаются молитвой. Это засвидетельствовал Сам Спаситель наш, когда говорил: «Сей же род изгоняется только молитвою и постом» (Мф. 17, 21). Этим Он как бы сказал: сей род никаким иным оружием не может быть побежден, кроме оружия святого поста и молитвы.

Чтобы показать силу молитвы, я скажу еще следующее. Молитва не только побеждает законы природы, не только является непреодолимым щитом против видимых и невидимых врагов, но удерживает даже и руку Самого Всесильного Бога, поднятую для поражения грешников. Трудно поверить этим словам, но поистине они находятся в истории Божественного Писания.

Когда люди израильтянские оставили Господа своего, сделали себе тельца и поклонились ему, то разгневался на них Господь яростью великою и хотел истребить их. Тогда Моисей припал к ногам Господним и начал молиться Богу о народе. И что же случилось? Молитвою Моисей удержал крепчайшую руку Господню, уже поднявшую меч и приготавлившую стрелы и громы для избиения отступников. Бог хотел **поразить** — и не мог. Поэтому-то **Господь** и просил Моисея, чтобы он перестал молиться, говоря: «Оставь Меня (то есть пусти, не держи Меня), да воспламенится гнев Мой на них, и истреблю их» (Исх. 32, 10). Вот видите:

молитва так сильна, что связывает и укрощает даже гнев Всесильного, удерживает руки, поднятые для отмщения, и, как щитом, укрывает от гнева **Божия**. Святитель Димитрий Ростовский (103, 359—361).

Один молодой человек, родом с острова Кипр, с несколькими из своих соотечественников был пленен персами и заключен в темницу. Некоторые из его сородичей бежали из плена и прибыли на Кипр. Родители молодого человека стали спрашивать их о сыне, и возвратившиеся из плена сказали, что сын их умер и что они сами погребли тело его. Но возвратившиеся из плена ошибались: они **действительно** похоронили на чужбине молодого человека, но другого. А родители стали молиться о сыне как об умершем. Особенно же усердно они молились о нем три раза в год: на Пасху, в Пятидесятницу и на Рождество Христово. Но через четыре года сын возвратился домой. Обрадованные родители сказали: «А ведь мы считали тебя умершим и три раза в год особенно усердно молились о тебе». — «В какие дни вы так молились?» — спросил он. «На Пасху, в Пятидесятницу и на Рождество **Христово**», — отвечали родители. «Так знайте же», — сказал **сын**, — что именно в эти три дня года приходил ко мне некто в белых ризах, сиявших как солнце, снимал с меня узы, выводил из темницы, и я был свободен целый день, никем не видимый. Утром же на другой день я снова оказывался в узах и в темнице» (81, 159—160).

В житии Христа ради юродивого блаженного Прокопия, Устюжского чудотворца, рассказывается о таком случае. Некогда захотел Бог истребить город Устюг за грехи градом и молнией. Прокопию об этом было открыто, и он, придя в церковь, поведал об этом причту и народу и призвал: «Покайтесь, братия, или погибнете от огня и града». Люди не поверили ему. Прокопий ушел на свое обычное **место** — паперть церкви Пресвятой **Богородицы** — и начал со многими слезами умолять Бога за город и людей. Через неделю после этого, в полдень, вдруг внезапно нашло на город необыкновенное облако и днем сделалось темно как ночью. С четырех сторон облекли город тучи, беспреостанно стала бороздить небо молния, раздавались такие ужасные раскаты грома, что даже земля колебалась, воздух стал душливым. Тут только народ и вспомнил слова Прокопия, и все бросились в соборную церковь Пресвятой Богородицы и со слезами стали просить Господа о помиловании. Вместе с народом пришел и блаженный и, упав перед иконой Пресвятой Богородицы, молился со слезами. Молитва о помиловании была услышана: от иконы Владычицы истекло миро, воздух тотчас переменился, тучи отошли на **необитаемые** места, и там из них обрушился на лес необычный град, подобный камням, он сокрушил даже деревья, а молния попала на их. Из людей же никто не пострадал. Пролог в поучениях (81, **811—812**).

Условия исполнения молитвенных прошений

Если ты просишь семени для своего поля, то удобри прежде поле к принятию семени. Преподобный авва Дорофей (58, 224).

Я, скажешь, много раз просил и не получил. Несомненно, это потому, что ты плохо **просил—или** с неверием, или с гордостью, или же бесполезного тебе; если же просил часто и полезного, то не с настойчивостью... Если же просишь не с усилием и великой настойчивостью, то не получаешь. Сначала нужно пожелать, а пожелав, просить истинно с верой и терпением полезного каждому, причем чтобы тебя ни в чем не осуждала совесть как просящего нерадиво или **легкомысленно,—и** тогда ты получишь, если того хочет Бог. Ведь Он лучше тебя знает, что полезно тебе, и, может быть, вследствие этого отлагает исполнение просьбы,

премудро заставляя тебя быть прилежным к Нему, чтобы ты знал, что значит дар Божий, и хранил данное со страхом. Ведь всё, что приобретается с великим усилием, стараются сохранить, чтобы, потеряв полученное, не погубить и великих усилий и, отвергнув благодать Господа, не оказаться недостойным Вечной Жизни (43, 966).

Бог нас услышит, если, во-первых, мы достойны получить просимое; во-вторых, если мы молимся согласно с заповедями Божиими; в-третьих, если молимся непрестанно; в-четвертых, если не просим ничего житейского; в-пятых, если просим полезного; в-шестых, если исполняем должное и со своей стороны и, по природе своей будучи смертными, через общение с Богом восходим к Бессмертной Жизни. Святитель **Иоанн Златоуст** (39, 85).

Не всякий просящий может получить то, чего желает, но тот, кто делами приобрел право просить с дерзновением (17, 451).

Приступая к Благодетелю, будь сам благодетелен; приступая к Доброму, будь сам добрым; приступая к Праведному, будь сам праведным; приступая к Терпеливому, будь сам терпеливым; приступая к Человеколюбивому, будь человеколюбивым; а также будь и всем иным, приступая к Добросердому, к Благосклонному, к Общительному в благах, к Милующему всякого, и, если еще что усматривается божественного, уподобляясь во всем этом произволением, приобретай тем себе дерзновение на молитву. **Святитель Григорий Нисский** (17, 451).

Без целомудрия, человеколюбия, кротости и попечения о бедных... молитва не выносит обитания в душе (36, 834).

Милостыня—крыло молитвы; если не сделаешь молитве крыла, то она не летит, а когда душа окрылена, то она быстро несется на Небо (36, 907).

Если ты имеешь добрые дела, которые могут ходатайствовать за тебя, то ты непременно будешь услышан; напротив, если ты не имеешь их, то, хотя бы ты был Давидом, ты не будешь в состоянии умолить Бога (39, 11).

Как фимиам и сам хорош по себе и благоухающ, но издает особенное благоухание, когда бывает положен на огонь, так и **молитва**—и сама по себе хороша, но бывает лучше и благовоннее, когда приносится от души, пламенеющей ревностью (о заповедях Господних), когда душа становится кадильницей и возжигает в себе сильный огонь (39, 481).

От молитвы, даже продолжительной, не бывает никакой пользы, если молящийся остается в грехах (40, 16).

Молитва есть огонь, особенно когда она воссылается трезвеною и бодрственной душою; но этот огонь нуждается и в елее, чтобы достичь самых небесных сводов. Елеем для этого огня является ничто иное, как милостыня (42, 780).

Как же, спросит кто-нибудь, я могу быть уверен в том, что **получу** просимое? Если ты не просишь ни о чем несогласном с тем, что Бог готов тебе дать, ни о чем таком, что недостойно

Царя, ни о чем житейском, а только духовного, если поступаешь без гнева, если имеешь чистые, преподобные руки (45, 672).

Пусть душа молящегося будет чиста и свободна от всякой страсти, пусть никто не приступает к Богу с враждою, пусть никто не приступает с негодованием и раздражением (45, 672).

Молитву делают успешнее не голые слова, но добрые дела. Ибо смотри: божественный Давид просит, чтобы судил его Бог по «непорочности» его (Пс. 7, 9); и благочестивейший Езекия представляет молитвенницей за себя свою богобоязненность (Ис. 38, 3); и вдовицы в Иоппии употребляют ходатаями добрые дела умершей (Деян. 9, 39). Если так будешь совершать моление свое, прямо взойдет оно к Богу «и выведет, как свет, правду твою и справедливость твою, как полдень» (Пс. 36, 6). Святитель Иоанн Златоуст (35, 220).

Старайся быть чистым храмом, постоянно утром и вечером принося Богу **жертву — внутреннего** человека. Преподобный авва **Исаия** (34, 42).

Цель всякого христианина состоит в непрестанной молитве и, насколько возможно бrenному человеку, в невозмущаемом спокойствии ума и всегдашней чистоте его. Для достижения этого нужны: неослабный телесный труд и сокрушение духа, так чтобы между тем и другим находилась тесная взаимная связь. Ибо как все добродетели стремятся к совершенству молитвы, так и сами они не могут быть твердыми и постоянными, если не будут соединены и скреплены ею. Как без добродетелей нельзя вполне приобрести постоянного молитвенного покоя, так и без этого покоя невозможно в точности приобрести добродетели, содействующие этому. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (авва Исаак 53, 323).

«Да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа» (2 Тим. 2, 19). Да отступим от неправды, греха и беззакония, если хотим приступать к Богу неосужденно и для пользы нашей. Ибо говорит пророк: «Ибо Ты Бог, не любящий беззакония; у Тебя не водворится злой; нечестивые не пребудут пред очами Твоими: Ты ненавидишь всех, делающих беззаконие» (Пс. 5, 5—6). Всякий беззаконник мерзок пред очами Божиими, и приносящий молитву свою, которая есть христианская жертва, есть «задушающий пса» (Ис. 66, 3). Но Он призрит милосердно только «на смиренного и сокрушенного духом и на трепещущего пред словом» Его (Ис. 66, 2). Подумай **об** этом, христианин, если не хочешь и греха оставить, и хочешь Богу молиться (104, 1114).

Прежде молитвы требуется: во-первых, ни на кого не гневаться, не злоститься, но всякую обиду оставить, чтобы и самим Бог оставил грехи. «Остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим...». «А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф. 6, 12, 15). Во-вторых, надо примириться с тем, кого обидели или словом, или делом. «Если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя,

оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Мф. 5, 23—24) **(104, 1118—1119)**.

Без смирения бесполезна бывает молитва, ибо «Бог гордым противится» (Иак. 4, 6; 1 Пет. 5, 5). Напротив того, на смиренных милостиво призывает Бог: «Призрит на молитву беспомощных и не презрит моления их»,—говорит Давид (Пс. 101, 18). Так призрел Он на молитву смиренного мытаря, хотя тот и был обременен грехами, так отринул гордое самохвальство фарисейское. «Ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 18, 14). Так сотник в Капернауме, который считал себя недостойным, чтобы Христос вошел в дом его, получил желаемое, да еще с похвалою: «И в Израиле не нашел Я такой веры»,—говорит Христос (Мф. 8, 10). Ибо где вера истинная, там есть и смирение, смирение неотлучно от веры. С такою верой и смирением и нам должно приступать к величеству Божию, когда хотим чего-либо просить и получить просимое,—помнить, кто мы и к Кому приступаем с прошением. **Святитель Тихон Задонский (104, 1124—1125)**.

Глава добродетелей —молитва, их основание —пост **(108, 132)**.

Если будем сеять семена молитвы, не истончив плоти, то вместо правды принесем плод греха... Если же тело будет истончено постом, а душа не возделывается молитвой, чтением, смиренномудрием, тогда пост делается родителем многочисленных **плевел—душевных** страстей: высокоумия, тщеславия, презрения **(108, 135)**.

Будучи занят общественными обязанностями, а если ты инок, то послушаниями, и не имея возможности уделять на молитву столько времени, сколько бы ты хотел, не смущайся этим... Ничто так не способствует к преуспеянию в молитве, как совесть, удовлетворенная богоугодной деятельностью **(108, 145)**.

Милосердие к ближним и смирение перед ними, в совокупности с чистотой сердца... составляют основание и силу молитвы **(108, 146)**.

Желающий заняться подвигом молитвы! Прежде нежели приступить к этому подвигу, постарайся простить всякому... причинившему тебе какое бы то ни было зло **(108, 155)**.

Первое приготовление (к молитве) состоит в отвержении памятозлбия и осуждения ближних **(112, 95)**.

Намереваясь принести Богу молитву, отвергни все помышления и попечения земные **(108, 143—144)**.

Перед молитвой покади в сердце твоём фимиам страха Божия и святого благоговения... постарайся умиловать Судью смирение **(108, 144)**.

Молитву должно совершать с верою, основать ее должно на незлобии **(111, 369)**.

Враг... старается поколебать самое основание молитвенного **подвига—незлобие** и кротость **(112, 356)**.

Приготовлением к молитве служат: непресыщенное чрево, отсечение попечений мечом веры, прощение от искренности

сердца всех обид, благодарение Богу за все скорбные случаи жизни, удаление от себя рассеянности и мечтательности, благоговеющий страх (109, 160).

Наружное благоговейное предстояние на молитве весьма нужно и весьма полезно для всякого подвижащегося подвигом молитвы, особенно для новоначального, в котором расположение души наиболее сообразуется с положением тела (112, 96).

Ничто так не способствует молитве, как послушание, умерщвляющее нас для мира и для самих себя (109, 158).

Сознание своей греховности, сознание своей немощи, своего **ничтожества**—**необходимое** условие для того, чтобы молитва была милостиво принята и услышана Богом (108, 155).

Для правильности молитвы надо, чтобы она произносилась из сердца, исполненного нищеты духа, из сердца сокрушенного и смиренного (108, 140).

Стой на молитве твоей, как бы ты стоял пред Самим Богом (108, 143).

Ощувив страх Божий, ощутив от действия страха Божия при молитве твоей присутствие Бога, увидишь безвидно, духовно, Невидимого, познаешь, что молитва есть предстояние на Страшном Суде Божиим. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 96).

Не обилие слов умоляет Бога, но душа чистая и являющая добрые дела (39, 11).

Человек, который научился беседовать с Богом, как подобает, делается ангелом, душа его отрешается от уз **плоти**—**так** ум его возвышается и переселяется на Небо, так он презирает все житейское, так он становится перед самим престолом Царским, хотя бы он был бедным, хотя бы простолюдином, **хотя** бы неученым (39, 13).

Бог требует в молитве не красоты речи и не слов изысканных, но красоты души, и когда она возгласит угодное Ему, то получает все (39, 13).

Христос дал нам образец молитвы, научая нас, что быть услышанным Богом зависит не от множества слов, а от бдительности души. Святитель Иоанн Златоуст (38, 793).

Кто молит Господа с болезнью сердечной, того молитвам Господь внимает и исполняет прошения его, если они приносятся в духовном разуме, если молящийся в сокрушении духа заботится о спасении своем, если не опутывается ничем мирским, если трудится в страхе Божиим по силам своим для того, чтобы представить душу свою непорочной на Суд Божий. Преподобный авва **Исаия** (82, 150—151).

Намереваясь просить (чего-либо у Господа), прежде чем прибегнешь к Подателю, рассмотри прошение свое, чисто ли оно, внимательно вникни в причину, побуждающую к прошению. Если побуждение, по которому просим, влечет за собою вред, то (Господь)... да заградит источники наших прошений (29, 242).

Если просишь у Бога своего чего-нибудь, то проси не так, чтобы непременно получить от Него, но предоставляя это Ему и

Его воле. Например, часто угнетают тебя скверные помыслы, и ты печалишься об этом, и хочешь умолить Бога, чтобы тебе освободиться от брани. Но нередко она на пользу тебе служит. Ибо часто бывает это с тобою, чтобы ты не превозносился, но был смиренномудр... Также, если постигла тебя какая-нибудь скорбь или теснота, не проси, чтобы непременно тебе избавиться от них, потому что и это, брат мой, нередко бывает полезно; говорю тебе, часто случается, что во время молитвы небрежешь ты о своем спасении, как было с израильянами... И еще, если просишь о чем-либо, не проси, чтобы получить это непременно. Ибо говорю: ты, как человек, нередко считаешь для себя полезным то, что бывает бесполезным. Но если оставишь волю свою и решишься ходить по воле Божией, то будешь в безопасности. Он, предвещающий все прежде исполнения, по снисхождению Своему пасет нас, а мы не знаем, полезно ли нам то, о чем просим. Многие, достигнув желаемого, впоследствии раскаивались, а нередко впадали и в великие беды; не исследовав тщательно, есть ли на это воля Божия, но думая, что это для них хорошо, и под какими-нибудь предлогами, имеющими вид правды, введенные в обман диаволом, подверглись крайним опасностям. Многие такие дела сопровождаются раскаянием, потому что следовали мы в них собственному своему пожеланию. Послушай, что говорит апостол: «Мы не знаем, о чем молиться, как должно» (Рим. 8, 26). Ибо «все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но не все назидает» (1 Кор. 10, 23). Итак, что полезно и назидательно для каждого из нас, знает Сам Бог, потому и предоставь это Ему. Говорю же это не с тем, чтобы воспрепятствовать тебе обращаться с прошениями своими к Богу; напротив того, умоляю **еще — просить** Его обо всем, от малого до великого. И вот что говорю тебе: когда молишься, открываешь перед Ним, что у тебя на сердце, говори Ему: впрочем, не моя воля, но Твоя да будет (Лк. 22, 42); если полезно, как Сам ведаешь, так и сотвори. Ибо так написано: «Предай Господу путь твой и уповай на Него, и Он совершит» (Пс. 36, 5). Взирай на Господа нашего Иисуса Христа, Домостроителя, Который молится и говорит: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия: впрочем не как Я хочу, но как Ты (Мф. 26, 39). Поэтому, если просишь чего-нибудь у Бога, твердо стой в своем прошении, открываясь перед Ним и говоря: «Если есть, Владыка, воля Твоя, чтобы это состоялось, то соверши и сделай успешным. А если нет на это воли Твоей, не попусти этому совершиться, Боже мой! Не предай меня собственному моему желанию, ибо знаешь неразумие мое... но как Сам ведаешь, так и спаси меня по снисхождению Своему!» Если же молишься по причине скорби и помыслов, то говори: «Господи! не в ярости Твоей обличай меня и не во гневе Твоем наказывай меня. Помилуй меня, Господи, ибо я немощен» (Пс. 6, 2—3). Смотри, что говорит пророк: «К Тебе, Господи, взываю: твердыня моя! не будь безмолвен для меня, чтобы при **безмолвии** Твоем я не уподобился нисходящим в могилу» (Пс. 27, 1). Но дай славу имени Твоему, непамятозловивый, не помяни грехов моих и услыши меня. И, если возможно, да минует меня

скорбь, впрочем, не моя воля, но Твоя да будет, подкрепи только и сохрани душу мою, и буду в состоянии перенести это, да обрету благодать пред Тобою и в нынешнем веке, и в будущем». И предай Господу печаль твою, и Он сотворит, что полезно для тебя. Ибо знай, что Он, как Благой, хочет нужного для нашего спасения. Потому и душу Свою положил этот добрый Пастырь (27, 301).

Уста могут просить всего, но Бог исполняет только то, что полезно. **Преподобный Ефрем Сирин (29, 243).**

Если молитва так сильна, то почему же не всякий получает то, чего просит? На это святой апостол Иаков дает такой ответ: «Просите, и не получаете, потому что просите не на добро» (Иак. 4, 3). Кто хочет получить, тот должен хорошо просить. Если же не всегда просящие получают, то не молитва в этом виновата, но не хорошо молящиеся. Как не умеющий хорошо управлять хорошим судном не приплывает к намеченному пристанищу, но многократно разбивается о камни, и в этом виновато не судно, но плохое управление им, так и молитва, когда молящийся не получает просимого, не виновата в этом, но тот, кто не хорошо **молится**.

Не получают просимого только те, которые или сами злы и не хотят уклониться от зла, чтобы сотворить благое, или же просят у Бога злой вещи, или, наконец, хотя и доброй вещи просят, но зато просят не хорошо, не так, как следует. Молитва сильна, но не какая-нибудь, а совершенная, молитва тех, которые хорошо молятся.

Какая же молитва именно такова? Речь об этом требует не одного дня, и поэтому я кратко вспомню хотя бы кое-что.

Молитва того, кто слушается Господа, бывает слышна и приятна для Бога. Кто слушается слов Господних, как об этом сказал нам Сам Господь: «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7, 21), кто ходит «в законе Господнем» (Пс. 118, 1) и творит волю Его, желание того Господь исполнит и услышит молитву слушающихся Его. Молитва смиренная, не фарисейская, восходит высоко, до Третьего Неба, к самому престолу Всевышнего, молитва смиренного пройдет сквозь облака. Такова, например, была молитва смиренного мытаря: «Боже! будь милостив ко мне грешнику!» (Лк. 18, 13) и Манассии, царя иерусалимского. Крыльями молитвы, на которых она взлетает к Вышнему, сидящему на шестикрылых Серафимах, являются всякие добродетели, в особенности же смирение, говение и милостыня, как об этом сказал Трои Архангел Рафаил, слетевший с Неба: «Доброе дело — молитва с постом и милостынею и справедливостью... Лучше творить милостыню, нежели собирать золото» (Тов. 12, 8). Как во всякой добродетели, так особенно в молитве необходимо прилежание и усердие: «Много может усиленная молитва праведного» (Иак. 5, 16). Не напрасно Спаситель наш сказал: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» (Мф. 7, 7). **Святитель Димитрий Ростовский (103, 361—362).**

Необходимее всех **подвигов** — молитва. Молитва есть средство для привлечения и дань для приятия всех благодатей, столь обильно издаваемых на нас из неистощимого **источника** — беспредельной к нам любви и благодати Божией. В брани же духовной ею ты влагаешь меч свой в десницу Божию, чтобы Он боролся за тебя с врагами твоими и побеждал их. Но чтобы молитва проявляла в тебе всю свою силу, надо, чтобы она оставалась в тебе непрестанно, как естественное проявление твоего духа, и была ограждаема и воодушевляема следующими расположениями:

1. Надлежит тебе всегда иметь живое стремление всяким делом служить одному Богу, и служить так, как это Ему благоугодно. В оживление же и поддержание такого стремления убедись и неотступно держись мысли, что Господу, по предивным Его **свойствам** — благодати, величию, премудрости и другим бесчисленным и безмерным совершен-

ствам,—всякая разумная тварь должна воздавать поклонение, честь и служение. И когда будешь неотступно помнить о том, что Он Сам безмерно и благоговорно послужил тебе воплощенным Своим Домостроительством, искупил тебя и снял с тебя великую клятву, уврачевал и исцелил твои язвы, ядом греха причиненные тебе, не вином и елеем и не какими-нибудь пластырями, но бесценною **Кровию**, истекшею из Пресвятых ребр Его и Пречистой Плоти, истязанной бичами, тернием и гвоздями, то можешь ли удержаться, чтобы каждое мгновение не посвящать себя на служение Ему одному и словом, и делом, и мыслью? К тому же и того не должен ты забывать, насколько для нас самих благотворно такое служение, так как оно делает нас господами над самими собой, победителями диавола и сынами Божиими.

2. Надлежит тебе иметь живую и теплую веру, что Бог, по великой милости Своей и по множеству щедрот Своих, Сам желает и готов подать тебе все, необходимое для твоего должного служения Ему, и всякое благо, потребное для тебя. Такая вера и такое упование будут в тебе сосудом, который беспредельное милосердие Божие наполнит сокровищами Своих благодатей. И чем обширнее и вместительнее этот сосуд, тем с обильнейшими дарами будет всякий раз возвращаться в недра твое молитва твоя. И как можно помыслить, чтобы Бог, чуждый изменения Вседержитель, заповедавший молиться Ему и обетовавший подавать нам просимые блага, отказался сделать нас причастниками их, когда мы с усердной и терпеливой молитвой испрашиваем их у Него, и не даровал бы нам Духа Своего?..

3. Надлежит тебе приступить к молитве с таким настроением, чтобы ты желал одной Божественной воли, а никак не своей собственной, как в самом прощении, так и в получении просимого, именно: чтобы и движим ты был на молитву потому, что того хочет Бог, и желал быть услышанным, ибо Он того хочет. Одним словом, да будет у тебя в уме и в сердце то, чтобы всецело объединять свою волю с волей Божией и ей во всем подчиняться и отнюдь не желать волю Божию преклонить на **свою волю**...

4. Надлежит тебе приступать к молитве также украшенным делами, сообразными прошениям твоим, и после молитвы еще более трудиться над тем, чтобы сделаться достойнымместилищем благодати и добродетели, тобою просимой. Труд молитвы, таким образом, должен быть сопровождаем подвигом самопринуждения и напряжения себя на то, о чем просим, потому что здесь, в порядках духовной жизни, прошение и собственное искание следуют одно за другим, взаимообусловлены. Если же кто в молитве будет просить Бога о какой-либо добродетели, а сам предается нерадению, не употребляя никаких определенных средств на стяжание этой добродетели и никаких дел для того не предпринимающих подвигов не подвизаясь, то, поистине, такой более искушает Бога, а не **молится**...

5. В своей молитве надлежит тебе совмещать четыре действия... Сначала восславь Бога, потом возблагодари Его за явленные тебе благодеяния, далее исповедуй Ему свои грехи и преступления заповедей Его и, наконец, испрашивай у Него необходимое тебе, особенно в деле спасения...

6. Чтобы молитва твоя возымела силу пред Богом и привлекла к тебе Его благоволение, окрыляй ее и благоукрашай несомненной верою не только в безмерную Божию щедрость и непреложность Его **обетований** Услышать нас, взывающих к Нему, еще прежде чем кончится молитва наша, но особенно в силу воплощенного в нас Домостроительства Господа нашего Иисуса Христа, нас ради принявшего крестную смерть, воскресшего, вознесшегося на Небеса и сидящего одесную Отца, где **теперь** и ходатайствует о нас... Надежду быть услышанным возлагай также на ходатайство Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии, день **ночь** о нас молящейся, и на **предстательство** всех святых, Архангелов и **ангелов**, **апостолов** и **пророков**, **пастырей** и **учителей**, **мучеников** и **предполющих отцов и матерей**, **всякого рода благоугождениями** **благочинных** Богу, твоего Ангела Хранителя, святого, имя которого носишь, и святого, которому посвящена церковь, в которой ты крещен всегда молишься. Предпосылая своей молитве эти ходатайства, ты

смирение свое предположешь, благоприятнее которого ничего нет для Бога, ни на кого так милостиво не взирающего, как на кроткого и смиренного...

7. Надлежит совершать тебе свои молитвы всегда с неутомимым прилежанием, как заповедует Господь и апостол: «Будьте постоянны в молитве, бодрствуя в ней с благодарением» (Кол. 4, 2). Ибо смиренное терпение, неутомимость и неотступность в молении побеждают непобедимого Бога и преклоняют Его на милость (64, 181).

Желая и ища успеха в молитвенном труде, приспособлявай к этому все остальное, чтобы не разорвать одной рукой того, что созидает другая. 1. Тело свое держи строго и в пище, и во сне, и в отдыхе: ничего не давай ему потому только, что оно того хочет, как заповедует апостол: «Попечения о плоти не превращайте в похоти» (Рим. 13, 14). Не давай покоя плоти. 2. Внешние свои сношения сократи до самых неизбежных. Это на время обучения себя молитве. После молитва, действуя в тебе, укажет, что без ущерба для нее может быть прибавлено. Особенно блюди чувства, а между ними **наиболее** — глаза, слух, свяжи язык. Без соблюдения этого и шагу не сделаешь вперед в деле молитвенном. Как не может свеча гореть на ветре и дожде, так нельзя затеплиться молитве при приливе впечатлений извне. 3. Все свободное время после молитвы употребляй на чтение и размышление. Для чтения избирай преимущественно такие книги, в которых пишется о молитве и вообще о внутренней духовной жизни. Размышляй исключительно о Боге и вещах божественных, о Воплощенном Домостроительстве нашего спасения, а в нем особенно о страданиях и смерти Господа Спасителя. Делая так, погрузишься в море Божественного света. Присоединяй к этому хождение в церковь, как только будешь иметь возможность. Одно присутствие в храме осенит тебя молитвенным облаком. Что же получишь, если всю службу прстоишь в истинно молитвенном настроении! 4. Знай, что нельзя преуспеть в молитве без преуспевания вообще в христианской жизни. Необходимо, чтобы на душе не лежало ни одного греха, не очищенного покаянием; и если во время молитвенного труда сделаешь что-нибудь, смущающее совесть, спеши очиститься покаянием, чтобы мог ты дерзновенно воззреть ко Господу. Постоянно держи в сердце смиренное сокрушение. Не пропускай ни одного предстоящего случая сделать какое-нибудь добро или к проявлению какого-либо доброго расположения, особенно смирения, послушания и отречения от своей воли. Но уже само собой разумеется, что ревность о спасении должна гореть неугасимо и, наполняя всю душу, во всем, от малого до великого, должна быть главной движущей силой, со страхом Божиим и непоколебимым упованием. 5. Так настроясь, утруждай себя в молитвенном делании, молясь: то готовыми молитвами, то своими, то краткими зываниями ко Господу, то молитвой Иисусовой, но не упуская при этом ничего из того, что может способствовать в этом труде, и получишь искомое. Напомню тебе, что говорит святой Макарий Египетский: «Увидит Бог молитвенный труд твой и что ты искренне желаешь успеха в **молитве** — и даст тебе молитву. Ибо знай, что хотя и творимая, и достигаемая своими усилиями молитва приятна Богу, но настоящая молитва та,

которая вселяется в сердце и делается неотступной. Она есть дар Божий, дело Божией благодати. Потому, молясь обо всем, не забывай молиться и о молитве». Преподобный **Никодим** Святогорец (64, 205).

Молитва неисполненная

Господь никогда не отказывает в дарах. Если же и отказывает иногда до **времени** — отказывает для того, чтобы дар стал драгоценнее для приемлющих и чтобы приемлющий был прилежнее в молитве (29, 245).

Уста могут просить всего, но Бог исполняет только то, что полезно (29, 243).

Господь — премудрый Раздатель. Он заботится о пользе просящего и, если видит, что просимое вредно или, по крайней мере, бесполезно **ему**, — не исполняет просимого и отказывает в мнимом благодеении. Он выслушивает всякую молитву, и тот, чья молитва не исполняется, получает от Господа столь же спасительный дар, как и тот, чья молитва бывает исполнена (28, 225).

Всеми возможными способами Бог показывает, что Он милостивый Податель, Он дарит нам Свою любовь и являет нам милосердие Свое. А потому и не отвечает ни на одну неправильную молитву, исполнение которой принесло бы нам смерть и гибель. Однако и в этом случае, отказывая в просимом, не оставляет нас без весьма полезного дара; тем самым, что устраняет от нас вредное, Он отверзает уже нам дверь щедрот Своих. В этом Подателе не находит себе места неразумие просящего: немудрому, который по простоте своей, вопреки разуму, просит вредного для себя, Бог подает премудро. Отказывает же в дарах тому, кто не исполняет Его повелений. Всякий другой образ действия был бы неразумием для всеведения Подателя. Поэтому будь уверен, что всякое прошение, которое не бывает исполнено, несомненно, вредно, а то прошение, которое **услышано**, — полезно. Дарующий праведен и благ и не оставит твоих прошений неисполненными, потому что в благости Его нет злобы и в правде **Его — зависти**. Если Он медлит с исполнением, то не потому, что раскаивается в обетовании, напротив, Он хочет видеть твое терпение. Преподобный Ефрем Сирин (28, 226).

Прежде всего надо знать, что не всего, чего хотим, позволено нам просить и что не во всяком случае мы умеем просить полезного (8, 285).

С великой осмотрительностью должно делать прошения, соображая их с волей Божией. А неуслышанным надо знать, что необходимо или терпение, или усиление молитвы. Святитель Василий Великий (8, 286).

Бывает иногда полезнее не получить. Если бы для нас не было часто полезно не получить, Бог, несомненно, дал бы; между тем не получить с **пользой** — значит получить (46, 484).

Мы бываем не услышаны еще и тогда, когда молимся, продолжая оставаться в грехах. Святитель Иоанн Златоуст (46, 485).

Иногда немедленно бывает услышано наше прошение, иногда же, по словам Спасителя, Бог **долготерпит** о нас, то есть не скоро исполняет просимое нами: Он видит, что нужно остановить на время это исполнение для нашего смирения (108, 142).

Когда прошение твое не будет исполнено Богом, покорись благоговейно воле Всесвятого Бога, Который по неведомым причинам оставил твое прошение неисполненным. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (108, 142).

О чем просить Бога в молитвах?

Молитвою не наводи на себя негодование, но проси того, что достойно **Бога**. А прося достойного, не отступай, пока не получишь (8, 322).

В молитве должно просить не исполнения собственной своей воли, но предоставлять все Богу, **домостроительствующему** полезно. **Святитель Василий Великий** (10, 250).

Если дела твои не благоугодны Богу, то не проси у Него великих дарований, чтобы не прийти в положение человека, который искушает Бога. Молитва твоя должна быть сообразна с жительством твоим... Желание каждого человека выказывается **его** деятельностью. К чему устремлено его тщание, о том он должен подвизаться и в молитве. Желаящий великого не должен упражняться в маловажном (82, 251).

Не проси того у Бога, что Он Сам дает нам без прошения нашего, по Своему промыслению, что дает не только Своим и возлюбленным, но и чуждым познания Его. **Преподобный Исаак Сирин** (82, 250).

Невозможно, чтобы просящие от Бога целомудрия, и справедливости, и кротости, и честности не получили согласно своей молитве (36, 832).

Если нам заповедуется воздерживаться от житейских благ даже когда они есть, то как оказываемся мы жалки и несчастны, если просим у Бога того, что Он повелел отвергать. **Святитель Иоанн Златоуст** (46, 495).

В молитве проси только правды и Царствия, то есть добродетели и ведения, а прочее все приложится тебе (Мф. 6, 33) (47, 180).

Молись, во-первых, об очищении от страстей; во-вторых, об избавлении от неведения и, в-третьих, о спасении от всякого искушения и оставления. **Преподобный Нил Синайский** (47, 179).

По чистоте вашей будьте жертвенником Божиим, соделайте священником внутреннего человека... (82, 180).

Предметы молитвы нашей должны быть духовные и вечные, а не временные и вещественные. Основная и первоначальная молитва должна состоять из прошений о прощении грехов (108, 516).

Не будь безрассуден в прошениях, чтобы не прогневать Бога малодушием твоим: просящий у Царя царей чего-нибудь ничтожного — **унижает** Его (108, 151).

Проси того, что считаешь себе нужным и полезным, но исполнение и неисполнение твоего прошения предоставляй воле Божией... (109, 167).

Воспрещено нам плотское многословие и витийство в молитве; воспрещены прошения о земных благах и преимуществах, прошения, которыми только и преисполнены молитвы язычников и подобных язычникам плотских людей. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (111, 249).

Молитва в искушении и скорби

Поскольку Господь учит: «Молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Лк. 22, 40), то должно ли молиться и о том, чтобы не впадать в телесные страсти, и, если кто впадет в них, как должен переносить?

Господь не различил качество искушения, но вообще повелел: «Молитесь, чтобы не впасть в искушение». А тот, кто впал в искушение, должен просить у Господа с искушением и избытия, «чтобы вы могли перенести» (1 Кор. 10, 13), чтобы исполнилось и над нами: «претерпевший же до конца спасется» (Мф. 24, 13). **Святитель Василий Великий** (116, 548).

Изрядное училище молитвы и благочестия есть скорбь и страдание. Израильтяне, будучи в Египте и от приставников фараона-мучителя терпя озлобления, прилежно молились и зывали к Богу, как Сам Господь сказал о них: «Я увидел страдание народа Моего в Египте и услышал вопль его» (Исх. 3, 7). Анна, мать Самуила-пророка, будучи из-за бесплодия в поношении и тесноте, и скорби, сердечно молилась Богу и услышана Богом (1 Цар. 1). О том, как скорби и гонения побуждали царя Давида к сердечной молитве, свидетельствуют его псалмы... Так скорбь научает сердечной молитве! Когда мы усерднее молимся, как не во время болезни, беды, напасти, искушения, в нашествии иноплеменников, во время голода, моровой заразы и прочего бедствия, которое грозит нам смертью? Тогда из глубины сердца исходит и восстает молитва. **Святитель Тихон Задонский** (104, 1131—1132).

Ученики плывут по морю; поднимается буря и ставит их в опасное положение, а Господь спит. Зывают к Нему: «Господи, спаси!», и Он одним словом укрощает бурю... И каждый человек, и народы, и **Церковь**—плывут по морю жизни сами, силами, в них вложенными, естественными и сверхъестественными, по порядкам, Богом заведенным. Господь поживает, хотя и пребывает среди движущихся событий; Сам же действовать начинает тогда, когда угрожает неминуемая беда, грозящая отклонить события от божественных планов. Он всюду есть, все хранит, все согревает веянием любви Своей, но действовать предоставляет Своим тварям силами, им данными, по законам и порядкам, Им повсюду заведенным и хранимым. Он не лично вседействующ, хотя все от Него, и без Него ничего не бывает. Всегда готов Он и Сам воздействовать, когда это нужно, по Его беспредельной

премудрости и правде. **Молитва — приемник** Божиих действий. Но самая лучшая молитва: «Господи! Тебе все ведомо: сотвори со мною, как **изволишь!**». Епископ Феофан Затворник (115, 659).

Во время скорбей и опасностей, видимых и невидимых, особенно нужна молитва: она, будучи выражением отвержения самонадеянности, выражением надежды на Бога, привлекает к нам помощь Божию (111, 326).

Когда окружают скорби, нужно учашать молитву, чтобы привлечь к себе особенную благодать Божию. Только при помощи особенной благодати можем попираť все временные бедствия. **Епископ** Игнатий (Брянчанинов) (108, 549).

Внимание и собранность ума при молитве

В чем состоит служение Богу? Не в чем ином, как в устранении из ума всего чуждого, когда славословим Бога. Да не будет в нас услаждения чем-либо земным в то время, как мы молимся Ему! Да не будет в нас злобы в то время, как воспеваем Его! Да не будет в нас ненависти к ближнему в то время, когда поклоняемся Ему! Да не будет в нас лукавого рвения в то время, как устремляем ум наш к **Нему!** Да не движется срамная похоть в членах наших в то время, когда занимаемся памятью Божией. Всем этим душа омрачается, содержится в плену и, имея эти страсти в себе, не может приносить чистого служения Богу. Они возбраняют ей на воздухе, то есть возбуждая помыслы и мечтания, не допускают ее предстать Богу и совершать таинственное служение Ему, молясь Ему от сладостного действия Божественной любви с услаждением сердца, в святой воле Божией, причем душа бывает просвещаема Богом. Не отсекая упомянутых страстей духовным разумом, ум находится постоянно в омрачении и не может преуспеть в Боге. Преподобный авва **Исаия** (82, 225—226).

Молиться надо так, чтобы ум был всецело собран и напряжен. Должно призывать Бога со скорбящей душой и не говорить лишних слов, не растягивать молитву, а говорить немного простых слов, потому что не от множества слов, а от трезвости ума зависит услышание. Если ты растянешь свою речь, то часто можешь рассеяться вниманием и дать диаволу возможность совершенно бесстрашно подойти к тебе и обольстить, отвлечь твою мысль от того, что ты говоришь... (43, 965).

Когда бодрствуешь в молитве, помышляй не об усталости, принимаямой бодрствованием, а о дерзновении, доставляемом молитвой (36, 758).

Зная коварство диавола, постараемся особенно во время молитвы отгонять его, как будто бы мы видели его присутствующим и стоящим перед нашими глазами; постараемся удалять от себя всякий помысел, смущающий душу нашу, напрягать все свои силы и творить усердную молитву так, чтобы не только язык произносил слова, но и душа вместе со словами восходила к Богу (38, 320).

И если ты сам не слышишь своей молитвы (по рассеянности), как же ты хочешь, чтобы Бог услышал ее? (37, 472).

Кто беспечен и невнимателен к тому, что говорит в молитве, тот взывает не к Богу, но говорит тщетно и напрасно (39, 494).

Мы не знаем как следует пользы от молитвы, потому что не внимаем ей со всем усердием и не упражняемся в ней по законам Божиим (39, 13).

Во время молитвы мы можем удерживать внимание, если будем помнить, с Кем беседуем, если будем представлять, что приносим духовную жертву. Святитель Иоанн Златоуст (44, 519).

Тщательность в молитве приносит много даров. Только каждый пусть молится со вниманием и правой совестью, никак не блуждая мыслью по произволу и не воздавая молитву, как бы необходимый, невольный долг, но исполняя ею любовь и желание души... и Сам Господь внушит просящим, как молиться... Итак, прилежный к молитве должен просить ее и знать, что в столь важном деле он со многим старанием и усилием должен выдерживать тяжкую борьбу, поскольку с особенной силой нападает на них дух злобы, стремясь ниспровергнуть наше старание. Отсюда ослабление тела и души, изнеженность, беззаботность, нерадение и все прочее, что губит душу, терзаемую по частям и предающуюся врагу своему. Итак, нужно, чтобы душою управлял разум, как мудрый кормчий, указывая прямой путь к горней пристани и предавая душу неповрежденной вверившему ее Богу. Святитель Григорий Нисский (23, 280).

Когда стоишь, совершая молитвы, ум твой да внимает силе слов, и думай, что ты предстоишь Богу, истязаемому сердца и утробы. Когда восстанешь от сна, прежде всего прославь Бога устами твоими, потом начни правило легко и тихо, вспоминая греховность твою и вздыхая о ней, вспоминая ожидающую тебя вечную муку. Авва Силуан (82, 354—355).

Молитва, совершаемая с небрежением и **леностью**, — празднословие. Преподобный Антоний Великий (82, 27).

Отцы наши прилежали внимательной молитве в безмолвии, а **мы** заботимся о приготовлении пищи и о рукоделии. Авва Афанасий (82, 72).

Прилежная молитва скоро исправляет ум. Изречения безымянных старцев (82, 395).

Чистота сердца доказывается нерассеянной молитвой. Преподобный авва **Исаия** (82, 216).

Душа **МОЛИТВЫ** — внимание. Как тело без души мертво, так и Молитва без внимания мертва (108, 146).

Произнося слова молитвы неспешно, не позволяя уму скитаться повсюду, но затворяй его в словах молитвы (108, 146).

Ум во время молитвы должно со всею тщательностью сохранять безвидным... образы, если их допустит ум в молитве, сделаются непроницаемой завесой, стеной между умом и Богом (108, 147).

Непарительность, доступная человеку, даруется Богом в свое время такому подвижнику молитвы, который постоянством и усердием в подвиге докажет искренность своего желания стяжать молитву (108, 262).

Страсти—эти нравственные недуги человека—служат основной причиной развращения при молитве (108, 262).

Внимательная молитва требует самоотвержения, а на самоотвержение решаются редкие (108, 243).

Внимательная молитва, чуждая рассеянности и мечтательности, есть видение невидимого Бога, влекущего к Себе зрение ума и желание сердца (109, 166).

От деятельности по своей воле и по своему разуму немедленно явится попечительность о себе, предстанут уму различные соображения... уничтожат внимательную молитву (108, 279).

Свойственно молитве открывать в падшем естестве сокровенные признаки его падения и впечатления, произведенные произвольными согрешениями (108, 290).

Рассеянность окрадывает молитву. Помолившийся с рассеянностью ощущает в себе безотчетную пустоту и сухость. Постоянно молящийся с рассеянностью лишается всех плодов духовных, обыкновенно рождающихся от внимательной молитвы (109, 164—165).

Затвори двери келлии твоей от людей, приходящих для пустословия, для похищения у тебя молитвы; затвори двери ума от посторонних помышлений... затвори двери сердца от ощущений греховных и помолись (109, 171).

Необходимо во время молитвы заключать ум в слова молитвы, отвергая без разбора всякий **помысел**—и явно греховный, и праведный по наружности (112, 356).

Достоинство молитвы состоит единственно в качестве, а не в количестве. Тогда похвально количество, когда оно приводит к качеству... Качество истинной молитвы состоит в том, что ум во время молитвы находится во внимании, а сердце сочувствует уму (109, 163).

Надо помнить, что сущность молитвенного подвига заключается не в количестве прочитанных молитвословий, а в том, чтобы прочитанное было прочитано со вниманием, при сочувствии сердца (112, 105).

Ум, заключаясь в слова молитвы, привлекает сердце в сочувствие себе (109, 163).

Научимся сперва молиться внимательно устной и гласной молитвой, тогда удобно научимся молиться и одним умом в безмолвии внутренней клетки (109, 183).

Хочешь ли преуспеть в умной и сердечной молитве? Научись внимать устной и гласной: внимательная устная молитва сама собою переходит в умную и сердечную (109, 185).

Положим в основание молитвенного подвига, главного и существеннейшего между монашескими подвигами... внимательную гласную молитву, за которую милосердный Господь дарует в свое время постоянному, терпеливому, смиренному подвижнику молитву умную, сердечную, благодатную (109, 188).

Внимательная молитва служит признаком, что сердце расторгло нити пристрастий и потому уже свободно направляется к Богу, прилепляется к Нему, усваивается Ему (111, 257).

Состояние глубокого постоянного внимания при молитве происходит от прикосновения Божественной благодати к духу нашему. Дарование благодатного внимания молящемуся есть первоначальное духовное Божие дарование (111, 339).

Дару внимательной молитвы обыкновенно предшествуют особенные скорби и потрясения душевные, низводящие дух наш в глубину сознания нищеты и ничтожности своей (109, 284).

Молитва нуждается в неотлучном соприсутствии и содействии внимания. При внимании молитва составляет неотъемлемую собственность молящегося, при отсутствии внимания она чужда молящемуся (112, 98).

То внимание, которое вполне соблюдает молитву от развлечения или от посторонних помыслов и мечтаний, есть дар благодати Божией. Епископ **Игнатий (Брянчанинов)** (112, 98).

Рассказывал некий ученик об отце своем. Однажды мы совершали правило; я читал псалмы и пропустил одно слово, не заметив этого. Когда мы окончили службу, старец сказал мне: «Я, совершая служение, представляю себе, что предо мною горит огонь, и ум мой не может уклониться вправо или влево. Где же был твой ум, когда ты читал псалмы и пропустил слово? Разве ты не знаешь, что, молясь, ты стоишь перед Богом и говоришь Богу?» (82, 436).

Поведали об Иоанне: когда он возвращался с жатвы, то ходил сперва к старцам для молитвы и назидания; потом упражнялся в псалмопении; после этого переходил уже к молитве. Таковую постепенность в занятиях он считал нужной для приведения ума в то состояние, в котором он находился до выхода из кельи. Отечник (82, 288).

Одному безмолвствующему в пустыне, когда он прилежно молился, явились демоны и в продолжение двух недель играли им, как мячом, бросали его вверх и подхватывали на рожгу. Однако они никак не смогли отвлечь его ум от пламенной молитвы. Преподобный Нил Синайский (47, 194).

Сердечная молитва

Только тогда молитва становится победоносным оружием в невидимой (духовной) брани, когда делается настоящей, то есть внедрится в сердце и начнет непрестанно в нем действовать. С этого момента она делается непроницаемой, непреодолимой и непроходимой оградой души, не допускающей к ней ни стрел вражеских, ни страстных нападков плоти, ни обольщений со стороны прелестного мира. Самым присутствием своим в сердце она пресекает невидимую брань.

Почему и внушаю тебе: поспеши привить к сердцу действие молитвы и попекись о том, чтобы она была там в непрестанном движении. Ибо это то же, что сказать: сделай так и без борьбы будешь победителем, это так Действительно и бывает. Но пока дойдет твоя молитва до такой силы, Враги не дадут тебе покоя, тебе и минуты не обойтись без брани. Поможет ли тут молитва? Конечно, и более чем всякое другое оружие Духовной брани. Она всегда привлекает Божию помощь, и сила Божия отражает врагов, только пусть будет она усердна и предана в волю Божию. Место ее — в самом начале противоборства вражеским нападениям. Вот как это бывает: когда внимание, как неусыпный страж, дает

знать о подступах врагов и почувствует стрелы их, то есть или помысел страстный, или движения страсти появятся внутри, ревнующий о спасении дух, осознав в этом злобное вражеское дело, напряжением своих сил нещадно отражает это от сердца, не давая туда проникнуть, и почти одновременно внутренне возносится молитвой ко Господу, призывая Его на помощь. Помощь приходит, враги рассеиваются, и брань стихает. Преподобный Никодим **Святогорец** (64, 209).

Всякая молитва, при которой не трудится тело, а сердце не придет в сокрушение, признается недозрелым плодом, потому что такая молитва без души (82, 254).

В молитвенном делании рабов нет мира мысли; нет в свободе чад мятежного смущения (82, 268).

Произноси стихи псалмопения твоего не как бы заимствуя слова из иного и не прими намерения непрестанно умножать дело моления твоего, чтобы не лишиться совершенно умиления и радости в молитве, но говори эти слова в моления твоем как бы сам из себя, с умилением, с постижением смысла их, как истинно понимающий свое дело. **Преподобный Исаак Сирин** (82, 269).

«Изливайте пред Ним сердце ваше» (**Пс.** 61, 9). Бог с душою, любящей Его, беседует просто, да и в беседе Он нужды не имеет. Ибо говорит не ушам, но сердцу, а потому и душе, любящей Его, дает такой чудный язык, который ничего не говорит, а Бог глаголы его слышит.

Таков был язык Анны, матери Самуиловой, о которой Слово Божие говорит: «Уста ее только двигались, и не было слышно голоса ее» (1 Цар. 1, 13). Что за чудное это движение уст? Что за молчаливая беседа? Однако Бог так молитву Аннину слышал, как бы она громогласно к Нему зывала. То же видим мы и на пророке Моисее. Вел он Израиль из Египта и вошел в расступившееся море, увидел фараона и всю силу его, гонящихся по следам их. В этом случае не только уста Моисеевы, но и сердце его было стеснено. Он никаких слов устами не произносил, однако послушай, что Бог говорит Моисею: «что ты вопиешь ко Мне?» (Исх. 14, 15). Боже **чудотворящий!** Моисей молчит, и Ты говоришь ему: «Что ты вопиешь ко мне?» Конечно, слышал Бог слова сердца Моисея, которые были громогласнее, чем слова уст всего народа.

Пусть **невозможно**, чтобы внутренняя горячность духа через какие-нибудь наружные знаки себя не проявляла, как, например, почти нельзя, чтобы от крепкого сокрушения сердца не потекли слезы или не открылось бы вздыхание; кроме того, наружные знаки благочестивого моления могут быть полезны к возбуждению других, особенно когда молитва совершается в общем собрании, однако при всем том сердце прежде, нежели тело, да преклоняет колена свои; сердце прежде, нежели руки, да возносится к Богу; сердце прежде, нежели очи, да проливает слезы; сердце прежде, нежели одежды, да раздирается; сердце прежде, нежели язык, да беседует.

Молиться надо со вниманием, и сердцем больше, нежели языком, чтобы не были сказаны и о нас эти неприятные слова: «приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня» (Мф. 15, 8). Видели мы, что такую сердечную молитву имел Моисей... О молитва, которая так тесно связывает человека с Богом! Вот живой молитвы пример! Надо нам быть пораженными стыдом и срамотою, когда подумаем о своих молитвах. Сколько перед собою разложим мы книг, сколько наговорим слов, сколько лицемерных вздыханий, сколько проворных поклонов,—

и при всех этих действиях не чувствуем в себе никакого сокрушенного удара! Читаем много молитв, да так, как бы произносило их бездушное тело или на несколько часов заведенный язык. Хотим, чтобы Бог внял нашей молитве, когда не внимаем ей мы сами. Такая молитва поистине превращается в грех. Итак, надо молиться сердцем больше, чем языком. Платон, митрополит Московский (105, **309—313**).

Иаир при всех, припав к ногам Спасителя, гласно молил Господа об исцелении дочери своей и был услышан. Господь, ничего не сказав, тотчас встал и пошел к нему. На пути к Иаиру была исцелена кровоточивая жена, конечно, тоже не без молитвы с ее стороны, хотя она и не взывала словом и не падала ниц к ногам Господа; у нее была сердечная молитва веры. Господь услышал ее и дал исцеление. Тут все совершилось сокровенно. Кровоточивая сердцем обратилась к Господу; Господь слышал этот вопль сердца и удовлетворил прошение. У этой жены и у Иаира молитва, по существу, одна, хотя и можно различать в них некоторые степени. Такие-то молитвы, полные веры, упования и преданности, никогда не бывают не услышаны.

Говорят иногда: «Молюсь, молюсь, а молитва моя все-таки не слышится». Но потрудись взойти в меру молитвы **безотказной** — и увидишь, почему она не услышана. Будешь ли ты в молитвенном положении, как Иаир, или в простом, обычном, как все окружающие, подобно **кровоточивой**, — когда подвигнется в сердце твоим настоящая молитва, она, несомненно, войдет к Господу и преклонит Его на милость. Все дело в том, как дойти до такой молитвы. **Трудись** — и дойдешь. Все чины молитвенные имеют целью возвести молитвенников в такую меру молитвы, и все, которые разумно проходят этот молитвенный курс, достигают цели своей (107, 377—378).

Господь дал молитву, общую для всех, совместив в ней все нужды наши, духовные и телесные, внутренние и внешние, вечные и временные. Но так как в одной молитве нельзя совместить всего, о чем приходится молиться Богу в жизни, то после молитвы общей дано правило на случай частных о чем-либо прошений: «**просите**, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам» (Лк. 11, 1—10). В церкви Божией так и делается: христиане все вместе молятся об общих нуждах, но каждый частно излагает пред Господом свои нужды и потребности. Вместе молимся в храмах по установленным чинопоследованиям, которые все суть ничто иное, как разъясенная и в разных видах изложенная молитва Господня; а частно, дома, всякий, как умеет, просит Господа о своем. И в храме можно молиться о своем, и дома можно молиться общею **молитвой**.

Об одном только надо заботиться: чтобы, когда стоим на **молитве** — дома ли, или в церкви, у нас на душе была действительная молитва, действительное обращение и восхождение ума и сердца нашего к Богу. Как кто сумеет, пусть делает это. Не стой, **как** статуя, и не бормочи молитву, как заведенная машинка, играющая песни. Сколько ни стой так и сколько ни бормочи, нет у тебя молитвы, когда ум блуждает и сердце полно суетных **чувств**. Уж если стоишь на молитве, приладилась к ней, что стоит тебе и ум и сердце привлечь сюда же? И влеки их, хотя бы они Упорствовать стали. Тогда составится молитва настоящая и привлечет милость Божию и Божие обетование молитве: **просите** и Дастся, исполнится. Не дается часто оттого, что прошения нет,

а только просительное положение. **Епископ Феофан Затворник (107, 358—360).**

Истинная молитва состоит не в словах и произнесении их, но истинная молитва состоит «в духе и истине» (Ин. 4, 23). Когда молимся Богу, должно пред Ним стоять не только телом, но и духом; и молитву произносить не только устами, но и умом, и сердцем; и не только голову и колени преклонять, но и сердце наше пред Ним; и к Нему умные очи наши возводить со смирением. Ибо всякая молитва должна исхдти из сердца; и что язык глаголет, ум и сердце должны глаголать. Потому ничему так не должно обучаться, как истинной молитве. Бог смотрит на сердце, а не на слова наши и внимает воздыханию сердечному, а не глаголанию устному. «Господи! научи нас молиться» (Лк. 11, 1). **Святитель Тихон Задонский (104, 1106).**

Степень любви нашей к Богу мы усматриваем с особенной ясностью при молитве, которая служит выражением этой любви и очень правильно названа в отеческих писаниях зеркалом духовного преуспевания (111, 257).

Молитва есть по преимуществу исполнение первой и главнейшей заповеди (112, 93).

Делается человек способным к любви Божией от исполнения любви к ближнему, а состояние же стремления всем существом к Богу возводится молитвою (108, 518).

Молитва есть деятельное выражение любви инока к Богу (112, 92).

Возносящийся к Богу чистою и частою молитвою стяжает живую веру в Бога, ею видит Его и перелетает, как крылатый, через все превратности и бедствия земной жизни (111, 353).

По некотором преуспевании (в молитве) приходит ощущение тишины, смирения, любви к Богу и ближним без различия добрых от злых, терпение скорбей как попушений и врачеваний Божиих... Любовь к Богу и ближним, являющаяся постепенно из страха Божия, вполне духовна... отличается отличием бесконечным от любви человеческой в обыкновенном состоянии ее (108, 293).

Когда чувствуешь сухость, ожесточение, не оставляй молитвы: за ожидание твое и подвиг против сердечного нечувствия низойдет к тебе милость Божия, состоящая в умилении (109, 164).

Ум молится словами, сердце молится плачем. Не восплачет сердце, если не умилится от слов молитвы, не стяжет ум внимательной молитвы, если сердце не будет содействовать ему плачем. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (82, 414).**

Церковная молитва

Церковные молитвословия содержат в себе пространное христианское догматическое и нравственное богословие: посещающий неупустительно церковь и тщательно внимающий ее чтению и песнопениям может отчетливо изучить все нужное для православного христианина на поприще веры. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (109, 181—182).**

«Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6, 6). Бог везде смотрит на цель дел. Если и в комнату войдешь, и затворишь за собою двери, но сделаешь это по тщеславию, затворенные двери не принесут тебе пользы... Господь желает, чтобы ты, прежде нежели затворишь их, изгнал из себя тщеславие и заключил дверь сердца твоего. Ибо совершенно доброе дело должно быть всегда свободным от тщеславия, а особенно во время молитвы. Если и без порока во время молитвы всюду блуждаем своими мыслями, то, когда приступим к молитве с болезнью тщеславия, тогда и сами не услышим молитв своих. Если же мы и сами не слышим молитв и прошений своих, то как можем надеяться, что Он услышит нас?

Говорят: могу молиться дома. Ты сам себя обманываешь, друг мой. Правда, ты можешь дома молиться, но не можешь молиться так, как в церкви, где собрано столько отцов, где возносится к Богу едиனுшный глас. Ты не можешь так возносить молитву, когда один станешь призывать Господа, как можешь возносить её, когда стоишь вместе с братьями, ибо здесь есть нечто **большее** — единение многих, союз любви, молитвы священников. Для того и поставлены священники, чтобы молитвы народа, которые могут быть слабыми, соединяя с более сильными, возносить на Небо. Святитель Иоанн Златоуст (115, **599—600**).

«Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6, 6). Что же, неужели не должно мне молиться в церкви? Напротив! Должно, только с чистым намерением, а не с тем, чтобы видели это люди. Потому что не место вредит нам, но внутреннее расположение и цель. Многие, и втайне молясь, делают это для того, чтобы нравиться людям. Блаженный Феофилакт (115, 589).

Правоверные христиане, оставив все свои дела, стекайтесь на церковную молитву без лени и не говорите так: отпоем дома. Не может та молитва ничего успеть без церковной молитвы. Как дом не согреется дымом без огня, так и та молитва без церковной. Ибо Церковь называется земным Небом, в ней закапается Агнец, Сын, Слово Божие, за очищение грехов всего мира, верных и людей, трепещущих словес Божиих. В ней же проповедуется Евангелие благовещения Царства Божия, и Деяния святых апостолов, и Соборные послания, и 14 Посланий святого нашего учителя апостола Павла, и почитаются семь святых Вселенских Соборов. В церкви престол Божией славы осеняют невидимо Херувимы и священническими руками приемлются Божественные Тело и Кровь и подаются верным людям на спасение и на очищение душ и тел. И такое страшное, и грозное, и преславное **чудо** Божие, каким является церковное богослужение, вы хотите заменить домашним своим пением! Святитель Алексей, митрополит Московский (115, 600).

Молитвенное **правило** *

Не оставляй молитвенного правила, чтобы не впасть в руки врагов твоих (82, 186).

Тщательно исполняй твое молитвенное правило. Остерегись! не допусти себе пренебречь им. От тщательного исполнения правила просвещается и укрепляется душа. **Преподобный авва Исаия (82, 204).**

Лучше правило легкое, но постоянно совершаемое, чем правило трудное вначале, но скоро оставляемое. **Авва Матой (82, 313).**

Наблюдай установленные часы для молитвословий и не пропусти ни одного из них, чтобы не подвергнуться за это суду. **Преподобный Антоний Великий (82, 22).**

Прежде чем ляжешь спать, проведи два часа в молитве и псалмопении, потом усни. Когда же Господь возбудит тебя, встань и исполни молитвенное правило твое с тщанием. Если ощутишь лень в теле, скажи ему: «Неужели ты хочешь покоиться во время этой краткой жизни и потом навсегда быть ввергнутым во тьму кромешную?», понудь себя немного и вскоре придут и бодрость, и сила. **Преподобный авва Исаия (82, 168).**

Не сочти праздностью умножение занятия молитвой непаритетной (чуждой развлечения), сосредоточенной (внимательной) и продолжительной по той причине, что при этом уменьшил твое псалмопение. Возлюби более поклоны в молитве, нежели псалмопение. Если оживет в тебе молитва, то она заменяет собою правило, состоящее из молитвословий. Если во время совершения твоего молитвенного правила тебе будет дано дарование слез, то не признай наслаждение ими праздностью в отношении к твоему правилу, ибо благодать слез есть последствие полноты молитвенной. **Преподобный Исаак Сирин (82, 275).**

Не дерзни приносить Богу многословных и красноречивых молитв, тобою сочиненных... **они — произведение** падшего разума и ... не могут быть приняты на духовный жертвенник Божий (109, 171).

Молитвенное правило направляет правильно и свято душу, научает ее поклоняться Богу духом и истиной, между тем как душа, будучи предоставлена самой себе, не могла бы идти правильно путем молитвы (109, 172).

Молитвенные правила удерживают молящегося в спасительном расположении смирения и покаяния, научая его непрестанному самоосуждению, питая его умилением, укрепляя надеждой на Всеблагого и Всемилосердного Бога (109, 172).

Продолжительность молитвы определяется для каждого образом жизни его и мерой **сил — душевных** и телесных (108, 145).

От сильного тела требуется при молитве труд, без него сердце не сокрушится, молитва будет бессильной и не истинной (109, 162).

* См. также т. 4, с. 735—736 настоящего издания.

Продолжительность молитв угодников **Божиих** — не от многоглаголания, но от обильных духовных ощущений (108, 152).

Необходимо научиться правильной молитве, чтобы преуспеть в ней и посредством ее изработать свое спасение (112, 94).

К молитве нужно понуждение в течение всей жизни. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 99).

Всякая молитва, приносимая тобою ночью, да будет пред очами твоими важнее всех дневных деяний. Не обременяй чрева твоего, чтобы не смутилась мысль твоя, чтобы ты, когда встанешь ночью на молитву, не был возмущен парением (развлечением мыслей) и не оказался исполненным женоподобного расслабления. Не только это приключается (по обременении чрева пищей), но и душа твоя становится помраченной, помышления твои возмущенными, и ты никак не можешь по причине омрачения сосредоточить их в псалмопение твое. Теряется в тебе вкус ко всему и не чувствуешь услаждения от стихов псалмопения, тогда как обычно ум при легкости и светлости мыслей, со сладостью вкушает разнообразие псалмопения. Когда благочиние ночное будет возмущено, тогда ум бывает смущен и в дневном делании, пребывает в омрачении и чтением, по обычаю, не услаждается, потому что на помышления нападает как бы буря (и не перестает волновать их), хотя бы ум прибегал и к молитве, и к поучению. Сладость, подаваемая подвижникам в течение дня, исходит на чистый ум из света ночного делания. Каждый человек, не наученный опытами долговременного безмолвия, да не надеется постигнуть от себя (от одного разумения своего) что-либо особенное о благах подвижничества, хотя бы он был и великим, и премудрым, и учителем, и имеющим много (других) добродетелей. **Преподобный Исаак Сирин** (82, 275—276).

Преклони колени, вздыхай, моли Господа твоего быть милостивым к тебе. Он особенно преклоняется на милость ночными молитвами, когда ты время отдыха делаешь временем плача (43, 248).

Научимся неотступно и постоянно прилежать к **молитве** — и днем, и ночью; особенно ночью, когда никто не смущает, когда ум спокоен, когда великая тишина, и нет никакого волнения в Доме, никто не препятствует нам заняться молитвою и не отвлекает от нее; когда пробужденная душа может обстоятельно высказать все Врачу душ (38, 322).

Великое **дело** — среди глубокой ночи, когда спят все люди, звери и скот, когда господствует глубочайшая тишина, тебе одному бодрствовать и дерзновенно беседовать с Владыкой (36, 758).

Растения восстанавливают силы ночью; тогда же особенно и Душа принимает на себя росу, ибо что днем поpalается солнцем, то освежается ночью. Ночные слезы лучше всякой росы нисходят **и** на пожелания, и на всякое пламенное разжжение и не **позволяют** потерпеть ничего вредного. Если душа не будет читаться этой росой, то будет сожигаться во время дня (43, 250).

Господь не словом только научает учеников молитве, но и Сам

часто совершает молитвы и целые ночи молится в пустыне. **Святитель Иоанн Златоуст (35, 588).**

«И пробыв всю ночь в молитве к Богу» (Лк. 6, 12). Тут основание и начало христианских всенощных бдений. Жар молитвенный гонит сон, и восхищения духа не дают заметить течения времени. Настоящие молитвенники и не замечают того; им кажется, будто они только что встали на молитву, а между тем уж и день показался. Но пока дойдет кто до такого совершенства, надо поднимать труд бдения. Несли его и несут уединенники; несли его и несут общежительные; несли его и несут благоговейные и богобоязненные миряне. Но хоть с трудом проходит бдение, плод его остается в душе прямой, **всегдашний** — умиротворение души и умиление при расслаблении и изнеможении тела. Состояние очень ценное в ревнующих о преуспевании в духе! Оттого, где заведены бдения (на Афоне), от них отстать не хотят. Все сознают, как это трудно, но отменить этот чин никому нет желания ради той пользы, какую принимает душа от бдений. Сон больше всего упокоевает и питает плоть; бдение же больше всего смиряет ее. Выспавшийся вдоволь тяжел бывает на дела духовные и холоден к ним; **бдящий** — быстродвижен, как серна, и горит духом. Если должно обучать плоть добру, как рабу, то ничем нельзя так успеть в этом, как частым бдением. Тут она испытывает вполне власть духа над собою и приучается покорствоваться ему, а дух приобретает навык властвовать над нею. Епископ Феофан Затворник (107, 322—323).

«А утром, встав весьма рано, вышел и удалился в пустынное место, и там молился» (Мк. 1, 35). Вот урок рано вставать и первые часы дня посвящать молитве в уединении. Душа, обновленная сном, бывает свежа, легка и способна к проникновению, как свежий утренний воздух; потому сама собою просится, чтобы пустили ее туда, где вся ее отрада, пред лицом Отца Небесного, в сообщество Ангелов и святых. В это время удобнее ей это делать, нежели после, когда уж налягут на нее заботы дня. Все Господь устраивает; надо от Него принять благословение на дела, нужное вразумление и необходимое подкрепление. И спеша пораньше, пока ничто не мешает, наедине, вознести к Господу умом и сердцем, и исповедать Ему нужды свои, намерения свои и испросить Его помощь. Настроившись молитвой и богомыслием с первых минут дня, целый день потом проведешь в благоговении и страхе Божию, с собранными мыслями. **Отсюда** — осмотрительность, степенность и стройность в делах и взаимных отношениях. Это награда за труд, на который понудишь себя в утреннем уединении. Это и для житейских людей, стало быть, мера благоразумия, а не что-либо чуждое их целям. **Епископ Феофан Затворник (107, 254—256).**

Проснувшись... направь мысли к Богу, принеси в жертву Богу начатки помышлений ума, еще не принявшего на себя никаких суетных впечатлений. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (108, 298).**

Постоянство в молитве

Господь жаждет, чтобы Его жаждали, и напояет желающих пить; приемлет как благодеяние, если просят у Него благодеяния, Он доступен и щедро подает великие дары, с большей радостью дает, чем иные приемлют сами. Только не обнаружим в себе

низкой души, прося того, что маловажно и недостойно Дающего. Святитель Григорий Богослов (13, 300).

Братия мои, без лености и нерадения да умоляет всякий о щедротах. Пусть только стучит в дверь **Господню—Господь** ответит ему с искренней любовью. Преподобный Ефрем Сирин (28, 152).

Разве **Бог** не мог бы даровать и прежде наших просьб? Но Он ждет, чтобы получить от нас самих повод праведно удостоить нас Своим попечением (46, 485).

Не будем же роптать на замедление в даровании просимого, а именно поэтому проявим великую твердость и терпение (46, 484).

Получим ли просимое, не получим ли, будем настойчивы в своем прощении и будем благодарить не только в случае успеха, но и в случае неуспеха. Святитель Иоанн Златоуст (46, 485).

Без колебания неверием надо быть настойчивым в молитвах и не сомневаться, что постоянством их получим все, что будем просить у Бога. Ибо Господь, желая доставить нам вечные и небесные блага, увещевает, чтобы мы неотступностью некоторым образом вынуждали Его. И Он нас, докучающих, не только не презирает, не отвергает, но еще и побуждает, хвалит и благосклонно обещает доставить нам все, чего настойчиво будем ожидать. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (авва Исаак 53, 345).

Грешнику не должно оставлять молитвы из-за грехов своих, ибо если думаешь, что ныне недостойн приступать к Богу с молитвой, то когда будешь достоин? Когда это достоинство будет? Когда себя освятишь, оправдаешь и чем? Откуда святость и правда наша? Христос оправдает. Кто праведен пред Богом? «Все согрешили и лишены славы Божией» (Рим. 3, 23). Кто был Манассия? Великий грешник. Что же, отвержен ли молящийся? Нет, он помолился со смирением и получил милость. Кто жена, плакавшая при ногах Христовых? Блудница, грешница. Отринута ли Христом? Нет. Услышала сладкий голос: «прощаются грехи её многие... вера твоя спасла тебя, иди с миром» (Лк. 7, 47, 50). Недостойнство твое ничем не может повредить тебе. Единое требуется, чтобы оставил ты прихоти свои и прибегнул с покаянием к Отцу Небесному. «Когда умножился грех, стала преизобиловать благодать» (Рим. 5, 20). Как малейшая капля воды против океана, так грехи твои в сравнении с непостижимой благодатью Христовой. Святитель Тихон Задонский (104, 1133—1134).

«Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам» (Ин. 16, 23), сказал Господь, и еще с **Подтверждением**: «Истинно, истинно говорю вам». Какой стыд Для нас, что мы не умеем пользоваться таким неложным обетованием! И добро бы только нам стыд от того, а то наводится тень на самое обетование, будто оно слишком велико и неисполнимо. Нет, вина вся в нас, и главным образом в том, что мы не

сознаем себя верными рабами Христовыми, и совесть не позволяет нам ожидать какой-либо милости от Господа. К тому же и то бывает, что если иногда и приступает кто просить о чем Бога, то с раздвоенной душой, помянет о том мимоходом в молитве своей раз и **два** — и бросает, да и говорит потом: «Не слышит Бог». Нет, прося чего-либо особенно, надо держать неотступность и неутомимость в молитве, подобно вдове, которая и бессердечного судью докучанием своим заставила удовлетворить ее прошение. Настоящие молитвенники, испрашивая что-либо в **молитве**, соединяют с молитвой пост, бдение, лишения всякого рода и всякое благоутроение, и при этом просят не день, не два, а месяцы и годы, потому и получают. Им и подражайте, если желаете иметь успех в молитве (**107, 152—153**).

Чтобы запечатлеть ту истину, что «должно всегда молиться и не унывать» (Лк. 18, **1**), — не унывать, если не скоро бывает услышана молитва, но все продолжать **молиться**, — Господь сказал притчу, как судья, Бога не боящийся и не стыдящийся людей, удовлетворил, наконец, прошение вдовицы не потому, чтобы Бога убоялся и людей устыдился, а по тому одному, что та вдова не давала ему покоя. Так, если такой человек загрубелый не устоял против неотступности прошения, Бог ли, человеколюбивый и многомилостивый, не исполнит прошения, неотступно со слезами и сокрушением к Нему возносимого?! И вот ответ на то, почему молитвы наши часто не бывают услышаны. Потому что воссылаем прошения наши к Богу неусердно, будто мимоходом, и притом так, что, помолившись однажды ныне, завтра ждем исполнения своей молитвы, не думая попятеть и потрудиться в молитве. Вот и не слышится, и не исполняется молитва наша, потому что сами не исполняем как следует положенного для молитвы закона уповающей и усердной неотступности. **Епископ Феофан Затворник (107, 25—26)**.

Плоды молитвы

Мать всех **добродетелей** — молитва: она не только может очищать и питать, но и просвещать и в состоянии сделать подобными солнцу искренне молящихся. **Преподобный Нил Синайский (49, 256)**.

Да не отходит от мысли твоей убеждение, что одно возношение ума к Богу и одно смиренное коленопреклонение во славу и честь Божию несравненно более ценно, чем все сокровища мира. **Преподобный Никодим Святогорец (64, 78)**.

Кто может усердно молиться, тот богаче всех, хотя бы он был беднее всех. Напротив, кто не прибегает к молитве, тот, хотя бы сидел на царском престоле, слабее всех (**35, 569**).

Молитва, совершаемая с усердием, есть свет для ума и души, свет неугасимый (**37, 369**).

Молитва и служение Богу есть знак всякой праведности, она является неким божественным и духовным одеянием, проливает в наши мысли большую красоту, управляет жизнью каждого, не

позволяет ничему дурному и неуместному господствовать над умом, убеждает почитать Бога и уважать ту честь, какая от Него даруется нам, учит удалять от себя всякое ухищрение лукавого, изгоняет постыдные и неприличные размышления, приводит душу каждого в состояние презрения к удовольствиям (36, 833).

Когда я вижу, что кто-либо не любит молитву и не имеет к ней горячей ревностной любви, то мне уже ясно, что он не владеет в своей душе ничем благородным (36, 833).

Молитва—**основание** всякого блага и способствует достижению спасения и Вечной Жизни (36, 837).

Великое **благо**—молитва. Если кто, разговаривая с добродетельным человеком, получает от этого немалую пользу, то каких благ не получит удостоившийся беседовать с Богом! (38, 321).

Кто всегда готов к молитве, тот никогда не впадет в невоздержание и пьянство, никогда не испытывает следствий объедения; но, сдерживая свои помыслы ожиданием молитвы, как бы уздою, будет в надлежащей мере употреблять все предлагаемое в пищу и тем доставит и душе, и телу великое благословение (38, 798).

Если постоянно беседующие с мудрецами скоро становятся подобными им по благоразумию, то что можно сказать о беседующих с Богом и молящихся Ему? (36, 837).

В душу же, не знакомую с молитвой и прощением, не может войти ничто, содействующее благочестию (36, 838).

Дьявол хорошо знает, какое великое **благо**—**молитва**, и потому усиленно нападает на молящегося (45, 440).

Молитва—**священный** посланник; она веселит сердце, успокаивает душу, возбуждает страх наказания и желание Небесного Царства; учит смиренномудрию, приносит познание греха. **Свяитель Иоанн Златоуст** (46, 984).

Дело молитвы выше других, и у прилежного к молитве велика должна быть забота, чтобы неприметным образом не окрала его злота. **Преподобный Макарий Египетский** (33, 373).

Плоды искренней молитвы: простота, любовь, смиренномудрие, терпение, незлобие и тому подобное. Все это и прежде вечных плодов произращает здесь плод в жизни старательного. Таковы плоды, украшающие молитву; если не будет их, то напрасен ее труд. **Святитель Григорий Нисский** (23, 281).

Плодом молитвы бывает постепенно расширяющееся зрение своих согрешений и своей греховности, отчего усиливается умиление и обращается в плач (108, 292).

(Плодом молитвы) являются ощущение присутствия Божия, **живая** память о смерти, страх Суда и осуждения (108, 292—293).

Плоды истинной молитвы: светлый мир души, соединенный с **тихой**, молчаливой радостью, чуждой мечтательности, самомнения и разгоряченных порывов и движений; любовь к ближним, не отделяющая для любви добрых от злых... но ходатайствующая **ooo** всех пред Богом, как о себе (109, 166—167).

Плод молитвы состоит в просвещении ума и умилении сердца, в оживлении души жизнью духа. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 98).**

Молитва пробуждает покаяние

Не ищи в молитве наслаждений: они отнюдь не свойственны грешнику. Желание грешника ощутить наслаждение есть уже самообольщение... Ищи, чтобы ожило твое мертвое, окаменелое сердце, чтобы оно раскрылось для ощущения греховности своей... Тогда явится в тебе истинный плод молитвы: истинное покаяние. Ты восстенаешь пред Богом и будешь вопиять к Нему молитвою из бедственного состояния души, тебе внезапно открывшегося... **(108, 149).**

Стяжавшие истинную молитву ощущают неизреченную нищету духа, когда предстоят пред Богом, славословя Его, исповедуясь Ему, повергая пред Ним прошения свои **(108, 259).**

Хотя бы кто стоял на самой высоте добродетелей, но если он молится не как грешник, молитва будет бессильной **(109, 162).**

Делание покаяния должно быть соединено с деланием молитвы во единое делание **(109, 155).**

Основание молитвы заключается в том, что **человек** — существо падшее. Он стремится к получению того блаженства, которое имел, но потерял, и **потому** — **молится** **(109, 160).**

Во время молитвы не ищи восторгов, не приводи в движение твоих нервов, не горячи крови. Напротив, содержи сердце в глубоком спокойствии, в которое оно приводится чувством покаяния **(109, 164).**

Внимание при молитве приводит нервы и кровь в спокойствие, способствует сердцу погружаться в покаяние и пребывать в нем **(109, 164).**

Тот, кто желает раскрыть в себе глубокое чувство покаяния, употребляет в орудие к достижению такого состояния краткую **молитву**, произнося ее со всевозможным вниманием и благоговением **(111, 29).**

Стремись к стяжанию чистой молитвы, соединенной с чувством покаяния и плача, с воспоминанием о смерти, о Суде Божиим. Такая молитва, соединенная с такими воспоминаниями, есть непогрешительное, превосходное богомыслие **(112, 118—119).**

Чувство покаяния должно возбуждаться при каждой молитве инока **(112, 367).**

Молитва краткая... и безыскусственная... способна выразить чувства раскаяния и самоосуждения, когда наполнится ими сердце **(112, 407—408).**

Действуй молитвою, воодушевленной плачем. Такая **молитва** — пламенное оружие, поpalяющее страсти, прогоняющее духов отверженных. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 431).**

Молитва очищает от страстей и помыслов

Господь сказал Адаму: «в поте лица твоего будешь есть хлеб (до каких пор?), доколе не возвратишься в землю, из которой ты

взят» (**Быт.** 3, 19), которая произрастит тебе «терния и волчцы» (**Быт.** 3, 18). Это — тайны деятельности, принадлежащей времени, пока человек живет на земле. Но с той ночи, в которую Господь пролил пот Свой, Он изменил пот, изведший терния и волчцы на пот, изливаемый в молитве и в возделании правды... Если перестанем проливать пот на земле, то по необходимости будем жать терние. Самое оставление молитвы делает землю сердца вещественной (грубой), и она производит терние по естеству своему. Точно: **страсти — это** терние, прорастающее от семени, находящегося в нас. Пока мы находимся в образе Адама, до тех пор по необходимости имеем и страсти его. Невозможно земле пребывать в бездействии и не давать побегов, свойственных естеству ее. Земля тела нашего есть порождение той земли, по свидетельству Бога, сказавшего: земля, «из которой ты взят». Та произращает терние, а словесная земля произращает страсти... Пока эта земля существует, до тех пор ежедневно необходимо исторгать из нее терние (82, **264—265**).

Страшен бесам, возлюблен Богу и Ангелам Его тот, кто горящей ревностью днем и ночью взыскует Бога в сердце своем и искореняет из него прилоги, посылаемые врагом. Преподобный Исаак **Сирин** (82, 252).

Частой молитвой истребляется пленение греховным и суетным мечтанием, а нерадение о ней, вкрадывающееся мало-помалу, есть мать забывчивости (82, **203**).

С мужеством исправляй то, что требует исправления. Только от чистоты может приноситься истинная молитва к Богу (82, **143**).

Всячески старайся понуждать себя в молитве, чтобы Господь даровал тебе простосердечие и незлобие и избавил от противоположных страстей. Преподобный авва **Исаия** (34, 42).

Если богопротивный помысел приблизится к твоему сердцу, то молитва твоя да не будет о разнообразных предметах, но извлекай слезный меч против того, кто нападает на тебя. Авва **Евагрий** (82, 113).

Молитва есть оружие великое, сокровище неоскудевающее, богатство, никогда не истощаемое, пристань безмятежная, основание спокойствия (35, **542**).

Удивительно ли, что молитва может прекращать человеческие горести, если она легко погашает и истребляет самые грехи? (35, **546**).

Душа наша от греха и беспечности твердеет и делается камнем. Поэтому нам нужна великая горячность, чтобы размягнуть затверделость ее. Это преимущественно и совершает молитва (39, **406**).

Ревностно молящиеся не допускают себя до чего-либо недостойного молитвы, но, стыдясь Бога, с Которым только что беседовали, быстро отталкивают от себя всякое коварство лукавого. Святитель Иоанн Златоуст (36, 838).

Мы должны знать, что непрестанное призывание имени Божия есть врачевание, убивающее не только страсти, но и самое

действие их. Как врач изыскивает лекарство или пластырь для раны больного, и они действуют, причем больной и не знает, как это происходит, так точно и призываемое имя Божие убивает все страсти, хотя мы и не знаем, как это совершается. **Преподобные Варсонофий и Иоанн (117, 135—136).**

Много подвига и труда требуется в молитвах, чтобы достигнуть невозмутимого состояния мысли, словно некоего сердечного неба, в котором обитает Христос, как говорит апостол: «Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас? Разве только вы не то, чем должны быть» (2 Кор. 13, 5). **Преподобный Иоанн Карпафский (117, 136).**

Взял Господь Бог человека, которого создал, и поселил его в саду Едемском, чтобы он возделывал и хранил его (Быт. 2, 15), подразумевая эту заповедь не только в собственном, чувственном смысле, но и в духовном, высшем ее значении. Раем святые отцы называют душу первых людей как место пребывания в них преизобильной благодати Божией и место плодоношения **много-различных** духовных добродетелей; возделыванием этой духовной **жизни — то**, что впоследствии стало именоваться «умным деланием», а охранением этого умного **делания — поддержание** достигнутой уже душевной чистоты. **Епископ Петр (117, 136).**

Диавол с демонами, после того, как через преслушание сделал человека изгнанником из рая, отлученным от Бога, получил доступ мысленно колебать разумную силу всякого человека и днем и ночью, иного сильно, иного не очень, а иного слишком сильно. И не иначе можно оградиться от этого, как непрестанной памятью о Боге, которая, запечатлевшись в сердце силою Креста, утвердит ум в непоколебимости. К этому ведут все труды мысленного подвига, которым должен подвизаться на поприще веры каждый христианин, и если не так у него идет дело, то напрасно он проповизуется. Ради этого подвига предпринимаются и все разнообразные духовные упражнения каждым христианином, ищущим Бога путем произвольных лишений, чтобы преклонить благоутробие Всеблагого Бога, и Он снова даровал подвижнику прежнее достоинство и чтобы Христос запечатлелся в уме его, как говорит апостол: «Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос!» (Гал. 4, 19). **Преподобный Симеон Новый Богослов (117, 136—137).**

Страсти — те же скорби, и Господь не отделил их, но сказал: «призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня» (Пс. 49, 15). И потому в отношении всякой страсти ничего нет полезнее, как призывать имя Божие... Нам же, немощным, остается только прибегать к имени Иисусову, ибо страсти, как сказано, суть демоны и уходят от призывания этого имени. **Преподобные Варсонофий и Иоанн (117, 137).**

Итак, если хочешь одержать победу над страстями, то, молитвой и содействием Божиим будучи внутри себя, сойди вглубь сердца и там проследи следующих трех сильных исполни-

нов: забвение, лень и неведение, эту опору мысленных иноплеменников, через которых прочие злые страсти, возвращаясь, действуют, живут и крепнут в сластолюбивых душах. Но ты многим вниманием и настоянием ума при содействии свыше найдя этих, многим неведомых злых исполинов, потом уже легко, опять вниманием и молитвой, сможешь избавиться от них. **Преподобный Марк Подвижник (117, 137).**

Как воры, видя, что в каком-либо месте лежат царские орудия, не как попало нападают, так и сочетавший молитву с сердцем, не как попало вкрадывается мысленными ворами. **Преподобный Иоанн Лествичник (117, 137).**

Главнейшее дело подвижника состоит в том, чтобы, войдя в сердце свое, сотворить там брань с сатаной, и возненавидеть его, и, противоборствуя помыслам его, воевать с ним. **Преподобный Макарий Великий (117, 137).**

Всегда пребывающий в сердце своем далек от всех удовольствий этой жизни и, водимый духом, не уступает плотским похотям. Поскольку таким образом он совершает свое шествие, оградив себя добродетелями, и эти добродетели служат как бы привратными стражами его чистоты, то все козни бесов против него остаются безуспешными. **Блаженный Диадок (117, 137—138).**

Постарайся войти во внутреннюю сокровищницу свою и узришь сокровищницу небесную. Ибо и та, и эта суть одно; и одним входом ты видишь обе. Лестница в Царство скрыта внутри тебя, то есть в твоей душе. Омой себя от греха и найдешь там ступени восхождения, по которым можешь войти в него. **Преподобный Исаак Сирин (117, 138).**

Две силы, совершенно противоположные между собой, влияют на меня: сила добрая и сила злая, сила жизненная и сила смертоносная. Как духовные силы, обе они невидимы. Добрая сила, по свободной и искренней молитве моей, всегда прогоняет силу злую, и сила злая сильна только злом, во мне скрывающимся. Чтобы не терпеть непрерывных нападений злого духа, надо постоянно иметь в сердце Иисусову молитву: «Иисусе Сыне Божий, помилуй мя». Против невидимого (**диавола**)—невидимый Бог, против **крепкого**—Крепчайший. **Протоиерей Иоанн Сергиев (117, 239).**

Итак, снова утвердившись в молитвенном предании себя Богу и благодати Его, вызывай каждого из возбудителей греха и старайся отвести от них сердце и обратить его на противоположное—этим они будут отрезаны от сердца и должны будут замереть. Для этого дай свободу здравому рассуждению, а по следам его ведай сердце.

Этот труд есть самый существенный в деле перелома воли. Таким образом, все надо трудиться над собой, пока, вместо саможаления, не возродится безжалостность к себе и беспощадность, не почувствуется жажда страданий, желание измучить себя, истомить и тело свое, и душу; пока вместо человекоугодия

не образуется, с одной стороны, отвращение от всех недобрых обычаев и связей, некоторое враждебное, с раздражением, противление им, а с другой — **обречение** себя на все неправды и все поношения людские; пока, вместо вкуса только к одному вещественному, чувственному, видимому, придет безвкусие к ним и омерзение и начнется искание и жажда одного духовного, чистого, Божественного; пока, вместо приземленности, ограничения жизни и счастья только землею, не исполнит сердца чувство странничества на земле, с единственным стремлением к Отечеству Небесному (117, 138—139).

Таким образом, вслед за пробуждением благодати первое предстоит свободе **человека — движение** к себе, которое она совершает тремя актами: 1. склоняется на сторону **добра** — избирает его; 2. устраняет препятствия, разрывая узы, державшие человека в грехе, изгоняя из сердца саможаление, человекоугодие, склонность к чувственному и **приземленность** и, на их место, пробуждая безжалостность к себе, безвкусие к чувственному, предание себя всякому позору и переселение сердцем в Будущий Век с чувством странничества здесь; 3. наконец, воодушевляется сейчас же вступить на добрый путь, нисколько не послабляя себе, а содержа себя в некотором постоянном напряжении.

Таким образом все стихает в душе. Пробужденный, освободившись от всех уз, с полной готовностью говорит себе: востав, иду!

С этой минуты начинается другое движение **души — к** Богу. Одолев себя, одолев всеми исходами своих движений, возвратив себе свободу, он должен теперь всего себя принести в жертву Богу. Значит, дело сделано еще только наполовину (117, 139).

«Не давайте места диаволу» (Еф. 4, 27). Диавол не имеет доступа к душе, когда она не питает никакой страсти. Тогда она светла, и диавол не может смотреть на нее. Когда же она попустит движение страсти и согласится на нее, тогда омрачается, и диавол видит ее. Смело подходит к ней и начинает в ней хозяйничать. Два главных порочных движения тревожат обычно **душу — похоть** и раздражительность. Кого успеет враг одолеть похотью, того и оставляет с нею, не тревожа или слабо тревожа гневом; а кто не поддается похоти, того спешит подвигать на гнев и собирает вокруг него много раздражающего. Кто не разбирает уловок диавола и за все сердится, тот дает место диаволу, позволяя гневу побеждать себя. А кто подавляет всякое возбуждение гнева, тот противится диаволу и отгоняет его, а не только места в себе не дает. При гневѣ дается место диаволу тотчас как сердчаніе признается справедливым и удовлетворение его законным. В тот же момент враг входит в душу и начинает влагать в нее мысли за **мыслями — одна** другой раздражительнее. **Человек** начинает гореть во гневѣ, как в пламени. Это диавольскій, адскій пламень. А бедный человек думает, что он так горит от ревности по правде, тогда как в гневѣ никогда правды не бывает (Иак. 1, 20). Это своего рода прелесть в гневѣ, как есть прелесть в похоти. Кто тотчас подавляет гнев, тот рассеивает эту прелесть, и

дьявола там отражает так же, как иной в сердцах сильно ударяет кого-нибудь в грудь. Кто из гневающихся, по погашении гнева, разобрав дело добросовестно, не находил, что в основе раздражения была неправда?! А враг эту неправду превращает в правду и в такую гору ее взгромождает, что покажется, будто и миру стоять нельзя, если не удовлетворить нашему негодованию...

Ты не можешь не злопамятствовать, не враждовать? Будь врагом, но враждуй против дьявола, а не против своего собрата. Для того и дал нам Бог в оружие гнев, чтобы мы не собственные тела поражали мечом, но чтобы вонзали все его острие в грудь дьявола. Вверзи туда свой меч по самую рукоять, если хочешь, вдави и рукоять, и не извлекай его никогда оттуда, напротив, вонзи туда еще и другой меч. А это произойдет тогда, когда мы будем шадить друг друга, когда будем миролюбиво расположены друг к другу. Пусть я лишусь денег, пусть я погублю свою славу и **честь—мой** брат всего для меня дороже. Так будем говорить друг другу: не будем оскорблять своей природы для приобретения денег, для снискания славы (117, **139—141**).

Приведем на память, как действуют вражеские искушения. Размах вражеского меча есть нанесение помысла в надежде, что в сердце отзовется ему сочувствие, на основании которого он потом строит сильное искушение. Представляется, например, лицо оскорбившее: это вражеский взмах меча. Когда на это в сердце отзовется неприятное чувство к **оскорбившему**—это значит, что меч прошел до тела души и ранил ее. Подскакивает тогда враг к душе и воздымает в ней целую бурю враждований и мстительности. Но когда в сердце лежит постоянное расположение прощать обиды и держать себя всегда в тихой кротости и мирности со всеми, тогда, сколько враг ни напрягайся представлять душе в помыслах оскорбившие лица, в сердце никакого отзвука им не будет, а следовательно, врагу не к чему будет приплести и свое искушение. Удар его меча отскочит от сердца, как от воина, облеченного в броню (117, 141).

Не произносить гневного слова есть великое совершенство. В основе его лежит отсутствие раздражительности сердца, а она, как искра, заливается преданием себя в волю Божию, при сознании, что неприятности Бог попускает для того, чтобы испытать нас и показать нам самим, насколько прочно наше **доброе** внутреннее направление... Что и обязывает нас держать себя в таких случаях благодушно, веруя, что Сам Бог смотрит на нас в эту минуту. И та наша мысль, что делающие нам **неприятность** бывают орудиями врага, верна. Поэтому, когда кто причиняет вам неприятность, всегда полагайте, что за ними стоит **враг**, разжигающий их, внушающий им обидные фразы и дела (117, 141).

...Смысл притчи* ясен. Красавица эта изображает падшую **душу**, обратившуюся к Господу в покаянии и соединившуюся с

101 Красавица, ведущая порочную жизнь, **уцеломудрившись**, вступила в брак. прежних друзей она скрывалась во внутренние **покои**.— *Ред.*

Ним, чтобы Ему одному принадлежать и Ему одному служить. Прежние **приятели** — страсти. Свист **их** — это движение страстных помыслов, чувств и пожеланий. Убегание во внутренние покои есть укрытие вглубь сердца, чтобы стать там пред Господом. Когда это совершится внутри, обеспокоившее душу страстное, что бы оно ни было, отходит само собою, и душа успокаивается (117, 141—142).

И вообще положите **законом** — **мерять** позволительное тем воздействием, которое оно производит внутри. Что созидает, то позволяйте себе, а что расстраивает, того не позволяйте ни под каким видом. Кто, находясь в уме, протянет руку к стакану с отравленным питьем, если он знает об этом?! (117, 142).

Чтобы мысли не блуждали, надо иметь такое чувство, чтобы быть неисходно в сердце с Богом... и сторонним помыслам места не будет. Чтобы не осуждать других, надо глубоко почувствовать свою греховность и скорбеть о ней, оплакивая душу, будто мертвую. Некто сказал: когда свой мертвец дома, не станешь заботиться о мертвецах у соседей (117, 142).

Когда нападают недобрые помыслы, надо отвращать от них око ума и, обращаясь к Господу, именем Его гнать их. Но когда помысел пошевелит сердце и это лукавое мало-помалу усладится им, тогда надо бранить себя и умолять Господа о помиловании, и бить себя до тех пор, пока в сердце родится противоположное чувство; например, вместо **осуждения** — **возвеличение** другого или, по крайней мере, сердечное чувство почтения к нему...

Вот и надо загода приготовить в сердце покойное местечко у ног Господа. Случится тревога? **...сейчас** — **туда**, и кричать, и кричать, как бы отчитывать черную немочь, и Господь поможет: все стихнет (117, 142).

Человек, сознанием и сердцем пребывающий на стороне страстного, страстен весь и Богу противен. Человек, пребывающий на стороне бесстрастного, хотя в нем есть и борют его страсти, не противен Богу ради его нелюбви к страстям и желания делать не по ним, а по воле Божией (117, **142—143**).

Вопрос о главном пункте внутренней брани решается следующим образом: сойди вниманием в сердце, стань там пред Господом и не допускай туда ничего греховного. В этом все дело внутренней брани (117, 143).

Надо различать только чувства, входящие в нрав, и чувства **мимолетные** — пришли и ушли. Пока не умерщвлены до конца страсти, дурные мысли, чувства, движения и замысления не прекратятся. Умалются они по мере умаления страстей. Источник **их** — **страстная** половина наша. Вот на это все внимание и надо обратить. Есть одно воспитательное средство: непрестанная память о Господе с молитвой к Нему. Старцы **Божии** умели этим отгонять все дурное и удерживать себя в добром строе. Навык молитве Иисусовой есть внешняя сторона этого орудия. В существе это то же, что домоседство. Быть сознанием в сердце с

Господом, призывание Которого прогоняет все дрянное. Прочитайте **Исихия**—о трезвении. Труд и постоянство в однообразном труде все преодолевают. **Епископ Феофан Затворник (117, 143).**

Как при отсутствии Его (Господа) в памяти стекается к нам все зловерное, не оставляя места ничему душеполезному, так при Его присутствии все противоположное отгоняется (**Добротолюбие**, т. 5, с. 314).

Демоны никак не могут овладеть чьим-либо духом или телом, не имеют власти ворваться в чью-либо душу, если сначала не лишат ее всех святых помышлений и не сделают пустой и лишенной духовного созерцания. **Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (117, 143).**

Главное монашеское **правило**—**быть** неотлучно умом и сердцем в Боге, или непрестанно молиться; для подогревания этого подвига положены определенные **молитвословия**—**круг** дневных служб, которые совершаются в церкви, и некоторые келейные молитвы. ...Но **главное**—**вся** сила в непрестанном чувстве к Богу, которое и пусть **возгревает каждый**, как умеет. Вот закон! Коль скоро чувство это есть, то все правила им одним заменяются; а коль скоро его нет, то его никакие читательные труды заменить не могут. Молитвословия назначены для того, чтобы питать это чувство, а если не питают, то они попусту. Только труд, а проку нет. Это внешняя одежда, **для** которой или под которой нет тела, или тело, в котором нет души. **Епископ Феофан Затворник (117, 143—144).**

Свойственно умной молитве открывать страсти, скрывающиеся и тайно живущие в сердце человеческом. Она и открывает их, и укрощает.

Свойственно умной молитве открывать тот плен, в котором мы находимся у падших духов. Она открывает этот плен и освобождает от него.

Следовательно, не должно смущаться и недоумевать, когда восстанут страсти из падшего естества или когда они возбуждаются духами.

А так как страсти укрощаются молитвой, то и нужно, когда они восстанут, неспешно и очень тихо творить умом молитву Иисусову, которая мало-помалу уймет восставшие страсти. Иногда восстание страстей и нашествие вражеских помыслов бывает так сильно, что возводит в великий душевный подвиг. **Это**— время невидимого мученичества. Надо исповедать Господа перед лицом страстей и бесов молитвой продолжительной, которая Непременно доставит победу. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (117, 144).**

Продолжайте упражняться в исполнении того правила, и **мысли** все более и более станут успокаиваться, и немощь, замеченная вами, врачеваться. Правильце то, если вы станете **продолжать** его как следует, заведет болячку в сердце, а болячка **эта** мысли прикует к **Единому**—и блужданию мыслей конец. С

этого момента, когда Господь сподобит вас улучшить его, начнется новый перестрой всего **внутреннего**—и хождение пред Богом станет неотступное (117, 144).

Закон постничества такой: пребывать в Боге умом и сердцем с отрешением от всего, отсекая всякое угождение себе не в телесном только, но и в духовном, творя все во славу Божию и на благо ближних, неся охотно и с любовью постнические труды и лишения в пище, сне, отдыхе, в утешениях взаимного общения,— все в мере скромной, чтобы это не бросалось в глаза и не лишало сил исполнять молитвенные правила (117, **144—145**).

Говорить ли, спрашиваете, с другими о духовной жизни?— Говорите, только не о своей, а вообще рассуждайте, применяясь, однако, к состоянию спрашивающих. Бывает, что иные заводят об этом речь, чтобы только поговорить. И это лучше, чем говорить о чем-либо житейском или пустом. Молчание, как вам желательно, можно держать, когда вы не вдвоем с кем или не с вами ведется речь. Что, идя к кому-либо по необходимости, молитесь Господа положить хранение устам, делаете хорошо. Лучше всего всегда с Господом быть. Но можно и говорить, и с Господом быть. Навыкайте этому.

Когда ведете речь, больше всего опасайтесь растревожить покой другого каким-либо задором или высказыванием своих мыслей наперекор ему, с явным желанием поставить на своем. Враг на это наводит, чтобы завязать спор, а от спора довести до разлада. Не меньше этого опасайтесь говорить о духовном, чтобы выказать свою мудрость в этом отношении. И это вражье внушение, за **последование** которому непременно подвергнетесь посмеянию от людей и Божию неблаговолению (117, 145).

Должно твердо содержать в мысли, что упражнения, подвиги, поведение, при всей своей общественной необходимости и полной годности для хранения и образования духовной жизни и **восстановления** естества, имеют силу к этому не сами от себя, не они созидают дух и очищают природу, а благодать Божия, проходящая через них и получающая как бы доступ, проток к нашим силам. Потому ходи в них со всем тщанием, ревностью, постоянством, но самое свое преуспение предавай Господу, чтобы, под прикрытием их, Он Сам созидал нас, как хочет и ведает (117, 145).

Вступая в подвиг, не на нем останавливай внимание и сердце. но минуй его, как нечто стороннее, разверзай себя для благодати, как готовый сосуд, полным преданием себя Богу. Кто находит благодать, тот находит ее посредством веры и рачительности, говорит святой Григорий Синаит, а не посредством одной рачительности. Как ни исправно будет наше делание, но коль скоро не предаемся при нем Богу, не привлекаем благодати, оно созидает в нас не дух истинный, а дух лестный, производит фарисея. **Благодать**—душа их. Они постольку истинны, поскольку питают и хранят самоуничтожение, сокрушение, страх Божий, нужду в помощи Божией и преданность Богу. Сытость и довольство от **них**—знак неистинного их употребления или неразумия (117, 146).

Возможность, основание, условие всех внутренних побед есть первая победа над **собою**—в переломе воли и в предании себя Богу, с неприязненным отвержением всего греховного. Тут зародилась нелюбовь к страстности, ненависть, неприязнь, которая и есть военная духовная сила, и одна заменяет всю рать. Где нет ее, там без брани победа уже в руках врага; напротив того, где есть, там победа уступается нам нередко без брани. Отсюда видно, что как исходная точка положительной деятельности есть наше внутреннее, так оно же есть исходная точка и брани, только другой стороной. Сознание и произволение, переходя на сторону добра, с любовью к нему, поражают ненавистью всякое **зло** и всю страстность, и притом именно свою. В этом, собственно, и состоит переход, перелом. Потому сила, борющаяся со страстями, есть также ум, или дух, в котором сознание и **свобода,—дух**, держимый и укрепляемый благодатью. Через него, как мы видели, целительная сила проходит к силам сквозь подвиги; через него же сила поражающая, разрушительная проходит к страстям в борении. И обратно: когда страсти восстают, то метят прямо на ум, или дух, то есть на покорение сознания и свободы. **Они**—во святилище нашего внутреннего, куда враг через страсти пускает свои раскаленные стрелы из душевно-телесности, как из засад. И пока целы сознание и свобода, то есть стоят на стороне добра, то как бы ни было велико нападение, победа наша.

Этим, однако же, не утверждается, будто вся сила победы от нас, а показывается только исходище. Точка опоры для брани есть наш восстановленный дух; сила же победительная и разрушительная для страстей есть благодать. Она в нас одно созидает, а другое разоряет, но опять через дух, или сознание и произволение. Борющийся с воплем повергает себя Богу, жалуясь на врагов и ненависть их, и Бог в нем и через него прогоняет их и поражает (117, 146—147).

Что делает подвергшийся нападению злого человека? Толкнув его в грудь, кричит: караул! На зов его прибегает стража и избавляет его от беды. То же надо делать и в мысленной брани со страстями: рассерчив на страстное, надо вызывать о помощи: «Господи, помоги! Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, спаси меня! Боже, в помощь мою вонми, Господи, помоги ми потщися!» Обратясь так к Господу, уж не отходите от Него вниманием к тому, что в вас происходит, а все и стойте пред Господом, умоляя Его о помощи. От этого враг, как палимый огнем, убежит немедля...

Не вступая в словесные прения со страстным помыслом, прямо обратимся ко Господу со страхом, благоговением, упованием и преданностью Его **всеей**—**этим** самым страстное уже отстраняется от очей ума, взирающего на Господа. Будучи отрезано от души таким невниманием, оно само собою отходит, если естественно так возбуждается; а если тут и враг примешивается, то его поражает луч умного света, исходящий от созерцания Господа. И бывает так, что душа тотчас успокаивается от

страстных приражений, как только обратится к Господу и воззовет к Нему.

Мысленная брань одна изгоняет страсть из сознания; но она все еще остается живой, а только скрылась. Напротив, противоположное дело поражает этого змия в голову. Из этого не следует, однако же, чтобы при делании можно было прекращать мысленное борение. Этому должно быть неотлучно при том, иначе оно может остаться без всякого плода и даже умножать, а не умять страстность, потому что при деле против одной страсти может прилипнуть другая, например, при **посте** — тщеславие. Если это оставить без внимания, то при всем усилии не будет никакого плода от делания. Брань мысленная в связи с деятельной, поражая страсть извне и изнутри, истребляет ее так же скоро, как скоро погибает враг, когда бывает обойден и побивается и сзади, и спереди (117, 148).

Действовать нужно исподволь, постепенно возрастая и усиливаясь, чтобы подъем был по силам. Иначе наше деяние будет походить на новую заплату на старом платье. Требование подвига должно исходить изнутри, как больному иногда самое целительное лекарство указывает позыв и чутье (117, 148).

Прописанная борьба со **страстями — мысленная**. И она действительна, потому что, не позволяя страстям попытаться чем-либо, тем самым замаривает их. Но есть и деятельная борьба с ними, состоящая в том, чтобы намеренно предпринимать и совершать дела, прямо противоположные им. Например, чтобы подавить скупость, надо начать щедро давать; против **гордости** — надо избрать уничижительные занятия; против страсти веселиться — домоседство и тому подобное. То правда, что один такой образ действий не прямо приводит к цели, потому что, терпя стеснение извне, страсть может прорываться **внутрь — или** сама, или уступая место другой. Но когда с этой деятельной борьбой соединяется и внутренняя, мысленная, то они вдвоем скоро побивают всякую страсть, против которой направляются. **Епископ Феофан Затворник (117, 148).**

При усиленном вражеском нападении, когда ощутится ослабление произволения и омрачение ума, необходима гласная молитва (109, 271).

Молитва действует убийственно на нашего ветхого человека и, пока он жив в нас, он противится молитве, как внушению смерти. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 99).**

Я подобен человеку, который сидит под высоким деревом и видит, что приближается к нему множество зверей и змей; если он не может противостоять им, то влезает на дерево и спасается. Так и я, безмолвствуя в кельи моей, вижу злые помыслы, восстающие на меня; когда не могу противостоять им, прибегаю к Богу молитвою и спасаюсь. **Авва Иоанн Колов (82, 287).**

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ

Дивишься ты краткости Господней молитвы, а меня всегда изумляла и изумляет высокая премудрость в кратких словах. Ибо не трудно произнести эти слова, но нужно быть не слушателем слов только, но и исполнителем их. Потому полагаю, что преступает всякий предел дерзости тот, кто не исполняет того, что достойно сына, но осмеливается Владыку называть Отцом; делает то, чем бесславится имя Божие, однако произносит: «Да святится имя Твое»; служа одним из оруженосцев мучителя (диавола), отваживается выговаривать: «да придет Царствие Твое»... не исполняя на деле ничего, угодного Богу, принимает еще на себя лицемерный вид добродетели и говорит: «да будет воля Твоя, яко на Небеси и на земли». Предавшись роскоши и расточительности, отложив многое в запас не только на пропитание, но и для чревоугодия, смеет молиться: «Хлеб наш насущный (то есть необходимый для души или достаточный для плоти) даждь нам днесь», тогда как словом «днесь» указывает Господь на попечение о едином дне... Хотя сам недоступен и жесток, но говорит «остави нам долги наша», сам злопамятен и безмерно мстителен, но говорит: «якоже и мы оставляем должником нашим»; сам себя ввергает в искушение и пролагает всякие пути, ведущие к опасности, но говорит: «не введи нас во искушение», что представляется смешным, лучше же сказать, достойным всякого негодования. И дальше: охотно следовать за врагом и сказать: «но избави нас от лукавого» — выше всякой насмешки. И на словах выражать: «Яко Твое есть Царство, и сила, и слава», а на деле пренебрегать Тем, Кто источает всякую силу и славу — это уж вовсе непростительно. Поэтому сказать: «Отче наш» имеют право одни те, которые, после чудесного рождения в божественном Крещении, но новому и необычайному закону чревоношения, проявляют себя истинными сынами Божиими; сказать: «да придет Царствие Твое» вправе те, которые избегают всего, что доставляет удовольствие диаволу; сказать: «да будет воля Твоя» вправе те, которые являют это своими поступками; сказать: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь» могут те, которые отказываются от роскоши и расточительности; просить: «остави нам долги наша» могут те, которые прощают согрешившим перед ними; просить: «не введи нас во искушение» могут те, которые ни себя самих, ни других не ввергают в него; просить: «избави нас от лукавого» могут те, которые ведут непримиримую брань с сатаной; и сказать: «Яко Твое есть Царство, и сила, и слава» могут те, которые трепещут словес Божиих и исполняют их на деле. Ибо познание молитвы Господней в такой же мере **МОЖЕТ** быть успешно, в какой преуспевает нрав и жизнь молящегося (51, 411).

Если же вы, признающие достаточной для служения Богу Одну наружность, того, чем хвалитесь, не обратите в дело, то Царствие Божие не будет для вас отверсто, потому что Царствие **это** истинно и отвергается истинно ищущим его. Преподобный Исидор Пелусиот (50, 57).

Явно, что если имеет кто сколько-нибудь разума, то, не усматривая в себе того же, что в Боге, не осмелится сказать ему: «Отче». Ибо не естественно Благому по **сущности** — **стать** отцом лукавого в поступках и **Святому** — отцом оскверненного по жизни, **Неизменяемому** — отцом изменчивого, **Отцу жизни** — отцом умерщвленного грехом, **Чистому** и **Беспримесному** — отцом опозоривших себя страстями бесчестия, **Благодетелю** — **отцом любостяжателя**, вообще Тому, Кто представляем во всяком добре, — отцом пребывающих в каком-либо зле. Если кто, видя себя имеющим еще нужду в очищении и признавая порочную совесть свою исполненной скверн, прежде нежели очистится от таких и столь многих худых свойств, включит себя в родство с **Богом** и неправедный Праведному, нечистый Чистому скажет «Отче», то слова эти будут оскорблением и злословием, ибо назовет он Бога отцом собственной своей порочности (17, 405).

Когда Господь учит нас называть Себя Отцом, кажется мне, Он узаконивает возвышенный и высокий образ жизни, потому что Истина учит нас не лгать, не говорить о себе того, чего в нас нет, не именовать себя тем, чем мы не были. Но, называя Отцом своим Нетленного, Праведного и Благого, надо это родство оправдывать жизнью. Поэтому, видишь ли, сколько требуется нам приготовления, какая нужна жизнь, сколько и какой нужно тщательности, чтобы с возвышением нашей совести достигнуть такой меры дерзновения и осмелиться сказать Богу: «Отче»? (17, 407).

Когда приступаем к Богу, будем сперва обращать внимание на свою жизнь: имеем ли в себе что-либо достойное божественного родства, и потом уже осмелимся произнести слово «Отче». Повелевший сказать: **«Отче»** — **не** дозволит говорить ложь. Потому кто жил достойно божественного благородства, тот прекрасно возводит взор к Небесному Граду, Небесного Царя именуя Отцом и небесное **блаженство** — Отечеством. К чему же клонится цель этого совета? К тому, чтобы мудрствовать нам горняя; там, где Бог, полагать основание своего жилища, там, где Бог, собирать сокровища, туда переселиться сердцем своим, «ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6, 21); непрестанно иметь в виду Отеческую красоту и сообразно с ней украшать собственную душу (17, 412).

Божество непричастно зависти и всякой скверны, и на тебя да не кладут пятна подобные страсти: ни зависть, ни кичливость, ни что-либо другое, оскверняющее богоподобную красоту. Если сделаешься таковым, то смело призывай Бога и Владыку вселенной именуя Отцом своим. Он воззрит на тебя Отеческими очами, облечет тебя в божественную одежду... восставит тебя в Небесное Отечество о Христе Иисусе, Господе нашем (17, 414).

Наша жизнь, утратив общение в добре, отпала и от Божией воли. Поэтому научаемся мы в молитве в такой мере очищать нашу жизнь от худого, чтобы, как в небесном жительстве, и в нас беспрепятственно управляла Божия воля; так, чтобы можно было

сказать: Как в Престолах, Началах, Властях, Господствах и во всякой премирной Силе совершается Твоя воля и никакой порок не препятствует действию добра, так и в нас да совершается доброе, чтобы по истреблении всякого порока в душах наших успешно исполнялась во всем Твоя воля (17, 439).

Надо чистой душой принимать в себя свыше сходящую Пищу. Ее не сеяние произрастило нам, но **она — готовый** несеянный и неспаханный Хлеб, сходящий свыше, обретаемый же на земле (17, 305).

Возлюбивший прекрасное будет сам прекрасен, потому что Благость Пребывающего в нем претворяет в себя принявшего ее. Поэтому-то Сущий предлагает нам Себя в снедь, чтобы мы, приняв Его в себя, сделались тем же, что Он, ибо Он говорит: «Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье» (Ин. 6, 55). Потому кто любит эту Плоть, тот не бывает другом своей собственной плоти; и кто с любовью расположен к этой Крови, тот сделался чистым от крови чувственной. Ибо Плоть Слова и Кровь, какая в этой Плоти, имеют в себе не один какой-либо дар, но сладостны для вкушающих, утоляют жажду жаждущих, насыщают любовью любящих (18, 341).

Если кто, как говорит Писание, «чреват злобою и родил себе ложь» (Пс. 7, 15) и осмеливается произносить слова молитвы, то пусть такой знает, что призывает он не Небесного Отца, а преисподнего, который сам есть лжец и делается отцом лжи и греха. **Святитель Григорий Нисский (17, 406).**

Когда Господь и Бог наш говорил ученикам Своим, как должно молиться, то словами: «не введи нас во искушение» внушал отмаливаться от искушений, зависящих от собственной воли, то есть от возбуждений похоти, колеблющих добрые расположения и намерения... Об искушениях же произвольных слышим: «С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения» (Иак. 1, 2). Там Господь продолжает: «но избави нас от лукавого», а здесь великий Иаков поясняет: «испытание вашей веры производит терпение; терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка» (Иак. 1, 3—4). **Преподобный Максим Исповедник (68, 283).**

Нельзя тому и молиться Богу, кто ближнему не оставляет согрешений. Ибо как скажет: «Отче! остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим»... если сам не оставляет? Бог знает сердце человеческое и смотрит на сердце, а не на слова. Итак, какое сердце, такова и молитва его. Когда сердце исполнено злобы, и молитва напрасна. Ибо такой, хотя просит Бога устами, чтобы оставил его согрешения, но сердцем не **хочет** такого оставления, ибо сам не оставляет. Бог слышит сердце, а не слова. И потому злобный с теми же грехами отходит от молитвы, с какими приходит к молитве, если еще не с большими, ибо сказано: «и молитва его да будет в грех» (Пс. 108 0). **Святитель Тихон Задонский (104, 1119—1120).**

«Отче наш, иже еси на Небесех!» Указанием пребывания Отца на Небе молящийся сшс возводится на Небо. Забудь все земное, оставь без внимания **землю — этот** приют, данный тебе на кратчайшее время **(111, 238)**.

Прошения, из которых состоит молитва **Господня**, — прошения даров духовных, приобретенных человечеству Искуплением. Нет слова в молитве о плотских временных нуждах человека **(111, 238)**.

Молитва Господня дарована людям **прежде**, чем совершилось окончательно их Искупление: они названы сынами и призваны к правам сынов прежде усыновления, прежде возрождения Крещением, прежде участия в Тайной вечери, прежде обновления Святым Духом. Молитва Господня дарована грешникам **(111, 239)**.

Дана молитва Господня грешникам, и прежде всего они научаются просить у Бога, Отца своего, да святится имя Его. В этом прошении человека заключается сознание греховности, падения. В этом прошении заключается прошение о даровании искреннего покаяния **(111, 239)**.

Обыкновенная пища сынов ветхого Адама, общая им с бессловесными животными, истребляемая пищеварением и не могущая устранять смерти... недостойна наименования пищи, когда явился Хлеб насущный, Хлеб Небесный, Хлеб, уничтожающий смерть, преподающий Вечную Жизнь **(111, 245)**.

Молитва Господня не делает ненужными или излишними прочих молитвословий, принятых и установленных Святой Церковью; она составляет сущность их, она служит правилом для них, она научает нас, что и в прочих молитвах наших мы должны просить у Бога одних духовных благ. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** **(111, 248)**.

МОЛИТВА ИИСУСОВА*

Всякому христианину нужно всегда помнить, что ему необходимо соединиться с Господом Спасителем всем существом своим, надо дать Ему вселиться в уме и сердце нашем, а для такого соединения с Господом, после Приращения Тела и Крови Его, самое лучшее и надежное средство есть умная молитва Иисусова.

Обязательна ли молитва Иисусова и для мирян? Непременно обязательна, потому что всякому христианину, как сказано выше, необходимо соединиться с Господом в сердце, а к этому соединению лучшим способом служит молитва Иисусова.

Иноку же, при пострижении его в монашество, когда вручаются четки, называемые при этом мечом духовным, завещается непрестанное, денно-нощное моление молитвой Иисусовой. **Свяитель Димитрий Ростовский (117, 3).**

О молитве человека,
который уединился в клети
сердца своего, поучаясь и молясь тайно

Многие не знают, в чем состоит внутреннее дело богомысленного человека, не понимают, что такое богомыслие, и ничего не знают о творимой умом молитве, но думают, что только теми молитвами подобает молиться, которые написаны в церковных книгах. Что же касается тайной беседы с Богом в сердце и происходящей отсюда пользы, они об этом совсем не знают и никогда не вкушали этой духовной сладости. Как слепорожденный только слышит о солнечном сиянии, что же такое сияние, не знает, так и те только слышат о богомысленном поучении и молитве, понимать же не понимают. Они по невежеству своему лишаются многих духовных благ и отстают от добродетельного преуспевания, которое приводит к совершенному **бogoугождению**. Поэтому, ради наставления простых, предлагается здесь кое-что для внутреннего обучения и для богомысленной молитвы, чтобы желающий с Божией помощью начал хоть немного наставляться.

Духовное обучение внутреннего человека начинается с таких Христовых слов: «Когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне» (Мф. 6, 6).

Молитва внешняя и внутренняя

Человек бывает двоякий: внешний и внутренний, плотский и духовный. Внешний есть видимый, плотский; внутренний **же** — невидимый, духовный, или, согласно словам апостола Петра, «сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа» (1 Пет. 3, 4). И святой Павел объясняет двойственность человеческую, говоря: «Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний ... обновляется» (2 Кор. 4, 16). Здесь апостол ясно говорит о внешнем и внутреннем человеке. Таким образом, внешний человек состоит из многих членов, внутренний же приходит в совершенство умом, вниманием к себе, страхом Господним и благодагью Божией. Дела внешнего человека бывают видимы, а **внутреннего** — невидимы: «Приступит человек, и сердце глубоко» (Пс. 63, 7). Также и апостол говорил: «Кто из человеков знает, что в человеке, кроме Духа человеческого, живущего в нем?» (1 Кор. 2, 11). Один только Испытующий сердца и утробы ведаёт все тайны внутреннего человека.

* См. также т. 2, с. 775—779 настоящего издания.

Обучение тоже бывает **двойкое** — внешнее и внутреннее: внешнее в книгах, внутреннее в богомыслии; внешнее в любви к мудрости, внутреннее в любви к Богу; внешнее в словах, внутреннее в молитвах; внешнее в остроумии, внутреннее в теплоте духа; внешнее в художествах, внутреннее в помышлениях. Внешнее «знание надмевает» (1 Кор. 8, 1), внутреннее же смиряет; внешний разум любопытствует, желая знать все, внутренний же себе внимает и ничего иного не желает, как только знать Бога, с Давидом говоря Ему: «Сердце мое говорит от Тебя: «Ищите лица Моего»; и я буду искать лица Твоего, Господи» (Пс. 26, 8). И еще: «Как лань жаждет к потокам воды, так жаждет душа моя к Тебе, Боже!» (Пс. 41, 2).

Молитва также бывает **двойкая** — внешняя и внутренняя: явно творимая и тайно; соборная и совершаемая наедине; должная и произвольная. **Должная** — творимая явно по уставу церковному, соборная молитва имеет свои времена: полунощницу, утрению, часы, литургию, вечерню и повечерие; на эти моления люди и призываются звоном, ибо они их, как подобающую Царю Небесному дань, должны воздавать на всякий день. Творимая же втайне произвольная молитва бывает и безвременно, когда кто захочет, без всякого зова, только по движению самого духа. Первая, то есть церковная, молитва имеет положенное число псалмов, тропарей, канонов и прочих пеней и действий иерейских, другая же (тайная, произвольная), как безвременная, неопределенна и числом молитв, ибо каждый молится, сколько **хочет**, — иногда кратко, иногда же долго. Первая произносится вслух устами и голосом, вторая **же** — не только стоя или на ходу, но и лежа, словом, всегда, когда бы ни случилось возвести ум свой к Богу. Первая, соборная, творится в храме Господнем, в церкви или по случаю в каком-либо доме, где соберется несколько людей, вторая же, уединенная, совершается в затворенной клетке, согласно слову Господа: «Когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне» (Мф. 6, 6).

Опять, и клять бывает **двойкая** — внешняя и внутренняя, вещественная и духовная: вещественная из дерева или камня, духовная же есть сердце или ум, или (по словам святого Феофилакта) мысль тайная. Это одно и то же (толкование на Евангелие от Матфея, глава 6). Поэтому вещественная клять всегда на одном месте стоит, духовную же человек всюду носит с собой: где бы он ни был, всегда ведь с ним его сердце, в котором он может умом своим, собрав мысли, затвориться и молиться Богу втайне, будет ли он среди людей или беседует со многими. Внутренняя молитва (если случается, находясь среди людей, подвигнуться к ней духом) не требует ни уст, ни книги, не употребляет движения языка, ни голоса (хотя это и наедине происходит), но только возведение к Богу ума и самоуглубления, что возможно делать и на всяком месте.

Вещественная клять безмолвствующего в ней человека затворяет одного, внутренняя же, духовная, вмещает в себя и Бога, и все Небесное Царство, согласно евангельским словам самого Христа: «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17, 21). В словах Макария Египетского это объясняется так: **сердце** — сосуд малый, но в нем вмещаются все вещи; там Бог, там Ангелы, там Жизнь и Царство, там небесные грады, там сокровище благодати.

Во внутренней, сердечной клетке человеку подобает затворяться чаще, чем между стенами, и, собрав там все помышления свои, представлять ум Богу, молиться Ему втайне со всей теплотой и живой верой, вместе же с этим поучаться и в богомыслии, чтобы возможно было ему возрасти в мужа совершенного. Святитель Димитрий Ростовский (117, 6—9).

О молитве, согревающей человека и соединяющей его с Богом в любви

Прежде всего да будет известно, что христианину (особенно же лицу духовному, по долгу его звания) подобает всячески и всегда заботиться о том, чтобы соединиться с **Богом** — Создателем, Благодетелем и высшим

добром его, Который любит его, Которым и для Которого он и создан; ибо для души, созданной Богом, должно быть центром, то есть конечной целью, не что иное, как только сам Бог, от Которого она и жизнь, и природу свою получила и для Которого ей нужно жить вечно. Ведь все видимое на земле, приятное и желательное: богатство, слава, жена, **дети — одним** словом, все красивое, сладкое и приятное мира сего, не свойственно душе, но только телу, и, будучи временным, оно скоро пройдет как тень. Душе же, как вечной по природе, можно вечно успокоиться только в одном Вечном **Богe** — как в высшем благе своем, более прекрасном, чем все красоты, сладости и удовольствия, сладчайшем и **любимейшем**, — успокоиться как в естественном своем месте, откуда она произошла и куда она должна снова возвратиться, ибо как плоть, исходя от земли, в землю возвращается, так и душа, произойдя от Бога, к Богу возвращается и у Него пребывает. На то она и создана Богом, чтобы в Боге пребывать вовеки. Поэтому в этой временной жизни нужно прилежно искать соединения с Богом, чтобы сподобиться быть с Ним и в Нем и в Будущей Жизни вечно.

Соединиться же с Ним каждый может не иначе, как только крайней сердечной любовью. Ибо и евангельская грешная жена потому получила у Него великую милость прощения грехов и крепкое единение с Ним, «что она возлюбила много» (Лк. 7, 47). Он любит любящих Его, прилепляется к прилепляющимся к Нему, представляет Себя ищущим Его и подает неоскудевающую сладость желающим насладиться любовью Его.

Для того чтобы смог человек возбудить в сердце своем такую божественную любовь, чтобы соединиться с Ним в неразлучном союзе любви, необходимо часто молиться, возводя ум свой к Богу. Ибо как часто подкладываемые в огонь дрова увеличивают пламя, так и молитва, творимая часто и с углублением ума в Боге, возбуждает в сердце божественную любовь, которая, воспламенившись, согреет всего внутреннего человека, просветит и научит его, явит ему все безвестное и тайное своей премудрости и соделает его как бы пламенно-огненным серафимом, всегда предстоящим Богу духом своим, взирающим на Него умом и почерпающим в этом духовную сладость. Святитель Димитрий Ростовский (117, **9—10**).

Молитва, произносимая устами, умом же не **внимаемая**, — ничто

Здесь уместно вспомнить некоторые недостаточно ясные апостольские изречения о творимой духом и умом молитве и тем положить начало рассуждению.

В послании к Ефесянам святой апостол Павел советует молиться **духом**: «Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время **Духом**» (Еф. 6, 18). Тот же апостол в послании к Коринфянам говорит: «Хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода» (1 Кор. 14, 14).

Как же это бывает, что человек молится духом, а ум его остается бесплодным?

Слово «дух» в Святом Писании разумеется в человеке различно. Иногда оно употребляется вместо дыхания, иногда вместо самой души, иногда вместо какого-либо желания и намерения, как доброго, так и злого, а также вместо какой-либо добродетели или недобродетели, **как-то**: дух смирения, дух любви, дух милосердия, и противоположное **им**: дух гордости, дух ненависти, дух сребролюбия и прочее. Иногда же слово «дух» полагается вместо какого-либо дарования Святого Духа, как, например, дух премудрости, дух разума, дух прозорливости и прочее, а **иногда** и вместо самого ума, как пишется у того же апостола: «обновиться духом ума вашего» (Еф. 4, 23).

Когда апостол советует ефесянам молиться духом, то здесь вместо **Духа** он полагает самый ум, который должен молящийся человек **Устремить** к Богу. Когда же в Послании к Коринфянам он говорит о **духе** молящемся и об уме, пребывающем бесплодным, то в данном месте

он полагает дух вместо голоса и дыхания человеческого, как бы говоря им: какая вам польза, коринфяне, если вы молитесь только голосом вашего дыхания, а ум ваш не внемлет молитве, но мечтает о чем-то ином? Какая польза говорить языком много, а умом не внимать тому, что говорится, если бы даже и тьмы слов языком произнес ты, о человек! Какая польза от того, если всей гортанью, насколько позволит дыхание твое, воспоешь, а ум твой не предстоит Богу и не видит Его, но уклоняется помышлениями в иное место? Такая молитва не принесет тебе никакой пользы, не будет услышана Богом и останется бесплодной. Хорошо рассудил и святитель Киприан, говоря: «Как ты хочешь быть услышанным Богом, когда и сам себя не слышишь? Хочешь, чтобы Бог помнил о тебе, когда ты молишься, а сам о себе не помнишь?» Апостол дает коринфянам, а вместе и всем нам, себя в пример, говоря: «Стану молиться духом, стану молиться и умом; буду петь духом, петь и умом» (1 Кор. 14, 15). Когда, говорит он этим, я молюсь языком и голосом, происходящим от моего дыхания, то должен молиться и умом. **Святитель Димитрий Ростовский (117, 10—12).**

Краткая, но часто творимая молитва более полезна, чем продолжительная

От искусных в богомыслии я узнал относительно творимой умом от сердца молитвы, что теплее и полезнее бывает та, которая кратко, но часто делается, чем продолжительная. Впрочем, и продолжительная молитва бывает очень полезна, но только для совершенных, а не для начинающих. В продолжительной молитве ум у не привыкшего к ней человека не может долго предстоять пред Богом, но обычно, побежденный немощью непостоянства, увлекается внешним, и теплота духа поэтому вскоре остывает у него. Такая молитва есть уже не молитва, но одно смущение ума вследствие уклонения мыслей туда и сюда, что бывает как в церковных соборных пениях, так и в читаемых долго келейных правилах. Краткая же, но частая молитва более устойчива, ибо ум, углубившийся в Бога на короткое время, может совершать ее с большей теплотой. Поэтому и Господь говорит: «молясь, не говорите лишнего» (Мф. 6, 7), ибо не по многословию будете услышаны. И Иоанн Лествичник поучает: «Не пытайся многословить, чтобы не рассеялся ум в поисках слов. Одно только слово мытаря умилостивило Бога, и одно же слово веры спасло разбойника. Крайнее многословие в молитве рассеивает ум в мечтаниях, тогда как единословие помогает собрать ум».

Но **кто-либо** скажет: почему апостол в Послании к **Солуныям** говорит так: «Непрестанно молитесь» (1 Сол. 5, 17)?

Обычно в Писании часто творимое дело называется всегда творимым, например: «в первую скинию всегда входят священники совершать Богослужение» (Евр. 9, 6), то есть во все установленные на то часы, а не непрестанно, днем и ночью, часто, а не пребывают там безвыходно. Если же священники и были безвыходно в церкви, оберегая спешдий с Неба огонь, **подкладывая** в него топливо, чтобы он не погас, однако делали это не все вместе, но переменяясь чредами, как пишется и о святом Захарии: «В порядке своей чреды служил пред Богом» (Лк. 1, 8). Подобно этому нужно думать и о молитве, которую апостол повелевает творить непрестанно, ибо невозможно человеку пребывать в молитве так, чтобы не прерывать ее ни днем, ни ночью. Ведь нужно время и на иные дела, на необходимые заботы по управлению домом своим, как-то: время работы, время беседы, время питания и питья, время покоя и сна. Как же можно непрестанно молиться иначе, как только часто молиться? А часто творимая молитва вменяется как бы за непрестанно творимую молитву. Итак, пусть твоя частая, но краткая молитва не умножается лишними словами, как об этом учат и святые отцы. Святый Феофилакт в толковании на Евангелие от Матфея написал так: «Не подобает удлиннять молитвы, а лучше мало, но часто молиться» (глава 6). У святителя Иоанна Златоуста же в беседах на апостольские Послания Павла пишется так: «Кто лишнее говорит в молитве, тот не молится, но празднословит»

(беседа 24). Кроме того, Феофилакт говорит в толковании на то же вышеуказанное евангельское место так: «Лишнее глаголение есть празднословие». Хорошо сказал апостол: «Хочу лучше пять слов сказать умом моим... нежели тьму слов на незнакомом языке» (1 Кор. 14, 19), то есть лучше мне сотворить краткую молитву к Богу, но со вниманием, нежели произносить бесчисленные слова без внимания и только напрасно наполнять воздух своими словами и голосом.

Кроме того, вышесказанные апостольские слова: «Непрестанно молитесь» (1 Сол. 5, 17) нужно толковать в смысле молитвы, творимой умом, ибо ум может быть всегда направлен к Богу и может молиться Ему непрестанно.

Итак, начини теперь, о душа, понемногу браться за намеченное тебе обучение, начини во имя Господа, согласно увещанию апостола, говорящего так: «и все, что вы делаете, словом или делом, все делайте во имя Господа Иисуса Христа» (Кол. 3, 17), то есть творите все, как бы говорит он, с добрым намерением, и не столько из-за своей корысти, хотя бы и духовной, сколько для славы Божией, чтобы во всех ваших словах, делах и помышлениях прославлялось имя Господа Иисуса Христа, Спасителя нашего.

Прежде всего объясни себе кратким толкованием, что такое молитва?

Молитва есть обращение ума и мыслей к Богу; **МОЛИТЬСЯ**—**ЗНАЧИТ** предстоять умом своим Богу, неуклонно мыслью смотреть на Него и беседовать с Ним в благоговейном страхе и уповании.

Итак, собери все мысли твои и, отложив все внешние житейские попечения, устреми ум твой к Богу. Святитель Димитрий Ростовский (117, 12—14).

Молитва Иисусова — сердцевина молитвенной жизни

Есть степени молитвы. Первая **степень**—молитва телесная, более в чтении, стоянии, поклонах. Внимание отбегает, сердце не чувствует, охоты нет; **тут**—терпение, труд, пот. Несмотря на это, положи пределы и делай молитву. **Это**—**делательная** молитва. Вторая **степень**—молитва внимательная: ум привыкает собираться в час молитвы и всю ее проговаривает с сознанием, без расхищения. Внимание срастворяется с словом писанным и говорит как свое. Третья **степень**—молитва чувства: от внимания согревается сердце, и что там в мысли, то здесь становится чувством. Там слово сокрушительное, а здесь сокрушение; там прошение, а здесь чувство нужды и потребность. Кто перешел к чувству, тот без слова молится, ибо Бог есть Бог сердца. Потому это и есть предел **МОЛИТВЕННОГО** воспитания: встав на молитву, переходить от чувства к чувству. При этом чтение может прекращаться, равно как и мышление, а пусть будет только пребывание в чувстве, с известными молитвенными знаками... Когда молитвенное чувство взойдет до непрерывности, тогда начинается молитва духовная, которая есть дар духа Божия, молящегося за нас,—последняя степень молитвы постигаемой. Но есть, говорят, еще и не постигаемая умом молитва, или заходящая за пределы сознания (так У святого Исаака Сирина).

Легчайшее средство восхождения к непрерывности в молитве есть навывковение молитве Иисусовой и вкоренение ее в себе. Опытнейшие мужи в духовной жизни, Богом вразумленные, **нашли** это одно простое и вместе вседейственное средство ко Утверждению духа во всех духовных деланиях, равно как и во **Всей** духовной подвижнической жизни, и в наставлениях своих оставили подробные о ней правила.

Трудясь и подвижничествуя, ищем очищения сердца и восстановления духа. К этому два пути: деятельный, то есть хождение в

тех подвигов, которые указаны перед этим, и **умозрительный** — обращение ума к Богу. Там душа очищается и приемлет Бога; здесь зримый Бог сжигает всякую нечистоту и приходит вселиться в очищенную душу. Заклучая последнее в одной молитве Иисусовой, Григорий Синаит говорит: «Бога стяжеваем или деланием и трудом, или художественным призыванием имени Иисусова», и потом прилагает, что первый путь длительнее последнего, последний скорее и действеннее. Вследствие этого, иные первое между подвигами место давали молитве Иисусовой. Она просвещает, укрепляет, оживляет, побеждает всех врагов, видимых и невидимых, и к Богу возводит. Такая всемогущая и вседейственная! Имя Господа **Иисуса — сокровище** благ, сил и жизни в духе.

Отсюда следует само собою, что всякому покаявшемуся или начавшему искать Господа можно и должно на первый раз и преподать полное наставление в делании молитвы Иисусовой, а с нею уже вводить и во все другие, потому что этим путем скорее можно укрепиться, скорее прозреть духовно и дойти до мира внутреннего. Не зная этого, многие останавливаются на телесных и душевных деяниях и почти напрасно трудятся и тратят время.

Делание это названо художеством. И оно очень просто. Стоя сознанием и вниманием в сердце, произноси непрестанно: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», без всякого образа и лика, по вере, что Господь видит тебя и внимает тебе.

Непременно **должно** держать сознание у сердца и во время делания слегка стеснять дыхание, в изъятие напряжения, с которым творится. Но условие **высшее** — вера, что Бог близ и слышит нас. Говори молитву в слух уха Божия.

Сначала молитва эта долго остается только делательной, как и всякое делание, потом переходит в умную и наконец внедряется в сердце.

Бывают уклонения от правого пути этой молитвы. Потому надо научить ей у того, кто знает ее. Заблуждения больше от того, кто где **вниманием** — в голове или в груди.

Кто в сердце, тот безопасен. Еще безопаснее, кто болезненно припадает к Богу на всякий час в сокрушении, с молитвой об избавлении от прелестей. **Епископ Феофан Затворник (117, 14—16).**

Молитва эта названа Иисусовой потому, что обращается ко Господу Иисусу и является по составу словесной, как и всякая краткая молитовка. Умною же она бывает и должна называться, когда возносится не одним словом, но и умом, и сердцем с сознанием ее содержания и чувствованием, и особенно когда через долгое внимательное употребление так сливается с движениями духа, что они одни и видятся присущими внутри, а слов как бы нет. Всякая короткая молитовка может взойти на эту степень. Иисусовой же молитве принадлежит преимущество, потому что она с Господом Иисусом сочетает душу, а Господь Иисус есть единственная дверь к богообщению, к которому стремится молитва. Навык в молитве Иисусовой внешне состоит в достижении того, чтобы она сама собою непрестанно вращалась на языке, внутренне **же** — в сосредоточении ума в сердце и непрестанном в нем предстоянии пред Господом с сердечной теплотой в разных степенях и отрешением от всяких других помышлений, и особенно с сокрушенным и смиренным припаданием ко Господу Спасителю. Начинается этот навык с частого, насколько возможно, повторения этой молитвы со вниманием в сердце. Частое повторение, устанавливаясь, собирает ум воедино в предстоянии Господу. Установление такого внутреннего строя способствует согреванию сердца и отгнанию **помыслов** — даже простых, а не только страстных. Когда в сердце начнет непрестанно теплиться огонь прилепления ко Господу, вместе с этим водворится мирное устроение сердца с

сокрушенным и смиренным мысленным припаданием ко Господу. До этого доходит наш собственный труд с помощью благодати Божией. То, что еще выше этого в деле молитвы, будет даром единой благодати. У святых отцов упоминается об этом только потому, чтобы кто-нибудь, достигнув указанного предела, не думал, что ему уже больше нечего желать, и чтобы не возмечтал, что стоит на самом вершине молитвенного или духовного совершенства. Итак, тебе предстоит первое дело: частое, насколько можно частое повторение молитвы Иисусовой, пока привыкнешь ее творить. Делай так:

1. Определи в молитвенном твоём правиле часть и молитве Иисусовой. Твори несколько раз эту молитву в начале твоего молитвословия и несколько раз после него. Если есть усердие, и после каждой молитвы, входящей в твоё молитвословие, делай то же, подражая святому Иоаннику Великому, который после каждого стиха из читаемых им на правиле псалмов, повторял свою краткую молитовку: «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святой».

2. Сколько раз повторять Иисусову молитву, определи себе по совету твоего духовного отца. Только с большого числа не начинай, а потом, по мере услаждения этой молитвой, прибавляй понемногу. Если придет желание повторить положенное число, не отказывая себе в этом, но и не ставь себе это в постоянное правило, а только на этот случай, и сколько бы ни потребовало сердце таких **повторений** — не отказывая.

3. Не спеши гнать одну молитву за другой, а размеренно произноси их, как обычно говорят перед большим лицом, когда просят его о чем-нибудь. Однако не об одних словах заботься, а более о том, чтобы ум был в сердце и предстоял Господу, как присущему, с полным сознанием Его величия, благодати и правды.

4. Если имеешь свободу, то во время между одним и другим **МОЛИТВОСЛОВИЕМ** положи себе становиться, как обычно становишься на молитву, и возносить ко Господу несколько раз эту молитву. А если нет такой свободы, то внутренне вставляй молитву всюду между твоими делами и даже речами.

5. Творя эту молитву на правиле или **кроме** него, становись в молитвенное положение, при каждом ее повторении делай **поклон** — десять раз поясной, а потом **земной** — и так пока кончишь... Святые отцы в своих правилах о молитве полагают множество поклонов. Один из них сказал: недостаточна молитва, если кто не утрудил на ней своего тела поклонами. Если ты положишь, по силе твоей, подражать этому, то скорее увидишь плод от своего труда по приобретению навыка в молитве Иисусовой.

6. Затем в уроках отцов ты найдешь указания; как сидеть, как держать голову и действовать дыханием. Эти приемы не существенно необходимы, а есть только внешние приспособления, пригодные не для всех. Для тебя довольно быть вниманием в сердце пред лицом Господа и возносить к Нему эту краткую молитовку благоговейно и смиренно, с поклонами, когда стоишь на правиле, и с одним мысленным припаданием, когда делаешь это между делами.

7. Заметь еще, что вниманием надо быть в сердце или внутри груди... и там повторять молитву Иисусову. Когда от напряжения сердце начнет **щемить**, тогда поступи, как советует монах Никифор: подымись с того **места** и стань со вниманием молитвенным словом там, где мы обыкновенно ведем беседу с самими **собой**, — наверху груди. После опять сойдишь к сердцу. Не побрезгуй этим замечанием, каким бы оно ни показалось тебе Простым и мало духовным.

8. У святых отцов встретишь много **предостережений** — поводами к **ним** послужили опыты неправильных действий. Чтобы избежать этих **неправильностей**, имей **советника** — **духовного** отца или **собеседника** — **единомысленного** брата и поверяй им все, случающееся при таком твоём **труде**. Сам же всегда действуй в наибольшей простоте, в великом смирении и неприсвоении себе успеха. Помни, что настоящий успех **происходит** внутри незаметно, не выдаваясь, как совершается рост тела. **Потому**, когда возгласится у тебя внутри: «а, вот **оно!**» — знай, что это **возглас** вражий, представляющий тебе нечто кажущееся вместо действи-

тельного. Тут начало самопреуменьшения. Заглушай этот голос сразу, иначе он как труба будет гудеть у тебя, питая сомнение.

9. Не определяй времени, необходимого для успеха в этой молитве, только трудись. Пройдут месяцы и годы, пока покажутся слабые начатки успеха. Один из афонских отцов говорил о себе, что прошло два года труда, пока согрелось сердце; у некоего же другого это пришло через восемь месяцев. У всякого это происходит по мере сил его и усердия к этому делу. **Преподобный Никодим Святгорец (64, 201).**

Блажен воистину, кто прилепился мысленно к молитве Иисусовой, взывая к Нему непрестанно в **сердце**. Как воздух прилежит телам нашим или **пламя**—свечке, как солнце, проходя над землею, производит день, так святое и достойное имя Иисуса, непрестанно сияя в уме, порождает бесчисленное множество солнцевидных помышлений. **Преподобный Исихий Иерусалимский (67, 210).**

Непрестанно сохраняйте в сердце своем имя Господа Иисуса, чтобы сердце было поглощено Господом и **Господь**—сердцем и таким образом двое стали единым. **Святитель Иоанн Златоуст (43, 965).**

У кого нет умной внутренней молитвы, у того и никакой нет, ибо только умная молитва и есть настоящая молитва, Богу угодная и приятная. Она должна составлять душу домашнего и церковного **молитвословия**, так что коль скоро ее нет при этом, то молитвословия имеют только вид молитвы, а не есть молитва.

Ибо что такое молитва? **Молитва—это** ума и сердца к Богу возношение, на славословие и благодарение Богу, и испрашивание у Него потребных благ, душевных и телесных. Существо молитвы, стало быть, есть умное к Богу восхождение из сердца. Становится ум в сердце сознательно пред лицом Бога и, исполняясь достождного благоговения, начинает изливать пред Ним сердце свое. Вот и умная молитва! Но такова и должна быть всякая молитва. Внешнее молитвословие, домашнее или церковное, дает ей только слово, или форму; душу же, или существо молитвы, носит всякий сам в себе, в своем уме и сердце. Весь церковный молитвенный чин наш, все молитвы, сложенные для домашнего употребления, исполнены умным обращением к Богу. Совершающий их, если он хоть мало внимателен, не может избежать этого умного обращения к Богу, разве только по совершенному невниманию к совершаемому им делу (**117, 16—17**).

Без умной молитвы никому нельзя обойтись. Не возноситься к Богу молитвенно мы не можем, ибо наша духовная природа этого требует. Вознестись же к Богу мы можем не иначе как умным действием, ибо Бог умствен. Есть, правда, умная молитва при словесной, или внешней,—домашней ли или церковной, и есть умная молитва сама по себе, без всякой внешней формы или положения телесного; но существо дела там и здесь одно и то же. В том и другом виде она обязательна и для мирских людей. Спаситель **заповедал**—войти в клеть свою и молиться там Богу Отцу своему втайне. Клеть эта, как толкует святитель Димитрий Ростовский, означает сердце. Следовательно, заповедь Господня обязывает тайно в сердце умом молиться Богу. Заповедь эта простирается на всех христиан. Вот и апостол Павел что заповедует, когда говорит: «Всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом» (**Еф.**

6, 18)? Заповедует умную **моли́тву**—духовную, и заповедует всем христианам без различия. Он же всем христианам заповедует непрестанно молиться (1 Сол. 5, 17). А непрестанно молиться иначе нельзя, как умно молитвою в сердце...

Встав утром, установись покрепче пред Богом в сердце в утренней своей молитве и потом исходи на дело свое, Богом тебе определенное, не отрывая от Него чувства своего и сознания. И будет то, что силами души и тела будешь делать дела свои, а умом и сердцем пребывать с Богом (117, **17—18**).

«Научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу (Кол. 3, 16)... Слова: «псалмами, славословием и духовными песнями» определяют молитву словесную, молитвословие, а слова: «во благодати воспевая в сердцах ваших **Господу**»—молитву внутреннюю, умно-сердечную.

Псалмы, пения, песни-псалмы, гимны, **оды**—это различные наименования духовных песнопений. Указать отличия их очень трудно, потому что и по содержанию, и по форме они бывают очень сходны. Все они есть выражения духа молитвенного. К молитве подвигшись, дух славословит Бога, благодарит и возносит к Нему свои прошения. Все эти проявления духа молитвенного в духе неразлучны, и одно без других не бывает. Молитва, когда приходит в движение, переходит от одного из них к другому, и нередко не один раз. Вырази это **словом**—выйдет молитва словесная, назови ее псалмом, гимном или **одой**—все одно. Потому не будем напрягаться определять отличие этих наименований. Апостол хотел ими обнять всякого рода молитвы, словом выраженные. Под них подойдут и все молитвы, находящиеся теперь у нас в употреблении. У нас в употреблении, кроме Псалтири, песнопения **церковные**—стихиры, тропари, каноны, акафисты и молитвы, содержащиеся в молитвенниках. Не погрешим, если, читая слова апостола о словесной молитве, будешь разумеать эти, употребляющиеся у нас словесные молитвы. Сила не в таких или таких словесных молитвах, а в том, как их совершать.

Как совершать словесные молитвы, апостол указывает словом: «духовными песнями»... Духовны молитвы потому, что первоначально в духе зарождаются и созревают и из духа изливаются. Особенно же духовны потому, что зарождаются и созревают благодатью Духа Святого. И Псалтирь, и все другие словесные молитвы не с самого начала были словесны. Сначала они были чисто духовны, потом облечены в слово и стали словесны. Но приведшее слово не устранило их духовности. Они и теперь словесны только по виду, в силе же они **духовны**...

Из таких пояснений выходит, что если мы захотим слово апостола о словесной молитве обратить себе в урок, то получим вот что: входи в дух слушаемых и читаемых тобою молитв и, воспроизведя их в сердце, возноси оттуда к Богу, как бы они были порождение твоего сердца под действием благодати Святого Духа. Это закон, определяющий существо богоугодного молитвословия. Как дойти до этого? Обсуди, прочувствуй, **даже** заучи на память молитвы, какие читаешь в твоём молитвословии. Тогда, становясь на молитву, будешь не что-то чужое произносить, а то, что и в твоём лежит сердце, как им прочувствованное (117, **18—19**).

«Научайте и вразумляйте друг друга псалмами, славословием и Духовными песнями, во благодати воспевая в сердцах ваших Господу» (Кол. 3, 16). В каком сочетании принять слова эти? В таком ли: когда исполнитесь Духом, тогда и пойте устами и сердцем? Или в таком: если хотите исполниться Духом, то пойте? Предлагаемое пение устами и сердцем сказывается ли как следствие исполнения Духом или указывается как средство к тому?

Наитие Духа не в нашей власти, оно приходит, как благоволит Сам Дух. И когда приходит, приводит в сильное возбуждение силы нашего **духа**. Песнь Богу тогда сплетается сама собою. Свобода возможна лишь в том, оставить ли эту песнь в сердце или выражать ее и языком гласно для всех...

Слова эти должно принять не в первом, а во втором сочетании. Исполняйтесь Духом и для того пойте. Пение возбудит Дух или приведет в состояние наития Духа, или ощутительного Его воздействия. Блаженный Феодорит пишет, что апостол вводит духовное упоение, когда говорит: «исполняйтесь Духом» (Еф. 5, 18), и показывает, как достигнуть его, именно: непрестанно песнословя Бога, углубляясь в самих себя и возбуждая всегда помысл. Это то же, что сказать: посредством пения языком и сердцем.

Нетрудно понять, что в этом деле **главное** — не благозвучие пения, а содержание его. Оно воздействует так же, как с воодушевлением написанная речь воодушевляет читающего ее. Чувство, вложенное в слово, через слово переходит в душу слышащего или читающего. Так и в песнях церковных. Псалмы, гимны-пения и оды-песни церковные суть духовдвижные излияния богоговеиных чувств к Богу. Дух Божий исполнял избранных Своих, и они полноту своих чувств выражали в песнях. Поющий их как должно также может войти в выраженные в них чувства и, исполняясь ими, приблизить себя к состоянию, способному принять воздействия благодати Духа, или приспособить себя к нему. Таково именно и есть назначение церковных песней, чтобы посредством их возгревать и раздвигать кроющуюся в нас искру благодати. Искру эту дают Тайнства. Чтобы раздуть ее и превратить в пламень, для этого введены псалмы, пения-гимны и песни-оды духовные. Они действуют на искру благодати так же, как ветер на искру, внедрившуюся в горячее вещество.

Но припомним, что такое действие принадлежит им под тем условием, если вместе с употреблением их идет и очищение сердца, как сказал святой Златоуст, руководствуясь ходом речи самого святого апостола Павла. Другие условия указывают на это самое место, именно: **первое** — чтобы они были духовные; и **второе** — чтобы пелись не языком только, но и сердцем...

Итак, для того чтобы церковное пение вело к исполнению Духом, апостол требует, чтобы эти песни были духовны; под этим надо разуметь не только то, что они должны быть духовны по содержанию, но чтобы были духовдвижны, сами были плодом Духа или излились из сердца, исполненных Духа. Иначе они не будут вести к исполнению Духом. Это по такому закону: что вложено в песнь, то она и даст поющему...

Второе требование апостола то, чтобы песни пелись не языком только, но и сердцем. Не понимать только песнь надо, но войти в сочувствие с нею, или воспринять содержание ее в сердце и петь ее уже так, как бы она исходила из нашего сердца. Из сравнения настоящего места с другими видно, что в апостольское время те только и пели, которые бывали в таком настроении, другие входили в подобное настроение с **ними** — и все церковное собрание воспевало и пело Господу не иначе как в сердце. Что дивного, если вследствие этого все оно исполнялось и Духом? Какое сокровище скрыто в церковных песнопениях, если они совершаются как должно!

Святитель Иоанн Златоуст говорит: «Что означают слова: «воспевая в сердцах ваших Господу»? Это значит: со вниманием приступай к этому делу, ибо невнимательные поют без пользы, произносно только слова, тогда как сердце их блуждает в другом месте. Блаженный Феодорит к этому прибавляет: «поет сердцем, кто не только приводит в движение язык, но и ум побуждает к уразумению произносимого». Другие святые отцы, пишущие о молитвенном обращении к Богу, полагают, что оно наилучшим образом совершается, когда совершается умом, утвержденным в сердце.

То, что здесь у апостола говорится о церковном собрании, идет и к частному псалмопению, которое всякий может совершать особо в доме. И плод от этого может быть тот же, когда оно совершается как должно, то есть со вниманием, пониманием, сочувствием, из сердца.

Затем заметим также, что хотя слова апостола говорят о пении, но мысль его указывает на молитвенное к Богу обращение. И оно, собственно, есть возбудитель Духа (117, **19—22**).

Второй вид молитвы есть молитва умно-сердечная. И первая должна быть такою же. Но та зарождается под действием **словесной — готовой** молитвы, а эта прямо в сердце зарождается и отсюда к Богу восходит. Такой была молитва Моисея перед Чермным морем. Апостол учит ей словами: «во благодати воспевая в сердцах ваших Господу» (Кол. 6, 13). От благодати Духа пойте, говорит, не просто устами, но со вниманием, стоя мысленно пред Богом в сердце. Ибо это значит петь Богу, а **то — на** ветер, так как голос разливается в воздухе. Не для того, чтобы выказать себя, говорит. Будь ты хоть на торговой площади, можешь в себе, изнутри, обратиться к Богу и петь, не будучи никем слышим... Не мешает и во время пути молиться и быть сердцем горе (святитель Иоанн Златоуст). Такая молитва и есть только молитва. И словесная молитва постольку бывает молитвой, поскольку при ней молятся ум и сердце.

Она созидается в сердце благодатью Святого Духа. Обращающийся к Господу и освящаемый Таинствами тотчас принимает в себя чувство к Богу, которое с того раза и начинает полагать в сердце его восхождение **горе**. Кто не заглушит этого чувства чем-либо недолжным в то время, постоянство и труд обратят его в пламень. Но кто заглушает его недолжным, тому хотя не закрыт путь приближения к Богу и примирения с ним, но чувство то не дается уже вдруг и даром. Предложит пот и труд искания и вымоления его... Но никому в нем не отказывается. Ибо у **всех** — благодать, предстоит только дать простор ее действию. Благодать получает простор по мере искоренения самости и страстей. Мера очищения сердца есть мера оживления чувства к Богу. Когда сердце станет чисто, тогда чувство к Богу делается пламенным. Чувство к Богу и в этих оживает далеко прежде полного очищения от страстей, но бывает еще как семя или искра. Возродившись, оно растет и разгорается, но не бывает постоянно, а оживает и замирает, и, оживая, не в одинаковой бывает силе. Но в какой бы мере ни оживало, всегда восходит к Господу и поет Ему песнь. Все строит благодать: ибо благодать всегда присуща в верующих. Предавшие себя ей безвозвратно бывают руководимы ею, и она, как знает сама, созидает их (117, **22—23**).

Чувство к Богу и без слов есть молитва. Слово поддерживает и иной раз углубляет чувство (117, 23).

Храните этот **дар — бывшей** вам милости Божией. Как? Более всего смирением, приписывая все благодати, себе же ничего. Как только на себя саму склонится у вас мысль, благодать умалится и, если не опомнитесь, совсем перестанет действовать, **тогда —** плач и вопль многих. **Второе** — чувствуя себя землею и пеплом, будьте так, как теперь, то есть ни к чему не обращаясь без нужды ни мыслью, ни сердцем. Все с Господом. Мало-мало умалится внутреннее горение, тотчас спешите его восстановить в силе. Господь близ. С соболезованием и страхом обращаясь к Нему, тотчас **получите...** (117, 23).

Молитва — проба всего; **молитва — источник** всего; **молитва — и** Двигатель всего; **молитва — и** направитель всего. Коль скоро **МОЛИТВА** исправна, все исправно. Ибо не допустит она быть **чему-либо** неисправным (117, 23).

Молитва есть первое дело в нравственно-религиозной жизни. Корень этой жизни составляет сознательно-свободное отношение к Богу, которое **управляет** потом всем. Поприще, где оно раскрывается и является в Действии, есть молитва, так же как взаимоотношение есть поприще, где Раскрываются наши нравственные отношения к себе подобным, и как

подвижничество — поприще, где раскрывается нравственное отношение к самим себе. Каково наше отношение к Богу, такова и молитва; и какова молитва, таково и отношение наше к Богу. А так как отношения эти не одинаковы, то не одинаковы и образ молитвы. Иначе относится к Богу нерадящий о спасении; иначе тот, кто отстал от греха и ревнует о добродетели, но еще не вошел внутрь себя и работает Господу внешне; иначе, наконец, тот, кто вошел внутрь и носит в себе Господа и предстоит Ему. Первый как о жизни нерадит, так нерадит и о молитве и совершает ее в церкви, дома, по заведенному только обычаю, без внимания и чувства. Второй много читает молитв и часто ходит в церковь, стараясь вместе с тем и внимание соблюдать, и чувства иметь соответственно читаемым молитвам, хотя это ему очень редко удается. Третий, сосредоточившись весь внутри, умно предстоит Господу и неразвлеченно молится Ему в сердце, без долгих молитвословий, хоть и при долгих стояниях на молитве дома и в церкви. Отнимите у второго **молитвословие** — вы отнимете у него всякую молитву; навяжите третьему **молитвословие** — вы погасите в нем молитву ветром многословия. Всякому чину людей или всякой степени приближения к Богу нужна своя молитва и свои для нее правила. Как дорого при этом указание опытного и как много может повредить самочинное распоряжение! **Епископ Феофан Затворник (117, 23—24).**

Молитва — умное предстояние Богу в сердце со славословием, благодарением, прошением и сокрушенным покаянием. Все тут духовно. Корень **всему** — благоговейный страх Божий, из которого вера о Боге и в Бога, предание себя Богу, упование, прилепление к Богу в чувстве любви с забвением всего тварного... Когда молитва в силе, все эти чувства и движения духовные присущи в сердце в соответственной силе.

Как же к этому относится молитва Иисусова?

Как и та теплота, которая развивается внутри сердца и около от действия этой молитвы...

Навык молитвенный не вдруг образуется, а требует долгого труда и утруждения себя.

Вот в этом-то труде образования молитвенного навыка лучше всего помогает Иисусова молитва и сопровождающая ее теплота.

Заметь... что они есть средства, а не самое дело.

Возможно, и молитва Иисусова есть, и теплота есть, а молитвы настоящей нет. Как это ни странно, а бывает так!..

Когда молимся, надо умом стать пред Богом, и о Нем Едином помышлять. Между тем в голове непрестанно толкуются разные мысли и отвлекают ум от Бога. Для того чтобы научить ум стоять на одном, святые отцы употребляли молитовки и навыки произносить их непрестанно... Это непрестанное повторение молитовки держало и ум в помышлении о Боге и разгоняло все сторонние мысли. Эти коротенькие молитовки были разные... У нас особенно установилась и вошла в общий обычай молитва Иисусова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго!»

Так вот что есть молитва Иисусова. Она есть одна из кратких словесных молитовок, как и все другие краткие молитовки. Назначается на то, чтобы ум держать на одной мысли о Боге.

Навыкнувший этой молитве и действующий ею как следует действительно бывает в памяти о Боге непрестанно.

Так как память Божия в искренне верующем сердце естественно сопровождается религиозными чувствами благоговения, упования, благодарения, преданности в волю Божию и другими, которые все духовны, то мы молитву Иисусову, которая произво-

дит и держит память Божию, называем духовной молитвой. И это справедливо, когда она окружается теми духовными чувствами. Но когда такими действиями она не сопровождается, то она остается словесной, как и всякая другая подобная.

Так думать следует о молитве Иисусовой. Теперь, что значит теплота, которой сопровождается употребление этой молитвы?

Для того чтобы ум держался на одном при употреблении краткой молитвы, надо свести его вниманием в сердце, ибо, оставаясь в голове, где происходит толкотня мыслей, он не успеет сосредоточиться на одном... Когда внимание сойдет в сердце, то привлечет туда в одну точку все силы души и тела... Это сосредоточение всей человеческой жизни в одно место тотчас отзывается там особым ощущением; это ощущение и есть начало будущей теплоты... Ощущение это, сначала легкое, все усиливается, крепнет, углубляется и из холодного, каково оно вначале, переходит в теплое чувство и держит на себе внимание. И происходит, таким образом, что сначала внимание держится в сердце напряжением воли, силой своею внимание порождает теплоту в сердце. Теплота же эта затем держит внимание без особого его напряжения. Они затем друг друга поддерживают и должны пребывать неразлучно, ибо рассеяние внимания охлаждает теплоту, а умаление теплоты ослабляет внимание.

Отсюда закон духовной жизни: держи сердце в чувстве к **Богу** — всегда будешь в памяти Божией. Его выразил где-то святой **Иоанн Лествичник**.

Теперь **вопрос** — духовная ли эта теплота? Нет, не духовная! А обыкновенная, кровяная. Но как держит внимание ума в сердце и тем способствует развитию там духовных, указанных прежде движений, то она называется духовной, в том, однако же, случае, если она не сопровождается похотной сластью, хотя бы легкой, но держит душу и тело в трезвенном настроении.

Отсюда следует: если теплота, сопровождающая молитву Иисусову, не сопровождается духовными чувствами, то ее не следует называть духовной, а просто кровяной теплотой, и она, будучи таковою, не плоха, если не состоит в связи с похотной сластью, хотя бы легкой, а если состоит, то вредна и должна подлежать изгнанию.

Эта неправость бывает, когда теплота ходит ниже сердца. Вторая неправость та, когда, полюбив эту теплоту, ею все ограничивать, не заботясь о чувствах духовных и даже о памяти Божией, а лишь о том, чтобы была эта теплота; эта неправость возможна, хотя не у всех и не всегда, но по временам. Нужно заметить это и исправить, ибо в таком случае останется одна кровяная теплота, животная... Не должно почитать эту теплоту духовной или благодатью... Духовной можно назвать эту теплоту только тогда, когда она сопровождается духовными, молитвенными движениями... Кто без них называет ее духовной, тот допускает неправильность. Кто же называет ее благодатью, еще более неправ...

Благодатная теплота есть особая, и она собственно есть духовная... Она отрешена от плоти, и в теле не производит заметных изменений, и свидетельствует тонким сладким чувством.

По этим чувствам всякий легко может определить и различить теплоту... Это каждому следует сделать; стороннему тут нет дела и места **(117, 24—27)**.

Есть молитва, которую сам человек творит, и есть молитва, которую Бог дает молящемуся. Первой кто не знал? Должна быть **вам** известна и последняя, хоть в начатках.

Сначала, когда приступает кто к Господу, первое **дело — молитва**. **Начинает** он ходить в церковь и дома молиться по молитвенникам и без

них. Но мысли все разбегаются. Никак с ними не управиться. Чем, впрочем, больше трудится в молитве, тем больше мысли все **улегаются** и улегаются, и молитва становится чище. Однако атмосфера души не очищается, пока не затеплится духовный огонек в душе. Огонек этот есть дело благодати **Божией**, но не особенной, а общей всем. Он является вследствие известной меры чистоты во всем нравственном строе ищущего человека. Когда затеплится этот огонек или образуется постоянная в сердце теплота, тогда бурление помыслов останавливается. Бывает с душою то, что с кровоточивою: «течение крови у ней остановилось» (Лк. 8, 44). В этом состоянии молитва, больше или меньше, подходит к непрестанной. Посредством ей служит молитва Иисусова. И это есть предел, до которого может доходить молитва, самим человеком творимая. Думаю, что все это вам очень понятно.

Далее, в этом состоянии, дается молитва находящаяся, а не самим человеком творимая. Находит дух молитвенный и увлекает внутрь **сердца—все** равно, как бы кто взял другого за руку и силой увлек его из одной комнаты в другую. Душа тут связана сторонней силой и держится охотно внутри, пока над нею есть нашедший дух. Знаю две степени этого нахождения. В **первой** — душа все видит, сознает себя и свое внешнее положение: и рассуждать может, и править собою, может даже разорить это состояние свое, если захочет. И это вам должно быть понятно.

У святых отцов, и особенно у святого Исаака Сирина, указывается и другая степень даруемой, или находящейся, молитвы. Выше показанной стоит у него молитва, которую он называл экстазом, или восхищением. И тут тоже находит дух молитвенный, но увлекаемая им душа заходит в такие созерцания, что забывает свое внешнее положение, не рассуждает, а только созерцает, и не властна править собою или разорить свое состояние. Помните, в отечниках пишется, что кто-то стал на молитву перед своей вечерней трапезой, а опомнился уже утром. Вот это и есть молитва в восхищении, или созерцательная. В иных она сопровождалась просветлением лица, светом вокруг, в иных поднятием от земли. Святой апостол Павел в этом состоянии восхищен был в рай. И святые пророки в нем находились, когда взимал их Дух.

Подивитесь, какая великая милость Божия к нам грешным. Мало что **потрудиться—и** чего сподобляется! Поэтому трудящимся можно смело говорить: трудитесь, есть из-за чего! (117, 27—29).

Легчайшее средство восхождения к непрерывности в молитве есть навыкновение молитве Иисусовой и вкоренение ее в себя. Опытнейшие в духовной жизни мужи, Богом вразумленные, нашли это одно простое и вместе вседейственное средство к утверждению духа во всех духовных деланиях, равно как и во всей духовной подвижнической жизни, и в наставлениях своих оставили подробные о ней правила. Епископ Феофан Затворник (117, 28—29).

Постарайся приучиться к молчанию, не помышляй ни о чем светном, занимаясь внимательно в страхе Божиим поучением твоим (умной молитвой) и в бодром состоянии, и **упокоиваясь** сном. Совершая это, не убоишься нападения лукавых. Изречения безымянных старцев (82, 394).

Достижение бесстрастия, освящения или, что то же, христианского совершенства, без стяжания умной молитвы невозможно... (1в8, 210).

Отцы... говорят следующее: «Хотя есть другие пути и роды жителства... благие делаения, руководствующие ко спасению... хотя есть подвиги и упражнения, вводящие в состояние раба и наемника... но путь умной **МОЛИТВЫ** — **ПУТЬ** царский, избранный. Он настолько возвышеннее... всех других подвигов, насколько душа превосходит тело: он возводит из земли и пепла в усыновление Богу» (108, 210).

При пострижении в монашество, когда новопостриженному вручаются четки, называемые... мечом духовным, завещается ему непрестанное денно-нощное моление молитвой Иисусовой... упражнение в молитве Иисусовой есть обет монаха (108, 205).

Уединение человека в самом себе не может совершиться иначе, как при посредстве внимательной молитвы, преимущественно же при посредстве внимательной молитвы Иисусовой (108, 206).

Внутренним деланием, умным, душевным деланием, умной молитвой, трезвением, хранением и блюдением ума, вниманием называется одно и то же: благоговейное, тщательное упражнение в молитве Иисусовой (108, 207).

Невозможно плавание корабля без воды, и блюдение ума не может состояться без трезвения, соединенного со смирением и с непрерывающейся молитвой Иисусовой (108, 209).

Желающий успешно заняться молитвой Иисусовой должен оградить себя и извне, и внутри поведением самым благоразумным, самым осторожным: падшее естество наше готово ежечасно изменить нам, предать нас; падшие духи с особенным неистовством и коварством преследуют упражнение молитвой Иисусовой. Нередко из непримеченных... неосторожности, небрежности и самонадеянности возникает... последствие, имеющее влияние на жизнь, на вечную участь подвижника (108, 211).

Правильное, благодатное действие молитвы Иисусовой может произрасти только из Духа Христова, и произрастает оно исключительно на одной этой почве. Зрение, слух и прочие чувства должны быть строго хранимы, чтобы через них, как через врата, не ворвались в душу супостаты (108, 211—212).

Справедливо называют отцы упражнение молитвой Иисусовой и тесным путем, и самоотвержением, и отречением от мира (108, 213).

Установил и заповедал священнойшую молитву Иисусову Сам Господь наш Иисус Христос... Господь в прошальной беседе с учениками Своими... даровал позволение и **заповедание** молиться именем Его... (108, 214).

Сила молитвы Иисусовой заключается в божественном имени Богочеловека, Господа и Бога нашего Иисуса Христа (108, 215).

В упражнении молитвой Иисусовой есть свое начало", своя **постепенность**, свой конец бесконечный. Необходимо начинать Упражнения с начала, а не с середины, и не с конца (108, 224).

... Начинают с середины те, которые без всякого предварительного приготовления усиливаются взойти умом в сердечный храм и оттуда воссылать молитву. С конца начинают те, которые ищут немедленно раскрыть в себе благодатную сладость молитвы и прочие благодатные действия ее. Должно начинать с начала, то есть совершать молитву со вниманием и благоговением, с целью покаяния, заботясь единственно о том, чтобы эти три качества постоянно сопровождали молитве... (108, 225).

Опыт не замедлит открыть уму молящегося теснейшую связь между заповедями Евангелия и молитвой Иисусовой (108, 226).

Истинное безмолвие состоит в усвоившейся сердцу Иисусовой молитве, и некоторые из святых отцов совершили подвиг сердечного безмолвия и затвора, окруженные молвой человеческой (108, 226).

При упражнении... молитвой Иисусовой, и вообще молитвой, вполне и со всей верностью предохраняет (от прелести) вид смирения, называемый плачем (108, 228).

Правильное упражнение молитвой Иисусовой вытекает само собою из правильных понятий о Боге, о всесвятном имени Господа Иисуса и об отношении человека к Богу (108, 259).

Слова молитвы (Иисусовой) должно произносить очень неспешно, даже протяжно, чтобы ум имел возможность заключаться в слова (108, 261).

Начинающему обучаться молитве Иисусовой очень помогает ежедневное келейное правило из известного числа земных и поясных поклонов, соответственно силам. Полагаются поклоны неспешно, с чувством покаяния, и при каждом поклоне произносится молитва Иисусова (108, 263).

Упражнение молитвой Иисусовой имеет два главнейших подразделения, или периода, оканчивающиеся чистой молитвой... В первом периоде предоставляется молиться при одном собственном усилии. Благодать Божия, несомненно, содействует молящемуся... но она не обнаруживает своего присутствия. В это время страсти, сокровенные в сердце, приходят в движение и возводят делателя молитвы к мученическому подвигу... Во втором периоде благодать Божия ощутимо являет свое присутствие и действие, соединяя ум с сердцем, доставляя возможность молиться непарительно... с сердечным плачем и теплотою, при этом греховные помыслы утрачивают насильственную власть над умом (108, 270—271).

Первоначальные плоды молитвы заключаются во внимании и умилении. Эти плоды являются прежде всех других от всякой правильно совершаемой молитвы, преимущественно же от молитвы Иисусовой... (108, 292).

Краткая молитва собирает ум, который если не будет привязан к поучению... то не может прекратить парения и скитания всюду (109, 194).

Скорби внешние и внутренние, долженствующие непременно повстречаться на поприще (молитвы Иисусовой), подобает преодо-

левать **верою**, мужеством, смирением, терпением и долготерпением, врачая покаянием уклонения и увлечения (108, 296).

Поучение вообще, в особенности Иисусова молитва, служит превосходным оружием против греховных помыслов (109, 194).

Молитва Иисусова и открывает присутствие бесов в человеке, и изгоняет их из человека (109, 246).

Когда увидим при упражнении Иисусовой молитвой особенное волнение и вскипание **страстей** — не придем... в уныние и недоумение. Напротив... ободримся и подготовимся к подвигу... как получившие... знамение, что молитва Иисусова начала производить... свойственное ей действие (109, 246—247).

В действии молитвы Иисусовой есть своя постепенность: сперва она действует на один ум, приводя его в состояние тишины и внимания. Потом начнет проникать к сердцу, возбуждая его от сна смертного и знаменуя оживление его явлением в нем чувств умиления и плача. Углубляясь еще далее, она мало-помалу начинает действовать во всех членах души и тела, отовсюду изгонять грех, повсюду уничтожать владычество, влияние и яд демонов (109, 249—250).

Молитва Иисусова возводит с земли на Небо делателя своего... и включает его в число небожителей. Пребывание умом и сердцем на Небе и в Боге... вот главный плод, вот цель молитвы. Отражение и поправление врагов, противодействующих достижению цели... дело второстепенное, оно не должно привлекать к себе всего... внимания, чтобы сознанием и созерцанием победы не дать входа высокоумию и самомнению... (109, 251).

Всем христианам можно и должно заниматься молитвой Иисусовой с целью покаяния и призывания Господа на помощь, заниматься со страхом Божиим и верой, с величайшим вниманием к мысли и словам молитвы, с сокрушением духа: но не всем дозволяется приступать к молитвенному священнодействию умом в сердечной клетке (109, 257).

Упражняющийся молением именем Господа Иисуса подвергается особнным гонениям дьявола (109, 300).

Упражнение молитвой Иисусовой по самому свойству этого упражнения требует непрерывного бодрствования над собой (109, 309).

Внимательная молитва, особенно молитва именем Господа нашего Иисуса Христа, при усилии соединить сердце с умом, обличает гнездящегося в сердечной глубине змея и, уязвляя его, побуждает к движению (109, 370).

Что же такое, могущее преисполнить радости, будет даровано Молящемуся именем Господа Иисуса? Будет дарован Дух Святой (112, 109).

Живая молитва Иисусова неразлучна с живым воспоминанием смерти, живое воспоминание о смерти сопряжено с живой Молитвой ко Господу Иисусу, упразднившему смертию смерть (112, 111).

Желающему непогрешительно заниматься молитвой Иисусовой надо поверять себя, свое упражнение ею частым чтением отеческих писаний (112, 114).

Сколько нужен пост для желающего заняться и преуспеть в умной молитве, столько нужно для него и безмолвие или крайнее уединение (109, 206).

Если... Господь сподобит положить тебе в основание молитвенного подвига незлобие, любовь, неосуждение ближних, милое извинение их, тогда с особенной легкостью и скоростью победишь противников твоих, достигнешь чистой молитвы (109, 212).

Делателю молитвы необходимо узнать и увидеть действие страстей и духов на кровь его. Не без причины говорит Священное Писание, что не только плоть, но и кровь Царствия Божия наследовать не могут (109, 213).

Занятию (умной, сердечной молитвой) приличествует возраст зрелый, при котором уже естественно укрощаются в человеке порывы... Но для зрелости недостаточно одного числа лет от рождения или от вступления в монастырь, зрелость должна наиболее истекать из продолжительного предварительного рассматривания себя, рассматривания не произвольного, но о Господе Иисусе Христе, при свете Евангелия... (109, 216).

Умное делание... просто и нуждается для принятия в младенческой простоте и вере; но мы сделались... сложными... Мы хотим быть умными, хотим оживлять свое «я», не терпим самоотвержения, не хотим действовать верою (109, 256).

Внутреннее делание, в соединении с болезнью сердца, приносит чистоту, а чистота — истинное безмолвие сердца; таким безмолвием доставляется смирение, а смирение соделывает человека жилищем Божиим (109, 291).

Учение о Божеской силе имени Иисусова имеет полное достоинство основного догмата и принадлежит к всесвятому числу и составу этих догматов (108, 222).

Имя Господа нашего Иисуса Христа — божественно; сила и действие этого имени — божественны, они — всемогущи и спасительны, они превыше нашего понятия, недоступны для него (108, 260).

Величие имени Иисуса превыше постижения разумных тварей земли и Неба, постижение его непостижимо приемлется младенческой простотой и верой (109, 240).

Имя Богочеловека получило в молитвенном служении важнейшее значение, будучи именем вочеловечившегося Бога, победителя возмутившихся рабов и созданий — демонов (109, 240).

Только нищий духом, непрестанно прилепляющийся молитвою к Господу по причине непрестанного ощущения нищеты своей, способен раскрыть в себе величие имени Иисуса (109, 241).

Во имя Господа Иисуса даруется оживление душе, умерщвлен-

ной грехом. Господь Иисус **Христос — Жизнь**. И имя **Его** — живое: Оно оживотворяет вопиющих им к источнику жизни, Господу Иисусу Христу (109, 243).

Между непостижимыми чудными свойствами имени Иисуса находится свойство и сила изгонять бесов (109, 245).

Имя **Господа — паче** всякого имени: оно источник утешения... радости... жизни: оно — дух; оно — животворит, изменяет, переплавляет, боготворит... **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (109, 252).

Брат спросил авву Пимена: «Что должно мне помышлять, безмолвствуя в келлии?» Старец отвечал: «Я подобен человеку, погрязшему в болоте по шею, с бременем на **шее — и** вопию к Богу: помилуй меня». Преподобный **Пимен Великий** (82, 329). Этим изречением изображается внутреннее делание Пимена Великого. Оно обратилось в молитвенный плач. «Помилуй **меня!**» — **это** выражение внедрившегося в душу плача. Плач, когда достигнет развития своего, не может облекаться в многомыслие и многословие: он довольствуется для выражения необъятного духовного ощущения самой краткой молитвой. **Епископ Игнатий** (Брянчанинов) (82, 329).

Брат сказал авве Сисою: «Усматриваю, что память Божия (умная молитва) постоянно пребывает во мне». Старец сказал: «Это не велико, что ум твой постоянно направлен к Богу, велико то, когда ты увидит себя худшим всякой твари». Преподобный Сисой Великий (82, 351). Старец сказал так по той причине, что истинное действие умной молитвы всегда основано на глубочайшем смирении и проистекает из него. Всякое иное действие умной молитвы неправильно и ведет к самообольщению и гибели. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (82, 351).

Степени молитвы

1. **Навыкновение** обычным **молитвословиям** в церкви и дома.
2. Сроднение молитвенных мыслей и чувств с умом и сердцем.
3. Непрестанная молитва. Молитва Иисусова может идти ко всем этим, но настоящее ее место при непрестанной молитве. Главное условие для успеха в молитве есть очищение сердца от страстей и всякого пристрастия к чему-либо чувственному. Без этого молитва все будет оставаться на первой ступени или питательная будет переходить в умно-сердечную, а когда оно совсем очистится, тогда водрузится и непрестанная молитва. Как вам действовать? В церкви следите за службой и держите те мысли и чувства, которые предлагаются богослужением. Дома возбудите в себе молитвенные мысли и чувства и держите их в **душе** при помощи Иисусовой молитвы (117, 29)

Молитва имеет разные степени. Сначала она есть только словесная молитва, но вместе с нею должна идти, ею разогреваться и поддерживаться молитва ума и сердца. Умно-сердечная **МОЛИТВА** получает затем самостоятельность и является то делательной, напрягаемой своими усилиями, то самодвижной, находящейся. В последнем виде она есть то же, что показанные влечения внутрь пред Бога: бывает современна им и из них развивается. Когда потом состояние, в котором бывает душа во время тех

влечений, станет постоянным, тогда умно-сердечная молитва становится непрестанно действующей. При этом прежние временные влечения перерождаются в состояние созерцания, при которых и из которых тогда раскрывается и созерцательная молитва. Созерцание есть пленение ума и всего сознания каким-либо духовным предметом столь сильное, что все внешнее забывается, выходит из сознания: ум и сознание уходят в предмет созерцательный, так что их уже будто нет в нас (117, 29—30).

«Всякою молитвою и прошением молиться во всякое время духом» (Еф. 6, 18). Указывая на необходимость молитвы, апостол тут же указывает и на то, какова должна быть молитва, чтобы быть услышанной. **Первое — молитесь**, говорит, всякою молитвою и прошением, то есть всеусердно, с болезнью сердца, с пламенным к Богу устремлением... **Второе — молитесь**, говорит, во всякое время. Этим заповедует он неотступность и неусыпность молитвы. Молитва должна быть не занятием известного времени, а состоянием духа всегдашним. Смотри, говорит святой Златоуст, не ограничивайся одним известным временем дня. Слышишь, что говорит? Во всякое время приступай к молитве, как и в другом месте сказано: «Непрестанно молитесь» (1 Сол. 5, 17). **Третье — молитесь**, говорит, духом, то есть молитва должна быть не внешняя только, но и внутренняя, умом в сердце совершаемая. В этом существе молитвы, которая есть возношение ума и сердца к Богу. Святые отцы различают умно-сердечную молитву от духовной. Первая творится сознательной самостоятельностью молящегося, а вторая находит и хотя создается, но движется сама помимо усилий молящегося. Эта молитва духовдвижная. Последней нельзя предписывать, ибо она не в нашей власти. Ее можно желать, искать и благодарно принимать, а не совершать, когда ни захочешь. Впрочем, у людей очищенных молитва большей частью бывает духовдвижной. Надо потому полагать, что апостол предписывает умно-сердечную молитву, когда говорит: молитесь духом. Можно прибавить: молитесь умно-сердечно, с желанием достигнуть и духовдвижной молитвы. Такая молитва держит душу сознательно пред лицом вездесущего Бога. Привлекая к себе и отражая от себя луч Божеский, она разгоняет врагов. Можно наверное положить, что душа в таком состоянии непреступна для бесов. Так только и можно молиться на всякое время и во всяком месте. Епископ Феофан Затворник (117, 30—31).

Как сказал апостол: «хочу лучше пять слов сказать умом моим... нежели тьму слов на незнакомом языке» (1 Кор. 14, 19). Следует же прежде всего этими пятичисленными словами очищать ум и сердце, говоря непрестанно в глубине сердечной: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя», и таким образом восходить на разумное пение. Потому что всякий новоначальный и страстный может творить эту молитву в блюдении сердца, петь же не должен прежде, чем предочистится умной молитвой». Архимандрит Паисий (Величковский) (117, 31).

Вопрос о молитве: «Как лучше **молиться — устами** или **умом?**» — **решен** первыми словами: «молиться иногда словами, иногда умом». Только пояснить надо, что и умом нельзя молиться без слов, только слова эти не слышатся, а там внутри, в сердце мысленно произносятся. Сказать это лучше так: молись иногда словами звучными, а иногда беззвучными, неслышными. Заботиться надо только о том, чтобы и звучная, и беззвучная молитва исходила из сердца (117, 31).

Дело молитвы этой просто: стань умом в сердце пред лицом Господа и взывай: Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, или

только: Господи, помилуй... Милостивый Господи, помилуй мя грешного... или другими какими словами. Сила не в словах, а в мыслях и чувствах (117, 31).

Молитва: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! есть словесная молитва, как и всякая другая. Сама в себе ничего особенного не имеет, а всю силу заимствует от того, с каким настроением ее творят.

Все приемы, про какие пишется (сесть, нагнуться)... или художественное творение этой молитвы, не всем годятся, и без наличного наставника опасны. Лучше за то не браться. Один прием общеобязателен: «вниманием стоять в сердце». Другое **все**—стороннее и к делу не ведущее прибавление.

О плодах этой молитвы так говорят, что уже выше этого и ничего на свете нет. Незаконно. Талисман нашли! Из плодов словесному составу молитвы и произнесению ее ничего не принадлежит. Все плоды могут быть получены и без этой молитвы, и даже без всякой словесной **МОЛИТВЫ**—через одно устремление ума и сердца к Богу.

Существо дела в том, чтобы «установиться в памяти Божией или ходить в присутствии Божию». Можно всякому сказать: «как хочешь, только добейся этого... Иисусову ли молитву **творить... поклоны ли** класть, в церковь ли ходить... что хочешь делай, только добейся того, чтобы быть всегда в памяти Божией». Помню, в Киеве я встретил человека, который говорил: «Никаких приемов не употреблял я, и молитвы Иисусовой не знал, а все, что тут пишется, было и есть. А как, я и сам того не знаю. Бог дал!»

Это—что Бог дал или **даст**—**надо** иметь целью, чтобы не смешать самодельщины с даром благодати.

Говорят: стяжи молитву Иисусову, то есть молитву внутреннюю. Молитва Иисусова есть хорошее к внутренней молитве средство, но сама по себе не внутренняя, а внешняя молитва. Те, которые навывают ей, очень хорошо делают. Но если на ней одной останавливаются, а дальше не идут, то они останавливаются на полдороге...

При молитве Иисусовой богомыслие все же необходимо, иначе это сухая пища. Хорошо, у кого навязло на языке имя Иисусово. Но можно при этом совсем не помнить о Господе и даже держать мысли, противные Ему. Следовательно, все зависит от сознательного и свободного обращения к Богу и труда держать себя в этом с рассуждением (117, **31—32**).

Богомыслие заменить молитвою Иисусовой можно, но какая в этом нужда? Их суть одна и та же. Богомыслие есть хранение в мысли какой-либо истины: Воплощения, крестной смерти, Воскресения, вездесущия и прочее, без всякого направления мысли (117, 32).

Делание молитвы Иисусовой просто: стать вниманием в сердце перед лицом Господа и взывать к Нему: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! Дело не в словах, а в вере, сокрушении и предании себя Господу: с этими чувствами можно предстоять Господу и без слов... и это будет молитва (117, 33).

Над молитвой Иисусовой трудитесь. Бог благословит. Но с навыкно-**вением** устно произносить эту молитву соедините память о Господе со страхом и благоговением. Главное **ведь**—ходить перед Богом, или под оком Божиим, с сознанием, что Бог смотрит на вас, на душу **вашу**—в ваше сердце, и там все видит... Это **сознание**—самый сильный рычаг в Движении внутренней духовной жизни (117, 33).

Соединять молитву Иисусову с дыханием, как вы делаете, **можно**. **Это** сказал кто-то из древних... Дыхание вместо четок (117, 33).

В молитве Иисусовой углубляйтесь сколько сил есть. Она соберет вас, даст ощутить силу в Господе и сделает, что вы

неотступно с Ним **будете**—и когда одна, и когда при людях, и когда хозяйничаете, и когда читаете или молитесь. Только силу этой молитвы полагайте не в повторении слов известных, а в обращении ума и сердца к Господу при этих словах. То и другое вместе (117, 33).

Молитва **Иисусова**—как и всякая другая; она сильнее всех только всеильным именем Иисуса, Господа и Спасителя, когда оно призывается с верой полной, теплой, не колеблющейся, что Он близ есть, все видит и слышит, и тому, чего просят, вседушно внимает, и готов исполнить и даровать просимое. Упование такое не посрамляет. Если замедляется иногда исполнение, это зависит от неготовности просящего принять просимое (117, 33).

Молиться с помышлением о том, что говорят слова молитвы, все же есть молитва, только хромая на одну ногу. Молитва перестает быть молитвой, когда внимание отходит от слов молитвы... Когда же сознание при молитве... это молитва, хоть неудовлетворительная. Чувство придет... но надо и напрягать себя на него (117, 33—34).

Молитва **Иисусова**—не талисман какой. Сила ее от веры в Господа и глубокого сочетания с Ним сердца и ума. При таких расположениях призываемое имя Господа оказывается многодейственным. Одно повторение слов ничего не значит (117, 34).

Прочное умиротворение мыслей есть дар Божий; но дар этот не дается без усиленных собственных трудов. И одними своими трудами вы ничего не достигнете, и Бог ничего вам не даст, если не потрудитесь **всеусильно**. Таков закон непреложный (117, 34).

А какой именно здесь труд надо употреблять, я уже не раз упоминал: не позволять произвольно блуждать мыслям, а когда невольно отбегут, тотчас возвращать их назад, укоряя себя, жалея и болезнуя об этом нестроении. Святой Лествичник на это говорит, что «надо с усилием заключать ум свой в слова молитвы» (117, 34).

Никогда не должно считать установившимся никакого духовного делания, и тем более молитву, а всегда так себя иметь, как бы в первый раз начинали ее совершать. Что делается в первый раз, тому отдается и первое усердие. Если будете так приступать к молитве, будто вы никогда еще не молились, как должно, и теперь только в первый раз хотите сделать это, то всегда будете молитву свою совершать с первым усердием. И она будет идти хорошо.

Если в молитве не будете успевать, не ждите успеха и ни в чем другом. Она корень всего. Епископ Феофан Затворник (117, 34).

Непрестанная молитва

Из богомыслия иной предмет ближе других приляжет к сердцу. Тогда на нем после окончания этого дела надо остановиться и им подольше питать себя. Этим **пролагается** путь к непрестанной молитве (117, 34).

Вознести умом к Господу и с сокрушением сказать: «Господи, помилуй! Господи, благослови! Господи, помоги!» есть молитвенный вопль. А если возродится и будет в сердце чувство к Богу,

то это будет непрестанная молитва без слов и без стояния на молитве (117, 34—35).

«Непрестанно молитесь» (1 Сол. 5, 17). И в других Посланиях святой Павел заповедует: «будьте... в молитве постоянны» (Рим. 12, 12) «будьте постоянны в молитве, бодрствуя в ней с благодарением» (Кол. 4, 2), «всякою молитвою и прошением молитесь во всякое время духом» (Еф. 6, 18). Постоянству и неотступности в молитве научает и Сам Спаситель притчею о вдовице, неотступностью прошения умолившей неправедного судью (Лк. 18, 1—8). Видно, что непрестанная **молитва** — не случайное предписание, а неотъемлемая черта духа христианского. Жизнь христианина по апостолу, «сокрыта со Христом в Боге» (Кол. 3, 3). В Боге должен и пребывать он неотлучно вниманием и чувством, что и есть непрестанная молитва. С другой стороны, всякий христианин есть «храм Божий», в котором живет «Дух Божий» (1 Кор. 3, 16; 6, 19; Рим. 8, 9). Этот-то «Дух», всегда в нем пребывающий и ходатайствующий, молится о нем всегда «воздыханиями неизреченными» (Рим. 8, 26), научая его самого непрестанной молитве.

Самое первое воздействие благодати Божией, обращающей к Богу грешника, обнаруживается устремлением его ума и сердца к Богу. Когда потом, по покаянии и посвящении жизни своей Богу, благодать Божия, действовавшая извне, через Таинства низойдет в него и пребудет в нем, тогда делается в нем неизменным и всегдашним и то устремление ума и сердца к Богу, в котором существо молитвы. Оно обнаруживается в разных степенях и, как всякий другой дар, должно быть возгреваемо (2 Тим. 1, 16). Возгревается же по роду своему: трудом молитвенным, и особенно терпеливым и целесообразным пребыванием в молитвах церковных. Непрестанно молись, трудись в **молитве — приобретешь** непрестанную молитву, которая сама уже станет совершаться в сердце без особых напряжений. Всякому очевидно, что заповедь святого апостола не исполняется одним совершением положенных молитв в известные часы, но требует вседневного хождения перед Богом, посвящения всех дел Богу, всевидящему и вседесущему, возгреванием теплого обращения к Нему умом в сердце. Вся жизнь, во всех ее проявлениях, должна быть проникнута молитвой. Тайна же ее в любви к Господу. Как невеста, возлюбившая жениха, не разлучается с ним памятью и чувством, так душа, сочетающаяся с Господом любовью, неотступно с Ним пребывает, обращая к Нему теплые беседы из сердца. «Соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (1 Кор. 6, 17) (117, **35—36**).

Помню, у Василия Великого вопрос о том, как апостолы могли непрестанно молиться, решается так: они при всех своих делах о Боге помышляли и жили в непрестанной преданности Богу. Это настроение духа было их непрестанной молитвой (117, 36).

Жалеете, что молитва Иисусова не бывает непрерывной, что не производите **непрестанно**, — это и не требуется... требуется постоянное чувство к Богу, которое может иметь место и при разговоре, и при чтении, и при наблюдении и рассматривании чего-либо... Но как молитва Иисусова, когда вы молитесь ею, бывает в настоящем виде, то продолжайте так действовать, и молитва эта... расширит область свою (117, 36).

Иногда все время, назначенное для правила, можно провести в **чтении** одного псалма на память, составляя из всякого стиха свою Молитву. **Еще** — иногда можно все правило провести в молитве Иисусовой **и** поклонами... А то из того, другого и третьего понемногу взять. Богу сердце нужно (Притч. 23, 26), и коль скоро оно благоговейно пред Ним

стоит, то и довольно. Непрестанная молитва в этом и состоит, чтобы всегда благоговейно стоять пред Богом. А при этом правило есть только подпопка, или подбрасывание **дров** в печь. Епископ Феофан Затворник (117, 36).

Прежде всего приносите молитву непрестанную, не прерывая ее, и за все случающееся с вами благодарите Бога. Преподобный Антоний Великий (82, 21).

Понуждайте себя постоянно пребывать в молитве и молении пред Господом, да дарует вам простоту и незлобие... (82, 180).

Принудь себя к обильным молитвам, соединенным с плачем,— и Бог, в свое время, умиосердится над тобою, совлечет с тебя ветхого согрешающего человека. Преподобный авва **Исаия** (82, 188).

Понудь себя к непрестанному труду молитвы пред Богом в сердце, носящем помысел чистый, исполненный умиления, и Бог сохранит твой ум от нечистых и скверных помыслов. Преподобный Исаак Сирин (82, 249).

Чтобы легко провести настоящую жизнь, очиститься от грехов и с дерзновением предстать перед престолом Христовым, будем неустанно готовить себя молитвами, слезами, усердием, простоянием и терпением (35, 456).

Где бы ты ни был, везде можешь поставить (молитвенный) жертвенник. Прояви только бодрую волю, и не мешает тебе ни место, ни время, хотя ты и не преклонишь колен, не станешь бить себя в грудь и простирать руки к небу, а только покажешь горячую душу, ты этим исполнишь все нужное для молитвы (38, 820).

Не станем говорить в свое оправдание, что дом молитвы **неблизко,—благодать** Духа нас самих сделала храмами Божиими; если только мы бдительны, молиться для нас везде легко (38, 820).

Место нисколько не препятствует молитве, только бы настроение души соответствовало молитве (39, 429).

Если для слепого **бедствие** — не видеть солнца, то сколь велико бедствие для **христианина** — не молиться непрерывно и не вводить посредством молитвы в свою душу свет Христов (36, 831).

Человеку, бодрствующему и внимательному, имеющему пламенную любовь к Богу, ничто никогда не может препятствовать беседовать с Богом (37, 162).

Так как нам, людям, свойственно впадать в беспечность, когда проходит час, другой, третий после молитвы, и ты видишь, что возбужденный в тебе жар (ревности) готов мало-помалу охладеть, спеши тотчас опять на молитву и согрей свою охлажденную душу. Если будешь делать это в продолжение всего дня, то не дашь диаволу доступа и входа к твоим мыслям (38, 818).

Перелагай все житейские дела твои частыми молитвами, как бы связями из бревен, и таким образом со всех сторон огради жизнь свою (38, 819).

Лучше умереть, чем быть лишенным молитвы в течение только трех дней (36, 833).

Демоны непрестанно ходят вокруг, наблюдая за нами, чтобы неукрепленного молитвой быстро захватить в плен. Если же заметят, что мы ограждены молитвой, тотчас поспешно убегают, как разбойники и злодеи, видящие меч воина (36, 836).

Для молитвы нужно не столько слово, сколько мысль; не столько движение рук, сколько напряжение души; не положение тела, а расположение духа. Не будем же оправдываться тем, что нелегко молиться человеку, обремененному житейскими делами, что нет близости молитвенного дома... Где бы ты ни был, молись, **ты** — храм Божий. Святитель Иоанн Златоуст (42, 491).

Научимся же, прежде всего, возносить молитвенную жертву Господу, когда предпринимаем что-нибудь, беремся за какое-нибудь дело или отправляемся в путешествие, и не иначе как испросив Его помощи, будем начинать дело (7, 698).

И между делами совершай молитву, благодаря Того, Кто дал силу рук на дела и мудрость ума на приобретение знаний. Святитель Василий Великий (8, 149).

Истинному монаху подобает непрестанно молиться и петь в сердце своем. Святой Епифаний (82, 108).

Много беседуй с Богом, мало говори с людьми, памятуй всегда Бога, и ум твой сделается небом (27, 147).

Пребывай в молитве: Господь любит постоянного молитвенника и являет **ему** щедроты Свои. Преподобный Ефрем Сирий (28, 284).

«На всяком месте» молитесь. Так говорит апостол: «желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздвывая чистые руки без гнева и сомнения» (1 Тим. 2, 8). Когда мы стоим, сидим, ходим, отдыхаем, делая что-нибудь руками, в уединении и в собрании можно молиться. Ибо всегда, на всяком месте и во всех наших делах, и во время еды и питья, и в богоугодных беседах можем наш ум и сердце возводить к Богу, со смирением и верою предлагать наши нужды, и милости у Него просить, и говорить: «Господи, помилуй!» Так Моисей посреди многочисленного народа, который вывел из Египта, и когда увидел их в опасности, умом и сердцем воззвал к Богу, хотя Его словесная молитва и не изображается в Писании, но Бог сказал ему: «что ты вопиешь ко Мне?» (Исх. 14, 15). Езекия, благочестивый царь, лежа на одре, молился, и услышал его Бог (Ис. 38, 2—8). Иона во чреве кита молился, и услышан Богом (Иона 2, 2—11). Три отрока в печи огненной молились, и были спасены (Дан. 3, 23—51). Бог смотрит не на внешний образ и расположение тела, каково оно, но на сердце, смирение и веру и желание сердечное. Поэтому и написано: «Ты слышишь желания смиренных; укрепи сердце их; открой ухо Твое» (Пс. 9, 38) Святитель Тихон Задонский (104, 1101—1102).

Научись молиться Богу правильно. Научившись молиться правильно, молись постоянно, и удобно наследуешь спасение (108, 140).

Блаженна душа, которая молитвой непрестанно стучится в Двери милосердия Божия... она возрадуется в свое время о чистоте своей и о бесстрастии своем (108, 142).

В обществе ли ты людей, или находишься наедине, старайся постоянно углубляться во внутреннюю душевную клеть твою, затворять двери чувств и языка, молиться тайно умом и сердцем (108, 156).

В обществе человеческом должно молиться одним умом, а наедине и умом, и устами, несколько вслух себе одному (108, 225).

Возлюби подвиг молитвы, возлюби уединение в вещественной келлии. Затворяй двери ее для себя и для других... «Пребывай в келлии **твоей**, — сказали святые **отцы**, — и она научит тебя всему», то есть монашескому жительству, которое все сосредоточивается в молитве (109, 156).

В жертву любви к молитве принеси наслаждения чувствами и наслаждения умственные... храни душу твою от всех внешних впечатлений, чтобы в ней запечатлелся, при посредстве молитвы, Бог (108, 157).

Если хочешь посвятить душу твою делу молитвы, удали себя от видения мира, откажись от общества человеческого и от обычного принятия друзей в твою келлию даже под предлогом любви (108, 158).

Будем молиться постоянно, терпеливо, настойчиво. Бог в свое время даст благодатную, чистую молитву тому, кто не покидает малодушно молитвенного подвига, когда молитва долго не поддается ему (108, 292).

Вред от промежутков или от периодического оставления молитвенного подвига подобен вреду, происходящему от совершенного оставления; вред этот тем значительнее, чем промежуток продолжительнее (108, 296).

Господь заповедал постоянную, то есть учащаемую и непрестанную молитву... повелел просить усиленно, неотступно, соединил с повелением **просить — обетования** услышать и исполнить прошение (108, 515).

Христианин тогда получает непрестанную молитву, когда воля его и зависящая от воли деятельность будут поглощены разумением, желанием и исполнением воли Божией (109, 138).

За терпение и постоянство получаем дар молитвы (109, 167).

Отчего непрестанная молитва или непрестанное памятование Бога называется поучением? Оттого, что подвижники, на делание которых низошла роса божественной благодати, обрели в повторяемой ими краткой молитве духовный глубочайший смысл... и сделался для них краткий стих... в точном смысле поучением (109, 198).

Нужна вера для постоянства в молитвенном подвиге; нужны постоянство терпения и долготерпения, нужны отвержения ложного стыда и настойчивость, чтобы подвиг принес чудный плод свой (111, 336—337).

Непрестанная молитва не может быть достоянием новоначального инока, но, чтобы сделаться способным в свое время к непрестанной молитве, он должен приучиться к частой молитве (112, 112).

От непрестанной молитвы подвижник приходит в нищету духовную: приучаясь непрестанно просить Божией помощи, он постепенно теряет упование на себя, если сделает что благопоспешно, видит в том не свой успех, а милость Божию, о которой он непрестанно умоляет Бога. Непрестанная молитва руководствует к стяжанию веры, потому что непрестанно молящийся начинает

постепенно ощущать присутствие Бога. Это ощущение мало-помалу может возрасти и усилиться до того, что око ума яснее будет видеть Бога в Промысле Его, чем чувственное видит око вещественные предметы мира; сердце ощутит присутствие Бога. Узревший таким образом Бога и ощутивший Его присутствие не может не уверовать в Него живой верой, являемой делами. Непрестанная молитва уничтожает лукавство надеждой на Бога, вводит в святую простоту, отучая ум от разнообразных помыслов, от составления замыслов относительно себя и ближних, всегда содержа его в скудости и смирении мыслей, составляющих его поучение. Непрестанно молящийся постепенно теряет навык к мечтательности, рассеянности, суетной заботливости и многопопечительности, теряет тем более, чем более святое и смиренное поучение будет углубляться в его душу и укореняться в ней. Наконец он может прийти в состояние младенчества, заповеданное Евангелием, сделаться безумным ради Христа, то есть утратить лжеименный разум мира и получить от Бога разум духовный. Непрестанной молитвой уничтожается любопытство, мнительность, подозрительность. От этого все люди начинают казаться добрыми; а от такого сердечного залога к людям рождается к ним любовь. Непрестанно молящийся пребывает непрестанно в Господе, познает Господа как Господа, стяжает страх Господень, страхом входит в чистоту, чистотой — в Божественную любовь. Любовь Божия исполняет храм свой дарованиями Духа. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (117, 36—37).**

Умно-сердечная молитва

Умная молитва состоит в том, чтобы умом в сердце предстоять пред Богом или просто, или изъявлением прошений, благодарения и славословия... Постоянно привыкать к тому, чтобы находиться в общении с Богом, помимо всяких образов, всякого размышления, всякого ощутительного движения мысли. Вот это настоящие выражения! В этом именно и состоит существо умной молитвы, или предстояния умом в сердце пред Богом. Умная молитва бывает в двух состояниях: она есть или трудовая, когда человек сам напрягается на нее, или самодвижная, когда она сама собою стоит и действует. Последнее бывает во время помянутого влечения, а первое должно составлять постоянный наш труд. Хоть он сам по себе не бывает успешен, ибо мысли все расхищаются, но, свидетельствуя о нашем желании и усилии иметь постоянную молитву, привлекает милость **Господню — и** Бог за этот труд подает, по временам, то влечение внутрь, при котором умная молитва является в настоящем своем виде.

Умом в сердце проходить молитву Иисусову, без движения языка, можно. Это лучше произносимой молитвы. Произносимая пусть бывает в пособие умной... Иногда произносимая молитва требуется для твердости умной **(117, 38).**

В действии молитвы Иисусовой не должно быть никакого образа, посредствующего между умом и Господом, и слова **произносимые — не** главное, а посредствующее. **Главное — умное**

пред Господом в сердце **предстояние**. Вот умная молитва, а не слова. Слова здесь то же суть, что слова всякой другой молитвы. Существо умной молитвы в хождении пред Богом, а хождение пред Богом есть неотходящее от сознания убеждение, что Бог как везде есть, так и в вас есть, и видит все ваше внутреннее, видит даже более, нежели вы сами. Это сознание ока Божия, смотрящего внутрь вас, тоже не должно иметь образа, а все должно состоять в одном простом убеждении, или чувстве. Кто в теплой комнате, тот чувствует, как теплота охватывает его и проникает. То же должно происходить и в духовном нашем человеке от вездесущего и всеобъемлющего Бога, Который есть огонь. Слова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», хоть есть орудие, а не существо дела, но орудие очень сильное и многодейственное, ибо имя Господа Иисуса страшно для врагов нашего спасения и благословительно для ищущих Его. Не забудьте, что дело это просто и никаких причудливостей не имеет и не должно иметь. Молитесь о всем Господу, Пречистой Владычице и Ангелу Хранителю, и они вас всему **научат** — или сами, или через других. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (117, 38—39).**

Ты, верно, слыхал такие слова: словесная молитва, мысленная молитва, сердечная молитва; слышал, притом, может, и рассуждения о каждой из них особо. Отчего происходит такое разложение молитвы на ее части? Оттого, что по нашей оплошности бывает, что иной раз язык произносит святые слова молитвы, а ум блуждает невесть где, или и ум понимает слова молитвы, а сердце не отзывается на них чувством. В первом случае молитва бывает только словесная, и совсем не есть молитва; во **втором** — с словесной соединяется и молитва мысленная, и это есть молитва несовершенная, неполная. Полная и настоящая молитва есть, когда со словом молитвенным и молитвенной мыслью сочетается и молитвенное чувство. Преподобный **Никодим Святгорец** (117, 39).

Умная, или внутренняя, молитва есть, когда молящийся, собрав ум внутрь сердца, оттуда не гласным, но безмолвным словом воссылает к Богу молитву свою, славословя Его и благодаря, сокрушенно исповедуя пред Ним грехи свои и испрашивая у Него необходимых благ, духовных и телесных. Не словом только надо молиться, но и умом, и не умом только, но и сердцем, да ясно видит и понимает ум, что произносится словом, и сердце да чувствует, что помышляет при этом ум. Все это в совокупности и есть настоящая молитва, и если нет в молитве твоей чего-либо из этого, то она или несовершенная молитва, или совсем не молитва (117, 39).

Покаявшийся шествует к Господу. Путь к Нему, собственно, есть внутренний путь, в уме и сердце совершающийся. Так надо настроить помышление ума и расположение сердца, чтобы дух человека был всегда с Господом, являлся приступившим к Нему. Кто таков, тот непрестанно просвещается внутренним просвещением, приемлет на себя лучи умного света (Блаженный Феодорит), подобно Моисею, у которого прославилось лицо на горе от сопребывания с Богом. Об этом в другом месте говорит святой Давид «Яви нам свет лица Твоего, Господи!» (Пс. 4, 7). Приспособленное к этому средство есть умная, в сердце совершаемая молитва. Когда она образуется, тогда только и проясняется взор

ума; и дух, ясно видя Бога, получает от Него силу и видеть, и отгонять все, что может устыдить его пред Богом. Между тем не мало таких, которые надеются приступить к Богу одними внешними делами и подвигами. Надеются, но не приступают, ибо не тем путем идут. И вот к ним воззвание: приступите к Богу умом и сердцем и просветитесь, и перестанете быть устыжаемы врагом, который при внешней вашей исправности непрестанно одолевает вас и постыжает в помыслах и чувствах сердца. Умное и сердечное припадание к Богу подаст вам силу возобладать над всеми другими движениями души и тем посрамлять врага, когда он покусится посрамить вас (117, 39—40).

Заботу вашу об умном предстоянии Богу благослови Господи. Ищите и обрящете. Это неотложный закон для всего желаемого на пути преуспевания духовного. Даром ничто не приходит. Помощь Божия всегда готова и всегда близ, но она уделяется только ищущим и трудящимся, и притом тогда, когда ищущие до конца испытают все свои средства... и полным сердцем начнут взывать: «Господи, помоги!» А пока остается хоть малое ожидание чего-либо от своих способов, Господь не вмешивается сюда, как бы говоря: «Надеешься сам достигнуть? Ну и жди...» Но сколько ни будешь ждать, ничего не будет. Даруй вам Господи дух сокрушенный, сердце сокрушенное и смиренное! Епископ Феофан Затворник (117, 40).

Молитва, движимая Святым духом

Как вся сила законов и заповедей, какие Бог дал людям, по слову отцов, имеет пределом чистоту сердца, так все роды и виды молитвы, какими люди молятся Богу, имеют пределом чистую молитву. Ибо и воздыхания, и коленопреклонения, и сердечные прошения, и сладчайший плач, и все виды молитвы, как сказал я, имеют пределом чистую молитву и только до нее имеют возможность простираться. А когда достигнута молитвенная и даже внутренняя чистота, тогда ум, как только преступит этот предел, уже не будет иметь ни дерзновения на молитву, ни молитвенного движения, ни плача, ни власти, ни свободы, ни прошения, ни желания, ни услаждения чем-либо из того, на что уповает в этой жизни или в Будущем Веке. И поэтому-то после чистой молитвы нет иной молитвы. Только до этого предела всякое молитвенное движение и все виды молитвы доводят ум властью свободы. Потому и подвиг в этой молитве. А за этим пределом будет уже изумление, а не молитва: потому что все молитвенное прекращается и наступает некое созерцание, и не молитвою молится ум. Всякая, какого бы то ни было рода молитва совершается посредством движений; но как только ум входит в духовные **движения**, там он уже не имеет молитвы. Иное **дело** — молитва, а **иное** — **созерцание** в молитве, хотя молитва и созерцание заимствуют себе начало друг в друге. Молитва есть сеяние, а **созерцание** — **собираение** снопов, при котором жнуший приводится в изумление неизреченным видением, как из малых и голых посеянных им зерен вдруг произросли перед ним такие красивые

колосья. И он в собственном своем делании пребывает без всякого движения, потому что всякая совершаемая молитва есть моление, заключающее в себе или прошение, или благодарение, или хваление. Рассмотрим же внимательнее, возможен ли какой-нибудь из этих видов молитвы, например прошение, когда ум переступает такой предел и входит в эту область? Ибо спрашиваю об этом того, кто знает истину. Но не всем доступна такая рассудительность, а только тем, которые стали зрителями и служителями этого дела или учились у таких отцов и из уст их познали истину и в этих и подобных этим исканиях провели свою **жизнь**.

Как из многих тысяч едва находится один, исполнивший заповеди и все законное с малым недостатком и достигший душевной чистоты, так из тысячи разве один найдется при великой осторожности сподобившийся достигнуть **чистой молитвы**, расторгнуть этот предел и принять это таинство. Потому что чистой молитвы никак не могли сподобиться многие, сподобились же весьма редкие. А достигшего того таинства, которое уже за этой молитвой, можно найти, по благодати Божией, одного из рода в род.

Молитва есть моление и попечение о чем-либо, например об избавлении от здешних и будущих искушений или вожделение наследия отцов, притом моление, которым человек приобретает себе помощь от Бога. Этими движениями и ограничиваются движения молитвенные. А чистота и нечистота молитвы зависят от следующего: как только в то самое время, когда ум готовится принести одно из названных нами своих движений, к нему примешивается какая-либо посторонняя мысль или беспокойство о чем-нибудь, тогда эта молитва не называется чистой, потому что не от чистых животных принес ум на жертвенник Господень, то есть на **сердце — этот** духовный Божий жертвенник. А если бы кто упомянул об этой молитве, у отцов называемой духовной, и, не поняв силы отеческих изречений, сказал, что эта молитва в пределах молитвы духовной, то думаю, если точнее вникнуть в это понятие, хульно будет сказать какой-либо твари, будто вполне преклоняется духовная молитва. Ибо молитва преклоняющаяся ниже духовной. Всякая же духовная молитва свободна от движений. Если едва ли кто молится чистой молитвой, что же можем сказать о молитве духовной? У святых отцов было в обычае все добрые движения и духовные делания называть молитвой. И не только отцы, но и все, которые просвещены видением, склонны всякое прекрасное делание считать почти тем же, что и молитва. Явно же, что иное **дело — молитва**, а **иное — совершаемые** дела. Иногда эту так называемую духовную молитву в одном месте называют путем, а в **другом — ведением**, в **третьем — умным видением**. Видишь, как отцы изменяют название предметов духовных? Ибо точное значение понятий установлено для предметов здешних, а для явлений Будущего Века нет подлинного и истинного названия, есть же о них одно простое ведение, которое выше всякого названия и всякого составного начала, образа, цвета, очертания и всех словесных определений. Поэтому, когда

душевное ведение возносится из видимого мира, тогда отцы для обозначения его употребляют названия, какие хотят, так как точных определений никто не знает. Но, чтобы дать представление об этом ведении, они употребляют названия и условные обозначения, притчи, по изречению святого Дионисия, который говорит, что, низводя сверхчужственное к доступному чувствам, употребляем притчи, слова, соответствующие имени и определения. Когда же действием Духа душа подвигнута к божественному, тогда для нас излишни и чувства, и их деятельность, равно как излишни и духовные силы для души, когда она, по **непостижимо**му единству становится подобной Божеству и в своих движениях озаряется лучом высшего Света.

Наконец, поверь, брат, что ум имеет возможность различать свои движения только до предела чистой молитвы. Если же достигает ее и не возвращается обратно или не оставляет молитвы, тогда молитва делается как бы посредницей между молитвой душевной и духовной. И когда ум в движении, тогда он в душевной области, но как только вступает в высшую область, прекращается и молитва. Ибо святые в Будущем Веке, когда ум их поглощен Духом, не молитвою молятся, но с изумлением водворяются в доставляющей им блаженство славе. Так бывает и с нами. Когда ум сподобится ощутить будущее блаженство, он забывает и самого себя, и все здешнее, и уже не будет иметь в себе движения к чему-либо. Поэтому можно с уверенностью сказать, что свобода воли направляет и приводит в движение посредством чувств всякую добродетель и всякую молитву, совершаемую телесно или мысленно, и даже самый **ум**—этого царя страстей. Когда же утвердится господство и контроль Духа над **умом**—этим правителем чувств и **помыслов**,—тогда отнимается свободная воля у природы, и она направляется, а не направляет. Где же тогда будет молитва, когда природа не имеет над собою власти, но направляется иною силою в область неведомого и не может дать движений мыслям по желанию своему, но в это время овладевается пленившей ее силою и не чувствует, куда эта сила ведет ее? Тогда человек не имеет воли и даже не знает, в теле он или вне тела, по свидетельству Писания (2 Кор. 12, 2). И останется ли уже молитва в том, кто настолько пленен, что не сознает самого себя? Поэтому никто да не произносит хулы и да не дерзнет утверждать, что нужно молиться духовной молитвой. Такой дерзости предаются те, которые молятся с кичливостью, невежды в познании, лживо говорящие о себе, будто бы, когда хотят, молятся они духовной молитвой. А смиренномудрые и понимающие дело соглашаются учиться у отцов и знать пределы естества, не позволяют себе предаваться таким дерзким мыслям.

Почему же эта неизреченная благодать, если она уже не молитва, именуется молитвой?

Причина этому, как утверждаем, та, что благодать эта дается Достойным во время молитвы и свое начало имеет в молитве, так как, по свидетельству отцов, кроме подобного времени, нет и **места** посещению этой достославной благодати. Это состояние называют молитвой, потому что молитва ведет ум к этому

блаженству и потому что молитва **бывает** его причиной; в другое же время его не бывает, как показывают отеческие писания. Ибо знаем, что многие святые, как повествуется и в их житиях, встав на молитву, были восхищаемы умом.

Но если кто спросит, почему же только в это время бывают эти великие и неизреченные дарования, ответим: потому что в это время более, нежели во всякое другое, человек бывает собран в себя и приготовлен к тому, чтобы внимать Богу, желает и ожидает от Него милости. Короче говоря, это есть время стояния при вратах царских, чтобы умолять царя, потому и прошение умоляющего и призывающего исполняется в это время. Ибо бывает ли какое-нибудь другое время, в которое бы человек был так подготовлен и так наблюдал за собой, кроме времени, когда он приступает к молитве? Разве достойнее он получения чего-либо такого в то время, когда спит, или занят работой, или когда ум его возмущен? Даже и святые, хотя не имеют праздного времени, потому что всякий час заняты духовным, однако и у них бывает время, когда они не готовы к молитве. Ибо нередко занимаются или помышлением о чем-либо, встречающемся в жизни, или рассматриванием творения, или чем-нибудь иным действительно полезным. Но во время молитвы созерцание ума устремлено к одному Богу и к Нему направляет все свои движения, Ему от сердца, со старанием и непрестанной горячностью приносит моления. И поэтому-то в такое время, когда у души бывает одно-единственное попечение, прилично источаться Божественному благоволению. И вот видим, что, когда священник приготовится, станет на молитву, умиловивля Бога, молясь и собирая свой ум воедино, тогда Дух Святой нисходит на хлеб и вино, предложенные на жертвеннике. И Захарии во время молитвы явился Ангел и предвозвестил рождение Иоанна. И Петру, когда он во время шестого часа молился в горнице, явилось видение, направившее его к призванию язычников снисшедшей с Неба плащаницей- и заключенными в ней животными. И Корнилию во время молитвы явился Ангел и сказал написанное о нем. И также Иисусу, сыну **Навина**, говорил Бог, когда в молитве преклонился он на лицо свое. И с очистилища, бывшего над Кивотом, откуда священник обо всем, что нужно было знать, был тайноводствуем видениями от **Бога**— в то самое время, когда архиерей единожды в год, в страшное время молитвы, при собрании всех колен сынов израилевых, стоявших на молитве во внешней скинии, входил во святое святых и повергался на лицо **свое**,— слышал он **Божии** глаголы в страшном и неизреченном видении. О, как страшно это таинство, которому служил при этом архиерей! Так и все видения святым бывают во время молитвы. Ибо какое другое время так свято и по святости своей столь достойно принятия дарований, как время молитвы, в которое человек собеседует с Богом? В это время, в которое совершаются молитвословия и моления перед Богом и собеседование с Ним, человек с усилием отовсюду собирает воедино все свои движения и помышления, и погружается мыслью в одного Бога, и сердце его бывает наполнено Богом, и оттого постигает он непостижимое. Ибо Дух Святой, по мере

сил каждого, **действует** в нем, и **действует**, заимствуя повод к действию из того самого, о чем кто молится; так что внимательно-стью молитва лишается движения и ум поражается и поглощается изумлением и забывает о желаниях своего собственного прошения, и в глубокое упование погружаются движения его, и бывает он не в этом мире. И тогда не останется там различия между душой и телом, ни памяти о чем-либо, как сказал божественный и великий Григорий [папа Римский]: «Молитва есть чистота ума, которая одна, при изумлении человека, озаряется Светом Святой Троицы». Видишь ли, как преображается молитва приходящих от нее в изумление при постижении того, что рождается от нее в уме, как было сказано мною в начале этого писания и во многих других местах? И еще, тот же Григорий говорит: «Чистота ума есть его вознесение. Она уподобляется небесному цветку, и в ней во время молитвы сияет Свет Святой Троицы».

...Когда ум совлечется ветхого человека и облечется в человека нового, благодатного, тогда узрит чистоту свою, подобную небесному цветку, который старейшины сынов израилевых называли местом Божиим (Исх. 24, 10), когда Бог явился им на горе. Поэтому, как говорил я, этот дар и эту благодать нужно называть не духовной молитвой, но порождением молитвы чистой, ниспосылаемой Духом Святым. Тогда ум бывает **там** — выше молитвы, и с обретением лучшего молитва оставляется. И не молитвою тогда молится ум, но бывает в восхищении, при созерцании **непостижимого** — того, что за пределами мира смертных, и умолкает в неведении всего здешнего. Именно это неведение и называется превосходящим ведение. Об этом-то неведении говорится: блажен постигший неведение, неразлучное с молитвой... (55, 68—75).

Иное дело — **молитвенное** услаждение, а **иное** — **молитвенное** созерцание. Последнее в такой мере выше первого, в какой совершенный человек выше несовершенного отрока. Иногда стихи делаются сладостными в устах, и стихословие одного стиха в молитве неисчислимо продолжается, не позволяя переходить к другому стиху, и молящийся не знает насыщения. Иногда же от молитвы рождается некое созерцание, и оно прерывает устную молитву, и молящийся приходит в изумление от созерцания, цепenea телом. Такое состояние мы называем молитвенное созерцание, а не видение и образ, или мечтательный призрак чего-либо, как говорят неосведомленные. И еще: в этом молитвенном созерцании есть мера и различие дарований, и это еще молитва, потому что ум не перешел туда, где уже нет **молитвы**, — в такое состояние, которое выше молитвы. Ибо движения языка и сердца в молитве суть ключи; а что после этого, то уже есть вход в сокровенные клетки. Здесь да умолкнут всякие уста, всякий язык; Да умолкнет и **сердце** — этот распорядитель помыслов, и **ум** — этот правитель чувств, и **мысль** — эта быстрокрылая бесстыдная птица, и да прекратится всякое их ухищрение. Здесь да остановятся ищущие, потому что пришел Домовладыка (55, 67—68).

Достигший (непрестанного пребывания в молитве) достиг высшего предела всех добродетелей и с этих пор делается жилищем

Святого Духа. Если кто не принял действительно благодати Утешителя, тот не может со свободой и радостью совершать этого пребывания в молитве. Дух, как сказано, когда вселится в какого человека, то не прекращает молитвы, ибо Сам Дух непрестанно молится (82, 266).

Духовная молитва является в подвижнике тогда, когда к душевным движениям, за строгие целомудрие и чистоту, присоединится действие Святого Духа. Удостаивается ее один из бесчисленного множества людей. Она — таинство Будущей Жизни и устройства, причем естество возвышается (из своего естественного состояния в вышеестественное) и пребывает чуждым всякого движения и памятования о здешнем. Тогда душа не молитвою молится, но ощущением ощущает духовные предметы Будущего Века, превысите человеческого разума, понимаемые только силою Святого Духа. Такое состояние есть видение ума, а не движение и искание молитвы; но оно имеет молитву своей начальной причиной. Некоторые посредством этого достигли совершенства чистоты, и нет часа, в который бы внутреннее их движение не было в молитве. Когда ни приникнет Святой Дух, всегда обретает их в молитве, и от самой той молитвы возносит их к созерцанию, которое называется духовным видением, потому что они не нуждаются ни в продолжительной молитве, ни в продолжительном стоянии и чине молитвословия. Для них достаточно вспомнить о Боге, и они тотчас пленяются Его любовью. Однако они не нерадят вовсе о предстоянии в молитве и, кроме непрестанной молитвы, предстоят и на той, которая совершается в определенные часы... (82, 266—267).

Мы видим святого Антония стоящим на молитве девятого часа и ощутившим возношение своего ума. И другой из отцов, стоя на молитве с воздетыми руками, приходил в восхищение на четыре дня. И многие другие, во время такой молитвы, были пленяемы сильным памятованием о Боге и великой любовью к Нему и приходили в восхищение. Сподобляется же человек такой любви, когда снаружи и изнутри очистится от греха хранением заповедей Господних, противящихся греху. Кто возлюбит эти заповеди и сохранит их как должно, для того станёт необходимым освободиться от многих человеческих дел, то есть совлечься тела и быть вне его, так сказать, не по естеству, но по потребности. Кто ведет жизнь по образу Законоположника и на самом деле исполняет заповеди Его, в том невозможно оставаться греху. Поэтому Господь и обещовал в Евангелии сотворить Свою обитель в том, кто сохранит заповеди (Ин. 14, 21, 23). Преподобный Исаак Сирии (55, 104—106).

Как невозможно видеть лицо свое в возмущенной воде, так невозможно и душе, если она не очистится от чуждых помышлений, достичь духовной молитвы. **Изречения безымянных старцев** (82, 395).

Если ты приучишь себя молиться с усердием, то не будешь иметь нужды в наставлении... так как Бог без всякого посредника будет озарять ум твой. **Святитель Иоанн Златоуст** (35, 521).

Молитва Христу — Свету — вот средство, чтобы воссиял в душе свет Его благодати (104, 1088—1089).

Видишь, что когда огонь коснется ладана или какого иного благоуханного порошка, тотчас бывает курение дыма и приятное благоухание

восходит. Так точно бывает, когда сердца человеческого коснется благодать Святого Духа: тогда восстанет в этом сердце воздыхание и молитва истинная, как благоухание, от огня возбужденное, и восходит в высоту к Небесному Отцу, и обретает у Него благодать и милость. Это учит нас просить у Бога Духа Святого, чтобы Он возбуждал в сердцах наших истинную молитву, «Которым взываем: «Авва Отче!» (Рим. 8, 15). **Святыи Тихон Задонский (104, 1095—1096).**

Иисус «вышел и удалился в пустынное место, и там молился» (Мк. 1, 35). Господь молился, как человек, или лучше, как вочеловечившийся, человеческим естеством. Его **МОЛИТВА** — ходатайственная за нас, а вместе преобразующая Его человечество, которому надлежало входить ограниченным путем в обладание Божественным. В последнем значении она для нас образец и пример. Апостол Павел учит, что у принявших Духа, Дух молился, и, конечно, не Сам от себя, но возбуждая молитвенные устремления к Богу в духе человеческом. И вот у нас настоящая **МОЛИТВА** — **МОЛИТВА** духовдвижная. Но такова она на верхней ступени. Путь к ней — **труд** молитвенный у ищущих очищения и освящения. Уединение, **ночь** — **наиболее** соответствующая этому труду обстановка; самый же **труд** — **множество** поклонов с сердечными воздыханиями. Трудись и трудись, отогнав всякую леность. Сжалится над тобою Господь и подаст тебе дух молитвы, который начнет действовать в тебе так же, как действует дыхание в теле. Начинай! Вот ныне время благоприятное (107, 66—67).

Бывает, по благодати Божией, и одна сердечная молитва, и это есть духовная молитва, Духом Святым в сердце движимая; молящийся сознает ее, но не творит, а она сама в нем творится. Такая молитва есть достояние совершенных. Общедоступная же и от всех требуемая молитва та, чтобы со словом молитвенным всегда были соединены и мысль, и чувство.

Бывает еще молитва, которую именуют предстоянием пред Богом, когда молящийся, весь сосредоточившись внутри сердца, мысленно созерцает Бога присущим себе и в себе с соответственными тому **чувствами** — **то** страха Божия и благоговейного изумления Ему во всем Его величии, то веры и упования, то любви и преданности в волю Его, то сокрушения и готовности на всякие жертвы. Такое состояние приходит, когда углубится кто в обычной молитве словом, умом и сердцем. Кто долго и как должен молиться, у того такие состояния чаще и чаще будут повторяться и наконец состояние такое может сделаться постоянным, и тогда оно называется хождением пред Богом и есть непрестанная молитва. В таком состоянии пребывал святой Давид, свидетельствующий о себе: «Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня; не поколеблюсь» (**Пс.** 15, 8) (117, 40—41).

Действие этой умной молитвы в сердце бывает двояким: иногда ум предваряет, прилепляясь к Господу в сердце непрестанной памятью; иногда действие молитвы, само **подвигшись** предварительно огнем веселия, привлекает ум в сердце и привязывает его к призыванию Господа Иисуса и благоговейному Ему предстоянию (первая молитва есть трудовая, вторая самодвижная). В первом случае действие молитвы начинает открываться, по

умалении страстей, исполнением заповедей, теплотой сердечной, вследствие усиленного призывания Господа Иисуса; во **втором** — Дух привлекает ум к сердцу и водружает его там в глубине, удерживая от обычного скитания. И тогда он не бывает уже как пленник, отводимый из Иерусалима к ассирийцам, а, напротив, совершает переселение из Вавилона в Сион, взывая с пророком: «Тебе, Боже, принадлежит хвала на Сионе, и Тебе воздастся обет во Иерусалиме» (Пс. 64, 2). От этих двух видов молитвы и ум бывает то деятельным, то созерцательным; **деянием** он, с помощью Божией, побеждает страсти, а созерцанием зрит Бога, насколько это доступно человеку (117, 41—42).

Когда внутренняя молитва войдет в силу, тогда она станет заправляющею молитвословием, будет преобладать над внешним молитвословием, даже поглощать его. От этого ревность молитвенная и будет разгораться, ибо тогда рай будет в душе. Оставаясь же с одним внешним молитвословием, можете охладеть к молитвенному труду, хотя бы вы совершали его со вниманием и пониманием; **главное** — молитвенные чувства сердца (117, 42).

Разные виды молитвы не предоставляются на наш выбор. Это разные истечения одной и той же благодати.

Такого рода суть только молитвы самодвижные, когда находит дух молитвенный. Но и они бывают двух видов: в одном человек властен повиноваться ему или нет, содействовать ему или расстроить его, а в другом не властен ничего сделать, а восхищается в молитву и держим бывает в ней иной силой, не имея свободы действовать как-либо иначе. Следовательно, выраженная мысль может относиться вполне только к последней. В отношении ко всем другим видам молитвы выбор уместен (117, 42).

«Но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» (Рим. 8, 26).

Это будет понятнее, если применим к чему-либо, бывающему в наше время. Обычно молимся мы по молитвенникам или своим словом. Бывают при этом и чувства молитвенные, и воздыхания, но мы сами самостоятельно их возбуждаем в себе. И это есть молитва. Но бывает, что влечение к молитве само находит, и заставляет молиться, и не дает покоя, пока молитва не изольется вся. Это или то же есть, о чем говорит апостол, или нечто похожее на то. Содержание таких молитв редко бывает определяемо каким-либо предметом, но всегда почти она дышит преданием себя в волю Божию, вверением себя водительству Бога, лучше нас знающего благопотребное для нас, и для внутреннего, и для внешнего нашего, и сильнее нас желающего того для нас, и готового все то дать и устроить нам, лишь бы только мы не упирались ногами. Все молитвы, от святых отцов нам переданные, такого же **происхождения** — духовные и потому до сих пор так действенны. **Епископ Феофан Затворник (117, 42—43).**

Умною, сердечною и душевною молитвою... молящийся отделяется от всей твари, весь, всем существом своим устремляется к Богу. Находясь в этом устремлении к Богу, молящийся внезапно соединяется сам с собою... Ум, сердце, душа, тело, до сих пор

рассеченные грехом, внезапно соединяются воедино с Господом, и это есть и соединение человека с самим собою, и соединение его с Господом (109, 220).

Молитва исцеленного, соединенного, примиренного в себе и с собою чужда помыслов и мечтаний бесовских (109, 220).

Если монахам воспрещается безвременное стремление к молитве, приносимой умом в сердечном храме, тем более воспрещается оно мирянам (109, 259).

Приноси Богу молитвы тихие и смиренные, а не пылкие и пламенные. Когда сделаешься таинственным священнослужителем молитвы, войдешь в Божию скинию и оттуда наполнишь священным огнем молитвенную кадильницу. Огонь **нечистый** — слепое, вещественное разгорячение **крови** — **воспрещено** приносить Всесвятому Богу (108, 149).

При молитве отвергается разум мира сего, многоглаголивый и кичливый; из этого не следует, чтобы принималось, требовалось в ней скудоумие. В ней требуется разум совершенный, разум духовный... Молитвенное молчание тогда объемлет ум, когда внезапно предстанут ему новые, духовные понятия, невыразимые словами этого мира и века, когда явится особенно живое ощущение присутствующего Бога (108, **151—152**).

Действие Святого Духа, от которого являются высокие молитвенные состояния, непостижимо для ума плотского (108, 150).

При молитве нужно, чтобы дух соединился с умом и вместе с ним произносил молитву, причем ум действует словами, произносимыми одной мыслью или и с участием голоса, а дух действует чувством **умирения** или плача (108, 266).

Занятие молитвой есть высшее занятие ума человеческого; состояние чистоты, чуждой развлечения, доставляемое уму молитвой, есть высшее его естественное состояние; восхищение его к Богу, чему начальная **причина** — **чистая** молитва, есть состояние сверхъестественное (108, 153).

Святой Иоанн Лествичник признает значительным преуспеянием в молитве, если ум будет пребывать в словах ее... Молитва молящегося постоянно и усердно, при заключении ума в слова молитвы, из чувства покаяния и плача, непременно осенится Божественной благодатью... Тогда не только откроется сердечное место, но и вся душа повлечется к Богу непостижимой духовной силой, увлекая с собою и тело (108, 272).

Молитва покаяния дана всем без исключения, даже и обладаемым страстями и насильственно подвергающимся падениям... Но вход в сердце для молитвенного священнодействия возбранен для них (108, 273).

Кто с постоянством и благоговением занимается внимательной **МОЛИТВОЙ**, произнося слова ее громко или шепотом, заключая ум в слова, кто при молитвенном подвиге отвергает все помыслы и Мечтания, не только греховные и суетные, но по видимости и благие, тому... Господь дарует в свое время умную, сердечную и Душевную молитву (109, 202).

Неполезно... преждевременное получение сердечной, благодатной молитвы, бесполезно... преждевременное ощущение духовной

сладости. Получив их преждевременно, не приобретя предварительных сведений, с каким благоговением и осторожностью должно хранить дар благодати Божией, ты можешь употребить этот дар во зло, во вред и гибель души... Притом собственными усилиями раскрыть в себе умную, и благодатную, и сердечную молитвы невозможно, потому что соединить ум с сердцем и душою, разединенные в нас падением, принадлежит единому Богу (109, 202).

Положись в молитвенном подвиге **твоём** вполне на Бога, без Которого невозможно ни малейшее преуспеяние. Каждый шаг к успеху в этом подвиге есть дар Божий (109, 203).

Учитель **МОЛИТВЫ** — Бог; истинная **МОЛИТВА** — дар Божий (109, 273).

В молитвенном преуспеянии действуют сила и благодать Божия; они совершают все: пособия остаются пособиями, в которых нуждается наша немощь, и отвергаются, как ненужные и излишние, по стяжании преуспеяния (109, 287).

Неопределенное указание в отеческих писаниях на сердце послужило причиной важного недоумения и ошибочного упражнения молитвою... (109, 298—299).

В духе человеческого сосредоточены ощущения совести, смирения, кротости, любви к Богу и ближнему и других подобных свойств; нужно, чтобы при молитве действие этих свойств соединялось с действием ума (109, 299).

Подвиг молитвы нуждается в тщательном обучении, а благодатные дары являются сами собой, как свойства естества обновленного, когда это естество, по очищении покаянием, будет освящено осенением Духа (109, 305).

Из совершенного смирения и из совершенной покорности воле Божией рождается чистейшая святая молитва (109, 326).

Глубокое и точное познание падения человеческого весьма важно для подвижника Христова: только из этого познания, как бы из самого ада, он может молитвенно, в истинном сокрушении духа, воззвать к Господу... (109, 375).

У молящихся молитвой Духа душа во время молитвы иногда выходит из тела особенным непостижимым действием Святого Духа (110, 75).

Необходимо в молитвенном подвиге отречение от себя, представление преуспеяния нашего воле Бога нашего, Который дает в известное Ему время благодатную молитву Тому, кто собственным подвигом деятельно докажет свое произволение иметь ее (111, 337).

Чистая молитва есть предстояние лицу Божию. Представший пред Богом просит прозрения и получает благодатное просвещение ума и сердца (111, 340).

Вступившего в истинный молитвенный подвиг руководствует в нем Сам Бог, с премудростью, непостижимой для тех, которые не посвящены в ее тайнства (111, 349).

Единение (в молитве) превышает всех земных ощущений; тут что-то небесное; тут предвкушение Будущей Жизни, в которой людей будет соединять Дух (111, 438).

Соединение ума с сердцем при молитве совершает Божия благодать в свое время, определенное Богом (112, 114).

Авва Лот посетил авву Иосифа и сказал ему: «Отец мой! по силе моей я исполняю малое молитвенное правило, соблюдаю умеренный пост, занимаюсь молитвой, поучением и безмолвием, стараюсь соблюдать чистоту, не принимая греховных помыслов; что надлежит мне еще сделать?» Старец встал и простер руки к Небу: персты его сделались подобными десяти зажженным свечильникам. Он сказал авве Лоту: «Если хочешь, будь весь, как огонь. Не сможешь сделаться монахом, если не будешь пламенеть»... **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (82, 302—303).**

Глинский подвижник старец Макарий, исполнявший должность благочинного, выйдя однажды во время утреннего богослужения из церкви, внезапно увидел над братской кухней столп света. Будучи сам просвещен Духом Божиим и поняв, откуда это явление, он поспешил тихо пройти в кухонный коридор. Через щель в двери он увидел старца Феодота, стоящего на коленях перед иконой Спасителя с воздетыми вверх руками. Огненный луч шел от **него** к иконе и озарял стену, где стояла икона. Старец Макарий был поражен чудным зрелищем и в страхе отступил назад. И другие благоговейные братья Глинской пустыни удостоились видеть старца Феодота в различных чудесных состояниях. Некоторые видели его на молитве приподнятым от земли, **другие** — освещенным неземным светом. **Глинский Патерик (97, 207).**

Молитвенная **жизнь** — **путь** богопознания

Эта божественная молитва, состоящая в призывании Спасителя, есть следующая: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» Она есть и молитва, и обет, и исповедание веры, Духа Святого и божественных даров подательница, сердца очищение, бесов изгнание, Иисуса Христа вселение, духовных разумный и божественных помыслов источник, грехов отпущение, душ и телес врачевательница, божественного просвещения подательница, милости Божией кладезь, откровения **тайн** Божиих ходатаица, единая спасительница, как имя Спасителя нашего Бога в себе носящая, имя Иисуса Христа, Сына Божия, на нас названное. «Нет другого имени под небом... которым надлежало бы нам спастись» (Деян. 4, 12), как говорит апостол... Поэтому всем верующим надлежит это имя непрестанно исповедовать и для проповедания веры, и для засвидетельствования любви нашей к Господу нашему Иисусу Христу, от которой ничто никогда не должно нас отлучать, и ради благодати от этого имени, отпущения грехов, врачевания души, освящения, просвещения, и прежде **всего** — **ради** спасения. Божественный евангелист говорит: «Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий». Вот **вера!** — «и, веруя, имеем жизнь во имя Его». Вот спасение и жизнь! (**Ин.** 20, 31). **Святитель Симеон Солунский (117, 43).**

Пусть никто не думает, братья мои христиане, будто одни лица священного сана и монахи имеют долг непрестанно и всегда молиться, а не миряне. Нет, нет, все мы, христиане, имеем долг всегда пребывать в молитве... И Григорий Богослов учит всех христиан и говорит им, что чаще надлежит поминать в молитве имя Божие, чем вдыхать воздух... К этому же примите во внимание и способ молитвы, как возможно непрестанно молиться,

именно молиться умом. А это всегда можем делать, если захотим. Ибо и когда сидим за рукоделием, и когда ходим, и когда пишу принимаем, и когда пьем, всегда умом можем молиться и творить умную молитву, **благоугодную** Богу, молитву истинную. Телом будем работать, а душою молиться. Внешний наш человек пусть исполняет свои телесные дела, а внутренний весь пусть будет посвящен на служение Богу и никогда не отстает от этого духовного дела умной молитвы, как заповедует нам и Богочеловек Иисус, говоря в святом Евангелии: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне» (Мф. 6, 6). Клеть души есть тело, двери наши суть пять чувств телесных. Душа входит в клеть свою, когда ум не блуждает туда и сюда по делам и **вещам** мирским, но находится внутри нашего сердца. Чувства наши затворяются и остаются такими, когда мы не даем им прилепиться ко внешним чувственным вещам, и ум наш, таким образом, остается свободным от всякого пристрастия мирского и сокровенной умной молитвой соединяется с Богом Отцом своим. **Святитель Григорий Палама** (117, 44).

Учись умной молитве сердечной, ибо Иисусова молитва есть светильник стезям нашим и путеводная звезда к Небу, как учат святые отцы (в Добротолюбии). Иисусова молитва (непрестанно теплящаяся в уме и сердце) есть бич против плоти и злых ее похотений (особенно блудных и **чреугодных**). К обычной молитве — **Господи Иисусе Христе, Сыне Божий — прибавляй:** Богородицею помилуй меня грешного. Одна внешняя молитва недостаточна: Бог внемлет уму, а потому те монахи, которые не соединяют внешнюю молитву с **внутренней**, — не монахи, а черные головешки. Тот монах не имеет печати Христовой, который не знает (или забыл) делание Иисусовой молитвы. Книга не научит молитве (только указывает прямой путь, как заниматься ею); надо иметь крепкое занятие в ней (молитве) (117, 44—45).

К Господу надо обращаться, сходя вниманием ума в сердце и там зывая к Нему. Если бы мы неупустительно исполняли это небольшое правило; утвердившись умом в сердце, стоять пред Господом со страхом, благоговением и преданностью, то никогда не возникали бы в нас не только страстные пожелания и чувства, но и голые помыслы (117, 45).

О молитве Иисусовой читывали?.. И знаете ее делом. Она одна и может сделать, чтобы внутри крепок был должный порядок, и внешним хозяйским заботам не даст расстраивать этот порядок она ясе. Она только даст возможность исполнить предписание отцов: руки за работой, ум же и сердце с Богом. Когда она привьется к сердцу, тогда не бывает внутри перерывов, а все одно и одно... Систематическое что завести внутри едва ли возможно, но одно или одинаковое при разнообразии неизбежных дел удержать **можно** — и это даст молитва Иисусова, когда привьется к сердцу, как привьется?! Кто знает, как... а прививается. Трудящийся сознает это, не зная, как это совершилось. Труд... хождение в присутствии Божиим с частым, насколько можно, повторением молитвы этой. Как только свобода, сейчас за нее... И дастся...

Чтение принадлежит к числу способов поновления и оживления молитвы Иисусовой. Но советуется читать больше о молитве (117, 45).

Когда память Божия есть и поддерживает страх Божий в сердце, тогда все идет благоуспешно, но когда она слабеет или держится только в голове, тогда все вкривь и вкось (117, 45).

Внимание к тому, что бывает в сердце и исходит из него, есть главное дело в исправной христианской жизни. Этим и внутреннее, и внешнее приводится в должный порядок. Но ко вниманию всегда надо прилагать рассуждение, чтобы обследовать как должно происходящее внутри и требуемое внешностью. Без рассуждения и внимание ни к чему (117, 46).

Возможно—при исполнении внешних **послушаний**,— что внутреннего при этом не будет, и жизнь твоя останется бездушной. Как избежать этого? Надо во всякое дело влагать сердце богобоязненное. Чтобы сердце было в состоянии богобоязненности, надо, чтобы его непрестанно осеяло помышление о Боге. Помышление о Боге будет дверью, через которую будет входить душа в деятельную жизнь. Весь труд теперь должен быть обращен на то, чтобы непрестанно помышлять о Боге, или чувствовать себя в присутствии Божиим («Взыщите Господа и силы Его, ищите непрестанно лица Его» (1 Пар. 16, 11)). Вот где стоит трезвение и умная молитва. Бог везде есть; делай, чтобы и мысль твоя всюду была с Богом. Как же сделать? Мысли толкутся, как комары в своих столбиках, а над мыслями и чувства сердца. Чтобы прилепить мысль к одному, старцы имели обычай навязывать непрерывному произношению коротенькой молитовки. От навыка и частого повторения молитовка эта так навязывалась на язык, что он сам собою повторял ее. Так и мысль прилеплялась к молитве, а через нее и к помышлению о Боге непрестанному. После навыка молитва связывала память о Боге, а память о Боге—молитву; и они взаимно себя поддерживали. Вот и хождение пред Богом.

Умная молитва есть, когда кто, утвердившись вниманием в сердце, оттуда возносит к Богу молитву. Умное же делание есть, когда кто, стоя вниманием в сердце с памятью о Господе, отрывает всякую другую мысль, покушающуюся проникнуть в сердце. Епископ Феофан Затворник (117, 46).

А чтобы при делании умной молитвы не впасть в прелесть, не допускай в себя никаких представлений, никаких образов и видений, ибо парения, сильные мечтания и движения не перестают быть и тогда, когда ум стоит в сердце и совершает молитву, и никто не в состоянии владычествовать над ними, кроме достигших благодатью Святого Духа совершенства и кроме стяжавших Иисусом Христом непоколебимость ума. Преподобный Нил Сорский (117, 46—47).

Некоторый брат, по имени Иоанн, пришел из страны приморской к святому великому отцу Филимону и, обняв его ноги, сказал: «Что мне **делать**, отец мой, чтобы спастись? Я вижу, что ум развлекается и блуждает по предметам там и здесь, где не должно». Он, немного помолчав, сказал ему: «Это недуг внешних, и остается в тебе потому, что **не** имеешь еще совершенной любви к Богу; поскольку еще в тебе не возникла теплота любви и познания Его». Брат спрашивает его: «Что же **не делать**?» — «**Пойди**,— отвечает он,— имей пока в сердце сокровенное Упражнение: оно может очистить от этого ум твой». Брат, не понимая сказанного, говорит старцу: «Что такое сокровенное **упражнение**?» — «Трезвись в сердце твоим и в уме твоим трезвенно со страхом и трепетом **говори**: Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Так и блаженный Диадокх Предписывает поступать начинающим». Брат пошел от него и, при содействии Божиим и молитвах отца, стал безмолвствовать и вкусил

сладости этого занятия; только это продолжалось короткое время. Потом он уклонился от него и не мог трезвенно совершать его и молиться и опять пришел к старцу и рассказал ему о случившемся. Старец сказал ему: «Вот ты уже узнал стезю безмолвия и внутреннего упражнения и вкусил его сладости. Итак, имей в сердце своем следующее: принимаешь ли ты пищу и питье, в беседе ли находишься, вне келлии или в пути, не забывай трезвенной мыслью и внимательным умом приносить эту молитву, и петь, и заниматься молитвами и псалмами. Даже при исполнении какой-либо необходимой работы ум твой да не будет празден, но тайно пусть занимается и молится... **Всегда**—и отходя ко сну, и пробуждаясь, и принимая пищу и питье, или с кем-нибудь **беседуя**,—храни сердце твое в сокровенном и умном занятии псалмами или молитвою: Господи Иисусе Христе, помилуй мя!». Сказание об **авве** Филимоне (117, 47—48).

В чисто созерцательной молитве слово, как и сама мысль, исчезает, но не потому, что этого желаешь, а потому, что это делается само собой.

Молитва умная переходит в молитву сердечную или умно-сердечную. Появляется она одновременно с зарождением сердечной теплоты. Другой молитвы уже нет в обычном течении духовной жизни. Умно-сердечная молитва может глубоко внедриться в сердце и быть в этом случае без слов и мыслей, состоя в одном предстоянии Богу и благоговейно-любовном к Нему припадании. Тут она то же, что влечение внутрь пред Бога на молитву или нахождение духа молитвенного. Но все это еще не созерцательная молитва, которая есть высшее состояние молитвенное, по временам проявляющееся в избранных Божиих. **Епископ Феофан Затворник (117, 48).**

Монах **должен—ест** ли, пьет ли, сидит ли, служит ли, шествует ли или другое что **делает**,—непрестанно звать: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!», да имя Господа Иисуса, сходя вглубь сердца, смирит держащего тамошние пажити змея, душу же спасет и оживотворит. Непрестанно пребудь с именем Господа Иисуса, да поглотит **сердце**—Господа и **Господь**—сердце, и будут они единым. Не отлучайте сердца своего от Бога, но пребывайте с Ним и сердце свое храните всегда с памятованием Господа нашего Иисуса Христа, пока имя Господа вкоренится внутрь сердца и оно ни о чем другом помышлять не **станет**,—да возвеличится Христос в вас (117, 48).

Поэтому очень премудро славные руководители наши и наставники, с живущим в них Духом Святым, и всех **нас**—особенно же тех, кто возжелал вступить на поприще боготворного безмолвия, посвятить себя **Богу** и, отрекшись от мира, разумно безмолвствовать,—**учат** преимущественно перед всяким другим деланием и попечением молиться Господу и у Него просить милости с несомненным упованием, имея непрестанным делом и занятием призвание всеятого и сладчайшего имени Его, понуждая себя в Нем и с Ним и дышать, и жить, и спать, и бодрствовать, и ходить, и есть, и пить, и все вообще, что ни делаем, так делать. Ибо как при отсутствии **Его** стекается к нам все зловерное, не оставляя места ничему полезному для души, так при Его присутствии все противное отгоняется, ни в чем добром не бывает недостатка и все является возможным для исполнения, как и сам

Господь наш возвещает: «кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5). **Инок Каллист и Игнатий (117, 48—49).**

Если истинно желаешь покрыть стыдом помыслы, благодушно безмолвствовать и без труда трезвиться сердцем, да прилипнет к дыханию твоему молитва Иисусова, и в немного дней увидишь это на деле. **Преподобный Исихий Иерусалимский (117, 49).**

Чего ищут молитвой Иисусовой? Того, чтобы канул в сердце благодатный огонь и началась непрестанная молитва, чем и определяется благодатное состояние. Нужно знать, что молитва **Иисусова—как** искра Божия падет в сердце, раздувает ее в пламень, а сама не дает этой искры, а только способствует к принятию ее. Чем способствует? Тем, что собирает мысли воедино и дает душе возможность стоять пред Господом и ходить в присутствии Его. **Главное**—стояние и хождение пред Богом с званием к Нему из сердца. Так делал Максим Капсокалевит... Так пусть делают и все, ищущие благодатного огня, а о словах и положениях тела не заботятся. Бог смотрит на сердце.

Я против того говорю, что иные совсем забывают о звании из сердца... Вся забота у них о словах и положении тела и, отчитав в этом положении известное число молитв Иисусовых, с поклонами, успокаиваются на этом, с неким самомнением и осуждением ходящих в церковь на общую уставную молитву. Иные весь век так проживают и пусты бывают от благодати.

Если бы кто спросил меня: как мне исполнять дело **молитвенное?**—я сказал бы ему: навыйкай ходить в присутствии Божиим или храни память Божию и благоговей. Для поддержания этой памяти избери несколько коротеньких молитовок или прямо возьми 24 молитовки Иоанна Златоуста и часто повторяй их с соответственными мыслями и чувствами. По мере навыка будет просветляться голова памятью Божией и согреваться сердце. В этом положении канет, наконец, в сердце искра **Божия**—луч благодати. Его ничем не произведешь, он исходит прямо от Бога... Тогда можешь остаться с одной Иисусовой молитвой и ею раздувать молитвенную искру в пламень. Таков прямой путь (117, 49—50).

Потом, когда заметите, что кто начинает углубляться в молитву, можете предложить ему творить молитву Иисусову непрестанно и при этом хранить память Божию со страхом и благоговением. Молитва первое дело. Главное, что ищется молитвою, есть получение того огонька, который дан был Максиму **Капсокалевиту**... Этот огонек никаким художеством не привлекается, а подается свободно благодатью Божией. Для этого и требуется труд молитвенный, как пишет святой Макарий... Хочешь стяжать молитву, говорит он, трудись в молитве... Бог, видя, как ты усердно ищешь молитвы, даст молитву (Слово 1, глава 13) (117, 50).

В обычных опытах благочестивой жизни до очевидности оправдывается это над навыком молитвы Иисусовой. Мало в ней слов, но они совмещают все. Исстари признано, что, навыйкнув молиться этой молитвой, можешь заменить ею все молитвословия. И есть ли кто из ревнующих о спасении, кто не был бы знаком с этим деланием? Велика сила этой молитвы, по изображению святых отцов, а, между тем, на деле видим, что не все, имеющие навык в ней, причастны этой силе, не все вкушают от плодов ее. Отчего это? Оттого что сами хотят забрать в свое владение то, что принадлежит дарованию Божию и есть дело благодати Господней.

Начать повторять эту молитву утром, вечером, на ходу, сидя и лежа, за делом и на досуге есть наше дело, на это не требуется особой помощи Божией. Трудясь все в том же порядке, можно самому дойти до того, что язык и без нашего сознания все будет повторять эту молитву. Может последовать за этим и некое умирение помыслов, и даже своего рода сердечная теплота, но все это будет, как замечает в Добротолюбии инок Никифор, дело и плод наших усилий. Остановиться на этом значит то же, что удовольствоваться умением попутая произносить известные слова, даже такие, как «Господи, помилуй». Плод от этого такой: будешь думать, что имеешь, тогда как ровно ничего не имеешь. Это и случается с теми, у кого во время навывковения этой молитве, поскольку это зависит от нас, не раскрывается сознание того, в чем существо ее. Не сознавая же того, они довольствуются указанными естественными начатками действий ее и прекращают искание. Но у кого сознание это раскроется, тот не прекратит искания, а, видя, что сколько ни усиливается действовать по старческим указаниям, все ожидаемого плода не обнаруживается, пресекает всякое ожидание плода от одного своего усилия и все упование возлагает на Бога. Когда это образуется, тогда открывается возможность и благодатному воздействию: приходит благодать в момент, ей одной ведомый, и прививает молитву ту к сердцу. Тогда, как говорят старцы, все то же будет по внешнему порядку, но не то же по внутренней силе.

Что сказано об этой молитве, то приложимо ко всякому проявлению жизни духовной. Возьмите сердитого и предположите, что он возревновал погасить гневливость и стяжать кротость. В подвижнических книгах есть указания на то, как должно править собой, чтобы этого достигнуть. Усвоит все это он и начинает действовать по вычитанным указаниям. Докуда же он дойдет своими усилиями? Не далее как до молчания уст при сердчании, с некоторым укрощением самого сердчания, а чтобы совсем погасить гнев и в сердце водворить кротость, до этого он сам никогда не дойдет. Это бывает уже тогда, когда приходит благодать и прививает кротость к сердцу.

Так в отношении и ко всему. Какого бы плода духовной жизни ни взыскал ты, искать — ищи всеусиленно, но не ожидай плода от твоего искания и твоих усилий, а «предай Господу путь твой и уповай на Него (без всякого отчисления чего-либо на свою долю), и Он совершит» (Пс. 36, 5).

Молись: «Желаю, ищу, но животвори меня Ты правдою Твоею».

Господь определил: «без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5). И закон этот исполняется в духовной жизни с точностью, ни на волос не уклоняющейся от определенного. Когда спрашивают: что мне сделать, чтобы приобрести ту или другую добродетель? — можно всем отвечать: обратись ко Господу — и Он тебе даст; другого способа к получению искомого нет (117, 50—52).

Буду писать вам теперь о способах, как возжечь постоянный огонек, или теплоту, в сердце. Припомните, как возбуждается теплота в физическом мире: трет дерево о дерево и получают теплоту и даже огонь; держат вещь на солнце и она согревается, а если сосредоточить побольше лучей, то и загорается. Способ к зарождению духовной теплоты похож на это. Труды — трение подвижничества; держание на солнце — умная молитва к Богу...

Трудами подвижничества может загореться огонь и в сердце, но не скоро, если они оставляются одни: на пути этом много препятствий. Потому-то исстари ревнители спасения, опытные в духовной жизни, не отступая от этих трудов, по Божию внушению, открыли и передали к употреблению всех другой способ для согревания сердца, и притом простейший и легчайший на вид, но не менее трудный для исполнения, только скорее приводящий к

цели: это целесообразное совершение умной молитвы к Господу Спасителю. Оно состоит в следующем: стань умом и вниманием в сердце и, утвердившись в убеждении, что Господь близ и внимает, взывай к Нему умиленно: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного (или грешную)». И делай это **непрестанно** — и в церкви, и дома, и на пути, и за делом, и за столом, и в **постели** — словом, с той минуты, как откроешь глаза, до той, как закроешь их. Это будет точь-в-точь соответствовать держанию вещи на солнце, потому что тут есть держание себя пред лицом Господа, Который есть Солнце умного мира. Нужно знать, что плод от этой молитвы начинается тогда, когда она привьется к сердцу и углубится в него, а для этого надо потрудиться над навыком совершать ее; для этого надо отделять исключительно на нее известную часть времени, утром и вечером.

Когда все это будешь проходить с усердием, неленостно и **неупустительно** — милостив **Господь**, — затеплится огонек в сердце, который будет свидетельствовать о зарождении в средоточии естества нашего внутренней духовной жизни, или о воцарении Господа в нас...

Отличительная черта состояния, когда раскрывается Царствие Божие внутри, или, что то же, когда затепливается неотходный духовный огонь в сердце из отношения к Богу, есть внутрипробывание. Сознание все сосредоточивается в сердце и стоит пред лицом Господа, изливая пред Ним свои чувства, более же всего болезненно припадая к Нему в смиренных чувствах покаяния, с готовностью всю жизнь свою посвящать на служение Ему единому. Такой строй устанавливается каждодневно, с минуты пробуждения от сна, держится весь день, при всех трудах и занятиях, и не отходит, пока сон не смежит очи. Вместе с образованием такого строя прекращается все нестроение, которое господствовало внутри до этого момента, в период искания, в это переходное состояние томления... Неудержимое брожение мыслей прекращается; атмосфера души становится чистой и безоблачной; стоит одна мысль и память о Господе. Отсюда просветленность во всем внутреннем. Все там ясно, всякое движение замечается и достойно оценивается при умном свете, исходящем от лица созерцаемого Господа. Вследствие этого, всякий недобрый помысел и недоброе чувство, приражающиеся к сердцу, в самом зародыше встречают сопротивление и прогоняются... Если же против воли и проскользнет что-либо противное, тотчас смиренно исповедуется Господу и очищается внутренним покаянием или внешним исповеданием, так что совесть всегда хранится чистой пред Господом. В награду за весь такой внутренний труд подается дерзновение к Богу в молитве, которая и теплится непрестанно в сердце. Непрестанная теплота молитвы есть дух этой жизни, так что с прекращением этой теплоты прекращается и движение духовной жизни, как с прекращением дыхания прекращается жизнь телесная (117, **52—54**).

Не говорю, чтобы все было сделано, как только достигнешь этого состояния ощутимого общения. Этим полагается только начало новой степени, или нового периода христианской жизни. Отсюда пойдут

преобразование души и тела по духу жизни во Христе Иисусе, или их одухотворение. Возобладав над собою, человек начнет влагать в себя все истинное, святое и чистое и изгонять все ложное, греховное и плотское. И до сих пор он трудился над тем же, но поминутно был окрадываем: что он успевал созидать, то почти тотчас было разоряемо. Теперь не то. Человек стал твердой ногой и, не поддаваясь противностям, ведет целесообразно свое созидание. Воспринимается, по словам Варсонофия, огонь, низвести который на землю пришел Господь, и в этом огне начинают перегорать все силы естества человеческого. Если долгим трением возбудите вы огонь и вложите его в дрова, дрова загорятся и горя будут издавать треск и дым, пока перегорят. Перегоревшие же являются проникнутыми огнем, издавая приятный свет, без дыма и треска. Точь-в-точь подобное же происходит и внутри. Огонь воспринят, начинается перегорание. Сколько при этом дыма и **треска**—знают испытавшие. Но когда все перегорит, дым и треск прекращаются, и внутри остается только свет. Состояние это есть состояние чистоты: до него долгий путь. Но Господь многомилостив и всесилен... Очевидно, что тому, кто воспринял огонь ощутительного общения с Господом, предлежит не покой, а труд многих, но труд сладкий и плодный; до сих же пор он был и горек, и **малоплоден**, если не совсем бесплоден (117, 54—55).

По мере того как станешь навязывать молитвы как следует по чужим молитвам, начнут у тебя возбуждаться и свои молитвенные обращения и воззвания к Богу. Никогда не пропускай без внимания этих проявляющихся в душе твоей восхождений к Богу, но всякий раз, как они возбуждятся, остановись и молись своей молитвой. Не думай, что, молясь так, делаешь ущерб молитве: нет, тут-то ты и молишься как следует, и эта молитва скорее доходит до Бога. Потому-то есть и правило, всеми преподаваемое: если в церкви ли, дома ли душа твоя сама захочет помолиться своими, а не чужими словами, дай ей свободу, пусть молится, хоть всю службу сама промолится, а дома от молитвенного правила отстанет и не успеет совершить его.

Тот и другой образ **молитвы**—по молитвенникам со вниманием и соответственными благоговейными мыслями и чувствами или без них, своими **словами**—приятны Богу. Ему неприятно только когда кто читает молитвы дома или в церкви стоит на службе без внимания: язык читает или ухо слушает, а мысли бродят неизвестно где. Тут совсем нет и молитвы. Но молитва не читательная, а личная ближе к существу дела и многоплоднее. Поэтому советуется не всегда ждать, пока захочется самому помолиться, но заставлять себя принудительно так молиться, и не только во время церковной службы и домашнего молитвословия, но и во всякое время. Для навыка в этом самопринудительном молитвенном труде опытные молитвенники избрали одну молитву к Господу Спасителю и установили правила, как ее совершать, чтобы с помощью ее развить в себе личную молитву. Дело это просто: стань умом в сердце пред Господом и молись Ему: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Так дома перед молитвословием, в промежутках молитвословия и в конце, так и в церкви, так и весь день, чтобы все моменты дня наполнить **молитвой**.

Эта спасительная молитва сначала обыкновенно бывает трудовая, делательная. Но если не поленится кто потрудиться над нею, она станет и самодвижной, сама будет твориться, словно ручеек, журчащий в сердце. Это благо великое, и потрудиться стоит, чтобы достигнуть его. Труженики, преуспевшие в молитве, указывают для этого небольшой труд, или немноготрудное упражнение молитвенное, именно: прежде или после молитвенного правила, утреннего или вечернего, а то и днем, определи несколько времени на совершение этой одной молитвы. И совершая ее так: сядь, а лучше стой молитвенно, сосредоточься вниманием в сердце пред Господом, воздвигнув убеждение, что Он тут и внимает тебе, и зывай к Нему: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», и клади поклоны, если есть охота, поясные и земные. Так делай четверть часа, полчаса, больше или меньше, как тебе удобнее. Чем усерднее потрудишься, тем скорее молитва эта привьется к сердцу. Лучше взяться за дело поревностнее и не отступать, пока не достигнешь желаемого или пока молитва эта не начнет сама двигаться в сердце; после

того только поддерживай. Та теплота сердечная или горение духа, о которых прежде было сказано, приходят именно этим путем.

Чем более внедряется в сердце молитва Иисусова, тем более согревается сердце и тем самодвижнее становится молитва, так что огонь жизни духовной в сердце возгорается, и горение ее становится непрестанным, вместе с тем как молитва Иисусова займет все сердце и станет непрестанно движущейся. **Оттого** получившие зарождение совершенной внутренней жизни почти исключительно молятся этой молитвой, определяя ею свое молитвенное правило (117, **55—56**).

Святой Григорий Синаит пишет: «Принятое нами о Христе Иисусе во святом Крещении не истребляется, а только зарывается, как некое сокровище, в землю. И благоразумие, и благодарность требуют позаботиться о том, чтобы открыть его и сделать явным. К этому ведут следующие способы: во-первых, дар этот открывается многотрудным исполнением заповедей, так что постольку исполняем заповеди, постольку дар этот обнаруживает свою светлость и свой блеск; во-вторых, приходит он в явление и раскрывается непрестанным призыванием Господа Иисуса, или, что то же, непрестанной памятью о Боге. И первое средство могущественно, но второе могущественнее, так что и первое от него получает полную свою силу. Поэтому если искренне хотим раскрыть скрытое в нас благодатное семя, то поспешим скорее навывкнуть сердечному упражнению и иметь всегда в сердце одно это дело молитвы, без образов и работы воображения, пока оно согреет сердце наше и распалит его до неизреченной любви ко Господу». Епископ Феофан Затворник (117, 57).

Молитва эта названа Иисусовой потому, что обращается к Господу Иисусу и есть по составу своему словесная, как и всякая другая краткая молитва. Умною же она бывает и называться должна, когда возносится не одним словом, но и умом, и сердцем, с сознанием ее содержания и чувствованием, и особенно когда через долгое со вниманием употребление так сливается с движениями духа, что они одни и видятся внутри, а слов как бы нет. Всякая короткая молитовка может взойти на эту степень. Иисусовой же молитве принадлежит преимущество потому, что она с Господом Иисусом сочетает душу, а Господь Иисус есть единственная дверь к богообщению, к снисканию которого и стремится молитва. Ибо Он Сам сказал: «никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14, 6). Потому стяжавший ее усваивает себе всю силу воплощенного Домостроительства, в чем и есть наше спасение. Слыша это, ты не удивишься, почему ревнители о спасении не ждали труда, стараясь навывкнуть этой молитве и усвоить себе ее силу. Возьми с них пример себе и ты.

Надо знать, что верный признак подвига и вместе условие преуспеяния через него есть приболезненность. Неболезненно шествующий не получит плода. Болезнь сердечная и телесный труд приводят в явление дар Духа Святого, подаваемый всякому верующему во святом Крещении, который нашим нерадением об исполнении заповедей погребается в страстях, по неизреченной же милости Божией опять воскрешается в покаянии. Не отступай же от трудов из-за болезненности их, чтобы не быть тебе осужденным за бесплодие и не услышать: «возьмите у него таланты». Всякий подвиг, телесный или душевный, не сопровож-

даемый болезненностью и не требующий труда, не приносит плода: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12). Многие много лет неболезненно трудились и трудятся, но из-за безболезненности этой были и остались чужды чистоты и непричастны Духа Святого, как отвергшие жестокость **болезней**. В небрежении и расслаблении делающие трудятся будто и много, но никакого не пожинают плода по причине безболезненности. Если, по пророку, не сокрушатся чресла наши, изнемогши от постных трудов, и если мы не водрузим в сердце болезненных чувств сокрушения и не возболзуем, как рождающая, то не сможем родить дух спасения на земле сердца нашего. **Епископ Феофан Затворник (117, 59).**

О сердечной теплоте и благодати

Первоначальные плоды молитвы заключаются во внимании и умилении. Эти плоды являются прежде всех других от всякой правильно совершаемой молитвы, преимущественно же от молитвы Иисусовой, упражнение которой превышает псалмопение и прочего молитвословия. От внимания рождается умиление, а от умиления усугубляется внимание. Они усиливаются, рождая друг друга; они доставляют молитве глубину, оживляя постепенно сердце; они доставляют ей чистоту, устраняя рассеянность и мечтательность. Как истинная молитва, так и внимание и умиление суть дары **Божии**. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (117, 59—60).**

Знайте, что никогда не должно выходить из сердца вниманием. Но дело в сердце иногда бывает только умное, умом совершаемое, а иногда и сердечное, то есть и начинаемое, и продолжаемое с теплым чувством. Это закон не одних отшельников, а всех, кто должен чисто предстоять Богу сердцем, и перед лицом Его работать, то есть всем христианам. Ум устает говорить слово молитвы. Молитесь тогда без слов, так повергаясь пред Господом мысленно в сердце и Ему себя предавая... Это и будет собственно молитва, слово же есть только выражение ее... и оно всегда слабее самой молитвы пред Богом.

Сердечная молитва никогда не преждевременна. **Она** — начало дела. Утверждением ее в сердце дело Божие спелее. Развивать ее надо, не жалея труда. Бог, видя труд, дает искомое. Настоящая молитва самодельной не бывает: она есть дар Божий. Ищите и обрящете! Что вы не употребляли художественного способа привития **молитвы** — это не ущерб. Тот способ не неизбежен, и без него можно. Не положение **тела** — главное, а внутренний строй. Дело все: «Стоять вниманием в сердце и к Богу взирать, или звать». Я не встречал еще никого, кто бы одобрял тот художественный прием. Преосвященный Игнатий и отец Макарий Оптинский тоже не одобряют его (117, 60).

Художественное делание молитвы Иисусовой... творение ее простое, со вниманием в сердце или хождение в памяти Божией, суть наш труд, и сами по себе имеют свой естественный, не благодатный плод. Плод этот есть: собрание мыслей, благоговение и страх Божий, память смертная, умирение помыслов и

некоторая теплота сердечная. Все это есть естественные плоды внутренней молитвы. Надо это хорошо затвердить, чтобы перед собою не трубить и перед другими и не выситься.

Пока в нас только естественные плоды, до тех пор мы гроша не **стоим**—и по существу дела, и по суду Божию. Цена нам, когда благодать придет. Ибо когда она придет, это и будет значить, что Бог воззрел на нас милостивым оком...

В чем именно обнаруживается это действие благодати, я не имею вам сказать, но то несомненно, что она не может прийти прежде чем покажутся все указанные выше плоды внутренней молитвы (117, 60—61).

Плод **молитвы**—сосредоточение внимания в сердце и теплота. Это естественное действие. Достигать этого всякому можно. И молитву эту творить **всякому**—не монаху только, но и мирянину.

Это не есть какое-либо высокое дело, а простое. И молитва Иисусова, одна сама по себе, не чудотворная какая, а как всякая другая краткая молитва, словесная, и следовательно, внешняя. Но она может перейти в умную и сердечную... все естественным путем. Что от благодати, того надо ждать, а взять того никаким таким способом нельзя.

Что вам писали, что надо прежде страсти очистить, то относится к высокой созерцательной молитве, а это простая молитва... могущая, однако, привести к высокой молитве.

Чтобы успешно шло это занятие, надо всякий раз, приступая к нему, все оставить, чтобы сердце было свободно от всего решительно, чтобы во внимании не торчал: ни лицо, ни дело, ни вещь. Выгнать все надо на это время. Отбыв это правило, не надо оставлять этой молитвы и во всякое время, а как только **свобода**—сейчас за нее.

Во время богослужения надо внимать службе... стоя вниманием там же, где и Иисусова молитва творится. А когда что невнятно читают и поют, тогда творить эту молитовку (117, 61).

Не забывайте, что не должно ограничиваться одним механическим повторением слов молитвы Иисусовой. Это ни к чему не приведет, кроме механического навыка повторять молитву языком, даже не думая о том. И это, конечно, не худо. Но составляет самую дальнюю внешнюю окраину этого дела.

Суть **дела**—сознательное стояние в присутствии Господа со страхом, верой и любовью. Это настроение возможно и без слов. **Его** и надо установить в сердце прежде всего. Слова же потом будут идти, чтобы удерживать на этом одном внимание и углубить те чувства и расположения (117, 62).

Иисусова ли или другая какая краткая **молитва**—дело хорошее, если навязнет на языке. Позаботьтесь только при этом не в голове быть вниманием, а в сердце, и будьте там не во время только стояния на молитве, но и во всякое время. Потрудитесь образовать в сердце будто болячку какую... Труд постоянный скоро сделает это. Тут ничего нет особенного. Это натуральное дело (то, что **болячка**—болезнование покажется). Но и от этого собранности более будет. А главное то, что Господь, видя труд, дарует помощь и Свою Благодатную молитву. Тогда пойдут в сердце свои порядки (117, 62).

Бойтесь впасть в духовное сластолюбие? Как оно сюда попадет?! Ведь не для сласти творится молитва, а для того, что долг есть служить таким образом Богу; сласть же необходимая принадлежность истинного служения. К тому же в молитве **главное**—предстояние Богу умом в сердце с благоговением и страхом, отрезвляющим и прогоняющим всякую блажь и насаждающим в сердце болезнование пред Богом. Эти чувства: страх Божий и болезнование, или сердце сокрушенное и **смирненное**,—главные черты настоящей внутренней молитвы и проба всякой молитвы, по которым надо судить, должным ли порядком идет наша молитва или не должным. Когда они **есть**—молитва в порядке. Когда их **нет**—не в порядке, и надо вставлять ее в свой чин. С отсутствием их сласть и теплота могут породить самомнение, а это гордыня духовная... и это будет прелесть пагубная. Тогда сласть и теплота отойдут, останется одна память о них... а душа все же будет **думать**, что имеет их. Этого бойтесь и больше возгревайте страх Божий,

смирение и болезненное к Богу припадание, хотя всегда в присутствии Божию. **Это**—главное! (117, 62—63).

Теплота сердечная, о которой вы пишете, хорошее состояние. И надо ее блюсти и поддерживать. Когда ослабеет, возгревать так, как вы делаете: собираться посильнее внутрь и к Господу взывать. Чтобы не отходила, надо избегать рассеяния мыслей и впечатлений на чувства; не согласных с этим состояний избегать, чтобы сердце не прилегло к чему-либо видимому и никакая забота не поглощала всего внимания. Внимание же к Богу да будет неотходное и напряжение тела неослабное, в струнку, как солдат в строю. Главное же: Господа молить, да продлит эту **милость**.

Что касается до: «это ли?», то однажды навсегда примите за **правило**—такие вопросы гнать без жалости, как только родятся. Это вражие порождение. Если остановитесь на вопросе этом, то враг тотчас же и решение даст: о, конечно, это... Ты ведь молодец! Затем молодец подымется на ходули, начнет мечтать о себе, а других ставить ни во что. И благодать отойдет. Но враг все будет держать его на мысли, что она с ним. И это есть: мните, что имеете, тогда как ничего нет. Святые отцы написали: «не мерять себя». А взять и решить тот **вопрос**—значит приступить к измерению себя: насколько вырос. Так извольте от этого бегать, как от огня (117, 63).

Теплота **настоящая**—дар Божий; но есть и естественная теплота, плод собственных усилий и свободных настроений. Они отстоят друг от друга, как небо от земли. Какая у **вас**—этого не видно. После откроется.

«Мысли утомили, не дают установиться пред Богом». Это знак, что ваша теплота не Божия, а своя. Первый плод Божией теплоты есть собрание мыслей воедино и неотходное устремление их к Богу. Тут бывае то же, что с кровоточивою. У той остановился ток крови... а тут останавливается ток помыслов. Что же нужно? Держа свою натуральную теплоту, ни во что ее вменять, а только считать неким приготовлением к Божией теплоте. Затем болезновать о скудости Божиего действия в сердце и в болезни молить Господа непрестанно: «Милостив буди! Не отврати лица Твоего!.. Просвети лицо Твое!..» К этому усугубить лишения телесные... в пище, сне, труде и подобное. Все же дело предать в руки **Божии** (117, 63—64).

С первого пробуждения утром позаботьтесь собраться внутрь и возгреть теплоту. Это считайте нормальным вашим состоянием. Коль скоро нет этого, знайте, что у вас внутри неисправно. Поставив себя утром в такое собранное и согретое состояние, **затем**—все обязательно надо исправлять так, чтобы тем не разорять своего внутреннего настроения, а из **произвольного**—то, что поддерживает это состояние, делать; что же расстраивает его, того ни под каким видом не делать, ибо это значило бы враждовать с собой... Поставьте только законом хранить собранность и теплоту, умом стоя пред Господом. Тогда это само укажет, что и как должно делать или что должно позволять себе и чего не должно.

Всесильное пособие к этому есть молитва Иисусова. Надо навикнуть ей так, чтобы она непрестанно читалась там, где место сердца. А чтобы навикнуть, надо потрудиться. Теперь же возьмитесь за это дело. Или вы уже знакомы с ним? Мне показалось, что вы творите эту молитву только на правиле. На правиле своим чередом, а то непременно надо творить ее сидя, ходя, вкушая пищу, работая. Если она не держится крепко в сердце, можно, оставив все, ею одной заняться, пока внедрится. Это дело простое. Стать перед иконами в молитвенное положение (можно сесть) и, низходя вниманием туда, где место сердца, творить там неспешно Иисусову молитву, при памятовании присутствия Божия. Так полчаса, час или больше. Сначала трудновато, а когда навык приобретется, это будет совершаться будто натурально, как совершается дыхание.

При таком устройстве вашего внутреннего начнется в вас умная жизнь, или, как говорят, умные делания. Первое тут есть требование чистоты совести, ее безукоризненности не пред Богом только, но и перед людьми и собою, даже перед вещами. Почему, мало-мало проскользнет что в мысли или слове, смущающее совесть, сейчас надо каяться внутренне пред Господом, Который все видит, и умиротворит совесть...

Остается одна борьба с помыслами, которые то и дело будут жужжать, как комары безотвязные. Учитесь сами, как с ними управлять-ся. **Опыт**—наука. Одно скажу. Обычно помыслы кружатся в голове. Это пустые. Но вы смотрите за теми, которые, как стрелой, пронизывают сердце и оставляют там след, как царапину. Тотчас возьмитесь и изгладьте этот след молитвой, восстановив на место его противоположное чувство. Когда хранится теплота, эти случаи редки и слабы (117, 64—65).

На языке пусть будет молитва Иисусова, в **уме**—презрение Господа пред собою, в сердце жажда Бога или общения с Господом. Когда все это будет, и будет постоянно, тогда Господь, видя, как нудите себя, подает просимое (117, 65).

Всякая молитва должна исходить из сердца, и другая **молитва**—не молитва. И молитвы по молитвеннику, и молитвы свои, и коротенькие **молитовки**—должны идти из сердца к Господу, предзримому перед собою. Тем более такой должна быть молитва Иисусова (117, 65).

Вы предлагаете мне разъяснить дело молитвы... Но тут и разъяснять нечего. Стань умом в сердце пред лицом Господа и взывай к Нему: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!» Это будет труд молитвенный. Смотря по тому, как усердно кто будет трудиться, Господь, видя труд, даст ему молитву духовную, которая бывает плодом благодати Святого Духа. Вот и все, что следует говорить и разуметь о молитве Иисусовой. Все же прочее, придумываемое, к делу не идет. Это враг отвлекает от настоящей молитвы (117, 65—66).

Надо установиться вниманием в сердце и стоять там неисходно пред Господом. Я об этом не раз уже писал вам. Тогда всякую порошинку будете замечать. Молитесь, даст Бог! (117, 66).

Пока есть ревность, присуща и благодать Святого Духа. Она—огонь. Огонь поддерживается дровами. Дрова **духовные**—молитва... Как благодать коснется сердца, тотчас порождается обращение ума и сердца к **Богу**—семя молитвы. Затем идет богомыслие.

Благодать Божия обращает внимание ума и сердца к Богу и на Нем держит. Так как ум без действия не стоит, то, будучи обращаем к Богу, о Боге и думает. Отсюда память **Божия**—присная спутница благодатного состояния... Память Божия праздной не бывает, но непременно вводит в созерцание совершенств Божиих и Божиих дел: благодати, правды, творения, промысления, искупления, суда и воздаяния. Все это в совокупности есть мир Божий, или область духовная. **Ревнующий**—неисходно пребывает в этой области. Таково уж свойство ревности. Отсюда и обратно: пребывание в этой области поддерживает и живит ревность. Желаете соблести ревность? держите все описанное настроение... По **частям**—это дрова духовные... Имейте всегда под руками такие дрова, и как только заметите, что огонь ревности слабеет, берите какое-либо полено из своих духовных дров и подновляйте огонь духовный. И все хорошо пойдет. Из совокупности таких духовных движений исходит страх Божий, благоговейное стояние пред Богом в сердце. Это страх и охрана благодатного состояния... Вникните в это, хорошенько обдумайте, вселите в сознание и сердце... и непрестанно оживляйте в себе... и живы будете.

Ваша **вышка**—точь-в-точь пустынная келлия. Можно ничего не видеть и не слышать... То почитать да подумать, то помолиться да опять подумать... Вот и все тут. Когда бы Бог подал теплоту в сердце и она не отходила! Чистая совесть да непрестанное молитвенное обращение к Богу должны бы именно это производить. Но все от руки Божией (117, 66—67).

Усердно исполняя правило, храните трезвость ума и теплоту сердца. Последнюю, когда начнет умаляться, спешите возгревать, твердо зная, что коль скоро ее не **станет**,—это значит, что половина пути к отступлению от Бога пройдена. Страх Божий есть хранитель и возбудитель внутренней теплоты. Но и смирение нужно, и терпение, и верность правилам, и более всего трезвение. Внимайте себе, Господа ради. Тревожьте себя всячески, чтобы не заснуть или, задремав, пробудиться. Епископ Феофан Затворник (117, 67).

Тайное поучение

Благоразумный богач скрывает внутри дома сокровища свои, Сокровище, выставленное наружу, подвергается хищению воров и **наветуется** сильными земли. Так и монах, **смирennemудренный** и добродетельный, таит свои добродетели, как богач сокровища, не исполняет пожеланий падшего естества. Он укоряет себя ежечасно и упражняется в тайном поучении, по сказанному в Писании: «Воспламенилось сердце мое во мне; в мыслях моих возгорелся огонь» (Пс. 38, 4). О каком огне говорит здесь Писание? О Боге. Бог наш есть огонь поядующий. Огнем растопляется воск и иссушается тина скверной нечистоты; так и тайным поучением иссушаются скверные помыслы, истребляются из души страсти, просвещается ум, уясняется и утончается мысль, изливается радость в сердце. Тайное поучение уязвляет бесов, отгоняет злые помыслы, им оживотворяется внутренний человек. Вооружающегося тайным поучением укрепляет Бог; Ангелы преподают ему силу; люди прославляют его. Тайное поучение и чтение делают душу домом, отовсюду закрытым и запертым, столпом неподвижным, пристанищем тихим и безмятежным. Оно спасает душу, охраняя ее от колебания. Очень смущаются и молвят бесы, когда инок вооружает себя тайным поучением, которое заключается в молитве Иисусовой: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй **мя**,—и чтением в уединении содействует упражнению в поучении. Тайное поучение есть зеркало для ума, светильник для совести. Тайное поучение иссушает блуд, укрошает ярость, отгоняет гнев, отъемлет печаль, удаляет дерзость, уничтожает уныние. Тайное поучение просвещает ум, отгоняет леность. От тайного поучения рождается умиление, вселяется в тебя страх Божий; оно приносит слезы. Тайным поучением доставляется монаху смирennemудрие неслестное, бдение умиленное, молитва несмущенная. Тайное поучение есть сокровище молитвенное: оно отгоняет помыслы, уязвляет бесов, очищает тело. Тайное поучение научает долготерпению, воздержанию, причастнику своему возвещает о геенне. Тайное поучение соблюдает ум немечтательным и приносит ему размышление о смерти. Тайное поучение исполнено всех благих дел, украшено всякой добродетелью, всякому скверному делу непричастно и чуждо. Преподобный авва **Исая** (117, 67—68).

Соберись в сердце и твори тайное поучение. Этим средством, при помощи благодати Господней, дух ревности, в истинном его строении, будет **поддерживаться—и** то теплиться, то пламенеть. И **это—внутренним** путем. Надо знать, что это есть самый прямой путь к устройению спасительному. Можно все оставить и заняться только этим **деланием—и** все будет идти успешно. Напротив того, хоть и все будем делать, но без внимания к этому, не будем видеть плода.

Тот, кто обращается не внутрь и не к этому духовному деланию, только проволакивает дело. Правда, делание это чрезвычайно трудно, особенно вначале, но зато прямо и **многоплодно**. Потому священнику руководствующему надлежит как можно скорее вводить своих питомцев в

это делание и утверждать в нем. Можно даже вводить в него прежде всего внешнего, но всячески совместно с ним, и не можно только, но и должно. Это потому, что семя этому деланию положено в обращениях, в котором все оно проходит. Следует только разъяснить его, натолковать, как важно, и руководить. Тогда и внешнее все пойдет охотно, спешно и зрело. Напротив, без этого оно одно, как гнилые нитки, все будет рваться. Заметь то правило, что надо не вдруг, а исподволь; оно должно иметь великие ограничения, ибо оно может вести не к этому внутреннему деланию, в котором существо дела, а к внешним правилам. Потому, несмотря даже на то, что есть и такие люди, которые восходят извне внутрь, должно остаться неизменным **правилом**—входить скорее внутрь и здесь разогревать дух ревности.

Кажется, простая вещь; не узнав о ней, можно долго **пропотеть**—и все малоплодно. И это по свойству телесной **делательности**. Она легче, потому и привлекает; внутренняя же трудна, потому и отталкивает. Но привязавшийся к первому, как жественному, и сам в духе постепенно овеществляется, потому холодеет, становится неподвижнее и, следовательно, все более и более удаляется от внутреннего. И выходит, что сначала оставит иной внутреннее, будто до времени **созревания**—придет-де **срок**,—но после, оглянувшись, находит, что срок пропущен и, вместо приготовления, он вовсе стал к нему неспособным. Опять, и внешнее не должно оставлять: **оно**—опора внутреннего, а то и другое должно идти совместно... Очевидно только, что **преимущество**—за первым, ибо должно духом служить Богу и поклоняться Ему «в духе и истине» (Ин. 4, 24). То и другое должно быть во взаимном подчинении, по достоинству их удельному, без насилия друг другу и насильственного разделения (117, **68—69**).

Главное, чего они (святые отцы) искали и что **советовали**,—это понять духовный строй и уметь держать его. Кто достигнет этого, тому остается одно правило: будь внутри, имей тайное поучение в сердце. Поучайся в памяти Божией, в памяти смертной, в памяти грехов, самокорении, то есть сознай этот предмет и говори о нем внутри беспрестанно, например: куда пойду от лица Твоего? или: червь, а не человек. Это и подобное, во внимании и чувстве творимое, есть тайное поучение (117, **69—70**).

Отсюда следует, что все способы или приемы к возгреванию и содержанию духа ревности коротко можно выразить так: вслед за пробуждением, войди в себя, стань в место свое у сердца, пройди всю жизненную деятельность духовную и, остановившись на чем-нибудь одном, будь в нем неисходно. Или еще короче: соберись и твори в сердце тайное поучение (117, 70).

Когда ваше сердце затеплится теплотой Божией, с того времени начнется собственно ваша внутренняя переделка. Огонек тот все в вас пережжет и переплавит, иначе сказать, начнет все одухотворять, пока совсем одухотворит. Пока не придет тот огонек, одухотворения не будет, как ни напрягайтесь на духовное. Стало быть, теперь все **дело**—**достать** огонька. И извольте на это направить весь труд. Но знайте, что огонек не покажется, пока страсти в силе, хоть им и не поглажают. **Страсти**—то же, что сырость в дровах. Сырые дрова не горят. Надо со стороны принести сухих дровишек и зажечь. Они, горя, начнут просушивать сырость и, по мере просушивания, зажигать сырые дрова. Так понемногу огонь, гоня сырость и распространяясь, охватит пламенем и все Дрова.

Дрова наши суть все силы нашей души и все отправления тела. Все они, пока не внимает себе человек, пропитаны **сыростью**—страстями, и пока страсти не изгнаны, упорно противятся огню духовному... Они проходят и в душу, и в тело, забирают и самый **дух**—сознание и **Свободу**—в свою власть и, таким образом, господствуют над всем человеком. Как они в стачке с бесами, то через них и бесы господствуют **над** человеком, мечтающим, однако, что он сам себе господин.

Вырывается из этих уз прежде всего дух. Благодать Божия исторгает. Дух, преисполняясь, под действием благодати, страхом Божиим, разрывает всякую связь со страстями и, раскаявшись в прошедшем, полагает твердое намерение угождать одному Богу и для Него одного жить, ходя в заповедях Его. Стоя в этой решимости, дух с помощью благодати Божией изгоняет потом страсти из души и тела и все в себе одухотворяет. Вот и в вас дух исторгся из державших его уз. Сознанием и произволением вы стоите на стороне Божией. Богу хотите принадлежать и Ему единому угождать. **Это — точка** опоры для вашей деятельности в духе. Но тогда как дух ваш восстановлен в своих правах, душа и тело остаются еще под действием страстей и терпят от них **насилие**. Вам остается теперь вооружиться против страстей и победить **их — изгнать** из души и тела. Борьба со страстями неизбежна. Они не уступят сами собою своих владений, хотя и незаконных.

Память **Божия — жизнь** духа. Она и ревность к богоугождению поджигает, и вашу решимость быть Божией делает непоколебимой. Это, повторяю **опять, — точка** опоры для жизни в духе и, прибавлю, базис стратегических операций ваших против страстей (117, 70—71).

Как возгревали в себе дух молитвенный и утверждались в молитве подвижники, отцы и учителя наши? Главное, чего они искали, состояло в том, чтобы сердце горело к одному Господу беспрестанно. Бог требует сердца, потому что в нем исходище жизни. Где сердце, там сознание, внимание и ум, там вся душа. Когда сердце в Боге, тогда и вся душа в Боге, и предстоит человек в непрестанном поклонении Ему духом и истиной.

Это главное иным доставалось скоро и легко. Милость Божия! Как глубоко потрясал их страх Божий, как скоро оживала совесть во всей своей силе, как стремительно возжигалась **ревность — держать** себя пред Господом чисто и непорочно, как скоро труд **богоугождения** раздувал этот огонек и превращал его в пламень! Это серафимские души, пламенные, быстродвижные, **многодеятельные**.

Но у других все идет вяло. Строй ли их естественный такой, или другие о них намерения **Божии**, только сердце их не скоро согревается. Казалось бы, они **уж** навыкли всем делам благочестия и жизнь у них идет праведно, а нет, на сердце все не то, чему бы следовало быть. Так бывает не только с мирянами, но и с живущими в обителях, и даже с **отшельниками**.

Бог вразумил, и труженики трезвения установили особый способ привития к сердцу неисходной молитвы ко Господу, согревающей сердце. Мы об этом поминали не раз. Опыт оправдал этот прием успехом, и он установился почти повсюду, и все, которые проходят его как следует, успевают (117, **71—72**).

Из опытов в духовной жизни можно вывести весьма верное заключение, что у кого есть усердие молиться, того нечего учить, как усовершенствоваться в молитве. Самый труд молитвенный, с терпением продолжаемый, доведет его и до высших степеней **МОЛИТВЫ**.

Но что делать немощным, вялым, и особенно тем, которые прежде чем дошли до разумения, какова должна быть молитва, успели затвердеть во внешней формальности и охладели в навыкновении порядкам уставного молитвословия? Им остается еще **прибежище** — художественное делание умной молитвы ко Господу. И не для них ли преимущественно и изобретено это художественное делание, или, иначе, искусственное привитие к сердцу умной молитвы Иисусовой? Епископ Феофан Затворник (117, 72).

Кроме деятельной умной молитвы никто не может избежать действия страстей и сложения лукавых помыслов, за которые будут истязаны в час смерти и дадут ответ на Страшном Суде. Архимандрит Паисий (Величковский) (117, 72).

Молитва Иисусова стоит в числе средств к успеху в навыке ходить пред Богом... Главное в ней: стать вниманием в сердце и звать к Господу, везде сущему...

Корень доброго внутреннего строя есть страх Божий. Его надо сделать неотходным... Он будет все держать в напряжении и не даст распускаться ни членам, ни мыслям, созидавая бодренное сердце и трезвенную мысль.

Но всегда надо помнить и чувствовать, что успех в духовной жизни и во всех ее проявлениях есть плод благодати Божией. Духовная жизнь вся от Пресвятого Духа Божия. У нас есть свой дух, но бессильный. В силу вступает он, когда осенит его благодать (117, 72—73).

Ищите, и обрящете! (Мф. 7, 7) Чего должно искать? Живого, осязаемого общения с Господом. Дает это благодать Божия, но нам необходимо и самим трудиться о том. Куда же обращать труд? На то, чтобы всегда памятовать о Господе, как близком и даже пребывающем в сердце. Чтобы в этом успеть, советуется навыкнуть молитве Иисусовой: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя», повторяя ее непрестанно с мыслью о Господе, как пребывающем в сердце или близ сердца. Стань вниманием в сердце пред лицом Господа и говори: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!» Все дело в этом и есть, и по существу дела больше ничего не требуется... Дело стать умом в сердце пред лицом Господа и говорить Ему молитву. При этом знай, что умная молитва есть стояние умом пред Господом с воздыханием к Нему, а молитва Иисусова: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя... есть словесная, внешняя молитва.

Этим способом память Божия утвердится в уме, и лик Божий будет в **душе**, как солнце. Положи холодную вещь на **солнце** — она согреется. Так согреется и душа от памяти о Господе, Который есть умное солнце. А что потом будет, после увидишь.

Первый **труд** — навык повторять непрестанно молитву Иисусову... И начинайте, все твердите и твердите, но все и с мыслью о Господе. И все тут... (117, 73).

Спрашиваете, что нужно для молитвы Иисусовой... Как вы творите ее, так хорошо. Припоминайте и так делайте. Одно напомним, что вниманием надо сойти в сердце и стать там пред лицом Господа,

вездесущего — и в вас, и **всевидящего** — и в вас... Прочность начнется, когда огонек в сердце образуется.

Трудитесь не прерывать **ее** — и будет у вас ручеек журчать, как выражался старец Парфений Киево-Печерский. А из древних некто сказал: как воры, подойдя к дому, чтобы прокрасться в него для кражи, услышав, что там внутри говорит кто-нибудь, не решаются пролезть в него, так, когда враги наши подкрадываются к душе, чтобы обокрасть ее, и слышат, что там журчит маленькая молитовка, то ходят около, а в середку бояться ийти (117, 74).

То, чего должно искать **молитвой**, — это водружение в сердце тихого, но теплого, неотходного чувства к Богу, а когда Бог пошлет особенные молитвенные чувства, благодарить за них, а не присваивать себе и не жалеть, когда отойдут, как бы о какой великой потере, а всегда от них смиренно нисходить к тихому чувству к Господу. **Епископ Феофан Затворник (117, 74).**

О памяти Божией

Часто я напоминал тебе, добрая сестра моя, о памяти Божией и ныне опять говорю тебе, что если не потрудишься и не попотеешь, чтобы напечатлелось в сердце и в уме твоём это страшное имя, всеу ты безмолвствуешь, всеу поешь, всеу постишься, всеу бдишь. Одним словом, весь труд монаха будет ни во что без такого делания, без памяти о Боге. Это есть начало безмолвия ради Господа, это и конец. Это многовожделенное имя есть душа безмолвия и молчания. В памяти о **нем** — радость и веселие, оставление грехов и богатство добродетелей. Это преславное имя едва немногие могли обрести в одном безмолвии и молчании. Иначе же человек и не может улучшить его, хотя много будет нудить себя. Потому, зная силу этого слова, я всегда убеждаю твою во Христе любовь безмолвствовать и молчать, ибо посредством этих добродетелей богатеет в нас память о Боге. **Митерикон (117, 72—75).**

Бог везде есть и всегда с нами, при нас и в нас. Но мы не всегда с Ним бываем, ибо не помним о Нем, и потому, что не помним, позволяем себе много такого, чего не позволили бы, если бы помнили. Возьмите на себя труд навязать в этой памяти!

Поставьте себе законом: с Господом всегда быть умом в сердце и не позволять блуждать мыслям, а как только уйдут, опять возвращать их назад и заставлять сидеть дома, в клети сердца, и беседовать со сладчайшим Господом.

Посылаю вам на этот предмет книжку: «Письма о духовной жизни», которая весь направлена к тому, чтобы способствовать утверждению ума в сердце вниманием к Господу и молитвенным расположением (117, 75).

Чем более будете утверждаться в памяти Божией, или в умном предстоянии **Богу** в сердце, тем более и более будут улегаться и мысли и менее блуждать. Внутреннее упорядочение и успех в молитве идут вместе.

Припомните, что с самого начала писем говорено о духе нашем. Вот это и есть восстановление его в его правах. Когда восстановится это, тогда начнется **деятельная — жизненная** — переработка души и тела, и внешних отношений, на очистку. И станете вы настоящим человеком (117, 75).

Когда утвердитесь во внутреннем человеке памятью Божией, тогда и Христос Господь вселится в вас. То и другое идет вместе.

И вот вам знамение, по которому можете удостовериться, что предивное дело это начало совершаться в вас, именно: некое теплое чувство к Господу. Если будете исполнять все написанное, то чувство такое скоро начнет появляться, и все чаще и чаще, а потом сделается и непрерывным. Чувство это сладостно и блаженно, и с первого появления своего возбуждает желание и искание его, чтобы оно не отходило от сердца, ибо в нем рай.

Хотите ли поскорее вступить в этот рай? Вот что делайте: когда молитесь, не отходите от молитвы, не возбудив в сердце какого-либо чувства к Богу: или благоговения, или преданности, или благодарения, или возвеличения, или смирения и сокрушения, или благой надежды и упования; также, когда, по молитве, читать станете, не отходите от чтения, не доведя до чувства вычитанной истины. Эти два чувства, подогревая себя взаимно, могут, если будете внимать себе, и весь день продержать вас под своим влиянием. Потрудитесь в точности исполнять эти два приема — и сами увидите, что будет (117, 76).

Память о Боге Бог Сам прививает к душе. Но для этого душа сама себя должна потомить и потрудить. Трудитесь, **всеусильно** нудя себя на непрестанное памятование Бога. И Бог, видя, как усердно вы желаете этого, даст вам память о Себе (117, 76).

Все время, от пробуждения до сна, ходите в памяти о Божием вездесуществовании, в том помышлении, что Господь видит вас и исчисляет все движения мысли и сердца вашего. Потому непрестанно молитесь молитвой Иисусовой и, часто приходя к иконам, творите несколько поклонов, по движению и требованию сердца вашего, так чтобы все дневное время у вас было часто прерываемо немногими поклонами и проходило в непрестанном богомыслии и творении молитвы Иисусовой при всякого рода занятиях (117, 76).

Все дело в том, чтобы навикнуть внимание держать всегда на Господе вездесущем, и всё видящем, и желающем всем спастись, и готовом способствовать этому.

Этот навик не даст **скорбеть** — внутренняя ли или внешняя скорбь беспокоит, ибо он доставляет душе полное удовлетворение, которое, насыщая душу, не даст места никакому чувству скудости и недостаточности, повергая себя и все свое в руки Господа и порождая чувство Его непрестанного заступления и помощи (117, 76).

Молитва не одно то, чтобы стоять на молитве. Держать ум и сердце обращенными и устремленными к Богу есть уже молитва, в каком бы положении кто ни был. Правило **молитвенное** — своим чередом, а это молитвенное **состояние** — своим. Путь к **нему** — навикновение всегда памятовать о Боге и о последнем часе, с Судом вслед за ним. Вот наладьтесь так, и все пойдет хорошо. Это значит: внутри всякий шаг посвящать Богу... А шаги по заповедям направлять надо. Заповеди же знаете. Вот и все!.. Каждый случай можно подвести под заповедь и внутренне посвятить Богу свое в Нем действие. Так будет вся жизнь посвящаться Богу. Что же еще требуется? Ничего. Видите, как просто. Ревность о спасении у вас есть... Когда есть ревнование, оно свидетельствуется жаркой заботой о спасении. Надо всячески избегать охлаждения. Охлаждение бывает вот как: начинается забыванием... Забываются благодеяния **Божии**, и Сам Бог, и свое в Нем спасение, опасность быть без Бога, и память смертная **отходит** — словом, закрывается вся духовная область. Это и от врага бывает, и от рассеяния мыслей делами, работами, многим обращением с людьми. Когда все это бывает забыто, охлаждается сердце и пресекается его сочувствие духовному ... вот и нечувствие. А когда оно бывает, вместе с ним происходит и движение нерадения и беспечности... Вследствие этого духовные занятия отлагаются на время, а там и совсем оставляются. И пошла старая и беспечная, и нерадивая жизнь в богозабвении, в собственное лишь угождение. Хотя при этом безалаберного и ничего не будет, но и Божиего не ищи. Пустая жизнь!

Если не хотите попасть в эту пропасть, то берегитесь первого **шага** — **забвения**. Потому ходите всегда в памятах Божиих, то есть о Боге и Божиих вещах. Это будет поддерживать сочувствие к ним, а от того и другого постоянно будет теплиться ревнование. И это жизнь! (117, 76—77).

Относительно умной молитвы держите одну предосторожность: чтобы при непрестанном памятовании о Боге не забывать возгревать и благоговейный страх, и позыв падать в прах пред лицом Бога, милостивейшего Отца, но и грозного Судии. Частое памятование о Боге без благоговения притупляет чувство страха Божия и тем лишает его **того**

спасительного действия, которое ему принадлежит в кругу духовных движений и которого, кроме него, ничто произвести не может (117, 77).

Спрашиваете о молитве. Встречаю у отцов, что, молясь, надо изгонять все образы из головы. Я так и стараюсь делать, напрягаясь стоять в том убеждении, что Бог везде есть... есть и тут, где моя мысль и мое чувство. Совсем от образов освободиться не имею успеха... но они все более и более испаряются. Верно: есть время, когда они совсем исчезнут. Епископ Феофан Затворник (117, 77—78).

Что значит сосредоточить ум в сердце?

Стараясь в **тщательном** трезвении надзирать над нашей мыслительной силой, его правильно творить и ее исправлять, каким другим способом мы можем преуспеть в этом, как не собрав извне рассеянный чувствами ум и введя его внутрь, в это самое сердце, которое есть хранилище помыслов? Святитель Григорий **Палама** (117, 108).

Царствие Божие внутри вас. Поскольку Сын Божий в тебе, то и Царство Его в тебе. Вот богатство небесное в тебе, если хочешь этого. Вот Царство Божие внутри тебя, грешник. Войди в самого себя, ищи усерднее и без труда найдешь его... Вне **тебя—смерть**, и дверь к **ней—грех**... Войди в себя, пребывай в сердце своем, ибо **там—Бог**. Преподобный Ефрем Сирин (117, 108—109).

Надо из головы сойти в сердце. Теперь у вас помышление о Боге в голове. А сам Бог как бы **вне**—и выходит, что это работа внешняя. Пока вы в голове, мысли не улягутся покойно, все будут в смятении, как снег или толкашки комаров летом. Уединение да **чтение—два** крыла в этом занятии (117, 169).

Помнится мне, что вы писали, что от внимания голова даже болит. Да, если только головой работать, а когда сойдете в сердце, никакого труда не будет, голова **опустеет**—и помыслам конец. Они все в голове и один за другим гонятся, и управиться с ними нет возможности. Если же найдете сердце и сумеете стоять в нем, то всякий раз, как начнут смущать помыслы, стоит только низойти в **сердце**—и помыслы разбегутся. Это **будет** уютный уголок, безопасное пристанище. Не поленитесь низойти. В **сердце**—жизнь, там и жить надо. Не думайте, что это дело совершенных. Нет. Это дело всех, начинающих искать Господа (117, 109).

Как понимать выражение «сосредоточить ум в сердце»? Ум там, где внимание. Сосредоточить его в **сердце**—значит установить внимание в сердце и умно зреть пред собой присущего невидимого Бога, обращаясь к Нему со славословием, благодарением и прошением, наблюдая при этом, чтобы ничто постороннее не входило в сердце. Тут вся тайна духовной жизни.

Главнейший же подвиг есть хранение сердца от страстных движений и **ума**—от таких же помыслов. Надо в сердце смотреть и все неправое отуда гнать. Делая все прописанное, вы будете почти что монахиня, а то и совсем монахиня. Можно и вне монастыря быть монахиней, живя по-монашески, и в монастыре можно быть миряночкой (117, 109).

Разве вот что может быть! Бог окончательно сердца вашего просит, а сердце Бога хочет. Ибо без Бога оно никогда не бывает сыто, все скучает. Осмотрите себя с этой стороны. Может быть, тут найдете дверь в покой **Божий** (117, 119—110).

Мы **все**—крещенные и **миропомазанные**—имеем дар Святого Духа. Он у всех есть, но не у всех действен. Как достигнуть того, чтобы он

стал действенным, изображено в моих первых письмах. Потрудитесь снова пересмотреть. Здесь прибавлю только, что иного пути к тому нет (117, 110).

Глава дела — чтобы внимание не отходило от Господа, это то же, что утверждение в сердце памяти Божией (117, 110).

Ищете Господа? — Ищите, но только в себе. Он недалеко ни от кого. Близ Господь всем призывающим Его искренне. Найдите место в сердце и там беседуйте с Господом. Это приемная зала Господня! Кто ни встречает Господа — там встречает Его. И иного места Он не назначил для свидания с душами (117, 110).

Внутрипробывание и сердечное уединение вы держите... Дай Господи и всегда хранить его вам. Тут главное дело. Когда сознание внутри, в сердце, — а там и Господь, — тогда они сочетаются, и дело спасения идет успешно. Ни помыслам неправым нет хода тогда, ни тем более чувствам и расположениям. Единое имя Господа разгоняет все чуждое и привлекает все сродное...

Чего вам больше всего опасаться должно? — Самодовольства, самоцена, сомнения и всякого другого «само»...

Со страхом и трепетом творите свое спасение... Дух сокрушенный, сердце сокрушенное и смиренное возгревайте и держите (117, 110).

Что значит быть умом в сердце? — Вот что значит: знаете, где сердце? — Как не знать! Чему же учились? — Так станьте там вниманием и стойте неисходно — и будете умом в сердце; ум неотлучен от внимания: где оно, там и он. Вы писали, что часто при чтении акафиста Сладчайшему Иисусу чувствуете огонь в сердце. Вот, где это чувствуете, там и будьте вниманием и не выходите вон не только во время молитвы, но и во всякое другое время. Но стоять там надо не просто, а с сознанием, что стоите пред лицом Господа или пред всевидящим оком Его, презирающим в сокровенности сердечные, а чтобы так стоять, старайтесь иметь возгрезом какое-либо чувство к Богу — страха, любви, упования, преданности, болезненного сокрушения и прочее. Вот — норма внутреннего строя. Блюдите, и как только заметите, что он нарушился в чем-либо, спешите восстанавливать его (117, 110—111).

Имейте всегда в намерении одно — держать себя в сердце к Господу так, как следует, а на то, что вне, не обращайтесь большого внимания. Когда память Божия есть, сознание предстоит пред Господом со страхом и благоговением и припадает к Нему в полной преданности Его святой воле — вот норма должного держания себя в отношении к Господу (117, 111).

Так вы знаете настоящий покой?! Слава Богу!.. Так что же — за чем дело? И надо теперь в ту сторону тянуть, в которой он дается. Надо искать потерянный рай, чтобы потом воспеть обретенный. Там — существо дела... Все вне и кроме его — пустошь... И недалеко все это, вот-вот под руками... Захотеть, однако же, надо... и нелегко захотеть. Помогите вам Матерь Божия и Ангел ваш Хранитель! (117, 111).

С благополучным возвращением! Свой уголок, точно рай, после отлучки. Так все испытывают. Так же бывает, когда кто после рассеяния возвращается ко вниманию и внутренней жизни. Когда мы в сердце, тогда дома; когда не в сердце, нас нет дома. И вот о чем более всего нам нужно иметь заботу! (117, 111).

Помогите вам Господи быть живыми и трезвенными. Но не забывайте главного — того, чтобы вниманием и умом сочетаться с сердцем и неисходно быть там пред лицом Господа. Все молитвенные труды на это должны быть направлены. Молите Господа, чтоб Он даровал вам это благо... Это — сокровище, скрытое на селе; это жемчуг многоценный (117, 111—112).

У подвижащихся вместо внешней выправки целью должны быть внимание, бодренность, хождение в присутствии Божиим. Вот когда, Бог даст, зародится болячка в сердце вашем, тогда само собою прибудет и то, чего вы желаете, или нечто, гораздо высшее того, — водворится особый некий такт, по которому все будет у вас идти ладно, складно и уместно, без думания о том. Тогда внутри себя будете носить учителя, премудрее которого нет на земле (117, 112).

Без дела не должно быть ни минуты. Но есть дела, видимо совершаемые телом, и есть дела мысленные, невидимые. И такие суть настоящие дела... Первое из них есть память Божия неотходная с умно-сердечной молитвой. Этого никто не видит, однако же лица, так настроенные, находятся в непрестанном напряженном делании. Это же есть и единое на потребу. Коль скоро оно есть, не заботься о других делах.

Поскольку первое Божие определение о человеке есть, чтобы он был в живом союзе с Богом, а союз этот выражается, когда кто умом и сердцем живет в Боге, то коль скоро кто стремится к такой жизни и тем более делается причастным ее в какой-либо мере, о том надо говорить, что он исполняет задачу жизни, для которой введен в течение бытия. Да сознает это трудящийся в этом роде жизни и да не смущается, что не делает явно каких-либо дел, особенно важных. Это одно совмещает все дела. Епископ Феофан Затворник (117, 112).

Всякому истинному христианину нужно всегда помнить и никогда не забывать, что ему необходимо соединиться с Господом Спасителем всем существом **своим**,— надо дать Ему, Господу, вселиться в уме и сердце нашем, необходимо начать жить Его пресвятой жизнью. Он принял плоть нашу, а мы должны принять и Плоть, и Всесвятой Дух Его, принять и хранить навсегда. Только такое соединение с нашим Господом доставит нам тот мир и то благоволение, тот свет и ту жизнь, которые потеряны **нами**—в Адаме первом и возвращаются теперь от лица Адама **второго—Господа** Иисуса Христа. А к такому соединению с Господом, после Причащения Тела и Крови Его, лучшее и надежнейшее средство есть умная молитва Иисусова, которая читается так: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!...»

Обязательна ли молитва Иисусова и для мирян, а не для одних только монашествующих? Непременно обязательна, потому что всякому христианину необходимо соединиться с Господом в сердце, а к этому соединению лучшим способом служит молитва Иисусова. Епископ Иустин (117, 112—113).

«Стать над сердцем, стать умом в сердце, из головы сойти в **сердце**»—**все** это одно и то же. Существо дела в сосредоточении внимания и стоянии пред невидимым Господом, но не в голове, а внутри **груди—к** сердцу и в сердце. Когда придет Божия теплота, то все это уяснится (117, 113).

В книгах пишется, что когда молитва Иисусова возьмет силу и внедрится в сердце (на языке **навяззет—это** одно, а внедрится в **сердце**—это другое), тогда она придает бодрости и сон прогоняет (117, 113).

Внимай себе и старайся не выходить из сердца, ибо там Господь. Ищи этого и трудись над этим. Найдешь и увидишь, как это драгоценно (117, 113).

То, что водитесь чувством или что вообще имеете духовные чувства, **не** значит еще, что стоите твердо вниманием в сердце. Когда это последнее есть, тогда ум стоит в сердце неисходно, и стоит пред Господом в страхе и благоговении и исходить оттуда не хочет. Состояние это похоже на то, как дитя покоится в объятиях матери. Даруй вам Господи этого достигнуть (117, 113).

Попадается кто-нибудь из знающих дело и растолковывает: оттого у тебя все неустройство внутри, что там господствует разложение сил: ум идет своим чередом, а **сердце**—своим. Надо ум соединить с сердцем, тогда брожение мыслей прекратится и ты получишь руль для управления кораблём **души**—рычаг, которым начнешь приводить в движение весь

твой внутренний мир. Как же это? Навыкни молиться умом в сердце: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» И эта молитва, когда научишься совершать ее как следует, или лучше, когда она привьется к сердцу, приведет тебя к желаемому концу: она соединит ум твой с сердцем, она уложит брожение мыслей и даст тебе силу править движениями твоей души (117, **113-114**).

В предыдущем состоянии была молитва (трудовая), но сердце почти постоянно было холодно и только иногда подвигалось на теплую и усердную молитву. Теперь, **напротив**, — теплота молитвенная не отходит, а только кое-когда нападёт охлаждение, которое скоро прогоняется терпеливым пребыванием в порядках и занятиях, возбуждающих чувство. Есть большая разность и в отношениях сердца к суетным и страстным **приражениям** — кто от них **свободен!** — но в предыдущем состоянии они входили в сердце, захватывали его и будто силой брали сочувствие; оттого хоть дел грешных не было и там, но сердце редко оставалось свободным от осквернения услаждением греховным. И теперь подходят те же приражения, но у входа сердца неотходно стоит **страж — внимание** — и именем Господа Иисуса отражает этих врагов. И только когда-то враг воровски успевает заронить сласть такую, которая, впрочем, тотчас замечается, извергается и очищается покаянием до того, что и следа ее не остается. Таков обычный строй сердца, о котором идет речь...

До этого в период искания, сидя около купели, проводишь годы, восклицая: «Не имею человека» (Ин. 5, 7). О, когда придет спасение Израилево, чтобы бросить нас в эту живительную купель? Почему Он, принятый нами в себя, дает нам томиться таким образом? Он внутри нас, но нас самих там нет... Итак, нужно нам туда вернуться. Довольно читать, нужно действовать; довольно глядеть, как ходят другие, надо ходить самому!

К этим прекрасным мыслям и внушениям нечего прибавить. Хочешь внутренней **жизни** — **войди** внутрь. Но как **войти** — **об** этом уже говорилось ранее.

До зарождения внутренней жизни или проявления ошутительного действия благодати и богообщения человек часто еще что-нибудь сам делает и напрягает к этому свои силы. Но, измаявшись безуспешно в своих усилиях, он бросает наконец свою самостоятельность и от всей души предает себя вседействию благодати. Тогда посещает его Господь милостью Своею и возжигает в нем огонь внутренней духовной жизни. Что в этом великом перевороте его усилия ничего не значили, это знает он по опыту. После, более или менее частыми отступлениями, благодать Божия впечатлевает в него также опытное удостоверение, что и поддержание этого огня жизни не есть дело его собственных усилий. Затем частое нахождение благих мыслей и начинаний, частые осенения духа молитвенного, неведомо как и откуда находящего, тоже опытно дают ему убедиться, что и все доброе не иначе для него возможно, как от действия Божией благодати, всегда присущей ему, по милости Господа, спасающего всех спасаемых. Он предает себя Господу, и Господь вседействует в нем. Опыт показывает, что тогда только и идет у него все успешно, когда он исполнен этим самопреданием. Он и не отступает от него и всячески блюдет.

Теоретиков много занимает вопрос об отношении благодати к свободе. Для носящего благодать вопрос этот решен самим делом. Носящий благодать предает себя вседействию благодати, и благодать в нем действует. Эта истина для него не только очевиднее всякой математической истины, но и всякого внешнего опыта, ибо он уже перестал жить вовне и весь сосредоточен внутри. Забота теперь у него **одна — быть** всегда верным присущей в нем благодати. Неверность оскорбляет ее, и она или отступает, или сокращает свое действие. Верность свою благодати или Господу человек свидетельствует тем, что ни в мыслях, ни в

чувствах, ни в делах, ни в словах ничего не допускает такого, что сознает противным Господу, и, напротив, никакого дела и начинания не пропускает, не исполнив его, коль скоро сознает, что на то есть воля Божия, судя по течению его обстоятельств и по указанию внутренних влечений и мановений. Это иногда требует много труда, болезненных самопринуждений и самопротивлений, но ему радостно приносить все в жертву Господу, ибо после всякой такой жертвы он получает внутреннее воздаяние: мир, обрадование и особенное дерзновение в молитве.

Этим актами верности благодати и возгревается дар благодати в связи с молитвой, уже неотходной в то время. Когда раздувают огонь, нужно движение воздуха; точно так же, когда разгорается огонь благодати в сердце, нужна молитва, которая есть своего рода движение духовного воздуха в сердце. Что такое эта молитва? Непрестанное обращение ума к Господу в сердце, или непрестанное предстояние Господу умом в сердце, с воззваниями к Нему или без воззваний, с одними чувствами преданности и сокрушенным припадением к Нему в сердце. В этом действии или, скорее, настроении — главное средство к поддержанию внутренней теплоты и всего внутреннего порядка, к прогнанию худых и пустых мыслей, к утверждению мыслей и начинаний добрых. Приходят мысли и начинания добрые — он углубляется в молитву и, смотря по тому, укрепляются ли они в молитве или исчезают, он узнает, угодны они или не угодны Богу. Приходят мысли плохие или начинает что-либо тревожить душу — он опять углубляется в молитву, не обращая внимания на происходящее в нем, — и все исчезает. Таким образом, умная молитва ставится в нем главным двигателем и правителем духовной жизни. Не дивно потому, что все наставления в отеческих писаниях преимущественно направлены к тому, чтобы научить умно молиться Господу, как следует... Епископ Феофан Затворник (117, 115—117).

Упражнение молитвой Иисусовой имеет два главнейших подразделения, или периода, оканчивающиеся чистой молитвой, которая увенчивается бесстрастием, или христианским совершенством, в тех подвижниках, которым Богу благоугодно дать его. Святой Исаак Сирин говорит: «Не многие сподобились чистой молитвы, но достигший же таинства, совершающегося после нее, и перешедший на другой берег (Иордана) едва встречается один из поколения в поколение, по благодати и благоволению Божиим» (117, 117).

В первом периоде предоставляется молящемуся молиться при одном собственном усилии; благодать Божия, несомненно, содействует молящемуся благонамеренно, но она не обнаруживает своего присутствия. В это время страсти, сокровенные в сердце, приходят в движение и возводят делателя молитвы к мученическому подвигу, в котором поражения и победы непрестанно сменяют друг друга, в котором свободное произволение человека и немощь его выражаются с ясностью (117, 117).

Во втором периоде благодать Божия являет ощутительно свое присутствие и действие, соединяя ум с сердцем, доставляя

возможность молиться непарительно или, что то же, без развлечення, с сердечным плачем и теплотой; при этом греховные помыслы утрачивают насильственную власть над умом (117, 117).

Первое состояние молящегося можно уподобить обнаженным деревьям во время зимы; **второе** — тем же деревьям, покрывшимся листьями и цветами от действия весеннего тепла... Душой и целью молитвы в том и другом состоянии должно быть покаяние. За покаяние, приносимое при одном собственном усилии, Бог дарует, в свое время, покаяние благодатное, и Дух Святой, вселившись в человека, ходатайствует о нем воздыханиями неизглаголанными; Он ходатайствует о святых сообразно воле Божией, которую ведает один Он.

Из этого явствует со всей очевидностью, что для новоначального искание места сердечного, то есть искание открыть в себе безвременно и преждевременно явственное действие благодати, есть начинание самое ошибочное, извращающее порядок, систему науки. Такое **начинание** — начинание гордое, безумное! Столько же не соответствует новоначальному употреблению механизмов, предложенных святыми отцами для преуспевших иноков, для безмолвников. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (117, 117—118).

Трудись, напрягайся, **ищи** — и обрящешь; **стучи** — и отворится тебе. Не ослабевай и не отчаивайся. Но при всем том помни, что труды эти составляют только опыты усилий с нашей стороны к привлечению благодати, а не самое дело, которого еще мы ищем. Недостает **главного** — благодатного пробуждения. Очень заметно, что рассуждаем ли, молимся ли или другое что делаем, мы вмещаем как бы нечто чуждое в свое сердце, извне. Бывает, что соответственно силе напряжения некое воздействие от этих трудов низойдет до известной глубины в сердце, но потом опять оттуда извергается, по какой-то упругости непокорного и непривычного к тому сердца, подобно тому как вода выталкивает палку, вертикально погруженную в воду. Тотчас же после этого опять начинается холодность и тяжесть на **душе** — **явный** знак, что тут не было благодатного воздействия, а один наш труд и наше усилие. Потому не успокаивайся на одних этих делах и не почивай на них, как будто они-то и были то, что тебе следует найти. Опасное заблуждение! Равно опасно думать, что в этих трудах заключается заслуга, за которую необходимо должна быть ниспослана благодать. Совсем нет! Это только приготовление к принятию, самое же дарование совершенно зависит от воли Раздаятеля. Итак, при рачительном употреблении всех предугазанных средств, ищущему следует еще ходить, ожидая посещения Божия, которое, впрочем, не приходит явно, и никто не знает, откуда оно приходит.

Когда придет эта пробуждающая благодать, только тогда начнется внутри настоящая дело перемены жизни и нрава. Без того успеха и ожидать **нельзя** — будут одни неудачные попытки. Свидетель **тому** — блаженный Августин, который долго маялся сам над собою, а одолел себя уже тогда, когда осенила его благодать. Трудись, ожидая, в верной надежде. **Придет** — и все устроит. **Епископ Феофан (Затворник)** (117, 118—119).

Исполнение заповедей, предшествующее соединению ума с сердцем, отличается от исполнения заповедей, последующего соединению. До соединения подвижник исполняет заповеди с величайшим трудом, насилуя и принуждая свое падшее естество. После соединения духовная сила, соединяющая ум с сердцем, влечет к исполнению, делает его удобным, легким, сладостным. «Потеку путем заповедей Твоих, когда Ты расширишь сердце мое» (Пс. 118, 32), — сказал псалмопевец. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (117, 119).

Пока стремления духа прорываются **раздробленно — то** одно, то другое, и одно в одну сторону, а другое в **другую, — нет** в нем жизни. Когда же высшая, Божественная сила благодати, одновременно наитвует дух, сводит все его стремления воедино и держит их в этом едином, тогда разгорается и огонь жизни духовной (117, 119).

Когда благодать не обитает в человеке, демоны, как змеи, гнездятся в глубине сердца, совсем не позволяя душе пожелать доброго; когда же в душу войдет благодать, то они, как мрачные облака, носятся по частям сердца, преобразуясь в греховные страсти или в развлечения, чтобы затмить память, отвлечь ум от беседования с благодатью. Епископ Феофан (Затворник) (117, 119).

Если же ты ощутил, что твой ум соединился с душою и телом, что ты уже не рассечен грехом на части, но составляешь нечто единое и целое, что святой мир Христов возвел в тебе, то храни с всевозможным тщанием дар Божий. Да будет главным твоим делом молитва и чтение святых книг; прочим делам давай второстепенное значение, а к делам земным будь холоден, если можно, чужд их. Священный мир, как веяние святого Духа, тонок, немедленно отступает от души, ведущей себя неосторожно в присутствии его, нарушающей благоговение, нарушающей верность послаблением греху, позволяющей себе нерадение. Вместе с миром Христовым отступает от недостойной души благодатная молитва, и вторгаются в душу, как жадные звери, страсти, начинают терзать самопредавшуюся жертву, предоставленную самой себе отступившим от нее Богом. Если ты пресытишься, в особенности упьешься, святой мир перестанет в тебе действовать. Если разгневаешься, надолго прекратится его действие. Если позволишь себе дерзость, он перестанет действовать. Если возлюбишь что земное, заразишься пристрастием к вещи, к какому-либо рукоделию или особенным расположением к человеку, святой мир непременно отступит от тебя. Если попустишь себе услаждение блудными помыслами, он надолго, весьма надолго, оставит тебя, как не терпящий никакого зловония греховного, в особенности блудного и тщеславного. Поищешь **его — и** не обрящешь. Восплачешь о потере его, но он не обратит никакого внимания на плач твой, чтобы ты научился давать дару Божию должную цену и хранить его с подобающей тщательностью и благоговением.

Возненавидь все, влекущее тебя вниз, в развлечение, в грех. Распнись на кресте заповедей Евангельских, непрестанно содержи себя пригвожденным к нему. Мужественно и бодренно отвергай

все греховные помыслы и пожелания, отсекай земные попечения, заботься об оживлении в себе Евангелия ревностным исполнением всех его заповедей. Во время молитвы снова распинайся, распинайся на кресте молитвы. Отклоняй от себя все воспоминания, самые важнейшие, приходящие тебе во время молитвы, пренебрегай ими. Не богословствуй, не увлекаясь в рассматривании мыслей блестящих, новых и сильных, если они начнут внезапно плодиться в тебе. Священное молчание, наводимое на ум во время молитвы ощущением величия Божия, вещает о Боге возвышеннее и сильнее всякого слова. «Если ты истинно молишься, сказали отцы, то **ты—богослов**» (117, **119—121**).

Но ты еще колеблешься сомнением! Смотришь на меня и, видя перед собой такого грешника, невольно спрашиваешь: неужели в этом грешнике, в котором действие страстей так явно и сильно,—неужели в нем действует Дух Святой?

Справедливый вопрос! и меня он приводит в недоумение, ужас! Увлекаюсь, согрешаю, прелюбодействую со грехом, изменяю Богу моему, продаю Его за мерзостную цену греха. И несмотря на мое постоянное предательство, на мое поведение, изменническое, вероломное, Он пребывает неизменным. Незлобивый, Он долготерпеливо ожидает моего покаяния, всеми средствами привлекает меня к покаянию, к исправлению. Ты слышал, что говорит в Евангелии Сын Божий? «Не здоровые имеют нужду во врачех, но больные... Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф. 9, 12,13). Так говорил Спаситель, так и действовал. Возлежал Он с мытарями, грешниками, вводил их через обращение к вере и добродетели в духовное родство с Авраамом и прочими праведниками. Тебя удивляет, поражает бесконечная благодать Сына **Божия?—Знай**, что столь же благ и Всесвятой Дух, столь же жаждет спасения человеческого, столь же кроток, незлобив, долготерпелив, многомилостив. **Дух—одно** из трех равночестных Лиц Всесвятой Троицы, составляющих собою, неслитно и нераздельно, единое Божественное существо, имеющих единое естество.

И грех-то привлекает Святого Духа к человеку! Привлекает Его грех, не осуществляемый совершением, но зримый в себе, признаваемый, оплакиваемый! Чем более человек вглядывается в грех свой, чем более вдается в плач о себе, тем он приятнее, доступнее для Духа Святого, Который, как врач, приступает только к сознающим себя больными; напротив того, отвращается от богатающихся суетным своим самомнением. Гляди и вглядывайся в грех твой! Не своди с него взоров! Отвергнись себя, не считай душу свою самодостаточной! Весь вдайся в зрение греха твоего, в плач о нем! Тогда, в свое время, узришь воссоздание твое непостижимым, тем более необъяснимым действием Святого Духа. Он придет к тебе, когда ты не чаешь Его, воздействует в тебе, когда ты признаешь себя вполне недостойным Его (117, **121—122**).

Божественное **действие—невещественно**: не зрится, не слышится, не ожидается, невообразимо, необъяснимо никаким сравнением, заимствованным из этого века; приходит, действует

тайнственно. Сперва показывает человеку грех его, растит в очах человека грех его, непрестанно держит страшный грех перед его очами, приводит душу в самоосуждение, являет ей падение наше, эту ужасную, темную, глубокую пропасть гибели, в которую ниспал род наш согрешением нашего праотца. Потом мало-помалу дарует сугубое внимание и сокрушение сердца при молитве. Приготовив таким образом сосуд, внезапно, неожиданно, невещественно прикасается к рассеченным частям — и они соединяются воедино. Кто **прикоснулся?** — Не могу объяснить: я ничего не видел, ничего не слышал, но вижу себя измененным, внезапно, ощутил себя таким от действия самовластного. Создатель действовал при воссоздании, как действовал Он при создании. Скажи: слепленное из земли тело Адама, когда лежало еще не оживленное душою перед Создателем, могло ли иметь понятие о жизни, ощущение ее? Когда внезапно оживилось душою (Быт. 2, 7), могло ли прежде размыслить, принять ли душу или отвергнуть ее? Созданный Адам внезапно ощутил себя живым, мыслящим, желающим! С такою же внезапностью совершается и воссоздание. Создатель был и есть неограниченный **Владыка** — Он действует самовластно, вышестественно, превыше всякой мысли, всякого постижения, бесконечно тонко, духовно, вполне невещественно.

От прикосновения руки Его ко всему существу моему ум, сердце и тело соединились между собою, составили нечто целое, единое; потом погрузились в Бога и пребывают там, пока их держит там невидимая, непостижимая, всемогущая рука... (117, 122—123).

Если кто, слыша из уст грешника великое слово о действиях Духа, колеблется неверием, смущается мыслью, полагая, что возвещаемое действие есть действие прелести бесовской, тот да отвергнет хульное помышление. Нет, нет! Не таково действие, не таковы свойства прелести! Скажи: свойственно ли диаволу, врагу, убийце людей, делаться врачом их? Свойственно ли диаволу соединять воедино рассеченные грехом части и силы человека, изводить их из порабощения греху на свободу, изводить из состояния противодействия, междоусобной борьбы в состоянии священного мира о Господе? Свойственно ли диаволу извлекать из глубокой пропасти неведения Бога и доставлять живое, опытное богопознание, уже не нуждающееся ни в каких доказательствах извне? Свойственно ли диаволу проповедовать и подробно объяснить Искупителя, проповедовать и объяснять приближение к Искупителю покаянием? Свойственно ли диаволу восстанавливать в человеке падший образ, приводить в порядок расстроенное подобие? Свойственно ли приносить вкушение нищеты духовной и вместе воскресения, обновления, соединения с Богом? Свойственно ли диаволу возносить на высоту Богословия, на которой человек бывает как ничто, без мысли, без желания, весь погруженный в чудное молчание? Это молчание есть иссякновение всех сил существа человеческого, устремившихся к Богу и, так сказать, исчезающих перед бесконечным величием Бога. Иначе действует **прелесть** — и иначе Бог, беспредельный Владыка

людей, Который был и ныне есть их Создатель. Тот, Кто создал и воссоздает, не пребывает ли Создателем? Итак, услышь, возлюбленный брат, услышь, чем различается действие прелести от действия Божественного! Прелесть, когда приступает к человеку,—мыслью ли, или мечтанием, или тонким мнением, или каким-нибудь явлением, зримым чувственными очами, или гласом из поднебесной, слышимым чувственными ушами,—приступает всегда не как неограниченная властительница, но как обольстительница, ищущая в человеке согласия, от согласия его приемлющая власть над ним. Всегда действие ее—внутри ли оно или снаружи человека—есть действие извне; человек может отвергнуть его. Всегда встречается прелесть первоначально некоторым сомнением сердца; не сомневаются о ней те, которыми она решительно возобладала. Никогда не соединяет прелесть расщепленного грехом человека, не останавливает движений крови, не наставляет подвижника на покаяние, не умаляет его перед ним самим, напротив того, возбуждает в нем мечтательность, приводит в движение кровь, приносит ему какое-то безкусное ядовитое наслаждение, тонко льстит ему, внушает самомнение, устанавливает в душе идол—«я» (117, **123—124**).

Сущность дела в том состоит, чтобы ум соединился с сердцем при молитве, а это совершает Божия благодать в свое время, определяемое Богом. Упомянутый механизм вполне заменяется неспешным произношением молитвы, кратким отдыхом после каждой молитвы, тихим и неспешным дыханием, заключением ума в слова молитвы. При посредстве этих пособий мы удобно можем достигнуть внимания в известной степени. Вниманию ума при молитве начинает весьма скоро сочувствовать сердце. Сочувствие сердца уму мало-помалу начинает переходить в соединение ума с сердцем, и механизм, предложенный отцами, явится сам собою. Все механические средства, имеющие вещественный характер, предложены отцами единственно как пособие к удобнейшему и скорейшему достижению внимания при молитве, а не как что-нибудь существенное (117, 124).

Существенная, необходимая принадлежность молитвы есть внимание. Без внимания нет молитвы. Истинное благодатное внимание является от умерщвления сердца для мира. Пособия всегда остаются только пособиями. Те же святые отцы, которые предлагают вводить ум в сердце вместе с дыханием, говорят, что ум, получив навык соединяться с сердцем (или, правильнее, стяжав это соединение по дару и действию благодати), не нуждается в пособии механизма для такого соединения, но просто сам собою, своим собственным движением, соединяется с сердцем (117, 124—125).

Соединение ума с сердцем есть соединение духовных помыслов ума с духовными ощущениями сердца.

Не только всякое греховное чувствование и всякий греховный помысел, но и все естественные помыслы и ощущения, как бы они ни были тонки и замаскированы мнимой праведностью, разрушают соединение ума с сердцем, поставляют их в противодействие друг другу. При уклонении с духовного направления,

доставляемого Евангелием, тщетны все пособия и механизмы: сердце и ум никогда не соединятся между собою. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (117, 125).

Как вниманием стать в сердце?

В естественном порядке, или строе, наших сил, на переходе извне внутрь стоит воображение. Надо благополучно миновать его, чтобы благополучно попасть на настоящее место внутри. По неосторожности можно застрять на нем и, оставаясь там, быть уверенными, что вошли внутрь, тогда как это только внешнее преддверие, двор языков. Да это бы еще ничего, но этому состоянию всегда почти сопутствует самопрелечение...

Известно, что вся забота ревнителей о духовной жизни обращена на то, чтобы поставить себя в должное отношение к Богу. Совершается это и обнаруживается в молитве. Она есть путь восхождения к Богу, и ее степени суть степени приближения нашего духа к Богу. Самый простой закон для **молитвы** — ничего не воображать, а, собравшись умом в сердце, стать в убеждение, что Бог близ, видит и внимает, и в этом убеждении припадать к Нему, страшному в величии и близкому в благом снисхождении к нам... Образы держат внимание вовне, как бы они священные ни были, а во время молитвы вниманию надо быть внутри, в сердце: сосредоточение внимания в сердце есть исходный пункт должной молитвы. И поскольку молитва есть путь восхождения к Богу, то уклонение внимания от сердца есть уклонение от этого пути (117, 125 — 126).

Первый неправильный способ молитвы зависит от того, что иные действуют в ней преимущественно воображением и фантазией. Эти силы составляют первую инстанцию в движении извне внутрь, которую следовало бы миновать, а вместо того останавливаются на ней. Вторую инстанцию на пути внутрь представляет рассудок, разум, ум, вообще, рассуждающая и мыслящая сила. Следует и ее миновать и вместе с нею сойти в сердце. Когда же останавливаются на ней, то происходит второй неправильный образ молитвы, отличительная черта которого та, что ум, оставаясь в голове, сам собою все в душе хочет уладить и всем управлять: но из трудов его ничего не выходит. Он за всем гоняется, но ничего одолеть не может и только терпит поражения. Это состояние бедного ума очень полно изображено у Симеона Нового Богослова.

Второй образ молитвы прилично назвать умно-головным, в противоположность **третьему — умно-сердечному**, или сердечно-умному.

А между тем как происходит это брожение в голове, изображенное во втором образе молитвы, сердце идет своим чередом, его никто не хранит и на него набегают заботы и страстные движения. Тогда и ум себя забывает и убегает к предметам забот и страстей, и разве уж когда-то опомнится...

Приложу к этому, то есть ко второму образу молитвы, несколько слов из предисловия к писаниям Григория Синаита, старца **Василия** — схимонаха, спосника и друга Паисия Немецкого. Выписав место из Симеона Нового Богослова, он прибавляет: «Как можно одним ограждением внешних чувств хранить ум нерасхищенным, когда помыслы его сами собою растекаются и парят на вещи чувственные? Если нельзя, то уму необходимо в час молитвы бежать внутрь до сердца и стоять там глухим и немым для всех помыслов. Кто внешне только удаляется от

зрения, слышания и глаголения, тот мало получает пользы. Затвори ум свой во внутренней клети **сердца**—и тогда насладишься покоем от злых помыслов и вкусишь радости духовной, приносимой умной **молитвой** и вниманием сердечным». Святой Исихий говорит: «Не может наш ум победить мечтание бесовское только сам собою, да и не надеется когда-либо на это. Поэтому блюдись, да не вознесешься по примеру древнего **Израиля**—предан будешь и ты мысленным врагам. Тот, будучи избавлен Богом от египтян, помощником себе вздумал иметь перстного идола. Под перстным идолом подразумевай наш немощный разум, который, пока молит Иисуса Христа против лукавых духов, удобно их отгоняет, а когда на себя бессмысленно понадеется, падает падением дивным и разбивается» (117, **126—127**).

При этом не забывая следующее мудрое наставление святого **Лествичника**. Он изображает путь восхождения нашего к Богу под видом лестницы о четырех ступенях. Одни, говорит он, укрощают страсти; другие поют, то есть молятся устами своими; третьи упражняются в умной молитве; четвертые наконец восходят в видение. Хотящие восходить по этим четырем ступеням не могут начинать сверху, а должны начать снизу и, ступив на первую ступень, с нее уже восходят на другую, потом на третью и после всего уже на четвертую. Этим путем всякий может взойти на Небо. Сначала надо подвизаться в укрощении и умалении страстей; потом упражняться в псалмопении, то есть навывкнуть молиться устно; далее молиться умно и наконец получить возможность восходить в видение. Первое есть дело новоначальных, **второе**—возрастающих в преуспении, **третье**—достигших до конца преуспения, а **четвертое**—совершенных (117, **127—128**).

Итак, начало не другое какое есть, как умаление и укрощение страстей, а они не другим каким способом умалются в душе, как хранением сердца и вниманием... Итак, кто проходит все это по чину, каждое в свое время, тот может, после того как очистится сердце его от страстей, всецело весь и вдаваться в псалмопение, и противоборствовать помыслам, и на Небо воззреть чувственными очами или созерцать его очами души умственными, и молиться чисто воистину, как подобает (117, 128).

Когда молитесь с чувством, где же внимание ваше, если не в сердце? Чувство всегда к себе привлекает внимание. В **голове**—**толкучий** рынок. Там нельзя Богу молиться. Что иногда молитва идет хорошо... и сама собою... Это добрый знак. Значит, что она начала прививаться к сердцу. Храните сердце от привязанностей, старайтесь помнить Бога, видя Его пред собою и пред лицом Его действуя (117, 128).

Вы думаете о затворе. Вот вам и затвор! Сидите и зывайте: Господи, помилуй! Когда сношений с людьми нет, то в чем у вас теперь будет исполнение воли Божией? Ни в чем как в должном настроении вашего внутреннего. А это в чем? В непрестанной памяти Божией со страхом и благоговением и в памяти смертной. Навык ходить пред Богом, или в памятовании о Боге, есть атмосфера духовной жизни. Ему естественно следовало бы быть в духе нашем, созданном по образу Божию, но нет его по причине отпадения нашего от Бога. Вследствие этого предстоит труд в стяжании навыка ходить пред Богом. Он состоит существенно в упражнении стоять сознанием перед лицом вездесущего Бога, но поддерживается и другими побочными деланиями, входящими в состав духовной жизни. Но и здесь **труд**—в том, чтобы направлять эти Делания к означенной цели. Сюда должно направлять и чтение, и **размышление**, и молитву, и все занятия и сношения так вести, чтобы они не мешали и не расстраивали памяти Божией. И то надо к этому приспособить, где стоять сознанием или вниманием.

Ум в голове, и люди ума все в голове живут. Живут в голове и страдают непрестанным бурлением мыслей. Это бурление не дает вниманию стоять на едином. Не может ум стоять и на едином помышлении о Боге, пока он в голове. Все отбегает и отбегает. На этом основании желающим установиться в едином помышлении о Боге

заповедуется оставить голову и низойти умом своим в сердце, и там стоять вниманием неисходно. Только когда ум сочетается с сердцем, можно ожидать успеха в памяти Божией. Извольте теперь поставить себе целью достижение этого и начинайте движение к этой цели. Не думайте, что это труд непосильный, но и того не думайте, что это так легко, что стоит только захотеть, как и дело тут... Первый прием к тому, чтобы привлечь ум к сердцу, именно через сочувствие читаемым и слушаемым молитвам; ибо чувства сердца обычно властвуют над умом... Если вы исполните как должно первый прием, то ваше молитвословие все будет идти с чувствами. Чувства эти будут изменяться соответственно содержанию молитв. Речь моя не об этих чувствах, а о **таких** из них, которые захватят все сознание и сердце и свяжут душу, не давая ей свободно продолжать чтение, а все отвлекая внимание ее на себя. Это особые чувства; и они, как только родятся, порождают в душе и свои молитвы по роду своему. Этих порождающихся в сердце особых чувств и молитв никогда не надо пресекать дальнейшим чтением, а, остановив чтение, давая им свободу излиться, пока совсем изольются, и чувство станет ровно с обычными молитвенными чувствами. Этот прием сильнее первого и скорее сведет ум в сердце. Но действовать он может только после первого приема или совместно с ним (117, 128—129).

Прихожу к мысли, что вы все в голове, а не в сердце. Сойдите к **сердцу**—и тотчас оцените себя. Вы изъявляли желание дойти до чувства своего непотребства. Вот это вы и начнете видеть и чувствовать, как только сойдете в сердце. Чем дальше, тем яснее это будет видеться (117, 130).

Главное—надо стать умом в сердце пред Господом, и стоять пред Ним неотходно день и ночь до конца жизни (117, 130).

Кто-то когда-то сказал: сделай, чтоб мысли твои не заходили за стены монастыря, и скоро обрящешь сладкий покой монастырского уединения. Это блаженнейшая часть **Марии**—устроиться так, чтобы в мысли ничего не было, кроме церкви и келлии. Куда как хорошо! Я думаю, что блаженство этого состояния и описать нельзя (117, 130).

Мне пришло на ум подсказать вам: возьмитесь за одну коротенькую **молитовку**—и всё ее творите... и за делом, и без дела, и ходя, и сидя, непрестанно. Сначала вы будете заставлять себя творить эту молитовку, а потом она сама будет читаться... Только возьмитесь и без перерыва трудитесь... Эта молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне **Божий**, помилуй мя грешную». Внимание же при этом держите не в голове и не на себе, а в сердце, там внутри, под левой грудью. Когда навькнете, то этим будете разгонять все **смушающее**—и призывать мир на душу (117, 130).

Где **сердце**?—Где отзывается и чувствуется печаль, радость, гнев и **прочее**,—там сердце. Там и вниманием стойте... Сердце телесное есть мускулистый серчак-мясо... но чувствует не мясо, а душа, для чувства которой телесное сердце служит только орудием, как мозг служит орудием для ума... Стой в сердце с верой, что и Бог тут же есть, а как есть, не сообщай. Молись и ищи, чтобы благодать Божия дала тебе наконец чувство к Богу (117, 130).

Не чуждо будет смысла святоотеческих предписаний сказать: как хочешь держи себя, только успевай приобрести это послед-**нее**—умное Господу в сердце предстояние, в котором существо дела.

Есть, однако, между телесными деланиями и такие, которые как бы срастаются с умной молитвой и никогда от нее не отходят. Необходимо вниманием стоять в сердце, необходимо все тело держать в бодренном напряжении мышц и вниманию своему не позволять поддаваться и увлекаться внешними впечатлениями чувств (117, 130—131).

Во время молитвы вниманию надо быть внутри, в **сердце**: сосредоточение внимания в сердце есть исходный пункт должной

молитвы. И поскольку молитва есть путь восхождения к Богу, то уклонение внимания от сердца есть уклонение от этого пути.

Сведение ума в сердце путем дыхания указывается на тот случай, если ты не знаешь, где остановиться вниманием или где сердце, а если ты и без этого знаешь, как найти сердце, делай, как знаешь, только установись в сердце. Епископ Феофан Затворник (117, 131).

При молитве нужно, чтобы дух соединился с умом и вместе с ним произносил молитву, причем ум действует словами, произносимыми одной мыслью или с участием голоса, а дух действует чувством умиления или плача. Соединение даруется в свое время Божественной благодатью, а для новоначального достаточно, если дух будет сочувствовать и содействовать уму. При сохранении внимания умом, дух непременно ощутит умиление. Дух обыкновенно называется сердцем, как и вместо слова ум употребляется слово голова.

Молись со вниманием, в сокрушении духа, помогая себе вышеисчисленными механизмами; при этом само собою откроется опытное познание сердечного места. О нем удовлетворительно объяснено в предисловиях схимонаха Василия (117, 131).

Молитва называется умной, когда произносится умом с глубоким вниманием, при сочувствии сердца; **сердечной** — когда произносится соединенными умом и сердцем, причем ум как бы нисходит в сердце и из глубины сердца воссылает молитву; **душевной** — когда совершается от всей души, с участием самого тела, когда совершается из всего существа, причем все существо становится как бы едиными устами, произносящими молитву.

Святые отцы в своих писаниях часто заключают под одно наименование умной молитвы и сердечную, и душевную, а иногда различают их. Так, преподобный Григорий Синаит сказал: «Непрестанно зови умно или душевно». Но ныне, когда учение из живых уст об этом предмете крайне умалилось, весьма полезно знать определительное различие. В иных более действует умная молитва, в других сердечная, а в иных душевная, смотря по тому, как каждый наделен Раздавателем всех благ, и естественных и благодатных; иногда же в одном и том же подвижнике действует то та, то другая молитва. Такая молитва весьма часто и по большей части сопутствуется слезами. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (117, 131—132).

Для вас все еще темен спасительный строй. Читайте первые пункты Филофея Синайского в Добротолубии и смотрите, что там. Один акт — и все тут. Ибо он все к себе стягивает и держит в строю. Извольте так **устроиться** — и получите должный строй внутри, и ясно его увидите. Акт этот **есть** — стать вниманием в сердце, и стоять там пред Господом в благоговении. Вот начало духовной премудрости!

Желательно вам умудриться в различении помыслов. Сойдите из головы в сердце. Тогда все помыслы будут ясно видны вам, движась пред оком вашего острозоркого ума, а до того не ждите должного различения помыслов (117, 222).

«Собираюсь с духом». Помогите Вам Господи! Но не выпускайте из внимания **главного** — того, чтобы собраться умом в сердце. На это наиболее направляйте свои труды. Прием **один** — стараться стоять вниманием в сердце, с памятью о вездесущии Божиим и о том, что око Его смотрит в сердце ваше. Позаботьтесь утвердиться в том убеждении, что, **хоть** вы одни бываєте, всегда имеете не близ себя только, а внутри себя

Лицо, присущее вам, на вас смотрящее и все в вас видящее. То, что я писал вам о многократном в день делании молитвы Иисусовой, послужит средством к тому очень сильным. Делайте так всякий раз минут по десять-пятнадцать, и лучше, стоя в молитвенном положении, с малыми поклонами или без них, как вам лучше. Трудитесь так и молитте Господа, чтобы дал вам наконец ощутить и познать, что такое есть болячка в сердце, по слову старца Парфения. Вдруг это не дается. Пройдет год усиленных трудов, а может быть, и больше, пока начнут показываться некие следы этого. Благослови вас Господи на этот труд и путь; но вы не считайте этого каким-либо приделком, а имейте главным делом (117, 132—133).

Если сердце ваше согревается при чтении обычных молитв, то этим способом и возгревайте сердечную к Богу теплоту. Молитва Иисусова, если ее механически творить, ничего не дает, как и всякая другая молитва, только проговариваемая языком.

Попробуйте при молитве Иисусовой поживее помыслить, что Господь Сам близ есть, и предстоит душе вашей, и внимает тому, что в ней происходит. В душе же при этом пробудите жажду спасения и уверенность, что, кроме Господа, неоткуда ожидать нам спасения. Затем и взывайте к Нему, мысленно пред собою зримо: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» или «Милостивый Господи, спаси меня **имиже** веши судьбами!» Дело совсем не в словах, а в чувствах к Господу.

Духовное горение сердца к Господу есть любовь к Нему. Она загорается от прикосновения Господа к сердцу. Как Он весь есть любовь, то прикосновение Его к сердцу тотчас и возжигает любовь к Нему. А от **любви—горение** сердца к Нему. Вот это и должно быть предметом искания.

На языке пусть будет молитва Иисусова, в **уме—предзрение** Господа пред собою, в **сердце—жажда** Бога, или общения с Господом. Когда все это будет постоянно, тогда Господь, видя, как принуждаете себя, подаст просимое (117, 133—134).

Другое же высшее назначение короткой молитовки есть углубление мысли и чувства к Богу. То, что у вас **есть—эти воззвания,—** при первом впечатлении разлетается; кроме того, несмотря на воззвания... мысли толкуются в голове... как комары. Чтобы пресечь эту толкотню, надо связать ум одной мыслью, или мыслью о Едином... Пособие к **этому**— короткая молитовка. С помощью ее ум упрощается, объединяется и прививает или развивает чувство к Богу... Когда придет это чувство, душа утвердится сознанием в Боге... и все начнет делать по Божиему. С короткой молитвой надо держать мысль о Боге и внимание к Нему... а ограничиваться одними словами... медь звенящая (117, 134).

Спрашиваете: «Продолжать ли такую молитву или умом сходить в **сердце?**» — А это, что сказали вы, где же бывает? Этому негде быть, как внутри. Стоите перед Господом, без образов, в присутствии Господа... и испытываете добрые чувства. Чего же еще? Тут все. Разве только вы в голове производите **это?!—Нет**, в сердце надо стоять. Но сердца не помнить, а только Господа видеть. Все так выразить можно: «Стоять в сердце умом пред Господом и молиться».

Плод **молитвы—главный—не** теплота и сладость, а страх Божий и сокрушение. Епископ **Феофан Затворник** (117, 134).

Одна внешняя молитва недостаточна. Бог внимает уму, а потому те монахи, которые не соединяют внешней молитвы с **внутренней,—не** монахи. Определение очень верное! Монах значит «уединенный»; кто не уединился в самом себе, тот еще не уединен, тот еще не монах, хотя бы и жил в уединеннейшем монастыре. Ум подвижника, не уединившегося и не заключивше-

гося в себе, находится по необходимости среди молвы и мятежа, производимых бесчисленными помыслами, имеющими к нему всегда свободный доступ, и сам болезненно, без всякой нужды и пользы, зловредно для себя скитается по вселенной. Уединение человека в самом себе не может совершиться иначе как при посредстве внимательной молитвы, преимущественно же при посредстве внимательной молитвы Иисусовой.

Достижение же бесстрастия, освящения или, что то же, христианского совершенства, без стяжания умной молитвы, **невозможно** — в этом согласны все отцы.

Путь истинной молитвы становится несравненно теснее, когда подвижник вступит на него деятельностью внутреннего человека. Когда же он вступит в эти теснины и ощутит правильность, спасительность, необходимость такого положения, когда труд во внутренней клетке сделается вождленным для него, тогда сделается вождленной и теснота по наружному жительству, как служащая обителью и хранилищем внутренней деятельности. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (117, **134—135**).

Существо **дела — приобрести** навык стоять умом в сердце, в этом чувственном сердце, но не чувственно. Надо ум из головы свести в сердце и там его усадить или, как некто из старцев сказал, сочетать ум с сердцем... Как этого достигнуть? **Ищи — и обрящешь**. Удобнее этого достигнуть хождением перед Богом и молитвенным трудом, особенно хождением в церковь. Но помнить надо, что наш только труд, а самое дело, то есть сочетание ума с сердцем, есть дар благодати, подаваемый, когда и как хочет Господь. Епископ Феофан Затворник (117, 135).

О прелести при неправильном упражнении молитвой

... Прелесть есть повреждение естества человеческого ложью. Прелесть есть состояние всех людей без исключения, произведенное падением праотцев наших. Все **мы — в прелести** (Начало 3-го Слова преподобного Симеона Нового Богослова). Знание этого есть величайшее предохранение от прелести. Величайшая **пре-лесть** — признавать себя свободным от прелести. Все мы обмануты, все обольщены, все находимся в ложном состоянии, нуждаемся в освобождении Истиной. Истина есть Господь наш Иисус Христос (Ин. 8, 32; 14, 6). Усвоимся этой Истине верою в Нее, возопием молитвой к этой **Истине — и** Она извлечет нас из пропасти самообольщения и обольщения демонами. Горестно состояние наше! **Оно — темница**, из которой мы молим извести нашу душу, чтобы славить имя Господне (**Пс.** 141, 7). **Оно — та** мрачная земля, в которую низвергнута жизнь наша позавидовавшим нам и погнавшим нас врагом. **Оно — «помышления плотские»** (Рим. 8, 6) и лжеименное знание (1 Тим. 6, 20), которыми заражен весь мир, не признающий своей болезни, провозглашающий ее **цветущим** здоровьем. **Оно — «плоть и кровь»**, которые «не могут наследовать Царствия Божия» (1 Кор. 15, 50). **Оно — вечная** смерть, врачуемая и уничтожаемая Господом Иисусом, Который есть «воскресение и жизнь» (Ин. 11, 25). Таково наше состояние.

Зрение **его** — **новый** повод к плачу. С плачем возопием ко Господу Иисусу, чтобы Он вывел нас из темницы, извлек из пропастей земных, исторг из челюстей смерти. «Господь наш Иисус Христос, — говорит преподобный Симеон Новый Богослов, — потому и сошел к нам, что восхотел изъять нас из плена и из злейшей прелести» (Начало 3-го Слова).

... Чтобы погубить человеческий род, падший ангел употребил ложь (Быт. 3, 13). По этой причине Господь назвал диавола ложью, отцом лжи и человекоубийцей от начала (Ин. 8, 44). Понятие о лжи Господь тесно соединил с понятием о человекоубийстве, потому что оно есть неперменное последствие лжи. Словом «от начала» указывается на то, что ложь с самого начала послужила ему орудием к человекоубийству, к тому, чтобы погубить людей. Начало **зол** — ложная мысль! Источник самообольщения и бесовской **прелести** — ложная мысль! Причина разнообразного вреда и **погибели** — ложная мысль! При посредстве лжи диавол парализовал вечной смертью человечество в самом корне его, в праотцах. Наши праотцы прельстились, то есть признали истинной ложь, и, приняв ложь под личиной истины, неисцелимо повредили себя смертоносным грехом, что засвидетельствовала и праматерь наша. «Змей обольстил меня, — сказала она, — и я ела» (Быт. 3, 13). С того времени естество наше, зараженное ядом зла, произвольно и невольно стремится к злу, представляющемуся добром и наслаждением искаженной воле, извращенному разуму, извращенному сердечному чувству. **Произвольно** — потому что в нас еще есть остаток свободы в избрании добра и зла. **Невольно** — потому что этот остаток свободы не действует как полная свобода, он действует под неотъемлемым влиянием повреждения грехом. Мы родимся такими. Мы не можем не быть такими, и потому все мы, без всякого исключения, находимся в состоянии самообольщения и бесовской прелести.

Из этого воззрения на состояние людей в отношении к добру и злу, на состояние, которое по необходимости принадлежит каждому человеку, вытекает следующее определение прелести, объясняющее ее со всей удовлетворительностью: прелесть есть усвоение человеком лжи, принятой им за истину. Прелесть действует первоначально на образ мыслей. Если она будет принята, то, извратив образ мыслей, она немедленно сообщается сердцу, извращает сердечные ощущения; овладевает сущностью человека, она разливается на всю деятельность его, отравляет самое тело, как неразрывно связанное Творцом с душой. Состояние прелести есть состояние гибели, или вечной смерти.

Со времени падения человека диавол получил к нему постоянно свободный доступ (цитата из преподобного Симеона Нового Богослова, в Слове Никифора Монашествующего, Добротолюбие, ч. 2. — Преподобный Макарий Великий, Слово 7, гл. 2). Диавол имеет право на этот доступ: повиновением ему человек подчинил себя произвольно его власти, отвергнув повиновение Богу. Бог искупил человека. Искупленному человеку предоставлена свобода повиноваться или Богу, или диаволу, а чтобы эта свобода обнаружилась непринужденно, диаволу оставлен доступ к человеку. Вполне естественно, что диавол употребляет все усилия, чтобы удержать человека в прежнем отношении к себе или даже привести в большее поработление. Для этого он употребляет прежнее и всегдашнее свое **оружие** — ложь. Он старается обольстить и обмануть нас, опираясь на наше состояние самообольщения; наши **страсти** — эти болезненные **влечения** — он приводит в движение; пагубные требования их облачает в благовидность, усиливается склонить нас к удовлетворению страстей. Верный Слову Божию не позволяет себе этого удовлетворения, обуздывает страсти, отражает нападения врага (Иак. 4, 7); действуя под руководством Евангелия против собственного самообольщения, укрощая

страсти, этим уничтожая мало-помалу влияние на себя падших духов, он выходит из состояния прелести в область истины и свободы (Ин. 8, 32), полнота которых доставляется осенением Божественной благодати. Неверный учению Христову, последующий своей воле и разуму подчиняется врагу и из состояния самообольщения переходит к состоянию бесовской прелести, теряет остаток своей свободы, вступает в полное подчинение диаволу.

Состояние людей в бесовской прелести бывает очень разнообразно, соответствуя той страсти, которой человек обольщен и поработен, соответствуя той степени, в которой человек поработен страсти. Но все, впавшие в бесовскую прелесть, то есть через развитие собственного самообольщения вступившие в общение с диаволом и в поработение ему, находятся в прелести, суть храмы и орудия бесов, жертвы вечной смерти, жизни в темницах ада.

... Все виды бесовской прелести, которым подвергается подвижник молитвы, возникают из того, что в основание молитвы не положено покаяние, что покаяние не сделалось источником, душой, целью молитвы. «Если кто,—говорит преподобный Григорий Синаит (Добротолюбие, т. 1)... с самонадеянностью, основанной на самомнении (В подлиннике сказано: «аще кто мечтает высокая со мнением доспети». Здесь употреблено объяснительное выражение, чтобы отчетливее показать значение слова «мнение»), мечтает достичь высоких молитвенных состояний и стяжал ревность не истинную, а сатанинскую, того диавол легко опутывает своими сетями как своего служителя».

Всякий, усиливающийся войти на брак Сына Божия не в чистых и светлых одеждах покаяния, а прямо в своем рубище, в состоянии ветхости, греховности и самообольщения, извергается вон, во тьму кромешную, в бесовскую прелесть (Мф. 22, 11—13). «Советую тебе,—говорит Спаситель призванному к таинственному жречеству,—купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться, и белую одежду, чтобы одеться и чтобы не видна была срамota наготы твоей, и глазную мазь слез помажь глаза твои (и очи ума), чтобы видеть, Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак, будь ревностен и покайся» (Апок. 3, 18—19).

Покаяние и все, из чего оно составляется: сокрушение или болезнование духа, плач сердца, слезы, самоосуждение, памятование и предошущение смерти, Суда Божия и вечных мук, ощущение присутствия Божия, страх Божий, суть дары **Божии**, дары великой цены, дары первоначальные и основные, залоги даров высших и вечных. Без предварительного получения **их**—подавание последующих даров невозможно. «Как бы ни возвышенны были наши **подвиги**,—сказал святой Иоанн **Лествичник**,—но если мы не стяжали болезнующего сердца, то эти подвиги и ложны, и тщетны» (Лествица, Слово 7). Покаяние, сокрушение духа, плач суть признаки, суть свидетельство правильности молитвенного подвига; отсутствие **их**—признак уклонения в ложное направление, признак самообольщения, прелести или бесплодия. То или Другое, то есть прелесть или бесплодие, составляют неизбежное последствие неправильного упражнения молитвой, а неправильное **упражнение** молитвой неразлучно с самообольщением.

Самый опасный, неправильный образ молитвы бывает тогда, **когда** молящийся сочиняет силой своего воображения мечты или

картины, заимствуя их по видимости из Священного Писания, в сущности же из собственного состояния, из своего падения, из своей греховности, из своего самообольщения. Этими картинами он льстит своему самомнению, своему тщеславию, своему высокоумию, своей гордости, обманывает себя. Очевидно, что все сочиняемое мечтательностью нашей падшей природы, извращенной падением природы, не существует на самом деле, есть вымысел и ложь, столь свойственные, столь возлюбленные падшему ангелу. Мечтатель, с первого шага на пути молитвенном, выходит из области истины, вступает в область лжи, в область сатаны, произвольно подчиняется влиянию сатаны.

Святой Симеон Новый Богослов описывает молитву мечтателя и плоды ее так: «Он возводит руки, глаза и ум к небу, воображает в уме своем (подобно **Клопштоку** и Мильтону) Божественные совещания, небесные блага, чины святых Ангелов, селения святых, короче, собирает в воображении своем все, что слышал в Божественном Писании, рассматривает это во время молитвы, взирает на небо, всем этим возбуждает душу свою к божественному желанию и любви, иногда проливает слезы и плачет. Таким образом мало-помалу кичится сердце его, не понимая того умом; он мнит, что совершаемое им есть плод Божественной благодати к его утешению, и молит Бога, чтобы сподобил его всегда пребывать в этом делании. Это признак прелести. Такой человек, если и будет безмолвствовать совершенным безмолвием, не может не подвергнуться умоиступлению и сумасшествию. Даже если и не случится с ним этого, он никогда не сможет достичь духовного разума и добродетели или бесстрастия. Таким образом прельстились видевшие свет и сияние этими телесными очами, обонявшие благовония, слышавшие голоса своими ушами. Одни из них стали бесноватыми и **умоповрежденными**, переходили с места на место. Другие принимали беса, преобразившегося в светлого Ангела, прельстились и пребывали в прельщении до конца, не принимая совета ни от кого из **братий**. Иные из них, подучаемые диаволом, убили сами себя, низверглись в пропасти или удавились. И кто может исчислить различные прельщения диавола, которыми он прельщает и которые неисповедимы? Впрочем, из сказанного нами всякий разумный человек может научиться, какой вред происходит от этого образа молитвы. Если же кто из употребляющих его и не подвергнется ни одному из этих бедствий по причине совместного жития с братией, потому что таким бедствиям наиболее подвергаются отшельники, живущие уединенно, но такой проводит всю свою жизнь безуспешно» (О первом образе внимания и молитве, Добротолюбие, ч. I).

Все святые отцы, описавшие подвиг умной молитвы, воспрепятствуют не только составлять произвольные мечты, но и преклоняться произволением и сочувствием к мечтам и привидениям, которые могут представиться нам неожиданно, независимо от нашего произволения. И это случается при молитвенном подвиге, особенно в безмолвии. «Никак не **прими**,— говорит преподобный Григорий **Синаит**,—если увидишь что-либо чувственными очами или умом, вне или внутри тебя, будет ли то образ Христа, или Ангела, или какого святого, или если представится тебе свет... Будь внимателен и осторожен! Не позволяй себе довериться чему-либо, не вырази сочувствия и согласия, не вверься поспешно явлению, хотя бы оно было истинное и благое; пребывай хладным к нему и чуждым ему, постоянно сохраняя ум твой безвидным, не составляющим из себя никакого изображения и не запечатленным никаким изображением. Увидевший что-либо в мысли или чувственно, хотя бы то было и от Бога, и принимающий поспешно

легко впадает в прелесть, по крайней мере обнаруживает свою склонность и способность к прелести, как принимающий явления скоро и легкомысленно. Новоначальный должен обращать все внимание на одно сердечное действие, одно это действие признавать непрелестным, прочего же не принимать до времени вступления в бесстрастие. Бог не прогневается на того, кто, опасаясь прелести, с крайней осмотрительностью наблюдает за собою, если он и не примет чего, посланного от Бога, не рассмотрев посланное со всей тщательностью; напротив того, Бог хвалит такого за его благоразумие».

Святой Амфилохий, с юности вступивший в монашество, удостоился в зрелых летах и в старости проводить отшельническую жизнь в пустыне. Заключаясь в пещеру, он упражнялся в безмолвии и достиг великого преуспеяния. Когда совершилось сорок лет его отшельнической жизни, явился ему ночью Ангел и сказал: «Амфилохий! иди в город и паси духовных овец». Амфилохий пребыл во внимании себе и не обратил внимания на повеление Ангела. На другую ночь снова явился Ангел и повторил повеление, добавив, что оно от Бога. И опять Амфилохий не оказал повиновения Ангелу, опасаясь быть обольщенным и вспоминая слова апостола, что и сатана преобразуется в Ангела светлого (2 Кор. 11, 14). На третью ночь снова явился Ангел и, удостоверив о себе Амфилохия словословием Бога, нетерпимым духами отверженными, взял старца за руку, вывел из келлии, привел к церкви, находившейся поблизости. Двери церковные отворились сами собой. Церковь освещалась небесным светом, в ней присутствовало множество святых мужей в белых ризах с солнцеобразными лицами. Они рукоположили Амфилохия в епископа города Иконии (**Четии** Минеи ноября в 23-й день). При противоположном поведении преподобные Исаакий и Никита Печерские, новые и неопытные в отшельнической жизни, подверглись ужаснейшему бедствию, опрометчиво вверившись представившемуся им привидению. Первому явилось множество демонов в сиянии: один из демонов принял вид Христа, **прочие** — вид святых Ангелов. Второго обольстил демон сперва благоуханием и гласом, как бы Божиим, потом представ ему очевидно в виде Ангела (Патерик Печерский). Опытные в монашеской жизни иноки, истинно святые иноки, гораздо более опасаются прелести, гораздо более не доверяют себе, нежели новоначальные, особенно те из новоначальных, которые обьяты разгорячением к подвигу. С сердечной любовью предостерегает от прелести преподобный Григорий Синаит безмолвника, для которого написана его книга: «Хочу, чтобы ты имел определенное понятие о прелести, хочу этого с той целью, чтобы ты мог предохранить себя от прелести, чтобы при стремлении, не озаренном должным познанием, ты не причинил себе великого вреда, не погубил души твоей. Свободное произволение человека удобно преклоняется к общению с нашими противниками, в особенности произволение неопытных, новых в подвиге, как еще обладаемых демонами». Как это верно! Склоняется, влечется наше свободное произволение к прелести, потому что всякая прелесть льстит нашему самознанию, нашему тщеславию, нашей гордости. Бесы находятся вблизи и окружают новоначальных и самочинных, распростирая сети помыслов и пагубных мечтаний, устраивая пропасти падений. Город **«новоначальных»** — все существо каждого из **них** — находится еще в обладании варваров... По легкомыслию не предавайся скоро тому, что представляется тебе, но пребывая тяжким [основательным], удерживая благое со многим рассмотрением и отвергая лукавое... Знай, что действия благодати ясны, демон преподавать их не Может; он не может преподавать ни кротости, ни тихости, ни смирения, ни ненависти к миру; он не укрощает страстей и сластолюбия, как это Делает благодать. Действия **его** — **«дмение»** — надменность, напыщенность — высокоумие, страхование — словом, все виды злобы. По действию сможешь познать свет, воссиявший в душе твоей, Божий ли он или **от** сатаны (Добротолюбие, ч. 1. О прелести). Надо знать, что такое **рассмотрение** — принадлежность преуспевших иноков, но никак не ново-

начальных. Преподобный Синаит беседует хотя и с новоначным, но с новоначным по безмолвной жизни, который и по пребыванию в монашестве, и по телесному возрасту был старец, как видно из книги.

... Некий чиновник, живший в Петербурге, занимался усиленным молитвенным подвигом и пришел от него в необычайное состояние. О своем подвиге и о последствиях его он говорил тогдашнему протоиерею церкви Покрова Божией Матери, что в Коломне. Протоиерей, посетив некий монастырь Санкт-Петербургской епархии, просил одного из монашествующих того монастыря побеседовать с чиновником. «Странное состояние, в которое чиновник пришел от подвига,—справедливо говорил протоиерей,—скорее могут объяснить жители монастыря, более знакомые с подробностями и случайностями аскетического подвига». Монах согласился. Через несколько времени чиновник прибыл в монастырь. При беседе его с монахом присутствовал и я. Чиновник начал тотчас рассказывать о своих видениях: что он постоянно видит при молитве свет от икон, слышит благоухание, чувствует во рту необыкновенную сладость и так далее. Монах, выслушав этот рассказ, спросил чиновника: «Не приходила ли вам мысль убить себя?» — «Как же!» — отвечал чиновник, — я уже было кинулся в Фонтанку, да меня вытащили». Оказалось, что чиновник употреблял образ молитвы, описанный святым Симеоном, разгорячил воображение и кровь, причем человек делается очень способным к усиленному посту и бдению. К состоянию самообольщения, избранному произвольно, диавол присоединил свое, сродное этому состоянию действие — и человеческое самообольщение перешло в явную бесовскую прелесть. Чиновник видел свет телесными очами; благоухание и сладость, которые он ощущал, были также чувственные. В противоположность этому, видения святых и их сверхъестественные состояния вполне духовны (святой Исаак Сирин, Слово 55): подвижник становится способным к ним не прежде чем после отвержения очей души Божественной благодатью, причем оживают и прочие чувства души, до тех пор пребывающие в бездействии (Преподобный Симеон Новый Богослов, Слово о вере. Добротолюбие, ч. I). Принимают участие в благодатном видении и телесные чувства святых, но тогда, когда тело перейдет из состояния страстного в состояние бесстрастное. Монах начал уговаривать чиновника, чтобы он оставил употребляемый им способ молитвы, объясняя и неправильность способа, и неправильность состояния, вызванного способом. Чиновник с ожесточением воспротивился совету. «Как мне отказаться от явной благодати!» — возражал он.

Вслушиваясь в рассказы чиновника о себе, я почувствовал к нему неизъяснимую жалость и вместе представлялся он мне каким-то смешным. Например, он задал монаху следующий вопрос: «Когда от обильной сладости умножится у меня во рту слюна, то она начинает капать на пол — не грешно ли это?» Находящиеся в бесовской прелесть возбуждают к себе сожаление, как не принадлежащие себе и находящиеся, по уму и сердцу, в плену у лукавого, отверженного духа. Представляют они собою и смешное зрелище; осмеянию предаются они овладевшим ими лукавым духом, который привел их в состояние уничтожения, обольстив тщеславием и высокоумием. Ни своего плена, ни странности поведения прельщенные не понимают, насколько бы ни были очевидными этот плен, эта странность поведения.

Зиму 1828—1829 годов проводил я в Площанской пустыни (Орловская епархия). В то время жил там старец, находившийся в прелесть. Он отсек себе кисть руки, полагая исполнить этим евангельскую заповедь, и рассказывал всякому, кому угодно было выслушать его, что отсеченная кисть руки сделалась святыми мощами, что она хранится и чествуется благолепно в Московском Симонове монастыре, что он, старец, находясь в Площанской пустыни в пятистах верстах от Симонова, чувствует, когда Симоновский архимандрит с братией прикладываются к руке. Со старцем делалось содрогание, причем он начинал шипеть очень громко; он признавал это явление плодом молитвы, но зрителям оно представлялось извращением, достойным лишь сожаления и смеха. Дети, жившие в монастыре по сиротству, забавлялись этим явлением и копировали его перед глазами старца. Старец приходил в гнев, кидался то на одного, то на другого мальчика, трепал их за волосы. Никто из почтенных иноков

обители не мог уверить прельщенного, что он находится в ложном состоянии, в душевном расстройстве.

Когда чиновник ушел, я спросил монаха, как пришла ему мысль спросить чиновника о покушении на самоубийство? Монах отвечал: «Как среди плача по Боге приходят минуты необыкновенного успокоения совести, в чем заключается утешение плачущих, так и среди ложного наслаждения, доставляемого бесовской прелестью, приходят минуты, в которые прелесть как бы разоблачается и дает вкусить себя так, как она есть. Эти **минуты**—ужасны! Горечь их и отчаяние от этой **горечи**—невыносимы. По этому состоянию, в которое приводит прелесть, легче всего бы узнать ее прельщенному и принять меры к исцелению себя. Увы! начало **прелести**—гордость, и плод **ее**—преизобильная гордость. Прельщенный, признающий себя сосудом Божественной благодати, презирает спасительные предостережения ближних, как это заметил святой Симеон. Между тем припадки отчаяния становятся сильнее и сильнее, наконец отчаяние обращается в умоисступление и увенчивается самоубийством. В начале столетия подвизался в Софрониевой пустыни (Курской епархии) схимонах **Феодосий**, привлекавший к себе уважение и братство и мирян строгим, возвышенным жителем. Однажды представилось ему, что он был восхищен в рай. По окончании видения он пошел к настоятелю, подробно поведал о чуде и присоединил выражение сожаления, что он видел в раю только себя, но не видел никого из **братий**. Эта черта ускользнула из внимания настоятеля: он созвал братию, в сокрушении духа пересказал им видение схимонаха и увещевал к жизни более усердной и богоугодной. По прошествии некоторого времени начали обнаруживаться в действиях схимонаха странности. Дело кончилось тем, что он удавился в своей кельи».

Со мной был следующий, достойный внимания случай. Посетил меня однажды афонский иеросхимонах, бывший в России за сбором. Мы сели в моей приемной кельи, и он стал говорить мне: «Помолись обо мне, отец: я много сплю, много ем». Когда он говорил мне это, я ощутил жар, исходящий от него, поэтому и отвечал ему: «Ты не много ешь и не много спишь, но нет ли в тебе чего **особенного?**»—и просил его войти во внутреннюю мою келью. Идя перед ним и отворяя дверь во внутреннюю келью, я молил мысленно Бога, чтобы Он даровал голодной душе моей получить пользу от афонского иеросхимонаха, если он истинный раб Божий. Точно: я заметил в нем что-то особенное. Во внутренней кельи мы опять уселись для беседы, и я начал просить его: «Сделай милость, научи меня молитве. Ты живешь в первом монашеском месте на земле, среди тысячи монахов; в таком месте и в таком многочисленном собрании монахов непременно должны находиться великие молитвенники, знающие молитвенное тайнодействие и преподающие его ближним, по примеру Григория Синаита и Григория Паламы, по примеру многих других афонских светильников». Иеросхимонах немедленно согласился быть моим наставником **и—о ужас!**—с величайшим разгорячением начал передавать мне вышеприведенный способ восторженной, мечтательной молитвы. Вижу: **он**—в страшном разгорячении! у него разгорячены и кровь, и воображение! **он**—в самодовольстве, в восторге от себя, в самообольщении, в прелести! Дав ему высказаться, я начал понемногу, в чине наставляемого, предлагать ему учение святых отцов о молитве, указывая его в Добротолюбии и прося объяснить мне это учение. Афонец пришел в совершенное недоумение. Вижу: он совсем незнаком с учением отцов о молитве! При продолжении беседы говорю ему: «Смотри, старец! будешь жить в **Петербурге**—ни в коем случае не квартируй в верхнем этаже, квартируй непременно в нижнем». «Отчего **так?**»—возразил афонец. «**Оттого**,—отвечал я,—что если вздумается ангелам, внезапно восхитив тебя, перенести из Петербурга на Афон и они понесут из верхнего этажа да уронят, то убьешься до смерти; если же понесут из нижнего и уронят, то только **ушибешься**».—«Представь себе, —отвечал афонец,—сколько уже раз, когда я стоял на молитве, приходила мне **живая** мысль, что Ангелы восхитят меня и перенесут на Афон!» Оказалось, что иеросхимонах носит вериги, почти не спит, мало вкушает пищи, чувствует в теле такой жар, что зимой не нуждается в теплой одежде. К концу беседы пришло мне на мысль поступить следующим

образом: я стал просить **афонца**, чтобы он, как постник и подвижник, испытал над собой способ, преподанный святыми отцами, состоящий в том, чтобы ум во время молитвы был совершенно чужд всякого мечтания, погружался весь во внимание словам молитвы, заключался и вмещался, по выражению святого Иоанна Лествичника, в слова молитвы (Лествица, Слово 28, гл. 17). При этом сердце обыкновенно содействует уму душепоспительным чувством печали о грехах, как сказал преподобный Марк Подвижник: «Ум, неразвлеченно молящийся, утешает сердце: «Сердца сокрушенного и смиренного Ты не презиришь, Боже» (Пс. 50, 19). «Когда ты испытываешь на себе этот **способ**, — сказал я **афонцу**, — то сообщи и мне о плоде опыта; для меня самого такой опыт неудобен по моей рассеянной жизни». Афонец охотно согласился на мое предложение. Через несколько дней приходит он ко мне и говорит: «Что ты сделал со мною?» — «А что?» — «Да как я попробовал помолиться со вниманием, заключая ум в слова молитвы, то все мои видения пропали и уже не могу возвратиться к ним». Потом в беседе с афонцем я не видел той самонадеянности и той дерзости, которые были очень заметны в нем при первом свидании и которые обыкновенно замечаются в людях, находящихся в самообольщении, мнящих о себе, что они святые или находящиеся в духовном преуспеянии. Афонец изъявил даже желание услышать для себя мой убогий совет. Когда я посоветовал ему не отличаться по наружному образу жизни от прочих иноков, потому что такое отличие себя ведет к высокоумию (Лествица, Слово 4, гл. 82, 83. Преподобный Варсонофий Великий, ответ 275. Житие и наставления преподобного Аполлоса, Алфавитный Патерик), то он снял с себя вериги и отдал их мне. Через месяц он опять был у меня и говорил, что жар в его теле прекратился, что он нуждается в теплой одежде и спит гораздо больше. При этом он говорил, что на Афонской горе многие, даже из пользующихся славой святости, употребляют тот способ молитвы, который употреблял он сам, учат ему и других. Не мудрено! Святой Симеон Новый Богослов, живший за восемь столетий до нашего времени, говорит, что внимательной молитвой занимаются очень немногие (О третьем образе молитвы. Добротолюбие, ч. 1). Преподобный Григорий Синаит, живший в четырнадцатом столетии, когда прибыл на Афонскую гору, нашел, что многочисленное монашество ее не имеет никакого понятия об умной молитве, а занимается лишь телесными подвигами, совершая молитвы лишь устно и гласно (Житие преподобного Григория Синаита, Добротолюбие, ч. 1). Преподобный Нил Сорский (†1508), живший в XV веке, также посетивший Афонскую гору, говорит, что в его время число внимательных молитвенников оскудело до крайности (Предисловие к Преданию, или Уставу Скитскому). Старец, архимандрит Паисий Величковский переместился на Афонскую гору из Молдавии в 1747 г. Он ознакомился коротко со всеми монастырями и скитами, беседовал со многими старцами, которых общее мнение Святой Горы признавало опытнейшими и святыми иноками. Когда же он начал вопрошать этих иноков о книгах святых отцов, написавших об умной молитве, оказалось, что они не только не знали о существовании таких писаний, но даже не знали имен святых писателей, ибо тогда Добротолюбие еще не было напечатано на греческом языке. (Отрывок письма старца Паисия к старцу Феодосию. Писания Паисия, издание Оптиной **пустыни**.) Внимательная молитва требует самоотвержения, а на самоотвержение решаются редкие. Заключение в себя вниманием, находящийся в состоянии недоумения от зрения своей греховности, неспособный к многословию и вообще к эффекту и актерству представляется для не знающих таинственного подвига его каким-то странным, загадочным, недостаточным во всех отношениях. Легко ли расстаться с мнением мира! И **миру** — как познать подвижника истинной молитвы, когда самый подвиг вовсе неизвестен миру? То ли дело находящийся в самообольщении! Не ест, не пьет, не спит, зимой ходит в одной рясе, носит вериги, видит видения, всех учит и обличает с дерзкой наглостью, без всякой правильности, без толку и смысла, с кровавым, вещественным, страстным разгорячением и по причине этого горестного, губительного разгорячения. Святой, да и только! Издавна замечены вкус и влечение к таким в обществе человеческом: «Вы **терпите**, — пишет апостол Павел к Коринфя-

нам,— когда кто вас порабошает, когда кто обедает... когда кто превозносится, когда кто бьет вас в лицо» (2 Кор. II, 20). Далее святой апостол говорит, что он, когда был в Коринфе, не мог вести себя дерзко и нагло, поведение его было запечатлено скромностью, «кротостью и снисхождением Христовым» (2 Кор. 10, 1). Большая часть подвижников Западной Церкви, провозглашаемых ею за величайших **святых,**— по отпадении ее от Восточной Церкви и по отступлении Святого Духа от **нее**—молились и достигали **видений,** разумеется ложных, упомянутым мною способом. Эти мнимые святые были в ужаснейшей бесовской прелести. Прелесть уже естественно воздвигается на основании богохульства, которым у еретиков извращена догматическая вера. Поведение подвижников латинства, обьятых прелестью, было всегда иступленное по причине необыкновенного вешественного, страстного разгорячения. В таком состоянии находился Игнатий Лойола, учредитель Иезуитского ордена. У него воображение было так разгорячено и изощрено, что, как сам он утверждал, ему стоило только захотеть и употребить некоторое напряжение, как являлись перед его взорами, по его желанию, ад или рай. Явлениерая и ада совершалось не одним действием воображения **человеческого**—одно действие воображения человеческого недостаточно для **этого,**—явление совершалось действием демонов, присоединявших свое обильное действие к недостаточному действию человеческого, соединявших действие с действием, пополнявших действие действием, на основании свободного произволения человеческого, избравшего и усвоившего себе ложное направление. Известно, что истинным святым Божиим видения даруются единственно по благоволению Божию и действием Божиим, а не по воле человека и не по его собственному усилию, даруются неожиданно, весьма редко, при случаях особенной нужды, по дивному смотрению Божию, а не как придется (Святой Исаак **Сирин,** Слово 36). Усиленный подвиг находящихся в прелести обыкновенно стоит рядом с глубоким развратом. Разврат служит оценкой того пламени, которым разжжены прелестные. Подтверждается это и сказаниями истории, и свидетельством отцов. «Видящий духа прелести в явлениях, представляемых **им,**—сказал преподобный Максим **Капсикалевит,**— очень часто подвергается ярости и гневу; благовоение смирения, или молитвы, или слезы истинной не имеет в нем места. Напротив того, он постоянно хвалится своими добродетелями, тщеславится и всегда бесстрашно предается лукавым страстям» (Собеседование преподобного Максима с преподобным Григорием Синаитом).

... Как неправильное действие умом вводит в самооболение и прелесть, так точно вводит в них неправильное действие сердцем. Исполнены безрассудной гордости желание и стремление видеть духовные видения умом, не очищенным от страстей, не обновленным и не воссозданным десницей Святого Духа; исполнены такой же гордости и безрассудства желание и стремление сердца насладиться ощущениями святыми, духовными, Божественными, когда оно еще вовсе не способно для таких наслаждений. Как ум нечистый, желая видеть Божественные видения и не имея возможности видеть их, сочиняет для себя видения их из себя или обманывает себя и оболъщает, так и сердце, усиливаясь вкусить Божественную сладость и другие Божественные ощущения и не находя их в себе, сочиняет их из себя, ими льстит себе, оболъщает, обманывает, губит себя, входя в область лжи, в общение с бесами, подчиняясь их влиянию, порабощаясь их власти.

Одно ощущение из всех ощущений сердца, в его состоянии падения, может быть употреблено в невидимом богослужении: Печаль о грехах, о греховности, о падении, о гибели своей, называемая плачем, покаянием, сокрушением духа. Это засвиде-

тельствовало Священное Писание. «Ибо жертвы ты не желаешь,—я дал бы ее; к всесожжению не благоволишь» (Пс. 50, 18); и каждое сердечное ощущение порознь, и все они вместе не благоугодны Тебе, как оскверненные грехом, как извращенные падением. «Жертва **Богу**—дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже» (Пс. 50, 19). Эта жертва—жертва отрицательная; с принесением этой жертвы естественно устраняется принесение прочих жертв: при ощущении покаяния умолкают все другие ощущения. Для того чтобы жертвы прочих ощущений сделались благоугодными Богу, нужно предварительно излиться благоволению Божию на наш Сион, нужно предварительно восстановиться стенам нашего разрушенного Иерусалима. **Господь**—праведен, всесвят: только праведные, чистые жертвы, к которым способно естество человеческое по обновлении своем, благоприятны праведному, Всесвятому Господу. К жертвам и всесожжениям оскверненным Он не благоволит. Позаботимся очиститься покаянием! «Тогда благоугодны будут Тебе жертвы правды, возношение и всесожжение; тогда возложат на алтарь Твой тельцов» (Пс. 50, 21): новорожденные ощущения обновленного Святым Духом человека.

Первая заповедь, данная Спасителем мира всему без исключения человечеству, есть заповедь о покаянии: «Иисус начал проповедовать и говорить: покаяйтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4, 17). Эта заповедь объемлет, заключает, совмещает в себе все прочие заповеди. Тем людям, которые не понимали значения и силы покаяния, Спаситель говорил не раз: «Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы?» (Мф. 9, 13). Это значит: Господь, умиловшись над падшими и погибшими людьми, всем даровал покаяние как единственное средство к спасению, потому что все объаты падением и гибелью. Он не взыскивает, даже не желает от них жертв, к которым они не способны, а желает, чтобы они умилились над **собою**, сознали свое бедствие, освободились от него покаянием. К упомянутым словам Господь присоединил страшные слова: «Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф. 9, 13). Кого он называет праведниками? Тех несчастных, слепотствующих грешников, которые, будучи обмануты самомнением, не находят покаяние существенно нужным для себя и потому или отвергают его, или небрегут о нем. О несчастье! За это отрекается от них Спаситель, утрачивается ими сокровище спасения. «Горе **душе**,—говорит преподобный Макарий Великий,—не чувствующей язв своих и мнящей о себе, по причине великого, безмерного повреждения злобой, что она вполне чужда повреждения злобой. Такой души уже не посещает и не врачует благой Врач, как оставшей произвольно язвы свои без попечения о них и мнящей о себе, что она здорова и непорочна. „Не **здоровые**,—говорит Он,—имеют нужду во враче, но больные” (Мф. 9, 12)» (Слово 6 о любви, гл. 16).

«Ужасная жестокость к **себе**—отвержение покаяния! Ужасная холодность, нелюбовь к **себе**—небрежение о покаянии. Жестокий к себе не может не быть жестоким и к ближним. Умиловшись

шийся к себе приятием покаяния вместе делается милостивым и к ближним. Из этого видна вся важность ошибки: отнять у сердца заповеданное ему Самим Богом, существенно и логически необходимое для сердца чувство покаяния и усиливаться раскрыть в сердце, в противоположность порядку, в противоположность установлению Божию, те чувствования, которые сами собою должны явиться в нем по очищении покаянием, но совершенно в ином характере» (Святой Исаак Сирий, Слово 55).

Об этом характере духовного плотский человек не может составить себе никакого представления, потому что представление ощущения всегда основывается на известных уже сердцу ощущениях, а духовные ощущения вполне чужды сердцу, знакомому с одними плотскими и душевными ощущениями. Такое сердце не знает даже о существовании духовных ощущений.

Всем известно, какое душевное бедствие возникло для иудейских книжников и фарисеев из их неправильного душевного настроения: они стали не только чуждыми Богу, но и иступленными врагами Его, богоубийцами. Подобному бедствию подвергаются подвижники молитвы, извергнувшие из своего подвига покаяние, усиливающиеся возбуждать в сердце любовь к Богу, усиливающиеся ощущать наслаждение, восторг: они развивают свое падение, отчуждают себя от Бога, вступают в общение с сатаной, заражаются ненавистью к Святому Духу. Этот род прелести ужасен: он одинаково душепагубен как и первый, но менее явен; он редко оканчивается сумасшествием и самоубийством, но окончательно растлевает и ум и сердце. По производимому им состоянию ума отцы называли его мнением (преподобный Григорий Синаит, святой Иоанн Карпафийский, Добротолюбие). На этот род прелести указывает святой апостол Павел, когда говорит: «никто да не обольщает вас самовольным смиренномудрием и служением Ангелов, вторгаясь в то, чего не видел, безрассудно надмеаясь плотским своим умом» (Кол. 2, 18).

Одержимый этой прелестью мнит о себе, сочинил о себе «мнение», что он имеет многие добродетели и достоинства, даже что обилует дарами Святого Духа. Мнение составляется из ложных понятий и ложных ощущений; по этому свойству своему оно вполне принадлежит к области отца и представителя **лжи** — диавола. Молящийся, стремясь раскрыть в сердце ощущения нового человека и не имея на это никакой возможности, заменяет их ощущениями своего сочинения, поддельными, к которым не замедляет присоединить действие падших духов. Признав неправильные ощущения, свои и бесовские, истинными и благодатными, он получает соответствующие ощущения понятия. Ощущения эти, постоянно усваиваясь сердцу и усиливаясь в нем, питают и умножают ложные понятия; естественно, что от такого неправильного подвига образуются самообольщение и бесовская прелесть — «мнение».

«Мнение» не допускает быть мнимому (Слово 14, в конце; также Слово 3), сказал святой Симеон Новый Богослов. Мнящий о себе, что он бесстрастен, никогда не очистится от страстей; мнящий о себе, что он исполнен благодати, никогда не получит благодати; мнящий о себе, что он свят, никогда не достигнет святости. Просто сказать: приписывающий себе духовные делания, добродетели, достоинства, благодатные дары, льстящий себе и потешающий себя «мнением» заражает этим «мнением» вход в себя и духовным деланиям, и христианским добродетелям, и Божественной **благодати** — широко открывает вход греховой заразе и **демонам**. Уже нет никакой способности к духовному преуспеянию в

зараженных **«мнением»** — они уничтожили эту способность, принесли на алтарь лжи самые начала деятельности человека и его **спасения** — понятия об истине. Необыкновенная напыщенность является в страдающих этой прелестью: они как бы упоены собою, своим состоянием самооболения, видя в нем состояние благодатное. Они пропитаны, преисполнены высокоумием и гордостью, представляясь, впрочем, смиренными для многих, судящих по лицу, не способных оценивать по плодам, как заповедал Спаситель (Мф. 7, 16; 12, 33), тем менее по духовному чувству, о котором упоминает апостол (Евр. 3, 14). Живописно изобразил пророк **Исаия** действие прелести «мнения» в падшем архангеле, действие, обольстившее и погубившее этого архангела. **«Ты, — говорит пророк сатане, — говорил в сердце своем: «Взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему». Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней» (Ис. 14, 13—15).**

Зараженного «мнением» обличает Господь так: «ты говоришь: «Я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды, а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг» (Апок. 3, 17). Господь увещевает прельщенного к покаянию, предлагает купить не у кого иного, у Самого Господа, то необходимое, из чего составляется покаяние (Апок. 3, 18). Купить действительно нужна: без нее нет спасения. Нет спасения без покаяния, а покаяние принимается от Бога только теми, которые для принятия его продадут все имущество свое, то есть отрекутся от всего, что они ложно усвоили «мнением».

... Зараженные прелестью «мнения» встречаются очень часто. Всякий, не имеющий сокрушенного духа, признающий за собою какие бы то ни было достоинства и заслуги, всякий, не державшийся неуклонно учения Православной Церкви, но рассуждающий о каком-либо догмате или предании произвольно, по своему усмотрению или по учению инославному, находится в этой прелести. Степенью уклонения и упорства в уклонении определяется степень прелести.

Немошен человек! непременно вкрадывается в нас «мнение» в каком-либо виде своем и, осуществляя наше «я», удаляет от нас благодать Божию. Как нет, по замечанию святого Макария Великого, ни одного человека, совершенно свободного от гордости, так **нет** ни одного человека, который был бы совершенно свободен от действия на него утонченной прелести, называемой «мнением». Наветовало оно апостола Павла и врачевалось тяжкими попусками Божиими. «Не хотим оставить вас, братия, — пишет апостол к **Коринфянам**, — в неведении о скорби нашей, бывшей с нами в Азии, потому что мы отягчены были чрезмерно и сверх силы, так что не надеялись остаться в живых. Но сами в себе имели приговор к смерти, для того чтобы надеяться не на самих себя, но на Бога, воскрешающего мертвых» (2 Кор. 1, 8—9). По этой причине должно бдительно наблюдать за собой, чтобы не приписать собственно себе какого-либо доброго дела, какого-либо похвального качества или особенной природной способности, даже благодатного состояния, если человек возведен в него, короче, чтобы не признать какого-либо достоинства собственно за собой. «Что ты **имеешь**, — говорит апостол, — чего бы не получил» (1 Кор. 4, 7) от Бога? От Бога имеем и бытие, и бытие вечное, и все естественные свойства, все **способности** — и духовные, и телесные. **Мы — должники** Богу! Долг наш неоплачен! Из такого воззрения на себя образуется само собою для

нашего духа состояние, противоположное «мнению», состояние, которое Господь назвал нищетою духа, которое заповедал нам иметь, которое ублажил (Мф. 5, 3). Великое **бедствие** — уклониться от догматического и нравственного учения Церкви, от учения Святого Духа, каким-либо умствованием! **Это** — возношение, покушающееся на разум Божий. Должно низлагать и пленять такой разум «в послушание Христу» (2 Кор. 10, 4—5).

Связь между этими двумя видами прелести непременно существует. Первого рода прелесть всегда соединена с прелестью второго рода, с «мнением». Сочиняющий обольстительные образы при посредстве естественной способности воображения, сочетающий при посредстве мечтательности (фантазии) эти образы в очаровательную картину, подчиняющий все существо свое обольстительному, могущественному влиянию этой **живописи** — непременно, по несчастной необходимости, мнит, что живопись эта производится действием Божественной благодати, что сердечные ощущения, возбуждаемые живописью, суть ощущения благодатные.

Второго рода **прелесть — собственно «мнение» — действует** без сочинения обольстительных картин; она довольствуется сочинением поддельных благодатных ощущений и состояний, из которых рождается ложное, превратное понятие обо всем вообще духовном подвиге. Находящийся в прелести «мнения» приобретает ложное воззрение на все, окружающее его. Он обманут и внутри себя, и извне.

Мечтательность сильно действует в обольщенных «мнением», но действует исключительно в области отвлеченного. Она или вовсе не занимается или занимается редко живописанием в воображении рая, горних обителей и чертогов, небесного света и благоухания, Христа, Ангелов и святых; она постоянно сочиняет мнимодуховные состояния, тесное дружество с Иисусом («Подражание» Фомы **Кемпийского**, книга 2, гл. 8), внутреннюю беседу с Ним (то же, книга 3, гл. 1), таинственные откровения (то же, книга 3, гл. 3), гласы, наслаждения, строит на них ложное понятие о себе и о христианском подвиге, утверждает вообще ложный образ мыслей и ложное настроение сердца, приводит то в упоение собой, то в разгорячение и восторженность. Эти разнообразные ощущения являются от действия утонченных тщеславия и сладострастия; от этого действия кровь получает греховное, обольстительное движение, представляющееся благодатным наслаждением. Тщеславие же и сладострастие возбуждаются высокоумием, этим неразлучным спутником «мнения». Ужасная гордость, подобная гордости демонов, составляет господствующее качество усвоивших себе ту и другую прелесть. Обольщенных первым видом прелести гордость приводит в состояние явного умоиступления, в обольщенных вторым видом она, производя также умоповреждение, названное в Писании растлением ума (2 Тим. 3, 8), менее приметна, облекается в личину смирения, набожности, мудрости, но познается по горьким плодам своим. Зараженные «мнением» о своих достоинствах, особенно о своей святости, способны и готовы на все козни, на всякое лицемерие, лукавство и обман, на все злодеяния. Непримируемой враждой дышат они против служителей истины, с неистовою ненавистью устремляются на них, когда они не признают в прельщенных состоянии, приписываемого им и выставляемого на позор слепотствующему миру «мнению».

Состояния духовные, производимые Божественной благодатью (как то состояние, в котором вкушается духовная сладость и радость, состояние, в котором открываются тайны христианства,

состояние, в котором ощущается в сердце присутствие Святого Духа, состояние, в котором подвижник Христов сподобляется духовных видений), несомненно существуют, но существуют только в христианах, достигших христианского совершенства, предварительно очищенных и приуготовленных покаянием. Постепенное действие покаяния вообще, выражаемого всеми видами смирения, в особенности молитвой, приносимой из нищеты духа, из плача, постепенно ослабляет в человеке действие греха. Для этого нужно значительное время. И дается оно истинным, благонамеренным подвижникам Промыслом Божиим, неусыпно бдящим над нами. Борьба со страстями необыкновенно полезна: она более всего приводит к нищете духа. С целью существенной пользы нашей Судия и Бог наш долго терпит о нас и не скоро мстит сопернику (Лк. 18, 7) **нашему — греху.**

Когда очень ослабеют **страсти** — это совершается наиболее к концу жизни (житие Феодила, Пимена Болезненного, Иоанна Многогострадального. Патерик **Печерский**) — тогда мало-помалу начнут появляться состояния духовные, различающиеся бесконечным различием от состояний, сочиняемых «мнением». Во-первых, вступает в душевную храмину благодатный плач, омывает ее и убеляет для принятия даров, последующих за плачем по установлению духовного закона. Плотский человек никак, никаким способом не может даже представить себе состояний духовных, не может иметь никакого понятия и о благодатном **плаче** — познание этих состояний приобретается не иначе как опытом (Святой Исаак Сирин, Слово 55). Духовные дарования раздаются с Божественной премудростью, которая наблюдает, чтобы словесный сосуд, который должен принять в себя дар, мог **вынести** без вреда для себя силу дара. Вино новое разрывает мехи ветхие! (Мф. 9, 17). Замечается, что в настоящее время духовные дарования раздаются с величайшей умеренностью, сообразно тому расслаблению, которым обьято вообще христианство. Дары эти удовлетворяют почти единственно потребности спасения. Напротив того, «мнение» расточает свои дары в безмерном обилии и с величайшей поспешностью.

Общий признак состояний **духовных** — **глубокое** смирение и смиренномудрие, соединенное с предпочтением себе всех ближних, с расположением, евангельской любовью ко всем ближним, со стремлением к неизвестности, к удалению от мира. «Мнению» тут мало места, потому что смирение состоит в отречении от всех собственных достоинств, в существенном исповедании Исккупителя, в соединении в Нем всей надежды и опоры, а «мнение» состоит в присвоении себе достоинств, данных Богом, и в сочинении для себя достоинств несуществующих. Оно соединено с надеждой на себя, с холодным, поверхностным исповеданием Исккупителя. Бог прославляется для прославления себя, как был прославлен фарисеем (Лк. 18, 11). Одержимые «мнением» по большей части преданы сладострастию, несмотря на то, что приписывают себе возвышеннейшие духовные состояния, беспримерные в правильном православном подвижничестве; немногие из них воздерживаются от грубого порабощения сладострастием, воздерживаются единственно по преобладанию в них греха из грехов — гордости.

...Из этого рода прелести возникли пагубные ереси, расколы, безбожие, богохульство. Несчастнейшее видимое последствие его есть неправильная, зловредная для себя и для ближних **деятельность — зло,**

несмотря на ясность его и обширность, мало примечаемое и мало **понимаемое**, случаются с зараженными «мнением» делателями молитвы и несчастья, очевидные для всех, но редко, потому что «мнение», приводя ум в ужаснейшее заблуждение, не приводит его к иступлению, как приводит расстроенное воображение.

На Валаамском острове, в отдаленной пустынной хижине, жил схимонах Порфирий, которого и я видел. Он занимался подвигом молитвы. Какого рода был этот подвиг, положительно не знаю. Можно догадываться о неправильности его по любимому чтению схимонаха: он высоко ценил книгу западного писателя Фомы Кемпийского «О подражании Христу» и руководствовался ею. Книга эта написана из «мнения». Порфирий однажды вечером, в осеннее время, посетил старцев скита, недалеко от которого была его пустынь. Когда он прошал со старцами, они предостерегали его: «Не вздумай пройти по льду: лед только что встал и очень тонок». Пустынь Порфирия отделялась от скита глубоким заливом Ладожского озера, который надо было обходить. Схимонах отвечал тихим голосом, с наружной скромностью: «Я уже легок стал». Он ушел. Через короткое время слышали отчаянный крик. Скитские старцы встревожились, выбежали. Было темно; не скоро нашли место, на котором совершилось несчастье; не скоро нашли средства, чтобы достать утонувшего: вытащили тело, уже оставленное душой.

...Книга «Подражание» написана из состояния самообольщения, но она имеет множество почитателей даже между чадами православной Церкви. Эти-то почитатели в восторге от ее достоинства и высказываются об этом достоинстве, не понимая того. В предисловии русского переводчика к книге «Подражание» (издание 1834 года, напечатанное в Москве) сказано: «Один высокопросвещенный муж (русский, православный) говаривал: если бы нужно было мое мнение, то я бы смело после Священного Писания поставил книгу Фомы Кемпийского о подражании Иисусу Христу» (стр. 37). В этом столь решительном приговоре дается инославному писателю полное предпочтение перед всеми святыми отцами Православной Церкви, а своему взгляду дается предпочтение перед определением всей Церкви, которая на святых Соборах признала писания святых отцов Богодухновенными и завещала чтение их не только для духовного назидания всем чадам своим, но и для руководства при решении церковных вопросов. В писаниях отцов хранится великое духовное, христианское и церковное сокровище: догматическое и нравственное предание Святой Церкви. Очевидно, что книга «Подражание» привела упомянутого мужа в то настроение, из которого он выразился так опротивительно, так ошибочно, так грустно. **Это—самообольщение! Это—прелесть!** Составилась она из ложных понятий. Ложные понятия родились из неправильных ощущений, сообщенных книгой. В книге живет и из книги дышит помазание лукавого духа, лстящего читателям, напоющего их отравой лжи, услажденной утонченными приправами из высокоумия, тщеславия и сладострастия. Книга ведет читателей своих прямо к общению с Богом, без предпочтения покаянием, почему и возбуждает особенное сочувствие к себе в людях страстных, не знакомых с путем покаяния, не предохраненных от самообольщения и прелести, не наставленных правильному жителству учением святых отцов Православной Церкви. Книга производит сильное действие на кровь и нервы, возбуждает их и потому особенно нравится она людям, порабощенным чувственностью; книгой можно наслаждаться, не отказываясь от грубых наслаждений чувственностью. Высокоумие, утонченное сладострастие и тщеславие выставляются книгой за действие благодати Божией. Обоняя блуд свой в его утонченном действии, плотские люди приходят в восторг от наслаждения, от упоения, доставляемых беструдно, без самоотвержения, без покаяния, без распятия плоти «со страстями и похотями» (Гал. 5, 24), с ласкательством состоянию падения. Радостно переходят они, водимые слепотой своею и гордостью, с ложа любви скотоподобной на ложе любви более преступной, господствующей в блудлище отверженных духов. Некая особа, принадлежавшая по земному положению к высшему и образованнейшему обществу, а по наружности к Православной Церкви, выразилась следующим образом о скончавшейся лютеранке, признанной этой особой за святую: «Она любила Бога

страстно; она думала только о Боге; она видела только Бога; она читала только Евангелие и «Подражание», **которое** — второе Евангелие». Этими словами выражено именно то состояние, в которое приводятся читатели и почитатели «Подражания».

Тождественно, в сущности своей, с этой фразой изречение знаменитой французской писательницы г-жи де-Севинье о знаменитом французском поэте, Расине-старшем. «Он любит **Бога**, — позволила себе сказать г-жа **Севинье**, — как прежде любил своих наложниц». Известный критик Ла-Гарп, бывший сперва безбожником, потом перешедший к неправильно понятому и извращенному им христианству, одобряя выражение г-жи Севинье, сказал: «Сердце, которым любят Творца и **тварь**, — одно, хотя последствия столь же различаются между собой, сколь различны и предметы». Расин перешел от разврата к прелести, называемой «мнением». Эта **прелесть** выражается со всей ясностью в двух последних трагедиях поэта: в «Эсфири» и «Гофолии». Высокие христианские мысли и ощущения Расина нашли себе пространное место в храме муз и Аполлона, в театре возбудили восторг, рукоплескания. «Гофолия», признаваемая высшим произведением Расина, дана была сорок раз сряду. Дух этой **трагедии** — один с духом «Подражания».

Мы веруем, что в сердце человеческом есть вожделение скотоподобное, внесенное в него падением, находящееся в соотношении с вожделением падших духов; мы веруем, что есть в сердце и вожделение духовное, с которым мы сотворены, которым любим естественно и правильно Бога и ближнего, которое находится в гармонии с вожделением святых Ангелов. Чтобы возлюбить **Бога** и в Боге ближнего, необходимо очиститься от вожделения скотоподобного. Очищение совершает Святой Дух в человеке, выражающем жизнью произволение к очищению. Собственно и называется сердцем, в нравственном значении, желание и прочие душевные силы, а не плотское сердце. В нем сосредоточены силы и от него общим употреблением перенесено наименование на собрание сил.

В противоположность ощущению плотских людей, духовные мужи, обоняя запах зла, притворившегося добром, немедленно ощущают отвращение к книге, издающей из себя этот запах. Старцу **Исаии**, иноку, безмолствовавшему в Никифоровской пустыни (Олонецкой, или Петро-заводской епархии), преуспевающему в умной молитве и сподобившемуся благодатного осенения, был прочитан отрывок из «Подражания». Старец тотчас проник в значение книги. Он засмеялся и воскликнул: «О! это написано из «мнения». Тут ничего нет истинного! Тут **все** — придуманное! Какими представлялись Фоме духовные состояния и как он мнил о них, не зная их по опыту, так и описал их». Прелесть, как несчастье, представляет собою зрелище горестное; как нелепость, **она** — зрелище смешное. Известный по строгой жизни архимандрит Кирилло-Ново-езерского монастыря Феофан, занимавшийся в простоте сердца почти исключительно телесным подвигом и о подвиге душевном имевший самое умеренное понятие, сперва предлагал лицам, советовавшимся с ним и находившимся под его руководством, чтение книги «Подражание». Но незадолго до своей кончины он начал запрещать чтение ее, говоря со святой простотой: «Прежде признавал я эту книгу душеполезной, но Бог открыл мне, что **она** — душевредна». Такого же мнения о «Подражании» был известный деятельной монашеской опытностью иеросхимонах Леонид, положивший начало нравственному благоустройству в Оптиной пустыни. Все упомянутые подвижники были знакомы лично мне.

Некий помещик, воспитанный в духе православия, коротко знавший так называемый большой свет, то есть мир в высших слоях его, увидел однажды книгу «Подражание» в руках своей дочери. Он запретил ей это чтение: «Я не хочу, чтобы ты последовала моде и кокетничала перед Богом». Самая верная оценка книги.

Все частные виды самообождения и обождения бесами относятся к двум вышеназванным главным видам и происходят или от неправильного действия ума, или от неправильного действия сердца. В особенности обширно действие «мнения». Не без основания относят к состоянию самообождения и прелести душевное настроение тех иноков, которые, отвергнув упражнение молитвой Иисусовой и вообще умное делание, удовлетворяются одним внешним молением, то есть неукоснительным участием в церковных службах и неупустительным исполнением келейного правила, состоящего исключительно из псалмопения и молитвословий, устных и гласных. Они не могут избежать «мнения», как это объясняет упомянутый старец Василий в предисловии к книге святого Григория Синаита, ссылаясь преимущественно на писания преподобных, этого Григория и Симеона Нового Богослова. Признак вкравшегося «мнения» обнаруживается в подвижниках тем, когда они думают о себе, что проводят внимательную жизнь, часто от гордости презирают других, говорят о них плохо, считают себя достойными, по мнению своему, быть пастырями овец и руководителями их, уподобляясь слепцу, берущемуся указывать путь другим слепцам (**Добротолубие**, ч. 1. О втором образе внимания и молитвы). Устное и гласное моление тогда плодоносно, когда оно сопряжено со вниманием, что встречается очень редко, потому что вниманию мы можем научиться преимущественно при упражнении молитвой Иисусовой (Предисловие схимонаха Василия). **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (108, 230—258).**

Прелести нечего бояться. Она случается с возгордившимися... которые начинают думать, что как зашла теплота в сердце, это уже и есть конец совершенства. А тут только начало, и то, может быть, не прочное. Ибо и теплота, и умирение сердца бывают и **естественные** — плод сосредоточения внимания. И надо трудиться и трудиться, ждать и ждать, пока естественное заменено будет благодатным. Лучше **всего — никогда** не считать себя достигшим чего-либо, а всегда видеть себя нищим, нагим, слепым и никуда не годным (**117, 184**).

О художественном делании молитвы Иисусовой речь началась с Григория Синаита в XIV веке и последующих веках...

Творить молитву Иисусову, как все мы навываем делать, есть доброе **дело**. В монастырях возлагается это как долг. Стали бы разве возлагать, если бы это было опасно?! Опасно то искусство, какое придумали и приладили к этой молитве. Оно иного ввергает в прелесть мечтательную, а иного, странно **сказать**, — в постоянное похотное состояние. Его потому надо и отсоветовать и запрещать. А сладчайшее имя Господа призывать в простоте сердца всем надо внушать и всех к тому располагать. **Епископ Феофан Затворник (117, 184—185).**

Если кто, не имея молитвы, принуждает себя только к **молитве**, чтобы получить благодатную молитву, а к смиреномудрию, к любви и к соблюдению прочих Господних заповедей не принуждает себя, то иногда, по прошению его, дается ему благодатная молитва, даже отчасти в упокоении и веселии, но нравами он уподобляется тому же, чему и прежде был подобен.

Ибо не имеет он кротости, потому что не взыскал ее трудом и не приуготавливал себя быть кротким. Не имеет он смиренномудрия, потому что не просил и не принуждал себя к этому. Не имеет любви ко всем, потому что не имел об этом попечения и не искал этого усиленно в молитвенном прощении. Ибо каждому, кто приневоливает и нудит себя, даже против желания сердца, к молитве, надо так же принуждать себя и к любви, и к кротости, и ко всякому терпению, и великодушию, по написанному, с радостью; а таким же образом надо принуждать себя к уничижению, к тому, чтобы считать себя хуже и ниже всех, чтобы не беседовать о бесполезном, но всегда поучаться в словах Господних и их изрекать устами и сердцем. Еще надо принуждать себя к тому, чтобы не раздражаться: «Всякое раздражение, и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас» (Еф. 4, 31). Чтобы, таким образом, Господь, видя произволение человека, дал ему без труда и принуждения совершать все то, что прежде едва мог сохранить с принуждением, по причине живущего в нем греха. И все эти начинания добродетели обратятся для него как бы в природу, потому что приходит к нему наконец Господь, приходит и пребывает в нем, и Сам творит в нем заповеди Свои без труда, исполняя его духовных плодов (117, 185—186).

Если смиренномудрие и любовь, простота и благодать не будут в нас тесно соединены с молитвой, то самая молитва, лучше же сказать: эта личина молитвы, весьма мало может принести нам пользы. И это утверждаем не об одной молитве, но и о всяком подвиге и труде, девстве или посте, или бдении, или псалмопении, или служении, или о каком бы то ни было делании, совершаемом ради добродетели. Если не увидим в себе плодов любви, мира, радости, кротости, добавлю еще: смиренномудрия, простоты, искренности, веры, сколько должно, великодушия, дружелюбия, то трудились мы без пользы, потому что для того и предпринимаем труды, чтобы воспользоваться плодами, а когда не оказывается в нас плодов любви, тогда, без сомнения, делание напрасно. Такие ничем не отличаются от пяти юродивых дев, которые за то, что здесь еще не имели в сердцах духовного елца, то есть духовной действенности исчисленных выше добродетелей, наименованы юродивыми и жалким образом оставлены вне царского брачного чертога, ничем не воспользовавшись от подвига девства. Как при возделывании виноградника все попечение и весь труд прилагаются в надежде на плоды: если плода не бывает, напрасным оказывается делание, так, если не увидим в себе, по действию Духа, плодов любви, мира, радости, всего прочего, перечисленного апостолом (Гал. 5, 22), и не сможем признать их в себе со всей несомненностью и по духовному чувству, то излишним окажется подвиг девства, молитвы, псалмопения, поста и бдения. Ибо труды эти и подвиги душевные и телесные должны совершаться, как сказали мы, в надежде на духовные плоды, а плодоношение добродетелей есть духовное наслаждение нераздельным удовольствием, неизреченно производимое Духом в сердцах верных и смиренных. Поэтому труды и подвиги должны

быть почитаемы, каковы они и действительно, трудами и подвигами, а **плоды — плодами**. Но если кто, по скудости ведения, делание свое и подвиг почитет плодами Духа, то оказывается, что он явно обольщается, сам себя обманывая, таким своим мнением лишая себя подлинно великих плодов Духа. **Преподобный Макарий Египетский (117, 186—187).**

Истинное начало молитвы есть сердечная теплота, **попалаяющая** страсти, вселяющая в сердце отраду и радость непоколебимой любовью и утверждающая сердце несомненным удостоверением. Все приходящее в душу, говорят отцы, чувственное ли то или духовное, коль скоро сомневается в нем сердце, не приемля его, не от Бога есть, но послано от врага. Когда также увидишь ум свой увлекаемым вовне или в высоту некоей невидимой силой, не верь этому и не попускай уму быть увлекаемым, но тотчас понудь его на дело **его**. — Что от Бога, то само собою приходит, говорит святой Исаак Сирин, тогда как ты и времени того не знаешь. Хотя и враг внутри чресл покушается призрачно представлять духовное, одно предлагая вместо другого: вместо теплоты наводя нестройное жжение, вместо веселия возбуждая радость бессловесную и сласть мокротную, и успевает укрывать себя за этими прельщениями от неопытных, но время, опыт и чувство обыкновенно обнаруживают его пред теми, кому не безызвестны его злые козни. «Гортань различает вкус в пище» (Иов. 34, 3), — говорит Писание. Так и вкус духовный все ясно показывает, как оно есть, не подвергаясь прельщению. **Григорий Синаит (117, 187).**

Причина мыслей вот какая! Слышали вы пустые речи, о них осталась память. Враг берет эти черты памяти и плетет из них сеть пред очами ума вашего, чтобы запутать его. Сходите тогда в сердце, отбравив очи от призрачных образов вражеских, и вызывайте ко Господу. **Епископ Феофан Затворник (117, 187).**

Для преуспевания в молитве и для избежания прелести необходимо самоотвержение, научающее искать в молитве одного внимания. Тогда подвиг молитвенный упростится и облегчится; облегчатся и искушения, которые, однако, всегда сопутствуют подвигу. Если же кто преждевременно стремится к раскрытию в себе действий сердечной молитвы, «тому, говорит преподобный Нил Сорский согласно с прочими святыми отцами, попускаются тяжкие, превыше сил, искушения от бесов». Такому стремлению служат основанием непонимаемые превозношения и высокоумие, представляющиеся усердием.

Некоторые утверждают, что упражнение Иисусовой молитвою всегда, или почти всегда, ведет к прелести и строго запрещают заниматься этой молитвой.

В усвоении себе такой мысли и в таком запрещении заключается страшное богохульство, заключается достойная сожаления прелесть. Господь наш Иисус Христос есть единственный источник нашего спасения, единственное средство нашего спасения. Человеческое имя Его заимствовало от божества Его неограниченную, всесвятую силу спасти нас; как же эта сила, действу-

ющая во спасение, эта единственная сила, дарующая спасение, может извратиться и действовать в погибель? **Это — чуждо смысла! Это — нелепость** горестная, богохульная, душепагубная! Усвоившие себе такой образ мыслей точно находясь в бесовской прелести, обмануты лжеименным разумом, исшедшим из сатаны.

Рассмотри все Священное Писание: увидишь, что в нем повсюду возвеличено и прославлено имя Господне, превознесена сила Его, спасительная для людей. Рассмотри писание отцов: увидишь, что все они, без исключения, советуют и заповедуют упражнение молитвой Иисусовой, называют ее оружием, которого нет крепче ни на Небе, ни на земле, называют ее богоданным, неотъемлемым наследием, одним из окончательных и высших завещаний Богочеловека, утешением любвеобильным и сладчайшим, залогом достоверным. Наконец, обратись к законоположению Православной Восточной Церкви: увидишь, что она для всех неграмотных чад **своих** — и монахов, и **мирян** — установила заменять псалмопение и молитвословие на келейном правиле молитвой Иисусовой. Что же значит перед единогласным свидетельством Священного Писания и всех святых отцов, перед законоположением Вселенской Церкви о молитве Иисусовой противоречащее учение некоторых слепцов, прославленных и прославляемых подобными им слепцами? Епископ Игнатий **(Брянчанинов)** (117, 188—189).

Сумасшествие от молитвы Иисусовой может произойти, если, творя эту молитву, не отстанут от каких-либо грехов и грешных привычек, которые осуждает совесть. При этом внутри происходит глубокий разлад, прогоняющий всякий мир сердца... Отсюда может помутиться голова, и понятия могут прийти в смятение и запутанность.

Первое ваше слово об огоньке... что это **такое?** — Когда Бог даст, тогда узнаете. Не вкусив сладости меда, нельзя познать, что это за сладость. Так и тут! Обнаруживается это постоянным чувством к Богу (117, 189).

Умная молитва, говорят, спасет: но умная молитва сама имеет крайнюю нужду в руководстве, пока она есть самоделательная, или трудовая. В это-то время делания умной молитвы, не направляемого искусной рукой, большей частью и сбиваются с пути. Епископ Феофан Затворник (117, 189).

Прелесть, понятная для многих в ее явных последствиях, должна быть изучаема, постигаема в самом ее начале: в мысли ложной, служащей основанием всех заблуждений и бедственных душевных состояний. В ложной мысли ума уже существует все здание прелести, как в зерне существует то растение, которое должно произойти из него по насаждении его в землю. Епископ Игнатий **(Брянчанинов)** (117, 189).

Великое орудие имеет на врагов тот, кто в молитве держит плач сокрушенный, чтобы не впасть в самомнение от радости, подаваемой молитвой. Хранящий эту радость-печаль избегнет всякого вреда. Настоящая, не прелестная молитва та, в которой теплота, с молитвой Иисусовой, влагает огонь в землю нашего сердца и посылает страсти, как терние. Она веселием и миром осеняет душу, приходит не справа или слева, не даже свыше, но пробивается в сердце, как источник воды от Животворящего Духа. Эту одну возлюби и возревнуй стяжать в сердце твоём, храни ум всегда немечтательным. С нею не бойся ничего, ибо Тот, Кто сказал: «ободритесь; это я, не бойтесь!» (Мф. 14, 27), Сам с нами. Кто, настроившись так, живет праведно и непорочно, чужд

человекоугодия и высокомерия, тот устоит и не потерпит никакого вреда, хотя бы весь бесовский полк поднялся против него и навел на него бесчисленные искушения (117, 189—190).

Ревнующие о духовной жизни... начинают с «Господи, помилуй», но у них, как и у нас, это скоро прекращается. Огонь, раз возжженный, горит сам собою, и никому не известно, чем он питается. В этом и состоит тайна. Находишь вновь «Господи, помилуй» в мыслях своих лишь в ту минуту, когда придешь в себя.

Слова молитвы этой есть: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!» или: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!» Огонь, о котором упоминается, возгорается не скоро, а после заметных трудов, когда возгорится теплота в сердце, постоянно усиливающаяся и воспаляющаяся во время умной молитвы. Углубленная молитва ко Господу возбуждает теплоту. У опытных отцов строго различаются—теплота телесная, простая, бывающая вследствие сосредоточения сил к сердцу вниманием и напряжением; теплота телесная, похотная, тут же иногда прививающаяся и поддерживаемая врагом; и теплота духовная, трезвенная, чистая. Она двух родов: естественная, вследствие соединения ума с сердцем, и благодатная. Различать каждую из них научает опыт. Теплота эта сладостна, и поддерживать ее желательно как ради самой этой сладости, так и ради того, что она сообщает благонастроение всему внутреннему. Но кто старается поддерживать и усиливать эту теплоту за одну сладость, тот разовьет в себе духовное сластолюбие. Потому-то трезвенники напрягаются, минуя эту сладость, устанавливаясь в одном предстоянии Господу, с полною Ему преданностью, как бы в руки Ему полагая себя; на сладость же, от теплоты исходящую, не опираются и внимания к ней не приковывают. Но возможно к ней прилепиться вниманием и, в ней упокаясь, как в теплом покое или одежде, ее одну поддерживать, не простирая мысли выше. Мистики дальше этого не шли; у них это состояние и считалось высшим: тут было совершенное безмыслие, погруженное в какую-то пустоту. Таково состояние созерцания мистиков. Епископ Феофан Затворник (117, 190—191).

Не прельщайся внутренними сладостями; без креста они непрочны и опасны.

Считай каждого человека лучше себя. Без этой мысли если бы кто и чудо сотворил, далек от Бога. Монахиня Магдалина (117, 191).

Спрашиваете, от чего бывает прелесть при делании молитвы Иисусовой?—Бывает она не от нее, а от образа совершения ее, именно того, который описан в Добротолюбии. Тот образ надо проходить с наставником, знающим это дело, и на глазах его. А кто один возьмется за это Дело, по одному описанию его, тому не миновать прелесть. Там описан только один внешний очерк дела, а что при этом добавляется старцем для восполнения внутреннего при этом строя, того не видно. Проходящий такое делание без присущего руководителя, естественно, и остается с одним внешним деланием—строго исполняет, что велено, относительно положения тела, дыхания и смотрения в сердце. Поскольку такого рода приемы, естественно, могут доводить до некоей степени сосредоточения

внимания и теплоты, то он, не имея при себе верного определителя, который сказал бы ему, каково достоинство происходящего в нем изменения, приходит к мысли, что это и есть то, что он ищет, то есть что его осенила благодать, тогда как ее тут еще нет, и начинает мнить, что имеет благодать, не имея ее. Это и есть прелесть, которая затем покривит и все последующее течение его внутренней жизни. Вот почему ныне у старцев видим, что они советуют совсем не браться за такие приемы по причине опасности их. Сами по себе они не могут дать ничего благодатного, ибо благодать ничем внешним не вяжется, а нисходит только на внутренний строй. Внутренний достодождливый **строй** — при молитве Иисусовой ходить в присутствии Божиим, возгревать чувства благоговения и страха Божия, ни в чем себе не поблажать, всегда и во всем слушать свою совесть и блюсти ее незапятнанной и мирной, и всю жизнь свою, и внутреннюю, и внешнюю, предать в руки **Божии**. Из этих духовных стихий благодать Божия, придя в свое время, слив их воедино, возжигает в сердце духовный огонь, который и служит свидетелем присутствия благодати в сердце. Этим путем трудно попасть в мнение. Но и тут с руководителем лучше, наличным, который бы видел лицо и слышал голос. Ибо лицо и голос открывают, что внутри. Епископ Феофан Затворник (117, 191—192).

Читатель найдет в Добротолюбии, в слове Симеона Нового Богослова, о трех образах молитвы, в слове Никифора Монашествующего и в сочинении Ксанфопулов наставление о художественном введении ума в сердце при пособии естественного дыхания, иначе, механизм, способствующий достижению умной молитвы. Это учение отцов затрудняло и затрудняет многих читателей, между тем как тут нет ничего затруднительного. Советуем возлюбленным братьям не доискиваться открытия в себе этого механизма, если он не откроется сам собою. И многие, захотевшие узнать его опытом, повредили свои легкие и ничего не достигли. Сущность дела состоит в том, чтобы ум соединился с сердцем при молитве, а это совершает Божия благодать в свое время, определяемое Богом. Упомянутый механизм вполне заменяется неспешным произношением молитвы, кратким отдыхом после каждой молитвы, тихим и неспешным дыханием, заключением ума в слова молитвы. При посредстве этих пособий мы удобно можем достигнуть внимания в известной степени. Вниманию ума при молитве начинает весьма скоро сочувствовать сердце. Сочувствие сердца уму мало-помалу начинает переходить в соединение ума с сердцем, и механизм, предложенный отцами, явится сам собою. Все механические средства, имеющие вещественный характер, предложены отцами единственно как пособия к удобнейшему и скорейшему достижению внимания при молитве, а не как что-нибудь существенное. Существенная, необходимая принадлежность молитвы есть внимание. Без внимания нет молитвы. Истинное благодатное внимание является от умерщвления сердца для мира. Пособия всегда остаются только пособиями... **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (117, 192—193).**

«Три вещи надлежит тебе соблюдать прежде всего **другого**, — говорит Симеон Новый **Богослов**, — беспопечение обо всем, даже благословенном, а не только неблагословенном и суетном (или, иначе, нужно умертвить все); совесть, чистую во всем, так, чтобы она не обличала тебя решительно ни в чем; и совершенное беспристрастие, чтобы помысел твой не клонился ни к какой мирской вещи. Стой вниманием внутри себя самого (не в голове, а в сердце)».

При этом Святой Симеон указывает некие внешние приемы, которые иных соблазняют и отбивают от дела, а у других покривляют самое делание. Так как эти приемы, по недостатку руководителей, могут сопровождаться недобрыми последствиями, а между тем суть не что иное, как внешнее приспособление к внутреннему деланию, ничего существенного не дающее, то мы их пропускаем.

Существо **дела**—приобрести навык стоять умом в сердце, в этом чувственном сердце, но не чувственно.

Надо ум из головы свести в сердце и там его усадить, или, как некто из старцев сказал, сочетать ум с сердцем.

Как этого достигнуть?

Ищи—и обрящешь. Удобнее этого достигнуть хождением перед Богом и молитвенным трудом, особенно хождением в церковь.

Но помнить надо, что наш только труд, а само дело, то есть сочетание ума с сердцем, есть дар благодати, подаваемый когда и как хочет Господь. Лучший **пример**—Максим Капсокалевит (117, **193—194**).

Не сбейтесь на некоторых внешних приемах при умной Иисусовой молитве. Для иных они нужны, а для вас не нужны. Время прошло. Место сердца, о котором там говорится, вы должны знать. Прочего не касайтесь. Дело Божие просто: **молитва**—речь детей к Отцу, без всяких ухищрений. Господь да умудрит вас во спасение!

Кто не нашел еще дороги внутрь себя, тому путешествия по святым местам полезны, а кто нашел, тому они разорительны: выводят из сердцевины наружу. Вы теперь усовершеншайтесь во внутрипребывании, а то, внешнее, оставьте. Епископ Феофан Затворник (117, 194).

Получившим и усвоившим себе несчастное предубеждение против молитвы Иисусовой, нисколько не знакомым с нею из правильного и долговременного упражнения ею, было бы гораздо благоразумнее, гораздо безопаснее воздерживаться от суждения о ней, сознавать свое решительное неведение этого священного подвига, нежели принимать на себя обязанность проповеди против упражнения молитвой Иисусовой: провозглашать, что эта всякая молитва служит причиной бесовской прелести и гибели души. В предостережение им нахожу необходимым сказать, что хуление молитвы именем Иисуса, приписание зловредного действия этому имени равновесны той хуле, которую произносили фарисеи на чудеса, совершаемые Господом... Невежественное богохульное умствование против молитвы Иисусовой имеет весь характер умствования еретического. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (117, 194).**

Вы читаете Добротолюбие? хорошо. В статьях Игнатия и Каллиста, Григория Синаита и Никифора не запутайтесь. Поищите, нет ли у кого жизни старца Паисия Нямецкого. Там помещены предисловия к некоторым статьям Добротолюбия, составленные старцем Василием. Эти статьи много разъясняют значение механизма в молитве Иисусовой. Они и вам помогут понять все как следует. Я уже поминал, что для вас тот механизм не нужен. Что он даст, у вас уже есть с той минуты, как призваны. Не придите вы к неправому помышлению, что дело молитвы вашей уже закончено. Возрастание молитвы конца не имеет. Если останавливается это возрастание, значит, жизнь остановилась. Спаси вас Господи и помилуй! Можно выйти из должного состояния, и одну память **■** нем принимать за самое состояние. Избави Господи!

Чувствуете рассеяние мыслей? пооберегитесь! Это очень опасно. **Вран** хочет загнать вас в какую-нибудь трущобу и там убить. Мысли блуждать начинают от умаления страха и охлаждения сердца. Охлажденные же сердца много имеет причин. Главная из **них**—самодовольство и

самоуверенность. Вам это очень сродно. Поостерегитесь и поспешите восстановить страх Божий и разогреть душу. **Епископ Феофан Затворник (117, 195).**

Все писания греческих отцов достойны глубокого уважения по обилию живущих в них и дышащих из них благодати и духовного разума. Но сочинения российских отцов, по особенной ясности и простоте изложения, по большей близости к нам относительно времени, доступнее для нас, чем писания греческих светильников. В особенности писания старца Василия можно и должно признать первой книгой, к которой в наше время необходимо обратиться желающему успешно заняться Иисусовой молитвой. Таково и назначение ее. Старец назвал свои писания предпутями, предисловиями, или таким чтением, которое приготовляет к чтению греческих отцов. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (117, 195).**

Отвержение системы при изучении науки служит источником превратных понятий... таково и последствие беспорядочного упражнения в молитве. Неизбежное, естественное последствие такого **упражнения — прелесть (108, 266).**

Из-за отсутствия благодатных руководителей, из-за умножения лжеучителей, обманутых бесовской прелестью и влекущих весь мир в этот обман, необходима жизнь, растворенная смирением, необходима точнейшая жизнь по Евангельским заповедям, необходимо соединение молитвы с плачем о себе и о всем человечестве, необходима осторожность от всякого увлечения разгорячением, думающим совершить дело Божие одними силами человеческими, без действующего и совершающего Свое дело Бога. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (82, 548—549).**

Начало помрачения ума, первый признак помрачения, усматриваемый в душе, состоит в лености к службе Божией и молитве. Другого пути к оболыщению нет, если она прежде не оставит этого подвига своего. Когда же она лишится помощи Божией, то она легко впадает в руки супостатов своих. Преподобный Исаак Сирин (82, 249).

Мечтательность в молитве еще вреднее рассеянности. Рассеянность делает молитву бесплодной, а мечтательность служит причиной плодов ложных: самообольщения и (называемой так святыми отцами) бесовской прелести **(109, 165).**

Четырех родов помыслы и ощущения действуют на молящихся: одни прорастают из благодати Божией, насажденной в каждого православного христианина святым Крещением, другие предлагаются Ангелом Хранителем, иные возникают из падшего естества, наконец, иные наносятся падшими духами **(108, 213).**

В наше время, при совершенном оскудении боговдохновенных наставников, нужна особенная осторожность, особенная бдительность над собой. Они нужны при всех инокеских подвигах, наиболее нужны при молитвенном подвиге, который из всех **подвигов** — самый возвышенный. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (108, 224).**

МОЛИТВА К БОГОМАТЕРИ И СВЯТЫМ

И между людьми если кто имеет своей ходатаицей чью-либо мать, то, когда она будет просить своего сына за единоплеменника, ближнего или друга, он не оставит без внимания ее прошения; что же сказать о том ходатайстве и дерзновении, какое высшая рода человеческого и Сил Небесных Пренепорочная Мать имеет к Своему воплотившемуся от Нее Сыну? Могушество Ее несравненно и необъятно (113, 452).

Небесная Царица — первая и высшая ходатаица наша пред Сыном и Богом Своим, неусыпное и непостыдное наше предстательство, покров всего мира, подательница всех благ, утешение, прибежище и спасение наше. Преподобный Ефрем Сирий (113, 456).

Некогда во время совершения всенощного славословия в храме во Влахерне (где хранилась риза Богоматери с омофором и частью пояса) пришел туда блаженный Андрей. Был с ним и Епифаний, один из его учеников. В четвертом часу ночи блаженный Андрей видит величественную Жену, идущую от царских врат со страшной свитой. Иоанн Предтеча и сын грома поддерживали Ее своими руками, а многие святые в белых одеждах предшествовали Ей, иные последовали с гимнами и духовными песнями. Когда Она приблизилась к амвону, преподобный, подойдя к Епифанию, сказал: «Видишь ли Госпожу и Царицу мира?» — «Вижу, отец мой духовный!» — отвечал тот. И когда смотрели, Она, преклонив колена, долго молилась, обливая слезами Свое Пречистое лицо. Окончив молитву у амвона, Она подошла к престолу и молилась и здесь за предстоящий народ. По окончании молитвы сняла с Себя сверкающее наподобие молний, великое и страшное покрывало, которое носила на Пречистой главе Своей, и с великой торжественностью распростерла его над всем стоящим народом. Чудные эти мучаи (святые Андрей и Епифаний) долго смотрели на это распростертое над народом покрывало и блиставшую наподобие молний славу Господню. И пока была там Пресвятая Богородица, видимо было и покрывало. По отшествии же Ее сделалось и оно невидимо. Но, взяв его с Собой, Она оставила благодать бывшим там. Житие святого Андрея (113, 456).

Мы призываем святых в посредничество между нами и Богом, чтобы они молили Его за нас; призываем их не как богов каких, но как друзей Его, которые служат Ему, славословят Его и поклоняются Ему. Мы требуем помощи их не потому, чтобы они могли помогать нам собственной силой, но поскольку ходатайством своим они испрашивают нам от Бога благодать... Они во время своей земной жизни молятся за других и ходатайствуют не только частно и втайне, но и всенародно и открыто, как это подтверждают Писания... тем более по смерти своей молят о нас Бога, ибо тогда им ничто в этом не препятствует.

Но кто-нибудь скажет, что святые не познают и не понимают молитв наших. На это отвечаем, что хотя они сами по себе не познают и не слышат молитв наших, но познают и слышат по откровению Божию... Итак, справедливо мы почитаем их и испрашиваем через них помощь у Бога... Мы не отдаем им божеской чести, но молим их, как братьев и друзей наших, чтобы испрашивали нам помощь у Бога и ходатайствовали за нас пред Господом. Православное исповедание (113, 451).

Молитвы святых имеют великую силу, но только когда мы

сами раскаиваемся (в грехах) и исправляемся... Впрочем, говорю это не для того, чтобы не призывать святых на молитвах, но для того, чтобы мы не ленились и, предавшись беспечности и сну, не возлагали на других того, что должны делать сами. Святитель Иоанн Златоуст (113, 451).

Петр и Андрей ходатайствовали перед Господом о теще Симона, которая была одержима сильной горячкой. «Подойдя к ней, Он запретил горячке; и оставила ее. Она тотчас встала и служила им» (Лк. 4, 39)... И у тебя есть ближние, которые могут ходатайствовать за тебя. Эти ближние суть апостолы и мученики, если только ты, почитая их, сближаешься с ними милосердием, потому что оказавший милость есть ближний (Лк. 10, 30—37)... Тогда Петр и брат его Андрей ходатайствовали о теще Петра, а ныне они могут ходатайствовать за нас и за всех. Ибо очевидно, что обремененный грехами не способен молить за себя и что за него должны молить (Небесного) Врача другие, подобно тому как и больные телесно не сами приглашают врача, а другие просят его за них... Итак, за нас должны молить Ангелы, эти защитники наши,—мученики, порукой покровительства которых служат их мощи. Омыв свои грехи кровью, они могут ходатайствовать о прощении наших грехов, потому что мученики Божии—судии и блюстители нашей жизни и наших дел. Мы не должны бояться этих заступников наших, потому что они сами испытывали немощи плоти, борясь против нее. Святитель Амвросий Медиоланский (113, 451).

Если бы вам нужно было идти завтра на суд к строгому судье, то, я думаю, вы бы сегодня позаботились о том, чтобы приготовить ответ, и постарались бы немедленно найти защитников и покровителей, которые бы ходатайствовали за вас. Смотрите же, вот скоро придет на Суд грозный Судия Иисус Христос со множеством Ангелов и Архангелов. Если мы теперь не найдем себе покровителей, кто нас защитит тогда? У нас есть святые мученики, в них имеем защитников и помощников себе; они всегда готовы помогать нам и желают быть нашими ходатаями. Их-то теперь просите, их умоляйте о помощи. Господь примет их ходатайство, потому что хотя Он правосуден, но вместе долготерпелив и многомилостив. Святитель Григорий Великий (113, 452).

Сколько ты трудишься, чтобы найти покровителя, который бы представил тебя смертному царю и перед ним замолвил за тебя слово! А предстателей всего рода человеческого, которые молят за нас Богу, неужели не должно почитать? (113, 452).

Если и человек к искреннему другу своему, подвергнутому за него опасности свою жизнь, питает такую любовь, что ценит его дороже всех дорогих стяжаний, если мы, «будучи злы» (Мф. 7, 11), стараемся всем возможным платить людям, любящим нас (Мф. 5, 46—47), то не тем ли более имеет такую любовь к святым и так поступает Христос Спаситель, настолько возлюбивший возлюбивших Его учеников, что сказал им: «Вы друзья Мои?» (Ин. 15, 14) (113, 452).

Итак, мы поклоняемся святым, потому что Бог их прославил и сделал страшными для врагов и благодетелями для приходящих к ним с верою, поклоняемся им не как богам и благодетелям по естеству своему, но как рабам и служителям Божиим, имеющим дерзновение к Богу по любви своей к Нему... Ибо те, которые с верою приходят к Царю (Небесному), получают просимое, будет

ли просить Его сам раб, или же будет он просить во имя Его (ближайшего) служителя Его, ибо эту честь и веру Сам Царь приемлет. **Преподобный Иоанн Дамаскин (113, 452).**

Кто с верою и любовью к Богу и Его закону, с надеждой благодатной помощи Божией твердо стоял против искушения и действительно принял благодатную помощь к отражению его, кто ревностно и постоянно упражнялся в некоем благочестивом подвиге или добродетели и действительно принял благодатную помощь совершить подвиг и добродетель, кто мужественно решился лучше пострадать и умереть, нежели изменить истине и правде, и действительно принял благодатную помощь победоносно пройти поприще неповинного страдания, тот может и другим искушаемым и подвизающимся помочь. Или вообще потому, что привлеченная его верою и подвигом обитает в нем «сила Христова» (2 Кор. 12, 9) и действует не только в нем, но и через него, и в особенности потому, что он, по опыту своего искушения и подвига, тем глубже сочувствует и сострадает другим в подобном искушении и подвиге и тем ревностнее ищет им помощи и, по опыту обретенной для себя благодатной помощи, тем с большим дерзновением веры и тем с большим успехом предстательствует пред Богом и за других, требующих подобной помощи, находя притом в радости благотворения награду за свой подвиг. Такое примирительное направление благотворной силы святых можно усматривать на опыте в житиях их.

У преподобного Даниила Скитского просил помощи некто, тяжко боримый искушением, восставшим против его целомудрия. Старец послал его на гроб мученицы Фомаиды молиться при ее предстательстве. И когда повеленное было исполнено, искушение исчезло. Почему же помощь должна была прийти именно через эту мученицу? Потому, что она в жизни прошла через тяжкое искушение против ее целомудрия и мученически умерла за сохранение целомудрия. **Филарет, митрополит Московский (113, 455).**

МОЛИТВА ЗА БЛИЖНИХ

Истинный монах не должен смеяться — должен плакать о тех, которые поносят Бога, преступая закон Его, и о тех, которые проводят всю жизнь в грехах. Будем рыдать и плакать, непрестанно умоляя Бога, чтобы не восхитила их смерть, прежде чем они успеют принести покаяние. **Преподобный Антоний Великий (2, 35—36).**

Если кто будет просить тебя помолиться о нем, отвечай ему: брат! Бог ради молитв святых угодников Своих да помилует и меня и тебя по воле Своей. **Изречения безымянных старцев (82, 376).**

Молиться нужно не только самому за себя, но друг за друга. Ибо все верные, рассеянные по всему миру, есть единое духовное тело, имеющие единую преблагословенную Главу — Христа, и единым Духом Божиим просвещаемые иставляемые (Рим. 12, 5; 1 Кор. 10, 17; 1 Кор. 12, 12—13, 20, 27). И поэтому, как духовные члены, единое духовное тело составляющие, должны друг другу помогать молитвой. Как в теле члены друг о друге пекутся, так и мы, молясь друг за друга, единый глас к Небесному Отцу должны возносить с верой и любовью: «Отче наш, Иже еси на Небесех!». **Святитель Тихон Задонский (104, 1093—1094).**

МОЛИТВА ЗА ВРАГОВ

Кто хочет, чтобы Бог услышал молитву его, тот, когда встанет для совершения ее... прежде всякой другой молитвы, даже прежде молитвы о душе своей, да принесет молитву о врагах своих, и ради этого Бог услышит всякую молитву его. **Авва Зенон** (82, 126).

Господь не прощает того, кто не прощает брата своего. Преподобный **Ефрем Сирий** (28, 111).

Если мы будем возносить молитвы за обижающих и оскорбляющих нас, тогда будет услышана и молитва наша за нас самих (39, 605).

Когда кто молится против врагов или против людей, причинивших ему какое-нибудь зло, то это слова не человека, а диавола (39, 40).

Надо молиться за врагов, хотя бы они много оскорбляли нас. Если мы не будем делать этого, то неизбежно погибнем... (37, 378).

Молиться Богу о вреде для **врагов** — значит оскорблять Бога (37, 374).

Господь хочет, чтобы мы были кротки к виновным, не злопамятны к согрешающим против нас, прощением их приобретаем себе и сами приготавливали себе меру человеколюбия (37, 33).

Будем не Богу только говорить: «Не помяни согрешений наших», но и самому себе пусть каждый говорит: «Да не помянем согрешений **братий** наших против нас» (42, 261).

Ты **сам — первый** судья твоим делам, а потом уже судит их Бог. Ты пишешь себе закон прощения и наказания и изрекаешь себе приговор (42, 261).

Человек, простивший своему ближнему, не может не получить совершенного прощения (от Бога), потому что Бог несравненно человеколюбивее нас (43, 325).

Если мы сами виновны в столь многих грехах, то должны со всею готовностью прощать оскорбляющим и обманывающим нас и не помнить зла. Святитель Иоанн Златоуст (45, 890).

Прощение врагам нашим и делание им добра есть истинное великодушие, одна из величайших черт богоподобия. **Преподобный** Никодим Святогорец (64, 31).

Будем... перед каждой молитвой нашей рассматривать нашу совесть и, находя в ней памятозлобие, искоренять его... молитвой за врагов и благословением их (108, 513).

Когда возлюбишь врагов своих и будешь молить о них, чтобы им дарованы были все блага, временные и вечные, тогда только низойдет к тебе Бог на помощь, и ты победишь молитвою своею всех супостатов твоих, вступишь умом в сердечный храм для поклонения Отцу духом и истиною. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 211—212).

К старцу схииеромонаху Иисусу ночью пришли разбойники с намерением обокрасть его, не зная, что у него нечего похитить. Прита-

ившись в сокровенном месте в келлии, они ждали, чтобы старец ушел в церковь к утреннему богослужению. Старец еще не спал, а стоял на обычном правиле и слышал приход их, прозрел намерение их. Тогда к своей молитве он присовокупил: «Боже, пошли сон рабам Твоим, утрудившимся в суетном угождении врагу». Молитва была услышана, и незваные посетители спали в келлии старца беспросыпно пять дней и пять ночей, пока сам старец, пришедши с братией, не разбудил их словами: «Доколе стережете все? Идите домой». Пробудившись, они встали, но идти не могли, потому что немало времени пробыли без пищи. Старец накормил их и отпустил. **Троицкий Патерик (90, 127).**

МОНАШЕСТВО*

Тот монах, кто живет для Бога, и притом для Него одного.
Святитель Григорий Богослов (15, 342).

Монах — тот, кто не смешивается с миром, непрестанно беседует с одним Богом; видя Его, он и Им бывает видим, и любя Его, Им любим, и становится светом, неизречно сияющим.
Преподобный Симеон Новый Богослов (61, 224).

Жительство монаха должно заключаться в труде, послушании, умной молитве, в устранинии от себя осуждения, злоречия и ропота. Говорит Писание: «Любящие Господа, ненавидьте зло!» (**Пс.** 96, 10). Жительство монаха заключается в том, чтобы не вступать в общение с неправедным, чтобы не видеть зла, чтобы не любопытствовать, не разузнавать, не слышать о действиях ближнего, чтобы не похищать чужого, напротив, давать свое; чтобы не гордиться сердцем, не лукавствовать мыслью, чтобы не наполнять чрева, чтобы во всем поведении руководствоваться благоразумием. В **этом — монах (82, 371—372).**

Постом умиряется тело, бдением очищается ум, безмолвием приносится плач, плач составляет иноку совершенство и безгрешность. **Изречения безымянных старцев (82, 380).**

Первое делание у **монаха — безмолвие**, то есть жизнь без развлечений, в удалении от всякого житейского попечения, чтобы, став выше человеческих наслаждений, можно было прилепиться к Богу. **Второе** — соразмерный пост, то есть однократное в день вкушение малоценной пищи, и то не до сытости. **Третье** — соразмерное бдение, то есть употребление одной половины ночи на псалмопение, воздыхание и слезы. **Четвертое — псалмопение**, то есть телесная молитва, состоящая в псалмах и коленопреклонениях. **Пятое — молитва** духовная, совершаемая умом, удаляющая от себя всякую постороннюю мысль. **Шестое — чтение** житий святых отцов и их слов, совершенное удаление слуха от чуждых учений и от всего иного, чтобы словами отцов побеждать страсти. **Седьмое — вопрошение** опытных о всяком слове и предприятии, чтобы по неопытности и самоуверенности, вздумав и сделав одно вместо другого, не погибнуть, когда неистовствует плоть, по бесовскому навету или от вина... Поэтому должно все соразме-

* См. также т. 4, с. 357—365 настоящего издания.

рять, чтобы неумеренностью не поколебать ревности. Преподобный Ефрем Сирий (27, 403).

Духовным благом, объемлющим и совмещающим в себе прочие блага, называют монашество (112, 3).

Монастырь есть нравственная лечебница. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 7—8).

Отречение от мира

Ненавидь все мирское и удаляй его от себя. Будь уверен, что оно изгоняет нас от лица Божия на далекое расстояние (82, 33).

Не подражай тем, которые пристрастились к наслаждениям мира **сего**, потому что они никогда не преуспеют. Но подражай тем, которые скитались в горах и пустынях ради Бога, и осенит тебя сила свыше. Преподобный Антоний Великий (82, 25).

Человеческое покровительство уничтожает все духовное достоинство в монахе и делает его бесплодным, если он возложит упование на это покровительство. Изречения безымянных старцев (82, 388).

Если хотите **спасти́сь** —соблюдайте нестяжание и молчание: на этих двух деланиях основано все монашеское жительство. Авва Даниил (82, 95).

Плотским обозначается все вещественное. Любящий вещество любит преткновения и скорби. Если нам случится утратить что-либо вещественное, утрату должно принимать с радостью и исповедовать, что она избавила нас от попечения. Авва Евпрений (82, 122).

Возненавидь все мирское и самый телесный покой, потому что они делают тебя врагом Божиим. Как воин, имеющий противника, сражается с ним, так и мы должны сражаться с телом, не позволяя ему нежиться и расслабляться от излишнего успокоения (82, 146).

Когда ум освободится от всякого упования на суетный мир, это служит признаком, что грех умер в душе (82, 191).

Если ты оставил все, принадлежащее суетному миру, то блюдись от беса, наводящего печаль от избранной тобой великой нищеты и соединенного с нею скорбного положения, исполненного лишений. Если будешь побежден печалью, то не сможешь Достичь великих добродетелей. Эти великие добродетели заключаются в том, чтобы не ценить себя, чтобы благодушно переносить укоризну и радоваться тому, что тебя считают неспособным ни к какому делу и занятию суетного мира (82, 194—195).

Непрестанно устремляй помышления к Богу, и Он сохранит тебя. Не возлагай никакой надежды на преходящий мир, чтобы она не погубила тебя: уходя с земли, оставишь все, принадлежащее миру, сделанное же ради Бога будет сопутствовать тебе и помогать во время нужды (82, 199).

Не связывай себя делами мира, и помысел будет безмолвствовать в тебе (82, 203).

Господь воздаст почести и награды тем, кто мужественно подвизается на крестном поприще земной жизни, кто сверг с себя бремя преходящего мира терпением скорбей и умерщвлением тела (82, 210).

Блаженны те, которые не возложили упования на свои дела, которые уразумели величие Божие и сподобились исполнять в точности волю Божию. Познав свою немощь, они сосредоточивают все свои подвиги в печаль покаяния: они оплакивают себя, оставив суетную и греховную заботу обо всем, совершающемся в мире, который, как создание Божие, подлежит Суду Единого Бога (82, 223).

Невозможно уму, связанному попечениями суетного мира, служить Богу, как и Господь сказал: «Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6, 24). Маммоной названы все суетные занятия и каждое из них в частности. Если человек не оставит их, то не сможет вступить в служение Богу (82, 225).

Удостоившиеся милости Божией и дарований Святого Духа смотрят на мир, как на темницу, в которой они заключены, и избегают общения с ним, как смерти. Такая душа не может полюбить мир, если бы и захотела полюбить. Она помнит то состояние, в котором бедствовала до того, как стала покоиться в Боге; она помнит, что сделал с нею мир, и то запустение, в которое привел он ее. **Преподобный авва Исаия** (82, 231).

Монастыри — тихая пристань; они подобны светочам, которые светят людям, приходящим издалека, привлекая всех к своей тишине. **Святитель Иоанн Златоуст** (45, 720).

Монах, ты отрелся от мира, отпущен на свободу, освободил тебя Христос, после этого не люби рабства суетного мира, чтобы не было «последнее хуже первого» (Мф. 12, 45) (25, 560).

Не пострижение и не одеяние делают монахом, но небесное желание и божественное житие, потому что в этом обнаруживается совершенство жизни (25, 516).

Бессмертная сила в **монахе** — нестяжательность, несущая Крест (26, 564).

Отрешившимся от мира и от его суетных дел, возненавидевшим его похоти и гнушающимся его забавами в Евангелии спасения дано обетование **воздаяния** — **Вечный** Чертог и нескончаемая Жизнь. Из любви к Господу монахи оставили в этом мире родных, имения, ибо слышали, что «блаженны нищие духом» (Мф. 5, 3), их ожидает Горнее Царство. Тела свои они сделали храмами Святого Духа, строгостью своей жизни они победили свою жизнь. Распяли они свои души, пригвоздили к кресту тела и подвижничеством умилировали Творца. Увидели они, что мир преходит, что удовольствия его скоротечны, что все в нем подобно сновидению. Господь наш в Своем Евангелии обещает блаженство тем, которые усердно и бдительно служат Ему. К такому Он простирает десницу Свою, таким дает награду, таких сажает с Собою за Трапезою Жизни. На таких возлагает венцы, и они вкушают блаженства в Его чертоге за скорби, понесенные с Ним с утра до вечера. Горнее Царство ожидает тех, кто одержал

победу в брани и тем прославился. Ангелы по обычаю своему нисходят подкреплять борцов во время брани. Рай отвергает им врата свои, вселяются они в обители света. Ангелы дивятся славе земных, потому что они облачаются в славу, подобную славе духовных существ, облачаются ризой Святого Духа, лукавый скорбит, что не положил пята на их челах и не устоял в борьбе с ними. Они гнушались чревоугодием и возлюбили воздержание, отогнали плотскую нечистоту и возлюбили целомудрие. Они избрали страдание и возненавидели покой, совлекись гордости, облеклись в смирение. **Мучится** при виде их человеконенавистник, потому что они раскрыли его коварство и расторгли путы его, они победили врага и обратили его в бегство. **Преподобный Ефрем Сирин** (28, 253).

От суеты и самообольщения обратись к Истине! Обратись от греха и мира к Богу! Обратись от временного к вечному! Отвергни все пустые занятия и наслаждения, приступи к слову Божию, держись этого спасительного, животворящего слова: оно просветит тебя и будет вести к вечному блаженству (82, 361).

Если хочешь, чтобы вечное спасение было твоим главным делом, будь в этом мире, как странник и пришелец (82, 361—362).

Если отрекшиеся от мира даже и азбуки не знают, просвещаемые **Божиим** светом, они становятся мудрей, чем те, которые знают все Писание, но желают прославиться в этом мире. Святитель **Тихон** Задонский (82, 362—363).

Мы для того и вступаем в монастырь, чтобы открыть в себе глубоко живущие страсти и отношение нашего естества к духам злобы, которым оно поработилось произвольно. **Для того мы** разрываем связи с миром, оставляем общество людей, родственников, имущество, чтобы увидеть наши внутренние узы и расторгнуть их десницею Господа (108, 346).

Инок — истинная вдовица, для которой мир должен быть мертвым (111, 46).

Все виды монашеской жизни, разнообразные только по наружности, имеют одну цель: она заключается в том, чтобы устранить нашу немощь от обольщений и впечатлений мира, дать должную цену и временной, и Вечной Жизни, употребить первую для получения второй (111, 361).

Всякий, поступивший в монастырь и принявший на себя благое иго Христово, должен непременно пребывать в нестяжательности. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 282).

После того, как авва Пимен и авва Анув с братьями удалились в пустыню, мать пожелала их видеть. Она часто приходила к их келлии и уходила, не увидев их. Выждав удобную минуту, она неожиданно явилась **перед** ними в то время, когда они шли в церковь. Увидев ее, монахи поспешно возвратились в келлию и заперли за собой дверь. Она встала **перед** дверью и с плачем звала их. Тогда авва Анув подошел к авве Пимену и спросил: «Что делать нам с матерью нашей?» Авва Пимен пошел к дверям. Она продолжала плакать, и он, не отворяя дверей, спросил: «Что ты плачешь?» Она, узнав голос сына, заплакала сильнее: **я** хочу видеть вас, сыновей моих! Что плохого в том, что я увижу вас? Не я ли родила вас? Не я ли вскормила вас? Я уже совсем седею!». Пимен сказал ей: «Здесь ли хочешь видеть нас или в будущем веке?». Она

отвечала: «А если здесь не увижу вас, то увижу ли там?». Пимен сказал: «Если откажешься от свидания здесь, то наверняка увидишь там». Она утешилась и ушла с радостью, говоря: «Если наверняка увижу там, то здесь могу уже и не видеть» (82, 319—320).

Однажды местный правитель взял под стражу одного из родственников аввы Пимена. Другие родственники пришли к авве и просили его, чтобы он сходил к правителю и ходатайствовал за заключенного. Авва отвечал им: «Дайте мне три дня, и я схожу». В течение этих трех дней он молил Бога так: «Господи! На дай мне успеха в этом деле, иначе не дадут мне жить в этом месте, непрестанно вовлекая в мирские дела». Через три дня он пришел к правителю ходатайствовать о родственнике. Правитель сказал ему: «Авва! неужели ты просишь за разбойника!» Получив такой ответ, старец возрадовался, что ему не дано было Богом успеха в этом деле. **Отечник** (82, 324—326).

Невозможно удовлетворять обоим деланиям: телесному служению ближним и служению молитвой и преподаванием слова **Божия...** Общий порядок для иночествующих заключается в том, чтобы новоначальные исполняли Евангельские заповеди телесно, постепенно обучаясь и духовному исполнению их, а преуспевшие исполняли духовно, восходя от изучения самих себя и опытного самопознания к опытному богопознанию и стяжав живое слово Божие молитвенным соединением в один дух с Богом. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (82, 326).

О новоначальных иноках

Преподобный авва **Исаия** говорил о новоначальных монахах, предавших себя в послушание духовным отцам: «Краска, которую первоначально выкрашена багряница, ничем не изглаживается с багряницы» (82, 151). Это значит: первоначальное направление, которое получит иннок при вступлении в монастырь, остается в нем, в большей или меньшей степени, на всю жизнь. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (82, 151).

Новоначальные монахи, предавшие себя в послушание отцам, подобны мягким ветвям, легкогибающимся в обруч (82, 152).

Ничто так не полезно новоначальным, как уничижение; что ежедневное поливание для посаженного дерева, то для новоначального уничижение. Преподобный авва **Исаия** (82, 151—152).

Уничижение в разных видах употреблялось при вступлении монахов, когда старцы изобиловали благодатными дарами... Духовное лечение это, сохраняя само по себе все достоинство свое, нуждается в наше время в особенном благоразумии при употреблении его.... Жестокое уничижение в наше время может сокрушить новоначального, расстроить его навсегда. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (82, 89).

Авва Даниил Скитский говорил: «Я жил и в общежитии, и в отшельничестве; испытав ту и другую жизнь, нахожу, что в общежитиях преуспевают скорее и больше, если проводят жителство правильное». Авва Даниил (82, 89).

В общежитиях Пахомия Великого каждого вновь вступившего в монастырь, во-первых, занимали телесными трудами под руководством старца в течение трех лет. Телесными трудами, частыми

наставлениями старца, ежедневной исповедью внешней и внутренней деятельности, отсечением воли могущественно и быстро обуздывались страсти, очишались ум и сердце (108, 227).

Опытные в монашеской жизни иноки... гораздо более опасаются прелести ... чем новоначальные, особенно те из новоначальных, которые объаты разгорячением к подвигу (108, 236).

Новоначальные иноки нуждаются в продолжительном времени для обучения молитве... Нужны время и постепенность в подвиге, чтобы подвижник созрел для молитвы во всех отношениях (108, 261).

Для новоначального искания сердечного места, то есть желание безвременно и преждевременно открыть в себе явственное действие благодати, есть начинание самое ошибочное... **гордостное, безумное** (108, **271—272**).

Новоначальные должны держаться при упражнении молитвой одного благоговейного внимания, одного заключения ума в слова молитвы, произнося слова очень неспешно, чтобы ум успевал заключаться в них, и дыша тихо, но свободно (108, 272).

Жизнь в монастыре, особенно в общежительном, способствует успешному и прочному обучению молитве новоначального, если только он живет правильно. Живущему правильно в общежитии непрестанно представляются случаи к послушанию и смирению, а эти добродетели приготавливают и настраивают душу к истинной молитве (108, 275).

Для новоначального святые отцы предлагают частые, но непродолжительные молитвы. Когда ум возрастет духовным возрастом, окрепнет и возмужает, тогда он будет в состоянии непрестанно молиться (108, 299).

Монаху предстоит борьба с естеством; наилучший возраст для вступления в эту **борьбу** — юношеский. Он еще не окован привычками, в нем произволение имеет много свободы (108, 481).

Для новоначальных полезнее краткие и частые моления, чем продолжительные, удаленные одно от другого значительным временем (109, 167).

Для неопытных и новоначальных единственное средство к избежанию обмана, повреждения и гибели заключается в решительном отречении от всякого видения по совершенной неспособности к правильному суждению о нем (110, 50).

Юным инокам... опытные наставники монашества воспрещали усиленный подвиг поста, бдения, затвора, при которых... духи скоро начинают являться чувственно и удобно могут обмануть подвижника к его повреждению и гибели (110, 53).

Пост для новоначального должен быть умеренным (112, 17).

Новоначальный никак не может вынести одного душевного Дела (112, 43—44).

Главнейшим келейным занятием новоначального инока должно быть чтение и изучение Евангелия и всего Нового Завета (119, 50).

Новоначальный инок никак не может применить книги к своему положению, но непременно увлекается направлением книги (112, 53).

На новоначальных очень полезно действует чтение акафистов Иисусу Сладчайшему и Божией Матери (112, 106).

Непрестанная молитва не может быть достоянием новоначального инока, но, чтобы сделаться способным в свое время к непрестанной молитве, он должен приучиться к частой молитве (112, 112).

Неведение новоначального и преобладание в нем страстей не дают ему возможности понимать Писание, как должно, и держаться с должной твердостью (112, 139).

Против усиленного и учащенного нападения греховных помыслов и ощущений, называемого... бранью, нет лучшего оружия для новоначального, чем исповедь (112, 149).

Новоначальный инок должен сперва заняться изучением Нового Завета. Духовное понимание Ветхого Завета придет в свое время: это достояние преуспевших (112, 266).

Новоначальный инок должен заниматься возложенным на него послушанием со всею тщательностью ради Бога и своего спасения, не любоваться успешным исполнением послушания... не развивать в себе тщеславие и гордость... (112, 328).

Все отцы согласны в том, что новоначальный инок должен отвергать греховные помыслы и мечтания в самом начале их, не входя ни в прение, ни в беседу с ними (112, 338).

Наставления духоносного старца постоянно ведут новоначального инока по пути Евангельских заповедей... (112, 339).

Сластолюбие и сладострастие первоначально выступают на брань против воина Христова, вновь вписавшегося в иноческий полк (112, 443).

Распятие и пролитие крови совершаются новоначальным иноком при помощи церковных Таинств... тщательной исповеди всех греховных проявлений... церковных и келейных молитвословий... и прочих благочестивых трудов... **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 444).

О келейном уединении и молитве

Брат пришел в скит к отцу Моисею и просил у него назидания. Старец сказал ему: «Пойди, пребывай в келлии, и келлия научит тебя всему». **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (82, 313).

Как рыбы, замедляя на суше, умирают, так и монахи, пребывая вне келлии с мирскими людьми, утрачивают способность к безмолвной жизни. Как рыбы стремятся в море, так и нам должно стремиться в свои келлии, чтобы не забыть о внутреннем делании. **Преподобный Антоний Великий** (82, 24).

Жизнь души **монаха** — непрестанная память о Боге и любовь к Богу. Это, по преимуществу, нужно называть жизнью души и духа. По этой причине, если монах будет подолгу оставаться в городах, он умирает, убиваемый зрением соблазнов и пребыванием среди них. Он лишается духовной жизни, удаляясь от Бога и забывая Его, изгоняя из сердца своего любовь ко Христу, приобретенную многими трудами в келейном безмолвии. В нем

ослабевает ревность к удручению себя подвигами, он предается лени и увлекается **вожделениями**. Возмущается чистота его сердца от действия на него страстных впечатлений, входящих через **чувства**, — через зрение, слух, разговоры, осязание, вкус, обоняние. Этими впечатлениями он усиленно влечется к любодению и другим порокам, которые для **монаха — смерть** и гибель. Итак, справедливо сказал блаженный Антоний: как рыбы, вынутые из воды, умирают, так умирает и монах, оставивший свою келлию и живущий в городе. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (82, 45).**

Сын мой! Келлию твою обрати в темницу для себя, потому что совершилось все, относящееся к тебе, как вне, так и внутри тебя. Предстоит, предстоит разлучение твое с этим миром (82, 24).

Нищета — не что иное, как воздержание и довольство своим положением. Странничество и пустынножителство заключаются в удалении от молвы. Странствовать ради **благочестия — значит** пребывать в келлии. **Преподобный Антоний Великий (82, 26).**

Братия! Безмолвствуйте каждый в келлии своей со страхом Божиим, трудитесь в рукоделии вашем и не нерадите о поучении и о частой молитве... Непрестанно исследуйте, в чем претываетесь, и старайтесь исправиться, моля Бога с болезнованием сердца, со слезами, в умерщвлении плоти, чтобы Он простил Вам сделанные грехи... (82, 162).

Отшельничество состоит в бегстве от тела и в постоянном памятовании смерти. **Преподобный авва Исаия (82, 147).**

Человек, познавший сладость келлии, избегает ближнего, хотя любит и почитает его. Преподобный Феодор Фермейский (82, 366).

Насколько человек удаляется от общения с людьми, настолько удостоивается свободного доступа к Богу в уме своем. **Преподобный Исаак Сирий (82, 252).**

Келлия инока подобна печи Вавилонской, в которой три отрока обрели хлад духовный, или подобна столпу облачному, из которого Моисей говорил с Богом. **Изречения безымянных старцев (82, 388).**

Истинному монаху подобает непрестанно молиться и петь в своем сердце. **Святитель Елифаний Кипрский (82, 108).**

Живя в келлии, поступай так. Встав от сна, благодари Бога и молись. Придя из церкви, прочитай что-нибудь на пользу своей **души**; потом принимайся за рукоделие и работай. Поработав, встань и помолись; помолившись, опять почитай что-нибудь. И так все попеременно делай: то молись, то читай, то занимайся Рукоделием. Но в рукоделии и чтении возводи ум твой ко Христу и молись Ему, да помилует тебя и поможет тебе. Когда все попеременно будешь делать, то ко **всему** — к чтению, молитве большая охота и усердие будет, ибо от перемены работы **появляется** охота и усердие. Так люди с места на место переходят и прогуливаются; так и разнообразная пища приятней бывает

людям, чем одна и та же. Переменяй и ты свое дело, чтобы охотней к нему приступать **(104, 1144)**.

Знай только церковь и свою келлию, и в другие келлии не ходи без крайней нужды, да не впадешь в грех празднословия, клеветы и осуждения. Нет ничего лучше, чем держаться своей келлии. В келлии ни примешь, ни подашь соблазна; она всему тебя научит, когда со страхом Божиим в ней будешь жить. В уединении и тишине, а не в народе и молве родятся добрые и небесные мысли. Помни, что ты монах; будь же не только одеянием, но и на деле монахом, то есть уединенным. Греческое слово «монах» и означает «уединенный» **(104, 1145)**.

Берегись ездить в гости, чтобы не рассеять между людьми то, что соберешь в уединении. Редко бывает, что человек тем же возвращается в келлию, каким вышел из келлии на люди. Пустыня и уединение собирают добро, но соблазны мира расточают. Нигде человек лучше не кается, как в уединении. Тут всю прошедшую жизнь человек собирает в памяти и, видя ее, ко Христу воздыхает и просит у Него милости. Ничем так не грешит человек, как языком, а в уединении избегает этого греха. Глаза и уши наши, как двери, через которые доходят до сердца соблазны и ударяют в него; уединение этого избегает и соблазна не принимает. **Святитель Тихон Задонский (104, 1145)**.

Свят, велик, душеспасителен подвиг молитвы. Он — главный и первый между иноческими подвигами **(108, 154)**.

Возлюбив подвиг молитвы, возлюби уединение в келлии. Затворяй двери ее для себя и других... «Пребывай в келлии **твоей**, — сказали святые **отцы**, — и она научит тебя всему», то есть монашескому жителству, которое все сосредоточивается в молитве **(108, 156)**.

Святые отцы совмещают все делание инока, всю жизнь его, в плач. Что значит плач инока? Это — его молитва **(108, 164)**.

Если человек не умертвит всех плотских вожделений и не стяжет... плача, то не может быть монахом. Все житие **монаха** — плач **(108, 191—192)**.

Святые отцы повелевают пребывать в том делании, в котором приходят слезы, потому что **слезы** — плод, а цель монашеской **жизни** — **достижение** плода тем средством, которым угодно Богу доставить плод **(108, 203)**.

Одна внешняя молитва недостаточна. Бог внимает уму, а потому те монахи, которые не соединяют внешней молитвы с **внутренней**, — не монахи **(108, 205—206)**.

Не без основания относят к состоянию самообольщения и прелести душевное настроение тех иноков, которые, отвергнув упражнение Иисусовой молитвой и вообще умное делание, удовлетворяются одним внешним молением **(108, 257)**.

Все духовные цветы и плоды возросли в тех душах, которые в удалении от знакомства вне и внутри монастыря возделали себя чтением Писания и святых отцов, при вере и молитве, одушевленной смиренным, но могущественным покаянием. Где не было этого возделывания, **там** — **бесплодие** **(108, 564)**.

Существенное делание **монаха — молитва**, как то делание, которое соединяет человека с Богом. Все прочие делания служат или приготовительными, или способствующими средствами для молитвы (109, 148).

Затвори двери келлии твоей от людей, приходящих для пустословия, для похищения у тебя молитвы; затвори двери ума от посторонних помышлений... Затвори двери сердца от ощущения греховных... и помолись (109, 171).

Положим в основание молитвенного подвига, главного и существеннейшего между монашескими подвигами... внимательную устную и гласную молитву, за которую милосердный Господь дарует в свое время постоянному, терпеливому, смиренному подвижнику молитву умную, сердечную, благодатную (109, 188).

В монастыре знай церковь, трапезную и свою келлию; в келлии же к другим братьям ходи только по уважительной причине (109, 206).

Живя в монастыре, выходи из монастыря как можно реже; при отлучках как можно скорее возвращайся в монастырь (109, 206).

По раздаянии имени нищим и по расторжении связи с миром первым делом для подвижника Христова должно быть удаление из среды соблазнов в уединенную иноческую обитель (109, 350).

В келлии должно иметь только самые нужные принадлежности, по возможности простые: к излишним и красивым вещам немедленно является пристрастие в сердце, а ум по поводу их получает склонность к мечтательности и рассеянности (109, 351).

В келлии должно заниматься... таким рукоделием, которое не возбуждало бы пристрастия (112, 18).

Тот примет предосторожности против фарисейства, кто при вступлении в монастырь немедленно позаботится о правильном душевном делании. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 31).

Однажды шел с аввою Даниилом ученик его, авва Аммон, и сказал старцу: «Отец! когда мы перестанем скитаться и будем постоянно пребывать в келлии?». Авва Даниил отвечал ему: «А кто может отнять у нас келлию? когда мы в келлии, тогда с нами Бог, и когда мы вне келлии, Бог тоже с нами (82, 98).

Некий брат, тревожимый помыслами, понуждавшими его выйти из монастыря, открыл это своему авве. Авва сказал ему: «Пойди, безмолствуй и отдай тело твое в залог стенам келлии с условием, что ты не выйдешь из нее. А на помышления не обращай никакого внимания: пусть они беспокоят тебя, сколько хотят, только не выходи из келлии твоей». **Отчник** (82, 493).

Монашество — жизнь по заповедям

Понуждение себя на всякую заповедь Божию составляет отличительную черту инока. Жительствовавший **так** — инок. Преподобный **Иоанн Колов** (82, 290).

Истинный монах тот, кто во всем побеждает себя. Если, исправляя ближнего, испытываешь гнев, то исполняешь свою страсть. Для спасения ближнего не должно губить себя. **Преподобный Макарий Великий** (82, 310).

[Иночество] состоит в изучении всех заповедей, всех слов Искупителя, в усвоении их уму и сердцу **(108, 564)**.

Монашеская жизнь есть жизнь по Евангельским заповедям **(112, 37)**.

Сущность монашеского жителства заключается в том, чтобы исцелить свою поврежденную волю, соединить ее с волей Божией **(112, 82)**.

Дар духовного рассуждения ниспосылается от Бога исключительно инокам, шествующим путем смирения и смиренномудрия **(112, 86)**.

Обрати все внимание на стяжание любви к ближнему, как на основание твоей жизни и монашеского подвига **(112, 88)**.

Иноческая милостыня заключается в последовании Христу, то есть в тщательном исполнении Евангельских заповедей и в ношении креста ... **(112, 280)**.

Монашество есть не что иное, как обязательство с точностью исполнять Евангельские заповеди ... Монашеская жизнь есть не что иное, как жизнь по Евангельским заповедям, где бы она ни проводилась,— в многолюдстве или в глубочайшей пустыне. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 366)**.

Монашество — крестный подвиг

Держи в уме Крест, под знаменем которого ты должен жить, ибо уже не ты живешь, но живет в тебе Распявшийся за Тебя Христос (Гал. 2, 20). И как Он за нас висел на Кресте, так и мы, пригвоздив плоть к страху Господню, волю и все желания, не должны служить страстям, но постоянно умерщвлять их, чтобы таким образом исполнить заповедь Господню: «кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф. 10, 38). **Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (53, 43)**.

Мученики терпели напасти от людей... Чем разнообразнее и тяжелее был их подвиг... тем больше они получали дерзновения к Богу. Иноки терпят напасти от злых духов... Чем больше нападений наносит им диавол, тем большую славу они получают в будущем веке от Бога, тем большего утешения они сподобятся от Святого Духа... среди страданий своих **(108, 352)**.

Мученичество и **монашество — один** и тот же подвиг в разных видах, они основаны на одних и тех же изречениях Евангелия. То и другое отнюдь не изобретено людьми, но даровано человечеству Господом; то и другое иначе не может быть совершено, как всеисильной помощью Божией **(108, 471)**.

Монашество — подвиг вышеестественный. Оно то же мученичество в сущности своей... **(109, 346)**.

Подвиг всякого **инока — сверхъестественный**; он непременно должен быть сопряжен с победой над скотоподобным телесным свойством, соделавшимся после падения принадлежностью каждого человека **(109, 346)**.

Евангельские заповеди научают инока смирению, а крест совершенствует его в смирении **(112, 143)**.

Вступающий в иноческую жизнь должен отдаться всецело воле и водительству Божию, благовременно приготовить к терпению всех скорбей, какие угодно будет Промыслу Всевышнего попустить рабу Своему в его земном странствии (112, 124).

Вступив в святую обитель, уклонимся произвольно от зависящего от нас наслаждения и претерпим великодушно те скорби, которые независимо от нас будут попущены нам Промыслом Божиим (112, 132).

Скорби, по **преимуществу**, — удел современного монашества, удел, назначенный Самим Богом (112, 137).

Иноческий подвиг есть невидимое, но в полном смысле слова мученичество для того, кто проходит этот подвиг, как должно. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 280).

О духовном руководстве и послушании

Главная черта, которой отличается деятельность древнего монашества от деятельности новейшего, заключается в том, что монашествующие первых веков христианства были руководимы боговдохновенными наставниками, а ныне... должны наиболее руководиться Священным Писанием и писаниями отеческими по причине крайнего оскудения живых сосудов божественной благодати (108, 83).

Самочинное **монашество** — не монашество. Это и есть прелесть! Это карикатура, искажение монашества ... это обман самого себя! Это актерство, очень способное привлечь внимание и похвалы мира, но отвергаемое Богом, чуждое плодов Святого Духа, обильное плодами, исходящими от сатаны (108, 269).

Иноческое послушание, в том виде и характере, как оно проходило в среде древнего монашества, есть высокое духовное таинство. Постижение **его** и полное подражание ему сделались для нас невозможными ... (112, 75).

Главнейшая причина, по которой скорби особенно тягостны для современного монашества, заключается в нем самом и состоит, преимущественно, в недостатке духовного назидания. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 138).

О чтении Писания и святых отцов

Книги святых отцов, написанные для безмолвников, никак не идут для новоначальных и вообще для иноков, подвижающихся в общежительных монастырях (108, 266).

Руководствующийся отеческими писаниями монах во всяком монастыре будет иметь возможность приобрести спасение; утратит его живущий по своей воле и по своему разуму, хотя бы он жил в глубочайшей пустыне (108, 495).

Инок должен заняться со всевозможной тщательностью и вниманием чтением Святого Евангелия... так, чтобы... он на каждом нравственном шагу своем, для каждого поступка, для каждого помысла имел в памяти готовое наставление Евангелия (112, 32).

И в цветущие времена монашества невозможно было каждому иноку приложить к себе все подряд, что написали отцы, тем более такое приложение невозможно в наши времена (112, 382).

Для преуспевших и призванных к тому Богом иноков невещественная милостыня заключается в преподавании ближним слова Божия. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 280).

О духовной брани монаха

Так как хитрейший змей не перестает подстерегать нашу пятую, то есть ждет исхода нашего и до конца жизни нашей старается нас запнуть и уязвить, то ты не получишь никакой пользы от того, что хорошо начнешь и покажешь ревность при начале отречения от мира, если конец не будет соответствовать началу; если не сохранишь до конца и нищеты, и смирения Христова, согласно обещанию своему. А чтобы сохранить их, ты всегда блюди главу змия, то есть первые помыслы, внушаемые им, и не медля открывай своему старцу. Ибо если не будешь стыдиться открывать их старцу, то научишься сокрушать вредоносную главу змия. **Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин** (53, 45).

Но горе тому монаху, который лжет своему обету и, попирая свою совесть, подает руку диаволу. **Преподобный Исаак Сирин** (55, 43).

Враг влагает иноку излишнюю скорбь и молву при недостатке в необходимом. Тебе известно, какую имеешь естественную силу, потому не ищи для себя, по причине лености и сластолюбия, всякого рода брашен; будучи здоров, не доставляй себе всего, чего ни пожелаешь. Вкушая посылаемое тебе Богом, воздавай Ему хвалу на всякий час, говоря: пищу употребляю не монашескую, имею всякий покой, дел же монашеских не совершаю. Считай себя недостойным иночества, укоряй себя, что носишь чуждый себе образ, и имей непрестанно в сердце твоём печаль и смирение. **Изречения безымянных старцев** (82, 380—381).

Демоны поражают инока, пребывающего в молитве, болезнями телесными, угнетают нищетой, недостатком внимания и помощи человеческой (108, 158).

При многообразных столкновениях с ближними для инока обнаруживаются его страсти, таящиеся от него самого в сокровенностях сердца, и исцеляются всесильным **врачевством** — учением Христовым (110, 314).

Падший ангел старается обмануть и вовлечь в погибель иноков, предлагая им не только грех в разных видах его, но и несвойственные им возвышеннейшие добродетели (112, 54).

Ничто, никакое искушение, нанесенное людьми и духами, возникшее из падшего естества, не должно смутить (монаха). Источником непоколебимости и силы да будет вера в Бога (112, 148).

Монах до самого гроба находится в опасности подвергнуться какому-либо искушению, не зная, откуда и в каком виде оно возникает. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 322).

О покаянии

Делание монаха, превосходящее все другие, самые возвышенные делаения его, заключается в том, чтобы он исповедовал грехи свои перед Богом и своими старцами, чтобы укорял себя, чтобы был готов до самого исхода из земной жизни встретить благодушно всякое искушение. **Преподобный Антоний Великий (82, 15).**

Монах не должен допускать, чтобы совесть обвиняла его в чем-либо. **Авва Агафон (82, 57).**

Монах должен ежедневно утром и вечером исследовать самого себя, что сделано им согласно и несогласно с волей Божией. Поступая таким образом, монах должен проводить всю жизнь свою в покаянии. Так жил авва Арсений. **Изречения безымянных старцев (82, 393).**

Не тот разумен, кто говорит, но тот, кто знает время, когда должно говорить. В разуме молчи и в разуме говори; прежде нежели начнешь говорить, обсуди, что должно говорить; говори одно нужное и должное, не хвались своим разумом и не думай, что ты знаешь больше других. Сущность монашеского жительства состоит в том, чтобы укорять себя и считать себя хуже всех. **Преподобный авва Исаия (82, 152).**

Самоукорение есть иноческое делание, есть умное делание, противопоставленное и противодействующее болезненному свойству падшего естества, по которому все люди... стараются выказывать себя праведниками... Самоукорение есть насилие падшему естеству **(108, 320).**

Истинное иноческое преуспеяние заключается в том, когда инок увидит себя грешнейшим из всех людей **(112, 103).**

Инок должен вспоминать ежедневно и по несколько раз в день о предстоящей смерти **(112, 120—123).**

Когда настало время кончины аввы Арсения, братия увидели, что он плачет. Братия сказали ему: «Отец! Неужели и ты страшишься?» Он отвечал: «Страшусь! И этот страх пребывал со мною с того времени, как я сделался монахом» **(82, 53).**

Инок надо весьма остерегаться плотской и душевной ревности, представляющей по наружности благочестивой, в сущности — **безрассудной** и вредной для души **(112, 275—278).**

Жизнь инока есть ничто иное, как деятельное и непрестанное покаяние. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 366).**

О перемене обители и выходе из монастыря

Брат пришел в лавру аввы Герасима и сказал игумену ее Александру: «Хочу оставить место жительства моего». Александр отвечал ему: «Сын мой! В твоём уме не запечатлелось памятование ни Царства Небесного, ни вечной муки. Если бы это памятование присутствовало в тебе, ты не захотел бы выйти даже из келлии твоей» **(82, 73).**

Новоначальный монах, переходящий из монастыря в монастырь, подобен коню, который без узды мечется в разные стороны **(82, 151).**

Может случиться, что, живя с братией, ты захочешь оставить их, не обрета покоя в сожительстве с ними по какой-нибудь причине... Смотри, не делай это опрометчиво, не уйди с огорчением, как бы свергая иго рабства, не убеги тайно в скорби, не удались из среды размолвки, чтобы не унести с собой памятозлобия на братство. Избери для отшествия твоего время общего спокойствия, и после ухода твоего **сердце** твое пребудет в мире. Преподобный авва **Исаия** (82, 182).

Как дерево, часто пересаживаемое с места на место, не может принести плода, так и инок, часто переходящий с места на место (82, 388).

Если кто живет в каком-либо месте и не приносит плода, свойственного этому месту, то само место изгонит его вон, как не приносящего плода, требуемого местом. Изречения безымянных старцев (82, 388).

Инок, чувствующий влечение к частым выходам из монастыря в мир, ранен стрелой диавола. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 22).

«Много званных, мало избранных»

(Мф. 22, 14)

Знай, что ты в числе немногих избранных, и, глядя на пример и холодность многих, не охладевай, но живи так, как немногие, чтобы с этими немногими удостоиться тебе и Царствия Небесного. «Ибо много званных, а мало избранных» (Мф. 22, 14), и мало то стадо, которому Отец благоволил дать Царство (Лк. 12, 32). Знай, что тяжело грешит кто, обещав быть совершенным, делается несовершенным. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (53, 45).

Охватит нас великий стыд, если мы, носившие столько времени святой иноческий образ, окажемся в час нужды не имеющими брачного одеяния. О, как будем тогда раскаиваться! Авва Диоскор (82, 106).

Монах, подобно Херувимам и Серафимам, должен быть весь оком. Авва Виссарион (82, 80).

Совершенство всего монашеского жительства заключается в том, когда человек достигает страха Божия в духовном разуме, и внутренний слух его начнет внимать совести, направленной по воле Божией. Преподобный авва **Исаия** (82, 180).

Святые скитские отцы произнесли пророчество о последнем роде. Они предложили вопрос: «Что сделали мы?». Один из них, великий по жителству, авва Исхирион сказал на это: «Мы соблюдали заповеди **Божии**». Отцы спросили: «Что сделают те, которые непосредственно последуют за нами?» Он отвечал: «Они будут иметь делание вполнину против нашего». Отцы опять спросили: «А те, которые будут после **них?**» — «**Эти,** — отвечал **авва,** — совсем не будут иметь монашеского делания, но их постигнут напасти, и они, подвергшись напастям и искушениям, окажутся больше нас и больше отцов наших». Авва Исхирион (82, 283—284).

Чем будем отличаться мы, христиане, если не хотим нести крест и последовать Христу терпением? Разве только тем, что живем в монастырях и носим черное платье. Надо опасаться, что и это нас не отличает. Житие монастырское и черное платье есть смирение и покаяние; а если не хотим последовать смирившемуся ради нас Христу, то где наши обеты, которыми в Крещении мы обещали служить Христу? Где обеты, которые повторяли при постриге, и обещание иметь смирение, послушание, терпение, кротость? Разве до тех пор монах остается монахом, пока постригается? Разве черная риза и обеты делают монахом, а не существо дела? Нет, нет!.. От всех христиан требуется, чтобы они шли узким и тесным путем, но особенно от монахов и монахинь. Кто нас убеждал затвориться в монастыре и носить черное платье, терпеть тесноту и скорбь? Сами мы это избрали, зачем же нам от того и убегать, что мы сами избрали? Все неисправные христиане не будут иметь ответа на Страшном Суде Христовом, но особенно монахи и монахини, которые не хранят своих обетов. Помяни все это, возлюбленный, и не выходи из монастыря, в котором находишься, но все терпи, чтобы получить венец жизни. Святитель Тихон Задонский (104, 1142—1143).

Цель монашеской жизни состоит не только в достижении спасения, но, по преимуществу, в достижении христианского совершенства (108, 210).

Те монахи, которые проводят жизнь по монашеским правилам, непременно стяжут благодать по обетованию Божию... Напротив, монахи, пренебрегающие данными Богом постановлениями для монашества, проводящие жизнь самовольную, рассеянную, сластолюбивую и исполненную любви к миру, лишаются духовного преуспевания (108, 465—466).

Монашество и монастыри учреждены были Святым Духом через избранные сосуды Его, преподобных отцов; восстановление монастырей в их прежней духовной красоте... может последовать только действием особенной благодати Божией, через посредство таких же достойных орудий (108, 494—495).

Даже благонамеренные иноки, проводящие жизнь внешнюю и не имеющие понятия о жизни духовной, соблазняются на духовных делателей, находят их поведение странным, осуждают и злословят их ... (109, 301).

В сказаниях [патериков] изображено древнее монашество, как на картине. Старцы-повествователи с простотой и верностью изобразили как изумительное духовное совершенство иночества первых веков христианства, так и немощи падшего естества иноков. И при верности, соединенной с простотой, которыми отличается эта живопись, состояние древнего монашества, отделенного от нас пространством многих веков, остается недостаточно ясным, как здание в густом тумане.

От зрелища, представляемого древностью, обратимся к зрелищу, представляемому современностью. Что мы должны сказать о себе? Как нам жить, как действовать? Ответ на эти вопросы находим у древних иноков: они предвозвестили наше положение, они и предначертали образ действия в этом положении. «В последнее время, — сказал один из них, — те, которые истине будут работать Богу, благоразумно скроют себя от людей и не будут совершать среди них знамений и чудес, как в настоящее время. Они пойдут путем делания, растворенного смирением, и

в Царствии Небесном окажутся большими отцом, прославившихся знамениями». Какое основательнейшее наставление, какое утешение для нас в этих пророческих словах духоносного отца! По причине умножения соблазнов, по причине всеобщности и господства их, по причине забвения Евангельских заповедей и пренебрежения ими всем **человечеством** — для желающего спастись необходимо удаление от человеческого общества в уединение наружное и внутреннее. По причине иссякания благодатных руководителей, по причине умножения лжеучителей, обманутых бесовской прелестью и влекущих весь мир в этот обман, необходимо жительство, растворенное смирением, необходимо точнейшее жительство по Евангельским заповедям, необходимо соединение молитвы с плачем о себе и обо всем человечестве, необходима осторожность от всякого увлечения разгорячением, надеющимся совершать дело Божие одними силами человеческими, без действующего и совершающего Свое дело Бога. «Спасайте каждый душу свою» (Иер. 51. 6), сказано остатку христиан, сказано Духом Божиим. Себя спасай! Блажен, если найдешь одного верного сотрудника в деле **спасения** — это великий и редкий в наше время дар Божий. Остерегись, желая спасти ближнего, чтобы он не увлек тебя в гибельную пропасть. Последнее случается ежечасно. Отступление попущено Богом; не покусись остановить его твоей немощной рукой. Устранись, охранись от него сам, и этого с тебя достаточно. Ознакомься с духом времени, изучи его, чтобы по возможности избежать его влияния. «Ныне почти нет истинного **благочестия**, — говорит святи- тель Тихон уже за сто лет до нас, — **ныне** — одно лицемерие». Бойся лицемерия, во-первых, в себе самом, потом в других; бойся именно потому, что **оно** — в характере времени и способно заразить всякого при малейшем уклонении в легкомысленное поведение. Подвизайся не напоказ, но втайне, для твоего спасения перед очами **Бога** — и очистится твое поведение от лицемерия. Не осуждай ближних, предоставляя суд над ними **Богу**, — и очистится сердце твое от лицемерия. Преследуй лицемерие в себе, изгоняя его из себя; уклонись от зараженного им множества людей, действующих и намеренно, и бессознательно в духе его, прикрывающих служение миру служением Богу, искание временных **благ** — исканием **благ** вечных, прикрывающих личиной святости порочную жизнь и душу, вечно преданную страстям. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (82, 548—549).**

Однажды ученики божественного **аввы** Антония, видя в пустыне бесчисленное множество монахов, подвизающихся с великой ревностью по Боге и с соревнованием друг другу во всех добродетелях и святых подвигах, спросили **его**: «Отец! долго ли будут продолжаться эти ревность и усердие к уединению, к нищете, смирению, любви, воздержанию и ко всем прочим добродетелям, в которых подвизается все это множество монахов, почти без исключения?» Муж Божий так отвечал им, вздыхая и проливая слезы: «Наступит некогда время, когда монахи оставят пустыни и вместо них устрелятся к богатейшим городам. Там, вместо пещер и хижин, которыми усеяна пустыня, они воздвигнут, стараясь превзойти одни других, великолепные здания, соревнующиеся пышностью с царскими палатами. Вместо нищеты вкрадется стремление к собиранию богатства. Смирение сердца превратится в гордость. Многие будут напешены знанием, но чужды добрых дел, предписанных знанием. Любовь иссякнет. Вместо воздержания появится угождение чреву, и многие из монахов будут заботиться об изысканных яствах не менее мирян, от которых они будут отличаться только одеждой и клобуком. Находясь посреди мира, они не устыдятся неправильно присваивать себе имя монахов и пустынников. Не перестанут они величаться, говоря: «я Павлов»; «я **Аполлосов**» (1 **Кор.** 1, 12), как будто вся сущность благочестия заключается в значении предшественников, как будто позволительно и справедливо хвалиться отцами, как хвалились иудеи своим предком Авраамом! Однако между монахами тех времен будут некоторые гораздо лучше и совершеннее нас, потому что блаженнее тот, кто мог переступить, а не переступил и зло сотворить, а не сотворил, чем тот, который увлекается к добру примером многих добрых. Так Ной, Авраам и Лот, проводившие святую жизнь посреди нечестивых, справедливо прославляются Писанием» (82, 41).

МУДРОСТЬ ДУХОВНАЯ

Во Христе «все сокровища премудрости и ведения» (Кол. 2,3)
Под мудростью разумею созерцание Сущего (8, 338).

Мудрость есть знание вещей Божественных... и человеческих, также и их причины (7, 168).

Кто имеет небесные понятия о Боге, кто с высокой точки зрения исследовал законы творения и смог, по крайней мере отчасти, постичь благодать Божиего Промысла, тот велик... В таковых вселяется глас Господень. Ибо в подлинном смысле великий презирает все телесное, считая его не имеющим никакой цены по сравнению с невидимым. Никакое обстоятельство его не оскорбит, никакое страдание не сокрушит. Проступки негодных людей не приведут его в возмущение. Нечистота плоти не унизит **его—он** недоступен унижительным страстям, которые не могут коснуться его по причине высоты его мыслей. **Святитель Василий Великий (4, 205).**

Не говори с гневом. Да будут слова твои, как и молчание твое, исполнены благоразумия и мудрости. Слова мудрейших отцов наших были разумны и премудры, подобным было и молчание их. **Преподобный Антоний Великий (82, 25).**

Кто вдается в объяснение Писания, не стяжав предварительно духовной свободы, тот поработился страсти любопытства и сильному увлечению мысленным пленением. **Преподобный авва Исаия (82, 183—184).**

Беседы с тонкими исследователями Бога и чтение тонких исследований о Боге иссушают слезы и прогоняют от человека умиление. Читающий же жития и изречения отцов просвещает свою душу. **Изречения безымянных старцев (82, 380).**

Христианская премудрость есть Христос, Сын Божий. Как говорит святой Павел: Он «сделался для нас премудростью от Бога» (1 Кор. 1, 30). Он открывает нам тайну познания Небесного Отца. «Бога не видел никто никогда; Единородный **Сын**, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин. 1, 18). И «Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Мф. 11, 27). Во Христе «сокрыты все сокровища премудрости и ведения» (Кол. 2, 3), говорит

* См. также т. 2, с. 734—757 настоящего издания.

богомудрый Павел. Простой христианин, который научен догматам святой веры, гораздо мудрее, чем Платон и Аристотель и прочие языческие мудрецы. Кто из них уразумел то, что простой христианин познал верой? «Никто из властей века сего не познал» (1 Кор. 2, 8) (104, 1150).

«Признаки» духовной мудрости есть: 1) тщательное поучение в слове Божиим; 2) искание руководства, совета у благочестивых и разумных людей; 3) способность с любовью принять наставления, наказания, полезные советы, обличения; 4) рассуждение о дивном Промысле Божиим, о правде и **милосердии** Его; 5) частое воспоминание о смерти и последующем, то есть о Страшном Суде Христовом, о блаженной и неблагоприятной вечности; 6) презрение к миру; 7) более всего молитва, без которой духовная мудрость существовать не может (104, 1152—1153).

«Плоды» духовной **мудрости** — это христианские добродетели, то есть смирение, терпение, кротость, правда, целомудрие, милость и прочее. Так учит Соломон: «Плоды ее (премудрости) суть добродетели: она научает целомудрию и рассудительности, справедливости и мужеству, полезнее которых ничего нет для людей в жизни» (Прем. 8, 7). И апостол Иаков говорит: «мудрость, сходящая свыше, во-первых, чиста, потом мирна, скромна, послушлива, полна милосердия и добрых плодов, беспристрастна и нелицемерна» (Иак. 3, 17). Она боится Бога и любит Его, отвращается от суеты мира и прилепляется к одному Богу. Все позволенное: пищу, питье, одежду и прочее употребляет со страхом ради нужды, а не ради роскоши, великодушно претерпевает случающиеся беды и напасти. Проявляет себя послушной Богу и людям ради Бога. Ей не тягостно делать все то, что угодно Богу, и уклоняться от всего, что Ему противно. Гордости, зависти, злобе, вражде, нечистоте, сребролюбию и прочим душевным язвам в ней нет места. Она любит всех без разбору, со всеми чистосердечно и простосердечно обходится. Что произносит словом, то и внутри себя имеет, что обещает словом, то и **исполняет** делом, когда нет никакого препятствия. Ей не нужны записи в договорах: слово, сказанное и услышанное другим, для **нее** — **надежная** запись. Видит страдающего брата, и сама ему сострадает сердцем; требующему помощи помогает; всякому неблагоприятию ближнего сочувствует и благополучию радуется; с плачущими плачет и с радующимися радуется; друзей принимает в объятия и у врагов не отнимает своей любви. Поэтому она мирна, тиха, спокойна, радостна, весела, хотя и ее беспокоит злой дух и его злые служители (104, 1154).

Цель, к которой эта мудрость ведет человека, есть Бог и вечное блаженство. Ибо как она сама происходит от Бога, так к Богу и обращается и любящих своих к Нему приводит (104, 1155).

Истинная христианская премудрость в том, чтобы побеждать природное злонравие, то есть гордость, высокоумие, гнев, злобу, зависть, ненависть, нечистоту, сладострастие, сребролюбие, скупость, невоздержанность и прочее, и следовать примеру святого жития Христова, то есть Его смирению, любви, милосердию, терпению, кротости и прочим Его прекрасным божественным

добродетелям. К этому Его святые апостолы увещевают и этому учит Сам Христос: «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Ин. 8, 12). Отсюда следует, что ходит во тьме и заблуждается тот, кто не следует примеру жития Христова (104, 1156—1157).

Средства, при которых мы приходим к духовной мудрости, есть: 1) Святое слово Божие с помощью Духа Святого. Ибо Священные Писания, по слову апостола, «могут умудрить... во спасение верую во Христа Иисуса» (2 Тим. 3, 15). 2) Искренняя молитва. Так говорит апостол: «Если же у кого из вас недостает мудрости, да просит у Бога, дающего всем просто и без **упреков,—и** дастся ему. Но да просит с верою, нимало не сомневаясь» (Иак. 1, 5—6). Поэтому и Соломон говорит: «Познав же, что иначе не могу овладеть ею (премудростью), как если дарует **Бог,—и** что уже было делом разума, чтобы познать, чей это **дар,—я** обратился к Господу и молился Ему» (Прем. 8, 21). Догматам духовной мудрости научаемся не в книгах мудрецов века сего, но в книгах пророческих и апостольских и обучаемся ей в школе Святого Духа, Который посредством Своего святого слова умудряет сердца верных. Поэтому христианам, если хотим обрести духовную мудрость, нужно прилежно поучаться день и ночь в слове Божиим и усердно молиться Подателю премудрости—Богу. Святитель Тихон Задонский (104, 1158).

Духовный **разум—в** познании Истины верой

Духовный разум состоит в познании Истины верой. Сперва приобретается познание веры; вера, усвоившись христианину, изменяет его разум откровением ему Истины, **которая—Христос** (109, 138).

Духовный **разум—ощущение** Бессмертной Жизни, по определению духоносцев. Самый этот **разум—признак** Воскресения (109, 11).

Пока действует вера, пока человек руководствуется Евангельскими заповедями, до тех пор сияет в нем духовный разум (111, 192).

Наш образ мыслей или наш разум может быть духовным только тогда, когда он пребывает всецело в Истине, вознесшись к ней живой верой во Христа (111, 209).

Живая **вера—духовный** разум. Она уже не нуждается в знамениях, будучи совершенно удовлетворена знамениями Христовыми и величайшим из **Его** знамений, венцом **знамений,—Его** Словом (111, 234).

Светом духовного разума должно быть озарено воззрение **душевного** oka на знамения и чудеса, чтобы избежать тех бедствий, в которые может вовлечь воззрение на них плотского мурования (111, 323).

Вне неуклонного послушания Церкви нет ни истинного смирения, ни истинного духовного **разума—там** обширная область, темное царство лжи и производимого ею самообольщения (111, 446).

Нужно... предаться водительству веры, при этом водительстве, в свое время, после значительных подвигов благочестия, Бог дарует верному рабу Своему разум Истины, или разум духовный. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (111, 472).**

Поведали об авве Геласии, что он в юности жил в пустыне, сохраняя нестяжание. Такое жителство проводили в этих местах и в это время многие другие. Между ними был некоторый старец необыкновенной простоты, особенно нестяжательный; он прожил в уединенной келлии своей до самой **смерти**, а под старость имел учеников. Он соблюдал такое нестяжание до конца жизни, что не имел двух хитонов и не заботился вместе с учениками своими о завтрашнем дне. Когда авва **Геласий**, по божественному внушению, устроил общежительный монастырь, ему пожертвовали большие поля, и он завел для нужд общежития рабочий скот и волов. Содействовавший первоначально святому Пахомию устроить общежительный монастырь во всем содействовал и авве Геласию к устройению монастыря. Вышеупомянутый старец, видя его в этих занятиях и искренне любя, сказал ему: «Боюсь, авва Геласий, чтобы ум твой не прилепился к полям и прочему имуществу общежития». Авва Геласий отвечал: «Скорее ум твой привяжется к веревкам, которые ты плетешь, чем ум Геласия к стяжаниям». **Отчник (82, 86—87).**

Таково свойство умного делания, осененного божественной благодатью. Оно не перестает действовать в сосуде своем при всех внешних занятиях и хранит ум в духовной свободе. Напротив, ум, не получивший этой свободы, не может не увлекаться пристрастием к самым мелочным предметам. Не получившие духовной свободы должны соблюдать строгое нестяжание, чтобы **охраниться** от пристрастий. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (82, 87).**

«Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби»

(Мф. 10, 16)

Когда змея ползет через трещину, она снимает свою старую кожу. Так и Христос хочет, чтобы мы шли узким путем и умирщвляли ветхого человека. Когда мы пресмыкаемся по земле и живем среди мирской суеги, в душе от этого праха образуется некий твердый слой, как бы другая кожа. И потому христианин должен как можно чаще отрясать прах земной и заботиться о совлечении «греховного тела плоти» (Кол. 2, 11). А у пренебрегающих этой змеиной мудростью греховная природа может до такой степени окаменеть и окрепнуть, что переменить ее будет невозможно. Преподобный **Исидор Пелусиот (115, 763).**

«Будьте мудры, как змеи...» Может быть, в том отношении, что змея благоразумно совлекает с себя старость. Ибо когда ей нужно скинуть кожу, вползает в тесное место, где было бы отовсюду сжато ее тело, и таким образом, протеснившись через него, сбрасывает с себя старость. Так, может быть, это слово и от нас требует, чтобы, идя тесным и скорбным путем, мы

совлекались ветхого человека и облекались в нового, чтобы юность наша обновлялась, «подобно орлу» (Пс. 102, 5) (115, 764).

Мудр, как змея, кто с осмотрительностью и с разумением предлагает учение, как успешно привести слушателей к благой покорности Богу. А прост, как голубь, кто не думает мстить замышляющему зло, но продолжает ему благодетельствовать, по заповеданному апостолом: «Вы же, братия, не унывайте, делая добро» (2 Фес. 3, 13). Ибо Господь дает это повеление ученикам, посылая их на проповедь, где была потребность и в мудрости для убеждения, и в незлобии на злоумышляющих. Как раньше змей сумел и подойти с лестью, и говорить увлекательно, и потому слушавшие его отступили от Бога и предалися греху, так и мы должны избрать для себя и образ, и способ, и время, и всеми мерами придать «твердость словам своим на суде» (Пс. 111, 5), стараясь отвести слушающих от греха и привести к Богу, а в искушениях соблюдать терпение до конца, как сказано в Писании (Мф. 24, 13). Святитель Василий Великий (115, 764).

Я не хочу, говорит Господь, чтобы вы всегда были, как голуби, чтобы слишком большая простота не ввела вас в сети искушения. Но не хочу и чтобы вы всегда были только как змеи, потому что в таком случае вы будете изливать яд на всякого. Будьте подобны змеям, если не хотите быть в плену; но если вы пленены, тогда будьте, как голуби, чтобы не мстить своим противникам и оскорбителям (115, 764).

«Будьте мудры, как змеи...». Как змея больше всего старается спрятать голову, так и ты: отдай **все — имение**, тело, даже жизнь, но только сохрани веру. Ибо вера есть глава и корень. Если она останется неприкосновенной, тогда и ты, хотя бы все потерял, все опять получишь в обилии. Святитель Иоанн Златоуст (115, 763).

Надо заметить, что Господь не желает представить Своим ученикам для подражания ни голубя без змея, ни змея без голубя, чтобы простота голубя была изощрена хитростью змея, и хитрость змея была умерена простотой голубя. Святитель Григорий Богослов (115, 764).

«Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби» (Мф. 10, 16). Змея прижимает одно ухо к земле, а другое закрывает хвостом. Так и христианин должен хранить свои уши от соблазнительных речей и обольстительных внушений мира. Блаженный Августин (115, 763).

Плотское мудрование

Плотское **мудрование** — образ мыслей падшего человека

Что такое плотское мудрование? Образ мыслей, возникший из состояния, в которое люди приведены падением (108, 90).

Допустившие последование своим пожеланиям и плотскому **мудрованию** увлеклись ими, поработились ими, забыли Бога и вечность, истратили земную жизнь напрасно, погибли навеки (108, 90).

Земная **мудрость — вражда** на Бога: она не покоряется закону Божию и не может покоряться (108, 116).

Духовный разум ... признак Воскресения. Так, напротив, плотское **мудрование — невидимая** смерть души (109, 11).

Проводящие плотскую жизнь непременно имеют плотский образ мыслей, не помнят и не заботятся о вечности, имеют ложное отношение к земной жизни, признавая ее бесконечной и действуя единственно для нее... (109, 354).

Когда веру в Бога заменяет **соображения** человеческие, тогда человек бедствует в волнах житейского моря. Способов человеческих к выходу из затруднительных обстоятельств он не видит, а воспоминание о Боге выкрадывается непостижимым забвением (111, 185).

Довольствующийся исполнением одних церковных постановлений и обрядов, при оставлении внимания к Евангельским заповедям или при недостаточном внимании к ним, низводит, по скудоумию своему, Закон с высоты духовного значения, отнимает у него для себя духовное достоинство его, всю сущность и гибнет в плотском мудровании своем и по причине плотского мудрования своего (111, 251).

Свойственно мертвым не чувствовать мертвенности своей; свойственно плотскому мудрованию не понимать и не ощущать гибели человеческой. По причине несознания своей гибели оно не сознает нужды в оживлении и на основании ложного сознания жизни отвергло и отвергает Истинную **Жизнь — Бога** (111, 295).

Запечатленных плотским мудрованием, упорно пребывающих в нем, больных неисцелимо Господь оставляет, предает их самим себе, предает гибели, принятой произвольно, удерживаемой произвольно (111, 295).

Евангелие учит нас, что падением стяжали лжеименный разум, что разум падшего естества нашего, какого бы он ни был достоинства природного, как бы ни был изошрен ученостью мира, сохраняет свойство падшего, остается лжеименным разумом (111, 472).

Не входи в спор, ни в рассуждение с сомнениями и возражениями, порождаемыми лжеименным разумом; мечом веры посекай головы этих змей, едва они выставят их из своего логовища! (111, 480).

Христово учение выше естественного, как Божественное.... Безумное **начинание — объяснить** вышеестественное человеческим рассуждением, очевидно, не могущим выйти из общего, обыкновенного, естественного круга (111, 481).

Умственные занятия способны отвлекать человека от смирения и Бога, привлекать к самомнению и поклонению своему «я». **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 328).

Плотская мудрость упражняется во многих бесполезных умствованиях и входит в некоторые тонкости, которые настоящую истину только затемняют. Но премудрость духовная философствует делами, а не словами. Она тогда считает, что решила труднейший вопрос, когда успокоит смущение нашей совести и покажет дорогу, выводящую нас из лабиринта страстей. Плотская мудрость не имеет твердого основания и

колеблется, как тростник на ветру. Но духовная премудрость тверда и несомненна и бывает закреплена внутренним свидетельством совести, оправдана Духом Святым, ибо она пишется «не чернилами, но Духом Бога живаго, не на скрижалях каменных, но на плотных скрижалях сердца» (2 Кор. 3, 3) Плотская мудрость высокомерна и велеречива, но премудрость духовная смиренна и проста. Плотская мудрость имеет уста, но и духовная свои уста имеет: та—гремящие высокомерием, а эта проповедует истину кротчайшим словом Иисусовым. Плотская мудрость бывает надменна и презрительна, и это ее необманчивый признак. Но духовная премудрость кротка и человеколюбива. Плотская мудрость малодушна и лицемерна. Но такое ли действие духовная премудрость имела в своих христианах? Лицемерили ли они, когда их приводили к тиранам? Малодушествовали ли, когда им показывали острые мечи, разожженные огни, раскаленные сковороды, kloкочущие оловом котлы, самых лютых зверей и прочие мучительные орудия, какие только человеческая злоба может выдумать? Устрашились ли они настолько, чтобы умолчать Истину, которая была запечатлена глубоко в их сердце? Они единодушно до небес возносили свой голос: «справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога?» (Деян. 4, 19). Судите, а нам и смерть—приобретение. Усмотрев такое различие между плотской и духовной мудростью, уже без сомнения можем заключить, насколько одна человеку полезна и необходима и насколько, напротив, другая суетна и вредна. Что пользы человеку, если он будет прилежным испытателем природы, искуснейшим наблюдателем небесных течений и высокопарным оратором, но при всем том не почерпнет живой воды богопознания из источников израилевых и не будет знать тех тайн, которые показывают путь к вечному счастью? Тогда такой человек несчастней всех и вся мудрость его будет поглощена. И потому, что мир не познал природной премудростию Бога, прогневавшись, Он благоволил «юродством проповеди спасти верующих» (1 Кор. 1, 21). И как мы блаженны, что нам, верующим во Иисуса Христа, эта божественная мудрость всегда благовестуется в Евангелии, и ее наш дорогой Учитель обещает нам дать: «Я дам вам уста и премудрость» (Лк. 21, 15)! «Кто обращал взор к Нему, те просвещались, и лица их не постыдятся» (Пс. 33, 6). **Платан, митрополит Московский (105, 386—389).**

Ум без веры—лукав и бесплоден

Замечательно, что Премудрость зовет к себе безумных: «кто неразумен, обратись сюда» (Притч. 9, 4). Стало быть, умникам нет входа в дом Премудрости, или в святую Церковь. Всякую умность надо отложить у самого входа в этот дом. С другой стороны, если всякая мудрость и ведение только в доме Премудрости, то вне этого дома, вне святой Церкви, только безумие, неведение и слепота. Дивное Божие учреждение! Входя в Церковь, оставь ум свой и станешь истинно умным; оставь свою самостоятельность и станешь истинным деятелем; отвергнись и всего себя и станешь настоящим владыкой над собою. Ах, если бы мир уразумел эту премудрость! Но это скрыто от него. Не понимая премудрости Божией, он вопиет на нее и безумных разумников продолжает держать в ослеплении (107, **70—71**).

Спаситель образцом веры и жизни ставит дитя (Мк. 9, 36). Простота веры рождает простоту жизни; из той и другой происходит образцовый нравственный строй. Впустите сюда устроение—оно произведет разлад внутри и под видом лучшего устройства дел расстроит всю жизнь. Умничанье всегда кричит: «То не так, другое не этак; дай-ка я все устрою по-новому, старое не годится, наскучило». Но никогда еще нигде ничего доброго оно

не устроило, а только все расстраивает. Уму следует слушаться того, что заповедано Господом. Правда, он называется царем в голове, но этому царю не дано законодательной власти, а только исполнительная. Как только примется он законодательствовать, то нагородит неизвестно что, расстроит и нравственные, и религиозные, и житейские... порядки; все пойдет вверх дном. Великое несчастье для общества, когда в нем дают уму свободу парить, не удерживая его Божественной истиной! Это гнев Божий. О нем сказано: «О, если бы Ты... • укрывал меня, пока пройдет гнев Твой» (Иов. 14, 13). В этом разгаре умственного своенравия лучше всего укрываться в простоту веры. Как во время бури лучше сидеть дома и не выходить в самонадеянности на борьбу с нею, так и во время бурного своеумия лучше не выходить на борьбу с ним и не хвататься за оружие умствования, чтобы противостоять ему. Простота веры сильнее умствований; облекись в нее, как в броню, и устоишь (107, 434—436).

Господь прощает грехи расслабленному. Радоваться бы, но лукавый ум ученых книжников говорит: «Он богохульствует» (Мф. 9, 3). Даже когда последовало чудо исцеления расслабленного в подтверждение той утешительной для нас истины, что «Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи» (Мф. 9, 6), — и тогда народ прославил Бога, а о книжниках ничего не сказано, верно, потому, что они и при этом сплели такие-либо лукавые вопросы (Мф. 9, 1—8). Ум без веры лукав; то и дело куёт лукавые подозрения и сплетает хулы на всю область веры. Чудесам то не верит, то требует осязательного чуда. Но когда оно бывает дано и обязывает к покорности вере, он не стыдится уклоняться, извращая или криво толкуя чудесные действия **Божии**. Так же относится он и к доказательствам истины Божией. Ему представляют и опытные, и умственные доказательства в достаточном числе и силе; он и их покрывает сомнением. Разбери все его предьявления и увидишь, что все в **них — одно** лукавство, хоть на его языке это слывет умностью; так что невольно приходишь к заключению, что умность и **лукавство — одно** и то же. В области веры апостол говорит: мы «мудры во Христе» (1 Кор. 4, 10). Чей же ум вне области веры? Лукавого. Оттого и отличительной чертой его стало лукавство. Епископ Феофан Затворник (107, 205—206).

Если брату придет на сердце какая-либо мысль, а брат, стараясь понять ее своим умом, не сможет постичь мысли по причине высоты ее и не будет научен Богом, то приступают демоны и извращают значение мысли как хотят. **Отечник** (82, 391—392).

Замечание очень важное! Апостол запрещает «мудрствовать сверх того, что написано» (1 Кор. 4, 6). Нарушение этого заветования непременно вводит в заблуждение, а **заблуждения — в** высокоумие и самоумнение, в область демонов и в подчинение им. По этой причине для монаха часто бывает очень полезным отречение от знания, без которого можно спастись, лстящего более одной любознательности, сводящего с тесного пути смиренногоумия на широкий путь **высокоумудрия**. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (82, 391—392).

Представь себе, христианин, двух людей — обучившегося и не обучившегося христианской философии — и увидишь великое между ними различие. Тот и мудрствует, и говорит духовное, а **этот — плотское**. У того и мысли, и речи о Боге, слове Божиим и Вечной Жизни, а у **этого — о** суете мира и роскоши. Тот думает и заботится, чтобы Вечную Жизнь получить, **этот — как** бы собрать богатство и найти честь и славу в этом мире. Тот равно может жить как в богатых и красивых покоех, так и в плохой хижине, этому хочется жить только в хорошем и красивом доме. Тому все равно как за богатой, так и за скудной трапезой сидеть, этот всегда помышляет о лучшей. Тот равно одевается как в дорогое, так и в скромное платье; этот хочет только в дорогом одеянии ходить и с евангельским богачом одеваться в порфиру и виссон. **Святитель Тихон Задонский (104, 1589).**

РАССУДИТЕЛЬНОСТЬ

Рассуждение — плод духовного разума,
дарованного Божественным просвещением

Рассуждение в новоначальных есть истинное познание своего душевного устройства... В средних оно есть чувство, которое непогрешимо различает истинно доброе от естественного и от того, что противно доброму... В совершенных рассуждение есть находящийся в них духовный разум, дарованный Божественным просвещением, который своим светильником может просвещать и то, что есть темного в душах других. **Преподобный Иоанн Лествичник (57, 175).**

Рассудительность есть око души и ее светильник, как **глаз** есть светильник тела. **Преподобный Антоний Великий (66, 123).**

Рассуждение... есть свет, и рождающееся от него прозрение есть самое нужное из всех добродетелей. Ибо что нужнее человеку, чем видеть тайные хитрости демонов и охранять свою душу при содействии благодати? **Преподобный Петр Дамаскин (62, 146).**

Рассудительность рождает бесстрастие, от которого рождается совершенная любовь. Преподобный **Максим Исповедник (68, 244).**

В рассудительности состоит премудрость, в ней разум и смысл, без которых нельзя ни созидать наш внутренний дом, ни собирать духовное богатство, как сказано: «Мудростью устроится дом и разумом утверждается, и с умением внутренности его наполняются всяким драгоценным и прекрасным имуществом» (Притч. 24, 3). Рассудительность называется твердой пищей, свойственной «совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла» (Евр. 5, 14). Из этого ясно открывается, что без рассудительности не может стоять никакая Добродетель или пребывать твердой до конца. Ибо она есть

матерь, хранительница и управительница всех добродетелей. **Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (53, 191).**

Неутомимые жены! Сна не давали очам и веждам дремания, пока не обрели Возлюбленного! А мужи будто упираются ногами: идут на гроб, видят его пустым и остаются в недоумении, что бы это значило, потому что Самого не видели. Но значит ли это, что у них меньше было любви, чем у жен? Нет, тут была любовь рассуждающая, боящаяся ошибки, по причине высокой цены любви и предмета ее. Когда и они увидели и осязали, тогда каждый из них не языком, подобно Фоме, а сердцем исповедал: «Господь мой и Бог мой!» (Ин. 20, 28), и уже ничто не могло разлучить их с Господом. Мироносицы и **апостолы** — образ двух сторон нашей жизни: чувства и рассуждения. Без чувства жизнь не жизнь; без рассуждения жизнь **слепа** — много истрачивается, а мало дает здравого плода. Надо сочетать то и другое. Чувство пусть идет вперед и побуждает действовать; рассуждение же пусть определяет время, место, способ, вообще бытовой строй того, к чему склоняется сердце. Внутри сердце идет вперед, а на **практике** — **рассуждение**. Когда же чувства станут обученными в рассуждении добра и зла, тогда, может быть, можно будет положиться и на одно сердце. Ибо как из живого дерева сами собою идут отростки, цветы и плоды, так и из сердца только тогда начинает возникать добро, разумно вливающееся в течение нашей жизни (**107, 116—117**).

«Из сердца исходят злые помыслы» (Мф. 15, 19). В сердце же откуда? Корень их в живущем в нас грехе, а разветвление их, размножение и определенный вид в каждом — от его собственного произволения. Как же быть? Сначала отсеки все, что от произволения. Это будет похоже на то, как если бы кто на дереве оборвал листья, отсек ветви и сучья, и ствол отрубил почти до корня. Затем не позволяй выходить новым **отросткам** — **самый** корень и засохнет, то есть не позволяй исходить из сердца злым мыслям, а **исходящие** — отражай и изгоняй, и живущий в нас грех, не получая подкрепления, ослабевает и совсем обессилеет. В этом существе заповеди: «Трезвитесь, бодрствуйте» (1 Пет. 5, 8), «препоясав чресла ума вашего» (1 Пет. 1, 13). Внимайте себе. При внимании надо держать рассуждение. Из сердца исходит не одно худое, но и доброе; однако не все доброе, внушаемое сердцем, нужно исполнять. Что истинно нужно **исполнять** — это определит рассуждение. Рассуждение есть нож **садовника** — **одни** ветки отсекает, а другие прививает. **Епископ Феофан Затворник (107, 211—212).**

Если доброго человека, от которого и благодаяния не видим, любим и почитаем только за то, что добр, и крайне бережемся оскорбить его, тем более Бога, Который есть наш Создатель, Промыслитель, хранитель, кормилец, защитник, помощник и, короче говоря, высочайший благодетель и человеколюбивый Отец, мы должны любить и почитать, насколько можем в **немощной** плоти, должны крайне беречься Его оскорбить как Единого благого. Поверь, возлюбленный, что лучше человек

изберет смерть, чем грехом оскорбит Бога, если войдет в правильное рассуждение о Боге, Благодать Которого столь велика, сколь велик Он Сам, и столько Его благодеяний оказано нам, сколько создано творений, и столько Его преславных дел, сотворенных Им ради нас, сколько дней, часов и минут прошло от нашего рождения. Без Него и Его **благ** мы и минуты прожить не можем, «Ибо мы Им живем и движемся и существуем» (Деян. 17, 28) **(104, 1589—1590)**.

Рассуждение о вечности может подвинуть и переменить человеческое сердце **(104, 1590)**.

Рассуждение укореняет в сердце спасительные истины. О чем часто помышляем и чему поучаемся, то глубже укореняется в памяти и сердце. Помышляй часто и о великом и дивном деле Спасителя, и молись, и укоренится память в сердце твоём. Видишь Его образ в церкви и в **доме — помышляй**, что это образ Сына Божия и Небесного Царя и Бога твоего, Который ради тебя явился на землю и пожил, и потрудился. Видишь образ Богородицы — помняи, что это образ Той Пресвятой Девы, Которая плотию родила твоего Господа, и на руках носила, и материнским молоком питала... Так, когда будем часто о Нем и Его действиях рассуждать, то и углубится память о Нем в наших сердцах, что принесет великую пользу душам нашим. Святитель **Тихон** Задонский **(104, 1590—1591)**.

Духовное рассуждение есть достояние совершенных христиан. Участвуют в этом благе значительно преуспевшие в благочестивом подвиге. Чуждо оно новоначальным и неопытным, хотя бы они были и старцами по телесному возрасту **(109, 62)**.

Рассуждение, рассматривая все помышления и дела человека, устраняет всякую мысль и намерение лукавые, неугодные Богу, и удаляет от нас прелесть **(111, 204)**.

В рассуждении соединены премудрость, разум, духовные чувства, отличающие добро от зла, без которых внутренний дом наш не созидается и духовное богатство не может быть собрано **(111, 204)**.

Духовное рассуждение приобретает чтением Священного Писания, преимущественно же Нового Завета, и чтением святых отцов, писания которых соответствуют роду жизни, проводимой христианином **(111, 204)**.

Страх Божий да наставит нас трезвению, осторожности, а изучение Слова Божия и жизнь по слову Божию да доставят нам духовное рассуждение, которое есть дверь в чертог добродетелей. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** **(111, 205)**.

Истинная рассудительность приобретается смирением и преданием себя воле Божией

Истинная рассудительность приобретается истинным смирением. Первым доказательством его **будет** — открывать духовным отцам не только то, что делаем, но и о чем думаем; ни в чем не **доверять** своему помыслу, но во всем следовать наставлениям старцев и считать хорошим или плохим только то, что они признают

таковым. Это помогает христианину не только безопасно пребывать в истинной рассудительности и на правом пути, но и хранит его невредимым от всех сетей диавольских. Авва Моисей (S3, 194).

Всею силою и всем тщанием мы должны стараться смирением приобрести дар рассудительности, которая может сохранить нас от чрезмерности с обеих сторон. Ибо, как говорят отцы, крайности с той и другой **стороны**—и излишество поста, и пресыщение чрева, чрезмерность бдения и продолжительность сна и прочие излишества равно вредны. Ибо мы знаем некоторых, не побежденных кревоугодием, но низложенных безмерным постом и затем впавших в ту же страсть кревоугодия от слабости, вызванной чрезмерным постом. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (53, 199).

Многие удручили подвигами свою плоть, но, сделав это без рассуждения, отошли от здешней жизни без всякого плода, без всякого приобретения. Уста наши смердят от поста, все Писание мы знаем наизусть, песнопения Давида мы настолько усвоили себе, что они сделались как бы нашим произведением, но не имеем того, чего Бог требует от **нас,— смирения**. Изречения безымянных старцев (82, 301).

Получивший по благодати Божией дарование рассуждения от многого смиреномудрия должен всеми силами хранить это дарование и ничего не делать нерассудительно, чтобы, согрешая в ведении, за нерадение не подпасть большому осуждению. Тот же, кто не получил этого дарования, ни в коем случае не должен утверждать своего разума или слова, или дела без вопрошания опытных, твердой веры и чистой молитвы, без которых он не может достичь правильного рассуждения (62, 144).

Рассуждение есть свет, показывающий тому, кто его имеет: время, когда можно начать действовать, устройство человека, крепость, знание, возраст, силу, немощь, **произволение**, усердие... и тому подобное. Потом: качество вещей, способ употребления их, количество, виды, намерение Божие, заключающееся в Божественных Писаниях, смысл каждого изречения. Рассуждение изыскает все это, и не только это, но и намерение толкования священных отцов, ибо не только нужно знать, что делается, но и для чего делается. Делавший же что-либо без знания всего этого, может быть, и много трудится, но ничего не успевает достичь. Преподобный Петр Дамаскин (62, 133).

Для рассудительных бедность лучше и полезнее богатства, немощь и **болезнь — здоровья**, искушение полезнее спокойствия, и полезнее настолько, насколько более славными и сильными делают они подвижников. Святитель Иоанн Златоуст (36, 70).

Предание себя воле Божией, искреннее, благоговейное желание, чтобы она совершалась над нами, есть необходимое, естественное следствие истинного духовного рассуждения (111, 318).

Дар духовного рассуждения ниспосылается от Бога исключительно инокам, шествующим путем смирения и смиреномудрия. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 86).

Говорили об авве Агафоне, что все его действия проистекали из духовного рассуждения. Так он поступал в отношении к своему руководителю и в отношении к своей одежде. Он не носил одеяния, которое можно было бы назвать ни излишне хорошим, ни излишне плохим. Для продажи рукоделия он ходил в город сам и с сохранением внутреннего безмолвия продавал рукоделие желавшим купить его. Цена решету была сто медниц, цена **корзине** — двести пятьдесят медниц. Покупателям он называл цену; деньги, которые они подавали ему, принимал молча, никогда не пересчитывал их. Он говорил: «Что полезного для меня, если буду препираться с ними и дам им повод к употреблению божбы, даже если при этом я получу лишние деньги и раздам их братии? Бог не хочет от меня такой милостыни; Ему не угодно, чтобы грех примешивался к делу любви». **Отечник (82, 57—58).**

Рассказывают об авве Агафоне: пришли к нему некие, услышав, что он имеет великую рассудительность. Желая испытать, не рассердится ли он, спрашивают его: «Ты Агафон? Мы слышали о тебе, что ты блудник и гордец». «Да, это правда», — отвечает он. Они опять спрашивают: «Ты, **Агафон**, — клеветник и пустослов?». «Я», — отвечает он. И еще говорят ему: «Ты, **Агафон**, — еретик?». «Нет, я не еретик», — отвечает он. Затем спросили его: «Скажи нам, почему ты со всем, что бы ни говорили тебе, соглашался, а последнего слова не перенес?». Он ответил: «Первые пороки я признаю за собой, ибо это признание полезно душе моей, а признание себя еретиком означает отлучение от Бога, а я не хочу быть отлученным от Бога моего». Услышав это, они подивились его рассудительности. **Древний Патерик (73, 27—28).**

Авва **Македоний** не ел ни хлеба, ни бобов, только ячмень, истолченный и смоченный водой. Эту пищу долгое время приносила ему мать блаженного Феодорита, епископа Кирского, которая была с ним знакома. Однажды авва пришел к ней во время ее болезни и узнал, что она не соглашается принять пищу, необходимую для выздоровления, ибо и она проводила жизнь подвижническую. Он убеждал ее послушаться врачей и считать, что она принимает эту пищу не по прихоти, а по необходимости. «Вот и я, — сказал он, — сорок лет, как ты знаешь, употреблял один ячмень. Но вчера почувствовал слабость и попросил принести мне немного хлеба. У меня было такое рассуждение: Если я умру, я должен буду дать ответ Праведному Судии за свою смерть, как человек... который мог бы ее предотвратить, приняв немного пищи. И тебя прошу, чтобы ты мне теперь приносила не ячмень, а хлеб». **Блаженный Феодорит (78, 131).**

НАДЕЖДА

«Уповающего на Господа окружает милость»

(Пс. 31, 10).

Христианин не должен страшиться и мучиться в опасностях, колеблясь в упованиях на **Бога**. Ему надо быть смелым, потому что с ним Господь, устраивающий во благо его дела и укрепляющий во всех напастьях, и с ним Святой Дух, утешающий даже тому, что отвечать противникам (6, 373).

Надежда на Бога не допускает колебания, и Господь не благоволит всецело подавать Свою помощь тому, кто иногда надеется на богатство и славу человеческую и могущество мирское, а иногда на Бога. Напротив, человек должен вполне успокоиться на Божией помощи (5, 292).

Поступки обличают нас, когда в скорбях мы прибегаем к чему угодно, только не к Богу. Болеет у тебя дитя? Ищешь ворожею, или вешаешь на шею младенцам пустые надписи, или, наконец, идешь к врачу и за лекарствами, пренебрегая Тем, Кто может спасти... Вообще при всякой беде обличаешь себя сам, на словах называя Бога прибежищем, а на деле домогаясь помощи от бесполезного и суетного. Но праведнику истинная **помощь — Бог** (4, 292).

Всего больше уповай на руку великого Царя, которая, едва покажется, приводит в страх и обращает в бегство противников (8, 33).

Получаем ли скорее или медленнее, будем благодарны Господу, потому что все, что делает Владыка, содействует нашему спасению, если только из малодушия мы не прекратим просить. **Святитель Василий Великий** (8, 327).

Телесная жизнь ограничивается одним настоящим, а жизнь надежды принадлежит душе. Но человеческое неразумие погрешает в употреблении той и другой, думая продлить телесную жизнь надеждами, а душевную жизнь тратя в наслаждениях настоящим. Поэтому-то душа, занимаясь видимым, по необходимости делается чуждой надежды существенной и действительной; опираясь на непрочное и не овладев им, она не получает того, на что надеялась (11, 449).

Всякому правому намерению пусть предшествует надежда. Она иногда помогает даже в дурном и потому справедливо, чтобы еще более содействовала в добре. **Святитель Григорий Богослов** (15, 208).

Сокровищница человеческого ума есть надежда, в ней хранятся всякие запасы для нашей жизни. Святитель Григорий Нисский (18, 81).

Благочестивому и верующему человеку надо так крепко полагаться на **Божии** обетования, чтобы, видя и противоположные им события, не смущаться и не отчаиваться в исполнении **обетований** (25, 180).

Всегда взирай на Господа, потому что Он спасает уповающих на Него (25, 198).

Никогда не споткнется тот, кому Ты, Господи, бываешь опорой: никогда не падет, кто утверждает в Тебе (28, 148).

На Тебя, Господи, вся наша надежда, ибо Ты исцеляешь наши раны. Ты источил Свою Кровь на язвы грешников, чтобы Тобою они исцелились (28, 340).

Блажен, кто всегда возлагает упование на Господа, имя Которого не преходит и слава не имеет конца (28, 284).

Твердо уповай на единого Бога, потому что уповающие на Него будут блаженны и в этом, и в будущем веке. Преподобный Ефрем Сирин (28, 356).

В том, кто имеет непрестанную надежду на Бога, как бы иссякает зло. Преподобный Макарий Египетский (33, 141).

Упование, как цепь, свешенная с неба, поддерживает наши души, мало-помалу поднимая на высоту тех, которые крепко держатся за нее, вознося нас превыше бури житейских зол. Поэтому если кто ослабеет и отпустит из рук этот священный якорь, тот сейчас же упадет и погибнет (35, 3).

Трудное само по себе дело становится легким по надежде на Бога (35, 141).

Божии распоряжения чудны и необычайны! Когда люди начинают отчаиваться в своих делах, тогда Бог и являет Свою непреборимую силу (38, 350).

Когда наступают бедствия, не падай духом, это, собственно, и есть **надежда** — **твердо** стоять среди опасностей (39, 357).

В том и состоит надежда, чтобы не отчаиваться и не падать духом, не сразу получая ожидаемое (39, 536).

Каждый из вас, когда впадает в искушение, хотя бы и был уже близок к **смерти**, **не** отчаивайся в помощи Божией, но ожидай ее до конца (40, 957).

Ничто так не ведет к благой надежде, как добрая совесть (45, 586).

Бог венчает надеющихся так же, как и того, кто трудится, бедствует и переносит бесчисленные напасти (45, 668).

Никакая сила не превозможет того, кто огражден высшей помощью, и нет никого слабее, чем тот, кто лишен ее, хотя бы он был окружен тысячами воинов! (46, 775).

Ничто так не делает душу мужественной и готовой на все, как добрая надежда (46, 990).

Бог — **ревнитель**, Он особенно гневается, когда мы не обращаемся к Его помощи, (поэтому) приводит нас в такое положение,

которое вынуждает нас искать Его помощи. Святитель Иоанн Златоуст (46, 1152).

Упование на **Бога — незыблемый** столп, не только обещающий избавление от бед, но позволяющий не смущаться бедами, уже постигшими. Ибо кто освободился от всего человеческого и подкрепляет себя внешним упованием, тот не только приобретает самое скорое избавление от бед, но не тревожится и не смущается постигшими бедами, подкрепляя себя ожиданием этого священного якоря. Поэтому пользуйся **упованием — и** будешь выше всех горестей (50, 291).

Уповающий на Бога поддерживается надеждой самой великой, славной и непоколебимой, а уповающий на человека держится надеждой непрочной, слабой, обманчивой и часто разрушающейся. Поэтому людям благоразумным надо держаться первой, как священного якоря, и воздерживаться от второй (52, 173).

И богатство... даже великое и текущее отовсюду, и достоинство, будь оно царское, и умственные дарования, даже украшенные даром слова, ничего не значат, если не соединены с упованием на Бога. Ибо гнило то богатство, которое не от Бога, часто вырывается с корнем и отнимается у владельцев, как вырывают бесплодное и дикое растение, причиняющее вред другим деревьям... Умственные дарования, не украшенные Божественной мудростью, бесполезны, как не знающие самообуздания: Господь «мудрецов прогоняет назад и знание их делает глупостью» (**Ис.** 44, 25). Поэтому, если и здешнее непрочно для нетвердых перед Богом, а будущее еще ненадежнее, возьмемся за священный якорь. Преподобный Исидор Пелусиот (52, 314).

И **шлем — надежду спасения — возьмите...** Шлем защищает голову. Поскольку голова наша есть Христос, мы должны всегда ограждать Ее (в себе) надеждой будущих благ, как несокрушимым шлемом, во всех искушениях и гонениях и сохранять веру в Него нерушимой, неповрежденной. Ибо у кого отняты другие члены, тот, хотя и беспомощен, еще может как-нибудь жить, а без головы нельзя прожить и краткого срока. Преподобный Иоанн **Кассиан** Римлянин (авва Серен, 53, 284).

Не изнемогай в уповании на своего Промыслителя, потому что дивное Его Домостроительство обнаруживается в преданных Ему (55, 174).

Упоенные и согретые надеждой не знают скорби (55, 314).

Надежда на Бога обнаруживается в страданиях за добродетели (55, 344).

Человек не может приобрести надежду на Бога, если прежде, в своей мере, не исполняет воли Его (55, 375).

Когда душа упоена радостью надежды и веселием Божиим, тело не чувствует скорбей, хотя и немощно. Преподобный Исаак Сириянин (55, 404).

Непоколебимая **надежда — дверь** беспристрастия (57, 210).

Надежда — невидимое богатство, несомненное владение сокровищем прежде получения сокровища (57, 249).

Оскудение надежды есть истребление любви; с надеждой связаны наши труды, на ней основаны подвиги, ее окружает милость Божия (57, 249).

Надежда есть упование в трудах, дверь любви; она убивает отчаяние, **она — залог** будущих благ. Преподобный Иоанн **Лествичник** (57, 249).

Вместе с совершенным отречением от себя самих нам нужно еще водрузить в сердце совершенное упование на Бога и полную уверенность в Нем, то есть нужно полным сердцем чувствовать, что нам решительно не на кого надеяться, как на Него одного. Только от Него мы можем ожидать всякого добра, помощи и победы (64, 22).

Утвердиться в надежде и ради нее получить всякую помощь нам помогут следующие размышления: 1. Мы ищем помощи у Всемогущего Бога, который может сделать все, что захочет... 2. Ищем ее у Всеведущего и Премудрого Бога, который знает все совершеннейшим образом, следовательно, вполне знает и то, что нужнее для спасения каждого из нас. 3. Ищем помощи у бесконечно Благого Бога, который предстоит нам с неизреченной любовью, всегда готовый... подать всякую помощь... как только мы притечем в Его объятия с твердым упованием. 4. Четвертый, наконец, способ к оживлению твердого упования на Бога и привлечению Его скорой помощи есть воспоминание обо всех случаях скорой помощи от Бога, изображенных в Божественном Писании. Опыты эти, столь многочисленные, безусловно убеждают нас, что никогда не был постыжен... никто из уповавших на Бога. Преподобный **Никодим Святгорец** (64, 23).

Плыл Господь с учениками на другую сторону моря, а они забыли взять хлебов и имели с **собой** только один хлеб, и стали думать, как им быть. Зная помышления их, Господь напомнил им о насыщении четырех и пяти тысяч народа, возведя их тем к твердому упованию, что при Нем не умрут с голоду, хоть бы и ни одного хлеба не имели (Мк. 8, **13—21**). Сколько тревог наводит иногда на каждого помышление о неизвестном будущем! Успокоение от этих тревог **одно — упование** на Господа, а оживление и укрепление черпается из разумного рассмотрения того, что уже было с нами и с другими. Не найдется ни одного человека, который бы в своей жизни не испытал нечаянных избавлений от беды или нечаянных поворотов жизни к лучшему. Воспоминаниями о таких случаях и оживляй свою душу, когда ее начнут томить мрачные мысли о том, как быть. Бог все устроит к лучшему и теперь, как бывало прежде. Положись на Него еще прежде избавления от беды: Он пошлет тебе благодушие, при котором и не заметишь своей беды. «Уповающего на Господа окружает милость» (Пс. 31, 10). Рассматривай такие случаи в Священном Писании, в Житиях святых, в своей жизни и жизни твоих **знакомых — и** увидишь, как в зеркале, как «близок Господь ко всем призывающим Его» (Пс. 144, 18). И страх за свою участь не возмутит твоей души (107, **428—429**).

«Не заботьтесь...» (Мф. 6, 31). Как же жить-то? Надо есть, пить, одеваться. Но Спаситель не говорит: ничего не делайте, а «не заботьтесь». Не томите себя этой заботой, которая съедает вас и день и ночь и не дает вам покоя ни на минуту. Такая забота

есть болезнь греховная. Она показывает, что человек на себя опирается, а Бога забыл, что потерял упование на Промысл Божий, все хочет у себя устроить одними своими трудами, добыть все нужное и добытое сохранить своими способами. Сцепился он сердцем с тем, что имеет, и на нем думает почивать, как на прочной основе. Любовь к имению связала его, и он только и думает, чтобы побольше забрать в свои руки. Маммона стала ему вместо Бога. А ты **трудиться — трудись**, а злой заботой себя не томи. Жди всякого успеха от Бога и в Его руки предай свою участь. Все добываемое принимай, как дар, от руки Господа и в крепком уповании ожидай от Него продолжения щедрых даров. Знай, что одна **минута — и** может ничего не остаться от всего, что имеет многоимущий, если захочет Бог. Все тление и прах. Стоит ли из-за этого томить себя? Потому «не заботьтесь»... **Епископ Феофан Затворник (107, 164—165).**

Суетна надежда на все, кроме Бога; гнила опора на всякого человека и ложный щит из всего созданного. Поэтому, оставив все, да прибегаем к этому надежному и непреодолимому щиту. «Лучше уповать на Господа, нежели надеяться на человека. Лучше уповать на Господа, нежели надеяться на князей» (Пс. 117, 8, 9). Пусть иные защищают себя хитростью и хитросплетенным словом, иные золотом, серебром и прочими своими сокровищами, иные саном... обманет их надежда. Мы именем Господним защитим себя и не посраимся. Смотри, христианин, будь только Божий, и имя Господне защитит тебя от всех вражьих наветов (104, 1172—1173).

Надежды без терпения быть не может. И где истинная надежда, там и терпение, и где терпение, там и надежда. Поскольку надежда подвержена многому искушению, как и вера. Искушаемся лишением временных благ, когда лишаемся здоровья, чести, богатства, человеческого расположения, мира, тишины, покоя и попадаем во всякое неблагополучие. В этом бедственном состоянии нужно терпение, чтобы непозволенным образом не искать избавления от бед, но сдаться на волю Божию и ожидать от Него милости или помогающей в терпении, или избавляющей от бед, как знает Он Сам (104, 1185—1186).

Надо обратить внимание на слова святого Давида: «Уповай на Господа и делай добро» (Пс. 36, 3). Это слово учит, что уповающий на Бога должен творить добро, следовать Божией воле, а не своей. Напрасно надеется на Бога тот, кто противится Богу. Напрасно ждет милости от Бога тот, кто не перестает раздражать Его нераскаянным нравом. Напрасно простирает руки и возводит очи к Богу тот, кто сердцем от Него отвращается и обращается к маммоне, серебру и золоту, нечистоте и прочим бездушным божкам. Бог есть Избавитель Своих, а не чужих... Слушает и ныне, но тех, которые почитают Его устами и сердцем, а не поклоняются гордости мира сего, как высокому и позлащенному идолу, которого воздвигает князь тьмы и мира сего к бесчестию имени Божия и гибели человеческой. **Святитель Тихон Задонский (104, 1189).**

Всевидающий и Всемогуший! Без надежд на себя, в надежде на Тебя предаюсь **святейшей** воле, бесконечной мудрости и Благости Твоей (112, 404).

Утешение падшего **инока — надежда** спасения, доставляемая покаянием (112, 412).

В Боге сосредоточивается надежда всех спасающихся, надежда побеждающих грех силой Божией и надежда побежденных грехом на время по Божию попущению, по собственной немощи. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 464).**

Некто говорил авве Иоанну Персиянину: «Столько мы трудились ради Царствия Небесного, а будем ли наследниками его?» Старец отвечал: «Верую, что буду наследником горнего Иерусалима, «ибо верен Обещавший» (Евр. 10, 23). И почему мне не надеяться? Я был страннолюбив, как Авраам, кроток, как Моисей, свят, как Аарон, терпелив, как Иов, смирен, как Давид, жил в пустыне, как Иоанн, плакал, как Иеремия, был **«учителем»** (1 Тим. 3, 2), как Павел, верен, как Петр, мудр, как Соломон. И, как разбойник, верую, что Тот, Который по Своей благодати даровал мне все эти дары, дарует и Царствие». **Достопамятные сказания (79, 121).**

НЕРАДЕНИЕ

Горе тебе, душа! Ты привыкла только вопрошать о слове Божиим и слушать его, но из того, что слышишь, ничего не исполняешь на деле. Горе тебе, тело! Ты познало, что вредит тебе, и всегда ищешь того же наслаждения и насыщения. Горе юному, насыщающему свое чрево и повинующемуся во всем своей воле! Тщетны и бесплодны исход из мира и отречение от мира по одной наружности (82, 375).

Пророками написаны книги, после пророков пришли отцы наши, совершили на деле многое, написанное в пророчествах, и, описав свои труды, оставили эти писания для наставления наследникам. Наступило нынешнее поколение, оно переписало эти писания на бумаге и пергаменте и положило на окна без всякого употребления (82, 393).

Нисколько не преуспевает и не стяжает постоянного, истинного покаяния тот монах, который в течение нескольких дней подвизается, а потом впадает в расслабление, потом снова подвизается и снова позволяет себе нерадение (82, 402).

На пути, по которому ходят и ездят, не растет никакой травы, хотя бы тут и посеяны были семена, так как это место непрестанно утаптывается. И в нас не возрастают добродетели, если мы преданы развлечению, ибо добродетели попираются развлечением, порожденным страстями. **Изречения безымянных старцев (82, 404).**

Частой молитвой истребляется пленение греховным и суетным мечтанием, а нерадение о ней, вкрадывающееся мало-помалу, есть забывчивость (82, 203).

Забывчивость борется с человеком до последнего издыхания его и требует от него подвига. Она упорнее всех страстей и порождает всякое зло, она ежечасно разрушает то, что человек созидает (82, 186).

Говорящий: что за важность, если я увижу или услышу то или другое, подобен слепому, который, куда бы ни ввели его и откуда бы ни вывели его, не видит света. Малое облако, нашедшее на солнце, пресекает действие и света, и его тепла; поймите из этого примера действие мелочей на **подвижника — этого** не понимают не знающие существа монашеской жизни. **Преподобный авва Исаия (82, 146).**

Парящий (находящийся в развлечении и рассеянности) ум приводится в состояние непарительности чтением, бдением и молитвой. **Авва Евагрий (82, 113).**

У тебя нет предлога к нерадению, потому что Святой Бог дал тебе все: рассудок, разумление и духовное ведение. Уразумевай полезное (25, 315).

От чего бывает нерадение? Пока душа мечтает о земном, различные пожелания мира сего и суетные удовольствия, представляющие душе в помыслах, расслабляют ее силы (25, 587).

Кто нерадив во время жатвы, у того не будет обилия в доме. И кто теперь небрежен, тот во время воздаяния останется без утешения (26, 113).

В нерадивом лукавый приводит в действие всякого рода плотские похоти, а он не в состоянии заметить этого, потому что похоть помрачила ум его (26, 210).

Следствием малого нерадения бывают великие и неисцелимые раны (26, 616).

Нерадение для подвижников бывает причиной многих зол, мало-помалу отвлекая от духовной жизни, охлаждая горячность веры и приучая служить удовольствиям, как господам, потому что не позволяет помнить о будущих воздаяниях по исшествии из этой жизни (27, 113).

В душе, если она небрежет о добродетели, легко расхищаются добрые качества (27, 251).

Нерадением увеличивается безбоязненность, следствием того и другого бывает навяз. А привыкшие к худому с трудом оставляют его, потому что за этим всегда следует повреждение духовного плода. **Преподобный Ефрем Сирин (30, 467).**

Много бывает вреда, если предаешься нерадению, хотя бы по видимости ты был испытан в самом таинстве благодати. **Преподобный Макарий Египетский (33, 117).**

Не дадим места в сердцах наших нерадению, чтобы зависть (врагов) не отлучила нас от Бога (34, 53).

Избегай нерадения, чтобы не подвергнуться печали во время Воскресения праведных. **Преподобный авва Исаия (34, 91).**

Бог не будет снисходительно переносить нерадение тех, о которых Он Сам столько заботится (35, 87).

Горе тебе, душа! К какой ты призвана чести человеколюбием Божиим и какое получишь место за свое нерадение. Горе тебе, потому что Он привлек тебя в духовный чертог, а ты отвергаешь эту славу (35, 276).

В борьбе с лукавым никогда нельзя ни сложить оружия, ни предаться сну тому, кто не желает быть раненным. Необходимо избрать одно из двух: или, сняв оружие, пасть и погибнуть, или

всегда вооруженным стоять и бодрствовать. Враг всегда стоит со своим ополчением, наблюдая за нашей беспечностью, и гораздо более заботится о нашей гибели, чем мы о своем спасении. Для тех, кто всегда бодрствует, особенно трудной борьбу с ним делает то, что он невидим и нападает внезапно (35, 483).

Нерадение низвергает и с самого Неба (36, 311).

Когда мы нерадивы, то хотя бы и никто не советовал и не соблазнял, мы сами стремимся к нечестию (38, 224).

Если жившие до Закона, по внушению только природы, достигали (нередко) высокой добродетели, чем можем оправдаться мы, которые так далеки от добродетели после пришествия Христова и после бесчисленных чудес? (38, 198).

Если предадимся беспечности, то и сами подвергнемся великому наказанию, и другим дадим повод к соблазну (38, 441).

Ради житейской выгоды мы охотно терпим и тяжкий труд, и любые затруднения, несмотря на угрозу стыда или временного и даже вечного наказания. А в трудах для своего спасения, для того, чтобы приобрести благоволение свыше, мы вялы, нерадивы и расслаблены (38, 590).

Не может быть извинительным нерадение о добродетели (38, 678).

Если будем нерадивы, то и легкое покажется трудным (40, 584).

Какое будет несчастье, если тварь, для тебя призванная к бытию, преобразится в свободу славы чад Божиих, а мы, бывшие чадами Божиими, из-за которых тварь насладится тем великим блаженством, будем посланы за нерадение на гибель и в геенну (43, 729).

Если жившие до Закона от... нерадения мало-помалу погрязли в самой глубине зла, то помысли, что потерпим мы, призванные к большим подвигам, если не будем очень внимательны и не угасим искры зла, прежде чем воспламенится костер. Святитель Иоанн Златоуст (43, 633).

Когда сердце со жгучей болью принимает бесовские стрелы... — это знак, что душа стала истово ненавидеть страсти. И это есть начало ее очищения. Ибо если она не потерпит великих болей от бесстыдства греха, то не сможет потом сильно порадоваться и благотворности правды. После этого желающий очистить свое сердце да разогревает его непрестанной памятью о Господе Иисусе, имея это одно в мысли и непрестанном духовном делании. Ибо желающим сбросить с себя свою гнилость не так следует вести себя, чтобы иногда молиться, а иногда нет., но всегда нужно упражняться в молитве соблюдением ума, хотя бы ты жил далеко от молитвенных домов. Подобно тому, как если очищающий золото хоть на короткое время оставит горнило без огня, то руда опять затвердеет, так, если подвижник то помнит о Боге, то **нет**, — все, что он приобретает молитвой, он теряет прекращением

ее. Но склонному к добродетели свойственно памятью о Боге переплавлять сердце, чтобы при постепенном сгорании зла в огне благого памятования душа с полной славой совершенно восстановила свою естественную светозарность. **Блаженный Диадок (68, 71).**

Если же кто предастся нерадению... то опять приходит грех, и облекается в душу, и начинает угнетать человека. **Преподобный Макарий Великий (66, 242).**

Кто досыта поработал удовольствиям и делам телесным, досыта пусть подвизается и в подвижнических трудах и страданиях, чтобы одно перебить другим: **сладость — горечью, покой — трудами телесными** и насытиться веселием и радованием в уповании. Таким образом ты и насладишься благоуханием целомудрия и чистоты и вкусишь неизреченной сладости бессмертных плодов духовных. **Преподобный Никита Стифат (70, 114).**

Не до того только времени нужно трудиться, пока увидишь плод, надо подвизаться до самого исхода (55, 168).

Кто хочет уклониться от подвигов, тот бывает добычей волков. **Преподобный Исаак Сирин (55, 200).**

Те, которые осквернили свои души беззаконными греховными делами и страстными движениями сердца и запечатали в себе образы и подобию бессловесных похотей, пусть постараются многими слезами очистить себя и убелить одеяния своей души, потому что другим способом невозможно увидеть Свет, или Бога, по слову Господа нашего. Поэтому... постараемся содержать свое сердце чистым посредством хранения совести и постоянного исповедания сокровенных помыслов сердца. Если будем исповедовать их часто, а лучше каждый день, с сокрушением и болезнованием сердечным, припоминая все и осуждая себя за все: сделали ли что плохое, или помыслили недоброе, или сказали нехорошее. Так стяжаем покаянное и сокрушенное сердце; покаянное же сердце извлечет слезы из глубины души, а слезы очистят душу и изгладят все ее прегрешения. **Преподобный Симеон Новый Богослов (60, 197).**

Как страдание и смерть Христа, так и Воскресение и Вознесение Его ничем не помогут тем христианам, которые живут нерадиво и не восстали от душевной смерти: «Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос» (Еф. 5, 14) **(104, 1229).**

Говорит человеколюбивый Господь: «Се, стою у двери и стучу» (Откр. 3, 20). Он, как благой и человеколюбивый, хочет и ищет нашей пользы, а не Своей, нашего блаженства, а не Своего... Но беда и грех человеческий в том, что этого великого, дорогого небесного гостя человек не слышит. Он приходит и стучит в дверь каждого, но бедная душа, оглушенная шумом любви к миру сему, шумом различных плотских прихотей, не слышит Его сладкого голоса. И так человеколюбивый Иисус, постояв при дверях и ничего не добившись, уходит **(104, 1230).**

Бессмысленно поступают те христиане, которые не хотят подвизаться, трудиться в делах христианского призвания, но желают войти в Вечную Жизнь; хотят радоваться удовольствиям роскоши, чести, славе и богатству мира сего и царствовать со Христом в будущем веке; отрекаются от Креста Христова, стыдятся и ужасаются его, и избегают его, но хотят прославиться со Христом. Они подобны тем людям, которые хотят собрать плоды, но не хотят пахать землю, сеять и трудиться, которые хотят иметь славу и торжество победы, но не хотят подвизаться... Тесный путь к Вечной Жизни, христианин, а просторный путь ведет в вечную гибель, по неложному слову Христа, Господа нашего (Мф. 7, 13—14) **(104, 1236—1237)**.

Христиане не знают христианства оттого, что не изучают его, не обращают никакого внимания на Искупление вочеловечившимся Богом, попирают это великое дело Божие, не заботятся и не думают о своем спасении. Святитель Тихон Задонский (82, 361).

«Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11, 12). Царство берется силою, то есть достигается с напряжением, с трудом, усилиями и тяжкими подвигами, потому и достигает его только тот, кто ведет жизнь трудную, подвижническую. Этим, на пути к Царствию, отрицаются всякого рода утех. Утех всех сортов удаляют от Царствия, а у нас ныне только и забот, что об утехах, редко душевных, а больше плотских: есть, пить, веселиться, гулять и роскошествовать во всем. Царству сказали: «прошу тебя, извини меня» (Лк. 14, 18), хоть и в нем пир, и пир царский, какого и на ум никому не придет приготовить, да вкусы у нас не те. Что там считается сладким, то нам горько, что там приятно, то нам противно, что там веселит, то нас **тяготит**, — разошлись совсем. И Царство с употребляющими усилие и восхищающими его отходит от нас. Мы и рады, даже готовы поскорее бы прогнать его, и речи уже о том заводим, да лукавому все как-то не дается это уладить (107, **180—181**).

Читается притча о десяти девах. Святой Макарий так изображает ее смысл: «Мудрые пять дев, трезвясь, поспешив к необычайному для своего естества, взяли елей в сосуде своего сердца, то есть подаваемую свыше благодать Духа, и смогли войти с Женихом в небесный чертог. Юродивые же девы, оставшиеся при собственном своем естестве, не трезвились, не постарались, пока были еще во плоти, взять в свои сосуды елей радости, но по нерадению или и по самомнению о своей праведности, как бы предались сну; за это и не допущены в чертог Царства, не сумев угодить Небесному Жениху. Удерживаясь мирскими узами и как бы земной любовью, они не посвятили Небесному Жениху всей своей любви и приверженности и не принесли с собой елея. А души, взыскавшие необычайного для **естества — святыни** Духа, всей своей любовью привязаны к Господу, с Ним ходят, от всего отвернувшись, к Нему устремляют молитвы и помышления, за что и сподобились принять елей небесной благодати. Души же, оставшиеся в своем естестве, помыслом пресмыкаются по земле, о земле помышляют, и ум их пребывает на земле. Сами о себе они думают, что принадлежат Жениху и украшены плотскими оправданиями, но, не приняв елея радости, не возродились они Духом свыше» (Беседа 4, 6). Епископ Феофан Затворник **(107, 305—306)**.

Как величайшей опасности нужно избегать знакомства с тем братом, который живет нерадиво... (112, 20).

Не дерзать на безмолвие и не нерадеть о себе, когда находишься среди **попечений**, — вот средний путь, безопасный от падения. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 68).

Брат вопросил авву **Крония**: «Что делать мне с забывчивостью, которая пленяет мой ум и настолько владеет мною, что я впадаю в грехи?». Старец отвечал ему: «По причине порочной жизни сынов Израиля иноплеменики пленили Кивот Господень, увезли с собой и поставили в храме Дагона, своего бога. Тогда **Дарон** пал на лицо свое перед Кивотом Господним». Брат спросил: «Что означает этим?». Старец отвечал: «Если забывчивость владеет умом человека на основании причин, производящих эту забывчивость, то есть страстей, то она приводит и к явному исполнению требования страстей. Если ум, отвергнув основания, на которых зиждется забывчивость, обратится к Богу и взывает Его, вспоминая о разлучении души с телом и о последующем Суде, то забывчивость немедленно оставляет человека и совершенно исчезает». **Авва Кроний** (82, 305).

У некоего игумена было десять монахов. Один из этих монахов был очень нерадив, он нисколько не заботился о своем спасении: ел беззастенчиво, пил без воздержания, не обуздывал языка. Старец часто увещивал, умолял его: «Брат! позаботься о своей душе. И ты умрешь, а если будешь жить так нерадиво, то пойдешь в вечную муку». Брат постоянно оказывал непослушание старцу и не внимал его словам. Из такой жизни он и был взят смертью. Игумен очень печалился о нем, зная, что он жил в великой лености и небрежении. Подвинутый скорбью об участи брата, игумен начал молиться о нем Богу: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, открой мне судьбу души брата!» Так молился он долго. Однажды, стоя на молитве, он пришел в исступление и увидел огненную реку, а в ней множество людей, опаляемых огнем и стонущих. Среди них он увидел и своего монаха, который стоял в пламени по шею. Игумен сказал ученику: «О брат и сын мой! не умолял ли я тебя позаботиться о душе твоей именно по той причине, чтобы ты не подвергся мучению?». Брат ответил: «Возношу хвалы Богу за то, что по твоим молитвам хоть голова моя имеет отраду» (82, 417).

Некий пресвитер из Келлий, имевший дар прозорливости, однажды, идя в церковь для совершения Божественной службы, увидел вокруг **келлий**, в которой жил один брат, множество демонов, принявших образы женщин и другие соблазнительные образы. Они говорили непотребности, насмехались, ликовали. Старец, вздохнув, сказал в себе: «Этот брат предан лености, и потому лукавые духи окружили его и играют им». Совершив Божественную литургию, на обратном пути он зашел к брату в келлию и сказал: «Брат! Я имею скорбь, но верую Богу, что Он избавит меня от скорби, если ты сотворишь молитву обо мне». От этих слов брат пришел в умиление и сказал старцу: «Отец! Я недостойн молиться о тебе». Но старец начал упрекать его: «Не уйду от тебя, пока ты не дашь мне слова творить по одной молитве за меня каждую ночь». Брат обещал исполнить требование старца. Так поступил старец, желая ввести его в начало богоугодной жизни и приучить его совершать молитвы при наступлении ночи. В первую же ночь брат встал, чтобы сотворить молитву о старце. По окончании ее он умилился и сказал себе: «О окаянная душа! О старце ты совершила молитву, а о себе почему не **молишь Бога?**» — и немедленно сотворил и за себя одну молитву. Так он провел всю неделю, творя одну молитву за себя, а другую за старца. В воскресный день старец, идя в церковь, опять увидел демонов, стоящих вне **келлий** брата и поскучевших. Старец понял, что молитва брата привела в скорбь бесов. Он вошел к брату и упросил его присовокупить к первой молитве за него и вторую на каждую ночь. Брат сотворил две **молитвы** о старце и опять, смирившись, сказал сам себе: «О окаянная **душа!** Приложи и за себя другую молитву». Так провел он всю неделю, совершая по четыре **молитвы** за каждую ночь. Опять пришел старец и увидел бесов унылыми и молчащими. Поблагодарив Бога, он вошел к

брату и сказал ему, чтобы он прибавил еще одну молитву за него. Брат, прибавив молитву за старца, прибавил и за себя и совершал каждую ночь по шесть молитв. И опять пришел старец к брату. Тогда бесы разгневались на старца за спасение брата, а старец, прославив Бога, вошел к брату и научил его не лениться, но непрестанно молиться Богу. После этого старец возвратился к себе, а демоны, видя, что брат непрестанно молится и подвигается, отступили от него, будучи изгнаны Божией благодатью. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (82, 428—429).

БЕСПЕЧНОСТЬ

«Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк. 9, 62). То есть кто думает спастись, а между тем оглядывается и на то, что нужно бросить для спасения, тот не спасается, не идет, не направляется в Царствие Божие. Надо уже окончательно порешить со всем тем, что несовместно с делом спасения. Задумавшие спастись и сами это видят, но расставанье с некоторыми привязанностями все откладывают на завтра. Вдруг порвать все представляется слишком большой жертвой. Хотят отрешиться исподволь, чтобы и другим не бросалось в глаза, и почти всегда проигрывают. Заводят порядки спасительные, а сердечные расположения оставляют прежними. На первых порах несообразность очень резка, но обещанное назавтра изменение загораживает уста совести. Таким образом, все «завтра» да «завтра» — совесть устает толковать все одно и то же и наконец замолкает. А тут начинают приходить мысли, что и так можно оставить. Мысли эти крепнут, а затем и навсегда устанавливаются. Образуется лицо, внешне исправное, но с внутренней неисправностью. Это раскрашенный гроб перед очами Божиими. Главная беда, что обращение таких людей так же трудно, как и тех, которые очерствели в открытых грехах, если еще не труднее... А думается, что все ничего (107, 396—397).

Ученики указывали Господу на красоту храма и его утвари, а Он сказал: «Придут дни, в которые из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне; все будет разрушено» (Лк. 21, 6). Это приговор всему прекрасному мира сего. На вид кажется прочно и вековечно, но **день-другой** — смотришь, как ничего не бывало: и красота увядает, и силы истощаются, и слава меркнет, и умы изживаются, и одежда изнашивается. Все в себе самом носит разрушительную силу, которая не лежит, как неразвитое семя, а непрестанно действует, и все течет к своему концу. «Проходит образ мира сего» (1 Кор. 7, 31). «Человек ходит подобно призраку; напрасно он суетится, собирает и не знает, кому достанется то» (Пс. 38, 7). А мы все суетимся, все хлопочем и хлопотам нашим конца нет. Встречаем кругом себя постоянные уроки, а все свое, словно слепы и ничего не видим. Да и правду сказать, что слепы или ослеплены: и себе, и ничему, что нас окружает и чем мы владеем, не ждем конца. И что еще? Остановившись, как нам представляется, хорошо, уверены, что стоим твердо, как на утесе, тогда как положение наше скорее похоже на то, как если бы мы стояли на трясине: вот-вот

провалимся. Но не чувствуем этого и предаемся беспечному наслаждению текущим, будто вечным. Помолимся же, да откроет Господь наши умные очи и да узрим все не как оно кажется, а как оно есть. Епископ Феофан Затворник (107, **420—422**).

ЛЕНОСТЬ

Противостанем лени! Свергнем с себя сударь, закрывающий **глаза**,—забывчивость. Она мешает нам увидеть свет покаяния. Приобретем себе Марфу и Марию: удручение тела подвигами и плач. Да ходатайствуют они перед Спасителем, и Он воскресит Лазаря: ум, связанный многими **пеленами**—пожеланиями падшего естества (82, 214).

Берегись лени: она истребляет весь плод трудов монаха (82, 170).

В том, кто расслаблен по жительству, гнездятся все страсти по причине праздности сердца его и потому, что он не видит своих грехов (82, 178).

Любовью к Богу изгоняется лень; рождается она там, где отсутствует страх Божий (82, 202).

Любовь к подвигам есть ненависть к страстям. И напротив, ленью и праздностью удобно вводятся страсти в душу (82, 203).

Братия! Не нерадите о жизни и спасении вашем, удостоверьтесь, что во всяком деле, в котором действует лень, действует и зло (82, 208).

О, как труден путь Божий! Сам Господь сказал: «тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7, 14). А мы, ленивые, праздные, преданные плотским наслаждениям, ищем спокойствия и благополучия в отвержении ига Христова. Преподобный авва **Исаия** (82, 224).

Ленивый на доброе осуждается с **дьяволом** и ангелами его. Святитель Василий Великий (8, 206).

Будь внимателен к себе, чтобы не впасть тебе когда-либо в лень, потому что преобладание **лени**—**начало** гибели (25, 103).

Лень разрушает благоговение, и тому, кто приобрел ее, приносит укоризненное имя. Поэтому соединяй благоговение с прилежанием и знанием и будешь истинно благоговеющим. Преподобный Ефрем Сирий (25, 549).

Если ощутишь лень в теле, скажи ему: «Неужели ты хочешь успокоиться в этом кратком времени и потом быть навсегда вверженным во тьму кромешную?» (34, 26).

Ленью питается своеволие, порождается гордость и презрение к своим обязанностям. Преподобный авва **Исаия** (34, 86).

Нет ничего легкого, чего бы великая лень не представила нам весьма тяжелым и трудным (35, 141).

Лень есть жестокий сон, темница душ, сожительница, собеседница и наставница изнеженных (43, 87).

Леность... есть повод к злу и корень зла. Ведь всякому злу научила праздность. Святитель Иоанн Златоуст (45, 138).

Кто любит леность, тот праздностью питает страсти (48, 132).

Близок конец, да готовится ленивый к понесению наказания (48, 247).

Нечистые демоны привыкли пребывать при тех и тех более тревожить, кто расслабляет себя леностью и нерадит о молитве. **Преподобный Нил Синайский** (49, 328).

Воспоминание о вечном огне каждый вечер пусть засыпает с тобою вместе и с тобою встает, и леность никогда не будет обладать тобою. **Преподобный Иоанн Лествичник** (57, 78).

Что значит «трость надломленная» и «лен курящийся» (Мф. 12, 20), и в каком смысле кто-нибудь одной «не переломит» и другого «не угасит»? Трость надломленная, как думаю, есть тот, кто в какой-нибудь страсти исполняет заповедь Божию. Его надо не преломлять и не отсекают, но более исцелять, как и Господь научил: «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас» (Мф. 6, 1); и как заповедует апостол: «Все делайте без ропота и сомнения»; и в другом месте: «ничего не делайте по любопрению или по тщеславию» (Флп. 2, 14 и 3). А «лен **курающийся**» — исполняющий заповедь не с пламенным желанием и не с совершенным старанием, но с леностью и расслаблением; и его не надо останавливать, а более побуждать напоминанием о судах и обетованиях Божиих. Святитель **Василий Великий** (115, 512—513).

«...Дабы вы не обленились, но подражали тем, которые верою и долготерпением наследуют обетования» (Евр. 6, 12).

Враг времени есть леность; она берет в плен это наше драгоценное сокровище. Как взятый в плен воин уже не воюет за нас, ибо руки и ноги его связаны, так и время, плененное леностью, для нас потеряно, ибо оно никакому уже нашему действию не помогает. А оставшись без времени, которое состоит в непрестанно текущих действиях, как мы можем считаться живущими? Тень не есть тело, а только вид тела; так и человек, расслабленный леностью, не есть живое существо, но только тень живого существа...

Расслабь руки и колени и предай себя постоянному лежанию и неге; помышляй только о пище и питии, служи чреву и услаждай чувства, повергни разум в бездействие и усыпи все душевные **силы — посмотри**, что из этого выйдет хорошего? Дух отяготится унынием и скукой, тело расслабит и измучат болезни, душу обременят пороки, совесть растерзают собственные упреки, обличения и беспокойства; сам себе будешь лишним, другим во вред, и для **земли — бесполезная** тягость...

Почему младенец со слезами принимается за книгу? Почему некоторые не чувствуют желания спешить в церковь? Потому, что не воображают или настоящей пользы, или протекающих из небрежения дурных последствий. Так и все ленивые в добродетели есть младенцы. Они не понимают, что такое внутреннее спокойствие духа, что такое душевная радость и мир, как сладок плод добродетели. А некоторые хотя и понимают происходящую из этого пользу и вред, но попустили страстям овладеть собою.

По плохому воспитанию или плохим содружествам пристрастились к праздности и к чувственному покою, а не к тому, что составляет удовольствие совести и разума. Известно: чтобы хорошо исполнить долг, надо потрудиться, иногда отогнать сон и дремоту, попотеть, потерпеть голод и холод, уменьшить имение, а иногда мужественно победить встречающиеся препятствия, которые обыкновенно составляет порок на пути добродетели, как сети. Все это неприятно нашим чувствам и плоти в тягость: она больше любит почивать на мягкой постели, терять время в праздных прогулках, рассеивать мысли пустыми увеселениями, нежить вкус чувств своих измышленными лакомствами, любоваться не на уменьшаемое, а на умножаемое имение. Если кто пристрастился к этим лестным, хотя бесполезным легкостям, тому всякий и легкий долг покажется трудным. И когда такой долг возникнет, тотчас пойдут отговорки, отсрочивания, медления, извинения. Послать ли его куда, говорит с ленивцем, поминаемым Соломоном: «лев на улице!» (Притч. 22, 13), то есть воображает страх, где нет страха. Сделать ли что заставят, отговаривается тем, что нездоров, не сможет, сил и понятия недостает, некогда, есть другие люди, не настало время. Все это отговорки, а настоящая причина — лень; причина же лени в том, что угождением чувствам расслабил свои члены. Причина же расслабления, что истинное понятие о добре и настоящей пользе в нем помрачено. Для таких всякое дело — бремя, и они тем менее извинительны, что грешат не по неведению, но самовольно себя поработают, и пренебрегают душевными выгодами. **Платон, митрополит Московский (105, 365—368).**

Не ленись в деле Божиим и не унывай, но подвизайся, трудись, ибо ныне у тебя жатва, ныне торг и купля: жни, покупай, чтобы не быть жестоко осужденным, если окажешься ничего не имеющим, чтобы не быть чуждым Божией благодати. Получивший талант в евангельской притче не растратил его, но и не умножил, и потому услышал: «лукавый раб и ленивый... надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы моё с прибылью» (Мф. 25, 26, 27). Ты же не только не умножил, но из-за своей лени и безразличия все погубил. Что же ты скажешь в день Страшного Суда, когда во всем подробно будешь испытан? Смотри же за собой со вниманием.

Итак, не закапывай данного тебе таланта в землю лени и безразличия, но старайся, трезвись, бодрствуй. Огонь к огню, теплоту к теплоте непрестанно прибавляй, чтобы, умножив и усугубив данное тебе, ты мог в тот день с дерзновением сказать Господу: «вот, другие пять талантов я приобрел на них». От Господа же услышишь сладостные слова: «добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего» (Мф. 25, 20—21). **Святитель Димитрий Ростовский (103, 1072).**

Ленивые и праздные земледельцы, увидев братьев своих, собирающих плоды трудов и радующихся, сами же ничего не имея, ибо не трудились, скорбят, тужат, печалются и упрекают

себя, что летом не трудились и вот плодов не имеют. Так и небрежные христиане, увидев других, убажваемых и прославляемых Господом за подвиг веры и труды благочестия, безутешно заплачут и зарыдают, и будут себя упрекать, что не хотели трудиться во временной жизни. Святитель Тихон Задонский (104, 905).

НЕБРЕЖЕНИЕ

Как ходящему по натянутому канату нельзя допускать ни малейшей небрежности, потому что малый промах приводит к великому бедствию: промахнувшись, он тотчас падает и погибает, так и нам непозволительно нерадение (46, 849).

Нужно иметь не только славное начало, но еще более славный конец... Те, которые вначале смело и гордо выступили на поприще, а потом упали духом и ослабели, лишились и награды и не призваны Владыкой. Святитель Иоанн Златоуст (46, 201).

Воспротивимся диаволу и сотворим с ним брань, облачившись в оружия нашего возрождения, то есть, прежде всего, в самую правую веру, упование будущих благ и нелицемерную любовь. В этой духовной броне низложим три лукавые ухищрения врага, то есть небрежение, неведение и **леность**, — эти лукавые и тонкие его замыслы, которыми он ввергает в гибель род человеческий, особенно тех, которые внимают его лукавым советам. Эти три замысла его зловреднее всех, потому что весьма тонки, неприметно вкладываются в нас, и мы не думаем, что делаем плохо, предаваясь этим порокам. Преподобный Ефрем Сирин (27, 280).

«Очисти прежде внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их» (Мф. 23, 26). Внешнее поведение у нас в общении всегда почти исправно: боимся суда людского и сдерживаемся. Если же и внешне предаются порокам, то это уж последнее **дело** — значит, всякий стыд потерян. Но при исправности видимого поведения не всегда бывает исправен внутренний строй мыслей и чувств. Там дается полная свобода самоугождения, которое наружно и удовлетворяется, насколько это сносит людской глаз и насколько можно приккрыть от него свои дела. Это точь-в-точь гроб раскрашенный. Вместе с тем внутренняя нечистота делает нечистым и внешнее. Очисти же это внутреннее, тогда и внешнее станет чисто, и весь будешь чист, сделаешься сосудом, годным на всякое доброе употребление домовладыки. Дивиться надо, отчего это внутреннее остается в пренебрежении; ведь погибли себе никто не хочет. Верно, враг держит такую душу в ослеплении; что это ничего, лишь бы явных грехов не было, или учит ее откладывать на завтра главное дело: завтра займемся собою серьезно, как следует, а ныне пусть душа усладится страстными мыслями и мечтами, если не делами. Поостережемся, как бы не состариться в этом настроении, и как бы исправление для нас не стало таким же невозможным, как переучивание старика. Епископ Феофан Затворник (107, 243—244).

Пренебрегающий заботами о **вечном — безумец**. Другие стараются тело, которое скоро превратится в прах, лечить и хранить целым, но о бессмертной душе нерадят, не хотят знать ее немощи и исцелять их словом Божиим. Другие иное замышляют и делают, но о том, что «одно только нужно», по учению Христову (Лк. 10, 41), не заботятся. Все они и подобные им поступают, как тот, кто **хранил** бы полушку в сундуке, но нерадел о тысяче червонцев; или тот, кто нерадел бы о горящем доме и имуществе, а выносил бы из него мусор, чтобы не сгорел; или тот, который тонет в воде, но, не заботясь о себе, старается сохранить свои вещи. Если бы кто подобное увидел, непременно посмеялся бы безумию таких людей, ибо нужно беречь то, что нужнее и лучше, а не то, что хуже. Так смеха или, скорее, сожаления достойны те люди, которые заботятся о временной и скоро погибающей пользе, но не заботятся о вечном спасении души, которое «одно только нужно». **Святитель Тихон Задонский (104, 1231—1232).**

Смотри, чтобы под предлогом послушания, или келейного занятия умственным подвигом, или даже мнимой немощи, не действовали тайно и с оправданием козни диавола, который ненавидит молитву как мать добродетели (109, 178, 179).

Тот, кто пренебрегает жизнью по заповедям Божиим, не вращает себя постоянно покаянием, не поддерживает единения со Христом Причащением Его Тела и Крови, не может не лишиться единения со Христом, не может не лишиться спасения (111, 330).

Когда инок пренебрежет молитвой, безмолвием, постом... тогда враг, видя его обезоруженным, нападает на него и легко поражает. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 406).**

Архимандрит Кронид поведал о себе: «После смерти моего старца я стал духовно слабеть, иногда исполнял иноческое правило не полностью и, незаметно сокращая его, дошел до чтения одних вечерних молитв. Да и те чаще всего читал небрежно. А иногда случалось и так, что, ложась спать, я читал только молитву: «Да воскреснет Бог». Совесть моя обличала меня и понуждала читать иноческое правило полностью, но сила воли ослабела во мне настолько, что я исправить себя не мог, пока не последовало вразумление свыше, от Преподобного Сергия. Однажды я вижу сон. Будто бы вхожу я в Троицкий собор. Он освещен неземным светом и весь переполнен народом. Все присутствующие в храме преисполнены великого умиления в пламенной молитве, стремясь устами своими прикоснуться к святым мощам Преподобного Сергия. Волной народа и меня привлекло к раке святых мощей. Но, по мере приближения к ним, в душе моей стал появляться страх и мысль: «А что, если угодник Божий, зная мое молитвенное нерадение, обличит меня в этом при всем народе? Вот я уже у самых мощей. Вижу, Преподобный Сергей лежит в раке, как живой, открытый по пояс. Лик его столь приятен, милостив и добр, что я заплакал от сознания своей виновности перед Богом и перед ним. Когда я наклонился, чтобы грешными своими устами прикоснуться к его святым мощам, слышу его тихий, ласковый отеческий голос: «Сын мой! Что же ты перестал совершать подвиг молитвы? Что, если наступит время испытания Божия, время душевных скорбей и телесных болезней, откуда ты тогда будешь черпать утешение, силу и крепость для своей души? И я проснулся, безутешно плача». **Троицкие цветки (91, 20—21).**

НЕСТЯЖАТЕЛЬНОСТЬ

Нестяжательность приближает к Небесам

Если желаешь получить Царствие **Небесное** — возненавидь все земные имения, потому что если будешь сластолюбив и сребролюбив, то не сможешь жить по Богу (82, 386).

Бог требует от инока-подвижника полного нестяжания до малой вещи: и малая вещь с пристрастием к ней может повредить, отлучив ум от поучения в Иисусе и от плача. Изречения безымянных старцев (82, 375).

Отнимать у меня нечего, кроме бедной одежды и нескольких книг; заточение для меня не страшно, потому что куда меня ни заточат, везде земля Господня; смерть даже благодеяние, потому что соединит меня с Господом (113, 223).

Не должно заботиться об избытке и прилагать старание ради пресыщения и пышности; надо быть чистым от всякого вида любостяжания и щегольства. Святитель Василий Великий (6, 353).

Нестяжательность приближает к Небесам, освобождая нас не только от страха, забот и опасностей, но и от прочих неудобств. Святитель Иоанн Златоуст (35, 369).

Да не подумает кто-либо, что без труда и легко достигается преуспеяние в нестяжательности. Преподобный Нил Синайский (48, 99).

Известно, что не иметь нужды во многом признается величайшим благом... но признается и то, что гораздо высшее благополучие — **быть** выше даже потребности иметь какую-либо собственность. Поэтому будем заботиться более о душе, о теле **же** — насколько это нужно, о **внешнем** — **совсем** не станем прилагать попечения. Ибо таким образом и здесь достигнем высшего блаженства, заключающего в себе Небесное Царство. Преподобный Исидор Пелусиот (50, 291).

Никто не может приобрести действительной нестяжательности, если не приготовится к тому, чтобы с радостью переносить искушения (55, 379).

Без нестяжательности душа не может освободиться от мятежа помыслов и, не приведя в безмолвие чувств, не ощутит мира в мысли. Преподобный Исаак Сирин (55, 295).

Нестяжательный муж молится чистым умом, а любостяжательный во время молитвы представляет вещественные образы. Преподобный Иоанн Лествичник (57, 132).

Больше являет силы и власти тот, кто презирает мир, чем тот, кто властвует над целым миром. **Преподобный Никодим Святогорец** (64, 31).

Господь, посылая на проповедь святых апостолов, повелел им ничего не иметь при себе. Одна одежда на плечах, сандалии на ногах, посох в **руках**, — и все тут. И попечения ни о чем не иметь, вступая в этот труд, словно они были полностью обеспечены. И действительно, апостолы были вполне обеспечены без всякого внешнего обеспечения. Как же это устроилось? Совершенною преданностью их в волю Божию; потому-то Господь так и устраивал, чтобы они не имели ни в чем нужды. Подвигал сердца слушавших проповедь, и те питали и покоили проповедников. Но апостолы не имели этого в виду и не ожидали ничего, а все предавали Господу. Оттого терпеливо сносили и если что встречалось неприятное. Одна у них была **забота** — проповедовать и одна **печаль** — если не слушали проповеди. Отсюда чистота, независимость и многоплодность проповедания. И ныне бы так надо, но наша немощь требует внешнего обеспечения, без которого мы и шагу не сделаем. Это, однако, не укор нынешним нашим апостолам. Вначале они точно опираются на это обеспечение, но потом оно исчезает из памяти, и они самым своим трудом возводятся в состояние преданности Богу; с этого момента, надо полагать, и начинается настоящая плодотворность проповеди. Преданность Богу есть высшая степень нравственного совершенства, а до него доходят не вдруг, как только познают цену его. Оно само приходит после многих трудов. Епископ Феофан Затворник (107, **280—281**).

Тот, кто раздал имение нищим, для того чтобы оказать всецелое повиновение Спасителю... кто сам сделался нищим, чтобы подчинить себя лишениям, сопряженным с нищетой и обильно доставляющим смирение, этим действием уничтожает всю свою надежду на мир, сосредоточивает ее в Боге (**108, 473**).

Чтобы стяжать любовь к предметам духовным и небесным, нужно отречься от любви к предметам земным (**108, 513**).

Нестяжание и отречение от **мира** — **необходимое** условие к достижению совершенства. Ум и сердце должны быть всецело устремлены к Богу, все препятствия, все поводы к развлечению должны быть устранены. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (**109, 344**).

Некто из старцев поведал об авве Иоанне Персиянине, что он, по изобилию в нем божественной благодати, достиг совершенства нестяжания. Жил он в Аравии Египетской. Однажды он занял у брата золотую монету и купил на нее льну для своего рукоделия. После этого пришел к нему другой брат и начал просить его, говоря: «Дай мне, авва, немного льна: я сделаю себе левитон». Авва радостно дал ему. Потом пришел к нему еще другой брат и тоже просил его: «Дай мне немного льна на полотенце». Старец дал и этому. И иным многим, просившим у него, **давал** с радостью, потому что был крайне прост сердцем. Пришел, наконец, к нему и ссудивший его золотом монетой, желая получить ее обратно. Старец сказал ему: «Я схожу и принесу ее тебе». Не найдя у кого бы занять монету, он пошел к авве Иакову, заведовавшему раздаянием милостыни, с тем, чтобы попросить у него златник для возвращения брату. Идя к авве Иакову, он увидел лежащий на дороге златник. Авва Иоанн не прикоснулся к нему, но, сотворив молитву, возвратился в келлию. Брат опять пришел, прося возвращения долга. «Я забочусь об **этом**», — отвечал старец и опять пошел к авве Иакову. На дороге он увидел златник на том же месте, на котором он был и прежде; сотворив молитву, старец возвратился в келлию. Брат пришел и в третий раз. Старец отвечал ему: «Неприменно схожу и принесу тебе». Он пошел **на** то место, где прежде нашел монету, она лежала там же. Сотворив молитву, он взял ее, принес к авве Иакову и сказал ему: «Авва! Идя к

тебе, я нашел на дороге этот златник; сделай милость, оповести в окрестности, не потерял ли кто его? Если найдется потерявший, отдай ему». Авва Иаков ходил три дня и объявлял о найденной монете, но не нашлось никого, кто бы потерял златник. Тогда старец сказал авве Иакову: «Если никто не потерял этот златник, то отдай его такому-то брату: я должен ему. Я шел к тебе просить милостыни, чтобы отдать долг, и нашел этот златник». Удивился авва Иаков, что старец, будучи должен и найдя монету, не взял ее тотчас и не отдал долга. Было достойно удивления в авве Иоанне и следующее: если кто приходил к нему взять что-либо взаймы, то он не давал из своих рук просившему, а говорил ему: «Пойди возьми, что тебе нужно». Когда тот приносил взятое, старец говорил: «Положи на то место, откуда ты взял». Если же кто не возвращал долга, то старец и не напоминал о нем (82, 300—301).

Паисий, брат аввы Пимена, нашел небольшой сосуд со златницами. Он сказал старшему брату своему Ануву: «Ты знаешь, что слово аввы Пимена очень жестоко. Пойдем выстроим себе келлию в другом месте и будем безмолвствовать спокойно». Авва Анув отвечал ему: «Нам не на что выстроить келлию». Тогда Паисий сказал ему о своей находке. Это очень опечалило авву Анува, который понял, что находка может быть причиной душевной гибели для Паисия. Однако он сказал: «Пойдем, выстроим келлию на той стороне реки». Авва Анув взял у Паисия сосуд с златницами и завил в свой куколь. Когда они переправлялись через реку и были на середине ее, авва Анув сделал вид, что он уронил сосуд в реку. Сделав это, он начал скорбеть, и авва Паисий утешал его: «Не скорбей, авва, о златниках, пойдем опять к брату нашему». Они возвратились и жили в мире (82, 320).

Пришел однажды в скит неизвестный важный человек. Он принес с собой много золота и просил настоятеля пустыни раздать золото братиям. Пресвитер отвечал: «Братия не нуждаются в этом». Но так как принесший был очень важной особой и убедительно просил исполнить его желание, то пресвитер предложил ему поставить ящик со златниками при входе в церковь, а братиям сказал, что они могут брать деньги из ящика, кому нужно. Но никто из **братий** не прикоснулся к златникам, даже не взглянул на них. Старец сказал вельможе: «Бог принял твоё приношение: пойдя раздай златницы нищим». Вельможа ушел с большой пользой для своей души. **Отечник** (82, 463—464).

Спросили однажды блаженную Синклитикию: «Нестяжание есть ли совершенное благо?» Она отвечала: «Да, оно совершенное благо для тех, кто может перенести. Ибо переносящие нестяжание хотя имеют скорбь по плоти, но спокойны душой. Как твердое бельё, когда его мнут и сильнее полощут, вымывается и очищается, так и крепкая душа еще более укрепляется добровольной нищетой». Древний **Патерик** (73, 19).

Авва **Макарий** Фермейский имел у себя три хорошие книги. Пошел он к авве Макарию и говорит ему: «Вот у меня есть три хорошие книги, и сам я получаю из них пользу, и братия читают их и получают назидание. Скажи, что мне полезнее сделать: оставить ли их у себя для собственной пользы и для пользы **братий** или продать их, а деньги раздать нищим?». Старец сказал в ответ: «Первое хорошо, но **нестяжательность** лучше всего». Услышав это, Феодор пошел и продал книги, а деньги раздал нищим. Достопамятные сказания... (79, 281).

V Горе богатым, если, имея возможность утешать бедных, силу богатства употребили не на то, для чего получили его (5, 70).

Если станешь беречь **богатство** — оно не будет твоим; если станешь расточать **[нуждающимся]** — не потеряешь (**Пс.** 111, 9). **Святитель Василий Великий** (7, 91).

Бог попустил тебе иметь больше других не для того, чтобы ты тратил на блудодеяния, пьянство, пресыщение и предметы роскоши, но для того, чтобы уделял нуждающимся (35, 805).

Богат не тот, кто много приобрел, но тот, кто много раздал (36, 34).

Трать богатство на нужное, когда имеешь его, чтобы, когда лишишься, иметь двоякую **пользу** — **уготованную** тебе награду за прекрасную трату и происходящую от презрения богатства мудрость (36, **698**).

Богатство, если его запирают, бывает свирепее льва и везде наводит страх. А если ты выведешь его из мрака и поселишь в недра бедных, этот зверь становится овцой, **предатель** — защитником, подводный **камень** — **пристанью** (37, **432**).

Разве человеколюбивый Господь для того дал тебе много, чтобы данное тебе ты употребил только в свою пользу? Нет, но для того, чтобы, по апостольскому увещанию, твой избыток восполнял недостаток у других (2 Кор. 8, 14) (38, **186**).

Как же можно спастись **богачу**? — Все стяжание свое сделав общим для нуждающихся, ... изгоняя из души пристрастие к большему и ни в коем случае не преступая пределов необходимого (41, **751**).

Кто погряз в страсти к богатству, тот богаче всех (41, 51).

Если хочешь истинно обогатиться, сделайся бедным (через милостыню). Таковы-то чудные дела **Божии**: Он не хочет, чтобы ты был богат вследствие собственных усилий, но по Его милости (45, **694**).

Будем расточать богатство на бедных, чтобы ... погасить адский огонь, чтобы в иной жизни иметь дерзновение (46, 16).

Бог сделал тебя богатым, чтобы ты помогал нуждающимся, чтобы мог искупить свои грехи спасением других; дал тебе деньги не для того, чтобы ты запирали их на свою гибель, а чтобы расточал для своего спасения. Святитель Иоанн Златоуст (46, **564**).

Небесное Царство получил Закхей, бывший богатым, да и не только богатым, но начальником мытарей, несмотря на то, что тесны врата в Небесное Царство. Как же богатый Закхей мог войти в них? Разве потому он мог войти, что был мал ростом, и ему легко было войти? Но не думаю так, ибо хотя и мал был этот верблюд, зато имел великий горб, был очень богат, и пока он этого горба, то есть богатства, не сбросил, до тех пор врата небесные были тесны для него. Только отказавшись от него одним словом: «Господи! половину имущества моего я отдам нищим и, если кого чем обидел, воздам вчетверо» (Лк. 19, 8), он тотчас смог пройти. Если и ныне кто-либо из богатых скажет: «Господи! Вот я половину имущества отдам нищим, и, если кого чем обидел, воздам вчетверо», то и ему будет сказано: «ныне пришло спасение дому сему» (Лк. 19, 9). Святитель Димитрий Ростовский (103, 578).

Тот, кто употребил жизнь на снискание богатства... взял ли его в Вечность? (**108**, 88).

Земное имущество не есть наша собственность... Оно переходит из рук в руки и тем само о себе свидетельствует, что дается лишь на пользование. Все, что мы имеем, принадлежит Богу (**108**, 91).

Господь заповедует с помощью милостыни превратить земное имущество в небесное, чтобы самое сокровище человека, находясь на Небе, влекло его к Небу (**110**, **172**).

Писание... называет состоятельных людей распорядителями имущества, которое принадлежит Богу и поручается распорядителям на время, чтобы они распоряжались им по Его воле (111, 231).

Чтобы получить истинное, собственное всем, неотъемлемое достояние, сохраните верность Богу при распоряжении тем, что вверено на срок. Не обманите себя, не сочтите земного имущества собственностью (111, 235).

Переноса милостынею тленное имущество свое на Небо, христианин неприметным образом перенесет на Небо свое сердце... (111, 266).

Раздаванием имени предваряется взятие креста. При сохранении имени невозможно принятие и ношение креста. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 279).

БОГАТСТВО

«Трудно богатому войти в Царство Небесное»

(Мф. 19, 23)

Земное богатство не долго повеселит тебя, потом утечет и исчезнет, но у тебя потребуют строгого отчета за это (7, 78).

Желаю тебе, чтобы ты богател одним Богом, а целый мир всегда считал прахом (7, 361).

Путь узкий и тесный (в Царствие Божие) не примет того, кто не сложил с себя бремя богатства. **Святитель Василий Великий** (7, 104).

Богатые! послушайте: «когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердца» (Пс. 61, И), знайте, что полагаетесь на вещь непрочную. Надо облегчать корабль, чтобы было легче плыть (13, 211).

Богатство — самый скорый приспешник в дурном, потому что при могуществе всего удобнее делать зло. **Святитель Григорий Богослов** (14, 367).

Если погонишься за роскошью и за тем, чтобы иметь больше других, то труда будет много, путь станет ненадежен, скорбь неутолима и жизнь многопечительна (25, 67).

Какая польза лежащему в позолоченном чертоге от блеска стен и потолков, когда сам он мучится страстями или когда пожирается тело его, угрызаемое внутри змием? (25, 501).

Чем более кто богатеет, тем более немилосердным становится и бесчеловечным и тем более удерживает руку свою от подаяния милостыни (27, 145).

Где богатые, которые собирали и запасали сокровища на многие годы? Смерть в одну минуту, в одно мгновение ока поглотила их (28, 489).

Не сопровождает человека имущество его в час смерти, **отходит** и исчезает при дверях гроба (28, 389).

Не люби земного богатства, чтобы не обнищать на Небе (29, 295).

Не созидай себе высоких жилищ, чтобы не низойти в бездну. **Преподобный Ефрем Сирин (29, 296).**

Кто владеет богатством, тому нелегко вырваться из его оков; такое множество недугов объемлет душу... то есть страстей, которые, как густое и темное облако, заслоняя взоры ума, не позволяют взирать на небо, но заставляют склоняться вниз и смотреть в землю (35, 485).

Богатство—это неприятель, живущий под одним кровом с тобою; это домашний враг (36, 35).

Имея необходимость во многих лицах, богатый принужден многим льстить и угождать с великим раболепством. Бедного же, если он благоразумно ведет себя, не может одолеть и диавол (36, 41).

Богатый, занятый многими заботами, надменный гордостью, происходящей от богатства, преданный лени и беспечности, не с большой ревностью и не с большим усердием принимает исцеление слушания Писаний (37, 366).

Почему тебе, человек, богатство кажется драгоценным? Конечно, по удовольствию, получаемому от трапез? Потому что ты можешь мстить оскорбляющим тебя и быть для них страшным? Других причин представить не можешь, кроме удовольствия, лести, страха и мщения, потому что богатство не делает никого ни мудрее, ни целомудреннее, ни смиреннее, ни благоразумнее, не делает ни добрым, ни человеколюбивым, не ставит ни выше гнева, ни чрева, ни удовольствий, не учит умеренности... и никакой другой добродетели не вселяет и не насаждает в душе (37, 483).

Богатство не только неспособно насадить или взрастить что-нибудь доброе, но даже если найдет добро, то повреждает, останавливает и иссушает его, а иное и вовсе истребляет и вносит **противоположное**—безмерное невозддержание, непристойную раздражительность, несправедливый гнев, гордость, надменность, безумие (37, 484).

Богатство—это раб неблагодарный, неутомимый человекоубийца, неукротимый зверь, обрывистая скала, подводный камень, непрерывно буруеваемый волнами, море, вздымаемое бесчисленными ветрами, свирепый тиран, властелин... непримиримый враг, неутомимый неприятель, не прекращающий никогда своей вражды к тем, кто владеет им (37, 431).

Как огонь, найдя горючее вещество, разгорается сильнее, так и юность, получив много денег, возжигает такое пламя, что вся душа юного воспламеняется (38, 637).

Богатство для невнимательных служит средством к порокам (39, 46).

Пусть никто не гоняется за богатством: от него происходит много зол для **невнимательных**—гордость, лень, зависть, тщеславие и другие, гораздо большие (39, 133).

Раб Христов будет не рабом богатства, но его властелином (41, 98).

Кто рабствует богатству, тот и здесь, и там (по смерти) будет в узах, а не имеющий этой страсти и здесь, и там будет свободен... (41, 129).

Видя узника, у которого и шея, и руки, а часто и ноги в оковах, ты считаешь его крайне несчастным; так и видя богато-го... не называй его счастливым, но за то же самое и считай его злополучным. В самом деле, кроме того, что он в узах, при нем находится еще жестокий страж **темничный** — **злое** корыстолюбие, которое не позволяет ему выйти из темницы, но приготовляет для него тысячи новых оков, темниц, дверей и затворов, и, ввергнув его во внутреннюю темницу, еще заставляет его услаждаться своими узами, так что он не может даже найти и надежды освободиться от зол, его угнетающих. И если ты проникнешь во внутренность души его, то увидишь ее не только связанной, но и крайне безобразной (41, 147).

Если Господь не пощадил для нас Самого Себя, то чего будем достойны мы, когда, дорожа богатством, не щадим души своей, за которую Он умер (41, 521).

Любовь к богатству извратила и ниспровергла все, истребила истинный страх Божий. Как тиран разрушает крепости, так и она ниспровергает души (41, 616).

Приращение богатства более и более разжигает пламя страсти и делает богачей беднее прежнего (41, 645).

Не столько имеют препятствий на пути ко спасению те, которые владеют немногим, сколько те, которые погружены в бездну богатства, потому что страсть к богатству тогда бывает сильнее (41, 645).

Если бы мы и были добродетельными во всех отношениях, богатство истребляет все эти добродетели (41, 643).

Богатство соединяет в себе два противоположных зла: одно сокращает и **омрачает** — это забота; другое **расслабляет** — это роскошь (41, 467).

Страсть (любовь к богатству) разоряла многие дома, воздвигала жестокие войны и заставляла прекращать жизнь насильственной смертью. Да еще и прежде этих бедствий она помрачает добрые качества души и делает человека малодушным, слабым, дерзким, обманщиком, клеветником, хищником, лихоимцем и вообще имеющим в себе все низкие качества (41, 648).

Пристрастные к богатству часто не признают самой природы. Такой человек ни родства не знает, ни знакомства не помнит, ни возраста не почитает, ни с кем не дружит, но ко всем проявляет враждебное расположение, больше же **всех** — к самому себе, не потому только, что губит свою душу, но и потому, что обрекает себя бесчисленными заботами, трудами и печальми (42, 597).

Скажи мне, почему ты стоишь, с изумлением смотря на богатство и готовый лететь к нему? Что ты видишь в нем удивительного и достойного остановить на себе твои взоры?.. Тебя привлекают дорогие одежды, а в них сладострастная душа, поднятые вверх брови, суета и волнение? Неужели все это достойно удивления? Чем эти люди отличаются от нищих, которые пляшут на рынке и играют на свирели? Они одержимы сильным голодом добродетели, пляшут свою пляску, которая смешнее пляски **шутов**, — бегают и кружатся то по роскошным обедам, то по домам непотребных женщин, то в толпе льстецов и

тунеядцев. Хотя они и одеты в золото, но особенно жалки, потому что заботятся больше всего о том, что не имеет для них никакого значения. Не смотри на одежды, но раскрой их душу и взглядишь, не полна ли она бесчисленных ран, не одета ли в рубище, не одинока ли она и не беззащитна ли? Какая польза в этом безумном пристрастии к внешнему? Гораздо лучше жить бедным, но быть добродетельным, чем быть царем, но порочным. Бедный сам по себе наслаждается всяким душевным удовольствием и вследствие внутреннего богатства не чувствует наружной бедности. А богатый, наслаждаясь тем, что ему вовсе неприлично, лишается того, что ему в особенности должно быть свойственно, и мучится в душе помыслами и совестью, преследующими его и среди удовольствий. Зная это, отвергнем золотые одежды и усвоим себе добродетель и удовольствие, происходящее от добродетели. Таким образом, и здесь и там мы насладимся многою радостью и достигнем обетованных благ (43, 522).

Кто любит богатство, тот не будет любить даже брата, а между тем нам заповедано ради Царствия любить даже врагов (42, 597).

Душа богатого исполнена всех зол: гордости, тщеславия, бесчисленных пожеланий, гнева, ярости, корыстолюбия, неправды и тому подобного (43, 132).

Богатый не боится голода, но боится за многое другое, часто за самое свое спасение (43, 445).

Над богатыми диаволу нет нужды много трудиться, богатство делает их совершенно готовыми к падению (43, 446).

Рабство богатству тяжелее всякого мучительства, о чем хорошо знают все те, которые удостоились освободиться от него. Для того чтобы и вам узнать эту прекрасную свободу, разорвите узы, бегите от сетей! Пусть у вас в доме хранится не золото, но то, что дороже бесчисленных **богатств,— милостыня** и человеколюбие. Это дает нам дерзновение перед Богом, а золото покрывает нас великим стыдом и помогает диаволу влиять на нас (43, 676).

Богатство имеет только светлую наружность, внутри же исполнено мрака (44, 394).

Приобретение богатства соединено с великим бесчестьем. Оно делает душу низкой, а что постыднее этого? (45, 415).

Чем больше ты будешь богатеть, тем больше будешь рабствовать; если же будешь презирать свойственное рабам, то сделаешься славным в Царском доме (45, 833).

Богатство делает людей безумными (45, 117).

То и ужасно, что тот, кто оставляет здесь нажитые богатства, уходит с бременем грехов, сделанных при обогащении. Выгоды от своих богатств он лишается, а от заслуженного... осуждения не освобождается. Его наследник пожинает плоды его трудов, а наказание несет один он. Тот, кто не приобретал, пользуется и наслаждается, а кто **приобрел—терпит** мучения, получив одну только **выгоду—подвергнуться** наказанию (45, 946).

Нас ожидают Небесные блага, а мы все еще имеем пристрастие к земным и не помышляем о диаволе, который из-за малого лишает нас великого. Дает прах, чтобы похитить Небо, показыва-

ет тень, чтобы отвратить от истины, обольщает сновидениями (ибо ничто иное есть это земное богатство), чтобы, когда настанет день (суда), показать нас беднее всех. **Святитель Иоанн Златоуст (46, 561).**

Не веселись при богатстве, потому что заботы о нем чаще всего и против воли отлучают человека от Бога. **Преподобный Нил Синайский (48, 247).**

Богатым прежде всего надлежит, по заповеди, отложить богатство свое, как тяжелую ношу, препятствующую вести истинную жизнь во Христе, а потом взять крест на плечи и последовать за Господом. Ибо невозможно, чтобы кто-нибудь понес то и **другое** — и богатство и крест. **Преподобный Симеон Новый Богослов (60, 194).**

В евангельском юноше заслуживает похвалы то, что он познал истинного Учителя, и, не обращая внимания на гордость фарисеев, на самомнение законников, приписал это имя единому истинному и благому Учителю. В нем хорошо и то, что, по-видимому, он был озабочен тем, как наследовать Жизнь Вечную. Но, выслушав у истинного Учителя спасительные уроки, он не написал их на сердце своем и наставлений Его не исполнил, а отошел с прискорбием, омраченный страстью корыстолюбия; это избочивает, что воля его не была всецело обращена к истинному благу, но имела в виду привлекательное для большинства людей. Этим же обнаруживается неровность и несогласие с самим собою его нрава. Ты называешь Господа Учителем, а не поступаешь, как ученик? Исповедуешь благим, а пренебрегаешь полученным от Него? Между тем Благой, без сомнения, подает блага. Ты спрашиваешь о Вечной Жизни, а на деле оказывается, что весь ты предан наслаждению жизни настоящей. В самом деле, какое трудное, тяжелое, неудобноносимое слово предложил тебе Учитель? «Продай имение твое и раздай нищим» (Мф. 19, 21). Если бы Он возложил на тебя труды земледельческие, или опасное предприятие по торговле, или еще что-либо более трудное, встречающееся в погоне за прибылью, тогда естественно было бы опечалиться, огорчиться этим повелением. Если же таким удобным путем, не требующим ни труда, ни пота, Он обещает сделать тебя наследником Вечной Жизни, то почему не радуешься удобству спасения, а удаляешься с сокрушенной и сетующей душой и делаешь для себя бесполезными все прежние труды? Ибо если ты, как говоришь, не убил, не прелюбодействовал, не украл, не свидетельствовал ни на кого ложно, то старание свое об этом сам для себя делаешь бесполезным, не присоединив остального, чем одним и мог бы ты войти в Царство Божие. Если бы врач обещал исправить повреждения тела, какие у тебя есть от природы или от болезни, то не благодушно ли выслушал бы ты это? Но когда великий Врач душ хочет сделать совершенным тебя, у которого недостает самого существенного, ты не принимаешь милости, а сетуешь и огорчаешься. Мне кажется, что страсть этого юноши и подобных ему походит на то, как если бы путник, при сильном желании увидеть некий город, неутомимо дошел до самого города, но потом остановился в гостинице под городскими стенами, поленившись сделать последний небольшой переход, обратив в ничто предшествовавший труд и лишившись возможности увидеть красоты города.

...Знаю многих, которые постятся, молятся, воздыхают, являются всякого рода не беззуботочное благочестие, но не дают ни монеты нуждающимся. Какая же для них польза от прочих добродетелей? Их не приемлет Царствие Божие. Потому и сказано: «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие» (Лк. 18, 25). Но хотя приговор так ясен и Изрекший нелжив, однако убежденных немного.

Говорят: «Как же сами будем жить, раздав все? И что это будет за жизнь, если все станут все продавать и отказываться от имения?». Не спрашивай у меня оправдания Владычных заповедей. Законодатель знает, как и невозможное согласовать с законом. Испытывается же сердце твое, как бы на весах, куда оно **склоняется**—к истинной ли жизни или к наслаждениям настоящего. Рассуждающие здраво должны держаться той мысли, что мы можем употреблять богатство, как наставники, а не как имеющие право им наслаждаться. И отказывающиеся от него должны радоваться как уступающие собственность. Для чего же скорбишь? Отчего сетуешь в душе, слыша слова: «продай имение твое»? «Не продаю **имения**,—говоришь,— не даю **нищим**—самому нужно». Следовательно, не **Господь**—твой Учитель, не Евангелие служит правилом для твоей жизни, но сам ты даешь себе законы. Смотри же, в какую опасность впадаешь, рассуждая так! Если Господь предписал нам это как необходимое, а ты отвергаешь как невозможное, то не что иное утверждаешь, как то, что ты разумнее Законодателя. **Святитель Василий Великий (116, 269—271).**

Некоторые обвиняют богатого юношу в том, будто он подошел к Иисусу с хитростью и лукавством, с намерением искусить Его. Но я скорее намерен назвать его сребролюбцем и невольником богатства, ибо в этом же самом и Иисус Христос изблжил его. Укорять же этого юношу в лукавстве я не намерен, ибо не безопасно быть судьей того, чего мы не знаем, и особенно **судьей-обличителем**. Да и [святой евангелист] Марк отдалил это подозрение, когда сказал о нем: «Подбежал некто, пал пред Ним на колени и спросил» (Мк. 10, 17). И дальше: «Иисус, взглянув на него, полюбил его» (Мк. 10, 21). Подлинно, не малое юноша проявил усердие, когда задал Иисусу Христу свой вопрос. Ибо тогда как одни приближались к Иисусу с намерением искусить Его, а другие по причине своих собственных или чужих болезней, он подходит к Нему и беседует о Жизни Вечной. Тучна была земля и способна к плодородию, но терние заглушало посеянное. Ибо смотри, как он до сих пор был готов к выполнению того, что бы ни повелел Иисус Христос. «Что мне **делать**,—говорит **юноша**,—чтобы наследовать жизнь вечную?» (Мк. 10, 17). Вот какова его готовность выполнить повеление Учителя!.. Когда Христос сказал: «Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди» (Мф. 19, 17), он немедленно спрашивает: «какие?» (Мф. 19, 18), и спрашивает не для того, чтобы искушать Иисуса, нет, а предполагая, что кроме заповедей закона есть еще другие (заповеди), которые могут вести в Жизнь Вечную. Так сильно было его желание **спастись**! Когда же Иисус перечислил ему заповеди закона, он говорит: «все это сохранил я от юности моей» и на этом не останавливается, а опять спрашивает: «чего еще недостает мне?» (Мф. 19, 20). И это признак его сильного желания вечного спасения. Ибо немаловажно и то, что он не считал себя закончившим дело спасения, а думал, что высказанное им Иисусу недостаточно к получению желаемого. Поскольку Христос намеревался предписать ему трудную для него заповедь, то сначала Он предлагал награду за исполнение ее: «если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф. 19, 21). Видишь, какую награду и какие венцы обещает Иисус Христос за этот подвиг? Если бы юноша искушал Его, то Он не сказал бы этого. Но Иисус Христос, чтобы привлечь юношу к Себе, обещает ему великую награду, предоставляет все его собственной воле, оставляя в тени трудную сторону Своего повеления. Поэтому, прежде чем говорить о подвиге и труде, Он предлагает юноше награду: «если хочешь быть совершенным» и потом уже говорит: «продай имение твое и раздай нищим». Далее опять награда: «и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною»,

ибо следовать за **Иисусом**—великая награда; «и будешь иметь сокровище на небесах». Речь идет о богатстве; Иисус Христос повелевает юноше оставить его, показывая при этом, что Он не только не отнимает у него богатства, но еще прибавляет к нему новое, превышающее то, которое повелевает раздать, настолько превышающее, насколько Небо выше земли, и еще более. Сокровищем же обозначил превосходство воздаяния над тем, что могло быть отдано, представляя юноше его неизменность и неотъемлемость, насколько это по-человечески возможно. Итак, недостаточно презирать богатство, а надо еще употреблять его в пользу нищих и, что особенно важно, следовать за Христом, то есть делать все то, что Он **повелел**,—быть готовым на страдания и даже на смерть. Ибо Он говорит: «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Лк. 9, 23). Конечно, заповедь проливать кровь свою больше заповеди оставить свое богатство. Однако исполнение последней немало способствует исполнению первой.

«Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение» (Мф. 19, 22). Ибо не столько имеют препятствий на пути ко спасению те, кто имеет малое богатство, сколько те, кто погружен в его бездну, так как страсть к богатству тогда ими совершенно овладевает... Смотри, какую силу и теперь показала эта страсть. Того, кто с радостью и усердием подошел к Иисусу, так помрачила она и так отяготила, что, когда Христос повелел ему раздать имение свое, он не мог даже дать Ему на это никакого ответа и отошел от Него молча, с поникшей головой и печалью. Итак, теперь очевидно, насколько обширна власть богатства. Хотя бы мы в известных отношениях и были добродетельны, богатство истребляет эти добродетели. Поэтому справедливо апостол Павел назвал его корнем всех зол: «корень всех зол есть сребролюбие» (1 Тим. 6, 10).

Что же на это сказал Христос, когда юноша отошел? «Трудно богатому войти в Царство Небесное» (Мф. 19, 23). Этими словами Христос порицает не богатство, а тех, кто к нему пристрастился. А если трудно войти в Царство Небесное богатому, что же сказать о любостяжателе?.. Сказав же, что богатому трудно войти в Царство Небесное, Он добавляет: «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19, 24). Отсюда видно, что немалая награда ожидает того, кто при богатстве может жить благоразумно! Такой образ жизни Христос признает делом Божиим, чтобы показать, что много благодати нужно тому, кто хочет так жить. Когда же ученики смутились, слыша Его слова, Он сказал: «человекам это невозможно, Богу же все возможно» (Мф. 19, 26).

Если хочешь знать, каким образом и невозможное может стать возможным, слушай. Не для того сказал Христос: «человекам это невозможно, Богу же все возможно», чтобы ты ослабевал в духе и удалялся от дела спасения как невозможного, а для того, чтобы ты, осознав высоту предмета, тем скорее принял за дело спасения и в этих подвигах, призвав в помощники себе Бога, получил Жизнь Вечную. Итак, каким же образом невозможно делается возможным? Если ты откажешься от своего имени, раздашь деньги и оставишь злые вождения... Но как, скажешь, можно оставить это? Как может сразу освободиться от столь сильной страсти к богатству тот, кем она уже овладела? Пусть только положит начало раздаче имущества, пусть нуждающимся отделяет свои избытки, а с течением времени сделает больше и легко пойдет вперед. Итак, если сразу всего достичь для тебя трудно, то не пытайся все получить в один раз, но постепенно и мало-помалу восходи по этой лестнице, ведущей на Небо. Как больные горячкой, если принимают какую-либо пищу или питье ... не только не утоляют жажды, а еще сильнее разжигают пламень, так и любостяжатели, по мере удовлетворения своей ненасытной страсти, которая ядовитой желчи, еще более воспламеняют ее. И ничто так легко не прекращает этой страсти, как постепенное ослабление корыстных желаний, подобно тому как малое употребление пищи и питья уничтожает вредное действие желчи... Знай же, что не умножением богатства, а истреблением в себе страсти к нему прекращается зло... Итак, чтобы нам не мучить себя напрасно, да отвергнем постоянно терзающую нас и никогда не успокаивающуюся

любовь к богатству и, возжелав небесных сокровищ, устремимся к другой любви, которая и легче для нас, и может сделать нас блаженными. Здесь труд не велик, а польза бесчисленная, ибо никогда не может лишиться небесных благ тот, кто всегда бодрствует, трезвится, презирает земные блага, тогда как тот, кто порабощен и совершенно предан этим последним, неизбежно лишится их. **Святитель Иоанн Златоуст (116, 271—273).**

«Трудно богатому войти в Царство Небесное» (Мф. 19, 23). Тут подразумевается богатый, который в самом себе видит много способов и много сил к благоденствию. Но коль скоро имеющий много отсечет всякое пристрастие к имению, погасит в себе всякую надежду на него и перестанет видеть в нем свою существенную опору, тогда он становится в сердце тем, что и не имеющий ничего, такому открыта дорога в Царство. Богатство тогда не только не мешает, но помогает, ибо дает способ благотворить. Не **богатство—беда**, а упование на него и пристрастие к нему. Эту мысль можно обобщить так: кто на что уповает и к чему пристращается, тот тем и бывает богат. Кто на единого Бога уповает и прилепляется к Нему всем сердцем, тот богат Богом. Кто на что другое уповает, к тому и сердце свое обращает, кроме Бога, тот этим другим и богат, а не Богом. Отсюда выходит: кто не Богом богат, тому нет входа в Царство Божие. Тут подразумеваются род, связи, ум, чины, **круг** действий и прочее. **Епископ Феофан Затворник (107, 258—259).**

Самолюбие, скупость, сребролюбие и немилосердие вымышляют так много причин и извинений, что их исчислить невозможно. Из-за этих-то причин трудно богатым войти в Царство Небесное (Мф. 19, 23). Они уповают на богатство свое, а не на Бога живого, что есть **идолослужение**. В богатых гнездятся скупость и сребролюбие, гордость и дочь **ее—презрение** бедных и убогих, немилосердие к страждущей братии, пагубная роскошь и прочее. А всему **корень—самолюбие**. Не богатство виновно в гибели богатых, ибо **богатство—Божие** дарование и многие были богаты, но благочестивы... Губит богатых сердце самолюбивое и прилепляющееся к богатству, и отвращающееся от Бога Живого. Поэтому и говорит Давид: «когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердца» (**Пс. 61, 11**). **Святитель Тихон Задонский (104, 25).**

Берегись **роскоши—** естество довольствуется малым

Берегись роскоши, как моровой язвы. Она весьма расслабляет христианскую душу, учит похищать чужое, обижать людей и удерживать руку от подаяния милостыни, что требуется от христианина. Роскошь, как чрево, не знает сытости и, как пучина, все добро пожирает... Так роскошь все пожирает и расслабляет ум. Берегись роскоши. Естество довольствуется малым; похоти и роскоши требуется много (**104, 1606**).

Похоть и роскошь много желает и ищет... она никогда не может насытиться, как не может утолиться жар сердца, сколько бы ни пил больной. Познай и похоть, и естественную необходи-

мость и поступай по требованию естества, а не по желанию похоти (104, 1607).

Сатана, враг душ человеческих, предлагает человеку мысли о прихотях и роскоши и в них запутывает его: как, дескать, хорошо и приятно веселиться, то и то делать, тем и тем себя утешать, в гости ездить и гостей принимать, и прочее. Так замышляет супостат, чтобы человек этот мир за свое отечество и рай считал, а о будущем блаженстве забыл бы и так бы погиб; чтобы также он ко всякой неправде и обидам бедных людей, чему роскошь учит, стремился и так скорее, запутавшись во зле, погиб. Такова его хитрость и замысел! Сильная и действительная диавольская уда есть роскошь, которая уловляет христианские души и влечет за собой в вечную гибель (104, 1607—1608).

С роскошью умножается всякое зло и поедает души человеческие, как пожар, который, начавшись в одном доме, сжигает весь город или село, или как моровая болезнь, которая, начавшись в одном человеке, многих находящихся вокруг заражает и умерщвляет (104, 1608).

Роскошь и **скупость** — противоположные сестры, но обе смертоносно заражают человеческие сердца. Одна расточает, другая хранит и учит стеречь богатство, но обе на гибель человеческую. Одна расслабляет, другая связывает человека, но и та и другая умерщвляют его душу (104, 1610).

Когда о блаженной и мучительной вечности будешь размышлять, то это размышление, как ветер мглу, развеет твои мысли о прихотях и роскоши, и ничего не потребуешь, кроме нужного. Похоти и роскоши много надо, естество довольствуется малым (104, 1611).

Кто богат и кто убог? Богат, кто более не желает, но довольствуется тем, что имеет; убог, кто более и более желает. Сытым называем, кто есть не хочет, голодным, кто хочет; так богатым нужно назвать того, кто более не желает, и убогим, кто более желает богатства. Ни клеть, ни сундуки, ни карман богатыми называются, но человек. Следовательно, хотя кто и пустые сундуки и клеть имеет, но довольствуется тем, что имеет, богат, а хотя кто и полные сундуки имеет, но более желает, убог и беден, ибо в сердце ничего не имеет; не имеет, потому и желает. Многого тому недостает, кто многого желает; мало тому недостает, кто мало желает; ни в чем нет недостатка у того, кто ничего не желает. Есть у него **что — хорошо**, нет **чего — и** то хорошо: имением и неимением, богатством и убожеством доволен. Пищи и одеяния довольно ему. Блаженно такое сердце! **Святитель Тихон Задонский (104, 26).**

Не будем почитать богатство великим благом: великое **благо** — не деньги нажить, но стяжать страх Божий и благочестие (36, 38).

Станем презирать имущество, чтобы не презрел нас Христос, станем пренебрегать богатством, чтобы приобрести (истинное богатство). Если мы будем беречь его здесь, то, несомненно, погубим и здесь, и там, а если будем раздавать его со многою щедростью, то в той и другой жизни насладимся великим благополучием. **Святитель Иоанн Златоуст (43, 556).**

ЛЮБОСТЯЖАНИЕ

«**Не** можете служить Богу и маммоне»

(Мф. 6, 24).

Грешный человек любит многостяжание, а о правде нерадит, не помышляя о неверности, непостоянстве и кратковременности жизни, не помня о неподкупности и неизбежности смерти. Если же кто и в старости живет так постыдно и бессмысленно, то он, как гнилое дерево, не годится ни на какое дело. Преподобный Антоний Великий (66, 82).

Не надо заботиться ни о чем сверх необходимого для жизни и прилагать старание о пресыщении и о пышности: надо быть чистым от всякого стяжания и шегольства (6, 353).

В чем состоит любостяжание? В том, что преступается предел закона, и человек больше заботится о себе, чем о ближнем. Святитель Василий Великий (8, 201).

Пределом твоей заботы о жизни пусть будет удовлетворение нужды тем, что у тебя есть (17, 444).

Любостяжание не дает никакого покоя своему служителю, который чем больше работает, услуживая велениям владыки и приобретая по его пожеланиям, тем к большему понуждается труду (17, 301).

...Ибо **мучительство, любостяжательности** превосходит меру всякой жестокости. Поработив бедную душу, оно всегда принуждает исполнять свои ненасытимые пожелания, непрестанно принимая в себя и никогда не наполняясь, подобно какому-то многоглавому зверю, тысячами челюстей передающему пищу в **ненаполни-**мое чрево, не только нimalo не насыщаемое, но всегда разжигаемое желанием большего. Святитель Григорий Нисский (18, 430).

При любостяжательности не может быть любви. Да и как ей быть? Кто пристрастился к деньгам, тот ненавидит брата, стараясь отнять у него что-нибудь... (27, 367).

Если идешь путем к Царству, ничем не обременяй себя, ибо не угодно Богу, чтобы ты вошел в Его чертог, обремененный ношей. Если идешь к Царству, сбрось с себя лишнее. Разве будет чего-нибудь не доставать тебе в Царстве? Будь благодарен. К Своей Трапезе призывает тебя Бог; сбрось всякое бремя. Соберись в путь без бремени и иди с Богом в Царство Его. Он ищет тебя, чтобы ты с Ним шел и с Ним вселился в Его чертог. Смотри, Царство Божие внутри тебя, грешник. Войди в самого себя, ищи там Царства и без труда найдешь его. Не гоняйся за приобретением имения, вырвись из сетей похотей, из тенет греха, из дебрей лихоимства. Войди в самого себя, живи в себе, в тишине внутреннего, с умеренной и чистой душой, с покойным и смиренным духом. Войди в себя самого и ищи там Царства Божия, оно действительно там, как Сам Господь научил нас в Евангелии. В душе, любящей Бога, обитает Бог, там и Царство Его, потому-то и **говорит** Он, что «Царствие Божие внутри нас

есть» (Лк. 17, 21). Итак, вырвемся из сетей внешнего мира и будем в душах своих искать Царствия Божия; пока не найдем его там, не перестанем искать. И если не вселилось оно еще в нас, будем искать, как Господь учил нас: «Отче наш... да приидет Царствие Твое», и оно придет, если будем об этом просить. Преподобный Ефрем Сирин (28, 334).

Отцы наши хранили воздержание и нестяжание, а мы расширили наше чрево и наши кладовые. Авва Афанасий (82, 72).

Если Сотворивший все единым Словом не имел «где приклонить голову» (Мф. 8, 20), то ты, несчастный человек, зачем предаешься попечениям о суетном, зачем ослепляешься безумной несытостью? Рассмотрим это и избери для себя благое. Преподобный авва **Исаия** (82, 153).

Что возлюбил человек в этом мире, то и обременяет его мысль, влечет и пригибает к земле, не дает ей воспрянуть. Преподобный Макарий Египетский (33, 399).

Любостяжание — злая мать всех зол (34, 86).

Душа не в состоянии преодолеть восстания духов, если не освободится от всех забот и попечений мира сего. Преподобный авва **Исаия** (34, 158).

Сильная и готовая на все любовь к стяжанию, не зная сытости, вынуждает плененную душу идти до крайнего предела зол. Будем отражать ее, особенно в самом начале, чтобы она не стала неодолимой (41, 94).

Как не бывает моря без волн, так и души, погруженной в **заботы**, — без скорбей, без страха; за первыми следуют другие, их сменяют третьи и не успеют они утихнуть, вздымаются новые (41, 419).

Ничто так не подчиняет нас диаволу, как желание большего и любостяжание (41, 135).

Когда злой навик или страсть к любостяжанию будет сильно обольщать Тебя, вооружись против них такой мыслью: презрев временное удовольствие, я получу великую награду. Скажи своей душе: ты скорбишь о том, что я лишаю тебя удовольствия, но радуйся, потому что я готовлю для тебя Небо. Ты трудишься не для человека, но для Бога; потерпи немного и ты увидишь, какая произойдет отсюда польза; пребудь твердой в настоящей жизни и ты получишь неизреченную свободу. Если таким образом будем беседовать с душою, если будем представлять не одну тягость добродетели, но и венец ее, то скоро отвлечем ее от всякого зла (41, 188).

Человек, слишком занятый земными делами, не может должным образом усвоить небесного, но по необходимости, заботясь об одном, лишается другого (42, 61).

Душа, однажды плененная любостяжанием, уже не может легко и удобно удерживаться, чтобы не сделать или не сказать чего-либо такого, что прогневляет Бога, так как она стала рабой другого господина, который повелевает ей все, противное Богу (42, 61).

Любовь к богатству — страсть не естественная... Отчего же она усилилась? От тщеславия и крайней беспечности (42, 496).

Лихоимец отдается от Бога, как и идолослужитель (45, 150).

Проклят жертвенник любостяжания! Если придешь к жертвеннику идолов, чувствуешь от него запах крови козлов и крови быков; если же подойдешь к жертвеннику любостяжания, почувствуешь тяжелый запах человеческой крови. А если остановишься здесь, то не увидишь ни сжигаемых птиц, ни запаха от них и поднимающегося дыма — увидишь принесенные в жертву человеческие жизни. Одни бросились с крутизны, другие накиннули на себя петлю, третьи перерезали горло. Ты видел жертвы грубые и бесчеловечные. Хочешь ли посмотреть на еще более жестокие? Я покажу тебе не только человеческие тела, но и закланные человеческие души. Заклание душ преимущественно и совершается на жертвеннике любостяжания (45, 152).

До каких пор будет продолжаться это неистовство наживы? До каких пор будет сжигать неугасимая печь? Разве вы не знаете, что этот пламень переходит в вечный неугасимый огонь? (45, 283).

Как погасить пламя любостяжания? Можно погасить, даже если оно поднялось до неба. Стоит только захотеть — и мы, без сомнения, одолеем это пламя. Как оно усилилось вследствие нашего желания, так от желания и уничтожится. Разве не наша свободная воля зажгла его? Следовательно, свободная воля в состоянии будет и погасить, только пожелаем. Но каким образом может явиться в нас такое желание? Если обратим внимание на суетность и бесполезность богатства, на то, что оно не может нам сопутствовать в Вечную Жизнь; что и здесь оно оставляет нас; что даже если оно пребывает здесь, раны от него идут с нами туда. Если посмотрим, как велики богатства, уготованные там, и если сравним с ними земное богатство, то оно покажется ничтожнее грязи. Если заметим, что оно подвергает бесчисленным опасностям, что оно доставляет только временное удовольствие, смешанное с огорчением, если хорошо рассмотрим иное богатство, то есть то, которое уготовано в Вечной Жизни, тогда будем иметь возможность презреть богатство земное. Если вникнем в то, что богатство нисколько не приумножает ни славы, ни здоровья, ни чего-либо другого, а, напротив, погружает нас в бездну гибели, если узнаем, что несмотря на то, что здесь ты богат и имеешь много подчиненных, отходя туда, ты отойдешь одиноким и нагим, — если все это мы будем часто повторять и слышать от других, то, может быть, к нам возвратится здоровье, и мы избавимся от этого тяжкого наказания (45, 748).

Насколько душа выше тела, настолько тяжелее раны, которые мы наносим себе каждый день заботами, соединенными со страхом и опасениями (46, 171).

Руки даны для того, чтобы ты простирали их на молитву, но если ты не ведешь себя трезвенно, ты простираешь их на любостяжание (46, 551).

Сбросим и мы бремя грехов, подобно Закхею... Перестанем похищать и начнем раздавать милостыню. Ибо если одно поднимает падающего, как милостыня, а другое тянет его на землю,

как корыстолюбие, такое сражение противоположных сил разрывало бы человека. Итак, чтобы с нами этого не случилось, да не влечет нас к земле корыстолюбие и да не оставляет милостыня; так сделаемся мы легкими и взлетим. **Святитель Иоанн Златоуст (116, 317—318).**

Из людей любостыжательных и обидчиков одни знают, а другие и не знают, что грешат неисцелимо. Ибо неспособность чувствовать недуг, в котором **находишься**, — следствие усиления нечувствительности, которое заканчивается совершенным бесчувствием и омертвлением. Поэтому таких людей более всего надо жалеть. Делать **зло — более** достойно сожаления, чем терпеть зло. Тем, которые делают зло (обижая людей из-за любостыжания), угрожает крайняя опасность, а у тех, которые терпят, ущерб касается только имущества. Притом первые не чувствуют своего сугубого омертвления... как дети, которые ни во что ставят то, что действительно страшно, и могут сунуть руки в огонь, а увидев тень, приходят в страх и трепет. Подобное этому бывает и с любителями стяжания: боясь бедности, которая не страшна, но еще и хранит от многих зол и содействует скромному образу мыслей, принимают за нечто великое несправедливое богатство, которое страшнее огня, потому что обращает в прах и мысли, и надежды обладающих им. Преподобный Исидор Пелусиот (51, 40).

Кто хочет предстать перед Богом с чистым умом, но смущает себя попечениями, тот подобен крепко сковавшему себе ноги и покушающемуся быстро идти. **Преподобный Иоанн Лествичник (57, 226).**

Брат спросил старца: «Благослови мне иметь у себя две златницы по немощи тела моего». Старец, видя, что он желает удержать их у себя, сказал: «Имей». Брат возвратился в келлию, и его начали тревожить помышления: «Как ты думаешь? Благословил ли тебя старец иметь деньги или нет?». Встав, пришел он опять к старцу и так спросил его: «Ради Бога, скажи мне истину, потому что помышления смущают меня по поводу двух златниц». Старец отвечал: «Я видел твое произволение иметь их, потому и сказал тебе: имей их, хотя и бесполезно иметь более, чем сколько нужно для тела. Две златницы составляют надежду твою, как если бы Бог не промыслил о нас. Но может случиться, что ты потеряешь их, тогда погибнет и надежда твоя. Лучше возложи надежду на Бога, потому что Он печется о Нас». **Отчечник (82, 460—461).**

Священное Писание называет сребролюбие **идолослужением**: сребролюбие переносит любовь сердца (в вере и надежде) от Бога к деньгам, делает деньги богом, истинного Бога уничтожает для человека... **Нестяжание** — один из обетов монашества; нестяжанием и девством или непорочным вдовством монахи отличаются от мирянина, обязанного соблюдать все заповеди Христовы наравне с монахом: отвержение нестяжания есть отвержение монашества, есть попрание обетов, данных при пострижении в монашество... **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (82, 461).**

Инок монастыря аввы Феодосия рассказали такой случай. По уставу основателя их обители у них был обычай в Великий Четверг всем приходящим к ним убогим, вдовам и сиротам выдавать по известной мере пшеницы, вина и меда и по пять медных монет. Но однажды в окрестностях монастыря случился неурожай и хлеб стал продаваться по

дорогой цене. Наступил пост, и братия сказали игумену: «Отче, не раздавай в этом году пшеницу, потому что у нас ее мало, придется покупать по дорогой цене и оскудеет наш монастырь». Игумен отвечал: «Зачем нам оставлять благословение нашего отца? Он позаботится о нашем пропитании, а нам нехорошо преступать его заповедь». Иноки, однако, не переставали упорствовать и говорили: «Нам самим мало, не дадим!». Опечаленный игумен, видя, что увещания его ни к чему не ведут, сказал: «Ну, делайте как знаете». Наступил день раздачи, и бедные ушли ни с чем. Но что же случилось? Когда после этого инок вошел в житницу, он к ужасу своему увидел, что вся пшеница заплесневела и испортилась. Все узнали об этом. А игумен сказал: «Кто преступает заповеди настоятеля, тот бывает наказан. Раньше мы раздавали по пятьсот мер пшеницы, а теперь пять тысяч мер погубили и сделали двойное зло: преступили заповедь нашего отца и возложили надежду не на Бога, а на житницы наши». **Пролог в поучениях (81, 716—717).**

СРЕБРОЛЮБИЕ

«Любящий золото не будет прав»

(Сир. 31, 5).

Нет ничего столь тяжелого и неприступного во вражеском ополчении, как орудие сребролюбия. Хотя бы наилучшим образом оградилась души стройной связью других добродетелей, но, тем не менее, и через них нередко проникает это стенобитное орудие. Можно видеть, что и при целомудрии вторгается любостяжание, при вере, при хранении Таинств, при воздержании и смирномудрии и при всем подобном бывает это тяжкое и непреодолимое приращение зла. Поэтому некоторые воздержные, целомудренные, пламенеющие верою, люди строгого образа жизни, со скромными нравами, не в состоянии бывают противостоять только этой болезни. **Святитель Григорий Нисский (18, 350).**

Страсть к деньгам... сильнее и неистовее других страстей и может причинить больше скорби не потому только, что жжет сильнейшим огнем, но и потому, что не поддается разумному облегчению и гораздо усерднее (35, 63).

Пристрастившиеся к деньгам неизбежно бывают и завистливы, склонны к клятвам, вероломны, дерзки, злоречивы, исполнены всех зол, хищны и бесстыдны, наглы и неблагодарны (35, 90).

Сребролюбец есть страж своего имени, а не владелец; раб, а не господин. Для него легче отдать часть своего тела, чем уделить сколько-нибудь из своего богатства (36, 34).

Кто стал служить маммоне, тот уже отказался от служения Христу (38, 57).

Те, которыми овладела безумная страсть и любовь к собиранию богатства, истощают на это все свои силы и никогда не насыщаются, потому что сребролюбие есть ненасытное опьянение (38, 211).

Как пьяные, чем больше вливают в себя вина, тем большей распаляются жаждой, так и сребролюбцы никогда не могут остановить этой неукротимой страсти, но чем более возрастает их имущество, тем сильнее разжигаются они корыстолюбием и не отстают от этой страсти, пока не низринутся в самую бездну зла (38, 211).

Имение сребролюбца нередко разделяют между собою многие, а грехи, сделанные им из-за этого имения, уносит с собою он один (38, 336).

Сребролюбцы... не наслаждаются и тем, что имеют, как потому, что не уверены в своей безопасности, так и потому, что устремлены к тому, чего еще не получили (41, 816).

Нет безумнее человека, раболепствующего богатству. Одолеваемый, он представляет себя повелителем; будучи рабом, почитает себя господином; связав себя узами, **радуется**; проявляя звериную лютость, веселится; находясь в плену (у этой страсти), торжествует; видя бешеного пса, нападающего на его душу, вместо того, чтобы связать и изнурить его голодом, доставляет ему обильную пищу, чтобы он еще более нападал на него и был еще ужаснее (41, 537).

Заметьте вы, сребролюбцы, и подумайте, что стало с предателем Иудой. Как он и денег лишился, и душу свою погубил. Такова тирания сребролюбия. Ни деньгами не воспользовался, ни жизнью настоящей, ни жизнью будущей, но вдруг лишился всего...(41, 848).

Какая польза, если кто даже смиряется и соблюдает посты, но при этом сребролюбив, любостяжатебен и, будучи привязан к земле, вводит в свою душу мать всех **зол—сребролюбие**? (42, 269).

Удивляюсь тем, кто не пренебрегает деньгами. Это признак души, исполненной крайней лени, души... не представляющей себе ничего великого (43, 78).

Если бы даже не было диавола, если бы никто не работал против нас, и в таком случае бесчисленные пути отовсюду ведут сребролюбца в геенну (43, 77).

Сребролюбие не в том только, чтобы любить множество денег, но и вообще в любви к деньгам. Желать более, чем нужно,— великое сребролюбие. Разве таланты золота склонили предателя? Всего тридцать сребреников; за тридцать сребреников он продал Владыку (45, 273).

Отсеки эту страсть; она рождает следующие болезни: делает нечестивыми, ведет к забвению Бога, несмотря на Его бесчисленные благодеяния... Немаловажна эта страсть, она способна произвести тысячи гибельных смертей (45, 273).

Освободим себя и погасим пристрастие к деньгам, чтобы воспламенить желание небесного. Ведь не могут эти два стремления совмещаться в одной душе (45, 695).

Пусть же не воспламеняется и не овладевает тобою сребролюбие, но пусть пожигается и истребляется эта безумная страсть духовным огнем, пусть отсекается мечом Духа. Это будет добрая жертва... жертва прекрасная, которая приносится на земле, но тотчас принимается на Небо (46, 106).

Будем же пренебрегать деньгами, чтобы не пренебречь своей душой (46, 172).

Деньгами должно владеть, как подобает **господам,— так**, чтобы мы властвовали над ними, а не они над нами. **Святитель Иоанн Златоуст (46, 564).**

Если воздействует на тебя сребролюбие, этот «корень всех зол» (1 Тим. 6, 10), и, обратив к себе все чувства, приводит в такое неистовство, что впадаешь в **идолослужение**, то твердо отвечай ему верным словом: «написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи» (Мф. 4, 10). И действие яда кончится, и ты вполне отрезвишься (50, 244).

Из-за любви к деньгам вражда, драки, войны; из-за нее убийства, разбои, клевета; из-за нее не только города, но и пустыни, не только обитаемые страны, но и не населенные дышат кровью и убийствами... Из любви к деньгам извращены законы родства, потрясены уставы природы, нарушены права самой сущности... Сколько бы зол ни отыскал кто в народных собраниях, или в судилищах, или в домах, или в **городах**, — увидит в них отростки этого корня. Преподобный **Исидор** Пелусиот (50, 413).

Сребролюбие — вне человеческой природы, это ясно видно, потому что не имеет в нас главного начала, начинается не от вещества, которое бы относилось к участию души, или плоти, или сущности жизни. Ибо известно, что ничего, кроме ежедневной пищи и питья, не является потребностью нашей природы; все прочие вещи, с каким бы старанием и любовью ни хранились, чужды человеческой потребности, как это видно из их употребления в самой жизни. **Авва Серапион** (53, 245).

Кто не подает необходимого бедным, и свои деньги, которые бережет по недоверчивой скупости, предпочитает заповедям Христовым, тот впадает в порок идолопоклонства, так как любовь к мирскому веществу предпочитает любви Божией. **Авва Херемон** (53, 384).

Другие страсти насаждены в человеческой природе как бы врожденные, они имеют в нас начала, сросшиеся с плотью, рождаются почти вместе с нами, предваряют различие добра и зла и хотя сначала увлекают человека, однако побеждаются долгим трудом... А страсть сребролюбия, привходя позднее, извне навязывается душе, оттого легче можно предостеречься и отвергнуть ее. Но будучи оставлена в пренебрежении и однажды закравшись в сердце, она бывает губительнее всех, и ее труднее прогнать. Ибо она становится корнем всех зол, доставляя многочисленные поводы к порокам (53, 84).

Болезнь сребролюбия, будучи однажды принята, с большим трудом изгоняется. Потому эта болезнь никому не должна казаться маловажной, какой можно пренебрегать. Как легко можно уклониться от нее, так, когда она обладает кем-нибудь, она едва позволяет воспользоваться лекарствами для исцеления. Ибо она есть вместилище пороков, корень всех зол и становится неистребимым подстрекателем к злу (53, 86).

С умножением денег увеличивается и неистовство страсти сребролюбия. Она ищет оправдания в надежде на долгую жизнь, преклонную старость, разные и продолжительные немощи, которые не могут быть переносимы в старости, если в молодости не будет заготовлено побольше денег. От таких рассуждений становится жалкой душа, связанная змеиными узами, когда желает

умножить дурно собранное имение с недостойным старанием. Такая душа сама себя поражает язвой, жестоко распаляется ею и, всецело занятая помышлением о прибыли, ни на что другое не смотрит взором сердца, как только на то, где можно достать денег... Из-за этого человек не устрашится допустить злодеяние лжи, ложной клятвы, воровства, нарушить верность, воспламениться вредным гневом. Если как-нибудь потеряет надежду на прибыль, то не побойтся нарушить честность и смирение, и как другим чрево, так ему золото и надежда корысти заменяют Бога. Потому святой апостол, имея в виду зловредный яд этой болезни, назвал ее не только «корнем всех зол» (1 Тим. 6, 10), но и идолослужением (Кол. 3, 5) (53, 88).

Воин Христов до тех пор будет победителем, безопасным и свободным от всякого нападения страсти, пока непотребный дух не посещет в его сердце начала сребролюбия (53, 96).

Сребролюбцев можно считать прокаженными умом и сердцем, подобно Гиезиу (4 Цар. 5, 27), который, пожелав тленных денег мира сего, был поражен язвой проказы. Это служит очевидным примером **того**, что всякая душа, оскверненная страстью, поражается духовной проказой пороков и, нечистая перед Богом, подвергается вечному проклятию. **Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (53, 98).**

Сребролюбие может оправдывать накопительство под предлогом раздания милостыни, а оканчивается ненавистью к бедным (57, 132).

Не говори, что собираешь деньги ради нуждающихся, ибо и две лепты вдовицы купили Царство Небесное (57, 131).

Вера и удаление от мира есть смерть для сребролюбия. **Преподобный Иоанн Лествичник (57, 210).**

Тот, кто вожделеет денег, осуждается как сребролюбец, хотя бы совершенно ничего не имел. **Преподобный Симеон Новый Богослов (61, 235).**

Страсти, порождаемые сребролюбием, делают трудно **победимым** неверие в Божественное Промышление. Неверующий в это Промышление опирается на богатство своею надеждой. Такой, хотя слышит слова Господа, что «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19, 24), ни во что вменяя Царство Небесное и Вечное, вожделеет к земному и преходящему богатству. Даже если этого богатства еще и нет в руках, тем самым, что его вожделеют, оно приносит величайший вред. Ибо «желающие обогащаться впадают в искушение», как говорит апостол Павел (1 Тим. 6, 9), и сети диавольские... Эта несчастная страсть не от бедности, а скорее сознание бедности от нее, сама же она от безумия, ибо справедливо Владыка всяческих Христос назвал безумным **того**, кто сказал: «сломаю житницы мои и построю большие» (Лк. 12, 18). Ибо как не безумен тот, кто ради вещей, которые не могут принести никакой существенной пользы, «ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения» (Лк. 12, 15),— ради таких вещей предает

самое полезное (Вечные блага). **Святитель Григорий Палама** (70, 288).

«Когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердца», — говорит пророк (**Пс.** 61, И). Великое безумие прилагать сердце к золоту и уповать на гибельное лихоимство. Итак, не надейся на тленное богатство и не спеши за золотом, ибо, как сказано: «Любящий золото не будет прав» (Сир. 31, 5), но возлагай упование на Бога живого (1 Тим. 4, 10), Который пребывает вовеки и все сотворил.

Не бойся оскудения ни в чем, ибо прежде ты не имел **ничего** — теперь же имеешь и если не **имеешь — будешь** иметь. Ибо не оскудел Тот, Кто все создал, и никогда не оскудеет. Крепко веруй этому: не оскудел Приведший все из небытия в бытие; Дающий пищу алчущим, Насыщающий всякое животное преизобилует во всем. Не будь скуп в подаении просящим и не отвращайся от Того, именем Которого у тебя просят; дай **все** — Дающему тебе, да примешь от Него сторицей.

Не гонись за многим, но будь благодарен за малое. Ибо все гонятся за многим, все ищут многого, все обо всем пекутся, однако, оставив все до малейшего, ничего не смогут отсюда взять с собой. Лучше за малое быть благодарным, чем неразумно гнаться за многим. «Малое у **праведника — лучше** богатства многих **нечестивых**», — говорит пророк (**Пс.** 36, 16). Ибо все, что здесь добудешь и что приобретешь, останется на земле; ты же, все оставив, с обнаженной душой вселишься во гроб. **Святитель Димитрий Ростовский** (103, 1055—1056).

Замечай здесь, христианин, к чему ведет сребролюбие своих поклонников. Иуда не ужаснулся продать за такую малую цену бесценного Христа, своего Благодетеля и Учителя, и так купил себе вечную гибель. То же предстоит и прочим сребролюбцам, которые не ужасаются делать всякое зло, чтобы обогатиться (104, 1974).

Лихоимство — страсть крайне развращенных людей, у которых кроется в сердце безбожие, хотя устами они и исповедуют Бога. Это признак человека, превратившегося в хищного зверя, который без разбора нападает на всякое животное, чтобы насытиться плотью и кровью его, или даже хуже зверя, как учит святой Златоуст. Ибо звери, насытившись, более не устремляются на животных, а корыстолюбцы никогда насытиться не могут, но всегда алчут и жаждут чужого добра... и чем более собирают, тем более желают и похищают (104, 1975).

Лихоимство опаснее прочих беззаконий. Блуднику, злобному, пьянице и прочим нужно только отстать от грехов и покаяться, чтобы спастись, а лихоимцу не только нужно отстать от лихоимства, но и похищенное возвратить тому, у кого похитил, или, если это сделать невозможно, расточить то, что собрал недобрыми средствами, и так покаяться, иначе ему и каяться невозможно (104, 1975—1976).

Сребролюбие и лихоимство не только другим причиняют зло, но и своих ревнителей ввергают в бедствия. Так, Гиезий, отрок

пророка Божия Елисея, который тайно взял серебро и ризы у Неемана сириянина, исцелившегося Божией благодатью и возвратившегося в дом, по праведному суду Божию был поражен этой проказой (4 Цар. 5, 20—27). Так, Иуда-предатель, который бесценного Христа, Сына Божия, не побоялся продать за тридцать сребренников, принимает казнь, достойную сребролюбия, и сам себя умерщвляет удушением (Мф. 26, 15—16; 47—49)... А даже если кто и избежит временной казни, ибо не все беззаконники наказываются здесь по неведомым судьбам Божиим, то не избежит вечной казни, которая непременно последует как для прочих беззаконников, так и для лихоимцев (104, 1978).

Сребролюбие, как и всякая страсть, гнездится в сердце человека и обладает сердцем. Следовательно, не только тот сребролюбец, который на самом деле всяким способом собирает богатство и хранит у себя, не уделяя требующим, но и тот, кто хотя не собирает и не имеет, но ненасытно желает его. Не только тот лихоимец и хищник, кто на самом деле похищает чужое, но и тот, кто неправедно желает чужого, что является грехом против десятой заповеди: «Не пожелай...». Ибо в воле своей он лихоимствует и похищает чужое, а что не исполняет этого на деле, то не от него зависит, а от внешнего препятствия, которое не допускает его к похищению чужого добра (104, 1980).

Видим, сколько человек собирает ради убогого и смертного своего тела, которое малым куском хлеба и каким-нибудь одеянием довольствуется, сколько, говорю, собирает, хотя и знает, что при смерти все оставит; это действует в нем сребролюбие и лютая похоть богатства, гнездящаяся в сердце. Святитель Тихон Задонский (104, 1981).

Желающие обогатиться впадают в напасти и сети, которые приготовляет им самое их стремление к обогащению. Первым плодом этого стремления является множество попечений и забот, отводящих ум и сердце от Бога (109, 145).

Корень всех грехов... есть сребролюбие, а после сребролюбия... **чревообъядение**, сильнейшее и обильнейшее выражение которого — пьянство. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (111, 375).

Некий монах в Нитрии, скорее бережливый, чем скупой, занимался тем, что ткал полотна и, забыв, что за тридцать сребренников был продан Господь наш Иисус Христос, накопил сто златниц. Монах умер, златницы остались. Монахи собрались для совещания, что делать с деньгами. Там жили около пяти тысяч монахов, каждый в отдельной келлии. Одни предлагали раздать деньги нищим, другие отдать в церковь, **некоторые** — передать родственникам. Но Макарий, Памво, Исидор и другие святые отцы, по действию обитавшего в них Святого Духа, определили: похоронить деньги вместе с хозяином их и при этом сказать почившему: «серебро твое да будет в погибель с тобою» (Деян. 8, 20). Это событие навело такой ужас на всех монахов Египта, что с того времени они признавали за тяжкий проступок иметь в запасе даже одну златницу. Это действие могло показаться жестоким, но отцы были лишь орудиями Святого Духа. **Отечник** (82, 461—462).

ПАСТЫРСТВО*

Созидание Тела Христова

(Еф. 4, 12)

Учащий должен поставить себе **целью — всех** возвести «в меру полного возраста Христова» (Еф. 4, 13), и притом каждого в собственном его призвании. **Святитель Василий Великий** (6, 399).

Цель **учения** — открыть душу, вырвать ее у мира и предать Богу; сохранить образ Божий, если он цел; поддержать, если он в опасности; обновить, если поврежден; вселить Христа в сердца Духом; короче сказать, того, кто призван к Горнему миру, — сделать богом и причастником горнего блаженства. **Святитель Григорий Богослов** (11, 30).

Учи ближнего не тому пути, который отводит в мир, но тому, который вводит в Царство Небесное. **Преподобный Ефрем Сирин** (25, 219).

Благоговейный и скромный иерей, к закону присоединив страх и скромность растворив властью, насколько это зависит от него, изгоняет всякое помышление о грехе в подчиненных ему; внимающих слову врачуя словом, и непослушных умудряя наказаниями по законам, и этим ведя к тому, чтобы впредь не грешили. **Преподобный Исидор Пелусиот** (51, 41).

В Церкви, совмещающей в себе благодатные средства спасения, должны быть известные лица, которые, действуя по ее разуму, этими средствами доставляли бы от ее лица другим нужное ко спасению. Они и есть. Это пастыри, составляющие священноначальное епископство и подначальное священство, которое есть расширение епископства...

Святые делаются святыми через пастырей. Не то это значит, чтобы им принадлежала собственная сила или они были источниками сил, но то, что они стоят на середине, на переходе от земли к Небу, и то людей возводят к Богу, то Бога к людям преклоняют. Что делал Иоанн Креститель? Людей приводил к Богу. То же теперь делают пастыри, по воле Господа...

...Епископство — корень пастырства. Оно изливает благодать от Бога через Священство на весь мир, особенно же на верующих. Так, никто не приходит к Богу и от Него не получает милостей иначе как через священные лица, посредством известных учреждений, содержимых Церковью.

* См. также т. 1, с. 357—361, 719—723; т. 3, с. 790—794 настоящего издания.

...Дело пастыря есть дело апостольское, и дух пастыря должен быть апостольский. **Это — живая** и деятельная ревность о спасении душ. **Епископ Феофан Затворник**. Начертание христианского нравоучения. М., 1891, с. 401—402, 495.

**«Идите за Мною,
и Я сделаю вас ловцами **человеков**»**
(Мф. 4, 19)

Читаем у евангелиста Иоанна, что Христос, после восстания из мертвых, троекратно вопрошал Петра: «Симон **Ионин!** любишь ли ты Меня?», и Петр отвечал: «Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя». Тогда Христос сказал ему: «Паси овец Моих» (Ин. 21, 15—17). Из этого видим, что пастыри, когда хотят проявить свою любовь ко Христу, должны проявить ее на **деле** — пасти овец Его. Христос любит Своих овец, ибо стяжал их Кровию Своею. Поэтому если кто хочет любить Христа, как каждый должен, тот должен любить овец Его, и пасти их, и представить их Ему целыми, не нерадеть о них, как делают наемники. **Святитель Тихон Задонский (104, 1336)**.

Попечение о стаде Христовом является преимущественным признаком любви к самому Христу, так как для этого нужна мужественная душа (43, 833).

Учитель имеет нужду в благодати Божией и мире. Если он без них будет управлять народом, то все распадётся и погибнет за отсутствием у него кормила. Хотя бы он и был опытным в управлении, но если не будет иметь этого **кормила — благодати** и мира от Бога, то потопит корабль и плывущих (45, 843).

Если не можешь обратить сотни, позаботься о десятке; если и десяти не можешь, не пренебрегай и пятью; если и пять не можешь, не презирай и одного. Бог определяет венцы, сообразуясь не с числом исправленных, а с намерением исправляющих. **Святитель Иоанн Златоуст (46, 526)**.

Руководители — пастыри и учителя, которых Господь дал Церкви (Еф. 4, 11—13), и их устами Сам изрекает необходимое всякому направляющее указание, (изрекает) тем, кто обращается к ним с верой и молитвенным обращением к Господу. Истину эту знают самоотверженно идущие путем Господним и без жалости к себе ведущие брань с врагами спасения. Они в своих пастырях всегда встречают помощь и вразумление, когда, смотря со стороны, и ожидать бы ее нельзя было. Ибо не к людям приходят, а к Господу, всегда готовому руководить и вразумлять через этих людей всякого, искренне и с верой ищущего у Него помощи. **Епископ Феофан Затворник (107, 18—19)**.

«Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники» (Ин. 10, 8), сказано не о пророках и не о Законе (как хотелось бы отвергающим Ветхий Завет, которым руководились к вере и мы, уверовавшие, услышав от Христа указания на Писания, свидетельствующие о Нем), но о лжепророках, о которых Он Сам сказал: «Я не посылал пророков сих, а они сами побежали» (Иер. 23, 21). Ибо не сказал: все, сколько их послано, но: «сколько их ни приходило»; пророки

же были посланы. Моисею было сказано: «пойди: Я пошлю тебя к фараону» (Исх. 3, 10). И **Исаия** слышал «голос Господа, говорящего: кого Мне послать? и кто пойдет для Нас? И я сказал: вот я, пошли меня» (Ис. 6, 8). А лжепророки и пытавшиеся стать начальниками и предстоятелями, каковы были Февда, Иуда Галилеянин (Деян. 5, 36—37) и Египтянин, предводитель разбойников (Деян. 21, 38), не были посылаемы, но чтобы себя показать, сами себя поставив и домогаясь права начальствовать, убегали из дома. Что о них сказано Господом, явствует из последующих слов: «Вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить» (Ин. 10, 10), потому что все, которые послушались их, вознамерившись исказить Истину, были умерщвлены и погибли, угаснув скорее прозвучавшего слова. Преподобный Исидор Пелусиот (116, 123—124).

«Пастырь добрый» являет на земле образ Спасителя

Наставник — это человек, который на земле представляет Спасителя, стал посредником между Богом и людьми и священно-действует перед Богом во спасение покорных ему (8, 377).

Подражай Небесному Жениху, низлагай восстания невидимых врагов... изгоняя их сперва из своей души, чтобы они не имели в тебе никакой части, а **потом** — из сердца тех, которые прибегают к тебе (8, 33).

Пастыри — насадители Божиих ростков, не насаждают ничего инородного Виноградной Лозе, то есть Христу, ничего бесплодно-го, но со всяким старанием улучшают то, что прививается к Лозе и обещает плод. **Святитель Василий Великий** (6, 416).

Всякий духовный наставник должен быть только слугою Жениха Небесного, должен приводить души к Нему, а не к себе. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (111, 519).

Истинный добрый пастырь узнается по трем признакам, указанным в святом Евангелии. Во-первых, пастырь добрый входит во двор овчий через дверь, а не проникает туда как-нибудь иначе: «кто не дверью входит во двор овчий, но перелазит инуде, тот вор и разбойник; а входящий дверью есть пастырь овцам» (Ин. 10, 2). Бывают и такие пастыри, которые входят во двор словесных овец не через двери. Но что же такое двери двора овчего? Сам Христос, который говорит о Себе: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет» (Ин. 10, 9). Но кто входит этими дверьми во двор овчий на честь пастырства? Тот, кто избирается и возводится в иерархический сан по благоволению Самого Христа.

Второй признак доброго пастыря тот, что он ходит перед овцами, а не позади овец, как говорит Христос в Евангелии: «И когда выведет своих овец, идет перед ними» (Ин. 10, 4). Что же означает, что пастырь должен ходить впереди овец? Что он обязан быть первым во всех добродетелях, а не отставать от всех, что он должен служить примером для овец, а не овцы для него. Каждому из пастырей апостол завещает: «будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте» (1 Тим. 4, 12).

Третий признак доброго пастыря: он полагает душу свою за врученных ему овец, по слову Господа: «пастырь добрый полагает жизнь свою за овец» (Ин. 10, 11). И если пастырю повелевается не щадить души своей для овец, то тем более подобает ему не жалеть имения своего, а употреблять его на милостыню **овцам** — нищим и убогим, сирым и вдовицам, больным и странникам. Святитель Димитрий Ростовский (103, 622—624).

«Вы — свет мира»

(Мф. 5, 14)

Архиерейский сан уподоблен в Божественном Писании небесным светилам. Так, Сирах о ветхозако́нном архиерее Симоне говорит: «Как утренняя звезда среди облаков, как луна полная во днях, как солнце, сияющее над храмом Всевышнего» (Сир. 50, 6—7). О новоблагодатных же архиереях Сам Господь говорит в Евангелии: **«Вы — свет мира** (как небесные светила, озаряющие мир)... Так да светит свет ваш пред людьми» (Мф. 5, 14, 16). Христова Церковь на земле есть как бы Небо, ибо как на Небе живет Бог, окружаемый Ангелами, так и на земле Он живет в Своей Церкви, прославляемый людьми, как говорит Давид: «Господь во святом храме Своем» (Пс. 10, 4), «хвала Ему в собрании святых» (Пс. 149, 1). И как небо украшено и сияет своими светилами, так и Церковь сияет своими **светилами** — пастырями и учителями, из которых одни сияют, как звезды, **другие** — как луна, а **иные** — как солнце, каждый соответственно чину, чести и званию и по мере своего совершенства в добродетельной жизни и духовной мудрости.

Небесные светила, поставленные Божиим Промыслом на безмерной высоте, отстоят далеко от земли. И архиереи занимают на церковном небе не низкое, а высочайшее место, будучи образом Сына Божия, и много отличаются от своих подчиненных святыней и властью. Ибо те, которые управляются архиереем, суть овцы, а **архиерей — пастырь; те — чада, а он — отец; те — ученики, а он — учитель; те — люди, а он — ангел по своей чистой и святой жизни.** Святитель Димитрий Ростовский (103, 783—784).

Пастырям сказано: «Вы свет мира» (Мф. 5, 14). Когда свет померкнет, чем просветиться людям? Пастырям сказано: **«Вы — соль земли»** (Мф. 5, 13). Когда соль потеряет силу, чем людям себя растворить? О возлюбленный пастырь! Ты свет мира; свети же не только словом, но и жизнью своей. Ты соль земли; берегись потерять силу, да не потеряют ее и прочие, глядя на тебя. «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5, 16). Вступил ты, возлюбленный, в звание и должность апостольскую — подражай же апостолам учением и житием, чтобы с ними участвовать в вечери и многих повести за собой. Святитель Тихон Задонский (104, 1321).

Однажды преподобный Ефрем Сирин, живший в пустыне, стал просить Бога открыть ему, насколько преуспел в духовном делании святитель Василий Великий. Молитва его была услышана, и он узрел огненный столп, простиравшийся от земли до неба. И при этом услышал голос: «Ефрем! Ефрем! Как велик огненный столп, который ты видел, так велик и Василий». Тогда Ефрем, взяв с собой переводчика, который знал греческий язык, пошел с ним в Кесарию, где Василий Великий был архиепископом. Прибыли они в Кесарию в самый праздник Богоявления Господня, и Ефрем тотчас же отправился в церковь, где служил Василий. Увидев его в великой славе и чести, окруженного сонмом священнослужителей, Ефрем воскликнул к своему спутнику: «Напрасно мы с тобой трудились, брат! Таким ли я ожидал его видеть! Может ли он быть велик перед Господом, когда находится в таком чине и почестях? Нет, напрасно

мы понесли тяготу дневную и зной! Я только удивляюсь, как такой человек может быть подобен столпу огненному». А между тем Василий Великий послал архидиакона позвать Ефрема в алтарь. Когда архидиакон передал Ефрему приглашение Владыки, Ефрем сказал: «Владыка, должно быть, ошибся: мы странники, и он нас не **знает**» — и остался на своем месте. Началась проповедь. И что же? Во все время ее преподобный, к ужасу своему, видел как бы язык огненный, исходящий из уст святителя Василия. После проповеди, архиепископ сказал архидиакону: «Пойди, скажи пришельцу, к которому я посылал тебя: «Господин Ефрем, войди во святой алтарь». Архидиакон сказал. Тогда преподобный воскликнул: «Воистину велик Василий! Сам Дух Святой вешает устами его!» Когда же, после литургии, он увидел архиепископа, тот сказал ему: «Я рад видеть тебя, умножившего в пустыне учеников Христовых и изгоняющего бесов именем Христовым. Но зачем ты пришел видеть меня? Ведь **я** — человек грешный». Ефрем был поражен. Но затем, причастившись Святых **Таин** из рук святителя Василия, он обратился к нему с просьбой, чтобы тот испросил ему понимание греческого языка. Архиепископ испросил ему это знание в молитве и посвятил его в диаконы, а потом и в пресвитеры. Пролог в поучениях (81, **424—426**).

«Будь образцом для верных...»

(1 Тим. 4, 12)

... Пастырь должен быть во всех добродетелях как представитель духовного Царства Христова и как образец для паствы, особенно же в тех добродетелях, которые всегда должны сопровождать истинную ревность и имеют почти непрестанное упражнение в его трудах. **Это** — отеческая, внимательная и сострадательная попечительность, степеньность, чистота, трезвость, осмотрительность, благодушие, мужество, сострадание, снисходительность, бескорыстие. **Епископ Феофан Затворник**. Начертание христианского нравоучения. М., 1891, с. 496.

Когда научишься всему, что Господь заповедал, ты приобретешь многих подражателей. **Святитель Иоанн Златоуст (45, 614)**.

«... В СЛОВЕ...»

Пастыри должны тщательно поучать людей, порученных им, как их увещевает святой Петр: «пасите Божие стадо» (1 Пет. 5, 2). Пасется же Божие стадо словом Божиим и Его Святими тайнами. И Павел святой к тому же их побуждает: «внимайте себе и всему стаду, в котором Дух Святой поставил вас блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею» (Деян. 20, 28). И снова написал Тимофею, и в его лице к святому пастырю: «проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назидаaniem» (2 Тим. 4, 2). Ибо пастыри вступили в должность апостольскую и непременно должны им следовать. Те по всей вселенной проповедовали слово Божие, а пастыри каждый на своих местах должны это духовное сокровище открывать людям. Ибо погрешают пастыри, которые забывают этот долг. **Святитель Тихон Задонский (104, 1325—1326)**.

Немалый ущерб готовит себе пастырь, который спит вне овчего двора, потому что сон **пастырей** — **радость** волкам. **Преподобный Ефрем Сирин (25, 146)**.

«Горе вам... что затворяете Царство Небесное человекам» (Мф. 23, 13). Это сказано архиереям, которые и сами не учат народ спасительному пути, и священников не заставляют это делать; сказано священникам, которые оставляют народ в небрежении, не заботясь объяснять им, что нужно для спасения души. От этого народ пребывает в слепоте, и одна часть остается в уверенности, что идет правильно; другая хоть и замечает, что у нее не так идет дело, но не идет, куда следует, потому что не знает, как и куда идти. От этого разные нелепые понятия в народе... от этого легко находит доступ к нему и всякое злое учение. Священник обычно думает, что у него в приходе все исправно, и хватается за дело только тогда, когда это зло уж разрастается и выходит наружу. Но тогда уж ничего не поделаешь. Священник первым делом своей совести должен **считать** — совершенствовать взрослых в познании христианской веры, а юное поколение готовить с первых сознательных лет, объясняя им то, что им нужно и можно знать, когда и как будет удобней. **Епископ Феофан Затворник (116, 397).**

«... В ЖИТИИ...»

Благоразумный служитель не будет нерадив к своему делу, и боящийся Господа не соблазнит **братий** своих (25, 180).

Равнодушием своим не будем причинять вред мирянам, но делами научим их уважать благочестие. **Преподобный Ефрем Сирин (26, 625).**

Напрасно учит тот, у кого дела не соответствуют учению. **Преподобный авва Исаия (34, 181).**

Как могут сохранить пастыри невредимым и здоровым Тело Христово, ведущее борьбу не с телами, но с невидимыми силами, если не будут иметь добродетель, значительно превосходящую человеческую, и знать всякое лечение, полезное для души? **Святитель Иоанн Златоуст (35, 453).**

Наставники, старающиеся вести жизнь, достойную учителей, не только не должны заслужить упреки, но да украшаются божественными преимуществами. Ибо первое требуется от всякого, а **последнее** — от достигших верха добродетели, которые если и не говорят ничего, самим безмолвием, вызывающим громче слова, наставляют учеников, не слух их услаждая, но просвещая души. Считающие, что от учителя не требуется ничего, кроме слов, только утруждают слух и достойны насмешки, а сияющие делами, хотя и подвизаются в молчании, назидают души (50, 278).

Почему ты не остаешься начальником, но оказываешься под началом у порока? Знай, что понесешь большее наказание, ибо сам делаешь то, что призван был воспрепятствовать другим (50, 299).

Да не думают о себе иные из возведенных на учительскую кафедру, что они, как распоряжающиеся подвигом других, сами свободны от подвигов. Да не считают они достаточным для себя только провозглашать победивших. Они сами должны быть подвижниками, увенчанными за достоинство и всякую добродетель, и тогда пусть поощряют подвизающихся и провозглашают победивших (51, 291).

Если возведенные в степень священного служения, даже преуспевая... едва могут принести пользу (потому что подначаль-

ные меньше замечают преуспевания их, как они ни велики, а лучше видят погрешности, как они ни малы), то живущие беспечно и нимало не помышляющие о подчиненных какому пороку не положат начало в тех, кто думает иметь оправдание собственных грехопадений в грехах начальствующих и безбоязненно пускается на всякое беззаконие? Поэтому имеющим священный сан надо быть особенно заботливыми, так как они обязаны дать отчет и за себя, и за подчиненных (52, 344).

Почему ты так упорно держишься зла? Почему изо всех сил оскорбляешь добродетель? Зачем оскверняешь храм? Почему не трепещешь, кошунствуя над Божественными священнодействиями? Почему людей, обращающих внимание на твою жизнь, заставляешь думать, что они терпят ущерб и в самих тайнодействиях?.. Если не боишься Бога, потому что пока долготерпит, уважай хотя бы людей; если не страшишься Суда, то домогайся хотя бы доброго о тебе мнения; если думаешь, что ничего не будет после ухода из этой жизни (об этом громко вопиют... твои поступки), убойся хотя бы людского осмеяния. Если же и это ставишь ни во что, утрашишь хотя бы низложения... Видя, как ты нечистыми руками касаешься Священных Таинств, все бегут прочь, решаясь лучше оставаться неподобившимися Таинств, чем принять из нечистых и скверных рук Пречистые Дары... Как называть тебя, приближаясь к истине? И что сказать тебе, чтобы избавить тебя от безумия? Что написать, чтобы заставить тебя прекратить непотребство? Или перестань делать [беззаконные] дела, или отлучи себя от Священной Трапезы, чтобы питомцы Церкви безбоязненно приступали к Божественным Тайнам, без которых невозможно спастись (52, 476).

Как ты, непотребный, освящаешь других? Как ты, нечистый, очищаешь? Как ты, рабелепный, приготавливаешь сынов Божиих? Тебе самому нужно очиститься и потом очищать; не святотатствовать и тогда уже стать священником. ...Перестань губить не только свою душу, но и многие другие, за которые умер Христос. Помысли, к чему клонится это зло, когда тех, кого искупил Христос, отдав за них не золото, но Честную Кровь Свою, ты губишь своею жизнью. Преподобный Исидор Пелусиот (50, 329).

Когда падает высокое дерево, стоящее посреди мелкого леса, то далеко слышно его падение. И много мелкого леса, стоящего вокруг, оно сокрушит. Так, когда в великий грех впадет пастырь или какой-нибудь другой наставник, далеко будет слышно о падении его, и многих это соблазнит. Невозможно, воистину невозможно утаиться падениям пастыря и наставника, как бы они ни скрывали их (104, **1355—1356**).

Горе пастырю, если он соблазнами своими открывает пасомым путь к беззакониям (104, 15).

Сан или честь есть иго, наложенное на христианина, которое нужно носить во славу имени Божия и пользу ближнего. Нужно быть разумным и мудрым, быть лучше других тому, кто хочет управлять людьми, кто должен являть образ доброго жития для многих, что требуется от облеченного саном. Овца овец не пасет, но человек, одаренный разумом; и тьма тьму не просвещает, но

свет; и слепец слепца не ведет, но зрячий. Неразумный и неисправный человек, приемлющий начальство, подобен бесноватому, взявшему нож, которым и себя и других ранит и закалывает. О таком сказано в притче: «может ли слепой водить слепого? не оба ли упадут в яму?» (Лк. 6, 39). Надо научиться прежде управлять собой, а потом других принимать в подчинение. Святитель Тихон Задонский (104, 1611—1612).

«...В любви...»

Если сохранишь **любовь — преуспеешь** во всех своих делах, вселится в тебя благодать Божия, и она, как источник, будет источать на всех целебные силы, и благоухание ее возвеселит твое сердце (25, 594).

Вы, настоятели-подвижники, не по страсти гнева или высокоумия наказывайте необразованных и **младенчествующих братьев**, но по Христову человеколюбию, для их духовной пользы, в надежде оказать помощь ведомым к Царствию Небесному. Преподобный Ефрем Сирин (27, 335).

Ты не можешь убеждать знамениями. Убеждай тем, чем можешь: человеколюбием, помощью, кротостью, лаской и всем другим. Святитель Иоанн Златоуст (43, 177).

Программа начальствующих всех родов: растворяй строгость власти кротостью, старайся любовью заслужить любовь и боясь быть страшилищем для других. Епископ Феофан Затворник (107, 30).

Какое нужно великодушие иметь настоятелю, какое самоотвержение! Нужно полное забвение своего «я», чтобы эта угловатая и резкая буква не ранила, тем более не убивала никого из ближних. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (108, 439).

«... в духе...»

Тебе вверена душа! Потому весьма трезвись; великого внимания требует дело; не пренебрегай им (26, 145).

Будь крайне трезвен, когда сеешь семя Господа своего, чтобы враг не подмешал свои плевелы, потому что у него в обычае и посредством добра делать зло (25, 130).

Не пренебрегайте духовным служением и под предлогом телесных нужд не будьте нерадивы к Божией службе. Преподобный Ефрем Сирин (30, 462).

Никогда не изнемогай и не расслабляйся от нерадения, так чтобы и самому не падать, и для других не сделаться виновником греха. Святитель Макарий Египетский (33, 343).

Корабль Церкви волнуют постоянные бури; эти бури не только вторгаются извне, но зарождаются и внутри, и требуют от священника великой внутренней внимательности и тщательности. Святитель Иоанн Златоуст (35, 432)

Весьма смешно брать на себя власть над другими тому, кто не в состоянии властвовать собой. Кто не только не подчинил себе своих неистовствующих страстей, но и дал им свободу делать все, что хотят и могут, тот [воистину] будет смешон, покушаясь исправить других. **Преподобный Исидор Пелусиот (52, 316).**

Умерщвление падшей воли, совершаемое так величественно и победоносно волей Духа Божия, не может совершаться падшей волей наставника, когда сам наставник еще поработен страстями (112, 71—75).

Те старцы, которые принимают на себя роль... древних святых старцев, не имея их духовных дарований, пусть знают, что самое их намерение, самые мысли и понятия их о великом и иноческом **делании — послушании — ложные...** это самообольщение и бесовская прелесть (112, 72).

Скромное отношение советника к наставляемому — совсем другое, чем старца к безусловному послушнику, рабу о Господе. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 80).**

Пастырь, видишь, каким разумным и мудрым подобает быть тебе, начальнику на брани духовной! Если на видимой брани, где люди с людьми и плоть с плотью сражаются, требуются искусные и мудрые начальники, тем более на брани духовной, где происходит брань людей с демонами, и брань плоти и крови против духов невидимых и хитрых, должны быть разумные и мудрые начальники. О пастырь! Тебе подобает быть особенно умудренным в слове Божиим, ибо ты должен других наставлять и умудрять, тебе особенно нужно препоясаться мечом глагола Божия и облечься во всеоружие и бодрствовать, и осторожно поступать на этой брани, на которой супостат тебя особенно уязвляет и пытается низложить, и так себя и прочих, врученных тебе, хранить. От руки твоей будут взысканы христианские души. Помни это, возлюбленный, и вложи в сердце твое, и не дремли, стоя на страже Господней. **Святитель Тихон Задонский (104, 1332—1333).**

[Пастырь] не должен знать даже меры в добре, и в восхождении к совершенству считать не то, что приобретено, но то, что не достигнуто. Пройденное надо всегда обращать в ступень к вышесему. Не должен пастырь и высоко думать о себе, если он и многих превосходит, но признавать укором, если в чем-то не соответствует сану. Ему нужно измерять свои успехи заповедью, а не примером ближних [порочных или несколько преуспевших в добродетели]. Нельзя на малых весах взвешивать добродетель, которою мы обязаны Великому, от Которого все и для Которого все. **Святитель Григорий Богослов (11, 25).**

«... В вере...»

Бойся Бога, а не человека. Если будешь бояться человека, то будешь унижен Богом, а если будешь бояться Бога, будешь почитаем и людьми (41, 828).

Дело учителя не только увещевать, но и молиться и молитвой

помогать (ученикам), чтобы они не пали под тяжестью искушений и не были обмануты. Святитель Иоанн Златоуст (45, 340).

Если, исповедуя, что Бог есть, ты поступаешь, как мог бы поступить только думающий, что Бога нет, твое дело не обличает ли твоего слова, и твоя нравственность не опровергает ли утверждаемого тобой? Поэтому тем, что делаешь, исповедуй, что есть Бог, чтобы проповедовали это и слово твое, и нравственность твоя, и тогда слушатели поверят. Если же стоишь на слове, а нерадишь о том, что нужно делать, не **соглашусь**, что это слово... будет в состоянии убедить слушателей. Преподобный Исидор Пелусиот (51, 475).

«... В ЧИСТОТЕ»

Пока не побеждена мною, по возможности, плоть, пока не очищен ум, пока я не ближе других к Богу, считаю небезопасным принять на себя попечение о душах и посредничество между Богом и людьми, что составляет также и долг иерея. Святитель Григорий Богослов (11, 70).

Кому поручена Евангельская проповедь, тот не должен ничего приобретать для себя сверх необходимости. Святитель Василий Великий (6, 398).

Если бы кто из нас сохранил себя даже насколько возможно чистым от всякого греха, то не знаю еще, достаточно ли и этого для того, кто готовится учить других добродетели. Кому это вверено, тот не только не должен быть порочным (этим гнушаются и многие из подчиненных ему), но должен особенно отличаться добродетелью (11, 25).

Особенно вам, служители алтаря, советую не быть оком, исполненным тьмы, чтобы не оказаться первыми в порочной жизни. «Если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?» (Мф. 6, 23). Святитель Григорий Богослов (15, 200).

Учитель есть глаз в теле Церкви. Поэтому если он светел, будет светло и все тело, которым он правит и о котором прилагает надлежащее попечение. А если он темен, то есть делает достойное тьмы, то помрачается и почти все тело, потому что хотя некоторые из членов здоровы и выполняют, что им следует, и нисколько не терпят вреда от испорченности учителя, однако они не имеют столько же, как и он сам, силы, когда повреждение поедает главнейшие части тела и порок поощряет и прочих подражать наставнику, остающихся же здоровыми осуждает и всеми способами старается ввергнуть их в ту же болезнь. Преподобный Исидор Пелусиот (50, 373).

Если приемлешь честь, взвесь силы твои, можешь ли понести эту тяжесть. Если не можешь поднять и понести её, не касайся, да не отяготит тебя, чтобы не пал и лежал под этим тяжким бременем, когда надо нести его. Надо иметь много глаз тому, кто хочет смотреть за многими. Надо научиться прежде управлять собой тому, кто хочет управлять другими; исправить себя тому,

кто хочет исправлять других; учить себя тому, кто хочет учить других. Надо быть «светом», если хочет просвещать других; быть «солью», если хочет растворять других. Надо быть чистым образом и зеркалом, в которое многие будут смотреть; быть отцом, который отечески заботится о детях своих. **Святитель Тихон Задонский (104, 1612).**

Однажды святитель Василий Великий сказал своим клирикам: «Чада мои, пойдемте со мной и увидим славу Божию». Сказав это, он пошел из города и направился в дом к добродетельному пресвитеру Анастасию. Этот пресвитер не принимал пищи в течение недели, а в субботу и воскресенье вкушал только хлеб и воду. Ночи он проводил в молитвах вместе со своей женой. Отличался редкой кротостью, благостностью и милосердием к убогим. Узнав силою Святого Духа о приходе святителя Василия, Анастасий сказал своей нареченной жене, на самом же деле духовной сестре, что он идет на поле пахать, а она чтобы прибрала комнату и в девятый час, взяв кадильницу с фимиамом и зажженную свечу, встретила архиепископа Василия, ибо он идет к ним. Она сделала, как ей было сказано.

Жена пресвитера считалась неплодной, на самом же деле она была девой, ибо они жили в чистоте уже сорок лет и строго хранили свою тайну. Встретив святителя Василия Великого с великой честью и сотворив ему поклон, жена взяла у него благословение. Благословив ее, святитель Василий спросил: «Здорова ли ты, Феогния?». Она ужаснулась, что святитель назвал ее по имени, и ответила: «Здорова, святой отче, раба твоя». Святитель спросил: «Где же Анастасий, брат твой?». Она ответила, что ее муж ушел пахать. Но святитель Василий опять сказал, что Анастасий ее брат и этим привел ее в трепет, ибо проник он в тайну **их жизни.**

Когда святитель Василий встретился с Анастасием, пресвитер умыл его ноги и они приветствовали друг друга о Господе. Затем святитель Василий направился в храм и стал убеждать пресвитера Анастасия совершить службу. Но пресвитер говорил, что меньший от большего благословляется и поэтому не дерзал начинать служить. Василий Великий сказал ему на это: «Ко всем своим добрым делам приложи в послушание» и этим убедил его совершить литургию. За службой, во время пресуществления Святых Даров, достойные видели, что Святой Дух в виде огня окружал пресвитера и алтарь. Причастившись, все воздали славу Богу и пошли к пресвитеру вкусить пищи...

Святой Василий начал расспрашивать пресвитера о его жизни и делах. Анастасий называл себя грешником и по смирению говорил, что он не достоин никакой добродетели, что вместе с женой своей он трудится, чтобы платить подати и для пропитания нищих и странников. Святитель Василий сказал пресвитеру, чтобы он называл свою жену сестрой, ибо она сестра его. Так как пресвитер умалчивал о своих добродетелях, то святитель Василий, встав, направился к одной из комнат в его доме. Пресвитер стал просить святителя не входить в эту комнату, говоря, что в ней хранится их имущество. Но святитель Василий сказал, что потому он и пришел, что в этой комнате их имение. Так как пресвитер все же не отпирал дверей, то архиепископ словом своим отворил двери, вошел в комнату и нашел там тяжело больного человека, о котором никто не знал, кроме пресвитера и его жены. И святитель спросил пресвитера, почему он хотел скрыть это свое богатство. Анастасий отвечал, что он боялся, чтобы больной не согрешил против архиепископа словом, ибо он гневлив и раздражителен. Архиепископ сказал пресвитеру, что тот хорошо потрудились для больного, но в эту ночь он сам хочет послужить ему, чтобы получить награду вместе с пресвитером. Оставшись на ночь с больным, врач **недугов**—святитель Василий молил Бога, исцеляющего все недуги и все болезни, об исцелении больного. Утром он вывел больного совершенно здоровым, прославляющим Бога, святого Василия и доброго пресвитера Анастасия. Пролог (80, **116—117**).

«Не нам, Господи, не нам,
но имени Твоему дай славу»

(Ис. 113, 9)

Предстоятелям нужно трудиться больше других, а думать о себе смиреннее, чем подчиненные... Преподобный Макарий Египетский (33, 331).

Честь твоя пусть больше смиряет тебя, чем возвышает, как со многими случается, ибо ты такой же человек, как и подчиненные твои, а может быть, что многие и лучше тебя, как часто случается, но десница Высшего поставила тебя над ними. Чаше снисходи умом ко гробам умерших, и они научат тебя, что ты такой же человек, как и твои подчиненные. Там увидишь, что все люди, начальники и подчиненные, равны, и невозможно узнать, где лежит раб, где господин его, где властелин, где подвластный — все в равном **истлении**. А когда там равны, то и живущие здесь, на земле, все равны. Те же люди, которые по земле ходили, там лежат, кроме душ их. Помни это и будешь смирен, и благодать Божия тебе поможет. Бог «смирненным дает благодать» (1 Пет. 5, 5) (104, 1613).

Если тебе необходимо принять честь, то ищи в ней Божией чести, а не своей, и пользы твоих ближних, а не своей корысти. Будь слугой рабам Божиим, а не господином; ищи их пользы, а не господствуй над ними; искореняй неправду и насаждай правду; что приказываешь им, то сам исполняй прежде. К наказанию, словом или делом, когда это нужно, приступай, как благоразумные лекари к лечению, которые или жилу секут, или член какой отсекают, или лекарство дают ради того, чтобы человека излечить и не замучить. Так наказывай и ты подчиненного, а не проявляй свой гнев и ярость; наказывая, жалея о нем, как о подобной тебе плоти, а не гневайся на него. Защищай Божию честь, а не свою, но при том всегда помни, что ты ничем не лучше того, **которого** наказываешь словом или делом. Святитель Тихон Задонский (104, 1612—1613).

«Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец»

(Ин. 10, 11)

Любящему Господа свойственно с великой приверженностью к обучаемым заботиться о них всеми мерами, со всяким тщанием, хотя бы, уча всенародно и наедине, надо было пребывать в учении до смерти (6, 393).

Пастырь должен быть готов в угождение Богу и для общей пользы подать каждому не только благовествование Божие, но и свою душу, по заповеди Господа (8, 222).

Всех нужно призывать к послушанию Евангелию, со всяким дерзновением возвещать слово и свидетельствовать об Истине, даже если иные препятствуют этому и гонят даже до смерти. Святитель Василий Великий (6, 392).

Цель всякого духовного **начальства** — **во** всем презирать свое для пользы других. Святитель **Григорий Богослов** (11, 51).

Если и тот, кто чист от всякой страсти, что, впрочем, невозможно, неизбежно подвергается бесчисленным горестям для исправления грехов других... то представь, какую бездну трудов и забот и какие страдания должен перенести желающий преодолеть и свои, и чужие пороки (35, 476).

Я молюсь и желаю, чтобы Церковь украшалась множеством людей, но множеством людей добродетельных; ради этого я охотно позволил бы растерзать себя на части (43, 85).

Если бы можно было вырвать и показать мое сердце, вы увидели бы, как свободно помещается в нем все **вы** — **и** женщины, и дети, и мужчины. Такова сила любви! Она делает душу просторнее неба (43, 389).

Пусть сияет твоя жизнь, и не обращай никакого внимания на тех, кто злословит тебя. Невозможно, совершенно невозможно, чтобы добродетельные не имели у себя многих врагов. Святитель Иоанн Златоуст (41, 163).

Ночью демоны сами стараются смутить духовного учителя, а днем через людей окружают его бедами, клеветой и опасностями. Преподобный Нил Синайский (47, 198).

Хотя и все христиане подвержены всяким гонениям, по словам апостола: «Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим. 3, 12), но особенно это относится к пастырям. Причина в том, что они диавольское царство разрушают проповедью слова Божия, обнаруживают его прелесть и тьму, человеческие души из рук его вырывают и приводят в Царство Христово. Поэтому диавол на них больше ярится и восстает, и всякое гонение насылает через злых людей, как свое орудие. Поэтому добрым пастырям надо готовить себя к терпению и всегда ожидать бедствия, как корабль на море готов к буре, а наступившее бедствие нести терпеливым сердцем. Святитель Тихон Задонский (104, 1351).

Кто пастырь-наемник и кто Пастырь добрый? Христос Сам поясняет: «пастырь добрый полагает жизнь свою за овец. А наемник, не пастырь, которому овцы не свои, видит проходящего волка, и оставляет овец, и бежит» (Ин. 10, 11—13). Здесь Церковь спрашивает: если **Господь** — Пастырь, то кто же пастырь-наемник? Не диавол ли? И если диавол пастырь-наемник, кто волк? Конечно, волк есть диавол, этот дикий, хищный, коварный зверь, этот общий враг всех. Поэтому пастырь-наемник пусть имеет собственное имя. Пастырями-наемниками Господь назвал тех, к кому тогда обращал речь. И теперь есть (лучше бы их не было), есть достойные имени наемников. Тогда подразумевались архиереи и фарисеи и весь этот иудейский раскол. Их Господь назвал пастырями-наемниками, их, не ради истины, но ради собственной корысти принявших на себя власть пастырства, которые из суетного лицемерия молятся, чтобы поедать хлеб вдовиц и сирот (Мф. 23, 14), которые раболепствуют нужде, гоняются за настоящим, не помышляют о будущем, те наемники, а не пастыри. Святитель Василий Великий (116, 124).

«...Взыщу овец Моих от рук пастырей»

(Иез. 34, 10)

Мы [пастыри], как требует наша совесть, должны заботиться, чтобы никто по нашей вине не погиб для Церкви. **Святитель** Киприан Карфагенский (66, 257).

Тот, кому поручено заботиться обо всех, будучи обязан дать отчет за каждого, так и должен помнить, что если один из **братий** впадет в грех, потому что он, наставник, не внушил ему предварительно оправданий Божиих, или брат пребывает в грехе, ибо не научен тому, как исправиться, то кровь брата взыщется от его рук. **Святитель Василий Великий (8, 130).**

Тогда (на Страшном Суде) кровь тех, кто погиб по нерадению епископов и пресвитеров, взыщется от рук их. Тогда у каждого потребуются отчет за все, что он получил и что прирастил. **Преподобный Ефрем Сирин (27, 152).**

Не сей зла, потому что жатва близка и насадителя терний ожидает огонь. **Преподобный Нил Синайский (48, 253).**

Пастырю подобает быть **боголюбивым**. Сам Господь, желая поставить святого Петра пастырем словесных овец, прежде всего троекратно спросил его о любви: «Симон **Ионин!** любишь ли ты Меня?» И когда Петр ответил Ему троекратно: «Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю тебя», Господь вручил ему пасту: «Паси агнцев Моих», «паси овец Моих» (Ин. 21, **15—17**). Познаётся же любовь к Богу по добродетельной жизни, являя вместе со словом и жизнь пастыря.

Но недостаточно пастырю быть учительным на словах и святым по жизни; он должен иметь еще великое попечение о стаде, трудиться и быть бодрствующим.

Ему необходимо попечение о стаде, ибо Бог потребует отчет о стаде, вверенном рукам пастырским, и в последний час скажет: «Дай отчет в управлении твоём» (Лк. 16, 2). В пророчестве **Иезекииля** слышится грозное слово, обращенное к нерадивым пастырям: «Так говорит Господь Бог: горе пастырям Израилевым, которые пасли себя самих! не стадо ли должны пасти пастыри? Вы ели тук и волною одевались, откормленных овец заколали, а стада не пасли. Слабых не укрепляли, и больной овцы не врачевали, и пораненной не перевязывали, и угнанной не возвращали, и потерянной не искали, а правили ими с насилием и жестокостью. И рассеялись они без пастыря, и, рассеявшись, сделались пищею всякому зверю полевому... Посему, пастыри, выслушайте слово Господне. Живу Я! говорит Господь Бог; за то, что овцы Мои оставлены были на расхищение и без пастыря сделались овцы Мои пищею всякого зверя полевого, и пастыри Мои не искали овец Моих, и пасли пастыри самих себя, а овец Моих не пасли, за то, пастыри, выслушайте слово Господне. Так говорит Господь Бог: вот **Я—на** пастырей, и взыщу овец Моих от руки их, и не дам им более пасти овец» (Иез. 34, **2—5, 7—10**). Внемлем, как грозно Господь будет испытывать пастырей о пасении их. **Святитель Димитрий Ростовский (103, 931—932).**

«Так говорит Господь Бог: вот, **Я—на** пастырей, и взыщу овец Моих от руки их» (Иез. 34, 10). Взыщет Господь с таких пастырей овец Своих, когда придет судить мир. Хозяин от пастуха требует своих овец и взыскивает, если тот не пригонит их, и наказывает его за них; так взыщет Христос Господь Своих словесных овец от

пастырей, овец, которых искупил «не... серебром или золотом», но «драгоценною Кровию» Своею (1 Пет. 1, 18, 19). Горе тогда будет пастырю нерадивому, пастырю, погубившему овец Христовых, которые куплены такой дорогой ценой! Поэтому надо таким пастырям осмотреться и исправиться, чтобы не погубить овец Христовых, порученных им, но и самим не подпасть Его Страшному Суду и истязанию (104, 1340).

Всегда помни, что тебе следует дать ответ Судии и Царю Христу о тебе самом и о подчиненных тебе, как ты сам жил и с ними поступал. Все христиане истязаны будут в день Суда, но особенно начальники, ибо не только за себя, но и за своих подчиненных дадут ответ. Написано так: «Строг суд над начальствующими, ибо меньший заслуживает помилование, а сильные [начальники] сильно будут истязаны (Прем. 6, 5—6). Рассуждай об этом и сохранишься в страхе Божиим и смирении. Святитель Тихон Задонский (104, 1613).

Пастырское искусство

Если пастырь, намеревающийся одолеть врага, не будет сведущ во всех сторонах этого искусства, то диавол и через одну эту сторону, если она останется в пренебрежении, сумеет провести своих грабителей и расхитить овец; но он не будет так смел, если увидит пастыря, выступающего с полным знанием и достаточно сведущего во всех его кознях (35, 454).

Лучшим кормчим мы называем не того, кто может направлять корабль по тихому морю; но кто плывущих на нем проводит между скалами, волнами, бурями и ветрами; и врачом [называем] того, кто страдающего излечивает от бесчисленных болезней... и пастырем — того, кто соблюдает стадо в безопасности от бесчисленных волков и злоумышленников. Святитель Иоанн Златоуст (46, 327).

Предстоятель слова все должен делать и говорить с осмотрительностью и по многом испытании, чтобы угодить Богу (6, 401).

Кому поручено начальство и попечение о многих, тот должен знать и изучать обязанности всех, чтобы всех научать воле Божией, показывая каждому его обязанности. Святитель Василий Великий (8, 270).

Настоятели должны иметь в виду силы каждого из подчиненных, помня Господа, Который говорит: «иной приносит плод во сто крат, иной в шестьдесят, а иной в тридцать» (Мф. 13, 23), чтобы каждый по мере сил угождал Господу. Преподобный Ефрем Сирин (25, 561).

...Душа есть живой приемник. Можно ее набить даже и добром, но то, что не уяснено, — не ее. Отсюда видно, каков должен быть учитель. Он должен иметь, кроме богатства внутреннего, еще и опытность. Такого можно назвать учителем способным. Приступая же к делу учительства, он должен положить в основу своих учительских расположений искреннюю, даже отече-

скую любовь к ученикам. Епископ Феофан **Затворник**. Начертание христианского **правоучения**. М., 1891, с. 490.

Большая часть из подводомых священнику стеснены житейскими заботами, что делает их менее расположенными к делам духовным. Поэтому учитель должен сеять ежедневно, чтобы слово учения, по крайней мере, непрерывностью своей могло укрепиться в слушателях. Святитель Иоанн Златоуст (35, 470).

Как воин в своем воинстве, художник весь в своем искусстве, ученый весь в своей науке, так и ты будь весь в своем пастырстве. Ибо это есть существенное условие к тому, чтобы явиться совершенным в деле, какое кто берет на себя или к какому кто призван.

...В то самое время, когда будешь учить **других,—и** сам еще более осветишься светом Истины; будешь наставлять других на путь **добродетели —и** сам намастишься ею; будешь других благодатно освящать в **Таинствах —и** сам еще больше причастишься благодати Таинств. Только трудись; не будешь **трудиться —и** Истина начнет меркнуть в душе твоей, и добродетель слабеть, и благодать отдалять от тебя свое осенение. Пастырь, не трудящийся в учении, в руководстве к добродетели, в освящении пасомых Таинствами и другими освятельными чинами, прежде всего себе вредит, равно как, трудясь, первый вкушает от плодов доброго пастырства.

...Не давай, пастырь, сна очам и веждам дремания, но день и ночь трудясь, и мысленное напряжение, и сердечную молитву, и искусство **словесное — все** неутомимо обращай на дело доброго пасения паствы. Епископ Феофан **Затворник**. Толкование Пастырских посланий святого апостола Павла. Изд. 2-е, М., 1894, с. 359, 527—529.

Пастырь должен быть мягкосердечным, великодушно переносить, если кто по неопытности не выполнит какой-либо своей обязанности; не потакать грехам, но с кротостью терпеть непослушных и со всем мягкосердечием и с умеренностью давать им лекарства. Он должен быть способным изобресть способ врачевания собственной немощи. Нужно не с высокомерием делать выговор, но с кротостью увещевая и наказывая (2 Тим. 2, 25). Быть рассудительным в делах настоящих, предусмотрительным в будущих, иметь силу подвизаться вместе с крепкими, носить немощи бессильных, быть в состоянии все делать и говорить к усовершенствованию живущих с ним. Святитель Василий Великий (8, 159).

Грехи, сделанные против нас, будем прощать и оказывать снисхождение оскорбившим нас. Когда же грех совершается против Бога, тогда будем **взыскательны,—** это и нам принесет величайшую пользу, и принимающим исправление сделает немало добра (38, 257).

Привлекающий людей к мудрости, убедит он или не убедит, получит полную награду, ибо он исполнил свое дело. Святитель Иоанн Златоуст (35, 124).

Пастырство — не начальство, а воспитание детей

Пастырю нужно обращать внимание на то, чтобы не делать приказаний, превышающих телесные силы, и тем самым не довести бессильного до прекословия. Он должен, как отец, одинаково расположенный и близкий ко всем, смотреть на телесные силы каждого и сообразно с тем размерять и распределять свои приказания (8, 386).

Тех, которые более немощны в вере, должно щадить и тщательно возводить к совершенству; впрочем, щадить без нарушения заповеди Божией (6, 347).

Враждебно расположенных нужно вразумлять с незлобием и кротостью, ожидая их покаяния, пока не исполнится мера пощения о них (6, 399).

Нужно быть уступчивым, а не нападать упорно на тех, которые по страху и богобоязненности [т. е. по скромности и сознанию собственного недостойнства] отказываются принять к себе проповедающего слово. **Святитель Василий Великий** (6, 400).

Руководство не может утвердиться принуждением: от насилия при всяком удобном случае стараются освободиться. К тому же **пастырство** — не столько начальство, сколько воспитание детей — более всего соблюдает свободу. Ибо тайна **спасения** — для желающих, а не для принуждаемых к нему. **Святитель Григорий Богослов** (11, 312).

Исправлять грешника нужно не насилием, а убеждением... так как Бог награждает тех, которые воздерживаются от пороков по доброй воле, а не по принуждению. **Преподобный Ефрем** Сирий (25, 416).

Заботящийся о душах должен быть настолько великодушным, чтобы не только не увеличивать их уныния укорами, но, по возможности, облегчить их состояние утешением (35, 441).

Если ты простишь согрешившему один раз, и другой, и третий, то твой оскорбитель, хотя бы был совсем каменный, хотя бы был свирепее демонов, не будет настолько бесчувствен, чтобы опять впасть в тот же грех, но, образумленный многократным прощением, сделается лучше и скромнее (37, 5).

Бог повелел тебе не упрекать в лености, а помочь бедности, сделал тебя не обличителем нечестия, а поставил врачом нечестия. Бог повелел тебе не порицать беспечность, но подавать руку лежащему, не осуждать образ жизни, а утолять голод (37, 71).

Духовное врачевание

Хороший пастух не только отгоняет волков, **но и** со всей заботливостью лечит заболевших овец, ибо какая польза, если овцы, хоть **и** избегают пасти зверей, но истребляются болезнью? **Святитель Иоанн Златоуст** (35, 667).

Хороший пастырь врачует больную овцу; овца овцу врачевать не может. **Преподобный Макарий** Египетский (33, 284).

Наше врачебное искусство гораздо труднее, а следовательно, и предпочтительнее искусства лечения тела, но оно еще труднее и потому, что последнее мало заглядывает вглубь, более же занимается внешним. Напротив, наше врачевание и попечение полностью относится к сокровенному сердца человека (1 Пет. 3, 4), и наша **брань** — с врагом, воюющим и противоборствующим внутри нас, который оружием против нас употребляет нас же самих (что всего ужаснее) и предает нас греховной смерти. А для борьбы нам нужны: великая совершенная вера, в большей мере Божие содействие, но не в малой мере, как я убежден, и наша собственная ревность, выражаемая словом и проявляемая делом. **Святитель Григорий Богослов (11, 29).**

Заблудшего возврати на путь, увечному сделай повязку, павшего подними, немощных поддержи и делай другое, подобное этому (35, 920).

Врачу особенно свойственно общаться с больными и всегда находиться среди них, а не убегать и не удаляться от них (37, 44).

Если же без пощады сделаешь даже необходимую операцию, больной иногда может не выдержать боли и вдруг отвергнет **все** — и лекарство, и перевязку, и устремится в пропасть, сбросив бремя и разорвав узы. **Святитель Иоанн Златоуст (35, 416).**

Как телам даются не одинаковые лекарства и **пища** — **иное** пригодно здоровому, **иное** — больному, так и души врачуют различным способом. Свидетели такого **врачевания** — **сами** больные. Одних назидает слово, другие исправляются примером. Для иных нужен бич, а для других узда; одни ленивы и малоподвижны к добру и таких нужно возбуждать ударами слова; другие сверх меры горячи духом и неудержимы в стремлениях, подобно молодым, сильным коням, бегущим дальше цели, таких может исправить обуздывающее и сдерживающее слово. Для одних полезна похвала, для других укоризна, но та и другая вовремя; напротив, без времени и без основания они вредят. Одних исправляет "увещание, **других** — **выговор**, причем выговор или публичный, или тайный. Ибо одни привыкли пренебрегать вразумлениями, сделанными наедине, но приходят в чувство, если их укоряют при многих, другие же при гласности обличений теряют стыд, но их смиряет тайный выговор, и за такое снисхождение к себе они воздают благой покорностью. Иные, надмеаясь мыслью, что дела их тайны, ни о чем не заботятся, считают себя умнее других, в таких надо наблюдать тщательно все, даже самые маловажные поступки. А в других лучше многого не замечать и, как говорится, видя, не видеть и слыша, не слышать, чтобы, подавив их ревностью обличений, не побудить к упорству и в конце концов не сделать готовыми на все, истребив в них стыд как **средство** к внушению покорности. Иногда нужно гневаться, **не** гневаясь; проявлять презрение, не презирая; терять надежду, **не** отчаиваясь, насколько этого требует характер каждого. Некоторых нужно врачевать кротостью, смирением и соучастием в их **лучших** надеждах о себе. Одних полезно побеждать, от других часто полезнее быть самому побежденным. И хвалить или

осуждать **нужно** — у иного недостаток и могущество, а у иного нищета и расстройство дел. Ибо наше лечение не таково, каковы добродетель и порок, из которых первая всегда для всех лучше и полезнее всего, а **последний — всего хуже и вреднее**. У нас одно и то же, например, строгость или кротость, а также и многое другое не всегда, даже для одних и тех же, оказывается спасительным или опасным. Напротив, для одних хорошо и полезно одно, а для **других — другое**, противоположное первому, сообразно тому, чего требует время и обстоятельства и что допускает нрав исцеляемого. Хотя, сколько бы кто ни употреблял тщания и ума, невозможно всего изобразить и обнять мыслью в такой подробности, чтобы вкратце был виден весь ход лечения, однако на самом опыте и на деле это становится известным и врачебной науке, и врачу. Для ходящего по высоко натянутому канату небезопасно уклоняться в стороны: и малое по видимости уклонение влечет за собою большее, а безопасность зависит от равновесия. Так и в нашем деле: для того, кто по невежеству или по дурной жизни уклоняется в ту или другую сторону, очень опасно, что и сам он впадет в грех, и вовлечет в него тех, кого призван вести за собой. Напротив, нужно идти самым царским путем и остерегаться, чтобы, как сказано в Притчах, не уклониться «ни направо, ни налево» (Притч. 4, 27). Таково свойство наших немощей, и от этого столько труда доброму пастырю, обязанному хорошо знать души своих пасомых, и быть вождем их по закону прямого и справедливого пастырства, которое было бы достойно нашего истинного Пастыря. Святитель **Григорий Богослов** (11, 34).

Врач душ! Вырежь мечом духовным распухшие и воспаленные раны гордости, омой водой учения от нечистоты страстей, исцели раны, нанесенные душам человеческим грехом, пользуясь для этого, как говорит Христос, «вином и елеем»: «вином» свяжи, чтобы ослабевший человек не предавался более вожделениям, а «елеем» смягчи душевные страдания (Лк. 10, 30—37)... Не пренебрегай нищим, стремясь к выгоде, и не презирай богатого из-за отвратительного богатства, но одинаково призывай и бедного, и богатого к воздержанию. Не лишай никого надежды, даже и самого отчаянного грешника, чтобы не ввергнуть его в бездну греха. Протяни руку погибающему, говоря: Господь пришел спасти не праведников, но грешников, чтобы они, став ревностными и уклонившись от зла, стали творить добрые дела и спаслись. Делай все ради выздоровления больных, питая себя надеждой спасаемых, то есть радостью, ожидаемой от Бога. Святитель **Иоанн Златоуст** (43, 993).

ПАСОМЫЕ

«Повинуйтесь наставникам вашим»

(Евр. 13, 17)

Как овцы покоряются пастырю и идут туда, куда ведет пастырь, так и подвижники по Богу должны покоряться наставникам, не входя в исследование их приказаний, когда они чисты от

греха, но исполняя приказанное со всяким усердием и тщанием (8, 377).

Если больные настолько доверяют врачам, что считают их благодетелями, даже когда они режут или прижигают, или заставляют принять горькие лекарства, стыдно нам не иметь такого же расположения к врачам наших душ, когда они своим суровым обращением совершают наше спасение. Святитель Василий Великий (8, 167).

Господь ниспосылает тебе Свои воздаяния, несоизмеримые с достоинствами или слабостью Своих служителей, но сообразно с твоим расположением (38, 704).

Не будем досадовать, когда нас лечат, но лучше радоваться, хотя бы способ лечения причинял нам горькие скорби, потому что впоследствии он принесет самый сладостный плод (42, 96).

(Любите пастырей)... как дети родителей... Пусть никто не противится, пусть никто не прекословит. Кто любит Христа, тот будет любить и священника, каков бы он ни был, потому что через него сподобился Причастия Страшных Таин. Святитель Иоанн Златоуст (45, 557).

Ести хочешь получить истинного учителя, мужа святого и духовного, не рассчитывай, что можешь узнать его сам по себе, своим рассмотрением, потому что это невозможно. Но прежде всего другого... подвизайся в добрых делах, в милостынях, в посте, молитве, в непрестанном молении, чтобы Бог помог и содействовал тебе. Когда же с помощью Божией благодати ты сподобишься найти такого, прояви к нему крайнее внимание и всякое благое угождение, великое смирение и чистую и несомненную веру. Для чего? Для того, чтобы, к несчастью, не заслужить тебе иначе вместо **воздаяния — казнь** и муку. Преподобный Симеон Новый Богослов (60, 102).

Если отцов по плоти... нужно почитать и любить, то насколько больше ты должен почитать и любить отцов, родивших тебя по духу? Тех, которые из бытия привели тебя в благобытие, сообщили тебе свет ведения, возродили баней пакибытия, вложили в тебя надежду Воскресения и бессмертия, вечного Царствия и наследия и сделали из **недостойного — достойным** вечных благ, из **земного — небесным**, из **временного — вечным**, сыном и учеником не человека, а Богочеловека Иисуса Христа, давшего тебе дух сыноположения, как Сам Он сказал: «и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах; и не называйтесь наставниками, ибо один у вас **Наставник — Христос**» (Мф. 23, 9—10). Всякую честь и любовь должен ты воздавать своим духовным отцам потому, что эта честь возносится ко Христу Господу и к Духу Святому, в котором ты принял усыновление (Рим. 8, 14), и к Отцу Небесному, «от Которого именуется всякое отечество на небесах и на земле» (Еф. 3, 15). Постарайся всю жизнь иметь духовного отца, и открывать ему всякий грех и всякий помысел, и получать от него отпущение и исцеление, ибо им дано вязать и разрешать души, и все, что они свяжут на земле, «будет связано на небе», и все, что они

разрешат на земле, то «будет разрешено и на небе» (Мф. 18, 18). Эту благодать и власть они получили от Христа, потому повинуйся им и не противоречь им, чтобы не причинить гибели своей душе. Ибо если противоречащий плотским родителям в том, что не запрещено Законом Божиим, по Закону повинен смерти, то противоречащий духовным отцам не изгонит ли из себя Духа Божия и не погубит ли своей души? А поэтому советуйтесь с духовными отцами и слушайте их до конца, да спасутся души ваши и наследуют вечные и нетленные блага. Святитель Григорий Палама (70, 310).

Не будь судьей дел духовного отца твоего, но исполнителем повелений его. Демоны, как им обычно, начнут тебе указывать на его недостатки, чтобы оглушить тебя для его уроков и сделать тебя или немощным и робким воином на брани, или расслабить тебя одними помыслами неверия и сделать ленивым во всякой добродетели. Святитель Феодор **Едесский** (68, 327).

Пастырь подлежит многим искушениям, и на него особенно восстают диавол и его злые служители. Потому он нуждается в особой помощи Божией и подкреплении. И как всем людям, так и тебе нужно о нем молиться Богу, да поможет Он пастырю и укрепит его. Благополучие дома зависит от хорошего хозяина, и благополучие **воинов** — от доброго полководца, и благополучие плавающего **корабля** — от доброго кормчего. Молись же, чтобы пастырь был мудр и добр, и христианское общество будет благополучным (104, 1313).

За то, что пастырь плохо живет и не делает того, чему учит, ты не будешь отвечать перед Богом. И потому что тебе до того, что он дурно живет? Он сам за себя даст ответ и будет наказан. Пастырь так же слаб, как и всякий человек, и потому не удивительно, что грешит, как человек. Поэтому нужно тебе о нем молиться, чтобы он **исправился**, — это будет на общую пользу. Если правильно учит и дурно живет, то ты смотри и делай то, чему учит, а жизни его не подражай. Так и Христос сказал о книжниках и фарисеях: «на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак, все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте» (Мф. 23, 2—3). Святитель Тихон Задонский (104, 1313—1314).

Святые отцы завещали избирать **непрелестного** наставника, непрелесь которого должна познаваться по согласию учения и жизни его со Священным Писанием и с учением духоносных отцов (108, 219).

Руководство отеческими писаниями сделалось уже единственным руководством к спасению при конечном оскудении наставников. Кто подчинится этому руководству, того можно признать уже спасенным, кто же водится собственными разумениями или учением лжеучителей, того нужно признать погибшим. Епископ Игнатий (**Брянчанинов**) (111, 512).

...Надо подчиниться **руководителю — определенному** Богом священнику. Руководитель в употреблении сил или развития

нашей воли существенно необходим. Все средства педагогики ниже, малосильнее и ненадежнее этого. Вот почему так скоро становятся крепкими мужами те, кто благодушно проходит послушание.

...Пастырей, ревнующих об их спасении, должны принять как посланников Божиих, как Самого Бога, через них приближающегося; пастырей, являющих пастырские и общехристианские добродетели, избрать в образец своей жизни и стараться подражать им. **Епископ Феофан Затворник.** (Начертание христианского нравоучения. М., 1891, с. 401—406, 490—497).

Пока плотское чувство преобладает в учениках, велик перед ними наставник, но когда явится в них духовное ощущение и возвеличится в них Христос, они видят в наставнике своем только благодетельное оружие Божие. **Епископ Игнатий** (Брянчанинов) (111, 519).

ПРОПОВЕДЬ *

Явление духа и силы

(1 Кор. 2, 4)

(Духовное слово) питает лучше хлеба, исцеляет лучше лекарьств, выжигает сильнее огня; не причиняя боли, оно останавливает течение дурных мыслей... (37, 497).

Как искра, когда коснется дров, зажигает их, делает новым источником пламени и, таким образом, простирается дальше и дальше, так и проповедь. **Святитель Иоанн Златоуст** (41, 485).

«Тогда, разгневавшись, хозяин дома сказал рабу своему: пойди скорее по улицам и переулкам города и приведи сюда нищих, увечных, хромых и слепых» (Лк. 14, 21). Итак, домовладыка разгневался на иудейских вельмож за то, что они презрели Его великую вечерю, и на место их позвал больных и отверженных, лежавших на улицах и в переулках, то есть тех, которые в иудейском народе считались немощными, до того времени имели ум хромающий, помраченный великой тьмой, но которые **вскоре**, по вере во Христа, сделались здоровыми и крепкими. Приняв в себя Божественный свет, они научились ходить по стезям правым. А что весьма многие из простого иудейского народа уверовали, это всякий может узнать, если прочтет Деяния святых апостолов. Там видим, как от проповеди Петра сперва уверовали три тысячи, потом пять тысяч и снова великое множество. **Святитель Кирилл Александрийский** (116, 172—173).

Поистине (для благовествования) недостаточно одного человеческого усердия, нужна высшая сила. **Святитель Иоанн Златоуст** (45, 53).

Уста Христовы словом воскрешали мертвых: дочь Иаинову, сына вдовицы, четверодневного Лазаря, которые были мертвы телом. Проповедующий же слово Божие и учаший покаянию воскрешает души, умершие грехами. Святой Григорий Двоеслов рассуждает об этом так: «Проповедь слова Божия действует с большей силой, чем молитва, ибо большее **чудо** — обратить грешного на путь покаяния словом учения, чем воскресить мертвого. **При** воскрешении мертвеца восстает плоть, которая

* См. также т. 5, с. 10—31 настоящего издания.

снова умирает, а в воскресении грешника восстает душа и живет вечно. Если хочешь убедиться на деле, что **сказанное** — истина, смотри: воскресил Бог Лазаря телесно, а что творил Лазарь по воскресении своем, Писание об этом умолчало; воскресил Бог душу в **Павле** — и что сотворила душа Павла? Своим учением он пробудил многие силы». **Святитель Димитрий Ростовский (103, 831—832).**

Пастыри с помощью Слова Божия отворяют себе и другим дверь ко Христу, Источнику Жизни и вечного блаженства. **Святитель Тихон Задонский (104, 1326).**

«Одиннадцать же учеников пошли в Галилею... и, увидев Его, поклонились Ему, а иные усомнились» (Мф. 28, 16—17). Это, мне кажется, было то последнее явление Иисуса Христа в Галилее, когда Он послал их с повелением крестить. Если же некоторые усомнились, то и в этом случае подивись их (**евангелистов. — Ред.**) Любви к истине: они не скрывали своих погрешностей, даже случившихся в последние дни. Итак, что Он сказал, явившись им? «Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Мф. 28, 18). Опять говорит с ними по-человечески, поскольку они не приняли еще Духа Святого, Который бы сделал их возвышеннее. «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам» (Мф. 28, 19—20). Здесь Он говорит об учении и заповедях, но ничего не упоминает об иудеях, молчит о прежних происшествиях, не укоряет Петра за его отречение и никого из прочих за бегство, а только повелевает возвестить по всей вселенной учение, которое вверил им вместе с заповедью о крещении. Но поскольку Он заповедал им дело великое, то, одобряя их сердца, сказал:

«И **се**, Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28, 20).

Не видишь ли опять силы Его? И не видишь ли притом, с каким снисхождением Он говорит это? Не с ними будет только находиться, говорит Он, но и со всеми теми, которые после них будут веровать. Ибо апостолы не могли пребыть «до скончания века», но Он говорит ко всем верным, как бы к одному телу: «Не говорите **Мне**, — будто бы сказал Он, — о препятствующих обстоятельствах: Я с вами, разрушающий все препятствия». Это и в Ветхом Завете Он часто говорил пророкам: Иереими, когда тот указывал на юность свою; Моисею и Иезекиилю: «Я с вами». То же самое и в этом случае Он говорит ученикам Своим. Теперь посмотри, какое различие между теми и другими. Те часто отказывались, будучи посылаемы к одному народу, эти, посылаемые во всю вселенную, ничего подобного не говорили. О скончании же века Он напоминает им для того, чтобы более привлечь и чтобы они не на настоящие скорби только смотрели, но и на будущие бесконечные блага. Скорби, говорит Он, которым вы подвергнетесь, оканчиваются с этой жизнью, поскольку окончится и самый век. Блага же, которые вы получите, вечны, как Я вам часто говорил и прежде. Таким образом, укрепив и ободрив их дух... Он послал их в мир. **Святитель Иоанн Златоуст (116, 700—701).**

Обязанность проповедовать

Проповедь закона Божия нужна, чтобы люди познали свои грехи, как в зеркале видят недостатки своего лица, а познав, изгладили бы их покаянием и верой и впредь береглись бы их.

И это **дело** — долг пастырей. Святитель Тихон Задонский (104, 1545).

Мы, усердно учащие, не виноваты в том, что не убеждаем слушателей, а отвечаем только за то, что не обращаемся с наставлениями. Наше **дело** — увещевание, а повиновение зависит от них. Святитель Иоанн Златоуст (46, 521).

Ученики говорили Господу, чтобы отпустил народ купить себе еды в селах, но Господь сказал им: «не нужно им идти, вы дайте им есть» (Мф. 14, 16). Это было перед чудом насыщения пяти тысяч народа, кроме женщин и детей, пятью хлебами и двумя рыбами. Такое событие, имевшее особое значение в жизни Господа, представляет еще такой урок.

Народ есть образ человечества, алчущего и жаждущего истины. Когда Господь сказал апостолам: «вы дайте им есть», то этим предупредил их их будущее служение роду **человеческому** — напитать его истиной. Апостолы исполнили это дело для своего времени; для последующих же времен передали это служение своим **преемникам** — пастырям. И к нынешнему пастырству простирает речь Господь: «вы дайте есть народу вашему». И пастырство должно на совести своей держать **обязательство** — питать народ истиной. В церкви должна неумолчно идти проповедь слова Божиего. Молчащее **пастырство** — что за пастырство? А оно много молчит, чрезмерно много. Но нельзя сказать, чтобы это происходило оттого, что нет веры в сердце; Так, одно недоразумение, дурной обычай. Все же, однако, это не оправдывает его (107, 137—138).

«И другим городам благовествовать Я должен Царствие Божие, ибо на то Я послан» (Лк. 4, 43). **Это** — «**ибо** на то Я **послан**» — нашему священству надо принять в непреложный закон. И апостол заповедал им в лице святого Тимофея: «настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай» (2 Тим. 4, 2). Истину на землю принес Господь и Дух Святой, исполнивший апостолов в день Пятидесятницы, и ходит она по земле. Проводники **ее** — уста иереев Божих. Кто из них затворяет уста свои, тот преграждает путь истине, просящейся в души верующих. От этого и души верующих томятся, не получая истины, и сами иереи должны ощущать томление от истины, которая, не получая исхода, тяготит их. Освободись же, иерей Божий, от этой тяготы, излей потоки слов Божиих в отраду себе и в оживление вверенных тебе душ. Когда же увидишь, что и у тебя самого нет истины, возьми ее: **она** — в святых писаниях; и, исполняясь ею, препровождай ее к детям духовным; только не молчи. Проповедуй, ибо на это ты призван. Епископ Феофан Затворник (115, 458).

Пастыри должны часто это учение повторять, чтобы у иных страх Божий, у иных веру и от нее истинное утешение насадить и утвердить в сердцах. Святой Павел видел эту пользу и писал: «Писать вам о том же для меня не тягостно, а для вас назидательно» (Флп. 3, 1). В книге Бытия читаем, что и Сам Бог несколько раз повторял Аврааму Свое милостивое обещание. То же видим и в святых церковных учителях, которые неустанно порученных себе людей учили, наставляли, увещевали, устрашали и утешали. Непостоянно и переменчиво сердце человеческое и

скоро совращается с истинного пути. Поэтому требует и постоянного напоминания, увещания, укрепления, наставления и поощрения. **Святитель Тихон Задонский (104, 1329).**

Почему Христос теперь повелевает взять нож тем, кто уже научился подставлять щеку?.. Приближаясь к страданию и готовясь взойти на Крест, как по злоумышлению иудеев, так и по Собственному изволению ради спасительного Домостроительства, Господь говорит это ученикам, готовя их к борьбе с противниками истины, но не к борьбе, предпринимаемой по маловажным предложениям, где расположением борющихся управляет раздражение, а к состязанию в подвиге, который внушен Богом по пламенной ревности к богопочитанию. Ибо Господь уже видел, что бесстыдные псы иудеи с неистовством восстают против божественного учения и спешат положить конец спасительной проповеди. А потому, посылая Своих учеников на этот подвиг борьбы с иудеями, повелевает им отложить прежнюю кротость и, вооружившись сильным словом, идти на обличение покусавшихся низложить истину. Хотя христианину прежде всего необходимо достойное одеяние, степенная безмятежность духа и скромный нрав, однако во время борьбы с противниками необходимо ему и оружие слова. Поэтому, говорит Господь, в то время, когда Я посылаю вас учителями к Израилю, вы хорошо делали, проявляя мирное состояние духа и таким поведением привлекая непокорных к послушанию, кротостью ведя их к покорности; для убеждения действенное сильного слова правая жизнь... Но поскольку по Моем вознесении враги истины нападут на нее, то каждый из имеющих попечение о нравственном **богоустройстве** да отложит старание о соблюдении мира и да приготовится к состязанию. Ибо нет никакой несообразности для важнейшего оставить на время менее важное и, отложив кротость, сделаться воителем.

Почему продавший ризу непременно покупает нож, и первой не уничтожая и приобретая последний? Да и какой покупает он нож? Тот, о котором говорит: Христос: «не мир пришел Я принести, но меч» (Мф. 10, 34), называя мечом слово проповеди. Ибо, как нож разделяет сросшееся и связанное разделяет на части, так слово проповеди, вносимое в дом, во всяком из них отсекало друг от друга соединенных ради зла неверием, отделяя сына от отца, дочь от матери, невестку от свекрови. Оно рассекало самую природу и тем показывало цель повеления Господня: для великой пользы и во благо людям взять нож.

Поэтому Петр немедленно отвечает, что у них два ножа, о которых Господь сказал, что их достаточно для предстоящего подвига. Ножи же эти, как говорит апостол, есть обличение противников и утешение верующих. Ибо в послании к Титу вручает их учителю: «чтобы он был силен и наставлять в здравом учении и противящихся обличать» (Тит. 1, 9), чем и разделяет слово на два вида, ибо один **вид** — слово учения к верным и **другой** — слово истины к врагам; и одно **дело** — обличение лжи, а **другое** — подтверждение истины. А что мечом называют **слово** — это явно для всякого, так как на памяти у каждого часто повторяется изречение Писания: «Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого» (Евр. 4, 12). Преподобный Нил Синайский (116, 484—486).

Место учения есть святой храм. Однако пастырь везде, где ни бывает народ и когда представится случай, может и должен преподавать учение. В этом деле примером всем пастырям служит Христос, Спаситель мира, Который не только учил в храме Соломоновом, но и в домах, и в пустыне, и прочих местах. Случай подскажет пастырю, старательному и остроумному, что и где говорить, как мы это видим и в Евангелии. Сидя за трапезой, можно говорить о Трапезе Царствия Небесного и прочее (104, 1328—1329).

После обедни всегда что-нибудь почитай, хоть краткое, ради поучения людей. А праздника никакого **не** оставляй без поучения

и где бываешь на приходе, в чьем-либо доме, говори что-нибудь душеполезное, чтобы люди духовно созидались. Если же знаешь кого-нибудь в чем-то согрешающего, увещай его и моли, чтобы перестал грешить, и устрашай Судом Божиим, и мукой вечною, и неизвестным окончанием этой жизни. Горе христианам неисправным и священникам, не старающимся исправить их!

Лица никакого не стыдись и не бойся, но всех, кто грешит, обличай, ибо это есть священническое призвание, и всем проси помощи у Бога. Даже если будут тебя ненавидеть за это злые и злословить, не бойся их; делай **свое**—и Бог тебя защитит. **Святитель Тихон Задонский (104, 1326).**

Первому ветхозаветному архиерею Аарону Господь Бог повелел сделать святительскую ризу, на подоле которой должны были находиться золотые звонцы: «она будет на Аароне в служении, дабы слышен был от него звук, когда он будет входить во святилище пред лице Господне и когда будет выходить, чтобы ему не умереть» (Исх. 28, 35). Дивно было украшение этой ризы с позвонками, но еще более дивно то, что архиерея ожидала смерть, если бы архиерейская риза не имела позвонков: «дабы слышен был,—сказано,—от него звук... чтобы ему не умереть». Мы знаем, что все ветхозаветное было **преобразованием** новоблагодатного; и ветхозаветное священство было прообразом нашего священства; звонцы же, издающие звон, по толкованию святого Григория Двоеслова, знаменовали голос святительского учения, означали, что архиерей, как и иерей, не должен быть немым и должен провозглашать уже не звонцами, а устами и языком, уча и вразумляя людей Божиих, по увещанию апостола: «проповедай слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещай со всяким долготерпением и назиданием» (2 Тим. 4, 2)—твори дело благовестника. Звонцы были золотые, и из священнических уст должны исходить золотые слова: о богоугодии, о святой и праведной жизни, о любви к Богу и **ближнему**,—слова золотые, а не оловянные, то есть полезные, а не бесполезные, честные, а не бесчестные, любовные, а не враждебные, не оскорбительные и не гнилые.

Не имеющий этих золотых духовных звонцов разума и книжного познания, не стяжавший духа премудрости и не способный к учительству служитель Божий и пастырь душ человеческих нем, а вместе и мертв. Ибо как ветхозаветного святителя, если бы он дерзнул войти в святилище без звонцов, ожидала смерть, так и новоблагодатным архиереем и **иереям**, дерзающим принимать на себя со многими происками сан духовный, но не имеющих звонцов разума и премудрости духовной, не могущим поучать Христово стадо, предстоит некая особая **смерть**—не телесная, а духовная, ибо они почитаются Богом мертвыми, и каждому из них Он говорит в Апокалипсисе: «ты носишь имя, будто жив, но ты мертв» (Апок. 3, 1). Мертв пред Богом тот, кто только носит имя и сан пастыря, а обязанности пастыря не исполняет. Обязанность же пастыря прежде всего заключается в том, чтобы поучать полезно, уничтожая человеческие грехи и наставляя на путь спасения. Вот что говорит Бог пастырю: «Взывай громко, не удерживайся; возвысь голос твой, подобно трубе, и укажи народу Моему на беззакония его» (Ис. 58, 1); если же «ты не будешь вразумлять его и говорить, чтобы остеречь беззаконника... то беззаконник тот умрет в беззаконии своем, и Я взыщу кровь его от рук твоих» (Иез. 3, 18). Как бы своей рукой убивает грешника тот, кто не старался увещать его и отклонить от грехов его: молчащий язык пастыря является как бы мечом, убивающим душу грешников. Поэтому и апостол говорит о себе: «горе мне, если не благовествую!» (1 Кор. 9, 16). Горе молчащему пастырю, горе языку его, не проповедующему слова Божия и не учащему! (103, **927—928**).

Нехорошо архиерею не иметь в устах своих слова, называться учителем и не учить, носить на мантии источник, а не источник из уст учения, именовать пастырем, а не предавать пахити своим овцам, носить на себе чин апостольский, а не благовествовать по-апостольски. О

таких пастырях святой апостол Павел говорит: «горе мне, если не благовествую!» (1 Кор. 9, 16).

Но ещё горше архиерею не иметь доброго жития, взирая на которое люди получали бы пользу. Ибо если много может принести пользы учительное слово, исходящее из уст архиерейских, то ещё более может принести всем пользы его добрая жизнь, так как голос дела звучит сильнее, чем голос слова. Слово слышно только предстоящим, дело же проповедуется до концов земли. Пусть ты носишь на языке своем мед сладкогласия, но если имеешь в сердце желчь **грехолюбия** — твое слово будет недейственным, подобно грому без дождя, бывающему в облаках. Какая польза от этого облачного грома, если нет дождя, изливающегося на жаждущую землю? Какое умиление душам от голоса учителя, если он не помогает им делом? Говорящий доброе, а делающий злое более соблазнит, чем научит, и от всякого услышит притчу: «врач, исцели Самого Себя» (Лк. 4, 23). **Святитель Димитрий Ростовский (103, 788).**

Не учи тому, чего не исполнил сам

Никому не предлагай того, никого не учи тому, чего прежде сам не исполнил на деле. **Преподобный Антоний Великий (82, 27).**

Хорошо поучая словами, можно опровергать свое учение делами. Это стало причиной множества зол в Церкви (43, 278).

Порочность в соединении с искусством слова производит гораздо большие беды, чем необразованность (35, 101).

Одно зависит от дел, а **другое — от слов**, и каждая из этих двух частей имеет потребность в другой, чтобы здание было совершенным. Святитель **Иоанн Златоуст (35, 460).**

Если не запасено в сердце добра, то как не обладающий им втайне вынесет устами сокровище? Если имеющий доброе в сердце не возвещает о нем словом, то будет сказано ему: «Скрытая мудрость и утаенное **сокровище** — какая польза от обоих?» (Сир. 20, 30). Поэтому для пользы других «уста мои изрекнут премудрость», а для собственного моего преуспевания «размышление сердца моего» стяжает знание (**Пс. 48, 4**) (4, 304).

Предстоятель слова должен быть для других образцом всего **доброего**, прежде сам исполняя то, чему учит. Святитель Василий Великий (6, 389).

Много таких, которые надоедают словами, но мало таких, которые бы наставляли делами и которым особенно надлежало бы священнодействовать (50, 279).

Всякое слово, не подтверждаемое делом, не только кажется напрасным и пустым, но обращается в укоризну, особенно если произнесено проповедником. Чем с большей готовностью он пользуется им, тем более вызывает недоверия, даже насмешек. Поэтому нужно сперва делать, а потом говорить (52, 311).

Обычно больше пользы приносит жизнь без слов, чем слова без жизни. Ибо пример жизни помогает и молча, а пустые слова и взывая возбуждают неудовольствие. Но если будут соединены слово и **жизнь — это** станет образцом всякой мудрости (51, 57).

Делать и **учить — превосходнее** всего, а делать и не **учить — недостаточно**, это хромота на одну сторону. Для этого у человека и есть дар слова... Ибо какую силу будет иметь доблестная

жизнь, когда предстоит спор о догматах и защитник неправого учения неудержимо устремляется против догматов правых? А учить не **делая**—это подобно листьям без плодов и не останется без осмеяния, посрамления и осуждения (51, 171).

Тот, кто не способен говорить, но славен по жизни и отличается правдой и воздержанием, лучше живущего постыдно и в высшей степени сильного в слове (51, 173).

Кто берется учить других, тому надо сперва сделать, потом говорить. А кто не делает, тот не вправе и говорить. Первый сопричтен будет к первoverховным, а второй не только понесет наказание, но и здесь возбудит смех, потому что сделается для слушателей предметом осмеяния. Поэтому надо или говорить, **делая**, или, не **делая**, хранить молчание и связывать язык уздой искренности, способной породить и раскаяние (51, 225).

Думаю, что учителю всеми мерами нужно стремиться к двум **преимуществам**—**чистоте** жизни и достаточной силе слова... чтобы как приводить учеников к должному состоянию, так и учить мудрости непокорных. Ибо как обучающие чистописанию, взяв доску, с изяществом выводят буквы и отдают начавшим обучаться, чтобы насколько могут, подражали этому, так и нашим наставникам надлежит представлять свою жизнь ученикам, как некий ясно начертанный образец, чтобы, насколько можно, ей подражали. Если же ученики, видя не только безукоризненную, но и чудную жизнь, не устремляются к добродетели, то уже всякий поставит это в вину не учителю, но беспечности учеников. Поскольку же иные спрашивают, почему бы от предосудительных поступков учеников не удерживать страхом, спросим и мы: каким же страхом действовать наставнику? Сделать выговор? Но это, повторяемое многократно, не имело силы. Убеждать жестом? Но это не позволено. Отлучить? И это было испытано. Изгнать из города? Но у него нет такой власти. Обещать Небесное Царство? Но беспечным это кажется сказкой. Угрожать Судом? Но слушатели смеются над этим... И вот те, кого не нужно было бы включать и в число подчиненных, осмеливаются самовольно вступать на учительскую кафедру и мечтают владеть **алтарем**—**не** овладевшие сами собою; думают управлять **другими**—неспособные управить себя самих; от них-то дела церковные приходят в расстройство (51, 283).

Самым делом надлежит... убеждать слушателей, что есть Царство Небесное, и пробуждать в них желание его. Убеждаются же слушатели, когда видят, что учитель совершает дела, достойные Царства. А если совершающий дела, достойные осуждения, станет мудрствовать о Царстве, то как убедить ему слушателей? Ибо он поступает подобно человеку, который убеждает возлюбить нечто тех, кого сам убедил прежде, что этого не существует. **Преподобный** Исидор Пелусиот (52, 146).

Опасно учить ближнего преждевременно, чтобы самому не впасть в то, от чего предостерегается ближний. Впадающий в грех не может учить, как не впадать в него (82, 148).

Не поступайте ни в каком случае дерзко. Самый наружный

образ ваш да служит назиданием. В особенности же да служит назиданием ваше **молчание**—и явное, и в духе. Преподобный авва **Исаия** (82, 178).

Никогда я не исполнял моей воли и никого не учил тому, чего сам прежде не сделал. Авва Иоанн Колов (82, 297).

Преимущественно трудом, а не голыми словами постараемся научиться познанию божественных истин, ибо не слова, а дела мы должны будем показать во время исхода. Преподобный Иоанн Лествичник (57, 182).

Проповедание слова Божия без **послушания**—**Богу** неужодно и проповедующему бесполезно. «Грешнику же говорит Бог: «что ты проповедуешь уставы Мои и берешь завет Мой в уста твои, а сам ненавидишь наставление Мое и слова Мои бросаешь за себя?» (Пс. 49, 16—17 и далее). Надо прежде исправить себя и тогда исправлять людей; себя научить, и потом учить людей, как говорит апостол: «как же ты, уча другого, не учишь себя самого?» (Рим. 2, 21), чтобы нельзя было отнести к тебе эту поговорку: «врач! исцели Самого Себя» (Лк. 4, 23) (104, 1342).

Зови, возлюбленный, зови людей, пока открыты двери; зови, но и сам иди; иди перед ними и показывай им путь в славный дом Небесного Царя. Говори им громко: «все готово; приходите на брачный пир!» (Мф. 22, 4). И к чему других зовешь, и сам спеши, не стой, не будь столбом, стоящим на пути, который указывает путь к городу, но сам не движется с места, но будь вождем, который и другим указывает путь, и сам вперед идет. Призывы твои будут действительны, если сам будешь идти туда, куда зовешь других, иначе мало что успеешь. Люди больше следуют примеру, чем слову. Сильным будет слово твоего призыва, если пример твоей жизни будет согласен с твоими словами. А когда люди слышат призыв твой, а видят, что сам ты не движешься, едва ли будут верить и слову твоему. И так ты словом будешь звать, но примером будешь удерживать. Святитель Тихон Задонский (104, 1342—1343).

Внутренние побуждения к проповеди

Бог ценит не красоту речи, а расположение проповедника... Святитель Иоанн Златоуст (37, 827).

Четыре... причины приводят ум в состояние говорить: или сверхъестественная благодать и блаженство; или чистота, происходящая от подвигов во имя Божие и возвращающая душу в первоначальную красоту; или земная ученость, приобретаемая обучением человеческим и стремлением к внешней мудрости; или проклятое сатанинское обольщение, происходящее от гордости и демонского лукавства и составляющее извращение естества. Преподобный Исидор Пелусиот (51, 2).

Один проповедник говорит проповеди, чтобы показать себя, получить славу и похвалу слушателей и получить высокую

степень, другой проповедует, чтобы помочь людям. У этого доброе намерение, а у того злое. **Святитель Тихон Задонский (104, 1329—1330).**

Учи, чтобы самому научиться, и доставишь пользу слушателям. Преподобный **Ефрем Сирия (26, 629).**

Предстоятель слова не должен употреблять своей власти к оскорблению подчиненных и превозноситься перед ними, а, напротив, обязан более обращать высоту сана в повод к смирению (6, 396).

Не должно проповедовать Евангелие из склонности к спорам, из зависти или соперничества. **Святитель Василий Великий (6, 397).**

Ты — словолюб, ты исполнен ревности; для тебя непереносимо, если не польется у тебя слово! В этом случае желаю тебе не больше свойственного человеку. Говори, но со страхом, говори, но не обо всем, не всякому и не везде. Знай, кому, сколько, где и как говорить. Для всякой вещи, как говорят, есть свое время и всему своя мера. **Святитель Григорий Богослов (16, 43).**

Проповедь... разрастается подобно горчичному дереву... Поэтому надо не только быть прилежным к проповеди, отрешившись от всего **прочего,—** нужно делать это с радостью. **Святитель Иоанн Златоуст (41, 491).**

Те, кто в угождение слушающим не с дерзновением возвещают волю Божию, раболепствуя перед теми, кому хотят угодить, уже не подчиняются Господнему владычеству. **Святитель Василий Великий (6, 399).**

Не величайся красноречием, лучше возвещай действенное учение людей простых и некнижных, чтобы стать и тебе учеником апостолов Господних, а хвалиться внешней мудростью запрещено, особенно христианам. Преподобный **Ефрем Сирия (25, 520).**

Жаждающий похвал хотя и может вести беседы, назидательные для народа, но вместо них предлагает то, что более услаждает слух (35, 462).

Принявший на себя подвиг учительства не должен внимать похвалам посторонних людей и без них ослабевать душой. Он должен поучать так, чтобы угодить Богу... Если при этом будет он хвалить людьми, пусть не отвергает похвал... Если же нет, пусть не ищет их и не сетует: достаточное и лучшее утешение в **трудах**—если он может сознавать, что он составлял и направлял свои поучения на угождение Богу. Подлинно, кто предается страсти к безрассудным похвалам, тот не получит никакой пользы ни от многих трудов своих, ни от силы своего слова... Потому что душа, не умеющая переносить неразумных осуждений народа, слабеет и теряет охоту к слову... Поэтому больше всего нужно приучиться презирать похвалы. **Святитель Иоанн Златоуст (35, 466).**

Кто проповедует слово Божие, чтобы прославиться на **земле**,— совершает мерзкий грех (104, 1545).

Божие слово дано нам ради нашего спасения и славы имени Божiego, ради этого должно быть и проповедуемо. Но когда люди ради своей похвалы и славы его проповедуют, то славу, подобающую единому Богу, присваивают себе. Поэтому бывает, что такие проповедники мало чем помогают людям, хотя их люди и хвалят. Не с такой целью, с какой дано слово Божие, проповедуют, поэтому и недействительно бывает в сердцах слышащих. **Святитель Тихон Задонский (104, 1330).**

Преждевременное стремление учить других и признание себя способным к этому служит причиной падения для души. Руководствующие самонимием и желающие возводить ближнего в состояние **бесстрастия**—приводят свою душу в бедственное состояние... Это относится не к пастырям, которые по долгу своему наставляют ближних, и не к тем преуспевшим инокам, подвиг которых осенен божественной благодатью, которым завещается монашескими правилами давать советы новоначальным... **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (82, 138—139).**

Как врачи часто вынуждены огорчать больных, приготавливая им пищу и лекарства, которые не доставляют удовольствия, хотя приносят великую пользу... так и учителя... **Святитель Иоанн Златоуст (45, 555).**

«Согрешающих обличай перед всеми, чтобы и прочие страх имели» (1 Тим. 5, 20). Ничего нет предосудительного, если поучение обличительно. Ибо обличение состоит не в чем ином, как в живом и твердом объяснении человеческой развращенности и заблуждения и в увещании, чтобы, оставив заблуждение, люди обратились на путь истины. Что в этом предосудительного? Врач иногда прилагает пластыри легкие, иногда же болезненные и мучительные, а иногда и жестоко режет, смотря по свойству болезни, и никто его в этом не упрекает, только бы сохранил жизнь (хотя иногда лечением он и причиняет смерть). Учитель, особенно же церковный пастырь, есть врач духовный; врачевать не телесные болезни, а **духовные**—это его несомненный долг. По свойству душевной болезни, растворяет он слово свое иногда тишиной и кротостью, иногда строгостью и обличением...

... Лицемерие и снисходительность к страстям особенно недостойны этого священного места. Если бы истина умолкла и во всем свете, то, по крайней мере, она должна неумолчно вопиять при жертвеннике Господнем. Нет большего вреда, как если и те, кто поставлен свободно обличать наши пороки, будут только заискивающе угождать нашим страстям. «Я тебя уязвляю,—говорил Иоанн **Златоуст,—и ты вопиешь; но я не внимаю твоему воплю: я—врач, мои средства приносят исцеления**». О, как нужен такой человек, особенно в те времена, в которые развращенность не уважает ничего священного, без стыда проявляет своеволие и свои прихоти ставит своим единственным законом! Как один такой мог бы подкрепить падающий дом!

... Проповедник в своем обличительном слове никого не называет. Касается всех сердец, но уязвляет только те, которые больны; и это втайне чувствует только одно уязвленное сердце и тем самым исцеляется.

Поэтому видим, что и обличительное поучение для наших страстей и пороков — полезнейшее лечение. Платон, митрополит Московский (105, 456—458).

Другой заботы, кроме проповеди Евангелия, у апостола Павла не было никакой. Было ли это служение слову средством к получению большого воздаяния от Бога — и это нельзя сказать. В послании к Коринфянам святой апостол упоминает о другой заботе: «дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным» (1 Кор. 9, 27); но и эта святая забота о своем спасении была для него делом как бы второстепенным в сравнении с главной и единственной его заботой. Какую значимость он придавал своему спасению по сравнению с успехом проповеди, показывают его слова, исполненные неистощимого самоотвержения: «я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих» (Рим. 9, 3). То же самое он говорит и теперь: «Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, — проповедать Евангелие благодати Божией» (Деян. 20, 24). Только тогда, когда мы будем иметь понятие о всецелом посвящении себя делу Божию, мы в состоянии будем понять и необычайное усердие к проповеди, и высочайшее бескорыстие в деле служения, о которых говорит святой апостол: «три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас» (Деян. 20, 31), учил «всенародно и по домам» (Деян. 20, 20), чтобы, с одной стороны, не опустить чего-либо полезного и непременно сказать всю волю Божию, а с другой, — не оставить кого-либо без назидания и каждого полностью убедить в воздвигаемых истинах. Нужно вспомнить еще и то, что такое многотрудное и поистине возможное только для апостола дело назидания происходило со многими слезами, среди напастей и иудейских наветов. При таком самоотвержении и ревности к делу Божию, которая нисколько не ослабляется самыми враждебными препятствиями, почти сама собою понятна ее возвышенная чистота, не только чуждая корысти, но и заботливо отклоняющая всякий повод к такому неуместному подозрению. «Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни от кого не пожелал: сами знаете, что нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии» (Деян. 20, 33—34). Но и здесь еще не предел самоотверженности апостола. Он еще не ограничивается тем высоким бескорыстием, по которому в деле многотрудном, поглощающем все его время и все заботы, не ищет никакой корысти, он еще почитает своим правилом, что «блаженнее давать, нежели принимать» (Деян. 20, 35). Это признание человека, уже совершенно распявшегося миру, было последним словом его прощальной беседы, приложившим последнюю высокую черту к полному изображению характера его служения.

Но святой апостол говорил о себе и о своем служении с такой откровенностью не для того, чтобы поразить слушателей изображением своего духовного величия. У него везде и во всем одна мысль и одна цель — проповедание Христа. И здесь он имеет целью — через изображение своей жизни перед слушателями полнее и яснее вообразить в них Христа, как бы повторяя свои слова: «будьте подражателями мне, как я Христу» (1 Кор. 11, 1). Потому, говоря о своем служении, святой Павел тут же дает и наставление. Так как перед ним были пресвитеры — наставники Церкви, то его наставление преимущественно касается обязанностей их служения. Если будете, подобно мне, внимательны к себе и ко всему стаду, то будете чисты от крови всех, то есть невиновны в гибели некоторых. Если будете бдительны, то прогоните волков, не падающих стада, которые по отшествии моем придут к вам. Если будете бескорыстны, то получите наследие во освящении всех.

Таково наставление, преподанное святым апостолом преемникам его служения. Но им легко могут воспользоваться и все христиане. Пусть для каждого будет образцом апостольская ревность к делу Божию — усердие, не помнящее о тяжести труда, не взирающее на величину препятствий и совершенно чуждое корысти, — тогда каждый явится совершенным Божиим человеком, вполне готовым на проповедь и всякое благое дело. Воскресное чтение (114, 509—510).

Дар слова...

Не нужно думать, что успех проповеди достигается нашими собственными измышлениями, но всю надежду надо возлагать на Бога (6, 398).

Для Евангельской проповеди не нужно пользоваться человеческими преимуществами, чтобы ими не затмевалась Божия благодать. Святитель Василий Великий (6, 397).

Духовное слово может убедить послушных вере даже без содействия грамматики и риторики (26, 120).

Сказанное с ухищрением не для всех вразумительно, особенно же для незнакомых с мирским мудрствованием. Преподобный Ефрем Сирии (26, 119).

Превосходный способ **увещания** — отклонять от слабого и приводить к твердому, уничтожать ложное и представлять истинное, обличать вредное и показывать полезное. Святитель Иоанн Златоуст (39, 531).

Если кто не имеет силы слова, души подчиненных ему людей будут постоянно находиться в состоянии несколько не лучшем, чем корабли в бурю... Поэтому священник должен употребить все меры, чтобы приобрести эту силу. Преподобный **Ефрем** Сирин (32, 460).

... И искусство проповеди

Всякое искусство (от упражнения в нем) возрастает, усиливается, а от праздности гибнет; особенно же дар слова, если за ним ухаживать и орошать его, делается более сильным, а если не прилагать о нем попечения, легко проходит и исчезает. Преподобный Исидор Пелусиот (51, 132).

Если никто не позволяет пользоваться оружием неопытным, то тем более употребление слова надо уступать людям способным, которые в состоянии выбрать и место, и время и, с разумом выслушивая вопросы, отвечают на них без склонности к спорам, благоразумно и правильно их разрешают... к общему назиданию. Святитель Василий Великий (8, 166).

Многословие не полезнее мудрости; доставив, может быть, некоторое удовольствие, оно улетает и исчезает вместе с колебанием воздуха, не оставляя следа, только очаровывает красноречием, пленяя слух. А мудрость проникает в ум, раскрывает уста, исполняет их духом, переживает рождение слова и немногими словами возделывает многое. Святитель Григорий Богослов (15, 47).

Достоинства **речи** — **истинность**, краткость, ясность, благовременность. Недостатки же — **лживость**, многословие, неясность и несвоевременность. Ибо что пользы, если истина многословна и утомляет слушателей; или коротка, но не ясна; или и ясна, но произносится некстати? Если же имеет все совершенства, то

будет сильна, разительна, действенна, покоряя слушателей истинной, привлекая краткостью, уловляя ясностью и увенчиваясь благовременностью (52, 228).

Премудр в слове тот... кто может свою мысль изложить ясно, а не тот, кто затемняет ее ясность премудрыми и высокими речами. Один выносит на свет сокровенное, а другой и ясное для всех скрывает во тьме (51, 107).

Превосходное образование не позорь грубостью сердца, но присоединяй к хорошим дарованиям и доброе сердце и к силе слова — кротость нравов, чтобы сделаться славным перед Богом. Преподобный Исидор Пелусиот (51, 107).

Говорящий без приготовления часто погрешает, так как не в состоянии рассматривать Писание и в то же время следить за красотой речи (43, 986).

Не нужно всегда держать в напряжении душу слушателей, потому что она скоро изнемогает. Не нужно и всегда давать ей покой, потому что от этого она становится бездеятельной (39, 151).

Кто составляет всю свою речь из предметов трудных, непременным для слушателей и часто вынуждает душу, не выдержавшую тяжести его слов, отворотиться от них (35, 317).

Кто разнообразит речь и составляет ее больше из легких, чем из трудных предметов, тот прикрывает весомость предмета и, успокоив слушателя, успешнее убеждает и привлекает его. Святитель Иоанн Златоуст (35, 317).

Поучать нужно о самых важных для спасения потребностях — кратко, ясно, просто и понятно простому народу. При каждом учении должно быть краткое нравоучение на ту же тему. Учение нужно подтверждать Священным Писанием и толкованием святых и богоносных отцов и учителей церковных, пояснять образами и историями, примерами и доказательствами... Высоких богословских вещей можно касаться, если случайно возникнет необходимость, и то со всякой осторожностью. Везде нужно иметь предосторожность и крайне беречься от преткновения и соблазна (104, 1327).

Что имеешь сказать людям, нужно прежде достаточно обдумать и хорошо понять, и тогда предлагать людям. Пища прежде варится, растворяется солью, и так подается на трапезе, и бывает вкусна и полезна. Так и пастырю пищу слова Божия нужно прежде приготовить внутри своего сердца, и растворить солью разума, и тогда алчущим людям предложить на духовную трапезу, иначе пастырь может легко погрешить в слове. Святитель Тихон Задонский (104, 1328).

Не широко и не разнообразно содержание апостольской проповеди, насколько можно судить по речам апостолов, дошедшим до нас. Да и не могло быть раскрыто во всей полноте и со всею подробностью все христианское учение в немногих записанных речах; апостолы и не стремились к тому. Их главной целью было — выразить существенные элементы новой веры, в которых содержатся все частные положения христианского вероучения и нравоучения. Они не входят в обсуждение и

опровержение заблуждений, господствовавших тогда в обществе человеческом, не представляют теоретических соображений, направленных на разрешение отвлеченных вопросов знания, а сосредоточивают все внимание — как свое, так и своих *слушателей* — на деле искупления падшего человечества страданиями и смертью Христа, обетованного Мессии. Этим они на деле показывают всем последующим деятелям церковного проповедничества, где коренная, исходная и конечная точка для их наставлений, от которой должны получать начало и силу и к которой должны возвращаться их разъяснения. В какие бы частные вопросы они ни входили, в них не должна теряться из виду существенная идея христианского учения, и от центральной точки, следуя примеру апостолов, они постепенно должны переходить к разбору частных разветвлений одной главной христианской истины. Указание на факт Искупления силою Распятого и Воскресшего Иисуса Христа, составлявшее сущность проповеди апостольской, было зерном горчичным, выросшим впоследствии в великое дерево. Это дело Искупления так широко и многозначительно, что усвоение его сознанием переменяло убеждение людей и давало новый оборот расшатавшейся жизни. С ним связано представление о Боге, близком к нам и любовью Своею ведущем нас из жизни греха и страданий к блаженству и счастью, и с другой стороны, представление о нашем ненормальном, греховном состоянии, сознание внутренней потребности очищения и изглаждения нашей вины перед Богом и необходимости нравственного исправления своей жизни. То и другое намечало точки, по которым должно было начаться и совершиться преобразование человеческой жизни в теоретической и нравственной области.

Во внешней стороне апостольских речей, составлявшихся не по правилам искусства, а бывших делом минутного вдохновения, мы не найдем нарочитого выражения тех законов, уяснением которых занимается наука о церковном ораторстве. Но есть здесь черты, обращающие на себя внимание проповедника, долженствующего разъяснить народу то же слово о Христе, какое возвещали и апостолы. Такой чертой служит приспособление их к содержанию сознания слушателей и употребление ими таких средств убеждений, какие имели значение в глазах тех, перед которыми говорилось слово. В большинстве случаев слушателями апостольских речей были иудеи, воспитанные в законе и пророках, хранившие предание предков и гордившиеся своей историей, как историей богоизбранного народа, состоявшего под особенным попечением Промыслителя. Перед нами апостолы ссылаются на ветхозаветное писание, многократно берут из него свидетельства и разъяснения или защиту проповедуемой ими истины, припоминают обетования *Божии*, пользуются примерами из отечественной истории и мудрой мыслью все направляют к оправданию своего свидетельства о Христе, как обетованном Избавителе народа. Отсюда в их речах священный библеизм, при котором слово их стоит в самом близком и непосредственном соприкосновении с Божественной Книгой Завета, на нее опирается и к ней возвращается внимание слушателей. С этой стороны оно является достойным предметом подражания для проповедников божественного слова, имеющих дело с христианскими слушателями. Возникая из слова Божия и будучи его продолжением и разъяснением, церковная проповедь не может оставлять без внимания тот божественный источник своей веры и своего содержания, который стоит перед глазами верующих с силою божественного авторитета.

...Случай был внешней исходной точкой для речей апостолов, и случай связывал их с течением исторических событий. Вызванные запросом минуты, не повторяющейся в другой раз со всей своей частной особенностью, и отвечая на нее, они получали отсюда свою характерную индивидуальность, и в целом были речами, собственно, только для этой минуты. Но руководимые Духом Божиим святые апостолы, приспособляясь к настроению минуты, каждый раз перед сознанием слушателей выставляли общее высокое содержание. И оно являлось в их устах со значением насущного материала, могущего питать души, требующие истины, и падало, как семя, на жизненное историческое поприще. Мы видим в этом один из существенных признаков истинного достоинства

учительного слова, имеющего значение слова исторического. Таким бывает только то слово, которое не рождается от прихоти учителя, а с одушевлением отвечает на горячий запрос дня и пользуется настроением минуты для проведения вечных начал истины и правды. Часто сменяющиеся явления, действующие на личную волю человека, и общие начала высшей правды постоянно переплетаются в истории, и кто работает над их сочетанием, с полным вниманием к запросам обеих сторон, только тот приобретает значение исторического деятеля. Так обстоит дело как в жизни вообще, так и в сфере церковного учительства в частности.

...Первая речь, имеющая значение открытого воззвания имени Христово и стоящая во главе всех позднейших проповедей, слышанных из уст свидетелей Христовых, сказана была апостолом Петром при необычайных **обстоятельствах** — тотчас после сошествия Святого Духа на апостолов, при обнаружившемся тогда чудесном действии Его в апостолах, изумившем всех свидетелей чуда.

Необычайные великие события своего времени, не понимаемые или не признаваемые народом, окружающим апостолов, Петр сближает с пророчествами о них и обетованиями, известными каждому израильтянину. И люди начинают веровать в то, чего не понимали или чего не признавали. Для них уясняется великое значение тех событий, о которых говорил богодухновенный учитель.

Другая черта, обращающая на себя внимание в речи **апостола**, — это мягкость слова, старание сгладить все жестокое и неприятное, что имел в себе предмет, затрагиваемый речью. Апостолу приходилось говорить о таком факте, который тяготееет неизгладимой виной на народе израильском, именно о неправедном осуждении им Того, Кого Бог Отец послал в мир Спасителем человека и Кто представлял из себя высшую благодеющую, олицетворенную любовь. Выставляя этот факт, апостол Петр не поражает словом грозного обличения виновных, а старается по возможности извинить их преступление, указывая на то, что это совершилось во исполнение предопределенного Совета Божия, как бы помимо прямой их воли. Противоположный образ представления мог бы ожесточить слушателей и оттолкнуть их как от говорящего, так и от веры в то, о чем он говорит. Но тот, какой употребил апостол Петр, вносит примирение и умирение в души слушателей и в состоянии расположить **их** — как и действительно расположил **многих** — к искреннему и сердечному покаянию и вере в проповедуемого Мессию. В конце речи, желая более сильнее расположить к вере во Христа умиленных сердца израильтян, апостол напоминает им об особенных обетованиях Божиих, им данных, о том, что они и дети их представляют богоизбранный народ, который должен идти впереди других в путях Царствия Божия, и так, приспособляясь к **их естественному** национальному чувству, усиливает средства к тому, чтобы склонять их к вере в Господа Иисуса Христа (114, **125—129**).

В Коринфе апостол Павел оставил всякую заботу о естественной художественности слова и старался говорить как можно проще. Но это потому, что ученая манера речи здесь была нецелесообразна, так как слушателями его были, за немногими исключениями, люди простые и некнижные. «Посмотрите, братия, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных, но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее» (1 Кор. 1, 26—28), — говорит апостол, объясняя и свойство своей проповеди. В Коринф Павел явился прямо из Афин (Деян. 18, 1). А в Афинах опыт показал ему, что от ученых доказательств и искусственных приемов речи нельзя ожидать особенных успехов в евангельской проповеди: здесь, перед учеными и афинскими философами, апостол показал свою мудрость, но плода отсюда почти никакого не было, а заметно было у слушателей или холодное равнодушие к предмету проповеди, или слышались оскорбительные насмешки над ней. В сознании бессилия человеческой мудрости он с тем большим доверием обратился к благодати Божией и простым словом стал возвещать Христа распятого. В. Ф. **Певницкий** (114, 361—362).

«Проповедуйте Евангелие всей твари»

«Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16, 15). Евангелие проповедуется всей твари, если оно проповедуется человеку, для которого сотворено все на земле и который имеет сходство со всеми тварями. Под именем всей твари можно разуместь также и язычников, ибо прежде апостолам было сказано: «на путь к язычникам не ходите» (Мф. 10, 5), а теперь велено проповедовать всей твари. То есть апостольская проповедь тогда должна была послужить нам на пользу, когда, во свидетельство своего осуждения, ее отвергли гордые иудеи. Святитель Григорий Двоеслов (116, 687).

Долг усердного проповедника, как и заботливого земледельца, — не оставлять своего дела, пока не увидит, что посаженное слово укоренилось (42, 120).

Наставники не все говорят, как хотели бы сами, но как этого требует состояние немощных (42, 194).

Намеренному говорить о предметах духовной мудрости особенно нужны слушатели сокрушенные и смиренные, чуждые гордости и тщеславию. Святитель Иоанн Златоуст (39, 232).

Открывать перед всяким без разбора тайны спасения... то же самое, что в нечистый сосуд вливать многоценное миро. Святитель Василий Великий (7, 171).

Тому, кто не внимает словам твоим, не говори их. Преподобный Антоний Великий (82, 271).

Источники текут, хотя бы никто не черпал из них... Так и проповедник, хотя бы никто не внимал ему, должен исполнять все, зависящее от него. Святитель Иоанн Златоуст (35, 779).

ПЕЧАЛЬ ПО БОГЕ

«Печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению» (2 Кор. 7, 10).

Корни деревьев горьки, а плоды их весьма приятны. Так и печаль по Боге принесет нам великую радость. Кто часто молился со скорбью и слезами, те знают, какую получали они радость, как очищали совесть, как восставали с благою надеждой (36, 208).

Что тяжелее печали? Но когда эта печаль по Боге, она гораздо лучше мирской радости. Эта радость обращается в ничто, а печаль ведет к спасительному покаянию. **Святитель Иоанн Златоуст (44, 606).**

Где печаль ради Бога, там будет и вечная радость. **Преподобный Нил Синайский (49, 107).**

Трезвись против духа, наводящего печаль на человека: он распространяет многие сети, чтобы уловить тебя и ввергнуть в расслабление. Печаль по Боге приносит радость и утверждает человека в воле **Божией (82, 200).**

Печаль по Боге не ввергает человека в отчаяние, напротив, утешает его, внушая ему: «Не бойся, снова прибегни к Богу: Он благ и милосерден, Он знает, что человек немощен, и помогает ему» (82, 200).

Печаль в разуме Божиим, снедая сердце, удерживает чувства его от увлечения грехом, а трезвение противостоит лукавым помыслам и охраняет ум от небогоугодных движений. **Преподобный авва Исаия (82, 222).**

Каждый день слышу, как многие христиане говорят: если бы и мы были во времена апостолов и сподобились видеть Христа Господа, и мы были бы святы, как они. И не знают они, что Тот, Кто говорил во времена апостолов, говорит и теперь во всем мире. Он и в действиях Своих тот же, каким был в древние времена. Об этом говорит Он Сам, что как Отец **всегда — в Сыне**, так и **Сын — в Отце**, как Отец всегда делает, так и Он всегда делает.

Но, может быть, кто-нибудь скажет, что совсем не одно и то же — видеть Самого Христа телесно, как тогда видели **Его** апостолы, и только слышать слова Его, как слышим теперь мы, учась от других всему, что говорится в Евангелиях о Христе и Царстве Его. И я тоже говорю, что теперешнее совсем не равно прежнему, оно несравненно больше. И теперь проще прийти к совершенной вере, чем тогда, когда люди видели Господа на

земле и слышали слово Его. Ибо тогда Господь наш являлся человеком простым, смиренным, каким и признавали Его неблагодарные иудеи, а теперь проповедуеться как Бог Истинный. Тогда, общаясь с людьми, Он ел с мытарями и грешниками. А теперь сидит одесную Бога и Отца и питает, как веруем, весь мир. И не только это, но веруем и говорим, что без Него ничто не существует. Тогда уничижали Его самые ничтожные люди, говоря: «Не плотник ли Он, Сын Марии?» (Мк. 6, 3). А теперь поклоняются Ему цари и князья как Сыну Истинного Бога и Богу Истинному. И Он прославляет всех, поклоняющихся Ему в духе и истине, хотя и наказывает их иногда, если согрешают, чтобы сделать их из глиняных и **хрупких — твердыми** и крепкими более всех людей, живущих под небесами. Тогда считали Его одним из людей, тленным и смертным, и было важно и удивительно, если кто-нибудь полной верой признавал Его Творцом неба и земли и всего, что в них. (Тогда Он был Богом непрославленным и невидимым, Он пришел в образе раба, приняв тело человеческое, и по всему был подобен людям, ибо ел, пил, спал, уставал, проливал пот и делал все, как другие, кроме греха.) И когда Петр исповедал: «**Ты — Христос, Сын Бога Живаго**», то Владыка похвалил его: «Блажен ты, Симон, сын Ионии, потому что не плоть и кровь открыли тебе это (то есть чтобы ты познал Истину), но Отец Мой, Сущий на небесах» (Мф. 16, 16, 17). А теперь нет ничего удивительного в том, что Господь Иисус проповедуеться Сущий во Славе. Я даже полагаю, что кто теперь, слушая Христа, ежедневно взывающего к нему в святых Евангелиях и объявляющего волю благословенного Отца Своего, не повинуется Ему со страхом и трепетом и не соблюдает заповедей Его, тот, если бы и тогда был, и видел бы Самого Христа, и слушал Его учение, не уверовал бы в Него; боюсь даже, не стал ли бы поносить и злословить Его. **Преподобный Симеон Новый Богослов (ИЗ, 204).**

Полезна печаль и из-за страха геенны, чтобы не впасть в нее. Затем и в Святом Писании как о Вечной Жизни, так и о геенне сказано нам человеколюбивым Богом, чтобы мы избегали геенны, а Вечную Жизнь получили. Имеют и истинные христиане, и святые страх Суда Божия и геенны, но этот страх побеждают верой и молитвой, ибо Христос пришел, чтобы смертью «лишить силы имеющего державу смерти, то есть диавола» (Евр. 2, 14). Но печалются и сожалеют особенно потому, что из-за немощи плоти не могут угодить воле Божией так, как требует слово Божие. Поэтому вздыхают и молятся Небесному Отцу: «Остави нам долги наша» (Мф. 6, 12) **(104, 1934).**

Печаль по Боге должны иметь все те, кто согрешил перед Господом, но обратился и кается. Печалиться, повторяю, должны, что Бога, Который есть вечная Любовь и Благодать, оскорбляли злыми делами. Должны были Его почитать, но бесчестили беззаконной жизнью. Должны были Его более всего любить, но не любили; должны были слушать, но не слушали. Такова истинная печаль по Боге, которую верная душа имеет не из

страха мук, следующих за грехи, но из-за того, что она оскорбила Бога. И эта-то печаль есть печаль по Боге, которая «производит неизменное покаяние ко спасению» (2 Кор. 7, 10). За эту печаль апостол хвалит коринфян и радуется о ней: «Теперь я радуюсь не потому, что вы опечалились, но что вы опечалились к покаянию; ибо опечалились ради Бога» (2 Кор. 7, 9). Так опечалился апостол Петр, когда отрекся от Христа «и выйдя вон, плакал горько» (Мф. 26, 75). **«Петр,—говорит Златоуст,—когда отвергся Христа, не от страха муки плакал, но потому, что отрекся от Любимого, что было ему горше всякой муки» (104, 1359).**

Истинная христианская **печаль** — печаль о том, что христиане имеют высокое и небесное призвание, но не могут жить достойно этого призвания по немощи плоти; что называют Бога Отцом, но не могут так совершенно, как требует долг, любить Его и угодить ему; получают от Него неизреченные благодеяния и надеются в будущем веке получить их еще больше, но достойно отблагодарить Его не могут. «Что воздам Господу за все благодеяния Его ко мне?» (Пс. 115, 3). Эта печаль им полезна и приятна Богу, ибо **«Жертва Богу — дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже» (Пс. 50, 19).** Такая печаль нужна всякому христианину, ибо такой печалью исправляется и обновляется растленное естество **(104, 1360).**

И радость, и печаль христианские должны быть иными, нежели у сынов этого века. Они не должны печалиться о том, что не имеют в этом мире благополучия, не имеют богатства, славы, чести, что мир их ненавидит, гонит и озлобляет. Этой печали они должны противиться, изгонять ее и не давать ей места в сердце своем. Даже должны радоваться этому, ибо так и познается, что они не чада мира сего, но чада **Божии**, как говорит Христос: «Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Ин. 15, 19). Ибо кто печалится о том, что не имеет любви и почитания в этом мире, тот показывает, что любит мир, о земном мудрствует, к земному прилепляется, что противно вере христианской **(104, 1361).**

Когда лишился богатства, чести, славы, печалью их не можешь возратить. Когда разлучился с женой или **отцом**, с матерью, братом или другом и об этом печалишься, этого тоже не возратишь печалью. Видишь, что печаль мира сего бесполезна. Одна только печаль по Боге полезна, ибо душеспасительна, ибо очищает душу от грехов. **Святитель Тихон Задонский (104, 1362).**

О жажде и искании Бога

Только в искании Бога и божественного не знай меры и насыщения. Бог еще больше дарует Себя тем, кто приемлет Его. Он Сам жаждет жаждущих Его, непрестанно и изобильно источая Себя им. А если кто богаче в чем-то другом, будь к этому равнодушен. **Святитель Григорий Богослов (15, 206).**

Взыщи Господа, возлюбленный, всеми силами, чтобы порок не

водворился в сердце и спаслась твоя душа. **Преподобный Ефрем Сирин (25, 157).**

Великая милость для человека, что он познает Бога и Бог приближается ко всякому, по мере человеческих сил. А между тем известно, что по немощи нашей мы не в состоянии приблизиться знанием своим к святилищу Божества. Благословен Он и за то, что грешники смеют приближаться к Нему и восхвалять Его (28, 215).

Кто ищет Христа, пусть ведет странническую жизнь. Тогда действительно найдет Бога в этой жизни и Бог радостно примет и не оставит его. **Преподобный Ефрем Сирин (29, 291).**

В какой мере ты собираешь свой ум к исканию Господа, в такой же и еще в большей мере Он побуждается собственным милосердием... прийти к тебе и успокоить тебя. **Преподобный Макарий Египетский (33, 237).**

Кто с чистым намерением ищет Бога, тот страшится, чтобы не прогневать Его. **Преподобный авва Исаия (34, 138).**

Когда время искать Господа? Отвечу кратко: целая жизнь. Ибо об этом одном нужно прежде всего заботиться при всякой другой заботе. Не в какие-нибудь установленные дни и не в определенное на это время хорошо искать Господа. Напротив, совсем никогда нельзя прекращать искать **Его**—**вот** истинная благовременность (18, 320).

Тому, чей разум развлекается многим, невозможно преуспеть в познании Бога и в любви к Нему. **Святитель Григорий Нисский (23, 321).**

Как можно обрести Господа? Вспомни, как отыскивается **золото**,—с великим трудом... Как мы ищем потерянное, так будем искать и Бога (46, 186).

Кто же ищущий Господа? Тот, кто стремится к справедливости и одобряет правду. **Святитель Иоанн Златоуст (40, 298).**

В человеке есть способность познавать своего Творца и Создателя, ибо Он «вдунал в лице» (Быт. 2, 7), то есть вложил в человека нечто от Своей собственной благодати, чтобы человек по подобию познавал подобное. **Святитель Василий Великий (4, 314).**

В Преполовление мы слышим зов Господа: «кто жаждет, иди ко Мне и пей» (Ин. 7, 37). Если так, пойдемте к Нему все. Кто бы чего ни жаждал, если это не противно духу Господа, непременно найдет удовлетворение. Жаждающие знания, идите ко Господу, ибо **Он**—единственный свет, истинно просвещающий всякого человека. Жаждающие очищения от грехов и утоления совести, идите ко Господу, ибо Он вознес грехи мира на древо и разорвал рукописание их. Жаждающие сердечного покоя, идите ко Господу, ибо **Он**—сокровище, обладание которым заставит вас забыть все лишения и презреть все блага, чтобы обладать Им Одним. Кому нужна **сила**—у Него всякая сила. Слава **ли**—у Него премирная слава. Свобода **ли**—**Он** дарует истинную свободу. Он разрешит

все наши недоумения, расторгнет узы страстей, развеет все обиды и скорби, даст силу преодолеть все препоны, все искушения и козни врага и уравнивает путь нашей духовной жизни. Пойдемте же все ко Господу. **Епископ Феофан Затворник (107, 128—129).**

Когда мы хотим искать Бога, не надо искать в этом мире чести, богатства и славы. Невозможно искать Бога и в месте славы, чести или богатства. Ибо сердце человеческое не может быть раздвоено, оно прилепляется **только** к созданию или к Создателю. И когда прилепляется к созданию, отпадает от Создателя. Когда пристанет к Создателю, отлучается от создания. Так мы не можем смотреть одновременно на небо и на землю, назад и вперед, хотя имеем два глаза. Тем более, имея одно сердце, не можем искать Бога и создание. Непременно надо или оставить Бога и искать создание, или оставить создание и искать Бога. Надо или на Бога в Небо смотреть или на создание на земле **(104, 182—183).**

Если кто спросит: где искать **Бога**—в пустыне, или в монастыре, или в Иерусалиме, или в каком другом месте, надо ответить: ищи там, где находишься и живешь. Бог присутствует на всяком месте, и нет такого места, где бы не было Бога. Он везде есть и все наполняет, хотя присутствие Его невидимо и непостижимо... Вездеприсутствующего можно и искать везде. Только везде внимай себе и не следуй тем, о которых написано: «Они не имеют Бога пред собою» **(Пс. 53, 5)**. Но последуй Псалмопевцу, который говорит о себе: «Всегда видел я пред собою Господа» **(Пс. 15, 8)**. Уклоняйся от всякого греха и, оставляя мир с его прелестью и суетой, взирай на одного Бога и Его полагай целью всех твоих желаний, и призывай сердцем сокрушенным и смиренным. Тогда узнаешь и почувствуешь внутри себя, что Он рядом с тобой **(104, 183—184).**

Необходимо успокоить сердце от страстей, чтобы услышать Божий стук в душу **(104, 184—185).**

Нет более удобного пути к исканию и обретению великого и высочайшего Бога, чем истинное и сердечное смирение. Бог благ и милосерден и ни на что так не приклоняется и не призывает, как на смиренное и сокрушенное сердце. «Жертва **Богу**—дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже» **(Пс. 50, 19)**. Об этом сказано во многих местах Священного Писания, как смиренное сердце привлекает Бога с Его благодатью. От сердечного смирения неотделима духовная нищета, то есть познание и признание своего недостойнства, ничтожества, низости и греховности телесных и духовных; нищий духом все в себе признает недостойным. Так же неотделимы от смирения истинные терпение и кротость; смирение признает себя достойным всяких бед и не мстит творящим зло, считая себя этого достойным. К такому смиренному сердцу Бог приходит и исполняет его Своею благодатью **(104, 185—186).**

Избавясь от самолюбия, потому что оно отделяет от Бога. Из-за самолюбия и наши прародители отпали от Бога, когда преступили Божию заповедь и своей воле последовали, захотели

честь, подобающей одному Богу, и так потеряли ту честь, которой были высоко превознесены от Бога. Нужно покорить свою **волю** — **воле** Божией и отдать себя Его святому и премудрому Промыслу. Пусть делает с нами, что хочет, пусть ведет тем путем, каким хочет, легким или трудным, радостным или печальным. Пусть поступает с нами, как искусный лекарь с больными, которые отдаются на волю его и так исцеляются. **Святитель Тихон Задонский (104, 187).**

ПЛАЧ*

«Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5, 4)

Каждую ночь омывая свое ложе слезами, обливая слезами рогожу, на которой спишь. Смирй себя перед Господом Иисусом Христом, чтобы Он простил тебе грехи, обновил тебя, даровал тебе силу к совершению добродетелей и наконец предоставил в наследство тебе Свое бесконечное Царство. **Преподобный Антоний Великий (82, 29).**

Оттого нас угнетают наши враги, что мы не познали с должной подробностью и точностью немощей и грехов наших, не стяжали плача в духовном разуме. Если бы открылся в нас плач, то он сделал бы для нас явными наши грехи. Если бы мы увидели наши грехи такими, каковы они на самом деле, то нас объял бы такой стыд, что мы не осмелились бы смотреть в лицо нашим братьям, отдавая всем предпочтение перед собою. Мы сочли бы себя хуже блудниц! Они грешат в неведении Бога, а мы, знающие Бога, служим греху в сердцах наших наравне с блудницами (82, **146**).

Принудь себя к обильным молитвам, соединенным с плачем, и Бог в свое время умиласердится над тобою, совлечет с тебя ветхого согрешающего человека (82, **188**).

Плач сердца исцеляет язвы, нанесенные сердцу внутренними врагами (82, **218**).

Далек от плача тот, кто вдается в мирские заботы для удовлетворения тщеславия (82, **221**).

Далек от плача тот, кто следует воле падшего естества (82, **221**).

Если плачущий скажет о ком-либо, что он хорош или худ, то одно осуждение это уже служит для него стыдом и укором. Такое суждение обличает, что он мог увидеть то, чего не должен бы видеть: человека грешнее себя. Покушение узнать о чем-либо, не касающемся собственно его, есть начинание, противное совести, признак незнания пути Божия, лукавое увлечение и пленение, не **допускающее** видеть свои грехи (82, **221**).

Если тебя поносят и ты скорбишь от этого, то нет в тебе истинного плача (82, **221**).

Постараемся **всеусильно** стяжать слезы и преуспеть малопомалу в подвиге плача, чтобы посредством его совлечься деяний ветхого человека. При этом будем остерегаться всего, приносящего вред душе. Тогда придет к нам от Бога любовь Его, отнимет от

* См. также, т. 2, с. 698—699, 770—771 настоящего издания.

нас образ перстного человека и поставит в сердце наше свой светлый образ. Тогда, очищенные от всякого порока, мы сделаемся достойными Господа. Преподобный авва **Исаия** (82, 238).

Слезы в **молитве** — знамения милости Божией, которой душа сподобилась своим покаянием, знамение того, что она принята и начала входить в область чистоты слезами. Преподобный Исаак Сирин (82, 269).

Молчание приводит к плачу, а плач очищает ум и делает его безгрешным. Авва **Лонгин** (82, 309).

Брат спросил авву Моисея, что должен делать человек при всякой напасти или при нашествии вражеского помышления? Старец отвечал: «Должен плакать перед Благостью Божией, чтобы она помогла ему, и вскоре ощутит спокойствие, если будет молиться разумно». Авва Моисей (82, 314).

Брат спросил авву Пимена: «Что мне делать со страстями моими, возмущающими меня?» Старец сказал: «Будем всеми силами плакать перед Благостью Божиею, пока она не сотворит милости с нами» (82, 330).

Авва Пимен сказал: «**Плач** — сугуб: делает и хранит» (82, 331).

Желающий освободиться от грехов избавляется от них плачем; и желающий не впадать вновь в **грехи** — **плачем** избегает впадения в них. **Это — путь** покаяния, преданный нам Писанием и отцами, которые сказали: «Плачьте! другого пути, кроме плача, нет» (82, 331).

Невозможно не плакать или здесь произвольно, или невольно в адских муках. Преподобный Пимен Великий (82, 332).

Верую, что Бог причислит к мученикам того человека, который по благой воле предается деланию плача, пролитые слезы Бог примет от него, как пролитую кровь. Феодор Енатский (82, 367).

После путешествия, продолжавшегося сорок лет, сыны Израилевы вошли в обетованную землю. **Слезы** — земля обетованная. Если войдем в нее, не будем страшиться браней. Но Богу **благоугодно** удручать душу скорбями, чтобы она непрестанно желала войти в эту землю (82, 373).

Ищущему прийти в плач... нужно непрестанно вспоминать о смерти и о вечной муке, о своих родителях, знакомых, скончавшихся, — где они ныне? Изречения безымянных старцев (82, 380).

Ум молится словами, сердце молится плачем. Не восплачет сердце, если не умирится от слов молитвы, не стяжет ум внимательной молитвы, если сердце не будет содействовать и помогать ему плачем. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (82, 414).

Когда Бог пошлет плач и умиление твоей душе или на краткое время, или на многие дни, тогда оставь всякое рукоделие и пребывай в том плаче и умилении, как в самом нужном делании. Из повестей жития старцев (82, 445).

Мудрому человеку плач приятнее смеха (25, 175).

Моли Господа и проливай слезы перед Его Благостью. Тогда памятозлобие не водворится в твоей душе и твоя молитва будет «как фимиам» (Пс. 140, 2) перед Ним (25, 188).

Вода угащает пламя, а слезы во время молитвы угашают злые вожеления (25, 214).

Бывают слезы трех различных родов. Бывают слезы о вещах видимых, и они очень горьки и суетны. Бывают слезы покаяния, когда душа возжелает вечных благ, они весьма сладки и полезны. Бывают слезы раскаяния там, где «плач и скрежет зубов» (Мф. 8, 12), и эти слезы горьки и бесполезны (25, 217).

Небесному Врачу угодно, чтобы каждый собственными слезами врачевал себя и спасался (25, 294).

О, сила **слез**! До чего простираешься ты? С великим дерзновением ты восходишь в самое Небо (25, 305).

Слезами просветляется душа, по дару Господню, и, как в зеркале, отражает в себе небесное (25, 600).

Святые и чистые слезы о Боге всегда омывают душу от грехов и очищают ее от беззаконий (26, 97).

Наполните очи свои слезами, и вскоре отверзутся очи сердца вашего (26, 582).

Блажен, кто сколько-нибудь времени плакал здесь, потому что слезы его прекратились и их уже нет, и наслаждается он за гробом непреходящим блаженством (26, 200).

Будем плакать со страхом и трепетом, чтобы за нерадение в здешней жизни не оказаться там под гневом Царя Славы и не быть отосланными во тьму кромешную (27, 235).

Чем воздала Тебе, Господи, блудница, когда Ты простил ей все грехи? Только купила миро и пришла помазать ноги Твои. Дорога и прекрасна была ее любовь, победоносна была ее вера, потому что за миро и слезы она получила оставление грехов. У нее грехи, миро и слезы, а у Тебя милость и полнота щедрот. Своими слезами она омыла Твои ноги и своими волосами отерла их. Миром помазала ноги Твои и получила от Тебя прощение грехов. Мал принесенный ею дар в сравнении с полученным оставлением грехов. В пламенеющий поток погружена была эта оскверненная грешница, и капли слез из ее очей угасили этот огненный поток. Каплями слез оросила она святыи Твои — и огненная река угасла, и огонь не испепелил ее. Истекшие из очей оскверненной и нечистой грешницы воды пали на огненные волны, и они обратились вспять и не попалили ее (28, 151).

Сокровище Божества отверсто было грешнице, чтобы через приближение к Нему она стала образцом для кающихся (28, 167).

Вошла она в слезную купель, чтобы очиститься, а если бы устыдилась Света, то вышла бы из купели без оставления грехов. Взяла она с собой миро и слезы и пришла к Источнику Святыни, чтобы при омовении ее соблюден был весь чин Крещения. Немного воды влила она и смешала с драгоценным миром, и таким образом совершено было Таинство Крещения. Первосвященник Своей рукой изгладил грехи и простил грешницу, скверны и постыдные дела которой были многочисленны (28, 167).

К Животворному Огню, Который прикровен был плотью и воспламенял мир, она приблизилась телом своим; от этого и сама загорелась и сгорели в ней тернии грехов (28, 168).

Пусть кающиеся, подобно блуднице, принесут Богу несколько слез; они получают от Него оставление всех своих грехов (28, 180).

Как скорбен день грешника, любимые и дорогие мои братья! Никакие уста, никакой язык не в состоянии выразить, какой Суд ожидает его. Но если он пробудится, обратит взор на самого себя и с воздыханиями, скорбя и страдая, станет плакать, то насладится блаженством в чертоге радости и не подвергнется осуждению (28, 258).

Слышал я, что слезы очей приятнее Тебе, Господи, чем золото, серебро и драгоценные камни. Прими же, Господи, слезы очей моих, да благоугодны будут Тебе слова моления моего и по щедротам благодати Твоей прости мне долги мои (28, 276).

Да не иссякнут слезы в очах у тебя, исполненного грехов и неправд; проси милости у Бога, чтобы в день Праведного Суда Он простил тебе долги твои (28, 302).

Ежечасно проливай пред Судией слезы сокрушения о скверных делах своих. Бездна мучений ожидает тебя за твои дела и непотребства. Сугубо плачь о себе, чтобы Правдивый услышал тебя и примирился с тобою (28, 321).

Не ради плоти Бог дал тебе слезы, скорбь и печаль, но ради души, чтобы ты возвращал ее к жизни (29, 51).

Если слезы пролиты о душе, они воскрешают и возвращают ее к жизни (29, 51).

В дар Богу принеси плач, источи слезы из своих очей; твоими слезами и Божией Благодатью твоя мертвая душа будет возвращена к жизни. **Преподобный Ефрем Сирин (29, 51).**

Христиане имеют у себя утешение **Духа — слезы**, плач и воздыхание, и сами слезы составляют для них наслаждение (33, 123).

Слезы, проливаемые действительно от великой скорби и сердечной тесноты, при ведении Истины и с внутренним горением, есть пища души. **Преподобный Макарий Египетский (33, 189).**

Если будем иметь плач, растворяемый смиренномудрием, то изгоним из своей души семь бесов и напитаем душу истинной славой и святыми добродетелями (34, 83).

Но горе тем, которые плачут, но не перестают грешить и потому лишают себя пользы от плача. **Преподобный авва Исаия (34, 195).**

Плакать — значит ... постоянно помнить о своих грехах и мучить совесть этими помыслами, постоянно измерять то пространство, на которое мы отстоим от Царства Небесного (35, 149).

Будем плакать только о грехе, а все **прочее — и** бедность, и болезнь, и преждевременную смерть, и обиду, и клевету, и любое другое из зол, постигающих **человека**, — будем переносить благодушно (35, 843).

Не так источники вод делают сады цветущими, как потоки слез **напоют** плод молитвы (38, 803).

Всегда хорошо плакать (о грехах), но особенно ночью, когда никто не препятствует этому дивному удовольствию, когда желающий может предаваться ему с полной свободой (39, 56).

Я требую слез, проливаемых не напоказ, а из сокрушения, проливаемых тайно, в уединенной комнате, без свидетелей, в тишине и безмолвии, слез из глубины сердца от внутренней скорби и печали, проливаемых единственно для Бога (41, 67).

Как мирская радость бывает смешана с печалью, так от слез по Боге вырастает постоянная и неувядающая радость (41, 67).

Незначительные ручейки от дождя уносят легкие стебельки, глубокие же реки и речки, бурные горные потоки в состоянии увлекать с собой коряги и тяжелые камни. Взвесь свои грехи: если прегрешение твое незначительно, достаточно и немногих слез, если грех велик, то больше должен быть и поток слез. Если же у тебя есть уверенность в жизни и готовность плакать, и сердце сокрушенное, и еще не все слезы ты выплакал о себе самом, то удели и мне часть слез: плачь о грехах брата. **Святитель Иоанн Златоуст (42, 984).**

Проливай слезы при всяком твоём прощении, потому что Владыка с великой радостью примет молитву, принесенную в слезах (47, 175).

Прекрасная баня для **души — слезы** во время молитвы; но и после молитвы помни, о чем ты плакал (48, 252).

Нет порока, которого бы не истребляли спасительные слезы покаяния. **Преподобный Нил Синайский (49, 322).**

Слезы начинаются в первой обители сокровенного жития и возводят человека к совершенству любви Божией (55, 100).

Пока человек не примет дарования слез, дело его совершается во внешнем человеке, и еще вовсе не ощутил он действительности того, что сокрыто в духовном человеке (55, 100).

Когда ум погружен в этот мир, тогда он совершенно лишается слез. И это признак, что человек погребен в страстях (55, 100).

Все святые стремятся к этому входу, потому что слезами отверзается перед ними дверь в страну утешения (55, 106).

Тот плачущий, кто по упованию на будущие блага проводит все дни своей жизни в алчбе и жажде (55, 306).

Будем плакать, возлюбленные, будем плакать, чтобы поистине возрадоваться во время действительной радости. **Преподобный Исаак Сирин (56, 143).**

Оплакивая свои грехи, никогда не слушайся того пса, который внушает тебе, что Бог человеколюбив, ибо он делает это с тем, чтобы отторгнуть тебя от плача (57, 73).

Плач есть золотое жало, уязвлением освобождающее душу от всякой земной любви и пристрастия (57, 76).

Плач по Боге есть сетование души, такое расположение страдающего сердца, которое с иступлением ищет того, чего жаждет, и, не находя его, стремится к нему из всех **сил и** горько рыдает о Нем (57, 76).

Свойство преуспевающих в плаче есть воздержание и молчание уст... Свойство преуспевших в **плаче** — безгневие и непамятозлобие... Свойство совершенных в **плаче** — смиренномудрие, жажда бесчестий, произвольная жажда невольных скорбей (57, 76).

Как воск тает от огня, так и плач легко истребляется от молвы, телесных попечений и наслаждений, в особенности **же** — от многословия и смеха (57, 76).

Крещение очищает нас от прежде бывших зол, а слезы очищают грехи, сделанные и после **Крещения**. Если бы человеколюбие Божие не даровало нам слез, то, поистине, было бы мало спасающихся (57, 77).

Даже и тот еще не достиг совершенного плача, кто плачет о чем хочет, но кто плачет, как Бог хочет (57, 79).

Когда душа и без нашего старания бывает склонна к слезам, мягка и проникнута умилением, тогда поспешим... ибо Господь пришел к нам и без нашего зова и дал нам губку боголюбивой печали и прохладную воду благочестивых слез на изглаждение рукописания согрешений. Храни этот плач как зеницу ока пока мало-помалу он не отойдет от тебя. Ибо великая сила его далеко превосходит силу того плача, который приходит от нашего усилия и пожелания (57, 79).

С богоугодным плачем часто сливается постыдная слеза тщеславия; и это познаем на опыте, когда видим, что мы плачем и предаемся гневу (57, 80).

Стяжавшие плач, в чувстве сердца возненавидели самую жизнь свою... от тела же своего отвращаются, как от врага (57, 80).

В чистых и непритворных слезах... нет ни окрадения, ни возношения, ни очищение, преуспевание в любви к Богу, омовение от грехов и освобождение от страстей (57, 80).

Кто пребывает в постоянном плаче по Боге, тот не перестает ежедневно праздновать (духом), а кто всегда празднует телом, того ожидает вечный плач (57, 81).

Тот поистине предохранен от падения, который, вследствие грехов своих и памятования о смерти, всегда орошает лицо живыми водами слез (57, 81).

Видел я тех, которые плакали о том, что не имеют плача. Они, хотя и имеют плач, думают, что не имеют и добрым неведением своим сохраняются от окрадения (57, 82).

Часто случается, что и слезы надмевают легкомысленных. Потому они и не даются некоторым. Такие люди, стараясь снискать слезы и не находя их, укоряют, осуждают и мучают себя воздыханиями и сетованиями, печалью души, глубоким сокрушением и недоумением. Все это вполне заменяет для них слезы, хотя они, ко благу своему, вменяют это ни во что (57, 82).

В бездне плача находится утешение, и чистота сердца получает просвещение (57, 85).

Отгоняй и того пса, который приходит во время глубочайшего плача и представляет тебе Бога неумолимым и немилосердным (57, 86).

Слеза истинного плача угашает всякий пламень раздражительности и гнева (57, 87).

Мы не будем обвинены... при исходе души нашей за то, что не творили чудес, что не богословствовали, что не достигли ведения, но, без сомнения, дадим Богу ответ за то, что не плакали непрестанно о грехах (57, 87).

Как похоронившему отца своего стыдно тотчас по возвращении с похорон идти на пир, так и плачущим о грехах своих неприлично искать в настоящем веке покоя, чести или славы от людей. **Преподобный Иоанн Лествичник** (57, 215).

Плач, источающий непрестанные слезы... Чудо неизъяснимое! Текут зримые слезы из очей и омывают незримую душу от греховных скверн; падают на землю, но низлагают демонов и освобождают душу от невидимых уз греха. О, слезы! Вы, источаясь от действия Божественного просвещения, отверзаете самое Небо и низводите Божественное утешение. От этого утешения и духовной сладости, какие испытываю, опять говорю и многократно буду повторять то же, что где слезы с истинным ведением, там и осияние Божественного света, а где осияние этого света, там и дарование всех благ, там и печать Духа Святого внутри сердца, и произрастающие от Духа Святого плоды жизни. От слез приносится Христу кротость, мир, милосивость, любовь, доброта, благость, вера, воздержание. От слез происходит то, что иной любит врагов своих и умоляет о них Бога, радуется в искушениях и хвалится скорбями, смотрит на грехи других как на свои собственные и плачет о них, и с готовностью предаст жизнь свою на смерть за **братий** своих (60, 36).

Когда душа очистится слезами, по мере покаяния и исполнения заповедей, тогда человек прежде всего, по благодати Духа, удостоится познать свое состояние и всего себя. Потом, после тщательного и долговременного очищения сердца и укоренения глубокого смирения, он начинает мало-помалу и некоторым образом призрачно познавать Бога и Божественные тайны. И чем больше постигает, тем больше дивится и стяжает еще более глубокое смирение, думая о себе, что совсем недостоин познания и откровения таких **тайн**. Поэтому, хранимый таким смирением, как бы находясь за стенами, он пребывает неуязвимым для помыслов тщеславия, хотя ежедневно растет в вере, надежде и любви к Богу и ясно видит свое преуспевание, проявляющееся в прибавлении ведения к ведению, добродетели к добродетели. Когда же достигнет наконец в меру исполнения возраста Христова и истинно стяжет ум Христов и Самого Христа, тогда приходит в такое доброе состояние смирения, в котором бывает уверен, что не знает, имеет ли что-либо в себе доброе, и считает себя рабом недостойным и ничтожным (60, 343).

Когда делание плача соединяется с исполнением заповедей Божиих, тогда оно **омывает**,— о **чудо!**—очищает душу от всякой скверны и изгоняет из нее всякую страсть и всякую похоть, плотскую и мирскую (61, 131).

Не может воспринять плач тот, кто всегда пространно питает свое чувство и о том только заботится, что поесть да что попить, раблепствуя перед своею плотью, как перед госпожой (61, 266).

Человек должен в продолжение всей жизни не пропускать ни

единого дня без слез, насколько это зависит от него самого, и, если не имеет их, должен, пока жив, искать их от всей души, ибо никаким другим способом невозможно омыться от грехов и стать чистым сердцем (61, 273).

Слезы, истекаемые сердцем, есть благоприятная жертва, приносимая Богу в очищение скверны и постыщности страстей (61, 276).

Пусть никто не прельщает нас пустыми словами и сами себя да не прельщаем: прежде плача и слез нет в нас ни покаяния, ни истинного намерения перемениться, ни страха Божия в сердцах наших, еще не сознали мы себя виновными и не осудили, и душа наша еще не предчувствовала будущего Суда и вечных мук. Ибо если бы мы осудили себя, если бы имели такие движения сердца, если бы были в таких чувствах, то тотчас извели бы и слезы. Без этого же ни жестокосердие наше никак не может смягчиться, ни душа **наша — стяжать** духовное смирение, и не в силах мы сделаться смиренными. А кто не таков, тот не может соединиться с Духом Святым. Не соединившийся же с Ним через очищение себя от всего страстного не может удостоиться созерцания Бога и богослужения (61, 529).

Плач имеет двоякое действие: как вода, он угашает пламя страстей и омывает душу от нечистоты, причиняемой ими; и, как огонь, присутствием Святого Духа животворит, согревает и опалает сердце, воспламеняет в нем любовь и стремление к Богу. **Преподобный Симеон Новый Богослов (61, 531).**

Если человек, находясь среди других, отсекает свою волю и не обращает внимания на чужие грехи, то приобретает плач, ибо этим собираются его помыслы и рожают в сердце печаль по Боге (2 Кор. 7, 10). **Преподобный авва Дорофей (58, 238).**

Когда во время молитвы ты изливаешь потоки слез, не превозносишь этим, как будто ты выше многих. Это молитва твоя приняла помощь свыше, чтобы ты, усердно исповедовав свои грехи, слезами умилиствовал Владыку. **Преподобный Нил Синайский (67, 224).**

И горе нам, что так окаменены наши сердца, что часто, напряженно ища сокрушения и слез, мы не достигаем их из-за крайнего нерадения и лени. **Преподобный авва Исаия (66, 616).**

Не вкушившие сладости слез и умиления и не ведающие, какова их благодать и каково действие, думают, что они ничем не отличаются от тех, которые проливаются по умершим, выдумывая при этом многие пустые предположения и недоуменные умозаключения, говоря, что эти слезы свойственны нам по природе. Когда же гордость ума склонится к смирению, а душа смежит свои очи от прелести видимых благ и устремит их к одному ведению первого неведущего Света, оттрясет всякое чувство к миру и сподобится утешения Духа свыше, тогда слезы, как вода источника, исторгаются из нее, услаждают ее чувства и исполняют мысли ее всякого радования и божественного света; и не только это, но и сокрушают сердце и делают смиренномудрым

ум, познавший высшее. Всего этого не может быть в тех, которые плачут и рыдают по иным причинам. **Преподобный Никита Стифат (70, 133).**

Но слезы бывают и естественные, которые мы проливаем об умерших. Бывают слезы бесовские, когда кто плачет из тщеславия или из-за какого-либо бесовского вожделения. Бывают слезы и от пьянства и обильной пищи. Но бывают слезы и очистительные, которые рождаются от страха Божия, от воспоминания о смерти и о вечной муке. Если мы задерживаемся и болезнуем в этих последних слезах, они обращаются в духовные слезы, в которых уже нет страха, но любовь к Богу, утешение, просвещение и радование о Святом Духе. **Преподобный Анастасий Синаит (67, 12).**

Пишут о **неком** грешнике, что он, придя в разум после многих грехопадений, сделался монахом и каждый день безутешно плакал о своих грехах, вспоминая о Судном Дне, и в таком сокрушении сердца прожил несколько лет. Господь, захотев утешить Своего плачущего раба и показать, как Он любит и принимает слезы кающегося человека, явился ему в видении, облаченный в иерейские ризы, держа в руках потир, полный слез. Увидев Господа, плачущий пал к ногам Его и, с пламенной любовью целуя их, спросил Господа, что находится в этом потире? Явившийся же сказал ему: «Это слезы грешницы, плакавшей у Моих ног в доме Симона прокаженного; Я донныне сохранил их, ибо они Мне весьма приятны». Когда видение кончилось, плакавший пришел в себя, почувствовал, что сердце его полно неизреченной радости и сладости, и дивился неизреченному благоутробию Господа, которому послужил до конца с теплотою душевной. **Святитель Димитрий Ростовский (103, 838).**

Видим в мире, что люди плачут: рождаются с плачем, живут с плачем, умирают с плачем. Плачут люди, ибо живут в мире, месте плача, юдоли плачевной. Много есть причин, от которых люди плачут, и у всякого **плачущего** — своя причина плача... Плачь и ты, христианин! Ибо и ты живешь в юдоли плачевной и имеешь много причин, из-за которых нужно плакать. Плачь, пока не ушло время, пока полезны слезы, плачь, чтобы не плакать вечно, плачь, чтобы утешиться: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся» (Мф. 5, 4). Плачут люди оттого, что несчастливы, плачь и ты, христианин, что ты грешен, что ты согрешил перед Господом, ибо великое несчастье есть грех. Плачут люди, что не имеют здоровья телесного, плачь и ты, что не имеешь здоровья душевного. Плачут люди, что находятся в недуге и болезни, плачь и ты, что **душа** твоя страдает и немощствует, ибо тяжкий недуг есть гордость, зависть, гнев, нечистота, слякотилюбие, славолюбие, сребролюбие; и столько мучащих болезней, сколько страстей и похотей. «Исцели меня, Господи, и исцелен буду» (Иер. 17, 14), ибо Ты — **Бог**, Спаситель мой **(104, 1369).**

Слезы очищают пороки души **(104, 1766).**

Слезы, исходящие от сокрушенного сердца, есть слова сердечной молитвы. **Святитель Тихон Задонский (104, 1766).**

Святые отцы вмещают все деяния инока, всю жизнь его в плач. Что значит плач инока? **Это — его** молитва (108, 164).

Плач должен быть неотъемлемым качеством нашей молитвы, ее постоянным, неразлучным спутником и споспешником, ее душою (108, 164).

Святые отцы называют плач вождем в духовном подвиге. Он должен предводительствовать всеми нашими благочестивыми помышлениями, направлять их к истинной цели (108, 165).

При страшной скудости нашего времени в наставниках истинной молитвы, изберем себе в руководители и наставники плач. Он и научит молитве, и охранит от самообольщения (108, 165).

Желающий избавиться от живущих в нем **грехов — плачем** избавляется от них, и желающий не впадать вновь в **грехи — плачем** избегает впадения в них. **Это — путь** покаяния (108, 191).

Не плачущий **здесь — будет** вечно плакать. Невозможно не плакать или здесь произвольно, или невольно там, в муках (108, 191).

Если человек не умертвит всех плотских вожделений своих и не стяжет... плача, то не может быть монахом. Все житие **монаха — плач** (108, 191—192).

Плач, когда достигнет развития, не может облекаться в многомыслие и многословие, он довольствуется для выражения необъятного духовного ощущения самой краткой молитвой (108, 192).

Если человек всеми силами потрудится для стяжания плача, то обретает его на служение себе, когда захочет (108, 192).

В слезах таинственно живет утешение, и в **плаче — радость** (108, 198).

Сеющие **слезами — радостью** пожнут (108, 193).

Слезы естественны падшему человеческому естеству (108, 193).

Слезы, как свойство падшего естества, заражены недугом падения подобно всем прочим свойствам. Иной бывает склонен к слезам по природе и при всяком удобном случае проливает слезы, такие слезы называются естественными (108, 194).

Есть и греховные слезы. Греховными слезами называются слезы, проливаемые по греховным побуждениям (108, 194).

Немедленно по появлении естественных и греховных слез мы должны, как повелевают святые отцы, предлагать их на богоугодные, то есть изменять побуждение слез: приводить себе на память согрешения наши... Суд **Божий — и** плакать по этим причинам (108, 194).

Слезы страха Божия и покаяния суть дар Божий (108, 194).

Причина **слез** — зрение и сознание своей греховности... причина **слез — нищета** духа; будучи сама по себе блаженством, она рождает другое **блаженство — плач**, питает, поддерживает, усиливает его (108, 194, 195).

Труд, предвещающий слезы, заключается в благоразумном воздержании от пищи и питья, в благоразумном бдении, в нестяжании, в отвлечении внимания от всего, окружающего нас, в сосредоточении его в самих себе (108, **196**).

Без умерщвления для мира невозможно стяжать плач и слезы, мы стяжаем их по мере умерщвления миру (108, 196).

Делание плача, будучи неразлучным с деланием молитвы, требует тех же условий для преуспевания, в каких нуждается и молитва (108, 196).

Для гласной молитвы и плача необходимо уединение, по крайней мере келейное, это делание не имеет места посреди **братий** (108, 198).

Слезы, проливаемые о грехах, сначала бывают горьки, изливаются при болезни и томлении духа, которые дух сообщает и телу. Мало-помалу начинает соединяться со слезами утешение, состоящее в особенном спокойствии, в ощущении кротости и смирения (108, 198—199).

Когда же дар слез усилится в нас Божией милостью, тогда укрощается внутренняя борьба, утихают помыслы, начинает действовать в особенном развитии умная молитва, или молитва духа, насыщая и увеселяя внутреннего человека (108, 199).

Скорби и болезни покаяния заключают в себе семя утешения и исцеления. Это таинство открывается плачем (108, 202).

Святые отцы повелевают пребывать в том делании, в котором приходят слезы, потому что **слезы—плод**, а цель монашеской **жизни—достижение** плода тем средством, которым благоугодно Богу доставить плод (108, 203).

Сущность покаяния заключается в смирении и сокрушении нашего духа, когда дух восплачет по причине смирения (108, 204).

Плач есть сердечное чувство покаяния, спасительной печали о греховности и разнообразной, многочисленной немощи человека (108, 228).

Одно ощущение из всех ощущений сердца, в его состоянии падения, может быть употреблено в невидимом богослужении: печаль о грехах... о падении... о гибели своей, называемая плачем, покаянием, сокрушением духа (108, 245).

Плачем называется призывное умиление, соединенное с болезнованием сердца, сокрушенного и смиренного, действующего из глубины сердца и объемлющего душу (108, 292).

Плач—благочестивая печаль верной души, глядящейся в зеркало Евангелия, видящей в этом зеркале бесчисленные свои греховные пятна (108, 521).

Посмотри... на душу твою... брат! Не нужнее ли для нее покаяние, чем наслаждение? Не нужнее ли для нее плакать на земле, в этой юдоли горестей... чем сочинять для себя безвременные ... пагубные наслаждения? (108, 537).

Отдайся... безотчетно на волю Создателя, принеси Ему один младенческий плач, принеси ему молящееся сердце, готовое последовать Его воле и запечатлеть Его Волю (109, 123).

Младенец выражает плачем все свои желания, и твоя молитва пусть всегда сопровождается плачем (109, 162).

Глубокий плач, плач духа человеческого, подвинутого к плачу Духом Божиим, есть неотъемлемый спутник сердечной молитвы... (109, 219).

Проливший Свои священные слезы о Иерусалиме, который упорно отвергал снисшедшее ему от Бога спасение и слепо стремился к гибели, возрадуется твоим слезам, которые ты проливаешь, желая стяжать спасение (111, 64).

Полезен плач, растворенный упованием на Бога: утешает душу, смягчает сердце, отвергает его для всех святых, духовных впечатлений. Печаль, не соединенная с упованием, чужда благих плодов, она несет плод вредный, убийственный (111, 463).

Плач и слезы — дар Божий, и потому, при внимательной жизни, испрашивай этот дар прилежной молитвой (112, 347).

Грех — родитель плача и слез, он умерщвляется чадами его, плачем и слезами (112, 390).

Горькими слезами нужно оплакивать утраченную непорочность, горькими слезами нужно смыть с души нечистоту (112, 399).

Постоянно оплакивай твой грех — и сделается грех хранителем добродетели (112, 407).

Плач — выражение истинного покаяния (112, 412).

Слезная купель дана для очищения грехов, соделанных после омовения в купели Крещения (112, 416).

Действуй молитвой, воодушевленной плачем. Такая молитва — пламенное оружие, пополюющее страсти, прогоняющее отверженных духов (112, 431).

Изгони из сердца попечения суетные и пристрастия — и плач сам собой явится в сердце. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 452).

Рассказывал авва Исаак: «Однажды я сидел у аввы Пимена и увидел, что он пришел в исступление. Я поклонился ему до земли, прося сказать мне, где он был? Принужденный объяснить тайну свою, он сказал: «Мой ум был при Кресте Спасителя в те минуты, когда при Кресте стояла Богоматерь и плакала; мне бы хотелось всегда так плакать» (82, 329—330).

Отцы Нитрийской горы послали к великому отцу Макарию в Скит (пустыня Скит была по соседству с пустынной горой Нитрийской) со следующим приглашением: «Вместо того, чтобы подниматься к тебе всему иноческому населению горы, умоляем тебя прийти к нам, чтобы мы увидели тебя прежде, нежели ты отойдешь ко Господу». Когда Макарий пришел в гору, стеклось к нему многочисленное братство. Старцы просили его, чтобы он сказал назидательное слово братии. Он, прослезившись, сказал им: «Братия! Ваши очи да прольют слезы прежде вашего отшествия туда, где наши слезы будут жечь наши тела». Все заплакали и, пав ниц, сказали: «Отец, молись за нас» (82, 310).

Авва Феодор Енатский рассказывал следующее. В Келлиях жил некий брат, имевший дар умиления и слез. Случилось, что в один день, от особенного сердечного сокрушения, ему пришло множество слез. Увидев это, брат сказал себе: «Поистине, это признак, что близок день моей смерти». Когда он думал об этом, слезы умножались. Он опять говорил: «Точно! приблизилось время моего переселения» — и плач его усиливался с каждым днем. Отечник (82, 366).

ПЛОТЬ

«Плоть желает противного духу, а **дух** —
противного **плоти**»
(Гал. 5, 17)

В естестве человеческом две жизни: плотская, направляемая чувствами, и **духовная** — невещественная, возрастающая в разумной и бесплотной жизни души. Но невозможно быть в одно и то же время причастным той и другой жизни, потому что забота об одной из них ведет к лишениям в другой. Потому если будем стараться сделать душу жилищем Божиим, то надо выйти плотью из плотской скинии, чтобы дом наш был обновлен Тем, Кто обновляет нас Своим вселением... (18, 85).

Нужно бороться против удовольствия, подозревая приближение его, как вора, тайком вкрадывающегося в тайники души. Никогда не позволяй ему овладевать мыслью. И как только узнаешь, что удовольствие, как зверь, подползает к твоим чувствам, тотчас вступай с ним в борьбу и встречай, говоря этому рабскому и неразумному веселию: «Для **чего** расслабляешь мужество естества? Для чего размягчаешь крепость мысли? Для чего обессиливаешь бодрость души? Для чего вредишь помыслам? Для чего светлую ясность чистых мыслей приводишь в омрачение своей мглой?» (18, 237).

Хотя и кажется трудной борьба против удовольствий, но не нужно никому терять бодрости, ибо привычка доставляет некоторое удовольствие даже в самом трудном, и притом удовольствие прекрасное и чистое, наслаждаться которым разумному существу более прилично, чем, малодушно увлекаясь низким, удаляться от того, что поистине велико и превосходит всякий ум (23, 330).

Нам необходимо оградить себя от удовольствий некоторой великой и крепкой стеной, поскольку никто не может приблизиться к Божественной чистоте, не сделавшись прежде сам чистым. Необходимо оградиться от удовольствий, чтобы чистота никак не могла оскверниться приближением к ним. Эта крепкая стена есть совершенное удаление от всего, в чем заключается страсть, ибо удовольствие, по роду своему будучи одним, как вода, ручьями разливающаяся из одного потока, входит через каждое чувство в души людей, преданных удовольствиям. И побежденный удовольствием, проникшим в него через одно какое-либо чувство, терпит от него поражение в самом сердце; как учит и слово Божие, что воспринявший вожделение зрением, получил язву в сердце (Мф. 5, 28). Думаю, что Господь, говоря здесь об одном чувстве, подразумевал все, так что, следуя сказанному, правильно может присоединить: кто слышал с вожделением, кто коснулся и кто

всю свою силу подчинил удовольствию, тот согрешает сердцем. Чтобы этого с нами не случилось, мы должны пользоваться тем мудрым правилом в своей жизни, чтобы не прилепляться душой ни к чему, в чем заключается какая-либо приманка удовольствия. Преимущественно же и более всего следует хранить себя от удовольствия вкуса, потому что оно, по-видимому, упорнее других и является матерью запретного, ибо удовольствия, происходящие от пищи и питья, производя неумеренность в употреблении яств, неизбежно причиняют телу множество зол, порождают в людях много болезней. Итак, чтобы тело всегда пребывало в полном спокойствии и не возмущалось никакой происходящей от пресыщения страстью, мы должны вести строжайший образ жизни и определять меру и предел наслаждения не удовольствием, но необходимостью в чем-либо. **Святитель Григорий Нисский (23, 377).**

Удовольствие — мать греха, а **грех** — жало смерти (7, 201).

Удовольствие — дьявольская уда, влекущая в пагубу (7, 201).

Под наслаждениями сидит общий враг, выжидая, не сокрушатся ли мы с правого пути, прельщенные видимым... Весьма опасно неосторожно проглотить в первый раз скрытую уду коварства, а потом волей или неволей оказаться привязанным к тленным вещам и неприметно увлечься сластолюбием на страшное перепутье к страшному **разбойнику** — смерти. **Святитель Василий Великий (7, 278).**

Не позволим себе до того забыть наслаждением, чтобы пренебрегать самим человеколюбием Бога, Который «раздражается» этим, хотя и не сразу, не тотчас после преступления наводит гнев Свой на грешников (12, 28).

Гибельная **плоть — черная** волна злого велиара! Гибельная **плоть — корень** многочисленных страстей! Гибельная **плоть** — подруга должного скоротечного мира! Гибельная **плоть** — противница небесной жизни! **Плоть** — мой враг и друг: приятная война, неверное благо; **плоть**, непрестанно вкушающая плод человекоубийственного древа, прах, грязная цепь воющего со мною вещества, негодная кипучесть, гроб и узы царя **моего** — небесного образа, который я получил от Бога! Еще ли не положишь конца бесстыдным порокам, не покоришься духу, о окающая злоумышленница! Когда Христос небогаобразие вещества приводил в благолепие, Он словом сотворил собственными руками тебя одну и потом соединил с Божеством, чтобы спасти и Своею смертью избавить от лютой смерти возлюбленную тварь — наследницу великой жизни, которую одуряющий велиар обременил страданиями. Поэтому окажи мне уважение, перестань безумствовать и питать непримиримую вражду к душе моей! Рукою Бессмертного Бога и тем бедственным днем, который наконец соберет воедино все дела смертных, свидетельствую тебе, что, изнулив и низложив тебя скорбями всякого рода, сделаю бессильнее самих мертвецов, если не оставишь своего безумия и тока кровей прикосновением к краю чистых риз Христовых. **Святитель Григорий Богослов (15, 24).**

Не люби плотского покоя, чтобы не найти себе в нем духовного вреда (25, 158).

В какой мере греет кто на беду свою плоть, в такой мере умножает в себе страсти, и напоследок душа, обремененная худым навыком тела, делается бесплодной (26, 159).

Наслаждению предшествует похоть, а за наслаждением следует печаль. Итак, рассуди, что по наслаждении приходит печаль, и избегай греха, представляя в мыслях стыд перед людьми, а более **того**—страх Господень. Преподобный **Ефрем** Сирин (26, 266).

Горе тем, кто свою плоть, которая обратится в прах и пищу червей, питает в грехах, не боясь ни огня, в котором будет вечно мучиться, ни червя, никогда не усыпающего (34, 188).

Если ты дал займы ближнему и не требуешь этого обратно, то действуешь в естестве Иисуса. Если же потребуешь возвращения, то поступишь по естеству Адама. Требование же лихвы ниже и Адамова естества (82, 135).

Далек от плача следующий воле падшего естества (82, 221).

Служитель Божий должен иметь очи духовные, или увидеть себя и познать, что следующий воле падшего естества есть враг Божий по произволению (82, 222).

Плотским называется все вещественное. Любящий вещество любит преткновения и скорби. Если нам случится утратить что-либо вещественное, утрату нужно принимать с радостью и исповедовать, что она избавила нас от попечения.

...Собственно плотское здоровье не приносит пользы: стараясь сохранить себя единственно для себя, оно вступает в настроение, враждебное Богу. Дерево, ежедневно поливаемое, не высохнет, но принесет плод. Скорь по плоти служит пособием к сохранению заповедей Божиих. Преподобный авва **Исаия** (82, 149—150).

Подвижник должен поддерживать здоровье и силы тела настолько, чтобы тело сохраняло способность служить Богу. Чрезмерное здоровье и дебелисть тела вводят его в тяжелое плотское состояние. Тот, кто делает свое тело легким, посредством умеренного поста и бдения, доставит ему и самое прочное здоровье, и сделает его способным принять в себя действие Святого Духа. Епископ Игнатий (**Брянчанинов**) (82, 150).

Дай плоти то, что ей нужно, а не то, что она хочет получить (48, 235).

Не услуживай без меры плоти чревоугодием, чтобы, забыв свою меру, она не сделалась самовластной и не осмелилась поднять оружие на владельца. Преподобный Нил Синайский (48, 336).

Когда страсть обладает кем-нибудь, мы покажемся ему пустословами, если назовем наслаждение горьким; когда же он, по благодати Божией, освободится от недугов (страстей), тогда, несомненно, узнает и злокачественность наслаждений (35, 15).

Как служанка при порядочной женщине неизбежно и сама делается такою же, хотя бы и не желала этого, так и плоть

мудрой души неизбежно сообразует собственные порывы с ее движениями (35, 356).

Размышляя о происходящем для нас вреде от угождения плоти, станем укрощать ее движения, не поленимся и не позволим ей восставать на душу (38, 213).

Какая, в самом деле, польза от земных наслаждений? Сегодня оно есть, а завтра его нет; сегодня оно — красивый цветок, а завтра — рассеянный прах; сегодня — палящий огонь, а завтра — остывший пепел (42, 291).

Любовь к плотским удовольствиям рождает бездеятельность в духовной жизни (42, 431).

Ты желаешь наслаждений и удовольствий? Питай свою душу, предложи ей пищу, которая ей свойственна (то есть добродетели), не томи ее голодом (43, 256).

Мы соглашаемся, что плоть ниже души, но вовсе не противоположна ей... Как гусли — музыканту и корабль — кормчему, так и плоть должна быть подчинена душе (43, 638).

Пока плоть сохраняет подобающее ей значение, не бывает ничего несообразного. Когда же мы позволяем ей все, и она, преступив свои пределы, восстанет на душу, тогда мы все губим и портим не по своей собственной природе, но вследствие неумеренности и происходящего из нее беспорядка (43, 646).

Необходимо, чтобы плоть шла позади, а не впереди, чтобы она не управляла нашей жизнью, но принимала законы духа (43, 656). Живущий по плоти мертв даже и в здешней жизни (43, 658).

Когда плоть, возмнив о себе, захватывает власть над возницей (душой), она производит бесчисленное множество зол (45, 47).

Если мы пригвоздим плоть страхом Божиим, то ничто не поколеблет нас, если же оставим ее на свободе, то и слабое нападение (зла) может поразить и погубить нас (45, 826).

Отвержем же. плотские мудрования... то есть те, которые утучняют и услаждают тело, но причиняют вред душе... — богатство, роскошь, плотскую любовь и прочее. Святитель Иоанн Златоуст (46, 659).

Плоть — друг неблагодарный и лживый: чем более мы угождаем ей, тем больше она нам вредит (57, 95).

Иссохшая тина не привлекает свиней; и плоть, увядшая от подвигов, больше не покоит бесов (57, 211).

Как тучные птицы не могут высоко летать, так и угождающему своей плоти невозможно взойти на Небо (57, 211).

Но кто хочет бороться с плотью и победить ее своими силами, тот тщетно подвизается, ибо если Господь не разорит дома плотской похоти и не созиждет дома душевного, напрасно человек бдит и постится... Преподобный Иоанн Лествичник (57, 115).

Едва ли не все в мире побеждены плотской похотью: «все, что в мире: похоть плоти...» (1 Ин. 2, 16).

Читаем в египетском «Отечнике»: некий пустынножитель, выйдя из келлии, пошел в Александрию продать свое рукоделие. Когда он приближался к городу, увидел великого змея, всей протяженностью своею, как стеной, окружившего город и пожирающего всех — старых и

юных, духовных и мирян, богатых и нищих. Увидев это, старец ужаснулся и остановился с молитвой: «Господи, что это?». И услышал голос: «Это образ плотского сластолюбия, которым все побеждаются и пожираются». Старец тотчас же пошел обратно в пустыню (103, 853).

Не прелюбодействуй в сердце твоём от Господа с тварью, да не прогневаешь Господа, сотворившего ее, ибо на весьма малое время тварь и плотская сласть приносят утешение, потом же немедленно наводят мерзость и тяжесть на душу. Малое приобретение, но великий вред; малая радость, но великая скорбь; не столько утешения, сколько после него тяжести и горечи (103, 1019).

Любовь и похоть плотская никогда не утоляются, не успокаиваются. Собери из всех стран красоты, из всего мира похоти, будет ли успокоена душа? Никогда, ибо одна такую имеет красоту, другая же иную; эта такую имеет лепоту, другая же иную. Если же со всеми в сердце твоём захочешь любодействовать, как будешь иметь в сердце тишину и покой? Никак. Ибо сегодня ты этого вожделеешь, потом же иного; ныне это возлюбил, и потом оно опротивело; ныне этому радуется душа, в другое же **время**—иному. И так непрестанно душа пребывает в рабстве и никогда не бывает в покое. Возлюбивший же истинно Бога и прилепившийся всем сердцем к Господу всегда пребывает в мире и покое (103, 1027).

...Умирал преподобный и для своей плоти, то есть плотских вожделий, распиная их различными умерщвлениями, как говорит апостол: «Те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями» (Гал. 5, 24). **Плоть**—близкий, домашний враг человека, действующий и живущий во единой с духом храмине составов человеческих, и потому от этого врага надо хранить себя ежечасно. Это сильный враг, мало кем побеждаемый и многих побеждающий, одолевающий иногда даже святых. Сокрушается святой Киприан о тех, которые через плотские страсти пали от великой святости в глубину греховную. Ибо во времена его, когда наступило гонение на христиан со стороны идолопоклонников, некоторые из верных, сначала дерзновенно исповедавшие имя Христово и претерпевшие многие муки, потом, когда были отпущены на свободу, обесславили себя плотским падением, и тела свои, бывшие прежде храмами Святого Духа, сделали храмами греховного плотского сладострастия. Столь сильный враг **наш**—плоть наша! Это досадный враг, ибо постоянно нападает, непрестанно воюет и, стараясь всегда одолеть, озлобляет. Хорошо сказал старец, посланный Богом святой Евфросиний: «Если можешь понести скорбь плоти, оставь все и беги от мира сего, как Израиль от работы фараоновой». Достойны рассуждения эти слова: «Если можешь понести скорбь плоти». Где господствует плоть и дух работает плоти, там не может быть скорби плоти в этой жизни; она может быть разве только в будущей геенне. А где дух старается господствовать над плотью, там повседневная скорбь, брань, борьба с противоборствующей плотью, борющейся при помощи природных или же вызываемых искусителем греховных влечений. И поистине, **тот**—инок, кто может понести скорбь плоти, это тяжкое бремя для духа нашего, как бы гнилой труп для живого человека. Упоминается в историях некий мучитель, тиреннийский царь по имени Мезентий, который мучил пленников так: привязывал к живым людям трупы мертвых, прилагая их лицо к лицу, руки к рукам, ноги к ногам, и живой носил мертвого до тех пор, пока он не сгниет и своим смрадом не уморит его. Как велико это **мучительство**!

Подобно этому и содружество, или крепкий союз, совместного жития тела нашего с духом. Грехолюбивое тело, всегда желающее скверных **сластей**,—это как бы труп смердящий: «смердят, гноятся раны мои от

безумия моего», — говорит Давид (Пс. 37, 6). Дух же, старающийся угодить Богу, есть как бы живой человек, стремящийся к Жизни Вечной. Сколь тяжело живому человеку носить привязанный к нему труп! Сколь тяжело духу носить, то есть терпеть, греховные вожделения! Не напрасно говорит апостол: «Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» (Рим. 7, 24), «Имею желание разрешиться» (Фил. 1, 23). Поистине, доблестен тот подвижник, который может беспрепятственно носить скорбь плоти. Святитель Димитрий Ростовский (103, 780—781).

В человеке, принявшем христианскую веру, действуют два закона: закон плоти и закон духа, или **закон членов** и закон ума, как говорит об этом апостол Павел: «В членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего» (Рим. 7, 23), или как говорит тот же апостол, плоть и дух: «...**ибо** плоть желает противного духу, а **дух — противного** плоти: они друг другу противятся» (Гал. 5, 17) (104, 1370).

Слепая и слабая плоть наша хочет привести нас к непослушанию. Как Ева предложила в раю Адаму яблоко от заповеданного дерева, так плоть предлагает духу нашему мир с его радостями и красотами, похотью плотской и похотью очей, и гордостью житейской, все, что «не есть от Отца, но от мира **сего**» (1 Ин. 2, 16). Плоть советует бесстрашно вкушать от этих похотей, чтобы, вкусив запретного, мы нарушили заповедь Божию и прогневали Заповедавшего (104, 1372).

Похоти — мучительные болезни души (104, 1519).

Через похоти диавол пленяет душу (104, 1519).

Ум, помраченный похотью мира, не может вместить просвещения Божиего. **Святитель Тихон Задонский** (104, 1519).

Нелегко сказать себе решительно: распну плоть. Но нелегко решиться сказать и противное этому: не стану распинать плоти. От той или другой решимости зависит важное в судьбе нашей обстоятельство: быть или не быть Христовым. «Те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями» (Гал. 5, 24). Итак, если желаем быть Христовыми, то должны распять плоть. А если не хотим распять плоть, то не можем обещать себе, что будем Христовы. Если же не будем Христовы, то кому мы достанемся? В Царствии Небесном, конечно, не будет никого, кроме Христовых, и следовательно, никого, кроме тех, которые «распяли плоть со страстями и похотями».

После этого размышления ни для кого из нас не должно казаться посторонним некоторое познание, что значит распять плоть со страстями и похотями и как это может быть исполнено.

Плоть не то, что тело. Тело, с его естественными свойствами и действиями, создал Бог, и создал не для смерти. После нарушения заповеди Божией и вкушения запрещенного плода тело стало плотью, жребий которой есть смерть. Апостол говорит, что плоть «желает противного духу» и объясняет ее сущность посредством ее действий и явлений. Он говорит: «Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия (соблазны), ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное» (Гал. 5, 17, 19—21). Поэтому под названием плоти надо подразумевать возбужденные в человеке самолюбие и чувственность, проявляющие себя ложной жизнью в страстях и похотях, и в делах, управляемых страстями и похотями.

При этом понятие о плоти и мысль о распятии плоти не только становится понятной, но и перестает быть страшной. Умертвив чувство злости, убить расположение к убийству, очевидно, **есть** действие не разрушительное, а охранительное. Распять склонность к разврату, конечно, не есть мучение, но предохранение от состояния, духовно и вещественно мучительного, к которому скорее или медленнее ведет путь разврата.

Высокоуважаемый на Западе подвижник, блаженный Иероним, желая освободиться от страстей и похотей, оставил богатства, блеск и удовольствия Рима, удалился на Восток, в пустыню, жил там в молитве и духовно-ученых занятиях, в посте и лишениях всякого рода и при всем этом признавался, что еще представлялись ему нечистые образы плотской и страстной жизни и нарушали чистоту ума и мир совести. «Сколько **раз**, — пишет он, — с тех пор, как я живу в пустыне, мне воображалось, будто я нахожусь еще среди увеселений Рима! Мое тело, прежде общего разрушения человеческого состава, было уже мертво, а мои страсти все еще кипели. Не зная, где найти помощь, я повергся к стопам Иисуса, омывал их слезами и старался извести эту мятежную плоть, оставаясь по целым неделям без пищи. Помню, что нередко проводил и день, и ночь, вопия непрестанно и бия себя в грудь, пока, наконец, Бог, запрещающий буре, подавал тишину моей душе». Вот опыт, конечно, не единственный в роде человеческом, а в разных видах и степенях, вероятно, и не редкий, который показывает, что для полного **благоустройства**, очищения и мира души требуется не просто покорение плоти духу, на которое она добровольно не соглашается, но, по учению истинной жизни, умерщвление плоти, умерщвление, по ее противоборству и по ее ложной жизни, глубоко внедрившейся в природу человеческую, более или менее болезненное и распинающее.

Нам, христиане, повелевается умерщвлять плоть не карательными орудиями, не мучением или уродованием создания Божия, не повреждением орудия души, но духом, то есть духовным законом, духовными рассуждениями, духовными правилами, духовным воззрением на образ жизни и распятия Христова, и силой, почерпнутой **из этих живых источников**.

Плоть хочет веселиться, смеяться, даже, может быть, плясать и произносить или с удовольствием слушать бесчинные кличи и тому **подобное** — порази ее ударами не ножа или бича, но духовного слова: «Горе вам, смеющиеся ныне!», «блаженны плачущие ныне» (Лк. 6, 25, 21), — и умерь невинное веселие, и убей веселие греховное.

Плоть раздражается на оскорбившего и порывается на взаимное **оскорбление** — свяжи ее не узами веревочными или железными, но узами духовного рассуждения и страха Божия: «гнев человека не творит правды Божией» (Иак. 1, 20); «всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца» (1 Ин. 3, 15); «кто скажет: «безумный», подлежит геенне огненной» (Мф. 5, 22).

Плоть, не довольствуясь необходимым, жаждет приятного, ищет наслаждения и готова поставить его целью **жизни** — **укажи** ей иной предмет и **цель** — Крест, водруженный на Голгофе для того, чтобы лишениями и страданиями очистить землю от нечистых наслаждений; жажду приятного угаси жаждой голгофской; в сладости земные положи уксус и желчь, поднесенные распятому Господу, и с помощью орудий Его страдания, не вещественно употребляемых, но созерцаемых духовно, распни

сластолюбие, роскошь и негу простотой, умеренностью, воздержанием, постом, трудами.

Плоть, благовидно удерживаемая от дел, осуждаемых и плотскими людьми, не перестает иногда при этом тайно рождать и питать нечистые помыслы и желания. Не пренебрегай злыми исчадиями злой матери потому, что они малы и наружно неприметны. Спеши обратить против них и в духовном разуме на деле исполнить пророческое заклинание: «Дочь Вавилона, опустошительница... блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!» (Пс. 136, 8—9). Вавилон — духовно значит мир греховный, пленяющий и порабащующий грехом. Дочь Вавилона есть плоть, воспитанная суетой и прелестью мира. Младенцы ее — нечистые помыслы и греховные желания. Камень есть Христос. Блажен ты, если не медлишь силой веры, молитвы и самоотвержения повергать перед этим камнем и разбивать этих младенцев, как только найдешь их. Ибо, если помедлишь, то нельзя не опасаться, что они вырастут, обратятся в исполинов и удержат тебя или вновь сделают пленником Вавилона.

Так и подобным этому образом будем, братия, умерщвлять дела плотские духом и распинать плоть со страстями и похотями, да будем Христовы, да живет в нас Христос, и мы наконец будем жить в Нем и в Его вечной с Отцом и Святым Духом славе. Филарет, митрополит Московский (113, 338).

«Плоть и кровь не могут наследовать Царствия Божия» (1 Кор. 15, 50). Следовательно, для получения Царствия надо обесплотить и обескровить, то есть утвердиться в таком характере жизни, словно крови и плоти нет. Это достигается совершенным отречением от дел крови и плоти. «Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, **идолослужение**, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, [соблазны], ереси, ненависть, убийства, пьянство, бесчинство и тому подобное». Перечислив все это, апостол прибавляет: «Предваряю вас,' как и прежде предварял, что поступающие так Царствия Божия не наследуют» (Гал. 5, 19—21). Имеющий уши слышать, да услышит. Епископ Феофан Затворник (107, 80—81).

По причине падения наше тело вступило в один разряд с телами животных, оно существует жизнью животных, жизнью своего падшего естества. Оно служит для души темницей и гробом (111, 8).

Ризы кожаные, по объяснению святых отцов, означают нашу грубую плоть, которая при падении изменилась: утратила свою тонкость и духовность (111, 12).

Сущие во плоти, то есть не обуздывающие своей плоти, но позволившие ей преобладать над духом, Богу угодить не могут, и потому, живя во плоти, мы должны жить не для плоти (111, 94).

(Жребя ослее (Мф. 21, 2, 7) — *Ред.*) изображает каждого человека, водимого бессловесными пожеланиями, лишившегося своей духовной свободы, привязанного пристрастием и навыком в **плотской жизни** (111, 111).

Недуги человеческого **тела**—это естественные последствия повреждения естества грехом и злоупотребления телом... (112, 415).

...Плоть, не распятая, а утучняемая и утешаемая обильным питанием, наслаждением и упокоением, не может не сочувствовать греху, не услаждаться им, не может не быть неспособной к принятию Святого Духа, не может не быть чуждой и враждебной Христу (109, 350).

Необходимо... для подвижника Христова распятие плоти! Необходимо подчиниться благому игу подвигов для обуздания скотоподобных устремлений плоти, а не для отъятия у нее здоровья и сил, необходимых для самого подвижничества (109, 350).

В ... плотском состоянии, как в своем теле, живут грех и вечная смерть... состояние это по той причине называется плотью, телом, телом смерти и греха, что в нем мысль, сердце, долженствующие стремиться к духовному и святому, устремлены и пригвождены к единому вещественному и греховному, живут в веществе и грехе (109, 365).

Плотским Священное Писание называет того несчастного человека, который пригвожден к земле, который не способен к чуждешениям и ощущениям духовным. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (111, 86).

Приснопамятный и блаженный отец наш Иоанн Колов, названный так из-за малого роста, воспитанник послушания, оставил мир в юном возрасте. С родным братом своим Даниилом он удалился в Скит, где оба приняли монашество. Они поместились на жительство в одной келлии и подвизались в посте и молитве. По прошествии некоторого времени Иоанн сказал брату: «Я решил нисколько не заботиться о теле, не хочу употреблять пищи и питья, приготовленных на огне, но хочу пребывать в этой пустыне без попечения, подобно бесплотному Ангелу». Сказав это, он тотчас снял бывшую на нем одежду и нагой вышел из келлии в пустыню. В эту ночь случился сильный мороз. Не стерпев мороза, Иоанн возвратился в келлию к брату и начал стучать в дверь. Брат, желая вразумить его, долгое время не подавал голоса, потом сотворил молитву и сказал: «Кто стучится так настойчиво в мою дверь?» Иоанн отвечал: «Это я, брат твой Иоанн, не могу вынести мороза и возвратился послужить тебе». Даниил отвечал: «Не прельщай меня, демон! Уйди, я не отворю тебе. Как ты смеешь говорить, что **ты**—брат мой? Разве не знаешь, что брат **мой**—ангел, что он небрежет о теле, что не нуждается в пище? уйди от меня!». Иоанн сотворил молитву и сказал: «Я—брат твой Иоанн! Ныне узнал, не стерпев мороза, что на мне **плоть**». Когда он покался, то брат отворил дверь и принял его в келлию, при этом сказав ему: «Брат! На тебе **плоть**, для нее ты должен заботиться о пище и одежде». **Отечник** (82, 285—286).

БЛУД

«Храм Божий свят: а этот **храм**—**вы**»

(1 Кор. 3, 17)

Будем подвизаться о чистоте даже до смерти и храниться от всякой нечистоты, которая не свойственна естеству, по словам первенца между **пророками**—Моисея. В особенности будем остерегаться разврата. Ангелы пали и низвергнуты из своего состо-

яния славы и чести, позволив очам непозволительное воззрение. Нет ничего хуже, как смотреть с вождением на женщину. Многие погибли из-за женщин... Не будьте рабами скверных нижеестественных страстей, ни постыдных похотений, столь мерзких перед Богом. Имя **Божие** напишите на сердцах ваших; пусть непрестанно раздается внутри вас голос: «вы храм Божий» (1 Кор. 3, 16) и место Святого Духа. Человек, обольщенный нечистым вождением, перед Богом подобен бессловесным скотам, лишенным всякого сознания. **Преподобный Антоний Великий (82, 17).**

Блудная брань усиливается от пяти причин: от празднословия, тщеславия, многого сна, от склонности к красивой одежде, от пресыщения. Желая отстранить от себя брань блуда пусть хранится от упомянутых поводов к ней... ибо страсти держатся одна за другую, как звенья в цепи. **Преподобный авва Исаия (82, 152).**

Апостол сказал: «блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас, как прилично святым» (Еф. 5, 3). **Блуд—это грех, совершенный телом. Нечистота—это страстное осаяние своего и чужого тела, смех и свободное обращение с другими.** Инок должен сохранять непрерывное трезвение, чтобы не ослабеть во внимании, чтобы страсти не нанесли ему какого-либо вреда. **Изречения безымянных старцев (82, 385).**

Любодеяние воспламеняется сначала в душе сластолюбца, а потом производит телесное растление (4, 162).

Дух блуда не ограничивается тем, чтобы подвергнуть бесчестию одного, к нему тотчас присоединяются товарищи; пиры, пьянство, постыдные рассказы и непотребная женщина, которая вместе пьет, одному улыбается, другого соблазняет и всех распяляет к тому же **греху,—неужели** мала эта зараза, маловажно такое распространение зла? (4, 167).

Женщина, наряжающаяся для того, чтобы возбудить к себе вождение невоздержанных, уже любодействует в сердце своем. **Святитель Василий Великий (5, 106).**

Блудник вредит сам себе, сам себя пронзает стрелой бесчестия. Вор решается на воровство, чтобы питать тело, а блудник заботится об ограблении собственной плоти. Любостяжательного побуждает к хищению мысль о корысти, блудодеяние же наносит ущерб чистоте тела. Завистливому причиняет страдание слава другого, а блудник сам совершает собственное бесславие. Ибо что бесчестнее бремену блудодеяния? **Святитель Григорий Нисский (23, 453).**

«Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог» (1 Кор. 3, 17),—говорит Священное Писание... Усиленно сопротивляйся демону блуда; не соглашайся увлечься помыслом, потому что от искры разгораются угли и от дурной мысли умножаются дурные пожелания. Старайся истреблять и воспоминания о них (25, 202).

Прелюбодеяние искореняет в себе тот, кто обращает глаза вниз, а **душу—к** Господу (26, 228).

Прелюбодействующие чувствуют стыд, если их видит хоть один человек; в каком же стыде должны предстать они там, когда будут взирать на них небо и земля? (28, **101**).

Совершенно удалите от себя прелюбодеяствия, потому что в ров погибели ввергнут они тех, которые остаются виновными в них. Преподобный Ефрем Сирин (28, **114**).

Если тебя борет блудная страсть, удручай тело подвигами, со смирением припадая перед Богом, и обрешь покой (34, 97).

Если ощущаешь в себе блудную брань, то непрестанно удручай себя бдением, голодом и жаждой, смиряясь перед всеми. Преподобный авва **Исаия** (34, 210).

Горе блуднику, оскверняющему брачную ризу! Со стыдом изгоняется он из брачного Царского чертога (48, **254**).

В твоей власти или накормить [демона блуда] непотребными делами, или с гневом обратить его в бегство молитвами, псалмопением, постом, бдением (49, 78).

Столп опирается на основание, а блудная страсть покоится на пресыщении. Преподобный Нил Синайский (67, 235).

Прелюбодеяние... нарушает условие брака, унижает благородство детей, расторгает родственные связи и расстраивает всю человеческую жизнь. Преподобный Исидор Пелусиот (51, 132).

Мы удаляемся от Бога не местом, но делами. Ибо первое невозможно, как сказано у пророка: «Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу?» (**Пс.** 138, 7). Но грехи отлучают нас от Бога (**116, 188**).

Взирающий на женщину с вожделением, будет ли он мирянин или монах, будет одинаково наказан за прелюбодеяние (35, **107**).

Когда муж обращается сердцем к другой, то, разделяясь в душе и управляемый уже самим диаволом, наполняет свой дом всякой скорбью. А если и жена увлечется подобной же страстью, то все переворачивается до самого дна (38, **594**).

Искушения этого греха сильны, и ничто не волнует так (юношеского) возраста, как эта страсть. Поэтому оградим их (юных) отовсюду советами, увещеваниями, страхом и угрозами (38, **800**).

Зачем засматриваешься на чужое лицо? Зачем стремишься в пропасть? Зачем ввергаешь себя в сети? Ограждай свои глаза, прикрывай свое зрение, положи закон очам своим, послушай Христа, Который, угрожая, приравнивает бесстыдный взгляд к прелюбодеянию (39, **182**).

Что пользы в удовольствии, если оно... подвергает непрестанному страху, вечному мучению? Не гораздо ли лучше, немного воздержав силу своих помыслов, удостоиться вечной радости, чем за малое удовольствие от порочных пожеланий мучиться бесконечно? (39, **182**).

Кто любит смотреть на красивые лица, тот больше всего сам разжигает в себе пламя страсти и, делая душу пленницей страсти, вскоре приступает и к исполнению пожелания (41, **191**).

Если хочешь смотреть и услаждаться взором, то смотри постоянно на свою жену и люби ее; этого не воспрещает никакой закон. Если же будешь взирать на чужую красоту, то оскорбишь и свою жену, отвращая от нее взгляд, и ту, на которую смотришь, так как касаешься ее вопреки закону (41, 193).

Не говори: что в том, если я пристально посмотрел на красивую женщину? Если ты прелюбодействуешь в сердце, то скоро осмелишься совершить это и плотью (41, 193).

Блуд находит помощника в свойстве тела... Где блуд, там обитает диавол (43, 900).

Не обижай себя, человек, не отвергай всеоружия Духа Святого, чтобы враги легко не победили тебя; возьми щит покаяния, и отрази стрелы похоти (43, 900).

Избегай блуда, оскверняющего нашу душу и тело; блуда, удаляющего нас от Бога и от святых; блуда, который уготовляет для нас вечный и неугасимый огонь (43, 917).

[Прелюбодеяние есть] следствие тщеславия, чувственного разжжения и чрезмерного сладострастия (45, 19).

Блуд делает людей бесчестными, жалкими, смешными и презренными у людей, делает то, что мог бы сделать враг. А часто блуд ввергал в болезни и опасности. Многие даже погибли от блудниц (45, 341).

Избегай прелюбодеяния, помня, что, впадая в него, ты одновременно становишься и нарушителем закона, и убиваешь свое тело, и позоришь себя, и душу свою подвергаешь мучениям, и бесчестишь свой род, и прогневляешь **Бога** (45, 953).

Если твой брат соблудил, не поноси его обидными словами, не насмехайся над ним. Ты не доставишь этим ему нисколько пользы, но только повредишь ему (45, 126).

Подумай, как сможет блудник войти в церковь после общения с блудницей? Как будет простирать к небу руки, которыми обнимал ее? Как посмеет молиться устами, которыми целовал блудницу? (46, 682).

Если **бы это** была нечистота только телесная, ты мог бы, как и следует, очистить себя омовением. Но так как блудник загрязнил и сделал нечистой всю душу, пусть ищет такого очистительного средства, которое могло бы смыть скверну ее. А если он не сделает этого, то хотя бы исходил все речные источники, не в состоянии будет удалить даже и малейшей части этого греха (46, 682).

Лучше, конечно, совсем не быть знакомым с этим мерзким грехом. Но если уж кто поскользнулся, пусть употребляет впредь такие средства, которые могут устранить самую сущность греха, обещая никогда больше не впадать в этот грех. Если же мы, согрешая, хотя и осуждаем совершенный грех, но опять принимаемся за то же, то нам не будет никакой пользы от очищения. **Святитель Иоанн Златоуст (46, 684).**

Нам предстоит подвиг против духа блуда, эта брань более продолжительна, чем другие, постоянна и жестока. В ней весьма немногие одерживают совершенную победу. Начиная беспокоить

с юного возраста, она не прекращается до тех пор, пока не будут побеждены прочие страсти. Поскольку нападение бывает двояким, на тело и на душу, то и сопротивляться надо двояким оружием, иначе нельзя одержать победу, только если и тело, и душа будут бороться вместе. Одного телесного поста недостаточно для приобретения или сохранения чистоты целомудрия, если не будут предшествовать сокрушение духа и постоянная молитва против этого нечистого духа. Потом необходимы продолжительное размышление о Священном Писании с духовным разумением, труд и рукоделие, обуздывающие непостоянные блуждания сердца. А прежде всего в основание должно быть положено истинное смирение, без которого нельзя победить никакого порока (53, 73).

Если хотим законно подвизаться духовным подвигом и победить нечистого духа блуда... нужно надеяться не на свои силы (ибо это невозможно совершить человеческим усилием), но на помощь Божию. Ибо душа неизбежно терпит нападения от этой страсти до тех пор, пока не осознает, что она ведет войну, превышающую ее силы, и не может одержать победу собственным старанием и трудом, если не будет подкреплена помощью и защитой Господа (53, 75).

Исправление этого **порока**—блуда главным образом зависит от совершенствования сердца, из которого, по слову Господа, исходит болезнь... (Мф. 15, 19). Следовательно, сначала надо очищать сердце, в котором находится источник жизни и смерти, как говорит Соломон: «Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни» (Притч. 4, 23). Ибо **плоть** подчиняется его произволению и власти и потому с особенным усердием надо соблюдать строгий пост, чтобы **плоть**, противясь внушениям души, бесчинствуя, не изгнала своего **правителя**—духа. Впрочем, если мы все значение будем придавать только укрощению тела, а душа не будет так же воздерживаться от прочих пороков и не будет занята божественным размышлением, то мы никак не сможем взойти на самый верх истинной непорочности, когда главное в нас будет нарушать чистоту тела. Итак, по словам Господа, нам надлежит очистить прежде «внутренность чаши и блюда, чтобы чиста была и внешность их» (Мф. 23, 26) (53, 74).

...Не должно быть сомнения, что страсть блуда и нечистоты может быть истреблена в нас, потому что апостол повелел отсекал их так же, как и любостяжание, празднословие, смехотворство, воровство, отсечение которых удобно (53, 384).

Но для всякого из нас, всеми силами подвизающегося против духа блуда, победа в том, чтобы не ожидать средства (к победе) от своего старания [но от Бога]. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (авва Херемон 53, 400).

Кто телесными трудами и потами ведет брань с этим соперником (блудным бесом), тот подобен связавшему врага своего слабой веревкой... Кто воюет против него воздержанием и бдением, тот подобен обложившему врага своего железными оковами... Кто вооружается смиренномудрием, безгневием и

жаждой, тот подобен убившему своего противника и похоронившему его в песке (57, 114).

Не думай низложить беса блуда возражениями и доказательствами, ибо он имеет многие убедительные оправдания, ибо воюет против нас с помощью нашего естества (57, 115).

Кто одним воздержанием покусается утолить блудную брань, тот подобен человеку, который думает выплыть из пучины, двигая одной рукой. Соедини с воздержанием смирение, ибо первое без последнего не приносит пользы (57, 119).

Этот бес (блудный) тщательнее всех других подкарауливает удобный случай, чтобы нас уловить, и когда видит, что мы **не** можем помолиться против него телесно, тогда в особенности нападает на нас (57, 128).

Наш бесчеловечный враг и наставник блуда внушает, что Бог человеколюбив и что Он скоро прощает эту страсть, как естественную. **Преподобный Иоанн Лествичник** (57, 118).

Диавол из зависти воздвиг на тебя брань. Береги же глаза свои и не питайся до сытости. Вина употребляй немного, и то по немощи тела, если придется. Прибери смирение, расторгающее все вражьи сети. **Преподобный авва Дорофей** (58, 213).

«**А Я** говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины блудения, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует» (Мф. 5, 32). Моисей повелел, чтобы возненавидевший жену свою развелся с ней, чтобы не случилось чего-нибудь худшего, потому что ненавидимая могла быть и убита. Но такой муж обязан был дать жене разводную, которая называлась отпускною, чтобы бывшая жена не возвращалась к нему и не произошло смуты, если бы он стал жить с другой... Господь не нарушает Моисеева закона, но исправляет его и запрещает мужу ненавидеть свою жену без вины. Если он оставит ее по уважительной причине, то есть за прелюбодеяние, он не подлежит осуждению, а если не за прелюбодеяние, то подлежит суду, потому что тем заставляет ее прелюбодействовать. Но и тот становится прелюбодеем, кто возьмет ее, потому что, если бы никто не взял ее, она, может быть, возвратилась бы к прежнему мужу и покорилась бы ему... А христианину должно быть миротворцем и для чужих, тем более для своей жены, которую Бог соединил с ним. Блаженный Феофилакт (115, 563, 564).

Но, может быть, кто-нибудь скажет: какая обида Христу Богу от того, что кто-либо оскверняет свое тело блудным грехом? Воистину, в этом Ему великая обида, ибо тело каждого христианина — не его, а Христово, согласно словам Писания: «**Вы — тело Христово, а порознь — члены**» (1 Кор. 12, 27). И не подобает тебе осквернять и загрязнять тело Христово делами плотскими, сладострастными, кроме законного супружества. Ибо ты дом Христов, по словам апостола: «храм Божий свят; а этот **храм — вы**» (1 Кор. 3, 17); и разве тот, кто захотел бы выгнать хозяина из его собственного дома, не нанес бы ему величайшей обиды? Да, нанес

бы. И изгнанный из дома своего хозяин взял бы меч или что-либо другое и воздвиг бы брань на изгнавшего его. Так и Христос Господь, изгоняемый нами из нас самих, из собственного дома Его, нашими скверными плотскими делами, терпит от нас обиду и берет меч в руки, чтобы воздать нам за Свою обиду.

Посмотрим, как неуютен Господу всякий, кто не борется со страстями своего тела, не побеждает, а любит их, кто не угашает в себе огня похоти, но еще более разжигает его, влекомый сластолюбием, как говорится в Писании: «каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью» (Иак. 1, 14).

Желающий же упорно сопротивляться страстям своим ради любви Христовой чем может побеждать их? Умерщвлением самого себя. «Умертвите, — говорит святой Павел, — земные члены ваши» (Кол. 3, 5). Таков был этот святой подвижник, говоривший себе: «усмиряю и порабошаю тело мое» (1 Кор. 9, 27). И никто не может иначе победить свою обуреваемую страстями плоть, как только умерщвлением ее... Каждый сам может достаточно видеть в житиях святых, как многие истомляли себя различными умерщвлениями, угашая в себе пламень плотского вожделения. Достаточно сказать, что умертвивший свои страсти есть добрый подвижник и бескровный мученик. Святитель Димитрий Ростовский (103, 698—699).

Блуд есть яд, умерщвляющий душу (104, 109).

Кто блудодействует, тот отрекается от Христа. Святитель Тихон Задонский (104, 109).

Грех блуда имеет то свойство, что соединяет два тела, хотя и не законно, в одно тело. По этой причине, хотя он прощается немедленно после раскаяния в нем и исповеди, при непременно условии, чтобы покаявшийся оставил его, но очищение и отрезвление тела и души от блудного греха требует продолжительного времени, чтобы связь и единение, установившиеся между телами... и заразившие душу, обветшали и уничтожились (108, 288).

В Новом Завете (грех любодеяния) получил новую тяжесть, потому что тела человеческие получили новое достоинство. Они сделались членами Тела Христова, и нарушитель чистоты наносит уже бесчестие Христу, расторгает единение с Ним... Любодей казнится смертью душевной, [от него] отступает Святой Дух, согрешивший признается впадшим в смертный грех... — залог неминуемой гибели... если этот грех не уврачуется благовременно покаянием (108, 333).

Весьма важно сохранение тела от впадения в блуд, но одного этого недостаточно для боголюбезной чистоты, которая видит Бога. На нас лежит непрменная обязанность очистить самую душу от сладострастных помышлений, мечтаний и ощущений (108, 339).

Телесное вожделение увядает от исповеди более, чем от поста и бдения (108, 490).

Закон Моисеев воспрещал прелюбодеяние, Господь воспретил плотское вожделение (108, 510).

Тщеславие в отношении к истинной славе есть блуд (109, 216).

Тем, которые еще не стяжали истинной сердечной молитвы, помогает (в борьбе с блудным бесом) страдание в телесной молитве... (112, 341).

Особенно тяжелое впечатление производит на нас услаждение плотскими вожделениями. Отцы называют их осквернителями духовного храма Божия. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 358).

...Никогда не было так своевременно, как в тот период, внушать христианам из язычников воздержание от блуда, потому что никогда развращение языческих нравов не доходило до такой степени, как в тот период. Евреи, нельзя не сказать правды, из всех племен могли считаться народом чистейшей нравственности, но и они смотрели на этот грех не как на преступление против нравственности, потому что такой взгляд был установлен только христианством. Что же касается язычников, то даже Сократ не считал блуда предосудительным, а Цицерон утверждал, что ни один из моралистов и не думал налагать на это дело запрещения. Взгляд на чувственность древнего человека изменился в новом вследствие той чистоты, которой дышит и которую вселяет каждая страница Нового Завета. Основой для такого изменения взгляда служат высочайшие нравственные истины, преподанные миру в учении Законоположника и Господа. Но долг справедливости требует воздать благодарность и тому, чье учение было широким разъяснением этих великих истин, — апостолу Павлу. Если безумную растрату драгоценных даров жизни следует считать страшным бедствием для личностей и народов, если разврат есть проклятие и позор, поедающий под корень человеческое счастье гораздо быстрее, чем все другие пороки, и если, напротив того, румянец скромности на молодых щеках считается одною из драгоценнейших принадлежностей юности, то истинным благодетелем, под влиянием духовно-нравственных поучений которого посеяны и возросли эти истины в сердцах юношей всякой христианской страны, следует признать того, кто, под наитием благодати Всесвятого Духа, с большей ясностью, с большим спокойствием, с большим убеждением, **чем кто** бы то ни было, разъяснил гнусность, унижительность, заразительность греха, через тело предающего и распространяющего свой яд по душе, имеющего еще то особенное свойство, что губит душу не одного человека, но ставит его в ответственность перед Богом за преграждение пути к спасению других личностей. Барсов М. В. (114, 377—378).

В Нижнем Египте, был некий отшельник, пользовавшийся известностью, потому что он безмолвствовал наедине в кельи в пустынном месте. По действию сатаны некая женщина развратного поведения, услышав об отшельнике, сказала юношам, знакомым своим: «Что вы мне дадите, если я низложу вашего отшельника?». Они условились щедро вознаграждать ее. Она вышла вечером, как бы сбившись с дороги, пришла к кельи отшельника, постучалась в дверь. Он вышел, увидев ее, смутился и спросил: «Каким образом ты пришла сюда?». Она, притворно заплакав, отвечала: «Сбилась с дороги». Умилосердившись над нею, он ввел ее в сени перед кельей, а сам вошел в келью и запер за собой дверь. Но она стала кричать: «Авва! здесь меня съедят звери!». Он опять смутился, но в то же время страшился Суда Божия за жестокий поступок и говорил себе: «Откуда пришла мне эта напасть?». Отворив дверь, он ввел ее в келью. Тогда диавол начал стрелами вожделения разжигать его сердце. Поняв, что тут действует диавол, отшельник сказал себе: «Путь врага — тьма, а Сын Божий — свет». С этими словами он зажег лампу. Чувствуя, что вожделение воспаляется больше и больше, сказал: «Так как удовлетворяющие вожделениям пойдут в муку, испытай себя, можешь ли выдержать огонь вечный?». С этими словами он поставил один из пальцев руки над огнем лампы. Палец начал гореть, но он не чувствовал боли по причине необыкновенного воспламенения плотской страсти, и до дневного рассвета сжег себе все пальцы на руке. Женщина, увидев, что делает отшельник, от ужаса как бы окаменела. Рано утром пришли упомянутые юноши к отшельнику и спросили его:

«Приходила ли сюда поздно вечером женщина?» Он отвечал: «Приходила. Вот она, спит там». Юноши, подойдя к ней, нашли ее мертвой и сказали: «Авва! Она умерла». Тогда он, раскрыв малую мантию, в которой был, показал им свои руки: «Вот что сделала мне эта дочь диавола. Но Писание говорит, что нельзя воздавать злом за зло». Помолившись, он воскресил умершую. Она покаялась и благочестиво провела остаток жизни (82, 483—484).

Ученик одного святого старца был борим духом любодеяния, но при помощи благодати Божией мужественно противостоял скверным и нечистым помышлениям своего сердца, очень прилежно посту, молитве и рукоделию. Блаженный старец, видя усиленный подвиг его, сказал: «Если хочешь, сын, я помолюсь Господу, чтобы Он отнял у тебя брань». Ученик отвечал: «Отец! Хотя я и тружусь, но вижу и чувствую в себе благой плод: по причине этой брани я пошущу больше и больше упражняюсь в бдениях и молитвах. Но прошу тебя: моли милосердного Господа, чтобы дал мне силу выдержать брань и подвизаться законно». Тогда святой старец сказал ему: «Теперь я узнал, что ты правильно понял, что этой невидимой бранью с духами при посредстве терпения совершается вечное спасение твоей души» (82, 424—425).

Некий брат имел брань любодеяния. Он пошел к старцу и сказал ему о своих помыслах. Старец сделал ему наставление, утешил и отпустил с миром. Брат, почувствовав пользу, возвратился в свою келлию. Но вот опять пришла брань. Он опять сходил к старцу и таким образом поступал несколько раз. Старец не оскорбил его, но наставлял его не только не впадать в расслабление, а, напротив, приходить к нему каждый раз, обличая врага, когда тот начнет нападать. Таким образом, говорил старец, враг, будучи обличаем, отступит: ничто так не противно духу любодеяния, как когда открывают его дело, и ничто не приносит ему такой радости, как когда скрывают приносимые им помыслы. **Отчник** (82, 454).

Однажды диавол воздвиг в многотрудном теле святого Игнатия такую плотскую брань, что он, сжигаемый этим адским пламенем, пал на землю и долго лежал, как полумертвый, потом пришел к своему попечителю старцу Акакию и, объяснив ему свою беду, просил у него утешения. Добрый старец, как и подобало, утешил и утвердил его словами божественными и примерами святых мужей. После этого блаженный подвижник пришел в церковь, взял в руки икону Богоматери и лобызал ее, со слезами прося Приснодеву помочь ему в беде и избавить от этой непереносимой брани и диавольского наваждения. Не оставила Боговестная своего раба искушаться сильнее, чем он мог: по благодати Богоматери его окружило некое неизреченное и неопишемое благоухание, и с того времени его оставила эта смертоносная брань. **Афонский Патерик** (85, 247—248).

ПОХОТЬ

Многие, искушаемые сладострастием, **блудодействуют** мыслью; сохраняя девство тела, растлевают девство души. Возлюбленные! Необходимо отречься от услаждения блудными помыслами и мечтаниями, от общения с ними и внимания к ним, по наставлению Писания: «Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из **него** источники жизни» (Притч. 4, 23). **Авва Геронтий** (82, 89).

В хранении сердца от греховных помыслов заключается начальная причина и сущность спасения. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (82, 89).

«А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5, 28). Иисус Христос запрещает здесь не всякое пожелание,

но пожелание, рождающееся в нас от воззрения на женщин. Ибо любящий смотреть на красивые лица преимущественно сам возжигает в себе пламя страсти, делает душу пленницей и после этого скоро приступает и к совершению пожелания... Ибо Господь не сказал: кто пожелает, поскольку можно желать и сидя в горах, но «кто смотрит с вожделением», то есть кто сам производит в себе пожелание, кто без всякого принуждения вовлечет этого зверя в свое спокойное сердце; это уже происходит не от природы, но от нерадения... Поэтому-то Спаситель не вовсе запретил смотреть на женщин, но только запретил смотреть на них с вожделением (115, 561).

«Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну» (Мф. 5, 29). Спаситель произнес эти слова не о членах. Он нигде не осуждает плоти, но везде обвиняет развращенную волю. Не глаз твой смотрит, но через него смотрит ум и сердце. Если душа обращена на другие предметы, глаз часто не видит предметов, находящихся перед нами. Поэтому не все должно приписывать действию глаза. Если бы Христос говорил о членах, то сказал бы не об одном глазе, правом, но об обоих. Потому что, если кто соблазняется правым глазом, тот, без сомнения, соблазняется и левым. Итак, почему Спаситель упомянул только о правом глазе и о правой руке? Потому, чтобы ты знал, что речь идет не о членах, но о людях, имеющих с нами тесную связь. Итак, если ты кого-нибудь любишь так, что полагаешься на него, как на правый глаз, и признаешь его столь полезным, что считаешь его за правую руку свою, если он развращает твою душу, то и такого человека отсеки от себя. **Святитель Иоанн Златоуст (115, 561—562).**

Блудную похоть надо пресекать памятью, что за этот грех сильно мучит и терзает совесть. Святитель Тихон Задонский (104, 110).

«Всякий, кто смотрит на женщину... уже прелюбодействовал с нею» (Мф. 5, 28). Как же быть, если, живя в обществе, нельзя не смотреть на женщин? Но ведь не просто «кто смотрит на женщину... прелюбодействует», а «кто смотрит с вожделением».

Смотреть — смотри, а сердце держи на привязи. Смотри очами детей, которые смотрят на женщин чисто, без всяких дурных мыслей. Женщин должно и любить, ибо из заповеди о любви к ближним не исключаются и они, но любовью чистой, которая помышляет о душе и духовном родстве, помимо всего прочего... В христианстве, как перед Богом «нет мужеского пола, ни женского» (Гал. 3, 28), так и во взаимных отношениях христиан. Во всех отношениях, ты скажешь, это трудно. Да, без борьбы не бывает, но борьба предполагает нежелание зла; нежелание же милостивым Господом вменяется в чистоту (107, 160—161).

Есть у святых отцов похвала некоторым лицам, славным по своей христианской жизни, состоящая в том, что они воскресли прежде Общего Воскресения. В чем же тайна такой жизни? В том, что они усвоили характерные черты жизни после Воскресения, как они указываются в слове Божиим, и сделали их определяющими в себе. Будущая жизнь представляется отрешенной от всего плотского: там ни женятся, ни посвягают, не будут там питаться мертвой пищей и самое тело воспримут духовное.

Итак, кто живет отрешенно от всего плотского, тот принимает в себя или возвращает в себе элементы будущей после Воскресения жизни. Дойди до того, чтобы в тебе замерло все плотское, и воскреснешь прежде Будущего Воскресения. Путь к этому указывает апостол, когда говорит: «поступайте по духу, и вы не будете исполнять вожделений плоти» (Гал. 5, 16). И удостоверяет, что этим путем наверняка можно достигнуть желаемого: «сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал. 6, 8). **Епископ Феофан Затворник (107, 104—105).**

ПЬЯНСТВО

Если выпито много вина, оно становится подобным мучителю, ворвавшемуся в крепость, который с высоты ее производит в душе неумолкающие мятежи, не отказывая себе ни в каком беззаконном требовании, но прежде всего поработив рассудок, смешивает и приводит в расстройство весь сознательный строй жизни: голос делает громким, возбуждает непристойный смех, опрометчивый гнев, необузданные вожделения, неистовую и бешеную страсть ко всякому беззаконному удовольствию (5, 203).

Пьянство — начало безбожия, ибо оно омрачает разум, которым обыкновенно наиболее познается Бог (5, 177).

Постящегося приемлет Господь внутрь священных оград, но не допускает туда упивающегося, как скверного и чуждого святыне (7, 23).

Избегай пьянства, чтобы оно более и более не отделило тебя от Бога (7, 28).

Пьянство не дает места Господу, пьянство отгоняет Святого Духа (7, 18).

В душу, оскверненную пьянством, не войдут пост и молитва (7, 23).

Пьянство — вражда на Бога (7, 28).

Пьянство — мать порока, противление добродетели; оно делает мужественного робким, **целомудренного — похотливым**, не знает правды, отнимает благоразумие (7, 210).

Пьянство — это добровольно накликаемый бес, через сластолюбие вторгающийся в душу (7, 210).

Вино потопляет рассудок и ум и возбуждает страсти и сластолюбие. **Святитель Василий Великий (7, 218).**

Не употребляй вино до упоения, чтобы не лишиться Божественной радости. Преподобный **авва Исаия (34, 91).**

Кто проводит время в пьянстве, разгуле и объядении, тот подпал жестокой власти дьявола (35, 779).

Пьянство — корень всех зол (36, 12).

Пьяница — живой мертвец (36, 12).

Пьянство — это падение, лишение оправдания, общий позор нашего рода (36, 12).

Главное зло пьянства в том, что оно делает для пьяницы недоступным Небо и не позволяет достичь вечных благ, так что вместе с позором на земле, страждущих этим недугом и на Небе ожидает тягчайшее наказание (36, 13).

Пьянство происходит не от **вина**—и вино создано Богом... но порочная воля производит пьянство (36, 482).

Пьяный бывает хуже бесноватого: все мы жалеем бесноватого, а на пьяницу негодуем и гневаемся. Почему? Потому что у **того**—**болезнь** от дьявольской напасти, а у **этого**—**от** беспечности; у **того**—**от** козней врагов, у **этого**—от козней собственных помыслов (36, 483).

Пьянство—**несчастье**, над которым смеются, болезнь, над которою издеваются; произвольное беснование, которое хуже умопомешательства (36, 483).

Пьяница неприятен для друзей, смешон для врагов, презираем подчиненными, отвратителен для жены, несносен для всех... (36, 483).

Особенно же тяжело то, что пьянство, полное столько зол и порождающее столько несчастий, даже и не считается у многих виной (36, 483).

Пьяный не умеет распоряжаться своими речами с рассуждением, не умеет расположить богатства мыслей... все тратит и низвергает (36, 483).

Пьяный более жалок, чем мертвый. Мертвый бесчувствен и не может делать ни добра, ни зла, а пьяный способен делать зло и, зарыв душу, как в могиле, в плотском, умерщвляет свое тело (36, 484).

Даже и удовольствием не может воспользоваться пьяница, потому что **удовольствие**—в умеренности, а в **неумеренности**—бесчувственность (36, 711).

Пьянство—**всегда** зло, но особенно в Святые праздники. Здесь вместе с грехом есть и величайшее оскорбление и унижение Божественных вещей; за это может быть и двойное наказание (36, 712).

Пьянство и само по себе может служить вместо всякого наказания, наполняя души смятением, исполняя ум мраком, делая пьяного пленником, подвергая бесчисленным болезням, внутренним и внешним (40, 67).

Стяжал ли кто-либо целомудрие, стыдливость, пристойность, или кротость, или **смирение**—все это пьянство повергает в море нечестия (41, 593).

Пьянство... это многообразный и многоглавый зверь... здесь вырастает у него блуд, **там**—**гнев**; **здесь**—**тупость** ума и сердца, а **там**—**постыдная** любовь (41, 715).

Пьяница не может видеть Царствия Небесного. И что я говорю: Царствия! Пьяница не видит и настоящих предметов. Пьянство превращает дни в ночи, свет во тьму; пьяный, глядя во все глаза, не видит и того, что у него под ногами (41, 593).

Храм **Божий**—это те, в ком обитает Дух Божий. Храмом идолов (и **дьявола**) являются те, которые оскверняют себя пьянством и невоздержанием (42, 860).

Христос хочет обитать у тебя, а ты попираешь Его объядением и пьянством. Святитель **Иоанн** Златоуст (46, 170).

Вино, как все сотворенное Создателем для нашей пользы, есть добро, «ибо всякое творение Божие **хорошо**»,—говорит апо-

СТОЛ,—и «ничто не предосудительно, если принимается с благодарением» (1 Тим. 4, 4). И в книге Бытия пишется: «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма» (Быт. 1, 31). «Вино полезно для жизни человека, если будешь пить его умеренно... Отрада сердцу и утешение **душе—вино**, умеренно употребляемое **вовремя**»,—говорит Сирах (Сир. 31, 31, 33), ибо, так употребляемое, веселит печального, подкрепляет немощного. Потому и к святому Тимофею апостол написал: «Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов» (1 Тим. 5, 23). Потому и святой Павел **запрещает**—не пить вино, но упиваться: «не упивайтесь вином» (Еф. 5, 18). Ибо **одно—пить вино, другое—упиваться вином (104, 324—325).**

Причиною пьянства, как и прочих грехов, бывает злое и невозддержанное сердце, праздность, частые пиршества, компании, усиленные потчевания, общения со злыми и невозддержанными. От частых же повторений порождается страсть и злой обычай (104, 1565).

Пьянство бывает виной многих и тяжких грехов. Оно порождает ссоры, драки с последующими кровопролитиями и убийствами, сквернословие, кошунство, хулу, досады и обиды ближним. Оно приучает лгать, льстить, грабить и похищать, чтобы было чем удовлетворить страсть. Оно разжигает гнев и ярость. Оно приводит к тому, что люди валяются в грязи, как свиньи в **болоте**,—словом, делает человека скотом, **словесного**—бессловесным, так что не только внутреннее состояние, но и внешний человеческий вид часто изменяет. Поэтому святой Златоуст говорит: «Диавол ничего так не любит, как роскошь и пьянство, поскольку никто так не исполняет его злой воли, как пьяница» (104, 1566).

Пьяный человек способен на всякое зло, идет на всякие соблазны. Тот же, кто так его угостил, становится участником и всех его беззаконий, поскольку трезвый таких соблазнов не принял бы. Если в трезвом сияет хоть малая искра разума, то в пьяном она совсем угашается. Трезвого хотя и влечет похоть к беззаконию, но совесть вооружается и противостоит, и так отводит от беззакония, а в пьяном похоть преобладает, а совесть ослабевает (104, 1566).

От этих заботливых и ядовитых угощений человек впадает в страсть пьянства, в которой так коснеет, что и освободиться от нее не может. И часто бывает, что в этом бедственном бесчувствии кончается и жизнь его без надежды на спасение. За эту гибель и мнимый его благодетель, или, скорее, злодей, будет осужден. Потому что кто открывает дорогу к гибели, тот в этой гибели бывает виновен (104, 1567).

Пьянство бывает причиною не только душевных, но и временных телесных зол, расслабляет тело и приводит к немощи. Поэтому написано: «Против вина не показывай себя храбрым, ибо многих погубило вино» (Сир. 31, 29). Пьянство приводит к убожеству и нищете. «Работник, склонный к пьянству, не **обогащается**»,—говорит Сирах (Сир. 19, 1). Оно отнимает славу и доброе имя, напротив, к бесславию, презрению и омерзению приводит,

ибо никем так не гнушаются люди, как пьяницей. Домашним, родным, друзьям пьяный причиняет скорбь и печаль, а у врагов вызывает насмешку. Пьянство делает своего приверженца неспособным ни к какому делу. В каком бы звании ни был пьяница, он больше принесет бед и напастей, чем пользы обществу (104, 1568—1569).

Юным нельзя позволять пить ничего опьяняющего, потому что юные скорее привыкают, и чему научатся в юности, к тому и всю жизнь пристрастны будут. Нельзя позволять им водиться с пьяницами и развращенными. И достигшим зрелости, без нужды не надо пить вино. От плохих компаний и пиршеств надо удаляться. Надо напоминать, что от этой страсти весьма трудно отстать. И многие от этой самой страсти погибают душой и телом. А привыкшим к этой страсти надо крепко против ее мучительства вооружиться, стоять, не поддаваться, молить и призывать всемогущую Божию помощь. Надо приводить на память случающиеся от пьянства беды и сравнивать состояние трезвой жизни с состоянием пьяного. Надо напоминать, что многие умирают пьяными во сне и из этого мира в иной переходят без всякого чувства, и потому без покаяния. **Святитель Тихон Задонский (104, 1570).**

Жена одного служащего, некая Мария Гордеева, рассказала на Троицком подворье архимандриту Крониду следующую повесть о себе. «Мой муж,—говорила она,—после брака не переставал вести нетрезвую жизнь. Все свободное время он проводил в пьяных безумных оргиях. Однажды, находясь в неопишуемой скорби, доходящей до отчаяния, я сидела одиноко в своей комнате и решила призвать на помощь Преподобного Сергия Радонежского. Я так горячо молилась ему, что слезы лились потоком. Вдруг вижу: вся комната моя осветилась неземным светом. В этом свете идет ко мне дивный старец неопишуемой духовной красоты и доброты... Подойдя, он отечески приветливо сказал мне: «Успокойся, раба Божия Мария! Молитва твоя услышана, и твой муж больше нетрезвым к тебе не придет». Я поклонилась ему в ноги. Он меня благословил и стал невидим. Через несколько минут после этого видения раздался в нашей квартире резкий звонок. Я отворила дверь и увидела мужа. Но он совсем не был таким буйным, каким являлся прежде. Войдя в переднюю, он опустился передо мною на колени, зарыдал и стал просить у меня прощения за свою безумную жизнь и мучения, причиненные мне. После этого он сделался неузнаваемым, совершенно трезвым и достойным. И 35 лет нашей дальнейшей супружеской жизни я прожила с ним в мире и согласии». **Троицкие цветки (91, 16),**

ЧРЕВОУГОДИЕ

Образ этой страсти, которой необходимо подчиняется даже христианин духовной и высокой жизни, довольно верно обозначается подобием орла. Хотя он парит выше облаков и скрывается из глаз людей и от лица всей земли, но, по требованию чрева, принужден бывает опять спускаться на низменности, сходить на землю и питаться... трупами. Также и чревоугодие никак нельзя пресечь, как прочие пороки, или совершенно истребить, а только излишние возбуждения и пожелания его можно ограничить и обуздать силой души (53, 257).

Если побежденный дух чревоугодия своим смирением начнет льстить тебе, упрашивая, чтобы ты сделал ему некоторое послаб-

ление, уменьшил ревность в воздержании и меру строгости, не сдавайся в ответ на его покорность. Видя, что ты стал немного спокойнее от скотского разжигания, не думай, что ты вне опасности нападения, не возвращайся к прежней невозддержанности или прихотям чревоугодия. Ибо побежденный дух чревоугодия говорит как бы так: «возвращусь в дом мой, откуда я вышел» (Мф. 12, 44). Тогда тотчас происходящие от него семь **духов** — пороков будут для тебя еще злее, чем страсть, которая вначале была побеждена тобою, и они скоро увлекут тебя к грехам... Поэтому нам надо стараться, победив воздержанием и постом страсть чревоугодия, не оставлять душу нашу пустой от необходимых добродетелей, но заботливо наполнять ими все изгибы нашего сердца, чтобы дух чревоугодия, возвратившись, не нашел нас пустыми, не занятыми добродетелями, и, не довольствуясь открытием входа для себя одного, не ввел с собой в нашу душу семь страстей, так что последнее будет хуже прежнего. Ибо после этого будет гнуснее, грязнее та душа, которая хвалится, что отрелась от этого мира, тогда как в ней господствуют все восемь страстей. Она подвергнется более тяжкому наказанию, чем когда не обязалась ни достоинством, ни именем христианским. Ибо эти семь духов потому называются злейшими прежде вышедшего духа, что пожелание чрева само по себе не было бы вредно, если бы не вводило за собою других, более важных страстей, то есть блуда, сребролюбия, гнева, печали, уныния, тщеславия и гордости, которые сами по себе, без сомнения, вредны и губельны для души. И потому никогда не может достигнуть совершенной чистоты тот, кто надеется приобрести ее одним воздержанием, то есть телесным постом, если не познает, что воздержание нужно для того, чтобы после усмирения плоти постом он мог вступить в брань с прочими страстями. Авва Серапион (53, 260).

Надо прежде подавить страсть чревоугодия, и ум должен быть утончен не только постом, но и бдением, и чтением, и частым сокрушением сердца о том, в чем сознает себя прельщенным или побежденным, то сокрушаясь от страха пороков, то воспламеняясь желанием совершенства и непорочности, пока, занятый такой заботой и размышлением, не осознает, что принятие пищи допущено не столько для удовольствия, сколько послужило ему в тягость, и станет считать ее более неизбежной потребностью тела, чем вожденной душе. Занятые таким упражнением ума и сокрушением, мы подавим сладострастие плоти, усиливающееся от разгорячения пищей, и ее вредные жала; таким образом, печь нашего тела, которая разжигается вавилонским **царем — дьяволом**, постоянно доставляющим нам поводы к грехам и порокам... мы можем погасить обилием слез и сердечным плачем, пока пожар плотской похоти не будет совершенно погашен росой благодати Божией, веющей в сердцах наших (53, 56).

Пресыщенное чрево порождает семя сластолюбия, и дух, подавленный тяжестью пресыщения, не может иметь рассудительности. Ибо не одно чрезмерное употребление вина делает челове-

ка безумным, но и безмерное употребление пищи также расстраивает, помрачает его, лишает чистоты и непорочности. **Авва Антоний (53, 52).**

Первая брань, первый **опыт** — в стремлении к совершенству истребить объедение и чревоугодие. Не только излишнее желание пищи надо подавить ради добродетели, но и самую необходимую для нашей природы пищу нужно принимать не без сердечной скорби, как противницу целомудрия. И течение нашей жизни должно быть установлено таким образом, чтобы ни в какое время не отвлекаться от духовных занятий, разве только когда слабость тела побуждает снизить к необходимому попечению о нем. И когда подчиняемся этой необходимости, то, удовлетворяя больше потребности жизни, нежели вожделению души, мы должны спешить оставлять ее, как отвлекающую нас от спасительных занятий. Ибо мы никак не можем презреть удовольствия настоящей пищи, если ум, предавшись Божественному созерцанию, не будет еще более наслаждаться любовью к добродетелям и красотой небесной. И, таким образом, каждый будет презирать все настоящее, как скоропреходящее, когда непрерывно будет устремлять взор ума к непоколебимому и вечному, и, еще пребывая в теле, будет созерцать блаженство Вечной Жизни (53, 57).

Чревобесие нужно побеждать не только для себя, чтобы не вредило нам обременительной прожорливостью, и не для одного того, чтобы не разжигало нас огнем плотской похоти, но для того, чтобы не делало нас рабами гнева или ярости, печали и всех прочих страстей. **Авва Феона (53, 568).**

Чревоугодие разделяется на три вида: один вид побуждает принимать пищу раньше определенного часа; другой любит только пресыщаться, какой бы то ни было пищей; третий хочет лакомой пищи. Против этого христианин должен иметь тройкую осторожность: ожидать определенного времени для принятия пищи; не пресыщаться; довольствоваться всякой самой скромной пищей. **Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (53, 63).**

Кто сильнее льва? Но и он из-за чрева своего попадает в сеть, и тогда вся его сила не служит ни к чему. **Иоанн Колов (82, 290).**

Если вода разделяется на многие русла, зеленеет вся земля, лежащая вокруг них; так, если и страсть чревоугодия разделилась в твоём сердце, она напоит все чувства, насадит в тебе лес пороков и обратит твою душу в жилище зверей (8, 46).

Если будешь владеть чревом, то станешь обитать в раю, а если не овладеешь им, то сделаешься добычей смерти (8, 47).

Избегая неумеренности в наслаждении, целью вкушения пищи надо ставить не удовольствие, а ее необходимость для жизни, ибо рабоблестствовать **удовольствиям** — значит не что иное, как сделать чрево своим богом (8, 120).

Учись держать чрево в крепкой узде: оно одно не воздает благодарности за оказанные ему благодеяния. **Святитель Василий Великий (8, 140).**

Чревоугодие изгнало из рая Адама; оно же во время Ноя было причиной потопа; оно же и на содомлян низвело огонь. Хотя преступлением и было сладострастие, но корень той и другой казни произошел от чревоугодия (41, 131).

Нет ничего хуже, ничего постыднее чревоугодия. Оно делает ум тучным; оно делает душу плотскою; оно ослепляет и не позволяет видеть (42, 992).

Не готовимся ли мы принести себя в жертву, что так утучняем себя? Для чего уговляешь ты червям роскошную трапезу? Для чего увеличиваешь количество жира?.. Для чего делаешь себя ни к чему не годным?.. Для чего зарываешь душу? Для чего ограду ее делаешь толще? (43, 256—257).

Беги от чревоугодия, порождающего все пороки, удаляющего нас от Самого Бога и низводящего в бездну погибели (45, 964).

Тебе обещано Небо и Царство Небесное, а ты, покоряясь насилию чрева, не переносишь ли все и пренебрегаешь обещанным? Вот истинное бесстыдство (46, 109).

Кто с жадностью предается яствам, подрывает силы тела, равно как уменьшает и ослабляет крепость души (46, 571).

Есть, скажете, некоторое удовольствие в пресыщении. Не столько удовольствия, сколько неприятности... Пресыщение производит... худшее (чем голод). Голод в короткое время изнуряет и доводит тело до смерти... а пресыщение, разъедая тело и производя в нем гниение, подвергает его продолжительной болезни и потом тягчайшей смерти. Между тем голод мы считаем непереносимым, а к пресыщению, которое вреднее его, стремимся. Откуда в нас такая болезнь? Откуда такое безумие? (46, 246).

Подобно тому, как корабль, нагруженный более, чем может вместить, под тяжестью груза идет ко дну, так точно и душа, и природа нашего тела: принимая пищу в размерах, превышающих ее силы... переполняется и, не выдерживая тяжести груза, погружается в море гибели и губит при этом и пловцов, и кормчего, и штурмана, и пловущих, и самый груз. Как бывает с кораблями, находящимися в таком состоянии, так точно и с пресыщающимися: как там ни тишина моря, ни искусство кормчего, ни множество корабельщиков, ни надлежащее снаряжение, ни благоприятное время года, ничто другое не приносит пользы буруеваемому таким образом кораблю, так и здесь: ни учение, ни увещание, [ни порицание присутствующих], ни наставление и совет, ни страх будущего, ни стыд, ничто другое не может спасти буруеваемую таким образом душу. **Святитель Иоанн Златоуст (46, 567).**

Чревоугодие истребляет в человеке все доброе. **Преподобный Нил Синайский (48, 76).**

Если надеешься отойти к Богу, то послушайся моего совета и угашай неистовство чревоугодия, ослабляя тем в себе разжжения **Сластолюбия**,— это предаст нас вечному огню (50, 199).

Пренебрегай лакомыми снедами, потому что в скором времени они обращаются в ничто, а во время вкушения имеют великую **цену**. Употребление их сверх потребности теперь порождает

болезни, а в будущем подвергает ответственности на Суде (50, 207).

Смотри, чтобы пресыщение и чревоугодие не довело тебя до страстного неистовства и ты не оказался увлеченным этими двумя молодыми невзнузданными конями (50, 239).

Те, кто употребляет пищу сверх меры и потребность в пище оскорбляют пресыщением, притупляют чувства и, сами того не замечая, от излишества в наслаждении теряют даже и само наслаждение пищей. **Преподобный Исидор Пелусиот (52, 230).**

Если ты победишь [чрево], эту госпожу, то всякое место будет тебе содействовать в приобретении бесстрастия, если же она будет обладать тобою, то до самого гроба ты везде будешь бедствовать. **Преподобный Иоанн Лествичник (57, 49).**

Кто желает многих и разных яств, тот чревоугодник, даже если ест один хлеб и пьет только воду по причине своей бедности (**61, 235**).

Невозможно и плоть наполнять досыта яствами, и духовно наслаждаться умными и божественными благами. Ибо в какой мере кто работает чреву, в такой лишает себя вкушения благ духовных. И напротив, в какой мере кто станет утончать свое тело, соразмерно с тем он может насыщаться пищей и утешением духовными. **Преподобный Симеон Новый Богослов (61, 515).**

Будем же бояться, чтобы и мы, отдавшись чревоугодию, не лишились обетованного благословения и наследия от Небесного Отца. **Святитель Григорий Палама (65, 130).**

Откармливающий тело без воздержания в еде и питии будет измучен духом блуда. **Преподобный авва Феодор (68, 352).**

Пробеги умом свою жизнь с юного возраста и вспомни, что ты с давних **пор** ел и пил. Не один раз ты ел и достаточно много пил, однако все это прошло, как будто никогда и не бывало, и нет теперь об этом никакой памяти и нет от этого никакой пользы. Ибо как тогда, так и теперь, хотя и всеми яствами и питьями насладишься, ничего более не получишь, как только вред, и за каждым случаем **наслаждения** — **тяжесть** в душе и обновление страстей. Поэтому не желай здесь вознаградить себя таким способом, но все упование свое полагай в небесном. **Святитель Димитрий Ростовский (103, 1014).**

Обжорливость — не что иное, как дурной навык, безрассудное, неудовлетворимое удовлетворение поврежденного злоупотреблением естественного желания (**108, 378**).

От угождения чреву отягощается, грубеет, ожесточается сердце; ум лишается легкости и духовности; человек становится плотским (**111, 86**).

Дебелость и мгла, сообщаемые телу обилием и неразборчивостью в пище, мало-помалу сообщаются телом сердцу и **сердцем** — уму (**111, 87**).

Корень всем грехам... есть сребролюбие, а после сребролюбия... чревообъядение, сильнейшее и обильнейшее выражение **которого** — пьянство (111, 375).

Если будешь угождать чреву и излишне питать себя, то низвергнешься в пропасть блудной скверны, в огонь гнева и ярости, отяжелишь и омрачишь ум, приведешь свою кровь в разгорячение. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 269).**

ПОДВИЖНИЧЕСТВО

Христианину необходим непрестанный подвиг

Подвижничество... есть подражание всем заповедям Господним и хранение их; оно не гневливо, не кичливо, не сребролюбиво, не опрометчиво, не самолюбиво, покорно, всякому услуживает, вовсе чуждается тленного, пребывает в общении только с духом; у него язык благодарный, полезная молитва, оно делает все из послушания... Преподобный Исидор **Пелусиот** (50, 164).

Труд насаждения Слова Божия в сердце требует таких усилий, что он назван подвигом. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 272).

Любовь к подвигам есть ненависть к страстям; напротив, леность и праздность легко вводят в душу страсти (82, 203).

Если человек не прольет пота в подвиге для снискания каждой добродетели, он не сможет войти в покой Сына Божия (82, 218).

Благоразумное удручение себя подвигами освобождает от **пороков — следствия** прежнего нерадения (82, 218).

Человек, пока находится в теле, никак не должен и не может доверять себе. Он не способен к неизменяемости. Ему необходимо пребывать в непрестанном подвиге. Преподобный авва **Исаия** (82, 222).

Вступи на путь, ведущий к Небу; вступи на путь узкий и тесный, пойди по нему, изнуряя и порабощая духу свое тело (36, 48).

Кто служит Господу только тогда, когда находится в безопасности, тот не проявляет большой любви и не чисто любит Христа (42, 230).

Хотя мы должны все относить к Богу, однако и сами должны быть деятельны, брать на себя труды и подвиги (45, 607).

Видя впереди себя надежду, не пренебрегай трудом. Где подвиги, там и награды; где войны, там и почести; где борьба, там и венец. Святитель Иоанн Златоуст (46, 446).

Решившись служить Богу, пребывай в страхе Божиим и приготовь душу свою не к покою, бездействию и наслаждению, а к искушениям и огорчениям. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (авва **Пинуфий** 53, 45).

Хотя Христос, всегда пребывающий с людьми, все совершает в них, но и они, при всей своей немощи, поднимают большой труд, чтобы только удержать в себе Христа, потому что все хитрости и

все козни диавола обращены на то, чтобы соблазнить их отторгнуться из рук Христа и расположить их говорить или думать в самопрельщении, что это мы сами по себе и своими усилиями породили такое и такое благое помышление или сказали разумное слово. Преподобный Симеон Новый Богослов (60, 49).

Подвижничество — принесение плоти в жертву Богу

Подвизающимся в этой жизни предстоит брань не с людьми, а с демонами и бесплотными силами. Вот почему и вождем их является не человек, не Ангел, а Сам Бог. И оружие этих воинов соответствует характеру брани: оно изготовлено не из кожи и железа, а из истины, правды, веры и мудрости. Святитель Иоанн Златоуст (41, 13).

Подвиг же христианский, который бывает не против плоти и крови, но против духов злобы (Еф. 6, 12), состоит в смирении, в презрении суетной славы, в терпении и кротости, отвержении себя самого, распинании плоти со страстями и похотями, в мужестве при искушении. Когда это совершают христиане, они не уступают места на брани врагу своему диаволу. Так подвизались все святые и получили венец правды от Подвигоположника Иисуса Христа. И мы должны последовать им, возлюбленный христианин, если хотим с ними иметь участие в Царствии Христовом. Иначе они не узнают нас, что мы христиане, не признает и Христос нас за Своих, ибо не имеем знамения Его, то есть крестного терпения, под которым подвизаются верные Его рабы (104, 1380).

Наша плоть, которая восстает на дух наш и телесными членами, как орудиями, нас борет и веру нашу хочет умертвить, тогда приносится в жертву христианами, когда они умерщвляют члены свои, сущие на земле: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и лихоимство, которые есть идолослужение, по словам апостола (Кол. 3, 5); Когда они очищают свое сердце и обрезают его нерукотворным обрезанием; когда очищают ум от суетных помыслов, от злых, гордых начинаний и богопротивных намерений; отвращают волю от злой похоти и покоряют ее воле Божией; злобу и всякую непотребность изгоняют из памяти, отвращают очи свои, «чтобы не видеть суеты» (Пс. 118, 37); отвращают уши от клеветы, злословия, соблазнительных песен; удерживают язык от злословия, осуждения, клеветы, проклятий, хулы, сквернословия, празднословия и прочих зол... Так умерщвляя члены неправды и в них грех, пусть представляют себя Богу как воскресших из мертвых и члены свои делают орудиями правды Божией, как учит апостол (Рим. 6, 13). Пусть направляют ум к размышлению о чудесных Божиих делах, к возрастанию славы Его, пользы своей и ближнего; **волю** — к угодению воле Божией; **сердце** — к любви Божией и любви к ближнему; **язык** — к славословию и прославлению имени Божиего, к созиданию ближнего; **очи** — к созерцанию дивного Божиего творения и в **творении** — Создателя; **уши** — к слышанию слова Божия, славы и похвалы Божией (104, 1380—1381).

Берегись всякого греха, чтобы не погибнуть. Христианина без доброй совести быть не может. Христианину лучше умереть, чем согрешить и обеспокоить и раздражить совесть. Этот подвиг против греха нужен всем христианам, которые хотят спастись. Разбивай же, христианин, беззаконного «младенца», пока он мал, чтобы не вырос и не убил тебя (Пс. 136, 9). Убивай похоть, чтобы не исполнилась делом, убивай малый гнев, чтобы не обратился в ярость и злобу... Убивай всякое зло, пока мало, чтобы не выросло и не погубило тебя. Труден этот подвиг, подлинно труден, но нужен. Подвизайся же, чтобы и тебе Подвигоположник Христос подал венец жизни (104, 1378).

У живущих в пустыне и в уединении бывает как большая ревность о благочестии, так большее и искушение от диавола. И чем более кто старается угодить Богу, тем более искушений наносит ему диавол. Довольно об этом свидетельствует церковная история, но это узнают и сами по себе те, кто подвизается против этого врага и стремится к спасению. Святитель Тихон Задонский (104, 1384).

Телесный подвиг постепенно очищает душу от страстей и знакомит ее с духом Евангелия (111, 355).

(Телесный подвиг) существенно нужен для изгнания страстей действиями, противоположными требованию страстей; он необходим для насаждения в сердце добродетелей по указанию Евангелия. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (111, 358).

В житии преподобного отца нашего Илии-пустынника читаем: «Он стал монахом в юности, ушел в дальнюю пустынь, провел в ней семьдесят лет и никуда из нее не выходил. Тропа к его келлии была настолько узка, что он с трудом проходил по ней, потому что острые камни обступали ее. Илия сидел в такой тесной пещере, что едва можно было видеть его. Было ему от роду сто десять лет. Отцы говорили о нем: «Никто не помнит, чтобы он вышел из келлии когда-нибудь на ближайшую гору». Вкушал он, будучи старцем, утром и вечером по три сухаря и по три масличных ягоды, а в юности пищу вкушал только однажды в неделю. Приходящим к нему инокам, ради их пользы душевной, говорил следующее: »

«**Не** давайте себя во власть сатане. У него три силы, приходящие на монаха перед всяким грехом. **Первое**—забвение, **второе**—леность, **третье**—похоть. Если найдет на монаха забвение, у него рождается леность, от лености же возрастают похоти, а от похоти падает человек. Если же кто примет в себя страх Божий, от того бежит леность и не зачинается в нем злая похоть. И тогда не победит нас сатана и не введет во грех, и мы по благодати Божией спасемся». Пролог в поучениях (81, 354—355).

Авва Афанасий сказал: некоторые говорят, что сейчас нет мученического подвига. Несправедливо. Можно вступить в мученический подвиг под руководством совести. Умри греху, умертви твои земные пристрастия и пороки и будешь добровольным мучеником. Мученики боролись с мучителями, царями и князьями; и ты имеешь мучителя, терзающего тебя,—диавола, имеешь князей, преследующих тебя,—демонов. Некогда были воздвигнуты диаволу и демонам капища и жертвенники, приносило каждому ложному кумиру мерзостное идолослужение; пойми, что и ныне могут быть в душе капище и жертвенник, может быть мысленный кумир. **Капище**—ненасытное сладострастие, **жертвенник**—сла-

дострастные вождения; **кумир**—дух вождения. Работающий блуду и увлеченный сладострастием отвергся Иисуса, поклоняется идолу, имеет в себе истукан **Венеры**—мерзостную плотскую страсть. И еще: если кто побеждается гневом и яростью и не отсекает этих неистовых страстей, тот отрекся от Иисуса, имеет своим богом Марса, подчинил себя гневу, что служит знаменем беснования. Другой сребролюбив: затворяя сердце свое для брата своего и не милуя ближнего, он отрекся от Иисуса, служит идолам, имеет в себе **кумира**—Аполлона и поклоняется твари, оставив Творца. Корень всех **грехов**—сребролюбие. Если удержишься и сохранишься от неистовых страстей, то ты попрад кумиров, отверг зловерие, сделался мучеником и исповедником. Отчник (82, 71—72).

Цель подвижнической жизни—спасение души

Подвижническая жизнь имеет одну **цель**—спасение души (8, 65).

Кто выдержал тысячи подвигов ради добродетели и для приобретения ее с избытком испытал себя в трудах, тот будет жив до конца... (4, 309).

Если за труды и заслуги подвижник ищет воздаяний здесь, он вызывает сожаление, ибо, получая временное вознаграждение, теряет вечное (8, 379).

Подвижник, жди Того, Кто возвышает, и не малодушествуй в настоящем. Ибо ты борец и делатель Христов, условившийся весь день провести в борьбе и претерпеть зной целого дня. Почему же, не исполнив еще меры дня, требуешь упокоения? Дождись вечера, предела здешней жизни, и тогда Домовладыка придет и отсчитает тебе плату. **Святитель Василий Великий** (8, 380).

Подвиг ваш временный, а воздаяние и **похвала**—**вечные**; труд ваш краток, а упокоение и **совершенство**—не стареют (25, 109).

Завидующий успехам брата своего отлучает себя от Вечной Жизни, а содействующий брату будет сообщником его и в Вечной Жизни (25, 174).

Сперва нужно упражняться в трудах и приобрести венец в подвиге, чтобы таким образом вкусить и Божественной благодати. Горечь подвига заменяется сладостью упокоения и суровость жизни замещается благодатью. **Преподобный Ефрем Сирин** (27, 261).

Если человек не совершит подобающего телесного подвига, то истинное видение не откроется ему (82, 175).

Когда (подвижник) при посредстве удовлетворительного телесного подвига подчинит чувства власти духа и освободится от страстей, тогда истинное видение открывается во всей славе уму. **Преподобный авва Исаия** (82, 175).

Если не находим в себе обильных плодов любви, мира, радости, кротости, смирения, простоты, веры и долготерпения, то тщетны и напрасны были все наши подвиги. **Преподобный Макарий Египетский** (33, 349).

Малые подвиги, совершаемые здесь (в кратковременной жизни), даруют нам великое дерзновение (в загробном мире) (38, 254).

Не будем скорбеть, если на пути жизни с нами случатся многие несчастья. Пусть путь прискорбен и врата тесны, но не таков тот град, к которому ведут они (41, 269).

Люди велят тебе угождать им с ущербом для себя самого. А Христос, напротив, за каждое твое даяние воздает тебе сторицей и к тому прилагает еще Жизнь Вечную (42, 283).

Чем усерднее мы служим Богу, тем больше получаем пользы, тем больше выгоды для нас самих. Не будем же лишать себя столь великого приобретения. Бог самодостаточен и ни в чем не нуждается; воздаяние же и польза возвращаются к нам (45, 741).

Если Бог, Сотворивший нас в начале, без всякого с нашей стороны доброго дела, тотчас же даровал нам столько благ, то чего не дарует Он потерпевшим за Него и понесшим труды и подвиги? Святитель Иоанн Златоуст (46, 665).

Не уподобляй себя тем, которые с радостью приняли божественную проповедь, но не проросли в глубину разумения, а, пустив ростки вверх и разостлав корни по земле, скорее чем произносится слово, засохли, не принеся зрелого плода, но став жертвой искушений. Напротив, уподобляй себя тем, которые, глубоко укоренившись, пустили много корней, стволов и стали многоплодны, у которых колосья, красуясь и обременяясь плодом, тяготеют, и клонятся вниз, и ко времени жатвы как бы сами призывают серп жнецов. Ибо хорошо знают, что Христос повелел Ангелам вводить таких в небесные уделы, чтобы там они соспраждновали, соцарствовали и приобщились нескончаемой радости (50, 372).

О подвигах, какие ты проходишь... будь уверен, что настоящее служит для нас невидимым поприщем, на котором боремся не со зверями, но со страстями. Страсти же, если овладеют нашими силами, не только телу угрожают опасностью, но и самой душе приносят смерть. А если мы преодолеем страсти и обратим их в бегство, то сподобимся и венцов, и великой славы, как нередко бывает уже здесь, несомненно же после настоящей жизни, потому что Будущему Веку предоставлены награды, как **настоящему** — борьба. Преподобный Исидор **Пелусиот** (51, 2).

Претерпи трудность подвига, в который ты введен для испытания, чтобы принять венец от Бога и упокоиться по исходе из мира сего. Преподобный Исаак Сирин (55, 361).

Всякое подвижничество и всякое деяние совершаются нами, чтобы мы, как свеча, приобщились Божественного света, когда душа, как воск, вся предстоит Неприступному Свету (59, 204).

Кто постится, злостраждет, совершает бдения, подает милостыни, тот делает все это, чтобы обрести благоволение и милость у Бога. Ибо если на поприще настоящей жизни, мрачном и полном греха, мы не станем произвольно утеснять себя постами, бдениями, злостраданиями и не станем проявлять милости к другим людям, то и Бог не захочет помиловать нас и простить нам грехи наши (60, 159).

Возненавидьте тленный мир и все, что в этом мире скоротечно,

возненавидьте плоть и страсти, рождающиеся от нее, возненавидьте всякую злую похоть и лихоимство, даже до малейших вещей. И это все легко будет нам сделать, если будем содержать в мысли, какую великую славу, радость и упокоение мы получим таким образом (61, 13).

Когда кто постится, или совершает бдения, или томит себя голодом и жаждой, или спит на голой земле, или проливает слезы, или переносит поношения и другие искушения, пусть не думает, что он тем самым уже служит Богу или помогает такими подвигами другому. Он спасает себя самого, если терпеливо проходит их, и особенно, если при том хранит смирение и действует с духовным разумом, ибо если не таким образом он проходит их, то и себе самому не приобретает подвигами никакой пользы (61, 297).

Бывает смерть прежде физической смерти, и прежде Воскресения тел бывает воскресение душ. Ибо когда смертное мудрование уничтожается бессмертным умом и мертвенность изгоняется жизнью, тогда душа, как бы воскресая из мертвых, видит саму себя чисто, как видит себя пробудившийся ото сна, и познает Истинного Бога, ее воскресившего. Помышляя о Нем и Его благодаря, она выходит за пределы чувств и всего мира, преисполненная неизреченной сладости, и тем заставляет утихнуть всякое мертвенное движение. **Преподобный Симеон Новый Богослов** (61, 563).

Не начало, но конец заслуживает похвалы. Начни хорошо и закончи добром, и будешь блажен. «Близко к боящимся Его (Бога) спасение Его» (Пс. 84, 10). «Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни», — говорит тебе Господь (Апок. 2, 10). **Свяитель Тихон Задонский** (104, 1390—1391).

Внешнее и внутреннее делание

Если внутреннее делание по Богу не поможет человеку, то напрасно он трудится во внешнем. **Преподобные Варсонофий и Иоанн** (117, 152).

Брат спросил авву Агафона: «Скажи мне, авва, что больше: телесный труд или хранение сердца?» Авва ответил ему: «Человек подобен дереву: телесный труд — листья, а хранение сердца — плод. Поскольку же, по Писанию: «всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (Мф. 3, 10), то очевидно, что мы должны все попечение иметь о плоде, то есть о хранении ума. Впрочем, для нас нужно и лиственное прикрытие и **благоукрашение** — телесный труд». **Авва Агафон** (117, 152).

В монастыре идут два порядка жизни: один внутренний, а другой внешний. Послушания, какие налагаются в монастыре, все касаются этой внешней жизни. Не знающий, что эти послушания необходимы только потому, что мы приносим в монастырь с собою и тело и что дело спасения души должно идти среди этих послушаний своим чередом, с первых шагов может отвернуться от монастыря, считая эти послушания не соответствующими своим целям и своему настроению, или, оставаясь в

монастыре, все дело монашества ограничивать только послушаниями... и потрудиться напрасно, ни шагу не сделав для очищения и усовершенствования своей души... Обрекайте себя на жизнь, где руки и ноги будут делать одно, а душа должна быть занята другим, если хочет спастись (117, 153).

Возьмите еще во внимание и то, что здоровье не от одной пищи зависит, а наиболее от душевного спокойствия. Жизнь в Боге, отрешая от волн мирских, осеняет сердце миром, а потому и в теле держит все в здоровом строе... **Дела** — не главное в жизни; **главное** — настроение сердца, обращенное к Богу (117, 153).

Есть два пути к тому, чтобы соединиться с Господом: деятельный и созерцательный. **Первый** — для христиан житейских, **второй** — для оставивших все житейское. В действии ни первый не бывает без второго, ни второй без первого. То есть и житейские должны в своей мере держать и созерцательный путь... Я писал вам: навикайте памятовать всегда о Господе и ходить перед лицом Его. Это созерцательная часть и есть...

Спрашиваете, как при делах хранить память о Господе? Так: какое бы дело, большое или малое, вы ни делали, держите в уме, что вам его повелевает делать Сам Господь Вездесущий и смотрит, как вы его делаете. Так себя держа, вы будете делать всякое дело со вниманием и будете помнить Господа. В этом весь секрет успешного действования для главной цели в вашем положении. Извольте в это вникнуть и так наладиться. Когда так наладитесь, тогда и мысли перестанут блуждать туда и сюда...

У вас теперь отчего все не ладится? Думаю, оттого, что вы хотите помнить Господа, забывая о делах житейских. Но дела житейские лезут в сознание и память о Господе вытесняют. А вам следует наоборот: о житейских делах хлопотать, но как о Господнем поручении и как перед Господом. Там у вас ни того, ни другого не выходит... а здесь то и другое будет исправно (117, 153—154).

Вам говорят: «более заслуги подвизаться посреди мира, чем спасаться в уединении». И вы не отрицайте этого. Те, которые истинно подвизаются, не имеют в виду заслуги, а о том лишь заботятся, чтобы очистить себя от страстей и страстных чувств и помыслов.

Для этой цели жизнь в общении с другими более пригодна, потому что она представляет действительные опыты борения со страстями и преодоления их. Эти победы бьют страсти в грудь и в голову, а повторение их скоро убивает страсти наповал. В уединении же борьба бывает только мысленная, которая бывает так же слабодействительна, как удар крыла мухи. Оттого умерщвление страстей в уединении дольше тянется. И мало того, оно бывает всегда почти не умерщвлением собственно, а замиранием, замиранием на время, до случая встречи с предметами страсти... Причем бывает, что страсть вдруг воспламеняется как молния. И бывает, что иной, долгое время имевший в уединении покой от страстей, вдруг падает. А того, кто дошел до покоя от страстей через борьбу не мысленную, а действительную, нечаянное нападение их не поколеблет. Вот на каком основании мужи, опытные в духовной жизни, заповедуют преодолеть страсти действительным с ними борением в общении с другими, а после этого уже уединяться (117, 154).

Руки и ноги за делом, а мысль с **Богом** — вот настоящий стоячий человек.

Внутреннее надо налаживать с **утра** — как глаза откроются. Хранить его весь день, вечером подогреть, и так заснуть. Сократить внешние отношения и все наладить на один **чин** — есть спасительная рамка жизни.

Когда придет внутренняя молитва, тогда она может заменять отчасти пребывание в храме, но внутренней молитвы ничто так не разогревает, как храм (117, 154—155).

Житейские помыслы трудитесь улаживать. Ищите такого настроения, чтобы телом делать обычные дела, а духом всегда быть с Господом. Милостивый Господь дает беспопечение, по которому все делается в свое время, но ничто не озабочивает и не томит. Ищите, **просите** — и дастся (117, 155).

Внешние труды и подвиги суть средства, они ценны только тогда, если приводят к цели и ею требуются. И мысли на них не останавливайте, как если бы они что-нибудь значили. **Главное** — в чувствах и расположениях. На них и обратите все внимание, если уже установились во внешнем порядке жизни.

Смирение более всего блюдите и молитесь о нем, да подано будет, и сами себя почаще тербите, склоня на самоуничижение. Как только проснетесь, поскорее позаботьтесь почувствовать себя негожею, а там и весь день такую же быть старайтесь. На молитву становясь и к Господу приступая, особенно унижайтесь. Кто и к Кому дерзает обращаться и беседовать человеческой речью? Радуйтесь, когда встретится уничижение внешнее, невольное. Принимайте его, как особую милость Божию. Мерово себе поставьте, что когда вы стоите в полном недовольстве собою, то вы в добром чине, но как только хоть малое чувство самодовольства придет, и вы начнете давать себе цену, знайте, что вы не в своем виде, и начинайте тогда терebить себя. Господа ради, не забывайте этого пунктика. Все другое ничто, когда этого нет. Были люди, которые одним смирением без подвигов спасались, а без смирения никто не спасался и не спасется (117, 155—156).

Внимание свое меньше всего останавливайте на внешних подвигах. Хоть они необходимы, но **это — подмости**. Здание строится посреди них, но **они — не** здание. Здание в сердце. На сердечные делания и обратите все внимание свое.

Первый **искусительный** помысел, который начнет бить вас, будет самодовольство; за ним придет внутреннее самовозношение, или трубление перед собою; а **далее** — кичение перед другими. Уразумевайте эти пути. Читайте Макария Великого, и особенно «Лествицу», где много сказано о различении помыслов. Одно и то же дело бывает и приятно и неприятно Богу, судя по помыслам. Учитесь (117, 156).

Неохотное послушание вы называли машинальным послушанием. На деле так бывает, что только то послушание и действует плодотворно на образование нрава, которое совершается наперекор своей воле и своим соображениям.

Если что делается по влечению сердца, какое тут послушание? Тут своя воля и свой вкус. Только вопрос немного скрашивает такие дела. Настоящее послушание исполняется даже если не видишь для него оснований, несмотря на свое нехотение. Такому послушанию обетована особая **благодать** — благодать сохранения от всякого вреда при исполнении послушания. Когда послушание оказывается ради Господа, тогда Господь берет на Свое попечение слушающегося и блюдет его (117, 156).

Что ни прикажут, то и делайте без противодействия внутри, со всею охотою, как повеление Божие. Положите себе поглубже в сердце это подчеркнутое слово и действуйте так, как оно внушает. Всякое приказание принимайте, как непосредственно от Самого Бога идущее слово, и исполняйте его, как дело Божие, как перед Богом, со всем усердием и вниманием, служа не людям, но Богу всевидящему, страшась суда, изреченного на тех, «кто дело Господне делает небрежно» (Иер. 48, 10). Затвердите, пожалуйста, это потверже.

Вникните теперь в изменение смотра Божия о вас и не допустите поступить не по намерению Божию. Что было **прежде**? — В церкви стояли особо, уютно, только молились и согревались в молитве; в кельи **тоже** — главное была молитва и молитва. Теперь в **церкви** — дело и **дома** — дело. Думаете, это даром? Нет. Второй шаг предлагает вам сделать Господь. Прежде были в теплой **молитве** — без дел послушания;

теперь учитесь пребывать в такой же **молитве** — при делах. Этого желает от вас Господь. Ухитряйтесь. И прежде был труд, а теперь побольше. Надо и дело делать, и умом от Бога не отступать, то есть быть так, как бы стояли на молитве. Это закон: руками дело делать, а умом и сердцем с Богом быть. Пишите, а умом от Бога не отступайте, и телоте не позволяйте умалиться, и трезвенности ослабевать. То же и когда прислуживаете в церкви. Как в этом успеть, дело научит. И вот приобретете новую **опытность** — и еще более окрепнете во внутрYPREБЫВАНИИ (117, 156—157).

Вам казалось, что когда не было у вас письменного послушания, было лучше. Тут обман. Беспрекословное послушание в противоположность нашим вкусам дороже всех подвигов, и разорительно оно может быть только при неискusном выполнении его, как было у вас, и то большей частью только на вид. На деле же и труд самоотвержения Господь всегда вознаграждает. Вы легко смотрите на ваше упирание ногами по делу послушания. Вчера давали обет, что во всем будете слушать игумену, а ныне отказываетесь нести послушание легкое, вам сподручное. Так-то разве обет исполняют? Слово о послушании есть вам завет с обителью и основа рясофория вашего. Разорен теперь этот завет, и вы сами себя извергли из чина, в который одной ногой вступили было. Каяться надо и плакать об этом. Ведь через это внутренний строй ваш должен разориться, и, может быть, разорился уже, хоть по наружности он будто созидается. Надо штраф на вас положить.

Извольте класть по три поклона земных, со слезами прося Господа простить ослушницу и обманщицу, которая на словах одно обещает, на деле другое делает. На духу кайтесь: это грех не мысленный, а фактический. И Бога молитесь, чтобы Он вложил, кому следует, опять дать вам это послушание, и когда будет дано или оставлено за вами, тогда и поклоны прекратите. Но матушке об этом не сказывайте (117, 157—158).

Вы пишете: «работаю, как новоначальный с послушниками». Я не понимаю, в чем эта работа? Хорошим же или неодобрительным делом она может быть от духа, с каким делается. На это и смотрите и соответственно с тем себя держите.

Когда видите, что вас чернят, принимайте это, как целительные грязи. Вы хорошо делаете, что не теряете братского расположения к тем, которые прилагают к вам это врачевство (117, 158).

Леность ваша к духовным занятиям происходит от увлечения, с каким взялись за работу. Не увлекайтесь слишком работой, а то в голове станет мутно. После же мутности в **голове** — и в сердце станет мутно (117, 158).

Труд телесный смиряет, промежутки наполняет, а мыслям бродить не дает. Заменить его поклонами **хорошо** — это лучший труд. Но всегда ли это можно? Египетские старцы с утра до вечера за работою сживали, в молитве умной и богомыслии. Правило молитвенное справляли ночью. А святой Исаак Сирин не благоволил к труду: отклоняет, говорит, от Бога. **Это** — правда, когда мудреный труд, а **простенький** — ничего (117, 158).

Всякий род и порядок занятий хорош, коль скоро способствует вниманию к Богу. Нечего и расписывать занятия. Коль скоро одно занятие не питает молитвы, надо оставить его и взять другое. Например, развернули книгу и стали **читать** — не идет. Оставьте ее, берите другую. Если эта не идет, берите третью. Если и эта не идет, бросьте чтение и кладите поклоны или размышляйте. Надо иметь не развлекающее внимания рукоделие... Когда внимание к Богу живо и внутренне молитва идет, тогда лучше ничего не начинать делать (дома-то), а сидеть, или ходить, или лучше стоять перед иконами и молиться; когда начнет слабеть, подогреть его чтением или размышлением. Правила нужны для поступающих в монастырь, чтобы они навыкли деланиям или занятиям монастырским. Потом же, когда они дойдут до внутренних неких ощущений, и особенно до сердечной теплоты, правила и им не строго нужны. Вообще к правилам не следует пристращаться, а быть свободным в отношении к ним, имея одно в намерении: как бы благоговейное внимание к Богу не отходило.

Тело надо держать постоянно в струнку, как солдат на параде, никак не позволяя себе распускать члены, не только при хождении и сидении, но и при стоянии и лежании.

Дела **все**—большие и **малые**—делать так, как бы око Божие смотрело, как это делается. Всякого проходящего или всякого встречаемого надо принимать, как посланца Божия. Первый вопрос да будет у себя внутри: что хочет Господь, чтобы я сделал с этим или для этого лица? Всех принимать, как образ Божий, с почтением, и желать сделать ему добро...

Безжалостность к себе, готовность на всякую услугу другим и предание себя всецело Господу, с молитвенным в Нем **пребыванием**,— вот производители жизни духовной (117, 158—159).

Вы коснулись работ. Как у вас работы не по послушанию, а по своей воле, то вам можно распоряжаться ими так, чтобы они несколько не отвлекали вас от внутренних деланий. Следуйте в этом святому Исааку Сирию. Он не благоволит к работе и позволяет ее только в случае нужды, изредка. Ибо она отвлекает на себя ум. Надо приобрести особый навык, чтобы не отвлекала. Не работать нельзя: есть в ней естественная потребность; однако и увлекаться ею не должно. Египетские монахи целый день работали, но умом не отходили от Бога (117, 159).

По крайней мере ту молитву, что в сердце, вы не прекращали? Нет, чай, и тут допущена у вас утрата: ибо когда бы вы умом Богу предстояли и в сердце смиренно Богу припадали, то не почувствовали бы прекращения молитвенного дела. Заключаю, что вы рассеялись. Увлеклись делом, и оно выбило у вас из головы все прочее, даже самонужнейшее. Стало, дурно вы справили свое послушание. Следовало исполнять его, не погружаясь внутренне в суету, и, усердно работая, сердце держать **поодаль**—свободным и внимания не отрывать от главного своего дела (117, 160).

Учитесь все, что ни делаете, делать так, чтобы это разогревало, а не охлаждало сердце: надо и читать, и творить молитву, и работать, и входить в общение с другими, держа все одну **цель**—не доводить себя до охлаждения. Топите без перерыва свою внутреннюю печьку краткою молитвою и берегите чувства, чтобы через них не уходила теплота. Впечатления извне очень трудно уживаются с внутренним деланием (117, 160).

Пристращаться к чтению дурно. Это не ведет к добру и воздвигает некую стену между сердцем и Богом. Развивается при этом любопытство и пагубное совопросничество (117, 160).

Вот все способы, которыми и в нас истребляются **страсти**—то собственным нашим умным деланием, то руководителями, то Самим Господом. Уже было замечено, что без мысленного внутреннего **борения**—**борение** внешнее не может быть успешным, то же самое должно сказать и о борении под руководством, а также и о промыслительном очищении. Следовательно, внутреннее борение должно быть непрекращаемо и неизменяемо. Само оно одно не так сильно, но когда его нет, все **другие**—бездейственны, не в пользу. И делатели, и страдатели, и имеющие дар слез, и послушники гибли и гибнут от недостатка внутреннего борения, или хранения ума. Если припомнить при этом и то, что сказано прежде о внутреннем положительном делании, именно: что в **нем**—**цель** и сила внешнего положительного делания, то во всей силе откроется все значение делания внутреннего, и всякому будет видно, что **оно**—**исходяще**, основа и цель всего подвижничества. Все делание наше может быть сокращено в следующую формулу: собравшись внутрь себя, восставь духовное сознание и жизнедеятельность и в этом настроении ходи по начертанному внешнему деланию под руководителем или Промыслом; но при

этом со строгим и напряженным вниманием **замечай** и следи все возникающее внутри. Коль скоро родится страстное восстание, гони его и **поражай**—и мысленно, и деятельно, не забывая возгревать в себе дух сокрушенный и **болезнающий** о грехах **своих**.

Сюда должно быть сведено все внимание подвижника, чтобы, подвизаясь, он не рассеивался и быш как бы связан или препоясан по чреслам помышлений своих. Хождение с таким внутрипробытием и хранением есть хождение **трезвенное**, а наука об этом есть наука трезвения. Теперь понятно, почему все подвижники главнейшею из подвижнических добродетелей считали добродетель трезвения и не имеющего ее считали бесплодным (117, **160—161**).

Одной деятельной жизнью ограничиваться нельзя, надо при этом вести и умозрительные занятия, чтобы ими держать неослабно в своем чине и внутренний строй. Надо непременно соединять с деянием умозрение и с **умозрением—деяние**. То и другое в связи быстро подвигает душу вперед, очищая ее от плохого и укрепляя в добром. Посмотрите в Достопамятных **сказаниях**—авву Иоанна Колова и авву Пимена. Да об этом и во всех подвижнических писаниях найдете (117, 161).

Итак, учи себя всякий и внушай себе истины слова Христова, и оно вселится в тебя. Для этого читай, размышляй, заучивай, сочувствуй, люби и далее проводи в жизнь. Это последнее есть предел обучения себя. Пока этого нет, нельзя сказать о ком-либо, что он научил себя, хоть и знает слово Христово на память и хорошо рассуждает. В таком недостатке святой Павел укорял иудеев: «как же ты, уча другого, не учишь себя самого?» (Рим. 2, 21). Кто таков, в того не вселилось слово Христово и не живет в нем...

Очевидно, что всякого рода взаимообучение приносит плод только тогда, когда при этом всякий и сам себя учит и вразумляет, то есть, выслушав сказанное или прочитанное, уговаривает себя не только думать именно так, но и чувствовать, и поступать...

Ибо только тогда и вселяется в кого слово Христово, когда он успеет уговорить себя и веровать, и жить по нему...

Не мудро делает тот, кто усердно читает слово Божие, но не обсуждает его, не доводит до чувства и не проводит его в жизнь. Оно и течет у него, как вода по желобу, и протекает через него, не осаждаясь в нем и не вселяясь в него. Можно все Евангелие и весь Апостол знать на память и все же не иметь слова Христова вселенным в себе по причине неразумного изучения его. Неразумно делает это и тот, кто только ум обогащает словом Христовым, а о сообразовании с ним сердца и жизни нерадит. Оно у него и остается, как песок, насыпанным в голове и памяти, и лежит там мертвым, а не живет. Живет оно только тогда, когда приходит в чувства и жизнь; а тут этого нет. И нельзя потому сказать, что оно обитает в таковом (117, **161—162**).

«И все, что вы делаете, словом или делом, все делайте во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца» (Кол. **3**, 17).

Третий прием, какой следует употреблять, чтобы жизнь была сокровенной в **Боге**,—творить все во имя Господа. Из первых **двух**—чтение Писания и усвоение откровенных истин—изгоняет суетные и нечистые мысли и исполняет ум благопомышлениями все о божественном, а молитва водворяет навык всегда памятовать о Боге, или ходить в присутствии Божием. То и другое держит внимание и чувство сокровенным в Боге. Кажется бы, и довольно? Кажется, но не есть. Если оставить в действии только два эти приема, то они" не приведут к предуказанной цели. **Человек**—не мысль только и чувство, но еще **более**—дело. Он есть приснодвижное, непрестанно действующее существо. Но всякое дело привлекает внимание и чувство. Действующий весь бывает в деле. Потому и ищущий Бога, по причине дел, без которых быть не может, неизбежно уклоняется от Бога мыслью, а за мыслью и чувством. Дела сводят его с Неба на землю, или изводят из сокровенности в Боге в видимые соотношения, ибо дела наши почти все видимы, текут в ряду тварном, среди вещей чувственных. Отсюда следует, что если и дела человека не направить так, чтобы и они служили средством к удержанию жизни сокровенною в Боге, то и первые два приема будут оставаться бесплодными или даже и сами по себе не могут быть совершаемы, как должно. Дела непрестанно будут **расстраивать**—и дело изучения Писаний, и дело молитвы. Вот апостол и учит в предложенных словах, как и дела обратить в средство к сокровенности жизни в Боге, **именно—все** твори во имя Господа. Если так настроишься, то и от Господа не отойдешь ни мыслью, ни чувством. Ибо все творить во имя **Господа—значит** творить все во славу Его, в желании благоугодить Ему, верно исполнив познанную волю Его даже в малом. А при этом члены тела, как орудия, будут дело делать, а мысль и чувство будут обращены к Господу с заботой о том, как бы делаемое сделать **благоугодно** Господу и так, чтобы оно послужило во славу Его.

И этот прием сильнее для предполагаемой цели, нежели два первые, и успех в этих зависит от успеха в том. Ибо **они**—мысленного свойства. Мысленное же входит в плоть и кровь через дело. Дело осаждает мыслимое внутрь естества человеческого. Когда делаемое дело освящается направлением его к Богу, то в делании его некий божественный элемент входит во все силы и органы, участвующие в совершении его. Чем более таких дел, тем более божественных элементов входит в естество человека. А потом они и все его наполняют, и становится таким образом все естество погруженным в божественное, или сокровенным в Боге. По мере установления такого направления дел устанавливаются прочнее и молитва с богомыслием и благопомышлениями. Они влияют на установление дел во славу Божию, а это направление, в воздаяние им, их самих упрочивает и совершенствует.

Все делаемое нами апостол обнял двумя терминами: словом и делом. Слова произносятся устами, дела творятся прочими членами. С пробуждения до отхода ко сну то и другое в непрестанном употреблении. Речь у нас течет почти без умолку и другие движения тела тоже не прекращаются. Какая богатая жертва

Богу, если все это направить во славу Божию! Обращением слова во славу Божию изгоняется не только злоречие, но и пусторечие, и оставляется **одно**—что служит к назиданию **братий, или**—крайний **предел**—не служит на разорение их. К этому следует присоединить и молитвословие. Так и обращением дел во **славу** Божию устраняются не только плохие дела, творимые из-за похоти и **раздражения**,—об этих и помина не должно быть между **христианами**,—но указывается дух, в каком должны совершаться необходимые дела, позволительные и полезные. Этим изгоняется из круга деятельности всякое самоугодие и служение миру и злым его обычаям.

Творить все во имя **Господа**—**значит** все обращать во славу Его, стараться все делать так, чтобы оно было Ему угодно, с сознанием воли Его на то, и **еще**—всякое дело окружать молитвой к Нему, с молитвой начинать, молитвенно совершать и молитвой оканчивать, в начале прося благословения, в продолжение ища помощи, а в конце вознося благодарение, как Совершитель в нас и через нас Своего дела (**117, 162—164**).

Жизнь христианина на земле есть цепь страданий. Должно бороться с телом своим, со страстями, с духами злобы. В этой **борьбе**—**наша** надежда. Наше спасение есть Бог наш. Положившись на Бога, должно переносить с терпением время борьбы. Искушения как бы топчут человека, претворяя зерно в муку. Они попускаются нам по Промыслу Божию, к великой душевной пользе нашей: от них получаем сердце сокрушенное и смиренное, которое Бог не уничтожит. **Епископ Феофан Затворник** (**117, 164**).

Подвижнику принадлежат только усилия, но **совершенство**—**дар** Божий

Христианское совершенство есть дар Божий, а не плод человеческого труда и подвига; подвигом доказывается только действительность и искренность желания получить дар (**109, 344**).

Собственные подвиги, которыми инок старается победить и изменить свойства падшего **естества**,—только свидетели истинной направленности воли его. Победа и изменение естества принадлежит единому Богу. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (**108, 335**).

Усилие человеческое само по себе ничего не может: ни начать, ни делать, ни совершить ничего человек не может без Бога. «Без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, **5**),—говорит Христос. Бог начинает дело нашего спасения и совершает его, если мы не противимся Ему и делаем то, в чем действует Его благодать. Везде нужна нам Божия помощь. Обещается же Божия помощь тем, которые верою просят у Него. **Святитель Тихон Задонский** (**104, 1386**).

При борьбе с вожделениями естества... телесные подвиги должны быть благоразумны и умеренны, потому что плотское вожделение только обуздывается этими подвигами, побеждается же оно смирением и молитвенным плачем, привлекающими к

подвижнику Божественную благодать... Усиленные телесные подвиги более вредны, чем полезны, когда они, излишне ослабляя телесные силы, мешают заниматься молитвой, плачем и делами смирения (108, 343).

Положим в основание молитвенного подвига, главного и существеннейшего между монашескими подвигами... внимательную устную и гласную молитву, за которую милосердный Господь дарует в свое время постоянному, терпеливому, смирённому подвижнику молитву умную, сердечную, благодатную (109, 188).

Блажен залог сердца в иноке, по которому он, упражняясь в каком бы то ни было подвиге, упражняется вполне бескорыстно, алчет и жаждет единственно исполнять волю Божию, а себя предаёт со всею верой и простотой... управлению милосердного Господа Бога нашего (109, 201).

Для людей неизбежны или плен, или борьба. Благочестивый подвиг есть... не что иное, как деятельное принятие спасения, как проявление свободы нашей воли... в опыте, в самой жизни (110, 52).

При истинном духовном подвиге благодать Божия, насажденная в нас святым Крещением, начинает исцелять нас... от слепоты духа посредством умиления (110, 54).

Служителям Божиим недостаточно одного собственного подвига для предотвращения падения, гнездящегося в естестве, постоянно стремящегося восстановить свое владычество: им нужна помощь от Бога (111, 160).

Уму, в его состоянии падения, свойственны непостоянство и расположение парить повсюду. Но Бог может даровать ему непоколебимость и дарует ее в свое время за постоянство и терпение в подвиге. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 98).

Кто подвизается и проводит жизнь, как заповедует святое Евангелие, тот может всегда питаться одним хлебом и водой и быть при этом еще крепче и здоровее тех, которые едят много разнообразных яств. Преподобный Симеон Новый Богослов (61, 199).

Истинные подвиги совершаются втайне

Только сердце, свободное от всего плотского, истинно может служить Богу и духом соединяться со Христом. **Святитель Иоанн Златоуст** (42, 934).

Всякого рода подвиги надо так нести, чтобы про них в монастыре никто не знал. Как только узнают о чем, это уже дурно. Не подумайте, что спрятанность (чтобы не видели и не знали) не строго необходима. Нет, строго-настрога. Подвиг, о котором **звонят**, — пустой, гроша не стоит. **Епископ Феофан Затворник** (117, 155).

Некий пресвитер Евлогий, ученик блаженного патриарха Иоанна Милостивого, великий подвижник, постился по два дня, а иногда и по целой неделе, вкушая только хлеб и соль, и был прославляем людьми. Он пришел в Панефос к **авве Иосифу**, надеясь увидеть у него подвижничество еще более строгое. Старец принял его радостно и предложил на

трапезе все, что было у него. Увидев это, ученики Евлогия сказали старцу: «Пресвитер ничего не вкушает, кроме хлеба и соли»; но авва Иосиф продолжал есть молча. Евлогий провел у него три дня и не слышал, чтобы он и его ученики занимались псалмопением, не видел, чтобы они молились, потому что подвиг их был тайный. Евлогий ушел со своими учениками, не получив пользы. По смотрению Божию, сделался туман; они сбились с дороги и пришли опять к келлии старца. Стоя у двери, они услышали, что в келлии совершается псалмопение. Постояв долго, они постучались. Авва Иосиф принял их с любовью. Авве Евлогию, истомленному зноем, ученики налили воды в чашу и подали ему. Вода была из реки, но с примесью морской: такую воду всегда пили жившие с аввой Иосифом. Евлогий не мог пить эту воду и спросил старца: «Что это значит?» Старец отвечал: «Брат несколько недостаточный рассудком добавил по ошибке морскую воду в речную. Евлогий пал в ноги старцу и сказал ему: «Авва! ради Господа открой мне тайну подвижничества вашего. Когда мы были здесь, вы не занимались псалмопением, а когда мы нечаянно возвратились к вам, то застали вас за псалмопением. И вода у вас прежде была хорошая, а теперь оказалась соленой». Старец отвечал на это: «Сын мой! малая чаша вина и свежая вода были поставлены ради любви, а ту воду, которую ты вкусил теперь, братия употребляет постоянно. Инок должен всегда содержать свой подвиг **втайне** — не делать напоказ ничего, никакой мелочи». И научил старец Евлогия рассуждению помыслов, отсекая все начинания из самолюбия и человекоугодия. Евлогий сказал старцу: «Жительство ваше действительно по Богу». Он получил большую душевную пользу, начал с того времени вкушать предлагаемую ему пищу, а подвиг свой хранить **втайне** (82, 114—115).

Брат, воздерживавшийся от пищи и не евший хлеба, пришел к некоторому старцу. В это же время пришли к старцу странники; для них старец сделал немного кашицы. Когда сели вкушать пищу, воздерживающийся брат поставил перед собой одним моченый горох и ел его. Когда встали из-за стола, старец отвел брата в сторону и наедине сказал ему: «Брат! если ты придешь к кому-либо, не обнаруживай перед ним жительства твоего; если же хочешь никогда не нарушать принятых тобой обычаев, то пребывай в келлии и не выходи никуда». Брат признал справедливость слов старца и с того времени, когда приходил к братии, уже следовал общему порядку. **Отчник** (82, 497—498).

Рассказывали об авве Арсении, что по вечерам в субботу он становился спиной к солнцу и, подняв руки к небу, молился до того времени, пока солнце начинало светить ему в лицо; после этого он садился (79, 20).

Двое из отцов просили Бога открыть им, в какую они пришли меру. И был им голос с Неба: «В египетском селении живет мирянин по имени Евхарист и жена его Мария. Вы еще не пришли в меру их». Два старца, собравшись, пошли в селение, нашли дом Евхариста и в нем жену его. «Где муж твой?» — спросили они. Она отвечала: «Он пастух, пасет овец». И приняла их в дом. Вечером **возвратился** Евхарист с овцами. Увидев старцев, он приготовил им трапезу и принес воды, чтобы обмыть им ноги. Старцы говорят ему: «Не вкусим ничего, пока ты не расскажешь нам о своей жизни». Евхарист со смирением только и говорит им: «Я пастух, а это жена моя». Старцы продолжали просить его, но он не хотел говорить. Тогда старцы сказали: «Бог послал нас к тебе». Услышав это, Евхарист устранился и начал рассказывать им: «Вот овец этих мы получили от своих родителей, и если по милости Божией бывает какой прибыток от них, делим его на три части: одну для бедных, другую для странников, а третью для собственного употребления. С того времени, как я взял себе жену, она до сих пор дева. Каждый из нас спит отдельно; по ночам мы носим власяницы, а днем свои одежды. До сих пор об этом не знал еще ни один человек». Услышав это, старцы удалились, славя Бога. **Достопамятные сказания** (79, 74).

Подвиги должны быть своевременными и соразмерными телесным и духовным силам

Спрашивали Господа: почему ученики Твои не постыятся? Он отвечал: потому что еще не пришло для них время. Потом в притче [Господь] показал, что вообще строгости внешнего подвижничества должна соответствовать обновлению внутренних сил духа (Мф. 9, 16—17). Прежде возгрей дух ревности, а потом налагай на себя и строгости, ибо в таком случае в тебе есть внутренняя новая сила, способная с пользой выдержать их. Если же, не имея этой ревности, возьмешься за строгости, увлекаясь или только примером других, или показным подвижничеством, то не на пользу это будет. Немного еще продержишься в этой строгости, а потом ослабеешь и бросишь. И будет тебе еще хуже, чем было прежде. Строгость без внутреннего духа — то же, что заплата из сырцового полотна на ветхой одежде или новое вино в старых мехах. Заплата отпадет, и дыра делается еще больше; а вино прорывает мех, и само пропадает, и мех делается негодным. Это, впрочем, не значит, что строгости не нужны, а внушается только, что надо начинать их по порядку. Надо сделать, чтобы потребность в них шла изнутри, чтобы они удовлетворяли сердце, а не теснили только извне, как гнет. **Епископ Феофан Затворник (115, 480).**

...Всякий подвиг должен быть своевременным и соразмерным. Подвиг, возложенный безвременно и несоразмерно с силами, может быть выдержан только в течение короткого времени, а всякое делание, совершаемое в продолжение короткого времени, потом оставляемое, более вредно, чем полезно. **Авва Евагрий (82, 113).**

Подвижнику надо быть свободным от всякого надмения и, идя путем истинно средним и царским, нимало не уклоняться ни в ту, ни в другую сторону, не любить неги и не приводить тело в бессилие излишеством воздержания (8, 335).

Подвижник должен и низкие работы брать на себя с великим старанием и усердием, зная, что все, делаемое ради Бога, не маловажно, но велико, духовно, достойно Небес и привлекает небесные награды... **Святитель Василий Великий (8, 379).**

Никакой подвиг не может быть достаточно велик, если от него нет пользы другим. Хотя бы ты был постником, хотя бы спал на земле, хотя бы ел пепел, хотя бы непрестанно плакал, но если ты не приносишь никому пользы, ты не делаешь ничего великого. **Святитель Иоанн Златоуст (46, 493).**

Бдение совершай с рассуждением, не отказывая телу в необходимом покое; разумно и со смирением совершай благочестивый подвиг, чтобы от излишнего бдения не помрачилась душа и не оставила вовсе поприща. Достаточно употреблять половину ночи для бдения и половину для успокоения тела. Преподобный **авва Исаия (82, 168).**

Некоторые измождали тела свои постом и прочими телесными подвигами, но оставались отчужденными от Бога, потому что не имели духовного разума. **Преподобный Антоний Великий (82, 26).**

Духовный человек хотя бы и был немощен по телу, выдерживает несравненно больший подвиг, нежели тот, к какому способен человек плотский и душевный **(109, 353).**

Телесный подвиг, не сопровождаемый душевным, более вреден, чем полезен, он служит причиной необыкновенного усиления душевных страстей **(109, 369).**

Благоразумный и умеренный телесный подвиг освобождает тело от тяжести и косности, изощряет его силу, содержит его постоянно легким и способным к деятельности **(111, 94).**

Телесный подвиг, еще не озаренный духовным разумом, всегда имеет в себе много суетного и излишнего **(111, 356).**

Не думайте, что возвышенный подвиг, для которого еще не созрела ваша душа, поможет вам. Нет! Он больше расстроит вас: вы должны будете оставить его, а в душе вашей явится уныние, безнадежность, омрачение, ожесточение **(111, 502).**

Тщетны, бесплодны, часто вредны для души и самые возвышенные подвиги, когда они не растворены чувством покаяния **(111, 528).**

Только при посредстве покаяния можно перейти из состояния духовного в состояние духовное **(111, 528).**

Можно и должно подражать по возможности силе произволения, решимости, вере, самоотвержению... угодников Божиих, но самый подвиг их остается неподражаем **(108, 343).**

В наше время, при совершенном оскудении боговдохновенных наставников, нужна особенная осторожность, особенная бдительность над собой. Они нужны при всех иноческих подвигах, наиболее нужны при молитвенном подвиге, который из всех **подвигов**—самый возвышенный. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (108, 224).**

Охотник пришел в горы, где обитал авва Антоний. Увидев, что авва утешает братию, он соблазнился этим. Старец, желая успокоить его и показать, что нужно иногда предоставлять братии некоторое послабление, сказал ему: «Вложи стрелу в лук твой и натяни его». Охотник сделал это. Старец сказал: «Еще натяни». Охотник натянул лук туже. Старец опять сказал: «Натяни еще». Охотник ответил: «Если сверх меры натянуть лук, то он переломится». На это авва Антоний сказал: «Так бывает и в деле Божиим. Если будешь сверх меры напрягать силы братии, то они скоро отпадут от дела Божия: необходимо по временам давать им послабление». Охотник, услышав это, выразил согласие и пошел от старца с большой пользой, а братия, утвердившись в правильном воззрении на подвиг, разошлись по келлиям. **Отчечник (82, 38—39).**

О ложной направленности духовной **жизни** — стремлении к откровениям и таинственным созерцаниям

Отречемся от **того**, чтобы искать у Бога высокого, когда Он не посылает и не дарует этого, потому что Бог знает сосуды, избранные на служение Ему. Ибо блаженный Павел даже и после

того не просил Царства душе, но говорил: «я желал бы сам быть отлученным от Христа» (Рим. 9, 3). Как же осмелимся мы и прежде времени, ведомого Богу, просить душе Царства, не исполнив заповедей, не победив страсти и не отдав долга?

Поэтому умоляю тебя, святой*, да не входит тебе и на помысел это, но прежде всего приобрети терпение ко всему, что бы ни случилось с тобой. И в великом смирении, и в сокрушении сердца о том, что есть в нас, и о помыслах наших будем просить отпущения грехов своих и душевного смирения.

Один из святых писал: «Молитву того, кто не считает себя грешником, не приемлет Господь». Если же скажешь, что некоторые отцы писали о том, что такое душевная чистота и здоровье, что такое бесстрастие и созерцание, то они писали не затем, чтобы мы с ожиданием домогались этого прежде времени, ибо написано, что «не придет Царствие Божие приметным образом» (Лк. 17, 20). И в ком оказалось такое намерение, те приобрели себе гордость и падение. А мы область сердца приведем в устройство делами покаяния и житием, благоугодным Богу; Господне же придет само собою, если место в сердце будет чисто и неоскверненно. Если же мы ожидаем явных Божиих высоких дарований, этого не одобряет Церковь Божия; и желающие этого приобретали себе гордость и падение. И это не признак того, что человек любит Бога, но душевная болезнь. Да и как нам домогаться высоких Божиих дарований, когда [апостол] Павел хвалится скорбями и высоким Божиим даром считает общение в страданиях Христовых.

Еще писал ты в послании своем, что возлюбила твоя душа любовь к Богу, но ты не достиг любви, хотя имеешь великое желание любить, а кроме того, вожделенно для тебя пустынное отшельничество. И этим ты показал, что положено в тебе начало сердечной чистоты и что памятование о Боге прилежно разжигается и возгорается в сердце твоём. И **это — великое** дело, если справедливо; но не желал бы я, чтобы писал ты это, потому что не к одной принадлежит это степени. Если же сказал ты это для вопроса, то и вопрос требовал иного порядка. Ибо кто говорит, что душа его еще не имеет дерзновения к молитве, потому что не победила страстей, смеет ли тот сказать, что душа его возлюбила любовь к Богу? Нет способа пробудиться в душе божественной любви, во след которой ты таинственно течешь в отшельничестве, если она не победила страстей. Ты же сказал, что душа твоя не победила страстей и возлюбила любовь к **Богу** — и в этом нет порядка. Кто говорит, что не победил страстей и возлюбил любовь к **Богу**, — не знаю, что тот говорит.

Но скажешь: я не говорил, что люблю: но «возлюбил любовь». И это не имеет места, если душа не достигла чистоты. Если же хочешь сказать это только для слова, то не ты один говоришь, но

* Слово 55 преподобного Исаака Сирина написано в форме послания к подвижнику, ищущему сверхъестественных созерцаний и откровений; преподобный Исаак **Сирий** выявляет ложную направленность подвижничества, приводящую к духовному состоянию, которое святые отцы называют мнением, высокоумием, прелестью. *Примеч. ред.*

и всякий говорит, что желает любить Бога; и не только христиане говорят это, но и неправо поклоняющиеся Богу. И слово это всякий произносит, как свое собственное; однако при произношении таких слов движется только язык, душа же не ощущает, что говорит. И многие больные даже не знают того, что они больны. Порок есть болезнь души, и **заблуждение** — утрата истины. И весьма многие из людей, будучи больны сами, считают себя здоровыми и у многих заслуживают похвалу. Ибо если душа не исцелится от порока и не будет приведена к естественному здоровью, в каком создана, чтобы родиться от духовного здоровья, человеку невозможно желать сверхъестественных даров духа, потому что душа, пока больна страстями, не воспринимает чувством своим духовного и не умеет желать его, желает же только по слуху и по описаниям. Справедливо, наконец, сказал я и выше: что жаждущим совершенства надлежит сохранять все заповеди, потому что сокровенное делание заповедей врачует душевную силу. И это не случайно. Ибо написано, что «без пролития крови не бывает прощения» (Евр. 9, 22). Но первоначально естество наше вочеловечении Христовом приняло обновление, приобщилось Христову страданию и смерти и потом, по обновлении излиянием крови, обновилось и освятилось естество наше и сделалось способным к принятию заповедей новых и совершенных. А если бы заповеди эти даны были людям до излияния крови, до обновления и освящения естества нашего, то, может быть, и сами новые заповеди, подобно заповедям древним, отсекали бы только пороки в душе, но не могли бы истребить в душе самый корень порока. Ныне же не так: напротив, последовавшее сокровенное делание и заповеди новые и духовные, которые душа хранит из страха Божия, обновляют и освящают душу и сокровенно врачуют все члены ее. Ибо явно для всех, какую страсть безмолвно исцеляет в душе каждая заповедь, и действенность их ощутима и исцеляющему, и исцеленному, как было и с кровоточивой женой.

Знаешь, **возлюбленный**, что если не будет исцелена страстная часть души, не обновится, не освятится втайне, не будет связана житием духовным, то душа не приобретает здоровья и не освободится от того, чтобы не печалило ее встречающееся ей в твари. И исцеление это может совершаться по благодати, как было с блаженными апостолами, потому что они верою **у**совершились в любви Христовой. А иногда бывает, что душа приобретает здоровье законно. Ибо кто деланием заповедей и трудными делами истинного жития победил страсти, тот пусть знает, что законно приобрел он душевное здоровье, и вскормлен молоком вне вешественного мира сего, и отсек прежний свой нрав, и возрожден, как и первоначально, в духовном, и по благодати, как приобретший понятия внутреннего человека, стал видим в области духа, и мир новый, несложный принял его в себя.

Когда же ум обновлен, и сердце освящено, тогда все возникающие в нем понятия пробуждаются сообразно с естеством того мира, в который он вступает. Сначала пробуждается в нем любовь к божественному и жаждет он общения с Ангелами и откровения

тайн духовного ведения. Ум его ощутит духовное ведение сотворенного, и воссияет в нем созерцание **тайн** Святой Троицы и **тайн** достопоклоняемого ради нас Домостроительства, и потом всецело входит он в единение с ведением надежды будущего.

И вот из того, что написал я тебе, познай состояние свое. Если бы душа, когда она заключена в области страстей, могла истинно возлюбить Бога, то не имела бы большой нужды спрашивать и узнавать о таинствах мира духовного. Но явно, что обучение и знание при страстях не приносят пользы и недостаточны для того, чтобы открыть дверь, запертую перед лицом чистоты. Если же душа очистится от страстей, то ум просвещается, и восстанавливает чистоту естества, и не имеет нужды в вопросах, потому что явно видит блага, обретаемые на своем месте. Ведь наши внешние чувства не вследствие обучения и вопросов ощущают то, с чем соприкасаются, а непосредственно, естественно. Потому что нет учения, посредствующего между тем, кто ощущает, и ощущаемым; сколько ни говори о славе солнца и луны слепому, о сонме звезд, о блеске драгоценностей, он и приемлет, и судит, и представляет себе их красоту только по названию; и это знание и рассуждение его очень далеки от удовольствия, доставляемого самим видением. Подобным образом представляй и созерцание духовное. Ибо ум, прозревающий в сокровенные тайны духа, если он в своем естественном здравии, вполне созерцает славу Христову и не спрашивает, и не учится, но наслаждается тайнами нового мира превыше свободы воли, по мере горячности веры и надежды на Христа, как написал блаженный Павел: «ибо если кто видит, то чего ему и надеяться?» (Рим. 8, 24).

Итак, мы должны ждать и пребывать уединенно и в простоте с нашим внутренним человеком, где нет отпечатков помыслов, ни воззрения на что-либо сложное, потому что ум от того приемлет образы, на что взирает. Если взирает на мир, то в соответствии с изменчивостью образов, по которым он носится, в таком же множестве принимает от них в себя образы и подобию; и чем их больше, чем они разнообразнее, тем больше они возбуждают в уме помыслов; когда же помыслы возбуждены, они отпечатлеваются в уме. Если же ум проникает взором во внутреннего человека, где нет ничего такого, что могло бы вызвать изменение видов, и где сложное не отделяется от другого сложного инаковостью образа, то **все** — единый Христос, то явно, что ум приемлет тогда простое созерцание, без которого ничто иное не облагодуховляет душевной гортани и не позволит душе приобрести дерзновение в час молитвы, потому что это есть пища естества души. И когда ум станет в области познания истины, тогда не имеет нужды в вопросах. Ибо как глаз не спрашивает сначала, а потом уже видит солнце, так и душевное око не входит сперва в исследование, чтобы после того созерцать духовное видение. Таким образом, и таинственное созерцание, какого желаешь ты, святой, открывается уму по приобретении душевного здоровья. Желать же посредством исследования и расспросов познавать такие тайны есть неразумие души. Ибо и блаженный Павел не сказал, что от науки или каким-нибудь другим внешним способом

видел и слышал **тайны** и «неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать» (2 Кор. 12, 4), но был восхищен в духовную область и видел откровение тайн.

Наконец, и ты, святой, если любишь чистоту, отсеки расточаемую на всех любовь ко всему и, войдя в виноградник своего сердца, трудись в нем, истребляй в своей душе страсти, старайся не знать человеческой злобы. Чистота взирает на Бога, озаряет душу и цветет в ней не вследствие прощения, но потому, что человек становится беззлобным. Если же ты желаешь, чтобы твое сердце сделалось обителью тайн нового мира, то обогатись сперва делами телесными: постом, бдением, службой, подвижничеством, терпением, низложением помыслов и прочее. Связывай ум свой чтением Писаний и углублением в них, напиши перед глазами у себя заповеди и отдай долг страстей, когда бываешь побежден и побеждаешь. И непрестанным молитвенным собеседованием и самоуглублением в молитвословия искореняй в сердце своем всякий образ и всякое подобие, воспринятые тобою раньше. Приучай ум свой углубляться в тайны Домостроительства Спасителя. И перестань просить себе ведения и созерцания, которые могут быть обретены в своем месте и в свое время превыше словесного описания. Продолжай делание заповедей и труды по обретению чистоты и проси себе у Господа в молитве пламенной обо всем печали (какую вложил Он в сердца апостолам, мученикам и отцам), да канет она в сердце твое и да сподобишься ты умного жития. Начало, середину и конец этого жития составляет следующее: отсечение всего соединением со Христом. И если ты жаждешь созерцания тайн, на опыте воздвигай в себе заповеди, а не только желай их познать. Духовное созерцание действует в области чистоты. И ты старайся сперва познать, как войти в область духовных тайн, а потом начинай.

Первой из тайн называется чистота, достигаемая при исполнении заповедей. Созерцание же есть духовное воззрение ума для того, чтобы постигать, что было и будет, и от всего приходить в изумление. Созерцание есть видение ума, приводимого в удивление Домостроительством Божиим во всяком роде и роде и постигающего славу Божию и трудности нового мира. При этом сокрушается и обновляется сердце; подобно младенцам во Христе, воспитывается молоком заповедей новых и духовных, делается непорочным, приучается к духовным тайнам и к откровениям ведения, восходя от ведения к ведению, и от созерцания к созерцанию, и от постижения к постижению. И так обучается и укрепляется таинственно, пока не будет возвышено любовью, соединено надеждой, и не водворится в нем радость, и не будет оно возвышено Богом, и увенчано естественной славой своего сотворения, в какой было создано.

На этих духовных пажитях восходит ум в откровения видения, падает и встает, побеждает и побеждается, и пережигается в печи келлии и таким образом очищается, и бывает ему милость, и на самом деле сподобляется он того созерцания Святой Троицы, какого желаешь ты. Ибо есть три созерцания естеств, в которых ум возвышается, проявляет свою деятельность и упражняется:

два созерцания естеств сотворенных, разумных и неразумных, духовных и телесных, и еще созерцание Святой Троицы. Поэтому сначала дается видение всего сотворенного и пришедшего в бытие, и ум обозревает его в откровении ведения. А что не подлежит чувствам, на то бывает мысленное прозрение. Ум имеет прозрение и для созерцания себя самого; им-то надмевались внешние философы в уме своем при представлении тварей.

Поэтому созерцание сынов таинства веры сопряжено с верой и пасется на лугах Писаний: оно собирает воедино ум от всякого внешнего парения, и связует его единением Христовым, как Василия Великого и Григория, и он прозревает для таинственных слов, помещенных в Писании. И слова, не постигаемые знанием, становятся понятными для нас при помощи веры, и ведение о них получаем в созерцании, какое бывает по очищении.

Для духовных тайн, которые выше видения и которых не ошущают ни телесные чувства, ни разумная сила ума, Бог дал нам веру, которою познаем только, что тайны эти существуют. И от этой веры рождается в нас надежда на них. Верую исповедуем, что Бог есть Господь, Владыка и Творец и Создатель всяческих, а ведением решаем, что должно нам хранить заповеди Его и понимать, что ветхие заповеди хранит страх, как сказал Сам Он, а животворные заповеди Христовы хранит любовь, по сказанному: «Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви» (Ин. 15, 10). Поэтому явно, что Сын хранит заповеди Отца Своего не по страху, но из любви, а потому повелевает и нам соблюдать заповеди Его из любви, как говорит: «Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди. И Я умолю Отца, и даст вам другого утешителя» (Ин. 14, 15—16). Пришествием Утешителя Он называет дарования откровения духовных тайн. Поэтому в принятии Духа, Которого приняли апостолы,— все совершенство духовного ведения. И Господь исповедал и обещал, умолив Отца Своего, дать им Утешителя, чтобы при делании ими заповедей и очищении самих себя Утешитель пребывал с ними вовеки. Видишь ли, что за сохранение заповедей ум сподобляется благодати таинственного созерцания и откровения духовного ведения, а не как предполагала твоя мудрость, что дело хранения заповедей служит препятствием к созерцанию Божественных тайн, совершаемых в безмолвии.

Потому умоляю тебя: если ощутишь в душе своей, что ты достиг области любви, соблюдай новые заповеди из любви к Давшему их, а не по страху, как и блаженный Павел, когда возгорелся Божественною любовию, сказал: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение?.. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь... ни настоящее, ни будущее... не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8, 35; 38—39). И чтобы кто не подумал, что он желает великой награды, или чести, или изобилия духовных даров, как желает их твоя святыня, он сказал: «желал бы сам быть отлученным от Христа» (Рим. 9, 3), чтобы присвоены Ему были чуждые. И чтобы ты узнал, что не таинственного и отшельнического созерцания искал он, как ты, а желает един-

ственно **того**, чего часто сподоблялись и иные по благодати, слушай, что говорит он в другом месте: «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то **я** — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею **любви**, — **то** я ничто» (1 Кор. 13, 1—2), потому что законная дверь, вводящая в это, есть любовь. Если приобретаем любовь, она вводит нас в это. Если же сподобимся этого по благодати без любви, то непременно когда-нибудь утратим это, потому что стяжание и страж высших святых и божественного жития есть любовь. Как только монах лишится любви, сердце его тотчас лишается мира, который есть селение Божие, и заключается для него дверь благодати, которую Господь наш входит и выходит, как Он сказал: Я есмь дверь Жизни, и мною человек войдет в Жизнь и найдет пажить (Ин. 10, 9) для питания духовной жизни, где ему не мешает ни злоба, ни прелесть, но на всех восхождениях откровений ведения и таинственных созерцаний Божественная любовь вводит и изводит его, как и тех, которые имеют свободу Христову. И чтобы тебе убедиться в этой истине, а именно, что духовная жизнь действительно есть божественное созерцание ума, послушай великого Павла. Ибо он восклицает: неуютно мне это без любви, и если не войду законными вратами любви (в созерцание), то не пожелаю его; и если бы это было дано мне по благодати, когда я не обрел любви, то не домогаюсь этого, потому что вошел бы к нему не естественной дверью, которая есть любовь. Поэтому нужно сначала приобрести любовь, которая есть первоначальное созерцание Святой Троицы, а после того и без даяния, естественно, будет у меня созерцание духовного. Постигни же мудрость блаженного Павла, как он оставил все дарования, сообщаемые благодатью, и просил самого существенного, того, что приемлет дарования и хранит их, как говорит некто. Дарование созерцания тварей дано было и Моисею, и многие сподобились его, впрочем не постоянного, но в откровении. Я же, крестившийся Духом Святым и исполненный благодати, хочу принять внутрь себя ощущение живущего во мне Христа. Ибо Христос Ипостасию Своею обновил наше естество, в Него мы облечены водою и Духом, и в неизреченном Таинстве Он соединил нас с Собою и сделал членами Тела Своего; но здесь только в виде залога, а в новом мире естественно сообщает Он жизнь прочим членам. Почему же ты желаешь и домогаешься созерцания прежде любви, когда божественный Павел не одобрял его без любви?

Но, сказав, что исполнение заповедей служит тебе препятствием к созерцанию, ты явно похулил любовь к ближнему, и предпочел ей созерцание, и желаешь видеть его там, где его нет. Пока мы не можем еще достичь созерцания, мудрейший: само созерцание показывает нам себя на своем месте. Как по мере естественного возраста душа приемлет в себя новое и новое знание, и по-новому ощущает существующее в мире, и день ото дня более и более обучается этому, так и в духовном человек приемлет в себя духовное созерцание и божественное ощущение,

и обучается этому в той мере, в какой ум возрастает в разумном житии, и простирается вперед. Когда же придет в область любви, тогда созерцает духовное на своем месте. Но пока человек употребляет усилие, чтобы духовное снизошло к нему, оно не покоряется. И если дерзновенно возмечтает он, и возведет взор к духовному, и будет доходить до него разумением не вовремя, то скоро притупляется зрение его, и вместо действительного видит он призраки и образы. Как только ты вполне постигнешь это своим рассудительным умом, ты не будешь помогать несвоевременного созерцания. Если же кажется тебе, что и теперь ты в созерцании,— это созерцание есть тень призрака, а не созерцание, потому что у всего мысленного бывает подобие и мечтательный образ, а бывает также и истинное созерцание. Ибо вот и в естествах сложных бывает призрак, а иногда возможно и истинное созерцание. Если же созерцание истинно, то обретает свет, и созерцаемое усматривается близким к действительности. А когда бывает противоположное, тогда глаз вместо действительности видит тень, и видит воду, где нет воды, видит здания, приподнятые вверх и висящие на воздухе, между тем как они стоят на земле. Такие миражи бывают и в мысленном.

Если зрение ума не будет очищено деланием заповедей, делами безмолвного жития, не приобретет в совершенстве света любви, не преуспее возрастом в обновлении Христовом, превосходством ведения не приблизится к духовным естествам в той степени, на которой ищет духовного, ангельского жития, то не сможет сделаться истинным зрителем божественного созерцания. Все же те подобию духовного, какие думает составить себе ум, называются призраком, а не действительностью. И то, что ум видит одно вместо другого, происходит оттого, что он не очистился. Ибо естество истины пребывает всегда неизменным и никогда не изменяется в подобию; причиною же мечтания образов является немощь, а не чистота ума.

Это было и с внешними философами, потому что они сочили духовным то, о чем не приняли истинного учения от Бога. По сокращению и возбуждению разумной силы в них, по понятиям своих помыслов они в самомнении заключали, что они суть нечто, а вместе с этим рассуждали, как они существуют, чтобы открытие их происхождения и изменение уподобления сделалось для них тем и другим. И разглагольствовали об этом в ненадлежащем самомнении, единого Бога разделили в многобожии, говорили и соглашались между собою в глумлении помыслов, и эту фантазию своих безумных помыслов назвали умозрением естеств.

Истинное созерцание естеств чувственных и сверхчувственных и самой Святой Троицы дается в откровении Христовом. Ему научил и его сказал человеку Христос, когда первоначально Своєю Ипостасию совершил обновление естества человеческого, возвратил и дал ему первоначальную свободу, и Сам проложил нам путь Его животворящими заповедями восходить к истине. И естество только тогда способно сделаться зрителем истинного, а не мечтательного созерцания, когда человек первоначально терпением страданий, трудами и скорбью совлечется ветхого

страстного человека, как новорожденный младенец освобождается от одежды, выносимой из чрева матери. Тогда ум способен возродиться духовно, сделаться видимым в духовном мире и принять созерцание своего отечества.

Поэтому ныне созерцание тварей, хотя оно и сладостно, есть только тень ведения. И сладость его подобна мечтанию во сне. Поэтому созерцание нового мира духом откровения, которым ум услаждается духовно, есть действие благодати, а не тень ведения; и сладость его неотделима от той, о которой писал апостол: «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его. А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все проникает, и глубины **Божии**» (1 Кор. 2, 9—10). И это созерцание бывает пищей ума, пока он не придет в состояние принять еще более высокое созерцание, потому что одно созерцание ведет человека к другому созерцанию, пока ум не будет введен в область совершенной любви. Любовь есть обитель духовного и водворяется в чистоте души. Когда ум станет в области любви, тогда действует благодать, ум приемлет духовное созерцание и делается зрителем сокровенного. Ибо сказал я, что двумя способами дается дарование откровений умного созерцания.

Ибо иногда дается по благодати за горячность веры, а иногда за делание заповедей и за чистоту. По благодати, как блаженным апостолам, которые не деланием заповедей очистили ум и сподобились откровения созерцания, но горячей верой, потому что в простоте уверовали в Христа и несомненно, с воспламененным сердцем последовали за Ним. И когда Христос совершил Свое благословенное Домостроительство, Он послал им Духа Утешителя, очистил и усовершил их ум, и действительно умертвил внутри их ветхого страстного человека, и действительно оживотворил в них нового духовного человека, и приняли они ощущение того и другого. Так и блаженный Павел был обновлен таинственно и потом принял созерцание откровения тайн, но и при этом не полагался на него. Действенно принял он благодать и дар, но все время жизни своей совершал течение, чтобы, по возможности, воздать той благодати, какой сподобился, когда Господь с ним, как с близким Своим, беседовал на пути и послал его в Дамаск. Не написано, о чем Иисус беседовал с ним явно, но пишется, что сказал ему Анания: Брат Савл! Господь Иисус, явившийся тебе на пути... послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святаго Духа» (Деян. 9, 17). И когда крестил его, он исполнился Духа Святого и ощутил сокровенные тайны откровений, как совершилось это и со святыми апостолами, когда был с ними Иисус и говорил: «Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить. Когда же придет Он, Дух истины, то наставит вас на всякую истину... и будущее возвестит вам» (Ин. 16, 12—13).

И блаженный Павел именно тогда, как принял Духа Святого и обновился Им, сподобился и тайн откровения, стал созерцать духом откровений и услаждался созерцанием, слышал неизреченные глаголы, имел созерцания, превосходящие естество, восторгался созерцаниями небесных Сил и услаждался духовным. И да

не будет того, что в безумии своем утверждают еретики, называемые евктиты, будто бы этого восхождения он достиг своим желанием! Ум вовсе не может восходить туда. Напротив, Павел был восхищен духом откровений, как сам написал в послании к Коринфянам, вопреки этим суетным людям, которые уподобляли себя святым апостолам, но исповедали фантазии своих помыслов и называли их духовными созерцаниями. Это относится и ко многим еретикам...

Наконец, поскольку некоторые люди, поврежденные в уме бесовским мечтанием, захотели извратить учение блаженных апостолов, то божественный апостол вынужден был обратиться в ничто похвальбу еретиков, хвалившихся тенью делания являвшихся им бесов, и потому со смирением и великим страхом описывает он свое божественное созерцание, относя его к другому лицу. Ибо он говорит: «Знаю человека во Христе, который назад тому четырнадцать лет (в теле **ли**—**не** знаю, вне **ли** **тела**—**не** знаю: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать (2 Кор. 12, 2, 4). Итак, говорит он, что восхищением был восхищен, а не произвольно вошел своим умом в созерцание, до Третьего Неба. Написал, что видел созерцания; сказал; что слышал слова, но какие были слова или образы созерцаний, этого не мог написать. Ибо когда ум духом откровений видел это на своем месте, тогда не принял заповеди изречь это не на своем для этого месте. А если бы и пожелал изречь это, то не мог бы, потому что видел это не телесными чувствами. Что ум приемлет телесными чувствами, то ими же может опять и выразить в области телесной; а что ошутимо созерцает, или слышит, или чувствует внутри себя в области духовной, того, когда возвращается к телу, неспособен пересказать, а только вспоминает, что видел это; но как видел, не умеет поведать ясно.

И этим обличаются ложные писания, так называемые откровения, изложенные начальниками ересей, растленных мечтанием бесовским, об обителях на тверди, в которые вводят ум для самовольного обучения, и о восхождениях ума на Небо, и о местах [ожидания] отлученными суда, и о многих образах духовных сил, и о действительности их. Все это есть тень ума, упоенного самомнением и приведенного в иступление бесовским деланием. Поэтому-то блаженный Павел единым словом заключил дверь перед лицом всякого созерцания и затвор ее внес внутрь молчания, где ум, если бы и мог объяснить это, не получил бы на это позволения. Ибо сказал, что все созерцания, какие язык в состоянии обнаружить в телесной области, есть мечтания душевных помыслов, а не действие благодати.

Итак, преподобие твое, помня об этом, наблюдай за мечтаниями глубоких помыслов. А этой брани чаще всего обычно подвергаются монахи ума тонкого, входящие в исследование того, чем питается тщеславие, жаждущие новизны и делающие все напоказ.

Некто, по имени Малпас, ведя род свой из Эдессы, в одно время стал изобретателем ереси евктитов, тогда как проводил

высокое житие и переносил тяжкие труды и скорби. Ибо говорит, что был учеником блаженного Иулиана, называемого Савою, на короткое время ходил с ним на Синай и в Египет. Он видел великих отцов того времени, видел блаженного Антония, слышал от него таинственные слова о чистоте и спасении душ, слышал тонкие рассуждения о страстях, в которых Антоний объяснял, что ум, по очищении своем, имеет созерцания духовных тайн и что душа может, по благодати, сподобиться бесстрастия, когда исполнением заповедей освободится от ветхих страстей и обретет здоровье своего первоначального естества. И когда Малпас в расцвете своей юности выслушал эти слова, он воспламенился, как огонь, и пришел в свой город. И так как возгорелась в нем страсть славолубия, избрал себе отшельническую храмину и посвятил себя на труды, и жестокие скорби, и непрестанные молитвы. И когда возгорелась в нем страсть непомерного славолубия, то есть надежда достичь тех высоких дарований, о которых он слышал, поскольку он не обучился искусству противоборствовать врагам истины, не уразумел козней, обманов и ухищрений супостата, какими он увлекает в погибель сильных и крепких, он надеялся только на труды, скорби, нестяжательность, на подвижничество и воздержание, не приобрета самоуничтожения, смирения, сердечного **сокрушения**—**этих** неодолимых орудий при сопротивлении лукавому. Он забыл и Писание, которое говорит: когда исполните дела, сохраните заповеди, претерпите скорби, считайте себя рабами непотребными. Напротив, его разжигало самомнение, основанное на подвигах жития его. И он сгорал от желания высоких даров, о которых слышал. И вот по истечении многого времени, когда диавол увидел, что нет у него делания смирения, а он только жаждет созерцания, чтобы ощутить тайны, о которых слышал, диавол явился ему в безмерном свете и сказал: **«Я—Утешитель и послан к тебе от Отца, чтобы сподобить тебя видеть созерцание, которого ты желаешь за дела свои, дать тебе бесстрастие и на будущее время упокоить тебя от дел».** Взамен же злокозненный враг потребовал поклонения. И этот обьюродившийся, поскольку не ощутил брани лукавого, немедленно, с радостью принял его и поклонился ему, и сразу попал под его власть. И враг, вместо божественного созерцания, наполнил его бесовскими мечтаниями, сделал так, что перестал он трудиться ради истины, возвысил его и поругался над ним тщетной надеждой бесстрастия, сказав ему: «Теперь ты не имеешь нужды ни в делах, ни в страданиях тела, ни в борьбе со страстями и похотями», и сделал его ересеначальником евктитов. Когда же они умножились и стало явным их мерзкое и неправое учение, они были изгнаны тогдашним епископом.

И некто другой, по имени Аспнас, в том же городе Эдессе, сочинив многие трилогии, которые поются и доныне, проводил высокое житие и безрассудно связывал себя самыми трудными делами, пока не прославился. Тогда и его обольстил диавол: вывел его из келлии и поставил на верху горы, называемой Сторий, заключил с ним договор, показал ему образы колесниц и всадников и сказал ему: «Бог послал меня взять тебя в рай, как

Илию». И как только предался тот обману своим младенческим умом и взошел на колесницу, рассеялась вся эта мечта, он низринулся с великой высоты, упал на землю и умер смертью достойною смеха.

Не напрасно я сказал здесь это, но чтобы нам узнать поругание бесов, жаждущих погибели святых, и не желать не вовремя высоты умного жития; а иначе будем осмеяны лукавым супостатом, ибо и ныне вижу, что юноши, исполненные страстей, безбоязненно пустословят и решительно судят о тайнах бесстрастия.

О людях, которые исполнены страстей и входят в исследование о законах телесного и бестелесного, а потому не отличаются от больных, дающих советы о сохранении здоровья, один из святых написал: «Блаженный Павел, когда узнал об учениках, которые пренебрегали заповедями и не победили страстей, но возжелали блаженства в созерцании тайн, возможного по очищении, сказал им: совлекитесь сперва ветхого страстного человека и тогда желайте облечься в человека нового, обновленного познанием тайн в подобие Творцу, и не желайте моего и прочих апостолов блаженства, действительно совершенного благодатью, потому что Бог «кого хочет, милует; а кого хочет, ожесточает» (Рим. 9, 18). Ибо кто противостанет лицу Его или воспротивится воле Его? Бог дает иногда даром, иногда же требует дел и очищения и потом уже посылает дар; а иногда и после дел и очищения не дает здесь, но хранит, чтобы даровать созерцание на своем месте».

Находим же, что так Он поступает и в отношении меньшего по сравнению с этим даром — подразумеваю прощение грехов. Ибо вот, Крещение дает даром и совершенно ничего не требует, кроме веры; при покаянии же в грехах после Крещения не даром прощает, но требует трудов, скорбей, печалей, сокрушения, слез, долговременного плача и потом уже прощает. Разбойника даром простил за одно исповедание словом на кресте и обещал ему Царство Небесное и у грешницы потребовал также веры и слез. А у мучеников и исповедников, сверх сердечной их веры, требовал скорбей, истязаний, пыток, мучений, многообразных смертей.

Поэтому святость твоя, убедившись этим и подобным тому, да взирает на первых и последних и да не домогается созерцания, когда не время созерцанию. И пока ты заключен в теле, будь решительным в делах покаяния и противоборцем страстей, терпеливым в делании заповедей и остерегайся бесовского поругания, а также проповедующих непреложное совершенство в мире страстном и изменчивом. Это выше даже и святых Ангелов, этих служителей Отца и Духа, и они ожидают обновления в посредствующем, чтобы освободиться от работы **истления** в свободе чад Божиих. Ибо возможно ли совершенство здесь, где солнце восходит и заходит среди облаков, где временами блаженствоование воздуха, а временами засухи, иногда радость, а иногда печаль? Что противно этому, **то — участь** волков, как сказал некто из святых. Бог же да утвердит основание жития нашего истинным утверждением и святым Своим учением. **Преподобный Исаак Сирин (55, 257—276).**

Созидание души, основанное не на исполнении заповедей, но на одних подвигах, непрочно, суетно, оно не может выдержать ни скорбей от людей, ни искушений от бесов, чуждо света, полно мрака и самообольщения (111, 60).

Случалось видеть старцев, занимавшихся исключительно усиленным телесным подвигом и пришедших от него в величайшее самомнение, величайшее самообольщение. Душевные страсти **их** — **гнев**, гордость, лукавство, **непокорство** — **получили** необыкновенное развитие. **Епископ Игнатий** (Брянчанинов) (108, 222—223).

БЕЗМОЛВИЕ

Безмолвие — непрерывная служба Богу и предстояние пред Ним*

Безмолвие есть состояние ума, не тревожимого помыслами, тишина свободы от страстей и отрады душевной, стояние сердца в Боге; бестревожное, светлое созерцание, ведение тайн Божиих: слово премудрости из чистого ума, бездна разумений Божиих, восхищение ума, беседа Божия, неусыпаемое око, умная молитва, беструдный покой в великих трудах и **наконец — единение** с Богом (70, 140).

Для сохранения глубинных сокровищ духа надо освободиться от дел человеческих (не удивляйся), избрав безмолвие, которое чистотой сердца, сладостью умиления сильнее разжигает любовь к Богу, разрешает душу от уз чувств, возводит силы ее в естественное состояние и возвращает им первоначальное устройство. Преподобный Никита Стифат (70, 160).

Блажен, кто ради Бога пребывает в безмолвии... потому что он всегда беседует с Богом (56, 52).

Вследствие обучения безмолвию и продолжительного пребывания в нем, легко и скоро дается каждому внутреннее созерцание и приводит их в изумление созерцаемым (55, 213).

Безмолвие умерщвляет внешние чувства и пробуждает внутренние движения (55, 101).

Но если человек в начале своего безмолвия не ощущает силы... созерцаний по причине парения ума, то пусть не приходит в уныние и не оставляет тишины безмолвной жизни (55, 109).

Приверженность к безмолвию есть непрестанное ожидание смерти (55, 179).

Если любишь покаяние, возлюби и безмолвие. Ибо вне безмолвия покаяние не достигает совершенства (55, 179).

Если желаешь в краткие дни свои обрести жизнь нетленную, то с рассудительностью вступи в безмолвие (55, 182).

Святые не иначе дерзали на беседу с Богом и возвышали себя к сокровенным тайнам, как при немощи членов тела, при бледности лица, происходящих от труда, алчбы, при безмолвии ума и отречении от всех земных помыслов... (82, 279).

* Преподобный Иоанн **Лествичник** (57, 227).

Безмолвие, как сказал святой Василий [Великий], есть начало очищения души. Ибо когда во внешних членах прекратится мятеж и развлечение во внешнем, тогда ум от внешних развлечений и парения возвращается в себя и упокоевается в себе, а сердце пробуждается к исследованию внутренних душевных мыслей. И если человек хорошо устоит в этом, то он понемногу приходит в состояние шестовать к душевной чистоте. Преподобный Исаак Сирин (55, 99).

Безмолвие служит для души началом очищения, когда ни язык не произносит чего-либо человеческого (суетного), ни глаза не заняты рассматриванием многоцветности и гармонии, ни слух не расслабляет душевного напряжения вниманием к песням, сложным для удовольствия, или разговорами людей, склонных к шуткам и смеху, что обыкновенно более всего ослабляет душевные силы. Святитель Василий Великий (9, 10).

Если возлюбишь безмолвие, то совершишь земное плавание в тишине (25, 161).

Сокровище собирает себе на Небе тот, кто любит безмолвие в любви (25, 200).

Возлюби безмолвие, чтобы иметь чистое сердце и чтобы вверенный нам храм (тело) соблюдался нескверным от греховного растления. Преподобный **Ефрем Сирин** (26, 102).

Желающий истинно безмолвствовать в келлии и не увлекаться внушениями демонскими да устранил себя от всего обычного между людьми: да не порицает и не хвалит никого, да не превозносит правды человеческой и не внимает недостаткам людей, и да не попустит пребыть в сердце своем жалу памятозлобия на ближнего (82, 137).

Возделывающий истинное безмолвие должен непрестанно повергаться перед Всеблагим Богом в смирении, тщательно исполняться молитвой и всеми силами отгонять от себя лукавые помыслы: в этом — бегство от мира. При таком поведении и настроянии подвижника Господь обуздает неистовства врагов. Сам же человек что может сделать? Он лишь «плоть и кровь» (1 Кор. 15, 50) (82, 149).

Безмолвствующему необходимы следующие три делания: постоянное пребывание в страхе и недоверии к себе, непрестанное устремление к Богу с молитвой, с просьбой о помощи и помиловании, неупустительная бдительность над сердцем (82, 150).

Стремящиеся к душеполезному безмолвию должны внимательно охранять себя от всего, чем окрадывается безмолвие, не терять времени, предаваясь мысленным пленениям и горькому поработению в духе, увлекающим сердца безмолвников в несвойственное им мысленное занятие, при котором оставляется плач о грехах своих (82, 183).

Духовное рассуждение, рассматривая правильно все страсти, устраняет их от человека. Невозможно стяжать духовного рассуждения, не возделав его на ниве его. Эта **нива — безмолвие** (82, 205).

Безмолвие состоит в том, чтобы не отвлекаться ничем от служения Богу (82, 216).

Человек безмолвствующий должен хранить себя, чтобы не услышать ни одного бесполезного слова, потому что это губит труд его. Преподобный авва **Исаия** (66, 428).

Равны следующие три делания: когда кто безмолвствует правильно, когда кто болен и благодарит Бога, когда кто находится в нелицемерном послушании. Преподобный Пимен Великий (82, 345).

Полезно для души безмолвствовать, как и Писание говорит: «разумный безмолвствует» (Ам. 5, 13). Надо знать следующее: к начинающему безмолвствовать немедленно приходит лукавый, наводит на душу тягость, лень, малодушие, множество помыслов, а на тело болезни, слабость и лютое изнеможение. Он заставляет безмолвника думать: я немощен и не могу совершать моего молитвенного правила. Но если безмолвник будет мужествен, то все козни врага рассыплются. Один безмолвствовавший инок только начинал молитвенное правило, как его схватывала лихорадка с ознобом, жаром и сильной головной болью. Монах, когда это случилось, говорил себе: «Вот, я уже смертельно болен! Встану, пока смерть не постигла меня, совершу молитвенное правило». Этими словами он понуждал себя и исполнял правило. С окончанием правила отступала и болезнь. При помощи этого же помысла брат **боролся** и с унынием: неизменно совершая свое правило, он победил уныние. Амма Феодора (82, 370).

Как рыбы, попадая на сушу, умирают, так и монахи, пребывая вне келлии с мирскими людьми, утрачивают способность к безмолвной жизни. Как рыбы стремятся в море, так и нам должно стремиться в свои келлии, чтобы не забыть о внутреннем делании, замедляя вне их. Преподобный Антоний Великий (82, 24).

Рассказывали о авве Иоанне, что он пришел в церковь Скита и услышал там, что братья спорили между собой. Он возвратился к своей келлии, обошел ее три раза и только после этого вошел в нее. Некоторые из **братий** видели это и спросили его, почему он поступил так. Он ответил: «Мой слух был засорен словами спора; я прохаживался, чтобы очиститься и уже в безмолвии сердца войти в **келлию**». Преподобный Иоанн Колов (82, 294).

Безмолвствующий должен ежечасно испытывать себя: перешел ли он удерживающих его на воздухе (т. е. демонов)? Освободился ли от них, находясь еще в теле? Или пока в чем-то повинуетсЯ и работает им и еще не освобожден? Изречения безымянных старцев (82, 407).

Владей безмолвием, как крепкой стеной, потому что безмолвие делает тебя выше страстей; ты воюешь сверху, а они снизу. Завладей безмолвием страха Божия, и все стрелы врага не повредят тебе; безмолвие, сопряженное со страхом Божиим, — огненная колесница. О безмолвие, преуспеяние монахов, — лестница на Небо, путь Небесного Царства, мать раскаяния,

зеркало грехов, показывающее человеку прегрешения его! О безмолвие, не задерживающее слез, порождающее кротость, живущее вместе со смирением. О безмолвие, сопряженное со страхом **Божиим**,—просветитель ума, хранитель помышлений и помощник в сомнениях. О безмолвие, порождающее всякое благо, основание поста и препятствие для пресыщения, досуг для молитвы и чтения, тишина помышлений и ясная пристань. О **безмолвие**—беззаботность души, благое иго и легкое бремя, дающее отдых и носящее носящего тебя, радость души и сердца, узда для глаз, слуха и языка! О **безмолвие**—уничтожение хвастливости и враг бесстыдства, темница страстей, помощник всякой добродетели, защитник бедности, страна **Божия**, приносящая добрые плоды, стена и крепость желающих подвизаться для Небесного Царства. **Святитель Иоанн Златоуст (46, 450).**

Безмолвие есть отсечение зла. **Преподобный Марк Подвижник (54, 31).**

Истинное послушание служит основанием, законной дверью для истинного безмолвия **(108, 226).**

Скорби и искушения признаются Священным Писанием и отцами величайшим даром Божиим, служат подготовительным обучением к безмолвию **(108, 565).**

Отдайся... безотчетно на волю Создателя, принеси Ему один младенческий плач, принеси Ему молчащее сердце, готовое последовать Его воле и запечатлеваться Его волей **(109, 123).**

Добродетели, особенно нужные безмолвнику, таковы: кроткая покорность Богу, расположение к молчанию, удаление от бесед, даже полезных, но отдаляющих от беседы с Богом и нарушающих сердечное безмолвие **(109, 138).**

Как кормчий смотрит на звезды и по ним направляет ход корабля, так и безмолвник должен непрестанно взирать на Бога, видеть Его очами веры и надежды, чтобы сохраниться в постоянстве и терпении **(109, 141).**

Юных по духовному возрасту подвижников, хотя бы они были и стары по плоти, хотя бы они отреклись от мира и потому заслуживали имя вдовиц, не должно допускать до безмолвия **(109, 142).**

Пища для безмолвников есть благодатное просветительное утешение откровением таинства Креста Христова. **Она—дар** свыше, а не познание, свойственное собственно естеству человеческому **(109, 143).**

Истинное безмолвие доставляет душе свойство, подобное чистоте зеркальных вод: в них человек видит и свое состояние, и, соразмерно преуспеянию своему, состояние ближних **(111, 490).**

Дух Святой приникает к безмолвствующему правильно, сопутствует ему, возвещает тайны Царствия Божия, чтобы сам безмолвник обильно напился знанием и ощущением духовным и напился ими свою алчущую и жаждущую братию **(111, 492).**

Богоугодному жительству в безмолвии должно предшествовать богоугодное жительство в обществе человеческом **(112, 43—44).**

Не дерзать на безмолвие и не нерадеть о себе, когда

находишься среди **попечений**—**вот** средний путь, безопасный от падения (112, 68).

Ограждение себя безмолвием в уединении необходимо для павшего (112, 431).

Скуден плод уединения... если уединение не сопряжено с безмолвием (112, 432).

Истинное безмолвие состоит в отречении от мира и в самоотвержении, совершаемых в средоточии человека, в духе его (112, 432).

Молчал Господь перед Пилатом и Иродом, не произнес никакого оправдания. И ты подражай этому святому и мудрому молчанию (108, 548).

Приучи себя к молчанию, чтобы ты мог безмолвствовать и среди людей. Говори как можно меньше, и то по крайней нужде (109, 206).

Христиане, живущие посреди мира, не должны касаться возвышенных иноческих деланий (прежде отречения от мира), особенно безмолвнических (111, 453).

Однажды Паисий поссорился с одним из посетителей своих и подрался с ним до крови. Авва Пимен сидел тут и не сказал им ни слова. В это время вошел к ним авва Анув, старший между братьями по годам, и упрекнул авву Пимена за то, что он не примирил поссорившихся. Пимен отвечал: «Они братия и помирятся». Анув повторил упрек, тогда Пимен отвечал: «Я положил в сердце моем, что меня здесь не было» (82, 319).

Авва Пимен, авва Анув и братья **их**—семеро сыновей одной **матери**—приняли монашество в Скиту. На эту пустыню напали **варвары**, разорили хижины монахов и убили многих отцов... Пимен и братия его спаслись бегством. Все семеро остановились на время в опустевшем идольском храме, чтобы выбрать место для постоянного жительства. При этом авва Анув сказал авве Пимену: «Сделайте милость ты и братия, исполните мою просьбу: в течение этой недели будем жить каждый отдельно в молчании, не сходясь для беседы». Авва Пимен отвечал: «Сделаем по желанию твоему». Они так и поступили. В храме стояла каменная статуя. Анув каждое утро кидал камнями в лицо статуи, а вечером подходил к ней и просил прощения. В субботу братия сошлись вместе, и сказал авва Пимен авве Ануву: «Видел я, авва, что ты в течение этой недели **кидал** камнями в лицо статуи, а потом просил у нее прощения: верующий во Христа не должен кланяться идолу». Старец отвечал: «Я это сделал для вас. Когда я кидал камнями в статую, произнесла ли она что-нибудь, рассердилась ли?» Авва Пимен ответил: «**Нет**».—«А когда я просил у нее прощения, ответила ли она?»—«**Нет**». На это сказал авва Анув: «Так и мы, семь братьев, если пожелаем жить вместе, будем подобны этой статуе, которая от оскорблений не возмущается гневом, а при смирении, проявляемом пред нею, не тщеславится и не надмевается. Если же вы не хотите вести себя таким **образом**—**вот** четверо врат у этого храма: пусть каждый идет, куда хочет». Братия пали ниц перед аввой Анувом, дали обещание поступать по его совету и пребыли вместе в великом смирении и терпении многие годы, стремясь к христианскому совершенству... Впоследствии рассказывал авва Пимен: «Мы провели все время жизни нашей в труде, подчиняясь распоряжениям аввы Анува. Одному из нас он поручал хозяйство; мы ели то, что было предложено, никто не позволял себе сказать: «Дай мне чего-нибудь другого» или: «Я этого не хочу». Таким образом мы провели всю жизнь в безмолвии и мире» (82, **321—323**).

Пимен Великий жил в небольшом общежитии, состоящем из его родных братьев. Находясь постоянно с ними, он уединялся в себе и достиг совершенства постоянным и усиленным трезвением, устраняя все препятствия, которыми могло бы нарушиться его делание. Очень верное средство к сохранению сердечного мира и безмолвия и неразлучной с

ними умной молитвы преподает святой апостол: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал. 6, 2). Люди чаще всего поступают наоборот: они требуют от ближних неупустительности и совершенства в добродетели, несвойственных и невозможных человеку, притом имея о добродетели самое недостаточное, даже превратное понятие. Такое безрассудное стремление не позволяет сердцу погрузиться в самосозерцание и истинное смирение, из которых истекают умная молитва и сердечное безмолвие. Такое безрассудное стремление содержит сердце в непрестанном возмущении и приносит уму множество чуждых смысла помыслов и мечтаний. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (82, 323).

Безмолвие — непрестанная молитва

...Главное во всех трудах безмолвия... когда человек сподобится непрестанного пребывания в молитве. Ибо если он достиг этого, он вззошел на высоту всех добродетелей и уже стал обителью Святого Духа. А если кто не принял несомненно этой благодати Утешителя, то не может свободно совершать пребывания в такой молитве, потому что, как сказано, когда вселится в человека Дух, тогда он не прекратит молитвы, но сам Дух всегда молится в нем (Рим. 8, 26). Тогда и в сонном состоянии, и во время бодрствования человека молитва не пресекается в душе его, но ест ли он или пьет, спит ли, делает ли что-нибудь, даже и в глубоком сне сердце его без усилия издает благоухание молитвы. Тогда молитва не отлучается от него, но всякий час, даже если это никак не проявляется внешне, она совершает в нем службу Божию тайне. Ибо молчание чистых один из христианских мужей называет молитвой, потому что помыслы их суть божественные движения, а движения чистого сердца и ума суть кроткие гласы, которыми они совершенно воспевают Сокровенного (55, 110—111).

Страсти не могут восстать на душу и смутить подвижника, если в его отшельничестве, удаленном от всякого рассеяния, сердце его не занимается житейским, разве только он будет ленив и нерадив к своему долгу. А особенно если он изучает Божественные Писания, постигая их смысл, его совсем не тревожат страсти. Ибо по мере того, как возрастает и укореняется в нем понимание Божественных Писаний, бегут от него суетные помыслы, и ум его не может отстать от желания читать Писания или размышлять о прочитанном, и не обращает он никакого внимания на жизнь настоящую — из-за великого наслаждения своим занятием, восхищаемый Писаниями в глубоком пустынном безмолвии. Поэтому он забывает себя и естество свое и делается как бы человеком, который пришел в исступление, вовсе не помнит об этом веке, преимущественно занят мыслью о величии Божиим и, погружаясь в это умом, говорит: «Слава Божеству Его! Слава чудесам Его! Дивны и необычайны все дела Его! На какую высоту возвел Он мое убожество! Чему сподобил меня поучаться, на какие отваживаться помыслы, чем услаждать душу мою!» Обращаясь мыслью к этим чудесам и всегда ими умиляемый, он пребывает в непрестанном упоении и как бы уже вкушает жизнь после Воскресения, потому что безмолвие весьма содействует этой

благодати. Ибо ум его находит возможность пребывать в себе самом с миром, какой приобретен им в безмолвии (55, **106—107**).

Человек... который опытно познает сладость безмолвия в своей келлии, избегает встречи с ближним не потому, что пренебрегает им, но ради того плода, какой пожинает от безмолвия. Почему авва Арсений предавался бегству, а не останавливался, встречая кого-либо? И если авва Феодор встречал кого, то встреча его была, как удар меча, никому не говорил он приветствия, когда находился вне своей келлии. А святой Арсений не приветствовал даже и проходящего к нему с приветствием. Один раз некто из отцов пришел к нему, и авва Арсений отворил дверь, думая, что это его служитель. Но когда увидел пришедшего, пал ниц. Тот долго умолял его встать и уверял, что примет благословение и уйдет. Но святой сказал: «Не встану, пока не уйдешь». И не встал, пока тот не ушел. И делал блаженный это для того, чтобы они снова не возвратились к нему, если он однажды подаст им руку.

...И авва Макарий укорил его исполненной любви укоризной: «Что ты бегаешь от нас»? Старец же представил ему чудное и достойное похвалы оправдание: «Богу известно, что люблю вас; но не могу быть вместе и с Богом и с людьми». И этому чудному ведению он научен не кем иным, но Божиим гласом. Ибо сказано было ему: «Арсений, избегай людей и спасешься».

...Божественному Антонию было сказано в откровении: «Если желаешь безмолвствовать, иди не только в Фиваиду, но даже в самую глубь пустыни». Поэтому если Бог повелевает нам избегать всех и так любить безмолвие, когда пребывают в нем любящие Его, кто станет выставлять на вид какие-либо предлоги к тому, чтобы пребывать в собеседовании и сближении с людьми? Если Антонию и Арсению были полезны бегство и осторожность, насколько же полезнее они немощным? И если тех, в слове, и в лицезрении, и в помощи которых нуждался весь мир, Бог больше почтил за безмолвие, чем за помощь всему братству, лучше же сказать, всему человечеству, то насколько же безмолвие нужно тому, кто не в состоянии охранять себя? (55, **119—121**).

Хочешь ли, по евангельской заповеди, приобрести в душе своей любовь к ближнему? Удались от **него**—и тогда возгорится в тебе пламень любви к нему, и будешь радоваться при лицезрении его, будто увидел светлого Ангела. Хочешь ли, чтобы жаждали увидеть тебя любящие тебя? Только в определенные дни имей свидание с ними (55, 122).

Если замечаешь в душе своей, что при каждом возникающем в ней помысле, при каждом воспоминании [о Боге] и во время созерцаний в безмолвии твои глаза наполняются слезами и слезы без принуждения текут по щекам твоим, знай, что начала перед тобою отверзаться преграда на разорение сопротивных.

И если замечаешь, что по временам мысль твоя, без предварительного помышления о том, вне обычного порядка, погружается внутрь тебя и пребывает в этом состоянии около часа или сколько-нибудь времени, а потом замечаешь, что члены твои как бы в великом изнеможении и мир царствует в помыслах твоих, и

то же самое повторяется с тобою всегда, то знай, что облако начало приосенять скинию твою. Преподобный Исаак Сирий (55, 191—192).

Безмолвствуй в келлии твоей, занимайся рукоделием; при этом не оставляй моления именем Господа Иисуса. Обращай это имя во уме твоём, поучайся Ему в сердце, восхваляй языком, говори: «Господи Иисусе Христе, помилуй меня». Также: «Господи Иисусе Христе, помоги мне». Также: «Славословлю Тебя, Господь мой Иисус Христос» (82, 30).

И ночью и днем да обращается в устах твоих имя Иисуса, и будь осолён духовной солью. Если кто из новоначальных начнет говорить с тобою и спросит о чем-либо, относящемся к душевной пользе, — будь подобен глухому и немому. Преподобный АНТОНИЙ Великий (82, 18).

Возлюбив подвиг молитвы, возлюби молчание, оно сохраняет силы души неразьединенными, способными к постоянной молитве во внутренней клетке (108, 156).

Истинное безмолвие состоит в усвоившейся сердцу Иисусовой молитве, и некоторые из святых отцов совершали подвиг сердечного безмолвия и затвора, окруженные человеческой молвой. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (108, 226).

Подвиг безмолвия превосходит внешние попечения и несовместим с ними

Если милостыня, или любовь, или сердечное сочувствие, или что-либо другое, что ты считаешь сделанным для Бога, препятствует твоему безмолвию, обращает око твое на мир, ввергает в беспокойство, помрачает памятование о Боге, прерывает твои молитвы, приводит в смятение и беспорядок помыслы и ты перестаешь заниматься божественным чтением, оставляешь это оружие, избавляющее от парения ума, ослабляет осторожность твою, и ты, до тех пор связанный, начинаешь чувствовать себя свободным и возвращаешься из уединения в общество людей, пробуждает в тебе погребенные страсти, освобождает чувства от воздержания, воскрешает для мира тебя, умершего миру, низводит тебя от ангельского делания, о котором у тебя единственная забота, и уподобляет мирянам, то да погибнет такая правда! Ибо выполнять обязанность любви, доставляя успокоение телесное, есть дело мирских людей, а если и монахов, то недостаточных, не пребывающих в безмолвии, или таких, у которых безмолвие соединено с единоклассным общежитием, которые непрестанно и входят, и выходят, — для таких это есть дело прекрасное и достойное удивления.

А тем, которые действительно избрали для себя отшельничество от мира и телом и умом, чтобы установить мысли свои в уединенной молитве, в омертвлении для всего преходящего, для зренья всего мирского и для памяти о нем, — таким подобает служить не чем-либо телесным и правдой дел явных (чтобы ими оправдаться перед Христом), но, по словам апостола, умерщвлении-

ем земных членов своих (Кол. 3, 5) приносить Христу чистую и непорочную жертву помыслов, возделывая самих себя, и телесную скорбь в терпении опасностей, ради будущего упования. Ибо иноческое житие равночестно ангельскому. И неприлично нам, оставив небесное делание, держаться житейского (55, 61—62).

Однажды старец укорил одного брата за то, что он не подал милостыню, а он свободно и смело отвечал: «Монахам не вменяется в обязанность подавать милостыню». Но укоривший возразил: «Совершенно очевидно, кому не вменяется в обязанность подавать милостыню: тому, кто с открытым лицом может сказать Христу: «вот, мы оставили все и последовали за Тобою» (Мф. 19, 27), то есть кто ничего не имеет на земле, не занимается телесным, не помышляет ни о чем видимом, не заботится о каком-либо приобретении. Такой, если кто и дает ему что-нибудь, берет только необходимое, а то, что сверх потребности, ставит ни во что и живет как птица. Такому не поставлено в обязанность подавать милостыню. Ибо как он может давать другому то, чего у него нет? Но кто развлекается делами житейскими, работает собственными руками и сам берет у других, тот тем более обязан подавать милостыню. А если он не радеет о милостыне, это немилосердие есть противление Господней заповеди. Ибо если кто не приближается к Богу втайне, не умеет служить Ему духом, но не заботится и о делах явных, которые для него возможны, то какая остается у **него** надежда приобрести себе Жизнь? Такой человек неразумен».

Другой старец сказал: «Удивляюсь тем, которые нарушают безмолвие, чтобы других успокоить в телесном». И еще он говорил: «Не надо к делу безмолвия примешивать других попечений — **да** будет все хорошо на своем месте, чтобы поведение наше не имело пятен. Ибо кто имеет попечение о многих, тот раб многих. А кто оставил все и заботится о благоустройстве души своей, тот друг Божий. Смотри, и в мире много подающих милостыню и во имя любви к ближним помогающих **им** в телесных нуждах, а делатели всеобщего и прекрасного безмолвия, занятые богомыслием, очень редки. И кто из подающих в мире милостыню или соблюдающих правду в том, что касается тела, мог достичь хоть одного из дарований, каких устаиваются пребывающие в безмолвии?» И еще он сказал: «Если ты мирянин, то занимайся мирскими благами. А если ты инок, то украшайся делами, какими отличаются иноки. Если же ты намерен заниматься тем и другим, то утратишь и то и другое. Дела же инока следующие: свобода от телесного, телесный труд в молитвах и непрестанное сердечное памятование о Боге. Суди сам, можно ли тебе без этих дел довольствоваться мирскими добродетелями!»

Но не может ли инок, страждущий в безмолвии, приобрести два рода занятий, то есть помышлять о Боге и иметь в сердце другую заботу?

Думаю, что намеревающийся проводить время в безмолвии, когда оставит все и будет заботиться только о своей душе, не сможет без недостатка управиться в деле безмолвия, даже если оставит все житейские попечения, а тем более, если будет

заботиться о другом. Господь поставил Себе в мире работающих Ему и заботящихся о чадах Его, и избрал Себе таких, которые служили бы Ему одному. Ибо не только у земных царей слуги имеют различие в чинах и славнее те, которые всегда стоят перед лицом царя и участвуют в его тайнах, чем те, которые занимаются внешними делами. То же самое можно видеть и у Царя Небесного. Какое дерзновение обрели те, которых постоянное пребывание в молитве сделало собеседниками и таинниками Его, какого удостаиваются они богатства и небесного, и земного и в какой мере они проявляют власть свою над всякой тварью! И насколько все это выше того, что обрели служащие Богу своим именем и житейскими благами и угождающие Ему добрыми делами, хотя и это весьма важно и прекрасно. Поэтому мы должны брать за образец не последних, еще недостаточных в делах Божиих, но тех подвижников и святых ратоборцев, которые прекрасно совершили свое житие, оставили все житейское и возделали на земле Царство Небесное, однажды и навсегда отвергли земное и простерли руки ко вратам небесным.

Чем благоугодили Богу древние святые, проложившие нам путь этого жития? Святый Иоанн Фивейский, это сокровище добродетелей, этот источник пророчества, тем ли благоугодил Богу, что в телесных нуждах упокоевал **братий** в своем затворе, или молитвой и безмолвием? Не спорю, что и первым способом многие благоугождали Богу, но угодили менее угодивших молитвой и оставлением всего. Ибо от живущих в безмолвии и искусных в нем есть некая явная помощь их братьям. Полагаю, что при необходимости они помогают словом или приносят о нас молитвы. А если, кроме того, память или заботы ради кого-либо о житейском и спят в сердце **безмолвствующих** — это не дело духовной мудрости. Ибо не безмолвствующим, но живущим вне безмолвия сказано: «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф. 22, 21), то есть каждому свое, что **ближнего** — ближнему, что **Божие** — Богу. Тем, которые живут в ангельском чине, то есть имеют попечение о душе, не заповедано благоугождать Богу чем-либо житейским, то есть заботиться о рукоделии или брать у одного и подавать другому. Поэтому инок не должен иметь попечение ни о чем таком, что колеблет и низводит его ум от предстояния лицу Божию.

Если же кто, возражая, упомянет о божественном апостоле Павле, что он работал собственными руками и подавал милостыню, то скажем ему, что один Павел и мог делать все; мы же не знаем, есть ли другой Павел, подобно ему, способный на все. Покажи мне другого такого **Павла** — и поверю тебе. Притом того, что бывает по особому Божию усмотрению, не выставляя как общий пример. Ибо **одно** — дело благовествования, и **иное** — деятельность безмолвия. Ты же, если намерен держаться безмолвия, будь подобен Херувимам, которые не заботятся ни о чем житейском. И не думай, что кроме тебя и Бога есть кто-нибудь другой на земле, о ком тебе нужно заботиться, как ты научен бывшими прежде тебя отцами. Если кто не ожесточит собственного сердца и не будет с умилением удерживать своего милосердия,

чтобы стать далеким от попечения обо всем дольном, как ради Бога, так и ради чего-либо житейского, и не станет пребывать в одной молитве в определенные на то времена, то не может он быть свободным от смущения и заботы и пребывать в безмолвии.

Поэтому, когда придет тебе мысль позаботиться о чем-либо под предлогом добродетели и тем ты возмутишь тишину, какая у тебя в сердце, скажи той мысли: «Прекрасен путь любви, прекрасно дело милосердия ради Бога, но я ради Бога же не хочу этого». «Остановись, **отец**,—сказал один **монах**,—я ради Бога спешу за тобой». А тот отвечал: «И я ради Бога бегу от тебя». Авва Арсений ради Бога ни с кем не беседовал ни о пользе душевной, ни о чем ином. Другой старец ради Бога весь день говорил и принимал всех приходящих странников; Арсений же вместо этого избрал молчание и безмолвие и по этой причине беседовал с Божественным Духом посреди моря настоящей жизни и в величайшей тишине переплыл его на корабле безмолвия, как ясно видели это подвижники, вопросившие об этом Бога. И вот закон безмолвия: умолкнуть для всего. А если и в безмолвии окажешься исполненным смятения и будешь смущать тело рукоделиями, а душу заботой о ком-нибудь, то суди сам, какое возможно безмолвие, если ты заботаешься о многом, чтобы тем угодить **Богу**? Ибо стыдно и сказать, что без оставления всего, без удаления от всякой заботы можно преуспеть в безмолвном житии. Преподобный Исаак **Сирин** (55, 63—66).

Когда, пребывая в безмолвии, ты обратишься к рукоделию, то не возомни, чтобы заповедь отцов могла служить покрывалом твоего сребролюбия. Рукоделие твое да будет малое, только ради того, чтобы не впасть в уныние, не смущающее ума. Если же ты желаешь заняться рукоделием в большем размере для милости, то знай, что молитва в порядке добродетелей выше милости. Если же для потребностей тела твоего, то достаточно того, что Бог посылает тебе Промыслом Своим. Ибо Бог никогда не допускал, чтобы работающие Ему имели недостаток в преходящем. «Ищите **же**,—сказал **Господь**,—прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6, 33) прежде прошения Вашего. Некто из святых сказал, что правило жительства твоего не состоит в том, чтобы ты насыщал алчущих и чтобы келлия твоя была странноприимным домом, потому что **это**—жительство мирских, они должны делать эти добрые дела, а не отшельники, свободные от видимых попечений и хранящие ум свой в молитве. Преподобный Исаак **Сирин** (82, 270).

Многие, живя в горе и занимаясь делами мира сего, погибли. Лучше жить в обществе человеческом и безмолвствовать по духу, чем быть отшельником при мирском расположении духа. Изречения безымянных старцев (82, 372).

Если любишь безмолвие, не примешивай себя к тем, сердце которых всецело устремлено к суетности. Если случится нечаянно быть с ними, будь как чуждый им. Преподобный **Антоний Великий** (82, 27).

Один монах сказал авве Арсению: «Помыслы беспокоят меня, говоря: ты не можешь выносить ни поста, ни подвигов, посещай, по крайней мере, больных, потому что это дело любви». Старец, поняв, что помыслы насеяны бесами, сказал ему: «Иди, ешь, пей, ничего не делай, только не оставляй келейного безмолвия». Старец сказал так, зная, что келейное безмолвие приведет монаха к должному жительству, если монах терпеливо пребудет в безмолвии. **Преподобный Арсений Великий (82, 49).**

Если враг будет внушать нам, чтобы мы оставили безмолвие, **то не** послушаем его, потому что никакой подвиг не может сравниться с пребыванием в безмолвии и посте. Пост и безмолвие, противоборствуя врагу, доставляют душевным очам остроту зрения. **Авва Дула (82, 107).**

Безмолвствовать по наружности, а мысленно вмешиваться в житейские ухищрения и **мятежи**—это омрачение и обращение прежних трудов в ничто, прокладывание страстям пути к победе. **Преподобный Исидор Пелусиот (50, 18).**

Безмолвнику необходимо по возможности совершенно уклоняться от вмешательства, даже вниманием ума и участием сердца, в дела мира сего и в чужие дела. **Авва Ор (82, 315).**

Любящий безмолвие пребывает неуязвленным стрелами врага. Смешивающийся же со многими непрестанно подвергается ранам. **Авва Даниил (82, 91).**

Авва Марк спросил авву Арсения: «Почему ты избегаешь людей?» Старец ответил: «Бог видит, что я люблю вас, но не могу быть вместе и с Богом, и с людьми... На Небе тысячи и миллиарды имеют одну волю, а у людей воли различны, поэтому я не могу оставить Бога и быть с людьми». **Древний Патерик (72, 26).**

ТРУДОЛЮБИЕ

Возлюби труд, и Бог скоро пошлет тебе спокойствие (82, 23).

Возлюби труд: он, в соединении с постом, молитвой и бдением, освободит тебя от всех скверн. Телесный труд доставляет сердцу чистоту; чистота сердца служит причиной того, что душа приносит плод. **Преподобный Антоний Великий (82, 31).**

Упражняйся в трудах и рукоделии, чтобы доставить нищему кусок хлеба, а себя предохранить от праздности. Праздность **есть** падение и смерть для души. **Преподобный авва Исаия (82, 203).**

Тебе приятна праздность, но горек конец ее. Ты изнеможешь, работая, но возвеселишься впоследствии (25, 186).

Не бойся труда и не говори: «Не изнемочь бы мне»; представляй лучше в уме, что все святые (трудами) и страданиями угождали Богу (25, 205).

Люби труды в это краткое время (жизни), чтобы покоиться вовеки (25, 518).

Неутомимо предавайся труду, чтобы избежать утомительности суетных трудов, потому что труды праведных произращают плод жизни, а труды грешников исполнены гибели (26, 104).

Будем трудолюбивыми, но в обыкновенных делах не более, чем в деле Божиим (26, 626).

Труды временной жизни приобретут вам великое дерзновение в жизни будущей... (27, 125).

Будьте чадами послушания в трудах, чтобы стать отцами в упокоении. **Преподобный Ефрем Сирин** (27, 261).

Труды молитвы и поста и прочих дел нужно переносить с великим удовольствием и благой надеждой. Цветы же и плоды трудов признавать действиями духа. **Преподобный Макарий Египетский** (33, 341).

Бог наложил на человека труд не для наказания и мучения, но для вразумления и научения его (36, 40).

Через занятие работой мы и дурные помыслы легко исторгнем из души и будем помогать нуждающимся и не станем стучать у дверей других, исполняя закон Христов, который говорит: «блаженнее давать, нежели принимать» (Деян. 20, 35). **Святитель Иоанн Златоуст** (37, 189).

Любящий Господа Иисуса Христа предается трудам подвижническим, постоянно прогоняя лень. **Авва Фалассий** (68, 330).

Деятельность — **необходимый** путь к бдительности над собой, и этот путь святые отцы предписывают всем, кто хочет научиться вниманию себе (108, 375).

От сильного тела требуется при молитве труд, без него сердце не сокрушится, молитва будет бессильной и неистинной (109, 162).

В поте лица добывается вещественный хлеб, при усиленном труде, душевном и телесном, сеется хлеб небесный, доставляющий Вечную Жизнь человеческому сердцу. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 271).

Братия, усмотрев, что Антоний Новый способен ко всякой работе, брали его с собой и, дав ему в руки лопату, заставляли копать землю. Удрученный трудом, омываемый непрестанно потом и слезами, он вздыхал и мысленно молился Богу: «Призри на страдание мое и на изнеможение мое и прости все грехи мои». По прошествии долгого времени он увидел во сне некоего мужа в великой славе. Муж этот держал весы: на левой стороне весов были положены все грехи Антония, сделанные им от юности, а на **правой** — все добродетели. Сперва обе чаши весов стояли на одной высоте, потом начала перетягивать левая, с грехами. Тогда славный муж, взяв лопату, которой копал Антоний, положил на правую чашу, и она перевесила тяжесть согрешений. А славный муж, взглянув на Антония, сказал: «**Вот!** Бог показал тебе значение трудов твоих и простил тебе все согрешения твои». **Отчник** (82, 77).

В скиту, в Лавре аввы Сисоя, жил один слепой старец. **Келлия** его находилась в полумиле от колодца, и он не позволял, чтобы кто-нибудь другой приносил ему воду. Он сплел себе веревку, один конец привязал у колодца, а другой у своей келлии, веревка же лежала на земле. Отправляясь за водой, он шел по веревке. Если поднимавшийся от ветра песок засыпал веревку, старец брал ее рукой, стряхивал песок и снова клал на землю. Однажды брат просил старца позволить приносить ему

воду. Старец отвечал: «Как, брат? Я уже двадцать два года ношу себе таким образом воду, и ты хочешь отнять у меня мой труд?» (75, 200).

В келлиях Хузива жил один старец. Он выходил на дорогу, ведущую от священного Иордана к Святому городу, взяв с собою хлеба и воды. Замечал ли уставшего **путника**—брал его ношу и провожал до святой горы Елеонской. Возвращаясь обратно по той же дороге, он нес тяжести других людей от Иерихона. Можно было видеть иногда то как старец обливается потом под большой ношей, то как несет на плечах одного или двоих детей. Иногда он чинил износившуюся обувь, для чего брал с собою необходимые инструменты. Одних поил водой, которую носил при себе, других кормил хлебом. Так он трудился целыми днями. Случалось ли ему находить мертвого по **дороге**—он совершал над ним чин погребения и хоронил. Луг духовный (75, **29—30**).

ПОКАЯНИЕ

«И смирится народ Мой, который именуется именем Моим, и будут молиться, и взыщут лица Моего, и обратятся от худых путей своих .. Я услышу с неба и прощу грехи их и исцелю землю их» (2 Пар. 7, 14).

«Иди и провозгласи слова сии к северу, и скажи: возвратись, отступница, дочь Израилева, говорит Господь. Я не изолью на вас гнева Моего; ибо я милостив, говорит Господь,—не вечно буду негодовать. Признай только вину твою... Возвратитесь, дети-отступники, говорит Господь, потому что Я сочетался с вами, и возьму вас по одному из города, по два из племени, и приведу вас на Сион» (Иер. 3, 12—14).

«Итак скажи мужам Иуды и жителям Иерусалима: так говорит Господь: вот, Я готовлю вам зло и замышляю против вас; итак, обратитесь каждый от злого пути своего и исправьте пути ваши и поступки ваши» (Иер. 18, 11).

«Испытаем и исследуем пути свои, и обратимся к Господу. Вознесем сердце наше и руки к Богу, сущему на небесах: мы отпали и упорствовали» (Плач. 3, 40—42).

«Посему скажи дому Израилеву: так говорит Господь Бог: обратитесь и отвратитесь от идолов ваших, и от всех мерзостей ваших отвратите лице ваше» (Иез. 14, 6).

«Посему Я буду судить Вас, дом Израилев, каждого по путям его, говорит Господь Бог; покайтесь и обратитесь от всех преступлений ваших, чтобы нечестие не было вам преткновением» (Иез. 18, 30).

«Обратись, Израиль, к Господу Богу твоему; ибо ты упал от нечестия твоего» (Ос. 14, 2).

«Не будьте такими, как отцы ваши, к которым взывали прежде бывшие пророки, говоря: «Так говорит Господь Саваоф: обратитесь от злых путей ваших и от злых дел ваших»; но они не слушались и не внимали Мне, говорит Господь» (Зах. 1, 4).

«С того времени Иисус начал проповедывать и говорить: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4, 17).

«Пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы? Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф. 9, 13).

«Явился Иоанн, крестя в пустыне и проповедуя крещение покаяния для прощения грехов» (Мк. 1, 4).

«Приблизилось Царствие **Божие**: покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мк. 1, 15).

«Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святаго. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин. 20, 21—23).

«Итак вспомни, откуда ты ниспал, и покайся, и твори прежние дела; а если не так, скоро приду к тебе, и сдвину свечильник твой с места его, если не покаешься» (**Апок.** 2, 5).

«Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю. Итак будь ревностен и покайся» (**Апок.** 3, 19).

«Петр же сказал им: покайтесь, и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа для прощения грехов; и получите дар Святаго Духа» (Деян. 2, 38).

«Итак покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грехи ваши» (Деян. 3, 19).

«Итак покайся в сем грехе твоём, и молись Богу: может быть, отпустится тебе помысел сердца твоего» (Деян. 8, 22).

«Оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться» (Деян. 17, 30).

«Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды» (1 Ин. 1, 9).

«Не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то **медлением**; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию» (2 Пет. 3, 9).

«Печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а печаль мирская производит смерть» (2 Кор. 7, 10).

Начало **покаяния** — **осуждение** своих грехов

Начало **спасения** — **самоукорение**. **Авва Евагрий** (82, 114).

Когда раб возложит укоризну на себя (обвинит себя) и скажет: я согрешил, немедленно господин милует его. **Авва Моисей** (82, 314).

Если уничижишь себя, то найдешь покой, потому что укоряющий себя сохраняет терпение во всех случаях. **Преподобный Пимен Великий** (82, 335).

Брат спросил старца: «Отчего мое сердце жестоко, и я не боюсь Господа?» Старец отвечал: «Думаю, если человек будет содержать в сердце самоукорение, он стяжет страх Божий». Брат спросил: «Что значит самоукорение?» Старец сказал: «Самоукорение состоит в том, чтобы человек всегда укорял свою душу, говоря ей: «Помни, что тебе подобает предстать Богу» (82, 372).

Приучи мало-помалу сердце свое говорить о каждом брате: «Поистине он лучше меня». Таким образом, мало-помалу приучишься считать себя грешнее всех людей. Тогда Святой Дух, вселившись в тебя, начнет жить с тобою. Если же укоришь человека, то отойдет от тебя благодать Божия и дастся тебе дух

во осквернение плоти, ожесточится сердце твое, удалится умиление и ни одному из духовных благ не будет места в тебе (82, 374).

Старец отвечал на вопрос, почему нас так беспокоят бесы: «Потому что мы отвергли оружие наше: самоукорение, смирение, нищету и терпение». **Изречения** безымянных старцев (82, 397).

Начало **покаяния** — осуждение грехов. Осуди и ты свои грехи; этого достаточно для Господа к твоему оправданию, потому что осудивший свои грехи не так скоро решится опять впасть в них. **Святитель Иоанн Златоуст** (36, 395).

Покаяние воскрешает от греховной смерти

Покаяние — это древо жизни, потому что воскрешает многих умерших грехами (27, 154).

Время покаяния коротко, Царствию же Небесному нет конца (25, 71).

Прекрасный и богоугодный **праздник** — **покаяние** со слезами. Это праздник, на котором соприздает Господь (27, 23).

Если бы не было покаяния, давно бы погиб род человеческий (27, 159).

Никто, желая получить, чего не имел, не губит того, что имеет. Как же Богу и Отцу уступить обладание теми, которых стяжал Кровию Сына Своего? Никто не расточает охотно того, что собрал с трудом. Как же Богу без сожаления отвергнуть тех, кого Он приобрел из язычников апостольскими трудами? Неужели напрасно предопределил Он пришествие Сына Своего, или хочет уничтожить Домостроительство смерти Его, или нимало не почтил славы Воскресения Его, так что легко отвратился от нас, спасаемых этими таинствами? Он послал Духа Святого и освятил Церковь. **Мы** — стадо Его, и **Он** — наш Пастырь, и ныне, как и в раю, Он дал Покаяние, как очистительную воду. Если в чем согрешим, им омыаемся. Если в чем **согрешили** — им омывшись, делаемся чистыми (27, 161).

Покаяние есть жертвенник Божий, потому что согрешившие умилоствуют покаянием Бога. Покаяние не составляет убытка для приносящего его, чтобы разумели, какое расстояние между Законом и Евангелием. Под Законом иные нередко отказывались объявить грехи свои, не желая издержек, и скудость в принесении жертв служила покровом пороку. Христос устранил это, даровав Покаяние, этот безубыточный жертвенник (27, 162).

В церкви и кающиеся грешники делаются иереями, потому что самих себя приносят в жертву Богу. О, как действенна благодать Покаяния!

Покаяние есть Божия трапеза, потому что через него вкушает Бог спасение человеческое. Покаяние есть чудный хлеб Божий! Бог вкушает в нем исповедание совести: Он пьет в Покаянии слезы умиления, в нем наслаждается **благоуханием** — **искренним** чувством сокрушения, потому что оно для Бога, как благоухающее вино. Вот многообразные брашна **Божии**: воздержание, пост, бдение, принесенная молитва, покорность со смирением, ибо это угоднее Богу всех других жертв (27, 164).

Покаяние — праздник для Бога, потому что и Небо призывает на пир. Ангелы радуются, когда покаяние приглашает их на вечерю.

Все небесные чины пиршествуют, побуждаемые покаянием к радости (27, 167).

Покаяние приносит в жертву согрешивших и опять оживотворяет их, умерщвляет, но и воскрешает из мертвых. Как же это? Слушай: берет оно грешных и делает нас праведными. Вчера они были мертвы, сегодня живы для Бога Покаянием; вчера были чужие, а сегодня свои Богу; вчера незаконные, а сегодня святые (27, 167).

Велико покаяние на земле, потому что душам служит лестницей к восхождению туда, откуда они свержены грехом. Оно восстанавливает естество и возвращает ему его собственное достоинство (27, 181).

Но если, услаждаясь грехом, будешь коснеть в нем, то покаяние отвратится от тебя, потому что ты знал, как оно хорошо, и предпочел ему грех (27, 207).

Бог радуется (покаянию людей), как силе Своего творчества, потому что кого грех пытается погубить, тех покаяние воссозидает к Божией славе (27, 754).

Если ты грешник и ежедневно станешь созидать и разорять, и тогда Бог не погнушается принять твою молитву, когда ты начнешь зывать к Нему (28, 154).

Блажен, кто исправил себя покаянием и жизнью своею умиловил Господа. Если переселится он в ту страну, то упокоится в Царстве, пристани святых, избавится от Суда и страшных, ужасающих мучений, какие ожидают сатану, осуждение которого бесконечно. Блажен, кто и не услышит об этом (28, 258).

Пока не пришла смерть, пока не заключены двери, не отнята возможность войти, пока не напал на вселенную ужас, пока не померк свет... проси, грешник, милосердия у Господа (28, 310).

Если ты, грешник, будешь плакать и сокрушаться о своих грехах и с верой умолять Господа, Он оставит тебе беззакония твои, и изольются на тебя щедроты Его, потому что жаждет и желает Он твоего обращения (29, 69).

Слушайте и содрогнитесь: хотя море благодати исполнено щедрот, но если человек не приносит покаяния, он не получит милости в день Суда (29, 238).

Все рожденные могут достигать покаяния, поэтому кто не может раскаиваться, тому лучше было бы не родиться (32, 146).

О, как велика сила покаяния: оно умиловливает Бога, уже изрекшего приговор. С кротостью приступает к Нему, напоминает воззреть на свою благодать, и приговор изменяется на прощение. О, как велика сила покаяния: оно склоняет Бога исправить нерадение [людей], когда грех овладел уже человеческим родом! Покаяние встречает Ангелов гнева и преодолевает их, чтобы не увлекли к гибели; удерживает мечи, удерживает серпы, чтобы не пожинали рода человеческого. Ангелы-мстители, видя его, прихо-

дят в изумление, и покаяние говорит им: «Под защиту свою беру преступников Закона, ручаюсь за род человеческий, даю Владыке обеспечение за людей. Для чего пришли вы переменять мои условия? Имею определенный срок. У меня заключен с Богом договор, когда представить Ему необратившихся. Для чего пришли вы противиться моим правам? Могу призвать на вас суд. У меня есть много свидетелей, которые убедят моего Владыку. Есть у меня доказательства, по которым **могу** получить отсрочку для представления человечества Богу». Итак, отводит оно Ангелов Богу, начинает ходатайствовать за человечество и в защиту говорит: «Знаешь, Владыко, созданного Тобою человека, знаешь, что сотворен он из персти, что естество его слабо, что крепость его легко сокрушима. Если (отнять у него сон), не останется в живых, если не поест, в опасности его жизнь. Зимой замерзает, летом опалается зноем, вечером не видит, ночью не смеет ходить; если походит, изнемогает; если остается в бездействии, дремлет; если сидит, ему скучно; если станет говорить, утомляется; если его принуждать, ему трудно; если долго постоит, устанет. И Ты, Владыко, хочешь, чтобы такая немощь скоро восторжествовала над грехом!? Много у человека помыслов, непостоянных дум в душе, сомнительных действий, неправильных дел; внешнее ему препятствует; сокровенное поражает неожиданностью; стоять против козней он не готов; для отражения того, что его тревожит, скуден умом; против умышляющих зло немощен душою; он погружен в заботы о теле, пропитании жены и детей. И Ты, Владыко, хочешь, чтобы такое существо скоро восторжествовало над грехом!? Что же, о Владыко, он в силах сделать против диавола? Велика сила змия, глубоко его оболщание; **грех**, по причине его привлекательности, распростерся широко; страсти, после вкушения, стали близкими по телу; грех тревожит плоть похотью; склонность к суетной славе владеет его душой: лукавство увлекает ум. Что же в состоянии сделать этот жалкий против такого множества противников? Помилуй, Владыко, пощади Свое создание, умиласердись к праху, который Ты захотел прославить; удержи угрозу, останови скорое наказание, останови смертный приговор ради меня, покаяния. Я, ходатай за человечество, беру его на свою ответственность и постараюсь привести к Тебе, насколько это позволит природа (человеческая)». И Бог уступил покаянию, склонился на прошение, согласился всегда иметь снисхождение к человеческому роду, определил, чтобы покаяние предводительствовало немощным естеством, и дал ему власть над немощью человеческой; определил срок Суда и повелел покаянию не преступать своих пределов в день Суда, не изъявлять желания продолжить свою власть, а скорее, стать обвинителем, если человек пренебрегал столь долгим терпением; не просить милости, чтобы срок был отложен, но с негодованием приступить к отмщению. И покаяние соглашается на эти повеления и умиротворяет Ангелов. Бог прекратил угрозы, и ниневитяне спасены. Покаяние ходатайствовало, и городу возвращено благоденствие. Под городом подразумевается вся вселенная и под ниневитянами — все человечество. Пощада Ниневии распространилась на

всех. Христос воскрес, и человечеству благовествуется Воскресение. **Преподобный Ефрем Сирин (27, 178).**

Каждый должен заботиться о своих душевных недугах! Каждый должен оплакивать свои грехи, не осуждая ближнего! Если бы мое греховное, несчастное состояние было постоянно перед моими взорами, я не обращал бы внимания на преткновения брата моего (82, 140).

Если воспоминание о сделанных грехах не будет постоянно обладать сердцем и не отвратит взоров ума от всего принадлежащего миру, то человек не сможет избавиться от насилия усвоенных им страстей, не сможет воздержаться от грехов, к которым привык, не сможет отвлечь помысл свой от осуждения созданий Божиих (82, 220—221).

Приносящие истинное покаяние не занимают уже осуждением ближних, они занимаются оплакиванием своих грехов (82, 221).

Блаженны те, которые не возложили упования на свои дела, которые уразумели величие Божие и сподобились исполнять в точности волю Божию. Познав свою немощь, они сосредоточивают все свои подвиги в печаль покаяния: они оплакивают себя, оставив суетную и греховную заботу обо всем, совершающемся в мире, который, как создание Божие, подлежит Суду Единого Бога (82, 223).

Блаженны те очи, которые человек по причине смиренномудрия не дерзает возвести к Богу! Блаженны иноки, старающиеся излечить раны свои в духовном разуме, стяжавшие познание своих грехов, омывающие их слезами и просящие прощения у Бога (82, 223—224).

Кто оправдывает себя, тот отчуждает себя от покаяния (82, 236).

Кто осуждает грешников, тот изгоняет из себя покаяние. **Преподобный авва Исаия (82, 236).**

Что может грех там, где покаяние? Какая может быть любовь там, где гордыня? **Иоанн, игумен в Раифе (82, 297).**

Когда кто падает, да не забывает он о любви Отца своего; но если случится ему впасть и в многие согрешения, да не перестает радеть о добре, да не останавливается в своем стремлении, но, и побеждаемый, снова да восстанет на борьбу со своими противниками, и ежедневно начинает полагать основания разрушенному зданию, до самого исхода своего из мира сего, имея в устах пророческое слово: «Не радуйся ради меня, неприятельница моя! хотя я упал, но встану; хотя я во мраке, но Господь свет для меня» (Мих. 7, 8). Пусть он не прекращает брани до самой смерти и, пока есть в нем дыхание, не предаёт души своей на одоление, даже и во время самого поражения. Но если и каждый день разбивается ладья его и терпит крушение весь груз, пусть не перестает заботиться, запастись, даже брать займы, переходить на другие корабли и плыть с упованием, пока Господь, призрев на подвиг его и умилосердившись над сокрушением его, не ниспошлет ему милость Свою и не даст ему сильных побуждений

встретить и вытерпеть раскаленные стрелы врага. Такова премудрость, подаваемая от Бога; таков мудрый больной, не теряющий надежды.

Брат, не нужно отчаиваться. Кормчий, когда корабль его бьют волны, не отчаивается в спасении, но управляет кораблем, пока не приведет его в пристань; так и **ты — видя**, что увлекся и рассеялся в деле, воззови себя к началу пути... Если кто падет, то пусть опять постарается управить себя. Я верую Богу, что такому человеку не обратится это (случайное повторение падений) в навык и не овладеет им нерадение, но Бог вскоре приведет его в состояние усердных делателей и не возьмет души его до тех пор, пока не приведет его в меру высокую, «в мужа совершенного» (Еф. 4, 13). Итак, не ослабевай, но пока есть время, делай, **и — поможет тебе Бог! (113, 558).**

Покаяние рождается от веры в праведного Воздаятеля и возбуждается страхом неминуемого Суда Божия и заслуженных мук. Грешник ужасается страшной участи, уготованной нераскаянным, и решается обратиться от области сатанинской к Богу, Отцу Своему. **Преподобный Исаак Сирин (113, 557).**

Не приходи в удивление, что ежедневно падаешь, не отступай, но стой мужественно, и Ангел Хранитель твой, без сомнения, вознаградит тебя за терпение **(113, 558).**

Нам, которые впали в ров беззакония, невозможно быть извлеченными из него, если не погрузимся в бездну смирения кающихся **(113, 558).**

До падения нашего демоны представляют нам Бога человеколюбивым, а по падении — неумолимым. **Преподобный Иоанн Лествичник (113, 558).**

Кто льстит согрешающему, обласкивает его, тот только более располагает его ко греху и не подавляет преступлений, а питает их. Но кто строгими советами изобличает и вместе наставляет брата, тот содействует его спасению. «Кого Я люблю, — говорит Господь, — тех обличаю и наказываю» (Апок. 3, 19). Так надлежит и священнику Божию не обманывать лживыми утешениями, но промыслять о спасительных лекарствах. Неискусен тот врач, который слегка только ощупывает рану; сохраняя заключенный внутри, в глубине, яд, он только увеличивает его силу. Надо вскрыть рану, рассечь и, очистив от гноя, приложить к ней сильнейший пластырь. Пусть больной плачет, пусть кричит, пусть жалуется на нестерпимую боль, — он будет благодарить потом, когда почувствует себя здоровым. Святитель Киприан Карфагенский (113, 554).

Всякий, кто с покаянием и молением просит, в надлежащее время снова примет силу свыше и сможет получить бесстрастие. **Преподобный Нил Синайский (49, 223).**

Никогда Бог не отвергает искреннего раскаяния, но даже если бы кто дошел до самой крайней порочности, а потом решил опять возвратиться на путь добродетели, и того Он принимает, и приближает к Себе, и делает все, чтобы привести его в прежнее (и даже лучшее) состояние (35, 8).

Воспользуемся спасительным лечением покаяния, или лучше, получим от Бога врачующее нас покаяние, потому что не мы приносим Ему покаяние, а Он даровал его нам (36, 367).

Сатана извратил естественный порядок: греху он дал дерзость, а **покаянию — стыд** (36, 381).

Нет такого греха, который не изглаждался бы покаянием. Для того Иисус Христос и избрал (для примеров) крайние степени нечестия, чтобы никто при конце не мог чем-нибудь оправдать [свою нераскаянность] (37, 464).

Нет греха, как бы он ни был велик, побеждающего человеколюбие Божие, если мы в надлежащее время приносим покаяние и просим прощения (38, 173).

Если Бог увидит, что мы обратились к добродетели, и уклонились от греха, и ревнуем о совершении добрых дел, то примет наше обращение и, освободив от бремени грехов, подаст нам дары Свои (38, 239).

Пока ты еще дышишь, даже в последний день, на самой постели, даже при последнем издыхании, оставляя поприще этой жизни, и тогда покаяйся. Ограниченность времени не стесняет человеколюбия Божия (39, 652).

Кто сознает и исповедует грех и, поколебавшись, не предается беспечности и отчаянию, но восчувствует грех, тот сразу же заметит даруемую Богом помощь и помилование (39, 919).

Прибегай к Богу с покаянием и слезами. Покаяйся и не сомневайся; покаяйся и не унывай более, не отчаивайся в своем спасении. На Небе радость, когда ты каешься, а ты медлишь! Ради тебя пришел Врач душ, а ты скрываешь рану (42, 713).

Через грех диавол низводит нас в геенну, через покаяние Христос вводит нас в Царство Небесное (43, 898).

Остановим же бурный натиск греха якорем покаяния, чтобы непрерывный ветер вожелений не заставил нас претерпеть крушение (43, 900).

Покаяние помогает нам достичь Царства Небесного, войти в рай, насладиться вечным веселием; **покаяние** — мать спасения; ниспровержение диавола, уничтожение пороков; покаяние разрешает узы грехов, спасает отчаявшиеся души, просвещает помраченных, обращает к Богу отверженных, призывает заблудших; **покаяние** — отрада и утешение всех отчаявшихся (43, 917).

Покаяние восстанавливает падшую душу, делает ее из отчужденной — **дружественной** Богу; покаяние ободряет душу истерзанную, укрепляет колеблющуюся, исцеляет сокрушенную, делает здоровой уязвленную (43, 917).

О покаяние! Ты восходишь от земли на Небо, превышаешь силы ангельские, приближаешь через посредство Духа Божия к престолу Господню, становишься собеседником Бога, ты из сокровищ Божиих, как бы из своих собственных, получаешь жизнь и с дерзновением даруешь ее тем, которые обладают тобою (43, 983).

Покаяние поднимает душу, преисполненную им, в беспредельную высоту, очищает в источнике слез ее греховную старость и облекает ее новизною Духа (43, 984).

Сокрушенно воздыхая из глубины сердца, покаяние умиляет Бога, а источая из глаз слезы умиления, оно просвещает оскверненные души (новым) крещением (43, 984).

Господь даровал врачевство покаяния, которое может уничтожить и изгладить все грехи наши, только если мы знаем, в чем состоит это врачевство и как им нужно пользоваться... Во-первых, оно состоит из сознания своих грехов и исповедания их. Во-вторых, из великого смиренномудрия... Если ты будешь исповедовать грехи как должно, то душа смирится, потому что совесть, терзая ее, делает смиренной. Со смиренномудрием должно соединяться... сокрушенное сердце. Сокрушенное сердце не возмущается, не оскорбляется, но всегда готово терпеть страдания, а само не восстает... После смиренномудрия нужны напряженные молитвы и обильные слезы днем и ночью. А после столь усиленных молитв нужно великое милосердие. Оно в особенности делает сильным врачевство покаяния (46, 92).

Если же ты не потрудишься этим прекраснейшим трудом покаяния, то в будущем мире, несомненно, испытасешь тяготу и мучительные трудности иным образом (46, 502).

Поэтому будем в грехах своих не людей стыдиться, но убоимся, как должно, Бога, Который и ныне видит наши дела, и в будущем веке накажет непокаявшихся. Кто ныне опасается стыда от людей только, а не стыдится делать что-либо непотребное перед всевидящим Богом, притом не хочет покаяться и исправиться, тот в будущий день Суда не перед одним или двумя людьми, а в виду всей вселенной будет выставлен на позор (113, 554).

Блудный сын представляет собой образ падших после Крещения... Он называется сыном, а сыном никто не может называться без Крещения. Он и жил в доме отеческом, и получил свою долю во всем отеческом имуществе, а прежде Крещения нельзя ни воспользоваться отеческим достоянием, ни получить наследство. Таким образом, все это указывает нам на сословие верных. Когда же блудный сын, уйдя в чужую сторону и познав на опыте, как губительно удаление из отеческого дома, возвратился, отец не злопамятовал, но принял его с распростертыми руками. Отчего же так? Оттого, что он был отец, а не судья. И вот уже ликования, и пиршества, и праздники, и светел и радостен стал весь дом!

Что **говоришь** — это ли плата за порок? Не за порок, человек, но за возвращение (в дом); не за грех, но за покаяние; не за плохие дела, но за исправление. И что еще больше: когда старший сын огорчился этим, отец и его ласково успокоил, говоря: «ты всегда со мною, и все мое твое, а... брат твой сей был мертв и ожил» (Лк. 15, 31—32). Когда, говорит, нужно спасти погибшего, то тут время не суда и строгого исследования, но только человеколюбия и прощения. Ни один врач, вместо того, чтобы дать лекарство больному, не подвергает его взысканиям и наказанию за беспорядочную жизнь... Итак, зная, что Бог не только не отвращается от обращающихся, но и принимает их не хуже добродетельных, не только не подвергает наказанию, но и Сам идет отыскивать заблудших и, найдя их, радуется (о них) более, чем о тех, которые были в безопасности, не будем ни отчаиваться о грехах, ни излишне надеяться на добрые дела (113, 559).

Спаситель, исцеляя расслабленного, сказал: «прощаются тебе грехи твои» (Лк. 5, 20). Отпущение грехов есть источник здоровья и спасения, награда покаяния; а покаяние есть лечение, уничтожающее грех. Оно дар небесный, чудесная сила, по благодати Божией побеждающая могущество и строгость законов. Оно не отвергает блудника, не гонит от себя любодеев, не отвращается от пьяницы, не гнушается идолопоклонниками, не пренебрегает

злоречивыми, не преследует ни хульника, ни гордеца; оно всех пересозидает, ибо оно есть горнило для очищения грехов.

Рана и лекарство—грех и покаяние. В ране гнилость—в лекарстве очищение от гнилости; во грехе смрад, во грехе бесчестие, во грехе посмеяние—в покаянии надежда, в покаянии свобода, в покаянии очищение греха.

Не говори мне: я много согрешил, как могу спастись? Ты не можешь, но Господь твой может, и так может, что истребит все согрешения твои. Слушай со вниманием слово мое: Господь твой так истребляет грехи, что не оставляет ни пятен от них, ни следа, но с возвращением здоровья дарует тебе благообразие, с освобождением от наказания сообщает праведность и согрешившего делает равным несогрешившему. Ибо Он уничтожает грех и делает так, что греха и нет, и не было—так всецело Он уничтожает его. Не остается ни пятен, ни следа, ни вида, ни признака грехов (если ты искренне каешься).

Итак, обратимся от пути, по которому мы блуждали, ибо придет час, когда кончится позорище света сего и не будет уже времени для подвигов. А когда наша жизнь пройдет, уже нельзя будет производить куплю; когда театр распущен, нельзя увенчаться. Настоящее время есть время покаяния, будущее—время Суда; это—время подвигов, то—время венцов; это—время труда, то—время успокоения; теперь—изнурительная деятельность, тогда—вознаграждение.

Встаньте, умоляю вас, встаньте и охотно послушайте моих советов. Жили мы по плоти, станем же, наконец, жить и по духу; жили в удовольствиях, решимся пожить и в добродетелях; жили в нерадении, проживем теперь и в покаянии. Чем гордишься, земля и пепел? Чем надмеваешься ты, о человек? Что высоко поднимаешь голову? Что надеешься на славу света, на богатство твое? Пойдем мы с тобою на могилы, прошу тебя, и посмотрим, что там за таинства, посмотрим: природа наша рассыпалась, кости обнажены, тела сгнили. Если ты мудрец, вникни; если разумный человек, скажи мне ради Бога: кто там царь и кто простолюдин, кто благородный и кто раб, кто мудрец и кто невежда? Где там красота юноши, где приятный взор, где миловидные очи, где изящный нос, где яркие губы, где красивые щеки, где светлое чело? Не все ли пепел? Не все ли прах? Не дым ли один остался? ...Помыслим об этом, братия, представим себе последний день и, пока есть время, обратимся от пути, на котором до сих пор блуждали.

Мы искуплены драгоценной Кровию (1 Пет. 1, 18, 19). Для тебя, человек, Бог явился на земле и не имел где приклонить голову. О чудо! Судия ведется на суд за осужденных; Жизнь приобщается смерти; Творец заушается от твари; Тот, на Кого не могут взирать Серафимы, терпит поругание от раба, вкушает желчь и уксус, прободается копием, полагается во гроб, а ты, человек, нерадишь, ты дремлешь и пренебрегаешь! Не знаешь ли, что, хотя бы ты пролил всю свою кровь, ты не исполнил бы должного? Ибо иная Кровь Господа, иная кровь раба. Предупреди исход души твоей покаянием и обращением, чтобы все врачевство

покаяния не осталось бесполезным для тебя, когда наступит смерть, ибо покаяние имеет силу только на земле, во аде оно бессильно.

Покаяние отверзает человеку Небо, вводит в рай, побеждает диавола. Грешен ты? Не отчаивайся. Каждый день согрешаешь, каждый день приноси покаяние. С обветшалыми домами мы поступаем так, что, когда в них есть гниль, мы гнилые части вынимаем и застраиваем новыми и никогда не перестаем заботиться о поддержании их. То же должны делать и в отношении себя самих: ты сегодня обветшал от **греха**? —обнови себя покаянием.

Можно ли, скажешь, покаявшемуся спастись? Совершенно **можно**.

«Я всю жизнь провел во грехе; если покаюсь, буду ли спасен?» Конечно. «Откуда это видно?» От человеколюбия Господа твоего. Разве я на твое покаяние надеюсь? Разве твое покаяние сильно уничтожить тяжкие пороки? Если бы одно твое покаяние было, то по справедливости ты должен бы трепетать, но с покаянием соединяется милосердие Божие, а милосердию Божию нет меры и словом невозможно истолковать благодать Его. Имеет меру злоба твоя, но врачевство против нее не имеет меры; злоба твоя, какова бы она ни была, есть злоба человеческая, а Божие милосердие неизреченно. Надейся же, что оно превысит твою злобу. Представь себе искру, упавшую в море: может ли она сохраниться или оттуда снова появиться? Что искра в отношении к морю, то и порок в отношении к человеколюбию Божию, да еще и не то же, а гораздо менее. Море, хотя и велико, но имеет пределы, а человеколюбие Божие беспредельно. Это говорю я не для того, чтобы сделать вас нерадивыми, но чтобы возбудить в вас живейшее усердие к покаянию. **Святитель Иоанн Златоуст (113, 547).**

Существует два вида грешников. Одни скоро обращаются к покаянию, снова падают и снова встают. Другие же не скоро и не легко встают после падения, хотя и желают покаяния. Здесь я пропускаю третьих **грешников**, которые совершенно отчаялись, окаменели своими сердцами и, оставив Бога, предалися врагу, а этим уже записали себя в гибельной книге осужденных в ад. Буду же говорить только о тех, которые уже каются или хотят покаяться.

Что нам думать о первых грешниках, которые часто падают и после каждого падения тотчас встают с сокрушенным сердцем и многими слезами? Где их написать? Записать их между всецелыми грешниками нельзя, ибо они имеют свою защиту в Божественном Писании, которым являются следующие слова, сказанные им: Сколько раз падешь, столько раз и **восстань** —и спасешься*. Если же для них спасение не потеряно, если они могут ожидать и надеяться на него, то, несомненно, их нужно приписать к лику святых и поместить между святыми. К какому же лику я припишу их? Припишу я их к лику праведных; припишу же не от своего помышления, но на основании Святого Писания. Дух Святой говорит: «семь раз упадет праведник...» Прочтем дальше и поймем то, что хотим понять: «семь раз упадет праведник, и встанет» (Притч. 24, 16).

Слова «и встанет» ясно показывают нам, почему праведник, падая, не губит своего праведничества: потому, оказывается, что встанет. Это

* Святитель Димитрий Ростовский приводит речение, которого нет в таком виде в Священном Писании; возможно, имеет в виду Притч. 24, 16; Мф. 18, 21, 22.— *Ред.*

подтверждает и блаженный **Иероним**, который говорит: «Праведник, согрешая, не губит своего имени праведника, ибо всегда скоро восстает покаянием».

Итак, если кто согрешил и сейчас же искренне покался, то не дерзай называть его грешником. Он — **праведник**, ибо встает тотчас после падения, встает с плачем и рыданием перед Богом, встает и снова изгоняет из своей души грех, как непотребного гостя. Об этом и святой Златоуст говорит: «Если грех придет к твоей душе, то да будет он гостем у тебя, а не жителем». Такой грешник, который после падения тотчас встает покаянием, уже не грешник, но праведник, если бы даже ему случилось и часто падать. На таком сбываются слова Давида: «когда он будет падать, не упадет, ибо Господь поддерживает его за руку» (**Пс.** 36, 24).

Да будем же и мы все скорыми в восстании от грехов и приписанными к праведникам!

О других грешниках, о тех, которые не скоро и не легко встают, что о них можно сказать? Прежде всего узнаем, кто такие эти грешники? Это те, которые подпали греховным привычкам, которые совершенно запутались в сетях плотских деяний и о которых апостол говорит: «Дела плоти известны; они суть: прелюбодеяние, блуд, нечистота...» и прочее (Гал. 5, 19). Запутавшиеся во всех этих плотских страхах и греховных sleaxтах не скоро восстанут, если даже имеют мысль и намерение покаяться, если даже говорят с Давидом: «О, если бы направлялись пути мои к соблюдению уставов Твоих!» (**Пс.** 118, 5). Уже привычка у них превратилась во вторую природу и даже необходимость; они уже могут сказать о себе: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но **живущий** во мне грех» (Рим. 7, 19—20). А то, как не скоро и не легко такие встанут, это можно видеть в примере Давида.

Знаете ли вы, как согрешил перед Богом Давид во дни своего царствования? Вспомните прекрасную Виравию и ее мужа Урию. Запутался Давид в плотской греховной сласти прелюбодеяния и уже так свыкся с ней, что не мог отказаться от нее. Снедаемый совестью о творимом грехе, помышляя о покаянии и вздыхая к Богу, он говорит: «Удали от меня путь лжи, и закон Твой даруй мне» (**Пс.** 118, 29).

...Этим он как бы дает нам понять следующее: уже я, Господи, не могу отстать от пути неправды, не могу изменить своего злого, греховного обычая, ставшего второй природой; лучше Ты Сам, Господи, не меня, но тот злой путь каким-либо образом отставь от меня и воздвигни меня к покаянию.

Что, если такой грешник, хотя и не скоро, но придет в чувство и с помощью Божией совершит истинное покаяние, если он, однажды сломав свой греховный обычай, повергнет и оплюет его и после того никогда не возвратится к нему, но весь исправится к тому, чтобы покаянием очистить себя от всякой скверны плоти и духа, и до самой кончины проживет в чистоте, приобретенной покаянием? Какого места в лике святых будет достоин такой грешник?

Пусть судит, кто как хочет; я не стыжусь поставить его в лике девственников и написать его с девствующими, ибо имею поддерживающего и наставляющего руку мою святого пророка Иеремию, в книге которого я читаю следующее: Избрал Себе Бог Израиля, как муж невесту в любовное сожитие (см. Иер. гл. 1—3). Однако Израиль, недолго прожив в единомыслии с Богом, развратился, прелюбодействовал и поклонился языческим богам. Бог же увещевает Израиль, и вместе с тем и всякого нынешнего грешника, такими словами: «у тебя был лоб блудницы, ты отбросила стыд. Не будешь ли ты отныне звать ко Мне: «Отец мой! Ты был путеводителем юности моей!» (Иер. 3, 3) (церк.-слав.

«вождь девства моего». — *Ред.*) Обратим внимание на то, что одно и то же грешное лицо называется и блудницей, и девицей: «у тебя был лоб блудницы...» — это блудница; «вождь девства моего» — это девица. Сначала блудница, потом девица. Почему это? А потому, что через истинное и долгое покаяние обновляется честность девства. Если желаете яснее познать это, то слушайте.

Знаете ли вы, кто ближе всех следует за Христом, Господом нашим? Ближе всех следуют за Христом или апостолы, или девственники. Сначала идут за Христом апостолы, которых Он призвал; далее идут позади Христа девственники, как их видел святой девственник Богослов, который говорит: «это те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он ни пошел» (Апок. 14, 4). Итак, позади Христа находится место апостольское и девственническое. Вспомним же здесь и грешницу в Евангелии, которая, «став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами» (Лк. 7, 38).

Святой и верховный апостол Петр! Горячий ревнитель Христов! Оттолкни от ног Христовых блудницу, оттолкни ее от того места, на котором стоите вы, последователи Христовы, оттолкни греховный смрад от Источника чистоты! Но не возбраняет ей святой Петр стоять на апостольском месте и прикасаться к ногам Христовым.

Святой Иоанн Богослов, девственник! Хотя бы ты прогнал блудницу с места для девственников, позади Христа; пусть не стоит скверная там, где стоят ноги девствующих! Но и святой Богослов уступает ей свое девственническое место.

Долго я удивлялся этому и недоумевал, почему грешнице позволено безбоязненно стоять на апостольском и девственническом месте, даже дерзновенно стоять и касаться ног Христовых, пока наконец не узнал причину этого от святого Златоуста, говорящего об этой женщине так: «Прежде была блудницей, а ныне она девица, сестра Христова, невеста Слову». Стой же, о жена, кающаяся истинно; стой дерзновенно на апостольском и девственническом месте, ибо ты после долгой нечистой жизни через внезапную твою перемену и истинное покаяние стала девицей, сестрой Христовой, невестой Слову.

Значит, и вы все, другие грешники, хотя и не скоро, однако искренне и бесповоротно обратившиеся к покаянию, значит, и вы, говорю я, будете в лике девствующих с самими святыми апостолами. Святитель Димитрий Ростовский (103, 352—356).

Истинное покаяние состоит в следующем.

Мы должны оставить прежние грехи и ими, как мерзостью, гнушаться;

об этих грехах сожалеть, просить милости у Бога, исповедоваться духовнику и всячески беречься других грехов;

прощать ближнему согрешения, чтобы нам самим Бог оставил их...

проявлять любовь и милость ко всем, чтобы самим получить **МИЛОСТЬ** — «блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5,7);

смирять себя, ибо смиряющий себя вознесется;

никого не осуждать, ни на кого не клеветать;

молиться Богу всегда, чтобы не впасть в искушение: «бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение» (Мф. 26, 41), говорит Христос (113, 555).

Видишь в святом Писании, что такое покаяние? Апостол Петр, отрекшись от Христа, «выйдя вон, плакал горько» (Мф. 26, 75) и так принят в первый лик апостольский. Блудница умывает слезами ноги Христовы, и волосами головы своей отирает их, и лобызает, и так слышит от Христа: «прощаются тебе грехи» (Лк. 7, 37—48). Ниневитяне,

облекшись во вретисе, что является знаком печали и сетования, и возопив к Богу, обратились от путей своих лукавых и от неправды в руках их... Блудный сын признает себя перед отцом своим недостойным называться сыном (104, 1420—1421).

«И Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши» (Ин. 8, 11), —говорит Христос женщине, взятой в прелюбодеянии. Мытаря, смирившегося и из глубины сердца возопившего: «Боже! будь милостив ко мне грешнику!» —оправдал Христос, и мытарь «пошел оправданным в дом свой» более, чем фарисей (Лк. 18, 13—14). О плачущей блуднице Он говорит: «прощаются грехи ее многие» (Лк. 7, 47). Разбойнику, покаявшемуся на кресте, говорит: «ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23, 43). Царя Давида, покаявшегося в грехах своих, простил, и когда Давид сказал: «согрешил я пред Господом» (2 Цар. 12, 13), Господь снял с него его грех. Манассию, беззаконноавшего и обратившегося, помиловал (2 Пар. 33, 13). После всего этого читай притчу о блудном сыне и рассуждай, как преблагой отец еще издал с радостью увидел его, и мил ему был возвратившийся сын... Так Бог, Отец Небесный, с любовью принимает кающегося грешника и Ангелам велит радоваться об обращении его. «Так, говорю вам, бывает радость у Ангелов Божиих и об одном грешнике кающемся» (Лк. 15, 10). Четии Минеи преисполнены «образами» покаявшихся грешников, получивших Божие милосердие (104, 1438—1439).

Дух Святой творит покаяние в душе через Свое святое слово (104, 1447).

Не может быть истинного покаяния без познания, ощущения и признания своей немощи, греха, бедности и окаянства. Все это познается и ощущается из Закона и законной клятвы (вины перед законом). Поэтому всякому, хотящему истинно каяться, нужно вникнуть в Закон и поставить свою совесть против Закона и рассмотреть, в чем закон ее обличает и стесняет; в такой стесненности, то есть чувствуя вину перед законом и гнев Божий против сделанных грехов, нужно верой прибегать ко Христу и искать милостивого избавления от гнева Божия и наказания, следующего за гневом (104, 1452).

Покаяние невозможно без искоренения самолюбия (104, 1452).

От истинного богопознания происходит истинное покаяние (104, 1454).

Познание святости Божией учит нас очищать себя «от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божиим» (2 Кор. 7, 1), если хотим иметь общение с Ним. Ибо осквернившиеся греховными пороками невозможно иметь общение с Ним —самой чистейшей святостью: «Бог есть свет (по учению апостола), и нет в Нем никакой тьмы» (1 Ин. 1, 5). Этим порождается истинное покаяние в грешнике, через которое он приходит к святейшему Богу и получает общение с Ним по вере, оправдание от греховных скверн и тщательное наставление в добродетельном христианском житии (104, 1454).

Размышление о смерти, о Христовом Суде, Небесном Царствии и вечной муке приводит к покаянию (104, 1460).

Кающийся должен быть христианином православной веры, поскольку покаяние вне истинной веры не может быть приятно Богу. Исповедание также должно происходить перед православным духовным отцом, ибо еретик и отступник не разрешит кающегося от грехов. Кающийся должен иметь сокрушение сердца и печаль о грехах, которыми прогневал Бога. Кающийся должен исповедать все грехи подробно и по одному. Исповедание должно быть смиренным, благоговейным, истинным, с обвинением

себя самого, а не другого. Кающийся должен иметь неперменное намерение не возвращаться к тем грехам, которые исповедал, и исправить свою жизнь. После исповеди пусть исполнит назначенную от духовника епитимию за грехи. Эта же епитимия должна быть разумна и умеренна, с учетом свойств кающегося, его звания, возраста, грехов, их причины и прочее. Печать этой тайны: духовник должен в себе хранить грехи, услышанные на исповеди, и не открывать их никому ни в каких случаях (104, 1427).

Посмотри, грешная душа, на образ Спасителя и Искупителя твоего и послушай, как Он зовет тебя к Себе, несмотря на то, что ты забыл Его: «Человек, создание Мое! **Я — Бог** твой, **Я — Царь** твой! Я сошел с Неба, чтобы тебя возвести на Небо; иди за Мною! Я пожил на земле, чтобы сделать тебя небесным жителем. Я не имел, где приклонить главы, чтобы тебя ввести в дом Отца Моего Небесного; иди за Мною! Я трудился, чтобы тебя ввести в вечный покой. Я обнищал, чтобы обогатить тебя. Я плакал, страдал, скорбел и тужил, чтобы подать тебе истинное утешение, радость и веселие; иди за Мною! Я был оскорбляем, поруган и обесчещен, чтобы тебя, обесчещенное Мое создание, почтить и прославить; иди за Мною! Я был связан, чтобы тебя разрешить от уз греховных. Я, Судия живых и мертвых, был судим и осужден, чтобы избавить тебя от Вечного Суда; иди за Мною! Я был приравнен к беззаконникам, чтобы тебя оправдать. Я вкусил смерть, смерть крестную, чтобы тебя, Мое создание, оживить; иди за Мною! Я воскрес из мертвых, чтобы ты воскрес душою и телом. Я вознесся на Небо, чтобы и ты вознесся. Я сел одесную Бога Отца, чтобы и ты прославился; иди за Мною! Я во всем уподобился тебе, кроме греха, чтобы и ты стал подобным Мне; иди за Мною! Я пришел к тебе, чтобы привлечь тебя к Себе, отпавшее, но любимое Мое создание; иди за Мною! Видишь, человек, любовь Мою к тебе! Видишь и Промысл Мой о тебе! За это ничего не требую от тебя, кроме того, чтобы ты был благодарен и шел за Мною и таким образом получил спасение и вечную славу. Иди за Мною, алчущим и жаждущим твоего спасения, и Я дам тебе спасение Мое. Возлюби Мою нищету, и будешь истинно богат. Возлюби Мое смирение, и будешь истинно славен и велик. Возлюби Мою кротость и терпение, и будешь истинно покоен и мирен. Отрекись от себя, и будешь истинно обладать собою. Оставь утешения плоти и мира, и будешь иметь истинное утешение. Оставь тленное богатство, и будешь иметь нетленное. Оставь честь и славу земную, и будешь иметь небесную. Иди за Мною! И приведу тебя в Мое Вечное Царство, к Вечному и Небесному Моему Отцу; «никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14, 6).

Итак, слушай, грешная душа, и будь внимательна к голосу Иисуса, любящего тебя и искупившего тебя, и иди за Ним!.. Блудник, прелюбодей и любитель нечистоты! Услыши голос Господа: покайся и иди за Мною! Злобный мститель и убийца! Услыши голос Господа: покайся и иди за Мною! Вор, разбойник, грабитель и лихоимец! Услыши голос Господа: покайся и иди за Мною! Укоряющий, оскорбляющий, клеветник и злоречивый! Услыши голос Господа: покайся и иди за Мною! Лгун, обманщик,

лицемер и всякий грешник, живущий нераскаянно! **Услыши** голос Господа: покайся и иди за Мною! Святитель Тихон Задонский (113, 560).

Цель нашего **говения** — **приготовление** к неосужденному принятию Святых Христовых **Таин**, к принятию Самого Господа, Который говорит: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин. 6, 56). Так как Господь пречист, а мы нечисты, то приобщению Святых Пречистых Христовых **Таин** у нас предшествует очищение совести и получение всепрощения в Таинстве Покаяния.

Кто чист, с тем уже несомненно соединится Христос Спаситель: Он любобообщителен, Сам ищет общения с нами и если не соединяется, причина **этому** — **наша** нечистота. Стало быть, главное наше **дело** — очищение совести и получение прощения в Таинстве Покаяния. Вот на это и обратим теперь всю свою заботу и попечение.

Очистится в совести и получит прощение тот, кто покается как должно. Спрашивается теперь: кто же кается как должно?.. Тот, кто познает свои грехи и сознается в них искренне; сознавшись, сокрушается о них и оплакивает их; сокрушившись же и оплакав, полагает твердое намерение более не оскорблять Бога своими грехами, а наконец с этим намерением смиренно исповедует все свои грехи перед духовником, чтобы получить разрешение их и явиться к Чаше Господней оправданным и чистым пред очами **Божиими**.

Итак, позаботьтесь познать свои грехи и сознаться в них. Познать свои **грехи** — **значит** сказать, что такой-то и такой грех совершен нами; а сознаться в **них** — **значит** осудить себя в них, сказать: «виноват», не допуская никаких оправданий и извинений. «Согрешил», **«виноват»** — эти два слова надо произнести прежде всего, и произнести искренне.

Посмотрите же, в чем и как согрешили вы. Не думаю, чтобы это было трудно. Заповеди известны, и совесть есть. Заповедь укажет, что следовало нам делать, а совесть засвидетельствует, сделано ли это нами или нет. Для этого повтори заповеди Десятословия и заповеди о блаженствах и посмотри, какая заповедь нарушена и каких добродетелей недостает в сердце. Как в чистом зеркале, когда в него смотрят незасоренными глазами, видны и малые крапинки на лице, так обнаружатся все наши проступки и грехи в словах, делах и помышлениях, когда заставим свою совесть смотреться в зеркало заповедей Божиих, указанных в слове Божиим.

Останется только приложить к этому осуждение себя, сознание своей виновности, и это придет, когда отвергнем всякое **оправдание** — **ни** обстоятельствами жизни, ни родом служения и услowieм отношений, ни увлечениями, ни **неведением** — **словом**, ничем, а сделаем так, чтобы, коль скоро замечен грех, искренне говорить: «Виноват, безответно виноват».

Осознав грехи, надо оплакать их, сокрушаться о том, что они сделаны. Кто искренне сказал: «виноват», тому недалеко до того, чтобы сказать: «Зачем же я все это наделал?», пожалеть о том,

устыдить себя, поболеть перед Господом, устраситься Суда Его и беды, ожидающей того, кто останется неоправданным в грехах своих! Недалеко до этого, однако и это требует труда над собой, самоуправления и самопринуждения, ибо есть окаменение сердца, при котором, и сознавая грехи, и не имея, чем оправдаться в них, говорят: «Ну и что же такого?» Вспомни, сколько раз говорил ты: «не буду», «не буду» — и все грешил, и еще больше и упорней, чем прежде. Вспомни, что никто тебя не принуждал, сам по своему злому нраву грешил и оскорблял в лицо Бога, Который все видит; и руку Его, которою Он останавливал тебя, ты отталкивал. Вспомни смерть, Суд, ад; вспомни и все прочее, чем надеешься сокрушить свое упорное сердце. Всячески тревожь его, пробуждай и приводи в движение. К этим размышлениям приложи молитву к Господу, чтобы Владыка всяческих дал тебе возобладать над своим сердцем. Что за покаяние, в котором нет печали, сокрушения!

Вслед за болезнью сердца о грехах придет намерение отстать от них, не оскорблять ими более Господа и не губить себя. А за этим последует исповедание грехов, самое искреннее, и разрешение их, самое действенное. И совершится Покаяние, воистину спасительное.

А то, что пользы, если без чувств, со скукой или рассеянностью будем стоять на службах, досадуя, что долго тянутся; время, свободное от служб, будем проводить в полусне и бездействии; затем холодно проговорим на духу «грешен» про грехи, о которых спросят, не имея и помышления о том, что главной нашей целью должно быть совершенное исправление жизни... Что пользы? Это значило бы исполнить обычай говения, а не говеть во спасение.

«Итак, смотрите, поступайте осторожно» (Еф. 5, 15), особенно в эти дни, когда враг, искушая грехами, ухитряется делать бесполезными дарованные нам благодатью Божией средства к очищению от грехов и тем продолжить свое владычество над нами (113, 548).

Перед явлением Господа народу и вступлением Его в дело совершення Домостроительства нашего спасения был послан святой Иоанн Предтеча — приготовить людей к принятию Его (Мк. 1, 4). Приготовление состояло в призывании к покаянию. И покаяние с того времени стало путем к Господу Спасителю и преддверием веры в Него. Сам Спаситель начал проповедь Своими словами: «покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мк. 1, 15). Покаяние и вера — друг к другу препровождают взывавшего спасение. Покаяние тяготит его бременем грехов и страшит неподкупным судом правды Божией. Но приходит вера и указывает ему Избавителя, взявшего грехи мира. Кающийся прилепляется к Избавителю и, сложив бремя грехов исповеданием, радостно следует за Ним путем заповедей Его. Вера, таким образом, порождается покаянием и на нем стоит. Крепко держится веры кающийся по чувству избавления. Вера жива покаянием. Без покаяния она, будто деревце без живительного тока, остается вялой и нежизнеспособной (107, 8—9).

«Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узвано» (Мф. 10, 26). Следовательно, как ни прячемся мы теперь со своими грехами, пользы от этого нам никакой нет. Придет срок — а далеко ли он? — и все выйдет наружу. Как же быть? Не надо прятаться. **Согрешил** — иди и открой грех твоему духовному отцу. Когда получишь разрешение, грех исчезнет, будто его не было. Нечему будет

потом быть открытым и узанным. Если же спрячешь грех и не покаешься, то сбережешь его в себе, чтобы было чему обнаружиться в свое время на обличение тебя. Все это нам наперед открыл Бог, чтобы мы еще теперь ухитрились обезоружить Его праведный и Страшный Суд над нами, грешными (107, 176).

«Итак покайтесь и обратитесь, чтобы загладить грехи ваши, да придут времена отрады от лица Господа» (Деян. 3, 19—20). Так говорил святой апостол Петр распявшим Господа иудеям, утешая их, что они сделали это по неведению. Мы же не по неведению распинаем в себе вторично Господа грехами своими, но многомилостивый и нас принимает, когда каемся и обращаемся к Нему от всего своего сердца. Это и сделали мы в Великий пост. Каждый приходил к Господу в слезах покаяния о грехах своих, и чем искреннее это делал, тем сильнее ощущал отраду помилования, исходящего от лица Господа, через руки и разрешительное слово иерея Божия. Теперь что нам остается делать? Беречься от новых падений, чтобы опять не впасть в вину распинания Господа. Апостол говорит, что Господа Иисуса Небо приняло только «до времен совершения всего» (Деян. 3, 21). Потом Он опять придет и сотворит Суд. Какими глазами воззрят на Него те, кто Его распинал? А ведь и нам придется стоять в ряду их, если перестанем приносить плоды покаяния и возвратимся на старое. Епископ Феофан Затворник (107, 108—109).

Сила покаяния основана на силе Божией: Врач всемогущ, и врачество, подаваемое Им, всемогуще (108, 97).

Оттого окончательно гибнут христиане вечной смертью, что во все время земной жизни занимаются одним нарушением обетов Крещения... оттого, что не удостоивают ни малейшим вниманием Слово Божие, возвещающее им о покаянии (108, 101).

Покаяние должно сопутствовать вере во Христа, предшествовать Крещению во Христа, а после Крещения оно исправляет нарушение обязанностей уверовавшего во Христа и крестившегося во Христа (108, 101).

Когда человек осознает грехи свои, решится на искреннее покаяние и исправление, то Бог решает суд Свой с человеком следующим образом: «Если будут грехи ваши, как **багряное**, — как снег убелю; если будут красны, как **пурпур**, — как волну убелю» (Ис. 1, 18) (108, 103).

(Господь.— *Ред.*) ожидает твоего покаяния и вместе предоставляет твоему свободному произволению избрание спасения или гибели твоей (108, 103).

Не устремись безрассудно, не рассмотрев тщательно риз твоих, в ветхом, смрадном рубище, на брак к Сыну Божию, на соединение с Ним (108, 105).

Все виды бесовской прелести, которым подвергается подвижник молитвы, возникают из того, что в основание молитвы не положено покаяние, что покаяние не сделалось источником, душой, целью молитвы (108, 233).

Покаяние, сокрушение духа, **плач** — суть признаки... правильности молитвенного подвига, отсутствие **их** — **признак** уклонения в

ложное направление, признак самообольщения, прелести, или бесплодия (108, 233—234).

Воспоминание о **смерти** — дар Божий, говорят отцы. Он дается исполнителю заповедей Христовых, чтобы усовершенствовать его в святом подвиге покаяния и спасения (108, 385).

Страшно не признать себя грешником! От непризнающего себя грешником отрекается Иисус: «Ибо Я пришел призвать не **праведников**, — говорит Он, — но грешников к покаянию» (Мф. 9, 13) (108, 412).

Условия спасения заключаются в вере во Христа, в жительстве по заповедям Божиим и во врачевании покаянием недостатков исполнения заповедей, следовательно, спасение предоставлено... всем при обязанностях и служениях посреди мира, не противных закону Божию (108, 506).

Верующий во Христа, если и умрет смертью греховной, то опять оживет покаянием (108, 506).

Чтобы последовало к нам благоволение Божие, нужно предочищение себя покаянием. В покаянии совмещаются все заповеди **Божии**. Покаянием вводится христианин сперва в страх Божий, потом в Божественную любовь (109, 74).

Не наследовал я покаяния, потому что не вижу греха моего. Я не вижу греха моего, потому что еще работаю греху. Не может увидеть греха своего наслаждающийся грехом и позволяющий себе вкушения **его** — хотя бы одними помышлениями и сочувствием сердца (109, 122).

Делание покаяния должно быть соединено с деланием молитвы в единое делание (109, 155).

Дело покаяния совершается при посредстве следующих трех добродетелей: очищения помыслов, непрестанной молитвы и терпения встречающихся скорбей (109, 156).

Делание покаяния и **молитва** — одно, но оно совмещает в себе два различных вида добродетелей (109, 157).

Истинная молитва есть голос истинного покаяния. Когда молитва не одушевлена покаянием, тогда она не исполняет своего назначения, тогда не благоволит о ней Бог (109, 161).

Печаль мысли о грехах есть чистый дар Божий; носящий ее в груди своей с должным хранением и благоговением носит святую. Она заменяет собою все телесные подвиги при недостатке сил для совершения их (109, 162).

Чувство покаяния хранит молящегося человека от всех козней диавола: бежит диавол от подвижников, издающих из себя благоухание смирения, которое рождается в сердце кающихся (109, 163).

Если благоугодно Богу оставить подвижника при молитве покаяния, то да останется он при ней, да не ищет высшего состояния... в твердом убеждении, что оно не приобретается человеческими **усилиями** — **даруется** Богом. Пребывание в **покаянии** — залог спасения. Будем довольны этим состоянием, не будем искать состояния высшего (109, 258).

Покаяние есть возобновление, возвращение состояния, произведенного Крещением (109, 386).

Терпение скорбей с благодарением Бога, с признанием себя достойным скорби, с признанием попущенной скорби именно тем спасительным врачевством, в котором нуждаемся для исцеления, есть знамение истинного покаяния (109, 398).

Христос непременно явит Себя в нас, если мы истинным покаянием докажем решительное произволение, чтобы Он обитал в нас (109, 401).

Покаяние возможно только при точном, хотя бы и простом, знании православной христианской веры (110, 12).

Господь призывает человека к покаянию и спасению до последней минуты его жизни. В эту последнюю минуту еще открыты двери милосердия Божия всякому, стучащему в них (110, 112).

Только один из (смертных.— *Ред.*) грехов — самоубийство не подлежит врачеванию покаянием; но каждый из них умерщвляет душу и делает ее неспособной к вечному блаженству, пока она не очистит себя удовлетворительным покаянием (110, 163—164).

Покаяние необходимо не только для того, чтобы уверовать во Христа, оно необходимо для пребывания в вере, для преуспевания во Христе; оно необходимо для живой веры во Христа (111, 10).

От жизни по Евангелию в человеке является, как бы естественно, заповеданное Евангелием покаяние (111, 10).

Погиб человек по свободному произволению и спастись предоставляется ему по свободному произволению. Покайтесь и веруйте (111, 11).

Если пост не украсится плодом покаяния, то и постный подвиг останется тщетным. Этого мало: он принесет нам вред, усилив в нас сомнение и самоуверенность (111, 20).

Тот, кто желает раскрыть в себе глубокое чувство покаяния, употребляет как орудие для достижения такого состояния краткую молитву, произнося ее со всевозможным вниманием и благоговением (111, 29).

Со стороны человека для успешного и плодovitого покаяния необходимо: зрение греха своего, сознание его, раскаяние в нем, исповедание его. Обращающегося к Богу с таким сердечным залогом еще издали видит Бог: видит и уже спешит ему навстречу (111, 37).

Все желающие приступить к подвигу поста и молитвы, все желающие пожать обильные плоды от своего покаяния, услышьте слово Божие, услышьте завет Божий — и отпустите, простите ближним согрешения их перед вами (111, 44—45).

Покаяние — всемогуще, как установление всемогущего Бога. Нет греха, который бы устоял против покаяния, оно — дар нашему человеческому естеству; оно — остаток нашей первобытной непорочности, как сознание этой непорочности и сетование о потере ее; оно — воззвание Крещения (111, 49).

Мы спасаемся от гнева (Божия) покаянием, которое исправляет все проступки наши, поддерживает нас во все время нашего земного странствования, извлекает нас из всякой греховной пропасти, как бы ни была она глубока (111, 65).

Если приступишь к Таинству Покаяния с небрежением, с лукавством, со скрытностью, то совершишь начинание сатанинское, надругаешься над Всемогушим и Всевидящим Богом (111, 66).

Пока поприще земной жизни не прекращено для человека, покаяние, а следовательно, и спасение, для него вполне возможно (111, 332).

Не сознающий своей греховности, своего падения, своей гибели не может принять Христа, не может уверовать во Христа, не может быть христианином (111, 378).

Тонкое разбирательство своих грехов не идет человеку, ведущему светскую жизнь; оно будет только ввергать его в уныние, недоумение, смущение (111, 440).

Нужно черное покрывало (тонкое разбирательство грехов своих) для иноков, чтобы закрывать ими лучи благодати, сияющие из их ума и сердца, нужно это черное покрывало для иноков, уже преуспевших, которых зрение своей греховности не может привести к безнадёжности, а приводит только в смирение (111, 440).

Оправдание в согрешениях, не нуждающееся в вымыслах и многословии, оправдание, всегда принимаемое Богом, — покаяние (111, 494).

Только при посредстве покаяния можно перейти из состояния душевного в состояние духовное (111, 528).

Тщетны, бесплодны, часто вредны для души и самые возвышенные подвиги, когда они не растворены чувством покаяния (111, 528).

Вся христианская жизнь на земле есть не что иное, как покаяние, выражаемое деятельностью, свойственной покаянию (112, 126).

Христос пришел призвать нас на покаяние (112, 126).

Смертный грех решительно поработает человека диаволу и решительно расторгает общение человека с Богом, пока человек не уворачует себя покаянием (112, 352).

Молитва краткая... и безыскусная... способна выразить чувства раскаяния и самоосуждения, когда наполнится ими сердце (112, 407—408).

Бог бесконечно благ и бесконечно могуществен... обнажи перед Ним твою язву... прося прощения, исцеления, и получишь их (112, 411).

Покаяние очищает душу от всех согрешений, восстанавливает разрушенное святилище Божие (112, 412).

Я усвоился Богу Святым Крещением, на Таинстве Крещения жидется Таинство Покаяния, покаянием возвращается усвоение Богу... утрачиваемое... жизнью в области падшего естества (112, 429).

Покаяние есть подвиг, есть жизнь, преподанная и заповеданная Богом всему человечеству без исключения (112, 430).

Человечество само собой не могло бы прибегнуть к покаянию; оно призвано и призывается к нему бесконечной Благостью Божией (112, 430).

Всеблагим и Премудрым Богом дана человеку естественная способность к покаянию, эта естественная способность возбуждается Богом и, вступив в повиновение **Богу**, осеняется Божественной благодатью; естественное действие претворяется в благодатное, и «Сам Дух ходатайствует за нас вздыханиями неизреченными» (Рим. 8, 26) (112, 438).

Только при посредстве покаяния можно принять Евангелие, усвоиться Евангелию (112, 439).

Покаяние требует содействия воли человеческой воле Божией; воскресение из греховной смерти есть действие единой воли Божией (112, 439—440).

Благодать Божия, осеняя кающегося, разрушает в нем царство греха, водворяет Царство Божие (112, 440).

Срок покаяния каждому кающемуся назначается Богом по всесвятости, неведомому суду Его (112, 441).

Необходимы для вступления в подвиг истинного покаяния отречение от мира и отречение от себя, от своих похотений и пристрастий. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 460).

Два монаха оставили пустыню и женились. Через некоторое время они сказали друг другу: «Какую выгоду получили мы от того, что отвергли ангельский образ и поверглись в эту нечистоту, после которой должны наследовать огонь вечный и вечную муку? Возвратимся в пустыню и принесем покаяние». Придя в пустыню, они просили отцов, чтобы те приняли исповедание их и покаяние. Отцы оставили их в затворе на год и подавали каждому понемногу хлеба и воды. По внешнему виду оба монаха были подобны друг другу. Когда окончился срок покаяния, они вышли из затвора. Один был бледен и очень печален; **другой** — светел и весел. Отцы, увидев это, удивились, потому что оба брата получали равные пищу и питье. Они спросили того, который был изможден и печален: «Какие помышления были у тебя в затворе?» Он отвечал: «Я представлял себе адские муки, которым я должен подвергнуться за сделанное мною зло, и от ужаса «кости мои прильнули к плоти моей» (Пс. 101, 6). Спросили они у другого: «Что ты помышлял в кельи твоей?» Он отвечал: «Посылал благодарение Богу за то, что Он извлек меня из нечистоты мира сего и из мук будущего века и призвал меня к этой ангельской жизни. Непрестанно вспоминая о Боге моем, я радовался». И сказали Отцы: «Пред Богом равно покаяние обоих». **Отечник** (82, 478—479).

Однажды преподобный Нифонт увидел двух Ангелов, которые несли душу человека на Небо, не позволяя истязать ее на воздушных мытарствах. Бесы, воздушные мытари, начали кричать: «Это душа наша, она до смерти только одно зло делала, и нет греха, которого бы она не сотворила; она была поработана страстями и без покаяния разлучилась с телом. А кто умер рабом греха, тот наш». — «Подлинно, человек этот был **грешником**, — отвечал Ангел **Хранитель**, — но когда стал болеть, со слезами исповедал Богу свои грехи и с воздетыми руками просил о помиловании». Но бесы не успокоились и снова возопили: «Уж если этот человек мог быть помилован, то значит спасется и весь мир и мы напрасно **трудимся?**» — «Да, — отвечали **Ангелы**, — все грешники, исповедавшие свои грехи смиренно и со слезами, получают от Бога прощение, а умирающим без покаяния — Бог Судия». И с этими словами отошла ко вратам небесным и спасена была душа та. **Пролог в поучениях** (81, 323—324).

Один воин спросил старца: «Принимает ли Бог раскаяние?» Старец ответил: «Если у тебя порвется плащ, выбросишь ли ты его?» Воин говорит: «Нет! Я его **запью**». — «Если ты так щадишь свою одежду, то не пощадит ли Бог Свое творение?» **Древний Патерик** (73, 35).

Покаяние состоит в том, чтобы не возвращаться к прежним грехам

Велико и спасительно покаяние. Поэтому, однажды отрезвившись, не погружайся в опьянение, ежедневно греша: то строя, то разоряя, то сплетая, то расплетая, подобно детям, которые много раз прилежно строят свои домики и потом, опрокинув, превращают все в кучу (27, 27).

Но некоторые из кающихся снова возвращаются к греху, потому что не познали скрывающегося в нем змия, а если и познали, то не совсем удалили его от себя, ибо позволили остаться следам его образа; и он вскоре, как бы зачавшись в утробе, снова восстанавливает полный образ своей злобы (27, 183).

Кто бежал из темницы, тот не пожелает видеть ее в другой раз. Кто избавился из плена, тот молится, чтобы никогда не попадать в плен. Преподобный Ефрем Сирин (28, 135).

Если кто-нибудь, начав покаяние, удержит свою душу от злых желаний и даст обет Богу, что не будет уже повторять сделанных им грехов, и в таком расположении на завтра умрет, то Бог примет его покаяние, как и разбойника. Ибо начинать покаяние в воле человека, а жить или **умереть — зависит** от Бога. Бог, по Благости Своей, многих начинающих покаяние восторгает от земли для их пользы, предвидя, что они опять пали бы и погибли, если бы дольше жили. Святитель Афанасий Великий (113, 561).

Брат спросил авву Пимена: «В чем состоит покаяние во грехе?» Старец отвечал: «В том, чтобы более не делать этого греха». Непорочные и праведные потому и названы так, что оставили грехи свои и сделались праведными. Преподобный Пимен Великий (82, 333—334).

Отрекшись от мира и посвятив себя Богу покаянием, не допусти смутить тебя помыслу, если он будет представлять, что ты не получишь прощения в своих грехах. Но и не пренебрегай заповедями Божиими, обращаясь к прежним грехам, иначе они не простятся. Преподобный авва **Исая** (82, 186).

Покаяние состоит в том, чтобы уже не делать впредь того же, а кто принимается за прежние дела, тот, по пословице, бьет шерсть над огнем и черпает воду решетом. Святитель Иоанн Златоуст (42, 223).

Многие после покаяния возвращаются к своим прежним беззакониям с такой надеждой: согрешил и покаялся, еще согрешу и еще покаюсь, ибо говорится: «Сколько раз падешь, столько раз **восстань — и** спасешься». О ложная надежда! О туманное упование, основанное не на твердом камне, но на песке! Не тебе, не тебе, возвращающемуся к прежнему злодеянию добровольно и нарочито, не тебе служит это речение: «Сколько раз падешь, столько раз **восстань — и** спасешься», но тем, которые случайно впадают в какой-либо грех, а не по нарочитому

изволению и намерению. Тебе же нужно слышать громогласного церковного учителя, святителя Иоанна Златоуста, вопиющего так: «Недостойн прощения тот, кто по причащении снова согрешает; недостойн здоровья тот, кто по исцелении снова сам себе причиняет раны; недостойн очищения тот, кто по очищении снова оскверняет себя».

Надежда таких людей, которые возвращаются к своим прежним грехам после покаяния и говорят себе: «покаюсь еще», подобна надежде самсоновой. Вы знаете, какими искушениями был искушаем сильный Самсон со стороны коварной прелестницы Далиды для того, чтобы только он сказал ей, в чем заключается его сила, но он обманывал ее разными выдумками, то говоря ей, что изнеможет, если будет связан семью мокрыми тетивами, то — если будет связан новыми веревками. На самом же деле из всего этого он легко вырывался, как будто из паутинных сетей. Потом же, даже видя коварство лстивой женщины, ищущей его головы, он не хотел избавить себя от явной беды, когда был побежден страстной и грешной любовью к этой женщине. Он сказал ей истину и открыл ей тайну сердца своего, что тогда отступит от него сила, когда острижены будут волосы на **его** голове. После этого, усыпленный на лоне Далидином, он был острижен, а обольстительница закричала ему: «Филистимляне идут на тебя, Самсон!»! Пробудившись от сна, он сказал про себя: «Пойду, как и прежде, и освобожусь».

О, как ложна надежда твоя, Самсон! Ибо уже не вырвешься теперь из рук врагов твоих, как многократно вырывался прежде, ибо уже отступила от тебя сила твоя. Но не уразумел Самсон, что отступил от него Господь, и взяли его иноплемenniки, и выкололи ему глаза (Суд. 16, 6—22).

Обратим здесь внимание на две вещи. Во-первых, Самсон не знал, что отступил от него Господь, ушла сила его, и, во-вторых, в своем неведении он питал ложную надежду на прежнюю победу над врагами. «Пойду,— сказал он,— как и прежде».

Так и человек, возвращающийся после покаяния к своим прежним грехам, успокаивает себя надеждой: согрешу, а потом снова покаюсь, как и прежде каялся; прогневаю Бога, а потом испрошу у Него прощение, как испрашивал и прежде; осквернюсь и снова омоюсь покаянием, как омывался и прежде. О ослепленная надежда грешника! О глупый разум! О тщетное ожедление! Вот уже отступил от тебя Господь, отступила сила Божией благодати, прежде помогавшая тебе. Вот уже руки иноплемenniков на тебе, руки врагов твоих адских уже на тебе. Уже схватили они тебя, выкололи твои разумные очи, сковали тебя злыми греховными привычками, и теперь уже неизвестно, освободишься ли ты, вырвешься ли ты из рук их. Неизвестно, будет ли тебе дано время для покаяния. Неизвестно, получишь ли ты благополучный момент, когда сила благодати Божией снова возвратится к тебе и поднимет тебя от твоего лютого падения, ибо ушла от тебя, отряси прах от ног своих и говоря: оставляется тебе дом твой пуст (Мф. 23, 38); и войдут в тебя семь ужасных греховных бесов, и будут тебе последние грехопадения горше первых. Горше, ибо, придя в глубину зол, ты вознерадишь и отчаешься, а что последует **за** отчаянием, ты сам знаешь.

Намного лучше, примирившись с Богом после первой греховной вражды, жить с Ним в неразрывном мире, а не снова поднимать брань против Него, чтобы потом примириться. Лучше, найдя однажды Бога, всегда держаться Его, чем снова терять

Его, чтобы опять искать Его, ибо, ища **Бога** покаянием после первого грехопадения, ты можешь быть уверен, что найдешь Его: «И оживет сердце ваше, ищущие Бога» (Пс. 68, 33); «ищущий находит» (Мф. 7, 8). Если же, согрешив самовольно в другой раз, ты снова захочешь найти Его, то в другой раз уже неизвестно, найдешь ли Его.

Мария, сестра Лазаря, дважды искала Господа своего: в первый раз, когда болел брат ее Лазарь, она послала к Нему, говоря: «Господи! вот, кого ты любишь, болен» (Ин. 11,3); во второй же раз она искала Господа, когда Он воскрес из гроба. Первое искание сопровождалось уверенностью, ибо она знала, где находится Господь. «И пошел опять за Иордан, на то место, где прежде крестил Иоанн» (Ин. 10, 40). Второе же искание было полно неизвестности и очень болезненно, ибо она говорила: «унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его» (Ин. 20, 2).

Подобно этому и человеку, возвратившемуся к прежнему злу, приходится тяжело скорбеть, ибо он не знает, где найти Господа. «Унесли,— скажет он,— грехи мои Господа моего из сердца моего, и не знаю, где положили Его; не знаю, на каком месте найду Его; не знаю, могу ли я вообще найти Его где-либо».

Не напрасно Писание, говоря, что «Бог есть Дух» (Ин. 4, 24), приписывает Ему и такое свойство: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит» (Ин. 3, 8). Рассуждая об этом, кто-то из благоразумных говорит так: «Не знаешь, откуда идет, когда не уверен, достоин ли ты любви или же ненависти; милосердие ли Он явит тебе или гнев; даст ли награду тебе или готовит жестокий суд. Не знаешь же, куда от тебя уходит, когда ты не уверен, вблизи ли Он постоит немного, желая снова возвратиться к тебе через малое время, или же Он далеко ушел и возвратится только через долгое время, или, наконец, оскорбленный тобою, Он уходит навеки, не желая никогда возвращаться к тебе».

Итак, не говори себе: вот я нарочно опять согрешу и снова покаюсь; опять умру греховной смертью и снова оживу в покаянии. Послушай святого Назианзина [Григория Богослова], который покаявшегося грешника уподобил воскресшему Лазарю, говоря: «Остерегайся, человек, чтобы снова не умереть и не быть связанным путами греха, ибо неизвестно, будешь ли ты воскресен снова (103, 289—292).

Послушаем, что говорит Писание в книге Иисуса, сына Сирахова: «От двух скорбело сердце мое, а при третьем возбуждалось во мне негодование: если воин терпит от бедности, и разумные мужи бывают в пренебрежении; и если кто обращается от праведности ко греху, Господь уготовит того на меч» (Сир. 26, 24—26). Вот мы слышим: возвращающийся от правды, то есть покаяния, которое оправдывает человека, возвращающийся на грех вызывает на себя гнев Божий и предается мечу вечного наказания. Человек, возвращающийся ко греху, вторично распинает Сына Божия и попирает Его драгоценную Кровь, пролитую за спасение мира. Таким нашим злонравием мы уподобляемся злобному Саулу, первому израильскому царю, ибо отступил от Саула Бог за его тяжкий грех: «от Саула отступил Дух Господень, и возмущал его злой дух» (1 Цар. 16, 14). Мучится Саул нечистым духом, а юноша Давид играет ему на гуслях; и эта музыка так действовала на Саула, что прекращалось его мучение, как говорит об этом Писание: «И когда дух от Бога бывал на Сауле, то Давид, взяв гусли, **играл**,— и отраднее и лучше становилось Саулу, и дух **злой** отступал от него» (1 Цар. 16, 23). Что же Саул делает Давиду за это благодеяние? Через некоторое время, когда Давид играл на гуслях, отдохнувший и пришедший в себя Саул увидел перед собою его с гуслями и, вспомнив свою прежнюю зависть и злобу, схватил копье и бросил в Давида, желая его убить; и убил бы, если бы Давид быстро не отклонился в сторону и не убежал от Саула, копье

которого разбилось о стену (Ср. 1 Цар. 19, 9—10). Удивляясь этому, Василий Селевкийский говорит: «За исцеление Саул готовит Давиду убийство, как будто он для того и пришел в здравый разум, чтобы снова поработать зависти».

Мы же, грешные, скажем про себя так: за прощение прежних наших грехов мы, окаянные и злонравные, возвращаясь к прежним нашим грехам, вместо воздаяния или благодарения Христу Богу нашему снова приносим Ему распятие, снова убийство, как будто для того только мы и были разрешены от прежних наших грехов, чтобы теми же и даже тягчайшими грехами снова прогневать Бога нашего. А что хуже этого? Что горше? Что ужаснее? Покаялся ли Саул в своем грехе, получил ли прощение, — о том мы не читаем, но зато знаем, что он был совсем оставлен Богом и погиб душой и телом, пронзив самого себя мечом. **Святитель Димитрий Ростовский (103, 292—293).**

Что значит покаяться? Значит сознаться, раскаяться в грехах своих, оставить грехи свои... и уже больше не возвращаться к ним. Таким образом многие грешники претворились в святых (108, 99).

Покаяние в смертном грехе тогда признается действительным, когда человек, раскаявшись в грехе и исповедав его, оставит свой грех. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (110, 115).**

«Сотворите же достойный плод покаяния» (Мф. 3,8)

«И сказал Господь Моисею, говоря: скажи сынам Израилевым: если мужчина или женщина сделает какой-либо грех против человека, и чрез это сделает преступление против Господа, и виновна будет душа та, то пусть исповедуются во грехе своем, который они сделали, и возвратят сполна то, в чем виновны, и прибавят к тому пятую часть и отдадут тому, против кого согрешили» (Числ. 5, 5—7).

Не тот исповедует свой грех, кто сказал: я согрешил, и потом остается во грехе, но тот, кто, по словам псалма, открыл грех свой (Пс. 31,5) и возненавидел его. Какую пользу принесет больному забота врача, если больной крепко держится того, что разрушительно для его жизни? Так нет никакой пользы от прощения неправд делающему еще неправду и от извинения в распутстве — продолжающему жить распутно... Премудрый Домостроитель нашей жизни хочет, чтобы живший во грехах, а потом дающий обет восстать к здоровой жизни положил конец прошедшему и после сделанных грехов положил некое начало, как бы обновившись в жизни через покаяние... Кающимся недостаточно для спасения одного удаления от грехов, но им необходимы и достойные плоды покаяния. Святитель Василий **Великий (113, 556).**

Кто приносит покаяние, тот не только должен омывать грех свой слезами, но покрывать прежние прегрешения лучшими делами, чтобы ему не вменился грех. Святитель **Амвросий Медиоланский (113, 556).**

Для излечения глубоких ран нужны труды, посты, бдения, милостыня, молитвы и другие добродетели. Хотя согрешившая душа может и опять возвратить себе первобытную красоту, но она не иначе достигает этого как путем бесчисленных трудов, скорбей и мучений. **Преподобный Исидор Пелусиот (113, 559).**

Постараемся сотворить плоды покаяния, чтобы нам, лишась его радости, не быть сосланными «в страну тьмы и сени смертной, в страну мрака» (Иов. 10, **21—22**) (25, **410**).

Постараемся сотворить дела, достойные покаяния, чтобы не понести двойного наказания: как уничтожившим благодать Божию и не помянувшим Его благодеяний (27, **165**).

Истинное покаяние состоит в том, чтобы удалиться от греха и возненавидеть его; и тогда Бог с радостью приемлет приходящего к Нему (26, **346**).

Ты приносишь покаяние в блуде? ... Берегись смеха, шуток, сквернословия, **чревоугодия — это** пути к блуду (27, **169**).

Приносишь покаяние в лукавстве? Избегай раздражительности, ненависти, зависти, противоречий, робости и всякой низости (27, **170**).

Приносишь покаяние в сделанной неправде? Отдели от себя всякую неправду, потому что от неправды прозябли все излишества сребролюбия (27, **170**).

Приносишь покаяние в том, что поссорился? Приучи язык твой отвечать кротко (27, **170**).

Приносишь покаяние в безрассудстве? Не только уклоняйся от зрелищ, но и во всяком месте удаляй от себя смех и всякую мирскую забаву. Ибо подобные этому вещи принуждают возвращаться к прежнему (27, **170**).

Только напоказ приносящие покаяние творят не один грех, но многие грехи, потому что и других располагают приносить лишь наружное покаяние. Они издеваются и гораздо хуже оскорбителей людской чести, потому что отваживаются лукавить перед Самим Богом. Таким не только не отпускаются, но еще прибавляются грехи (27, **175**).

Если видишь кающегося и снова согрешающего, значит, он не изменился... Признак приносящего твердое **покаяние** — образ жизни собранный и суровый, отсутствие превозношения, а также очи и ум, **всегда** устремленные к вожделенному Иисусу Христу с желанием по благодати Христовой стать новым человеком (27, **183**).

Обратился ты? Не ввергайся же снова в грязь, которую смыло с тебя милосердие. Обратился ты? Не входи снова в долги, на которые уничтожены рукописания. **Преподобный Ефрем Сирин (28, 135).**

Обратившись через покаяние, можно просиять много и светло, а часто даже и более тех, которые не падали с самого начала... (35, 29).

Пробуди внутри у себя **обличителя — твою** совесть, чтобы там, на Судилище Господнем, не иметь тебе обличителя. Вот один путь **покаяния — прекраснейший!** Есть и другой, не хуже этого, состо-

ящий в том, чтобы не злопамятствовать на врагов, сдерживать гнев, прощать грехи собратиям; потому что в таком случае простятся и наши грехи против Господа. Хочешь знать и третий путь покаяния? Это пламенная и усердная молитва, возносимая от самой глубины сердца. Если хочешь знать и четвертый путь покаяния, то назову милостыню: она имеет великую и несказанную силу. Скромность и смиренномудрие не менее всех названных средств способны загладить **грех** (36, 295).

Истинное покаяние не то, которое произносится только на словах, а то, которое утверждается делами и, исходя из самого сердца, истребляет скверну нечестия (36, 367).

Но пусть наше покаяние не ограничивается только одними словами, так как нелепо было бы, если бы оно состояло только в словах и Церковь Господа нашего Иисуса Христа не созидалась бы посредством дел (43, 899).

Покаяние свидетельствуется не словами, а делами. **Святитель Иоанн Златоуст** (45, 970).

Совершенное покаяние состоит в том, чтобы более не делать тех грехов, в которых мы каемся или в которых нас обличает совесть. А доказательством, что они прощены нам, служит то, если из наших сердец истреблено и расположение к ним... Итак, в нашей совести есть неложный свидетель, который еще прежде Суда уверяет нас об окончании покаяния и даровании нам прощения... В том, что нам прощены прежние грехи, мы можем убедиться, если истреблены из наших сердец желание их и пристрастие к настоящим удовольствиям. **Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин** (авва Пинуфий 53, 532).

Если грешник, вняв тому, что пишет святой Иоанн Богослов «всякий согрешающий не видел **Его** и не познал Его» (Бога) (1 Ин. 3, 6), придет в чувство и, познав, какому бедствию подпал он из-за своих грехов, примет свет покаяния и начнет нести подвиги покаяния посредством **дел — поста**, молитвы и прочего, чтобы Бог увидел сокрушение его сердца, смирение и ревность, умилосердился над ним и примирился с ним, то Бог, видя смирение его и труд, прощает все грехи его, примиряется с ним и являет в нем знамение этого помилования и примирения. Такими знамениями являются упокоение от страстей... ненависть к греху, страх Божий, хранимый во всяком месте, так как Бог вездесущ; сокрушение и сердечное умиление, благоговение, внимание ума к божественным песням, к чтению и слушанию Божественных Писаний. Ибо невозможно, чтобы в ком-либо оказались эти духовные добродетели до умилоствления Бога и примирения с Ним. Когда же Божественная благодать примиряется с душой, тогда неким образом невидимо осеняет ее, и объемлет ее, и делает то, что ум этого человека, до тех пор непостоянный и рассеянный, устанавливается и собирается в себя. **Преподобный Симеон Новый Богослов** (60, 358).

Вот что мы читаем в книгах Царств. Некогда согрешили перед Господом Богом два израильских монарха: царь **Саул** и царь Давид, каждый в свое время, и оба покаялись. Саул возносит свою покаянную

молитву к Богу перед лицом пророка Самуила: «согрешил я, ибо преступил повеление Господа и слово твое; но я боялся народа и послушал голоса их. ...И отвечал Самуил Саулу: ...ты отверг слово Господа, и Господь отверг тебя, чтобы ты не был царем над Израилем» (1 Цар. 15, 24, 26). Кается и Давид, говоря пророку Нафану: «согрешил я пред Господом. И сказал Нафан Давиду: и Господь снял с тебя грех твой» (2 Цар. 12, 13). Рассмотрим же оба эти покаяния. Вот кается Саул: он совершает долгую молитву и умножает слова перед Самуилом, однако не устаивается прощения, но даже осуждается на уничтожение: «Господь отверг тебя». Кается же и Давид; немного, только два слова произносит: согрешил я пред Господом, но тотчас Господь прощает его согрешение. Что это значит? В чем тайна? Оба согрешили, оба каются, но только у одного Давида покаяние принимается. **Саулово** же покаяние отвергается. Если желаем узнать причину этого, то прочтем в Писании о жизни **обоих**—Давида и Саула. Давид после грехопадения облекся во врище, Саул же гордится мягкими царскими одедами. Давид постом смиряет свою душу, ест пепел, как хлеб, и питье свое растворяет плачем, а Саул ест от многоценных трапез, пьет и веселится. Давид в полночь встает для молитвы, а Саул, упившись, спит в мягкой постели. Давид рыдает о грехе своем, а Саул пренебрегает им; Давид трудится, а Саул ленится. Не дивись же ты, Саул, что покаяние твое неприятно Богу и молитва твоя отвергнута, ибо ты не проявил трудов и подвигов. Не дивись и ты, Давид, будучи прощен, ибо ты явил многие подвиги в своем покаянии: «Господь снял с тебя грех твой».

Итак, мы видим и понимаем теперь, что покаяние без трудов отвергается, как плевелы: оно не принимается, но изматывается вон на поприще.

Великий проповедник покаяния Иоанн Креститель, взывавший в Иудейской пустыне о покаянии, говорит: «сотворите же достойный плод покаяния» (Мф. 3, 8). Что же это **такое**—«достойный плод покаяния»? По объяснению толкователей, это значит, что труды удовлетворения за грех должны в покаянии сравниться с тяжестью какого-либо сделанного великого греха, чтобы насколько кто раньше поработал греху, настолько бы поработал потом и Богу, согласно словам апостола: «Как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию на дела беззаконные, так ныне представьте члены ваши в рабы праведности на дела святые» (Рим. 6, 19). А святой Григорий, называя человека деревом, познаваемым по плодам, говорит: «По плодам именно, а не по листьям и корням должно познаваться покаяние. Ведь и Господь проклял дерево, имевшее на себе листья, но бесплодное, ибо Он не принимает исповедания только на словах, исповедания без плодов удручения тела». Этим сказал как бы следующее: живое доброе дерево познается по корню, листьям и по плодам; подобно этому и мысленное дерево, человек, при этом человек кающийся, имеет корень, листья и плоды. Корнем покаяния является мысль и намерение исповедать грехи свои; **листья**—это само словесное исповедание грехов, приносимое Богу перед отцом духовным, и обещание исправиться; **плоды же**—это труды удовлетворения за грехи. Посмотрим же, по чему познается истинное покаяние? Познается оно не по корню намерения, не по листьям исповедания и обещания, но по плодам удовлетворения. Укрепляя намерение, как корни, умножай слова, как листья, но если не имеешь плодов, достойных покаяния, то есть подвигов и трудов в удовлетворение за грехи, то ты не благословенное дерево, но подлежащее проклятию. Плоды же, достойные покаяния, как мы сказали уже, суть те, которые равняются качеству и количеству совершенных прежде грехов (103, **407—408**).

Если хочешь погасить огонь гееннский, уготованный тебе, весь претворись из тьмы греховной в свет. Если желаешь избавиться от тьмы кромешной, весь из горечи греховной претворись в сладость. Если хочешь сделаться сладким для Господа и получить прощение грехов, «утешайся Господом, и Он исполнит желания сердца твоего» (**Пс.** 36, 4), то есть всецело умертви себя трудами и подвигами, чтобы умерли живущие в тебе греховные страсти. Апостол говорит: пусть упразднится «тело греховное, дабы нам не быть уже рабами греху» (Рим. 6, 6). Закореневшее во грехах тело твоё упраздни, изможди, удручи и в надежде на упразднение грехов сотвори плоды, достойные покаяния, уравниай труды

свои с прежде бывшими твоими грехами или даже превзойди **их** — и тогда ожидай прощения и спасения. Кто взойдет на эту ступень удовлетворения за грехи, тот получит надежду на Бога, как и на отверстое Небо. **Святитель Димитрий Ростовский (103, 207—209).**

Покаемся не одними устами... принесем вместе со слезами... и плод достойный покаяния: изменим жизнь греховную на жизнь евангельскую. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (108, 100).**

«Сотворите себе новое сердце и новый дух»

(Иез. 18, 31)

«Разве Я хочу смерти беззаконника? говорит Господь Бог. Не того ли, чтобы он обратился от путей своих и был **жив?**.. покайтесь и обратитесь от всех преступлений ваших... Отвергните от себя все грехи ваши, которыми согрешали вы, и сотворите себе новое сердце и новый дух; и зачем вам умирать, дом **Израилев?** Ибо Я не хочу смерти умирающего, говорит Господь Бог, но обратитесь и живите!» (Иез. 18, 23, **30—32).**

«И ныне еще говорит Господь: обратитесь ко Мне всем сердцем своим в посте, плаче и рыдании. Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши, и обратитесь к Господу Богу вашему; ибо Он благ и милосерд, долготерпелив и многомилостив и сожалеет о бедствии» (Иоил. 2, **12—13).**

Утверждай мужеством твое сердце, не предавайся унынию, не говори: «Как мне исполнить заповеди Господа, если я грешник?» Если человек оставит свои грехи и обратится к Богу, то покаяние возрождает его в новую духовную и светлую жизнь (82, **234).**

Благословен Бог покаяния! И благословен Богу возлюбивший покаяние и преклонивший голову под иго покаяния! Родится он свыше в инобытие соединением своей воли с волей Божиею. **Преподобный авва Исаия (82, 235).**

Покаяние нужно приносить от всего сердца, кающийся обязан быть постоянно одним и тем же, а именно: таким, каким начал покаяние. Если он изменит себе, этим обличается, что в его рассудке нет твердого основания. Такой человек приносит покаяние как обучающееся дитя; и как побитый плачет от побоев, а не **по** произволению... не переменяя сердечного расположения. И ты приносишь покаяние с такой мыслью: «Если найду случай, опять предамся пороку». Не желаю тебе, кающийся, постоянно плакать и на краткое время предаваться безрассудству; не желаю тебе безвыходно быть в церкви и вести себя в ней, как на торжище. Не думай, что есть часы для Бога, чтобы преуспевать тебе в мудрости, и есть часы для диавола, в которые должно предаваться распутству. Не рассчитывай, что есть время для благочестия и есть время для беззакония. Так поступают лицедеи: в обществе они люди добропорядочные, а на зрелище бесчестные; в свете заслуживают доверие, а на **зрелище** — обманщики. Но ты и на торжище будь таким же, каков в церкви, так же честен в делах, помыслах, в поступках и словах, как честен в исповеди. **Преподобный Ефрем Сирин (27, 184).**

Весьма достойно удивления, что Господь Бог, изведя Своих людей из земли Египетской с тем намерением, чтобы ввести в землю обетованную, не ввел их в нее сразу, но сначала водил сорок лет по пустыне. А ведь путь от Египта до обетованной Ханаанской земли не более десяти дней, ибо в десять дней можно свободно дойти сухим путем из Египта в Палестину. Но Бог водил Своих людей сорок лет по непроходимым местам, прежде чем ввел их в обетованную землю. Какая причина и цель этого? Цель та, чтобы они совсем отвыкли от тех злых, греховных дел, к которым привыкли в Египте; и прежде чем не отвыкли они от своих греховных нравов, до тех пор не ввел их в обетованную землю. Так и ты, христианин, не можешь войти в открытое для тебя Небо, прежде чем отвыкнешь от тех злых дел, к которым привык."

Кроме того, еще и то удивительно, что за исключением Иисуса Навина и Халева никто не вошел в землю обетованную из тех, кто вышел из Египта, но лишь их дети вошли. Все же вышедшие были покрыты гробами в пустыне, ибо написано: «и воспылал в тот день гнев Господа, и поклялся Он, говоря: «люди сии, вышедшие из Египта, от двадцати лет и выше не увидят земли, о которой Я клялся» (Чис. 32, 10—11). Почему же не допустил Бог войти в обетованную землю всем, кто вышел из Египта, но только детям их был дан этот дар? Златоуст так объясняет причину этого: «Потому,—говорит он,—чтобы наследовавшие обетованную землю не только сами не знали греховных египетских дел, к которым привыкли их отцы, но даже не было бы таких, которые и помнили о них. Потому старые израильтяне и пали мертвыми в пустыне, чтобы в Палестине не научили детей своих тому безбожию и сквернодействию, которые они творили в Египте с египтянами». Если входящим в обетованную землю нельзя иметь даже и воспоминания о грехе, то тем более нам, входящим в отверстое Небо, необходимо истребить не только греховные нравы, к которым привыкли, но даже и память о грехах (исключая сожаление о грехах) необходимо искоренить в нашем уме, чтобы мы не пали мертвыми душой в окаянной пустыне нашей жизни и не лишились небесного входа. **Святитель Димитрий Ростовский (103, 206—207).**

Где нет плодов покаяния, там не истинное покаяние, но ложное, не что иное, как прельщение совести. Поэтому оно ничем и не помогает кающемуся, пока он не оставит грехов и не начнет новой жизни. Ибо **покаяние—не** что иное, как духовное воскресение. Ибо пока человек пребывает в грехах, он хотя и живет телом, но духом мертв, ибо не имеет в своей душе Бога, Который есть жизнь и источник жизни. Что для нашего тела душа, то для нашей души Бог. Тело живет до тех пор, пока в нем находится душа; душа живет до тех пор, пока в ней обитает Бог Своєю благодатью. Тело умирает, если душа покинет его; душа умирает, если Бог ее оставляет. Оставляет же душу Бог не из-за чего иного как из-за греха. Ибо Бог и грех вместе пребывать не могут: «беззакония ваши произвели разделение между вами и Богом **вашим**»,—говорит пророк (Ис. 59, 2). Душа же, лишившаяся благодатного присутствия Божия, как своей жизни, мертва, как и тело, лишившееся души, мертво. К такой душе взывает Бог: «встань, спящий, и воскресни из мертвых» (Еф. 5, 14) **(104, 1464—1465).**

Истинное покаяние есть изменение сердца и нравов злых в добрые нравы. Истинное покаяние непременно порождает стыд и сожаление в сердце кающегося, что он так бесстыдно и бесчинно поступал с Богом. Истинного покаяния не может быть, когда человек не хочет отстать от грехов и проявить послушание Богу; это не покаяние, а прелесть и ложь и потому бесполезно для

кающегося. Ибо покаяние и произвольный **грех** —противоположны одно другому и вместе быть не могут (104, 1427).

Не в том только состоит покаяние, чтобы от внешних великих грехов отстать, но в перемене ума и сердца и обновлении внутреннего состояния. То есть нужно отвратиться от всей суеты мира сего, ибо она препятствует спасению; рассматривать различную душевную немощь, то есть гордость, гнев, зависть, нечистоту, сребролюбие и прочее, жалеть и сокрушаться, что такое зло вошло вместе со змеиным ядом в нашу душу, которая была создана чистой и непорочной, и с таким сожалением и сокрушением молиться Христу, чтобы силою Своею Он исправил и исцелил нас. А когда сердце или внутреннее состояние исправится, тогда и внешняя жизнь и внешние дела будут добрые (104, 1429).

Двоякий плод у истинного обращения и покаяния. Первый плод есть прощение грехов, которого удостоивается кающийся грешник от Преподобного Бога, ради Ходатая всех Иисуса Христа, Господа нашего. «Если бы кто согрешил, то мы имеем ходатая пред Отцем, Иисуса Христа, праведника» (1 Ин. 2, 1) —говорит апостол. А где отпущение грехов, там все блага, приобретенные смертью Христовой, там вместо **гнева** — благодать и милость Божия. О чудное и воистину желаемое изменение! Окаянный грешник приемлется в число праведных, из сына тьмы становится сыном света, из чада **дьявольского** —чадом Божиим, из наследника вечной смерти и **ада** —наследником Вечной Жизни, вечного блаженства и Царствия Божия. Второй плод истинного обращения и покаяния есть новое сердце и новый дух, которого Бог от нас требует: «сотворите себе новое сердце и новый дух» (Иез. 18, 31). Сам Бог обещает подать их истинно кающимся ради святого имени Своего: «дам вам сердце новое, и дух новый дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное, и дам вам сердце плотное. Вложу внутрь вас дух Мой и сделаю то, что вы будете ходить в заповедях Моих и уставы Мои будете соблюдать и выполнять» (Иез. 36, 26—27). В обратившемся всем сердцем и истинно кающемся все становится **иным** —иные мысли, начинания, намерения, иные старания и дела, чем были прежде. **Святитель Тихон Задонский** (104, 1432).

Установитель **покаяния** —**Творец** твой, создавший тебя из ничего. Тем легче Он может воссоздать тебя: сделать сердце боголюбивое из сердца грехолюбивого (108, 99).

Ищи, чтобы ожило твое мертвое, окаменелое сердце, чтобы оно раскрылось для ощущения своей греховности... тогда явится истинный плод молитвы, истинное покаяние. Ты восстанешь перед Богом и будешь вопиять к Нему молитвой из бедственного состояния души, тебе внезапно открывшегося (108, 149).

Покаяние для ожесточенного сердца невозможно: надо, чтобы сердце смягчилось, исполнилось соболезнования и милости к своему бедственному состоянию греховности. Когда объемлется и преисполняется сердце милостью, тогда только делается оно способным к покаянию. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (111, 43).

Нельзя откладывать покаяние,
ибо мы не знаем часа смерти

Не полагайся на лукавого, который внушает тебе обманные помыслы и говорит: «ты еще молод, еще много лет будешь жить; потому теперь веселись и не печаль души своей, в старости

покаешься»... Если не каешься в молодости, в возрасте, полном сил, когда в состоянии понести всякий труд и выдержать подвиг, то, состарившись, не будешь ли представлять в оправдание бессилие? (25, 217).

Иному помысел нередко внушает: «Ты еще молод, в старости покаешься». И если он доживет до старости, помысел скажет: «Теперь ты состарился и имеешь нужду в покое». Необходимо ежедневно работать Господу со страхом и трепетом, ибо кто сказал нам, что мы доживем до старости? А если и доживем до старости, то будет ли у нас добрый помысел, если уже с этого времени мы нерадим о своем спасении? (26, 217).

Горе тому, кто говорит: «Пока наслажусь плотью, а в старости покаюсь», потому что, подобно сети, внезапно накроет его смерть и ожидание его погибнет (26, 535).

Не откладывай, христианин, со дня на день обращения своего ко Господу, чтобы не вышел на тебя внезапно и приговор страшного Судии, призывающий тебя к Нему для возвращения того, что ты приобрел на Его таланты, и чтобы тебе вместо похвал, связанному по рукам и ногам, не получить осуждения во тьму кромешную. Пока еще есть время, постарайся припасть к Судии, чтобы Он простил тебе все грехи (27, 77).

Есть, человек, покаяние, потому что нет ничего невозможного для Бога! Нет покаяния для тех, которые торгуют покаянием. Кто в надежде на покаяние пребывает во грехе, тому нет покаяния (27, 206).

Не медли, кающийся, пока возможен вход в брачный чертог, приготовь себе светлую ризу, потому что нужны брачные одежды. Облечись в белую ризу для вечера, пока не явился внезапно Жених (28, 137).

Притеките к покаянию, грешники, потому что этот мир цветет недолго и скоро преходит. Блаженны кающиеся: Суд ожидает грешников, которые не творили дел праведных (28, 502).

Не сокрыто ли от тебя, когда придет и постигнет тебя конец? Но очищение от грехов можешь получить тотчас, если только будешь молить о нем. Преподобный Ефрем Сирин (113, 558).

Берегитесь, чтобы не отняты были у вас срок и поприще, данные для покаяния, прежде чем вы успеете достичь в покой Сына Божия. Преподобный авва **Исаия** (82, 218).

Когда не осталось в содомлянах... искры покаяния, по Суду Божию они стали добычей огня. Преподобный Макарий Египетский (33, 409).

Никто столь не благ и не милосерд, как Господь, но некающимся и Он не прощает. Преподобный Марк Подвижник (54, 35).

Пока рана еще нова и горяча, она легко исцеляется, застарелые же, оставленные в небрежении и запущенные раны нелегко излечиваются и для заживления своего требуют многих трудов, резаний, присыпаний и прижиганий. Многие раны от времени

делаются неисцелимыми, но у Бога все возможно (Мф. 19, 26). Чем позднее покаяние, тем оно тягостнее. **Преподобный Иоанн Лествичник (113, 559).**

Приступая к Нему, приступай не с лицемерием, не с двоедушием, но с чистой совестью. Прежде чем скажешь что-нибудь неважное или важное, Он предвидит, о чем ты будешь говорить. И прежде чем отвергаешь свои уста, заранее знает, что у тебя в сердце. Не колеблись и не скрывай своего недуга. Врач не жесток, но сострадателен... (36, 274).

Не расслабляй себя избытком долготерпения Божия и не имей намерения навсегда отдалиться удовольствиям. Не говори: «Пока еще понаслаждаюсь любовью, пока попользуюсь молодостью; немного спустя придет время покаяния, завтра покаюсь». Тщетны подобного рода рассуждения, дурны решения твоей воли, плохим советником служит для тебя твоя похоть. Ты говоришь: «Сегодня согрешу, а завтра покаюсь». Хозяин ли ты завтрашнего дня? Если ты вникнешь как следует, то окажется, что и сегодняшним днем ты вполне располагать не можешь: одна часть сегодняшнего дня прошла, а другая еще впереди; та уже не твоя, а эта пока еще не твоя. Ты говоришь: «Сегодня я воспользуюсь удовольствием, а завтра покаюсь». То, что в твоих руках, ты отдашь удовольствию, а то, что не **твое,—покаянию?** Воспользуйся лучше моим советом: сегодняшней день отдай покаянию, а греху не оставляй даже завтрашнего. **Святитель Иоанн Златоуст (42, 975).**

Непрестанно пребывай в покаянии, которое является основанием нашего спасения, так как мы не знаем ни дня, ни часа, в который придет Господь. **Преподобный Нил Синайский (48, 886).**

Мы слышали в Евангелии, как Господь обличает тех, которые состояние неба распознавать умеют, но не могут угадать времени приближения Царствия Небесного. Это сказано иудеям, но слово Господа дошло и до нас. Сам Он, Господь наш Иисус Христос, начал благовестив Свое так: «покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф. 4, 17). Теми же словами начал проповедь и Иоанн Креститель, Его Предтеча. И вот теперь Господь обличает тех, кто не хочет покаяться ввиду приближения Царства Небесного. «Не придет Царствие Божие приметным образом»,—говорит Господь,—оно «внутри вас есть» (Лк. 17, 20, 21). Воспользуемся же благоразумно увещанием Учителя, чтобы не потерять времени милости Спасителя, которая до тех пор оставляет место покаянию, пока не наступит время воздаяния. Ибо для того и шадит Господь человека, чтобы он обратился и чтобы никто не подпал осуждению. Бог знает, когда прийти концу века, а теперь время веры. Застанет ли нас здесь конец века, не знаю; быть может, и не застанет. Но это время к каждому из нас близко, потому что мы смертны. Мы ходим среди опасностей. Итак, послушаем Господа и сотворим в самих себе то, что Он заповедал. Блаженный Августин (116, 149).

Молодой человек есть как бы несжатая нива, как бы необорванный виноградник, полный плодов, то есть сил, крепости и способностей к богоугождению. Но кто в нем пожинает эти плоды? Приходит мир с суетой, как с серпом, и пожинает себе; приходит плоть с серпом природных страстей и пожинает себе, что хочет; приходит диавол с соблазнительными искушениями и старается пожать и поглотить даже и остатки. Когда же минуют молодые годы и наступит осень старости, тогда сам человек

захочет пожать что-либо на ниве своей жизни или обобратить свой виноградник, но не найдет ничего полезного: все прежде его пожали и **обобрали**—мир, плоть и диавол, а ему осталась солома. Остается он в скудости, имея возможность найти во всей жизни своей едва какой-либо колос, едва какую-либо небольшую гроздь добродетелей. Видя же при кончине всю свою скудость и нищету и рассмотрев всю свою жизнь, прошедшую в нерадении, разве не зарыдает он, говоря: «О, горе мне!» Также и святой Ангел Хранитель, не имея возможности собрать что-либо доброе при кончине такого человека и положить это доброе против злых **его** дел, пророчески зарыдает, плача и говоря: «О, горе мне!»

Итак, нехорошо молодому откладывать покаяние до старости (103, 543).

Вспомним еще святого Григория, который говорит: «Часто те, беззаконие которых Бог долго терпит, неожиданно похищаются смертью, так что им не приходится и поплакать при смерти о содеянном». Итак, никто пусть не говорит: покаюсь при смерти, покаюсь во время последней болезни. Хорошо говорит Господь Бог наш: «должно делать дела... доколе есть день; приходит ночь, когда никто не может делать» (Ин. 9, 4). Днем является жизнь наша, ночью **же**—кончина наша. Если днем ни сеешь, ни насаждаешь, ни жнешь, ни собираешь, то как это будешь делать ночью? Если во дни временной жизни твоей не умножаешь добрых дел, то как приобретешь их при кончине, откуда соберешь их?

Гордый царь Навуходоносор, много прогнававший Бога и вызвавший Его ко мщению, увидел во сне великий дуб, образ своей высоты, и услышал голос: «срубите это дерево» (Дан. 4, 11). Святой пророк Даниил, толкуя ему и объясняя, что на нем, Навуходоносоре, должен исполниться этот сон, советует ему: «искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным; вот чем может продлиться мир твой» (Дан. 4, 24). Мы же рассмотришь только одно слово «может»: «вот чем может продлиться мир **твой**».

Слово «может» есть слово сомнения, будет ли то или не будет? Будет ли милостив Бог или не будет? Посмотрим: святой пророк Даниил дает совет Навуходонозору рассыпать грехи милостынями, но прощение грехов он считает неизвестным, сомнительным, ибо говорит: «может продлиться мир твой». Хорош совет пророческий, но надежда на спасение неопределенна, и удивительно, как пророк, провидевший будущее, не провидел **ясно**, милостив ли будет Бог к грехам Навуходоносора. Прежде времени царь не позаботился о своих грехах и не давал милостыню, но если сделает это уже при посечении своем, «может продлиться» мир его. Если же пророк не знал о том, принята ли будет милостыня Навуходоносора при кончине его, то как ты, не будучи ни святым мужем, ни пророком и не заботясь о своем спасении, как, говорю, ты можешь быть уверен, что при кончине твоей сотворишь милостыню, и что эта милостыня твоя будет принята, и что ты сподобишься прощения? Делайте, пока есть день, пока вы здоровы и в состоянии; когда же склонится день жизни, постигнет вас смертная ночь и изнеможете и телом, и духом, тогда не мечтайте сделать что-либо доброе, согласно словам Господа: «приходит ночь, когда никто не может делать» (Ин. 9, 4). **Святитель Димитрий Ростовский (103, 545—547).**

Видишь, что всему определено свое время, как говорит Екклесиаст: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом» (Еккл. 3, 1). Птицы в свое время строят гнезда и выводят птенцов; скоты и звери в свое время сходятся и рожают; рыбы также в свое время; деревья и травы в свое время одеваются листвою, цветут и приносят плоды; земледельцы в свое время пахут, сеют и собирают **плоды**—всякой вещи свое время определил наш Создатель Бог.

Это учит нас, что и нам Бог определил свое время к исканию вечного спасения. Это настоящее время, «сегодня», пока находимся в этом мире,

пока мы живы и в пути. Это время определено нам к исканию спасения, которое Христос, Сын Божий, заслужил Своею Кровию. Потому это время уподобляется в Писании времени сеяния: «Что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление, а сеющий в дух от духа пожнет жизнь вечную» (Гал. 6, 7—8) ... Будет время, когда никто не получит этого, даже если будет искать со слезами и воздыханиями. Как неразумные земледельцы, пропустив удобное время, хотя и сеют, но только губят семена, ибо не в то время сеют, когда нужно, так и неразумные грешники будут некогда искать спасения, но не получают его, ибо тогда будет время Суда, а не покаяния.

Ныне время сеять, искать, просить, стучать в двери милосердия Божия, когда Бог обещал услышать и помочь; и Он слушает и помогает. «Ибо сказано: во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог Тебе. Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения» (2 Кор. 6, 2). Ныне «всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Мф. 7, 8), говорит Христос. Тогда этого не будет.

Я, мол, при смерти могу покаяться, говорит кто-нибудь. С таким покаянием можешь и в ад пойти. О, человек, тогда ли хочешь каяться, когда прекращается время покаяния и наступает время Суда и наказания? Тогда ли хочешь обратиться к Богу, когда Бог тебя призовет к ответу? Тогда ли хочешь искать, когда время уже проходит? Бесспорно, должно и каяться при смерти, и особенно молиться, и с усердием призывать Бога, ибо тогда душе предстоит самый великий подвиг. Но откладывать покаяние до смерти — это прельщение ума, нерадение о спасении и уловка диавола, который вкладывает такую мысль в сердце человека и учит его нарушать закон Божий бесстрашием, прогневлять Бога и откладывать покаяние со дня на день, чтобы так обманом погубить человека. Поэтому, если хочешь блаженно умереть, ныне будь таким, каким хочешь быть при смерти. Рассуждай о мирских вещах, чести, славе, богатстве и роскоши ныне так, как рассуждают умирающие, которые тогда все оставляют. Берегись греха и о сделанном сожалеешь ныне так, как тогда берегутся и сожалеют. Хочешь тогда получить отпущение грехов от Бога во имя Христово? Позаботься об этом теперь. Хочешь тогда получить у Бога милость? Ищи ее теперь.

Но кто хочет получить милость у милостивого Бога, тот перестает прогневлять Бога и о прежнем бесстрашии сожалеет. Тот же перестает Его прогневлять, кто перестает грешить и творит плоды покаяния.

Рассуждай об этом, грешная душа, и внемли словам Предтечи: «Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (Мф. 3, 10). Видишь, куда грешники, не творящие плодов покаяния, определяются: они будут посечены, как бесплодные деревья, секирой Божиего Суда и будут брошены, как дрова, в огонь вечный. **Святитель Тихон Задонский (113, 568).**

Покайтесь и веруйте в Евангелие (Мк. 1, 15). К покаянию надо прибегать, как к священному якорю. Семь раз в день падая, семь же раз в день надо и вставать. Евангелие нам в этом случае представляет утешительные примеры. Мы видим в нем оправданных мытарей, плачущих блудниц, которым отпущены грехи, разбойников, отверзающих себе

путь в Небо голосом покаяния, гонителей, причисляемых к апостольскому лику. Все это грешная душа пусть примет себе в уверение, что и покаяние спасительно, и Судия на сердечное умиление грешника преклоняется милосердием, и огненная река Страшного Суда Его угащается слезами покаяния. И потому-то святой Амвросий, умирая, свободно мог сказать: «Не боюсь умереть, ибо имею Благого Господа».

Многие, закоснев во зле, льстят себе надеждой, что могут покаяться при смерти; но кроме того, что эта надежда неопределенна, святые отцы считают, что у человека, который всю жизнь прожил нераскаянно, едва ли может быть при смерти истинное покаяние. Ибо тогда уже не он дурные дела, но дурные дела его оставляют.

Были некоторые учителя, которые столь строго толковали апостольские слова, что, по их мнению, тех, которые однажды отверглись Христа, сколько бы они после ни раскаивались, сколько бы ни проливали слез, больше нельзя принимать в христианство, а оставить их участь навсегда с неверными и осужденными, ибо невозможно таких «опять обновлять покаянием» (Евр. 6, 6).

Если принять такое толкование, что остается делать грешнику, который своей беззаконной жизнью отвергается Христа, презирует Евангелие, уничтожает дары Духа Святого, гнушается сладчайшего вкуса слова Божия, не внемлет силе Грядущего Века, — что остается делать такому грешнику, как только погрузиться в отчаяние и каждую минуту видеть перед собою отверстый ад?

Но вся Церковь, страшась подвергнуть кого-либо ужасу такой судьбы и рассуждая, что нет греха, превосходящего человеколюбие Божие, упомянутые слова апостола понимает так: невозможно грешника снова обновлять покаянием Крещения. Этой священной дверью он введен в Церковь, сопричислен христианству, отлучен от неверных. Поэтому хотя он и грешник, но должен считаться только больным и требует лечения. Хотя бы он отрекся и от веры Христовой, но раскаивается в этом, и его падение считается величайшим, но не таким, чтобы не силен был Бог снова восстановить его. Нет нужды снова действием Крещения сопричислять его к Церкви, к которой он уже был сопричислен. Достаточно того, чтобы он своим плачем и сокрушением вызывал сожаление у Бога и людей; достаточно того, чтобы глаза его стали источниками слез и наполнили бы купель покаяния для его таинственного омовения в ней. Достаточно, чтобы он положил непреклонное намерение впредь на свою блевотину не возвращаться. Отвергшегося Петра и гонителя Павла человеколюбиво принял Господь, не отвергнет и всякого грешника, прибегающего к Нему с таким покаянием.

Кающийся признает свой грех, а Бог этот грех изглаживает из книги осуждения. Кающийся въздыхает, а Бог собирает его въздыхания в недро Свое. Кающийся проливает слезы, а Бог их отирает. Кающийся испытывает угрызания совести, а Бог прилагает к ней пластырь утешения. Кающийся изнурует постом свое тело, но дух его обновляется. Кающийся углубляется в молитву, но мысль его возносится к Небесам. Кающийся обличает себя и стыдится себя самого, но Сын Человеческий не постыдится его, когда придет во славе Своей (Лк. 9, 26).

Христианин! Будешь ли, уповая на это, пребывать в грехе или нерадеть о благодати и долготерпении Божиим? Не потому должны быть больные, что есть лечение, но потому изобретено лечение, что могут быть больные. Не истинно покаяние того, кто никогда не перестает грешить и как будто нарочно ищет болезни, чтобы истощить действие лечения и искусить силу врача. Смотри, чтобы не быть отвергнутым, как злоупотребляющий Благой Божией и благодатью. «Земля, пившая многократно сходящий на нее дождь и произращающая злак, полезный тем, для которых и

возделывается, получает благословение от Бога; а производящая терния и волчцы негодна и близка к проклятию, которого **конец** — сожжение» (Евр. 6, 7—8). Бойся того, что «по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев на день гнева и откровения праведного суда от Бога» (Рим. 2, 5). Юность прошла в сладострастии; совершенный возраст не уменьшил, а умножил беззакония; старость также проходит в расслаблении тела и души; найдет внезапно Суд и осудит раба неключимого. Платон, митрополит Московский (106, 17—22).

Господь начал проповедь Свою так: «исполнилось время и приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мк. 1, 15). В конце веков тоже будет сказано: исполнилось время, приблизилось Царствие, но будет прибавлено не «покайтесь и веруйте», а «Выходите на Суд». Время покаяния и трудов самоисправления кончилось; давай каждый отчет в том, что сделал на земле благого или злого. Итак, пока время, поспешите воспользоваться им к своему спасению. Объятия Отчие отверсты к принятию всех, приходящих с искренним чувством сокрушения о прошедшем и с желанием впредь поработать Богу усердным исполнением Его святых заповедей. Для каждого из нас **конец века** — смерть; она дверь в другую жизнь. Почаще посматривай в нее и повернее для себя определяй: что же **потом?** — и, определив, без жалости к себе примись за труды, чтобы заготовить неготовое ко вступлению туда, где радость нескончаемая, и к отстранению всего, что может подать право слугам тьмы крошечной возобладать нами и увлечь в свою область, откуда уже не будет выхода. Епископ Феофан Затворник (107, 251—252).

Если случится сказать или сделать что-нибудь противное заповедям Божиим, то немедленно врачуй погрешность покаянием, и посредством искреннего покаяния возвращайся на путь Божий, с которого уклонился нарушением воли Божией (108, 299—300).

Вечером, отходя ко сну... рассмотри действия свои в течение прошедшего дня... припомнив все согрешения свои делом, словом, помышлением, ощущением, принеси в них покаяние Богу с расположением и сердечным залогом исправления. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (108, 300).

ИСПОВЕДЬ

«Но я открыл Тебе грех мой и не скрыл беззакония моего; я сказал: „исповедую Господу преступления мои“, и Ты снял с меня вину греха моего» (Пс. 31, 5).

Как человек, крещаемый человеком, то есть священником, просвещается благодатью Духа Святого, так и исповедующий в Покаянии грехи свои приемлет оставление их через священника благодатью Иисуса Христа. Святитель Афанасий Великий (113, 544).

О том, какие грехи прощать, не нужно и спрашивать, потому что Новый Завет не делает никакого различия и обещает

отпущение всякого греха кающимся как должно. **Святитель Василий Великий (8, 187).**

Прошу вас, возлюбленнейшие братия, да исповедуем каждый свой грех, пока согрешивший находится еще в этой жизни, когда исповедь его может быть принята, когда удовлетворение и отпущение, совершаемое священниками, угодно Господу. **Святитель Киприан Карфагенский (113, 544).**

Кто может отпускать грехи, кроме одного **Бога**, Который также отпускает их через тех, кому дал власть отпускать? ...Это право предоставлено одним священникам. Люди совершают только служение во отпущение грехов, но не проявляют какой-либо собственной власти, ибо не в свое имя отпускают, а во имя Отца и Сына и Святого Духа; они просят, Бог дарует; человеческое здесь послушание, а милосердие принадлежит верховной власти. **Святитель Амвросий Медиоланский (113, 544—545).**

Ходатай Бога за людей человек Господь Иисус Христос даровал предстоятелям Церкви власть, чтобы они и преподавали освящение Покаяния кающимся, и через дверь примирения допускали их, очищенных спасительным удовлетворением, к приобщению Святых **Таин**. Но в этом деле непрестанно участвует Сам Спаситель. **Святитель Лев, папа Римский (113, 545).**

Помышления твои открывай не всем, но только тем, которые могут спасти твою душу (82, 22).

Не открывай своих помыслов всем, чтобы не ввести брата твоего в соблазн. Преподобный **Антоний Великий (82, 31).**

Никакого помысла вашего, никакой скорби, никакого пожелания, никакого подозрения на ближнего, производящих в вас смущение, не скрывайте; исповедайте их со всей искренностью вашему духовному отцу, и что услышите от него, старайтесь принимать с верой (82, 163).

Каждый помысел, производящий в тебе брань, открывай наставнику твоему, и облегчится твоя брань. Из-за стыда не позволяй себе скрыть ни одного такого помысла, потому что демоны находят себе место только в том человеке, который утаивает свои **помыслы—как** благие, так и лукавые (82, 169).

Если вопрошаешь о твоём помысле, то вопросы прежде чем исполнишь его. Спроси о нем в то самое время, как он борет тебя, будет ли это помысел о перемещении, или об обучении какому-либо рукоделию... или о совместном жительстве с некоторыми братьями, или о разлуке с ними. Вопросай свободно обо всем этом, прежде чем приведешь помысел в исполнение (82, 180—181).

Прежде чем согласишься старцев, помолись Богу: «Господи, Боже мой! Сотвори со мною милость и внуши отцам дать мне ответ по воле Твоей». Помолившись так, спроси отцов, исполни с верой то, что они скажут, и Бог успокоит тебя (82, 181).

Если ты немощен и преклонен к страстям, то не допускай братьям открывать тебе приходящие им страстные помыслы как бы достигшему бесстрастия, потому что это губительно для души твоей (82, 183).

Не советуйся о помыслах твоих со всеми; советуйся о них только с твоими отцами. Иначе навлечешь себе скорбь и смущение (82, 184).

Умалчивание греховных **помыслов** — свидетельство искания похвал и срамной славы мира. Тот, кто искренне открывает страстные помыслы своим отцам, изгоняет эти помыслы. **Преподобный авва Исаия** (82, 202).

Не открывай совести твоей тому, к кому не расположено сердце твое. **Преподобный Пимен Великий** (82, 332).

Если тебя смущают скверные помыслы, не скрывай их, но тотчас говори о них твоему духовному отцу и обличай их. Чем более скрывает человек свои помыслы, тем более они умножаются, укрепляются и твердеют. **Изречения безымянных старцев** (82, 375).

Многие торгуют исповедью, нередко выставляя себя напоказ лучшими, чем есть. Другие промышляют покаянием, покупая им себе славу. Иные обращают покаяние в повод к гордыне и вместо прощения пишут на себя новое долговое обязательство (27, 185).

Бог хочет услышать от нас грехи наши не потому, что не знает их. Напротив, Ему угодно, чтобы мы сами через исповедь осознали свои грехопадения (27, 368).

Ты стыдишься и краснеешь, когда нужно сказать свои грехи. Стыдись лучше грешить, чем исповедаться. Размысли: если не будет принесена исповедь здесь, то все будет исповедано там перед всей вселенной. Где больше мучения? Где больше стыда? На деле мы отважны и бесстыдны, а когда должны исповедаться, тогда стыдимся и медлим. **Преподобный Ефрем Сирин** (27, 369).

Объявляй свой грех не только как осуждающий себя, но и как ищущий оправдания посредством Покаяния, тогда ты будешь в состоянии побудить исповедующуюся душу не впадать более в те же грехи (35, 33).

Когда согрешишь, не выжидай обличения от другого, но прежде чем будешь обличен и обвинен, сам осуждай свои поступки, потому что если уже обличит тебя другой, твоя исповедь будет не твоим делом, но плодом стороннего обличения (35, 746).

Признание в грехах весьма способствует их исправлению; отрицание греха после совершения его становится тягчайшим из грехов (38, 180).

Истинное исповедание в том, чтобы, отвергнув грех от всей души... избегать его и никогда уже не возвращаться к нему (39, 879).

Если иерей получил власть отпускать грехи, совершенные против Бога, то гораздо скорее он может отпустить и изгладить грехи, совершенные против человека (46, 687).

Ничто столь не губительно для греха, как его обличение и осуждение, соединенное с покаянием и слезами. Ты осудил свой грех? Этим ты сложил с себя бремя. Кто говорит это? Сам **Судия — Бог**. «Станем судиться; говори ты, чтоб оправдаться»

(Ис. 43, 26). Почему, скажи мне, ты стыдишься сказать о грехах? Разве ты говоришь человеку, который станет упрекать тебя? Разве исповедуешься перед рабом, который разгласит твои дела? Господу, Промыслителю, Человеколюбцу, Врачу показываешь ты рану. Разве Он, Который знает наши дела еще до совершения их, не будет знать, если ты не скажешь? Разве грех от обличения его делается тяжелее? Напротив, легче. И Бог требует от тебя признания не для того, чтобы наказать, но чтобы простить; не для того, чтобы Ему узнать грех твой, — разве Он и без этого не знает? — но для того, чтобы ты узнал, какой долг Он прощает тебе. Он хочет показать тебе величие Своей Благости для того, чтобы ты непрестанно благодарил Его, чтобы был медлительнее на грех, ревностнее к добродетели. Если же ты не скажешь о величии долга, не узнаешь и превосходства благодати. Я не заставлю тебя, говорит Он, выходить на середину зрелища и окружать себя множеством свидетелей; Мне одному, наедине, скажи грех, чтобы Я уврачевал рану и избавил от болезни.

Если бы кто из мирских судей предложил кому-нибудь из пойманных разбойников или грабителей открыть свои преступления и таким образом избавиться от наказания, то они очень охотно приняли бы это, презирая стыд ради своего спасения. А здесь не бывает ничего такого, но Бог и отпускает грехи, и не заставляет высказывать их в присутствии других, но требует только одного, чтобы сам получающий отпущение познал величие дара.

...Господь, зная слабость нашей природы, когда мы, преткнувшись, впадаем в какой-нибудь грех, требует от нас только того, чтобы мы не отчаивались, но отстали от грехов и поспешили к исповеди. И если это мы сделаем, Он обещает нам скорое помилование, потому что Сам говорит: «разве, упав, не встают и, совратившись с дороги, не возвращаются?» (Иер. 8, 4).

Если Он разбойника, бывшего на кресте, удостоил благоволения Своего, то тем более удостоит нас Своего человеколюбия, если мы захотим исповедаться в наших прегрешениях.

Итак, чтобы и нам воспользоваться Его человеколюбием, не устыдимся исповедать свои грехи, ибо велика сила исповеди и много может сделать она. Вот и разбойник исповедался и нашел открытый вход в рай.

Зная это, не пренебрежем человеколюбием Господа, но, чтобы нам не быть наказанными и не подпасть суду, пусть каждый войдет в свою совесть и, исследовав жизнь и тщательно рассмотрев все грехи, пусть осудит душу, сделавшую их, пусть обуздает помыслы, укроит, стеснит ум свой и накажет себя за грехи строгим покаянием, слезами, исповедью, постом и милостыней, воздержанием и любовью, чтобы, оставив здесь свои грехи, мы могли отойти туда с полным дерзновением. **Святитель Иоанн Златоуст (113, 553).**

Нет другого, более надежного пути к спасению, чем открывать свои помыслы опытным отцам, направляющим к добродетели, вместо того чтобы следовать собственному помыслу и рассужде-

нию. Из-за неопытности и неискусности одного или нескольких не нужно опасаться открывать свои помыслы более опытным отцам, ибо и они не по собственному побуждению, но по внушению от Бога и Божественного Писания заповедали младшим вопрошать старших. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (авва Моисей 53, 198).

Мы не должны удивляться, если и после исповеди бываем боримы, ибо лучше бороться с нечистотой, чем с превозношением (57, 44).

Хотя бы мы и имели дар прозорливости, мы не должны предупреждать согрешивших объявлением их грехов, лучше побуждать их самих к исповеди. После исповедания мы должны удостаивать их большей, чем прежде, заботы и более свободного доступа к нам, ибо они более преуспели в вере и любви к нам. Преподобный Иоанн Лествичник (57, 266).

Благоутробный, человеколюбивый и желающий нашего спасения Бог премудро поставил между нами и Собою Таинство Исповеди и Покаяния. Он дал каждому власть, если захочет, через Исповедь и Покаяние восстать от своего греховного падения и снова прийти в прежнее родство, славу и дерзновение, какие имел у Бога, снова стать наследником всех благ. Преподобный Симеон Новый Богослов (60, 299).

Не скрытничай (на исповеди), чтобы не остаться неисцеленным. Преподобный Феодор Студит (69, 377).

Исповедь есть Таинство святого Покаяния, в котором человек через вольное и смиренное исповедание грехов получает от милосердия Божия прощение, согласно написанному в псалмах: «я сказал: «исповедаю Господу преступления мои», и Ты снял с меня вину греха моего» (Пс. 31, 5). Таинство же это есть Таинство Божие, ибо от Самого Бога исходит власть прощать людям грехи, согласно написанному в Евангелии: «кто может прощать грехи, кроме одного Бога?» (Лк. 5, 21). Ему единому мы исповедуем свои грехи, духовный отец является слушателем и свидетелем нашей исповеди и вместе с тем установленным Богом судьей и разрешителем. Итак, никому не должна быть известна эта тайна Божия, кроме Самого всеведущего Бога и духовного отца, как свидетеля и слушателя дел, исповеданных устами кающегося.

Это Таинство Божие запечатлено печатью Самого Бога, то есть Духа Святого, который завершает это Таинство, как сказал Господь святым апостолам: «примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся» (Ин. 20, 22—23). Совершает это Таинство Дух Святой через иерея, как через орудие, прощая исповеданные грехи и оправдывая грешника разрешением, которое произносится устами иерея. Этим, как печатью, утверждается прощение и оправдание и запечатлевается тайна исповеди, и никто не должен разрешать эту печать и делать исповеданное известным людям, согласно словам апостола: «Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдывает их. Кто осуждает?» (Рим. 8, 33—34). То есть кто имеет право обличать грехи рабов Божиих,

которых оправдал Бог ради их исповедания и избрал в наследники Царствия Своего ради их покаяния? Если Бог оправдал, человек пусть не осуждает. Если Бог скрыл, человек да не обличает. Если Бог утаил, человек да не объявляет.

Божие **милосердие** — как бы море, а грехи **наши** — как камни, тяжело нас угнетающие. Как брошенный в море камень лежит в глубине, никому не ведомый, так и грехи наши, **вверженные** исповеданием в море милосердия Божия, никому не могут быть известны.

Духовный отец в этом Таинстве, **как** заступающий место Самого Христа Бога и Судии праведного, должен и нрав Его проявлять. Как Христос Бог, зная грехи всех, не обличает и никому не объявляет прежде последнего Своего Страшного Суда, так и духовный отец, заступающий место Христова, не должен объявлять грехов, сказанных на исповеди, не должен и обличать не только добровольно, но и принуждаемый к этому кем-либо **силою**.

Если бы какой властелин или суд гражданский повелел или еще кто-либо принуждал иерея сказать какой-либо грех своего духовного сына, если бы угрозами, муками и смертью устрасал и убеждал открыть чей-либо грех, то иерей должен скорее умереть и мученическим венцом венчаться, чем разрушить печать исповеди и тайну Божию предать известности, объявляя о грехах своего духовного сына. Ибо лучше отцу духовному за необъявление исповеди принять временную смерть от людей, убивающих тело, души же не могущих убить, чем быть наказанным Богом за объявление вечной смертью.

Кроме того, отец духовный должен заботиться еще и о том, чтобы не только ни одним словом не дерзнуть обличить своего духовного сына, но даже знаком каким-нибудь не подвергнуть его подозрениям человеческим, чтобы не могли люди и догадаться по чему-либо о его грехе. Поэтому духовник не должен налагать явной **епитимии** за тайный грех, сказанный на исповеди. Потому что если он наложит явную **епитимию** за тайный грех, то многие начнут доискиваться, за какой именно грех наложена такая епитимия, а это будет противно Таинству Божию и печати исповедания.

Пусть знает духовный отец и то, что по совершении исповеди он не должен помнить грехов, исповеданных ему, но обязан предавать их забвению и не только не объявлять о них никому, но даже и с самим своим духовным сыном не беседовать потом о его грехах, слышанных на исповеди, разве только сам духовный сын наедине вспомнил бы об исповеданных прежде грехах, ища или полезного поучения, или облегчения **епитимии**, которой он не может понести, или по иному какому случаю.

Если же какой неискusstный иерей, неистовствуя в гордыне или тщеславном превозношении, дерзнет обличать детей своих духовных и объявлять перед людьми грехи их, таковой, как богопротивник, разоритель Таинства Божия и печати Святого Духа, подпадает Страшному Суду Божию и вечной казни. Его ждет вечная мука с Иудой, предателем Христовым, ибо открывающий тайну Божию, то есть исповедь, и предающий ее в ведение людям предает самого Христа, находящегося в кающемся человеке. Такой духовник уже не духовник, но Иуда, Христов предатель, и даже больше **того** — сам сатана, клеветник братии нашей, сверженный с Неба, от которого великое горе людям; ибо горе, а не спасение бывает от такого духовника. **Святитель Димитрий Ростовский (103, 153—155).**

Есть различие между грехами от немощи и грехами произвольными, преднамеренными грехами против совести. Грех от немощи, какой случается и с благочестивыми людьми, нужно обличать

легко и ласково. Но грехи, творимые против совести и от произволения, а особенно застарелые и вошедшие в обычай, требуют жестокого и строгого обличения, как застарелая болезнь требует горького и сильного лекарства. Ибо такие грехи явно ведут к гибели грешников и от них нельзя освободить иначе как жестоким наказанием и помощью Божией. Таких грешников надо обличать строго, чтобы, как от грома, пробудились они от сна греховного и сотворили истинное покаяние. Надо везде говорить истину и не молчать о том, что должно говорить (104, 849).

Надо объявить исповедующемуся, чтобы всем простил, на кого имеет вражду, поскольку и Бог не прощает тому, кто сам не оставляет согрешений ближнему. Так учит Сам Христос: «если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф. 6, 15). Пусть примирится со всеми, кого бы чем ни обидел, и если что похитил, пусть возвратит (104, 849—850).

Надо напоминать, чтобы (исповедующийся) сильно сожалел и сокрушался сердцем о том, что Бога, Творца своего, прогневал, поскольку устное исповедание без сердечного сокрушения не помогает. Кающемуся же с сожалением и сердечным сокрушением — говорить о милосердии Божиим, которым Бог всех кающихся грешников объемлет (104, 850).

В исповеди поступай весьма осторожно: берегись, чтобы не привести грешника в отчаяние; также берегись, чтобы грешник не привык к греху. Грешник легко привыкает к греху, когда грех остается без наказания. Священник обычно говорит: «Бог простит, Бог простит». Но смотри, каково покаяние, истинно ли человек кается, обещает ли впредь отстать от греха? Также в отчаяние может прийти грешник, если иерей поступает с ним жестоко, показывая тяжесть греха, а о великом милосердии Божиим не упоминая; в этом случае иерей должен и о праведном Суде Божиим говорить некающимся грешникам, и кающимся истинно напоминать о неисповедимом милосердии Божиим (104, 1325).

Многие называют себя грешными и многогрешными (без сомнения, всякий человек — грешник, по Писанию) (1 Ин. 1, 8), но от людей этого не терпят. Кто истинно, нелицемерно и в сердце своем называет себя грешником, тот всякое поношение легко претерпит и не проявит признаков гнева, ибо смирен. Святитель Тихон Задонский (104, 1647—1648).

«Признавайтесь друг пред другом в проступках и молитесь друг за друга, чтобы исцелиться: много может усиленная молитва праведного» (Иак. 5, 16). И рассудок нам внушает, и слово Божие сильнейшим образом склоняет нас, чтобы мы раскаивались в своих преступлениях. Покаяйтесь, покаяйтесь. Этого спасительного внушения никто не опровергает, разве уж совершенно ослепленный страстями и сожженный совестью.

Раскаяние есть осознание своего преступления и сердечное сожаление и терзание о нем с желанием, чтобы предрасположить себя к лучшему, и с боязнью, чтобы опять не возвратиться к плохому. И как отсюда видно, что преступление усматривает во

мне моя мысль, и терзание мое производится в сокровенной глубине моего сердца, и стремление мое к лучшему, и боязнь, как бы не впасть в прежнее преступление, есть в душе моей, что все подробно видит испытующий сердца и утробы Бог, то на что же, скажет кто-нибудь, сверх того еще исповедь, то есть чтобы мне грехи свои открывать и говорить о них перед Церковью или служителем ее?

...Для того, душа кающаяся, что ты проходишь разные степени покаяния: то признаешь свои грехи, то о них сожалеешь, то сокрушаешься, вздыхаешь и плачешь, то в исповеди преодолеваешь стыд, то переламаываешь привычку, то постом себя изнуряешь, то молитвенный труд переносишь, то от развращенных людей, от которых отстаешь, терпишь поношения и презрение. Это различные степени покаяния.

...Нет, **нет!** — **вопиешь** ты, приступая к **исповеданию**, — пока еще долготерпение Божие не обнаружило моих грехов, пойду я к церковному служителю, к моему пастырю, держащему в руках своих ключи Царствия Небесного, пойду к нему и сокровенно открою мою немощь; покажу ему мои раны; исчислю ему мои грехопадения; искренностью засвидетельствую мое прямое раскаяние; слезами смягчу свое жестокосердие. Представлю себя самоосужденным грешником, да наставит он меня к лучшей жизни, да ободрит милосердием Божиим, да разрешит сладким евангельским голосом и да вручит мне драгоценный дар Тела и Крови Господа без моего осуждения. Вот из какого святого начала произошла исповедь, которая и ныне в Церкви Христовой является таинственным и нужным для христианина действием!

Что же? соблюдают ли это христиане с таким тщанием, как этого требует их существенная польза и спасение? Если они святы и никакому греху не причастны, то, правда, не имеют в том нужды, а должны только с Ангелами воспевать радостную песнь благодарения и хваления. Но если они грешны, как это и есть на самом деле, то почему пренебрегают столь нужным лечением?

Рана всегда остается опасной, если ее или не открыть врачу, или запустить лечение. И в самих наших житейских делах мы много бы погрешали, если бы ни в чем ни от кого не принимали ни советов, ни наставлений, а только бы поступали по одним своим мыслям; тем более в управлении душой нашей нужны советы и наставления. Исповедь установлена, чтобы мы открыли свою совесть духовнику или сердцеведцу Богу. Открыв, докажем, что мы не ожесточены во грехе, что есть в нас надежда исправления, ибо ищем исцеления. Открыв, получим совет, каким образом впредь нам от греха предостерегаться; открыв, примем наставление, показывающее нам права и действия суда Божия; открыв, удостоимся милостивого прощения **от Того, Кто один** «имеет власть на земле прощать грехи» (Мф. 9, 6). А этим успокоим дух свой, томимый страстями и боязнью наказания. **Платон, митрополит Московский (105, 305—308).**

Душа, знающая, что она обязана исповедать свои грехи... этой самой мыслью, как бы уздою, удерживается от повторения прежних согрешений (108, 101).

Кто исповедует свои грехи, от того они отступают, потому что грехи основываются и крепятся на гордости падшего естества и не терпят обличения и позора (108, 102).

Если ты стяжал навик к грехам, то учащая исповедь их — и вскоре освободишься из греховного плена, легко и радостно будешь следовать Господу Иисусу Христу (108, 102).

Таинством Исповеди решительно очищаются все грехи, сделанные словом, делом, помышлением (108, 102).

Телесное вожделение увядает от исповеди скорее, чем от поста и бдения (108, 490).

Душа того человека, который имеет обычай часто исповедовать свои согрешения, удерживается от согрешений воспоминанием о предстоящей исповеди; напротив, не исповедуемые согрешения удобно повторяются, как бы совершаемые в потемках или ночью (109, 339).

Исповедание грехов необходимо, чтобы надлежащим образом раскаяться в прежних грехах и для того, чтобы предохранить себя на будущее время от падения в грехе (109, 392).

Помыслы, хотя и греховные, но мимоходящие, не привившиеся душе, не нуждаются в немедленной исповеди (112, 150).

Ничто, ничто так не помогает исцелению от раны, нанесенной смертным грехом, как частая исповедь. Ничто... не содействует так умерщвлению страсти... как тщательная исповедь всех проявлений ее. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (112, 460).

Однажды, перед благовестом, преподобный Пафнутий Боровский сидел на церковной паперти и погрузился в дремоту. Внезапно ему представилось, будто открываются монастырские ворота и множество людей со свечами идут в церковь. Посреди них — князь Георгий Васильевич, который сперва поклонился храму Божию, а потом блаженному отцу. Поклонился и ему Пафнутий и сказал: «Ты уже преставился сын мой и князь?» — «Действительно так», — отвечал Георгий. «Каково же ныне тебе там?» — спросил опять Пафнутий. Тот отвечал: «Твоими святыми молитвами, отче, благое даровал мне Бог. Особенно же потому, что когда я шел против агарян, я у тебя чисто покаялся». Когда начал звонить пономарь, очнулся преподобный от чудного видения и прославил Бога. Этот богобоязненный князь Георгий, проживший в безбрачии до конца дней, часто приходил на исповедь к отцу Пафнутию и говорил своим близким: «Всякий раз, когда иду на исповедь к старцу, у меня колени подгибаются от страха». **Троицкий Патерик** (90, 244—245).

Святителя Димитрия исповедание грехов, глаголемое пред иереем от лица **кающегося**

Исповедаюся Господу Богу Вседержителю, в Святой Троице славимому и поклоняемому, Отцу и Сыну и Святому Духу, и Преблагословенной Приснодеве Богородице Марии, и всем святым* и тебе, честный отче, всех моих грехов ихже зле содеях,

* Таинство Покаяния для его совершения необходимо предполагает только грешника, исповедующего грехи свои, Господа, невидимо приемлющего исповедание грешника, и священника, как «свидетеля точно», видимо разрешающего или не разрешающего от грехов согласно Божественной воле Учредителя этого святого Таинства. Исповедание грехов в Таинстве Покаяния и пред святыми (наряду с Самим Господом) не относится к существу этого Таинства. — *Примеч. Булгакова С. В.*

мыслию, словом, делом и всеми моими чувствами, яко во гресех зачахся, во гресех родиися, во гресех воспитанъ, и во гресех по Крещении даже до сего часа пожил есмь.

Исповедую такожде, яко согреших зело гордостию, тщетною славою, превозношением тако очес, якоже и одежды и всех деяний моих,

завистию, ненавистию,
вожделением тако чести, якоже и сребролюбия,
гневом,
печалию,
ленивством,

чревоизлищством,

святотатством, неправедною клятвою,
прелюбодеянием,
татьбою, граблением,
всяким видом любодеяния, нечистотами всесквернейшими,
пьянством, объядением,

разглаголением праздным,

плотским похотением, лобзанием, осязанием нечистым и родительными **уды моими,**

умным убийства желанием, [согреших] в вере, надежди и любви, всегдашним и Тела и Крови Господни недостойне восприятием,

во увещаниях и ласкательствах лукавых,

неведением,

небрежением,

в поползении даемых и приемлемых даров,

в творении лихвы,

в начальстве злым устроением вещей церковных,

недостаточным милостыни подаением, ожесточением ко убогим, в странноприимии и угощении нищих,

во утеснении домочадцев, мне порученных,

непосещением болящих, по заповеди Евангельской, и в темнице сущих, непогребением мертвых,

неодеянием убогих, ненасыщением алчущих, **ненапоением** жаждущих,

денми праздничными Господними и святым Его угодникам почитания должная чести и празднования невоздаянием, и нетрезвенно часто в тех пребыванием,

согласием на злое старейшине, не помоществуя пред ним, ниже утешая требующих, но и паче вреждая,

сильных старейшин и начальников оклеветанием и хулением,

и другом благодетелем моим верности несохранением и должного повиновения неисполнением,

гордым в Церковь Божию хождением, стоянием, сидением и возлежанием и неподобным из нея исхождением, и праздным в ней глаголением, беззаконным деянием, скверным с прочими собеседованием, сосуды священные и святое служение нечистым сердцем и скверными руками осязанием, молитвы и псалмопения и звание Божие нерадиве в Церкви Божией творя,

помышлением всезлейшим, размышлением и поучением раз-

вращенным, и мнением ложным,
осуждением неразумным,
согласием злым и советом неправедным,
вожделением и услаждением скверным,
во словесех праздных, излишних, нечистых и досадительных,
во лжах, прельщениях, в клятвах многоразличных, в непре-
станных оклеветаниях, свары и раздоры рассевая, прочим насме-
ваяся,

в глумлении праздном, в прении, лести, в лукавстве, в
шептании,

в суетной и тщетной радости

и во всех злых языка роптанием и хулением, шутованием,
смехотворением, **злоглаголанием**, укорением,
сквернословием, наруганием,
лицемерием,

похотением телесным, блудными помышлениями, во услаждени-
ях нечистых и согласием диаволу,

преступлением заповедей Божиих, небрежением моего пребы-
вания в любви, яже к Богу и ближнему,

зрением, слухом, вкусом, обонянием, осязанием похотным и
нечистым

и во всех помышлениях, глаголаниях изволением и деянием
погибох.

Понеже в сих и прочих всех беззакониях, елика аще немощь
человеческая противу Господа и Создателя своего, или помышле-
нием, или словом, или делом, или услаждением, или вожделением
согрешити может, аз согреших и повинна себе пред лицом
Божиим паче всех человек познаваю и исповедую сих всех и иных
безчисленных моих многих грехов, яже сотворих волею и нево-
лею, ведением или неведением, сам собою и чрез других кого, или
соблажнением брата моего и яже множества ради воспоманути и
познати я до себе невозмогах, а елика памятовах, та изрекох.

О всех сих изреченных, и безпамятства ради за множество и
неизреченных, каюся и жалею, и повинна себе Господу Богу
моему быти представляю. И сего ради смиренно молю Пресвятую
и Преблагословенную Деву Богородицу и вся Небесныя Силы, и
всех святых угодников Божиих и тебе, честный отче, иерею, пред
ихже присутствием сия вся **исповедах**, да в день Судный будете
ми свидетели противу диавола, врага и неприятеля рода челове-
ческаго, яко сия вся аз исповедах; и да помолитесь о мне грешном
Господу Богу моему.

И прошу тя, честный отче, яко имущаго такую власть, данную
тебе от Христа Бога, во еже исповедавших разрешати, отпущати и
оставляти грехи, да разрешиши мя от всех сих, ихже **изглаголах**
пред тобою, грехов моих, и очистиши мя вся, и **простиши**, и
епитимию подаси ми за вся моя согрешения; жалею бо истинно о
моем согрешении, имам волю каятися, и впредь, елико возможно,
через Божественную помощь блюстися.

Прости мне, отче святой, и разреши; и помолися о мне
грешном. Аминь. (Булгаков С. В. Настольная книга для священ-
но-церковно-служителя. Харьков, 1900, с. 1012—1013).

Епитимия

Назначая епитимию, заботясь не о длительности срока, а об исправлении души; если известно, что человек сокрушился или исправился, все сделано. Святитель Иоанн Златоуст (113, 541).

Отпущение грехов мы сопровождаем епитимиями по многим уважительным причинам. Во-первых, чтобы через добровольное страдание здесь грешнику освободиться от невольного, тяжкого наказания там, в другой жизни, ибо Господь ничем столько не умиловливается, как добровольным страданием. Потому святой Григорий говорит «за слезы воздается человеколюбием». Во-вторых, чтобы истребить в грешнике те страстные вожделения плоти, которые порождают грех, ибо мы знаем, что противоположное врагуется противоположным. В-третьих, чтобы епитимия служила как бы узами или уздой для души и не давала ей снова приниматься за те же порочные дела, от которых она еще только очищается. В-четвертых, чтобы приучить к трудам и терпению, ибо добродетель есть дело трудов. В-пятых, чтобы нам видеть и знать: совершенно ли кающийся возненавидел грех? Но того, кто собирается уже отходить от мира, мы от всего этого освобождаем и отпускаем ему грехи, довольствуясь одной искренностью его раскаяния и чистосердечием обращения. Иеремия, патриарх Константинопольский (113, 541).

ОЧИЩЕНИЕ

Велика сила покаяния, если она делает нас чистыми, как снег, и белыми, как волна, хотя бы грех предварительно запятнал наши души. Святитель Иоанн Златоуст (46, 117).

По бесконечности совершенства бесконечны и образцы чистоты, поприще покаяния и очищения (111, 45).

Прежде дерзновенного вхождения на брак к Сыну Божию да позаботится (человек) о своей душевной ризе: она измывается, очищается от греховных пятен, каковы бы эти пятна ни были, неизреченной милостью Господа при нашем покаянии (111, 129).

Сохраняя свою греховность, невозможно усвоиться Христу. Он усваивается одними чистыми, то есть такими, которые из нечистых сделались чистыми посредством покаяния (111, 181).

Надо сперва усмотреть свой грех, потом омыть его покаянием и стяжать чистоту сердца, без которой невозможно совершить ни одной добродетели чисто, вполне, с извещением совести. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (111, 490).

Ветхозаветные очистительные жертвы — прообраз Крестной жертвы Христа

Я иду тем же путем, которым некогда Моисей вел по пустыне из Египта народ израильский. Вспомнив его, я мысленно вступаю в его время и, как бы глядя на совершающееся теперь, иду за полком израильским. Вот я догнал его, когда он стоял на некоем месте, и смотрю, что делается. Совершают жертву: по повелению вождя Моисея и архиерея Аарона священник Елеазар закалает юнца в жертву за

людские грехи (Чис. 19, 3). Присматриваюсь к церемонии, с которой они совершают свою жертву. Выпустив в сосуд кровь из заколотого юнца, они ее сохранили, а тело юнца сожгли в пепел вне стана, сожгли не на простых дровах, а на **кедровых**, и пепел потом также собрали в сосуд. После этого принесли воду из ключа и этой водой растворили пепел. Сделав это, люди пошли к той жертвенной святыне, а священник Елеазар со своими товарищами, взяв новые кропила, обмакивают их в кровь и пепел, растворенный водой, и кропят каждого. Таким образом люди очищались от своей нечистоты. Дивная церемония! Поскольку же все ветхозаветное было тенью и прообразом новоблагодатного, ишу, что предзнаменовали юнец, кедр, вода и пепел? Святой апостол Павел объясняет, что все это было предзнаменованием Самого Христа, Спасителя нашего, который был жертвой Богу и Отцу для очищения грехов всего мира, который, будучи заклан, излил за нас Кровь и воду. Апостол говорит так: «если кровь тельцов и козлов и пепел телицы, через окропление, освящает оскверненных, дабы чисто было тело, то кольми паче Кровь Христа, Который Духом Святым принес Себя непорочного Богу, очистит совесть нашу от мертвых дел» (Евр. 9, 13—14). Теперь само обнаруживается ясное толкование. **Юнец**—Христос; кедровые **дрова**—Крест; тельц сжигался вне стана и Христос пострадал вне Иерусалима, согласно апостолу: «и Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат» (Евр. 13, 12). Будучи заклан гвоздями и копьем, Он источил из Пречистых Своих ребер Кровь и воду; этой водою и Кровию очищаются и освящаются люди. Что же прообразовал пепел? Смерть и Воскресение, как Христово, так и наше. Как Христос был положен во гроб, как мертвый, вменен в прах земной, но как птица феникс* Он ожил из праха и воскрес из гроба, так и мы, превратившись после смерти в прах земной, снова оживем из праха и восстанем. **Святитель Димитрий Ростовский (103, 220—221).**

«Я соединился с Божеством Твоим,
и сделался Телом Твоим чистейшим»

О как безмерно благоутробие Твое, Спаситель! Как Ты удостоил меня стать членом Твоим, меня, нечистого, погибшего и блудного? И как облек меня в светлейшую одежду, блистающую сиянием бессмертия и претворяющую в свет все мои члены? Ибо Пречистое и Божественное Тело Твое все блистает огнем Божества Твоего, растворившись и неизречно смешавшись с Ним. Итак, Ты и мне даровал его, Боже мой, ибо эта нечистая и тленная хранилища тела моего соединилась с Пречистым Твоим Телом, и кровь моя смешалась с Кровию Твоею. Знаю, что я соединился и с Божеством Твоим, и сделался Телом Твоим чистейшим, членом Твоим блистающим, членом поистине святым, членом светлым, прозрачным и сияющим. Я вижу красоту Твою, вижу сияние, как в зеркале, вижу свет благодати Твоей и изумляюсь неизреченному чуду света, прихожу в исступление, замечая себя самого, из какого **каким—о чудо!—я** стал, и

* Образ птицы феникса (**финикс**, фойникс), согласно др.-греч. мифологии многократно возрождающейся на протяжении своей жизни, употреблялся как прообраз Воскресения некоторыми из святых отцов, как, например, святителем Кириллом Иерусалимским: «Через каждые 500 лет, прилетая в страну египетскую... сделав из ладана, смирны и других благовонных веществ себе гнездо, и... вошедши в него, феникс явно умирает и согнивает. Потом из согнившей плоти умершего феникса рождается некий червь, а тот, выросши, преобразуется в птицу. Потом сказанный выше феникс, оперившись и став совершенным фениксом, каким был прежде, возносится в воздух таким же, каким умер» (Творения. Сергиев Посад, 1893, с. 262—263).—*Ред.*

страшусь, и стыжусь себя самого, и как бы Тебя Самого почитаю и боюсь, и совершенно недоумеваю в заботе о том, где бы мне сесть, и к кому приблизиться, и где склонить эти члены Твои, для каких дел и деяний мне употребить **их**—эти страшные и Божественные члены... Преподобный Симеон Новый Богослов (59, 123—124).

Без огненного очищения **здесь —
не спастись от огня вечного**

Сердцем упражняйся в незлобии, а телом в чистоте, то и другое сделает тебя храмом Божиим. Преподобный Нил Синайский (48, 239).

«Всякий огнем осолится, и всякая жертва солью осолится» (Мк. 9, 49). Перед этим Господь говорил о том, что должно быть готовым на всякого рода пожертвования и на всякие дела самоотвержения, лишь бы устоять на добром пути. Хоть бы жертвы эти были дороги нам, как глаз, или необходимы, как правая рука, надо принести их, не задумываясь. Ибо если пожалеешь принести такую жертву, а вследствие того увлечешься с правого пути на неправый, то принужден будешь в будущей жизни страдать вечно. Итак, принеси жертву, болезненную и скорбную, **здесь**, чтобы избежать мучений там. Без огненного очищения **здесь** нельзя спастись от огня вечного. Всякий, желающий спастись, должен быть осолен огнем, пройти огненное очищение. Все мы, по закону сотворения, должны принести себя в жертву Богу, но всякий из нас нечист. Надо, значит, очистить себя, чтобы стать жертвой, приятной Богу. Но стань себя очищать, отрывать страсти от **души**—**станет** больно, будто обожжешься огнем. Это действие внутреннего самоочищения похоже на действие огня, очищающего металл. Металл бесчувствен. Если бы дать ему чувство, то он и очищение и жжение чувствовал бы одновременно; это самое происходит и в самоочищающемся -человеке. Пройдя это действие, он бывает как бы весь пережжен огнем. Очистительный огонь проходит по всем частям его, как соль проникает осоляемое тело. И только тот, кто подвергается этому действию, бывает настоящей богоугодной жертвой. Потому и необходимо всякому быть осоленным огнем, подобно тому как в Ветхом Завете всякая жертва осолялась прежде принесения ее во всесожжение. Епископ Феофан Затворник (107, 439—440).

САМООПРАВДАНИЕ

Оставив легкое бремя, то есть самоукорение, мы возложили на себя **тяжелое**—самооправдание. Авва Иоанн Колов (82, 288).

Отвергни оправдания и будешь спокоен в краткие дни твоего земного странствия. Преподобный Пимен Великий (82, 335).

Лучше всегда признавать себя виновным, чем себя оправдывать. Бог только тех оправдывает, которые признают себя грешниками, а тех, которые сами себя оправдывают, оставляет с

их правдой. Если будем признавать себя виновными и грешными, тогда Бог благодатью Своею оправдает нас во Христе Иисусе. Хотя перед людьми мы можем быть не виноваты, но перед Богом всегда виновны. Поэтому лучше себя всегда и везде признавать виновными. Такое смиренное признание делает человека угодным Богу и людям. **Святитель Тихон Задонский (104, 1647).**

СОКРУШЕНИЕ

Прекрасно сердечное сокрушение, оно врачует человеческие души (25, 510).

Если хочешь, чтобы Бог даровал тебе слезы сокрушения и бесстрашие, непрестанно приводи себе на память свой гроб (26, 593).

Восстань, душа, состарившаяся в грехах, и обновись покаянием. Из сокрушения и слез раствори себе лекарство и лечи раны падшего образа (28, 323).

Принеси от души покаяние и несколько слез урони на уязвляющий тебя **грех** — и пагубная рана совершенно заживет. Но если один обычай влечет тебя к Врачу, то не получишь здоровья; только слезами и сокрушением врачуетесь болезнь (113, 558).

Дьявол не дает нечестивым одуматься, пугая их покаянием. А покаяние, видя хитрость его, подходит с лаской и говорит: «Только вспомни о Боге, и я потружусь за тебя. Представь Его милосердие, и я буду ходатайствовать за тебя с воздыханиями. Слегка только вздохните, грешники, в покаянии — и сделаю вас Божиими слугами». И пророк **Исаия** сказал: «оставаясь на месте и в покое, вы спаслись бы» (Ис. 30, 15). Вот, говорит покаяние, приведу тебе и свидетельство (из слова **Божия**), только покайся. Если согрешивший вздохнет, то с воздыханием отойдет от него и бремя, возложенное змием; по облегчении же ума отгонит он от себя и мглу неведения, и око душевное сделается ясным, и скоро покаяние поведет душу к спасению. Тогда грешник не только будет вздыхать, но и с великой скорбью проливать слезы. Почему? Потому что душа, после долговременного разлучения с Богом, увидев Его, как Отца, побуждается к пролитию слез; оттого, что наконец увидела Родителя, проливает она слезы и преклоняет к себе Бога, ибо любит отеческое благословение и таким образом очищается от всего, до чего доведена была змием (113, 557).

Дождь и роса посылаются даром, но земледелец не должен поэтому спать и прекращать сеяние и возделывание земли. Исцеление для грешника всегда готово, однако мы не должны переставать молиться об оставлении грехов. Если земледелец не посеет, ему не поможет дождь; если грешник не будет молиться, его не исцелит и благодать. Как врач, так и Бог взывает: покажи мне рану твою и исцелю тебя. Он хочет видеть твое обращение и тогда излечит тебя. **Преподобный Ефрем Сирин (113, 556).**

Кающийся должен удалить себя от мира, жить вдали от других один, трудясь в безмолвии, оплакивая свои грехи, очищая ум от мыслей мира сего и наблюдая за собой, чтобы никому не досадить, никого не оскорбить, но себя смирять, оскорблять, непрестанно осуждать, укорять и обличать, пребывать в болезни сердечной, многом утеснении, в сокрушении сердца, умоляя Бога и прося у Него милости. **Изречения безымянных старцев (82, 380).**

Человек не может увидеть своих грехов, пока не разлучится с ними разлукой, исполненной труда и горести. Достигшие этого состояния обрели плач и молитву. Вспоминая лукавую дружбу свою со страстями, они не смеют воззреть к Богу и пребывают в постоянном сокрушении духа. **Преподобный авва Исаия (82, 198).**

Кающиеся должны горько плакать и совершать от всего сердца и все остальное, что свойственно покаянию. ...Покаяние требует, чтобы человек сперва возопил в себе и сокрушил свое сердце, потом стал добрым примером для других, а для этого сделал себя слышимым и объявил образ покаяния. Святитель **Василий Великий (113, 555).**

Пролей передо мною горькие и обильные слезы, и я соединю мои слезы с твоими: в соучастника и общника твоей скорби прими священника, как отца... Священник так сокрушается о грехах того, кого принимает по вере вместо сына, как скорбел Иаков, увидев одежду Иосифа... Поэтому на родившего тебя в Боге ты должен полагаться больше, чем на родивших тебя по телу. Смело открывай ему свои секреты, открывай ему тайны духа, как тайные раны врачу; он позаботится о твоём здоровье. Святитель Григорий Нисский (113, 556).

Вы, братия возлюбленные ... каясь и сокрушаясь, рассмотрите ваши грехи; сознайте тягчайшую вину своей совести, откройте очи сердца к уразумению вашего преступления... Чем больше мы согрешили, тем более мы должны оплакивать **грех**. Святитель **Киприан Карфагенский (113, 555).**

Как ... огонь с водою, так, думаю, невозможно совместить наслаждение (земными благами) с сокрушением, потому что они противоположны и взаимно исключают друг друга (35, 143).

Немаловажное дело и один день провести в сокрушении о грехах, устремить свой взор к высшей мудрости и дать душе хоть немного успокоиться от житейских забот (35, 814).

Но чрезмерное уныние (из-за грехов), нередко отнимая естественную рассудительность, может подавить душу и сделать ее неспособной ни к чему доброму (35, 834).

Велик огонь греха, но угасает от немногих слез, потому что слеза гасит пожар греховный (36, 372).

Восплачь о грехе, чтобы тебе не восплакать о наказании; оправдайся перед Судиею, прежде чем предстанешь перед судилищем (36, 373).

Для грешника нет большей пользы, чем всегда иметь в уме и перед глазами свои грехи и как можно чаще сокрушаться и испытывать себя. Ничто скорее этого не угашает гнев **Божий** — ни посты, ни бдения, ни что-либо иное в этом роде (40, 303).

Не говори только: «Я грешник», но и старайся избавиться от этого позора; не говори только, но и сокрушайся. Если ты сокрушаешься, то прилагаешь старание; если не стараешься, то и не сокрушаешься (43, 325).

Плачь и стнай, когда согрешишь, не о том, что будешь наказан, так как это ничего не значит, но о том, что ты оскорбил

своего Владыку, Который так кроток, так любит тебя, так заботится о твоём спасении, что и Сына предал за тебя. Вот о чем плачь и стнай, и делай это непрестанно, потому что в этом и состоит исповедание (44, 512).

Кто любит Христа, как должно любить, тот сам не потерпит остаться без наказания, хотя бы Христос и простил его, ибо одно оскорбление Его составляет уже величайшее наказание. Не то прискорбно любящему, что за оскорбление любимого им терпит какое-нибудь зло, но всего более то, что оскорбил любимого... Так будем рассуждать и мы, горько плакать о том, что так неблагоприятно оскорбляем Благодетеля своего! (113, 557).

Если плач Петра изгладил столь великий грех, то как тебе не загладить греха, если будешь плакать? Ибо отречение от своего Господа было преступление не малое, но великое и весьма важное и, однако, слезы загладили грех. Плачь же и ты о грехе своем, только плачь не просто и не для вида, но горько, как (плакал) Петр; изведи потоки слез из самой глубины души, чтобы Господь, умиловшись, простил тебе прегрешение (113, 555).

Когда согрешишь, стнай не о том, что тебя накажут, но о том, что ты оскорбил Бога твоего, столь милосердного, столь любящего тебя и так заботящегося о твоём спасении, что Он предал ради тебя Сына Своего на смерть. Святитель **Иоанн Златоуст** (113, 555).

Без сердечного сокрушения невозможно освободиться от пороков. А сердце приводится в сокрушение трояким воздержанием: от сна, от пищи и от телесного покоя. Преподобный **Нил Синайский** (48, 239).

Кто не знает себя и не чувствует, в каком бедственном находится он состоянии, и не ищет этого, у того попусту пропадут посты и милостыни, какие он совершает. Ибо жертва, приятная Богу, есть только дух сокрушенный, и только за такую жертву подается отпущение грехов, и для такой жертвы бывают и посты, и молитва, и милостыня. Вот таинство христианской жизни и вот как должен поступать всякий христианин (60, 161).

Пусть кто-нибудь соберет все свое имущество и раздаст бедным, пусть постится, совершает бдения, спит на голой земле, творит молитвы день и ночь, но не взыщет от Бога стяжать себе сердце сокрушенное и смиренное... он не получит никакой пользы от своих трудов. Поэтому надлежит искать ту единую стезю, на которой можно стяжать сокрушенное и смиренное сердце, ибо кто стяжет такое сердце, тот будет шествовать по земле, как бы шествовал на Небе, в Царствии Небесном. Сокрушенные и смиренные сердцем и в последний час получают удостоверение, что они помилованы милостивым Богом, и уходят в **иной мир**, радуясь и веселясь. Так велик этот ни с чем не сравнимый дар Божий. Он есть основание восхождения по лестнице добродетелей и нисхождение дара чудотворений и знамений; есть воскресение душ, бышающее еще в настоящей жизни прежде Общего Воскресения тел; есть избавление, для которого Бог Отец дал Сына

Своего, чтобы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел Жизнь Вечную (60, 272).

От всей души взышем умиленное **сокрушение** — **царя** добродетелей. Кто взыскивает его от всей души и от всего сердца, тот и находит. И лучше скажу: оно само идет и находит того, кто ищет его с усердием. И пусть имеет кто сердце, более твердое, чем медь или железо, или даже алмаз, как только придет оно, тотчас делает это сердце более мягким, чем воск. Ибо умиленное сокрушение есть некий божественный огонь, расплавляющий горы и камни, превращающий их в луга и сады. Оно изменяет души, приемлющие его, и бывает внутри их источником живой воды, которая непрестанно бьет ключом, течет, как из родника, и напоет души, приемлющие с теплой верой Слово **Божие**. Прежде всего оно смывает скверну грехов у тех, которые делаютя причастниками его, потом... оно смывает и страсти... И не только это делает, но как некий пламень пробегает (по всему составу нашему), мало-помалу сжигает и опаляет эти страсти, как терния, и наконец совсем уничтожает их. Это умиленное сокрушение сначала делает то, что стяжавший его горит сильным желанием совершенно избавиться и очиститься от страстей, потом возбуждает желание тех благ, которые уготованы от Бога любящим Его. И все это делает божественный огонь сокрушения с помощью слез. А без слез ни в нас, ни в ком-либо другом никогда не бывало ничего такого и не будет. Преподобный Симеон Новый Богослов (61, 269).

Святой Давид говорит: «Жертва **Богу** — дух сокрушенный; сердца сокрушенного и смиренного Ты не презришь, Боже» (Пс. 50, 19). Это бывает, когда мы сокрушаемся печалью о грехах, имеем в сердце печаль, и эта «печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению» (2 Кор. 7, 10). Этого от нас требует Сам Бог: «Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши, и обратитесь к Господу Богу вашему» (Иоил. 2, 13). Такой дух и сердце есть жертва, приятная Богу. Такое сокрушенное сердце Бог не уничтожит. На такую жертву с высоты Своей призывает Бог и Своими милосердными отеческими очами смотрит на приносящего ее. Такую жертву принес апостол Петр, когда отрেকся от Христа, «и выйдя вон, плакал горько» (Мф. 26, 75). Эту жертву и мы, христиане, должны приносить на жертвеннике нашего сердца, чтобы и на нас милосердием призрел Господь (104, 1929—1930).

Сокрушение открывает путь благодати (104, 1931).

Истинное сожаление и печаль по Боге состоят в том, чтобы христианин сокрушался и сожалел не из-за лишения Вечной Жизни и последующей казни в аду, но из-за того, что он Бога, Создателя, Искупителя и Промыслителя своего, Которого должен более всего почитать, любить и слушать, не почитал, не любил и не слушал, но больше, чем Бога, любил себя, мир и грех. Это истинная печаль по Боге. О том нужно печалиться христианину, что он не отдавал Богу должного. Имеющий такую печаль, хотя бы и Вечной Жизни и геенны не было, будет печалиться, плакать, и стыдиться, и сам себя упрекать (104, 1933).

Устное исповедание без сердечного сокрушения не приносит пользы (104, 1935).

Видел ли ты, что делает сын, когда своего отца, от которого рожден и которым воспитан, оскорбит послушанием и грубыми поступками?

Обвиняет себя, плачет и сокрушается сердцем, и считает себя достойным наказания из-за того уже, что своего отца прогневал и оскорбил. Этот пример учит нас каяться и жалеть, что грехами прогневаем и оскорбляем Бога. Если сын по плоти, прогнав своего отца, жалеет, тужит и винит себя, тем более христианам нужно жалеть, сокрушаться, тужить и винить себя и признавать достойными наказания, если прогневает Бога, Небесного Отца, Который **весь**—одна Любовь, Благодать и Святость. Святитель Тихон Задонский (113, 556).

Внимание и сокрушение **духа**—**вот** та клять, которая дана в пристанище кающимся грешникам. Она—**преддверие** святилища. В ней будем укрываться и заключаться от греха (109, 265—266).

Чтобы покаяние было действительным, доставило нам спасение и вечное блаженство, надо стяжать в самих себе, в наших душах покаяние; надо, чтобы самый дух наш сокрушился и смирился от приятной Богу печали, рождающейся от сознания и ощущения своей греховности; надо извергнуть из себя самомнение, в каком бы виде оно ни присутствовало в нас (111, 379).

Если христианин будет стараться жить по заповедям и ежедневно проверять себя, то мало-помалу он стяжет сокрушение духа, которое еще далеко отстоит от покаяния-видения (111, 453).

Покаяние составляется из исполнения всех Евангельских заповедей. Евангельские заповеди можно исполнять точно и богоугодно только из сердца сокрушенного и смиренного. Дух жительства по Евангельским **заповедям**—**покаяние**. Епископ Игнатий (**Брянчанинов**) (82, 413).

Брат безмолствовал в монастыре и постоянно молился так: «Господи! Нет во мне страха Твоего; пошли мне или тяжкий недуг, или напасть, чтобы хоть таким образом окаянная душа моя пришла в страх Твой. Знаю, что грех мой сам по себе непростителен; много и тяжко согрешил я пред Тобою, Владыко, но ради милости Твоей, по святой Твоей воле, прости мне грехи мои. Если же и этого не может быть, то помучь меня здесь, чтобы здешними муками была несколько ослаблена мука будущая. Начни казнить меня отсюда, Владыко, казнить не в гневе Твоем, а в человеколюбии». Брат провел целый год, молясь таким образом в сокрушении и смирении сердца, в строгом посте. В то же время постоянно соприсутствовала в нем мысль: какое значение имеют слова Господа «Блаженны **плачущии**, ибо они утешатся?» (Мф. 5,4). Однажды, когда брат, объятый печалью, по обычаю сидел на земле и плакал, напал на него тонкий сон. Явился ему Христос, воззрел на него милостиво и сказал тихим голосом: «Что с тобою? О чем ты плачешь?» Брат отвечал Господу: «Господи! Я пал». Христос сказал: «Встань». Брат отвечал, сидя на земле: «Не могу встать, если Ты не прострешь руки Твоей и не поднимешь меня». Господь простер руку и поднял его. Явившийся опять сказал тихо: «Что ты плачешь, о чем скорбишь?» Брат отвечал: «Господи! как мне не плакать и не скорбеть, если я так прогневал Тебя?» Тогда Христос простер руку Свою, приложил ладонь к сердцу брата и, погладив его сердце, сказал: «Не скорби, Бог поможет тебе. Я уже не буду карать тебя, потому что ты сам наказал себя. Ради тебя Я пролил Кровь Мою, пролью и человеколюбие Мое на всякую душу, приносящую покаяние». Брат, придя в себя по окончании видения, ощутил сердце свое исполненным неизъяснимой радости и принял извещение, что Бог сотворил милость с ним. Прочее время своей жизни он провел в великом смирении, славословия Бога, и отошел к Богу в этом настроении исповедания. Отечник (82, 436—437).

ПОКЛОНЕНИЕ БОГУ

«Где был ты,
когда Я полагал основания земли?»

(Иов. 38, 4)

«Господь отвечал Иову из бури и сказал ...Я буду спрашивать тебя, и ты объясняй Мне: где был ты, когда Я полагал основания земли? Скажи, если знаешь. Кто положил меру ей, если знаешь? или кто протягивал по ней вервь? На чем утверждены основания ее, или кто положил краеугольный камень ее, при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны **Божии** восклицали от радости? Кто затворил море воротами, когда оно исторглось, вышло как бы из чрева, когда Я облака сделал одеждою его и мглу пеленами его, и утвердил ему мое определение, и поставил запоры и ворота, и сказал: доселе дойдешь и не перейдешь, и здесь предел надменным волнам твоим? Давал ли ты когда в жизни своей приказания утру и указывал ли заре место ее, чтобы она охватила края земли и стряхнула с нее нечестивых, чтобы земля изменилась, как глина под печатью, и стала, как разноцветная одежда, и чтобы отнялся у нечестивых свет их и дерзкая рука их сокрушилась? Нисходил ли ты во глубину моря и входил ли в исследование бездны? Отворялись ли для тебя врата смерти, и видел ли ты врата тени смертной? Обозрел ли ты широту земли? Объясни, если знаешь все это. Где путь к жилищу света, и где место тьмы? Ты, конечно, доходил до границ ее и знаешь стези к дому ее. **Ты** знаешь это и потому, что ты был уже тогда рожден, и число дней твоих очень велико. Входил ли ты в хранилища снега и видел ли сокровищницы града, которые берегу Я на время смутное, на день битвы и войны? По какому пути разливается свет и разносится восточный ветер по земле? Кто проводит потоки для излияния воды и путь для громоносной молнии, чтобы шел дождь на землю безлюдную, на пустыню, где **нет** человека, чтобы насыщать пустыню и степь и возбуждать травные зародыши к возрастанию? ...Можешь ли выводить созвездия в свое время и вести Ас с ее детьми? Знаешь ли ты уставы неба, можешь ли установить господство его на земле? ...Кто вложил мудрость в сердце, или кто дал смысл разуму?

Знаешь ли ты время, когда рождаются дикие козы на скалах, и замечал ли роды ланей? ... Твоею ли мудростью летает ястреб и направляет крылья свои на полдень? ...И продолжал Господь и сказал Иову: будет ли состязающийся со Вседержителем еще учить? Обличающий Бога пусть отвечает Ему. И отвечал Иов Господу и сказал: вот, я ничтожен; что буду я отвечать Тебе?

Руку мою полагаю на уста мои. Однажды я говорил, — теперь отвечать не буду, даже дважды, но более не буду...

Так, я говорил о том, чего не разумел, о делах чудных для меня, которых я не знал. ... Я слышал о Тебе слухом уха; теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле» (Иов. 38—42).

«Невидимое Его, вечная сила Его, и Божество
от создания мира через рассматривание
творений видимы»

(Рим. 1, 20)

«Подлинно суетны по природе все люди, у которых не было ведения о **Бог**е, которые из видимых совершенств не могли познать Сущего и, взирая на дела, не познали Виновника... ибо от величия красоты созданий сравнительно познается Виновник бытия их. ...И они неизвинительны: если они столько могли разуметь, что в состоянии были исследовать временный мир, то почему они тотчас не обрели Господа его?» (Прем. 13, 1—9).

Еретикам надлежало бы изумляться и дивиться не только устройству солнца и луны, но и гармонии сонмов звезд, их беспрепятственному движению и благовременному восхождению каждой из них: как одни служат знамениями лета, а **другие —** зимы; как одни показывают время сеяния, а другие означают начало плавания; и человек, плывя на корабле по беспредельным волнам, по звездам направляет корабль. Об этом-то прекрасно говорит Писание: «Да будут... для знамений, и времен, и дней, и годов» (Быт. 1, 14), а не для составления астрологических басен о рождении. Смотри, в какой прекрасной постепенности даровал нам Бог и дневной свет: не вдруг видим восходящее солнце, но его предваряет некий малый свет, чтобы зеница ока, привыкнув, могла взирать на более яркое сияние. Но как и ночную тьму Бог умерил лунным сиянием?

«Есть ли у дождя отец? или кто рождает капли росы?» (Иов. 38, 28). Кто сгустил воздух в облака и повелел им носить дождевые воды? Кто иногда «повелевает свету блистать из облака Своего» (Иов. 37, 15), иногда делает их одинаковыми и снова изменяет их формы и очертания? Кто в премудрости своей может исчислить облака? О Ком сказано у Иова, что знает Он «равновесие облаков» (Иов. 37, 16), что Он преклонил небо к земле и исчислил облака мудростью (Иов. 38, 37), так что не распадаются облака под водами (Иов. 26, 8), то есть столько вод на облаках и вода не прорывается, но мерно нисходит на землю? Кто «изводит ветер из хранилищ Своих» (Пс. 134, 7)? «Кто рождает капли росы? Из чьего чрева выходит лед» (Иов. 38, 28—29)? Он происходит из воды, а действие его подобно камню. Вода превращается иногда в снег, подобный волне, а иногда служит Посылающему иней, как пепел (Пс. 147, 5), иногда становится твердой, как камень, потому что Бог превращает воду в то, что Ему угодно. И естество ее однородно, но действия

различны. Вода в винограде делается вином, веселящим сердце человека, в **маслинах** — елеем, умащающим лицо человека, она превращается и в хлеб, укрепляющий сердце человека, и во всякие плоды.

Что же должно делать при всем этом: хулить ли Создателя или поклоняться Ему? И пока не говорю еще о неявных делах Его премудрости. Посмотри на весну и на цветы всякого рода, различные при самом их сходстве, на красный цвет розы и на белизну лилии: все это от одного дождя и из одной земли. Кто же придает им различие? Кто созидает их? Посмотри, какая строгая во всем бережливость: из одного древесного состава одно идет на одевание дерева, а другое — на разные плоды, а Художник один. В одной виноградной лозе иное годно на сожжение, иное идет в росток, иное в листья, иное в ветви, иное в гроздья. Подивись на тростнике этим частым обводам колен, какие сделал Художник. Из одной земли происходят пресмыкающиеся, звери, скоты, деревья, годное в пищу, золото, серебро, медь, железо, камень. Одно естество водное, но из него состав и плавающих животных, и птиц, чтобы одни плавали в водах, а другие летали в воздухе.

«**Это** — море великое и пространное: там пресмыкающиеся, которым нет числа» (**Пс.** 103, 25). Кто в состоянии изобразить красоту рыб в море? Кто может описать величину китов и состав животных земноводных, приспособленный к тому, чтобы жить на суше и в водах? Кто в состоянии описать глубину и широту моря или стремление огромных волн? Но оно остается в своих пределах, по слову Изрекшего: «Доселе дойдешь и не перейдешь, и здесь предел надменным волнам твоим?» (Иов. 38, 11). Оно и показывает, как страшно для него слово повеления, когда при отливе оставляет на берегах ясно проведенную волнами черту, как бы давая тем видеть, что не преступает назначенных пределов.

Кто может изучить естество летающих в воздухе птиц? Почему одни так красиво поют, у других так расцвечены перья, иные, поднявшись высоко, могут неподвижно стоять в воздухе, подобно ястребу? Ибо по Божиему повелению стоит ястреб, неподвижно раскинув крылья и глядя на юг (Иов. 39, 26). Кто из людей может проследить взглядом поднявшегося ввысь орла? Если же не понятна для тебя поднявшаяся в высоту неразумная птица, как ты хочешь постичь Творца мира?

Кто из людей знает хотя бы только имена всех зверей? Или кто в состоянии изучить естество каждого зверя? Если же не знаем даже имен животных, то как постигнем Творца их? Одно Божие повеление изрекло: «Да произведет земля... скотов, и гадов, и зверей земных по роду их» (Быт. 1, 24), и по одному повелению из одного источника произошли различные породы: и кроткая овца, и кровожадный лев. И различные движения бессловесных животных имеют в себе нечто уподобляющееся человеческим желаниям: лисица являет в себе людское коварство; **змея — ядоносных** друзей; ржущий **конь — сластолюбивых** юношей; деятельный муравей служит тому, чтобы пробудить ленивого и нерадивого. Ибо когда человек в праздности проводит юность, тогда вразумляется он бессловесными животными, обли-

чаемый Божественным Писанием, которое говорит: «Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым» (Притч. 6, 6). Видя, как он заблаговременно заготавливает себе пищу, подражай ему и ты и собирай себе плоды добрых дел на будущие века. И еще: «...пойди к пчеле и познай, как она трудолюбива» (Притч. 6, 8). и как она, облетав всякого рода цветы, тебе на пользу составляет мед, чтобы и тебе, проходя Божественные Писания, пожать снопы своего спасения и, насытившись, сказать: «Как сладки гортани моей слова Твои! лучше меда устам моим» (Пс. 118, 103).

Поэтому не прославления ли достоин Художник? Что же? Если ты не знаешь состава всякой вещи, то неужели они и сотворены напрасно? Не в состоянии ты познать назначение разных растений, не можешь познать всю пользу, доставляемую каждым животным. Но из самых ядовитых змей извлечены противоядия во спасение людям. Ты скажешь: змея ужасна. Но бойся Господа, и она не может повредить тебе. Жалит скорпион. Но бойся Господа, и скорпион не ужалит тебя. Кровожаден лев. Но бойся Господа, и лев сядет у ног твоих, как у ног Даниила. Подлинно должно удивляться и деятельности животных: почему сила одних в жалах, как у скорпиона, сила других в зубах, иные преодолевают когтями, у василиска сила во взоре? И из разнообразия созданий познавай силу Создателя.

Но, может быть, ты не знаешь этого: тебе нет дела до животных, которые вне тебя. Войди, наконец, в самого себя и по своему существу познай Художника. Что в твоём теле по своему устройству заслуживает порицания? Владей собою, и из всех членов ни один не окажется негодным. В начале Адам и Ева в раю были нагими, но не по природе своей они отвержены. Причина греха не в членах, но в тех, кто неправильно применяет их. Творец же членов премудр. Кто устроил ложесна для чадородия? Кто одушевил неодушевленное? Кто скрепил нас жилами и костями, облек кожей и плотью (Иов. 10, 11) и вместе с рождением младенца изводит из сосцов источники молока? Как младенец возрастает в отрока, отрок в юношу, а потом в мужа и муж изменяется в старца? Между тем никто не замечает строгой, ежедневной последовательности перемен. Как из пищи одно обращается в кровь, другое выводится из тела, иное прелается в плоть? Кто приводит сердце в непрестанное движение? Кто нежное око премудро обезопасил покровом век? Многосложное и дивное устройство глаза только отчасти объясняют пространные книги врачей. Кто в целое тело вложил единое дыхание? Видишь ли, человек, Художника? Видишь ли премудрого Создателя?

Об этом я говорил теперь в слове, не коснувшись многих тысяч иных существ, особенно же бесплотных и невидимых, чтобы ты возненавидел хулящих Благого и Премудрого Художника. Чтобы за то, что тебе сказано и прочитано, за то, что сам ты в состоянии увидеть или постичь разумом, то есть сравнительно познав от величия красоты созданий Виновника бытия их (Прем. 13, 5), и, благочестиво преклоняя колена пред Творцом **всяческих**, — подразумеваю же Творца всего чувственного и ду-

ховного, видимого и **невидимого**—**благодарным** и хвалебным языком, неумолкающими устами и сердцем ты прославлял Бога, говоря: «Как многочисленны дела Твои, Господи! Все соделал Ты премудро» (Пс. 103, 24), Тебе подобает честь, слава и величие, ныне и во веки веков! **Святитель Кирилл Иерусалимский**. Творения. Сергиев Посад. 1893, с. 107—112.

«Сказал безумец в сердце своем: «нет Бога»

(Пс. 13, 1)

В том, что действительно Бог существует, нет сомнения ни у принимающих Святые Писания: Ветхий и Новый Завет, ни у большей части эллинов. Ибо, как мы говорили, знание того, что Бог существует, всеяно в нас естественным образом. Но злоба лукавого против естества человеческого стала настолько сильна, что даже низвела некоторых в самую неразумную и худшую из всех зол бездну гибели: до утверждения, что Бога нет. Это об их безумии истолкователь Божественных слов Давид говорил: «Сказал безумец в сердце своем: «нет Бога» (Пс. 13, 1). Поэтому ученики Господа и апостолы, умудренные Всесвятым Духом и творящие Его силой и благодатью божественные знамения, уводя их сетью чудес, вывели из пропасти неведения **вверх**—к свету богопознания. Подобным образом и наследники благодати и достоинства апостолов, как пастыри, так и учителя, получив освещающую благодать Духа, и силою чудес, и словом благодати просвещали помраченных и обращали на истинный путь заблудших. Мы же, не получившие ни дара чудес, ни дара учения, ибо страстью к удовольствиям сделали себя недостойными, хотим рассказать об этом немного из переданного нам возвестителями благодати, призвав на помощь себе Отца и Сына и Святого Духа.

Все, что существует, или сотворенно, или не сотворенно. Итак, если сотворенно, во всяком случае и изменчиво, ибо то, бытие чего началось по причине перемен, безусловно, будет подлежать перемене, или погибая, или по собственной воле изменяясь. Если же несотворенно, значит, и неизменно. Ибо если бытие чего-либо противоположно, то и понятие о том, как это существует, то есть качества этого, также противоположно. Поэтому кто не согласится, что все существующее, не только то, что воспринимается нашим чувством, но, конечно, и Ангелы, изменяется, и переменяется, и многообразно движется? Постигаемое только умом—я подразумеваю Ангелов, и души, и **демонов**—изменяется по собственной воле, и преуспевающей в прекрасном, и удаляющейся от прекрасного, и напрягающейся, и ослабевающей; остальное **же**—по причине рождения и уничтожения, увеличения и уменьшения, изменения качества и движения с места на место. Поэтому сущее, как изменчивое, во всяком случае и сотворенно. Будучи же созданным, оно кем-либо сотворено. Но Творцу должно быть несозданным. Ибо если и Он создан, то создан кем-либо, пока мы не придем к чему-либо несозданному. Следовательно, будучи несозданным, Творец, во всяком случае и неизменен. А чем иным могло бы быть это, как не Богом?

И самое непрерывное продолжение твари, и сохранение, и управление учат нас, что есть Бог, создавший все это, и содержащий, и сохраняющий, и всегда промысляющий. Ибо каким бы образом соединились друг с другом для совершения единого мира противоположные **природы**—природы огня и воды,

воздуха и **земли**—и как они остаются неразрушимыми, если какая-либо всемогущая Сила не соединила их вместе и не сохраняет их всегда неразрушимыми?

Что же есть устроившее все, что на небе и на земле, что движется по воздуху и живет под водой, а еще более, в сравнении с этим, небо, и землю, и воздух, и природу огня и воды? Что соединило это и разделило? Что привело это в движение и движет беспрестанно и беспрепятственно? Разве не Художник этого, во все вложивший основание, по которому вселенная и идет своим путем, и управляется? Но **Кто—Художник** этого? Разве не Тот, Кто создал это и привел в бытие? Потому что невозможно предположить такой случайности. Ибо пусть принадлежит случаю происхождение, а Кому устройство? Если угодно, предоставим случаю и это. Кому же—**соблюдение** и сохранение законов, сообразно с которыми это сначала осуществилось? Разумеется, другому, не случаю. Но что же это другое есть, если не Бог? **Преподобный Иоанн Дамаскин**. Точное изложение православной веры. СПб., 1894, Кн. 1, гл. 3, с. 4—7.

«Сказал безумец в сердце своем: «нет Бога» (**Пс.** 13, 1). Нет основания, а как стоит здание? Нет дна, а на чем держится судно? Нет кораблестроителя, а как строится корабль? Нет строителя, а откуда дом? Нет зодчего, а кто построил город? Нет земледельца, а как поля приносят жатву? Нет музыкантов, а откуда гармония на лире мира? Нет **Промыслителя**, а как все подчиняется Промыслу? Нет возницы, а как движутся колесницы стихий? Нет ваятеля, а как же люди, словно живые изваяния, наполняют мир? Нет творца сводов, а кто раскинул над тобой свод небес? Нет золотых дел мастера, а кто положил перед тобою на небе солнце, как будто блюдо чистого золота на столе? Нет устроителя светильников, а кто, как серебряную лампаду, дал тебе луну ночью? Нет светодавца, а кто дал тебе светила, служащие источником света и сияния? Нет единого, творящего великие светила, а кто дал тебе блеск звезд на высоте, как говорит пророк: «Сотворил светила великие... **солнце—для** управления днем... луну и **звезды—для** управления ночью» (**Пс.** 135, 7—9). Нет создателя, а как красота создания свидетельствует о создании: «ибо от величия красоты созданий сравнительно познается Виновник бытия их» (Прем. 13, 5). «Сказал безумец в сердце своем: «нет Бога». Все, что бывает в мире, и делается, и производится, имеет установителя и совершителя, и только мир не имеет управителя? Если нет Бога, что ты делаешь в Его владениях? Ты остаешься в доме Божием и не признаешь его Хозяина? Или будь благодарен за жилище, или уходи из дома. **Святитель Иоанн Златоуст** (39, 620—621).

Бог не есть имя, но мысль о чем-то неизъяснимом, внедренная в природу человеческую. Иустин Философ (110, 209).

Очень полезно извлекать из науки доказательства для веры... Истина веры находится в единении с истиною науки. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (110, 211—212).

О видах поклонения

Что такое поклонение? Поклонение есть знак покорности, то есть смирения и скромности, родов же **поклонения** — весьма много.

Как много родов поклонения?

Первый род **поклонения** — поклонение служебное, воздаваемое нами Богу, Который один только по Своей природе достоин поклонения. В свою очередь, и такое поклонение проявляется различно. Во-первых, в виде рабского повиновения. Ибо все твари поклоняются Ему, как рабы Господину, по словам Писания: «все служит Тебе» (**Пс.** 118, 91). Но одни поклоняются добровольно, другие же против воли. Благодетельные поклоняются, конечно, потому, что знают Бога, другие же, хотя и знают Бога, однако поклоняются неохотно, против воли, как демоны; иные, не зная Того, **Кто** — Бог, по природе, против воли поклоняются Тому, Которого не знают.

Второй род — поклонение из-за удивления и сильной любви; таким образом мы поклоняемся Богу по причине Его естественной славы. Ибо только Он **один** — прославлен и прославляется, не от кого-либо имея славу, но, будучи Сам Источником всякой славы и всякого блага, как непостижимый свет, несравнимая сладость, неизъяснимая красота, бездна благодати, неисследимая мудрость, беспредельно могущественная сила, как один только Такой, Который Сам по Себе достоин удивления, и поклонения, и прославления, и любви.

Третий род — когда мы благодарим за благодеяния. Ибо за все, что есть, мы должны благодарить Бога и оказывать Ему вечное поклонение как потому, что все имеет от Него свое бытие, так и потому, что «все Им стоит» (Кол. 1, 17) и что Он всем, даже без их прошения, подает в изобилии из Своих даров. Мы должны благодарить и за то, что Он «хочет, чтобы все люди спаслись» (1 Тим. 2, 4) и стали причастниками Его Благодати. И за то, что Он — долготерпелив к нам, согрешающим, и «повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных» (Мф. 5, 45). И за то, что Сын Божий ради нас сделался Таким, как мы, и сделал нас «причастниками Божеского естества» (2 Пет. 1, 4), чтобы мы стали «подобны Ему» (Ин. 3, 2), как говорит Иоанн Богослов.

Четвертый род — поклонение при недостатке в благах и в надежде на благодеяния; ибо мы знаем, что без Него не можем ничего делать или иметь, и поклоняемся, и каждый просит у Него то, чего ему недостает и чего он сильно желает, чтобы избавиться от бедствий и достигнуть благ.

Пятый род — тот, когда мы раскаиваемся и исповедуем свои грехи. Ибо, согрешив, поклоняемся и припадаем к Богу, прося, как и следует благоразумным рабам, о прощении ошибок. И этот род троякий: люди сокрушаются или из-за любви, или из боязни, что не получат Божиих благодеяний, или из страха перед наказанием. И первый род бывает вследствие благомыслия и сильной любви человека к Богу и сыновнего расположения к Нему; **второй** — образ мыслей наемника, **третий** — раба.

Как много в Писании предметов, которым воздается поклонение, и сколь многими способами воздаем поклонение тому, что сотворено Богом?

Во-первых, поклонение воздается тем, на ком почил Бог, Который один свят и во святых почивает: Святой Богородице и всем святым. Это те, которые по возможности уподобились Богу как потому, что сами к этому стремились, так и потому, что в них пребывал и им содействовал Бог. Их называют даже богами, не по природе, но по благодати, как и раскаленное железо называют огнем не по природе, но по состоянию и по участию в огне. Ибо говорит Писание: «Святы будьте, ибо свят Я Господь, Бог ваш» (Лев. 19, 2). Это прежде всего зависит от произволения. Потом всякому, кто избирает благое, Бог помогает и достичь этого блага. Затем говорит Бог: «Вселюсь в них и буду ходить в них» (2 Кор. 6, 16; Лев. 26, 12). И еще читаем в Писании: «Вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас» (1 Кор. 3, 16). Потом: «Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь» (Мф. 10, 1). И еще: «Верующий в Меня, дела, которые творю Я,

и он сотворит, и больше сих сотворит» (Ин. 14, 12). Затем: «...**Говорит** Господь... Я прославно прославляющих Меня» (1 Цар. 2, 30). И «с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8, 17). И «Бог стал в сонме богов; среди богов произнес суд» (**Пс.** 81, 1). **Они**—боги не по природе, но как причастники Того, Кто Бог по природе, и достойны поклонения не по природе, но как имеющие в себе самих Того, Кто по природе достоин поклонения; как и раскаленное железо не по природе недоступно для прикосновения и жжет, но как причастное тому, что жжет по природе. Итак, они достойны поклонения как прославленные Богом, как сделавшиеся, при содействии Бога, страшными для врагов и благодетелями для приходящих к ним с верою не как к богам и благодетелям по природе, но как к слугам и служителям Бога, которые по любви к Нему получили счастливый удел: дерзновение, или свободный доступ к Богу. Итак, поклоняясь им, мы угождаем самому Царю, видящему, что возлюбленный Им слуга служит объектом поклонения не как царь, но как послушный служитель и добрый друг. И приходящие с верой получают просимое, все **равно**—слуга ли просит Царя, или Царь принимает честь и уважение от того, кто просит чего-либо у его слуги, ибо тот просил во имя Его. Так и те, которые приступали к Иисусу, получали исцеление через апостолов. Так и тень, платки и опоясания апостолов источали исцеления (Деян. 19, 12). Те же, которые, как бунтовщики и изменники, желают, чтобы им поклонялись как богам, недостойны поклонения и заслуживают вечного огня. И те, которые высокомерны и гордым духом не поклоняются слугам Божиим, осуждаются как надменные и кичливые, как нечестиво поступающие в отношении к Богу. Так случилось с детьми, презрительно поносившими Елисея, которых растерзали медведицы (4 Цар. 2, 23—24).

Второй **род**—поклонение творениям, через которые и в которых Бог совершил наше спасение до пришествия Господа и после содеянного Им по плоти Домостроительства; например, Синайской горе, Назарету, находившимся в Вифлееме яслям и вертепу, святой Голгофе, древу Креста, гвоздям, губке, трости, священному и спасительному копию, одеянию, хитону, покрывалам, пеленам, святому **гробу**—источнику нашего воскресения, камню гроба, святой горе Сиону, масличной горе, овчей купели и блаженному саду Гефсимании. Этому и подобному воздаю почитание и поклонение, и всякому святому Божью храму, и всякому месту, на котором произносится имя Бога. Не из-за природы их поклоняюсь, но потому, что они есть вместилища Божественной деятельности и потому, что через них и в них соблаговолил Бог совершить наше спасение. Ибо и Ангелам, и людям, и всякому веществу, причастному Божественной деятельности и послужившему моему спасению, из-за этой Божественной деятельности воздаю почитание и поклоняюсь. Не поклоняюсь иудеям, ибо они непричастны Божественной деятельности и Господа **Славы**—Бога моего распяли на Кресте не с целью доставить мне спасение, но, скорее, по зависти и ненависти к Богу и Благодетелю. «Господи! возлюбил я обитель дома **Твоего**,—говорит **Давид**,—и место жилища славы Твоей» (**Пс.** 25, 8). И «поклонимся подошвою ног Его» (**Пс.** 131, 7). И «поклоняйтесь на святой горе Его» (**Пс.** 98, 9). Одушевленная святая гора **Божия**—Святая Богородица; одаренные разумом горы **Божии**—апостолы. «Горы прыгали, как овны, и холмы, как агнцы» (**Пс.** 113, 4).

Третий **род**—поклонение тому, что посвящено Богу: я подразумеваю святые Евангелия и остальные книги... ибо это писано «в наставление нам, достигшим последних веков» (1 Кор. 10, 11; Рим. 15, 4). Подразумеваю также и диски, и тиоты, кадильницы, светильники и трапезы. Ибо ясно, что все эти предметы достойны почитания. В самом деле, смотри, как Бог низпроверг царство Вальтасара, когда он распорядился, чтобы толпа гостей пила вино из священных сосудов (Дан. 5, 2; 26—28).

Четвертый **род**—тот, когда предметами поклонения служат образы, явившиеся пророкам, ибо они созерцали Бога в образном видении; **также**—образы будущего, как жезл Ааронов, преобразавший таинство Девы, и стамна, и трапеза. А также и Иаков «поклонился на верх жезла своего» (Евр. 11, 21), так как он был образом Спасителя. Изображения же прошедшего существуют для воспоминания: и сама скиния была

образом всего мира, ибо Бог говорит Моисею о светильниках: «Смотри, сделай их по тому образцу, какой показан тебе на **горе**» (Исх. 25, 40). Также о прошедшем напоминали и литые золотые Херувимы, и шитые Херувимы на завесе. Так и мы поклоняемся драгоценному образу Креста, и подобию телесного образа Бога моего, и Той, Которая плотски Его родила, и изображениям всех Его слуг.

Пятый **род** — тот, когда, и смиряясь друг перед другом, и исполняя закон любви (Еф. 5, 21; 1 Пет. 2, 17), воздаем поклонение один другим, как владеющим жребием Божиим и происшедшим по образу Божию.

...И просто сказать: **поклонение** — признак страха, и сильной любви, и чести, и покорности, и смирения; но никому не должно поклоняться, как Богу, кроме одного только Того, **Кто — Бог** по природе, всем же следует воздавать должное ради Господа (1 Пет. 2, 13).

...Да поклонимся и да послужим одному только Создателю и Творцу, как Богу, Который по **природе** — **достоин** поклонения! Да поклонимся и Святой Богородице, не как Богу, но как Матери Бога по плоти! Да поклонимся еще и святым, как избранным друзьям Божиим и имеющим к Нему дерзновение! Ибо если часто преходящим, и нечестивым, и грешным царям, и избираемым ими начальникам, а также и изображениям тех люди поклоняются, по божественному изречению апостола: «Напоминай им повиноваться и покоряться начальству и властям» (Тит. 3, 1), и «...отдавайте всякому должное: кому подать, подать; кому оброк, оброк; кому страх, страх; кому честь, честь» (Рим. 13, 7), и «...отдавайте кесарево **кесарю**, — как говорит **Господь**, — а Божие Богу» (Мф. 22, 21), то насколько более должно поклоняться Царю царствующих, как Такому, Который один только по природе неограниченно господствует, и рабам Его, и друзьям, царствовавшим над своими страстями и поставленным начальниками всей земли: ибо «Ты поставишь **их**, — говорит **Давид**, — князьями по всей земле» (Пс. 44, 17); тем, которые получили власть против демонов и болезней и будут со Христом царствовать в Царстве нетленном и неразрушимом... **Преподобный Иоанн** Дамаскин. Три защитительных слова против порицающих святые иконы и изображения. СПб., 1893, с. 109—116.

Отчего мы не имеем веры?

Отчего мы не имеем веры? Оттого, что не принимали, не хотели принять никакого труда к изучению христианства, к стяжанию веры от слуха, которою доставляется ясное теоретическое познание христианства, к стяжанию веры от дел, доставляющему деятельное познание христианства (111, 143).

Отношение наше к Живому Богу как бы к несуществующему — есть верное свидетельство нашего собственного умерщвления (109, 114—115).

Нет Бога для того, кто не верует в Бога живою верою (111, 531).

Покаяние необходимо не только для того, чтобы уверовать во Христа; оно необходимо для пребывания в вере, для преуспевания во Христе (111, 10).

Нет никакой пользы видеть Господа телесными очами, когда слепотствует ум, когда **вера** — **эта** сила духовного **зрения** — не действует. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (111, 273).

«Служение идолам... есть начало и причина,
и конец всякого **зла**»

(Прем. 14, 27)

«Не довольно было для них заблуждаться в познании о Боге, но они, живя в великой борьбе невежества, такое великое зло называют миром. ...Они не берегут ни жизни, ни чистых браков, но один другого или коварством убивает, или прелюбодейством обижают. Всеми же без различия обладают кровь и убийство, хищение и коварство, растление, вероломство, мятеж, клятвопреступление, расхищение имуществ, забвение благодарности, осквернение душ, превращение полов, бесчиние браков, прелюбодеяние и распутство. Служение идолам, недостойным именованию, есть начало и причина, и конец всякого зла». (Прем. 14, **22—27**).

«Суетный труженик из той же глины лепит суетного бога, тогда как сам недавно родился из земли и вскоре пойдет туда же, откуда он взят, и взыщется с него долг души его. Но у него забота не о том... что жизнь его кратка; но он... вменяет себе в славу, что делает мерзости. Сердце **его**—пепел, и надежда его ничтожнее земли, и жизнь его презреннее грязи; ибо он не познал Сотворившего **его** и вдунувшего в него деятельную душу и вдохнувшего в него дух жизни» (Прем. 15, **8—11**).

«Придет на них осуждение, и за то, что нечестиво мыслили о Боге... презирая святое» (Прем. 14, 30).

[Премудрость] «во время погибели нечестивых спасла праведного, который избежал огня, нисшедшего на пять городов, от которых во свидетельство нечестия осталась дымящаяся пустая земля... и памятником неверной души—**стоящий** соляной столб. Ибо они, презрев премудрость, не только повредили себе тем, что не познали добра, но и оставили живущим память о своем безумии, дабы не могли скрыть того, в чем заблудились» (Прем. Ю, **6—8**).

«Твоей руки невозможно избежать, ибо нечестивые, отрекшись познать Тебя, наказаны силою мышцы Твоей, быв преследуемы необыкновенными дождями, градами и неотвратимыми бурями и истребляемы огнем... чтобы они, видя это, познали, что преследуются судом Божиим» (Прем. 16, **15—16, 18**).

Вождь всех **страстей**—неверие. **Епископ Игнатий (Брянчанинов)** (108, **528**).

ПОМОЩЬ БОЖΙΑ

«Без Меня не можете делать ничего»

(Ин. 15, 5)

Всякий человек имеет нужду в постоянной помощи, потому что из-за его природной немощи с ним случается много горестного и трудного. Поэтому, ища убежища от всех бедствий или как бы укрываясь от нашествия врагов в крепости на вершине горы, он прибегает к Богу: только пребывая в Боге, он может быть спокоен (4, 291).

Тот получает помощь в скорби, кто человеческую помощь презирает как суетную и утверждает в надежде на Могущего нас **спасти—утверждается** во Христе Иисусе, Господе нашем. Святитель Василий Великий (4, 327).

Без покровительства Божия **человек—ничто**. Велико коварство наших врагов, но еще могущественнее ограждающая человека помощь Божия. Только мы не даем видеть это своим очам (26, 300).

Спаситель наш отовсюду подает надежду и помощь всякому, кто хочет приблизиться к Нему и исповедать Его Сыном Божиим (28, 166).

К Тебе прибегаю, Господи Иисусе Христе, в Кресте Твоем ищу защиты, потому что снял Ты с меня сатанинское иго, чтобы стать мне делателем в винограднике Твоем, прославлять, чтить и величать Тебя, и Отца Твоего, и Духа Святого (28, 310).

От Тебя всякая сила, Господи, Тобою побеждают доблестные, Ты возводишь их на высоту доброй жизни, Твоя любовь укрепляет немощных и робких. И мое время, Господи, да не пройдет бесполезно. Преподобный Ефрем Сирий (28, 232).

Божией силой (христианин) низлагает мир и силы порока... которые в пучине мира опутывают душу сетями желаний (33, 49).

Богу легко все совершить в одно мгновение, только бы ты имел любовь к Нему. Преподобный Макарий Египетский (33, 201).

Человек велик, когда ему помогает Бог, а оставленный Богом он познает немощь своего естества.

Будем непрестанно прибегать к Богу и во всякой печали искать Его утешения, во всяком **несчастье—Его** избавления, Его милости, во всяком **искушении—Его** помощи (36, 341).

Мановению Божию все повинуется и покоряется, и тогда трудное становится легким и **невозможное—возможным**. Только бы мы имели твердую веру в Него и, взирая на величие силы **Его**, становились выше всего человеческого (38, 510).

Хотя бы мы уже не имели никакой надежды на спасение (в трудных обстоятельствах), но если Богу будет угодно, мы не будем нуждаться ни в чьей помощи, а одна помощь Божия доставит нам все (38, 514).

Нет ничего сильнее человека, огражденного высшей помощью, и нет ничего слабее лишенного этой помощи (38, 514).

Если Господь увидит, что мы прилагаем все возможное старание и угодное Ему предпочитаем человеческому, то проявит и Сам такое попечение о нас, что мы сделаемся непобедимыми (38, 649).

Кто удостоится Божией помощи, тот посмеется над бедами и поставит их ни во что, потому что Господь все творит и устраивает для его блага, во всем содействует ему и трудное делает легким (38, 670).

Надейся на милость Божию, нисколько не сомневайся, и ты непременно получишь просимое. А получив, не будь неблагодарным и непризнательным к Благодателю, но воздай за благодеяние — вознеси благодарственную песнь Господу (39, 150).

Если ты хочешь видеть силу непобедимую, прибежище неизменное, крепость непреодолимую, ограду непоколебимую, то прибегни к Богу, обратись к Его силе (39, 209).

Потерпевшие кораблекрушение и плывущие на досках призывают людей, находящихся вдали, и те немедленно приходят на помощь, хотя не имеют с ними ничего общего, а заметили их только из-за несчастья. Тем более **Бог** — человеколюбивый и Благой по Своему **существованию** — **избавит** находящихся в **несчастьи**, если только они захотят прибегнуть к Нему и искренне призвать Его, оставив надежды на людей (39, 339).

Истинная добродетель в том, чтобы всегда помнить о Боге, призывать Его в помощь и в благополучии; если мы будем помнить Его в счастье, то и Он вспомнит о нас в **несчастьи** (39, 839).

Бог не лицеприятен... Он подает свою помощь всем, кто к Нему обращается (39, 871).

Бог везде неразлучен с любящими Его: находятся ли они в темнице, в изгнании или в бездне моря... или подвергаются опасности, где бы то ни было, Бог не оставляет их, помогая им и облегчая их труды (42, 769).

Будем всячески стараться снискать небесную помощь, чтобы не испытывать горестей в настоящем и сподобиться будущих благ (43, 51).

Бог постоянно ожидает, не позовет ли Его кто-нибудь, и никогда не оставит без ответа призывающего как должно. **Святитель Иоанн Златоуст** (46, 823).

Познавший свою немощь из многих искушений, из телесных и душевных страстей, познает и бесконечное могущество Бога, избавляющего вопиющих к Нему молитвой от всего сердца. И молитва ему уже бывает сладостна. Видя, что без Бога он ничего не может сделать, и страшась падения, он старается быть неотступно при Боге. Он удивляется, размышляя о том, как Бог

избавил его от стольких искушений и страстей, и благодарит Избавляющего, и с благодарением получает смирение и любовь, и никого уже не смеет презирать, зная, что как Бог помог ему, так может и всем помочь, когда захочет... Преподобный Петр Дамаскин (62, 23).

Хотя мы и почтены свободой воли, однако без содействия свыше не можем в настоящей жизни совершить ни одного доблестного дела. Преподобный Нил Синайский (47, 410).

Мало того, чтобы только начала были положены благодатью Божией, если они не будут возводимы к совершенству тем же милосердием и непрестанной помощью Его. Ибо не свободная воля, но «Господь разрешает узников», не наша сила, но «Господь восстанавливает согбенных», не прилежное чтение, но «Господь отверзает очи слепым», не наша осторожность, но «Господь хранит пришельцев» (Пс. 145, 7—9), не наше мужество, но «Господь поддерживает всех падающих» (Пс. 144, 14). Впрочем, это говорим не с тем, чтобы упразднить всякое свое попечение или труд и заботу, как напрасные, но чтобы показать, что как самое попечение не может у нас родиться без помощи Божией, так и все наши труды не сильны доставить нам совершенную чистоту, если она не будет дарована благодатью и содействием Господа (53, 218).

Бог, подобно нежному Отцу и сострадательному врачу, действует во всех нас: у иных Он полагает начало спасению и воспламеняет усердие к Нему; других усвершенствует в добродетелях; иных удерживает, без их ведома, от близкого падения и гибели, а другим подает случай и способ к спасению, препятствует стремительным порывам, смертоносным расположениям; иным, жаждущим спасения и стремящимся к Нему, помогает, других, не желающих и противящихся, привлекает и склоняет к доброму расположению... Православные отцы, которые достигли совершенства сердца, не суетным рассуждением, а самим делом — подвигом — утверждают, что Бог в каждом человеке возбуждает желание добра, впрочем так, что человек по свободному произволению может стремиться и к противоположному: благодать Божия помогает упражняться в добродетелях, но не исключает при этом и произволения ... утверждает в добродетели, не стесняя при этом свободы. Итак, Творец всюду производит все, возбуждая, содействуя и утверждая, без нарушения данной Им же свободы. Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (53, 419).

Действие Божие в подвизающихся ради спасения начинается с первых минут обращения к Богу; и самое обращение оно же совершает по мере того как подвизающийся, отклоняясь от себя, прилепляется к Богу и, убеждаясь в своем бессилии, утверждает-ся в уповании на силу Божию. Когда наконец он всего себя предаст Богу, Бог действует в нем: Он и указывает, что должно делать, и помогает исполнить должное. Преподобный Никодим Святогорец (64, 232).

Прибежище и помощник **христианам — Бог**, как они говорят с Псалмопевцем: «Бог нам прибежище и сила, скорый помощник в бедах» (Пс. 45, 2). И Сам Он повелевает рабам Своим христианам призывать Его в день их скорби: «призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня» (Пс. 49, 15). **Бог** — Отец христианам, поэтому они к Богу, как дети к своему отцу, прибегают во всяких нуждах и скорбях (104, 1478).

Если **Бог**—прибежище и помощь христианам, как отец своим детям, кто им может что-нибудь сделать! «Если Бог за нас, кто против нас?» (Рим. 8, **31**)—говорит блаженнейший Павел. Весь свет ничего не может; если весь свет ничто против Бога, мановению Которого все повинуетя: огонь не жжет, вода не потопляет, меч не сечет, смертоносный яд не умерщвляет, зубы зверей не касаются верного и уповающего на Господа; цари и страшные мучители с незаконным своим полчищем не могут победить одного христианина, ибо Господь Сил с ним... Это безопасное прибежище и нам открыто (104, **1478—1479**).

Если кто вспомнит о неизреченном страдании и терпении мучеников, то отсюда ясно познает истину евангельского учения и утвердится в христианской вере или, заблудший, пристанет к ней. И вся христианская жизнь и благочестие не может сохраниться без благодати и помощи Божией: удержать и смирить стремление страстей, воюющих в членах наших, чего требует христианское благочестие, нам самим безвещественной и всемогущей силы невозможно, как плыть против речной быстрины без сильных и искусных гребцов, ибо смирить и победить **страсти**—значит победить свою страстную плоть и потому самого себя. Но терпение мучеников особенно показывает содействующую им в страдании высшееестественную невидимую силу. Невозможное **дело**—слабому и немощному человеческому естеству терпеть такие тяжкие мучения; нужна помощь высшей укрепляющей силы, нужно присутствие другого. Кто бы их в этом подвиге хранил и укреплял Своею силой. Все претерпели и одолели святые мученики, и что чудеснее, были умерщвляемы, но не умирали, их жгли в огне, но они не сгорали, их топили в воде, но они не тонули (104, 1482).

Как только хочешь начинать что-нибудь делать, вспомни, что Бог с тобою и уже знает твою мысль. И рассуди, согласно ли воле и закону Божию твое начинание или противоположно. Если согласно, то призови Его на помощь, помолись: «Господи, благослови и **помоги**»,—и начинай, и делай. Если ясно видишь, что дело твое Ему противно, то удержишься и тоже помолись Ему: «Господи, помоги мне». Бог же, видя твое желание добра и отвращение от зла, и страдание, подаст руку Своей помощи (104, 1487).

Смотри, христианин! будь только Божий; а Бог своих не оставит (**Пс.** 33, 23; 28, 11; 31, 11). Сердечно веруй Ему как Богу, угождай Ему верой и правдой; всю надежду твою возлагай на Него, и от сердца призывай Его, а Он близ тебя, Он с тобой, хранящий тебя Святой **Израилев**. И где бы ты ни был, в какой бы скорби и искушении ни находился, Он с тобой, и смотрит на твой подвиг, и невидимой рукой укрепляет тебя, и помогает тебе. И даже если все злые люди восстанут на тебя и бесовские полки окружают тебя, они ничего не сумеют. Святитель Тихон Задонский (104, 1489).

Целую ночь трудились рыбаки и ничего не поймали. Но когда Господь вошел в их **лодку** и, после проповеди, велел забросить сеть, было поймано столько, что вытащить не могли, и сеть прорывалась (Лк. 5, **5—6**). Это образ всякого труда без помощи Божией и труда с помощью Божией. Пока человек трудится один, и одними своими силами хочет чего-нибудь достичь, все валится из рук; когда приблизится к нему **Господь**—откуда потечет добро

за добром? В духовно-нравственном отношении невозможность успеха без Господа очевидна: «без Меня не можете делать ничего» (Ин. 15, 5), — сказал Господь. И этот закон действует во всяком. Как ветка, если не срощена с деревом, не только не приносит плода, но, иссыхая, и жизнь теряет, так и люди, если не состоят в живом общении с Господом, не могут приносить плодов правды, ценных для Жизни Вечной. Если и бывает в них какое-нибудь добро иногда, оно только на вид добро, а в существе своем недоброкачественно; как ледяное яблоко: и красно бывает с виду, а **попробуй — кисло**. И во внешнем, житейском отношении тоже очевидно: бьется, бьется иной, и все не впрок. Когда же снизойдет благословение **Божие**, — откуда что берется? Внимательные к себе и к путям жизни опытно знают эти истины. **Епископ Феофан Затворник (107, 317—318).**

Некий старец-отшельник заболел. При нем не было никого, кто бы послужил ему, и потому он вставал с постели и ел то, что мог найти в келлии. Так прошло много дней, и никто не пришел посетить его. Когда исполнилось тридцать дней, Господь послал Своего Ангела для служения отшельнику. Так прошли еще семь дней. Тогда вспомнили о нем отцы и сказали: «Пойдем, навестим старца, может быть, он болен». Когда они пришли и постучали в дверь, Ангел отступил от него. Старец же из келлии закричал: «Братия! уйдите отсюда». Они сняли двери, вошли и спросили его, почему он кричал. Он ответил: «Тридцать дней я болел, и никто не посетил меня. И вот уже семь дней, как прислуживал мне Ангел, посланный Господом, а когда вы пришли, он отступил от меня». Братия удивились и прославили Бога за то, что Он не оставляет уповающих на Него. **Отчеюк (82, 496—497).**

Однажды, во время Юлиана*, Аполлоний узнал, что один из **братий** находился в заключении. Он посетил его с братией для утешения и советовал сохранить твердость в **несчастьи** и не страшиться опасностей. «Настало время **борьбы**, — говорил он. — Души христиан должны подвергнуться испытанию, чтобы явной стала верность каждого». В это время пришел сотник и сильно разгневался на то, что осмелились войти в темницу. Он запер тюрьму, а в ней Аполлония и пришедших с ним и, приставив многочисленную стражу, удалился. В полночь внезапно явился Ангел Господень, блистая лучезарным сиянием, и раскрыл двери темницы. Стражи были поражены ужасом... Бросившись к стопам святых, они молили их удалиться. «Лучше нам умереть за вас, — говорили они, — чем противиться Божией воле, заботящейся о вас». Рано утром прибежал в темницу сотник вместе с другими начальниками, также моля о том, чтобы все задержанные вышли из темницы. «Дом мой обрушился от сильного сотрясения земли, и лучшие из слуг погибли». Святые воспели песнь Богу и, удалившись в пустыню, пребывали все вместе, имея, по примеру апостолов, одну душу и одно сердце. **Жизнь** пустынных отцов (77, 40—41).

Вскоре после кончины преподобного Макария поселились в его **пустыни** монахи. Они воздвигли над его гробом храм и завели монашеское общежитие. В 1522 году толпы татар окружили Унжу и трое суток осаждали беззащитный город, но не могли взять его, устрашаемые видением грозного черноризца. В четвертый день они бросили огонь, и город загорелся. Народ в страхе повторял: «Святой Макарий, помоги нам!» Неожиданно полился дождь и пожар был злит, а татары в ужас бежали из города. Достойные видели в это время преподобного в облаках, заливающего пожар. Пленные татары говорили, что им виделся старец на коне, в иноческой одежде, вторгшийся в их полки и метавший в них стрелы. В то же время отдельный отряд татар из 300 человек

* Византийский император Юлиан Отступник (IV в.).

хозяйничал в Макариевой пустыни: враги хотели ободрать раку, обитую серебром, но внезапно ослепли. Это навело ужас на всех; татары бросились бежать, и многие потонули в Унже. **Троицкий Патерик (90, 351—352).**

Бог помогает, если мы сами прилагаем усилия к добру

Не следует доводить себя до того, чтобы в чем-либо осуждала совесть, и в таком состоянии призывать Божию помощь. Призывать же ее нужно не с нерадением, не скитаясь умом туда и сюда, — **такой** человек не только не получает просимого, но еще более огорчает Владыку. Святитель Василий Великий (8, 323).

Как мы можем привлечь к себе помощь Бога и расположить Его пребывать в нас? Добрыми делами и хорошей жизнью (37, 281).

Если Господь видит, что мы обращаемся [к добру], делаемся скромными и полагаем хоть некоторое начало, то и со Своей стороны оказывает нам помощь, делая для нас все легким и удобным (38, 290).

Знающий наши сокровенные помышления, если видит, что мы поступаем здраво и усердно подвигаемся в добродетели, немедленно и от Себя подает помощь, облегчая для нас труды, укрепляя немощь нашего естества (38, 460).

Как без высшей помощи мы не в силах сделать ничего как должно, так и без приложения собственных усилий не можем удостоиться высшей помощи (38, 634).

Как мы можем всегда быть с Господом и во всем получать Его содействие? Если будем всегда трезвиться и бодрствовать... будем помнить, что все нужно делать с таким тщанием, чтобы никогда не осудил нас Господь, помнить, что никто не может укрыться от Его неусыпного ока, что грешник будет непременно наказан (38, **670**).

Щедрая помощь свыше приходит, если и мы проявим много добродетели (38, 670).

Своими дарами Бог не предваряет наших желаний, но когда мы начнем, когда обнаружим желание, тогда он подает нам многие способы к спасению (42, 122).

Нам следует избирать доброе, а когда мы изберем, тогда и Бог оказывает содействие. Святитель Иоанн Златоуст (46, 115).

Заботится о нас Бог, когда и мы заботимся о духовном. Преподобный Нил Синайский (49, 127).

Если мы постоянно и со всей старательностью будем делать все, что от нас зависит, тогда можно призывать на помощь Божию **силу** — она придет и всеми способами доставит нам победу. Если же мы сами не сделали того, что должны сделать, то напрасно мы ее призываем (51, 383).

Не только того, что не в нашей силе... но и того, что в нашей силе, мы не сможем привести к совершенному окончанию, если не снизойдет к нам великая помощь от Божественного Промысла. Снизойдет же она непременно к тем, которые сделают все, от них

зависящее, и ничего не упустят. Ибо эта помощь, побуждая даже нерадивых, непременно возведет на самый верх преуспевания тех, которые сами все делают и употребляют все средства (52, 88).

Желающий удостоиться всемогущей помощи должен просить только того, что согласно со справедливостью, чтобы самой сущностью прошения привлекалась содействующая всему благу сила; без зова приходя к обиженным, она не приходит к призывающим без нужды... (52, 340).

Божественная сила приходит не без причины и не ко всем. Она оставляет тех, кто по нерадению изменяет собственному спасению, и помогает решившимся делать, что должно (52, 346).

Кто стремится к добродетели, тот по праву призывает Божию помощь. А кто не заботится о добродетели, того не послушает Бог; Он благоволит только к тому, кто исполняет все, от него зависящее. **Преподобный Исидор Пелусиот (52, 420).**

Нужно и самим не унывать и не лениться, но трезвиться и бодрствовать, как святой Петр увещевает: «Трезвитесь, бодрствуйте» (1 Пет. 5, 8). Христос помогает труждающимся, а не лежащим и спящим; и брань требует подвига. Поэтому ленивый и сонливый напрасно надеется на Помощника Христа. **Святитель Тихон Задонский (104, 1489).**

Когда святой великомученик Феодор Стратилат был распят на кресте и терпел ужасные истязания, он изнемог и духом, и телом и воскликнул: «Господи, Ты предрекал, что будешь со мной, зачем же Ты оставил меня? Укрепи меня, Господи, или возьми душу мою, ибо больше я не могу терпеть». Сказав это, мученик умолк. Мучитель Ликийский заключил, что святой умер, и, отдав повеление оставить тело на кресте до утра, ушел. В полночь явился Ангел, снял тело святого с креста, поцеловал его и сказал: «Радуйся, Феодор, воин Христов! Дерзай и укрепляйся именем Христа, Истинного Бога. Бог с тобою, зачем ты говорил, что Он оставил тебя? Докончи подвиг и придешь к Господу взять приготовленный тебе венец». Сказал это, Ангел сделался невидимым, а святой стал хвалить и благодарить Бога. **Пролог в поучениях (81, 742).**

ПОСЛУШАНИЕ*

Послушание воле Божией

Послушание Божью повелению дарует жизнь, а непослушание — смерть и тление. **Преподобный Нил Синайский (48, 364).**

Человек, образ Божий и подобие, послушанием Истине возвышается надо всем. **Авва Исидор Скитский (82, 243).**

Если нам приказывают что-либо согласное с заповедью Господней или содействующее ей, необходимо принимать это усерднее и тщательнее, как волю Божию (8, 228).

Когда же приказывают нам нечто противное Господней заповеди, нарушающее или искажающее ее, тогда благовременно сказать: «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5, 29). Святитель Василий Великий (8, 228).

Блажен, кто приобрел истинное и нелицемерное послушание, потому что он, подражая Господу (Флп. 2, 8), делается Его сонаследником (25, 20).

Хорошо послушание, соблюдаемое ради Бога... поэтому узнавай, какое послушание благоугодно Богу (25, 149).

Послушание, соблюдаемое ради Бога, исполнено святыми. **Преподобный Ефрем Сирий (25, 149).**

Преслушанием душа погружена в море забвения, в глубину заблуждения и стала обитать во вратах адовых (33, 394).

Разве мы не змии, когда не послушны Богу, а пребываем в преслушании, внушенном змием? **Преподобный Макарий Египетский (33, 188).**

Предпочитай волю Божию всякой человеческой мудрости и признавай ее более полезной, чем все человеческие разумения. **Преподобный авва Исаия (34, 186).**

Что делается против воли Божией, то сквернее всего, даже если это жертва или пост. **Святитель Иоанн Златоуст (35, 661).**

Во всех случаях не давай воли своим желаниям, а держи их в своей власти, направляя все исключительно к главной цели — стоянию в воле Божией и шествованию по воле Божией. Ибо тогда и желания твои будут правы и благочестны, и ты при

* См. также т. 2, с. 676—678 настоящего издания.

всякой неприятной случайности будешь пребывать в покое, упокоеваясь в воле Божией. Искренне веруя, что с тобой ничего не может случиться помимо воли Божией, и ничего не желая, кроме пребывания в деятельном исполнении воли Божией, ты, как само собой очевидно, всегда будешь иметь только то, чего желаешь, что бы когда ни случилось с тобою. **Преподобный Никодим Святогорец (64, 173).**

Не тот **раб** — верный, кто останавливается на одном знании, но тот, кто проявляет свою веру послушанием Христу, давшему заповеди. **Преподобный Марк Подвижник (54, 27).**

«Как вам кажется? У одного человека было два сына; и он, подойдя к первому, сказал: сын! пойди сегодня работай в винограднике моем. Но он сказал в ответ: не хочу; а после, раскаявшись, пошел. И подойдя к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: иду, государь, и не пошел. Который из двух исполнил волю отца? Говорят Ему: первый» (Мф. 21, 28—31).

Христос опять притчами обличает иудеев, намекая как на неповиновение их, так и на покорность отверженных прежде язычников. Ибо здесь под двумя сыновьями подразумеваются язычники и иудеи. Язычники, не давая обещания о послушании и не слышав закона, самим делом оказывали послушание. А иудеи, хотя говорили: «всё, что сказал Господь, исполним и будем послушны» (Исх. 19, 8), на самом деле не оказывали покорности закону. Потому, чтобы иудеи не подумали, что закон и без исполнения приносит им пользу, Христос показывает, что это самое и осуждает их. Согласно с этим говорит и Павел: «не слушатели закона праведны пред Богом, но исполнители закона оправданы будут» (Рим. 2, 13). Потому, чтобы иудеи осудили сами себя, Спаситель заставляет их самих произнести приговор.

Когда же они, не понимая цели притчи, произнесли приговор, тогда Он уже раскрывает им смысл притчи и говорит: «мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие, ибо пришел к вам Иоанн путем праведности, и вы не поверили ему, а мытари и блудницы поверили ему; вы же, и видев это, не раскаялись после, чтобы поверить ему» (Мф. 21, 31—32). Если бы Он просто сказал: «блудницы вперед вас идут в Царство Божие», то слова Его показались бы им тяжкими; но теперь, когда сами они объявили свое мнение, то слова Его для них окажутся не такими тяжкими. Для этого же Он называет и причину. Какую же? Иоанн, говорит Он, пришел к вам, а не к ним, и притом путем праведным. Ибо вы не можете обвинить его, как человека нерадивого и бесполезного. Он вел и жизнь безукоризненную и имел большую попечительность, однако вы и тогда не послушали его. После этого следует другое осуждение: мытари уверовали; затем еще обвинение: вы, и увидев это, не одумались, чтобы поверить ему после, тогда как вам надлежало сделать это прежде. А это не заслуживает никакого прощения. Слова «вперед вас идут» не потому сказаны, что иудеи последуют мытарям, но потому, что и они, если захотят, могут войти в Царство Божие. Ибо ничто так не возбуждает грубых людей, как ревность; потому Христос всегда говорит: «Многие же будут первые последними, и последние первыми» (Мф. 19, 30). Для того Христос и ставит в пример блудниц и мытарей, чтобы иудеи возревновали. Ибо грехи блудниц и мытарей есть грехи величайшие, происходящие от грубой любви, один — к телу, другой — к деньгам. Притом Христос поучает, что верить **Иоанну** — значит истинно повиноваться закону Божию. Итак, блудницы входят в Царство Божие не по одной благодати, но и по правде. Ибо входят они уже не как блудницы, а как послушные и верующие, чистые и переменившиеся. Обличив иудеев во всем этом, Христос наконец наносит им самый тяжкий удар: «вы же, и видев это, не раскаялись после, чтобы поверить ему». Плохо не делать доброго в самом начале, но еще большего осуждения достоин тот, кто и после не исправляется. Святитель **Иоанн Златоуст (116, 372—373).**

Вера — мать послушания (104, 1505).

Послушание Богу явил Авраам, святой праотец, как читаем в книге Бытия. Когда ему повелел Бог: «пойди из земли твоей, от родства твоего, и из дома отца твоего и иди в землю, которую я укажу» и прочее (Быт. 12, 1), он не отказался сделать это. Оставил отечество свое, род свой и дом отца своего, и пошел в землю чужую, незнакомую, как писал апостол: «Верую Авраам повиновался призванию идти в страну, которую имел получить в наследие, и пошел, не зная, куда идет» (Евр. 11, 8). Еще большего удивления достойное дело сотворил святой патриарх, когда по повелению Божию привел и вознес на жертвенник во всесожжение своего сына Исаака, и хотя не на деле, но произволением заклал его (Быт. 22, 1—12). Верный и искренний послушник не отказался вознести его на всесожжение, невзирая на столь тяжкое и непостижимое повеление, но внимал власти Повелевающего, силе и всемогуществу, «ибо он думал,— говорит апостол,— что Бог силен и из мертвых воскресить» (Евр. 11, 19) (104, 1505—1506).

Без истинного послушания ничто не угодно Богу. Ни исповедание имени Его, как говорит Христос: «Что вы зовете Меня: Господи! Господи!— и не делаете того, что Я говорю?» (Лк. 6, 46); «да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа»,— говорит апостол (2 Тим. 2, 19)... Ни молитва, ибо написано: «грешников Бог не слушает; но кто чтит Бога и творит волю Его, того слушает» (Ин. 9, 31)... Ни пение, ни хваление, ни славословие, ни прочее устное почитание Богу не приятно без сердечного почитания, как о таких говорит Бог: «приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня» (Мф. 15, 8; Ис. 29, 13). Надо непременно очистить себя истинным покаянием и тогда призывать, петь, хвалить святое имя Божие, которое святые Ангелы с благоговением воспевают (Ис. 6, 3). Ибо всякое устное почитание без сердечного есть лицемерие (104, 1508—1509).

Истинное послушание не смотрит, трудно или удобно, тяжело или легко то, что повелевается, но готово на всякое повеление, какое бы оно ни было, вместе с Пророком отдавая сердце свое в послушание Богу: «Готово сердце мое» (Пс. 107, 2). Оно думает не о повелеваемом, но о лице, воле и желании повелевающего, кто и каков он, и чего от него хочет. Оно довольствуется тем, что Бог есть Тот, кто повелевает, и того, что повелевается, хочет от Него Бог, его Создатель и Промыслитель, а не кто иной. Потому рассуждает не о повелевании, но о силе и власти Повелевающего. Потому охотно исполняет Его повелевание. И так—чего хочет Повелевающий, того и оно хочет творить, и чего Он не хочет, того и оно не хочет и не делает (104, 1512).

Хотя мы, по немощи нашей, и не можем такого повиновения Ему проявлять, какого Его святой и праведный закон от нас требует, потому что «плоть желает противного духу» (Гал. 5, 17), однако мы должны от всего сердца стараться не «позволять плоти господствовать над нами, но покорять плоть духу и духом умерщвлять дела плотские, как учит апостол (Рим. 8, 13)...

Обещание послушания мы столько раз повторяем, сколько раз каемся перед Ним в согрешениях наших. Следовательно, кто не старается проявлять этого послушания Богу, напрасно говорит Ему: «Господи! Господи!». Святитель Тихон Задонский (104, 1513).

У верующего во Христа против сердечных чувств обнажен меч Христов, и он насильно отсекает мечом послушания Христу не только явные порочные стремления своего сердца, но и те стремления, которые по видимости кажутся добрыми, по самой же сути противоречат Евангельским заповедям (108, 503).

Великую добродетель, начало всех добродетелей, утраченную Адамом на Небе, добродетель послушания Богу принес Богочеловек с Неба на землю к людям, томившимся в гибели, вызванной преслушанием Бога (109, 101).

Вне неуклонного послушания Церкви нет ни истинного смирения, ни истинного духовного разума; там обширная область темного царства лжи и производимого ею самообольщения. Епископ Игнатий (**Брянчанинов**) (111, 446).

Послушание духовному отцу

Пока ты находишься в состоянии подчинения, внимай тому, что говорится тебе, старайся понять сказанное и тщательно исполняй его по значению и смыслу (82, **26**).

Имей постоянным залогом в сердце послушание отцу твоему, и будет обитать в тебе страх Божий (82, 31).

Молодому монаху подобает совещаться со старцем о каждом шаге, который он делает даже в своей келлии... Если что-нибудь тебе будет повелено, согласное с заповедями Господа Бога нашего, соблюди и исполни это с тщательностью... Напротив, если будет приказано что-либо противное божественным заповедям, тогда нужно ответить приказывающему: «Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5, 29). Преподобный Антоний Великий (82, 34).

Новоначальные монахи, предавшие себя в послушание отцам, подобны мягким ветвям, удобно сгибающимся в обруч (82, 152).

Будем оказывать повиновение нашим отцам по Богу, отсекая перед ними нашу волю и стяжая истинное послушание. Когда же стяжем его, то почиет над нами благословение отцов, как почил оно на Елисею (82, 235).

Выходя на дело [послушания], храните себя от лености и дерзости. Преподобный авва **Исаия** (34, 8).

Если брат имеет доверенность к старцу и предаст себя ему в послушание, с такого брата уже не взыскивается исполнение заповедей Божиих по его разумению, но он должен отречься от всей своей воли перед духовным отцом: повинувшись во всем, он не может согрешить перед Богом. Изречения безымянных старцев (82, 396).

Слушай того, кто вразумляет тебя о Господе, чтобы мог ты принести плоды Богу (25, 207).

Если хочешь стать избранным сосудом, не имей негодования на наставника, но преуспевай в покорности о Господе и смиренно-мудрии. **Преподобный Ефрем Сирий (25, 418).**

Послушание есть смерть собственной воли и воскресение смирения (57, 21).

Послушание есть оправдание перед Богом, устранение страха смерти, безопасное плавание (57, 21).

Послушание есть отказ от человеческого рассуждения даже при богатстве рассуждения (57, 21).

Блаженное послушание отцы называли исповедничеством, без которого никто из страстных не узрит Господа (57, 22).

Повиновение рождается от укоренил самого себя и от желания душевного здоровья. **Преподобный Иоанн Лествичник (57, 210).**

[(Истинные монахи)]... занимаясь в келлиях рукоделием и размышлением, как только услышат стук в дверь, зовущий их на молитву или какое-либо дело, тотчас выходят из своей келлии, так что пишущий бросает писать на том месте, где застанет его призыв, не смея даже дописать начатую букву, потому что они не столько заботятся о совершении дела и своей пользе, сколько о том, чтобы проявить послушание. Они предпочитают послушание не только рукоделию, чтению, молчанию, покою в келлии, но даже всем добродетелям, так что готовы претерпеть все невыгоды, чтобы только ни в чем не нарушить доброго послушания (53, 32).

Все, что ни приказывает старец, они без всякого исследования спешат исполнять, как Божие повеление, так что иногда с полным доверием, усердием, без всякого колебания принимаются за исполнение невозможных приказаний и из уважения к своему старцу не думают об их исполнимости. **Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин (53, 31).**

Послушание, самоотвержение и смирение есть те добродетели, на которых зиждется преуспеяние в молитве (108, 262).

Ничто так не способствует молитве, как послушание, умерщвляющее нас для мира и для самих себя (109, 158).

Совет и послушание чисты и угодны Богу только до тех пор, пока они не осквернены пристрастием (111, 519).

Послушания должно проходить со всей тщательностью, со строгим хранением совести, веруя, что такое прохождение послушаний необходимо для нашего спасения (112, 8).

Если ты не достиг меры духовной, а еще младенчествуешь умом, то смирись перед учителем, да накажет тебя милостью, и без совета ничего не делай (112, 46).

Иноческое послушание, в том виде и характере, как оно проходило в среде древнего монашества, есть высокое духовное таинство. Постижение его и полное подражание ему сделались для нас невозможными (112, 75).

Оказывай послушание всем отцам и братьям в их приказаниях, не противных закону Божию, уставу и порядку монастыря... но никак не будь послушен на зло (112, 77).

Скромное отношение советника к наставляемому совсем другое, чем отношение старца к безусловному послушнику, рабу о Господе. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 80).**

Иоанн [Колов] поселился к одному великому старцу, родом из Фиваиды, по имени Памво, и предал себя в услужение ему. Старец учил его послушанию, а Иоанн дал обет повиноваться старцу во всем... Однажды старец взял сухое дерево, воткнул его на горе и приказал Иоанну ежедневно поливать это сухое дерево ведром воды, пока дерево принесет плод. Вода была далеко: утром надо было идти за ней, чтобы принести к вечеру. Через три года дерево зазеленело и принесло плод. Старец взял его, принес в церковь к братии и сказал им: «Приидите, вкусите от плода послушания» (82, 286).

На некотором расстоянии от их келлии было кладбище. Там жила лютая гиена, умерщвлявшая людей и скот. Старец сказал Иоанну; «На кладбище я видел помет гиены, пойдй принеси его». Иоанн сказал на это: «А что мне сделать, если гиена нападет на меня?». Старец, улыбувшись, ответил: «Если гиена нападет на тебя, то свяжи ее и приведи сюда». Вечером Иоанн пошел на кладбище, гиена напала на него. Он, по повелению старца, бросился, чтобы схватить ее, но она побежала от него. Иоанн погнался за ней, крича: «Остановись! Отец мой повелел связать тебя». Она остановилась, и Иоанн связал ее. Между тем старец сидел, ждал ученика. И вот идет Иоанн, ведет за собой связанную гиену. Старец, увидев это, удивился, но, желая смирить ученика и предохранить его от превозношения, взял жезл и начал бить Иоанна, говоря: «Глупый, зачем ты привел собаку?» Старец развязал гиену и отпустил ее (82, 286).

Некий старец сказал: «Тот монах, который от души предаст себя повиновению духовному отцу, имеет большее воздаяние, чем тот, кто живет отшельником в пустыне». К этому он добавил: «Один из отцов сказывал, что он видел четыре чина в Небе. Первый чин состоял из больных, благодаривших Бога, **второй** — из принимающих странников и служащих ближним. **Третий** — из жительствоющих в пустыне, лишенных человеческого общества. Четвертый — из тех, которые повинуются духовным отцам и находятся в послушании у них ради Бога. Чин проходящих послушание украшался золотой цепью и венцом и имел большую славу, чем три первые чина. Я спросил того, кто показывал мне все это, почему этот чин имеет большую славу? Он ответил: «Потому, что принимающие странников делают это по собственной воле. И отшельники по собственной воле оставили человеческое общество. Но чин, предавший себя послушанию, находится в совершенной зависимости от Бога и от духовных отцов, потому и имеет большую славу». Благое дело — послушание, проходимое ради Бога. Наследуйте, хотя бы отчасти, эту добродетель! **Послушание** — спасение для всех верующих. Послушание порождает все добродетели. **Послушание** — дверь в Царство Небесное... **Послушание** — пища всех святых: воспитанные им, как молоком, они при посредстве его достигли совершенства. Епископ Игнатий (Брянчанинов) (82, **512—513**).

Рассказывали, что у аввы Силуана в скиту был ученик по имени Марк, который имел великое послушание и был хороший писец. Старец любил его за послушание. Кроме Марка у старца было еще одиннадцать учеников. Они скорбели о том, что старец любил Марка больше, чем всех их. Старцы, услышав об этом, опечалились. Однажды они пришли к Силуану и укоряли его. Авва Силуан, взяв их с собой, вышел из келлии, начал стучаться в двери каждого из учеников своих, говоря: «Брат, пойдй сюда, ты мне нужен», но ни один из них не поспешил тотчас же к нему выйти. Старец пришел к келлии Марка, постучался и позвал: «Марк!» Марк, услышав голос старца, выбежал к нему в ту же минуту, и старец дал ему поручение. Силуан сказал старцам: «Где же, отцы, другие братья?» Потом он вошел в келлию Марка, взял тетрадь и увидел, что тот начал писать одну букву, но услышав юлос старца, бросил перо, не докончив ее. Тогда старцы сказали Силуану: «Справедливо ты любишь его. И мы полюбили его, и Бог его любит» (79, 166).

Один старец рассказывал о Василии Великом. Посетив однажды киновию, после приличного наставления он спросил настоятеля: «Есть ли у тебя здесь брат, который бы отличался послушанием?» — «Владыка! — отвечал настоятель, — все рабы твои, и ищут спасения». Святитель Василий опять спросил его: «Есть ли у тебя кто-нибудь, имеющий истинное послушание?». Тогда настоятель привел к нему одного брата. Святитель Василий велел ему служить при столе. После принятия пищи брат подал ему воды умыться, а святитель Василий говорит ему: «Пойди, и я подам тебе умыться». Брат позволил, чтобы святитель подал ему воды. Святитель Василий сказал ему: «Когда войду в храм, приходи и ты; я сделаю тебя диаконом». После этого святитель Василий сделал его и пресвитером и за его послушание взял с собой в епископию. **Достопамятные сказания (79, 50).**

Отправляясь из киновии для свидания с духовником, преподобноченик Тимофей сказал игумену о желании повидать своих детей и просил у него на это благословения, ибо селение, где они живут, лежало на его пути. Игумен отвечал: «Сначала пойди к своему наставнику и спроси его об этом, и, если он позволит, сходи». Глубоко сложил Тимофей в сердце своем заповедь духовного отца и наставника на пути к Небу.

Когда он приближался к селению, где жили его дети, его сердце разгорелось такой любовью к ним, что он плакал. Но он не дерзнул не только войти в селение, но даже и посмотреть на него. Между тем, он встретился с одним своим старым знакомым, который шел в селение и просил Тимофея зайти к нему в дом. Тимофей отвечал, что теперь не имеет времени, но зайдет на обратном пути. Приятель Тимофея известил детей его, что отец проходил мимо селения и что он теперь еще близко. Дети побежали вслед за отцом и стали звать его, но и он побежал от них. Он плакал много и горько, и сердце его горело любовью к детям, и все-таки они не увидели даже лица его. Таков был этот благословенный сын послушания. **Афонский Патерик (85, 405—416).**

Послушание ближнему

Тот велик, кто оказывает послушание брату своему (82, 165).

Живя со старшим, не позволяй себе, не спросив его прежде, оказать благодеяние нищему. Не сделай этого тайно. **Преподобный авва Исаия (82, 180).**

Никто не должен быть господином даже себе самому, но каждый, как отданный Богом в услужение единомудушным братьям, сообразно с этим обязан и рассуждать обо всем, и делать все, впрочем, пребывая в собственном чине. Святитель Василий Великий (9, 55).

В ком есть послушание, тот со всеми соединен любовью (25, 20).

Послушливый, если слышит упрек, не смущается, от оскорблений не приходит в воспламенение, в печалях радуется, в скорбях благодарит (25, 21).

Послушливый готов на всякое доброе дело. Им не легко овладевает вспыльчивость (25, 21).

Блажен, кто послушен ближнему по Богу и терпит скорби с благодарением, ибо таковой будет увенчан, став исповедником о Господе (25, 528).

Прилагай старание не раболепствовать собственной воле, но будь послушен боящимся Господа и по милости Божией сокрушишь главу змия. **Преподобный Ефрем Сирий (26, 112).**

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ*

«Есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем». «По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мф. 16, 28; 17, 1—2).

О тех самых сказал, что не вкусят смерти, прежде чем не увидят образа пришествия Его, которых возвел на гору и которым показал, каким образом Он придет в Последний День в Славе Своего Божества и в Теле Своего Человечества. Возвел же их на гору, чтобы показать им, кто Сын и Чей Сын. Ибо когда спросил их: «За кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?», они отвечали ему: «За Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков» (Мф. 16, 13—14). Поэтому возводит их на гору и показывает им, что Он не Илия, но Бог Илии, и также не Иеремию, но освятивший Иеремию во чреве матери, и не один из пророков, но Господь пророков, пославший их. Показывает им, что Он—Творец неба и земли, что Он—Господь живых и мертвых, потому что повелел небу и низвел Илию, дал мановение земле и воскресил Моисея.

Возвел их на гору, чтобы показать им Славу Божества и дать им знать, что Он—Искупитель Израиля, как объявил через пророков, и чтобы не соблазнились о Нем, видя Его вольное страдание, какое Он должен был претерпеть за нас по человечеству. Ибо знали Его как человека и не разумели, что Он—Бог. Знали Его как Сына Марии, как человека, жившего с ними в мире. И на горе дал им понять, что Он—Сын Божий и Бог. Видели, Что Он ел и пил, утомлялся и отдыхал, дремал и засыпал, приходил в страх и проливал пот,—все же это было признаками человеческого естества Его. И потому возводит их на гору, чтобы Отец провозгласил Его Сыном и показал им, что действительно Он—Сын Божий и Бог.

Возвел их на гору и показал им Царство Свое прежде Своих страданий, силу Свою прежде смерти Своей, и Славу Свою прежде поругания Своего, и честь Свою прежде бесчестия Своего, чтобы, когда будет взят и распят иудеями, знали они, что распят не по немощи, но по благоизволению Своему, добровольно, во спасение мира.

* См. также т. 1, с. 558—560; т. 3, с. 682—686 настоящего издания.

Возвел их на гору и показал им Славу Божества Своего прежде Воскресения, чтобы, когда восстанет из мертвых в Славе Божественного естества Своего, узнали они, что не за труд Свой принял Он эту славу, но что прежде веков принадлежала Ему Слава с Отцом и у Отца, как сказал Он, исходя на вольное страдание: «Прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя, прежде бытия мира» (Ин. 17, 5).

Итак, эту Славу Божества Своего, невидимую и сокровенную в человечестве, Он показал апостолам на горе. Ибо видели лицо Его блистающим, подобно молнии, и одежды Его белыми, как свет. Два солнца увидели ученики: **одно — обыкновенное**, на небе, видимое и озаряющее мир, **другое — им** одним являющееся лицо Свое. Одежды же Свои показал белыми, как свет, потому что и все Тело Его излучало Славу Божества Его, и во всех членах Его сиял Его Свет. Не как у Моисея, не одна внешность плоти Его просияла благолепием, но из Него изливалась слава Божества Его, из Него восходил Свет Его и в нем сосредоточивался, не переходил от Него на что-либо **другое**; оставляя Его, и не был для Него заимствованным. Но не всю бездонность славы Своей показал им, а в какой мере могли вместить зеницы очей их.

«И вот, явились им Моисей и Илия, с Ним беседующие» (Мф. 17, 3). Беседа их с Ним была следующая: свидетельствовали Ему благодарение, что пришествием Его исполнились слова их и всех пророков. Воздавали Ему поклонение за спасение мира, то есть человеческого рода, и за то, что на деле исполнил тайну, которую они описывали.

В этом восшествии на гору была радость пророкам и апостолам. Радовались пророки, увидев Его человечество, которого не знали; радовались апостолы, увидев Славу Его Божества, которого не понимали. И, услышав глас Отца, свидетельствующий о Сыне, познали из этого Его вочеловечение, которое было для них неясно. А вместе с гласом Отца уверяла их в этом явившаяся Слава Тела Его от неизменно и неслиянно соединенного с ним Божества. И запечатлелось свидетельство троих гласом Отца, также и Моисеем и Илией, которые предстояли Ему, как рабы.

И взирали друг на друга: **пророки — на** апостолов, **апостолы — на** пророков. Увидели там друг друга: вожди Завета **Ветхого —** вожди Завета Нового. Святой Моисей увидел освященного Симона. Домоприставник Отца увидел приставника Сына: один рассек море, чтобы народ прошел среди волн, другой хотел поставить кушу, чтобы создать Церковь. Девственник Ветхого Завета увидел девственника Завета Нового, **Илия — Иоанна**, вошедший на огненную **колесницу — припавшего** к груди Пламени. Так **гора** стала образом Церкви, и Иисус соединил в ней два Завета, какие приняла Церковь, и дал нам разуметь, что Он Сам Податель обоих Заветов: один принял тайны Его, а другой явил славу дел Его.

Петр сказал: «Господи! хорошо нам здесь быть» (Мф. 17, 4). Что говоришь ты, Симон? Если здесь останемся, кто исполнит слово пророков? Кто запечатлеет вешания проповедников? Кто совершит таинства праведных? Если здесь останемся, на ком

исполнятся слова: «Пронзили руки мои и ноги мои» (Пс. 21, 17)? К кому будет относиться сказанное: Делят ризы мои между собою, и об одежде моей бросают жребий» (Пс. 21, 19)? С кем сбудется это: «Дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом» (Пс. 68, 22)? К кому отнести это: «Между мертвыми брошенный» (Пс. 87, 6)? Если здесь останемся, кто раздерет рукописание Адамово? Кто оплатит долг его? Кто обновит на нем одеяние славы? Если здесь останемся, как будет все то, что сказал я тебе? Как созиждется Церковь? Как получишь от Меня ключи Царства Небесного? Кого будешь вязать? Кого будешь разрешать? Если здесь останемся, без исполнения останется все сказанное пророками.

Еще сказал Петр: «Сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илию» (Мф. 17, 4). Симон послан созидать Церковь в мире, и вот творит кущи на горе, потому что все еще как на человека смотрит на Иисуса и ставит Его в ряд с Моисеем и Илией. И Господь тотчас показал ему, что не имеет нужды в его куше, потому что Он отцам его в пустыне в продолжение сорока лет творил сень облачную. Ибо «когда он еще говорил, се, облако светлое осенило их». Видишь, Симон, **сень, устроенную** без труда, сень, которая преграждает зной и не производит тени, сень, которая молниеносна и светла.

Когда ученики дивились, был услышан из облака глас Отца: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; **Его** слушайте» (Мф. 17, 5). После гласа от Отца Моисей возвратился в свое место, и Илия возвратился в свою область, и апостолы пали лицом на землю, и Иисус остался один, потому что на Нем одном исполнился этот глас. Бежали пророки, пали на землю апостолы, ибо не на них исполнился глас Отца, свидетельствующий: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте». Отец учил их, что Домостроительство Моисеево исполнено, и они должны слушать Сына, потому что Моисей, как раб, говорил, что было повелено, и проповедовал, что было ему сказано. Так же говорили и пророки, пока не пришел Примиритель (Быт. 49, 10), то есть Иисус, Который есть Сын, а не домочадец, Господь, а не раб, Властитель, а не подвластный, Законодатель, а не подчиненный Закону.

По Божескому естеству «Сей есть Сын Мой Возлюбленный». Что было еще неясно для апостолов, то Отец открыл им на горе. Суший провозвещает Сущего, Отец объявляет Сына. При этом гласе апостолы пали лицом на землю, потому что страшный это был гром, и от Его гласа поколебалась земля, и они пали на землю. Глас показал им, что близок Отец, и Сын воззвал их Своим гласом и воздвиг их. Как глас Отца поверг их, так воздвиг их глас Сына силою Божества Своего, которое вселилось в самой плоти Его и неизменно соединено с нею; почему Божество и плоть пребывают в одной Ипостаси и в одном Лице нераздельно и неслиянно. Не как Моисей благолепен был по внешности, но как Бог сиял славою. У Моисея поверхность лица **его** покрыта была благолепием, а Иисус во всем Своем Теле, как солнце лучами своими, сиял Славою Божества Своего.

И Отец воззвал: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте», воззвал о Сыне, не отлученном от Славы Божества. Ибо Отец и Сын со Святым **Духом** — одно естество, одна сила, одна сущность и одно Царство. И к одному вещал под невысоким именем, но в страшной Славе. И Мария назвала Его Сыном, по человеческому Телу не отлученного от Славы Его Божества. Ибо один Бог, явившийся миру в Телѣ. Слава Его воззвала о Божеском естестве, которое от Отца, и Тело Его воззвало о человеческом естестве, которое от Марии; оба же естества сошлись и соединились в одной Ипостаси. Единственный от **Отца — едиnorodный** и от Марии. И кто разделяет в Нем естества, тот отделен будет от Царства Его; и кто сливает их, тот лишен будет жизни Его. Кто отрицает, что Мария родила Бога, тот не увидит Славы Божества Его; и кто отрицает, что он носил безгрешную плоть, тот не получит спасения и жизни, даруемой через Тело Его. Самые дела свидетельствуют и Божеские силы Его научают рассудительных, что **Он** — истинный Бог. А страдания Его показывают, что **Он** — истинный человек.

После того как Отец воззвал с неба: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный... Его слушайте», приняла это Святая Божия Вселенская Церковь. Во имя этой Святой Троицы крестит она в Жизнь Вечную, Ее святит равночестием, Ее непогрешимо поклоняется, Ее исповедует и прославляет. Этой **Триипостасной Единице** — Отцу и Сыну и Святому **Духу — подобают** слава, благодарение, честь, держава, величие ныне и всегда и во веки веков! **Преподобный Ефрем Сирин (116, 49—52).**

Почему Иисус Христос призывает в свидетели Своего Преображения Моисея и Илию? По многим причинам. Во-первых, поскольку некоторые из народа думали видеть в Нем Илию, другие Иеремию или одного из древних пророков, то Он призывает Моисея и Илию, начальнейших из пророков, чтобы этим показать и безмерное расстояние рабов от Господа, и все достоинство веры апостола Петра, который исповедал Его Сыном Божиим.

Далее, так как иудеи не переставали обличать Его в мнимом нарушении Закона: считали Его богохульником и что Он присвоил Себе славу Отчую, чтобы показать, что они из зависти клеветали на Него и что Он не виновен ни в том, ни в другом, то есть не нарушает Закон и не присваивает не принадлежащей Себе славы, говоря, что Он равен **Отцу**, — Иисус Христос призывает Моисея и Илию как обличителей клеветы. Ибо Моисей, давший Закон, не потерпел бы нарушителя его и не поклонялся бы врагу и противнику его. А Илия, пламеневший ревностью по славе Божией, не предстоял бы пред Тем, Который выставлял Себя равным Богу, если бы Он действительно не был таким и присвоил Себе не принадлежавшее Ему.

Добавим, что, призывая Моисея и Илию в свидетели Своего **Преображения** — первого, вкусившего смерть, а последнего, не приобщившего ей, Иисус Христос хотел показать этим, что Он есть верховный Владыка жизни и смерти, вышних и преисподних. Четвертой причины касается сам евангелист: чтобы показать славу Креста, утешить и возвысить умы как Петра, так и прочих учеников, боявшихся предстоящего страдания. Ибо явившиеся пророки не безмолвствовали, но говорили о славе, которую Он намерен был явить в Иерусалиме, то есть о страдании и Кресте, потому что они всегда называются славою. Наконец, самая добродетель явившихся мужей, которой Он преимущественно требовал от учеников, была причиной их избрания. Так как Иисус Христос всегда учил: «кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и

возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф. 16, 24), то Он и теперь изводит тех, которые тысячу раз готовы были умереть за славу Божию и за вверенный им народ... Что же при этом пламенный Петр? Говорит: «хорошо нам здесь быть» (Мф. 17, 4). Прежде он слышал, что Иисус должен идти в Иерусалим и пострадать; и боясь и трепеща за Него, но после сделанного ему упрека не смея приступить и повторить по-прежнему: «будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою!» (Мф. 16, 22), но, от страха, ту же самую мысль выражает в других, уже не столь ясных словах. Находясь на горе в пустыне, он подумал, что самое место доставляет безопасность. И не только надеялся на эту безопасность, но и думал, что Иисус уже не сойдет в Иерусалим, где, по Его словам, Он должен был пострадать от архиереев и книжников. Но не осмелившись сказать этого прямо, а между тем, желая, чтобы это было так, Петр без всякого опасения сказал: «Хорошо нам здесь быть»: здесь находятся Моисей и **Илия**—Илия, низведший огонь с неба на гору, Моисей, вошедший во мрак и беседовавший с Богом. Итак, «если хочешь, сделаем здесь три куши» (Мф. 17, 4). Видишь ли, как пламенно Петр любил Христа? Не смотри на то, что предложение его необдуманно, но рассуди, как сжигала его любовь ко Христу.

Что же далее? Ни Сам Иисус Христос не говорит ничего, ни Моисей, ни Илия, но больший всех и более всех достойный веры Отец говорит из облака. Ибо так всегда является Бог: «Облако и мрак окрест Его» (Пс. 96, 2); и еще: «Делаешь облака Твоею колесницею» (Пс. 103, 3). Поэтому, для уверения учеников, что голос **этот**—голос Самого Бога, является облако, и притом светлое. «Когда он (Петр) еще говорил, се, облако светлое осенило их; и се, глас из облака глаголющий: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте» (Мф. 17, 5). Когда Бог угрожает, то является мрачное облако, например, на Синае «Моисей вступил в средину облака» и «восходил... дым, как дым из печи» (Исх. 24, 18; 19, 18). Здесь же является светлое облако, потому что Он имел намерение не устрашить, а научить. Поэтому там курение и дым, как из печи, здесь же неизреченный свет и глас. Потом пророки удаляются, чтобы показать, что не просто говорится об одном из трех, но именно о Христе. Почему же облако осенило не одного только Христа, но всех? Если бы оно осенило одного Христа, то можно было бы подумать, что глас исходил от Самого Христа. Поэтому-то евангелист, предотвращая это, говорит, что глас был из облака, то есть от Бога. Что же говорил Он? «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мф. 17, 5). Если же Иисус есть Сын Возлюбленный, то не бойся, Петр. Ибо если Отец всемогущ, как и действительно, то и Сын всемогущ, рассуди, что Он не только есть Сын, но и Сын Возлюбленный. Кто же погубит Того, Кого любит? Итак, не смущайся, Петр! Хотя бы любовь твоя к Нему была безмерна, но ты не любишь Его так, как любит Родивший Его, Который о Нем благоволит и любит Его не потому только, что родил Его, но потому, что Он равен Ему во всем и имеет одну с Ним волю и в Нем все Его благоволение, или, что то же, — покой и наслаждение. «Его слушайте» (Мф. 17, 5) так, что если бы Он захотел быть распятым на Кресте, ты, Петр, этому не противься!

«И, услышав, ученики пали на лица свои и очень испугались. Но Иисус, приступив, коснулся их и сказал: встаньте и не бойтесь» (Мф. 17, 6—7). Отчего они были так поражены, услышав глас Отчий? Причинами этого были уединение и высота места, глубокое молчание, страшное Преображение, необычайный Свет, простертое **облако**—все это не могло не повергнуть их в сильный трепет. Но чтобы страх, слишком долго действуя, не лишил их памяти, Он тотчас рассеивает его и предстает очам их один, заповедуя им не открывать это никому до тех пор, пока Он восстанет из мертвых. Ибо чем более стали бы рассказывать о Нем чудесного, тем труднее было бы тогда верить этому; притом соблазн о Кресте от этого еще более увеличился бы. Нужно было дать пройти времени, а после ученики, исполненные Духа, в знамениях находили голос, содействовавший им. Все, что они после говорили, достойно было веры, ибо дела громче всякой трубы провозвещали Его могущество, и события не возбуждали уже никакого соблазна. Святитель **Иоанн Златоуст (116, 53—55).**

В Преображение глас с Неба не другое что изрек, как «Его слушайте» (Мф. 17, 5). Отчего так? Оттого, что здесь, перед глазами был представлен и плод послушания. Отец Небесный говорил как бы: хотите достичь этого? Слушайте же, что Он будет внушать и заповедовать вам. И если пойдете путем Его, то несомненно вступите в область света, который будет обнимать вас не извне, а исходить изнутри и всегда держать вас в таком состоянии, что все кости ваши будут изрекать: «Хорошо нам здесь быть» (Мф. 17, 4). Вас преисполнит свет отрады, свет благонастроения, свет ведения; все печали пройдут мимо, нестроения страстей исчезнут, ложь и заблуждения рассеются. Станете на земле небесными, из **земнородных** — богородными, из **бренных** — вечноблаженными. Тогда все будет ваше, потому что вы сами станете Христовыми. Любящий Христа Господа возлюблен бывает Отцом Небесным, и оба к Нему приходят и обитель у Него творят. Вот и свет Преображения! **Епископ Феофан Затворник** (107, 256—257).

Омилия 34

На святое Преображение Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа*

Рассматривая это великое дело Божие, я имею в виду все видимое творение, мы хвалим его и восхищаемся им; и эллинские (языческие) мудрецы также хвалят его и восхищаются им; но мы это делаем во славу Создавшего, а **они** — противно славе Создателя. Потому что несчастным образом они «служили твари вместо Творца» (Рим. 1, 25). Так и мы растолковываем пророческие, апостольские и отеческие слова, но делаем это на пользу людям и во славу Духа, вещавшего через пророков и апостолов и отцов. Берутся растолковывать их и вожаки ересей, появляющихся в дурные времена, но делают это во вред убежденных ими и в отклонение от Истины, сущей в благочестии (православии), пользуясь словами Духа против Духа. И слово евангельской благодати, возвышенное и отвечающее слуху и разумению старцев, богоносные отцы наши своими устами разъясняют и делают доступным и для нас, несовершенных. Как чадолюбивые матери, разминая зубами более твердую пищу, делают ее пригодной и легко приемлемой для грудных младенцев, поскольку и влага, находящаяся в устах матерей по плоти, становится пищей для детей, так и мысли богоносных отцов становятся пригодной пищей для душ слушающих и верующих людей; уста же дурных и злостивых людей исполнены смертоносного яда, который, когда примешивается к жизненным словам Священного Писания, делает даже их смертоносными для тех людей, которые безрассудно слушают (еретиков). Потому будем избегать тех, которые не принимают святоотеческих толкований, но пытаются сами от себя вводить противоположное, и притворяясь, что почитают слова Священного Писания, на самом деле отвергают благочестивое понимание. Да будем бежать от них скорее, чем бегут от змеи, потому что змея, укусив тело, предаст смерти то, что временно, отделив бессмертную душу, а эти (еретики), захватив зубами самую душу, отделяют ее от Бога, в чем и состоит вечная смерть бессмертной души. Итак, всеми силами будем бежать от таких **людей** — к совету отеческим преданиям.

* В полное название Омилии 34 входит также следующее: «В ней доказывается, что Свет, бывший при Преображении, является несозданным».

Это сказал я ныне вашей любви как вступление, поскольку сегодня и нам надлежит говорить о святом Преображении Христовом на горе и бывшем при этом Свете, против которого врагами этого Света ведется большая борьба. Но обратимся к евангельским словам для разъяснения тайны и выявления истины. «По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце» (Мф. 17, 1—2). Но, во-первых, необходимо выяснить из Евангелия следующее: после какого дня апостол Христов и евангелист Матфей считает шесть дней, после которых наступил день Преображения Господня? Итак, после какого дня? После того дня, в который Господь сказал Своим ученикам, что «придет Сын Человеческий во славе Отца Своего», и добавил: «Есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем» (Мф. 16, 27, 28), называя «славою Отца» и «Царством Своим» — Свет Своего Преображения.

Об этом же говорит и евангелист Лука еще более ясно: «После сих слов, дней через восемь, взяв Петра, Иоанна и Иакова, взшел Он на гору помолиться. И когда молился, вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающею» (Лк. 9, 28—29). Но каким образом согласуются друг с другом один, ясно говорящий, что между вознесением и явлением прошло восемь дней, а другой — «по прошествии дней шести»? Слушайте и узнаете. На (Фаворской) горе было восемь, а представлялось, что шесть; эти **трое** — Петр, Иаков и Иоанн, вошедшие со Христом, увидели бывших там и беседующих с Ним Моисея и Илию; так что всех вместе было шесть; но, конечно, вместе с Господом невидимым образом также находились и Отец и Дух Святой; **Первый** — свидетельствующий Своим глазом, что **Он** — Сын Его возлюбленный; **Второй же** — сияющий в светлом облаке и являющий в отношении Себя и Отца сопряженность и единство Света, потому что богатство их состоит в сопряженности и в едином излучении Сияния. Таким образом, шесть являются восемью. Итак, как тогда шесть в отношении восьми не представляли никакого разногласия, так ни евангелисты, один, говоря: «По прошествии дней шести», а другой: «После сих слов, дней через восемь», не согласуются друг с другом, но как бы дают нам некий образ, таинственно и в то же время наглядно выраженный через то и другое из этих чисел. Вполне справедливо можно обнаружить, что богопроповедники всецело взаимно согласуются: ибо Лука говорит «восемь дней», не противореча этим Матфею, сказавшему «по прошествии дней шести», но включая в это число и тот день, когда эти слова были произнесены, и тот день, в который Господь преобразился; что и Матфей дает понять разумно изучающим дело, поэтому и пишет «по прошествии», что обозначает следующий день после произнесения Господом вышеприведенных слов (Мф. 16, 27—28), чего нет у Луки, потому что он не говорит: «После восьми дней», как это говорит Матфей, **но** — «дней через восемь». Таким образом, в смысле повествования между евангелистами нет никакого расхождения.

Но и нечто иное великое и таинственное видится в том, что представляется, будто они не согласуются друг с другом; и как уже более подготовленные к постижению смысла, напрягите, прошу, внимание на то, что будет сказано. Почему один [из евангелистов] сказал: «По прошествии дней шести», а другой, помянув восьмой день, седьмой пропустил? Потому, что великое видение Света Господнего Преображения принадлежит таинству восьмого, то есть будущего века, являемому после завершения этого мира, созданного в шесть дней, и после прекращения чувств, действующих в нас шестью способами, ибо мы имеем пять чувств, прибавляемое же к ним слово (или мысль), выражающее то, что чувства воспринимают, создает шестую энергию нашей области чувств. Но Царство Божие, обетованное достойным, не только выше чувств, но оно и выше слова (мысли); поэтому после прекрасного прекращения деятельности этих шестью способами проявляющихся энергий — а честь такой бездеятельности делает богатым седьмой **день** — в восьмой день, силою высшего действия, наступает Царство Божие. И об этой силе Божественного Духа, действием которой достойными созерца-

ется Царство Божие, Господь, как передает божественный Марк, сказал своим ученикам: «Есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силу» (Мк. 9, 1), то есть в даровании видящим силы видеть то, что невидимо, если прежде они очищены от смертоносной и душегубительной скверны греха, со вкушения которого начинается зло в мыслях, очищенные же от греха не вкушают душевной смерти, силою будущего явления, как я думаю, соблагоденные неоскверненными душою и умом.

«Есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силу»... Царь вселенной всюду находится, и **всюду**—Царствие Его, поэтому словами, что Царство Его «приходит», Он обозначает не то, что оно должно прийти как-то иначе, но говорит, что оно должно будет обнаружиться силою Божественного Духа. Поэтому Он и сказал: «пришедшее в силу», и эта сила не как случится и не кому угодно будет дана, но стоящим с Господом, то есть утвержденным в вере в Него, и родственным по духу Петру, Иакову и Иоанну. Слово сначала возвело их на высокую гору, то есть выше низменности нашего естества; поскольку и ради этого Бог являет Себя на горе, как это объясняет некто, частично Сам снисходя со Своей высоты, частично же возвышая нас над землей, чтобы Он стал более доступен для сотворенного естества, и то насколько возможно постичь Того, Кто непостижим. И это явление (Бога) отнюдь не подвластно разуму, но гораздо сильнее и возвышеннее его, как бываемое силой Божественного Духа.

Свет Господнего Преображения не появляется и не исчезает случайно, и не ограничивается, и недоступен чувственному восприятию, хотя и бывает видим глазами, и то на малое время и на голой вершине горы, но как говорит некто: «Господни таинники были переведены тогда из состояния плоти в состояние духа изменением чувств, которое произвел в них Дух», и таким образом, и насколько им даровала сила Божественного Духа, они видели этот неизреченный Свет.

Не понимая этого, те, которые ныне произносят хулу по этому поводу, отнесли к чувственной и созданной силе Свет Господнего Преображения, который видели избранные из апостолов, и тем самым пытаются низвести на уровень твари не только этот Свет, но и самую силу Божественного Духа, которой открываются божественные явления для достойных. Это происходит оттого, что они не слышали или же не поверили Павлу, говорящему, что «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его. А нам Бог открыл это Духом Своим, ибо Дух все проникает, и глубины **Божии**» (1 Кор. 2, 9—10).

Когда же настал восьмой день, как было сказано, Господь, **взяв** Петра, Иакова и Иоанна, взшел на гору для молитвы. Всегда и всех отсылая, включая даже самих апостолов, Он молился один, как было и когда Он пятью хлебами и двумя рыбами накормил пять тысяч мужей с женами и детьми, ибо сразу отпустив всех и всех учеников понудив войти в лодку, Сам взшел на гору помолиться, или же взяв с Собой немногих, и то превосходящих других, когда приближалось время спасительной Страсти, прочим ученикам Он говорит: «Посидите здесь, пока Я помолюсь. И взял с Собою Петра, Иакова и Иоанна» (Мк. 14, **32—33**). И в данном случае, теперь, их одних Он возвел на высокую гору и преобразился пред ними, то есть пред их очами. Что означает «преобразился»?—говорит Златоустый Богослов: «Приоткрыл, насколько Ему было угодно, Свое Божество и показал таинникам обитающего в Нем Бога». Потому что, как говорит Лука: «И когда молился, вид лица Его изменился», «просияло лице Его, как солнце», как пишет Матфей. Говорит же «как солнце» не для того, чтобы кто-нибудь представлял себе этот Свет как чувственный **свет**,—прочь это умственное ослепление тех, которые не в силах **даже** и природные феномены понять более возвышенно!—но для того, чтобы мы познали: то, чем является солнце для живущих чувствами, тем для видящих духовно является Христос, как Бог; и в этом богозрении для святых нет нужды в ином свете. Потому что от вечности Сам Он—Свет, а не иной кто; какая же нужда в ином свете для обладающих величайшим Светом?

Во время же молитвы Он так просиял и неизреченным образом открыл избранным из учеников этот неизреченный Свет, в то время, как при этом присутствовали верховные из пророков, чтобы показать, что молитва является подательницей этого блаженного видения, и чтобы мы познали, что через приближение к Богу, достигаемое добродетелью, и через единение с Ним нашего ума происходит и является это Осияние, даруемое и зримое для всех тех, которые непрестанно простираются к Богу путем усердного добродоления и чистой молитвы. Ибо истинная и совершенная красота, говорит некто, может быть зримой только для очистившего свой ум, поскольку она относится к Божественному и блаженному естеству, созерцатель сияний и *благодатей* которой и сам воспринимает нечто от нее, впитывая в свое зрение как бы некий яркий Свет. Поэтому и лицо Моисея просветилось при беседе с Богом. Видите, что и Моисей преобразился, когда взойшел на гору (Синайскую) и таким образом увидел Славу Господню? Однако его преобразование происходило от воздействия на него силы Божией и было, так сказать, пассивного характера, а не результатом действия внутренней, присущей ему силы, и то в той степени, в какой надлежащая мера сияния Истины тогда позволила ему видеть и вынести Свет Божий.

Господь же наш Иисус Христос внутри Себя имел это Сияние. Поэтому и в молитве, осиявающей тело божественным Светом, Он не имел нужды. Но этим Он показал: на основании чего святым будет приходить озарение Божие и каким образом оно будет созерцаемо ими, ибо и «праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их» (Мф. 13, 43), и таким образом всецело став божественным Светом, как порождение божественного Света, они узрят Христа божественно и неизреченно сверхсияющего, слава Божества Которого, присущая Его природе, явилась на Фаворе как общая и для Его тела, вследствие единства Ипостаси. Таким образом и вследствие этого Света лицо Его просияло, как солнце.

Но те, которые в нашей среде хвалятся эллинской наукой и мудростью века сего и предпочитают совсем не слушать духовных мужей в отношении учений Духа и даже противиться им, слыша про Свет Преображения Господня на горе, который был видим для апостольских глаз, сразу же сводят его на чувственный и тварный свет и принижают на этот уровень этот Свет, невещественный, и невечерний, и присносущный, и превышающий не только чувства, но и силу ума, ибо они сами низменны и не могут представить себе ничего выше земного. Хотя и Сам Он, Просиявший тем Светом, явил, что Свет этот несотворенный, назвав его «Царством Божиим», ибо Царство Божие не есть рабское и тварное, оно одно неподвластно правителям и неоодолимо, и находится по ту сторону всякого времени и века. *«Царство Божие, — говорит некто, — не начинается и не зависит от каких-либо веков или времен».* Веруем же, что таковым является наследие для тех, которые спасаются.

Поскольку же и Господь, преобразившись, просиял, и явил славу и сияние и этот Свет, и снова придет таким, каким был видим учениками на горе, то неужели же (именно тогда) Он получил некий свет в виде прибавления, Свет, которым Он будет обладать вечно, но которым прежде Своего Преображения не обладал? Прочь такая хула! Потому что говорящий так признал бы во Христе три природы: Божественную, человеческую и природу этого Света. Нет, не иное сияние Он показал, но то, которое имел в Себе скрытым. Имел же Он скрытое под Плотию сияние Божественного естества, так что этот Свет является Светом Божества и не создан. Поскольку, как утверждают богословы, Христос, преобразившись, не воспринял тогда нечто, чем не был (до того), и не изменился в нечто, чем не был (прежде), но сделал это, являя Своим ученикам То, Кем Он был, открывая им глаза и делая их зрячими.

Видишь ли, что физически зрячие очи являются слепыми для видения этого Света? Итак, этот Свет не есть чувственный, и зрячие чувственными очами не могли его просто видеть, но силой Божественного Духа они были подготовлены для видения Его. Они были изменены и таким образом увидели измененную форму, которая не только что появилась, но которую Он воспринял от самого приобщения к нашей природе, обожествленной единением со Словом Божиим. Так и Зачавшая

в девстве и Родившая странным образом познала рожденного от Нее Бога, носящего плоть; так же и Симеон, как Младенца принявший Его на руки, и старлица Анна, вышедшая в сретение Ему, потому что как бы через стекло являла себя божественная сила, просвечивающая для тех, у кого очищены очи сердца.

Почему же из прочих Он отбирает верховных и возводит их, и то строго наедине? Конечно, для того, чтобы показать нечто великое и таинственное. Неужели же зрение чувственного света, которое вместе с оставленными внизу имели и сами избранные прежде вшествия на гору, было бы великим и таинственным? Какая же была им нужда в силе Духа и, благодаря ей, приготвлении или изменении их очей для того, чтобы увидеть этот Свет, если был этот Свет был чувственным и созданным?

Неужели же слава и Царство Отца и Духа выражается в чувственном свете? Неужели же в такого рода славе и Царстве в будущем веке придет Христос, когда, между тем, не будет нужды ни в воздухе, ни в свете, ни в месте и в чем бы то ни было подобном, но вместо всего этого, как говорит апостол, нам будет Бог? Если же вместо всего, то, конечно, и вместо света; на основании этого опять обнаруживается, что этот Свет есть Свет Божества, поэтому и **глубочайший** из богословов евангелист Иоанн являет в Откровении, что будущий и пребывающий «город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник **его**—Агнец» (Откр. 21, 23). Разве не явно он показал нам и здесь, на Фаворе, божественно преобразившегося Иисуса, Который имел тело, поистине, как светильник, а вместо **света**—явленную на горе для восшедших с Ним славу Божества? Но и про обитающих в этом граде он же говорит, что они «не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их», «и ночи не будет там» (Откр. 22, 5). Что же это за Свет, «у Которого нет изменения и ни тени перемены» (Иак. 1, 17)? Что же это за неизменный и вечерний Свет? Разве это не Свет Божества?

Но и Моисей и Илия, и особенно Моисей, который был душою, не сопряженной со своим телом, как могли они быть видимы и прославлены чувственным светом? Ибо, «явившись во славе, они говорили об исходе Его, который Ему надлежало совершить в Иерусалиме» (Лк. 9, 31). Как же опознали их апостолы, никогда не видевшие их раньше, если только не силою этого Света, раскрывающей их ум к познанию?

...Веруя же так, как мы были научены теми, которые были просвещены Христом, то есть теми, которые одни и обладают совершенным знанием, прекрасно веруя так, как были научены, и постигая тайну Господнего Преображения, пойдем к сиянию этого Света и, возжаждав **красоты** неизменной славы, очистим очи ума (души) от земных скверн. Презрив все приятное и заманчивое, что не прочно; что хотя и представляется сладким, но доставляет вечную муку; что хотя бы и способствовало красоте тела, но душу облакает в безобразную одежду греха, из-за которой, будучи связан по рукам и ногам, тот, кто не имел одежды нетленного соприкосновения (со Христом), извергается в огонь и тьму кромешную. Да избавимся все мы от этой одежды греха осиянием и познанием невещного и присносущного Света Господнего Преображения, во славу Его и Безначального Его Отца и Животворящего Духа, сияние и Божество Которых, и слава, и Царство, и сила неизменны ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Омилия 35 На Преображение Господне*

... Итак, рассмотрим снова прежде рассмотренные евангельские слова и прибавим к ним остальные, чтобы насытиться заключающимся в них смыслом и всецело стать причастниками божественного вдохновения.

* В полное название Омилии 35 входит также следующее: «В ней доказывается, что хотя божественный свет, бывший при Преображении, и был несозданным, однако он не есть Существо Божие».

«По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних, и преобразился пред ними: и просияло лицо Его, как солнце» (Мф. 17, 1—2). Вот ныне время благоприятное: ныне день спасения, братие, день божественный и новый и вечный, не разделяемый на промежутки времени, не возрастающий и не убывающий, не обрываемый ночью. Ибо это день Солнца Правды, у Которого нет изменения и ни тени перемены, Который, с того дня благоволением Отца и содействием Святого Духа человеколюбиво воссияв на нас, вывел нас из тьмы в чудесный Свой Свет и продолжает все время сиять над головою нашей, будучи незаходимым Солнцем. Будучи же Солнцем Правды и Истины, Он не перестает **светить** и предоставляет возможность познать Его также и тем, которые любят ложь и произносят неправду о высшем или же своими (злыми) делами являют себя таковыми. Но исполнителям Правды и поклонникам Истины Он являет и вверяет Себя и Своими озарениями радует их. И **это** — то, о чем Писание говорит: «Свет сияет на праведника, и на правых **сердцем** — веселие» (Пс. 96, 11). Поэтому и Пророк воспевает Богу: «Фавор и Ермон о имени Твоем радуются» (Пс. 88, 13), предсказывая ту радость, которая позднее сбывалась на горе. **Исаия** же говорит: «разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу, и расторгни всякое ярмо». Что же последует за тем? «Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет пред тобою, и слава Господня будет сопровождать тебя» (Ис. 58, 6, 8). И дальше: «Когда ты удалишь из среды твоей ярмо, перестанешь поднимать перст и говорить оскорбительное, и отдашь голодному душу твою и напитаешь душу страдальца; тогда свет твой взойдет во тьме, и мрак твой будет как полдень» (Ис. 58, 9—10); ибо тех, которых это Солнце явно озарит, Оно и самих делает иными «солнцами», потому что «праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их» (Мф. 13, 43).

Итак, отложим, братие, дела темные и станем делать дела света, чтобы не только в этом дне нам честно ходить, но и стать сынами дня. И тогда придите, взойдем на гору, где Христос просиял, чтобы увидеть сбывающееся там. Лучше же сказать, тогда нас, ставших такими, ставших достойными такого дня, Само Слово Божие возведет в свое время.

А теперь напрягите и поднимите ваши душевные очи к свету евангельской проповеди, чтобы тем временем преобразиться обновлением ума вашего, и таким образом привлекая свыше божественное озарение, стать сообразными подобию славы Господа, лицо Которого просветилось на горе; как солнце. Каким образом «как солнце»? Было некогда время, когда этот солнечный свет не был как бы заключенным в некоем сосуде, в форме **шара**, потому что свет был раньше формы; Творящий же все сотворил солнце в четвертый день, сочетав с ним свет, и таким образом установил светило, которое рождает день и бывает видимо днем. Вот так и Свет Божества некогда был не как бы заключенным в сосуде, в Телес Христовом, потому что **Свет** — предвечен, а тело воспринято Сыном **Божием** от нас, создано ради нас, заключая в себе полноту Божества; и таким образом оно явилось обожествленным и богосианным светом. Вот таким образом просветилось лицо Христово, как солнце, «одежды же Его сделались белыми, как свет» (Мф. 17, 2). Марк же говорит: «Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить» (Мк. 9, 3). Итак, следовательно, тем Светом просияли и поклоняемое (божественное) Тело Христово и одежды, но не в равной силе света, потому что лицо Его просветилось, как солнце, одежды же стали светлыми, как прилетающие к Его телу, и через них Он показал, каково одеяние славы, в которое в будущем веке облечутся приближенные к Богу, и каковы одеяния безгрешности, лишившись которых вследствие преступления, Адам увидел себя нагим и устыдился.

Божественный же Лука говорит: «Вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающею» (Лк. 9, 29); он ни с чем не сравнивает совершившееся. Марк же прибегает к сравнению: «Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег», но и он показал, что образы и подобию относительно вида этих одежд недостаточны, потому что снег, хотя и бел, но не сияет, имея неровную поверхность...

Следовательно, поскольку белизны снега недостаточно для передачи впечатления от блистающих одежд Христовых во время Преображения, то к этому понятию присоединено понятие блеска, кроме того, и этим евангелист показывает, что этот Свет, силою которого одежды Христовы стали сияющими и белыми, был сверхъестественным, потому что не является свойством чувственного света делать белым и сияющим то, на что он падает, но он показывает тот цвет, каков есть на самом деле; а этот Свет, как представляется, покрыл, или лучше сказать, изменил их, что не является свойством чувственного света. А еще более удивительно, что, изменив, сохранил их тогда неизменными, как скоро затем стало очевидно. Разве нечто подобное является свойством известного нам света? Поэтому евангелист, представляя не только сияние и сверхъестественную красоту лица Господня, но и сверхъестественную красоту Его одежд тем, что с белизной снега сочетал и понятие сияния, отвел от мысли, что эта красота была естественной. Поскольку же и искусство, как известно, привносит в естество некую красоту и поскольку эту красоту он ставит выше украшений, делаемых мастерами, он говорит: «Как на земле белильщик не может выбелить».

Поскольку **же** Предвечное Слово, воплотившееся ради нас, воипостасная Отчая Мудрость, конечно, в Самом Себе носит и слова евангельской проповеди, и буквы (облекающие слова) являются как бы одеждами Его, поистине белыми и ясными будучи, а в то же время и сияющими, и просвещающими, и как бы подобными жемчужинам, лучше же сказать, достойными Бога и боговдохновенными для зрящих в духе то, что принадлежит Духу, и богоугодно толкующих тексты Писания, то поэтому и слова евангельской проповеди евангелист назвал такими, какие белильщик, то есть мудрец века сего, не может растолковать. И что говорю, «растолковать», если он и понять не может, когда другой растолковывает, потому что, как говорит апостол: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия... и не может разуместь» (1 Кор. 2, 14); поэтому, сводя на уровень чувственных явлений это превышающее ум и божественное и духовное сияние, заблуждается, безрассудно надмеваясь плотским своим умом, вступая в область того, о чем и понятия не имеет.

Но Петр, озаренный блаженнейшим этим видением и увлеченный к еще большей любви и желанию, не желая уже разлучаться с этим Светом, сказал Господу: «хорошо нам здесь быть; если хочешь, сделаем здесь три куши: тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии» (Мф. 17, 4), поскольку время восстановления (всего) еще не наступило, а когда это время придет, тогда мы не будем нуждаться в рукотворенных кушах. Но тем, что распределяет им равные куши, не следовало ему равнять Владыку с рабами: Христос, как Сын Божий, находится в недрах Отчих; пророки **же** надлежащим образом, как подлинные сыны Авраама, обитают в недрах Авраама. Итак, когда Петр, не зная, что говорить, говорил так, «се, облако светлое осенило их» (Мф. 17, 5), прерывая слова Петра и показывая, какая куша соответствует Христу.

Но что такое само это облако и каким образом, будучи светлым, оно осенило их? Не было ли это облако тем неприступным Светом, в котором Бог обитает, и тем Светом, в который Он облачается, как в одежды, ибо говорится: «Делаешь облака Твоею колесницею» (Пс. 103, 3); «и мрак сделал покровом Своим, сению вокруг Себя мрак вод, облаков воздушных» (Пс. 17, 12)? Хотя, как говорит апостол: «Единый имеющий бессмертие... обитает в неприступном свете» (1 Тим. 6, 16), так что здесь свет и тьма являются тем же самым из-за неприступного блеска этого сияния. Но и относительно самого этого Света, который сначала был видим для глаз апостолов, священные богословы свидетельствуют, что он неприступен. «Ибо **сегодня**,—как говорит один из **них**,—бездна неприступного Света; сегодня на Фаворской горе зримо бывает апостолам беспредельное божественное сияние». И великий Дионисий, говоря, что этот неприступный Свет есть мрак, в котором обитает Бог, утверждает, что «в нем всякий удостоенный знает и видит Бога».

Итак, это был тот же Свет, который сначала видели апостолы, как сияющий от лица Господня, а после **этого**—как осеняющее светлое облако. Но сначала он озарял более слабо, а затем, явившись в гораздо

более полной степени, вследствие чрезмерности света, стал неприступен для их зрения, и таким образом он осенил Источник божественного и приспотекущего **Света**—Солнце Правды, Христа. Да и в чувственном солнце тот же свет дает себя видеть взору, когда проливается в виде лучей и тоже бывает недоступен для взора, когда кто-нибудь устремит свой взгляд (непосредственно) на солнце, потому что свет его ярче, чем могут выдержать наши глаза. Но чувственное солнце светит не по своему желанию, а по природе, и светит не только для тех, кому бы пожелало; Солнце же Истины и **Правды**—Христос, обладая не только естественным и естественным сиянием и славой, но, в равной мере, и волей, промыслительно и спасительно озаряет только тех, кого желает, и то в той степени, как Ему это угодно. Поэтому, **пожелав**, Он, как солнце, озарил и был зрим для глаз апостолов, и то не на долгое время, а затем, еще сильнее просияв, как Ему это было угодно, Он, вследствие превосходящего сияния, стал недоступен для очей апостолов, как бы войдя в светлое облако. Но и голос раздался из облака: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте» (Мф. 17, 5). На Иордане, когда Господь крестился, разверзлись Небеса и был тот же глас, исходящий от той же, конечно, Славы, которую затем увидел Стефан, исполненный Святого Духа, когда Небеса раскрылись и для него. Ныне же этот глас исходил из облака, осенившего Иисуса. Итак, это облако тождественно со сверхнебесной Славой Божией. Неужели же чувственный свет будет сверхнебесным? Голос же Отца из облака показал, что все бывшее до пришествия Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, как-то: жертвы, законоположения, **усыновления**—были несовершенными и не были и не совершались на основании первичной воли Божией, но были (лишь) допущены ввиду этого будущего пришествия и явления Господня. И Он есть Тот, к Которому, как Возлюбленному Сыну, благоволит Отец, Которым Он совершенно довольствуется и в Котором почитает, поэтому и повелевает Его слушать и Ему повиноваться. И если Он сказал: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель... тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь» (Мф. 7, 13—14),—слушайте Его; и если Он сказал, что этот Свет есть Царство **Божие**,—слушайте Его и веруйте Ему, и делайте себя достойными этого Света.

Но когда воссияло светлое облако и возгремел Отеческий голос из облака, «ученики пали на лица свои» (Мф. 17, 6),—говорит [евангелист], пали же они ниц не потому, что услышали голос, поскольку и в других случаях неоднократно он был **слышен**—не только на Иордане, но и в Иерусалиме, при приближении спасительной Страсти, когда Господь говорит: «Отче! прославь имя Твое», тогда «пришел с неба глас: и прославил и, еще прославлю» (Ин. 12, 28); и весь народ слышал это и, однако, никто не упал. Здесь же не только был голос, но одновременно осиял их и невыносимый Свет. Поэтому богоносные отцы справедливо признают, что ученики пали ниц не из-за голоса, но по причине превосходящего и сверхъестественного Света, потому что и прежде чем прозвучал голос, они «были в страхе», как говорит Марк (Мк. 9, 6), конечно, вследствие этого Богоявления.

Но когда, на основании всего этого, является очевидным, что этот Свет есть божественный и сверхъестественный и несотворенный, чего хотят эти нахватавшиеся сверх должного светских и недуховных наук и не способные познать то, что от Духа?! Но они впадают и в иную бездну, потому что они не признают, что этот Свет является божественной славой, ни Царством Божиим, ни красотой, ни благодатью, ни сиянием, как это утверждаем мы, наученные Господом и богословием, но в то же время они решительно утверждают, что тот Свет, который они раньше называли чувственным и сотворенным, есть существо Божие. Господь же в Евангелии называет этот Свет не только общей славой для Себя и Отца, но и для святых Ангелов, как пишет божественный Лука: «Ибо кто постыдится Меня и Моих слов, того Сын Человеческий постыдится, когда придет во славе Своей и Отца и святых Ангелов» (Лк. 9, 26). Так что утверждающие, что эта слава есть существо Божие, этим признают, что оно тождественно у Бога и у Ангелов, а это верх нечестия! Не только Ангелы, но и святые люди являются причастниками этой Славы и

Царствия, но Отец и Сын с Божественным Духом по природе Своей обладают этой славой и Царством, святые же, Ангелы и люди являются участниками ее по благодати, оттуда получая озарение. И это нам подтвердили Моисей и Илия, видимые в этой славе с Ним (Лк. 9, 31). Моисей же просиял не только на Фаворе, будучи общником божественной Славы, но и некогда лицо его настолько было прославлено, что сыны Израилевы не могли взирать на него. И это подтвердил говорящий, что «бессмертную славу Отца Моисей восприял на своем смертном лице», и отвечающий Евномию, отрицавшему, что Сын является участником Славы Вседержителя, пишет так: «И даже если бы слово было о Моисее, я бы не допустил такого мнения».

Итак, у Бога и Святых **Его**—общая и единая Слава и Царство и Свет, поэтому и Пророк воспевает: «Да будет благоволение Господа Бога нашего на нас» (Пс. 89, 17), но никто еще до сих пор не дерзал говорить, что у Бога и **Святых**—общее и единое существо. И утверждать, что теперь на горе впервые обнаружилось общее божественное сияние Божества Слова и плоти, значило бы говорить в духе Евтиха и Диоскора, а не претендующих сохранять Православие. И эту Славу и Сияние увидят все, когда Господь явится, сияя от востока до запада; узрели же ее и сегодня восшедшие с Иисусом ученики Его, но никто не пребывал в самой жизни и существе Божием и никто не видел и не возвестил естества Божиего. И этот божественный Свет мерою дается и способен увеличиваться и уменьшаться, согласно достоинству принимающих его, неделимо разделяемого; и вот подтверждение сказанному: лицо Господа просияло ярче солнца, одежды же Его стали светлыми и белыми, как снег. И Моисей, и Илия были видимы в той же славе, но ни один из них не просиял тогда так, как солнце; и сами ученики то созерцали этот Свет, то были не в силах взирать на него. Итак, размеривается таким образом и неделимо разделяется и способен увеличиваться и уменьшаться этот Свет, и частично ныне, а частично позднее познается; поэтому и божественный Павел говорит: «Мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем» (1 Кор. 13, 9). Существо же Божие совершенно неделимо и неприступно, и никакое из существ не способно увеличиваться и уменьшаться. Впрочем же, это проклятым мессалианам свойственно полагать, что для достойных, по их понятию, возможно видеть существо Божие. Мы же, отвращаясь и от древних, и от новых еретиков, веруя, как были научены, что святые созерцают и как причастники разделяют Царство, и Славу, и Сияние, и Свет неизреченный, и божественную благодать, но не существо Божие, идем к сиянию благодатного Света, чтобы познать и поклониться Трисиянному Божеству, во **Единице** сияющему, неизреченному Сиянию из единой триипостасной природы, и устремим очи помысла на Слово, Которое ныне с плотию восседает превыше небесных сводов. Которое, как это подобает Богу, сидя одесную Величия, как бы издали так обращается к нам: «Если кто желает примкнуть к этой славе, пусть, насколько это возможно, подражает Мне и шествует тем путем, которым Я шел на земле и оставил как пример и образ жизни».

Итак, будем созерцать внутренними очами это великое зрелище: наше естество, навсегда соединившееся в своей жизни с невещественным огнем Божества, и, сняв с себя кожаные одежды, в которые мы оделись вследствие преступления, то есть отвергнув земные и плотские заботы, станем на **святой** земле, каждый создав свою личную святую землю, достигнув этого путем добродетели и тяготения к Богу, чтобы нам получить дерзновение, когда Бог придет во Свете, и, придя к Нему, воссиять и вечно пребывать с Ним, озаренным во славу Трисолнечного и единственного Сияния ныне и присно и во веки веков. Аминь. Святитель Григорий Палама (65, 83—101).

ПРИЗВАНИЕ БОЖЕСТВЕННОЕ

«Вы призваны в общение ... Иисуса Христа,
Господа нашего»

(1 Кор. 1, 9)

Скажи, откуда приходишь Ты и какходишь внутрь келлии, отовсюду запертой? Ведь **это** — нечто необычайное, превышающее ум и слово. А то, что Ты весь внезапно внутри меня бываешь и светишь, будучи видим светообразным, как полная света **луна**,— это, Боже мой, изумляет меня и делает безгласным, Знаю, что Ты Тот, Кто пришел просветить сидящих во тьме (Лк. 1, 79), и ужасаюсь, и лишаюсь мыслей и речи, так как вижу необычайное чудо, превосходящее всякую тварь, всякую природу, всякое слово. Однако я поведаю ныне всем то, что Ты даруешь мне сказать.

О род людской! Цари и князья, богатые и бедные, монахи и миряне и все народы, послушайте ныне меня, намеренного говорить о величии человеколюбия Божия. Я согрешил перед Ним, как никто другой в мире. Пусть не подумает кто-либо, что я говорю это по смирению. Ибо поистине я согрешил более всех людей, я совершил, говоря тебе кратко, всякое греховное и злое деяние. Однако Он призвал меня и тотчас, как я знаю, услышал. Но к чему, полагал бы ты, Он призвал меня? К мирской ли славе, или к роскоши и упокоению? К богатству ли, или к дружбе князей, или к чему-либо из того, что мы видим здесь в жизни? Прочь, клевета! Напротив, к покаянию, говорю я, Он призвал меня, и я тотчас последовал зовущему Владыке. Итак, за бегущим и я бежал, за убегающим и я гнался, как за **зайцем** — собака. Когда же Спаситель далеко ушел от меня и скрылся, я не предался отчаянию и, как потерявший Его, не обратился вспять, но сидя на том месте, где я находился, плакал и рыдал, призывая скрывшегося от меня Владыку. Итак, когда я так бился и рыдал, Он, весьма приблизившись ко мне, стал для меня видим. Видя Его, я вскочил, стремясь ухватиться за Него. Но Он скоро убежал. Я побежал быстрее и потому успел неоднократно уловить край одежды Его. Он немного остановился, чему я чрезвычайно обрадовался. И снова Он улетел, и я снова погнался. Таким образом, хотя и ушел приходивший и скрылся явившийся, но я отнюдь не обратился вспять, не обленился и не ослабил бега, никоим образом не считая Его за обманщика или искусителя моего, но всеми силами своими и способностями стал искать Того, Кого уже не видел, осматривая пути и ограды, не явится ли Он мне где-либо. Обливаясь слезами, я расспрашивал о Нем всех, некогда видевших Его. Но кого это, предполагаешь ты, я

говоря —расспрашивал? Думаешь ли, что я подразумеваю мудрецов и знатоков мира сего? Конечно, нет, **но** —**пророков**, апостолов и отцов, поистине мудрых, стяжавших всю ту премудрость, которая есть Сам **Христос** —Божия Премудрость. Итак, со слезами и великой скорбью сердца я упрашивал их сказать мне, где они некогда видели Его, или в каком месте, или как и каким образом. Выслушав ответ их, я побегал изо всех сил, совершенно не спал, но принуждал себя самого, потому и увидел Желанного моего, но Он виделся мне недолго. Увидев Его, я быстро, как выше сказал, погнался. Итак, когда он увидел, что я все вменил в ничто, и даже все, что в мире, с самим миром, **говоря**, и всех находящихся в мире людей от души искренне считаю как бы несуществующими и что через такое настроение я отделился от мира, то Весь всему мне дал увидеть Себя, Весь со всем Мною **соединился** —Тот, Кто пребывает вне мира. Кто носит мир со всем находящимся в мире и рукою одною содержит видимое с невидимым. Итак, Он, послушайте, встретившись, нашел меня; откуда же и как Он пришел, я не знаю. Ибо как мог я знать, откуда **Он** —здесь или откуда пришел Он, когда никто из людей никогда не видел Его, не познал, где Он находится, где пасет, где почивает? Ибо Он совершенно не видится, совершенно не постигается, обитает же в непреступном свете и есть Свет триипостасный, неизреченным образом пребывающий в неограниченных **пространствах** —неограниченный Бог мой, **один** Отец, один также Сын с Божественным Духом, **едино** —три, и **три** —один Бог неизъяснимо. Ибо слово не в состоянии выразить неизъяснимое, ни **ум** —ясно постигнуть.

Ведь я едва ли могу изъяснить тебе хотя бы несколько то, что в нас есть, но ни я, ни кто-либо другой не сможет изъяснить тебе того, каким образом **Бог** —вне всего по Своей сущности, природе, силе и славе, и как Он везде во всем, в особенности же во святых обитает и вселяется в них разумно и существенно, будучи Сам совершенно пресуществен; как внутри человека содержится Тот, Кто всю тварь содержит; как Он сияет в сердце плотном и грубом, как внутри его находится и вне всего пребывает, и Сам все **наполняет** —**сияет** и ночью и днем, и не видится. Уразумеет ли все это, скажи мне, ум человеческий или сможет ли тебе высказать? Конечно, нет. Ни Ангел, ни Архангел не изъяснил бы тебе этого, не будучи в состоянии изложить это словесно. Один только Дух Божий, как Божественный, знает это и ведает, будучи один соестествен, и сопрестолен, и собезначален Богу и Отцу. Поэтому кого Он озарит и с кем взаимно сочетается обильно, тем все показывает неизреченным образом, делом, **говоря** тебе, все это показывает. Ибо подобно тому, как слепой если прозреет, то видит, во-первых, свет, а затем во свете, дивно сказать, и всякую тварь, так и озаренный в душе Божественным Духом, лишь только причащается Света и делается светом, видит Свет Божий и Бога, конечно, Который показывает ему все, лучше же, что Он повелевает, что изволит и хочет. Кого Он просвещает озарением, тем дает видеть то, **что** —в Божественном Свете; и просвещаемые видят то по мере любви и хранения заповедей и посвящаются в

глубочайшие и сокровенные Божественные таинства. Подобно тому как если бы кто, держа в руке своей светильник, или в предшествии другого, держащего светильник, вошел в темный дом и сам увидел то, что находится внутри дома, так и ясно озаренный лучами умного Солнца видит неведомое всем прочим и говорит о **том**, — **не** о всем, впрочем, но о том только, что может быть высказано речью. Ибо кто когда-либо сможет изъяснить то, что находится там, каково оно, как велико и какого рода, когда оно непостижимо и невидимо для всех? Ибо кто уразумел вид безвидного, количество не имеющего количества и красоту непостижимого? Как измерит, как вообще сможет высказать это? Какими словами опишет образ того, что лишено образа? Никак, конечно, скажешь ты мне. Но это знают одни те, которые видят.

Поэтому поспешим не словами, но делами взыскать это, чтобы увидеть и научиться богатству Божественных таинств, которые дарует Владыка трудолюбиво взыскующим и явно стяжавшим забвение всего мира и тех вещей, которые в нем. Ибо взыскавший их ото всей души как поистине не забудет всех здешних вещей и, стяжав ум, обнаженный от них и от всего внешнего, не окажется вскоре единым? Единый Бог, видя его, сделавшимся ради Него единым и отрехшимся от мира и того, что в мире, Единый, найдя одного, соединяется с ним. О страшное Домостроительство, о неизреченная благодать! Что следует потом, не спрашивай, не исследуй, не разыскивай. Ибо если никто не может исчислить множество звезд, капли дождя или песок, да и прочих тварей, не может изречь или уразуметь величие и красоту, природу, положение и причины их, то как бы смог он изречь благоутробие Творца, являемое Им душам святым, с которыми Он соединяется? Ибо через соединение с Собою Он совершенно обожает их. Поэтому если кто хочет поведать тебе об обоженной душе, о ее нравах, природе, расположении, образе мыслей и обо всем, что ей свойственно, то это все равно что **он** — **не** знаю, какою **речью** — пытается представить тебе, что есть Бог. Непозволительно же этого доискиваться тем, которые находятся в мире или живут по плоти: это воспринимается одной верой. Им должно подражать житию всех святых слезами и покаянием, и строгостью жизни, и подвизаться в перенесении искушений, чтобы стать вне мира, чего мы выше коснулись, и обрести, как сказал я, все без исключения. Найдя же, они ужаснутся и изумятся и обо мне, несчастнейшем, усердно помолются, чтобы и я не лишился того, но получил бы то самое, что получить я желал и желаю, и этим желанием желание ослабляю и притупляю. Я слышал некогда, что желание возжигает желание и огонь питает пламя; во мне же не так бывает, но я не могу сказать, каким образом превосходство Любви угащает любовь **МОЮ**.

Ибо я не люблю, насколько хочу, и полагаю, что я отнюдь не стяжал любви к Богу. Стремясь ненасытно любить, насколько хочу, дивное дело, я теряю даже и ту любовь к Богу, какую имел. Подобно тому как сребролюбец, обладающий сокровищем, думает, что совершенно ничего не имеет, потому что не все имеет, хотя он и обладает множеством золота, так, без сомнения, думаю,

бывает в этом случае и со мною, несчастным. Так как я не люблю, как хочу и насколько, конечно, хочу, то и думаю, что я насколько даже не люблю. Итак, любить, насколько мне хочется, есть любить превыше любви, и я понуждаю свою природу любить превыше естества. Но слабая природа моя лишается даже и той силы, какую имела, и живая любовь дивным образом умирает. Ибо тогда, напротив, она оживает* во мне и расцветает. А как она расцветает, я не нахожу примеров, чтобы изъяснить тебе. Одно только скажу тебе, что всякий бессилен выразить это словами. Тот, Кто есть Единый Бог и воистину податель таких благ, да даст всем, через покаяние взыскающим их, плачущим и рыдающим, и очищающимся, вкусить их, сделавшись еще здесь причастниками их с чувством, и отойти с ними, и в них упокоиться, и насладиться Вечной Жизнью, и через них оказаться общниками неизреченной славы во веки веков. Аминь (59, 101—106)**.

Бог «кого призвал, тех и оправдал;
а кого оправдал, тех и прославил»

(Рим. 8, 29—30)

Свет Твой, Христе, озаряя меня, оживляет и возрождает, ибо видеть Тебя есть жизнь и воскресение. Но как происходят действия Твоего Света, я сказать не могу. Однако я на опыте познал и знаю, Боже мой, что хотя бы я находился в болезни, в скорбях или печалях, хотя бы содержим был в узах и в темнице и томим голодом, хотя бы объят был, Христе мой, еще более тяжелыми и ужасными обстоятельствами, Свет Твой, воссияв, все это прогоняет как тьму, и Божественный Дух Твой внезапно делает так, что я бываю в покое и свете и в наслаждении Светом. Я знаю, что скорби — как бы дым, помыслы — тьма, искушения — стрелы, заботы — мрак, страсти же — звери, от которых Ты, Слово, некогда освободил и избавил меня, мало-помалу озарив меня Твоим Божественным Светом. И ныне, хотя я нахожусь среди всего этого, Ты, Христе, Боже мой, хранишь меня неуязвимым, покрывая Твоим Светом. Но так как я весьма часто претякаюсь, ежечасно согрешая, так как превозношусь и прогневаю Тебя, то нуждаюсь в благоутробном Твоем наказании, Христе мой, действие которого сильно ощущаю в себе удалением покрывающего меня Божественного Света. Ибо как по захождении солнца наступает ночь и тьма и все звери выходят на добычу, так и когда Свет Твой перестает покрывать меня, тотчас окутывает меня житейская тьма, покрывает море помыслов, звери страстей снедают меня и стрелы всевозможных помыслов уязвляют меня. Когда же, движимый состраданием, Ты опять сжалишься надо мной и услышишь мои вопли, и вонмешь воздыханиям, и примешь слезы, и пожелаешь призреть на смирение мое — того, кто согрешил непростительно, то видим бываешь вдали, как

* Ср. 2 Кор. 12, 9—10... «Когда я немощен, тогда силен». — Примеч. пер.

** Гимн 22. Божественные вещи ясны и открыты только одним тем, с которыми через причастие Святого Духа Весь со всеми соединился Бог.

восходящая звезда, и мало-помалу расширяешься (не Ты Сам так изменяешься, но ум раба Твоего к зрению открываешь) постепенно все более и более и видишься, как солнце. Ибо когда убегает и исчезает тьма, я думаю, что приходишь **Ты—вездесущий**. Когда же Ты, Спаситель, всего меня окружишь, как и прежде, когда всего меня покроешь и всего обнимешь, тогда я освобождаюсь от зол, избавляюсь от тьмы, искушений, страстей и всевозможных помыслов и исполняюсь благодати и веселия, наполняюсь радости и несказанного блаженства, видя страшные **тайинства** и необычайные чудеса, видя то, чего ни око человеческое не видело и не могло бы видеть, ни **ухо—слышать**, и что на сердце смертных не восходило (1 Кор. 2, 9). От этого я сильно изумляюсь и прихожу в иступление, и совершенно отчуждаюсь от всего, что на земле, непрестанными гласами восхваляя Тебя, Боже мой, и замечая в себе самом необычайное изменение и необычайный способ заступления всемогущей руки; как озарением и явлением одного света Твоего Ты прогнал всякую печаль, исторгнул меня из мира и, таинственно соединившись со мною, немедленно восстановил меня на Небе, там, где нет ни печали, ни воздыхания, ни слез, ни змия, жальшего в пяди, и сделал для меня нетрудной и бесскорбной ту жизнь, которая для всех людей противна, тесна, с трудом проходима или, вернее сказать, непроходима. Ибо кто из людей когда-либо мог или сможет быть на Небе, с телом или без тела, и на каких крыльях туда взлетит?

Илия был взят на огненной колеснице и прежде него **Енох**—не на Небеса, а в некое другое место, хотя и не сам по себе, однако же был преложен. Но что это в сравнении с тем, что бывает в нас? Да и возможно ли вообще, скажи мне, сравнение тени с истиной или духа служебного и рабского с Духом владычественным, всесовершающим и Божественным, утверждающим и укрепляющим всякую тварную сущность? Ибо все прочее суть твари, а Он **один—Творец**, как нераздельный от Отца и Сына. Сии Три суть Бог, ибо **Троица—Един** Бог. Она осуществлявала все, Она создала **всё**, Она сотворила в мире по плоти для спасения нашего Слово и Сына Отчего, нераздельного от Отца и Духа. Он же воплотился поистине через наитие Духа и соделался тем, чем не **был**,—человеком, подобным мне, кроме греха и всякого беззакония, Богом и человеком, видимым для всех, имея Своего Божественного Духа, соприсносущного Ему по естеству, которым Он мертвых оживлял, слепым отверзал очи, прокаженных очищал, бесов изгонял. Претерпев Крест и смерть и воскреснув Духом, Он вознесся во славе и обновил путь на Небеса всем несомненно верующим в Него; и Всесвятого Духа обильно излил на всех, показывающих веру от дел, и ныне обильно изливает Его на таковых. Через Него Он обожает тех, с которыми тесно сочетался, неизменно изменяет их, делая их из людей чадами Божиими, братьями Спасителя, сонаследниками Христу, Богу же наследниками, богами, пребывающими с Богом в Духе Святом, хотя и связанных одной только плотью, но духом свободных, которые легко совосходят со Христом на Небеса и стяжали там полное гражданство в созерцании благ, которых не видели очи.

Итак, что такое огненная колесница, восхитившая Илию, и что такое преложение Еноха по сравнению с этим? Я думаю, что как море, разделенное некогда жезлом, и манна, сошедшая с Неба, суть только прообразы и символы истины: **море** — Крещения, манна **же** — Спасителя, так и то суть прообразы и символы этого, имеющего несравненное превосходство и славу, поскольку несотворенное по природе превосходит сотворенное. Ибо манна, называемая хлебом и пищею ангельской (**Пс.** 77, 24—25; **Исх.** 16, 4), которую те люди ели тогда в пустыне, прекратилась и исчезла, и они все, еввшие ее, умерли, не приобщившись Жизни. Плоть же Владыки моего, будучи обоженной и полной Жизни, всех **ядущих** ее соделывает причастниками Жизни и бессмертными. Не проводит их Искупитель мира и через пучину морскую и не переселяет из Египта в другую страну, опять приносящую людям тленные плоды, не повелевает нам даже и странствовать в продолжение сорока лет, чтобы получить обетованную землю. Но крестившихся с несомненной верой и причащающихся Плоти и Крови Его вскоре возводит от смерти к Жизни, от тьмы к Свету и от земли на Небеса. Освободив меня сперва от тления и смерти и всего меня освободив с ощущением и познанием того, **Он** — что поразительнее **всего** — явил меня новым небом и **Сам** — Творец **всего** — вселился в меня, чего не сподобился никто из древнейших святых. Ибо некогда Он говорил через Божественного Духа и силою Его творил чудеса; существенно же Бог никоим образом ни с кем не соединился, прежде чем Христос Бог мой не сделался человеком. Ибо, восприняв тело, Он дал нам Своего Божественного Духа и через Него существенно соединяется со всеми верными, и это единение бывает неразлучным.

Увы мне! Я тяжко вздыхаю о заблуждении людей: как мы не верим Христу? Как не следуем за ним? Как не желаем ни той жизни, ни богатства Его неокрадываемого и нетленного, ни нестареющей славы, ни вечного пребывания с Ним? Как, прилепляясь к тленному, мы думаем спастись, не любя Христа более всего видимого и не надеясь быть с Ним по смерти, но оставаясь бесчувственное поленьев и камней? Но, о Христе мой, избавь меня от этого добровольного безумия и научи любить **Тебя — Жизнь** всех верных. Ибо Тебе с Отцом и Божественным Твоим Духом, как Царю и Творцу всех, Богу и Владыке, подобает слава и хвала, честь и поклонение ныне и всегда во веки веков. Аминь. Преподобный Симеон Новый Богослов (59, **106—109**)^{*}.

«Много званых, но мало избранных»

(Лк. 14, 24)

«Один человек сделал большой ужин и звал многих, и когда наступило время ужина, послал раба своего сказать званым: идите, ибо уже все готово» (Лк. 14, **16—17**, также Мф. 22, **2—3**).

^{*} Гимн 23. Озарением Духа Святого прогоняется в нас все страстное, как тьма от света; когда же Он сокращает лучи Свои, мы подвергаемся нападению страстей и **злых помыслов**.

Здесь спросит любознательный исследователь: почему это приглашение не на обед, а на ужин, а **также**—кто посланный звать на **ужин**, кто приглашающий, кто приглашенные и презревшие приглашение? Под именем человека, устроившего большую вечерю, подразумевается Бог Отец. Он, Творец всего и Господь Славы, сотворил большую вечерю, то есть учредил всеобщее, всемирное торжество для Домостроительства Христова. Называется этот праздник вечерю потому, что Сын Божий явился нам в последние дни и как бы к закату века. В это время принял смерть ради нас, предложил нам Плоть Свою в пищу, этот Хлеб с Небес, дающий жизнь миру. Посланный Отцом и названный **рабом**—Сам Христос, ибо Он, будучи Богом по естеству и истинным Сыном Божиим, приняв образ раба, истощил Себя. Когда послан? В час вечера. Не в начале времен естественным рождением Своим сошел с Неба Единородный Сын Божий, но во времена последние. Какие же слова приглашающего? «Идите, ибо уже все готово». Приготовил Бог и Отец во Христе превосходные дары **миру**—отпущение грехов, общение Духа Святого, благодать усыновления, Царство Небесное. Ко всему этому Христос Господь евангельским словом приглашал всех, а прежде других Израиля. Святитель Кирилл Александрийский (116, 171).

«И начали все, как бы сговорившись, извиняться. Первый сказал ему: я купил землю и высокой чести удостоивает их, а они не идут и измышляют **причины**—пару волов, поля и жен. Но как ни кажутся их извинения основательными, мы познаем здесь, что ничего нет столь необходимого, что бы не было ниже духовных благ. Приглашены же они не теперь, а прежде многих веков. **«Послал,—говорит,—раба своего сказать званым»** (Лк. 14, 17), что увеличивает их преступление. Они еще пророками званы были, а напоследок Самим Сыном. И к чему приглашает? К трудам, скорбям? Нет, к радости; но и это не обращает их (116, 171—172).

«И, возвратившись, раб тот донес о сем господину своему. Тогда, разгневавшись, хозяин дома сказал рабу своему: пойди скорее по улицам и переулкам города и приведи сюда нищих, увечных, хромых и слепых» (Лк. 14, 21, также Мф. 22, 8—10).

Хотя Бог Отец и прежде знал, что иудеи, призванные к Евангелию, будут измышлять извинения, но, чтобы не оставить им никакого повода к бесстыдному извинению, послал к ним Единородного Сына Своего, носящего образ раба. Так Он и заграждает уста им и учит нас, что мы должны исполнить все, что нужно, хотя бы не было нам от того никакой выгоды. **Когда** же они не были достойны, вместо них призываются язычники. Ибо сначала пришел Господь к иудеям: из них избрал Он Себе Матерь, от них родился раб плоти и Сам говорит: «Я послан только к **погибшим** овцам дома Израилева» (Мф. 15, 24). После Креста, когда хотел вознестись на Небо, хотя повелел учить все народы, но назначил прежде всего проповедать иудеям: «Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян. 1, 8). Святитель **Иоанн** Златоуст (116, 172).

«И сказал раб: господин! исполнено, как приказал ты, и еще есть место. Господин сказал рабу: пойди по дорогам и изгородям и убеди прийти, чтобы наполнился дом мой. Ибо сказываю вам, что никто из тех званых не вкусит моего ужина, ибо много званых, но мало избранных» (Лк. 14, 22—24).

Вот, после того как верою приведены израильтяне, был призван и народ языческий. Призванные из язычников и пришедшие на вечерю были очень грубые, непросвещенные, как те, которые рождены и воспитаны вне городов, без всякого образования. Ибо не имели никаких добрых законов и обычаев, но

подобно животным жили в великой умственной тьме, как безумные. К ним-то учредитель вечери посылает на общественные дороги и изгороди звать их на вечерю, и не только просто звать, но и убедить прийти. Святитель **Кирилл Александрийский (116, 173)**.

Первыми призваны иудеи, которые и презрели благодать призывания; потом язычники и иноплеменники, слепые по уму, хромые и глухие, и они тотчас повиновались. Бывшие на распутьях означают тех, которые ходили по пространному пути развращенности, без учения и постановлений. Наконец прочие, которые позваны с отдаленных путей и **изгородей,—это** души, бывшие в аду, которым Сам Спаситель, сойдя во ад, проповедал. Перенесись теперь мыслью к Царству Небесному, которого ожидаем, представь себе ту Великую Вечерю, на которой будут возлежать вместе с Ангелами души блаженных и будут питаться ангельским Хлебом, когда, собственно, и так, как достойно Бога, исполнится это слово Писания, «хлеб ангельский ел человек» (**Пс. 77, 25**). А Хлеб этот есть Слово Божие, питающее неким чудным образом души и Ангелов, как учит Сам Господь: «Я хлеб живой, сшедший с небес» (Ин. 6, 51), и дающий жизнь людям. «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф. 5, 6), когда удостоятся этой Царской вечери, вкушая Хлеб жизни и пия ту чашу веселия, о которой перед страданием сказал Спаситель: «не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царстве Отца Моего» (Мф. 26, 29). Тогда души святых причастятся вина нового от плода этой Лозы истинной, которую насадил Сам Бог и Отец всяческих и от которой подаст новый плод достойным. **Евсевий**, архиепископ Могилевский (116, 173).

Позвал Господь Петра и **Андрея—и** они тотчас, оставив все, пошли за Ним. Позвал Он Иакова и **Иоанна—и** они тоже тотчас оставили все и пошли за Ним. Отчего же так скоро и охотно пошли? Оттого, что увидели лучшее. Такой уж закон у нас в душе, что, узнав и вкусив лучшее, она отвращается от худшего и бросает его. Тут совершается то же, что потом Господь изобразил в притче о сокровище, скрытом на поле, и о жемчуге многоценном. Это сокровище и **жемчуг—вера** в Господа и общение с Ним по силе веры. Обладателями этого мы нарицаемся еще в Крещении. Отчего же мы так мало ценим такое сокровище и, мало ценя, меняем на пустое? Оттого, что во время воспитания не вводят нас во вкус этого сокровища, и оно становится чуждым нашему сердцу. Сердце наше не знает этого лучшего. Оно знает только, что из нехорошего менее нехорошо и что более, и на этом основывает свои взгляды. Тут и вся причина, отчего иных зовет Господь, и они идут, а мы, и призванные, бежим от Него. **Епископ Феофан Затворник (107, 183—184)**.

«И, забежав вперед, влез на смоковницу, чтобы увидеть Его, потому что Ему надлежало проходить мимо нее. Иисус, когда пришел на это место, взглянув, увидел его и сказал ему: Закхей! сойди скорее, ибо сегодня надобно Мне быть у тебя в доме. И он поспешно сошел и принял

Отделяя меня от должного
И неизреченно соединяя
со светлостью ее,
Или вся сполна внутри меня
является,
Как шаровидный, тихий
и Божественный Свет,
Безобразный и безвидный,
во образе безобразном
Видимый и говорящий мне
следующее:
Зачем ты ограничиваешь
Мое присутствие Небесами
И там ищешь Меня, думая,
что Я там обитаю?
Зачем полагаешь, что Я нахожусь
на земле
И разглашаешь, что Я пребываю
со всеми,
Определяя, что Я везде нахожусь?
Итак, это «везде» приписывает
Мне величину,
Но Я совершенно не имею
величины,
Ибо знай, что естество Мое
превыше величины;
А то «на земле» показывает
ограничение,
Но Я, конечно, совершенно
неограничен.
Ты слышал ведь, что Я пребываю
со святыми
Сам весь существом Своим
ощутимо,
Через созерцание и даже
приобщение,
С Отцом Моим и Божественным
Духом,
И явно почиваю в них?
Итак, если ты скажешь, что Мы
вместе сопребываем в каждом,
То сделаешь из Нас многих,
разделив на многих;
Если же скажешь, что один, то как
один и тот же в каждом,
Лучше же, как этот один и вверху
и внизу?
Как один и тот же будет
пребывать со всеми?
Как все исполняющий будет
обитать в одном?
Находясь же в одном, как будет
и всё наполнять?
Послушай о неизреченных
тайнствах неизреченного Бога,
Тайнствах предивных и совершенно
невероятных.
Есть Бог Истинный, поистине есть.
Это исповедуют все
благочестивые

Но Он ни что не есть из того,
 что мы вообще знаем,
 Даже ни что из того, что знают
 Ангелы.
 В этом мире Бог, говорю,
 ни что не есть,
 Ни что из всего, как Творец
 всего,
 Но превыше всего. Ибо кто бы мог
 сказать,
 Что есть Бог, то есть чтобы
 сказать,
 Что Он есть то-то или то-то?
 я совершенно не знаю,
 Какой Он, каков, какого рода или
 Он различен.
 Итак, не зная Бога, каков Он
 По образу и виду, по величине
 и красоте,
 Как я изъясню Его действия?
 Как Он видится, будучи невидим
 для всех?
 Как пребывает со всякой тварной
 природой?
 Как обитает во всех святых?
 Как наполняет все и нигде
 не наполняется?
 Как Он превыше всего
 и везде находится?
 Ведь этого никто совершенно
 не может сказать.
 Но о Ты, которого никто
 из людей совершенно
 не видел,
 О Вседержитель, единый
преблагодатный,
 Благодарю Тебя от всего сердца
 своего,
 Что Ты не презрел меня, во тьме
 на земле
 Лежащего, но коснулся меня
 Своею Божественною рукою,
 Увидев которую я тотчас восстал,
 радуясь,
 Ибо она сияла светлее солнца.
 Я старался удержать ее,
 несчастный,
 Но она тотчас исчезла из глаз
 моих.
 И я снова весь оказался во тьме,
 Упал на землю, плача и рыдая,
 Валяясь и тяжело вздыхая,
 Желая снова увидеть Твою
 Божественную руку.
 Ты простер ее и явился мне яснее,
 И я, обняв, облобызал ее.
 О благодать, о великое
благодатное!
 Творец дал мне поцеловать руку,
 Содержащую все своею силою.

О дарование, о неизреченный дар!
И снова Создатель взял ее

Испытывая, конечно, произволение
мое,

Люблю ли я ее и ее Подателя,
Презираю ли все, предпочитая ее,
И пребываю ли в любви к ней.

Я тотчас оставил мир и то,
что в мире,
Закрыв все чувства сразу:
Очи, уши, ноздри, гортань и уста,
Умер для всех сродников и друзей,
Да, поистине я умер добровольно
И взыскал одну только руку

Божью.
Она же, увидев, что так сделал,
Тайно коснувшись руки моей,

И повела меня, находящегося
среди тьмы.

Ощувив это, я с радостью
последовал:

Быстро бежал я ночью и днем,
Шествуя бодро и с усердием.
Идя же, напротив, я был недвижим
И тогда более успевал

простираюсь вперед.
О таинства, о победные награды,
о почести!

Когда таким образом я бежал
среди ристалища,
Та неизреченная рука Божия

настигла меня —
Так как мой святой отец

молился —
И, коснувшись жалкой головы
моей,

Дала мне венец победы,
Лучше же, сама она стала для меня
венцом.

Видя ее, я ощутил неизреченное
веселение,

Неизреченную радость
и блаженство.

Ибо как мне было не радоваться,
победив весь мир,

Посрамив князя мира сего
И от руки Божией Божественный

венец,
Лучше же, саму руку Владыки

Получив, о чудо, вместо венца?
Изливая свет, она виделась мне

невещественно,
Непрестанно и невечерне.

Она простирала мне как бы сосец
И сосать молоко нетления

Обильно давала мне, как сыну
Божью.

О сладость, о неизреченное
наслаждение!

Она и чашею Божественного Духа
И бессмертного потока сделалась
для меня,

Причастившись от которой
я насытился той пищею
Небесной, которою одни Ангелы

Питаются и сохраняются
нетленными,

Являясь вторыми светами через
Причастие первого Света.

Так и мы все Божественного
и неизреченного
Естества соделались

причастниками,
Чадами Отца, братьями же

Христа,
Крестившись Всесвятым Духом.

Но, конечно, не все мы познали
благодать,

Озарение и приобщение, потому
что не все

Таким образом родились, но это
едва

Один из тысячи или десятка тысяч
Познал в таинственном созерцании;

Все же прочие дети — выкидыши,
Не знающие Родившего их.

Ибо как дети, крестившись водою
Или и огнем, совершенно

не ощущают того,
Так и они, будучи мертвы

по неверию
И скудны по причине неисполнения

заповедей,
Не знают, что с ними было;

Так как — страшное диво, чтобы
препыщенной верою

Мнить себя сыном Божиим
И не знать Отца своего.

Итак, если ты говоришь,
что верою знаешь Его,

И думаешь, что верою являешься
сыном Божиим,

То пусть и воплощение Бога будет
«верою»,

А не делом, скажи, что Он
сделался человеком

И нечувственно родился.

Если же поистине Он стал
Сыном Человеческим,

То и тебя, конечно, сыном Божиим
Он делает на самом деле.

Поэтому если Он не призрачно
сделался Телом,

То и мы, конечно, не мысленно
делаемся духом.

Но как Слово поистине было
Плотию,

Так и нас Оно неизречно
преображает
И поистине соделывает чадами
Божиими.
Пребыв неизменным в Божестве,
Слово
Сделалось человеком через
восприятие плоти;
Сохранив неизменным человеком
по плоти и по душе,
Оно и меня все соделало богом,
Восприняв мою осужденную плоть,
Оно облекло меня во все
Божество.
Ибо, крестившись, я облекся
во Христа.
Не чувственно, конечно, но умно.
И как не бог по благодати
и усыновлению
Тот, кто с чувством, знанием
и созерцанием
Облекся в Сына Божия?
Если Бог Слово в неведении
сделался
Человеком, то естественно следует
думать,
Что и я в неведении сделался
богом.
Если же в ведении, действии
и созерцании
Бог был всем [совершенным]
человеком,
То должно мыслить православно,
Что и я весь через общение
с Богом,
С чувством и **знанием** —
не существом,
Но по Причастию, конечно,—
сделался богом.
Подобно тому, как Бог неизменно
родился
Человеком в теле и виден был
всем,
Так неизречно и меня Он
рождает духовно
И, хотя я остаюсь человеком,
делает меня богом.
И как Он, видимый во плоти,
Не был знаем народом, что Он
Бог,
Так и мы видимся такими, какими
были для всех,
О чудо, видимыми, конечно,
людьми;
Тем же, чем стали мы
по божественной благодати,

Мы обыкновенно не бываем
видимы многими;
Но одним тем, у которых очищено
око души,
Мы являемся, как в зеркале.
Не очистившимся же ни Бог, ни **мы**
Не бываем видимы, и для них
совершенно невероятно,
Чтобы мы когда-либо всецело
сделались таковыми.
Ибо **неверные** — те, которые
утверждают
На одной вере без дел.
Если же пока не неверные,
то совершенно мертвые,
Как показал божественный
Павел*.
Не окажись же неверным,
но скажи мне и мудро отвечай:
Что из этих двух предпочтешь **ты** —
Мертвую ли веру, лишенную дел,
Или неверие с делами веры?
Конечно, ты скажешь: какая
польза от дел
Без правой и совершенной веры?
А я, напротив, возражу тебе:
какая непременно
Польза от веры без дел?
Итак, если ты желаешь
познать
то, о чем мы прежде сказали,
И сделаться богом по благодати,
Не словом, не мнением, не **мыслию**,
Не одною только верою,
лишенною дел,
Но опытом, делом, и созерцанием
Умным, и таинственнейшим
познанием,
То делай, что Христос тебе
повелевает
И что Он ради тебя претерпел.
И тогда ты увидишь
блистательнейший свет, явившийся
В совершенно просветленном
воздухе души,
Невещественным образом ясно
увидишь невещественную
сущность,
Всю поистине проникающую
сквозь все,
От души **же** — сквозь все тело,
так как душа находится
Во всем теле и сама бестелесна;

* Возможно, преподобный Симеон имеет в виду Еф. 2, 1—5 или 2 Кор. 4, 4.— *Прим. пер.*

И тело твое просияет, как и душа
 Душа же, со своей стороны, **твоя**.
 как воссиявшая благодать,
 Будет блистать подобно Богу.
 Если же ты не станешь подражать
 смирению,
 Страданиям и поруганиям
 Создателя
 И не пожелаешь претерпеть их,
 То либо мысленно, лучше же,
 чувственно
 Ты сам остался, о безумие,
 В аду и мраке своей плоти,
 Которая есть тление. Ибо что
 иное,
 Как не **смерть** — в бессмертном
 сосуде быть
 Заключенным, конечно, навеки,
 Лишаясь всех благ, которые
 во Свете,
 И самого Света? я ведь не говорю
 уже
 О предании огню и скрежету
 Зубов, и рыданию, и червю,
 Но об одном обитании в теле,
 как в бочке,
 После Воскресения, как и прежде
этого,
 И чтобы никуда ни вне
 не выглядывать,
 Ни внутрь совершенно
 не воспринимать света,
 Но лежать таким образом, лишаясь
 Всех здешних наслаждений
 и будущих,
 Как и прежде сказал я. Итак,
 скажи, слушатель,
 Говорящий: я не хочу быть
 Внутри самого Царствия,
 Ни наслаждаться теми благами,
 Но мне бы только быть вне
 мучения
 И хотя бы не принять совершенно
 огненного испытания.
 Какая тебе будет польза от этого,
 как сказал я?
 Отвечай мне, мудрейший, и скажи:
 Полагаешь ли ты, что есть
 или будет
 Другое, большее наказание?
 Да не будет; в самом деле,
 ты утверждаешь, что, будучи
 одним,
 Ты и будешь тогда находиться
 в муках и мучиться.
Ведь если бы ты сказал, что
 и духовное тело
 Тогда получишь, то разве может
душа

Быть заключена в нем, как в
 бочке?
 Послушай и поучись, как это
 будет.
 Подобно тому, как семя сеется
 по роду
 Пшеницы, говорю тебе, ячменя и
 прочих злаков,
 И по роду опять дает и всход,
 Так и тела умирающих
 Падают в землю, какими случится
 им быть.
 Души же, разрешившись от них,
 В будущем Воскресении мертвых
 Каждая по достоинству находит
 Покров, полный света или тьмы.
 Чистые и приобщившиеся Света,
 И возжегшие свои светильники
 Будут, конечно, в Невечернем
 Свете;
 Нечистые же, имеющие очи сердца
 Слепыми и полными тьмы,
 Как увидят Божественный Свет?
 Никоим образом, скажи. Итак,
 ответь мне,
 Когда они станут просить
 по смерти, кто услышит их,
 И отверзет им очи, увь мне,
 Когда они добровольно не хотели
 прозреть?
 И возжечь душевный светильник?
 Поэтому их ожидает беспросветная
 тьма.
 Тела же, как сказали мы, равно
 Глеют и гниют и у святых,
 Но восстают, какими они посеяны.
 Пшеница чистая, пшеница
 освященная —
 Святые сосуды Святого Духа,
 Так как они были наичистейшими,
 То и восстают также
прославленными,
 Сияющими, блистающими,
 как Божественный Свет.
 Вселившись в них, души святых
 Воссияют тогда светлее солнца
 И будут подобны Владыке,
 Божественные законы Которого
они сохранили.
 Тела же грешных также восстают
 такими,
 Какими и они посеяны в землю:
 Грязевидными, зловонными,
 плеселями зла,
 Сосудами оскверненными,
 полными гниения,
 Совершенно мрачными,
 как соделавшие дела тьмы
 И бывшие орудиями
 всевозможного

Зла лукавого сеятеля.
Но и они восстают бессмертными
И духовными, однако подобными
тьме.

Несчастные же души,
соединившись с ними,
Будучи и сами мрачны

и нечисты,
Сделаются подобными диаволу,
Как подражавшие делам его
И сохранившие его повеления.
С ним они и будут помещены
в неутраченный огне,

Преданные тьме и тартару;
Лучше же сказать, что они

По достоинству, соразмерно

Грехов, которые каждый носит.

И там будут пребывать во веки веков.
Святые же, напротив, как сказали мы,

Поднявшись каждый на крыльях своих добродетелей, Выйдут в сретение Владыки, И они, каждый по достоинству,— Как кто предуготовил себя,

Тако бліжэ ілі далышэ і будэт от

И с ним пребудет в бесконечные

Играя и веселясь непостижимым

веселием.
АМИНЬ

* Гимн 46. О созерцании Бога или вещей Божественных, о необычайном действии Духа Святого и о свойствах Святой и Единосушной Троицы. И о том, что не достигший вступления в Царство Небесное не получит никакой пользы, хотя бы он был и вне адских мук.

ПРОЩЕНИЕ

«И остави **нам долги наша,**
якоже и мы оставляем должником нашим»

Христианин не должен помнить зла, но обязан от сердца прощать тем, которые согрешили перед ним. **Святитель Василий Великий (6, 359).**

Прощай — получивший прощение; милуй — помилованный, человеколюбием приобретай человеколюбие, пока есть для этого время (14, 147).

Тебя ударили по щеке? Почему же допускаешь, чтобы другая твоя щека оставалась без приобретения? Если первая потерпела это непроизвольно — невелика заслуга, и тебе, если хочешь, остается сделать нечто большее, а именно: произвольно подставить другую щеку, чтобы сделаться достойным награды. С тебя сняли хитон? Отдай и другую одежду, если она есть у тебя; пусть снимут даже и третью: ты не останешься без приобретения, если предоставишь это дело Богу. Нас злословят? Будем благословлять злых. Мы оплеваны? Поспешим приобрести понось у Бога. **Мы гонимы? Ню никто не** разлучит нас с Богом; Он единственный, неотъемлемое наше сокровище. Проклинает тебя кто-нибудь? Молись за проклинающего. Грозит сделать тебе зло? И ты угрожай, что будешь терпеть. Приступает к исполнению угроз? А твой долг — делать добро. Таким образом приобретешь две важные выгоды: сам будешь совершенным человеком, а кротость обратит к кротости и оскорбляющего тебя твоего. **Святитель Григорий Богослов (15, 165).**

Если ты, человек, не простишь всякого согрешившего против тебя, то не утруждай себя постом и молибоя, не примет тебя. **Преподобный Ефрем Сирийский (29, 111).**

Кто ради Бога для сохранения мира переносит жестокие слова человека грубого и неразумного, тот назовется сыном мира и может стяжать мир в душе, тел. **Идуих (34, 8).**

Когда вспомнишь об оскорблении и преследующих тебя, не жалуйся на них, но лучше помолись о них Богу, како виновниках величайших для тебя благ. **Преподобный авва Исаия (34, 184).**

Как же ты просишь Бога, чтобы Он был милостив к тебе, когда сам ты не милостив к оскорбившим тебя? **35, 13**

Чем больше кто согрешил против нас, тем более мы должны спешить к примирению, потому что он становится причиной прощения нам большего числа грехов. **(36, 1)**

Господь желает, чтобы мы были кротки к виновным, незлопаметны к согрешающим против нас, прощением их приобретали прощение себе и сами приготавлили себе меру человеколюбия (37, 33).

Будучи виновны перед Господом в бесчисленных прегрешениях, мы, однако, по Его неизреченному человеколюбию получаем от Него прощение. Если же сами будем жестоки и бесчеловечны к нашим ближним и братьям, имеющим одну с нами природу, и не простим согрешений их против нас... то навлечем на себя гнев Господа, и за то, в чем прежде уже получили прощение, опять должны будем заплатить муками (38, 281).

Если мы не простим ближних, то этим не причиним им никакого вреда, а себе приготовим невыносимую гееннскую муку (38, 282).

Не будем же думать, будто мы, прощая ближнего, оказываем ему благодеяние или великую милость; нет, мы сами получаем благодеяние, извлекаем для себя великую пользу (38, 282).

Если пренебрежем этой заповедью (о прощении), то какому подвергнемся осуждению, поступая вопреки словам своим, дерзая произносить слова молитвы: «и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим», произнося их безрассудно и легкомысленно, накапливая для себя все больше (огня) гееннского и возбуждая против себя гнев Господа? (38, 283).

Если нужно, будем и извиняться, и просить у враждующих прощения, не откажемся от этого, хотя бы мы сами были обижены. Таким способом мы приготовим себе великую награду и твердое упование (38, 870).

Ничто так не уподобляет нас Богу, как прощение людей злых, которые обижают нас (41, 227).

Бог для того только и требует от нас снисхождения к ближним, чтобы Самому иметь случай прощать нам великие согрешения (41, 167).

Ничто так не удерживает обижающих, как кроткое терпение обижаемых. Оно не только удерживает их от дальнейших порывов, но еще заставляет раскаяться и в прежних... (41, 205).

Ты прощаешь другого потому, что сам имеешь нужду в прощении... (41, 225).

Если (обидчик) сделал что-нибудь оскорбительное и враждебное, то оставим это и изгладим из памяти, так чтобы не осталось и следов. Если же и вообще не было нам от него ничего доброго, то тем больше нам награды, больше хвалы, если мы прощаем (42, 261).

Случается, что беснующиеся бьют нас, однако мы не только не гневаемся на них, но и жалеем их. Поступай и ты так — пожалей обижающего: он ведь одержим лютым зверем — яростью, неистовым демоном — гневом (42, 864).

Недостаточно не мстить (это было в Ветхом Завете) — будем делать все для обидевших нас, как для искренних друзей, как для самих себя. Мы подражатели Того, Который после распятия употреблял все меры для (спасения) распявших (43, 94).

Кто простил грехи, принес пользу и своей душе, и душе того,

кто получил прощение, потому что... сделал кротким не только себя, но и его. Преследуя обидевших нас, мы не так уязвляем их души, как прощая их, ибо приводим их этим в смущение и стыд (43, 139).

Оскорбил ли тебя кто? Молчи, благословляй, если можешь; таким образом ты возведешь слово Божие, научишь кротости, внушишь смирение (43, 285).

Человек, простивший ближнему, не может не получить совершенного прощения (от Бога), потому что Бог несравненно человеколюбивее нас... (43, 325).

В подражание Богу будем и мы благотворить врагам; не отвергнем тех, кто ненавидит нас (45, 61).

Любовь к врагам есть любовь к Богу, даровавшему заповеди и законы, есть подражание Ему. Знай же, что, оказывая благоденствия врагам, ты благотворишь не им, а себе, не их любишь, а повинешься Богу (45, 64).

Когда человек, которому нанесена обида, молится за обидевшего, он получает великое дерзновение (45, 105).

Почему ты сделался чадом Божиим? Потому, что ты прощен. На том же основании, на каком удостоен ты столь великой чести, ты и сам прощай ближнему (45, 143).

Кто благословляет своего врага, благословляет себя самого, и кто проклинает его, проклинает себя. Кто молится за врага, тот молится за себя (45, 664).

Кто-нибудь оскорбил тебя? Моли Бога, чтобы Он скорее смилостивился над ним: он брат твой, член твой. Но, скажешь, он чересчур оскорбляет меня. Тем больше будет тебе награда за это. Потому особенно надо оставлять гнев на обидчика, что его ранил диавол. Не укоряй же его еще и ты, и не повергай вместе с ним и самого себя. В самом деле, пока ты стоишь, ты можешь спасти и его; если же ты и себя повергаешь через ответное оскорбление, то кто после этого поднимет вас? Тот ли, раненый? Но он не в состоянии будет сделать этого. Или ты, упавший вместе с ним? Но как же ты, оказавшись не в силах помочь себе, протягиваешь руку другому? Того ранил диавол, не наноси раны еще и ты, а, напротив, извлеки и прежнюю стрелу. Если мы будем так обращаться друг с другом, то вскоре все будем здоровы, а если мы станем вооружаться друг против друга, то не нужно и диавола для нашей гибели (46, 624).

Когда кто-нибудь оскорбит тебя, подумай о том мучении, которое он испытывает, и ты не только не будешь иметь гнева против него, но и прольешь слезы. **Святитель Иоанн Златоуст (46, 624).**

Кто желает одержать блистательную победу, тому нужно не только мужественно переносить оскорбления и обиды, но даже уступать обижающему больше, чем он хочет взять, и избытком собственной щедрости простираться за пределы его лукавого пожелания. А если это кажется тебе странным, то решение примем с Небес, и там прочитаем этот закон. Спаситель не сказал: «кто ударит тебя в правую щеку твою», переноси это

мужественно и успокойся, но повелел: «обрати к нему и другую» (Мф. 5, 39) с готовностью принять удар. Вот блистательная победа! Первое мудро, а второе сверхъестественно и небесно (50, 285).

Царь всего премирного и земного сошел с Небес и принес нам знамение небесного жития, которое и предложил нам в противоположность олимпийской борьбе. Ибо там увенчивается тот, кто наносит удары и одолевает, а **здесь**—кто приемлет их и терпит. Там торжествует воздающий за удар ударом, а здесь восхваляется на ангельском зрелище подставляющий другую щеку, потому что **победа—не** в отмщении, а в мудрости (51, 175).

Хотя обязанный просить у тебя извинения и не просит его, и не беспокоится о **том—почему** и ты мог бы счесть для себя извинительным не прощать ему сделанных против тебя проступков,—однако ты, несмотря на то, прости его, если можно, призвав его к себе, а если это невозможно, сам в себе, не показывая своими поступками, что желаешь отомстить. **Преподобный Исидор Пелусиот** (52, 156).

Мы должны прощать тем, кто нас обидел, зная, что воздаяние за прощение обид превосходит воздаяние за всякую иную добродетель. А если мы не можем этого делать по своей греховности, то должны при бдении и в страдании молить Бога, чтобы Он умилился над нами и подал нам всякую силу. При этом во всякое время, на всяком месте и при всяком деле мы должны иметь одно намерение, чтобы при различных обидах от людей радоваться, а не скорбеть; радоваться же не просто и не без рассуждения, но потому, что имеем случай простить согрешившему против нас и получить (таким образом) прощение собственных грехов. Ибо в этом заключается истинное боговедение, которое необъятнее всякого ведения и с помощью которого мы можем умолять Бога и быть услышаны. В **этом**—плодоносность веры, этим доказывается наша вера во Христа, так мы можем взять свой крест и следовать за Христом. Это основание первых и великих заповедей, ибо посредством этого мы можем возлюбить Бога от всего сердца и ближнего, как самого себя. Для этого мы должны поститься, пребывать в бдении и удручать свое тело, чтобы сердце наше и внутреннее расположение раскрылись, приняли это в себя и уже не извергали. Тогда за то, что мы прощаем ближнему согрешения, благодать, сокровенно данная нам при святом Крещении, начнет действовать в нас уже явно, ощутимо для нашего сознания и чувства. **Преподобный Марк Подвижник** (66, 521).

«Если же согрешит против тебя брат твой, выговори ему; и если покается, прости ему» (Лк. 17, 3). Слышанное нами святое Евангелие учит нас прощению грехов. Слова «семь раз в день» (Лк. 17, 4) сказаны вместо «сколько бы ни было», а не с тем, чтобы, если брат твой согрешит восемь раз, ты отказал ему в прощении. Итак, что значит «семь раз в день?» Всегда, сколько раз ни согрешит и покается. То, о чем в одном псалме сказано: «семикратно в день прославляю Тебя» (**Пс.** 118, 164), в другом

псалме выражается словами: «хвала Ему непрестанно в устах моих» (Пс. 33, 2). И очевидна причина, по которой число «семь» поставлено вместо «всегда», ибо все обращение времени состоит из продолжения и возврата семи дней. Сам Бог Иисус Христос, о Котором апостол Петр сказал: «Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его. Он не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его» (1 Пет. 2, 21—22), вот Он Сам не имел греха, и умер за грехи наши, и пролил Кровь Свою во оставление грехов. Воспринял за нас то, чего не был должен, чтобы избавить нас от долгов. Он не должен был умереть, как мы не должны были жить; почему? потому, что были грешниками. Как для Него смерть, так для нас жизнь не была долгом; но чего не был Он должен, Он принял, и в чем не был нам должен, даровал. А чтобы вы не подумали, что ради отпущения грехов много для вас подражать Христу, внимайте словам апостола: «прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас... подражайте Богу» (Еф. 4, 32; 5, 1). Это слова апостола, не мои: «подражайте Богу». Не слишком ли **надменно** — подражать Богу? Внимай апостолу: «подражайте Богу, как чада возлюбленные» (Еф. 5, 1). Ты называешься чадом; как же ты хочешь наследства, если отказываешься от подражания? Я это сказал бы, даже если бы ты совсем не имел грехов, прощение которых было бы тебе нужно. Теперь же, кто бы ты ни был, ты человек: праведник ли **ты — ты** человек; мирянин **ли — ты** человек; монах **ли — ты** человек; клирик **ли — ты** человек; епископ **ли — ты** человек; апостол **ли — ты** человек. Внимай же словам апостола: «Если говорим, что не имеем **греха**, — обманываем самих себя». Вот он сам, Иоанн, евангелист, которого Господь Иисус Христос любил больше всех, кто возлежал на груди Его, говорит: «Если говорим...». Не «говорите, сказал, что греха не имеее», но: «Если говорим, что не имеем **греха**, — обманываем самих себя, и истины нет в нас. Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды» (1 Ин. 1, 8—9).

Итак, требую, чтобы ты прошал, потому что нахожу тебя требующим прощения. Тебя **просят — прощай**; тебя **просят — и** ты будешь просить, чтобы прощено было тебе. Вот придет время молитвы, и я ловлю тебя в словах, какие ты скажешь. Ты скажешь: «Отче наш, Иже еси на **Небесех**». Ты не будешь в числе сынов, если не скажешь: «Отче наш». Значит, ты скажешь: «Отче наш, Иже еси на Небесех». Продолжай же: «Да святится имя Твое». Скажи далее: «да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли». Потом смотри, что ты прибавляешь: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». Где же твое богатство? Вот ты просишь, как нищий. Но скажи после этого и то, от чего это происходит. Скажи следующее: «остави нам долги наша». Ты дошел до слов моих: «остави, говоришь, нам долги наша». По какому праву? с каким условием? по какому закону? с каким собственным заверением? «якоже и мы оставляем должником нашим». Мало того, что ты не отпускаешь, ты еще и Богу лжешь. Условие положено; закон постановлен: оставь, как Я

оставляю. Значит, Он не оставляет, если ты не оставишь. Оставь, как Я оставляю. Хочешь, чтобы оставлено было тебе, просящему, оставь и ты просящему. Это прощение обещал тебе Сам Законодатель Небесный; Он не обманывает тебя. Проси, следуя Его небесному гласу; скажи: «остави нам... якоже и мы оставляем», и поступай так, как говоришь. Кто лжет в **МОЛИТВАХ** — и теряет свое дело, и подвергается наказанию. Если кто обманывает царя, обличается в обмане, когда тот приходит, а когда ты лжешь в молитве, то в самой же молитве обличаешься.

Нельзя пройти этого стиха, если не выполним, что говорим. Неужели можно изгладить этот стих из нашей молитвы? Неужели хотите сказать: «остави нам долги наша», а следующие слова: «якоже и мы оставляем должником нашим» изгладить? Не изгладить, чтобы тебе не быть изглаженным. Итак, ты говоришь в молитве: «даждь», говоришь: «остави», чтобы получить, чего не имеешь, и да простится тебе. Блаженный Августин (116, **241—242**).

«Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф. 6, **14—15**). Какой простой и подручный способ спасения! Прощаются тебе согрешения при условии прощения прегрешений твоего ближнего против тебя. Сам, значит, ты в своих руках. Переломи себя и от немирных чувств к брату перейди к искренне **мирным** — и все тут. Прощенный день, какой это великий небесный день Божий! Когда бы все мы как должно пользовались им, то нынешний день из христианских обществ делал бы райские общества и земля сливалась бы с Небом... (107, 52)

«Если не будете прощать людям согрешений их (против вас), то и Отец ваш не простит вам согрешений **ваших**», — сказал Господь (Мф. 6, 15). Кто не прощает другим? Праведник или тот, кто сознает себя праведным. Такому ничего не остается, как судить и произносить только приговоры и требовать казни виновным. Кто же чувствует себя грешным, тому до других ли? Не повернется у него язык осудить другого и потребовать от него удовлетворения, когда совесть его самого непрестанно обличает и непрестанно грозит праведным судом Божиим. Итак, не лучше ли грешить, чем праведничать? Нет, всячески ревнуй о праведности. Но, при всей твоей праведности, сознавай, что ты раб неключимый. И сознавай помыслом нераздвоенным, то есть не так, что впереди стоит мысль о своей неключимости, а позади прячется чувство праведности, но полным сознанием и чувством считай себя неключимым. Когда дойдешь до этого (а до этого надо доходить, ибо оно не вдруг приобретается), тогда, как бы ни согрешил против тебя брат твой, взыскивать не станешь, потому что совесть будет твердить: «и не того еще стоишь, мало тебе **этого**», — и простишь; а простив, сам удостоишься прощения. Так всю жизнь: прощение за прощение, а на Суде будет тебе за это всепрощение (107, **301—302**).

Желая знать, сколько раз должно прощать брату, святой Петр спросил, предreshая ответ: «до семи ли раз?» И сказав это, думал,

что назначил самую большую меру. Как коротко терпение человеческое! Господь же, применяя Свое долготерпение к нашим немощам, определил: «не говорю тебе: до семи, но до седмижды семидесяти» (Мф. 18, 21—22). Это то же, что сказать: всегда прощай, и не думай не прощать. Всепрощение и будет отличительной чертой христианского духа, ибо **всепрощение — источник** и постоянная поддержка жизни в нас о Господе, от лица Божия. Всегдашнее прощение всем всего есть внешняя одежда христианской любви, которая, по апостолу «долготерпит, милосердствует... не раздражается... все покрывает (1 Кор. 13, 4—7). Оно же есть самое верное ручательство за прощение и на Последнем Суде, ибо если мы отпустим, отпустит и нам Отец наш Небесный (Мф. 6, 14). Таким образом, если хочешь в **рай** — прощай всем, искренне, от души, чтобы и тени неприязненности не оставалось (107, 225—226).

«Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас (Мф. 11, 28). О божественный, о любезный, о сладчайший Твой глас! Пойдемте же все за призывающим нас Господом! Но прежде надо почувствовать, что нам трудно и тяжело, то есть почувствовать, что у нас много грехов, и грехи эти тяжки. От этого чувства родится потребность искать себе облегчения. Тогда вера укажет нам единственное **прибежище** — в Господе Спасителе, и шаги наши сами собою направятся к Нему. Душа, возжелавшая избавиться от грехов, знает, что сказать Господу: возьми мое тяжкое, греховное бремя, а я возьму Твое благое иго (Мф. 11, 28—30). И бывает так: Господь прощает грехи, а душа начинает ходить в Его заповедях. И **заповеди** — иго, и **грехи** — бремя. Но, сравнив то и другое, душа находит, что иго заповедей легко, как перо, а бремя грехов тяжело, как гора. Не убоимся же охотно принять Господне благое иго и Его легкое бремя! Только так, а не иначе мы можем обрести покой душам нашим. Епископ Феофан Затворник (107, 184—185).

На войне, где люди с людьми сражаются, побеждает та сторона, которая гонит противника, но не так на христианской брани, которая бывает против диавола. Тут побеждает диавола тот человек, который людям, обижающим его, уступает, прощает, не воздает злом за зло. Еще большая язва врагу бывает, когда человек не только не воздает злом за зло, но и любит своих врагов (104, 1549—1550).

Нет ничего безопаснее, как простить, и нет ничего опаснее, как не простить и мстить ближнему за согрешения. «Суд без милости не оказавшему милости» (Иак. 2, 13). Бог по Своей Благодати всем нам являет милость, мы чувствуем ее не только каждый день, но и каждый час. Но когда человек, удостоившись милости Божией, сам не хочет явить милость подобному себе человеку, тогда Бог и Свою милость от него, как неблагодарного и лукавого раба, отнимает. Тогда человек, вместо милости, подлежит праведному Божию Суду и за все свои грехи, какие ни сделал в жизни, будет судим. Видишь, христианин, как страшно и опасно не простить и мстить ближнему (104, 1550).

Христианская любовь требует не мстить брату нашему, который был побежден естественной немощью, поощрен диавольским действием и согрешил против нас, но, умилосердившись, простить, чтобы он от мщения не пострадал и мы бы о том после не жалели, что причинили брату беду. Ибо часто бывает, что как обидевший, так и отомстивший жалеют о случившемся, но сделанного уже не возратить. Потому все это нужно заранее предусмотреть и не допускать гневу перерасти в ненависть и злобу, но сразу же угашать начинающее куриться зло духом кротости и человеколюбия (104, 1550).

Если бы все друг другу мстили, общество не могло бы сохраниться, все бы друг друга истребили во взаимной вражде. «Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг **другом**», — говорит апостол (Гал. 5, 15) (104, 1551).

Если кто тебя обидит, не держи на него гнева, но прости ему тотчас и молись о нем Богу, чтобы и Бог ему простил. И хотя сердце твое не хочет этого, ты его преклоняй и убеждай и молись Господу, чтобы Он помогал тебе самого себя победить, а плотское мудрование умертвить. Трудно это, но требуется от христианина, а тем более от монаха. Надо простить ближнему, если сам хочешь получить прощение от Бога. **Прости** — и тебе простится, если ты не простишь, то и тебе не простится. Страшно это, но истинно, ибо святое Евангелие так учит (104, **1551—1552**).

Притча не что иное значит, как то, что гневающемуся на ближнего и не оставляющему его согрешения Бог не только не оставит грехи, но и прежние его грехи, уже прощенные, возвратит и припомнит. Ибо милостивый царь простил было должнику, но за немилосердие его к брату опять потребовал с него долг и предал мучителям на истязание. Поэтому и заканчивает Господь притчу так: «Так и Отец Мой небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его» (Мф. 18, 35). Поэтому когда получаем прощение наших великих долгов от Бога, то ради этой милости Божией к нам должны и сами прощать малые долги нашим ближним, чтобы и с нами не случилось того же, что с этим лукавым евангельским рабом (104, 1554).

Если бы тебе земной царь повелел не только простить ближнему твоему обиды, но и послужить **ему** — или умереть, что бы ты избрал? **умереть** — или простить и послужить ближнему? Надеюсь, что скорее бы ты захотел простить и послужить ближнему, чем умереть. Небесный Царь повелевает не только прощать оскорбляющих, но и любить врагов, и творить добро ненавидящим. Иначе последует вечная смерть тем, которые не слушают повелений Небесного Царя: «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7, 21) (104, **1554—1555**).

Знай точно, что если будешь отражать обиду обидой и **злословие** — злословием, то есть воздавать злом за зло, тогда будешь уступать место диаволу, ибо он хочет, чтобы мы злом за зло воздавали. И тогда Бог за нас не будет стоять, ибо Бог

говорит: «Мне отмщение, Я воздам» (Рим. 12, 19), поскольку мы тогда сами делаем то, что приличествует одному Богу. А когда будем людям, обидевшим нас, уступать, прощать, молчать, да еще молиться за них и добром за зло их воздавать, тогда диаволу не будет места. Тогда мы не будем ему уступать, но будем стоять против него и противиться ему, ибо диавол не хочет, чтобы мы делали людям добро. В этом состоит христианская победа, которая побеждает не плоть и кровь подобных себе людей, но духа злобы. Святитель Тихон Задонский (104, 1555—1556).

Авва Виталий спросил **авву** Пимена: «Если кто будет иметь ко мне вражду и я попрошу у него прощения, а он не простит меня, что мне тогда **делать?**» — «Возьми с собой двух **братий**, — отвечал **старец**, — и проси у него прощения. Если и опять не простит, возьми других пять; если же и при них не простит, возьми священника. А если и тогда не простит, молись спокойно Богу, пусть Он сам вразумит его, а ты не заботься». Достопамятные сказания (79, 220).

Были два брата по **духу** — **диакон** **Евагрий** и священник Тит. И имели они друг к другу любовь великую и нелицемерную, так что все дивились единодушию их и безмерной любви. Ненавидящий же добро диавол, который всегда ходит, «как рыкающий лев, ища, кого поглотить» (1 Пет. 5, 8), возбудил между ними вражду. И такую ненависть вложил он в них, что они уклонялись друг от друга, не хотели один другого видеть. Много раз братия молили их примириться между собой, но они и слышать не хотели. Когда Тит шел с кадилом, Евагрий отбегал от фимиама; когда же Евагрий не бежал, Тит проходил мимо него, не покадив. И так **пробыли** они много времени во мраке греховном; приступали к святым тайнам: **Тит** — не прося прощения, а **Евагрий** — **гневаясь**, до того озлобил их враг. Однажды сильно разболелся Тит и, будучи уже при смерти, стал горевать о своем прегрешении и послал к диакону с мольбой: «Прости меня, ради Бога, брат мой, что я напрасно гневался на тебя». Евагрий же отвечал жестокими словами и проклятиями. Старцы, видя, что Тит умирает, насильно повели Евагрия, чтобы помирить его с братом. Увидев его, больной приподнялся немного, пал ниц к ногам его и говорил: «Прости и благослови меня, отец мой!» Он же, немилостивый и лютый, отказался перед всеми ними, говоря: «Никогда не примирюсь с **ним** — **ни** в этом веке, ни в будущем». Евагрий вырвался из рук старцев, но вдруг упал. Мы хотели поднять его, но увидели, что он уже мертв. И невозможно было ни руки его выпрямить, ни рта закрыть, как у давно умершего. Больной же тотчас встал, как бы никогда и не был болен. Мы ужаснулись внезапной смерти одного и скорому исцелению другого. Со многим плачем погребли мы Евагрия. Рот и глаза у него так и остались открыты, а руки раскинуты. Тогда мы спросили Тита: «Что все это значит?» И он стал говорить: «Увидел я Ангелов, отступивших от меня и плачущих о душе моей, и бесов, радующихся моему гневу. И тогда начал я молить брата, чтобы он простил меня. Когда же вы привели его ко мне, я увидел Ангела немилостивого, державшего

пламенное копьё, и, когда Евагрий не простил меня, он ударил его, и тот пал мертвым. Мне же Ангел подал руку и поднял меня». Услышав это, мы убоялись Бога, сказавшего: Прощайте, и прощены будете (Мф. 6, 14). **Киево-Печерский Патерик (86, 55—56).**

— Помню, когда мне было 6 лет от **роду,**— вспоминал архимандрит **Кронид,**— я жил в доме отца-псаломщика. Однажды наша лошадь зашла на полосу овса, принадлежавшую соседу, батюшке Иоанну Десницкому. О. Иоанн был настоятелем сельской церкви, при которой отец служил псаломщиком, и, несмотря на всю свою душевную доброту, не был чужд вспыльчивости. Увидев нашу лошадь в своей усадьбе, он поймал ее и как бы в виде залога повел к себе во двор через калитку своих ворот. Вверху калитки торчал большой острый гвоздь. Этим гвоздем лошадь распоролла себе спину от гривы до хвоста. Видя такую беду, батюшка тотчас же выпустил нашу лошадь, которая вернулась домой вся в крови. Мать и старшие дети в возмущении советовали отцу немедленно пожаловаться отцу благочинному, который жил в нашем же селе недалеко от нашего дома. Но отец поплакал о потере лошади, помолился, но жаловаться на о. Иоанна не захотел.

Прошло три дня. Видимо, о. Иоанн ожидал жалобы со стороны моего отца, но, не дождавшись ее, позвал его к себе, опустившись перед ним на колени, сказал: «Прости меня, Господа ради, я виноват перед тобой. Погубил нечаянно твою лошадь. Прошу и молю тебя: возьми эти 50 рублей и купи себе коня на рабочую пору». Долго отец не соглашался брать деньги у батюшки, но батюшка упросил его взять хотя бы 25 рублей. На них отец вскоре купил себе коня и работал на нем все лето. А наша лошадь к этому времени тоже поправилась. Священник о. Иоанн после этого случая был очень добр и внимателен к моему отцу, до смерти продолжал относиться к нему с особенной любовью. **Троицкие цветки (91, 53—54).**

ОБИДЫ

«Мне отмщение, Я воздам»

(Рим. 12, 19)

Ближний обидел тебя и огорчил и сделал тебе множество зла? В этом случае ты сам не мсти ему, чтобы не оскорбить своего Господа; предоставь все Богу, и Он устроит дело гораздо лучше, чем тебе хочется. Тебе Он повелел только молиться за обидевшего, а как поступить с **ним,**— это повелел предоставить Ему. Сам ты никогда не отомстишь за себя так, как Он готов отомстить за тебя, если только предоставишь это Ему, если не будешь молиться о наказании оскорбившего, но передашь суд в Его волю. В самом деле, хотя бы мы и простили обидевшим, хотя бы примирились с ними, хотя бы молились за них, но если они и сами не переменятся и не сделаются лучше, Бог не простит им, не простит, впрочем, для их же пользы. Тебя Он похвалит и одобрит

за мудрость, а (обидчика) накажет, чтобы он не сделался хуже от твоей мудрости (36, 229).

Не будем никогда **злопамятствовать** и питать вражду к тем, кто сделал нам неприятность или другую какую-нибудь обиду. Но представим себе, какое благодеяние и дерзновение перед Господом они доставляют нам, а больше всего, что примирение с оскорбившими нас стирает наши грехи, и поспешим, не замедлим и, размышляя о происходящей от этого пользе, покажем такое расположение к врагам, как если бы они были истинными нашими благодетелями (38, 282).

Обиды, несправедливо претерпеваемые нами от кого бы то ни было, Бог вменяет нам или в отпущение грехов, или в воздаяние награды (41, 91).

Как можно, скажешь ты, не возмущаться? Обидел ли кто тебя? Огради крестным знамением грудь, вспомни все, что происходило на **Кресте,—и** все погаснет. Не думай об одних обидах, но вспомни вместе и о добре, какое ты когда-нибудь получил от обидевшего... Особенно же и прежде всего приведи на мысль страх **Божий—и** вскоре сделаешься умерен и покоен (41, 864).

Подумай, как много ты виновен, и не только не отказывай в прощении обидевшим тебя, но сам спеши к ним, чтобы и у тебя было основание получить прощение. **Святитель Иоанн** Златоуст (41, 798).

Пчела, когда ужалит кого-нибудь, сама погибает. То же претерпевает и христианин, когда как-нибудь своего ближнего обижает и озлобляет. Не может он обидеть ближнего без большей и тягчайшей своей обиды. И чем большую обиду наносит своему ближнему, тем более себя обижает; и чем более другого уязвляет, тем более себя уязвляет... Почему? потому что другого на теле, а себя самого в душе обижает; у другого тело, а у себя душу уязвляет и озлобляет. Насколько лучше и достойней душа, чем тело, настолько больше обида, рана и озлобление ее, чем телесные. Ибо всяким грехом, какой ни делает человек, его душа уязвляется и озлобляется. Согрешит перед ближним, но и рану душе своей наносит. Грехом своим, как жалом, себя уязвляет (104, 1253).

Как благодеяние, являемое ближнему, Христос Бог вменяет Себе: «так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25, 40), так и обида, причиненная ближнему, касается Самого Христа: «Савл, Савл! что ты гонишь **Меня?**» —говорит Христос (Деян. 9, 4), ибо обида касается самого отца, когда обижают сына, и господин себе за обиду вменяет, когда озлобляют его раба. **Бог же—Отец** и **Господь** всех, следовательно, обида, причиняемая людям, как Его рабам, и **Его** самого касается, как Господа и Отца. Как же это страшно, всякий может видеть (104, 1256—1257).

Дети, когда кто их при отце бесчестит или обижает, не мстят сами обидящему, но смотрят на отца и ему свою обиду поручают. Так должны христиане: когда их кто обижает, не сами за себя

мстить, но взирать на Небесного Отца и Ему, как судящему праведно, поручать отмщение, ибо Он говорит: «Мне отмщение, Я воздам» (Рим. 12, 19). **Святитель Тихон Задонский (113, 1253).**

Притчу о двух должниках Господь заключил такими словами: «Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его» (Мф. 18, 35). Кажется, такая малость требуется: **прости—и** будешь прощен; а когда прощен, то и в милость принят; а когда в милость принят, то стал участником во всех сокровищах милости. Стало быть, тут и спасение, и рай, и вечное блаженство. И такое великое приобретение за такую малость! ... Да, малость, но для самолюбия нашего нет ничего тяжелее, чем прощать. Ненамеренную какую-нибудь неприятность, тайно причиненную нам, так, чтобы никто не видел, мы еще, пожалуй, простим, но чуть что почувствительней, да при людях, хоть не **проси—нет прощения**. Бывают обстоятельства, что хочешь-не хочешь, а высказать неудовольствия **нельзя—и** молчишь; но язык-то молчит, а сердце говорит и строит злые планы. Поднимется неприятность еще на одну **линию—и** удержу нет: ни стыд, ни страх, ни **потери—ничто** не удержит. Вскипевшая самость делает человека словно помешанным, и поддавшийся ей начинает городить глупости. Такому несчастью больше всего бывают подвержены не какие-нибудь люди, а чем кто цивилизованней, тем чувствительней к оскорблениям, тем меньше прощает. Снаружи отношения иногда все еще остаются гладкими, но внутри решительный разлад. А между тем Господь требует, чтобы прощали от всего сердца. **Епископ Феофан Затворник (107, 249—251).**

Брат пришел к старцу и говорит: «Отче, я скорблю». Старец спрашивает: «**Отчего?**» — «Некий брат обидел меня, и меня мучит демон, пока я не воздам ему». Старец говорит: «Послушай меня, и Бог избавит тебя от этой страсти. Для примирения с братом пойд **и** в келлию свою, молчи, усиленно молясь Богу об обидевшем тебя брате». Брат сделал, как сказал ему старец. И через семь дней Бог отнял у него гнев ради того принуждения, которое он делал себе из послушания старцу. **Древний Патерик (72, 310—311).**

ОСКОРБЛЕНИЯ

Высшее **наслаждение**—ради Христа быть ненавидимыми, изгояемыми, за веру в Бога терпеть всякое оскорбление и позор. **Преподобный Макарий Великий (33, 342).**

Оскорбил ли кто тебя? Не оскорбляй его взаимно, иначе сам себя оскорбишь. Опечалил ли кто тебя? Не огорчай его со своей стороны, потому что прибыли от этого нет никакой, между тем ты сделаешься подобным ему (42, 338).

Душа нелегко переносит оскорбления, но если подумаем, что прощением обиды мы делаем добро не столько оскорбившему, сколько самим себе, то легко извержем из себя яд гнева (42, 261).

Не увлекайся в первую минуту, оскорбленный, и ты тотчас исправишь все; не поддавайся движению и угасишь все. Великое утешение потерпеть что-либо за Христа (43, 285).

Как враги, обложившие город и осаждающие его извне, когда возбуждают в нем междоусобицу, тогда и одерживают победу, так и оскорбляющий, если не возбудит в нас самих страсти, не в состоянии будет преодолеть нас (43, 434).

Огорчение происходит не столько от свойства оскорблений, сколько от нас самих (43, 433).

Оскорбил ли тебя кто-нибудь, обидел, осмеял? Вспомни, что и сам ты делаешь много подобного в отношении к другим, даже в отношении к Самому Владыке; прости же и извини (обидчика) (45, 891).

Кто не получает чести в настоящей жизни, но терпит презрение, не пользуется никаким уважением, но подвергается оскорблениям и унижению, тот если не приобретает ничего другого, то, по крайней мере, освободится от ответственности за получение чести от подобных себе рабов. Между прочим, он получает и другую пользу: делается кротким и смиренным, и если будет более внимателен к самому себе, никогда не станет превозноситься, хотя бы и захотел (45, 851).

Когда кто-нибудь оскорбляет тебя, смотри не на обидчика, а на движущего им демона и весь свой гнев излей на этого последнего, а того, кто возбуждается им, пожалей (46, 624).

Если оскорбляемый раздражается, то этим самым доказывает, что он сознает за собою то, что про него говорят. Если же он переносит спокойно, то освобождается в глазах присутствующих от всякого подозрения. Если даже он и желает отомстить, то и это будет достигнуто с полным успехом, так как и Бог накажет обидчика за его слова, а раньше еще этого наказания и твоя мудрость будет для него как бы смертельным ударом. Святитель Иоанн Златоуст (46, 626).

Господь, будучи Богом, сделался ради нас человеком, претерпел заушения, оплевания и Крест, и такими страданиями, какие Он претерпел, бесстрастный по Божеству, учит нас и говорит каждому из нас: «Если хочешь ты, человек, обрести Жизнь Вечную и быть вместе со Мною, смирись и ты для меня, как смирился Я для тебя, и, отложив гордое и диавольское свое мудрование, прими удары по лицу, оплевания и заушения и не постыдишься претерпеть все это до смерти. Если же постыдишься ради Меня и Моих заповедей пострадать, как Я пострадал за тебя, то и Я сочту стыдом быть с тобой во Второе Пришествие Мое, когда приду со славою многою и скажу Ангелам Моим: этот постыдился смирения Моего и не захотел оставить славы человеческой, чтобы уподобиться Мне. Теперь же, когда он погубил тленную славу, а Я прославился безмерной славой Отца Моего, стыжусь и Я даже смотреть на него; изгоните его вон. Да возьмется нечестивый и да не видит славы Господней»... Вот что услышат те, которые по видимости исполняют заповеди Христовы, но ради стыда перед людьми не терпят поруганий, бесчестий, заушений и ран, когда следовало бы претерпеть их за заповеди Господни. Ужасайтесь и трепещите, люди, слыша это, и с радостью претерпевайте страдания, какие претерпел Христос для

спасения нашего. Бог заушается от какого-нибудь раба, чтобы дать тебе пример победы, а ты не хочешь принять заушения от подобного тебе человека? Стыдишься, человек, подражать Богу? Как же тебе царствовать и прославляться вместе с Ним в Царствии Небесном, если не потерпишь того же? Если бы Господь захотел последовать твоему правилу и устыдился сделаться человеком ради тебя, тогда неизвестно, что было бы с родом человеческим. **Преподобный Симеон Новый Богослов (60, 457).**

И живущему добродетельно непременно нужно терпеть обиды от порочных. Ибо вооружающаяся на них зависть часто доводит их до осмеяния. Поэтому если непременно нужно терпеть злоречие, то лучше терпеть несправедливо с мудростью; терпеть же справедливо должны порочные. **Преподобный Исидор Пелусиот (52, 296).**

Крайне берегись оскорбить любого человека словом или делом, ибо это тяжкий грех. Когда оскорбляют человека, то и Бог оскорбляется, Который любит человека. Не может оскорбление человека не быть оскорблением Богу. Кто против человека согрешит, тот и против Бога согрешит. Тяжко это, как сам видишь, поэтому как только оскорбишь ближнего, тотчас смиришься перед ним, и со смирением испроси у него прощения, чтобы не подпасть праведному суду Божию. **Святитель Тихон Задонский (104, 1271).**

В одном из египетских общежитий был юноша **грек**, который не мог погасить пламени плотского вожделения никаким воздержанием, никакими усиленными подвигами. Когда сказали об этом искушении отцу монастыря, он употребил для спасения юноши следующий способ. Старец приказал одному из **братий**, мужу важному и суровому, чтобы тот затеял с юношей ссору, осыпал его ругательствами и после нанесения оскорблений пришел жаловаться на него. Это было исполнено: были призваны свидетели, которые дали свидетельство в пользу мужа. Юноша, видя, что он оболган, начал плакать. Ежедневно проливал слезы; будучи очень огорчен, пребывал один; лишенный всякой помощи, лежал у ног Иисуса. В таком положении он провел целый год. По прошествии года старец спросил юношу о помышлениях, которые прежде беспокоили его, не тревожат ли они его до сих пор? Юноша отвечал: «Отец! мне житья нет! До блудных ли помыслов мне?» Таким образом, искусством духовного отца юноша преодолел страсти и спасся. **Отечник (82, 475—476).**

Братия хвалили авве Антонию одного монаха. Когда этот монах пришел, Антоний захотел испытать, перенесет ли он оскорбление. И увидев, что он не переносит, сказал: «Ты похож на село, которое спереди красиво, а сзади разграблено разбойниками». **Достопамятные сказания (79, 6).**

РАДОСТЬ ДУХОВНАЯ

Радость о Господе

Когда после долгого времени уединения в **келлии** твоей, среди дел, и труда, и хранения того, что сокровенно, и при воздержании от всякого повода для чувств осенит тебя сила безмолвия, ты встретишь сперва радость, по временам без причины овладевающую душою твоею, и потом отверзутся очи твои, чтобы по мере чистоты твоей видеть крепость твари Божией и красоту создания. И когда ум путеводится чудом этого видения, тогда и ночь и день будут для него едино в славных чудесах созданий Божиих. И с этого времени страстные чувства в самой душе похищаются приятностью этого видения; и в нем-то, в следующем за ним порядке, начиная с чистоты и выше, восходит ум еще на две ступени мысленных откровений (55, **185—186**).

Возгорается ли в тебе внезапно радость, ни с чем не сравнимым наслаждением своим заставляющая умолкнуть язык? Источается ли непрестанно из сердца некое удовольствие, увлекающая всецело ум?

По временам неощутимо во все тело входит какое-то услаждение и радость, и плотский язык не может выразить этого, пока все земное не будет при этом памятовании почитаться прахом и тщетою. Ибо это истекающее из сердца услаждение иногда в час молитвы, иногда во время чтения, а иногда также вследствие непрестанного занятия и продолжительности мысли согревает ум. А эта радость чаще всего бывает без этих поводов, и очень часто во время простой работы, и так же часто по ночам, когда находишься между сном и пробуждением, как бы во сне и не во сне, бодрствуя и не бодрствуя. Но когда найдет на человека это услаждение, быющее во всем теле его, в этот час думает он, что и Царство Небесное не что иное есть, а это же самое (55, 196).

Когда по действию благодати внезапно бывают в нас великие помыслы и, как сказал святой Марк, бываем в изумлении при мысленном созерцании высшего естества, когда приближаются к нам Ангелы, исполняют нас созерцания, тогда все противное удаляется, и во все то время, в которое человек бывает в подобном состоянии, продолжаются мир и несказанная тишина. Но когда приосенит тебя благодать и приблизятся к тебе святые Ангелы, ограждающие тебя, и при этом приближении отступят все искушающие, ты не превозносишься и не помышляешь в душе, что достиг тихой пристани и неизменяемого воздуха, и совершенно вышел из этого недра противных дуновений, и нет уже более

врага, и злой встречи, потому что многие возмечтали это и подверглись опасности, как сказал блаженный Нил. Или не думай также, что ты выше других, и ты достоин такого состояния, а другие нисколько не достойны по житию их; или, поскольку не имеют они достаточного знания, то и лишаются подобных дарований, а ты имеешь на это право, потому что достиг совершенства святости, и духовной степени, и неизменяемой радости. Напротив, рассмотри лучше в себе нечистые помыслы и те неблагоприличные образы, какие утвердились в уме твоём во время обуревания, в час смятения и беспорядочности помыслов, незадолго до этого восстававших против тебя в слепом омрачении. Подумай, как быстро и уклонился ты в страсти, и беседовал с ними в омрачении ума, не устыдился и не ужаснулся Божественного **видения**, дарований и даров, какие ты принял. И знай, что все это к смирению нашему навел на нас Божий Промысл, который о каждом из нас промышляет и устраивает, что кому полезно. А если превознесёшься дарованиями его, оставит тебя и совершенно падёшь в том, в чем будешь искушаем одними помыслами.

Наконец, знай, что **устоять** — не твоё и не добродетели твоей дело, совершит же это благодать, которая носит тебя в ладонях своих, чтобы ты не приходил в боязнь. Это вложи себе в мысль во время радости, чтобы не превознесся помысел, как сказал наш святой отец. И плачь, и проливай слезы, и припадай при воспоминании о своих грехопадениях во время попушения, чтобы избавиться этим и так приобрести смирение. Впрочем, не отчаивайся, и помыслами смирения умиловив Бога, сделай простибельными грехи свои (55, **201—202**).

Смотри, какие блага порождаются от подвигов. Нередко бывает, что человек преклонил колени к молитве, и руки его воздеты к небесам, лицо устремлено на крест Христов, и все помышления свои собирает он воедино в молитве к Богу. И пока человек молится к Богу со слезами и умилением, в тот самый час вдруг внезапно вскипает в сердце его источник, изливающий утешение, тело его расслабляется, закрываются глаза, лицо поникает к земле, и помышления его изменяются, так что не может он сделать поклона от радости, возбуждающейся во всем теле его. Обрати внимание, человек, на то, что читаешь. Ибо если ты не будешь подвизаться, то не обретешь, и если не будешь с горячностью стучать в двери и непрестанно пребывать при них в бдении, то не будешь услышан (55, **288—289**).

Когда приблизится время воскреснуть в тебе духовному человеку, тогда возбуждается в тебе омертвление для всего, возгорается радость в душе твоей, не уподобляющейся тварям, и помыслы твои заключаются внутри тебя тою сладостью, какая в сердце твоём (55, **403**).

Бывает смирение по страху Божию, и бывает смирение из любви к **Богу**. Иной смирен по страху Божию, другой смирен по радости, а смиренного по радости сопровождают великая простота, сердце возрастающее и неудержимое. **Преподобный Исаак Сирин** (55, **412**).

Истинная радость христиан состоит в Боге. Это их сокровище, утешение, радость и увеселение. Они тому радоваться должны, что веруют и работают Богу не такому, каковы были и есть боги языческие, бездушные, глухие, немые, слепые, «серебро и золото, дело рук человеческих» (Пс. 113, 12—15), но работают **Богу** живому, бессмертному, присносушному, премудрому, всемогущему, все в руке Своей содержащему, о всех промыслиющему, благому и милостивому Создателю и Промыслителю своему. Об этом радоваться велит им Дух Святой: «Радуйтесь, праведные, о Господе» (Пс. 32, 1) и через апостола повелевает всегда радоваться: «Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь» (Флп. 4, 4) (104, 1572).

Не может там не быть радости, где любовь, ибо любовь порождает радость, а «Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 8, 16); и потому где Бог со Своею благодатью, там и радость. А поскольку это сокровище, радость духовную, имеют внутри себя и всегда и везде носят ее в себе, то ничто ее отнять не может: ни счастье и несчастье мира сего, ни честь, ни бесчестье, ни богатство, ни нищета, ни болезнь, ни раны, ни скорбь, ни узы, ни темницы, ни сама смерть. Истинно же любящему Бога и страдать ради Любимого радостно... Так святые мученики с радостью себя предавали на мучение и на смерть за имя сладчайшего Господа Иисуса, как на сладкий духовный пир. И чем большую кто имеет любовь, тем большую чувствует в себе радость, тем безбоязненнее подвизается за имя Христа (104, 1574—1575).

Вера порождает радость и веселье в сердце верующего. Радость эта не о пище и питии, не о чести, не о богатстве, золоте, серебре, не о прочем, чему сыны века сего радуются, ибо эта радость плотская. Но есть радость духовная, радость о Господе Спасе, о благодати и человеколюбии Его, утешение и спокойствие в совести, как учит апостол: «оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа» (Рим. гл. 5). Ибо святое Евангелие есть радостная весть, и вера есть сердечное принятие Евангелия, поэтому приемлющие его непременно **прием-**лют и духовную радость в сердцах, как написано о страже темничном, упоминаемом в Деяниях апостольских: «и возрадовался со всем домом своим, что уверовал в Бога» (Деян. 16, 34). Потому эта радость во многих местах святого Писания предлагается верным, как сладостная духовная пища, что и в Псалмах, Евангелии и апостольских посланиях заметить можно. Святитель Тихон Задонский (104, 1575—1576).

Сердечная радость о **Боге** — предвкушение вечной радости

Эта радость есть предвкушение вечной радости, некоторую часть которой истинные христиане чувствуют уже теперь. Тогда же совершенно насытятся «от тука дома Твоего, и из потока сладостей Твоих» (Пс. 35, 9)... когда «возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом» и прочими патриархами, пророками, апостолами, мучениками и всеми благословенными «в Царстве Небес-

ном» (Мф. 8, 11). Этого сладчайшего и совершеннейшего пира желают с Давидом: «когда приду и явлюсь пред лице Божие» (Пс. 41, 3) (104, 1573).

Явный знак любви Божией есть сердечная радость о Боге. Ибо что любим, о том и радуемся. Так и Божия любовь без радости быть не может. И насколько человек чувствует в сердце своем сладость любви Божией, настолько и радуется о Боге. Ибо любовь, как сладчайшая добродетель, без радости ощущаться не может. Как мед услаждает гортань нашу, когда вкушаем его, так увеселяет сердце наше любовь Божия, когда вкушаем и видим, «как **благ** Господь!» (Пс. 33, 9). Такая радость о Боге изображается во многих местах святого Писания, и особенно в святых псалмах. Эта радость духовная, небесная и есть предвкушение сладости Вечной Жизни (104, 1574).

Божия благодать учит человека радоваться о Боге Спасе своем и порождает в сердце его истинную радость, духовную, небесную, и некое восхищение, и играние, и покой, и мир в совести его: все **это — предвкушение** Вечной Жизни, крупичи от Небесной Трапезы, падающие на сердце человеческое (104, 1571).

Радость эта станет совершенной в Будущем Веке, где откроется прекрасное и вечное Солнце и неизреченно увеселит любящих и видящих Его, когда увидят Его не «как бы сквозь тусклое стекло», но «**лицем** к лицу» (1 Кор. 13, 12) и будут насыщаться этим сладким лицезрением без конца и сытости, и наследуют все блага, ибо «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2, 9). Святитель Тихон Задонский (104, 1573).

Ты знаешь во мне, о Христе, делателя всякого беззакония и поистине сосуд всевозможных пороков; это знаю и я, и исполнен позора и стыда; мною овладела гнетущая печаль и сердце мое одержимо переносимой скорбью. Но таинственно воссиявший мне свет лица Твоего прогнал помыслы, изгладил скорбь и низвел радость в смиренную душу мою. Итак, я и хотел бы, Христе, печалиться, но печаль не пристает ко мне. Печалюсь же я скорее о том, чтобы за эту радость не погибнуть и не лишиться мне, несчастному, будущей радости. Но не лиши меня ее, Владыко, **никогда — ни** ныне, ни в Будущем Веке, Царь мой! Ибо созерцание лица Твоего есть радость: не Ты ли, Боже мой, являешься всяким и единственным благом? Но, доставляя видящим Тебя всякое благо, Ты исполняешь им по причастию и общению тех, на которых взираешь, не тех, которые говорят об этом, увы! как только о будущем, но тех, которые и ныне, находясь в теле, являются достойными Тебя, то есть очистившихся через покаяние. Ты и Сам видишь их, и им даешь ясно видеть Тебя, отнюдь не в привидении или воображении ума, и не одной только памятью, как думают некоторые, но самую истинною божественного и страшного дела, во исполнение поистине божественного Домостроительства. Ибо Ты тогда соединяешь разделенное, будущи Богом спасения для всех грешников.

Ибо принявшие Крещение Твое от младенчества и недостойно

его прожившие всю жизнь будут иметь большее осуждение, нежели не крещенные, ибо они поругали, по словам Твоим (Евр. 10, 29), святую одежду Твою. И Ты, Спаситель, хорошо зная это, даровал нам для вторичного очищения покаяние, запечатлев его благодатию Духа, которую впервые мы получаем от Крещения. Так как Ты не сказал, что благодать подается только через воду, но скорее через Духа и призывание Троицы. Итак, когда мы крещаемся, будучи не сознающими себя детьми, как несовершеннолетние, мы и благодать принимаем несовершеннолетним образом, получая только разрешение от первого преступления. Ради этого одного, думаю, Ты и повелел, Владыко, совершать эту божественную купель, через которую крещаемые входят внутрь виноградаря, получая искупление от тьмы, ада и смерти и совершенно освобождаясь от тления. Виноградарь же, думаю мне, есть рай, из которого ниспали мы, опять воззванные в него. И каким был тогда Адам до грехопадения, такими делаются и все сознательно крестившиеся, кроме тех, которые по нечувствию не приняли умного чувства, производимого действием нисходящего Духа. Подобным же образом все мы, как Адам, получаем и заповеди для делания и хранения их. Эти заповеди, понимаемые духовно, составляют духовный и божественный закон, который посредством тела через делание исполняется телесно. Так как человек двояк, то он нуждается и в двояком законе. Если бы он не вознерадел, то и от добра не отпал бы. Ибо душа одна не может делать добра, но и тело, если оно совершает дела без божественного ведения, не лучше рабочего вола или вьючного животного.

Итак, призванные через Крещение Твое в виноградарь Твой, то есть в рай, и вступив в него, сделавшиеся совершенно безгрешными и святыми, подобно тому, каким был первозданный Адам, затем вознерадевшие об этом спасении и несказанном Промышлении Твоем, сделавшие дела худшие, нежели Адам, презрев человеколюбие Твое и не рассуждая о купели Крещения через Божественного Духа—этом деле страшного Домостроительства Твоего, как могут они вместе с грехами своими удержаться за собою и пребывание внутри рая, что по мнению многих возможно? Как будут допущены в него те святые, которые вновь осквернились*, осквернив, Христе мой, хитон Твой пороками? Да и возможно ли допустить, чтобы Ты, Чистый и Святой, хоть сколько-нибудь мог обитать внутри их грязных сердец? Прочь, сказал Бог, да не будет он** чадом Моим.

Ибо тебе известно***, что и ты крестился, но потом осквернился, как грешил ты, будучи отроком, как неразумно заблуждался. Ты знаешь, сколько ты плакал, сколько сокрушался, как ты отрекся затем от всего мира, будучи едва отмолен отцом твоим

* И не покаяться, разумеется. Ведь раньше св. отец упоминал о покаянии, которое дано нам для вторичного очищения.— *Примеч. пер.*

** Из дальнейших слов видно, что Симеон говорит здесь о себе самом.— *Примеч. пер.*

*** Продолжая и далее вести речь как бы от лица Божия, преп. Симеон припоминает здесь важнейшие события из своей жизни.— *Примеч. пер.*

Симеоном *. Сначала умным только образом через умное чувство Я удостоил тебя голоса, а потом и луча и после этого человеколюбиво явился тебе, как Свет. Затем, приняв вид малого огневидного облака, сидящего вверху на голове твоей, Я доставил тебе одно только созерцание образа и слезы от изумления с великим умилением. Я попалил страсть плоти и мрак головы твоей, так что от них произошел, как ты знаешь, запах сожженного в огне мяса ее. Ты совершенно забыл о тех бедствиях после этого и о той скорби, какую пришлось тебе претерпеть тогда. Но Я, как Бог Всеведущий, знаю ту веру и то смирение, какие ты имел к отцу твоему, и то совершенное отречение воли твоей, которое вменяется у Меня в мученичество. Ибо не имеющий собственной воли совершенно умирает и обретается в Моей воле, потому что он живет во Мне. Итак, вследствие того, что ты был почти таковым, и он** ежедневно понуждал Меня, благого по природе, своими слезами, Я начал, как ты знаешь, чаще являться тебе, мало-помалу очищая душу твою покаянием и сжигая находящееся в тебе вещество **страстей**—**эти** не плотские или вещественные, но незримые терния, как бы мрачные тучи, как бы густую мглу и тьму. После того как ты просветился, разумеется, постом и трудами бдения, молитвы и всякого злострадания и омылся беспрестанными горячими слезами в молитве, в пище и еще более в питии, Я едва сделал тебя **удобовместимым** сосудом; и не только удобовместимым, но и очищенным в огне, чтобы пребывать тебе в нем (внимай) неопалимым. Сделав тебя таким образом таковым, как ты видел тогда, летавший вокруг тебя и окружавший тебя Свет, будучи сам по природе неприступен, весь вошел в тебя и чудным образом изменил тебя прекрасным изменением.

Итак, если ты не всеми твоими делами будешь служить Ему (т. е. Мне), но под некоторым предлогом или без предлога допустить в сердце хотя малый неприязненный помысел против кого-либо и выскажешь его словом или только худо подумаешь о нем, и если при этом горячо, со слезами не раскаяешься, удалив от себя покаянием неприязненный помысел, а равно и всякое дурное расположение сердца, то этот Свет не будет пребывать в тебе, потому что Он есть Божественный Дух, сопребывающий со Мною и Отцом, как Мне единосущный, но тайно и внезапно улетит от тебя, как зашедшее солнце, и, скрывшись как бы во мгновение ока, перестанет быть видимым. Как, в самом деле, может Он пребывать в душе совершенно не очищенной и не пришедшей в чувство покаяния? Или как могла бы снести природу нестерпимого огня та душа, которая исполнена терния страстей и греха? Как бы она вместила сущность совершенно неместимую? Как, будучи тьмою, она соединилась бы со Светом неприступным и не исчезла бы от Его присутствия? Нет, чадо, это никоим образом и совершенно невозможно, потому что Я удален от всех тварей.

* Преп. Симеон разумеет в данном случае своего духовного отца — Симеона Благоговейного. — *Примеч. пер.*

** Т. е. Симеон Благоговейный. — *Примеч. пер.*

Когда же **Я—Творец всего—сделался** тварью, то Я только по плоти стал подобен людям, восприняв также, подобно им, и душу и ум. Сделавшись же Сам человеком, Я не сделал тогда через это всех людей богами, но только через веру и соблюдение Моих заповедей, через Крещение и божественное Причастие Страшных **Таин** Моих, Я всем даю жизнь. Говоря: жизнь, Я разумею Божественного Духа Моего. Однако пусть знают и то имеющие в сердцах своих Духа Моего сияющего, что они имеют, по словам апостола Павла, Того, Кто взывает к Отцу Моему и ко Мне, говоря через них: «Авва, Отче!» (Рим. 8, 14—15). Ибо так как они сделались чадами Божиими, то, познавая Меня, с дерзновением взирают на Меня и называют Меня Отцом. Божественный же Дух к каждому из них, имеющих Его ныне, совершенно истинно говорит в них: о чада, не бойтесь! Вот Я, как видите, внутри вас нахожусь и сопребываю. Раз навсегда Я освобождаю вас от тления и смерти и делаю вас чадами и друзьями Божиими. Вот кем Я вас сделал! Радуйтесь о Господе!

Итак, пусть это будет у людей истинным признаком тех, которые соделались сынами Божиими и наследниками и имеют воспринятого ими Божественного Духа Моего. Отсюда они и христианами называются не по имени, но действительно, делом и истиной. Это достоверное и вожеленное дело бывает с теми, которых Ты, Христе мой, ясно предведal и через Божественного Духа дал им быть сообразными Твоему образу. Для таковых, как для званных Тобою в неизреченную радость, это всегда и везде бывает возможно веки. Для всех же прочих это кажется невозможным, для тех, которые, клевета, совершенно не верят этому и, обольщаясь в собственных мыслях, думают успокоиться, безумные, на пустых надеждах. Говоря свысока и тонко, выражаясь изысканными словами и толкуя все это в отношении к тому, что им любезно, они совершенно небрегут о Твоих страшных заповедях. Не желая искать Тебя, они мнят, что имеют Тебя, если же признаются, что не имеют Тебя, то проповедуют, что Ты **совершенно неуловим** для всех, и как будто никто из людей не может видеть Тебя, и что нет никого, кто превосходил бы их знанием. Поэтому они учат, что Ты либо для всех людей доступен и уловим, либо совершенно неуловим и недоступен. Но, как омраченные, они и в том и в другом случае ошибаются, не разумея вещей Божеских и человеческих.

Даруй им свет ведения, пошли в помощь божественный страх, дай восстать из глубины злоступности и прийти в сознание и чувство того, что они находятся в яме, сидят во тьме, не видя Божественного Света, о котором они берутся говорить и свидетельствовать, не веря тому, что и ныне есть видящие Тебя. Если Ты не озаришь их Светом Твоим и если они сознательно не увидят его, то как они вполне поверят тому, что Ты являешься достойным, собеседуешь с ними и живешь в них ныне и веки, как в друзьях и верных рабах Твоих, по слову Твоему. Но Ты Бог верных, а не неверных. Поэтому Ты совершенно не взираешь на них, ибо как Ты, Спаситель, покажешь им Свет лица Твоего, когда они, отрекаясь от Тебя, утверждают, что вечный Свет Твой не светит в душах

святых? Никак, если они не приобретут, по слову Твоему, великой веры и не станут усердно хранить Твоего Божественного закона, отдавшись ради Тебя даже до смерти на истинное делание Твоих премудрых заповедей. Итак, **это—спасение** всех спасающихся, и нет иного пути спасения, как сказал Ты, о Боже мой! Поддай милость, поддай милость, Спасе, тем, которые нуждаются в Тебе ныне и присно и во веки веков. Аминь (59, **36—41**)*.

Плачу и сокрушаюсь я, когда меня озаряет Свет, и я вижу нищету свою и познаю, где нахожусь, и в каком бренном мире я, смертный, обитаю. Веселюсь же и радуюсь, когда помышляю о данном мне от Бога назначении и славе, видя всего себя украшенным невещественным одеянием, как бы Ангела Господня. Итак, радость эта возжигает во мне любовь к Тому, Кто подает ее и изменяет **меня,—** Богу. Любовь же источает слезные потоки и еще более просвещает меня. Послушайте вы, согрешившие, как и я, против Бога, постарайтесь ревностно подвизаться в делах (благих), чтобы получить вам и удержать вещество невещественного огня (говоря: вещество, я показал Божественную сущность) и возжечь умный светильник души, дабы сделаться солнцами, светящими в мире и совсем невидимыми для живущих в мире, чтобы стать как бы богами, содержащими внутри себя всю славу Божию, в двух сущностях, то есть в двух природах, двух энергиях и двух волях, как говорит Павел (Рим. 7, **14—25**). Ибо одна **воля**—скоропреходящей плоти, **другая**—Духа и **иная**—души моей. Однако я не трояк, но двояк, как человек: душа моя неизменно связана с плотью. И все же каждая (из частей) требует свойственного себе, как тело еды, питья, сна, что я называю земными желаниями плоти. Когда же тело отделится от души, то ничего этого не ищет, но бывает мертвым и бесчувственным, наподобие глины. Всякое же желание (воля) души человеческой, мне думается, едино. Поэтому кто сочетал свою волю с Божественным Духом, тот сделался богоподобным; восприняв в сердце Христа, он (поистине) стал христианином от Христа, имея в себе вообразившимся единого Христа, совершенно неуловимого и поистине неприступного для всех тварей. Но, о природа непорочная! Сущность сокрытая, человеколюбие для многих неведомое, милосердие для неразумно живущих невидимое, существо неизменное, нераздельное, трисвятое, свет простой и безвидный, совершенно несложный, бестелесный, нераздельный и никакою природой неуловимый, каким образом Ты, о Царь, был видим, как и я, познаваем сидящими во тьме, **носим** на руках Твоей Святой Матери, связываем, как убийца, телесно страдал, как злодей, желая, конечно, меня спасти и опять возвести в рай славы? Таково Твое Домостроительство, Слово, таково пришествие, таково благоутробие Твое и человеколюбие, бывшее ради всех нас **людей**—верных и неверных, язычников, грешников и святых. Ибо явление Твое сделалось общим для всех спасением и искуплением.

* Гимн 3. О том, что Святой Дух пребывает в тех, которые сохранили чистым Святое Крещение; от осквернивших же его Он отступает.

Происходящее же сокровенно во мне, блудном, и частным образом совершающееся в известной неизвестности, то есть ведомо для меня, неведомо же для других, какой язык изречет? Какой ум изъяснит? Какое слово выразит, чтобы и рука моя могла написать это? Ибо поистине, Владыко, страшно и ужасно, и превосходит слово то, что мне видится Свет, Которого мир не имеет, и меня любит Тот, Кто не пребывает в этом мире, и я люблю Того, Которого отнюдь нет среди видимого. Сидя на ложе, я нахожусь вне мира, и, пребывая в своей келлии, вижу Того, Кто вечно пребывает вне мира и Кто соделался человеком в мире, с Которым я и беседую, дерзко же будет **сказать**—Которого и люблю*, и Он меня любит*. Одно созерцание Его служит для меня пищей и прекрасным питанием; соединяясь же с Ним, я восхожу превыше небес и знаю, что это истинно и достоверно бывает. Где же тогда находится это **тело**—не знаю. Знаю, что пребывающий недвижимым нисходит ко мне. Знаю, что по природе **невидимый**—**видится** мне. Знаю, что далеко отстоящий от всей твари воспринимает меня внутрь Себя и скрывает в объятиях, и я нахожусь тогда вне всего мира. С другой стороны, и я, смертный и ничтожный, среди мира внутри себя созерцаю всего Творца мира, и знаю, что не умру, пребывая внутри самой Жизни и имея всецелую, внутри меня возрастающую Жизнь. Она и в сердце моем находится, и на Небе пребывает; здесь и там Она видится мне в равной мере блистающей. Но могу ли я хорошо уразуметь, каким образом это бывает? И в состоянии ли я высказать тебе хотя бы то, что понимаю и вижу? Ибо поистине совершенно невыразимо то, чего око не видело, ухо не слышало, и что на сердце плотское никогда не приходило (**Ис.** 64, 4; 1 Кор. 2, 9). Благодарю Тебя, Владыко, что Ты помиловал меня и дал мне видеть это и таким образом записать, и потомкам моим поведать о Твоем человеколюбии, дабы и ныне этим тайнам научались народы, племена и языки, что всех горячо кающихся Ты милуешь, как помиловал апостолов Твоих и всех святых, благодетельствуешь им, почитаешь их и прославляешь, Боже мой, как взыскующих Тебя с великой любовью и страхом, и к Тебе единому **взирающих**—**Творцу** мира, Которому подобает слава и честь, держава и величие, как Царю и Богу и Владыке всего (мира), ныне и всегда непрестанно во веки веков. Аминь.

Преподобный Симеон Новый Богослов (59, 44—47)**

На лицах иноков обители аввы Аполлония сияла дивная радость, некий божественный восторг, какого не увидишь у других людей на земле... Если же кто-либо иногда казался омраченным скорбью, авва Аполлоний немедленно спрашивал о причине печали. Часто, если брат не говорил о причине скорби, авва сам открывал, что таилось у того на душе...

* Понятие «любить» в греческ. языке выражается глаголами: **агапао**, эрао, филое и др. И каждый из них имеет свой оттенок: **агапи** указывает на любовь главным образом как на добродетель; **эрос** —на любовь как на страстное влечение, страсть; **филое** же означает любить в смысле вести дружбу, иметь взаимное уважение. Здесь в обоих случаях употреблен глагол «**филое**». — *Примеч. пер.*

** Гимн 6. Увещание к покаянию и о том, каким образом воля плоти, сочетавшись с волей Духа, содействует человека богоподобным.

Авва Аполлоний говорил, что не должны предаваться скорби те, для кого **спасение**—в Боге и **надежда**—в Царстве Небесном. Пусть скорбят язычники, пусть плачут иудеи, пусть рыдают **грешные**—праведным прилична радость! Если уж те, кто любит все земное, радуются тленным и ненадежным **предметам**,—нам ли не гореть восторгом, если мы только подлинно ожидаем небесной славы и вечного блаженства? Не этому ли учит нас апостол: «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите» (1 Фес. 5, 16—18). **Жизнь пустынных отцов (77, 50).**

Однажды, увидев преподобного Григория Синаита, выходящего из келлии с радостным лицом, я (жизнеописатель святого) в простоте сердца спросил его, чему он радуется. Он ответил: «Душа, прилепившаяся к Богу и снаедаемая любовью к Нему, восходит выше творения, живет выше видимых вещей и, наполнившись желанием Божиим, никак не может укрыться». Ведь и Господь сказал: «Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Мф. 6, 6); и еще: Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5, 16). Ибо когда сердце ликует и веселится, ум в приятном волнении, то и лицо радостно, по поговорке: «Сердце веселится—лицо цветет». **Афонский Патерик (84, 389—390).**

Преподобный Серафим Саровский говорил: «Однажды я молил Господа, чтобы Он ввел меня в общение с Ним и показал мне Свои небесные обители. И Господь не лишил меня Своей милости, Он исполнил мое желание и прошение. Вот я был восхищен в эти обители, только не знаю, с телом или кроме тела, Бог **знает**—это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я вкушал там, сказать невозможно». После продолжительного молчания, вздохнув от глубины души, преподобный Серафим сказал своему ученику еще: «Ах, если бы ты знал, какая радость, какая сладость ожидает душу праведного на Небе, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением... Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания... Там радость и сладость неизглаголаные, там праведники просветятся, как солнце. Но если такой небесной славы не мог изъяснить и сам апостол Павел, то какой же другой язык человеческий может изъяснить славу и красоту горного селения, в котором водворяются праведные души». **Пролог в поучениях (81, 506).**

Радость в скорбях

Христианам посылаются многие скорби, как говорит пророк: «Много скорбей у праведного» (Пс. 33, 20). Правда, но эти скорби извне им посылаются и не отнимают душевной радости. Тело и плоть их оскорбляется, но душа в них веселится, поскольку скорби эти им посланы не как злодеям, но как христианам (1 Пет. 4, 15—16). И потому этими скорбями не погружаются, но еще более возносятся и хвалятся «скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает» (Рим. 5, 3—5). К тому же и скорбь терпеть ради Любимого радостно, как читаем о святых апостолах, которые «пошли из синагедриона, радуясь, что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие» (Деян. 5, 41). Тс же читаем и о святых мучениках. И хотя случается и христианам в духовном искушении печалиться, но они эту печаль побеждают надеждой на Благость Божию, и эта скорбь им обращается в большее утешение, когда проходит то непогодное и бурное время (104, 1578—1579).

Радость эту духовную христиане должны иметь в благополучии и неблагополучии, ибо радость эта проистекает от любви

Божией, которую они всегда должны иметь. Бог, как неизменная Благодать и Любовь, всегда достоин любви. Он и тогда благ и милостив и нам благодетельствует, когда отнимает у нас благополучие временное; и тогда нас милует, когда бьет нас; тогда нас щадит, когда наказывает; тогда нас любит, когда опечаливает; тогда нам благоволит, когда блага Свои отнимает у нас. «Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает» (Евр. 12, 6; Апок. 3, 19). Поэтому как любовь к Богу, так и последующая ей духовная радость не только в благополучии, но и в злополучии должна быть у христиан. Ибо как по радости о Боге познается истинная любовь к Богу, так та же любовь познается и в неблагополучии (104, 1580).

В благополучии и лицемеры, и злые люди радуются, любят Бога и благодарят Бога. Но когда отнимется благополучие, тогда роппнут, негодуют, печалются, а часто и хулят и тем показывают, что они устами, а не сердцем любят Бога, как написано об израильтянах: «льстили Ему устами своими и языком своим лгали пред Ним; сердце же их было неправо пред Ним» (Пс. 77, 36—37), и тем свидетельствуют о себе, что они любят блага **Божии**, а не Самого Бога. Не так правое и боголюбивое сердце, которое Богу во всем покоряется и следует, не так поступает: оно и в благоденствии Бога, как благодетеля своего, благодарит и поет; и в злополучии, как благодетеля своего, признает и хвалит, и исповедуется с Давидом: «Благо мне, что я пострадал» (Пс. 118, 71); и во всякое время, веселое и печальное, с тем же псалмопевцем благословляет Его: «Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих» (Пс. 33, 2). Святитель Тихон Задонский (104, 1581).

Радость о Боге сильнее здешней жизни. И кто обрел ее, тот не только не посмотрит на страдания, но даже не оглянется на жизнь свою, и не будет там других чувств, если действительно была эта радость. Любовь сладостнее жизни, и разумение по Богу, от которого рождается любовь, сладостнее меда и сота. Любовь не пожалеет принять тяжкую смерть за любящих. Любовь есть порождение познания. Преподобный Исаак Сирий (55, 165).

Плотские радости — подлог, подмена радости духовной

Как боголюбие рождает истинную сердечную и неотъемлемую радость, так самолюбие рождает ложную, прелестную и мнимую утеху, которая подобна сновидению, явившемуся и исчезнувшему, оставившему истинную сердечную печаль, угрызение совести, а в будущем **веке** — адское мучение, тем более жестокое и страшное, чем более грешник здесь себя любил и угождал себе. Святитель Тихон Задонский (104, 1576).

РЕВНОСТЬ ПО БОГЕ

Возлюблен Богом тот,
кто с горящей ревностью взыскует Его

Страшен бесам, возлюблен Богом и Ангелами Его тот, кто с горящей ревностью днем и ночью взыскует Бога в сердце своем и искореняет из него прилоги, посылаемые врагом (82, **252**).

Огонь не разгорается в сырых дровах, и божественный жар не возжигается в сердце, любящем покой (55, **285**).

Когда ум возревнует о добродетели, тогда и внешние чувства: зрение, слух, обоняние, вкус и осязание не побеждаются даже такими трудностями, которые для них чужды, необычайны, выходят из пределов естественных сил. А если когда проявится естественная горячность, то и телесная жизнь не ценится более, чем прах. Ибо когда сердце возревнует духом, тело не печалится о скорбях, не приходит в боязнь и не сжимается от страха, но ум, как алмаз, своей твердостью противостоит всем искушениям. Поревнуем и мы духовной ревностью о воле Иисусовой. И будет отогнано от нас всякое нерадение, порождающее в мыслях наших леность, потому что ревность рождает отвагу, душевную силу и телесную старательность. Как устоят демоны, если душа подвигнет против них свою природную сильную ревность? А также и усердие называется порождением ревности. И когда оно приводит в действие свою силу, то придает крепость всякой силе в душе, и она становится безбоязненной (а и венцы исповедничества, какие приемлют подвижники и мученики терпением своим, приобретаются ревностью и усердием, которые порождаются силой естественной горячности); тогда люди и в жестокой скорби мучений делаются бесстрашными. Преподобный Исаак Сирин (55, **225—226**).

Гори духом, подобно святым, чтобы водвориться с **ними** в Царствии Небесном (25, **204**).

Бог, Сокровище милости, требует от нас хоть малой ревности и скоро одаряет и обогащает тех, которые ищут Его с полным сокрушением (25, **366**).

Придите, братия мои, будем ревностны в посте, в молитвах, в чистой любви, чтобы вместе с постниками и благословенными праведниками взойти на Небо и возлечь на вечери блаженств. Преподобный Ефрем **Сирин** (28, **297**).

До смерти борись за истину, и Господь будет бороться за тебя (36, 25).

Когда ревность растрачивается напрасно, душа становится неспособной возрастить зрелый и совершенный плод благочестия (39, 499).

Огонь чем больше охватит дров, тем становится сильнее; так и **ревность — чем** больше возбуждает благочестивых помыслов, тем больше вооружается против остального рода мыслей (43, 82).

Ревность... бывает добром... когда направлена к соревнованию в добрых делах. **Святитель Иоанн Златоуст (46, 24).**

Не словесные утверждения, а деятельное служение позволяет считать человека ревнителем Божественных наставлений. **Преподобный Исидор Пелусиот (50, 117).**

Что это за новое таинство,
Владыко всех,
Которое Ты показал на мне,
потерянном и заблудшем?
Что это за великое чудо,
внутри меня замечаемое
И непостижимое, но

сокровенное?
Ибо во мне видится как бы
Звезда, восходящая вдали,
И становится будто великим

Солнцем,
Не имеющим ни меры, ни веса,
ни предела величине своей.
И становясь малым Сиянием,
снова видится, как Свет,
В середине сердца моего
и во внутренностях моих.

Часто обращающийся и
сжигающий все,
Что в глубине моих внутренностей,
и делающий их светом,
И таким образом с любовью
учащий и вещающий
Мне, совершенно недоумевающему
и ищущему научения

Я — та Звезда прекрасная,
Которая некогда, как ты слышал,
Взошла от **Иакова** — это Я,

не сомневайся.
Я являюсь тебе и Солнцем,
восходящим вдали,
Которое для всех праведных есть
Свет

Неприступный в будущем веке
и Жизни Вечной.
Я являюсь и Сиянием и, как Свет,
созерцаюсь тобою,
Неопалимо сжигая страсти сердца
твоего,
И росой сладости и Божественной
благодати Моей

Омывая нечистоту твою
и совершенно угащая
Телесные угли греховных сластей,
И соделывая все то

по человеколюбию Своему,
Что и древле творил Я во всех

СВЯТЫХ.

Помилуй сетующего,
сжался над сокрушенным
И не прогневайся на меня, что я
снова хочу сказать:
Как Ты, совершенно неместимый,
Звездой от Иакова и являешься
И даже доныне бываешь

для всех?
Как, подобно восходящему солнцу,
показываешься Ты,
Нигде не находящийся и сущий
везде и превыше всякой твари,
И невидимый для всех?

Как Ты бываешь и Сиянием, и мне
видишься Светом,
И сжигаешь вещество, будучи
по существу невестественным?
Как, орошая, Ты омываешь

телесную нечистоту мою,
Весь будучи огнем неприступным
и нестерпимым для Ангелов?
Как обнимаешься тленною
сущностью тела моего

И без смешения смешиваешься
с душою человеческого?
Как, бывая через нее во всем теле
неслиянно,
Ты, неосязаемый, всего меня

обоготворяешь? —
Скажи и не отошли меня
печальным и скорбным.

О дерзость! о бессмыслие!
о неразумные речи!

Как не трепещешь ты так дерзко
вопросать об этом?
Как не сознаешь, что спрашиваешь
о том, что тебе известно?

Но дерзаешь говорить о Боге,
как бы искушая,
И как бы неведущий, притворяясь,
вопросаешь Меня о том, что
знаешь,

Желая со всей ясностью описать
всем свое знание.
Но, однако, будучи

человеколюбив,
Я снисхожу к тебе
И снова стану учить тебя,
так говоря тебе:

Я по естеству невыразим,
 будучи невестим,
 Неоскудеваю, неприступен,
 невидим для всех,
 Неприкосновен, неосязаем
 и по существу неизменен;
 Один в единой вселенной и Один
 со всеми
 Познающими Меня во тьме сей **жизни**,
 Но вне всего мира, вне всего **видимого**,
 Вне чувственного света, и солнца,
 и **тьмы**,
 И места мучения и страшной кары,
 В которое попали гордые рабы,
 Злобно поднявшие голову против
 Меня, своего Владыки.
 Я неподвижен, ибо где Меня нет,
 Чтобы через перемещение я достиг
 Своего места?
 Я и присноподвижен безгранично,
 Ибо куда ты пойдешь искать Меня,
 чтобы найти Меня там?
 Небо, как ничто, произведено
 словом Моим;
 Солнце, звезды и земля
 как бы малым поделим для Меня
 Были, и все прочее также,
что видишь ты.
 Ангелы, видящие Славу славы,
 а не самое естество Мое,
 Задолго прежде них произведены
 Мною.
 Ибо **только помыслил Я**
 произвести небесные силы,
 И они тотчас предстали,
 славослова державу Мою.
 Ты же, сидящий в той самой
 юдоли изгнания,
 Куда ниспали все первые
 преступники,
 То есть Адам и Ева, праматерь **твоя**,
 И злой диавол, их обольстивший,
 Где глубокая тьма, где великий **ров**,
 Где змеи, всегда жалящие вас
 в пяди,
 Где плач, горе и непрестанное
 рыдание,
 Где всякая теснота, беспокойство
 и печаль,
 Смерть и тление всех вас
 содержит,
 Как ты остаешься спокойным
 и беззаботным? как нерадишь
 скажи Мне?
 Как не печешься о злых делах,
 которые ты в мире соделал?
 И не ценишь высоко одного только
 покаяния?
 И не стараешься явить его
истинным?

И не вопрошаешь о нем с великою
 мольбою?
 И тщательно не исследуешь,
 как тебе исправить его,
 Чтобы через него по
 человеколюбию Моему мог
 Получить ты и великое оставление
 беззаконий твоих?
 Но, оставив его, спрашиваешь
 о том, что превыше естества,
 Исследуешь то, что на Небесах,
 лучше же, и не то даже,
 Но испытуешь само естество Мое,
 Того, Кто произвел,
 Как сказано, Небо и все прочее,
 как ничто,
 И хочешь познать то,
 что касается Меня,
 как никто другой не знал.
 О диво! О произволение **человеческое!**
 Ибо хотя и порицал Я тебя, но Я,
 напротив, и хвалю тебя,
 Потому что и **ты**—Мое дело
 и творение.
 Как ты, созданный из земли,
 из глины и праха,
 На ней держимый и с нею
 живущий,
 Все вмещаешь в ничто
 и даже считаешь как бы тенью?
 И, минуя все, ищешь Меня одного,
 Желаешь говорить обо Мне,
 рассказывать про Меня
 И смотреть на Меня,
 если возможно,
 в продолжение всей жизни,
 Не зная ни сна, ни пищи и питья
 И совершенно не заботясь
 об одежде?
 Но как бы деревьями и пнями,
 стоящими вдоль пути,
 Считаешь все славное в мире,
 Пропуская его, как ничто, на пути **жизни**,
 И не задерживая ока ума,
 И не позволяя очам души взирать
 на все это,
 Но воображаешь Меня и обо Мне
одном помнишь,
 И любишь Меня, как никто
 из находящихся с тобою?
 Ибо кто о имени Моем
 радуется сердцем
 И тотчас побуждается к любви
 и желанию?
 Кто, услышав многократное
 упоминание обо Мне,
 Плачет от души, имея в мыслях
 Меня одного?
 Кто со тщанием взыскал познания
 и соблюдения
 Божественных слов или заповедей
 Моих?

Тогда и он называется водою,
 Ибо очищает
 И, соединяясь со слезами, омывает
 всякую скверну.
 Когда же плач угасит
 раздражительность сердца
 При его содействии,
 то Он именуется кротостью.
 Возгораясь же против нечестия,
 Что делается через него же,
 Он называется ревностью.
 Миром же, напротив, и радостью,
 и благостью Он именуется
 Потому, что плачущему подается
 и то и другое,
 И Он производит в сердце, как
 источник, обильную благодать,
 От которой изливается всякое
 сострадание и милосердие,
 Истекающее вовне от души на всех
 окружающих,
 В особенности на желающих
 каяться и спастись.
 Ибо хотя и всех Он милует,
 но этим и помогает,
 И содействует, и одобряет,
 и состраждет во всем,
 Соединяясь с душевным
 произволением их,
 И, усматривая в их уме красоту
 покаяния,
 Приобретает к ним более
 искреннюю любовь.
 Преподобный Симеон Новый Богослов (59, 177—184)*.

Смирением же Он называется
 потому, что все мирское,
 И даже самую душу, и собственное
 тело,
 И всякое совершаемое действие
 человек считает
 Как бы ничем, вкусив Его
 сладости
 И узрев неизъяснимую красоту
 этого Света.
 Зная это, ты более не просил бы
 Меня
 Говорить о таких вещах или точно
 изъяснить тебе,
 Ибо они по природе невыразимы
 и совершенно неизглаголанны,
 Для людей неизреченны, неведомы
 и для Ангелов,
 И для всякой иной тварной
 сущности поистине непостижимы.
 Познай же лучше то, что касается
 тебя или гораздо глубже
 себя самого,
 И тогда познаешь,
 что Я совершенно непостижим
 И сопребываю и люблю одних
 любящих Меня
 И всегда горячо помнящих Мои
 заповеди,
 И никоим образом
 не предпочитающих
 им чего-либо скоротечного:
 С ними Я и буду сопребывать,
 беседуя, ныне и вовеки. Аминь.

«Ревнуйте о дарах духовных»

(1 Кор. 14, 1)

Дай мне, Христе, то чувство, которое однажды Ты мне даровал. Осени меня им, Спаситель, и всего меня внутри его сокрой, не попуская мирскому чувству ни приближаться ко мне, ни входить в меня, ни узвлять всего меня, смиренного раба Твоего, которого Ты один помиловал. Ибо мирское чувство, внезапно вкравшись в похвальную заботу, тотчас производит в жалкой душе моей дурные желания. Ибо оно показывает мне славу, напоминает о богатстве, побуждает приближаться к царям, говоря, что это большое счастье. Как от ветра надувается мех и огонь разгорается в пламя, так и душа та, надмеваясь от этих мыслей, делается напыщенной и сильно рассеивается от желания славы, богатства и расслабляющего покоя — от того, что влечет ее к земле. Тогда она вместе с прославленными и сама стремится быть в славе, со знаменитыми — казаться знаменитой и с богатыми — владеть богатством. И ту душу, которую Ты прославил

* Гимн 40. Благодарение с богословием, и о тех действиях, по которым наименована Божественная Благодать Духа.

Твоим неизреченным светом, которую Сам Ты одел Твоей несказанной славой и явил образом Твоей Божественной светлости, мирское чувство, пленив ум ее и показывая ей царей, напоминая о славе и предлагая богатства мира сего, побуждает в одном воображении страстно желать всего этого.

О помрачение и ослепление! о суетные помыслы, грязные намерения и бесчувственная воля! оставив созерцание неизреченного и нетленного, я думаю и помышляю о земном. Разве цари не умирают и слава не преходит? Разве богатство не рассеивается, как пыль от ветра? Разве тела не истлевают в могилах? И земными имуществами разве не будут владеть другие люди после **них — иные**, а за теми еще иные? И кому, скажи мне, душа моя, раньше принадлежало это богатство? Или кто в этом мире мог приобрести хотя малую вещь, которую и по смерти, так же как при жизни, он взял бы с собой? Никого, конечно, ты решительно не можешь мне указать, кроме милостивых, которые, ничего не стяжав, все раздали бедным. Ибо они-то и являются надежными обладателями розданных имуществ, с тех пор как отдали их в руки Владыки. Все же прочие, которые откладывают и копят богатства, суть нищие и даже хуже всех нищих, ибо нагими, как выброшенная падаль, они повергаются в могилы, будучи и в настоящей жизни несчастными, и в **будущей — странниками** и пришельцами. Итак, чем же хорошим в этих вещах ты, душа моя, услаждаешься? Или что из них ты считаешь достойным того, чтобы его желать? Ничего, конечно, ты не можешь сказать на это, ничего не можешь ответить.

Горе умножающим богатства и собирающим сокровища. Горе желающим воспринимать славу от людей. Горе тем, которые связываются с богатыми, но не жаждут славы Божией и богатства Его, и не ищут того, чтобы только с Ним одним пребывать. Ибо суетен мир, и все, что в **мире**, — суета сует, так как все пройдет; один только Бог всегда будет пребывать вечным и нетленным, и с Ним будут те, которые ныне взыскали Его и Его одного вместо всего возлюбили. Горе тогда будет тем, которые любят ныне мир сей, потому что они осудятся за то навеки. Горе, душа, жаждущим славы человеческой, потому что они лишатся тогда славы Божией. Горе, душа, собравшим богатства, потому что они возжелают там получить каплю воды. Горе, душа, возлагающим надежды на человека, потому что вместе со смертью его рушатся и надежды их, и они окажутся в безнадежности. Горе, душа, тем, которые здесь имеют упокоение, потому что там они примут вечную муку.

Поведай мне, душа моя, о чем ты печалишься? чего из вещей этой жизни желаешь? Скажи мне, и я покажу тебе необходимость и пользу каждой из них. А ты уразумей и познай, что доброго есть в каждой вещи. Скажи: ты желаешь пользоваться славой и похвалами? Так послушай, что такое честь и что бесчестие. Честь состоит в том, чтобы почитать всех, Бога же прежде всего, и заповеди Его стяжать себе, как богатство, претерпевая ради них обиды, злословия и поношения всякого рода. Ибо когда ты, душа, предпримешь какое-либо дело ради чести и славы Божией и за

него нанесут тебе обиды и унижения, тогда ты достигла прочной чести и славы, потому что здесь-то, конечно, и придет к тебе слава Божия; тогда тебя восхвалят все Ангелы, так как ты почтила Бога, Которого и они прославляют. Ты хочешь, душа моя, владеть одеждами и богатством? Послушай, я покажу тебе сейчас вечное богатство. Кайся со слезами, презирай все, будь нищей духом и сердцем, будь нестяжательной, странницей в мире, будь противницей своих противных желаний и, упокоеваясь в воле единого Владыки твоего, ревностно следуй по стопам Его. И тогда Он, замедлив в шествии, позволит тебе, жалкой, уловить Себя. Ты же, увидев Его, возопи и громко воззови. И Он, обернувшись, милостивым оком взглянет на тебя, и даст тебе немного посмотреть на Себя, и, скрывшись от очей твоих, опять оставит тебя. Тогда ты, бедная, горько восплачешь и возрыдаешь, тогда станешь просить смерти, не вынося скорби и не терпя разлуки со сладчайшим Владыкой. Он же, видя тебя в крайней нужде и постоянной в плаче и сетовании, опять внезапно явится и озарит тебя, опять покажет тебе неисчерпаемое **богатство** — неувядающую славу Отчего лика, и, исполнив радости, возвеселит тебя, как и прежде, и таким образом преисполненной радости оставит тебя. Та же радость, которая бывает от мирских слов и помыслов, мало-помалу оставит тебя, и придет к тебе печаль. И так снова, как и прежде, ты горько восплачешь, и возрыдаешь, и взыщешь **Его — Виновника** блаженства, Подателя радости, Который есть прочное и поистине всегда пребывающее богатство. Когда Он будет так испытывать твое произволение, смотри, душа, не ослабей, не обратись вспять, не говори: до каких пор Он будет для меня неуловим? Не говори: зачем, являясь, Он сейчас же снова скрывается? И до каких пор вместо милосердия Он будет доставлять мне одни труды? Не говори: как могу я находиться в таком напряжении до смерти? И не обленись, о душа, искать Владыку! Но, как предавшая себя однажды на смерть и посвятившая Богу, не давай себе послабления и покоя, не ищи ни славы, ни телесного утешения, ни расположения родных. Совершенно не озирайся ни направо, ни налево; как начала, лучше **же** — спеша еще усерднее, старайся всегда уловлять Владыку, ухватиться за Него. И хотя бы тысячи раз Он исчезал и столько же раз являлся тебе, делаясь неуловимым, только таким путем Он будет удержан тобою. Десятки тысяч раз, лучше же до тех пор, пока ты вообще дышишь, еще усерднее ищи Его и беги к Нему. Ибо Он не оставит тебя и не забудет тебя, но, являясь тебе понемногу, все более и более и чаще пребывая с тобою, душа, Владыка, когда ты очистишься, наконец, осиянием света, Сам, придя, **весь** будет обитать в тебе, и с тобою будет пребывать Тот, Кто мир сотворил. И ты будешь обладать истинным богатством, которого мир не имеет, но **только — Небо** и те, которые вписаны там. Если возможно этого достигнуть, то скажи, **чего** еще большего ты желаешь?

Скажи, душа неблагодарная, неразумная, скажи, смиренная душа моя, что больше этого на Небе или на земле, чего тебе следовало бы искать? Творец Неба и Владыка земли и всего, что

на Небе, и что есть в мире, Он, Создатель, Судия и Царь, Сам обитает в тебе, весь открываясь тебе, весь освещая тебя светом, и показывая тебе красоту лица Своего, и давая тебе возможность яснее видеть Его, и делая тебя причастницей собственной славы,—скажи, что иное превосходнее этого? **Ничто**,—конечно, ты мне ответишь. Я же снова скажу: удостоившись такой славы, зачем ты, о душа, все еще стремишься к земле? зачем обольщаешься здешними вещами? получив нетленное, зачем ты льнешь к тленному? Найдя будущее, зачем прилепляешься к настоящему? Старайся, душа, постоянно обладать вечными благами, вся прилепись к ним, душа моя, чтобы и по смерти ты находилась в тех вечных благах, которые приобрела здесь и с ними предстала бы Творцу и Владыке, радуясь с Ним во веки веков. Аминь. Преподобный Симеон Новый Богослов (59, **63—67**)^{*}.

Не может изобразиться красота образа Божия в той душе, которая не старается уклоняться от всего, что запрещает и от чего отводит Божие слово. Надо отвращаться от всего, что противно воле **Божией** и Его святому слову, и принуждать себя ко всему тому, что оно повелевает. Ибо как в том, что повелевает слово Божие, состоят свойства образа Божия: правда, святость, любовь, смирение, терпение, кротость и прочее, так все то, что оно запрещает, противно образу Божию и свойственно скудному образу ветхого человека. И потому душа должна уклоняться от всякого зла и быть прилежной во всяком добре, если она хочет получить от Христа достоинство и красоту, по увещанию Псалмопевца: «уклоняйся от зла и делай добро» (**Пс.** 33, 15), хотя сердце и не склонно. Надо теперь с трудом прилежанием и подвигом искать то, что было дано Богом даром и без нашего труда и что мы потеряли. Тогда Христос, видя такое усилие души, ее старание и труд, по милости Своей, отнимает у нее безобразие и подает славу и красоту Своего образа (104, **1591—1592**).

Нет большего добра, чем вечное добро, и оно одно есть истинное добро, поэтому большие труды и подвиги от нас требуются, чтобы его достичь. «Так бегите, чтобы получить» это вечное добро, говорит святой Павел (1 Кор. 9, 24). Кто его получит? Не тот, кто лежит, но кто бежит. Кто бежит? Тот, кто, оставив позади все прочее, к Нему Одному, как своему центру, стремится, спешит и подвизается. А у кого нет труда и подвига, у того нет и истинного желания. Истинное желание побуждает к труду и заставляет искать способ, чтобы получить желаемое. Кто желает прийти в Москву, или в Петербург, или в Киев, идет по той дороге, которая в те города ведет, а не по иной. Так, желающему прийти к Богу и Его Вечному Царствию нужно идти тесными вратами и узким путем, а не широкими вратами и пространном путем, ведущим в погибель (**Мф.** 7, **13—14**) (104, 1592—1593).

^{*} Гимн 11. О том, что для всякого человека досаждаемого и злостраждущего ради заповеди Божией, само это бесчестие за заповедь Божию является славой и честью; и диалог со своей душой, научающий неисчерпаемому богатству Духа.

Пример ревности подвизающихся ради временных благ должен побуждать к ревности ради Жизни Вечной. **Святитель Тихон Задонский (104, 1594).**

«Не ревнуй до того, чтобы делать зло»

(Пс. 36, 8)

Существует естественная ревность, без которой невозможно преуспевание в деле Божиим. Эта ревность изменилась в противоестественную, и мы ревнуем друг против друга, завидуем друг другу и лжем друг на друга. **Преподобный авва Исаия (82, 173).**

Будь ревностен, но в душе своей, не проявляя этого внешне ни видом, ни словом, ни намеком (57, 46).

Ревностные должны особенно внимать себе, чтобы за осуждение ленивых самим не подвергнуться еще большему осуждению (57, 56).

Нам дана ревность, чтобы мы ревновали добродетелям, а мы ревнуем порокам. **Преподобный Иоанн Лествичник (57, 204).**

Инокую надо весьма остерегаться плотской и душевной ревности, по наружности благочестивой, а в сущности — безрассудной и вредной для души (112, 275—278).

Ревность плотского мудрования всегда сопряжена с разгорячением крови. **Епископ Игнатий (Брянчанинов) (112, 278).**

«Да не будет у тебя других богов...
ибо Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель...»

(Исх. 20, 3—5)

«Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5, 29). Так поступали святые мученики, верные и избранные рабы Христовы. Повелевали им нечестивые цари давать дань — давали; повелевали идти на войну — шли; повелевали работать — работали; повелевали предстоять на трапезе — предстояли; повелевали руду копать — копали; повелевали камни и землю носить — носили; повелевали в заточение, в темницу, в узы идти — не противились; повелевали снять одежды — снимали; повелевали и прочее, не противоречащее закону Божию, — подчинялись. А когда доходило их повеление до презрения Бога, и святым повелевали поклониться идолам, они дерзновенно стояли против нечестивого повеления, не желая слушать своих повелителей, внимая заповеди Единого Истинного Бога: «Я Господь, Бог твой... да не будет у тебя других богов пред лицем Моим» (Исх. 20, 2—3). И тем показали святые, что до тех пор мы должны повиноваться и служить человеку — властелину, пока его повеление согласно с повелением Божиим или не противоречит ему. **Святитель Тихон Задонский (104, 1593—1594).**

Богу приписывается ревность не для того, чтобы ты представлял в Боге какую-нибудь страсть (Божество бесстрастно), но чтобы все знали, что Бог все делает не ради чего-либо другого, а ради тех, о ком ревнует... ради их спасения. **Святитель Иоанн Златоуст (44, 663).**

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО *

Сын Божий бывает сыном человеческим, чтобы, восприняв худшее, подать нам лучшее; Адам обманулся древле и, вождеlev быть Богом, не **сделался**,—человеком делается Бог, чтобы обожить Адама (Постная триодь. 5-я седмица Великого поста, пяток, стихиры на «Господи, воззвах» (113, 262).

Вочеловечение совершилось не в призраке, не мечтательно, но в действительности; не как через трубу Он прошел через Деву, но истинно от Нее воплотился, истинно питался от Нее молоком, действительно, подобно нам, ел и действительно, подобно нам, пил. Ибо если Вочеловечение было призрачно, то и **спасение**—призрак. **Святитель Кирилл Иерусалимский** (113, 264).

Тот, Кто во всей точности исполнил сокровенный Божественный **Совет**,—возлег в вертепе, в ложеснах матери и в яслях; сонмы Ангелов окружали Его. Он сидел на Небе одесную Отца и в то же время почивал в яслях, как бы превыше Херувимов. Но поистине здесь, в яслях, был тогда престол херувимский, престол царский, святое святых, престол единый славный на земле, престол святейший, потому что на нем почивал Христос, Бог наш. **Святитель Григорий Неокесарийский** (113, 262).

Как сделать, чтобы знамение, уже открывшееся в почти языческом Назарете, было дано, по предречению **Исаии**, дому Давидову (**Ис. 7, 13—14**); чтобы Дева, Которая, по приятии во чреве от Духа Святого и после трехмесячного пребывания в доме одной родственницы, до последнего времени чревоношения оставалась жить в Назарете, не помышляя ни о каком путешествии, ни о каком переселении, чтобы она родила Вождя Израилева, по пророчеству Михея, в Вифлееме (Мих. 5, 2)? Для этой цели перст Божий направил и расположил события в такой связи и последовательности, что пророческие предсказания исполнились во всей точности. Всенародная перепись (повеление о которой дано было кесарем Августом)... насколько нечаянно, настолько же с необходимостью повлекла Иосифа в отеческий город Вифлеем. Мария должна была следовать за Иосифом. Земной род Еммануила

* См. также т. I, с. 511—525; т. 2, с. 417—425; т. 4, с. 757—759 настоящего издания.

открылся в то самое время, как пришло Его рождение, и, что несколько дней назад казалось еще несбыточным, Он родился точно по пророческому предсказанию, в Вифлееме. Подлинно, все сделано, чтобы исполнилось предсказание и чтобы сквозь малые и великие дела человеческие было видимо единое великое знамение господствующего над ними дела Божия (113, 261).

Этим Он дает особенное знамение, что, хотя бы грех унизил тебя до скотоподобных страстей и похотей, хотя бы ты совестью принужден был сам обратить к себе пророческое обличение: «человек в чести не пребудет; он уподобится животным, которые погибают» (Пс. 48, 13),—и тогда ты не должен отчаиваться в снисхождении Спаса твоего. Он, не возгнушавшись возлечь в яслях, не возгнушается и в яслях твоей души почить Своею благодатью и Своим миром, если только ты покаянием и верой повергнешь себя перед Ним. **Филарет, митрополит Московский (113, 263).**

Бог перестал быть скрытым от людей. Стало ясным все таинственное в Священном Писании. Это не дивно, ибо Он явился среди людей: «Он явился на земле и обращался между людьми» (Вар. 3, 38); а между людьми что может быть утаенным? «Нет ничего... тайного»... (Мф. 10, 26). Пока Бог пребывал на Небе, пока Он почивал в Своем всемогуществе: «Седя в славе на престоле Божества», до тех пор никто не знал Его сокровенного, Его тайн, не знали даже и Его ближние святые Ангелы, всегда предстоящие Ему: «От века утаенное и Ангелом несведомое таинство». Когда же Он сошел с Неба на землю, когда стал обитать среди людей, тогда о Его сокровенном, о Его тайнах заговорили не только набожные люди, как святой Иосиф, праведная Саломия, не только важные особы, например, три восточных царя, но даже и пастухи беседуют, говорят и рассказывают о сокровенном: «рассказали о том, что было возвещено им о Младенце Сем» (Лк. 2, 17).

... Итак, открылись сокровенные тайны **Божии**, и Церковь ныне воспевает: «Таинство странное вижу и преславное». Что может сравниться с этим таинством? Целое небо с солнцем, луной и звездами, со всем могуществом Божиим вместилося в один малый Вифлеемский вертеп! **«Небо—вертеп»**. Целый лик Херувимов, число которых бесконечно, тысячи тысяч, тьмы тем, на которых Бог **почивает**,—все они уступили свою роль одной Деве, Пречистой и **Преблагословенной** Деве Марии! «Престол херувимский—Дева». Все неисчислимы, неоцененные, невестимые **Божии** сокровища и богатства вложены в тесные ясли, вмещены и покрыты горстью сена! **«Ясли—вместилище»**. О, поистине великое, дивное и преславное таинство явлено миру в нынешний праздник Рождества Христова, явлено не для того, чтобы люди молчали о нем, но говорили, ибо только тайну земного царя подобает таить, таинства же Царя Небесного или дела **Божии** надлежит проповедовать и прославлять.

Тайны **Божии** по своим дивным свойствам совсем не таковы, как тайны людские. Тайну человеческую стоит сказать лишь раз-другой, одному-другому, как уже все узнают ее совершенно. Таинства же **Божии**—чем более о них думаешь и говоришь, чем больше о них проповедуешь, становятся тем сокровеннее, труднее и непостижимее. «Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» (Рим. 11, 33). Проповедовать, однако, о них необходимо.

... Два гостя ныне нашли приют в вертепе. Они прибыли от земли и с Неба. Первый человек, от земли перстный, — это один дивный гость*: Он пришел из Назарета, принесенный в девической утробе. Второй человек — «Господь с Неба» (1 Кор. 15, 47); это другой гость. Он дивен тем, что пришел не из ближнего какого-либо места, но с Неба. В первом — естество, взятое от брения; это земля. В другом — естество, сошедшее свыше, с Небес; назовем его Небом: «Господь с Неба». Бог сделался человеком, а человек — Богом. Небо становится землею, а земля — Небом. Но не так становится Небо землею, чтобы перестало быть Небом, ни земля не изменяется в Небо так, чтобы перестала быть землей. То есть как Бог, сделавшись человеком, не перестал быть Богом, так и человек, сделавшись Богом, не перестал быть человеком, но оба они так соединились между собой, как в том таинстве, о котором апостол говорит: «будут двое одна плоть» (Еф. 5, 31). Здесь соединились оба даже в одно лицо, как прекрасно выражается преподобный Иоанн Дамаскин: «Не в двух лицах разделяемый, но в двух естествах неслитно познаваемый» (103, 869—871).

О дивный вертеп! Ты прекраснее теперь, когда вместил Христа, чем Едем, в котором был Адам. Впрочем, зачем нам называть тебя раем, когда Церковь величает тебя самим Небом: «Небо—вертеп».

Небо—престол Божий, но и в вертепе сидит Бог на Своем святом престоле — на руках Девы. Чем же вертеп теперь меньше Неба? Ведь где Бог, там и Небо. Об этом свидетельствует один предпраздничный трипеснец, читанный на повечерии. В конце его есть такой стих: «Окружаю, яко престол херувимский, Ангелы, ясли, вертеп бо Небо зряху, лежащу в нем Владыще». Обратим внимание на эти слова: «вертеп... Небо... лежащу в нем Владыще». Пока в вертепе не было Владыки Христа, вертеп был вертепом, но если лежит в нем Владыка Христос, вертеп уже не вертеп. Но что же? Он — Небо. Даже самые ангельские очи убедились в этом: «вертеп бо Небо зряху, лежащу в нем Владыще».

Прекрасно поется в богоявленских песнопениях: «идеже бо Царево пришествие, и чин приходит». Вошел Царь Небесный в земной вертеп, и вошло с Ним все Его воинство и Его чин небесный; вошло с ним Небо со всем своим небесным величием. В этот час Сам Бог с воздушного Неба переселился в Вифлеемский вертеп, ибо здесь не один только рожденный Бог Сын: здесь и Бог Отец, родивший прежде веков Сына, ибо Сам Сын говорит: «Видевший Меня видел Отца» (Ин. 14, 9). Здесь же и Дух Святой, исполняющий дивное и несказанное Рождество Христово. Итак, здесь в вертепе целая Святая Троица — это Царь Небесный. Святитель Димитрий Ростовский (103, 872).

В праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы начинают петь: «Христос рождается», готовя верующих к достойной встрече праздника Рождества Христова. Поняв это внушение, и действуй по нему. Углубись в таинство Воплощения Единородного Сына Божия, взойди до начала его в Предвечном Совете Божиим о бытии мира и человека в нем. Усмотри отражение его в сотворении человека. Радостно встретить первое благовестие о нем тотчас после падения. Проследи разумом постепенное его раскрытие в ветхозаветных пророчествах и прообразах. Уясни, кто и как приготовился к принятию Воплощенного Бога, под влиянием божественных воспитательных учреждений и действий, среди Израиля, перейди, если хочешь, за пределы народа Божия и там собери лучи света Божия, светящего во тьме, и сообрази, насколько избранные из всех

* Святитель Димитрий Ростовский допускает гомилетическую персонификацию понятий Божественной и человеческой природы во Христе, преследуя цель возможно более простого объяснения их неслитного и нераздельного соединения. — *Ред.*

народов дошли до предчувствия необыкновенного проявления Божеского Смотрения о людях. Это будет мысленное приготовление. Но тут **пост**—соберись же поговеть, исповедуйся и причастись Святых Христовых **Таин**; это будет приготовление деятельное и жизненное. Если, вследствие всего этого, Господь даст тебе ощутить силу Своего пришествия во плоти, то, когда придет праздник, ты будешь праздновать его не из-за чуждой тебе радости, а из-за своей кровной. Епископ Феофан Затворник (107, 407—408).

Слово в день Рождества Христова Илии Миниятия, епископа Кефалонитского

Великое таинство Домостроительства о Воплощении, как наиболее высокое, благородное и совершенное дело творческой Божественной Премудрости и силы, было **преду**ставлено раньше всего другого всеведущим умом Божиим. Бог, прежде чем предопределил творение Ангелов, или людей, или какой-либо другой твари, в Предвечном Совете уже предопределил Воплощение Божественного Слова. Поэтому Воплощение Божественного слова в Священном Писании называется «началом путей Господних», а Само Воплощенное Божественное **Слово**—«Первороденным всей твари». Эта ипостасная Премудрость Божия говорит о Себе: «Господь имел меня началом пути Своего прежде созданий Своих, искони; от века я помазана, от начала прежде бытия земли» (Притч. 8, **22—23**). И блаженный Павел в первой главе послания к Колоссянам, беседуя об Иисусе Христе, говорит, что Он есть «образ Бога невидимого, рожденный прежде всякой твари» (Кол. 1, 15). Все это священные учителя относят к Иисусу Христу, но не по **Божеству**—так как Он, как Бог, единосущный и соприсносушный Отцу, ни сотворен Богом, ни есть первое из творений, как богохульствовал **Арий**,—а по человечеству, которое именно прежде всего другого и предузрел Бог, как начало Его вечных Божественных определений, как первое из всех творений. Так объясняют Афанасий Великий в III и IV словах против ариан, Кирилл Александрийский во II книге «Сокровищ» (4, 6, 8 гл.), блаженный Августин в I книге о Троице (12 гл.). И совершенно понятно, что Домостроительство о Воплощении было предопределено Богом прежде всех дел, ибо, говоря богословы, Домостроительство о Воплощении прославляет Бога больше, чем все другие дела **Божии**. Все вместе люди, все вместе Ангелы не в силах воздать Богу такую славу, какую воздает Единый Богочеловек-Слово, Который поэтому, обращаясь к Безначальному Отцу Своему, говорит: «Я прославил Тебя на земле» (Ин. 17, 4).

Существует мнение некоторых церковных учителей, что эта тайна, хранящая в сокровищнице Божественного Совета, как драгоценнейшая жемчужина на небесах, была явлена в начале веков через откровение, чтобы Ангелы увидели и удивились чудеснейшему делу Божественной Премудрости. В этом именно Денница нашел повод к тому, чтобы позавидовать ипостасному единению Бога с человеком и, возгордившись своим превосходством, сказать в своем сердце: я, именно я, первый из Серафимов,

небесный и бесплотный, достоин такой чести, а не человек, телесный и земной, я «буду подобен Всевышнему» (Ис. 14, 14). И, таким образом, как молния, ниспал с Небес. Но наконец, «когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего» (Гал. 4, 4). Какое это было время, по исполнении которого Бог от века определил совершиться Воплощению? В шесть дней Бог создал мир: в первый Он создал свет; во второй — небесную твердь; в третий — землю; в четвертый — солнце, луну, звезды; в пятый — животных и в шестой — человека. Как мир был сотворен в шесть дней, точно так же, под руководством естественного и писаного закона, он пережил шесть периодов. Равным образом, как в каждый из шести дней было создано по одному новому творению, так в каждый из шести периодов происходило какое-нибудь выдающееся событие. Первый период Адама, — совершилось миротворение; второй — Ноя, — и произошел потоп; третий — Авраама, — и получило начало обрезание; четвертый — Моисея, — и был дан закон; пятый — Соломона, — и был построен храм; шестой — Ирода, — и прекратилось Иудейское царство. В его-то время и родился Христос во исполнение пророчества Иакова: «Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придет Примиритель, и Ему покорность народов» (Быт. 49, 10). Так и подобало, ибо как в шестой день был создан человек, так в шестой период надлежало быть воссозданным тому же самому человеку. В шестой день создан ветхий человек и в шестой период — Новый; ветхий передал смерть всем живущим — Новый пришел даровать жизнь всем умершим. Тот — отец по естественному рождению, этот — Отец по духовному возрождению; тогда создан человек по образу и подобию Божию — теперь воплощается Бог по подобию и образу человеческому. Но тогда человек получил образ и подобие Божие только по причастию и благодати — теперь Бог получает образ и подобие человека по естеству и по Ипостаси.

Но здесь в рождении древнего и нового Адама, человека и Бога, заключается предмет, достойный нашего созерцания. Когда был сотворен Адам, Бог сперва украсил небо всем светом звезд, землю — всем разнообразием цветов и растений; создал рай сладости и объявил Адама царем творения. Когда же родился Христос, Единородный Сын и Слово Божие, Бог, во-первых, определил быть этому ночью, в пещере и яслях; во-вторых, Тот, Кто родился, был Наследник царства Давида, Избавитель мира, Мессия, о котором предрекли пророки и Которого столько веков страстно чаял израильский народ. И однако Его рождение, вместо того чтобы тотчас быть провозглашенным всему израильскому народу или даже всему Иерусалиму, по крайней мере архиереям, старцам и начальникам города, — это столь великое событие остается тайным и о нем не знает почти никто, за исключением тех немногих пастырей, которым открыл его Ангел. Так славно и открыто было творение человека, которое видели небо и земля, и так сокровенно и безвестно было Рождество Христа, которое совершилось ночью в пещере. И таково рождение Бога, пришедшего спасти человека?! Да. Вот потому-то пусть Рождество

Христа и будет, насколько возможно, сокровенно, пусть будет почти неизвестно миру, пусть кажется, что Этот Рождающийся не есть небесный Царь Славы, а самый бедный, униженный человек земли, чтобы диавол был введен в тем большее заблуждение. Пусть он считает Его теперь простым человеком, чтобы впоследствии познать в Нем Вышнего Бога, что с ним и случилось, когда он, как говорит божественный Златоуст: «Прият **тело** —и Богу приразися; когда прият, еже видяше, и впаде, во еже не видяше. О глубина богатства, премудрости и разума Божия!»

Но как Бог стал человеком, **Слово —плотью**, Безначальный получил начало? Это хотя и есть «для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие» (1 Кор. 1, 23), однако это догмат нашей православной веры, которая учит нас, что поистине «Слово стало **плотию**, и обитало с нами» (Ин. 1, 14); учит нас, что воплотилось Слово, второе лицо Святой Троицы, а не первое, Отец, и не третье, Святой Дух. Во-первых, так как грех уничтожил в человеке образ Божий, то с человеком надлежало соединиться Сыну, Который есть Образ Бога невидимого, как говорит Афанасий Великий в Слове о Вочеловечении и апостол Павел, чтобы снова начертать в человеке прежнюю красоту образа Божия. Во-вторых, как говорит Василий Великий, в начале, по Иоанну, с человеком подобало соединиться Сыну, который есть Слово, Разум, чтобы разрешить неразумие, в которое **впал** человек, когда вследствие греха стал «подобен животным» (Пс. 48, 21). В-третьих, потому, что, как говорят учителя церкви, рожденность есть свойство не Отца, Который не рожден, и не Святого Духа, Который исходит, а Сына, Который потому и называется Сыном, что рождается: подобало родиться Сыну, чтобы был Один и Тот же, Кто теперь рождается один раз и всегда рождается предвечно. Рождение произошло таким образом, что ни Бог не превратился в человека, ни человек в Бога, но Бог воплотился, пребывая Богом, и человек обожился, пребывая человеком, и Тот, Кто был совершенным Богом и совершенным человеком, есть Единый Иисус Христос. Наша вера учит нас, что в единой только Ипостаси Божественного Слова соединились две природы, каждая со своими свойствами, одна Ипостась, которая, однако, не сливает двух **природ** —Божественной и человеческой, которые, однако, не разделяют единой Ипостаси. Тогда как в таинстве Святой Троицы мы веруем в единство природы и троичность лиц, здесь, в тайне Домостроительства Воплощения, мы совершенно отличным образом веруем в единство лица и двойство естества.

Вера учит нас, что это единение естеств стало ипостасным, то есть Один и Тот же, в силу двух естеств, **Богочеловек** —есть Единое и То же, в силу одной Ипостаси, Божественное слово, исповедуемое нами из двух и в двух естествах, как богословствует Афанасий Великий, неслитно, непреложно, нераздельно, не как богоносный человек, а как плотоносец Бог. Вера учит нас, что это Божественное Слово восприняло от той же Девы истинное тело, но, конечно, совершенное, восприняло душу, но и душу совершенную, то есть с разумом и волей, как определяет посланием Софрония святой Шестой Вселенский Собор, вместе **плоть** —и

плоть Бога Слова; в одно и то же время одушевленная разумная **плоть** — и одушевленная разумная плоть Бога Слова.

Вера научает нас, что Слово рождается от Девы, именно **Неискусомужной**, главным образом потому, что Тому Единородному Сыну, который рождается вне времени от Единого Отца на Небесах, надо родиться во времени от единой матери на земле, чтобы у Единого Сына был только Единый Отец, так же как и только единая Мать. «О, бездна богатства и премудрости, и ведения Божия!» (Рим. 11, 33).

Здесь опять открывается бездна страшных чудес: «Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый», — говорит Павел (1 Тим. 1, 15). Велико это чудо, христиане, что Бог стал человеком! Здесь открывается беспредельная Божественная Премудрость и сила. Еще большее чудо, что Бог стал человеком, чтобы спасти человека; здесь открывается беспредельная Божественная Благодать и Любовь. Человек, вследствие преступления Адамова, отступил от Бога, стал чадом гнева Божия, рабом греха, пленником диавола, наследником вечного мучения. Для человека не было посредника, чтобы примирить его с Богом; для человека были заключены врата Небесного Царства и потеряна надежда на спасение. Бог сжалился над созданием Своих рук, Сам сошел на землю, воплотился, чтобы спасти этого человека, то есть показать ему путь к спасению, открыть ему врата Царства Небесного, соединить его с Богом и Отцом, избавить от рабства греху, от плена диавольского, от вечных мучений: «Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибшее» (Мф. 18, 11). Вот цель Домостроительства Воплощения.

Здесь церковные богословы недоумевают. Разве, говорят они, Бог для спасения человека не мог послать другого человека в духе и силе, как для спасения евреев Он послал Моисея? Нет, отвечает Василий Великий при объяснении 48-го псалма: «человек никак не искупит брата своего и не даст Богу выкупа за него: дорога цена искупления их» (Пс. 48, 8—9). Другими словами, человек, какими бы дарованиями и добродетелью он ни обладал, не может выплатить цены, достаточной для искупления только своей души, а тем **менее** — душ всех людей. А если бы Бог послал Ангела? Тоже нет, ибо ни человек, ни Ангел, с их тварной природой и, следовательно, ограниченной силой, не могут понести бремя, выплатить греховный долг, который беспределен. В этом случае должен был сойти Сам Бог, сила Которого беспредельна.

Согласимся, что должен прийти Бог, но если Он хотел соединиться с тварной природой, то выбрал бы лучше Ангельскую, более благородную, чем человеческая. Нет, говорит Павел: «не Ангелов восприимлет Он, но восприимлет семя Авраамово» (Евр. 2, 16). Надлежало спасти человека, и потому человек же должен был и искупить его. Это было необходимо и для того, чтобы диавол, побежденный природой, которую раньше победил, был еще более посрамлен, чтобы тот, кто некогда соблазнил человека, будто желая сделать его Богом, сам был введен в заблуждение, видя Бога, ставшего человеком.

Но как Всемогущий Бог создал нас одним словом, разве не мог

так же, одним словом, спасти нас и, не воплощаясь, разрешить наш долг? Не мог ли простить нам наши грехи? Мог, отвечают Афанасий Великий и Августин, безусловно, мог: «Ибо кто противостанет воле Его?» (Рим. 9,19). Но таким образом мы познали бы крайнее Божие всемогущество и не познали бы крайней Божией благодати. И так Бог только поэтому стал человеком, свидетельствует апостол, «по Своей великой любви, которою возлюбил нас» (Еф. 2, 4). Вот как снизошел Бог и как возвысился человек!

Когда заболел царь Езекия и стал близок к смерти, пророк **Исаия** от имени Божия предрек ему исцеление и показал ему в уверение такое странное знамение: тень на солнечных часах, указывающая время, с того места, куда она опустилась, поднялась на десять ступеней и на десять ступеней вернулось солнце. Это было прообразом чудного Таинства Воплощения Сына Божия. Незаходимое солнце правды преклонило небеса, миновало, как девять ступеней, девять чинов ангельских и сошло на десятую ступень человеческой природы: «явился на земле и обращался между людьми» (Вар. 3, 38). Когда же Бог вочеловечился, униженная тень и ничтожная природа человеческая из того состояния, в какое она ниспала вследствие древнего проклятия, прошла девять ступеней, возвысилась над девятью ангельскими чинами, достигла высшей, десятой **ступени** — Божественной Природы, с которою ипостасно и соединилась; и человек таким образом обожился. «О, бездна богатства и премудрости и ведения **Божия!**» (Рим. 11, 33).

Боже всемогущий! Боже всемудрый! Боже преблагий! Твоя сила могла бы сотворить другой, отличный от этого, мир, несравненно больший; Твоя Премудрость сумела бы создать другой, отличный от этого мир, несравненно прекраснее, но Твоя Любовь не могла и не сумела совершить дело величественнее и прекраснее, чем Домостроительство Твоего Воплощения! «Выше этого она не могла подняться» (Блаженный Августин). Поэтому, видя Тебя новорожденным Младенцем в пещере, в объятиях Девы, мы веруем, что Ты именно Тот, Который царствуешь во светлостях святых, Неразлучимый от блаженных недр Бога и Отца; удивляемся с пастырями, поклоняемся с волхвами и с Ангелами славословим: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!» (Лк. 2, 14). Прибавления к Церковным ведомостям № 51, 1902 г.

Источники раздела

« Тематический материал для проповеди »

1. Писания мужей апостольских. 2-е изд. СПб., 1895.
2. Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, Архиепископа Александрийского. 2-е изд. Сергиев Посад, 1902. Ч. 1.
3. То же, 1902. Ч. 2.
4. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого, Архиепископа Кесарии **Каппадокийския**. 4-е изд. Сергиев Посад. 1900. Ч. 1.
5. То же, 1900. Ч. 2.
6. То же, 1900. Ч. 3.
7. То же, 1901. Ч. 4.
8. То же, 1901. Ч. 5.
9. То же, 1901. Ч. 6.
10. То же, 1902. Ч. 7.
11. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, Архиепископа Константинопольского. М., 1843. Ч. 1.
12. То же, 1844. Ч. 2.
13. То же, 1844. Ч. 3.
14. То же, 1844. Ч. 4.
15. То же, 1847. Ч. 5.
16. То же, 1848. Ч. 6.
17. Творения иже во святых отца нашего Григория Нисского, епископа. М., 1861. Ч. 1.
18. То же, 1861. Ч. 2.
19. То же, 1862. Ч. 3.
20. То же, 1862. Ч. 4.
21. То же, 1863. Ч. 5.
22. То же, 1864. Ч. 6.
23. То же, 1865. Ч. 7.
24. То же, 1871. Ч. 8.
25. Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. 3-е изд. М., 1881. Ч. 1.
26. То же, 1881. Ч. 2.
27. То же, 5-е изд. Сергиев Посад, 1912. Ч. 3.
28. То же, 4-е изд. Сергиев Посад, 1900. Ч. 4.
29. То же, 3-е изд. М., 1887. Ч. 5.
30. То же, 4-е изд. Сергиев Посад, 1901. Ч. 6.
31. То же, 5-е изд. Сергиев Посад, 1913. Ч. 7.
32. То же, 1914. Ч. 8.
33. Преподобного отца нашего Макария Египетского духовные беседы, послания и слова с присовокуплением сведений о жизни и писаниях. 4-е изд. Сергиев Посад, 1904.
34. Преподобного и богоносного отца нашего аввы **Исаии**, отшельника египетского, духовно-нравственные слова. 2-е изд. Сергиев Посад. 1911.
35. Творения иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского. 2-е изд., СПб., 1895. Ч. 1.
36. То же, 2-е изд. СПб., 1899. Т. 2, ч. 1; 1-е изд. СПб., 1896. Ч. 2.
37. То же, 1897. Т. 3.
38. То же, 1898. Т. 4.
39. То же, 1899. Т. 5.
40. То же, 1900. Т. 6.
41. То же, 1901. Т. 7.
42. То же, 1902. Т. 8.
43. То же, 1903. Т. 9.
44. То же, 1904. Т. 10.
45. То же, 1905. Т. 11.
46. То же, 1906. Т. 12.
47. Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. М., 1858. Ч. 1.
48. То же, 1858. Ч. 2.
49. То же, 1859. Ч. 3.
50. Творения святого Исидора **Пелусиота**. М., 1859. Ч. 1.
51. То же, 1860. Ч. 2.
52. То же, 1860. Ч. 3.
53. Писания преподобного отца нашего Иоанна **Кассиана** Римлянина. 2-е изд. М., 1892.
54. Преподобного и богоносного отца нашего Марка Подвижника нравственно-подвижнические слова. 2-е изд. М., 1892.
55. Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина, под-

- вижника** и отшельника, бывшего епископа христоролюбивого града Ниневи. Слова подвижнические. 2-е изд. Сергиев Посад, 1893.
56. Нравственное учение святого отца нашего **Исаака Сирина**. СПб., 1874.
 57. Преподобного отца нашего **Иоанна, игумена Синайской горы**, Лествица. 7-е изд. Сергиев Посад, 1908.
 58. Преподобного отца нашего **Аввы Дорофея**, душеполезные поучения и послания. 10-е изд. М., 1913.
 59. Божественные гимны преподобного **Симеона Нового Богослова**. Сергиев Посад, 1917.
 60. Преподобного **Симеона Нового Богослова** слова. 2-е изд. М., 1892. Вып. I.
 61. То же, 1892. Вып. 2.
 62. Творения преподобного и богоносного отца нашего священномученика **Петра Дамаскина**. М., 1874, Кн. I.
 63. То же, 1874. Кн. 2.
 64. Невидимая брань. Творения преподобного **Никодима Святогорца**. М., 1904.
 65. **Св. Григорий Палама**. Гомилии. Монреаль, 1865.
 66. Добротолюбие. М., 1883 или 3-е изд. М., 1895. Т. 1.
 67. То же, 1885. Т. 2.
 68. То же, 1889. Т. 3.
 69. То же, 1889. Т. 4.
 70. То же, 1890. Т. 5.
 71. Алфавитный Патерик. Супрасль, 1791.
 72. Древний Патерик, изложенный по главам. М., 1874.
 73. Древний Патерик. Избранные сказания. М., 1914.
 74. **Палладия, епископа Еленопольского** Лавсаик, или Повествование о жизни святых и блаженных отцов. СПб., 1850.
 75. **Луг Духовный**. Творение блаженного **Иоанна Мосха**. Сергиев Посад, 1915.
 76. Собеседования о жизни итальянских отцов. Римский Патерик, Казань, 1859.
 77. Жизнь пустынных отцов. Сергиев Посад, 1898.
 78. История боголюбцев. **Блаженный Феодорит**. СПб., 1853.
 79. Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. М., 1845.
 80. Пролог. М., 1877.
 81. Пролог в поучениях. **Гурьев**. М., 1912.
 82. Отечник, избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранные **епископом Игнатием (Брянчаниновым)**. СПб., 1903.
 83. Палестинский Патерик. Вып. 1—8. СПб., 1885—1894.
 84. Афонский Патерик. СПб., 1867. Ч. I.
 85. Афонский Патерик, или жизнеописание святых, на Святой Афонской Горе просиявших. СПб., 1867, Ч. 2.
 86. Киево-Печерский Патерик. Киев, 1893.
 87. Соловецкий Патерик. М., 1895.
 88. Вольно-Почаевский Патерик. М., 1892.
 89. Патерик Троице-Сергиевой Лавры. М., 1892.
 90. Троицкий Патерик. М., 1896.
 91. Троицкие цветки с луга духовного.
 92. Волоколамский Патерик. Богословские труды. М., 1973. Т. 10.
 93. Цветник Пешношский. М., 1898.
 94. Московский Патерик. М., 1912.
 95. Тверской Патерик. Краткие сведения о местночтимых святых. Казань, 1908.
 96. Ярославский Патерик. Ярославль, 1912.
 97. Глинский Патерик.
 98. Оптинский Патерик. 1970, маш.
 99. Митерикон. М., 1908.
 100. Маргарит. М., 1878.
 101. Цветник Духовный. 4-е изд. М., 1897.
 102. Троицкие листки.
 103. Творения иже во святых отца нашего **святителя Димитрия Ростовского**. СПб., Изд. **Сойкина**.
 104. Симфония по творениям **святителя Тихона Задонского**. Приложение к магистерской диссертации: «Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении» доцента архимандрита Иоанна Маслова. Загорск, 1981, Т. 1—5.
 105. **Платон, митрополит Московский**. «Дух, или избранные мысли». М., 1804. Отд. I-е.
 106. То же. М., 1804. Отд. 2-е.
 107. **Епископ Феофан Говоров**. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия. М., 1890.
 108. Сочинения **епископа Игнатия (Брянчанинова)**. Т. I. Аскетические опыты. 3-е изд. СПб., 1905.
 109. То же. Т. 2. Аскетические опыты. 3-е изд. СПб., 1905.
 110. То же. Т. 3. Аскетические опыты. 3-е изд. СПб., 1905.
 111. То же. Т. 4. Аскетическая проповедь и письма к мирянам. 3-е изд. СПб., 1905.
 112. То же. Т. 5. Приношение совре-

- менному монашеству. 3-е изд. СПб., 1905.
113. Священник Григорий Дьяченко. Уроки и примеры христианской веры. Опыт **катихизической** хрестоматии. СПб., 1900.
114. Барсов М. В. Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Деяний святых апостолов. М., 1903.
115. Барсов М. В. Сборник статей по истолковательному и **назидательному** чтению Четвероевангелия. 2-е изд. СПб., 1893. Т. 1.
116. То же, СПб., 1893. Т. 2.
117. Умное делание. О молитве Иисусовой. Сборник поучений святых отцов и опытных ее **делателей**. Изд. Валаамского монастыря, 1936.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ДЛЯ ПРОПОВЕДИ

Евхаристия.....	5
Причащение.....	14
Елеосвящение.....	45
Жизнь земная.....	48
Блага земные.....	56
Заботы.....	61
Зависть.....	67
Заповеди.....	73
Заповеди блаженства.....	85
Зло.....	102
Дьявол. Демоны.....	107
Знамение.....	133
Чудо.....	134
Иконопочитание.....	142
Истина.....	155
Свидетельство истины.....	157
Противление истине.....	168
Крест	170
Крестное знамение.....	189
Крестоношение.....	191
Скорби.....	201
Страдания.....	215
Болезни.....	217
Крещение Господне.....	220
Крещение.....	222
Ложь.....	232
Клевета.....	235
Лукавство.....	240
Двоедушие.....	242
Лицемерие.....	243
Человекоугодие.....	246
Любовь.....	248
Любовь к Богу.....	254
Любовь к ближнему.....	254
✓ Милосердие.....	308
✓ Сострадание.....	326
✓ Мир.....	329
✓ Мир (1).....	333
✓ Примирение.....	343
✓ Миротворчество.....	346
Мир (2).....	348
Творение мира.....	357
Мир(3).....	385
Миропомазание.....	388
Молитва.....	427
Молитва Господня.....	431
Молитва Иисусова.....	527
Молитва к Богородице и святым.....	529
Молитва за ближних.....	530
Молитва за врагов.....	

Монашество.....	532
Мудрость духовная.....	550
Рассудительность.....	558
Надежда.....	562
Нерадение.....	568
Беспечность.....	574
Леность.....	575
Небрежение.....	578
V Нестязательность.....	580
Богатство.....	584
Любостязание.....	593
Сребролюбие.....	597
Пастырство.....	603
Пасомые.....	621
Проповедь.....	624
Печаль по Боге.....	640
Плач.....	645
Плоть.....	657
Блуд.....	665
Похоть.....	673
Пьянство.....	675
Чревоугодие.....	678
Подвижничество.....	684
Безмолвие.....	712
VТрудолюбие.....	723
Покаяние.....	726
Исповедь.....	763
Очищение.....	774
Самооправдание.....	776
Сокрушение.....	777
Поклонение Богу.....	782
Помощь Божия.....	792
Послушание.....	799
Преображение Господне.....	806
Призвание Божественное.....	820
V Прощение.....	834
Обиды.....	843
Оскорбления.....	845
Радость Духовная.....	848
Ревность по Боге.....	859
Рождество Христово.....	868
Источники раздела «Тематический материал для проповеди».....	876

Сдано в наб. 25.02.87. Подп. к печ. 26.04.88. Зак. № 1203.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.